ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИК

Роберт
СОЙЕР

Неандертальский параллакс

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИК

Неандертальский параллакс
Роберт Сойер

Аннотация
Роберт Сойер. Неандертальский параллакс
Гоминиды
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45

Глава 46
Глава 47
Приложение
Интервью с автором
Люди
Пролог
Глава первая
Глава вторая
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 39
Глава 39
Глава 40
Эпилог
Неандертальский мир
Генеалогическое древо Понтера Боддета
Благодарности
Гибриды
От автора

Межмировой «Кто есть кто»
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25

Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Эпилог
Благодарности

Аннотация

Вся трилогия Неандертальский параллакс в одном томе.

Содержание:

1. Гоминиды (роман, перевод В. Слободяна), стр. 5-292

2. Люди (роман, перевод В. Слободяна), стр. 293-586

3. Гибриды (роман, перевод В. Слободяна), стр. 587-876

Роберт Сойер
Неандертальский параллакс

Гоминиды

Южные леса дают нам понять, что не обязательно всё должно быть именно так, что на земле есть место для вида, верного моральным аспектам того, что мы, люди, называем «гуманностью»: уважение к другим, самоограничение, неприятие насилия для урегулирования конфликтующих интересов. Появление таких черт у бонобо даёт нам намёк на то, что они могли бы развиться и у Homo sapiens, если бы его эволюционная история была немного другой.

Ричард Рэнгам и Дейл Петерсон «Демонические самцы: человекообразные обезьяны и истоки людской жестокости»

Никакой приватности всё равно нет. Просто смиритесь.

Скотт Макнили Исполнительный директор «Sun Microsystems»

Посвящается Марселю Ганье и Салли Томашевич,
«чуваку» и «чувихе»,
большим людям и большим друзьям

Глава 1

День первый

Пятница, 2 августа

148/118/24

Тьма была абсолютно непроницаема.

За ней присматривала Луиза Бенуа, постдок[1] из Монреаля двадцати восьми лет, с безупречной фигурой и роскошной гривой каштановых волос, в соответствии со здешними правилами забранной под предохранительную сетку. Она несла вахту в тесной пультовой, погребённой в двух километрах — «миля с четвертью», как она иногда поясняла гостям из Америки с акцентом, который они находили очаровательным — под поверхностью земли.

Пультовая находилась сбоку от платформы, расположенной непосредственно над огромной тёмной каверной, в которой помещалась Нейтринная обсерватория Садбери. В центре каверны

---

[1] notes: 1

Post doctorate — научный сотрудник, имеющий учёную степень Ph.D. (примерный аналог кандидата наук). *(Прим. перев.)*

была подвешена крупнейшая в мире акриловая сфера двенадцати метров («почти сорок футов») в диаметре. Сфера была заполнена 1100 тоннами тяжёлой воды, взятой в аренду у компании «Канадская атомная энергия, Ltd.».

Прозрачную акриловую сферу охватывал геодезический массив стальных балок, несущих на себе 9600 фотоумножительных трубок; каждая из них направлена в центр сферы и с внешнего конца закрыта параболической отражающей крышкой. Всё это — тяжёлая вода, акриловая сфера и окружающая её геодезическая оболочка — находилось внутри каверны высотой в десять этажей, выдолбленной в окружающей норитовой породе и имеющей форму бочки. И эта гигантская каверна была почти до краёв заполнена обычной водой высокой степени очистки.

Луиза знала, что два километра Канадского щита у неё над головой защищают тяжёлую воду от космических лучей. А оболочка обычной воды поглощает природную фоновую радиацию, испускаемую следовыми количествами урана и тория, содержащимися в окружающих горных породах, не давая ей достичь тяжёлой воды. Таким образом, ничто не могло добраться до тяжёлой воды, кроме нейтрино, тех бесконечно малых

субатомных частиц, что были объектом исследований Луизы. Триллионы нейтрино пронзают Землю каждую секунду; в сущности, нейтрино способно пройти сквозь слой свинца толщиной в световой год со всего пятидесятипроцентной вероятностью столкнуться с чем-нибудь.

И всё же Солнце испускает такое чудовищное количество нейтрино, что столкновения время от времени случаются, и тяжёлая вода — идеальная мишень для таких столкновений. Ядро входящего в состав тяжёлой воды водорода содержит протон — как и любое ядро водорода — а также нейтрон. И когда нейтрино случайно ударяет в нейтрон, тот распадается, испуская ещё один протон, электрон, и вспышку света, которую может зарегистрировать фотоумножительная трубка.

Луизины тёмные изогнутые брови поначалу даже не шелохнулись, когда она услышала гудок, означающий детекцию нейтрино — такой сигнал звучал десяток раз на дню, и хотя это было самое волнующее из того, что может произойти здесь, под землёй, само по себе это событие не стоило того, чтобы отрываться от свежего номера «Космополитэн».

Но потом сигнал прозвучал снова, и снова, а потом загудел непрерывно, словно сигнал с элек-

трокардиографа умирающего.

Луиза поднялась из-за стола и подошла к консоли детектора. На ней красовалась рамка с фотографией Стивена Хокинга — разумеется, неподписанной; Хокинг посетил торжественное открытие Нейтринной обсерватории Садбери в 1998. Луиза постучала пальцем по динамику сигнала на случай, если его перемкнуло, но гудение не прекратилось.

Пол Кирияма, костлявый аспирант, ворвался в пультовую, прибыв из какого-то другого места огромной подземного комплекса. Как было известно Луизе, Пол в её присутствии ужасно смущался, но в этот раз за словом он в карман не полез.

— Что за фигня здесь творится? — спросил он.

На детекторной консоли находилась матрица светодиодов 98 на 98, каждый элемент которой обозначал один из 9600 фотоумножителей; они горели все до единого.

— Может, кто-то случайно включил освежение в каверне? — предположила Луиза. Предположение не показалось правдоподобным даже ей самой.

Непрерывное гудение, наконец, смолкло. Пол нажал несколько кнопок, включив систему

видеонаблюдения внутри каверны. Экраны мониторов были совершенно черны.

— Ну, если свет и включали, — сказал он, — его уже выключили. Интересно, что…

— Сверхновая! — воскликнула Луиза, хлопнув своими изящными ладонями с длинными пальцами. — Мы должны связаться с Центральным бюро астрономических телеграмм и установить наш приоритет. — Хотя Нейтринная обсерватория была построена с целью изучения нейтрино, излучаемых Солнцем, она фиксировала нейтрино из любого источника.

Пол кивнул и бухнулся в кресло перед компьютером, активируя закладку с сайтом Бюро. Луиза знала, что об обнаруженном явлении лучше заявить сразу, даже если уверенности в нём нет.

С детекторной консоли прозвучала ещё одна серия гудков. Луиза взглянула на световую матрицу — по ней было разбросано несколько сотен огоньков. Странно, подумала она. Сверхновая должна фиксироваться как направленный поток…

— Может быть, что-то не в порядке с оборудованием? — сказал Пол, очевидно, подумав о том же самом. — Или соединение с одним из умножителей искрит, а остальные регистрируют свечение.

Воздух разорвал скрипучий стон, идущий от

двери — той, что вела на платформу над гигантской детекторной камерой.

— Может быть, нам стоит самим включить свет в камере, — сказала Луиза.

Стон повторился — словно подземное чудовище рыскало в ночи.

— А если это и правда сверхновая? — сказал Пол. — Если включить свет, детектор станет бесполезен, и…

Раздался резкий звук, как от хоккейного щелчка.

— Включи свет!

Пол убрал предохранительную крышку с кнопки выключения и нажал на неё. Мониторы видеонаблюдения вспыхнули белым, затем на них проступило изображение…

— *Mon dieu!* — воскликнула Луиза.

— Что-то внутри ёмкости с тяжёлой водой! — крикнул Пол. — Но как оно туда…

— Ты это видел? — перебила его Луиза. — Оно шевельнулось, и… о боже, это человек!

Стуки и стоны продолжились, а потом…

Они увидели это на мониторах и услышали сквозь стены.

Гигантская акриловая сфера треснула вдоль нескольких швов, что скрепляли её сегменты.

«Tabernacle» — выругалась Луиза, осознавая, что тяжёлая вода сейчас смешивается с обычной H_2O, заполняющей бочкообразную каверну. Её сердце бешено заколотилось. Какое-то мгновение она не знала, что тревожит её больше — потеря детектора, или судьба человека, который, очевидно, тонул внутри него.

— Пошли! — крикнул Пол, направляясь к двери, ведущей на платформу над детекторной каверной. Камеры наблюдения записывали всё происходящее; ничего не будет упущено.

— *Un moment*, — сказала Луиза. Она метнулась через пультовую, схватила телефонную трубку и набрала внутренний номер из списка, висящего на стене.

Ответили после второго гудка.

— Доктор Монтего? — сказала Луиза, услышав ямайский акцент врача шахты. — Это Луиза Бенуа из нейтринной обсерватории. Вы нужны нам прямо сейчас внизу, в пультовой. Человек тонет в детекторной камере.

— Тонет? — удивился Монтего. — Как он туда попал?

— Мы не знаем. Поторопитесь!

— Уже бегу, — ответил доктор. Луиза вернула трубку на место и бросилась к синей двери, за

которой скрылся Пол; она уже успела закрыться. На двери были надписи, которые Луиза помнила наизусть:

> Держать дверь закрытой
> Осторожно, высоковольтные кабели
> Запрещается вносить несертефицированное электронное оборудование
> Состав атмосферы проверен: вход разрешён

Луиза потянула за ручку, открыла дверь и вошла в большое помещение с металлическими стенами.

Сбоку в полу был люк, ведущий непосредственно в детекторную камеру; когда детектор закончили собирать, последние монтажники вышли через этот люк и задраили его. К удивлению Луизы, люк был по-прежнему задраен на все сорок болтов… то есть, конечно, так и должно быть, но ведь человек никак не мог попасть внутрь камеры, кроме как через этот люк…

Окружающие платформу стены были покрыты тёмно-зелёным пластиковым покрытием, предохраняющим её от каменной пыли. Десятки проводов и полипропиленовых трубопроводов свисали с потолка, контуры помещения очерчи-

вали стальные балки. Одна стена была заставлена компьютерным оборудованием; вдоль остальных тянулись полки. Пол что-то искал на одной из них, скорее всего, клещи, достаточно массивные, чтобы отвернуть закрывающие люк болты.

Металл снова мучительно застонал. Луиза бросилась к люку, хотя и не смогла бы ничего сделать голыми руками. Её сердце ёкнуло, когда со звуком, напоминающим автоматную очередь запорные болты взлетели в воздух. Люк резко распахнулся и с грохотом ударился о металлический пол. Луиза отпрыгнула в сторону, но вырвавшийся из люка фонтан холодной воды окатил её с головы до ног.

Самая верхняя часть детекторной каверны была заполнена азотом, который, как понимала Луиза, и вырвался теперь наружу. Водяной фонтан быстро иссяк. Она подошла к открытому люку и заглянула внутрь, пытаясь не дышать. Внутренность каверны была залита светом прожекторов, которые включил Пол, а вода была абсолютно прозрачна, так что пространство просматривалось до самого дна тридцатью метрами ниже.

Луиза с трудом различала гигантские изогнутые сегменты акриловой сферы — показатель преломления у акрила практически такой же,

как у воды, так что в воде его практически не видно. Сегменты, теперь отделённые друг от друга, крепились к потолку тросами из синтетического волокна, иначе они бы погрузились на дно окружающей их геодезической сферы. Люк давал ограниченный угол обзора, и Луиза нигде не видела тонущего человека.

— *Merde!* — Свет внутри каверны погас. — Пол! — закричала Луиза. — Что ты делаешь?

Голос Пола, теперь доносящийся сзади, из пультовой, был едва слышен за шумом вентиляции и плеском воды в огромной каверне у Луизы под ногами.

— Если он ещё жив, — кричал Пол, — то увидит свет, идущий из люка.

Луиза кивнула. Всё, что человек внизу мог теперь видеть — квадратное пятно света, метр на метр размером, на огромном, с его точки зрения, тёмном потолке.

Мгновения спустя Пол вернулся на платформу. Луиза взглянула на него, потом снова посмотрела в открытый люк. Никого.

— Одному из нас нужно спуститься туда, — сказала она.

Миндалевидные глаза Пола стали почти круглыми.

— Но… тяжёлая вода…

— Делать нечего, — сказала Луиза. — Ты хорошо плаваешь?

Пол смутился; Луиза знала, что последнее, чего бы ему хотелось — уронить себя в её глазах. Однако…

— Не особо, — ответил он, опуская взгляд.

Ей и так-то было неловко находиться внизу наедине с тайно влюблённым в неё Полом, но в воде форменный синий комбинезон будет мешать. Однако под ним у неё, как практически у всех сотрудников обсерватории, было лишь нижнее бельё — температура воздуха на такой глубине держалась на тропическом уровне в 40,6°C. Она скинула туфли и расстегнула молнию на комбинезоне. Слава богу, сегодня она надела лифчик, хотя кружев на нём могло бы быть и поменьше.

— Включи снова внутреннее освещение, — сказала она Полу. Пол, молодчина, кинулся исполнять, не мешкая. Пока он не вернулся, Луиза скользнула через люк в холодную воду — вода охлаждалась до десяти градусов, чтобы подавить в ней биологическую активность и уменьшить уровень шумов в фотоумножителях.

Она почувствовала приступ паники, внезапное осознание того, что оказалась на большой высо-

те без всякой опоры — дно было далеко-далеко внизу. Она поболталась на поверхности, высунув голову и плечи в открытый люк, пока панику не улеглась. После этого она сделала три глубоких вдоха, плотно закрыла рот и нырнула.

Видимость под водой была отличная, и глаза совершенно не щипало. Она огляделась в поисках человека, но вокруг было столько обломков акриловой сферы, и…

Вот он!

Он и правда всплыл, а между поверхностью воды и платформой наверху был небольшой просвет — сантиметров пятнадцать. Обычно он заполнен сверхчистым азотом. Несчастный *определённо* мертв; три вдоха в этой атмосфере — и ты труп. Какая ирония — он, вероятно, изо всех сил стремился вверх, к поверхности, надеясь найти там воздух, лишь для того, чтобы быть убитым непригодным для дыхания газом. Нормальный воздух, поступающий через люк, сейчас смешивался с азотом, но для утопленника, похоже, было уже слишком поздно.

Луиза снова всплыла к люку и высунула голову наружу. Пол, нервничая, ждал, что она скажет хотя бы что-нибудь. Однако на это не было времени. Она сделала такой глубокий вдох, какой смогла,

и нырнула снова. Просвет над поверхностью был слишком низкий, чтобы плыть, держа нос над водой, и не стукаться постоянно макушкой о металлический потолок. Человек оказался метрах в десяти. Луиза заработала ногами, покрывая это расстояние с максимально возможной скоростью, но тут…

Облако в воде. Что-то тёмное.

Mon dieu!

Кровь.

Облако окружало голову человека, скрывая его черты. Он не двигался; если ещё жив, то, несомненно, без сознания.

Луиза извернулась, чтобы выставить нос и рот на воздух. Сделала осторожный вдох — воздух уже был вполне пригоден для дыхания — и ухватила человека за руку. Луиза перевернула его — он плавал лицом вниз — так, чтобы его нос и рот оказались над водой, но ему, похоже, было всё равно. Ни пузырей, ничего — никаких следов дыхания.

Луиза потянула его за собой. Это оказалось нелегко — человек был довольно плотного сложения и полностью одет; одежда насквозь пропиталась водой. У Луизы не было времени его разглядывать, но она отметила, что на мужчине

не было ни комбинезона, ни бахил. Он не мог быть горняком с никелевой шахты, и, хотя Луиза бросила лишь один быстрый взгляд на его лицо — белый, светлобородый — он также не был и из штата нейтринной обсерватории.

Пол тем временем свесился с платформы наверху и разглядывал их приближение, опустив голову в воду. В других обстоятельствах Луиза сначала дала бы поднять из воды раненого, а потом бы вылезла сама, но сквозь люк мог пролезть лишь один человек за раз, а втащить наверх тяжёлого незнакомца Полу одному не под силу.

Луиза отпустила руку мужчины и просунула голову в люк, который Пол к этому времени освободил. Некоторое время ей понадобилось, чтобы отдышаться; буксируя тело, она выбилась из сил. Потом она упёрлась ладонями в платформу и начала подниматься из воды. Пол снова присел на краю и помог ей вылезти, после чего они повернулись к плавающему в воде человеку.

Он начал было дрейфовать в сторону, но Луиза изловчилась ухватить его за рукав и вернуть обратно к люку. После этого соединёнными усилиями они потащили его наверх и, наконец, втянули на край платформы. У него до сих пор шла кровь; рана, очевидно, была где-то в районе

виска.

Пол немедленно склонился над утопленником и начал делать искусственное дыхание «рот в рот»; его щёку пятнала кровь каждый раз, как он поворачивал голову посмотреть, не начала ли подниматься грудь раненого.

Луиза тем временем искала пульс на его правой руке. Пульса не было… хотя нет! Вот, вот он! Есть пульс!

Пол продолжал вдувать воздух в рот незнакомца, и, наконец, мужчина издал слабый хрип. Вода и рвота хлынули у него изо рта. Пол отвернул ему голову в сторону, и извергаемая им жидкость смешалась с натёкшей на платформу кровью, частично смывая её.

Незнакомец, однако, по-прежнему оставался без сознания. Луиза, мокрая с головы до ног, замёрзшая и практически голая, начала чувствовать себя неловко. Она влезла обратно в свой комбинезон и застегнулась; Пол украдкой посматривал на ней, хоть и делал вид, что не смотрит.

До прихода доктора Монтего всё ещё оставалось много времени. Нейтринная обсерватория не просто в двух километрах под землёй, она ещё и в километре с четвертью в стороне от ближайшего

подъёмника в шахте номер девять. Даже если клеть в этот момент находилась наверху, а это вовсе не обязательно было так, даже в этом случае доктору Монтего понадобится минут двадцать с лишним, чтобы добраться сюда.

Луиза подумала, что они могли бы снять с незнакомца его промокшую одежду. Она потянулась к его тёмно-серой рубашке, но…

На ней не было пуговиц. И молнии тоже не было. Она не была похожа на водолазку, хотя и имела воротника, и…

А, вот они где! Ряд скрытых застёжек-кнопок располагался на широких плечах. Луиза попыталась их расстегнуть, но они не шевельнулись. Она осмотрела его штаны. Сейчас они были тёмно-зелёными, хотя в сухом виде, должно быть, гораздо светлее. Однако, пояса не было; вместо него талию опоясывал ряд кнопок и складок.

Луизе внезапно пришло в голову, что мужчина может страдать от кессонной болезни. Детекторная камера была тридцати метров в глубину, а кто знает, на какой глубине он был и как быстро всплыл. Атмосферное давление так глубоко под землёй составляло 130% нормы. В тот момент Луиза не смогла сообразить, как это может повлиять на развитие кессонной болезни, но по

крайней мере означало, что больной получает больше кислорода, чем на поверхности, что было, безусловно, к лучшему.

Ничего не оставалось, кроме как ждать; незнакомец дышал, его пульс стабилизировался. Луизе наконец представился случай рассмотреть лицо мужчины повнимательней. Оно было широкое, но не плоское; скулы были скошены назад. А нос его был поистине гигантским — размером со сжатый кулак. Нижнюю челюсть покрывала густая тёмно-русая борода, прямые светлые волосы облепляли лоб. Его черты казались отдалённо восточноевропейскими, но цветом кожи он скорее напоминал скандинава. Широко расставленные глаза были закрыты.

— Откуда он вообще мог взяться? — спросил Пол, усевшись по-турецки на пол рядом с незнакомцем. — Сюда никто не мог спуститься, и потом…

Луиза кивнула.

— И даже если бы смог, то как бы он пробрался в запечатанную детекторную камеру? — Она замолчала и откинула волосы с глаз, только сейчас обнаружив, что в воде она потеряла сетку для волос. — Тяжёлая вода испорчена. Если он выживет после этого трюка, его засудят так, что

мало не покажется.

Луиза обнаружила, что качает головой. Кем может быть этот человек? Может быть, индейский активист, считающий, что шахта осквернила священные земли его народа? Но он был светловолос — большая редкость среди индейцев. На глупую подростковую авантюру тоже не похоже — на вид мужчине было примерно тридцать пять.

Возможно, это террорист или борец против атомных электростанций. Но хотя «Канадская атомная энергия, Ltd.» и предоставила тяжёлую воду, ничем связанным с атомной энергетикой здесь не занимались.

Кем бы он ни был, думала Луиза, если он всё же умрёт от своих ранений, то станет главным кандидатом на Дарвиновскую премию. Это был классический случай эволюции-в-действии: человек совершил нечто неизмеримо глупое, и это стоило ему жизни.

Глава 2

Луиза Бенуа услышала звук открывающейся двери; кто-то прошёл по помещению над детекторной камерой.

— Эй! — крикнула она доктору Монтего. — Мы здесь!

Рубен Монтего, выходец с Ямайки лет тридцати пяти, поспешил к ним. Он брил голову налысо, и поэтому был единственным, кому позволено входить в нейтринную обсерваторию без сетки для волос, однако, как и все остальные, обязан был носить каску. Доктор присел над раненым, взял его за левую руку, повернул запястьем вверх и…

— Это ещё что такое? — спросил Рубен с легко заметным ямайским акцентом.

Луиза тоже увидела это: что-то, по-видимому, вживлённое прямо в кожу запястья — высококонтрастный матовый прямоугольный экран примерно восемь сантиметров в длину и два в ширину. Он показывал строку символов, самый левый из которых менялся примерно раз в секунду. Шесть крошечных бусинок, все разного цвета, выстроились в линию под экраном, а что-то, возможно, линза, находилось сбоку от экрана выше

по руке незнакомца.

— Какие-то супермодные часы? — предположила Луиза.

Рубен, очевидно, решил пока проигнорировать эту загадку; он приложил указательный и средний пальцы к лучевой артерии пострадавшего.

— Пульс хороший, — объявил он. Он несильно хлопнул мужчину по щеке, потом по другой, пытаясь привести его в чувство. — Ну, давай, — сказал он ободряюще. — Давай. Просыпайся.

Наконец, мужчина пошевелился. Он сильно закашлялся, и изо рта вылилось ещё немного воды. Потом его глаза неуверенно открылись. Они оказались поразительного золотисто-карего цвета — Луиза никогда раньше такого не видела. Ему, должно быть, понадобилось какое-то время, чтобы сфокусировать взгляд, потом его глаза округлились. Похоже, вид Рубена поразил незнакомца до глубины души. Он повернул голову и посмотрел на Луизу и Пола. Его лицо по-прежнему выражало глубочайший шок. Он шевельнулся, как будто пытаясь отползти от них.

— Кто вы? — спросила Луиза.

Мужчина смотрел на неё без капли понимания.

— Кто вы? — повторила Луиза. — Что вы пыта-

лись сделать?

— *Дар,* — сказал мужчина как будто с вопросительной интонацией.

— Я должен отвезти его в больницу, — сказал Рубен. — Он получил серьёзный удар по голове; надо сделать снимок.

Мужчина оглядывал металлическую платформу с таким видом, словно не мог поверить своим глазам.

— *Дар барта дулб тынта?* — сказал он. — *Дар хулб ка тапар?*

— Что это за язык? — спросил Пол у Луизы. Та пожала плечами.

— Оджибвейский? — предположила она. Недалеко от шахты располагалась резервация индейцев оджибве.

— Нет, — ответил Рубен, качая головой.

— *Монта хас палап ко,* — сказал незнакомец.

— Мы не понимаем вас, — ответила ему Луиза. — Вы говорите по-английски? — Молчание. — *Parlez-vous français?* — Никакой реакции.

— *Нихонго-га дэкимас ка?* — спросил Пол, что, как предположила Луиза, значило «говорите ли вы по-японски?»

Мужчина по очереди смотрел на каждого из них выпученными глазами, но не делал попыток

ответить.

Рубен встал, потому протянул незнакомцу руку. Секунду он непонимающе смотрел на неё, потом взял её в свою. У него была огромная рука с пальцами-сосисками; большой палец был неестественно удлинён. С помощью Рубена он поднялся на ноги. Он весил, должно быть, килограмм на тридцать больше Рубена, но был очень мускулист. Пол подошёл к незнакомцу с другой стороны и обхватил его рукой, поддерживая. Луиза шла впереди них троих, придерживая дверь в пультовую, которая после того, как вошёл Рубен, автоматически закрылась.

В пультовой Луиза надела свои бахилы и каску; Пол сделал то же самое. В касках имелись встроенные фонарики и ушные протекторы, которые опускались вниз в случае необходимости. Все также надели защитные очки. Каска Рубена всё ещё было на нём. Пол нашёл ещё одну, лежащую на металлическом шкафу, и протянул её раненому, но доктор отмахнулся от неё.

— Не хочу, чтобы ему что-то давило на голову, пока мы не сделаем снимки, — сказал он. — Ну что ж, давайте доставим его наверх. Я вызвал скорую перед тем, как спуститься сюда.

Вчетвером они покинули пультовую и по кори-

дору прошли к выходу из обсерватории. Обсерватория поддерживала режим «чистой комнаты» — хотя какое теперь это имеет значение, горько подумала Луиза. Они прошли мимо пылесосной камеры — похожей на душевую кабинку установки, которая удаляла пыль и грязь с одежды всех входящих в обсерваторию. Потом миновали ряд собственно душевых кабинок: каждый входящий обязан был принять душ, но на выходе этого тоже не требовалось. Здесь был пункт первой помощи, и Луиза видела, как Рубен посмотрел в сторону шкафчика с надписью «Носилки». Но раненый передвигался вполне уверенно, так что доктор жестом приказал идти дальше.

Они включили фонарики на касках и начали свой километровый с четвертью путь по сумрачному тоннелю с грязным полом. Грубо обтёсанные стены тоннеля были утыканы стальными прутами и затянуты сверху металлической сеткой; так глубоко под землёй неукреплённая скальная стена под весом двухкилометрового слоя горных пород рухнула бы, заполняя любую полость.

По дороге, особенно когда они пересекали участки, где скапливалась вода, раненый всё меньше опирался на сопровождающих; он опре-

делённо приходил в себя.

Пол и доктор Монтего вели оживлённую дискуссию по поводу того, каким образом этот человек мог попасть внутрь запечатанной камеры. Луиза тем временем погрузилась в невесёлые раздумья о разрушенном нейтринном детекторе — и о том, как это отразится на финансировании её исследований. Всю дорогу им в лицо дул ветер — огромные вентиляторы постоянно засасывали воздух с поверхности.

Наконец они добрались до подъёмника. Рубен по пути сюда заблокировал клеть на этом уровне, 6800 футов — здешние таблички и указатели были изготовлены ещё до перехода Канады на метрическую систему. Клеть до сих пор ожидала их, наверняка к неудовольствию шахтёров, которым требовалось подняться или спуститься.

Они вошли в клеть, и Рубен несколько раз нажал кнопку, сообщая оператору наверху, что можно включать лебёдку. Подъёмник дёрнулся и пошёл вверх. В клети не было внутреннего освещения, и Рубен, Луиза и Пол выключили фонарики на касках, чтобы не слепить друг друга их светом. Свет проникал внутрь через открытую переднюю стену и только тогда, когда клеть через каждые двести футов проходила мимо освещён-

ных уровней. В этом прерывистом освещении Луиза разглядывала угловатые черты лица незнакомца и его глубоко посаженные глаза.

По мере подъёма у Луизы несколько раз закладывало уши. Скоро они проехали уровень 4600 футов, её любимый. «Инко» выращивало здесь саженцы для проектов по восстановлению лесов вокруг Садбери. Температура здесь постоянно держалась на уровне 20°; добавление искусственного освещения превратило шахту в великолепную теплицу.

В голову Луизы лезли всякие безумные мысли, словно из выползшие из «Секретных материалов»: о том, как можно попасть внутрь детекторной сферы, не тронув болтов, которыми задраен ведущий туда люк. Он она держала их при себе; если что-то подобное и приходило в голову Рубену и Полу, они тоже не торопились это озвучивать. Всему найдётся рациональное объяснение, убеждала себя Луиза. Обязательно найдётся.

Клеть продолжала свой долгий подъём; незнакомец тем временем окончательно пришёл в себя. Его одежда всё ещё была влажной, хотя постоянно дующий в шахте ветер успел её подсушить. Незнакомец попытался отжать свою рубаху; несколько капель упали на выкрашен-

ный жёлтой краской металлический пол клети. Потом он своей огромной ладонью убрал со лба прилипшие к нему мокрые волосы, открыв взгляду — Луиза даже ахнула, хотя в шуме и бряканье работающего подъемника вряд ли кто её услышал — огромный надбровный валик над глазами, словно сплюснутый логотип «Макдональдс».

Наконец, клеть дёрнулась и остановилась. Пол, Луиза, доктор Монтего и раненый незнакомец вышли из неё, миновав небольшую группу озадаченных и сердитых шахтёров, ожидающих спуска. Вчетвером они поднялись по пандусу в обширное помещение, где шахтёры каждый день оставляют свою городскую одежду и переодеваются в рабочие комбинезоны. Двое санитаров уже ждали их.

— Я Рубен Монтего, — сказал им Рубен, — врач предприятия. Этот человек едва не утонул и получил травму черепа… — Доктор и двое санитаров продолжали обсуждать состояние пациента, выводя его из здания шахты на свет горячего летнего дня.

Пол и Луиза последовали за ними; доктор, раненый и санитары погрузились в «скорую» и умчались прочь по засыпанной гравием дороге.

— И что теперь? — спросил Пол.

Луиза нахмурилась.

— Нужно позвонить доктору Ма, — сказала она. Бонни Джин Ма была директором Нейтринной обсерватории Садбери. Её офис находился в Карлтонском университете в Оттаве, почти в 500 километрах отсюда. В обсерватории её видели редко; всё оперативное управление было переложено на плечи постдоков и аспирантов, таких, как Луиза и Пол.

— И что мы ей скажем? — спросил пол.

Луиза посмотрела в направлении, куда «скорая» увезла своего невозможного пассажира.

— *Je ne sais pas,* — ответила она, медленно качая головой.

Глава 3

Началось всё *гораздо* более спокойно.

— Здравый день, — тихо сказал Понтер Боддет, подпирая голову согнутой рукой и оглядывая Адекора Халда, стоящего перед раковиной умывальника.

— Привет, засоня, — отозвался Адекор, поворачиваясь и прислоняя мускулистую спину к чесательному столбу. Он задвигался влево-вправо. — Здравый день.

Понтер улыбнулся Адекору. Ему нравилось смотреть, как Адекор двигается, как перекатываются его грудные мышцы. Понтер даже не представлял себе, как бы он пережил утрату своей партнёрши Класт без поддержки Адекора, хоть они и не всё время были вместе. Когда Двое становились Одним — последний такой период закончился только что — Адекор уходил к своей партнёрше и ребёнку. А дочери Понтера взрослели, и он в этот раз их почти не видел. Конечно, есть много женщин постарше, чьи мужья умерли, но женщины, настолько умудрённые опытом — настолько, что имеют право голосовать! — вряд ли заинтересуются мужчиной возраста Понтера,

видевшего всего 447 лун.

Но хотя у дочерей нашлось для не слишком много времени, Понтер всё равно был рад с ними повидаться, хотя…

Это зависело от того, как падал свет. Но иногда, когда солнце светило у неё из-за спины, Жасмель казалась точной копией своей матери. И у Понтера перехватывало дыхание: он тосковал по Класт больше, чем мог сказать словами.

На другом краю комнаты Адекор наполнял бассейн. Он перегнулся через край, откручивая вентили, спиной к Понтеру. Понтер опустил голову на дискообразную подушку и просто смотрел на него.

Кое-кто предостерегал Понтера от партнёрства с Адекором, и Понтер был уверен, что некоторые из друзей Адекора и ему высказывали подобные опасения. Это никак не было связано с тем, что случилось в Академии; просто совместная работа с точки зрения многих плохо сочеталась с совместной жизнью. Однако, хотя Салдак и был крупным городом (суммарное население его Окраины и Центра превышало двадцать пять тысяч), здесь жило всего шестеро физиков, и трое из них — женщины. Понтеру и Адекору доставляло удовольствие говорить о своей работе и обсуж-

дать новые теории, и каждому из них нравилось иметь рядом с собой того, кто по-настоящему понимает то, что говорит другой.

Кроме того, и в других отношениях они были прекрасной парой. Адекор был жаворонком; утро было пиком его активности, и он обожал наполнять ванну. Понтер разгонялся ближе к середине дня и всегда предвкушал удовольствие от приготовления ужина.

Вода продолжала литься из кранов; Понтер любил этот звук, беспорядочный белый шум. Он испустил довольный вздох и выбрался из постели; росший на полу мох защекотал его пятки. Он шагнул к окну, ухватил ручку, прикреплённую к металлической ставне, и оттянул её от намагниченного оконного переплёта. Потом он поднял руки над головой и укрепил ставню в её дневном положении — прилепленной к магнитной металлической панели на потолке.

Сквозь деревья светило восходящее солнце; оно кололо Понтеру глаза, и он наклонил голову вперёд, уперев нижнюю челюсть в грудь и отгородив глаза от солнца надбровным валиком. На улице олень пил из родника в сотне шагов от дома. Понтер иногда охотился, но не в жилых районах; этот олень знал, что ему ничего не угрожает

— не здесь, не от рук людей. Вдалеке Понтер мог различить поблёскивание солнечных панелей, установленных вокруг соседнего дома.

— Хак, — произнёс Понтер в пустоту, обращаясь к своему импланту-компаньону, — какой на сегодня прогноз?

— Хороший, — ответил компаньон. — Максимум днём — шестнадцать градусов; минимум ночью — девять. — Его компаньон разговаривал женским голосом. Понтер недавно перепрограммировал его на использование голоса и манеры речи Класт, позаимствованных в её архиве алиби, и теперь жалел об этом. Он думал, что её голос притупит чувство одиночества, но вместо этого у него начинало болеть сердце каждый раз, кок имплант заговаривал с ним.

— Дождя не ожидается, — продолжал компаньон, — ветер двадцать процентов посолонь, восемнадцать тысяч шагов в децидень.

Понтер кивнул; сканеры импланта фиксировали такие жесты с лёгкостью.

— Ванна готова, — сказал Адекор у него из-за спины. Понтер повернулся и увидел, как Адекор скользнул в круглый бассейн, утопленный в пол. Он включил перемешиватели, и вода вокруг него вспучилась волнами. Понтер — голый, как и

Адекор — подошёл к бассейну и тоже залез в него. Адекору нравилась вода немного теплее, чем находил комфортным Понтер, так что в конце концов они сошлись на компромиссном значении в тридцать семь градусов — температура человеческого тела.

Понтер воспользовался *голбасовой* щёткой и собственными руками, чтобы отскоблить те места, до которых Адекор не мог дотянуться сам или предпочитал, чтобы это делал Понтер. Потом они поменялись ролями, и Адекор помог очиститься Понтеру.

Воздух был пропитан влагой; Понтер глубоко дышал, увлажняя носовые синусы. В комнату вошла Пабо, здоровенная коричнево-рыжая собака Понтера. Она не любила воду, так что остановилась за несколько шагов от бассейна. Однако она совершенно очевидно хотела, чтобы её покормили.

Понтер кинул на Адекора выразительный взгляд — «ну что ж тут поделаешь?» — и вылез из бассейна, капая на покрывающий пол мох.

— Сейчас-сейчас, малышка, — сказал он собаке. — Дай мне только одеться.

Удовлетворённая тем, что её послание принято, Пабо вышла из спальни. Понтер потянулся над

бассейном и выбрал сушильный шнур. Схватив его за обе рукоятки, он прокатил его по спине от одного бока до другого; потом зажал одну из рукояток зубами и высушил руки и ноги. Понтер осмотрел себя в квадратном зеркале, висящем над бассейном, и неуклюжими пальцами расчесал волосы так, чтобы они симметрично спадали по сторонам головы.

В углу комнаты лежала груда чистой одежды. Понтер подошёл к ней и осмотрел ассортимент. Обычно он особо не задумывался о выборе одежды, однако если им с Адекором повезёт, один из эксгибиционистов может сегодня прийти посмотреть на них. Он выбрал тёмно-серую рубаху, натянул её на себя, застегнул кнопки на плечах, запахивая широкие проймы. Эта рубашка — хороший выбор, подумал он. Её подарила Класт.

Он выбрал брюки и надел их, просунув ноги в мешковатые карманы на конце каждой штанины. После этого затянул кожаные ремешки на лодыжках и вокруг стоп, удобно подогнав штанины к ногам.

Адекор тем временем выбирался из бассейна. Понтер взглянул на него, потом посмотрел на экран своего компаньона. Время поджимало; автобус прибудет уже скоро.

Понтер вышел из спальни в главную комнату дома. Пабо немедленно начала виться вокруг него. Понтер потянулся к ней и почесал её за ухом.

— Не беспокойся, малышка, — сказал он ей. — Я про тебя не забыл.

Он открыл вакуумный шкаф и достал из него большую бизонью кость с остатками мяса, недоеденного вчера за ужином. Он положил кость на пол — мох в этом месте был покрыт стеклом, чтобы было легче потом убираться — и Пабо немедленно вцепилась в неё. Адекор присоединился к Понтеру на кухне и занялся приготовлением завтрака. Он взял два плоских куска лосиного мяса из вакуумного шкафа и засунул их в лазерную печь, которую предварительно заполнил паром, чтобы мясо снова напиталось влагой. Понтер заглянул в печь сквозь прозрачную переднюю стенку: рубиновые лучи образовали на мясе сложный узор, идеально прожаривая каждую его часть. Адекор насыпал в чашу кедровые орешки и выставил кружки с разбавленным кленовым сиропом, а потом достал из печи готовые стейки.

Понтер включил визор; укреплённая на стене квадратная панель ожила. Экран был разделён на четыре квадратные секции. В одной шла трансля-

ция усовершенствованного компаньона Хавста; во второй — Талока; нижняя правая демонстрировала сцены из жизни Гаулта, нижняя левая — Луласма. Понтер знал, что Адикор — почитатель Хавста, поэтому велел визору расширить эту секцию на весь экран. Понтер признавал, что Хавсту всегда удаётся найти что-то интересное; сегодня утром он направлялся на Окраину Салдака, где пять человек оказались заживо погребены под оползнем. Но всё же, если кто-то из экскгибиционистов придёт сегодня к входу в шахту, Понтер предпочёл бы, чтобы это оказался Луласм: по мнению Понтера, его вопросы обычно более проницательны.

Понтер и Адекор уселись и натянули перчатки для еды. Адекор зачерпнул горсть кедровых орешков из чаши и рассыпал их по поверхности стейка, а потом вдавил их в мясо затянутой в перчатку ладонью. Понтер улыбнулся; это была одна из привычек Адекора, которую он находил милой — он не знал больше никого, кто бы так делал.

Понтер подхватил собственный стейк, всё ещё немного скворчащий, и откусил большой кусок, ощутив резкий привкус, характерный для мяса, которое никогда не замораживали. И как люди выживали до изобретения вакуумных шкафов?

Через короткое время Понтер заметил в окно, как неподалёку от дома совершил посадку автобус. Он приказал визору отключиться; они побросали перчатки для еды в акустический очиститель, Понтер потрепал Пабо по голове, и они с Адекором покинули дом, не закрывая дверей, чтобы Пабо могла входить и выходить, когда захочет. Они залезли в автобус, поздоровались с семью другими его пассажирами и отправились на работу, как в самый обычный день.

Глава 4

Понтер Боддет вырос в этой части света; про никелевую шахту он знал всю свою жизнь. Несмотря на это, он никогда не встречал никого, кто бы побывал в её глубинах — разработку шахты вели исключительно роботы. Однако когда у Класт диагностировали лейкемию, они с Понтером начали посещать собрания больных раком, чтобы поддерживать и помогать друг другу и делиться информацией. Встречи проходили в здании *кобалант*, которое, разумеется, по вечерам пустовало.

Понтер ожидал, что в группе будут те, кто заболел из-за работы в шахте. В конце концов, спускаясь глубоко в толщу скал, ты подвергаешься воздействию повышенной радиации.

Однако никого, кто спускался в шахту, в группе не оказалось. Понтер стал расспрашивать людей и выяснил, что это была очень необычная никелевая шахта — уровень фоновой радиации окружающих её древних гранитов был чрезвычайно низок.

И вследствие этого у него возникла идея. Он был физиком и работал с Адекором Халдом над

постройкой квантового компьютера. Но квантовые регистры чрезвычайно чувствительны в внешним воздействиям; одной из самых тяжёлых проблем было воздействие космических лучей, приводящее к нарушению когерентности.

Решение, как казалось, лежало прямо у них под ногами. С тысячами саженей скалы над головой космические лучи перестанут создавать проблемы. На такую глубину не сможет проникнуть ничто, кроме нейтрино, а нейтрино не помешает экспериментам, которые собирались проводить Понтер и Адекор.

Главным администратором Салдака был Делаг Боуст; этот пост его заставили занять Серые. Но с администраторами так всегда — тот, кто выбрал бы подобный вклад добровольно, обычно для него не годился.

Понтер представил Боусту свои предложения: позволить им построить лабораторию квантовых вычислений внутри шахты. И Боуст убедил Серых согласиться. В конце концов, технологическая цивилизация не может обходиться без металлов, а шахта не всегда была безвредной для окружающей среды. Так что любая возможность использовать её для чего-то полезного могла только приветствоваться.

Итак, квантовый компьютер был построен. У Понтера и Адекора появились проблемы с непредвиденным источником декогерентности — пьезоэлектрическими разрядами, вызванными напряжениями, которые испытывают на такой глубине горные породы. Но Адекору казалось, что он нашёл решение проблемы, и сегодня они снова попробуют разложить на множители непредставимо огромное число.

Автобус на воздушной подушке доставил Понтера и Адекора к входу в шахту. Стоял чудесный летний день, небо было голубое и безоблачное, как и предсказывал компаньон Понтера. Понтер чувствовал в воздухе запах пыльцы и слышал печальные крики гагар над озером. Он взял в кладовке головной протектор — две стойки, удерживающие плоскую платформу над головой — и пристроил его к плечам. Адекор тоже надел защиту, и они направились к лифту.

Шахтный подъёмник имел цилиндрическую форму. Двое физиков вошли в кабину; Понтер нажал ногой педаль активации.

Лифт начал спуск.

* * *

Понтер и Адекор вышли из лифта и напра-

вились по длинному тоннелю в квантовой лаборатории; разумеется, она была построена в той части шахты, где ценных руд уже не осталось. Они шли молча, в лёгком, дружеском молчании двух мужчин, которые знают друг друга целую вечность.

Наконец они добрались до лаборатории. Она занимала четыре помещения. Первое было крошечной каморкой, предназначенной для еды — подниматься наверх, чтобы пообедать, а потом спускаться обратно отняло бы слишком много времени. Во втором был автономный санузел — в шахте не было канализации, так что все отходы каждый вечер нужно было поднимать наверх. В третьем помещалась пультовая с инструментальными кластерами и рабочими столами. А в четвёртом, самом большом, помещалась гигантская вычислительная камера; по объёму она превышала все комнаты в доме Понтера и Адекора, вместе взятые.

Когда строят компьютер, обычно стараются сделать его как можно меньше: тогда задержки, вызываемые ограниченностью скорости света, будут минимальны. Но квантовый компьютерный массив Понтера и Адекора использовал в качестве регистров квантово запутанные про-

тоны, и была необходимость отличать реакции, происходящие одновременно вследствие запутанности от реакций, являющихся следствием нормального, «субсветового» взаимодействия протонов. И самым простым способом этого достичь было развести регистры на некоторое расстояние, так, чтобы время, которое нужно свету для того, чтобы дойти от одного регистра до другого, можно было легко измерить. Таким образом, протоны находились в колоннообразных магнитных ловушках, равномерно распределённых по всей площади помещения.

Понтер и Адикор сняли головные протекторы и вошли в пультовую. Адекор был практиком — это он нашёл способ воплотить идеи Понтера в электронику и программное обеспечение. Он устроился за консолью и начал запускать процедуры, необходимые для инициализации квантового вычислительного массива.

— Ещё пол-деци, — сказал Адекор. — У меня до сих пор проблемы со стабилизацией 69-го регистра.

— Думаешь, он заработает? — спросил Понтер.

— Я? — сказал Адекор. — Конечно. — Он улыбнулся. — Разумеется, я говорил это и вчера, и позавчера, позапозавчера.

— Вечный оптимист, — сказал Понтер.

— Эй, — откликнулся Адекор, — когда ты залез так глубоко, то единственный возможный путь — наверх.

Понтер рассмеялся, потом через сводчатый проход зашёл на кухню, чтобы взять тубу с водой. Он надеялся, что сегодня эксперимент наконец завершится успехом. Следующий Серый Совет уже скоро, и им с Адекором надо будет снова объяснять, чем их работа полезна общине. Предложения учёных обычно одобряют — каждый прекрасно видит, как улучшилась жизнь людей благодаря науке, однако всё же при этом было бы приятнее иметь возможность сообщить о положительных результатах.

Понтер зубами сорвал пластиковую крышку с водяной тубы и сделал несколько глотков холодной жидкости. После этого он снова вернулся в пультовую и принялся просматривать веер бледно-зелёных листов, содержащих записи о предыдущих попытках; время от времени он делал глоток воды. Понтер сидел спиной к Адекору, который возился с консолью управлением на противоположном краю небольшого помещения. Одна из стен была почти полностью прозрачной; окно во всю стену выходило в огромную вычис-

лительную камеру, пол которой находился ниже, а потолок — выше, чем в других помещениях лаборатории.

Они уже достигли определённых успехов в квантовых вычислениях. За последний декамесяц они факторизовали число, которое потребовало бы 10^{73} атомов водорода в качестве регистров — то есть неизмеримо больше, чем есть водорода во всех звёздах всех галактик, на шестьдесят с лишним порядков больше, чем уместилось бы в вычислительной камере, если бы её полностью заполнили водородом. Совершить такую операцию можно лишь одним способом — воспользоваться квантово-вычислительными эффектами, сделать так, чтобы ограниченное количество физически существующих регистров одновременно находилось во множестве состояний, наложенных друг на друга.

Фактически, текущий эксперимент был лишь звеном в цепи — попыткой факторизовать ещё большее число. Но число это было из тех невообразимо больших чисел, которые, согласно теореме Дегандала, должны быть простыми. Ни один обычный компьютер не способен это проверить, но квантовый компьютер должен справиться.

Понтер просмотрел ещё несколько страниц распечатки, потом перешёл к другому пульту и вытянул несколько управляющих штырьков, регулируя компоненты записывающей системы. Он хотел убедиться, что каждый аспект тестового прогона будет записан, так что сомнений в полученных результатах не возникнет. Если бы можно было…

— Готов, — сказал Адекор.

Понтер почувствовал, как чаще забилось сердце. Он так хотел, чтобы всё заработало — и ради себя, и ради Адекора. Понтеру сопутствовала удача в самом начале его карьеры; в физических кругах он пользовался авторитетом. Даже если он умрёт прямо сейчас, его ещё долго будут помнить. Адекор же был не так успешен, хотя заслуживал большего. Как будет здорово, если они вместе смогут доказать — или опровергнуть; важен будет любой результат — теорему Дегандала.

Эксперимент управлялся с двух пультов, расположенных по краям маленькой комнаты. Понтер остался у того, возле которого стоял, расположенного у прохода, ведущего в кухню; Адекор перешёл ко второму. Вообще-то следовало оба контрольных кластера расположить в одном месте, но такая планировка позволила

сэкономить почти тридцать саженей дорогого квантовопроводящего кабеля, которым соединяются регистры. Пульты были смонтированы на стене. Адекор встал перед своим и вытянул нужные штырьки. Понтер тем временем произвёл необходимые настройки на своём пульте.

— Всё готово? — спросил Адикор.

Понтер оглядел индикаторы на своём пульте: они все были красные, цвета крови, цвета здоровья.

— Да.

Адекор кивнул.

— Десять тактов, — сказал он, начиная отсчёт. — Девять. Восемь. Семь. Шесть. Пять. Четыре. Три. Два. Один. Ноль.

Несколько огоньков вспыхнули на панели Понтера, показывая, что регистры работают. Теоретически, все возможные делители должны быть опробованы за долю такта, и результат получен в виде набора интерференционных узоров на фотоплёнке. Обычному компьютеру, который расшифрует интерференционные узоры, понадобится некоторое время на составление списка делителей, который в случае, если теорема Дегандала неверна, может оказаться очень и очень длинным.

Понтер отошёл от своего пульта и присел. Адекор ходил взад-вперёд, поглядывал в окно на ряды регистровых ёмкостей — запаянных стеклянно-стальных колонн, содержащие точно отмеренное количество водорода.

Наконец, обычный компьютер издал гулкий звон, сигнализируя о завершении работы.

В центре пульта Понтера был экран монитора; результаты появились на нём в виде чёрных знаков на жёлтом фоне. И результатом было…

— *Хрящ!* — выругался Адекор, стоящий позади Потера, положа руку ему на плечо.

На экране светилась надпись: «Ошибка в регистре 69; факторизация прервана».

— Нам *придётся* его заменить, — сказал Понтер. — От него одни проблемы.

— Это не регистр, — ответил Адекор. — Это основание, которым он крепится к полу. Но на изготовление нового уйдёт декадень.

— И нам нечего будет показать на Сером Совете? — сказал Понтер. Перспектива выйти перед собранием старейшин и сообщить им, что со времени последнего заседания Совета им не удалось ничего добавить в копилку общих знаний, ему совершенно не нравилась.

— Разве что… — сказал Адекор и замолчал.

— Что?

— Ну, проблема с 69-м состоит в том, что он вибрирует в нижней части; соединительные зажимы не были обработаны как следует. Если бы нам удалось его чем-то зафиксировать…

Понтер оглядел помещение. Ничего подходящего.

— А что если я просто пойду в вычислительную и обопрусь на него. Ну, то есть, налягу всем весом. Это предотвратит вибрацию?

Адекор нахмурился.

— Его надо будет держать очень крепко. Конечно, оборудование может выдержать небольшой сдвиг, но…

— Я попробую, — сказал Понтер. — Только… моё присутствие в вычислительной само по себе не создаст декогерентности?

Адекор покачал головой.

— Нет. Регистровые колонны хорошо экранированы. Понадобится что-то гораздо более радиоактивное или электрически шумное, чем человеческое тело, чтобы повлиять на содержимое.

— Ну, тогда…

Адекор снова нахмурился.

— Это не слишком элегантное решение про-

блемы.

— Но оно может сработать.

Адекор кивнул.

— Думаю, попробовать стоит. Это лучше, чем идти на Совет с пустыми руками.

— Хорошо! — решительно сказал Понтер. — Давай начнём.

Адекор кивнул. Понтер открыл дверь, отделяющую три обитаемых помещения от большой камеры, содержащей регистровые колонны. Он спустился по лестнице на гладкий гранитный пол пещеры, выровненный лучами лазеров. Понтер двигался осторожно — в прошлом он здесь однажды поскользнулся. Дойдя до цилиндра под номером 69, он положил руку на его закругленный верх, накрыл её другой рукой, а затем изо всех сил надавил на него.

— Запускай по готовности, я держу, — крикнул он.

— Десять, — крикнул Адекор в ответ. — Девять. Восемь. Семь.

Пнтер следил, чтобы руки оставались неподвижными. Насколько он мог судить, цилиндр совершенно не вибрировал.

— Шесть. Пять. Четыре.

Понтер глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться.

Он удержит.

— Три. Два. Один.

«Поехали» — подумал Понтер.

— Ноль!

* * *

Адекор услышал, как задребезжало стекло в окне, выходящем на вычислительную камеру.

— Понтер! — закричал он. Потом бросился к окну. — П-понтер?

Его нигде не было.

Адекор потянул за ручку незапертой двери, и…

Ш-ш-шух-х!

Дверь резко рванулась вперёд и распахнулась, ручка вырвалась у Адекора из пальцев, и воздушная волна из пультовой пронеслась мимо него в вычислительную камеру; Адекора едва не бросило на лестницу лицом вниз. Ветер дул внутрь вычислительной камеры из пультовой и шахты позади неё, словно… словно воздух, который был в ней до этого, куда-то исчез. У Адикора заложило уши.

— Понтер! — снова позвал он, когда ветер утих, но, хотя помещение было велико, регистровые колонны, заполнявшие его, были лишь тонкими трубками; они не могли загородить от него

Понтера.

Что могло случиться? Если где-то в шахте рухнула стена, а за ней была область низкого давления, то…

Но весь шахтный комплекс утыкан сейсмическими сенсорами, и если бы произошло что-то такое, система оповещения в лаборатории начала бы испускать запахи тревоги.

Адекор побежал по гранитному полу.

— Понтер! — кричал он. — Понтер!

На полу не было никаких трещин; его не могла поглотить земля. Адекор видел регистр 69, тот, с которым работал Понтер, на дальнем краю помещения. Понтера рядом с ним определённо не было, но Адекор всё равно до него дошёл, ища какой-нибудь ключ, след…

Хрящ!

Адекор почувствовал, как опора выскальзывает у него из-под ног и грохнулся спиной о гранитный пол. На нём была вода — много воды. Откуда она взялась? Понтер перед этим пил из тубы, но, Адекор был в этом уверен, оставил её наверху. Кроме того, воды было гораздо больше, чем могло вылиться из тубы; здесь было по меньшей мере несколько вёдер воды, растекшейся обширной лужей.

Вода — если это была вода — выглядела чистой и прозрачной. Адекор набрал немного в ладонь, поднёс к носу. Никакого запаха.

Осторожно лизнул.

Никакого вкуса.

Похоже, вода и правда чистая. Очищенная.

С колотящимся сердцем и кружащейся головой Адекор разыскал несколько ёмкостей и взял образцы. Пока это был единственный след.

Откуда могла взяться вода?

И куда пропал Понтер?

Глава 5

— Что за…?

Полная тьма.

И… вода! У Понтера Боддета были мокрые ноги, и…

И он погружается; вода доходит до пояса, до груди, начинает заливать лицо.

Понтер задрыгал ногами.

Его глаза и правда были открыты, но смотреть было не на что. Абсолютно не на что.

Он замолотил по воде руками. Глотнул воздуха.

Что произошло? Где он?

Вот он стоит в лаборатории квантовых вычислений, и в следующую секунду…

Тьма. Тьма настолько непроглядная, что Понтер подумал, что ослеп. Такое мог сделать взрыв; так глубоко под землёй всегда существует вероятность обвала, и…

Прорыв подземных вод также возможен. Он раскинул руки вширь, выпрямил ноги, пытаясь нащупать дно, но…

Но ничего не нащупал, совсем ничего. Только вода. Он мог быть и в одной сажени от дна, и в

тысяче. Он подумал о том, чтобы нырнуть, но в толще воды и в темноте, без малейшего света, он мог потерять направление вверх и не вынырнуть вовремя.

Пытаясь нащупать ногами дно, он случайно глотнул воды. Она была совершенно безвкусна. Он ожидал, что вода в подземной реке будет солоноватой, но эта, похоже, была чистая, словно только что растаявший лёд.

Он продолжал хватать ртом воздух; сердцебиение учащалось, и…

И ему захотелось доплыть до края этого места, что бы это ни…

Стонущий звук, низкий, глубокий, словно идущий со всех направлений сразу.

Словно просыпающийся зверь, словно…

Словно что-то, находящееся под огромным давлением?

Ему наконец удалось набрать в лёгкие достаточно воздуха, чтобы закричать.

— Помогите! — кричал он. — Помогите!

Он услышал странное эхо, как будто находился в замкнутом помещении. Может, он по-прежнему в вычислительной камере? Но если это так, то почему Адекор не отзывается на его голос?

Он не мог просто болтаться здесь. Он ещё не

устал, но скоро устанет. Он должен найти поверхность, на которую можно бы было взобраться, или что-нибудь, что поддерживало бы его на плаву, и…

Снова стон, с этот раз громче, требовательнее.

Понтер поплыл по-собачьи. Если бы только был свет — любой свет. Он проплыл вроде бы всего ничего, и…

Боль! Понтер ударился головой обо что-то твёрдое. Он снова заработал руками и ногами, удерживая себя на месте; конечности начинали болеть. Он вытянул руку ладонью вперёд, растопырив пальцы. То, обо что он ударился, было твёрдым и тёплым — так что не металл и не стекло. Оно было совершенно гладкое, возможно, слегка вогнутое, и…

Снова стон, доносящийся от…

Его сердце ёкнуло; он ощутил, как расширились глаза, но по-прежнему ничего не видел.

…доносящийся от твёрдой стены перед ним.

Он поплыл в противоположном направлении; шум усилился, от него заболели уши.

Где он? Где он?

Шум становился всё громче. Он продолжал плыть от него, и…

Ай! Как больно!

Он врезался в ещё одну твёрдую гладкую стену. Это определённо не была стена вычислительной камеры — её стены были покрыты мягким звукопоглощающим материалом.

Ш-ш-шух-х-х-х!

Внезапно вода вокруг Понтера начала двигаться, завертелась, заревела, она подхватила его, словно горная река. Понтер сделал глубокий вдох, заглотив вместе с воздухом немного воды, а потом…

А потом ощутил, как что-то твёрдое ударило его по виску, и впервые за всё время этого безумия он увидел свет — искры из глаз.

И после этого — снова тьма, и тишина, и…

И больше ничего.

* * *

Адекор Халд вернулся в пультовую, тряся головой от удивления и не веря собственным глазам.

Они с Понтером были друзьями целую вечность. Они оба были из 145-го и познакомились, будучи студентами Научной Академии. Но за всё это время он ни разу не замечал за Понтером склонности к розыгрышам. Правила пожарной безопасности требовали, чтобы из любого помещения было несколько выходов, но здесь, под

землёй, соблюсти это правило было невозможно. Единственный путь из вычислительной камеры проходил через пультовую. Кабели иногда прячут за фальшивыми дверями, но здесь все кабели и трубопроводы были проложены на виду, а полом служил гладко отполированный древний гранит.

Адекор следил за приборами; он не смотрел в окно на вычислительную камеру. Тем не менее, там не было никаких световых вспышек — он бы заметил их боковым зрением. Если бы Понтер — что? Испарился? Если бы Понтер испарился, то наверняка остался бы запах дыма или, скажем, озона. Но ничего такого не было. Он просто *исчез*.

Адекор бессильно упал в кресло — Понтерово кресло.

Он не знал, что делать дальше; не имел ни малейшего представления. Ему потребовалось несколько тактов, чтобы собраться с мыслями. Он должен сообщить городской администрации, что Понтер пропал; они организуют поиски. Может быть — хотя и трудно в это поверить — что земля разверзлась и Понтер куда-то провалился, возможно, в шахту уровнем ниже. В этом случае он, возможно, ранен.

Адекор поднялся на ноги.

* * *

Доктор Рубен Монтего, двое санитаров «скорой» и раненый человек вошли через раздвижную стеклянную дверь в приёмный покой Медицинского центра Сент-Джозеф — подразделения Регионального госпиталя Садбери.

Принимающий врач оказался сикхом за пятьдесят в нефритово-зелёном тюрбане.

— Что заболело? — спросил он.

Рубен взглянул на его беджик, на котором значилось «Н. Сингх, врач».

— Доктор Сингх, — сказал он, — я Рубен Монтего, медик с шахты «Крейгтон». Этот человек едва не утонул в ёмкости с тяжёлой водой и, как вы видите, получил травму черепа.

— С тяжёлой водой? — удивился Сингх. — Где он нашёл…

— В нейтринной обсерватории, — ответил Рубен.

— Ах, да, — сказал Сингх. Он отвернулся и вызвал кресло-каталку, потом осмотрел пострадавшего и стал делать пометки в блокноте. — Необычная форма тела, — сказал он. — Ярко выраженные надбровные дуги. Очень мускулист,

очень широкоплеч. Короткие конечности. И… привет! Это ещё что такое?

Рубен покачал головой.

— Я не знаю. Оно, похоже, вживлено ему в кожу.

— Очень странно, — сказал Сингх. Потом посмотрел пациенту прямо в глаза. — Как вы себя чувствуете?

— Он не говорит по-английски, — пояснил Рубен.

— Ах, — сказал Сингх. — Ладно, его кости расскажут нам всё сами. Давайте его на рентген.

* * *

Рубен Монтего ходил взад-вперёд по приёмному покою, иногда заговаривая с проходящими мимо знакомыми врачами. Наконец, Сингху сообщили, что рентгенограммы готовы. Рубен надеялся, что его пригласят, хотя бы из профессиональной вежливости, и Сингх действительно сделал знак следовать за ним.

Пострадавший всё ещё находился в рентген-кабинете, предположительно, на случай, если Сингх решит, что нужны дополнительные снимки. Сейчас он сидел в кресле-каталке и выглядел, по мнению Рубена, более напуганным, чем ма-

ленький ребёнок, впервые попавший в больницу. Рентгенолог развешивал снимки — вид спереди и сбоку — на световой панели, к которой и подошли Сингх с Рубеном.

— Взгляните на это, — тихо сказал Рубен.

— Весьма необычно, — ответил Сингх. — Весьма.

Череп оказался удлинён — в гораздо большей степени, чем это свойственно человеческим черепам, и сзади имел округлую выпуклость, напоминающую шиньон. Надбровные дуги выступали далеко вперёд под низким лбом. Носовая полость была гигантских размеров, со странными треугольными выступами с обоих сторон. Огромная челюстная кость, видимая на нижней границе снимка, открыла то, что скрывала борода — полное отсутствие подбородка. Также бросалась в глаза прореха между последним коренным зубом и краем челюсти.

— Никогда не видел ничего подобного, — признал Рубен.

Карие глаза Сингха были удивлённо расширены.

— Я видел, — сказал он. — Видел. — Он повернулся и посмотрел на пациента, который по-прежнему сидел в кресле-каталке, бормоча

что-то непонятное. Потом Сингх снова изучил рентгеновские снимки. — Это невозможно, — заявил сикх. — Попросту невозможно.

— Что?

— Этого не может быть…

— Чего? Доктор Сингх, ради бога…

Сингх поднял руку.

— Понятия не имею, как это может быть…

— Что? Что?

— Этот ваш пациент, — сказал Сингх с неподдельным изумлением, — похоже, он неандерталец.

Глава 6

— До свидания, профессор Воган.

— До свидания, Дария. Увидимся завтра. — Мэри Воган взглянула на часы — 20:55. — Будьте осторожны.

Молодая аспирантка улыбнулась.

— Обязательно. — И она двинулась к выходу из лаборатории.

Мэри смотрела, как она уходит, и с завистью вспоминала время, когда у неё была фигура, как у Дарии. Мэри было тридцать восемь, у неё не было детей, и с мужем она давно рассталась.

Она вернулась к работе с плёнкой радиоавтограммы — к считыванию нуклеотида за нуклеотидом. ДНК, которую она изучала, была получена из чучела странствующего голубя[2], выставленного в Музее естественной истории Филда; её специально прислали сюда, в Йоркский университет в Торонто, чтобы посмотреть, возможно ли её секвенировать. Такие попытки

---

[2] notes: 2

Странствующий голубь — вымершая североамериканская птица, когда-то наиболее многочисленная птица на земле (популяция оценивалась в 3-5 млрд. особей). Полностью истреблена к началу XX века; сохранились лишь несколько чучел. *(Прим. перев.)*

делались и раньше, но ДНК оказывалась слишком повреждённой. Однако лаборатория Мэри достигла беспрецедентных успехов в реконструкции ДНК, которую никому не удавалось прочитать.

К сожалению, последовательность обрывалась; было невозможно определить, какой набор нуклеотидов здесь присутствовал изначально. Мэри потёрла переносицу. Нужно извлечь из образца ещё немного ДНК, но она слишком устала, чтобы заниматься этим сегодня. Она взглянула на стенные часы. 21:25.

Не слишком поздно — летом многие вечерние занятия начинаются в девять вечера, так что должно быть ещё довольно людно. Если она уходила после десяти, то обычно звонила в университетскую службу сопровождения и просила проводить её до машины. Но так рано в этом вряд ли была необходимость. Мэри сняла бледно-зелёный лабораторный халат и повесила его на вешалку возле двери. Был август; в лаборатории работал кондиционер, но снаружи наверняка духота. Наступала ещё одна липкая и неприятная ночь.

Мэри выключила свет; одна из флуоресцентных ламп немного поморгала, прежде чем окончательно угаснуть. Потом она закрыла дверь и

пошла по коридору второго этажа, мимо торгового автомата с пепси-колой («Пепси» платила Йоркскому университету два миллиона долларов в год за то, чтобы быть эксклюзивным поставщиком безалкогольных напитков в кампусе).

Стены коридора были увешаны обычными досками объявлений, заполненными сообщениями о вакансиях, о резервировании аудиторий, о собраниях клубов, о выпуске дешёвых кредиток, о подписке на журналы и о продаже всякой всячины как студентами, так и преподавателями, включая одного чудака, который надеялся, что кто-то заплатит ему деньги за старую электрическую пишущую машинку.

Мэри шла дальше, цокая каблуками по плиткам пола. В коридоре не было ни души. Проходя мимо мужского туалета, она услышала шум спускаемой воды, но это происходило автоматически, по таймеру.

В двери на лестницу были окна из безопасного стекла, с вплавленной в него металлической сеткой. Мэри распахнула дверь и направилась вниз. Четыре лестничных пролёта с бетонными ступенями, каждый опускает её на половину этажа. На цокольном этаже она сошла с лестницы и прошла короткое расстояние по ещё одному

коридору. Этот тоже был пуст, за исключением работающего на дальнем краю уборщика. Она дошла до парадного входа, миновала стойки со стопками «Экскалибура» — университетской газеты и, наконец, через двойные двери выбралась на тёплый вечерний воздух.

Луна ещё не взошла. Мария зашагала по дорожке, миновав несколько незнакомых студентов. Она прихлопнула комара, и тут…

Чья-то рука зажала ей рот, и она ощутила у горла что-то острое и холодное.

— Ни звука, — произнёс низкий хриплый голос, и рука увлекла её за собой.

— Прошу вас… — сказала Мэри.

— Тихо, — сказал мужчина. Он продолжал тянуть ей за собой, прижимая нож к горлу. Сердце Мэри выскакивало из груди. Рука, зажимающая рот, исчезла, и мгновением позже она ощутила её на левой груди; она сжалась, грубо и болезненно.

Он затащил её в какой-то закуток: две бетонные стены смыкаются под прямым углом, большая сосна полностью закрывает обзор. Он развернул её лицом к себе, прижал её руки к стене — левая рука по-прежнему держит нож, даже обхватывая её запястье. Теперь она могла его рассмотреть. На нём была чёрная балаклава, но это был, безуслов-

но, белый, судя по видимому из-под балаклавы участку кожи вокруг голубых глаз. Мари попыталась ударить его коленом в пах, но он выгнулся назад, и удара не получилось.

— Не сопротивляйся, — сказал он. В его дыхании чувствовался запах табака, а ладони, сжимающие руки Мэри, потели. Мужчина отнял руку от стены, не переставая сжимать её запястье, а потом снова прижал его к бетону так, чтобы нож оказался ближе к её лицу. Другой рукой он потянулся к штанам, и Мэри услышала звук расстёгиваемой молнии. Она почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота.

— Я… у меня СПИД, — сказала она, зажмуриваясь, словно пытаясь выключить всё происходящее.

Мужчина рассмеялся наждачным злобным смехом.

— Значит, нас теперь двое, — сказал он. У Мэри ёкнуло сердце, но он, вероятно, тоже врал. Со сколькими женщинами он уже делал это? Сколько из них в отчаянии пробовали эту уловку?

Его рука теперь была на поясе её брюк, стягивая их вниз. Мэри ощутила, как разошлась молния, как брюки скользнули по её бёдрам, и как его таз и твёрдый как камень напряжённый член при-

жались к ней. Она вскрикнула, и его рука вдруг оказалась на её горле, сжалась, ногти впились в кожу.

— Тихо ты, сука!

Почему никто не пройдёт мимо? Почему вокруг никого нет? Боже, ну почему…

Она почувствовала, как рука сдирает с неё трусики, а член упирается в промежность. Он вогнал его ей в вагину. Боль была невыносимой; её будто раздирали изнутри.

Это никакой не секс, — думала Мэри, даже когда слёзы брызнули из уголков зажмуренных глаз. — *Это насильственное преступление.* Её поясница стукалась о бетон каждый раз, как насильник налегал на неё, проникал глубоко в неё, снова и снова и снова, и его животные стоны становились громче с каждым разом.

А потом всё, наконец, кончилось. Он вышел из неё. Мэри знала, что сейчас она должна посмотреть вниз, попытаться запомнить характерные приметы, увидеть хотя бы, обрезан он или нет, всё что угодно, что помогло бы осудить ублюдка, но она не могла на него смотреть. Она вскинула лицо к тёмному небу; всё расплылось в пелене жгучих слёз.

— Теперь ты останешься здесь, — сказал на-

сильник, похлопав её по щеке плоским лезвием ножа. — Ты не издашь ни звука и останешься здесь в течение пятнадцати минут. — А потом она услышала звук застёгиваемой молнии и его шаги — он бежал через поросший травой газон.

Мэри оперлась спиной о бетонную стену и скользнула по ней вниз; колени упёрлись в подбородок. Она ненавидела себя за вырывающиеся из груди мучительные всхлипы.

Через некоторое время она просунула ладонь между ног, потом вытащила и осмотрела её, чтобы узнать, не идёт ли кровь; слава Богу, нет.

Она подождала, пока не выровняется дыхание, а желудок не уляжется достаточно, чтобы она смогла встать, и её бы не вывернуло. И тогда она встала, медленно и мучительно. Она слышала голоса — женские голоса — в отдалении: две студентки болтали и смеялись на ходу. Часть её хотела их позвать, но она не смогла выдавить из горла ни звука.

Она знала, что температура воздуха никак не ниже двадцати пяти градусов, но ей было холодно, холоднее, чем когда-либо в жизни. Она начала растирать руки, чтобы согреться.

Непонятно, сколько времени ей потребовалось на то, чтобы прийти в себя. Пять минут? Пять

часов? Она должна найти телефон, набрать 911, позвонить в полицию Торонто… или в полицию кампуса, или — она знала о таком, читала в справочнике для студентов — в центр помощи жертвам изнасилований Йоркского университета, но…

Но она не хотела ни с кем говорить, не хотела никого видеть… не хотела, чтобы кто-то увидел её такой, как сейчас.

Мэри застегнула брюки, сделала глубокий вдох и зашагала. Лишь через несколько секунд она осознала, что направляется не к машине, а возвращается в Фаркуарсон-билдинг, к себе на факультет биологии.

Войдя в здание, она поднялась на четыре лестничных пролёта вверх, всё время держась за перила, боясь потерять равновесие, если их отпустит. К счастью, коридор был по-прежнему пуст. Она добралась до своей лаборатории, никем не замеченная. Замерцали и зажглись флуоресцентные лампы.

Она не беспокоилась насчёт беременности — она глотала таблетки (не грех в её глазах, хотя несомненный грех в глазах её матери) с тех пор, как вышла замуж за Кольма, и просто продолжила их принимать после того, как они разошлись,

хотя, как скоро стало ясно, потребности в этом никакой не было. Но ей совершенно точно надо будет найти клинику и провериться на СПИД, просто для душевного спокойствия.

Мэри не собиралась сообщать о преступлении; она уже определилась на этот счёт. Сколько раз она проклинала тех, о ком читала, что они не стали заявлять в полицию об изнасиловании? Они предают других женщин, дают чудовищу уйти, дают ему шанс сделать это снова с кем-то ещё, *со мной, сейчас*, но…

Но легко проклинать кого-то, когда это случилось не с тобой, когда не ты была там.

Она знала, что случается с женщинами, которые обвиняют мужчин в изнасиловании; она видела это по телевизору множество раз. Они пытаются доказать, что в этом была *её* вина, что её показаниям нельзя верить, что она каким-то образом согласилась с тем, что её моральные устои не слишком крепки.

> — Так вы говорите, что вы — добрая католичка, миссис О'Кейси… о, простите, вы больше не носите это фамилию, правда ведь? С тех пор, как разошлись с вашим мужем Кольмом. Теперь вы мисс

Воган, так? Но вы и профессор О'Кейси юридически до сих пор состоите в браке, не так ли? Пожалуйста, расскажите суду, спали ли вы с другими мужчинами с тех пор, как ушли от мужа?

Она знала, что справедливость редко можно найти в зале суда. Там её разорвут на части и соберут из них такое, что она сама не узнает.

А в результате ничего, по сути, не изменится. Монстру всё сойдёт с рук.

Мэри сделала глубокий вдох. Возможно, потом она передумает. Но прямо сейчас самым важным делом был сбор вещественных доказательств, и она, профессор Мэри Воган, была в этом не менее компетентна, чем женщина-полицейский с чемоданчиком для сбора улик.

В двери в её лабораторию было окно; она встала так, чтобы её было невозможно увидеть из коридора. Она сняла брюки, едва не подпрыгнув от звука расстёгиваемой молнии. Потом взяла стеклянный контейнер для образцов и несколько ватных тампонов и, смаргивая выступившие слёзы, промокнула оставшуюся внутри неё гадость.

Закончив, она запечатала контейнер для образцов, написала на нём дату красным маркером,

и пометила как «Воган 666»: её фамилия и номер образца, как нельзя лучше подходящий для маньяка. Потом она запечатала свои трусики в непрозрачный пластиковый контейнер и пометила его той же датой и обозначением. И то, и другое она поместила в холодильник для хранений биологических образцов, рядом с ДНК странствующего голубя, египетской мумии и шерстистого носорога.

Глава 7

— Где я?

Понтер знал, что в его голосе слышна паника, но ничего не мог с собой поделать. Он всё ещё сидел в странном кресле, катающемся на двух обручах, что было хорошо, поскольку он сомневался, что сможет устоять на ногах.

— Успокойся, Понтер, — сказал имплант-компаньон. — У тебя пульс подскочил до…

— Успокойся! — огрызнулся Понтер, будто Хак предложила что-то до смешного невозможное. — *Где я?*

— Я не уверена, — ответил компаньон. — Я не принимаю сигналов от башен системы позиционирования. Вдобавок, я отрезана от планетарной инфосети и не получаю подтверждений от архивов алиби.

— Ты не повреждена?

— Нет.

— Значит… значит, мы не на Земле? Иначе ты принимала бы сигналы от…

— Я уверена, что мы на Земле, — ответила Хак. — Ты обратил внимание на солнце, когда они вели нас к экипажу?

— А что с солнцем?

— Его цветовая температура 5200 градусов, а угловой размер — одна семитысячная большого круга, как и должно быть у Солнца, видимого с орбиты Земли. К тому же, я опознал породу большей части деревьев, которые успел рассмотреть. Нет, это вне всякого сомнения Земля.

— Но эта вонь! Откуда такой поганый воздух?

— Могу лишь поверить тебе на слово, — ответила Хак.

— А мы не могли… скажем, переместиться во времени?

— Маловероятно, — ответил компаньон. — Но если сегодня ночью мне удастся взглянуть на звёзды, я смогу сказать, сдвинулись ли они вперёд или назад на заметное расстояние. А если я смогу зафиксировать положение других планет и фазу луны, то, возможно, мне даже удастся точно определить дату.

— Но как нам вернуться домой? Как мы…

— Понтер, я снова должна повторить свой совет: успокойся. Ты близок к гипервентиляции. Сделай глубокий вдох. Вот так. Теперь медленно выдыхай. Правильно. Расслабься. Ещё один вдох…

— Кто эти *существа*? — спросил Понтер, делая

рукой жест в сторону костлявой фигуры с тёмной кожей и без волос и другой фигуры, с кожей посветлее и обмотанной тканью головой.

— Хочешь знать, что я думаю? — сказала Хак. — Это глексены.

— *Глексены!* — воскликнул Понтер достаточно громко, чтобы две странных фигуры повернулись в его сторону. Он понизил голос. — Глексены? Не говори ерунды…

— Взгляни на вон те изображения черепов. — Хак разговаривала с Понтером через посредство пары кохлеарных имплантов, но изменяя звуковой баланс между правым и левым имплантом она могла указывать направление так же точно, как если бы тыкала пальцем. Понтер поднялся с кресла и нетвёрдой походкой проковылял через комнату, прочь от странных существ, к одной из освещённых панелей, такой же, какую изучали они, с прикреплёнными к ней рентгенограммами головы.

— Зелёное мясо! — выругался Понтер, разглядывая странные черепа. — Они и правда глексены. Точно ведь?

— Я бы сказал, очень похоже. Из всех приматов только у них отсутствует надбровный валик и есть такой вот выступ на передней части нижней

челюсти.

— Глексены! Но они ведь вымерли… э-э… как давно они вымерли?

— Вероятно, около 400000 месяцев назад, — ответил Хак.

— Это не может быть Земля той эпохи, — сказал Понтер. — То есть, я имею в виду, если бы тогда существовала развитая цивилизация, она обязательно оставила бы какие-то следы. Глексены максимум умели обрабатывать камень, ведь так?

— Да.

Понтер попытался подавить в своём голосе истерические нотки.

— Так *где же* мы тогда?

* * *

Рубен Монтего смотрел на врача скорой помощи, раскрыв от удивления рот.

— Что значит «похоже, он неандерталец»?

— Особенности строения черепа говорят сами за себя, — сказал Сингх. — Уж поверьте мне — у меня учёная степень в краниологии.

— Но как это может быть, доктор Сингх? Неандертальцы вымерли миллионы лет назад.

— На самом деле лишь двадцать семь тысяч,

— сказал Сингх, — если предположить, что датировка последних находок верна. Если же нет, тогда 35000 лет назад.

— Но как тогда…

— Этого я не знаю. — Сингх указал на рентгенограммы, прикреплённые к световой панели. — Но набор наблюдаемых характеристик не оставляет места для сомнений. Одна или две могут появиться на черепе Homo sapiens. Но все сразу? Невозможно.

— Каких характеристик? — спросил Рубен.

— Во-первых, разумеется, надбровный валик, — ответил Сингх. — Заметьте, что в отличие от такового у других приматов он имеет двойной изгиб и борозду позади. Потом прогнатизм — выдвинутость лицевой части вперёд: посмотрите как выпирают челюсти. Отсутствие подбородка. Ретромолярный пробел, — он указал на пустое пространство позади последнего зуба. — А эти треугольные выступы в носовой полости? Таких нет ни у какого другого млекопитающего, тем более примата. — Он постучал пальцем по изображению задней части черепа. — И видите вот этот закруглённый выступ на затылке? Он также характерен именно для неандертальцев.

— Вы меня разыгрываете, — сказал Рубен.

— Никогда не занимался ничем подобным, — ответил Сингх.

Рубен оглянулся на незнакомца, который встал с кресла-каталки и изумлённо рассматривал пару рентгенограмм на другом краю кабинета. Потом Рубен ещё раз посмотрел на рентгенограммы, висящие перед ним. Ни он, ни Сингх не присутствовали, когда рентгенограф делал снимки, так что теоретически возможно, что их с какой-то целью подменили, хотя…

Хотя это были реальные рентгенограммы реальной живой головы, не ископаемого: носовые хрящи и контуры мягких тканей хорошо просматривались. И всё-таки что-то было не так с нижней челюстью. Часть её на ренгенограмме получилась значительно светлее, словно была сделана из менее плотного материала. И цвет этот был сплошным, без вариаций, словно материал был абсолютно однороден.

— Это подделка, — сказал Рубен, указывая на странный фрагмент челюсти. — Я хочу сказать, *он* — подделка. Он сделал себе пластику, чтобы быть похожим на неандертальца.

Сингх вгляделся в рентгенограмму.

— Да, это следы операции — но только на челюсти. Особенности черепа подлинные.

Рубен снова взглянул на раненого, который по-прежнему разглядывал рентгенограммы и что-то бормотал себе под нос. Он попытался представить себе череп этого человека под кожей и тканями. Будет он выглядеть похоже на то, что он видит на рентгенограмме?

— У него несколько зубов вставные, — сказал Сингх, вглядываясь в снимок. — Но они находятся на реконструированной секции челюсти. Что же до остальных зубов, они выглядят натуральными, только корни укороченные, как при тауродонтизме[3]. Это тоже неандертальская особенность.

Рубен снова повернулся к снимкам.

— И ни единого дупла, — в раздумье отметил он.

— Похоже на то, — сказал Сингх. Потом он снова вгляделся в снимок. — Как бы то ни было, я не вижу ни трещины в черепе, ни субдуральной гематомы. Держать его в больнице нет причин.

Рубен посмотрел на пришельца. Да кто же он такой, чёрт возьми? Он болтал на незнакомом языке, он подвергался обширной восстановительной хирургии. Может быть, приверженец какого-нибудь извращённого культа? Может, по-

---

[3] notes: 3

Состояние, при котором зуб и зубная полость увеличены за счёт уменьшения длины корней. *(Прим. перев.)*

этому он вломился в нейтринную обсерваторию? В принципе, такая версия имела смысл, но…

Но доктор Сингх был прав: за исключением восстановленной нижней челюсти, на снимках перед ними был натуральный, естественный череп. Рубен Монтего медленно, с опаской пересёк кабинет и лишь через несколько секунд осознал, что делает: он приближался к незнакомцу не так, как подходят к другому человеческому существу, а, скорее, как подходил бы к дикому животному. Хотя до сих пор он вёл себя исключительно мирно.

Незнакомец определённо услышал шаги Рубена. Он оторвался от созерцания снимков, которые приковали его внимание, и повернулся к доктору.

Рубен уставился на него. Он ещё раньше заметил, что лицо выглядит странно. Надбровные валик, изгибающийся над каждым глазом, был хорошо заметен. Волосы разделялись пробором ровно посередине, не сбоку, и было видно, что таково их естественное состояние, а не прихоть парикмахера. И нос: нос был просто огромный, но ни в малейшей степени не орлиный. В сущности, он не был похож ни на один нос, что Рубену приходилось видеть до сих пор — у него совершенно

отсутствовала переносица.

Рубен медленно поднял руку с немного растопыренными пальцами, чтобы его жест не был воспринят как угроза.

— Вы позволите? — спросил он, приближая руку к лицу незнакомца.

Он не мог понять слов, но намерение было очевидно. Он слегка склонил голову вперёд, словно предлагая её для исследования. Рубен пробежал пальцами по надбровным дугам, по лбу, вдоль всей длины черепа, ощупал затылочный выступ — под кожей твёрдая кость. Сомнений не оставалось: череп, изображённый на рентгенограмме, принадлежал этому человеку.

— Рубен, — сказал доктор Монтего, коснувшись своей груди. — Ру-бен. — Потом он указал на незнакомца рукой с повёрнутой вверх ладонью.

— Понтер, — произнёс незнакомец низким звучным голосом.

Конечно, пришелец мог воспринять «Рубен» как название той разновидности людей, к которой принадлежал доктор Монтего, так что «Понтер» могло означать «неандерталец» на его языке.

К ним подошёл Сингх.

— Наонигал, — сказал он; вот что, оказывает-

ся, означало «Н» на его беджике. — Меня зовут Наонигал.

— Понтер, — повторил незнакомец. Другие интерпретации всё ещё возможны, подумал Рубен, но вероятнее всего, это всё же его имя.

Рубен кивнул доктору Сингху.

— Спасибо вам за помощь, — сказал он. Потом повернулся к Понтеру и жестом позвал его за собой. — Пойдёмте.

Понтер двинулся к креслу-каталке.

— Нет, — сказал Рубен. — Нет, с вами всё в порядке.

Он снова жестом позвал незнакомца за собой, и в этот раз тот последовал за ним, пешком. Сингх снял рентгенограммы со световой панели, уложил их в большой конверт и вышел вместе с ними, направляясь обратно в приёмный покой.

Коридор перегораживала раздвижная дверь матового стекла. Когда Сингх наступил на резиновый коврик перед ней, створки разъехались в стороны, и…

Вспышки десятков блицев ослепили их.

— Это тот парень, который взорвал нейтринную обсерваторию? — выкрикнул мужской голос.

— Какие обвинения собирается выдвинуть «Инко»? — вторил ему женский.

— Он ранен? — спросил ещё один мужской голос.

Рубену потребовалось несколько секунд, чтобы сориентироваться в ситуации. Одного мужчину он опознал как корреспондента местной станции «Си-Би-Си», второго — как репортёра «Садбери Стар», пишущего про горнодобывающую промышленность. Там было ещё с десяток незнакомых людей, но они все потрясали микрофонами с логотипами «Глобал Телевижн», «Си-Ти-Ви», «Ньюсуорлд» и местных радиостанций. Рубен посмотрел на Сингха и вздохнул; похоже, что встречи с журналистами не избежать никак.

— Как зовут подозреваемого? — спросил какой-то репортёр.

— У него есть судимости?

Репортёры непрерывно фотографировали Понтера, который не сделал ни малейшей попытки закрыть лицо. В этот момент с улицы вошли двое офицеров RCMP[4] в тёмно-синих униформах.

— Где террорист?

— Террорист? — удивился Рубен. — С чего вы

---

[4] notes: 4

Канадская королевская конная полиция — Royal Canadian Mounted Police, RCMP — федеральное полицейская служба в Канаде, выполняющая примерно те же функции, что Федеральное Бюро Расследований в США. *(Прим. перев.)*

взяли?

— Вы медик с шахты, не так ли? — спросил один из полицейских.

Рубен кивнул.

— Рубен Монтего. Но я не верю, что этот человек — террорист.

— Но ведь он взорвал нейтринную обсерваторию! — заявил один из репортёров.

— Обсерватория была повреждена, это так, — сказал Рубен, — я он был там, когда это случилось, но я не верю, что это было сделано намеренно. В конце концов, он чуть не утонул.

— Согласно приказа, — сказал полицейский, сразу уронив себя в глазах Рубена, — он должен пройти с нами.

Рубен посмотрел на Понтера, на репортёров, на Сингха.

— Вы знаете, как оно бывает в таких случаях, — тихо сказал он Сингху. — Если власти заберут Понтера, мы его никогда больше не увидим.

Сингх медленно кивнул.

— Надо полагать.

Рубен закусил губу, соображая. Потом сделал глубокий вход и заговорил во весь голос.

— Я не знаю, откуда он пришёл, — сказал Рубен, кладя руку на массивное плечо Понтера, — и не

знаю, как попал сюда, но этого человека зовут Понтер, и…

Рубен замолчал. Сингх смотрел на него. Рубен знал, что мог бы на этом остановиться: да, имя этого человека известно. Он не обязан говорить ничего сверх этого. Он мог остановиться сейчас, и никто не подумает, что он спятил. Если же он продолжит говорить…

Если он продолжит говорить, то разверзнется ад.

— Продиктуйте по буквам, пожалуйста, — попросил репортёр.

Рубен прикрыл глаза, собирая все внутренние резервы.

— Только фонетически, — сказал он, глядя на журналиста. — П-О-Н-Т-Е-Р. Но тот, кто первым успеет накорябать это на бумаге, станет первым в мире человеком, записавшим его имя буквами английского алфавита. — Он снова сделал паузу, ещё раз взглянул на Сингха в поисках ободрения, и продолжил: — Этот джентльмен, как мы начинаем подозревать, не относится к виду Homo sapiens. Вероятно, он относится к виду… хотя среди антропологов по сей день нет согласия относительно таксономии данной разновидности гоминид. Так вот, он, по-видимому, относится к то-

му, что мы называем либо Homo neanderthalensis, либо Homo sapiens neanderthalensis — в любом случае, он, по-видимому, неандерталец.

— Что? — переспросил один из репортёров.

Другой лишь насмешливо фыркнул.

Третий — кажется, это был как раз репортёр-горник из «Садбери Стар» оттопырил губу. Рубен знал, что он по образованию геолог; наверняка у него был курс палеонтологии, а то и не один.

— Что заставляет вас так думать? — со скепсисом в голосе спросил он.

— Я видел рентгеновские снимки его черепа. Присутствующий здесь доктор Сингх совершенно уверен в правильности такой идентификации.

— Что общего у неандертальца и нейтринной обсерватории? — спросил репортёр.

Рубен пожал плечами, признавая, что это очень хороший вопрос.

— Мы не знаем.

— Это наверняка какая-то мистификация, — сказал репортёр-горник. — Это не может быть ничем иным.

— Если так, то меня обвели вокруг пальца, и доктора Сингха тоже.

— Доктор Сингх, — крикнул репортёр, — этот… этот субъект действительно пещерный человек?

— Прошу прощения, — ответил Сингх, — но я не могу обсуждать пациента с кем-либо, кроме участвующих в его лечении врачей.

Рубен уставился на Сингха, не веря своим ушам.

— Доктор Сингх, пожалуйста…

— Нет, — сказал Сингх. — Есть правила…

Рубен на секунду задумался. Потом с жалобным выражением лица повернулся к Понтеру.

— Дело за вами, — сказал он.

Понтер, разумеется, не понимал ни слова, но, по-видимому, сознавал, что происходит что-то серьёзное. На самом деле, подумал Рубен, Понтер сейчас вполне мог бы сбежать, если бы захотел; хоть и не особенно высокий, он был гораздо массивнее и сильнее любого из полицейских. Но глаза Понтера были направлены на доктора Сингха, точнее, как понял Рубен, проследив его взгляд, на манильский конверт, который Сингх крепко сжимал в руках.

Понтер шагнул к Сингху. Рубен увидел, как один из полицейских положил руку на кобуру; по-видимому, предположил, что Понтер собирается напасть на доктора. Однако Понтер остановился прямо перед Сингхом и протянул к нему руку мясистой ладонью вверх, в жесте, универсальном

для всех культур.

Сингх на секунду заколебался, но потом отдал конверт. Здесь не было панели с подсветкой, а на улице уже стемнело. Но огромные окна выходили на стоянку, залитую светом фонарей. Понтер подошёл к окну; он как будто догадался, что полицейские попытаются его задержать, если он направится к стеклянным дверям, ведущим наружу. Он приложил один из снимков — вид сбоку — к оконному стеклу так, чтобы его было видно всем. Камеры были немедленно направлены на снимок, засверкали вспышки. Понтер жестом подозвал Сингха. Сикх подошёл, Рубен последовал за ним. Понтер постучал пальцем по снимку, затем указал на Сингха. Он повторил этот жест два или три раза, потом несколько раз сжал и разжал пальцы на поднятой руке: «Говори» — ещё один, по-видимому, универсальный жест.

Доктор Сингх откашлялся, оглядел обращённые к нему лица заполнивших вестибюль людей, и слегка пожал плечами.

— Э-э… похоже, я получил разрешение пациента на обсуждение его рентгенограмм. — Он вытащил из нагрудного кармана халата ручку и воспользовался ею, как указкой. — Вы видите округлую выпуклость на задней части черепа?

Палеоантропологи называют её затылочным бугром…

Глава 8

Мэри медленно проехала десять километров до своей квартиры на Ричмонд-Хилл. Она жила в Обсерваторном переулке, рядом с обсерваторией Дэвида Данлапа, когда-то — хотя и очень давно и недолго — владевшей самым большим в мире оптическим телескопом, а сейчас из-за огней Торонто низведённой до положения астрономического кружка.

Мэри купила здесь кондоминиум из соображений безопасности. Когда она выезжала на подъездную дорожку, охранник у ворот помахал ей, хотя Мэри и не хотела встречаться с ним взглядом — с ним или кем-либо ещё. Она проехала мимо подстриженных газонов и огромных сосен, объехала вокруг и спустилась в подземный гараж. Её парковочное место было вдалеке от лифта, но она никогда не боялась идти через гараж, даже глубокой ночью. Камеры свисали с потолка, между трубами водопровода и канализации и пожарными разбрызгивателями, торчащими вниз словно носы кротов-звездоносов. Каждый шаг её пути от парковки до лифта находился под наблюдением, хотя сегодня, этим жутким вече-

ром, она не хотела, чтобы её кто-нибудь видел.

Можно ли догадаться о том, что случилось, по её походке? По её склонённой голове, по тому, как она запахивает жакет, словно даже застёгнутый на все пуговицы он недостаточно надёжен, недостаточно закрыт.

Похоже, уже никогда в жизни она не будет чувствовать себя достаточно закрытой.

Она вошла в вестибюль лифта P2, открыв сначала одну, потом вторую дверь. Потом нажала единственную кнопку вызова — отсюда можно было уехать только наверх — и стала ждать, пока приедет одна из трёх кабин. Обычно, дожидаясь лифта, она просматривала объявления, оставленные жильцами либо администрацией. Но сегодня Мэри упёрлась глазами в пол, покрытый обшарпанной выщербленной плиткой. Здесь не было цифрового индикатора, по которому можно бы было следить за приближением кабины, как двумя этажами выше в главном холле, и хотя за пару секунд до открытия дверей кнопка вызова гасла, Мэри решила не следить и за ней. О, ей не терпелось попасть домой, но после первого взгляда вскользь она уже не смогла заставить себя посмотреть на светящуюся стрелку.

Наконец, двери дальнего от неё лифта разверз-

лись. Она вошла и ткнула кнопку четырнадцатого этажа — на самом деле то был тринадцатый, но этот номер считался несчастливым. Над панелью с кнопками этажей поблёскивала стеклянная рамка с отпечатанным на лазерном принтере объявлением: «Удачного дня. Ваш Совет Директоров».

Лифт начал подъём. Когда он остановился, дверь судорожно откатилась в сторону, и Мэри вышла в коридор, недавно застеленный по распоряжению того самого Совета Директоров ковровой дорожкой жуткого томатного цвета, и подошла к двери своей квартиры. Она пошарила в сумочке, нашла ключ, вытащила его…

…и уставилась на него сквозь застилающую глаза пелену слёз; сердце снова тревожно затрепыхалось.

У неё была цепочка для ключей, на конце которой, подаренный двенадцать лет назад тогдашней свекровью, очень практичной дамой, висел SOS-свисток[5] из жёлтой пластмассы.

У неё не было возможности им воспользоваться, пока не стало слишком поздно. О, она могла бы свиснуть в него после нападения, но…

---

[5] notes: 5

Rape whistle — специальный свисток, с помощью которого, как предполагается, женщина может отпугнуть насильника, позвав на помощь.

…но изнасилование — это насильственное преступление, и она осталась жива. У её горла держали нож, но её не ранили, не изуродовали. Однако если бы она свистнула в свисток, насильник мог вернуться, мог убить её.

Послышался тихий звон — прибыл ещё один лифт. Один из её соседей через секунду появится в коридоре. Мэри вставила ключ в замок — свисток закачалася на цепочке — и быстро вошла в тёмную квартиру.

Она стукнула по выключателю и включила свет, потом повернулась и заперла замок на все обороты.

Мэри сбросила туфли и прошла в гостиную с её персиковыми стенами, заметив, но не обратив внимания на подмигивающий ей красный глазок автоответчика. Она прошла в спальню и сняла с себя всю одежду — одежду, которую, она знала, придётся выбросить, потому что она никогда не сможет носить её снова, которая никогда снова не станет чистой, сколько её не стирай. Потом пошла в ванную, смежную со спальней, но не стала включать свет — хватало того, что проникал из спальни от лампы с витражным абажуром на ночном столике. Она забралась в душевую кабинку и в полумраке скребла и тёрла, пока ко-

жа не начала саднить, а потом достала тяжёлую фланелевую пижаму, которая так выручала её в особо холодные зимние ночи, которая закрывала всё её тело целиком, и надела её на себя, заползла в постель, свернулась клубком, трясясь и снова плача, и наконец, наконец, наконец, промучившись несколько часов, провалилась в тревожный сон. Ей снилось, что её преследуют, что она сопротивляется, и что её режут ножом.

* * *

Рубен Монтего никогда не видел своего самого главного босса, президента «Инко», и очень удивился, обнаружив, что его номер есть в телефонном справочнике. С ощутимым трепетом Рубен набрал его.

Рубен гордился своим работодателем. «Инко» начинала, как и многие канадские компании, в качестве дочернего подразделения американской фирмы: в 1916 было создано канадское отделение Международной Никелевой Компании, горнодобывающего концерна со штаб-квартирой в Нью-Джерси. Но двенадцать лет спустя, в 1928, канадское отделение стало головной компанией путём обмена акций.

Основным местом деятельности «Инко» был

метеоритный кратер здесь, в Садбери, где 1,8 миллиардов лет назад астероид размером от одного до трёх километров врезался в Землю на скорости пятнадцать километров в секунду.

Богатство «Инко» росло и падало в соответствии с колебаниями мирового спроса на никель; компания обеспечивала треть его мирового производства. Но всё это время «Инко» старалась быть добросовестным корпоративным гражданином[6]. И когда в 1984 Герберт Чен из Калифорнийского университета заявил, что глубина принадлежащей компании шахты «Крейгтон», её низкая природная радиоактивность и близость к хранилищам тяжёлой воды, производимой для использования в канадских реакторах CANDU, делают её идеальным местом для размещения самого большого в мире нейтринного детектора, «Инко» с готовностью согласилась бесплатно предоставить учёным место, а также, за отдельную плату, провести работы по подготовке детекторной камеры размером с десятиэтажный дом и прокладке ведущего к ней 1200-метрового

[6] notes: 6

Корпоративное гражданство — концепция деловой этики, предполагающая, что корпорация должна ощущать ответственность за свои действия перед всем обществом, а не только перед акционерами или каким-либо узким кругом лиц. *(Прим. перев.)*

штрека.

И хотя Нейтринная обсерватория Садбери была совместным проектом пяти американских и двух канадских университетов, Оксфорда, а также американских Лос-Аламосской, Брукхейвенской и Лоуренсовской национальных лабораторий, обвинения в незаконном проникновении против неандертальца мог выдвинуть только владелец шахты. То есть, «Инко».

— Здравствуйте, сэр, — сказал Рубен, когда президент снял трубку. — Прошу простить за то, что беспокою вас дома. Это Рубен Монтего, я врач на шахте…

— Я знаю, кто вы, — прервал его приятный низкий голос.

Рубен на мгновение смешался, потом продолжил:

— Сэр, я звоню вам, чтобы попросить позвонить в RCMP и сказать им, что вы не собираетесь выдвигать никаких обвинений против человека, найденного внутри Нейтринной обсерватории Садбери.

— Я слушаю.

— Мне удалось убедить госпиталь не выписывать пока этого человека из больницы. Поглощение большого количества тяжёлой воды, согласно

«Перечню опасных материалов», может привести к смерти. Она влияет на осмотическое давление в клеточных стенках. Конечно, он не мог выпить её столько, чтобы нанести себе ощутимый вред, но мы воспользовались этим в качестве предлога для того, чтобы оставить его в больнице. Иначе его бы уже упекли в каталажку.

— В каталажку, — повторил президент с явным удовольствием.

Рубен смешался ещё больше.

— В любом случае, как я сказал, я не думаю, что ему место в тюрьме.

— Расскажите мне, почему вы так думаете, — потребовал голос.

И Рубен рассказал.

Президент компании «Инко» был решительным человеком.

— Я позвоню им, — сказал он.

* * *

Понтер лежал на… предположительно, это была кровать, но она не была утоплена в пол, чтобы лежащий находился на одном с ним уровне; наоборот, она была приподнята над полом на неприятного вида металлической раме. А подушка была бесформенным мешком, наполненным

непонятно чем, но уж точно не высушенными кедровым орешками, как подушки у него дома.

Лысый человек — Понтер заметил, что на голове у него пробивается щетина, так что отсутствие волос не было врождённой особенностью, а достигалось искусственно — покинул комнату. Понтер лежал, закинув руки за голову — это создавало черепу более привычную опору, чем здешние подушки. Хак это не мешало: её сканеры воспринимали всё в радиусе нескольких шагов, а оптический объектив ей был нужен только для того, чтобы рассмотреть что-то за пределами этого радиуса.

— Сейчас, очевидно, ночь, — произнёс он в пространство.

— Да, — ответила Хак. Понтер почувствовал слабую вибрацию кохлеарных имплантов прижатым к ладоням затылком.

— Но снаружи светло. В этой комнате есть окно; похоже, у них искусственное освещение и внутри, и снаружи.

— Интересно знать, зачем? — сказала Хак.

Понтер поднялся — так странно было свешивать ноги с края кровати и нащупывать пол где-то внизу — и заспешил к окну. Было слишком светло, чтобы разглядеть звёзды, но…

— Вон там, — сказал Понтер, поворачивая запястье к окну, чтобы Хак могла видеть.

— Да, это земная луна, — сказала Хак. — Её фаза — примерно последняя четверть — в точности соответствует сегодняшней дате: 148/118/24.

Понтер покачал головой и вернулся на странную приподнятую кровать. Он сел на её край; без опоры для спины сидеть было неудобно. Потом дотронулся до левой стороны головы, которую забинтовал человек с замотанной тканью головой — возможно, подумал Понтер, этот человек тоже серьёзно ранен.

— Голова болит, — сказал он в пустоту.

— Да, — согласилась Хак. — Но ты же сам видел нутрограммы, которые они сделали; серьёзных повреждений нет.

— Но я чуть не утонул.

— Это так.

— Так что… возможно, у меня повреждён мозг. Аноксия и всё такое…

— Думаешь, у тебя галлюцинации? — спросила Хак.

— Ну, — сказал Понтер, обводя рукой комнату, — как ещё объяснить всё это?

— Если у тебя галлюцинации, — ответил компаньон после короткой паузы, — то мои слова о

том, что это не так, могут быть их частью. Так что нет никакого смысла пытаться тебя разубедить, не правда ли?

Понтер снова улёгся на кровать и уставился в потолок, на котором не было ни хрономеров, ни украшений.

— Тебе обязательно нужно поспать, — сказал Хак. — Возможно, утром ситуация прояснится.

Понтер едва заметно кивнул.

— Белый шум, — сказал он. Хак повиновалась и начала проигрывать через кохлеарные импланты тихое, успокаивающее шипение. Но несмотря на это Понтер ещё долго не мог заснуть.

Глава 9

День второй

Суббота, 3 августа

148/118/25

Адекор больше не мог сидеть дома. Дома всё напоминало о несчастном пропавшем Понтере. Понтеров любимый стул, его планшет, статуэтки, которые выбирал он — да вообще всё. Так что он снова вышел на улицу — сидеть на веранде и грустно пялиться на природу. Потом вышла Пабо и какое-то время смотрела на Адекора. Пабо была собакой Понтера, он завёл её задолго до того, как они с Адекором стали жить вместе. Адекор оставит её — хотя бы для того, чтобы в доме не было так одиноко. Пабо ушла обратно в дом. Адекор знал, что она приходила к входной двери, чтобы посмотреть, не возвращается ли Понтер. Она курсировала так между передней и задней дверьми с тех самых пор, как Адекор вернулся вчера вечером один. Никогда прежде Адекор не возвращался с работы без Понтера; бедная Пабо

была озадачена и очень расстроена.

Адекор тоже был очень расстроен. Несколько раз за утро он начинал плакать. Не стенать, не причитать — просто плакать, иногда даже не осознавая этого, пока горячая капля не упадёт на руку.

Спасательные команды обшарили всю шахту, но не нашли никаких следов Понтера. С помощью портативного оборудования пытались поймать сигнал его компаньона, но никаких сигналов не было. Люди с собаками обошли всю шахту штольню за штольней, пытаясь уловить запах человека, который, возможно лежал без сознания в каком-нибудь неприметном закутке.

Это тоже ничего не дало. Понтер исчез полностью и бесследно.

Адекор поёрзал в своём кресле. Оно были сделано из сосновых досок; спинка расширялась кверху, подлокотники широкие и плоские, на них очень удобно ставить питьевую тубу. Несомненно, это была очень полезная вещь. Его создательница — имя Адекор забыл, но оно было выжжено на задней стороне спинки — наверняка считала, что вносит достаточный вклад в жизнь сообщества. Людям нужна мебель; у Адекора был стол и два шкафа, сделанные той же самой

мебельщицей.

Но каков будет вклад Адекора, если Понтера не станет? В их паре главным был Понтер; Адекор это признавал и принимал. Какой вклад он сможет внести без Понтера, дорогого, милого Понтера?

Их проект квантового компьютера мёртв, это Адекору было ясно. Без Понтера у него одного ничего не получится. Другие подобные проекты — женская группа на континенте Эвсой, и ещё одна, мужская, на западном побережье этого континента — продолжат работы по своим планам. Он пожелает им удачи, но, хотя и будет с интересом читать их отчёты, какая-то его часть будет всё время жалеть, что не они с Понтером достигли того или иного прорыва.

Осины и берёзы образовывали над верандой тенистый полог; среди мха у подножия деревьев цвели белые триллиумы. Мимо пробежал бурундук; откуда-то донеслась дробь дятла. Адекор дышал полной грудью, вдыхая пыльцу вместе с запахами земли и природы.

Послушался звук чьих-то шагов. Иногда крупные животные подходили близко к дому даже среди бела дня, хотя…

Внезапно из задней двери выскочила Пабо. Значит, она тоже заметила визитёра. Адекор раздул

ноздри. Это был человек. Мужчина.

Неужели это…?

Пабо жалобно заскулила. Человек вышел из-за угла.

Не Понтер. Конечно, не он.

Сердце Адекора сжалось. Пабо ушла обратно в дом, снова к передней двери, продолжать своё бдение.

— Здравый день, — поздоровался Адекор в мужчиной, взошедшим на веранду. Он его не знал: коренастый, с рыжеватыми волосами. Он был одет в свободную синюю рубаху и зелёные штаны.

— Ваше имя Адекор Халд, и вы проживаете здесь, на Окраине Салдака?

— Первое верно, — ответил Адекор, — второе очевидно.

Визитёр поднял левую руку, обратив внутреннюю часть запястья к Адекору: по-видимому, хотел что-то передать на его компаньон.

Адекор кивнул и выдвинул штырёк на своём компаньоне. Увидел, как его экран вспыхнул, принимая данные. Он ожидал, что это будет рекомендательное письмо, что мужчина — приехавший в город дальний родственник или ремесленник, ищущий работу и предъявляющий

рекомендации. Адекор мог легко стереть эту информацию, если она не представляет интереса.

— Адекор Халд, — произнёс визитёр, — в мои обязанности входит проинформировать вас о том, что Даклар Болбай, действуя в качестве *табанта* несовершеннолетних Жасмель Кет и Мегамег Бек, обвиняет вас в убийстве их отца, Понтера Боддета.

— Что? — вскинулся Адекор. — Вы шутите?

— Нет, не шучу.

— Но Даклар — партнёрша Класт. В смысле, была. Она знает меня целую вечность.

— Тем не менее, — сказал мужчина. — Пожалуйста, обратите ко мне моё запястье, чтобы я мог убедиться в том, что все нужные документы были приняты.

Ошеломлённый Адекор подчинился. Мужчина лишь скользнул взглядом по дисплею, на котором светилась надпись «Болбай обвиняет Халда, передача завершена», потом снова посмотрел на Адекора. — Будет *доосларм басадларм*, — старинное понятие, буквально означающее «малый спрос перед большим спросом», — в ходе которого выяснится, предстанете ли вы за это преступление перед трибуналом.

— Преступления не было! — сказал Адекор;

внутри него вскипала ярость. — Понтер пропал. Он может быть мёртв, я это допускаю — но в результате несчастного случая.

Мужчина пропустил его слова мимо ушей.

— Вы вольны выбрать лицо, которое будет говорить от вашего имени. *Доосларм бадасларм* состоится завтра утром.

— Завтра! — Адикор ощутил, как сжимаются его кулаки. — Это смешно!

— Медлящее правосудие — не правосудие вовсе, — изрёк мужчина и ушёл.

Глава 10

Мэри хотелось кофе. Она соскользнула со своей односпальной кровати, доковыляла до кухни и запустила кофеварку. Потом вошла в гостиную и нажала кнопку воспроизведения на автоответчике, старом, надёжном, серебряном-с-чёрным «Панасонике», в котором всегда что-то громко брякало, когда он начинал и завершал перемотку ленты.

— Четыре новых сообщения, — объявил холодный, лишённый всякого выражения мужской голос; включилось воспроизведение.

— Привет, сестрёнка, это Кристина. Я просто *обязана* рассказать тебе о новом парне, с которым встречаюсь — на работе познакомилась. Да я знаю, знаю, ты всегда говоришь, что нельзя ни с кем заводить шашни на работе, но он правда такой здоровский и такой весёлый. Клянусь, сестрёнка, это настоящая находка!

Настоящая находка, — подумала Мэри. — *Боже ж ты мой, ещё одна.*

Механический голос произнёс: «Пятница, 21:04». В Сакраменто это седьмой час вечера; Кристина, должно быть, позвонила сразу же, как

только ушла с работы.

— Привет, Мэри, это Роз. Целую вечность тебя не видела. Давай поужинаем, а? У вас в Йорке нет «Блюбери-Хилл»? А то тот, что рядом со мной, закрылся. Сейчас я тут всё разгребу, и пойдём, хорошо? Сейчас тебя всё равно нет дома — надеюсь, хорошо проводишь время, что бы там ни делала.

Механический голос: «Пятница, 21:33».

Господи, подумала Мэри. Это же как раз тогда, когда… когда…

Она закрыла глаза.

Началось следующее сообщение.

— Профессор Воган? — произнёс голос с ямайским акцентом. — Это квартира профессора генетики Мэри Воган? Я прошу прощения, если звоню не туда, и за то, что звоню так поздно; я пытался звонить в кампус Йоркского на случай, если вы ещё на работе, но попал на голосовую почту. Я заставил справочное дать мне телефоны всех М. Воган в Ричмонд-Хилле — в статье, которую я нашёл в интернете, было сказано, что вы там живёте. — Сообщение на её автоответчике говорило лишь «Это Мэри», но звонящего, похоже, вдохновило и это. — Так вот. Я надеюсь, меня не разъединят прямо сейчас. Меня зовут Рубен Монтего, я врач, работаю на компанию «Инко» на

шахте «Крейгтон» в Садбери. Я не знаю, видели ли вы уже новости, но мы нашли… — он сделал паузу, и Мэри это показалось странным — до этого места он тараторил непрерывно. — В общем, если вы не видели новостей, то скажем так: мы нашли нечто, что посчитали неандертальцем в, так сказать, прекрасном состоянии.

Мери покачала головой. В Северной Америке не могло быть ископаемых неандертальцев; этот тип, должно быть, принял старый индейский череп за…

— Ну и я запустил в интернете поиск со словами «неандерталец» и «ДНК», и получил кучу ссылок с вашим именем. Не могли бы вы…

Би-и-п. Звонящий исчерпал максимальную длительность сообщения.

«Пятница, 22:20» — доложил голос аппарата.

— Чёрт, ненавижу эти штуки, — снова зазвучал голос доктора Монтего. — Так вот, я пытался сказать, что нам бы очень хотелось, чтобы вы провели экспертизу нашей находки. Перезвоните мне в любое время дня и ночи, номер моего сотового…

У неё нет для этого времени. Ни сегодня, ни в обозримом будущем. Однако неандертальцы не были единственным её интересом; если это

хорошо сохранившиеся древние индейские кости, то это тоже весьма интересно, хотя условия хранения должны быть поистине уникальными для того, чтобы ДНК не разрушилась…

Садбери. Это в Северном Онтарио. А вдруг у них там…

Это было бы просто сказочно. Ещё один человек изо льда, замороженный целиком, возможно, найденный глубоко под землёй при проходке шахты.

Но нет, она и думать сейчас об этом не хочет. Сейчас она вообще ни о чём не хочет думать.

Мэри вернулась на кухню и наполнила кружку свежесваренным кофе, в который добавила немного шоколадного молока из поллитровой упаковки — она не знала никого, кто бы так делал, и давно перестала пытаться заказывать такой кофе в ресторанах. Потом она вернулась в гостиную и включила телевизор, четырнадцатидюймовый агрегат, который она редко когда смотрела: вечерами она предпочитала свернуться калачиком с романом Джона Гришема или, изредка, с любовным романом от «Арлекина»[7].

Она взяла пульт и выбрала «Кейбл-Плюс 24»,

---

[7] notes: 7

«Harlequin» — торонтское издательство, специализирующееся на издании женских романов. *(Прим. перев.)*

круглосуточный новостной канал, посвящавший новостям лишь часть экрана: правая часть показывала прогноз погоды, а внизу мелькали заголовки из «Нэшнл Пост». Мэри хотела узнать сегодняшнюю температуру, и пойдёт ли, наконец, дождь, забрав с собой накопившуюся в воздухе влажность, и…

— …вчерашнее разрушение Нейтринной обсерватории Садбери, — произнесла Женщина-Скунс; Мэри никогда не могла вспомнить её фамилию, но узнавала по нелепой светлой пряди на её темноволосой голове. — Подробностей известно пока немного, но в обсерватории, которая находится на глубине более чем двух километров, по-видимому, произошла серьёзная авария примерно в 15:30. Пострадавших нет, но лаборатория стоимостью 73 миллиона долларов в данный момент закрыта. Детектор, попавший в заголовки мировых новостей в прошлом году после разрешения так называемой «загадки солнечных нейтрино», испытывает на прочность тайны Вселенной. Он был торжественно открыт в 1998; на церемонии открытия присутствовал знаменитый физик Стивен Хокинг. — Лицо Женщины-Скунса сменилось архивными кадрами с Хокингом в инвалидном кресле, спускающимся вниз в шахтёрской клети.

— Кстати, о тайнах. Из больницы Садбери поступили сообщения о том, что в шахте был обнаружен живой неандерталец. С подробностями из Садбери Дон Райт. Дон?

Мэри в абсолютном изумлении смотрела, как журналист-индеец сообщает подробности. У парня, которого они показывали, действительно были надбровные дуги, и…

Боже, череп, мелькнувший на рентгеновском снимке, который чья-то рука прижимала к оконному стеклу.

Он действительно выглядел как неандертальский, но…

Но как это может быть? Как это вообще возможно? И ведь этот парень явно не дикарь, вон какая модная причёска. Мэри смотрела «Кейбл-Плюс 24» довольно регулярно; она знала, что там иногда показывают репортажи, которые на поверку оказываются слегка замаскированной рекламой нового фильма, однако…

Но Мэри была подписана на посвящённый гоминидам лист рассылки и участвовала в тамошних обсуждениях достаточно часто, чтобы быть уверенной: она не могла не слышать о снимающемся здесь, в Онтарио, фильме про неандертальцев.

Садбери… Она никогда не бывала в Садбери, и…

И, чёрт возьми, да, ей сейчас пойдёт на пользу на какое-то время уехать куда-нибудь к чёрту на кулички. Она нажала на автоответчике кнопку просмотра номеров; первым высветился номер с кодом региона 705. Она ткнула в кнопку вызова и устроилась на своём любимом «троне Мортисии»[8], плетёном кресле с высокой спинкой. После трёх гудков ответил голос, который она только что слышала.

— Монтего.

— Доктор Монтего, это Мэри Воган.

— Профессор Воган! Спасибо, что перезвонили. У нас тут…

— Доктор Монтего, видите ли… вы не представляете себе, какой у меня тут сейчас завал. Если это шутка или какая-то…

— Это не шутка, профессор, но мы не хотим пока Понтера никуда отправлять. Вы не могли бы приехать в Садбери?

— Вы абсолютно уверены, что это что-то настоящее?

— Я не знаю; это мы и хотели узнать от вас. Я

---

[8] notes: 8
Мортисия — персонаж сериала «Семейка Адамс». *(Прим. перев.)*

ещё пытаюсь разыскать Норманна Тьерри из UCLA, но в Калифорнии нет и восьми утра…

Чёрт, не хотелось бы, чтобы это досталось Тьерри; если всё это взаправду — хотя, чёрт возьми, как такое может быть? — то шум поднимется до небес.

— Почему вы хотите, чтобы я приехала?

— Я хочу, чтобы вы собственноручно взяли образцы ДНК; я хочу, чтобы не было никаких вопросов по поводу их происхождения и подлинности.

— Отсюда до Садбери… я даже не знаю, не меньше четырёх часов на машине.

— Не беспокойтесь на этот счёт, — сказал Монтего. — В Пирсоне[9] со вчерашнего вечера стоит принадлежащий компании самолёт, на случай, если вы перезвоните. Так что садитесь на такси и езжайте в аэропорт, будете у нас ещё до полудня. И не беспокойтесь о расходах, «Инко» всё возместит.

Мэри осмотрела свою квартиру: белые стеллажи для книг, плетёная мебель, её коллекция фигурок от «Ройал Даултон», репродукции Ренуара в рамках. Она могла бы заехать в университет

---

[9] notes: 9
Международный аэропорт Торонто. *(Прим. перев.)*

на распределение первокурсников, а потом…

Нет. Нет, она не хочет туда возвращаться. Ещё нет, не сегодня — может быть, до самого сентября, когда она должна будет снова выйти на работу.

Но ей нужны первокурсники. И сегодня как раз день, когда их распределяют по профессорам. И она могла бы оставить машину на парковке DD и подойти к Фаркуарсон-билдинг с совершенно другого направления, даже близко не подходя к месту, где…

Где…

Она закрыла глаза.

— Мне надо заехать в университет по одному делу, но потом… да, договорились, я приеду.

Глава 11

Оставалось двадцать четыре дня до того, как Двое в следующий раз станут Одним, этого сказочного четырёхдневного праздника, которого Адекор с нетерпением ждал каждый месяц. Но вопреки правилам приличия он не мог ждать так долго для встречи с той, кого хотел попросить говорить от его имени на *доосларм басадларм*. Он мог поговорить с ней по голосовому коммуникатору, но когда общаешься одними словами, без жестов и феромонов, так многое теряется. Нет, это дело слишком деликатное; ему придётся посетить Центр.

Адекор воспользовался компаньоном, чтобы вызвать транспортный куб с водителем. Община владела примерно тремя тысячами машин; ему не придётся ждать долго, пока до него дойдёт очередь.

Компаньон обратился к нему.

— Ты же помнишь, что сейчас Последние Пять?

Хрящ! Он и забыл об этом. В это время эффект сильнее всего. Он лишь дважды бывал в Центре во время Последних Пяти; он знал тех, кто этого

не делал вообще никогда, и дразнил их, рассказывая, как едва ушёл живым.

Тем не менее будет нелишним окунуться лишний раз в бассейн и смыть с себя собственные феромоны.

Сказано — сделано.

Потом он просушился шнуром и оделся в тёмно-коричневую рубаху и светло-коричневые штаны. Только он успел закончить, как рядом с домом на землю опустился транспортный куб. Пабо, всё ещё ожидающая Понтера, выскочила из дома посмотреть, кто явился. Следом за ней чинно вышел Адекор.

Куб был последней модели, почти полностью прозрачный, с двумя моторами под днищем и сиденьями в четырёх углах; одно из них занимал водитель. Адекор влез в куб и устроился на мягком седлокресле рядом с водителем.

— Едете в Центр? — спросил водитель, сто сорок третий с залысиной, тянущейся вдоль всей головы.

— Да.

— Знаете, что сейчас Последние Пять?

— Да.

Водитель хихикнул.

— Учтите, ждать я вас там не буду.

— Я в курсе, — сказал Адекор. — Поехали.

Водитель кивнул и запустил мотор. У куба была хорошая звукоизоляция: Адекор едва различал шум винтов. Он поудобнее устроился на сиденье. Они обогнали пару других кубов, каждый — с пассажиром-мужчиной. Адекор подумал, что водители, наверное, чувствуют себя весьма полезными. Раньше он никогда не управлял транспортным кубом, но может быть, *эта* работа пришлась бы ему по душе?

— Каков ваш вклад? — спросил водитель, просто чтобы завязать разговор.

Адекор продолжал смотреть сквозь стену куба на окружающий пейзаж.

— Я физик, — ответил он.

— Здесь? — удивился водитель.

— У нас лаборатория под землёй, в выработанной шахте.

— Ах, да, — ответил водитель. — Что-то слышал. Новомодные компьютеры, да?

Наверху пролетел гусь; его белоснежные щёки резко контрастировали с чёрной головой и шеей. Адекор проследил за ним взглядом.

— Точно.

— И как продвигается?

Обвинение в убийстве меняет твой взгляд

буквально на всё, осознал Адекор. При обычных обстоятельствах он просто ответил бы «Нормально», не вдаваясь в подробности произошедшего несчастья. Однако в какой-то момент могут задать вопросы и водителю. «Да, арбитр, я вёз Адекора Халда, и когда я спросил его, как идут дела с его компьютерным проектом, он сказал “нормально”. Понтер Боддет погиб, но он не высказал по этому поводу никакого сожаления.»

Адекор сделал глубокий вдох, потом ответил, взвешивая каждое слово:

— Вчера у нас был несчастный случай. Мой партнёр погиб.

— Ох, — сказал водитель. — Очень печально это слышать.

Местность, через которую они двигались, была скучна и невыразительна: древние гранитные обнажения и низкий кустарник.

— Мне тоже, — ответил Адекор.

Они продолжили путь в молчании.

Конечно, его не могли признать виновным в убийстве; арбитр наверняка постановит, что коль скоро нет тела, то нет доказательств того, что Понтер мёртв, не говоря уж о том, что он пал от его руки.

Но если…

Если его всё-таки осудят за убийство, то…

То что? Разумеется, у него отнимут всю его собственность, которую отдадут партнёрше Понтера и его детям, но… но нет, нет, Класт ведь умерла двадцать месяцев назад.

Помимо конфискации имущества, что ещё?

Конечно… конечно, не *это*.

Но с другой стороны, а какое ещё наказание может быть за убийство? Оно казалось бесчеловечным, но в случае необходимости к нему прибегают с самого первого поколения.

Конечно, он беспокоится попусту. Даклар Болбай, очевидно, скорбит по Понтеру, ведь Понтер — партнёр Класт, которая была партнёршей Болбай; и он, и она были связаны с Класт, и её смерть потрясла Болбай не меньше, чем Понтера. А теперь она потеряла и Понтера тоже. Да, Адекору теперь было ясно, что двойная потеря на время вывела её из душевного равновесия. Нет сомнений, что через день или два Болбай придёт в себя, отзовёт обвинение против Адекора и извинится.

И Адекор, конечно, примет её извинения; а что ещё ему остаётся.

Но если она *не отзовёт* иск? Если Адекор пройдёт через этот смехотворный процесс и предстанет перед трибуналом? Что тогда? Ну,

тога ему придётся…

Водитель снова заговорил, прервав размышления Адекора.

— Мы почти в Центре. Вы знаете точный адрес?

— Северная сторона, площадь Мелбон.

Адекор увидел, как голова водителя наклонилась и выпрямилась в знак подтверждения.

Они и правда уже въезжали в Центр; открытые пространства уступали место рощам осин и берёз и группам зданий, построенных из культивированных деревьев и серого кирпича. Был почти полдень, и утренние облака исчезли без следа.

По мере их продвижения Адекор заметил сначала одну женщину, потом другую, потом ещё несколько, идущих вдоль дороги. Самые прекрасные существа на свете.

Одна из них заметила машину и указала другой на Адекора. Появление мужчины в Центре не в дни, когда Двое становятся Одним, не было такой уж редкостью, но в Последние Пять дней месяца на мужчину в Центре обращали внимание.

Адекор пытался не обращать внимания на направленные на него взгляды женщин; машина тем временем углублялась в город.

Нет, думал он. Нет, они не признают его винов-

ным. Ведь тела нет!

И всё же, если они признают…

Куб летел дальше, неся в себе Адекора, сжавшегося на своём сиденье. Он чувствовал, как сжимается его мошонка, вдавливая содержимое внутрь тела, подальше от грозящей опасности.

Глава 12

Рубен Монтего пришёл в восторг, узнав, что Мэри Воган уже на пути в Садбери. Часть его страстно желала, чтобы она генетически доказала, что Понтер не является неандертальцем, что он обычный заурядный человек. Это вернуло бы ситуации некоторую рациональность; он плохо спал в ту ночь, а наутро обнаружил, что ему было бы гораздо легче проглотить историю про чудака, специально изменившего себя так, чтобы походить на неандертальца, чем про настоящего неандертальца. Возможно, Понтер и правда был членом какого-то странного культа, как Рубен сразу и предположил. Если бы его в детстве заставляли носить специальные шлемы в форме неандертальского черепа, постепенно увеличивая их размер по мере роста, то и его череп приобрёл бы такую форму. А в какой-то момент он, очевидно, перенёс операцию на нижней челюсти, в результате которой она и приобрела свои доисторические очертания…

Да, так вполне могло бы быть, думал Рубен.

Ехать прямо в аэропорт смысла пока не было; профессор Воган прибудет только через пару

часов. Поэтому Рубен отправился в медицинский центр Сент-Джозеф проведать Понтера.

Первое, что он заметил, войдя в палату, были тёмные полукружья у Понтера под глазами. Рубен был рад, что на его собственной лице не могут появиться подобные признаки усталости. Его родители, ещё когда они жили в Кингстоне (в том, что на Ямайке, а не в Онтарио, хотя и в этом втором Кингстоне ему довелось немного пожить), никогда не могли определить по его виду, спал он, или полночи читал комиксы.

Возможно, подумал Рубен, доктору Сингху стоит прописать Понтеру седативное. Даже если он и правда неандерталец, то, что действует на людей, наверняка подействует и на него. Впрочем, если бы решения принимал он, то тоже, вероятно, предпочёл бы перебдеть.

В любом случае, Понтер сейчас сидел на кровати за принесённым медсестрой поздним завтраком. Он смотрел на поднос так, словно на нём чего-то не хватало. В конце концов он обернул руку белой льняной салфетку и начал есть этой обёрнутой рукой, подцепляя ломтики бекона по одному за раз. Столовыми принадлежностями он воспользовался лишь раз, когда ел яичницу, причём для этой цели он взял ложку, а не вилку.

Тост он, обнюхав, вернул обратно на поднос. Он также проигнорировал содержимое маленькой упаковки кукурузных хлопьев «Келлог», хотя и с видимым удовольствием возился с замысловатой перфорацией, чтобы открыть пакетик и высыпать хлопья в плошку. Сперва осторожно попробовав, одним глотком осушил маленькую пластиковую чашку апельсинового сока, но отказался и от кофе, и от четвертьлитровой упаковки молока пониженной жирности.

Рубен пошёл в ванную, чтобы набрать ему чашку воды из-под крана — и застыл на пороге.

Понтер на самом деле был откуда-то не отсюда. В этом не осталось сомнений. О, не смыть за собой унитаз — это не так уж необычно, но…

Но Понтер не только не смыл — он ещё и подтёрся лентой с надписью «Продезинфицировано для вашей защиты» вместо висящей тут же туалетной бумаги. Никто, даже житель самой отсталой страны третьего мира не сделает такой ошибки. А ведь Понтер явно был из технически развитого общества; об этом свидетельствовал загадочный имплант у него на левом запястье.

Ладно, подумал Рубен, лучший способ побольше узнать об этом человеке — поговорить с ним. Он определённо не может — или не хочет — гово-

рить по-английски, но, как говаривала бабушка Рубена, есть шестьдесят и девять способов освежевать кошку.

— Понтер, — сказал Рубен, произнеся единственное слово, которое выучил прошлым вечером.

Пришелец довольно долго молчал, его голова булла немного наклонена в сторону. Потом он кивнул, будто соглашаясь с кем-то, но не с Рубеном.

— Рубен, — произнёс он.

Рубен улыбнулся.

— Правильно. Меня зовут Рубен. — Он говорил очень медленно. — А тебя зовут Понтер.

— Понтер, *ка*, — сказал Понтер.

Рубен указал на имплант на левом запястье Понтера.

— Что это? — спросил он.

Понтер поднял левую руку.

— *Пасалаб*, — сказал он. Потом произнёс это слово снова, медленно, по слогам, должно быть, догадавшись, что начался урок языка. — *Па-салаб*.

И тут Рубен осознал свою ошибку: соответствующего английского слова попросту не существовало. Ну, может быть, «имплант», но это слишком

общий термин. Он решил попробовать что-нибудь попроще. Он поднял вверх один палец.

— Один, — сказал он.

— *Колб*, — отозвался Понтер.

Он показал два пальца, как знак победы.

— Два.

— *Дак*, — сказал Понтер.

Три пальца.

— Три.

— *Нарб.*

Четыре пальца.

— Четыре.

— *Дост.*

Полная рука, пять растопыренных пальцев.

— Пять.

— *Айм.*

Рубен продолжил, добавляя по пальцу уже левой руки, пока не выучил числительные от одного до десяти. Потом попробовал их вразброс, чтобы посмотреть, будет Понтер называть их одинаково, или он их придумывает на ходу. Насколько Рубен мог судить — он и сам не очень хорошо помнил эти незнакомые слова — Понтер в показаниях не путался. Это была не хохма; это был настоящий язык.

Потом Рубен стал указывать на части тела. Он

ткнул пальцем в свою бритую голову.

— Голова, — сказал он.

Понтер указал на собственную голову.

— *Кадун*.

Рубен указал на глаз.

— Глаз.

И тут Понтер сделал нечто поразительное. Он поднял правую руку ладонью наружу, словно прося Рубена подождать минутку, и потом начал быстро говорить на своём языке, слегка пригнув голову и снова склонив её набок, словно разговаривая с кем-то по невидимому телефону.

— Душераздирающее зрелище! — сказала Хак Понтеру через кохлеарные импланты.

— Да ты что! — ответил Понтер. — Мы, знаешь ли, не такие, как ты; информацию в нас нельзя просто *записать*.

— Достойно сожаления, — сказал Хак. — Но правда, Понтер, если бы ты с самого начала следил за тем, что они говорят друг другу, то сейчас бы уже знал гораздо больше слов, чем этот куцый список существительных. Я с большой долей достоверности распознала 116 слов их языка и по контексту использования примерно догадываюсь о значении ещё 240.

— Хорошо, — сказал Понтер с некоторым раз-

дражением, — если ты считаешь, что у тебя получится, лучше, чем у меня…

— При всём уважении, в деле изучения языка даже у шимпанзе получится лучше, чем у тебя.

— Ладно, ладно! — сказал Понтер. Он потянулся к запястью и вытянул на компаньоне штырёк, включающий его внешний динамик. — Давай, работай!

— С удовольствием, — ответила Хак через кохлеарные импланты и переключилась на внешний динамик.

— Превет, — сказал женский голос. Сердце у Рубена подпрыгнуло. — Эй, я здесь!

Рубен посмотрел вниз. Голос исходил от странного импланта на левом запястье Понтера.

— Сказать руке, — произнёс имплант.

— Гмм, — сказал Рубен. Потом: — Привет.

— Превет, Рубен, — повторил голос женский голос. — Меня зовут Хак.

— Хак, — повторил Рубен, слегка качнув головой. — Где вы?

— Я здесь.

— Нет, в смысле *где* вы? Я так понимаю, эта штуковина — что-то вроде сотового телефона — кстати, в больнице ими пользоваться вообще-то нельзя, они могут создавать помехи контрольной

аппаратуре. Мы не можем вам перезвонить…

Би-и-ип!

Рубен замолчал. Сигнал исходил от импланта.

— Учим язык, — сказала Хак. — Следуйте.

— Учим? Но…

— *Следуйте*, — повторил Хак.

— Э-э… да, хорошо. О-кей.

Внезапно Понтер кивнул, будто услышал что-то неслышное для Рубена. Он указал на дверь палаты.

— Это? — сказал Рубен. — О, это дверь.

— Много слова, — сказал Хак.

Рубен кивнул.

— Дверь, — сказал он. — Дверь.

Понтер встал и подошёл к двери. Он положил свою огромную ладонь на ручку и, потянув за неё, открыл дверь.

— Гмм, — сказал Рубен. Потом: — О! Открыть. Открыть.

Понтер закрыл дверь.

— Закрыть.

Понтер несколько раз открыл и закрыл дверь.

Рубен нахмурился, но потом догадался:

— Открывает. Понтер открывает дверь. Или закрывает. Открывает. Закрывает. Открывает. Закрывает.

Понтер подошёл к окну. Он сделал руками жест, будто охватывая его.

— Окно, — сказал Рубен.

Он постучал по стеклу.

— Стекло, — сказал Рубен.

Понтер распахнул окно, и снова зазвучал женский голос:

— Я открывает окно.

— Нет, — поправил Рубен. — Я открываю. Понтер открывает. Я открываю.

Понтер захлопнул створки.

— Я закрываю окно, — сказал женский голос.

— Да! — сказал Рубен. — Всё верно!

Глава 13

Адекор Халд уже забыл, на что похожи Последние Пять. Он чуял их, чуял всех женщин. Менструация ещё не наступила — осталась самая малость. Её начало, которое совпадёт с новолунием, будет означать окончание Последних Пяти, окончание текущей луны и начало следующей. Но менструация будет у всех; он знал это, ощущая запах витающих в воздухе феромонов.

Ну, не у всех до единой, конечно. У подростков — девочек из поколения 148 — не будет, равно как у тех женщин поколения 144, у которых наступила менопауза, и также практически у всех представительниц более ранних поколений. И если бы какая-то из женщин была беременна или кормила грудью, у неё бы тоже не было менструации. Но до поколения 149 оставалось ещё много месяцев, а поколение 148 отлучено от груди давным-давно. Также было небольшое количество женщин, которые, обычно не по своей вине, были бесплодны. Но остальные, живущие вместе в Центре, постоянно обоняющие феромоны друг друга, давно синхронизовали свои циклы, и у них у всех вот-вот должен был начаться новый период.

Адекор прекрасно знал, что эти гормональные изменения делают женщин раздражительными в конце каждого месяца, и что именно поэтому пращуры-мужчины задолго до того, как начался отсчёт поколений, в эти дни собирались и уходили в лес.

Водитель высадил Адекора возле дома, который он искал — простого прямоугольного строения, наполовину выращенного, наполовину построенного из кирпича и раствора, с солнечными панелями на крыше. Адикор глубоко вдохнул через рот — успокаивающий вдох, минующий носовые синусы и обонятельные рецепторы. Он медленно выпустил воздух и пошёл по узкой тропинке мимо цветочных клумб, травяных газонов, кустов и живописно расставленных камней, заполняющих пространство перед домом. Добравшись до двери, которая оказалась приоткрыта, он громко позвал:

— Эй! Есть кто дома?

Мгновение спустя из-за двери появилась Жасмель Кет. Она была высокая, гибкая, и ей только-только исполнилось 250 лун — возраст совершеннолетия. Адекор различал в её лице черты и Понтера, и Класт; Жасмель повезло, что она унаследовала его глаза и её скулы, а не наоборот.

— Чт… Что… — Жасмель запнулась. Она замолчала, с заметным усилием овладела собой, и заговорила снова: — Что ты тут делаешь?

— Здравый день, Жасмель, — сказал Адикор. — Давно не виделись.

— Тебе хватает нахальства заявляться сюда, да ещё в Последние Пять.

— Я не убивал твоего отца, — сказал Адекор. — Честное слово, не убивал.

— Но его нет. Если он жив, то где он?

— Если он мёртв, то где тело? — спросил Адекор.

— Не знаю. Даклар говорит, что ты избавился от него.

— Даклар здесь?

— Нет, она ушла на курсы обмена мастерства.

— Я могу войти?

Жасмель взглянула на свой имплант, будто хотела удостовериться, что он по-прежнему функционирует.

— Ну… думаю, да, — сказала она.

— Спасибо.

Она отступила в сторону, и Адекор вошёл в дом. Внутри было прохладно — большое облегчение в летнюю жару. В углу возился домашний робот, поднимая с пола разные мелочи и удаляя с них

пыль маленьким пылесосом.

— Где твоя сестра? — спросил Адекор.

— *Мегамег*, — Жасмель произнесла имя сестры с нажимом, словно упрекая Адекора за то, что он, по-видимому, забыл его, — Мегамег играет в *барсталк* с друзьями.

Адекор раздумывал, стоит ли ему показать, что он прекрасно осведомлён о жизни Мегамег — ведь Понтер постоянно рассказывал о ней и Жасмель. Будь это просто визит вежливости, он не стал бы развивать эту тему. Но от этого визита многое зависело.

— Мегамег, — повторил Адекор. — Да, Мегамег Бек. Из 148-го, да? Для своего возраста маловата, но драчлива. Хочет стать хирургом, когда вырастет.

Жасмель молчала.

— А ты, — продолжал напирать Адекор, — Жасмель Кет, учишься на историка. Особо интересуешься Эвсоем до начала отсчёта поколений, но тебе также нравится эпоха тридцатых поколений на этом континенте…

— Хватит, — сказала Жасмель, оборвав его на полуслове.

— Ваш отец часто о вас рассказывал. Он вас очень любил и гордился вами.

Жасмель приподняла бровь, явно удивлённая и польщённая.

— Я его не убивал, — снова сказал Адекор. — Поверь, я тоскую по нему так, что не выразить словами. С того… — Он оборвал себя; он едва не сказал, что со дня исчезновения Понтера Двое ещё не становились Одним, так что у Жасмель ещё не было шанса ощутить его отсутствие. Действительно, при нормальных обстоятельствах она бы и не виделась с отцом в последние три дня, с тех пор, как Двое перестали быть Одним. А вот для Адекора пустота в доме, отсутствие партнёра, который всегда был рядом, было реальностью его жизни каждое мгновение с того момента, как он пропал. Однако глупо спорить о том, чьё горе сильнее; Адекор осознавал, что, как бы он ни любил Понтера, но его дочь Жасмель связана с ним генетически, его плоть и кровь.

Вероятно, Жасмель подумала о том же самом.

— Я тоже по нему скучаю. Уже. Я… — Она отвела взгляд. — Я не слишком много времени с ним проводила, когда Двое становились Одним. Понимаешь, тот парень, с которым мы…

Адекор кивнул. Он не был уверен, что полностью понимает, каково быть отцом молодой женщины. У него самого не было детей поколе-

ния 147. Они с Лурт тогда уже образовали пару, но как-то так получилось, что Лурт не смогла забеременеть. Пришлось услышать массу шуток о том, как физик и химичка не смогли одолеть биологию. От поколения 148 у Адекора был сын Даб; он был мал и ещё жил с матерью, но стремился проводить с отцом каждое мгновение во время его ежемесячных визитов.

Но Адекор слышал и Понтеровы… ну, не сказать, что жалобы; он понимал, что таков естественный порядок вещей. Но всё же у Жасмель оставалось для отца так мало времени, когда Двое становились Одним, и Адекор знал, что Понтера это расстраивало. А теперь, похоже, Жасмель осознавала, что никогда больше не увидит отца, жалела о том времени, которое могла бы провести с ним, понимала, что уже ничего не исправить, не наверстать, что отец уже никогда её не обнимет, что она никогда не услышит его голос, одобрительный или весёлый или просто спрашивающий, как дела.

Адекор осмотрелся и нашёл себе стул. Он был деревянный, сработанный той же мебельщицей, что и тот, на котором Понтер любил сидеть на их веранде — та женщина была знакомой Класт.

Жасмель присела на другом краю комнаты.

Позади неё робот уборщик тихо исчез, направившись в другую часть дома.

— Ты знаешь, что будет, если меня признают виновным? — спросил Адекор.

Жасмель закрыла глаза, вероятно, чтобы не дать взгляду метнуться вниз.

— Да, — тихо сказала она. Но потом продолжила, будто защищаясь: — Но какая разница? Ты уже оставил потомство, у тебя двое детей.

— Не двое, — сказал Адекор. — Один, со 148-го.

— О, — тихо вздохнула Жасмель, видимо, пристыженная тем, что она знала про партнёра отца меньше, чем партнёр отца знал про его дочерей.

— И, кроме того, речь не только обо мне. Моего сына Даба тоже стерилизуют, и мою сестру Келон — всех, у кого по крайней мере пятьдесят процентов генов моих генов.

Конечно, сейчас не старые времена; сейчас — эра генетического тестирования. Если бы Келон и Даб смогли показать, что не унаследовали аберрантных генов Адекора, то их могли бы помиловать и не подвергать операции. Но хотя некоторые преступления были результатом какого-то хорошо изученного генетического изъяна, убийство подобных маркеров не имело. К тому же, убийство было преступлением на-

столько отвратительным, что возможность, даже исчезающее малая, передачи склонности к нему последующим поколениям будет пресекаться всеми возможными средствами.

— Я сожалею об этом, — сказал Жасмель. — Но…

— Нет никаких «но», — сказал Адекор. — Я невиновен.

— Тогда арбитр признает тебя таковым.

Ах, безыскусность юности, подумал Адекор. Это даже могло показаться милым, если бы речь не шла о нём самом.

— Это очень необычный случай, — сказал Адекор. — Даже я это признаю. Но нет ни единой причины, которая заставила бы меня убить любимого человека.

— Даклар говорит, что тебе было тяжело всё время находиться в тени моего отца.

Адекор почувствовал, как его спина напряглась.

— Я бы так не сказал.

— А я бы сказала, — возразила Жасмель. — Мой отец, скажем честно, был умнее тебя. Тебе не нравилось быть на побегушках у гения.

— Мы делаем вклад, на который способны, — сказал Адекор, цитируя «Кодекс Цивилизации».

— Истинно так, — сказала Жасмель. — И тебе хотелось, чтобы твой вклад был главнее. Но в вашем проекте вы проверяли идеи Понтера.

— Это не причина его убивать, — огрызнулся Адекор.

— Так ли? Моего отца нет, и ты был с ним, когда он пропал.

— Да, его нет. Его нет, и я… — Адекор чувствовал, как в глазах набухают слёзы, слёзы горечи и отчаяния. — Мне так тоскливо без него. Я говорю с откинутой головой: я этого не делал. Я не мог.

Жасмель посмотрела на Адекора. Она видела, как раздуваются его ноздри, обоняла его запах, его феромоны.

— Почему я должна тебе верить? — спросила она, скрещивая руки на груди.

Адекор нахмурился. Он не скрывал свой скорби; он пытался апеллировать к чувствам. Но у девушки от Понтера были не только глаза, но и ум — острый, аналитический, ставящий во главу угла рационализм и логику.

— Хорошо, — сказал Адекор, — подумай вот о чём. Если я виновен в гибели твоего отца, будет приговор. Я потеряю не только способность к воспроизводству, но и свой статус и всё, чем владею. Я не смогу продолжить работу: Серый Совет на-

верняка потребует от осуждённого убийцы более прямого и осязаемого вклада, если ему вообще будет позволено оставаться частью общества.

— И это правильно, — сказала Жасмель.

— Ага, но если я *не* виновен, если *никто* не виновен, если твой отец просто пропал, потерялся, то ему нужна помощь. Ему нужна *моя* помощь; я — единственный, кто, возможно, способен… *вытащить* его. Без меня твой отец пропал навсегда. — Он посмотрел в её золотистые глаза. — Ты не понимаешь? Самым разумным сейчас будет поверить мне: если я лгу, если я убил Понтера — тогда никакое наказание его не вернёт. Но если я говорю правду, если Понтер не убит, то его единственная надежда в том, что я продолжу его искать.

— Шахту *уже* обыскали, — сказала Жасмель.

— Шахту — да, но… — Решится ли он ей сказать? Даже звучащие лишь в его голове, слова казались безумными; он мог представить, каким бредом они покажутся, будучи произнесёнными вслух. — Мы работали с параллельными вселенными, — сказал Адекор. — Возможно — лишь теоретически, конечно, но когда речь идёт о человеке, который так важен для тебя и меня, такой возможностью нельзя пренебрегать — так вот,

возможно, что он, так сказать, каким-то образом провалился в одну из этих вселенных. — Он умоляюще посмотрел на неё. — Ты должна знать хоть что-нибудь о работе отца. Даже если ты проводила с ним мало времени, — он видел, как уязвили её эти слова, — он должен был рассказывать тебе о своей работе, о своих теориях.

Жасмель кивнула.

— Да, он мне рассказывал.

— Так вот, есть шанс… вернее, он может появиться. Но сначала мне нужно разобраться с этим дурацким *доосларм басадларм*; мне нужно вернуться к работе.

Жасмель долго молчала. Адекор знал по редким спорам с её отцом, что дать ей молча обдумать ситуацию будет эффективнее, чем продолжать уговаривать, но уже не мог остановиться.

— Пожалуйста, Жасмель. пожалуйста. Это наиболее разумный выбор. Предположи, что я невиновен, и появляется шанс вернуть Понтера. Предположи, что виновен, и он пропал навсегда.

Жасмель сидела молча ещё некоторое время. Потом спросила:

— Чего ты от меня хочешь?

Адекор моргнул.

— Я… э-э… я думал, это очевидно, — сказал он.

— Я хочу, чтобы ты говорила от моего имени на *доосларм бадасларм*.

— Я? — воскликнула Жасмель. — Но ведь это я обвиняю тебя в убийстве!

Адекор повернул к ней своё левое запястье.

— Я тщательно изучил документы, которые мне вручили. Мой обвинитель — партнёрша твоей матери, Даклар Болбай, действующая от имени детей твоей матери: тебя и Мегамег Бек.

— Именно.

— Но она не может действовать от твоего имени. Тебе уже 250 лун; ты взрослая. Да, ты пока не можешь голосовать — как и я, разумеется — но ты уже сама за себя отвечаешь. Даклар может быть *табантом* Мегамег, но не твоим.

Жасмель нахмурилась.

— Я… я не подумала об этом. Я так привыкла, что Даклар заботится о нас с сестрой…

— С точки зрения закона ты теперь совершенно независимая личность. И никто лучше не убедит арбитра в том, что я не убивал Понтера, чем его собственная дочь.

Жасмель закрыла глаза, сделала глубокий вдох и выпустила воздух в долгом, судорожном выдохе.

— Хорошо, — сказала она, наконец. — Хорошо.

Если есть шанс, хоть какой-нибудь шанс, что папа до сих пор жив, я им воспользуюсь. Я должна. — Она кивнула. — Да, я согласна говорить от твоего имени.

Глава 14

По стенам конференц-зала шахты «Крейгтон» были развешаны планы запутанной сети тоннелей и штолен. Посреди длинного деревянного стола лежал кусок никелевой руды. У одной из стен стоял канадский флаг; противоположную стену занимало огромное окно, выходящее на парковку и холмистую местность за ней.

Во главе стола сидела Бонни Джин Ма — европейского вида женщина с огромной гривой каштановых волос; фамилия досталась ей от мужа-китайца. Она была директором Нейтринной обсерватории Садбери и только что прилетела из Оттавы.

За длинной стороной стола сидела Луиза Бенуа, высокая красивая сотрудница обсерватории, которая находилась на вахте в пультовой, когда случилась катастрофа. Напротив неё сидел Скотт Нейлор, инженер из компании-производителя акриловой сферы, составлявшей основу нейтринного детектора. Рядом с ним расположился Альберт Шоуаноссовей, главный эксперт «Инко» по механике горных пород.

— Хорошо, — сказала Бонни Джин. — Последние

новости таковы: начато осушение детекторной камеры, чтобы предотвратить ещё большее загрязнение тяжёлой воды. КанАтомЭнерго планирует отделить тяжёлую воду от обычной, а мы, теоретически, можем снова собрать сферу, заполнить её восстановленной тяжёлой водой и снова запустить детектор. — Она оглядела собравшихся в зале людей. — Но мне всё ещё хочется знать, что стало причиной случившегося.

Нейлор, коренастый лысеющий мужчина, заговорил:

— Я бы сказал, что сфера, содержащая тяжёлую воду, была разорвана внутренним давлением.

— Оно могло быть создано оказавшимся внутри человеком? — спросила Бонни Джин.

Нейлор покачал головой.

— Сфера вмещает 1100 тонн тяжёлой воды; добавьте человека весом в сотню килограмм — одна десятая тонны — и вы увеличите эту массу на одну десятитысячную. Плотность человека примерно такая же, как плотность воды, так что объём также увеличится на одну десятитысячную. Акриловая сфера легко такое выдержит.

— Значит, внутри сферы должно было произойти что-то вроде взрыва, — сказал Шоуаноссовей, черноволосый индеец-оджибве лет пятидесяти.

Нейлор покачал головой.

— Мы сделали анализ образцов воды из детекторной камеры. Никаких следов взрывчатых веществ — а таких, которые способны взрываться, будучи пропитанными водой, вообще-то не так много.

— Тогда что? — спросила Бонни Джин. — Мог это быть, я не знаю, прорыв магмы или что-то такое, отчего вода закипела?

Шоуаноссовей покачал головой.

— За температурой на обсерватории, да и на всей шахте, тщательно следят. Никаких изменений не зафиксировано. В каверне обсерватории она постоянно держалась на нормальном уровне в 105 градусов — это по Фаренгейту, по Цельсию сорок один. Жарко, но до точки кипения очень далеко. Помните также, что шахта находится в миле с четвертью под землёй; атмосферное давление там около 1300 миллибар, то есть на 30% больше, чем на поверхности. А при повышенном давлении температура кипения, разумеется, увеличивается, а не уменьшается.

— А что насчёт другой крайности? — спросила Бонни Джин. — Может, тяжёлая вода замёрзла?

— Она действительно расширяется при замерзании, как и обычная вода, — сказал Нейлор. Он

нахмурился. — Да, это разорвало бы сферу. Но тяжёлая вода замерзает при 3,82 градусах Цельсия. На такой глубине не может быть настолько холодно.

Луиза Бенуа присоединилась к разговору.

— Что если в сферу попал не один человек? Как много материала можно в неё добавить, прежде чем она лопнет?

Нейлор на секунду задумался.

— Точно не скажу; мы никогда не делали таких расчетов. Мы всегда знали совершенно точно, сколько именно тяжёлой воды КАЭ собирается нам одолжить. — Он задумался. — Ну… не знаю, может быть, 10 процентов. Сотня кубометров или около того.

— Сколько это? — спросила Луиза. Она оглядела конференц-зал. — Эта комната в длину метров шесть, так ведь?

— Двадцать футов? — сказал Нейлор. — Да, примерно столько.

— И здесь десятифутовый потолок — это около трёх метров, — продолжала Луиза. — То есть, потребовалось бы добавить примерно объём этой комнаты.

— Более-менее.

— Это смешно, Луиза, — сказала Бонни Джин.

— Вы нашли там только одного человека.

Луиза кивнула, соглашаясь, но потом подняла свои изогнутые брови.

— А как насчёт *воздуха*? Что будет, если в сферу закачать сотню кубометров воздуха?

Нейлор кивнул.

— Я думал об этом. Думал, может быть, в сферу попал пузырь газа, хотя не представляю себе, как он мог проникнуть внутрь. Образцы воды, которые мы взяли, демонстрируют некоторую аэрацию, но…

— Но что? — спросила Луиза.

— Ну, вода действительно была насыщена газом — азот, кислород, немного CO_2, а также немного габброидной каменной пыли и пыльцы. Другими словами, обычный шахтный воздух.

— В таком случае, он не мог исходить из помещений нейтринной обсерватории, — заметила Бонни Джин.

— Точно так, мэм, — сказал Нейлор. — Воздух в обсерватории очищенный; в нём отсутствует каменная пыль и другие загрязнители.

— Но единственная часть шахты, которая соединяется с детекторной камерой — это помещения обсерватории, — сказала Луиза.

Нейлор и Шоуаноссовей кивнули.

— О’кей, о’кей, — сказала Бонни Джин, складывая руки перед собой и сплетая пальцы. — Что мы имеем? Объём содержащегося в сфере материала увеличился, как мы думаем, на 10 процентов или больше. Это могло быть вызвано впуском сотни кубометров неочищенного воздуха — хотя, если только воздух не закачивали феноменально быстро, его бы сжало давлением воды, не так ли? И, в любом случае, мы понятия не имеем, откуда этот воздух взялся — определённо не из обсерватории — или как он попал внутрь сферы. Всё верно?

— Всё примерно так и есть, мэм, — сказал Шоуаноссовей.

— И этот человек — мы тоже не знаем, как он попал в сферу? — спросила Бонни Джин.

— Нет, — ответила Луиза. — Технический люк, отделяющий заполненное тяжёлой водой внутренней пространство от обычной воды снаружи остался задраенным даже после того, как сфера лопнула.

— Ладно, — сказала Бонни Джин, — мы знаем, как этот… этот неандерталец, как они его называют — вообще попал внутрь шахты?

Шоуаноссовей единственный из присутствующих работал непосредственно на «Инко». Он

развёл руками.

— Служба безопасности шахты просмотрела записи со всех камер слежения и журналы доступа за предшествующие инциденту сорок восемь часов, — сказал он. — Каприни — это шеф нашей охраны — клянётся, что когда найдёт того, кто пустил этого парня внутрь, полетят головы. Ещё худшие кары он обещает тем, кто его покрывает.

— Что, если никто не врёт? — спросила Луиза.

— Это просто невозможно, мисс Бенуа, — сказал Шоуаноссовей. — Никто не может проникнуть в обсерваторию незамеченным.

— Только если он пользуется подъёмником, — ответила Луиза. — Но что, если он пришёл другим путём?

— Думаете, он два километра спускался по вентиляционной шахте? — Шоуаноссовей сердито нахмурился. — Даже если бы он и правда это сделал — а для такого нужны стальные нервы — то камеры слежения всё равно бы его заметили.

— Я к этому и веду, — сказала Луиза. — Очевидно, он не спускался в шахту. Как сказала профессор Ма, его называют неандертальцем. Но это неандерталец с каким-то высокотехнологичным имплантом, вживлённым в запястье — я сама его видела.

— И что? — спросила Бонни Джин.

— Ну пожалуйста! — воскликнула Луиза. — Вы все наверняка думаете о том же самом, что и я. Он не пользовался подъёмником. Он не лез через вентиляцию. Он просто *появился* внутри сферы — он, и некое количество воздуха объёмом с эту комнату.

Нейлор просвистел начальные ноты музыкальной темы из «Стартрека».

Все рассмеялись.

— Да ладно, — сказала Бонни Джин. — Согласна, ситуация малость безумная, и искушение дать ей такое же безумное объяснение велико. Но давайте оставаться на твёрдой земле.

Шоуаноссовей тоже умел свистеть. Он изобразил тему из «Сумеречной зоны».

— Прекратите! — рявкнула на него Бонни Джин.

Глава 15

Мэри Воган была единственным пассажиром принадлежащего «Инко» самолёта марки «Лирджет», выполняющего рейс Торонто — Садбери. Садясь в самолёт, она заметила на его тёмно-зелёном боку надпись «Никелец-огурец».

Мэри воспользовалась коротким перелётом, чтобы просмотреть на портативном компьютере материалы по своим прошлым исследованиям; со времён публикации в «Сайенс» её исследований неандертальской ДНК прошло много лет. Читая свои записки, она наматывала на палец золотую цепочку от маленького крестика, который она всегда носила на шее.

В 1994 Мэри сделала себе имя, когда сумела извлечь генетический материал из тридцатитысячелетнего медведя, найденного в юконской вечной мерзлоте. Поэтому когда двумя годами позже в *Rheinisches Amt für Bodendenkmalpflege* — германском ведомстве, ответственном за археологические раскопки на территории Рейнланда — решили, что пришло время посмотреть, нельзя ли извлечь ДНК из самой знаменитой окаменелости всех времён, *того самого* человека

неандертальского, они позвонили Мэри. Она колебалась: образец был обезвожен, никогда не замораживался, и — оценки разнились — ему было около 100000 лет, втрое старше медведя. Однако устоять было невозможно. В июне 1996 она прилетела в Бонн и явилась в *Rheinisches Landesmuseum*, где хранилась находка.

Наиболее известная её часть — верхняя часть черепа с надбровными дугами — выставлялась, остальные кости хранились в стальной ящике, запертом в стальном шкафу, стоящем в стальном сейфе размером с комнату. Мэри вошла в сейф в сопровождении местного препаратора костей по имени Ганс. Они надели защитные пластиковые комбинезоны и медицинские маски; были предприняты все меры предосторожности для того, чтобы избежать загрязнения древних костей современной ДНК. Конечно, нашедшие кости археологи без сомнения их загрязнили, но за минувшие с тех пор полтораста лет их незащищённая ДНК на поверхности костей полностью распалась.

Мэри могла взять лишь малюсенький кусочек кости; туринские священники стерегут свою плащаницу столь же ревностно. Тем не менее, это оказалось чрезвычайно трудно и для неё, и

для Ганса — они словно оскверняли величайшее произведение искусства. Мэри обнаружила, что утирает слёзы, наблюдая, как Ганс ювелирной пилой отрезает полукруглый фрагмент толщиной всего сантиметр и весом три грамма от правой плечевой кости, сохранившейся лучше других.

К счастью, твёрдый карбонат кальция в наружных слоях кости должен был защитить и сохранить исходную ДНК внутри неё. Мэри привезла образец в свою лабораторию в Торонто и высверлила из него крошечные образцы.

Потребовалось пять месяцев кропотливой работы, чтобы извлечь 379-нуклеотидную последовательность из контрольного участка неандертальской митохондриальной ДНК. Мэри воспользовалась полимеразной цепной реакцией, чтобы создать миллионы копий восстановленной ДНК, а потом тщательно секвенировала её. Потом она проверила соответствующий участок митохондриальной ДНК 1600 современных людей: канадских индейцев, полинезийцев, австралийцев, африканцев, азиатов и европейцев. У каждого из этих 1600 людей по крайней мере 371 из 379 нуклеотидов были одинаковы; максимальное отклонение равнялось всего восьми нуклеотидам.

Но в ДНК неандертальца в среднем лишь 352 нуклеотида совпадало с современными образцами; отклонение в целых двадцать семь нуклеотидов. Мэри заключила, что её вид людей и неандертальцы должны были разойтись в развитии где-то между 550000 и 690000 лет назад, чтобы их ДНК оказалась настолько различной. Общий же предок всех современных людей жил, вероятно, между 150000 и 200000 лет назад. Хотя разделение линий людей и неандертальцев произошло гораздо позже, чем разделение рода Homo и его ближайших родственников, шимпанзе и бонобо, имевшее место от пяти до восьми миллионов лет назад, это всё же было достаточно давно, чтобы Мэри посчитала неандертальцев совершенно отдельным от современных людей видом, а не просто подвидом: Homo neanderthalensis, а не Homo sapiens neanderthalensis.

Многие не согласились. Милфорд Уолпофф из Мичиганского университета был уверен, что неандертальские гены были полностью включены в генофонд современных европейцев; любой образец, демонстрирующий что-то иное, он считал нехарактерной последовательностью или неверной интерпретацией.

Но многие палеоантропологии согласились с

выводами Мэри, хотя каждый — и она сама в том числе — оговорился, что для подтверждения нужно провести дополнительные исследования… если только появится другой источник неандертальской ДНК.

И сейчас, возможно — лишь возможно — такой источник был найден. Этот неандерталец никак не может быть настоящим, думала Мэри, но если он всё же настоящий…

Мэри закрыла компьютер и посмотрела в иллюминатор. Под ней простирался пейзаж Северного Онтарио, усыпанный обнажениями скал Канадского щита и утыканный осинами и берёзами. Самолёт начал снижение.

* * *

Рубен Монтего понятия не имел, как выглядит Мэри Воган, но, поскольку на самолёте «Инко» не было других пассажиров, он опознал её без труда. Это оказалась белая женщина под сорок с волосами медового цвета, темнеющими у корней. В ней было, наверное, фунтов десять лишнего веса, а когда она подошла ближе, Рубен ясно увидел, что она мало спала в эту ночь.

— Профессор Воган, — сказал Рубен, протягивая руку. — Я Рубен Монтего, врач с шахты «Крейг-

тон». Спасибо, что приехали. — Он указал на молодую женщину, с которой приехал в аэропорт. — Это Джиллиан Риччи, пресс-секретарь «Инко»; она о вас позаботится.

Рубену показалось, что Мэри была очень обрадована тем, что её будет сопровождать молодая привлекательная женщина; возможно, профессор была лесбиянкой. Он потянулся за чемоданчиком, который Мэри держала в руках.

— Позвольте вам помочь.

Мэри отдала ему чемодан, но держалась рядом с Джиллиан, а не Рубеном, когда они шли под летним солнцем через посадочное поле. Рубен и Джиллиан были в солнцезащитных очках; Мэри же щурилась от яркого света — очевидно, она очки с собой не захватила.

Когда они подошли к тёмно-красному «форду-эксплореру» Рубена, и Джиллиан начала садиться на заднее сиденье, вежливо уступив переднее гостье, Мэри остановила её.

— Нет-нет, лучше я там сяду, — сказала она. — Я… мне надо вытянуть ноги.

Её странное заявление на мгновение повисло в воздухе, потом Джиллиан слегка пожала плечами и пошла к передней двери.

Они поехали прямиком в медицинский центр

Сент-Джозеф, который находился на Парижской улице, прямо за зданием Музея Севера в форме снежинки. По дороге Рубен вкратце рассказал о происшествии в обсерватории и о странном человеке, которого там нашли.

Когда они въезжали на больничную парковку, Рубен заметил три фургончика местных телестанций. Больничная охрана, разумеется, не пускает журналистов к Понтеру, но так же очевидно, что журналисты держат эту историю под неусыпным наблюдением.

Когда они вошли в палату 3-G, Понтер смотрел в окно, обратив к ним свою широкую спину. Он махал кому-то — и Рубен сообразил, что с улицы его, должно быть, снимают телекамеры. Знаменитость, идущая на контакт, подумал он. Журналисты будут от парня без ума.

Рубен вежливо кашлянул, и Понтер обернулся. На фоне дневного света, льющегося из окна, его всё ещё было трудно разглядеть. Но когда он шагнул вперёд, Рубен с удовлетворением проследил, как у Мэри от первого же брошенного на неандертальца взгляда отвисла челюсть. Она говорила, что мельком видела Понтера по телевизору, но это, похоже, никак не подготовило её к встрече с реальностью.

— Вот тебе и Карлтон Кун, — сказала Мэри, по-видимому, придя в себя.

— Что вы сказали? — резко обернулся к ней Рубен.

Мэри сначала опешила, потом смешалась.

— О, нет, простите[10]. Карлтон Кун, американский антрополог. Он утверждал, что если неандертальца одеть в костюм от «Брукс Бразерс», то он легко сойдёт за обычного человека.

— Ах, — сказал Рубен и кивнул. Потом сказал: — Доктор Воган, позвольте представить вам Понтера.

— Здравствуйте, — донёсся женский голос из импланта на запястье.

Рубен увидел, как глаза Мэри удивлённо расширились.

— Да, — сказал он, кивнув. — Эта штука у него на руке разговаривает.

— Что это такое? — спросила Мэри. — Говорящие часы?

— Нечто гораздо большее.

Мери наклонилась, чтобы рассмотреть поближе.

— Я не узнаю этих цифр, если это цифры, — ска-

---

[10] notes: 10

Непереводимая игра слов. Кун — coon (сокращение от raccoon — енот) — презрительное прозвище чернокожих. *(Прим. перев.)*

зала она. — И… вам не кажется, что они сменяются слишком быстро?

— У вас верный глаз, — сказал Рубен. — Да, так и есть. Используются десять различных цифр, хотя я таких значков никогда не видел. И я засекал время — они сменяются каждые 0,86 секунд, что, если посчитать, оказывается в точности одной стотысячной частью суток. Другими словами, это десятичная система отсчёта времени, основанная на продолжительности земных суток. И, как вы можете видеть, это весьма продвинутый прибор. Дисплей не жидкокристаллический; я не знаю, какой именно, но изображение на нём чётко видно под любым углом и при любом освещении.

— Меня зовут Хак, — произнёс имплант на левом запястье странного человека. — Я — компаньон Понтера.

— Ах, — сказала Мэри, выпрямляясь. — Э-э… рада познакомиться.

Понтер произвёл серию низких звуков, которые Мэри не смогла разобрать.

— Понтер тоже рад, — сказал имплант.

— Мы провели утро за изучением языка, — сказал Рубен Мэри. — Как видите, мы довольно далеко продвинулись.

— Да уж, — потрясённо сказала Мэри.

— Хак, Понтер, — сказал Рубен. — Это Джиллиан.

— Зравствуйте, — сказал Хак. Понтер кивнул в знак согласия.

— Здравствуйте, — сказала Джиллиан, пытаясь, как показалось Рубену, выглядеть невозмутимой.

— Хак — это… в общем, я думаю, термин «компьютер» здесь подойдёт. Говорящий портативный компьютер. — Рубен улыбнулся. — Моему «палм-пилоту» даёт сто очков форы.

— Кто… кто-нибудь производит устройства вроде этого? — спросила Джиллиан.

— Насколько я знаю, нет, — ответил Рубен. — Но у неё — Хак, я имею в виду, — у неё отличная память. Услышит слово раз, и уже не забудет.

— А этот человек, Понтер, он правда не говорит по-английски? — спросила Мэри.

— Не говорит, — подтвердил Рубен.

— Невероятно, — сказала Мэри. — Невероятно.

Имплант Понтера пискнул.

— Невероятно, — повторил Рубен, поворачиваясь к Понтеру. — Означает нечто, во что невозможно поверить, — имплант снова пискнул, — не являющееся правдой. — Он обернулся к Мэри. — Мы определили концепции «правды»

и «неправды» с помощью простых арифметических действий, но, как видите, нам есть, над чем поработать. Например, хотя для Хак, с её идеальной памятью, гораздо легче выучить английский, чем для нас — неандертальский, но ни она, ни Понтер не способны произнести звук «и».

— Правда? — внезапно оживилась Мэри. Её это всерьёз заинтересовало, подумал про себя Рубен. Он кивнул.

— Вас зовут Мере, — сказала Хак, иллюстрируя явление. — Её зовут Джеллеан.

— Это… это потрясающе, — сказала Мэри.

— Да? — удивился Рубен. — Почему?

Мэри сделала глубокий вдох.

— Много лет идут споры о том, могли ли неандертальцы говорить, и если могли, то какого рода звуки они могли производить.

— И какие же? — сказал Рубен.

— Некоторые лингвисты полагали, что неандертальцы были неспособны произносить звук «и», потому что у них ротовая полость глубже, чем у нас.

— То есть он всё-таки неандерталец! — подытожил Рубен.

Мэри снова сделала вдох, потом медленно выдохнула.

— Я как раз и приехала, чтобы это выяснить, не так ли?

Она поставила на стол свою сумку и открыла её. Из сумки она достала пару латексных перчаток и натянула их на руки. Потом открыла пластиковую упаковку ватных палочек и достала одну.

— Мне нужно, чтобы он открыл рот, — сказала Мэри.

Рубен кивнул.

— Это легко. — Он повернулся к Понтеру. — Понтер открывать рот.

Была секундная задержка — как Рубен уже выяснил, Хак могла переводить для Понтера так, чтобы никто её не слышал. Понтер вскинул свою сросшуюся светловолосую бровь на надбровную дугу — очень непривычное зрелище — словно был удивлён просьбой, но сделал то, что просили.

Рубен был поражён. В школе у него был друг, который мог засунуть в рот кулак. Однако у Понтера ротовая полость уходила так далеко назад и была настолько объёмна, что там, должно быть, поместился бы не только кулак, но и запястье, и часть предплечья.

Мэри осторожно протянула руку и провела ватной палочкой по внутренней стороне длинной

скошенной щеки.

— Во рту клетки легко отслаиваются, — объяснила она, должно быть, заметив озадаченное выражение на лице Джиллиан. — Это самый простой способ взять образец ДНК. — Она вынула ватную палочку у Понтера изо рта и немедленно поместила её в стерильный контейнер, который запечатала и надписала. — Ну вот, это всё, что мне нужно, — сказала она.

Рубен посмотрел на Джиллиан, потом на Мэри.

— Здорово, — сказал он. — А когда мы узнаем результаты?

— Ну, мне нужно вернуться в Торонто, и там…

— Конечно, если хотите, — сказал Рубен, — но я… в общем, позвонил другу на факультете химии и биохимии в Лаврентийском университете. Наш университет совсем маленький, но у него хорошая лаборатория, где делают анализы ДНК для полиции — и федеральной, и провинциальной. Вы бы могли работать там.

— «Инко» поселит вас в «Рамаде»[11] за свой счёт, — добавила Джиллиан.

Мэри явно собиралась отказаться от этого предложения. Она уже начала было говорить, но

---

[11] notes: 11

Ramada — международная гостиничная сеть. *(Прим. перев.)*

вдруг, по-видимому, передумала.

— Конечно, — сказала она. — Конечно, почему нет?

Глава 16

Теперь, когда Жасмель согласилась говорить от имени Адекора, он должен был отвести её на Окраину и показать ей место так называемого преступления. Однако Адекор попросил Жасмель подождать деци или около того, потому что у него было ещё одно дело в Центре.

Партнёршей Понтера была Класт; Адекор хранил о ней тёплые воспоминания и был безутешен, когда она умерла. Но у него была и его собственная партнёрша, и она, к счастью, пребывала в добром здравии. Адекор знал красавицу Лурт Фрадло так же давно, как и Понтера; у них с Лурт был сын Даб 148 поколения. Однако, несмотря на давнее знакомство и партнёрство, Адекор всего несколько раз бывал у Лурт в химической лаборатории; ведь, в конце концов, когда Двое становятся Одним, это выходные дни и на работу никто не ходит. К счастью, компаньон знал дорогу и отвёл Адекора куда надо.

Лаборатория Лурт была целиком построена из камня; хотя вероятность взрывов в химических лабораториях не слишком велика, правила безопасности предписывают строить такие здания

из материалов, способных противостоять взрывам и огню.

Дверь в здание была открыта. Адекор вошёл.

— Здравый день, — сказала женщина, проделавшая, по мнению Адекора, отличную работу по сокрытию своего удивления при виде мужчины в этот период месяца.

— Здравый день, — ответил Адекор. — Я ищу Лурт Фрадло.

— Она дальше по этому коридору.

Адекор улыбнулся и пошёл вдоль коридора.

— Здравый день, — сказал он, просовывая голову в дверь лаборатории Лурт.

Лурт обернулась и расцвела в улыбке.

— Адекор! — воскликнула она, подбежала к нему и крепко обняла. — Какой приятный сюрприз!

Адекор не мог припомнить, виделся ли он когда-нибудь прежде с Лурт во время Последних Пяти. Она выглядела совершенно нормальной и рассудительной — как, кстати, и Жасмель. Возможно, мужские представления о Последних Пяти несколько раздуты…

— Привет, красавица, — сказал Адекор, снова сжимая её в объятиях. — Как я рад тебя видеть.

Но Лурт хорошо знала своего мужа.

— Что-то случилось? — спросила она, выпуская его. — Рассказывай.

Адекор оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что они одни. потом взял Лурт за руку и отвёл её на другой край комнаты, где стояла пара лабораторных кресел рядом с большим стендом с периодической таблицей; кроме них в лаборатории присутствовали лишь двое паукообразных роботов: один переливал жидкость из мензурки в мензурку, другой собирал какую-то конструкцию из колб и трубок. Адекор сел; Лурт расположилась в соседнем кресле.

— Меня обвинили в убийстве Понтера, — сказал он.

Глаза Лурт широко распахнулись.

— Понтер умер?

— Я не знаю. Он пропал вчера днём.

— Вчера вечером у нас был праздник свежевания, — сказала Лурт. — Я не слышала новостей.

Он рассказал ей всю историю. Она сочувствовала ему и ни разу не высказала сомнения в невиновности Адекора; на доверие Лурт Адекор всегда мог рассчитывать.

— Ты хочешь, чтобы я говорила за тебя? — спросила Лурт.

Адекор отвёл взгляд.

— Тут такое дело. Я уже попросил Жасмель.

Лурт кивнула.

— Дочь Понтера. Да, я думаю, это произведёт впечатление на арбитра.

— Я как раз про это и подумал. Надеюсь, ты не обидишься.

Она улыбнулась.

— Ну что ты. Но послушай, если я хоть чем-нибудь могу помочь…

— Да, есть одно дело, — сказал Адекор. Он вытащил из набедренного кармана маленький пузырёк. — Это образец воды, который я взял на месте исчезновения Понтера; там по полу было разлито несколько вёдер. Сможешь сделать анализ?

Лурт взяла пузырёк и посмотрела его на просвет.

— Конечно, — ответила она. — И если нужно будет что-то ещё, только попроси.

* * *

Адекор вернулся на Окраину вместе с дочерью Понтера Жасмель. Они поехали прямиком на никелевую шахту; Адекор хотел показать Жасмель место, где пропал её отец. Но когда они подошли к шахтному лифту, Жасмель вдруг заколебалась.

— В чём дело? — спросил Адекор.

— Я… у меня клаустрофобия.

Адекор в растерянности покачал головой.

— Да нет, не может быть. Понтер рассказывал, что когда ты была маленькой, то любила прятаться в кубиках для *добалака*. А не далее как декамесяц назад вы лазали в пещеру.

— Ну, гммм… — Жасмель замолкла.

— О! — Адекор кивнул, догадавшись. — Ты мне не доверяешь, не так ли?

— Просто это как-то… ну, мой отец был последним, кто спускался с тобой в эту шахту. И не поднялся обратно.

Адекор вздохнул. Её можно было понять. Кто-то, какое-то частное лицо, должно было обвинить Адекора в убийстве; без этого разбирательство не могло начаться. Так что если он избавится от Жасмель, Мегамег и Болбай, возможно, некому будет поддержать иск против него…

— Кто-то должен спуститься вместе с нами,- сказал Адекор.

Жасмель задумалась. Она тоже, должно быть, подумала о том, что всё, что она делает сейчас, приобретает особое значение. Да, она могла попросить кого-нибудь сопровождать их — кого-нибудь из знакомых, тех, кому она доверяла без

вопросов. Но этого человека также могут вызвать на разбирательство, если дело дойдёт до трибунала. «Да, арбитр, я знаю, что Жасмель говорит от имени Адекора, но даже она слишком боится его, чтобы спуститься с ним вдвоём в шахту. И можно ли её винить, после того, что он сделал с её отцом?»

В конце концов она заставила себя улыбнуться, и улыбка эта напомнила Адекору Понтера.

— Нет, — сказала она, — нет, зачем? Я просто нервничаю. — Она улыбнулась снова, более радостно. — В конце концов, сейчас ведь именно *те* дни месяца.

Однако когда они приблизились к входу в лифт, перед ними возник какой-то особенно массивный мужчина.

— Стойте где стоите, учёный Халд, — сказал он.

Адекор был уверен, что никогда в жизни не видел этого человека.

— Да?

— Вы намереваетесь спуститься в свою лабораторию?

— Да, намереваюсь. А вы кто такой?

— Гаскдол Дат, — ответил мужчина. — Мой вклад — принуждение.

— Принуждение? К чему?

— К соблюдению условий судебного надзора. Я не могу пустить вас под землю.

— Судебного надзора? — сказала Жасмель. — Что это такое?

— Это значит, — сказал Дат, — что передачи компаньона учёного Халда непрерывно просматриваются живым человеком в момент их получения в павильоне Архива Алиби — и так будет продолжаться до тех пор десять деци в день, двадцать девять дней в месяц, пока его невиновность не будет доказана. Если будет.

— Я не знал, что такое разрешено, — Адекор был потрясён.

— О, конечно разрешено, — сказал Дат. — В тот момент, как Даклар Болбай подала на вас жалобу, арбитр приказал поместить вас под судебный надзор.

— Почему? — спросил Адекор, пытаясь совладать с поднимающимся гневом.

— Разве Болбай не пересылала вам документ, объясняющий это? — спросил Дат. — Если нет, это её упущение. В любом случае, судебный надзор даст уверенность, что вы не попытаетесь покинуть данную юрисдикцию, сфальфицировать потенциальные улики и так далее.

— Но я не пытаюсь делать ничего такого, —

сказал Адекор. — Почему вы не пускаете меня в лабораторию?

Дат посмотрел на Адекора так, словно не поверил своим ушам.

— Почему? Потому что сигналы вашего компаньона оттуда не доходят; там невозможно осуществлять надзор.

— Пустая кость, — тихо выругался Адекор.

Жасмель скрестила руки на груди.

— Я Жасмель Кет, и я…

— Я знаю, кто вы, — ответил принудитель.

— Тогда вы, должно быть, знаете, что Понтер Боддет — мой отец.

Принудитель кивнул.

— Этот человек пытается его спасти. Вы *обязаны* пустить его в его лабораторию.

Дат потрясённо покачал головой.

— Этого человека обвиняют в убийстве вашего отца.

— Но вполне возможно, что он никого не убивал, — ответила Жасмель. — Мой отец может быть до сих пор жив. Единственный способ это узнать — повторить их эксперимент с квантовыми вычислениями.

— Я ничего не знаю о квантовых экспериментах, — ответил Дат.

— Почему меня это не удивляет? — съязвил Адекор.

— За словом в карман не лезете, а? — Дат оглядел Адекора с головы до ног. — В любом случае, мои инструкции просты. Не давать вам покидать Салдак или спускаться в шахту. А мне позвонили из архива алиби и сказали, что вы как раз это и собираетесь делать.

— Я должен попасть туда, — сказал Адекор.

— Простите, — сказал Дат, складывая массивные руки на массивной груди. — Там вы не только выйдете из-под надзора, но и можете попытаться избавиться от ещё не найденных улик.

Жасмель в самом деле унаследовала от отца его быстроту ума.

— Однако ничто не мешает *мне* спуститься туда, не так ли? — сказала она. — Я не под надзором.

Дат подумал.

— Нет. Полагаю, что нет.

— Хорошо, — сказала Жасмель, поворачиваясь к Адекору. — Скажи мне, что делать, чтобы вернуть отца назад.

Адекор покачал головой.

— Это не так просто. Оборудование очень сложное, и поскольку мы всё конструировали под

себя, многие штырьки даже не подписаны.

Жасмель была не на шутку расстроена. Она посмотрела на здоровяка-принудителя.

— А что, если вы спуститесь вниз вместе с нами? Вы увидите всё, что делает Адекор.

— Спуститься с вами? — Дат рассмеялся. — Вы хотите, чтобы пошёл в место, откуда не доходят сигналы компаньона, да ещё и с человеком, который, возможно, ранее совершил в этом месте убийство? Не смешите шерсть у меня на спине.

— Вы *должны* пропустить его вниз, — сказала Жасмель.

Но Дат лишь покачал головой.

— Наоборот. Я должен *не пускать* его туда.

Адекор выпятил челюсть.

— Как? — спросил он.

— Э-э… прошу прощения? — ответил Дат.

— Как? Как вы собираетесь помешать мне спуститься в шахту?

— Любым способом, который потребуется, — ровно ответил Дат.

— Ну, хорошо, — сказал Адекор. Он замер на мгновение, словно обдумывая, действительно ли он собирается это сделать. — Ну, хорошо, — повторил он и решительно двинулся к входу в лифт.

— Стойте, — сказал Дат без какого-либо напря-

жения в голосе.

— Или что? — спросил Адекор, не оглядываясь. Он старался, чтобы его слова прозвучали бесстрашно, но его голос дрогнул, так что желаемого эффекта он не добился. — Разобьёте мне череп? — В этот момент мышцы шеи у него непроизвольно сжались, ожидая удара.

— Вряд ли, — сказал Дат. — Просто усыплю вас дротиком с транквилизатором.

Адекор остановился и повернулся.

— О, — сказал он. Он никогда не пытался идти наперекор закону, и не знал никого, кто бы это делал. Да, было бы логично обзавестись способами остановить человека, не причиняя ему вреда.

Жасмель встала между Адекором и метателем дротиков, который тем временем оказался у Дата в руке.

— Вам придётся сначала выстрелить в меня, — сказала она. — Он спустится вниз.

— Как пожелаете. Только должен вас предупредить — вы проснётесь с ужасной головной болью.

— Прошу вас! — крикнул Жасмель. — Он пытается спасти моего отца — вы не понимаете?

В голосе Дата впервые послышалось что-то вроде сочувствия.

— Вы хватаетесь за дым. Я знаю, как вам тяжело, но вам придётся смириться с реальностью. — Он качнул метателем в сторону выхода из шахты. — Я сожалею, но ваш отец мёртв.

Глава 17

В генетической лаборатории Лаврентийского университета не было такого оборудования для извлечения дергадировавшей ДНК из старых образцов, как в лаборатории Мэри в Йоркском. Однако в данном случае оно и не требовалось. Взять клетки у Понтера из ротовой полости и извлечь из них митохондриальную ДНК — эта рутинная операция была под силу любой генетической лаборатории мира.

Мэри ввела два праймера — коротких отрезка митохондриальной ДНК, соответствующих началу последовательности, которую она идентифицировала много лет назад в образце, взятом у германского неандертальца. Потом она добавила фермент — ДНК-полимеразу, запустив полимеразную цепную реакцию, в ходе которой интересующий её участок подвергнется амплификации — будет воспроизводить себя снова и снова, каждый раз вдвое увеличиваясь в объёме. Скоро у неё будут миллионы копий этого участка для анализа.

Как сказал Рубен Монтего, лаборатория в Лаврентийском много работала по заказу поли-

цейской судмедэкспертизы, так что здесь был запас специальной ленты для герметизации ёмкостей. Это лента использовалась для того, чтобы генетики могли без тени сомнения утверждать в суде, что содержимое ёмкости не могло быть фальсифицировано в то время, когда на неё никто не смотрел. Мэри запечатала контейнер с результатами продолжающейся полимеразной амплификации и расписалась на ленте.

Потом она воспользовалась лабораторным терминалом для того, чтобы проверить свою почту в Йоркском. За последние сутки почты пришло больше, чем за весь предшествующий месяц; многие письма были от экспертов по неандертальцам со всего мира, которые как-то прознали о том, что она в Садбери. Пришли письма из Вашингтонского, Мичиганского, Стэнфордского, Кембриджского университетов, из UCB[12], UCLA, Университета Брауна, Университета штата Нью-Йорк, из британского Музея естественной истории, французского Института четвертичной истории и геологии, её старых друзей из *Rheinisches Landesmuseum* и от многих других — и все спрашивали образцы неандертальской ДНК,

[12] notes: 12

University of California, Berkeley — Калифорнийский университет в Беркли. *(Прим. перев)*

в то же самое время отпуская по этому поводу шутки, поскольку, разумеется, такого попросту *не могло* было быть.

Она проигнорировала все эти письма, но посчитала необходимым написать своей аспирантке в Йоркском:

> Дария,
>
> Прошу прощения за свой поспешный отъезд, но я знаю, что вы со всем отлично справитесь. Уверена, что вы уже видели новости, и я могу сказать — да, есть реальный шанс, что этот человек действительно неандерталец. Я сейчас провожу тестирование его ДНК для окончательного подтверждения.
>
> Я не знаю, когда смогу вернуться. Я задержусь здесь по меньшей мере ещё на несколько дней. Но я хочу вам сказать… вернее, предупредить… мне показалось, что когда я ушла с работы в пятницу, меня пытался преследовать мужчина. Будьте осторожны. Если собираетесь работать допоздна, то пусть ваш друг приезжает и встречает вас, либо звоните в службу сопровождения, чтобы вас проводили

до дома.

Будьте здоровы,

МНВ

Мэри перечитала письмо несколько раз, потом нажала «Отправить».

А потом долгое время просто сидела, тупо уставившись в экран.

Да провались оно.

Провались, провались, провались.

Она не могла выбросить это из головы — даже на пять минут. Похоже, не менее половины её сегодняшних мыслей было посвящено ужасным событиям… *Боже мой, неужели это было только вчера?* Казалось, прошло гораздо больше времени, несмотря на то, что воспоминания о том, что он с ней сделал, были по-прежнему остры, как скальпель.

Если бы она была в Торонто, то могла бы поговорить об этом с матерью…

Но её мать — добрая католичка, и, обсуждая изнасилование, не избежать других неприятных тем. Мама беспокоилась бы о том, чтобы Мэри не забеременела, хотя ни за что не одобрила бы аборт — у Мэри был с ней горячий спор по поводу эдикта Иоанна Павла, предписавшего изнаси-

лованным в Боснии монахиням родить в срок. Но сказать, что об этом нечего беспокоиться, потому что Мэри принимает противозачаточные таблетки, было бы ничуть не лучше. С точки зрения родителей Мэри календарный метод был единственным приемлемым способом планирования семьи — Мэри считала подлинным чудом, что у них было всего четверо детей, а не целая дюжина.

Конечно, она могла бы поговорить об этом с братьями или сестрой. Вот только… вряд ли она смогла бы говорить о таком с мужчиной — *любым* мужчиной. Так что Билл и Джон исключались. А её единственная сестра, Кристина, уехала в Сакраменто, а это не такая вещь, которую захочешь обсуждать по телефону.

И всё же, ей надо с кем-то поговорить. Поговорить с кем-то лично.

То есть, с кем-то *отсюда*.

На лабораторном столе стоял рекламный календарь Лаврентийского университета. Мэри нашла в нём карту кампуса и отыскала на ней то, что искала. Она поднялась из-за стола. Пройдя по коридору к лестничному пролёту, она перешла из 1-го Научного в Учебный корпус и прошла через то, что, как она узнала, местные студенты

называют боулинговой аллеей — длинный наземный стеклянный переход между Учебным и Главным корпусами. Переход был залит светом полуденного солнца; она прошла мимо киоска с пончиками «Тим Хортонс» и несколькими стендами, посвящёнными студенческой деятельности. Наконец, на дальнем конце боулинговой аллеи она свернула налево, прошла мимо отделения связи, поднялась по лестнице и прошла по короткому коридору.

Посещение центра помощи жертвам изнасилований в Йоркском университете исключалось без вопросов; там работали в основном волонтёры, и хотя предполагалось, что они будут поддерживать конфиденциальность, искушение рассказать кому-нибудь по секрету, что насилию подвергся кто-то из преподавательского состава, могло оказаться непреодолимым. К тому же, её могли увидеть входящей туда или выходящей оттуда.

Но в Лаврентийском университете, при его скромных размерах, такой центр тоже был. Грустная истина состоит в том, что такой центр нужен в каждом университете; она слышала, что такой

есть даже в Университете Орала Робертса[13]. Никто здесь не знал Мэри, её ещё не показывали по телевизору, хотя, несомненно, покажут, когда она будет представлять результаты анализа ДНК Понтера. Так что если она хочет хоть какой-нибудь анонимности, стоит поторопиться.

Дверь была открыта. Мэри вошла в маленькую приёмную.

— Здравствуйте, — сказала молодая чернокожая женщина, сидящая за столом. Она встала и вышла из-за стола к Мэри. — Входите, входите.

Мэри понимала логику её действий. Вероятно, многие женщины доходили до порога, но потом бросались наутёк, не в силах рассказать кому-то о том, что с ними произошло.

Впрочем, женщина, похоже, сообразила, что если Мэри и подверглась насилию, это произошло не только что. Одежда Мэри была в полном порядке, равно как причёска и макияж. К тому же, сюда наверняка заходят не только жертвы — люди приходят поработать волонтёрами или провести исследование, просто воспользоваться ксероксом.

— Вам сделали больно? — спросила женщина.

---

[13] notes: 13
Христианский университет в штате Оклахома. *(Прим. перев.)*

Больно. Да, это правильный подход. Гораздо проще признать, что тебе сделали больно, чем произнести слово на букву «и».

Мэри кивнула.

— Я обязана спросить, — сказала женщина. У неё были большие карие глаза; ноздря проколота крошечным гвоздиком с блестящим камешком. — Это случилось сегодня?

Мэри покачала головой.

Какую-то долю секунды женщина выглядела… нет, «разочарованной» было неподходящим словом, подумала Мэри, но случай, несомненно, был бы более интересным, если бы это произошло только что, если бы надо было вскрывать комплект для сбора улик, если бы…

— Вчера, — сказала Мэри, впервые заговорив. — Вчера вечером.

— Это был… кто-то знакомый?

— Нет, — сказала Мэри… но потом задумалась. По сути, она не была уверена в ответе на этот вопрос. Насильник был в лыжной маске. Это мог быть кто угодно: студент из её группы, другой преподаватель, кто-то из технического персона-

ла, какой-нибудь подонок из Дрифтвуда[14]. Кто угодно. — Я не знаю. Он… на нём была маска.

— Я знаю, что он сделал вам больно, — сказала женщина, беря Мэри под руку и ведя вглубь офиса, — но он вас не ранил? Вам не нужен доктор? — Женщина сделала упреждающий жест. — Мы можем вызвать доктора-женщину.

Мэри снова покачала головой.

— Нет, — сказала она. — У него был… — её голос дрогнул, удивив её саму. Она начала сначала. — У него был нож, но он им не воспользовался.

— Животное, — сказала женщина.

Мэри кивнула в знак согласия.

Они вошли во внутренний офис, стены которого были выкрашены в мягкий розовый цвет. Здесь было два стула, но не было дивана — даже здесь, в этом убежище, его вид мог быть невыносим. Женщина указала Мэри на стул — простой стул с мягким сиденьем, а сама уселась на другой напротив неё, но тут же потянулась и мягко взяла Мэри за левую руку.

— Вы назовёте своё имя? — спросила она.

Мэри подумала о том, чтобы назваться вымыш-

---

[14] notes: 14

Чрезвычайно неблагополучный и бедный район Торонто, непосредственно примыкающий к кампусу Йоркского университета. *(Прим. перев.)*

ленным именем, или — ей не хотелось лгать приятной молодой особе, которая так старается ей помочь — может быть, назваться вторым именем — Николь, тогда это не будет ложь, но всё равно поможет скрыть её личность. Но когда она открыла рот, то произнесла:

— Мэри. Мэри Воган.

— Мэри, меня зовут Кейша.

Мэри посмотрела на неё.

— Сколько вам лет? — спросила она.

— Девятнадцать, — ответила Кейша.

Так молода.

— И вы… вас…?

Кейша сжала губы и кивнула.

— Когда?

— Три года назад.

Мэри почувствовала, как её глаза удивлённо расширяются. Ей тогда было всего шестнадцать; это мог быть… Боже, её первый раз мог оказаться изнасилованием.

— Мне так жаль, — сказала она.

Кейша склонила в голову в знак признательности.

— Мэри, я не стану говорить вам, что вы справитесь, но вы можете это пережить. И мы поможем вам это сделать.

Мэри закрыла глаза, глубоко вдохнула, медленно выдохнула. Она чувствовала, как Кейша мягко стискивает её руку, вливая в неё силы. Наконец, Мэри снова заговорила:

— Я ненавижу его, — сказала она и открыла глаза. Лицо Кейши излучало заботу и готовность помочь. — И… тихо добавила Мэри, — я ненавижу себя за то, что позволила этому произойти.

Кейша кивнула и, не выпуская её левой руки, осторожно взяла её за правую.

Глава 18

Адекор и Жасмель вернулись к Адекору домой, в дом, в котором жили они с Понтером. Светильные трубки зажглись по звуку его голоса; Жасмель с интересом огляделась.

Жасмель впервые посетила жилище отца; когда Двое становятся Одним, мужчины приходят в Центр, а не женщины — на Окраину.

Жасмель в испытывала какое-то меланхолическое очарование, бродя по дому и разглядывая собранную Понтером коллекцию статуэток. Ей было известно, что он любит каменных грызунов, и она взяла за правило дарить ему статуэтку на каждое лунное затмение. Она также знала, что Понтеру особенно нравятся грызуны, вырезанные из камня, не характерного для ареала их обитания; его гордостью и отрадой, судя по занимаемому ею месту возле плиты *вадлака*, была фигура бобра с масштабе 1:2, вырезанная из привезённого из центральных районов Эвсоя малахита.

Она всё ещё осматривала дом, когда компаньон Адекора звякнул.

— Здравый день, — сказал Адекор в компаньон.

— О, прекрасно, любимая. Отличная новость! Погоди тактик… — Он повернулся к Жасмель. — Тебе это тоже надо услышать. Это моя партнёрша Лурт. Она сделала анализ жидкости, которую я нашёл в лаборатории квантовых вычислений после исчезновения твоего отца. — Адекор потянул на компаньоне за штырёк, активирующий внешний динамик.

— Со мной Жасмель Кет, дочь Понтера, — сказал Адекор. — Продолжай…

— Здравый день, Жасмель, — сказала Лурт.

— И вам того же, — ответила Жасмель.

— Так вот, — сказала Лурт. — я такого вообще не ожидала. Знаешь, что за жидкость ты мне принёс?

— Воду, я полагаю, — ответил Адекор. — Разве нет?

— Почти. На самом деле это *тяжёлая* вода.

Жасмель вскинула бровь.

— Правда? — удивился Адекор.

— Ага, — сказала Лурт. — Чистая тяжёлая вода. Конечно, молекулы тяжёлой воды встречаются в природе; к примеру, в обычной дождевой воде их около одной сотой процента. Но получить такую концентрацию — не представляю, как это можно сделать. Полагаю, можно придумать тех-

нологию выделения тяжёлой воды из природной, воспользовавшись тем фактом, что тяжёлая вода действительно процентов на десять тяжелее, но придётся переработать реально гигантские объёмы воды, чтобы получить столько, сколько ты, говоришь, нашёл. Я не знаю ни одного предприятия, где могли бы такое проделать, и не имею представления, *для чего* это могло бы понадобиться.

Адекор глянул на Жасмель, потом снова на своё запястье.

— То есть, в природе такая вода не встречается? Её не могло, скажем, выдавить из горной породы?

— Без шансов, — сказала Лурт. — Она *была* немного загрязнена, но я определила примесь как моющее средство для пола; должно быть, оно оставило осадок на полу, который потом растворился в воде. В остальном вода абсолютно чистая. В ископаемой воде было бы много растворённых минералов; эта же вода явно *изготовлена*. Не знаю, кем, не уверена, как, но в природе такое совершенно точно встретиться не может.

— Потрясающе, — сказал Адекор. — И никаких следов ДНК Понтера?

— Нет. Есть немного твоей — несомненно,

какое-то количество клеток отслоилось, когда ты брал образец — но это и всё. Никаких следов плазмы крови или чего угодно, что могло попасть в воду из его тела.

— Отлично. Тысяча благодарностей.

— Здравого дня, дорогой, — произнёс голос Лурт.

— Здравого дня, — повторил Адекор и потянул за штырёк разрыва соединения.

— Что такое тяжёлая вода? — спросила Жасмель.

Адекор объяснил, добавив в конце:

— Возможно, это ключ.

— Ты говорил правду об источнике тяжёлой воды? — спросила Жасмель.

— Конечно, — ответил Адекор. — Я собрал её с пола вычислительной камеры после того, как Понтер исчез.

— Она не ядовита?

— Тяжёлая вода? Не вижу причин.

— Где она используется?

— Нигде, насколько я знаю.

— А тело отца никак не могло… я не знаю… *превратиться* в тяжёлую воду?

— Весьма сомневаюсь, — сказал Адекор. — И нет никаких следов веществ, составляющих его

тело. Он не сгорел, не уничтожился — он просто исчез. — Адекор тряхнул головой. — Может быть завтра на *доосларм бадасларм* мы сможем объяснить арбитру, для чего нам нужно попасть в лабораторию. До тех пор будем просто надеяться, что Понтер жив-здоров, где бы он сейчас ни был.

* * *

Отведя Мэри в генетическую лабораторию Лаврентийского университета, Рубен наскоро перекусил в «Тако Белл» и поехал назад в Медицинский центр Сент-Джозеф. В холле он заметил Луизу Бенуа, красавицу-квебечку из нейтринной обсерватории. Она спорила с кем-то, по виду, из больничной охраны.

— Но я спасла ему жизнь! — услышал Рубен восклицание Луизы. — Конечно, он хочет меня видеть!

Рубен подошёл к спорящим.

— Привет, — сказал он. — Что за проблема?

Женщина повернула к Рубену своё красивое лицо; в её карих глазах читалась благодарность.

— О, доктор Монтего! — сказала она. — Слава Богу, вы здесь. Я пришла проведать нашего друга, но меня не пускают к нему на этаж.

— Я Рубен Монтего, — сказал Рубен охраннику,

рыжеволосому здоровяку. — Я… — *собственно, почему нет?* — участковый врач мистера Понтера. Можете справиться обо мне у доктора Сингха.

— Я знаю, кто вы, — ответил охранник. — И да, вы в списке тех, кому разрешены посещения.

— В таком случае эта женщина со мной. Она действительно спасла Понтеру жизнь в нейтринной обсерватории.

— Очень хорошо, — сказал охранник. — Извините, что пил вам кровь, но туда всё время пытаются пролезть репортёры и просто любопытные, так что…

В этот момент Рубен заметил проходящего мимо доктора Наонигала Сингха в приметном тёмно-коричневом тюрбане.

— Здравствуйте, — сказал Сингх, подойдя к ним и пожав Рубену руку. — Прячемся от телефона? Мой так просто разрывается.

Рубен улыбнулся.

— Мой тоже. Похоже, все хотят знать о нашем мистере Понтере.

— Вы знаете, я очень рад, что с ним всё в порядке, — сказал Сингх, — но, боюсь, что должен буду его выписать. У нас не хватает койко-мест, спасибо Майку Харрису.

Рубен сочувственно кивнул. Прослывший скря-

гой бывший губернатор Онтарио закрыл или объединил много больниц по всей провинции.

— Кроме того, — продолжил Сингх, — не хочу показаться невежливым, но с уходом Понтера из больницы меня перестанут осаждать репортёры.

— Но куда же мы его денем? — спросил Рубен.

— Этого я не знаю, — ответил Сингх. — Но если он здоров, то ему нечего делать в больнице.

Рубен кивнул.

— Хорошо, хорошо. Когда будем уходить, мы заберём его с собой. Можно его как-то вывести из здания, не привлекая внимания?

— Вообще-то основная идея в том, — сказал Сингх, — чтобы пресса *знала*, что он ушёл.

— Да, да, — сказал Рубен, — но мне хотелось бы переправить его в безопасное место, *прежде* чем они об этом узнают.

— Понимаю, — сказал Сингх. — Попробуйте вывезти его через подземный гараж. Припаркуйте там машину; потом спуститесь с ним на служебном лифте до уровня B2 и выйдете в гараж по коридору. Если Понтер в машине пригнёт голову, никто не узнает, что он уехал.

— Отлично, — сказал Рубен.

— Прошу вас, заберите его сегодня, — сказал Сингх.

Рубен кивнул.

— Обязательно.

— Спасибо, — сказал доктор Сингх и удалился.

Рубен с Луизой поднялись по лестнице.

— Привет, Понтер, — сказал Рубен, входя в палату. Понтер сидел на кровати; он был одет в ту же одежду, в которой его нашли.

Сначала Рубену показалось, что он смотрит телевизор, но потом он заметил, как Понтер держит левую руку — запястьем к экрану. Скорее всего, компаньон пополнял словарный запас, пытаясь опознать по контексту новые слова.

— Превет, Рубен, — сказала Хак, предположительно, от имени Понтера. Понтер повернулся и увидел Луизу. Рубен отметил, что его реакция отличалась от реакции обычного человеческого мужчины: не было улыбки восхищения и радости по поводу неожиданного визита сногсшибательной молодой женщины.

— Луиза, — сказал Рубен. — Познакомьтесь с Понтером.

Луиза выступила вперёд.

— Привет, Понтер, — сказала она. — Я Луиза Бенуа.

— Луиза вытащила вас из воды, — пояснил Рубен.

Вот теперь Понтер улыбнулся; возможно, мы просто выглядим для него на одно лицо, подумал Рубен.

— Луыз… — произнёс голос Хак. Понтер сконфуженно пожал плечами.

— Он не может выговорить звук «и» в вашем имени, — сказал Рубен.

Луиза улыбнулась.

— Ничего. Можете звать меня Лу; меня так зовут друзья.

— Лу, — повторил Понтер собственным низким голосом. — Я — вы — я…

Рубен посмотрел на Луизу.

— Мы всё ещё работаем над словарным запасом. Боюсь, до формул вежливости мы ещё не добрались. Думаю, он пытается поблагодарить вас за то, что спасли ему жизнь.

— Не за что, — ответила Луиза. — Я рада, что с вами всё в порядке.

Рубен кивнул.

— Кстати, о «всё в порядке». Понтер, ты отсюда уходить.

Сплошная бровь Понтера взметнулась к надбровной дуге.

— Да! — сказала за него Хак. — Где? Куда?

Рубен почесал свой бритый затылок.

— Хороший вопрос.

— Далеко, — сказала Хак. — Далеко.

— Ты хочешь уйти подальше? — удивился Рубен. — Почему?

— Здесь… здесь… — Хак умолкла, но Понтер поднял руку и накрыл ладонью свой гигантский нос — видимо, эквивалент зажимания носа у людей.

— Запах? — догадался Рубен. Он кивнул и обернулся к Луизе. — С таким шнобелем, как у него, не удивлюсь, если и нюх будет соответствующим. Я и сам терпеть не могу больничный запах, а я в нём провожу очень много времени.

Луиза сказала, обращаясь к Рубену, но не сводя глаз с Понтера:

— Вы до сих пор не знаете, откуда он взялся?

— Нет.

— Я думала о параллельном мире, — сказала Луиза без обиняков.

— Что? Да ладно!

Луиза пожала плечами.

— Откуда тогда?

— Ну, это хороший вопрос, однако…

— А если он из параллельного мира, — продолжала Луиза, — представьте себе, что в нём нет двигателей внутреннего сгорания и других вещей, загрязняющих воздух. Если у вас по-на-

стоящему чувствительный нос, вы не станете разрабатывать вонючих технологий.

— Возможно, но отсюда вовсе не следует, что он из другой вселенной.

— В любом случае, — сказала Луиза, убирая с глаз прядь длинных каштановых волос, — он, вероятно, хочет оказаться где-нибудь подальше от цивилизации. Где-нибудь, где не так ужасно пахнет.

— Ну, я могу взять в «Инко» больничный, — сказал Рубен. — Прелесть должности штатного медика в том, что ты его выписываешь себе сам. Мне правда нравится у них работать.

— Мне тоже нечего делать, — сказала Луиза, — пока из обсерватории откачивают воду.

Рубен почувствовал, как его сердце забилось чаще. Чёрт, он всё ещё в деле! Хотя Луиза наверняка хочет отправиться с ними из научного интереса к Понтеру. Однако в любом случае будет очень приятно провести время в её обществе. Её акцент был неотразимо сексуален.

— А что если власти снова попытаются его увезти? — спросил Рубен.

— Он здесь всего сутки, — сказала Луиза, — и я уверена, что в Оттаве его ещё никто не воспринимает всерьёз. Просто ещё одна безумная история,

каких полно в «Нэшнл Инквайрер». Федеральные агенты и военные не выезжают проверять каждое сообщение о залётном НЛО. Наверняка они ещё даже не начали думать, что всё это может оказаться правдой.

* * *

Запахи и правда отвратительные, думал Понтер, глядя на Лу и Рубена. Они резко контрастировали друг с другом: он — темнокожий и совершенно лысый, она же ещё бледнее Понтера и с густыми каштановыми волосами, спадающими волнами на узкие плечи.

Понтер был по-прежнему напуган и растерян, но Хак нашёптывала успокаивающие слова к кохлеарный имплант каждый раз, как замечала, что жизненные показатели Понтера выбиваются из нормы. Понтер был уверен, что без помощи Хак уже давно сошёл бы с ума.

Так много произошло в такое короткое время! Только вчера он проснулся в своей постели рядом с Адекором, покормил собаку, пошёл на работу…

И вот он *здесь*, где бы это ни было. Хак была права: это должна быть Земля. Понтер полагал, что где-то в необъятных глубинах космоса существуют другие пригодные для жизни планеты, но

он вроде бы весил столько же, сколько и дома, и воздух был пригоден для дыхания… по крайней мере, в той же степени, в какой стряпня Адекора была пригодна для еды. В нём были скверные ароматы, запахи газов, запахи плодов, химические запахи, запахи, которые он вообще не мог классифицировать. Но приходилось признать, что этот воздух способен поддерживать в нём жизнь, и еда, которую ему дали, была, в основном, химически совместима с его пищеварительной системой.

Так что — Земля. И определённо не Земля в прошлом. На современной Земле, как он знал, есть слабо исследованные регионы, особенно в экваториальных областях, но, как указывала Хак, растительность была по большей части та же самая, что и в Салдаке, из чего следовало, что он вряд ли переместился на другой континент или в южное полушарие. И хотя было тепло, многие из деревьев, которые он видел, принадлежали к листопадным породам; он не мог находиться в тропиках.

Значит, будущее? Вряд ли. Если бы человечество по какой-то непостижимой причине перестало существовать, то его место занял бы кто угодно, но только не глексены. Глексены

вымерли; шансов появиться снова у них было не больше, чем у динозавров.

Но если это была не просто Земля; а то же самое место на Земле, где жил Понтер, то где же тогда огромные стаи странствующих голубей? Он не заметил ни одной с тех пор, как очутился здесь. Возможно, подумал Понтер, их разогнала ужасная вонь.

Но нет.

Нет.

Это было не будущее, но и не прошлое. Это было настоящее — параллельный мир, мир, где, непонятно как, вопреки своей врождённой тупости, глексены не исчезли с лица Земли.

* * *

— Понтер, — сказал Рубен.

Понтер посмотрел на него с каким-то отсутствующим выражением в глазах, словно оторвавшись от глубоких раздумий.

— Да? — сказал он.

— Понтер, мы увезём тебя в другое место. Я пока не знаю, куда. Но, в общем, для начала надо уехать отсюда. Ты… гммм… ты пока можешь пожить у меня.

Понтер склонил голову — без сомнения, слушал

перевод Хак. Пару лицо приобретало растерянное выражение; вероятно, Хак не была уверена в переводе некоторых слов.

— Да, — ответил Понтер после паузы. — Да. Мы удаляться отсюда.

Рубен жестом предложил Понтеру идти вперёд.

— Открывать дверь, — с видимым удовольствием произнёс Понтер без помощи Хак; он потянул за ручку и открыл дверь палаты. — Проходыть дверь, — сказал он и подкрепил слова соответствующим действием. Потом подождал, пока выйдут Рубен и Луиза. — Закрывать дверь, — сказал он, и захлопнул её за собой. После этого широко улыбнулся, а когда он улыбался широко, его рот растягивался на добрый фут. — Понтер снаруже.

Глава 19

Следуя инструкциям доктора Сингха, Рубен Монтего, Луиза Бенуа и Понтер без приключений добрались до машины Рубена, которую он загнал в гараж для персонала. У Рубена был вишнёвый внедорожник; краска кое-где была оббита вылетающим из-под колёс гравием — основным покрытием дорог шахтного комплекса. Понтер залез на заднее сиденье и улёгся там, накрыв голову сегодняшней «Садбери Стар». Луиза, которая пришла в больницу пешком, села на переднее сиденье рядом с Рубеном. Она приняла приглашение Рубена поужинать у него дома вместе с Понтером; позже он отвезёт её домой.

Они отъехали от больницы под тихую музыку радиостанции CJMX, льющуюся из автомобильной аудиосистемы; Джери Холлиуэлл исполняла свою интерпретацию «It's Raining Men».

— Ну что, — сказал Рубен, взглянув на Луизу, — обратите меня в свою веру. Почему вы думаете, что Понтер из параллельной вселенной?

Луиза на мгновение поджала свои полные губы — Боже, подумал Рубен, до чего же она красива — и спросила:

— Насколько вы разбираетесь в физике?

— Я? — удивился Рубен. — На уровне средней школы. О, я купил «Краткую историю времени», когда в Садбери приезжал Стивен Хокинг, но далеко в ней не продвинулся.

— Хорошо, — сказала Луиза, — тогда попробуем так. Если вы стреляете единственным фотоном в барьер с двумя вертикальными щелями, и на установленном за щелями листе фотобумаги видите интерференционную картину, значит, произошло что?

— Не знаю, — не покривив душой, ответил Рубен.

— Одна из интерпретаций такова: единственный фотон превратился в волну энергии, а когда волна ударяет в барьер со щелями, каждая щель порождает новый волновой фронт, так что мы получаем классическую интерференционную картину — гребни и провалы двух волн где-то усиливают друг друга, а где-то взаимно уничтожаются.

Её слова породили у Рубена какие-то смутные воспоминания.

— Понятно.

— Как я сказала, это лишь одна из интерпретаций. Согласно другой вселенная в этот момент

расщепляется, и на короткое время появляется две вселенные. В одной фотон — по-прежнему частица — проходит через левую щель, во второй — через правую. И поскольку не имеет никакого мыслимого значения, через какую щель фотон на самом деле прошёл в той или иной вселенной, две вселенные снова сливаются в одну, и интерференционная картина — то, что получается в результате.

Рубен кивнул; ему казалось, что данных обстоятельствах это единственная правильная реакция.

— Так вот, — продолжала Луиза, — у нас есть достаточная экспериментальная база для того, чтобы поверить в возможность существования параллельных вселенных — мы действительно видим интерференционную картину, посылая единственный фотон сквозь пару щелей. Но что, если две вселенные не сливаются в одну? Что если после расщепления они продолжают существовать независимо?

— Да? — сказал Рубен, пытаясь не упустить нить.

— Представьте себе вселенную, разделившуюся на две, скажем, десятки тысяч лет назад, тогда, когда две ветви человечества ещё жили бок о бок:

наши предки, кроманьонцы, — Рубен отметил, что она произнесла это название на французский манер[15], — и предки Понтера, древние неандертальцы. Я не знаю, как долго два вида сосуществовали, но…

— Со 100000 лет назад до примерно 27000 лет назад, — подсказал Рубен.

Луиза сделала удивлённое лицо; она явно не ожидала от Рубена таких познаний.

Рубен пожал плечами.

— К нам приехала генетик из Торонто, Мэри Воган. Она рассказала.

— Ах. Понятно. Так вот, в некоторый момент в прошлом, возможно, произошло разделение, после которого две вселенные продолжили расходиться. В одной доминировать стали наши предки. В другой вершины эволюции достигли неандертальцы, создав собственный язык и цивилизацию.

Рубен чувствовал, что у него начинает звенеть в голове.

— Но… но как тогда между двумя вселенными

---

[15] notes: 15

Название «кроманьонцы» французского происхождения (от пещеры Cro-Magnon в Дордони на юго-востоке Франции, где впервые были найдены их останки). Англоязычные североамериканцы обычно произносят его как «кромэгнон». *(Прим. перев.)*

снова возникла связь?

— *Je ne sais pas,* — сказала Луиза, качая головой.

Они выехали из Садбери и покатили по просёлочной дороге к городку с весьма не соответствующим названием Лайвли[16], возле которого и располагалась шахта.

— Понтер, — сказал Рубен. — Думаю, уже можно встать; движения здесь почти нет.

Понтер не пошевелился.

Рубен понял, что выразился слишком замысловато.

— Понтер, вверх, — сказал он.

Он услышал шуршание газетных страниц и увидел, как массивная фигура Понтера появляется в зеркале заднего вида.

— Вверх, — подтвердил Понтер.

— Сегодня, — сказал Рубен, — останетесь в моём доме, понятно?

После паузы, в течение которой он, вероятно, выслушивал перевод, Понтер ответил:

— Да.

— Понтер нужен еда, — добавила Хак.

— Да, — сказал Рубен. — Да, скоро поедим.

---

[16] notes: 16
Lively *(англ.)* — оживлённый. *(Прим. перев.)*

Они продолжили путь к дому Рубена и прибыли туда минут через двадцать. Это был современный двухэтажный коттедж на участке в пару акров на самой границе Лайвли. Все вошли в дом; зрелище того, как Рубен отпирает входную дверь, а потом запирает её на засов и набрасывает цепочку, вызвало у Понтера неподдельный интерес.

Внутри Понтер улыбнулся.

— Прохладно, — сказал он с восторгом. Наличие у Рубена кондиционера явно обрадовало его.

— Ну, — сказал Рубен, улыбаясь Луизе и Понтеру, — добро пожаловать в моё скромное жилище. Устраивайтесь кто как хочет.

Луиза огляделась вокруг.

— Вы не женаты? — спросила она.

Рубен подумал о том, что могло побудить её задать такой вопрос. Возможно, она хотела узнать, свободен ли он — такая интерпретация нравилась ему больше всего. Вторая, более вероятная — она вдруг сообразила, что заехала в какую-то тьмутаракань с человеком, с которым едва знакома, и теперь находится с ним и неандертальцем в пустом доме. Возможна и третья, самая вероятная, осознал Рубен, оглядывая царящий в гостиной беспорядок — разбросанные повсюду журналы, тарелку с засохшими остатками пиццы

на кофейном столике — что он *очевидно* живёт один; никакая женщина не смирится с подобным бардаком.

— Нет, — сказал Рубен. — Был женат, но…

Луиза кивнула.

— У вас хороший вкус, — сказала она, оглядывая мебель: смешение карибского и канадского стилей, много тёмного полированного дерева.

— У жены, — сказал Рубен. — Я почти ничего не менял после развода.

— Ах, — сказала Луиза. — Вам помочь с ужином?

— Нет, я собирался просто зажарить несколько стейков. У меня мангал на заднем дворе.

— Я вегетарианка, — сказала Луиза.

— О. Ну, можно запечь какие-нибудь овощи… картошку?

— Это было бы здорово, — согласилась Луиза.

— Хорошо, — сказал Рубен. — Развлекайте Понтера. — И он пошёл в ванную вымыть руки.

Работая за столом на заднем дворе, Рубен смотрел, как между Луизой и Понтером разворачивается всё более оживлённая дискуссия. Вероятно, Хак изучила много новых слов, пока они ехали сюда. Наконец, когда стейки поджарились, Рубен постучал в стекло, чтобы привлечь

их внимание, и жестом позвал их на двор.

— Доктор Монтего, — радостно заявила Луиза, выйдя из дома, — Понтер — физик!

— Неужели? — ответил Рубен.

— Да! Совершенно точно. Я пока не смогла уточнить детали, но он определённо физик; я думаю, даже *квантовый* физик.

— Как вы это определили?

— Он сказал, что думает о том, как вещи работают, и я сказала, думая, что он инженер: он имеет в виду большие вещи? Но он сказал, нет-нет, маленькие, такие маленькие, что не видно. И я нарисовала несколько диаграмм из базового курса физики, и он их узнал, и сказал, что он этим и занимался.

Рубен взглянул на Понтера с ещё бóльшим восхищением. Из-за покатого лба и выступающего надбровного валика он выглядел, скажем так, малость туповатым, но — физик! Учёный!

— Интересно-интересно, — сказал Рубен. Он жестом пригласил всех рассаживаться вокруг круглого стола с зонтиком, потом разложил стейки и завёрнутые в алюминиевую фольгу печёные овощи по тарелками и расставил их на столе.

Понтер улыбнулся своей широченной улыбкой. Это, без сомнения, была настоящая еда для него.

Но он снова начал оглядываться, точно так же, как утром за завтраком, словно не мог чего-то найти.

Рубен ножом отрезал кусочек от своего стейка и поднёс его ко рту.

Понтер неуклюже попытался повторить его действия, хотя отхватил кусок гораздо крупнее.

После того, как Понтер закончил жевать, он начал издавать какие-то звуки, похожие на слова его речи. Следом послышался мужской голос, которого Рубен раньше не слышал.

— Хорошо, — сказал голос. — Хорошая еда. — Голос, по-видимому, исходил из импланта Понтера.

Рубен удивлённо вскинул брови, и Луиза объяснила:

— Разговаривая с ним, я постоянно путалась, пытаясь отделить то, что имплант говорит сам по себе от его перевода речи Понтера. Теперь он говорит мужским голосом, когда переводит слова Понтера, и женским, когда говорит сам по себе.

— Так проще, — подтвердила Хак привычным женским голосом.

— Да, — согласился Рубен, — определённо.

Луиза осторожно развернула фольгу, в которую были завёрнуты овощи; у неё были удивительно

длинные пальцы.

— Ладно, — сказала она, — посмотрим, что ещё удастся узнать.

Весь следующий час Рубен и Луиза разговаривали с Понтером и Хак. Потом налетели тучи комаров. Рубен зажёг цитронелловую свечу, но от её запаха Понтеру стало плохо. Рубен загасил свечу, и все вернулись обратно в гостиную; Понтер устроился на большом шезлонге, Луиза — на одном краю дивана, поджав под себя ноги, Рубен сел на другом.

Они проговорили ещё три часа, по кусочкам собирая общую картину произошедшего. И когда она, наконец, была собрана вся, Рубен устало откинулся на спинку дивана в абсолютном изумлении.

Глава 20

День третий

Воскресенье, 4 августа

148/118/26

ПОИСК ПО НОВОСТЯМ
Ключевые слова: *неандерталец*

Сегодня утром пришло сообщение из Садбери, Канада, о том, что количество предложений руки и сердца неандертальскому гостю превысило количество смертельных угроз в его адрес в пропорции два к одному. Двадцать восемь женщин прислали письма или электронные сообщения для неандертальца в нашу газету с предложением вступить в брак, в то время как полиция Садбери и федералы зарегистрировали лишь тринадцать угроз убить его…

Опрос «USA Today»:

• Считают, что так называемый неан-

дерталец — фальшивка: **54%**.

• Считают, что он действительно неандерталец, но происходит откуда-то с Земли: **26%**.

• Считают, что он прибыл из космоса: **11%**.

• Считают, что он явился из параллельного мира: **9%**.

Сегодня полиция обезвредила бомбу, заложенную у входа в подъёмник, ведущий в пещеру, где находится Нейтринная обсерватория Садбери, в которой впервые появился так называемый неандерталец…

Религиозная секта в Батон-Руж, Луизиана, приветствует прибытие неандертальца в Канаду как второе пришествие Христа. «Разумеется, он выглядит как древний человек, — заявил преподобный Хули Гордуэлл. — Мир был создан 6000 лет назад, и с первого явления в него Христа прошла целая треть этого срока. Мы значительно изменились, вероятно, вследствие лучшего питания, но он — нет». Община планирует совершить

паломничество в Садбери, Онтарио, где неандерталец проживает в настоящий момент.

На следующее утро, встав очень рано и предприняв меры предосторожности, чтобы не быть опознанными по дороге, Понтер и доктор Монтего встретились с Мэри в лаборатории в Лаврентийском университете. Настало время провести анализ ДНК Понтера, ответить на главный вопрос.

Секвенирование 379 нуклеотидов — кропотливая работа. Мэри сидела, сгорбившись, над молочно-белой пластмассовой панелью, подсвеченной снизу флуоресцентными трубками. Она поместила на стол плёнку радиоавтограммы и маркером выписывала на ней буквы генетического алфавита для искомой последовательности: Г-Ц-Ц — один из триплетов, кодирующих аминокислоту глицин; Т-А-Т, кодирует тирозин; А-Т-А — специализированный метонин митохондриальной, но не ядерной, ДНК; А-А-А — рецептор лизина…

Наконец, всё было готов: все 379 оснований контрольного участка генома Понтера были идентифицированы. У Мэри на ноутбуке была небольшая программка сравнения ДНК. Она

ввела в неё все 379 букв, которые только что выписала ни плёнке, потом попросила Рубена сделать это заново, чтобы убедиться, что она всё ввела верно.

Компьютер немедленно сообщил о трёх различиях между последовательностями, введёнными Мэри и Рубеном, заметив — программа была довольно продвинутая — сдвиг рамки считывания, вызванный тем, что Мэри в одном месте пропустила Т; остальные две ошибки были опечатками Рубена. Убедившись, что все 379 букв введены правильно, она запустила сравнение последовательности Понтера с той, которую она извлекла из типового экземпляра[17] неандертальца в *Rheinisches Landesmuseum.*

— Ну? — спросил Рубен. — Каков вердикт?

Мэри, потрясённая, откинулась на спинку стула.

— ДНК, которую я взяла у Понтера, — сказала она, — в семи местах отличается от ископаемой ДНК. — Она подняла руку. — Нет, конечно, надо ожидать индивидуальных вариаций, да и гене-

---

[17] notes: 17

Типовой экземпляр — в биологической систематике — конкретный экземпляр живого организма, с которым формально связывается название вида или подвида. В палеонтологии это, как правило, ископаемая находка, послуживший основанием для выделения нового вида, демонстрирующая типичные характеристики этого вида. *(Прим. перев.)*

тического дрейфа за прошедшее время, но…

— Да? — сказал Рубен.

Мэри подала плечами.

— Но он определённо неандерталец.

— Вау, — сказал Рубен, глядя на Понтера, словно увидел его впервые. — Вау. Живой неандерталец.

Понтер что-то сказал на своём языке, и имплант перевёл:

— Мой народ нет?

— Здесь? — уточнила Мэри. — Да, здесь таких, как вы, больше нет — уже около 27000 лет.

Понтер склонил голову, обдумывая услышанное.

Мэри тоже задумалась. До появления Понтера ближайшими ныне живущими родственниками Homo sapiens были два представителя рода Pan: шимпанзе и бонобо. И те, и другие состояли примерно в одинаковом родстве с людьми, имея с ними 98,5% общей ДНК. Изучение ДНК Понтера только началось, но она должна совпадать с человеческой где-то на 99,5%.

И эти вот полпроцента отвечали за все различия. Если Понтер был типичным представителем своего вида, то объём черепа у неандертальцев, вероятно, немного превышал человеческий. Он был более мускулист, чем практически любой,

кого Мэри когда-либо видела: рука у него толще, чем у большинства людей бедро. Плюс, его глаза были невероятного золотисто-коричневого цвета. Интересно, у них у всех такие, или цвет глаз варьируется так же, как у людей?

Он также был довольно волосат, но это не так уж бросалось в глаза из-за светлого цвета волос. Его предплечья и, как она полагала, спину и грудь покрывала густая поросль. Также у него была борода, а на голове волосы разделялись ровно посередине и спадали по бокам.

И тут её осенило: она уже видела подобное устройство волос на голове. У бонобо, тех подвижных обезьян, которых иногда называют карликовыми шимпанзе, волосы на голове росли именно таким манером. Удивительно. Интересно, это природная особенность его вида, или просто избранный им стиль причёски?

Понтер снова что-то сказал на своём языке, глухим голосом, словно сам себе, но имплант перевёл его слова.

— Мой народ больше нет.

— Да. Мне очень жаль, — сочувственно сказала Мэри.

С губ Понтера опять сорвались звуки его языка, и его компаньон произнёс:

— Я… нет больше. Я… все. — Он покачал головой и сказал что-то ещё. Компаньон переключился на женский голос, говоря от своего имени. — Не хватает слов перевести что Понтер говорит. — Вместо «и» в её речи по-прежнему звучало что-то среднее между «е» и «ы».

Мери печально кивнула.

— Вы ищете слово «одинок», — подсказала она.

* * *

Доосларм бадасларм Адекора Халда проводился в здании Серого Совета, на периферии Центра. Мужчины могли туда попасть, не углубляясь в женскую территорию; женщины технически находились там на своей земле. Адекор не мог сказать, как проведение предварительного слушание во время Последних Пяти влияет на его шансы, но поколение арбитра, женщины по имени Комел Сард, он на глаз определил как 142-е, так что менопаузу она уже наверняка давно миновала.

Слово имела Даклар Болбай, обвинитель Адекора. Вентиляторы гнали воздух от северной стены помещения к южной, у которой сидела арбитр Сард, следя за разворачивающимся перед ней действием с бесстрастным выражением на

изрезанном морщинами лице. Вентиляторы служили двоякой цели: они несли к ней феромоны обвиняемого, которые иной раз говорили красноречивее слов, и не давали обвиняемому или обвинителю, расположившимся у северной стены, учуять её собственные феромоны и таком образом определить, какие аргументы производят на неё большее впечатление.

Адекор много раз виделся с Класт и поддерживал с ней хорошие отношения — в конце концов, это была партнёрша Понтера. Но в Болбай, партнёрше Класт, похоже, не было ни грамма её теплоты и доброго нрава.

Болбай была одета в тёмно-оранжевые штаны и тёмно-оранжевую блузку; оранжевый всегда был цветом обвинения. Адекор, в свою очередь, был одет в синее, цвет обвиняемого. Сотни зрителей, примерно поровну мужчин и женщин, собрались на другой половине помещения; *доосларм бадасларм* по делу об убийстве явно считался событием незаурядным. Жасмель Кет была здесь, и её сестра Мегамег Бек. Партнёрша Адекора Лурт присутствовала тоже; она крепко обняла его, как только пришла. Рядом с ней сидел сын Адекора Даб, того же возраста, как и малышка Мегамег.

И конечно же, присутствовали почти все сал-

дакские эксгибиционисты; в данный момент нигде не происходило ничего интереснее этих слушаний. Несмотря на своё незавидное положение Адекор был обрадован, увидев Хавста во плоти — его трансляции он смотрел большую часть жизни. Он также узнал Луласма, любимца Понтера, и Гаулта, и Талока, и Репета, и пару других. Эксгибиционистов было легко заметить: они были обязаны носить серебристые одежды как знак общедоступности того, что транслирует их компаньон.

Адекор сидел на табурете; вокруг него было много свободного места, что позволяло Болбай во время своей речи ходить вокруг него кругами, что она и делала, демонстрируя явную склонность к театральным эффектам.

— Так скажите нам, учёный Халд, чем закончился ваш эксперимент? Удалось ли вам факторизовать ваше число?

Адекор покачал головой.

— Нет.

— То есть, подземное расположение не помогло, — сказала Болбай. — Чьей идеей было проводить эксперименты с факторизацией под землёй? — Её голос был низковат для женщины — глубокий и раскатистый.

— Понтер и я приняли это решение совместно.

— Да, да, но кто первым предложил эту идею? Вы или учёный Боддет?

— Я не уверен.

— Это были вы, не так ли?

Адекор пожал плечами.

— Это мог быть я.

Болбай встала перед ним; Адекор демонстративно не следил за ней взглядом во время её передвижений.

— А теперь, учёный Халд, расскажите нам, почему вы выбрали это место?

— Я не говорил, что выбрал его. Я сказал, что я *мог* это сделать.

— Хорошо. Тогда скажите, почему для вашей работы было выбрано именно это место.

Адекор нахмурился, прикидывая, насколько глубоко стоит вдаваться в детали.

— Землю, — сказал он, — непрерывно бомбардируют космические лучи.

— Что это такое?

— Ионизирующее излучение, приходящее из космического пространства. Поток фотонов, ядер гелия и других ядер. Когда они сталкиваются с ядрами атомов в нашей атмосфере, они порождают вторичное излучение — в основном, пионы,

мюоны, электроны и *дутар*-лучи.

— Они опасны?

— Нет; во всяком случае, в количествах, производимых космическими лучами. Но они влияют на чувствительные инструменты, поэтому мы хотели поместить наше оборудование в место, экранированное от космических лучей. А Дебральская никелевая шахта расположена поблизости.

— Вы могли разместиться в каком-либо другом месте?

— Полагаю, могли. Но Дебральская шахта уникальна не только глубиной, хоть это и самая глубокая шахта в мире, но и чрезвычайно низкой собственной радиоактивностью окружающих горных пород. Уран и другие радиоактивные элементы, присутствующие в других шахтах, испускают заряженные частицы, которые могут повредить наши инструменты.

— Так что внизу вы были надёжно экранированы от всего?

— Да; от всего, кроме, я полагаю, нейтрино. — Адекор уловил изменение выражения лица арбитра. — Крошечных частиц, которые беспрепятственно пролетают сквозь твёрдые тела; против них не может быть защиты.

— Не были ли вы экранированы от кое-чего ещё в вашей шахте? — спросила Болбай.

— Я не понимаю вопроса, — сказал Адекор.

— Тысячи саженей скалы между вами и поверхностью. Никакое излучение не в силах до вас добраться — даже космические лучи не в силах пронзить эту толщу.

— Именно так.

— И никакое излучение снизу не способно достигнуть поверхности с того места, где вы работали, не так ли?

— К чему вы ведёте?

— Я веду к тому, — сказала Болбай, — что сигналы ваших компаньонов — вашего и учёного Боддета — не доходят до поверхности, когда вы в шахте.

— Да, это так, хотя я даже не думал об этом до вчерашнего дня, когда мне на этот факт указал принудитель.

— Даже не думали? — с подчёркнутым скептицизмом переспросила Болбай. — С момента вашего рождения у вас есть персональный куб памяти в павильоне архива алиби, прилегающем к зданию Совета, в котором мы находимся. Он записывает всё, что вы делаете, каждое мгновение вашей жизни, передаваемое вашим компаньо-

ном. Каждое мгновение вашей жизни — кроме тех, что вы провели глубоко под поверхностью земли.

— Я не специалист в этих вопросах, — уклончиво ответил Адекор. — Я не слишком много знаю о том, как компаньон передаёт данные.

— Не надо, учёный Халд. Минуту назад вы развлекали нас историями про мюоны и пионы, а сейчас вы хотите нас убедить, не понимаете устройства обычного радио?

— Я не говорил, что не понимаю его, — ответил Адекор. — Я лишь сказал, что не задумывался над этой проблемой до того, как её озвучили.

Болбай снова оказалась у него за спиной.

— Никогда не задумывались о том, что, когда вы спуститесь под землю, то в архиве, впервые с момента вашего рождения, не окажется записей ваших действий?

— Послушайте, — сказал Адекор, обращаясь напрямую к арбитру, пока кружащая вокруг него Болбай снова не перекрыла ему вид. — У меня не было повода обратиться к своему архиву алиби в течение несчётных месяцев. Да, я был осведомлён о том, что обычно все мои действия записываются, но это было абстрактное знание, про которое не вспоминаешь каждый день.

— И всё же, — продолжала Болбай, — каждый день вашей жизни вы наслаждаетесь покоем и безопасностью, которые достигаются посредством именно этих записей. — Она посмотрела на арбитра. — Вы знаете, что ваши шансы стать жертвой ограбления, убийства или *ласагклата* во время одинокой ночной прогулки практически равны нулю, потому что такое преступление никак не может сойти с рук. Если вы обвините, скажем, меня, в том, что я напала на вас на площади Песлар, и вам удастся убедить арбитра, что ваши обвинения имеют под собой почву, арбитр прикажет вскрыть ваш или мой архив алиби за интересующий период и просмотреть запись, которая докажет мою невиновность. Тот факт, что преступление невозможно совершить, не оставив записи, позволяет нам всем жить спокойно.

Адекор молчал.

— Кроме случая, — продолжила Болбай, — когда преступник заманивает жертву в такое место — практически в единственное место — где невозможно сделать запись о происходящих там событиях.

— Это абсурдно, — сказал Адекор.

— Так ли? Шахта была выкопана задолго до появления первых компаньонов, и, разумеется,

мы уже давно используем для подземных работ роботов. Люди практически никогда не спускаются в шахту, вот почему мы никогда не пытались решить проблему отсутствия связи между компаньоном и павильоном архива алиби. Однако вы создали условия, которые требовали вашего с учёным Боддетом длительного пребывания в этом вашем подземном убежище.

— Мы никогда об этом не думали.

— Не думали? — переспросила Болбай. — Вам знакомо имя Кобаст Гант?

Сердце Адекора тяжело забу́хало, а во рту внезапно пересохло.

— Это исследователь в области искусственного интеллекта.

— Правильно. И он утверждает, что семь месяцев назад он модернизировал ваши с учёным Боддетом компаньоны, добавив продвинутые функции искусственного интеллекта.

— Да, — подтвердил Адекор. — Так и было.

— Зачем?

— Ну, э-э…

— Зачем?

— Потому что Понтеру не нравилось оставаться без доступа к планетарной информационной сети. В условиях, когда компаньоны не могут

выйти в сеть, ему хотелось, чтобы они имели своём распоряжении больше локальных вычислительных ресурсов и оставались способными помогать нам.

— И вы как-то забыли про это? — сказала Болбай.

— Как вы сами сказали, — резко ответил Адекор, — это было много месяцев назад. Я успел привыкнуть к более разговорчивому компаньону. В конце концов — я уверен, что Кобаст Гант это подтвердит — это были лишь прототипы его новых компаньонов с искусственным интеллектом, которые он собирается сделать доступными для всех желающих. Он ожидает, что люди найдут их более удобными, чем старые, даже если они никогда не оказываются отрезанными от сети, и что люди быстро к ним привыкнут и станут относиться к ним как к чему-то совершенно обычному, так же, как к старым, неинтеллектуальным компаньонам. — Адекор сложил руки на коленях. — По крайней мере, я привык к своему очень быстро, и, как я уже и сказал, уже не думал о нём и о том, зачем они нам изначально понадобились… но погодите. Погодите!

— Да? — сказала Болбай.

Адекор обратился непосредственно к арбитру

Сард:

— Мой компаньон может рассказать, что произошло в тот день.

Арбитр наградила Адекора тяжёлым взглядом.

— Каков ваш вклад, учёный Халд?

— Мой? Я физик.

— И компьютерный программист, не так ли? — сказала арбитр. — Ведь правда же, вы и учёный Боддет работали с очень сложными компьютерами.

— Да, но…

— Поэтому, — продолжила арбитр, — я не думаю, что мы можем доверять чему-либо из того, что скажет ваш компаньон. Для специалиста вашего уровня перепрограммировать его так, чтобы он сказал то, что вам нужно — достаточно тривиальная задача.

— Но я…

— Спасибо, арбитр Сард, — сказала Болбай. — Теперь расскажите нам, учёный Халд, сколько людей обычно задействовано в научном эксперименте?

— Бессмысленный вопрос, — ответил Адекор. — Какие-то проекты выполняются в одиночку, другие…

— … а в других участвуют десятки исследовате-

лей, не так ли?

— Да, иногда.

— Но в вашем эксперименте участвовало всего двое.

— Это не так, — сказал Адекор. — Ещё четверо помогали нам на разных стадиях проекта.

— Но ни один из них не спускался к вам шахту. Под землёй работали только вы двое — Понтер Боддет и Адекор Халд, не так ли?

Адекор кивнул.

— И только вы вернулись на поверхность.

Адекор промолчал.

— Это так, учёный Халд? Только вы вернулись на поверхность?

— Да, — сказал он, — но, как я объяснял, учёный Боддет исчез.

— Исчез, — сказала Болбай, словно никогда раньше не слышала этого слова, словно пыталась постичь его значение. — Вы имеете в виду, что он пропал?

— Да.

— Растворился в воздухе.

— Именно так.

— Но мы не знаем ни об одном случае подобных исчезновений.

Адекор слегка качнул головой. Почему Болбай

преследует его? Он никогда с ней не ругался, и даже представить не мог, чтобы Понтер представлял его ей в невыгодном свете. Что ею двигало?

— Вы не нашли тела, — вызывающе заявил Адекор. — Вы не нашли тела, потому что тела *не было*.

— Это ваша позиция, учёный Адекор. Однако в тысячах саженей под землёй вы могли избавиться от тела множеством способов: поместить его в герметично закупоренный контейнер, чтобы предотвратить распространение запаха, а потом сбросить в какую-нибудь трещину, обрушить на него непрочную кровлю, перемолоть проходческой машиной. Шахтный комплекс огромен, десятки тысяч шагов туннелей и штолен. Вы могли избавиться от тела где угодно.

— *Но я этого не делал.*

— Вы так говорите.

— Да, — сказал Адекор, усилием воли возвращая голосу спокойствие, — я так говорю.

* * *

Вчера вечером у Рубена дома Луиза и Понтер пытались придумать эксперимент, который доказал бы правоту утверждений Понтера о том, что он явился из параллельного мира.

Химический анализ волокон его одежды мог помочь. По словам Понтера, они были синтетическими, и предположительно отличались от всех известных полимеров. Точно так же, некоторые компоненты странного импланта-компаньона наверняка окажутся неизвестными современной науке.

Дантист мог бы доказать, что Понтер никогда не пил фторированной воды. Возможно, он даже доказал бы, что Понтер жил в мире без ядерного оружия, диоксинов или двигателей внутреннего сгорания.

Однако, как указал Рубен, всё это демонстрировало лишь то, что Понтер происходит не с этой Земли, но не доказывало, что он явился с *другой* Земли. В конце концов, он мог быть просто инопланетянином.

Луиза доказывала, что инопланетная форма жизни никак не может настолько точно походить на случайный продукт эволюции на нашей планете, но согласилась, что для многих идея о пришельце с другой планеты окажется более приемлемой, чем идея параллельных миров — на что Рубен сказал что-то насчёт Киры Нэрис,

которая выглядит лучше в коже[18].

Наконец, подходящий тест предложил сам Понтер. Его имплант, сказал он, содержит полный комплект карт никелевой шахты, предположительно расположенной поблизости от этого места на его версии Земли; в конце концов, лаборатория, в которой работал он, тоже располагалась в шахте. Разумеется, основная часть рудной залежи была найдена и его народом, и персоналом «Инко», но, сравнивая свои карты с картами на сайте «Инко», имплант идентифицировал место, содержащее, по его словам, богатую залежь меди, которая ускользнула от внимания «Инко». Если залежь существует, то о ней может знать лишь пришелец из параллельного мира.

И вот теперь Понтер Боддет — они теперь знали его полное имя — Луиза Бенуа, Бонни Джин Ма, Рубен Монтего и женщина, которую Луиза увидела впервые, генетик Мэри Воган, стояли посреди густого леса в 372 метрах от принадлежащего нейтринной обсерватории здания. С ними были двое

---

[18] notes: 18

Кира Нэрис — персонаж телесериала «Звёздный путь: Глубокий космос 9». В сериале фигурирует параллельная реальность, так называемая Зеркальная вселенная, в которой существуют аналоги большинства персонажей сериала. История Зеркальной вселенной развивается по более воинственному и жестокому сценарию, и здешняя униформа отличается большей откровенностью и «брутальностью» с преобладанием кожи, латекса, ремней и обтягивающих штанов. *(Прим. перев.)*

геологов «Инко» с разведывательной буровой установкой. Один из них настаивал, что Понтер не прав и меди в этом месте быть не может.

Следуя указаниям Хак, они пробурили скважину глубиной 9,3 метра и вытащили наружу керн. Луиза испытала огромное облегчение, когда бур с алмазной головкой, наконец, остановился; от его визга у неё заболела голова.

Упакованный керн сообща отнесли на парковку, где было больше места, и там сняли с него непрозрачную мембрану. На вершине керна, разумеется, была почва, под ней — ледниковый тиль, состоящий из глины, гравия и гальки. Под ним, сказал один из геологов, была докембрийская норитовая скала.

А под ней, в точности на указанной Хак глубине, обнаружилась…

Луиза в восхищении захлопала в ладоши. Рубен Монтего улыбался от уха до уха. Сомневающиеся геологи что-то бормотали под нос. Профессор Ма поражённо качала головой. А генетик, доктор Воган, смотрела на Понтера широко раскрытыми глазами.

Она была в точности там, где было предсказано: самородная медь, перекрученная и пузыристая, тусклая, но несомненно металлическая.

Луиза улыбнулась Понтеру, думая о зелёном, незагаженном мире, который он описывал вчера вечером.

— Манна небесная, — тихо сказала она.

Профессор Ма подошла к Понтеру и взяла его гигантскую ладонь обеими руками.

— Никогда бы не поверила, — сказала она, — но добро пожаловать на нашу версию Земли.

Глава 21

Все, кроме геологов, снова собрались в конференц-зале шахты «Крейгтон»: Мэри Воган, генетик из Торонто, Рубен Монтего, врач компании «Инко», Луиза Бенуа, сотрудница Нейтринной обсерватории Садбери, присутствовавшая при разрушении детектора, Бонни Джин Ма, директор обсерватории, и, самое главное, Понтер Боддет, физик из параллельного мира, единственный живой неандерталец, которого видела Земля за последние 27000 лет.

Мэри села рядом с Бонни Джин Ма, единственной женщиной в зале, возле которой было свободное место. Слово взял Рубен Монтего.

— Вопрос, — сказал он со своим ямайским акцентом, который Мэри находила восхитительным. — Почему мы ведём горные работы на этом месте?

Мэри не имела ни малейшего понятия, а те, кто наверняка знал, выглядели не расположенными к игре в угадайку, но в конце концов Бонни Джин всё же ответила:

— Потому что 1,8 миллиардов лет назад, — сказала она, — здесь упал астероид, создав огромную

залежь никеля.

— Именно, — сказал Рубен. — Событие, имевшее место задолго до возникновения на Земле многоклеточной жизни, часть общего прошлого нашего мира и мира Понтера Боддета. — Он оглядел обращённые к нему лица, и его взгляд остановился на Мэри. — Мы не выбирали место для постройки шахты, — сказал Рубен, — мы построили её там, где была руда. А что насчёт нейтринной обсерватории? Почему *она* была построена здесь?

— Потому что, — ответила Ма, — два километра скальной породы над шахтой прекрасно защищают от космических лучей, делая её идеальным местом для размещения нейтринного детектора.

— Но дело ведь не только в этом, мэм? — сказал Рубен, который, как предположила Мэри, стал настоящим экспертом в области нейтринной физики благодаря разговорам с Луизой. — На этой планете есть и другие глубокие шахты. Но в этой ещё и необычайно низкий уровень фоновой радиации, не так ли? Это место — наилучшее для размещения инструментов, чувствительные к воздействию фоновой радиации.

Мэри рассуждения Рубена показались здравыми, и она заметила, как профессор Ма кивнула.

Но потом всё же добавила:

— И что из этого следует?

— А то, — сказал Рубен, — что во вселенной Понтера на этом самом месте тоже существует глубокая шахта для разработки той же самой залежи никеля. И в один прекрасный момент он сам осознал ценность этого места и убедил своё правительство устроить глубоко под землёй лабораторию физических исследований.

— То есть он уверяет, что в другой вселенной на этом самом месте тоже существует нейтринный детектор? — спросила Ма.

Рубен покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Не совсем. Вспомните: на выбор места для нейтринной обсерватории повлияла историческая случайность: тот факт, что в канадских ядерных реакторах, в отличие от американских, британских, японских или русских, в качестве замедлителя используется тяжёлая вода. Это обстоятельство отсутствовало в мире Понтера — там, похоже, ядерной энергией вообще не пользуются. Но это место также идеально подходит для размещения другого типа физических инструментов. Он замолчал, снова оглядел присутствующих, и сказал:

— Понтер, где вы работаете?

— *Дусбле корбул то калбтаду*, — ответил Понтер, и имплант перевёл его слова мужским голосом: — В лаборатории квантовых вычислений.

— Квантовых вычислений? — повторила Мэри, чувствуя неловкость; она не привыкла оказываться самой невежественной в компании.

— Именно так, — сказал Рубен. — Доктор Бенуа?

Луиза поднялась и кивнула Рубену.

— Квантовые вычисления — это область, в которой мы лишь начинаем делать первые шаги, — сказала она, убирая с глаз прядь волос. — Обычный компьютер определяет делители некоторого числа, деля его сначала на один предполагаемый делитель, потом на другой, потом на третий — перебирая их все. Но если использовать обычный компьютер для нахождения делителей реально больших чисел — например 512-значных, которые используются для шифрования транзакций по кредитным карточкам в Интернете — то на перебор и проверку всех возможных делителей могут уйти столетия.

Она тоже оглядела обращённые к ней лица, убеждаясь, что никто не потерял нить её мысли.

— Но квантовый компьютер использует суперпозицию квантовых состояний для проверки

нескольких делителей одновременно, — сказала Луиза. — Это значит, что от нашей вселенной отделяются её короткоживущие идентичные копии специально с целью выполнения квантового вычисления, которые по его завершению — то есть практически тут же — снова сливаются в одну, поскольку они различаются только проверяемым делителем, в остальном же абсолютно идентичны. Таким образом за время, достаточное для проверки одного делителя они фактически проверяются все разом, и мы получаем решение прежде неразрешимой задачи. — Она сделала паузу. — По крайней мере, так мы до сих пор представляли себе природу квантовых вычислений — что они основаны на одномоментной суперпозиции квантовых состояний, то есть, фактически, на создании набора вселенных

Мэри кивнула, пытаясь осознать услышанное.

— Но представьте себе, что всё происходит немного не так, — сказала Луиза. — Представьте, что вместо создания на долю секунды новой вселенной квантовый компьютер обращается к *уже существующим* параллельным вселенным — другим версиям реальности, в которых квантовый компьютер также существует.

— Для этого предположения нет теоретиче-

ских оснований, — сказала Бонни Джин немного раздражённо. — И, кроме того, на этом месте нет квантового компьютера в нашей вселенной, единственной, в существовании которой мы можем быть уверены.

— Именно! — воскликнула Луиза. — Моё предположение таково. Доктор Боддет и его коллега пытались факторизовать число настолько большое, что для одновременной проверки всех возможных делителей потребовалось больше копий квантового компьютера, чем их есть в уже существующих независимых долгоживущих вселенных. Понимаете? Он обратился к тысячам и миллионам существующих параллельных вселенных. В каждой из них квантовый компьютер нашёл копию себя, и каждая из них выполнила проверку своего делителя. Правильно? Но что, если вы факторизуете огромное число, гигантское число, число с большим количеством потенциальных делителей, чем количество параллельных вселенных, в которых существует квантовый компьютер? Что тогда? Так вот, я думаю, что случилось следующее: доктор Боддет с партнёром факторизовали гигантское число, квантовый компьютер обратился к своим собратьям во всех и каждой из вселенных, где он

существует, но ему нужно было больше копий себя, так что он стал их искать в *других* параллельных вселенных, включая те, в которых квантовый компьютер никогда не был построен — такие, как *наш* мир. И как только он обратился к одной из таких вселенных, это было как удар о стену — факторизация тут же прекратилась. И в результате этого удара существенная часть вычислительной установки Понтера оказалась перемещённой в нашу вселенную.

Мэри снова заметила, что доктор Ма кивает.

— Воздух, вместе с которым появился Понтер.

— Точно, — сказала Луиза. — Как мы и думали, в нашу вселенную переместился в основном воздух — достаточно воздуха, чтобы взломать акриловую сферу изнутри. Но вместе с воздухом оказался захвачен человек, который оказался внутри установки квантовых вычислений.

— То есть, он не знал, что происходит, когда попал сюда? — спросила Ма.

— Нет, — сказал Рубен Монтего. — Он ничего не понимал. Если вам кажется, что мы были в шоке, подумайте о том, как ошалел он. Бедолага обнаружил, что оказался в воде в полной темноте. Если бы с ним не было здорового пузыря воздуха, он бы точно утонул.

Весь твой мир вдруг вывернулся наизнанку, — подумала Мэри. Она посмотрела на неандертальца. Конечно, он старался скрыть растерянность и страх, которые, должно быть, испытывал, но перенесённый им шок был вне всякого сомнения огромен.

Мэри сочувственно улыбнулась ему.

Глава 22

Доосларм бадасларм Адекора Халда шёл своим чередом. Арбитр Сард сидела на южном краю зала, Адекор сидел пришпиленный к своему табурету обвиняемого, а Даклар Болбай ходила вокруг него кругами.

— Действительно ли было совершено преступление? — сказала Болбай, обращаясь в этот раз к арбитру Сард. — Труп не был найден, так что можно бы было утверждать, что это дело о пропавшем без вести, как бы абсурдно ни звучало это в наши дни. Но мы обыскали шахту с портативными детекторами сигналов, так что мы знаем, что компаньон Понтера ничего не передаёт. Если бы он был ранен, компаньон бы передавал. Даже если бы он погиб от естественных причин, компаньон работал бы от батарей ещё несколько дней после того, как биохимические процессы в теле Понтера прекратились. Ничто, кроме насильственных действий не может объяснить исчезновение Понтера и молчание его компаньона.

Адекор чувствовал, что его желудок начинает заворачиваться узлом. Рассуждения Болбай логичны: конструкция компаньонов проста и на-

дёжна. Когда их ещё не было, случалось, что люди пропадали, и их объявляли мёртвыми лишь через много месяцев, часто просто из-за отсутствия лучшего объяснения. Но Лонвес Троб обещал, что его компаньоны всё изменят, и так и случилось. Никто больше не пропадает без вести.

Арбитр Сард, очевидно, была удовлетворена аргументацией Болбай.

— Я согласна, — объявила она, — что отсутствие одновременно и тела, и сигналов компаньона заставляет предположить преступное деяние. Давайте двигаться дальше.

— Очень хорошо, — сказала Болбай. Она коротко взглянула на Адекора, потом снова повернулась к арбитру. — Убийства, — сказала она, — никогда не были часты. Оборвать жизнь другого, полностью и невозвратно прекратить чьё-то существование — деяние гнусное и ни с чем не сравнимое. И всё же подобные случаи известны; большинство, разумеется, из эпохи до компаньонов и архивов алиби. И в те времена трибунал обычно просил показать три вещи для подкрепления обвинения в убийстве.

Во-первых, возможность совершить преступление — и таковой у Адекора Халда было больше, чем у кого-либо другого на планете, поскольку он

находился в условиях, когда его компаньон был не способен вести передачу.

Во-вторых — метод, способ, которым преступление было совершено. В отсутствие тела мы можем лишь строить догадки о том, как могло быть осуществлено убийство, хотя, как вы увидите позднее, один способ более вероятен, чем другие.

И, наконец, нужно показать причину, мотив преступления, что-то, побудившее преступника совершить столь ужасное и необратимое действие. Арбитр, я собираюсь исследовать вопрос о мотиве Адекора Халда.

Сард кивнула.

— Я слушаю.

Болбай резко обернулась к Адекору.

— Вы и Понтер Боддет жили вместе, не так ли?

Адекор кивнул.

— В течение семи декамесяцев.

— Вы любили его?

— Да. Очень любил.

— Но его партнёрша недавно умерла.

— Она была и вашей партнёршей, — сказал Адекор, воспользовавшись возможностью подчеркнуть конфликт интересов Болбай.

Однако Болбай оказалась к этому готова.

— Да. Класт, моя возлюбленная. Она ушла из

жизни, и я глубоко скорблю по ней. Но я никого не виню; в этой смерти некого винить. Болезни случаются, и продлители жизни сделали всё, что в их силах, чтобы облегчить страдания её последних месяцев. Но в смерти Понтера Боддета *есть*, кого обвинять.

— Осторожно, Даклар Болбай, — сказала арбитр Сард. — Вы не доказали, что учёный Боддет мёртв. Пока я не вынесу решение по этому поводу, вы должны говорить о такой возможности лишь в предположительном ключе.

Болбай повернулась к Сард и поклонилась.

— Прошу прощения, арбитр. — Потом вернулась к Адекору. — Мы обсуждали другую смерть, смерть, которая вне всяких сомнений имела место: смерть Класт, партнёрши Понтера и моей. — Болбай прикрыла глаза. — Моё горе слишком велико, чтобы выразить его словами, и я не выставляю его ни перед кем напоказ. Горе Понтера, я уверена, было столь же велико. Класт часто говорила о нём; я хорошо знаю, как сильно она любила его, как сильно он любил её. — Болбай мгновение помолчала, вероятно, чтобы успокоиться. — Однако, принимая во внимание недавнюю трагедию, мы должны рассмотреть ещё одну возможную причину исчезновения Понтера. Мог

ли он покончить с жизнью, не выдержав горя разлуки с Класт? — Она посмотрела на Адекора. — Каково ваше мнение, учёный Халд?

— Он очень горевал по Класт, но Класт умерла уже довольно давно. Если бы Понтер собирался наложить на себя руки, я уверен, что заметил бы это.

Болбай важно кивнула.

— Не могу сказать, что знакома с учёным Понтером так же хорошо, как вы, учёный Халд, но я того же мнения. Однако, не могло ли у него быть какой-либо другой причины для самоубийства?

Адекора этот вопрос сбил с толку.

— Например?

— Ну, скажем, ваша работа… простите меня, конечно, учёный Халд, но я не могу выразить это мягче: ваш проект оказался полным провалом. Приближалась сессия Серого Совета, на которой обсуждался бы ваш вклад в общественное благосостояние. Мог ли он настолько бояться возможного прекращения проекта, чтобы наложить на себя руки?

— Нет, — ответил Адекор, потрясённый предположением. — Нет, на самом деле, если кто и выглядел бы плохо на совете, то, скорее, я, а не он.

Болбай дала его комментарию повиснуть в воздухе, потом продолжила:

— Не будете ли любезны развить свою мысль?

— Понтер был теоретиком, — сказал Адекор. — Его теории не были ни доказаны, ни опровергнуты, так что с ними ещё работать и работать. Я же был инженером; это я должен был построить установку для проверки теоретических идей Понтера. И это моя установка — прототип квантового компьютера — отказалась работать. Совет мог признать мой вклад недостаточным, но совершенно точно не стал бы делать этого в случае с Понтером.

— Так что смерть Понтера никак не могла быть самоубийством, — сказала Болбай.

— Я снова напоминаю, — сказала Сард, — что вы обязаны говорить об учёном Боддете как если бы он был жив, пока я не решу иначе.

Болбай поклонилась арбитру.

— Я снова приношу свои извинения. — Потом повернулась к Адекору. — Если бы Понтер захотел убить себя, можно ли утверждать, что он не стал бы это делать способом, который навлёк бы подозрение на вас?

— Предположение, что он мог наложить на себя руки, настолько немыслимое… — начал Адекор.

— Да, мы с этим согласны, — спокойно произнесла Болбай, — но, гипотетически, если бы он это сделал, он наверняка не выбрал бы способ, который вызвал бы подозрения в преступном деянии, вы согласны?

— Да, согласен, — ответил Адекор.

— Спасибо, — сказала Болбай. — Вернёмся теперь к затронутой вами теме о недостаточности вашего вклада.

Адекор поёрзал на табурете.

— Да?

— Я не хотела этого касаться, — сказала Болбай. Адекору показалось, что при этих словах от неё слегка повеяло ложью. — Но раз вы сами подняли этот вопрос, мы, наверное, должны немного углубиться в него — вы понимаете, просто чтобы кое-что прояснить.

Адекор ничего не ответил, и Болбай продолжила.

— Каково вам было, — мягко спросила она, — всё время жить с подветренной стороны от него?

— Э-э… простите?

— Ну, вы же сами сказали, что его вклад вряд ли подвергся бы сомнению, в отличие от вашего.

— На ближайшем заседании Совета — возможно, — сказал Адекор. — Но в целом…

— В целом, — подхватила Болбай, вы должны признать, что в любом случае ваш вклад был лишь малой частью его вклада. Это так?

— Это относится к делу? — поинтересовалась арбитр Сард.

— Я уверена, что относится, арбитр, — ответила Болбай.

Сард явно сомневалась в этом, но кивком позволила Болбай продолжать.

— Вы ведь сами понимаете, учёный Халд, что в учебниках, по которым будут учиться ещё не родившиеся поколения, имя Понтера будет упоминаться часто, тогда как ваше — гораздо реже, если вообще попадёт в учебники.

Адекор чувствовал, как начинает частить его пульс.

— Я никогда не задумывался над такими вопросами, — ответил он.

— О, прошу вас! — сказала Болбай так, словно им обоим было прекрасно известно, какая это несусветная чушь. — Неравенство ваших вкладов было очевидно каждому.

— Я снова предупреждаю вас, Даклар Болбай, — сказал арбитр. — Я не вижу никаких причин унижать обвиняемого.

— Я лишь пытаюсь оценить его психическое

состояние, — ответила Болбай, снова кланяясь. Не дожидаясь реакции Сард, Болбай повернулась к Адекору. — Итак, учёный Адекор, скажите нам: как вы относились к тому, что ваш вклад меньше, чем вклад вашего партнёра?

Адекор сделал глубокий вдох.

— Не моё дело оценивать, чей вклад больше, а чей — меньше.

— Конечно, нет, но разница между вашим и его настолько бросалась в глаза… — сказала Болбай, словно Адекор цеплялся к незначительной детали, отказываясь видеть общую картину. — Общеизвестно, что Понтер был талантлив. — Болбай снисходительно улыбнулась. — Ну так расскажите нам, как вы к этому относились.

— Я отношусь к этому сейчас, — сказал Адекор, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — совершенно так же, как относился до исчезновения Понтера. Единственное, что поменялось с тех пор, это то, что я невыразимо опечален потерей своего лучшего друга.

Болбай снова начала нарезать вокруг него круги. У табурета было крутящееся сиденье; Адекор мог поворачиваться вслед за ней, но решил этого не делать.

— Вашему лучшему другу? — переспросила

Болбай, как будто это заявление её безмерно удивило. — Вашему лучшему другу, так? И как вы почтили память о нём, когда он исчез? Заявив, что в ваших с ним экспериментах главными были ваше оборудование и программы, а не его теоремы!

У Адекора от неожиданности отпала челюсть.

— Я… я такого не говорил. Я сказал эксгибиционистам, что могу давать комментарии только относительно оборудования и программ, потому что за них отвечал я.

— Именно! Вы принижаете роль Понтера в проекте с самого момента его исчезновения.

— Даклар Болбай, — громыхнула Сард. — Вы должны обращаться к учёному Халду со всем подобающим уважением.

— Уважением? — усмехнулась Болбай. — С таким же, с каким он говорит о Понтере с тех пор, как он исчез?

У Адекора закружилась голова.

— Мы можем обратиться к архиву алиби, моему или эксгибициониста, — сказал он и указал на Сард, как будто они были давними союзниками. — Арбитр может услышать в точности, что я говорил.

Болбай махнула рукой, отметая предложение,

словно это был бред сумасшедшего.

— Не важно, какие именно слова вы произнесли; важно, какие чувства эти слова выражали. А вы чувствовали облегчение от того, что вашего давнего соперника наконец не стало…

— Нет, — выкрикнул Адекор.

— Делаю вам предупреждение, Даклар Болбай, — резко сказала Сард

— Облегчение от того, что вы вышли из его тени, — продолжала Болбай.

— Нет! — повторил Адекор, чувствуя, как в нём вскипает гнев.

— Облегчение, — продолжала Болбай, возвышая голос, — от того, что теперь вы сможете включить в свой вклад то, что было сделано совместно.

— Замолчите, Болбай! — каркнула Сард, громко хлопая ладонью по подлокотнику своего кресла.

— Облегчение, — Болбай почти кричала, — от того, что ваш соперник мёртв!

Адекор поднялся на ноги и повернулся к Болбай. Его рука сжалась в кулак и поднялась…

— *Учёный Халд!* — голос арбитра Сард был подобен грому.

Адекор замер. Его сердце бешено колотилось. Болбай, как он заметил, предусмотрительно пе-

реместилась на подветренную сторону от него, так, чтобы вентиляторы не несли её феромоны в сторону Адекора. Он посмотрел на свой сжатый кулак — кулак, который мог расколоть череп Болбай одним тычком, одним хорошим ударом проломить грудную клетку и разорвать сердце. Он смотрел на него как на что-то инородное, не принадлежащее его телу. Адекор опустил руку, но в нём по-прежнему было столько гнева и негодования, что в течение нескольких тактов он не мог разжать пальцы. Он повернулся к арбитру.

— Я… — сказал он умоляющим тоном. — Арбитр, вы, конечно, понимаете… Я… Я не мог… — Он тряхнул головой. — Вы слышали, что она мне говорила. Я не мог… никто бы не смог…

Фиолетовые глаза арбитра Сард, взирающие на него, были широко раскрыты от изумления.

— Я никогда не видела ничего подобного, ни в зале суда, ни за его пределами, — сказала она. Учёный Халд, за что с вами такое?

Адекор всё ещё кипел от ярости. Болбай знает о той истории; наверняка знает. Она — партнёрша Класт, а Понтер и Класт в то время уже были вместе. Но… но… так из-за этого Болбай с таким рвением преследует его? В этом состоит её мотив? Она не может не знать, что Понтер никогда не

пожелал бы такого.

Адекор прошёл через длительное лечение по поводу своей проблемы с контролем гнева. Понтер, милый Понтер, посчитал это болезнью, химический дисбалансом, и — к чести это замечательного человека — был рядом с Адекором в течение всего курса лечения.

Но сегодня… сегодня Болбай вынудила его, спровоцировала, подвела его к краю у всех на глазах.

— Достойный арбитр, — сказал Адекор, пытаясь — пытаясь, *пытаясь!* — заставить свой голос звучать спокойно. Должен ли он всё объяснить? Мог ли? Адекор склонил голову. — Я прошу прощения за свой срыв.

В голосе арбитра Сард по-прежнему слышалось изумление.

— Даклар Болбай, у вас имеются ещё какие-либо улики, подкрепляющие обвинение?

Болбай, явно достигшая именно того эффекта, на который рассчитывала, снова превратилась в воплощение спокойствия и рассудительности.

— Если позволите, я хотела бы коснуться ещё одного небольшого аспекта…

Глава 23

По окончании собрания в конференц-зале «Инко» Рубен Монтего пригласил всех к себе домой на ещё одно барбекю. Понтер широко улыбался; ему явно понравился вчерашний ужин. Луиза также приняла приглашение, снова пояснив, что, поскольку обсерватория лежит в руинах, ей всё равно нечего делать. Согласилась и Мэри: барбекю — это весело, уж точно веселее, чем снова весь вечер пялиться в потолок гостиничного номера. Профессор Ма отказалась. Ей нужно было возвращаться в Оттаву, где на десять вечера была назначена встреча на Сассекс-драйв, 24 — она сегодня встречалась с премьер-министром.

Основной проблемой теперь было избавиться от журналистов, которые, по словам охраны «Инко», дежурили у главных ворот шахты «Крейгтон». Но Луиза с Рубеном быстро разработали план, который тут же и претворили в жизнь.

У Мэри была машина, которую «Инко» взяла для неё напрокат — красный «додж-неон». (Когда Мэри забирала её в прокатной конторе, она спросила, ездит ли машина на благородном газе; клерк лишь непонимающе уставился на неё.)

Мэри оставила «неон» на парковке шахты, и уселась на пассажирское сиденье Луизиного чёрного «форд-эксплорера», украшенного сине-белым номерным знаком с номером «D2O», в котором Мэри спустя секунду опознала химическую формулу тяжёлой воды. Луиза достала из багажника одеяло — разумные водители и в Онтарио, и в Квебеке всегда возят с собой одеяло на случай, если зимой заглохнет мотор — и завернула Мэри в него.

Сначала Мэри было невыносимо жарко, но, к счастью, у Луизы в машине был кондиционер; немногие аспиранты могли себе это позволить, но Мэри подозревала, что Луиза с лёгкостью получает максимальные скидки и прочие бонусы.

Луиза подкатила по извилистой гравийной дорожке к выезду с шахты, и Мэри, в меру способностей, попыталась сделать вид, что под одеялом прячется что-то массивное и одушевлённое. Через некоторое время Луиза резко прибавила скорость, словно желая побыстрее скрыться.

— Мы только что проехали ворота, — сказала она Мэри, которая из-под одеяла ничего не видела. — Ура, сработало! На нас показывают пальцами и бегут к машинам.

Луиза уводила журналистов за собой до само-

го Садбери. Если всё пошло по плану, то Рубен дождался, пока вся пресса увяжется за «эксплорером», а потом увёз Понтера в свой дом на окраине Лайвли.

Луиза подъехала к многоквартирному дому, в котором жила, и припарковалась на стоянке у подъезда. Мэри слышала, как рядом с ними останавливаются машины, взвизгивая тормозами. Луиза вышла из машины и подошла к дверце пассажирского сиденья.

— Всё о-кей, — сказала она Мэри, — можете вылезать.

Мэри услышала, как хлопают дверцы машин — журналисты выскакивали наружу. Луиза воскликнула «*Voila!*» и сдёрнула одеяло с Мэри; Мэри одарила репортёров застенчивой улыбкой.

— Вот чёрт! — сказал один из журналистов. — Зараза, — сказал другой.

Но третья — а всего их было, должно быть, с дюжину — оказалась более сообразительной.

— Вы доктор Воган, не так ли? — спросила она. — Генетик?

Мэри кивнула.

— Так это неандерталец или нет? — требовательно спросила журналистка.

Луизе и Мэри потребовалось сорок пять минут,

чтобы отделаться от репортёров, которые, хоть и были разочарованы тем, что упустили Понтера, были рады первыми услышать о результатах проделанных Мэри анализов ДНК. Наконец, Луизе и Мэри удалось войти в дом и подняться в Луизину маленькую квартирку на третьем этаже. Там они дождались, пока журналисты уберутся с парковки — она была видна из окна Луизиной спальни, а потом Луиза взяла из холодильника пару бутылок вина, и они с Мэри снова спустились вниз, сели в машину и поехали в Лайвли.

Они добрались до дома Рубена около шести вечера. Рубен и Понтер решили не начинать готовить ужин до их прихода, поскольку не были уверены, когда они явятся. Понтер лежал на диване в гостиной; должно быть, подумала Мэри, неважно себя почувствовал, что было неудивительно, принимая во внимание, сколько ему пришлось пережить за последние пару дней.

Луиза объявила, что будет помогать готовить ужин. Мэри уже знала, что Луиза вегетарианка и, должно быть, чувствовала неловкость за то, что Рубену вчера пришлось готовить для неё отдельно. Рубен, как отметила Мэри, тут же принял её предложение — а какой нормальный мужчина отказался бы?

— Мэри, Понтер, — сказал Рубен, — чувствуйте себя как дома. Мы с Луизой займёмся барбекю.

Мэри почувствовала, как зачастило сердце, а во рту моментально пересохло. Она не оставалась наедине с мужчиной с…

Но сейчас совсем ещё рано, и…

И Понтер — не…

Это было затасканное клише, но в данной случае — истинная правда.

Понтер не такой, как другие мужчины.

Конечно, всё будет хорошо; в конце концов, Рубен и Луиза были неподалёку. Мэри сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

— Ага, — ответила она. — Хорошо.

— Здорово, — сказал Рубен. — В холодильнике есть пиво и газировка. Луизино вино выпьем за ужином.

Они с Луизой удалились сначала на кухню, а через пару минут вышли во двор. Мэри судорожно втянула воздух, когда увидела, что Рубен закрыл стеклянную дверь, ведущую наружу, чтобы не кондиционировать улицу. Сомнительно, чтобы они услышали что-нибудь из-за закрытой двери и гудения кондиционера.

Мэри повернула голову и посмотрела на Понтера, который поднялся на ноги. Они сумела

выдавить из себя вялую улыбку.

Понтер улыбнулся в ответ.

Он не был уродлив; вовсе нет. Но его лицо выглядело весьма необычно: как будто кто-то взял глиняную модель нормального человеческого лица и вытянул её вперёд.

— Превет, — сказал Понтер без посредства импланта.

— Привет, — ответила Мэри.

— Неудобно, — сказал Понтер.

Мэри вспомнила свою поездку в Германию. Вспомнила постоянные усилия, которые приходилось прилагать только для того, чтобы быть понятой, чтобы прочитать инструкцию к телефону-автомату, сделать заказ в ресторане, спросить дорогу. Как ужасно должен чувствовать себя Понтер — учёный, интеллектуал! — вынужденный общаться на уровне ребёнка-дошкольника.

Эмоции Понтера были очевидны: он улыбался, хмурился, вскидывал белобрысые брови, смеялся; она не видела, как он плачет, но, должно быть, он умел и это. Они ещё не накопили достаточный словарный запас для обсуждения того, какие чувства он испытывает по поводу мира, в который попал; сейчас было легче говорить о квантовой механике, чем о чувствах.

Мэри сочувственно кивнула.

— Да, — сказала она, — это очень неудобно, когда не можешь общаться.

Понтер слегка склонил голову. Возможно, понял; возможно, нет. Он оглядел гостиную Рубена, словно что-то потерял.

— В вашей комнате нет… — Он нахмурился, явно не в силах высказать идею, для которой ни у него, ни у его импланта ещё не было слов. Наконец, он подошёл к одному из массивных встроенных книжных шкафов, заполненных детективами, DVD-дисками и маленькими ямайскими статуэтками. Понтер повернулся и принялся тереться спиной об угол шкафа, двигая ею из стороны в сторону.

Мэри поначалу опешила, но быстро сообразила, что происходит: Понтер использовал шкаф как чесательный столб. В голове возник образ довольного Балу из диснеевской «Книги джунглей». Она пыталась подавить улыбку. У неё самой спина чесалась довольно часто — и, подумала она, уже давно некому было ей её почесать. Если спина Понтера действительно такая волосатая, то она, должно быть, чешется довольно регулярно. Наверное, жилые помещения в его мире оборудованы специальными приспособлениями

для чесания спины.

Она задумалась, будет ли вежливо предложить почесать ему спину — и эта мысль повергла её в ступор. Она полагала, что уже никогда не захочет касаться мужчины, или чтобы он её касался. В чесании спины не обязательно присутствует сексуальный подтекст, но опять же, литература, которую дала ей Кейша, подтвердила то, что она уже знала: в изнасиловании тоже нет ничего от секса. И всё же она ничего не знала о том, как принято вести себя друг с другом мужчине и женщине в мире Понтера; она могла серьёзно его оскорбить или…

Опомнись, женщина!

Без сомнения она выглядела для Понтера не более привлекательно, чем он для неё. Он почесался ещё какое-то время, потом отступил от массивного шкафа. Он сделал рукой приглашающий жест, будто предлагая Мэри проделать то же самое.

Она забеспокоилась о том, что может что-то сломать или скинуть с полок, но если шкаф выдержал Понтера, то и её наверняка выдержит.

— Спасибо, — сказала Мэри. Она пересекла комнату, обошла прозрачный кофейный столик и прижала спину к углу шкафа. Потом поелозила спиной по дереву. Это и правда было приятно,

хотя застёжка лифчика постоянно цеплялась за угол.

— Хорошо, да? — сказал Понтер.

Мэри улыбнулась.

— Ага.

В этот момент зазвонил телефон. Понтер посмотрел на него, Мэри тоже. Телефон не умолкал.

— Точно не для я, — сказал Понтер.

Мери засмеялась и подошла к столу, на котором лежала трубка зеленоватого цвета. Она приняла звонок.

— Дом доктора Монтего.

— Профессор Мэри Воган случайно не у вас? — спросил мужской голос.

— Э-э… я слушаю.

— Здо́рово! Меня зовут Санджит. Я продюсер «@discovery.ca», вечерней программы научных новостей на канале «Дискавери-Канада».

— Вау, — сказала Мэри. — Крутое шоу.

— Спасибо. Мы следим за этой историей с неандертальцем из Садбери. Честно говоря, мы поначалу в неё не верили, но только что пришло сообщение, что вы установили подлинность его ДНК.

— Да, — сказала Мэри. — У него действительно

ДНК неандертальца.

— А что скажете про… про него самого? Он не подделка?

— Нет, — сказала Мэри. — Он вполне настоящий.

— Круто. В общем, видите ли, мы были бы счастливы увидеть вас в нашей завтрашней передаче. Нашим каналом владеет CTV, так что мы могли бы прислать кого-нибудь из местной студии организовать телеинтервью между вами в Садбери и Джеем Инграмом, одним из ведущих, в нашей студии в Торонто.

— Гмм, — сказала Мэри. — Ну, хорошо. Я согласна.

— Отлично, — сказал Санджит. — Давайте я вам вкратце расскажу, о чём будет разговор.

Мэри повернулась и выглянула в окно. Во дворе Рубен и Луиза всё ещё возились с барбекю.

— Давайте.

— Во-первых, хочу убедиться, что в моих сведениях о вас самой ничего не напутано. Вы преподаёте в Йоркском университете, верно?

— Да, генетику.

— На постоянной должности?

— Да.

— Ваша кандидатская степень в области…

— Молекулярной биологии.

— В 1996 году вы ездили в Германию, чтобы взять образец ДНК хранящегося там типового экземпляра неандертальца, всё верно?

Мэри бросила взгляд на Понтера, чтобы убедиться, что он ничего не имеет против того, что она так долго разговаривает по телефону. Его ответная улыбка была вполне искренней, так что она продолжила.

— Да.

— Расскажите об этом подробнее, — попросил Санджит.

В целом подготовка к интервью заняла минут двадцать. Она слышала, как Рубен и Луиза пару раз проходили со двора на кухню; один раз Рубен просунул голову в гостиную убедиться, что у Мэри всё в порядке, и она, зажав микрофон рукой, рассказала ему, что происходит. Он улыбнулся и вернулся к готовке. Наконец, Санджит исчерпал свой запас вопросов, и они подтвердили свою готовность к записи интервью. Мэри положила трубку и вернулась к Понтеру.

— Простите, — сказала она.

Но Понтер уже бросался на неё с вытянутой вперёд рукой. В одно мгновение она поняла, какой была идиоткой; он специально заманил её

сюда, к книжным шкафам, подальше от двери. Одним движением массивной руки он отбросит её и от окна, и Рубен и Луиза не смогут видеть её снаружи.

— Прошу, — сказала Мэри, — Прошу… я закричу…

Понтер сделал ещё один судорожный шаг вперёд, и тут…

И тут Мэри закричала.

— *Помогите! Помогите!*

Понтер тяжёло оседал на ковёр. Его лоб над надбровным валиком покрывал густой пот, а кожа приобрела пепельный оттенок. Мэри бухнулась на колени рядом с ним. Его грудь быстро поднималась и опускалась; он начинал хрипеть.

— *Помогите!* — завопила она снова.

Она услышала, как распахивается дверь. В комнату ворвался Рубен.

— Что слу… о Господи!

Он подскочил к Понтеру. Луиза прибежала пару секунд спустя. Рубен щупал у Понтера пульс.

— Понтер не здоровый, — сказала Хак женским голосом.

— Да, — ответил Рубен, кивая. — Вы знаете, что с ним не так?

— Нет, — ответила Хак. — Пульс учащён, дыха-

ние неглубокое. Температура тела 39.

Мэри на мгновение растерялась, услышав, что имплант называет температуру в, как ей показалось, градусах Цельсия — если так, что у Понтера серьёзный жар. Но, если подумать, это была самая логичная температурная шкала, которую могли бы выдумать существа с десятью пальцами.

— У него есть аллергия? — спросил Рубен.

Хак пискнула.

— Аллергия, — объяснил Рубен, — Еда или вещи из нормального окружения, которые не действуют на других людей, но ему от них плохо.

— Нет, — ответила Хак.

— Был ли он болен, когда покидал ваш мир?

— Болен? — повторила Хак.

— Нездоров. Чувствовал недомогание.

— Нет.

Рубен взглянул на украшенные затейливой резьбой деревянные часы, стоящие на одной из книжных полок.

— Он в нашем мире уже пятьдесят один час. Чёрт, чёрт, чёрт!

— Что такое? — спросила Мэри.

— Боже, какой я идиот! — сказал Рубен, вставая. Он бегом устремился в соседнюю комнату и вернулся с коричневым врачебным чемоданчиком,

который тут же открыл. Он достал из него деревянный медицинский шпатель и крошечный фонарик. — Понтер, — твёрдо сказал он, — откройте рот.

Золотистые глаза Понтера были полузакрыты, но он сделал, что просил Рубен. По-видимому, его никогда раньше таким образом не обследовали — Понтер засопротивлялся, почувствовав деревянную лопаточку на языке. Однако, по-видимому, успокоенный словами Хак, которые слышал он один, он перестал сопротивляться, и Рубен осветил фонариком внутреннюю поверхность огромной неандертальской ротовой полости.

— Миндалины и другие ткани сильно воспалены, — сказал Рубен. Он посмотрел на Мэри, потом на Луизу. — Какая-то инфекция.

— Но вы, профессор Воган или я находились с ним практически всё время, — сказала Луиза, — и мы не заболели.

— *Именно,* — сказал Рубен. — Что бы он ни подхватил, он подхватил это здесь, и это что-то, к чему у нас имеется природный иммунитет, а у него — нет. — Рубен порылся в своём чемоданчике и достал из него пузырёк с пилюлями. — Луиза, — сказал он, не оборачиваясь, — принесите ста-

кан воды, пожалуйста.

Луиза бегом кинулась на кухню.

— Я собираюсь дать ему лошадиную дозу аспирина, — сказал он, обращаясь то ли к Хак, то ли к Мэри — она не поняла. — Это должно сбить жар.

Луиза вернулась со стаканом, полным воды. Рубен взял у неё стакан, потом просунул две пилюли Понтеру между губ.

— Хак, скажите ему, чтобы он это проглотил.

Мэри не была уверена, понял ли компаньон слова Рубена, или просто догадался о его намерениях, но секундой позже Понтер действительно проглотил таблетки и, поддерживаемый за руку Рубеном, сумел отхлебнуть из стакана немного воды, хотя бóльшая часть растеклась по его лишённой подбородка челюсти, промочив бороду.

Но он не захлебнулся и не закашлялся. Неандерталец неспособен подавиться — это была обратная сторона их неспособности произносить многие звуки. Их ротовая полость имела такую форму, что ни еда, ни вода не могли попасть не в то горло. Рубен помог залить в Понтера ещё немного воды; стакан опустел.

Кретины, подумала Мэри. *Чёртовы кретины.*

Ну как они могли быть такими тупыми? Когда Кортес со своими конкистадорами явился в

Центральную Америку, он привёз болезни, от которых у ацтеков не было иммунитета — а ведь ацтеки и испанцы были изолированы друг от друга всего несколько тысяч лет, в течение которых в одной части планеты успели развиться патогены, от которых в другой не было зашиты. Мир Понтера был изолирован от нашего по меньшей мере двадцать семь тысяч лет; у нас *наверняка* есть болезни, к которым у него отсутствует иммунитет.

И… и… и…

Мэри содрогнулась.

И, конечно, это работает в обе стороны.

Та же мысль, по-видимому, пришла в голову и Рубену. Он вскочил на ноги, пересёк комнату и схватил со стола телефон, по которому раньше разговаривала Мэри.

— Алло, оператор, — сказал он в телефон. — Я доктор Рубен Монтего, у нас чрезвычайная эпидемиологическая ситуация. Мне нужно связаться с Лабораторным центром контроля заболеваний при Министерстве здравоохранения в Оттаве. Да, именно так — с тем, кто там главный по инфекционным болезням…

Глава 24

Доосларм басадларм Адекора Халда был временно приостановлен — якобы для перерыва на ужин, но также и потому, что арбитр Сард явно хотела дать ему время успокоиться и прийти в себя и проконсультироваться с другими о том, как исправить нанесённый его вспышкой ярости ущерб.

Когда *доосларм басадларм* возобновился, Адекор снова сидел на табурете. Он раздумывал о том, какой гений придумал, что обвиняемый должен сидеть на табурете, а обвинитель ходить вокруг него кругами? Наверное, Жасмель знает; в конце концов, она изучает историю, а эта традиция наверняка очень древняя.

Болбай широким шагом вышла в центр зала.

— Я хотела бы, чтобы мы прошли а павильон архива алиби, — сказала она.

Сард взглянула на укреплённый на потолке хрономер, явно обеспокоенная тем, сколько времени это займёт.

— Вы уже показали, что архив алиби учёного Халда не может содержать ничего, имеющего отношение к исчезновению Понтера Боддета.

— Она скривилась. — Я *уверена*, — сказала она тоном, который подавлял желание возражать, — что и учёный Халд и тот, кто будет говорить от его имени, согласятся с этим утверждением без посещения архива.

Болбай степенно кивнула.

— Я согласна с вами, арбитр. Но я хотела бы разблокировать куб памяти не учёного Халда, а Понтера Боддета.

— В нём также не может быть ничего о его исчезновении, — сказала Сард с явными признаками раздражения, — и по той же самой причине: тысячи саженей скалы, блокирующие радиосигналы.

— Совершенно верно, арбитр, — сказала Болбай. — Однако я хотела бы просмотреть не момент исчезновения учёного Боддета. Я хочу показать вам эпизод, имевший место 254 месяца назад.

— Двести пятьдесят четыре месяца! — воскликнула арбитр. — Как может произошедшее так давно иметь хоть какое-то отношение к данному разбирательству?

— Если вы мне позволите, — сказала Болбай, — я продемонстрирую вам эту связь.

Адекор в раздумье постукивал себя большим пальцем по надбровной дуге. Два с половиной

гектомесяца: чуть больше девятнадцати лет. Он уже был знаком с Понтером; они оба со 145-го, и поступили в Академию одновременно. Но что за событие тех давних времён могло…

Адекор сам не заметил, как вскочил на ноги.

— Достойный арбитр, я возражаю.

Сард посмотрела на него.

— Возражаете? — переспросила она, не ожидая услышать такого во время судебного разбирательства. — На каком основании? Болбай просит вскрыть не ваш архив, а Понтера Боддета. И поскольку он пропал, то правом просить об открытии его архива обладает *табант* его ближайших живых родственников, то есть Даклар Болбай.

Адекор был зол на себя. Сард могла бы отклонить запрос Болбай, если бы он держал свой рот на замке. Но теперь он возбудил в ней любопытство, и она захочет узнать, что же такое Адекору хотелось скрыть.

— Очень хорошо, — сказала Сард, придя к решению. Она оглядела толпу зрителей. — Вы все останетесь здесь, пока я не решу, есть ли там что-то такое, что необходимо продемонстрировать публике. — Она переместила свой взгляд. — Члены семьи учёного Боддета, учёный Халд

и тот, кто будет говорить от его имени, могут присоединиться к нам при условии, что никто из них не является эксгибиционистом. — Наконец, её взгляд упёрся в Болбай. — Хорошо, Болбай. Но в ваших интересах, чтобы дело того стоило.

Сард, Болбай, Адекор, Жасмель и Мегамег, которую Жасмель держала за руку, по широкому выстланному мхом коридору прошли в павильон архива алиби. Болбай не смогла удержаться от язвительного замечания по адресу Адекора:

— Что, никто не согласился говорить от твоего имени, а?

Хотя бы в этот раз Адекору хватило ума удержать язык за зубами.

* * *

Не так много ныне живущих людей родилось до внедрения компаньонов: немногочисленные представители 140-го поколения и ещё меньшее число представителей 139-го, которые ещё не умерли. Для всех остальных компаньон был частью их жизни практически с её первых дней, когда вживляется первый младенческий имплант. До тысячемесячного юбилея начала Эры Алиби оставалось совсем немного времени — весь мир готовился к празднествам.

Даже в одном только Салдаке десятки тысяч людей успели родиться и умереть после вживления первого компаньона; самый первый имплант был установлен в запястье его изобретателя, Лонвеса Троба. Огромный павильон архива алиби, расположенный рядом со зданием Серого Совета, был разделён на два крыла. Южное упиралось в древнее скальное обнажение; расширение этого крыла было бы непростым делом, и поэтому здесь хранили активные кубы алиби, принадлежащие ныне живущим людям, число которых оставалось практически постоянным. Северное крыло, хотя в данный момент не превышавшее размером южное, могло достраиваться без ограничений, как того и требовалось. Когда кто-нибудь умирал, его куб алиби отсоединяли от приёмника и переносили сюда.

Интересно, подумал Адекор, в каком крыле сейчас находится куб Понтера. В принципе, арбитру ещё предстояло вынести решение о том, было ли убийство. Он очень надеялся, что куб пока ещё в крыле живых; он опасался, что не сможет сохранять присутствие духа, если придётся просматривать сцены из жизни Понтера на стороне мёртвых.

Раньше Адекору не доводилось бывать в ар-

хиве. В северном крыле, крыле мёртвых, для каждого поколения имелось отдельное помещение с ведущим в него сводчатым проходом. Первое из них было крошечным, и в нём хранился единственный куб, принадлежащий Валдеру Шару, единственному в Салдаке представителю 131-го поколения, который ещё был жив на момент внедрения компаньонов. Следующие постепенно становились больше — в них хранились кубы рождённых в 132, 133, 134 и 135 поколениях, каждое на десять лет младше, чем предыдущее. Начиная со 136-го поколения все помещения были одинакового размера, хотя в отведённых для 144-го и более поздних пока находилось всего несколько кубов: почти все его представители были ещё живы.

В южном крыле было единственное помещение с тридцатью тысячами разъёмов для подключения кубов памяти. Хотя поначалу в южном крыле царил порядок и кубы были сгруппированы по поколениям, а внутри поколений — по полам, к настоящему времени большая часть этого порядка оказалась утрачена. Дети рождались в упорядоченной предсказуемой манере, однако умирали люди без всякого порядка, и кубы последующих поколений подключались к

освободившимся разъёмам.

Поэтому найти нужный куб среди более чем 25000 — население Салдака — было бы невозможно без каталога. Поэтому арбитр Сард предстала перед Хранителем Алиби, грузной женщиной 143-го поколения.

— Здравый день, арбитр, — сказала она, сидя на седлокресле за столом причудливо выгнутой формы, напоминающей почку.

— Здравый день, — ответила Сард. — Я хочу получить доступ к архиву алиби Понтера Боддета, физика 145-го поколения.

Женщина кивнула и заговорила, обращаясь к компьютеру. На квадратном экране появилась серия цифр.

— Следуйте за мной, — сказала она.

Для своих размеров двигалась она на удивление проворно. Она провела их через череду коридоров, стены которых были испещрены рядами ниш, содержащими кубы памяти — блоки реструктурированного гранита размером с человеческую голову.

— Вот он, — сказала женщина. — Разъём номер 16321: Понтер Боддет.

Арбитр кивнула, потом повернула своё морщинистое запястье так, чтобы её компаньон был

направлен на горящий синий глаз алиби-куба.

— Я, Комел Сард, арбитр, сим приказываю разблокировать хранилище алиби номер 16321 для справедливого и обоснованного судебного разбирательства. Дата, время.

Глазок на алиби-кубе из синего стал жёлтым. Арбитр отошла в сторону, и архивист предъявила свой компаньон.

— Я, Мабла Дабдалб, Хранитель Алиби, сим подтверждаю разблокирование хранилища алиби номер 16321 для справедливого и обоснованного судебного разбирательства. Дата, время. — Глазок стал красным, и прозвучал звуковой сигнал.

— Готово, арбитр. Вы можете воспользоваться проектором в двенадцатой комнате.

— Спасибо, — сказала Сард, и все вернулись обратно к входу. Дабдалб указала им проекционную комнату, которую зарезервировала для них, и Сард, Болбай, Адекор, Жасмель и Мегамег вошли в неё.

Комната была большая и квадратная, с рядом седлокресел вдоль одной из стен. Все, кроме Болбай, уселись, она же подошла к вмонтированной в стену консоли управления. Архивы алиби можно было просматривать только внутри этого здания; чтобы защитить их от несанкциониро-

ванного доступа здания архивов были полностью изолированы от планетарной информационной сети и не имели внешних линий связи. Хотя необходимость лично являться в здание архива для просмотра записей часто создавала неудобства, изоляция считалась необходимой и полезной мерой.

Болбай оглядела сидящих перед ней людей.

— Ну, хорошо, — сказала она. — Я собираюсь обратиться к событиям 146/128/11.

Адекор обречённо кивнул. Он не был уверен, что то был именно одиннадцатый день, но 128-я луна со дня рождения 146-го поколения звучала правдоподобно.

В комнате потемнело, и перед ними появилась почти невидимая сфера, напоминающая мыльный пузырь. Болбай, похоже, считала, что стандартный размер не способен передать драматизма демонстрируемых событий: Адекор услышал щёлканье управляющих штырьков, и сфера начала увеличиваться, пока не достигла сажени в диаметре. Потом она снова повозилась с консолью, и внутри сферы появились три меньшие, окрашенные в немного различающиеся цвета. Потом в этих сферах также появилось по три меньшие, и в них тоже, снова и снова, словно

на ускоренной видеосъёмке клеточного митоза. По мере того, как сферы постепенно становились всё меньше и меньше, они раскрашивались во всё большее и большее количество цветов, и наконец, когда процесс завершился, сферу заполнило изображение молодого человека в камере размышлений Научной Академии — помещении с повышенным давлением. Он выглядел, словно статуя, слепленная из мелких бусинок.

Адекор кивнул; запись была сделана довольно давно, до появления современных технологий высокой чёткости. Но смотреть вполне можно.

Болбай снова что-то сделала с консолью, и пузырь повернулся так, чтобы всем стало видно лицо изображённого на голограмме человека. Адекор уже и забыл, как выглядел молодой Понтер. Он взглянул на сидящую рядом Жасмель. Она смотрела, как зачарованная. Она наверняка понимала, что здесь отцу столько же лет, сколько ей сейчас; когда делалась эта запись, Класт уже была беременна ею.

— Это, конечно же, Понтер Боддет, — сказала Болбай. — Здесь ему вдвое меньше, чем сейчас — чем было бы сейчас, будь он жив. — Она торопливо продолжила, пока арбитр не сделала её замечание. — Итак, сейчас я включаю ускоренное

воспроизведение…

Изображение Понтера пошло, село, встало, послонялось по комнате, сверилось с планшетом, потёрлось о чесательный столб — двигаясь при этом неестественно быстро. А потом дверь комнаты открылась — повышенное давление не давало проникать в комнату феромонам других людей, которые отвлекали от учёбы — и в неё вошёл Адекор Халд.

— Стоп, — произнесла арбитр Сард. Болбай остановила изображение. — Учёный Халд, вы подтверждаете, что это в самом деле вы?

Адекор на мгновение похолодел, увидев своё лицо; он и забыл, что как раз тогда начал было брить бороду. Ах, если бы то было единственным безумством юности, что зафиксировал этот куб…

— Да, арбитр, — тихо сказал Адекор. — Это я.

— Всё в порядке, — сказала Сард. — Продолжайте.

Изображение в пузыре снова задвигалось в ускоренном темпе. Адекор перемещался по комнате, как и Понтер, хотя изображение Понтера всегда оставалось в центре сферы, а перемещалось его окружение.

Адекор и Понтер, по-видимому, дружески беседовали…

Потом беседа приняла менее дружеский характер…

Болбай переключила воспроизведение на нормальную скорость.

К этому моменту Понтер и Адекор жарко спорили.

И потом…

Потом…

Адекору хотелось закрыть глаза. Он и так отлично помнил эту сцену. Но он никогда не смотрел на неё снаружи, никогда не видел, какое у него было при этом лицо…

Так что он смотрел.

Смотрел, как он сжимает пальцы…

Как отводит руку назад, как вздувается бицепс…

Как рука летит вперёд…

Как именно в этот момент Понтер приподнимает голову…

Как его кулак встречается с челюстью Понтера…

Как челюсть ломается наискось…

Как Понтера отбрасывает назад, изо рта хлещет кровь…

Как Понтер выплёвывает зубы.

Болбай снова остановила картинку. Да, на лице

молодого Адекора теперь застыло выражение шока и раскаяния. Да, он нагнулся, чтобы помочь Понтеру. Да, он явно сожалел о том, что сделал, потому как он, конечно же, был…

…был на волосок от того, чтобы убить Понтера Боддета, со всей силы ударив его кулаком в лицо.

Мегамег плакала. Жасмель ёрзала на своём кресле, отодвигаясь от Адекора. Арбитр Сард в изумлении медленно раскачивала головой. А Болбай…

Болбай просто стояла, скрестив руки на груди.

— Ну так что, Адекор, — сказала она, — мне проиграть всю сцену снова, на этот раз со звуком, или вы сэкономите нам время и сами расскажете, о чём у вас с Понтером вышел спор?

Адекора мутило.

— Это несправедливо, — тихо произнёс он. — Несправедливо. Я прошёл курс лечения по контролю над гневом — корректировку уровня нейротрансмиттеров; мой скульптор личности это подтвердит. Я в жизни никого не ударил ни до, ни после этого случая.

— Вы не ответили на мой вопрос, — сказала Болбай. — О чём вы ругались с Понтером?

Адекор молчал, сокрушённо качая головой.

— Учёный Халд? — требовательно напомнила

о себе арбитр.

— Это была ерунда, — сказал Адекор, глядя в устланный мхом пол. — Это… — Он сделал глубокий вдох, потом медленно выдохнул. — Это была философская идея, связанная с квантовой физикой. Существует много интерпретация квантовых явлений, но Понтер был сторонником модели, об ошибочности которой был прекрасно осведомлён. Я… Я знал, что он просто дразнит меня, но…

— Но вы не выдержали, — сказала Болбай. — И простая научная — научная! — дискуссия вышла из-под контроля, и вы вспылили настолько, что это стоило бы Понтеру жизни, ударь вы его на два пальца выше.

— Это несправедливо, — повторил Адекор, теперь глядя на арбитра. — Понтер меня простил. Он не выдвинул обвинения; если нет обвинения со стороны жертвы, то по определению нет и преступления. — Его голос стал почти умоляющим. — *Это закон.*

— Сегодня утром в зале Совета мы имели возможность наблюдать, насколько успешно Адекор Халд контролирует свой гнев, — сказала Болбай. — А теперь вы увидели, что однажды он уже пытался убить Понтера Боддета. В тот раз

у него не получилось, но, по моему мнению, у нас достаточно оснований полагать, что новая попытка, совершённая в лаборатории квантовых вычислений глубоко под землёй, была успешнее. — Болбай замолчала и взглянула на Сард. — Я думаю, — сказала она довольным голосом, — что установленных фактов достаточно для передачи дела в полный трибунал.

Глава 25

Мэри подошла к окну, выходящему на улицу, и выглянула в него. Хотя уже больше шести вечера, в это время года будет светло ещё пару часов, и…

О Господи! Продюсер с канала «Дискавери» был не единственным, кто догадался, где их нужно искать. Она увидела два телевизионных фургона с микроволновыми антеннами на крышах, три легковушки, украшенные логотипами радиостанций, и потрёпанную «хонду» с крылом чуть иного цвета, чем остальной автомобиль; она, должно быть, принадлежала какому-нибудь газетчику. Похоже, сообщение о том, что она подтвердила подлинность ДНК Понтера, заставило всех и каждого отнестись к этой совершенно невероятной истории всерьёз.

Рубен, наконец, положил трубку. Мэри повернулась к нему.

— Я не планировал, что вы останетесь на ночь, — сказал он, — но…

— Что? — удивлённо переспросила Луиза.

Но Мэри уже всё поняла.

— Никто никуда не едет, да? — спросила она.

Рубен покачал головой.

— ЛЦКЗ наложил на дом карантин. Никто не входит и не выходит.

— Как долго? — спросила Луиза, распахивая свои карие глаза.

— Это решит правительство, — ответил Рубен. — По меньшей мере несколько дней.

— Дней! — воскликнула Луиза. — Но… но…

Рубен развёл руками.

— Прошу прощения, но никто не знает, что плавает у Понтера в крови.

— А от какой болезни вымирали ацтеки? — спросила Мэри.

— Большей частью от оспы, — ответил Рубен.

— Но от оспы… — сказала Луиза. — Если б это была оспа, то были бы язвы на лице?

— Они появляются через два дня после начала лихорадки, — сказал Рубен.

— Но оспу ведь уничтожили, — сказала Луиза.

— В этой вселенной, да, — сказала Мэри. — Поэтому от неё больше не прививают. Но возможно, что…

Луиза кивнула, догадавшись.

— Возможно, что в *его* вселенной её не уничтожили.

— Именно, — сказал Рубен. — Но в любом случае есть масса патогенов, которые эволюционирова-

ли в его мире и от которых у нас не может быть иммунитета.

Луиза глубоко вдохнула, по-видимому, пытаясь успокоиться.

— Но я чувствую себя хорошо, — сказала она.

— Я тоже, — ответил Рубен. — Мэри?

— Со мной всё в порядке.

Рубен покачал головой.

— Но рисковать всё равно нельзя. В Сент-Джозефе брали кровь Понтера на анализ; женщина из ЛЦКЗ, с которой я говорил, сказала, что она позвонит тамошнему заведующему патологией, и они сделают мазки на всё, на что можно.

— У нас достаточно еды? — спросила Луиза.

— Нет, — ответил Рубен, — но нам привезут, и…

Динь-дон!

— О, ч-чёрт! — зарычал Рубен.

— Кто-то звонит в дверь! — объявила Луиза, выглядывая сквозь входную дверь.

— Репортёр, — определила Мэри, увидев звонящего.

Рубен бросился наверх. Мэри подумала было, что он вернётся с дробовиком, но потом услышала, как он кричит из окна верхнего этажа:

— Уходите! Этот дом на карантине!

Мэри видела, как репортёр отступил от двери на несколько шагов и поднял голову, глядя на Рубена.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов, доктор Монтего, — крикнул он.

— Уходите! — крикнул Рубен в ответ. — Неандерталец болен, и минздрав наложил на этот дом карантин.

Мэри услышала, как по просёлку приближаются ещё несколько автомобилей; в окнах стали видны красно-жёлтые сполохи мигалок.

— Да ладно, доктор, — не сдавался репортёр. — Всего пара вопросов.

— Я серьёзно, — крикнул Рубен. — У нас здесь инфекционное заболевание.

— Я так понимаю, профессор Воган с вами? — крикнул репортёр. — Она может прокомментировать анализ неандертальской ДНК?

— Да уходите же! Ради Бога, человече, бегите отсюда!

— Профессор Воган, вы здесь? Стэн Тинберген, «Садбери Стар». Я бы хотел…

— *Mon dieu!* — воскликнула Луиза, указывая на улицу. — У него ружьё!

Мэри посмотрела туда, куда показывала Луиза. Метрах в тридцати от дома действительно

кто-то целился в их сторону из длинного ружья. Секундой позже стоящий рядом человек поднял ко рту мегафон:

— *Это RCMP,* — произнёс его усиленный мегафоном раскатистый голос. — *Отойдите от дома.*

Тинберген обернулся.

— Это частная собственность! — крикнул он. — Здесь не было совершено преступление, и…

— *ОТОЙТИ ОТ ДОМА!* — взревел федерал. Он был одет в гражданское, но на их белой машине действительно виднелись буквы RCMP и их французский эквивалент, GRC[19].

— Если доктор Монтего или профессор Воган ответят на пару вопросов, — сказал Тинберген, — я тут же…

— Последнее предупреждение! — сказал федерал в мегафон. — Мой напарник постарается только ранить вас, но…

Тинберген, по-видимому, очень хотел свою статью.

— Я имею право задать вопросы!

— *Пять секунд,* — прогремел голос федерала.

Тинберген не сдавался.

— *Четыре.*

---

[19] notes: 19
Gendarmerie royale du Canada. *(Прим. перев)*

— Общество имеет право знать! — крикнул репортёр.

— *Три!*

Тинберген снова повернулся к дому, по-видимому, настроенный любой ценой получить хотя бы один ответ.

— Доктор Монтего, — крикнул он, подняв голову к окну верхнего этажа, — насколько опасна эта болезнь?

— *Два!*

— Я отвечу на все ваши вопросы, — крикнул в ответ Рубен. — Но не вот так вот. Отойдите от дома.

— *ОДИН!*

Тинберген резко развернулся и поднял руки на уровень плеч.

— Ну хорошо, хорошо! — проворчал он и медленно пошёл прочь от дома.

Не успел репортёр дойти до противоположной стороны улицы, как в доме зазвонил телефон. Мэри подошла к столу и взяла трубку, но Рубен, похоже, уже ответил на звонок с аппарата наверху.

— Доктор Монтего, — произнёс в трубке мужской голос, — это инспектор Мэттьюз, RCMP.

В обычных обстоятельствах Мэри положила бы

трубку, но она умирала от любопытства.

— Здравствуйте, инспектор, — ответил голос Рубена.

— Доктор, минздрав попросил нас оказать вам любую помощь, какая потребуется. — Голос инспектора звучал слабо; должно быть, он звонил с сотового телефона. Она вытянула шею, чтобы посмотреть в окно; человек, говоривший в мегафон, теперь действительно стоял возле своей белой машины и держал у уха телефон. — Сколько людей в доме?

— Четверо, — ответил Рубен. — Я, неандерталец и две женщины: профессор Мэри Воган из Йоркского университета, и Луиза Бенуа, физик из Нейтринной обсерватории Садбери.

— Как я понимаю, один из них болен.

— Да, неандерталец. У него сильный жар.

— Запишите мой номер, — сказал федерал. Он продиктовал серию цифр.

— Записал, — сказал Рубен.

— Я планирую дежурить здесь, пока меня не сменят в 23:00, — сказал Меттьюз. — Сменщик будет по этому же номеру; звоните, если что-то понадобится.

— Мне нужны антибиотики для Понтера. Пенициллин, эритромицин, и много других.

— У вас дома есть выход в интернет?

— Есть.

— Составьте список и пришлите мне: Роберт Меттьюз, с двумя «т», собака, rcmp-grc.gc.ca — *robert_matthews@grc.gc.ca.* Записали?

— Да, — ответил Рубен. — Лекарства мне нужны как можно быстрее.

— Мы их доставим сегодня, если это можно купить в аптеке или раздобыть в Сент-Джозефе.

— Нам также нужны продукты.

— Привезём всё, что нужно. Пришлите мне список продуктов, предметов гигиены, одежды — всё, что понадобится.

— Отлично, — сказал Рубен. — Я также возьму образцы крови у всех четверых; их нужно будет доставить в Сент-Джозеф и другие лаборатории.

— Сделаем, — ответил Мэттьюз.

Они договорились звонить при любой смене обстоятельств, и Рубен положил трубку. Мэри услышала его шаги на лестнице — он спускался вниз.

— Ну? — спросила Луиза, переводя взгляд с Рубена на Мэри и обратно и выдавая тем самым, что Мэри подслушивала на телефоне.

Рубен вкратце пересказал разговор с федералом и добавил:

— Я дико извиняюсь за всё это; мне правда очень жаль.

— А что насчёт остальных? — спросила Мэри. — Других людей, которые контактировали с Понтером?

Рубен кивнул.

— Я скажу инспектору Мэттьюзу, что федералы должны найти их всех; думаю, для них устроят карантин в Сент-Джозефе, а не здесь. — Он сходил на кухню и вернулся с блокнотом и огрызком карандаша, которые, должно быть, использовал для составления списка покупок. — Так, значит, кто ещё контактировал с Понтером?

— Аспирант, который со мной работал, — сказала Луиза. — Пол Кирияма.

— Ещё доктор Ма, конечно же, — сказала Мэри, — и… Боже, она же улетела в Оттаву! Ей нельзя встречаться с премьером!

— Также куча народу в Сент-Джозефе, — сказал Рубен. — Санитары из «скорой», доктор Сингх, рентгенолог, сёстры…

Они продолжили дополнять список.

Всё это время Понтер лежал на желто-оранжевом ковре Рубена. По-видимому, он потерял сознание; Мэри видела, как поднимается и опускается его массивная грудь. Покатый лоб по-

прежнему был весь в испарине, а глаза двигались под закрытыми веками, как подземные существа, мечущиеся в своих норах.

— Хорошо, — сказал Рубен, — Всем спасибо. — Он посмотрел на Мэри, потом на Луизу, потом на больного Понтера. — Теперь мне надо написать список лекарств, которыми я собираюсь лечить Понтера. Если нам повезёт…

Мэри кивнула и тоже посмотрела на Понтера. *Если нам повезёт,* подумала она, *то никто из нас не умрёт.*

Глава 26

День четвёртый

Понедельник, 5 августа

148/118/27

ПОИСК ПО НОВОСТЯМ
Ключевые слова: *неандерталец*

Пребывает ли Понтер в Канаде на законных основаниях? Этот вопрос продолжает беспокоить иммиграционных экспертов в стране и за рубежом. Сегодня у нас в гостях профессор Саймон Коэн, преподаватель иммиграционного права в Университете Макгилла в Монреале…

Десять признаков, по которым мы определили, что Понтер Боддет — настоящий неандерталец:

• Номер десять: Когда он впервые встретил человеческую женщину, он стукнул её дубинкой по голове и отволок за волосы в пещеру.

• Номер девять: При тусклом освещении его можно принять за Леонида Брежнева.

• Номер восемь: Когда к нему в гости пришёл Арнольд Шварценеггер, Понтер спросил: «Кто этот тщедушный тип»?

• Номер семь: Смотрит только канал «Fox»[20].

• Номер шесть: На вывесках «Макдональдсов» теперь написано: «Мы обслужили миллиарды и миллиарды *Homo sapiens* — и одного неандертальца».

• Номер пять: Назвал Тома Арнольда «красавчиком».

• Номер четыре: Увидев в Смитсонианском музее редкий образец горной породы, изготовил из него отличный наконечник для копья.

• Номер три: Носит часы «Fossil»[21] и пьёт действительно «Старое Милу-

[20] notes: 20

В США многие считают, в шутку или всерьёз, что канал «Fox» смотрят люди недалёкие и примитивные; отношение к этому каналу сродни отношению у нас к передаче «Дом-2». *(Прим. перев.)*

[21] notes: 21

Fossil *(англ.)* — окаменелость. Также американская фирма — производитель одежды, обуви и аксессуаров, в том числе часов. *(Прим. перев.)*

оки»[22].

• Номер два: Начал собирать патентные отчисления за огонь.

• И признак номер один, по которому мы определили, что Понтер Боддет — настоящий неандерталец: Волосатые щёки — все четыре[23].

Джон Пирс, директор по международным приобретениям издательства «Рэндом Хауз — Канада» предложил Понтеру Боддету крупнейший аванс в истории канадского книгоиздания за эксклюзивные права на издание его авторизованной биографии, сообщает журнал «*Quill Quire*»…

Ходят слухи, что Понтером Боддетом интересуется Пентагон. Военное применение способа, с помощью которого он предположительно попал к нам, заинтересовало по меньшей мере одного

---

[22] notes: 22

Old Milwakee — марка американского пива.

[23] notes: 23

Непереводимая игра слов. Английским cheeks (щёки) в разговорной речи могут также называться ягодицы. *(Прим. перев.)*

пятизвёздочного генерала…

Сейчас, подумал Адекор Халд, усаживаясь на свой табурет в зале Совета, *мы узнаем, совершил ли я самую большую ошибку в своей жизни.*

— Кто говорит от имени обвиняемого? — спросила арбитр Сард.

Никто не двинулся с места. Сердце Адекора подпрыгнуло. Жасмель решила оставить его? Это было бы неудивительно. Вчера она собственными глазами видела, что однажды — хотя и очень давно — Адекор уже пытался убить её отца.

В помещении было тихо, только один из зрителей, по-видимому, придя к тому же выводу, что и Болбай вчера, издал презрительный смешок: *никто* не будет говорить от имени Адекора.

Но потом, наконец, Жасмель поднялась на ноги.

— Я, — сказала она. — Я говорю за Адекора Халда.

Многие зрители ахнули.

Даклар Болбай, сидевшая на краю зала, тоже поднялась на ноги. Её лицо было очень сердито.

— Арбитр, так нельзя. Эта девушка — одна из обвинителей.

Арбитр Сард выставила вперёд свой морщинистый лоб, разглядывая Жасмель из-под

надбровных дуг.

— Это правда?

— Нет, — ответила Жасмель. — Даклар Болбай — партнёрша моей матери; она была утверждена моим *табантом*, когда мама умерла. Но мне уже исполнилось 250 лун, и я требую признания меня взрослой.

— Вы из 147-го? — спросила Сард.

— Да, арбитр.

Сард повернулась к Болбай, которая по-прежнему стояла.

— Все родившиеся в 147-м поколении достигли возраста личной ответственности два месяца назад. Если вы не заявляли о невменяемости вашей подопечной, то ваша опека над ней закончилась автоматически. Вы хотите заявить о её невменяемости?

Болбай исходила злобой. Она открыла рот, явно чтобы сказать что-то язвительное, но удержалась. Она посмотрела в пол и ответила:

— Нет, арбитр.

— Тогда всё в порядке, — сказала Сард. — Можете сесть, Даклар Болбай.

— Спасибо, арбитр, — сказал Жасмель. — Теперь, если позволите…

— Не так быстро, 147-я, — сказала Сард. — С

вашей стороны было бы вежливым предупредить вашего *табанта* о том, что вы собираетесь оппонировать её обвинению.

Адекор понимал, почему Жасмель молчала. Если бы она предупредила Болбай, та сделала бы всё, чтобы её от этого отговорить. Но Жасмель унаследовала отцовский шарм.

— Ваши слова мудры, арбитр, — сказала она. — Я сохраню ваш совет за своим надбровным валиком.

Сард кивнула, и жестом позволила Жасмель продолжать.

Жасмель вышла в центр помещения.

— Арбитр Сард, мы слышали множество инсинуаций от Даклар Болбай. Инсинуаций и беспочвенных нападок на характер Адекора Халда. Однако она едва знает этого человека. Адекор был партнёром моего отца, так что я лишь мельком виделась с ним, когда Двое становились Одним, поскольку у него есть свой сын, присутствующий здесь Даб, и своя партнёрша, Лурт, сидящая рядом с Дабом. И всё же я виделась с ним довольно часто — гораздо чаще, чем Даклар.

Она подошла к Адекору и положила руку ему на плечо.

— И я, дочь человека, в убийстве которого об-

виняют Адекора, говорю вам: я не думаю, что он это сделал. — Она замолчала, быстро взглянула на Адекора и снова встретилась взглядом с арбитром Сард.

— Ты *сама* видела запись алиби, — встряла Болбай со своего места на краю первого ряда зрителей. Сард шикнула на неё.

— Да, — сказала Жасмель. — Да, я видела. Я знала, что у отца была повреждена челюсть. Она иногда болела, особенно по утрам. Я не знала, кто нанёс повреждение — он никогда не рассказывал. Но он говорил, что это было очень давно, что тот, кто это сделал, глубоко раскаялся, и что он его простил. — Она помолчала. — Мой отец хорошо разбирался в людях. Он не вступил бы в партнёрство с Адекором, если бы считал, что есть хоть малейшая возможность того, что Адекор снова совершит подобное. — Она посмотрела на Адекора, потом снова на арбитра. — Да, мой отец пропал. Но я не думаю, что он был убит. Если он и умер, то в результате несчастного случая. А если нет…

— Вы думаете, он ранен? — спросила арбитр Сард. Жасмель смешалась; для арбитров нехарактерно задавать прямые вопросы.

— Возможно, арбитр.

Но Сард лишь покачала головой.

— Дитя, я сочувствую тебе. Правда сочувствую. Я слишком хорошо знаю, каково это, потерять родителя. Но то, что ты говоришь, лишено смысла. Люди обшарили всю шахту в поисках твоего отца. Женщины также участвовали в поисках, хотя уже были Последние Пять. И собак тоже приводили.

— Но если бы он умер, — сказала Жасмель, — его компаньон передавал бы сигнал, по крайней мере, какое-то время. Его искали переносными сканерами, но не обнаружили.

— Это так, — согласилась Сард. — Но если его компаньон был намеренно выведен из строя или уничтожен, никакого сигнала не было бы.

— Но нет никаких свидетельств…

— Дитя, — сказала арбитр, — люди пропадали без вести и раньше. Когда жизненные обстоятельства становятся невыносимыми, некоторые люди выдирают компаньон из запястья и уходят в необитаемые земли. Они отказываются от всех благ цивилизации и присоединяются к одной из общин, избравших традиционный образ жизни, либо просто ведут жизнь кочевников-одиночек. В жизни твоего отца было что-то, что могло толкнуть его на такой путь?

— Нет, — ответила Жасмель. — Я виделась с

ним, когда Двое в последний раз становились Одним, и с ним всё было в порядке.

— Мельком, — сказала арбитр.

— Прошу прощения?

— Ты виделась с ним мельком. — Сард, очевидно, заметила, как бровь Жасмель полезла на лоб. — Нет, я не смотрела твой алиби архив; ведь тебя ни в чём не обвиняют. Но я навела справки; это полезно, когда ведёшь такое необычное дело, как это. Так что я спрашиваю снова: была ли какая-либо причина для того, чтобы твоему отцу захотелось исчезнуть? В конце концов, он мог просто скрыться от Адекора в шахте, подождать, пока вокруг не будет ни одного шахтного робота, и потом просто подняться наверх на лифте.

— Нет, арбитр, — сказала Жасмель. — Я не помню никаких признаков психической нестабильности, он казался вполне счастливым — ну, настолько, насколько может быть счастливым человек, не так давно потерявший партнёршу.

— Я подтверждаю, — сказал Адекор, обращаясь напрямую к арбитру. — Мы с Понтером были счастливы вместе.

— Вашему свидетельству в данных обстоятельствах доверять нельзя, — сказала Сард. — Но, опять же, я наводила справки, и все подтвердили

то, что вы говорите. У Понтера не было долгов, которые он не был бы в состоянии выплатить, не было ни врагов, ни *надалп* — никаких причин бросать семью и карьеру.

— Именно, — сказал Адекор; он знал, что должен молчать, но не мог сдержаться.

— Итак, — сказала арбитр Сард, — если у него не было причин исчезать, и не было психического расстройства, то мы возвращаемся к аргументу Болбай. Если бы Понтер Боддет был лишь ранен или умер от естественных причин, то поисковые партии его бы нашли.

— Но… — сказала Жасмель.

— Дитя, — сказала Сард, — если у тебя есть какие-то доказательства — не просто личное мнение или суждение, а конкретное доказательство — что Адекор Халд невиновен, то изложи его.

Жасмель посмотрела на Адекора. Адекор посмотрел на Жасмель. За исключением пары покашливаний и случайного скрипа сиденья, в зале воцарилась абсолютная тишина.

— Итак? — сказала арбитр. — Я жду.

Адекор в ответ на взгляд Жасмель пожал плечами; он понятия не имел, правильно ли будет выложить это сейчас. Жасмель откашлялась.

— Да, арбитр, есть ещё одна возможность…

Глава 27

Мэри плохо спала в эту ночь.

У Рубена на заднем дворе были вывешены эоловы бубенцы. Мэри считала, что тех, кто так делает, надо расстреливать, но, с другой стороны, участок Рубена был площадью в два акра, так что бубенцы вряд ли беспокоили ещё кого-то. Однако их постоянное позвякивание не давало её нормально спать.

Вечером они долго обсуждали, кому где спать. У Рубена в спальне была королевского размера двуспальная кровать, диван наверху в кабинете, и ещё один в гостиной. К сожалению, ни один из диванов не раскладывался. В конце концов, решили положить в кровать Понтера — он нуждался в этом больше остальных. Рубен лёг на диване наверху, Луиза — на диване внизу, а Мэри улеглась спать в большом шезлонге, также поставленном в гостиной.

Понтер был серьёзно болен — но с Хак всё было в порядке. Мэри, Рубен и Луиза решили давать импланту уроки языка по очереди. Луиза сказала, что она всё равно сова, так что может заниматься с Хак по ночам; таким образом, языковые уроки

будут вестись почти круглые сутки. Луиза и правда исчезла в комнате Понтера незадолго до десяти вечера, и снова спустилась в гостиную уже после двух ночи. Мэри не была уверена, разбудили её шаги Луизы, или она уже не спала, но она поняла, что её очередь идти наверх заниматься с Хак.

Разговаривая с компаньоном, Мэри нервничала. Не из-за того, что приходилось разговаривать с компьютером — это, наоборот, было ужасно интересно, а потому что нужно было остаться в спальне с Понтером наедине, да ещё и прикрыть дверь, чтобы звуки разговора не потревожили спящего в соседней комнате Рубена.

Она была поражена, увидев, насколько у Хак улучшился английский за те несколько часов, что она провела с Луизой.

К счастью, Понтер крепко проспал весь урок языка, хотя однажды Мэри чуть не запаниковала, когда он неожиданно зашевелился и перевернулся на другой бок. Если Мэри правильно поняла объяснения Хак, компаньон проигрывал Понтеру в ушные импланты белый шум, так что тихий разговор Хак и Мэри не мог его побеспокоить.

Мэри выдержала всего час называния предметов и имитации действий, после чего почувствовала себя настолько уставшей, что не могла

продолжать. Она извинилась и спустилась в гостиную. Луиза, сбросившая с себя всё, кроме нижнего белья, сопела на диване, полуукрытая верблюжьим одеялом.

Мери улеглась на своё кресло и в этот раз, вымотанная до предела, немедленно заснула.

* * *

К утру жар у Понтера начал спадать; по-видимому, подействовали аспирин и антибиотики, которые дал ему вчера Рубен. Неандерталец поднялся с постели и спустился в гостиную, повергнув Мэри в глубочайший шок, поскольку был абсолютно голый. Луиза всё ещё спала, а Мэри, свернувшаяся на своём кресле, только-только проснулась. На долю секунды она перепугалась, что Понтер спустился за ней, или… да нет, если бы его кто и привлёк, то наверняка молодая красивая квебечка.

Но хотя он и скользнул взглядом по Мэри и Луизе, выяснилось, что настоящей его целью была кухня. Наверняка он даже не заметил, что глаза у Мэри открыты.

Она хотела заговорить, возразить против его наготы, но…

Боже мой, — думала Мэри, пока Понтер пере-

секал гостиную. — Боже ж ты мой. Выше шеи он был не слишком впечатляющим на вид, но…

Она повернула голову ему вслед, провожая исчезающие в дверях кухни ягодицы, и продолжала смотреть, когда он появился из кухни с банкой «кока-колы» в руках; у Рубена в холодильнике ею была заставлена целая полка. Как учёному Мэри было очень интересно наблюдать на неандертальцем во плоти…

А как женщина она просто наслаждалась зрелищем того, как двигается его мускулистое тело.

Мэри позволила себе слегка улыбнуться. А ведь она считала, что уже никогда не сможет *так* смотреть на мужчину.

Так здорово было узнать, что она ошибалась.

* * *

Мэри, Рубена и Луизу уже неоднократно интервьюировали по телефону. С разрешения «Инко» Рубен также устроил пресс-конференцию: они трое стояли вместе перед включённым в селекторном режиме телефоном, а телевизионщики снимали происходящее телеобъективами сквозь открытые окна.

Тем временем проводились анализы на оспу, бубонную чуму и множество других болезней.

Образцы крови военными самолётами доставили в Центр по контролю и профилактике заболеваний в Атланте и в лабораторию четвёртого уровня в Канадском научном центре здоровья людей и животных в Виннипеге. Результаты первых анализов пришли в 11:14 утра. В крови Понтера не было пока обнаружено никаких патогенов, и ни у кого из контактировавших с ним, включая находившихся на карантине в Сент-Джозефе, не появилось никаких признаков болезни. Пока исследовались другие культуры, микробиологи также проверяли образцы крови на наличие неизвестных патогенов — клеток и иных включений, с которыми учёные раньше не сталкивались.

— Жаль, что он физик, а не физиолог, — пожаловался Рубен Мэри после пресс-конференции.

— Почему, — спросила Мэри.

— Ну, нам сильно повезло, что у нас оказались антибиотики, которые на него действуют. Бактерии со временем становятся невосприимчивыми к ним; обычно я сразу даю своим пациентам эритромицин, потому что пенициллин в наши дни уже неэффективен, но Понтеру я сначала дал пенициллин. Он выделяется из хлебной плесени, и если Понтер и его народ не пекут хлеб, то они

вряд ли имели дело с пенициллином, так что он может быть очень эффективен против бактерий, которые Понтер принёс из своего мира. Потом я дал ему эритромицин и несколько других, чтобы подавить те микробы, которые он успел подхватить здесь. У народа Понтера, вероятно, есть собственные антибиотики, но они наверняка сильно отличаются от тех, что открыли мы. Если бы он смог рассказать нас о том, какими антибиотиками пользуются они, мы бы получили мощнейшее оружие в борьбе с болезнями, сопротивляться которому наши бактерии ещё не умеют.

Мэри кивнула.

— Интересно, — сказала она. — Жаль, что портал между нашими мирами сразу же закрылся. Наверняка две версии Земли могли бы торговать многими вещами. Фармацевтика — это лишь вершина айсберга. Большая часть того, что мы едим, в природе не встречается. Возможно, они не любят пшеницу, но современные помидоры, картошка, кукуруза, домашние куры, свиньи, коровы — все эти формы жизни фактически создали мы сами путём селективного разведения. Мы могли бы обменивать всё это на продукты, которые есть у них.

Рубен кивнул.

— И это только начало. Мы могли бы обмениваться сведениями о залежах полезных ископаемых. Держу пари, есть много месторождений минералов и углеводородов, которые они нашли, а мы — нет, и наоборот.

Мэри подумала, и пришла к выводу, что Рубен прав.

— Всё, что существует в природе и старше нескольких десятков тысяч лет, будет существовать в обоих мирах, правильно? Ещё одна Люси[24], ещё один тиранозавр рекс, дополнительный комплект окаменелостей Бёрджесских сланцев[25], ещё один алмаз Хоупа — ну, по крайней мере, оригинальный неогранённый камень. — Она замолчала и задумалась.

К середине дня Понтер уже чувствовал себя значительно лучше. Мэри и Луиза смотрели на него, спокойно спящего на кровати под грудой одеял.

— Хорошо, что он не храпит, — сказала Луиза.

---

[24] notes: 24

Знаменитая археологическая находка, хорошо сохранившийся скелет женской особи австралопитека афарского, найденный в 1974 году. *(Прим. перев.)*

[25] notes: 25

Уникальное местонахождение окаменелых останков фауны возрастом 505 млн лет, известное исключительной сохранностью отпечатков мягких тканей. *(Прим. перев.)*

— С таким-то носом…

— На самом деле, — тихо сказала Мэри, — возможно, поэтому-то он и не храпит — дыхательные пути ничто не блокирует.

Понтер перевернулся на бок.

Луиза ещё секунду смотрела на него, потом повернулась к Мэри.

— Пойду приму душ, — сказала она.

У Мэри как раз сегодня утром начались месячные; ей душ тоже совсем не помешал бы.

— Я после вас, — сказал он.

Луиза ушла в ванную и закрыла за собой дверь.

Понтер снова пошевелился, потом проснулся.

— Мэре, — сказал он тихо. Он спал с закрытым ртом, поэтому его голос не был хриплым даже спросонья.

— Привет, Понтер. Хорошо выспались?

Он приподнял свою длинную белёсую бровь — Мэри до сих пор не привыкла к зрелищу того, как она взбирается на надбровную дугу — будто услышав что-то до крайности нелепое.

Потом он слегка наклонил голову; Луиза включила душ. А потом раздул ноздри — каждая стала с размером с четвертак — и посмотрел на Мэри.

И она внезапно поняла, что происходит, и

почувствовала неимоверное смущение и неловкость. Он учуял, что у неё менструация! Мэри попятилась через комнату; она не могла дождаться, когда наступит её очередь воспользоваться душем.

Лицо Понтера сохраняло нейтральное выражение.

— Луна, — сказал он.

Да, подумала Мэри, *те самые дни месяца.* Но она определённо не хотела об этом говорить. Она поспешила вниз, в гостиную.

Глава 28

Выражение морщинистого лица арбитра Сард недвусмысленно говорило: «Лучше б у вас было что-то стоящее».

— Хорошо, дитя, — сказала она Жасмель, стоящей рядом с Адекором в зале Совета. — Какое другое объяснение ты можешь дать исчезновению своего отца, кроме чьих-то злонамеренных действий?

Жасмель мгновение помолчала.

— Я бы с радостью рассказала вам, арбитр, но…

Сард уже не выглядела такой невозмутимой, как прежде.

— Да?

— Но, в общем, учёный Халд рассказал бы об этом лучше меня.

— Учёный Халд? — воскликнула Сард. — Вы предлагаете обвиняемому самому говорить за себя? — Она недоумённо покачала головой.

— Нет, — быстро сказала Жасмель, сообразив, что Сард может сейчас отвергнуть нелепую идею. — Нет, ничего такого. Просто он мог бы разъяснить некоторые детали технического характера: касающиеся квантовой физики и…

— Квантовой физики! — сказала Сард. — Какое отношение к данному делу может иметь квантовая физика?

— По сути, самое прямое, — сказала Жасмель. — И учёный Халд мог бы представить данную информацию более красноречиво… — она заметила, что Сард хмурится, -…и более *сжато*, чем я.

— Не может ли кто-нибудь другой предоставить эту информацию? — спросила Сард.

— Нет, арбитр, — ответила Жасмель. — То есть, в Эвсое есть женская группа, занятая подобными проблемами…

— В Эвсое! — громыхнула Сард, как будто речь шла об обратной стороне Луны. Она снова покачала головой. — Ладно, — сказала она. — Учёный Халд, приказываю вам быть кратким.

Адекор не был уверен, положено ли было ему встать, но сидеть на табурете он уже устал, так что поднялся на ноги.

— Спасибо, арбитр, — сказал он. — Я… э-э… я признателен за разрешение говорить, а не только отвечать на вопросы.

— Не дайте мне пожалеть о своей снисходительности, — ответила Сард. — Давайте, начинайте.

— Да, конечно, — сказал Адекор. — Проект, над которым работал Понтер Боддет и я, касался

квантовых вычислений. Квантовый компьютер, согласно одной из интерпретаций, делает следующее: он контактирует с бесчисленными параллельными вселенными, в которых существует идентичный ему квантовый компьютер. И эти квантовые компьютеры одновременно решают различные части сложной математической задачи. Объединяя их вычислительные мощности мы получаем решение задачи очень быстро.

— Уверена, что это весьма интересно, — сказала Сард. — Но где связь с предполагаемой смертью Понтера?

— У меня есть основания полагать, достойный арбитр, что во время нашего последнего эксперимента мог возникнуть… в некотором роде, макроскопический проход в одну из этих вселенных, через который и прошёл Понтер, так что…

Даклар Болбай презрительно фыркнула; её примеру последовали многие из зрителей. Сард снова недоверчиво качала головой:

— Вы ждёте, что я поверю, будто учёный Боддет провалился в *иную вселенную*?

Теперь, когда арбитр высказала своё отношение к предложенной версии, зрители сочли, что можно больше не сдерживать своих чувств. Из разных мест зала послышался нескрываемый

смех.

Адекор ощутил, как учащается его пульс, а пальцы сжимаются в кулаки — он знал, что это последнее, чего ему сейчас было бы нужно. Он ничего не мог поделать с тахикардией, но постепенно сумел заставить пальцы разжаться.

— Арбитр, — сказал он самым почтительным тоном, на какой был способен, — существование параллельных вселенных лежит в основе многих современных теорий квантовой физики, и…

— *Тишина,* — гаркнула Сард; её низкий голос заметался между стенами зала. — Учёный Халд, за все сотни месяцев моей работы арбитром я никогда не слышала настолько слабой отговорки. Вы считаете, что те, кто не посещал вашу хвалёную Академию Наук — невежды, которым можно запудрить мозги непонятными словами?

— Достойный арбитр, я…

— Замолчите, — сказала Сард. — Просто замолчите и сядьте.

Адекор глубоко вдохнул и задержал дыхание — так, как его учили тогда, 250 месяцев назад, когда он лечился после нападения на Понтера. Он медленно выпустил воздух, представляя себе, что вместе с ним из него вытекает ярость.

— Я сказала *сядьте*! — рыкнула Сард.

Адекор подчинился.

— Жасмель Кет! — сказала арбитр, обращая свой пылающий взор на дочь Понтера.

— Да, арбитр, — ответила Жасмель.

Арбитр тоже сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Дитя, — сказала она уже более спокойным тоном, — я знаю, что недавно от лейкемии умерла твоя мать. Я могу лишь вообразить, насколько несправедливым это казалось тебе и маленькой Мегамег. — Она улыбнулась сестре Жасмель; к существующим морщинам на её лице добавились новые. — И теперь, возможно, и ваш отец тоже мёртв, и снова то была не та неизбежная смерть, что ждёт в конце пути каждого из нас, но смерть, наступившая неожиданно, без предупреждения, в цветущем возрасте. Я могу понять, почему тебе так не хочется смириться с этим, что ты готова поверить любой чепухе…

— Это не так, арбитр, — сказала Жасмель.

— Не так? Ты в отчаянии ищешь что-то, за что можно держаться, последнюю призрачную надежду. Разве не так?

— Я… я так не думаю.

Сард кивнула.

— Потребуется время, чтобы принять то, что

случилось с твоим отцом. Я знаю это. — Она она оглядела зал, и её взгляд остановился на Адекоре. — Хорошо, — сказала она. Потом сделала паузу, видимо, размышляя. — Хорошо, — повторила она. — Я готова вынести решение. Я считаю, что будет справедливым и приемлемым признать, что у нас имеется дело об убийстве, основанное на косвенных уликах, и посему приказываю вынести его на рассмотрение коллегии трёх арбитров, если только обвинитель не откажется от продолжения дела. — Теперь она смотрела на Болбай. — Вы желаете продолжить преследование обвиняемого от имени своей подопечной, малолетней Мегамег Бек?

Болбай кивнула.

— Да.

У Адекора упало сердце.

— Очень хорошо, — сказала Сард, заглядывая в свой планшет. — Трибунал будет созван в этом же зале через пять дней, 148/119/03. Вы, учёный Халд, останетесь до этого времени под судебным надзором. Вам понятно?

— Да, арбитр. Но если бы я мог спуститься в…

— Никаких «но», — оборвала его Сард. — И ещё одна вещь, учёный Халд. Я буду председательствовать на вашем процессе, и я буду

инструктировать двух других арбитров. То, что от вашего имени говорит дочь понтера Боддета — это удачный ход, он добавил делу драматизма, но во второй раз такого эффекта вы не добьётесь. Поэтому искренне советую вам найти кого-то более подходящего, чтобы говорить за вас на трибунале.

Глава 29

К середине дня Рубен смог озвучить хорошие новости. Всё утро он общался по телефону и электронной почте с экспертами в Оттаве, Атланте и Виннипеге.

— Вы, должно быть, заметили, что Понтер не любит хлеб и молочные продукты, — сказал он, сидя в своей гостиной и прихлёбывая крепчайший эфиопский кофе, который, как обнаружила Мэри, он обожал.

— Да, — сказала Мэри, которая после душа чувствовала себя куда как комфортнее, несмотря даже на то, что пришлось одеться во вчерашнее. — Он любит мясо и свежие фрукты. Но к овощам, молоку и хлебу интереса не проявляет.

— Именно, — сказал Рубен. — И люди, с которым я общался, сказали, что это очень хорошо для нас.

— Почему? — спросила Мэри. Она терпеть не могла кофе, которым наслаждался Рубен; они заказали «Максвелл Хауз» и даже шоколадное молоко, но их доставят только к вечеру, вместе со свежей одеждой. Пока же она получала свою дозу кофеина из банки «кока-колы».

— Потому что, — ответил Рубен, — это говорит о том, что народ Понтера не занимается сельским хозяйством. То, что мне удалось узнать от Хак, это более-менее подтверждает. Население той версии Земли, похоже, значительно меньше, чем нашей. Как следствие, они не практикуют земледелие или скотоводство, по крайней мере, не в таких масштабах, в каких ими занимаемся мы в последние несколько тысяч лет.

— Я считала, что без этого невозможно поддерживать сколько-нибудь высокий уровень цивилизации, независимо от численности населения, — сказала Мэри.

Рубен кивнул.

— Жду не дождусь, когда Понтер сможет развёрнуто ответить на наши вопросы на эту тему. Так вот, мне сказали, что наши самые опасные болезни впервые появились как болезни домашних животных, которые потом перешли на человека. Корь, туберкулёз и оспа происходят от коров, грипп — от свиней и уток, коклюш — от свиней и собак.

Мэри нахмурилась. Заметила пролетающий за окном вертолёт — опять репортёры.

— Ну, если подумать, то так оно и есть.

— Более того, — сказал Рубен, — болезни напо-

добие чумы развиваются в основном в местах с высокой плотностью населения, где много потенциальных жертв. В малонаселённых местностях такие болезни, по-видимому, эволюционно нежизнеспособны: они убивают носителя прежде, чем он успевает заразить кого-то ещё.

— Да, думаю, это тоже верно, — сказала Мэри.

— Наверное, будет слишком радикальным упрощением считать, что раз общество Понтера не сельскохозяйственное, то это общество охотников и собирателей, — сказал Рубен. — Но это самый близкий известный нам аналог тому, что пытается описывать Хак. Общества охотников и собирателей действительно имеют значительно меньшую плотность населения, и в них и правда гораздо меньше болезней.

Мэри кивнула. Рубен продолжал:

— Как мне сказали, тот же самый принцип работал, когда в Америку явились первые европейцы. Первооткрыватели прибыли из густонаселённых аграрных обществ и кишели болезнетворными микробами. Местные жили не так плотно, и животноводство у них практически отсутствовало; они не знали чумы или других болезней, которые передались от животных к человеку. Именно поэтому от контакта пострадала в основном одна

сторона.

— Я считала, что сифилис попал в Старый Свет из Нового, — сказала Мэри.

— Да, есть некоторые свидетельства в пользу такой версии, — согласился Рубен. Но хотя сифилис и правда впервые возник в Северной Америке, здесь он никогда не передавался половым путём. Лишь попав в Европу, он приспособился к такому способу распространения и стал одной из основных причин смертности. На самом деле эндемичная, невенерическая форма сифилиса встречается до сих пор, правда, в основном среди кочевников-бедуинов.

— Надо же!

— Истинная правда. Так что сифилис не опровергает картину одностороннего распространения эпидемических заболеваний, наоборот, его пример подтверждает тезис о том, что для эпидемий требуются социальные условия, типичные для перенаселённых цивилизаций.

Мэри некоторое время переваривала услышанное.

— Это значит, что вы, Луиза и я… нам, скорее всего, ничего не угрожает?

— Это выглядит весьма вероятным: Понтер страдает от чего-то, что подхватил здесь, но

скорее всего не принёс с собой ничего, о чём следовало бы беспокоиться.

— А что будет с ним? Понтер поправится?

Рубен пожал плечами.

— Не знаю, — ответил он. — Я дал ему достаточно антибиотиков широкого спектра, чтобы одолеть большинство известных бактериальных инфекций, как Грам-негативных, так и Грам-позитивных. Однако вирусы не реагируют на антибиотики, и не существует такой вещи, как антивирусный препарат широкого спектра действия. Пока мы не установим, что у него действительно конкретная вирусная инфекция, накачивать его произвольными антивирусными средствами без толку — мы ему скорее навредим, чем поможем.

* * *

Эксгибиционисты хлынули на дотоле закрытую половину зала Совета и окружили Адекора плотной толпой, выкрикивая вопросы, которые разили его, словно копья — попавшего в засаду мамонта.

— Стал ли для вас неожиданностью вердикт арбитра Сард? — спрашивал Луласм.

— Кто будет говорить от вашего имени перед

трибуналом? — требовал ответа Хауст.

— У вас сын 148-го поколения; достаточно ли он взрослый, чтобы осознавать последствия того, что может ждать вас — и его тоже? — спросил эксгибиционист, имени которого Адекор не знал, 147-й, передачи которого, должно быть, смотрела более молодая аудитория.

Эксгибиционисты набросились и на Жасмель.

— Жасмель Кет, какими теперь станут ваши отношения с Даклар Болбай?

— Вы правда верите, что ваш отец жив?

— Если трибунал осудит учёного Халда как убийцу, что вы будете чувствовать, зная, что защищали виновного?

Адекор чувствовал поднимающийся гнев, но он старался, старался, *старался* скрыть его. Он знал, что трансляции эксгибиционистов смотрит множество людей.

Жасмель наотрез отказалась отвечать на любые вопросы, и эксгибиционисты, наконец, оставили её в покое. Те, кто осаждал Адекора, тоже скоро насытились и мало-помалу очистили зал, оставив Жасмель и Адекора в гулком одиночестве. Жасмель на мгновение поймала взгляд Адекора, но тут же отвернулась. Адекор не знал, что ей сказать; он с лёгкостью читал настроение её отца,

но в Жасмель было много и от Класт. Наконец, просто чтобы заполнить зияющую тишину, Адекор произнёс:

— Я знаю, ты сделала всё, что смогла.

Жасмель подняла глаза к потолку, к нарисованной на нём заре и укреплённому в центре хрономеру. Потом опустила голову и посмотрела на Адекора.

— Ты правда это сделал? — спросила она.

— Что? — сердце Адекора тяжело забилось. — Нет, конечно нет. Я люблю твоего отца.

Жасмель закрыла глаза.

— Я не знала, что ты уже пытался убить его.

— Я не пытался убить его. Я просто разозлился, вот и всё. Я думал, ты поняла это, думал…

— Ты думал, что раз я продолжала говорить от твоего имени, то на меня никак не повлияло то, что я видела? Это был мой *отец*! Я видела, как он выплёвывает собственные зубы!

— Это было очень давно, — сказал Адекор. — Я… я и не помнил, что тогда было столько… столько крови. Мне очень жаль, что тебе пришлось это увидеть. — Он помолчал — Жасмель, ты не понимаешь? Я *люблю* твоего отца; ему я обязан всем, что имею. После этого… инцидента… он мог обвинить меня; он мог добиться моей стерилизации.

Но он не стал. Он понимал, что я был… и есть… нездоров, что иногда я неспособен сдерживать гнев. Тем, что я остался цел, я обязан исключительно ему; тем, что у меня есть сын, Даб, я обязан ему. Моим самым большим чувством по отношению к твоему отцу является *благодарность*. Я бы никогда не причинил ему вред. Я бы не смог.

— Возможно, ты устал быть у него в долгу.

— Это был не долг. Ты ещё молода, Жасмель, ни с кем не связана, но скоро будешь, я знаю. Между теми, кто любит, нет никаких долгов; они прощают друг друга и живут дальше.

— Люди не меняются, — сказала Жасмель.

— Нет, меняются. И твой отец это знал.

Жасмель долго молчала, потом заговорила снова:

— Кто в этот раз будет говорить от твоего имени?

Услышав этот вопрос от эксгибициониста, Адекор просто пропустил его мимо ушей. Но сейчас он всерьёз над ним задумался.

— Лурт была бы логичным выбором, — сказал он. — Она из 145-го, достаточно взрослая, чтобы арбитр отнёсся к ней уважительно. И она сказала, что сделает всё, чтобы помочь.

— Я надеюсь… — сказала Жасмель. Она сбилась

и начала сначала. — Я надеюсь, что всё для тебя закончится хорошо.

— Спасибо. Что ты теперь планируешь делать?

Жасмель посмотрела прямо на Адекора.

— Сейчас, прямо сейчас, я хочу оказаться подальше от этого места… и от тебя.

Она повернулась и вышла из гнетущего зала Совета, и Адекор остался в нём один.

Глава 30

День пятый

Вторник, 6 августа

148/118/28

ПОИСК ПО НОВОСТЯМ
Ключевые слова: *неандерталец*

Исламский духовный лидер заявил, что так называемый неандерталец — неудачный продукт западных генетических экспериментов. Иранец Вилайят аль-Факих призывает канадское правительство признать, что Понтер Боддет — результат нечестивой и аморальной процедуры рекомбинирования ДНК…

На Оттаву оказывается давление с целью дать Понтеру Боддету канадское гражданство, и эта просьба исходит из весьма неожиданного источника. Президент США Джордж Буш попросил премьер-министра Жана Кретьена ускорить

процесс, результатом которого было бы принятие Понтера Боддета в канадское гражданство. Понтер Боддет указал, что в своём мире он родился в местности, которая в нашем соответствует городу Садбери, Онтарио. «Если он родился в Канаде, — сказал Джордж Буш, — значит, он канадец».

Президент США продвигает идею выдачи Понтеру Боддету канадского паспорта для того, чтобы он мог беспрепятственно приехать в Соединённые Штаты после прекращения карантина; таким образом президент положил конец дебатам на Капитолийском холме по поводу того, может ли американская таможня допустить неандертальца в страну.

Часть 5 параграфа 4 канадского закона о гражданстве допускает широкое толкование, которым президент Буш предлагает воспользоваться: «С целью разрешения случаев особой и необычной сложности или в знак признания выдающихся заслуг перед Канадой Губернатор может, на своё усмотрение и вопреки другим положениям данного Закона, дать указание

Министру наделить гражданством любое лицо…»

В Министерство здравоохранения Канады была подана интернет-петиция, подписанная более чем 10000 человек со всего мира с требованием поместить Понтера Боддета под бессрочный карантин…

«Инко» закончила сегодняшние торги двадцатидвухнедельным максимумом стоимости акций…

«Это медийный цирк, — заявил многолетний ротарианец из Садбери Берни Монкс. — Северное Онтарио не видело ничего подобного с 1934 года, когда в семье Дионн родилось пятеро близнецов…»

Понтер Боддет продолжает получать многочисленные предложения о работе. Лаборатория Базовых Исследований, принадлежащая японской компании «NNT», предложила ему пост директора их нового подразделения квантовых вычислений. «Майкрософт» и «IBM» также предложили ему контракты с весьма

привлекательными условиями. Эм-Ай-Ти, КалТех и ещё восемь университетов пригласили его к себе преподавать. Поступают предложения от корпорации «RAND» и Гринписа. Нет никаких сведений о том, нашёл ли неандерталец привлекательными хоть какие-то из этих предложений…

Группа учёных из Франции выступила с заявлением о том, что, хотя Понтер Боддет и появился на нашей Земле в Канаде, он не мог родиться в этой стране, поскольку неандертальцы никогда не жили в Северной Америке. Поэтому, считают они, его нужно признать гражданином Франции, поскольку именно во Франции были найдены самые поздние останки неандертальцев…

Защитники гражданских прав по обеим сторонам границы осуждают принудительный карантин, которому был подвергнут так называемый человек неандертальский, утверждая, что нет никаких свидетельств того, что он представляет собой угрозу чьему бы то ни

было здоровью…

Анализы крови возвращались отрицательными один за другим. То, что заразило Понтера, по-видимому, уже ослабло, и не было никаких следов того, что он может быть носителем чего-то опасного для человечества. И всё же ЛЦКЗ не торопилась отменять карантин.

Сегодня Понтер был одет в собственную рубаху, ту, в которой он прибыл на Землю. Федералы привезли для него небольшой гардероб из местного «Марка»[26], но эта одежда сидела на нём плохо; трудно подобрать готовую одежду для человека, который похож на слегка приплюснутого Мистера Вселенная[27].

Понтер — или, скорее, Хак — быстро улучшала свой английский. У компаньона не было звука «и» в предустановленном наборе для синтеза речи, но Хак записала, как Рубен и Мэри произносят его и проигрывала эти записи тогда, когда требовалось произнести английское слово с этим звуком. Однако было настолько непривычно слышать

---

[26] notes: 26

Mark's Work Wearhouse — канадская сеть магазинов одежды. *(Прим. перев.)*

[27] notes: 27

Титул победителя в ежегодном турнире по бодибилдингу; самый известный обладатель титула — Арнольд Шварценеггер. *(Прим. перев.)*

своё имя как «Мэр-*и*» — первая половина одним из голосов Хак, вторая — голосом Рубена или её собственным, что Мэри сказала компаньону не беспокоиться на этот счёт; в конце концов, и люди не всегда произносят её имя внятно, так что Хак может запросто это делать и дальше. Луиза также сказала Хак, что не имеет ничего против, если та будет называть её Лу.

Наконец, Хак заявила, что набрала достаточный словарный запас для содержательного общения. Да, сказала она, будут провалы и проблемы, но их можно решать по мере возникновения.

И вот, пока Рубен принимал по телефону очередную порцию результатов анализов, а Луиза, ярко выраженная сова, отсыпалась наверху, приняв предложение Понтера воспользоваться кроватью, когда он не спит, Мэри и Понтер устроились в гостиной, чтобы в первый раз поболтать по-настоящему. Понтер тихо сказал что-то на своём языке, а Хак воспроизвела его слова мужским голосом по-английски:

— Как хорошо поговорить.

У Мэри вырвался тихий нервный смешок. Она так страдала от невозможности общаться в Понтером, а теперь, когда они, наконец, могли разговаривать, она не могла придумать, что ему

сказать.

— Да, — согласилась она. — Хорошо поговорить.

— Прекрасный день, — сказал Понтер, выглядывая в окно гостиной.

Мэри снова засмеялась, на этот раз от души. Разговоры о погоде — обычай, выходящий за пределы видовых границ.

— Да, очень, — сказала она.

И тут она поняла, что проблема не в том, что она не знала, что сказать Понтеру. Просто вопросов было столько, что она не знала, с чего начать. Понтер — учёный; он наверняка имеет понятие о том, что его народу известно о генетике, о разделении родов Homo и Pan, о…

Но нет. Нет. Понтер — человек; во-первых и главных он — человек, к тому же прошедший через серьёзную переделку. Наука может подождать. Сейчас они будут говорить о нём, о том, каково ему сейчас.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Мэри.

— Хорошо, — ответил голос переводчика.

Мэри улыбнулась.

— Я имею в виду, на самом деле. Как у вас дела на самом деле?

Понтер, казалось, заколебался, и Мэри подума-

ла: интересно, разделяют ли неандертальские мужчины с человеческими нежелание говорить о своих чувствах. Но потом он выдохнул шумно и судорожно.

— Я напуган, — сказал он. — И скучаю по семье.

Мери вскинула брови.

— По семье?

— По дочерям. У меня две дочери, Жасмель Кет и Мегамег Бек.

Мэри немного опешила. Почему-то ей ни разу не пришло в голову, что у Понтера может быть семья?

— Старшей сейчас, — сказал Понтер, — я знаю, сколько месяцев, но вы вроде измеряете возраст в годах, нет? Старшей… Хак, посчитай!

— Жасмель девятнадцать лет, — прозвучал женский голос Хак, — Мегамег девять.

— О Боже, — сказала Мэри. — С ними всё будет в порядке? А их мать?

— Класт умерла два декамесяца назад, — сказал Понтер.

— Двадцать месяцев, — торопливо добавила Хак. — Один и восемь десятых года.

— Простите, — тихо сказала Мэри. Понтер слегка кивнул.

— Её клетки, её кровь — они изменились…

— Лейкемия, — подсказала термин Мэри.

— Я скучаю по ней каждый месяц, — сказал Понтер.

Должно быть, ошибка перевода, подумала Мэри; наверняка он хотел сказать, что скучает по жене каждый день.

— Потерять обоих родителей…

— Да, — сказал Понтер. — Конечно, Жасмель уже почти взрослая, так что…

— То есть, она может голосовать и всё такое? — спросила Мэри.

— Нет-нет-нет. Хак что-то неправильно подсчитала?

— Я совершенно уверена, что расчёты верны, — ответила Хак женским голосом.

— Жасмель слишком молода, чтобы голосовать, — сказал Понтер. — *Я* слишком молод, чтобы голосовать.

— И в каком же возрасте в вашем мире получают право голоса?

— Ты должен встретить по крайней мере 667-ю луну — две трети от традиционного тысячемесячного периода жизни.

Хак, по-видимому, не желая, чтобы её компетентность в области арифметике снова подверга-

ли сомнению, быстро добавила:

— Право голоса получают в возрасте пятидесяти одного года; традиционная продолжительность жизни — семьдесят семь лет, хотя в наши дни многие живут гораздо дольше.

— Здесь, в Онтарио, люди получают право голосовать в восемнадцать, — сказала Мэри. — В смысле, лет.

— Восемнадцать! — воскликнул Понтер. — Это безумие.

— Я не знаю ни одного места, где бы этот возраст был больше двадцати одного года.

— Это многое объясняет в вашем мире, — сказал Понтер. — Мы не позволяем людям влиять на политику и принимать решения, пока они не накопят достаточно мудрости и жизненного опыта.

— Но если Жасмель не может голосовать, то чем в вашем мире взрослый отличается от подростка?

Понтер слегка двинул плечами.

— Полагаю, в моём мире эта разница не так значительна, как в вашем. Тем не менее, достигнув возраста 250 месяцев человек начинает сам нести юридическую ответственности за свои действия и находится на пороге обустройства собственного дома. — Он покачал головой. — Хотел бы я дать

Жасмель и Мегамег знать, что я жив, что думаю о них. Даже если я никогда не смогу вернуться назад, я бы отдал всё, только бы передать им весточку.

— А вы действительно не сможете вернуться? — спросила Мэри.

— Не вижу, как. О, если бы здесь был построен квантовый компьютер, то условия, которые привели к моему… переносу сюда можно бы было попытаться повторить. Но я физик-теоретик; я имею лишь смутное представление о деталях внутреннего устройства квантового компьютера. Мой партёр, Адекор, в этом хорошо разбирается, но с ним никак не связаться.

— Должно быть, вы в отчаянии, — сказала Мэри.

— Простите, — ответил Понтер. — Я не хотел нагружать вас своими проблемами.

— Всё в порядке, — заверила его Мэри. — Можем ли мы… Можем ли мы вам как-то в этом помочь?

Понтер произнёс единственное короткое слово, прозвучавшее как-то по-особенному грустно.

— Нет, — перевела его Хак.

Мэри захотелось поднять ему настроение.

— Ну, хоть карантин должен уже скоро кончиться. Может быть, после того, как нас выпустят,

вы сможете попутешествовать, посмотреть мир. Садбери — маленький город, но…

— *Маленький?* — Понтер выпучил от удивления глаза. — Но здесь же… даже не знаю, сколько… по меньшей мере несколько десятков тысяч жителей.

— В городской черте Садбери живёт 160000 человек, — сказала Мэри, которая полистала в гостинице путеводитель.

— Сто шестьдесят тысяч! — повторил Понтер. — И это маленький город? Вы, Мэре, приехали из другого места, да? Из другого города. Сколько людей живёт там?

— Собственно в городе Торонто — 2,4 миллиона; в агломерации — в зоне сплошной городской застройки с Торонто в центре — около 3,5 миллионов.

— Три с половиной миллиона? — изумлённо переспросил Понтер.

— Плюс-минус.

— Сколько всего людей?

— Во всём мире? — спросила Мэри.

— Да.

— Чуть больше шести миллиардов.

— Миллиард — это… тысяча раз по миллиону?

— Именно так, — ответила Мэри. — По крайней

мере здесь, в Северной Америке. В Британии… ладно, забудьте. Да, миллиард — это тысяча миллионов.

Понтер осел в своём кресле.

— Это… это просто немыслимое количество людей.

Мэри подняла брови.

— А сколько людей живёт в вашем мире?

— Сто восемьдесят два миллиона, — ответил Понтер.

— Почему так мало? — спросила Мэри?

— Почему так много? — спросил Понтер.

— Я не знаю, — ответила Мэри. — Никогда не задумывалась.

— Вы не… в моём мире мы знаем, как предотвращать беременность. Возможно, я мог бы вас научить…

Мэри улыбнулась.

— У нас тоже есть для этого средства.

Понтер поднял бровь.

— Должно быть, наши работают лучше?

Мэри рассмеялась.

— Возможно.

— И вам хватает еды для шести миллиардов людей?

— Мы по большей части едим растения. Мы

культивируем… — Раздался гудок; по соглашению с Хак, услышав слово, которого нет в базе данных и о значении которого она не смогла догадаться по контексту, она подавала звуковой сигнал. -…мы специально их выращиваем. Я заметила, что вам не нравится хлеб, — снова гудок, — э-э… еда, приготовленная из зерна, но хлеб, а также рис — это то, что ест большинство из нас.

— Вы кормите шесть миллиардов человек *растениями*?

— Э-э… не совсем, — сказала Мэри. — Примерно полмиллиарда человек испытывает нехватку еды.

— Это очень плохо, — сказал Понтер.

Мэри не могла не согласиться. Только тут она неожиданно для себя осознала, что до сих пор Понтер имел дело лишь с весьма облагороженным образом Земли. Он немного смотрел телевизор, но недостаточно для формирования целостной картины. Тем не менее, было похоже, что Понтеру действительно придётся провести остаток своей жизни на этой Земле. И ему нужно будет рассказать о войне, о преступности, о загрязнении, о рабстве — о кровавой полосе, тянущейся через всю историю человечества.

— Наш мир — непростое место, — сказала Мэри,

как будто это оправдывало тот факт, что люди голодают.

— Да, я уже понял, — сказал Понтер. — У нас только один вид людей, хотя в прошлом их было больше. Но вас тут три или четыре вида.

Мэри недоумённо тряхнула головой.

— Что? — спросила она.

— Разные виды людей. Вы относитесь к одному виду, а Рубен, очевидно, к другому. А мужчина, который помогал меня спасать — это, по-видимому, какой-то третий вид.

Мэри улыбнулась.

— Нет, это не различные виды. У нас все люди тоже принадлежат к одному биологическому виду — Homo sapiens.

— И вы все способны скрещиваться? — спросил Понтер.

— Да, — ответила Мэри.

— И потомство не стерильно?

— Нет.

Понтер нахмурился.

— Вы — генетик, — сказал он, — не я, но… но… если все могут скрещиваться со всеми, то откуда такие различия? Разве люди не стали бы со временем похожими, демонстрируя смесь всех возможных черт?

Мэри шумно вздохнула. Она не хотела влезать в это болото на такой ранней стадии общения.

— Ну, в общем, в прошлом — не сейчас, вы понимаете, но… — она сглотнула. — То есть, и сейчас тоже, но в меньшей степени, люди разных рас… — гудок в другой тональности: известное слово в непонятном контексте, — люди с одним цветом кожи избегали… скрещивания с людьми с кожей другого цвета.

— Почему? — спросил Понтер. Простой вопрос; действительно, почему?

Мэри слабо пожала плечами.

— Разница в цвете изначально возникла из-за длительной географической изоляции популяций. Но после этого… после этого взаимодействие было затруднено невежеством, глупостью, ненавистью.

— Ненавистью, — повторил Понтер.

— Да, как ни грустно это признать. — Она снова пожала плечами. — В прошлом моего вида много такого, чем я не горжусь.

Понтер довольно долго молчал.

— Я думал над тем, что это за мир, — сказал он, наконец. — Я удивился, когда увидел изображения черепов в больнице. Я видел такие черепа раньше; в моём мире они известны лишь в виде

ископаемых останков. Это было поразительно — увидеть во плоти то, с чем раньше был знаком лишь в виде костей.

Он снова замолчал, глядя на Мэри так, словно до сих пор дивился её внешности. Она смущённо поёрзала на стуле.

— Мы ничего не знали ни о цвете вашей кожи, — сказал Понтер, — ни о цвете волос. Наши… — гудок; гудком Хак также заменяла слова, для которых не могла найти английского эквивалента, — были бы поражены, узнав, насколько разными вы могли быть.

Мэри улыбнулась.

— Ну, не все эти различия природные, — сказала она. — Вот, к примеру, мои волосы на самом деле не такого цвета.

Понтера явно удивила это новость.

— И какого же тогда?

— Да такого, серовато-коричневого.

— И почему вы его изменили?

Мэри пожала плечами.

— Самовыражение, и… в общем, я сказала, что они серовато-коричневые, но на самом деле они больше серые, чем коричневые. Мне… как, как впрочем, и многим другим, не нравится такой цвет.

— У моего вида волосы становятся серыми с возрастом.

— И у нас тоже; волосы такого света мы называем седыми. Никто не рождается с седыми волосами.

Понтер снова нахмурился.

— В моём языке слово для человека, обладающего знаниями, которые приходят только с опытом, и слово для цвета, который приобретают волосы с возрастом, одно и то же — «серый». Не могу себе представить, чтобы кому-то хотелось скрыть этот цвет.

Мэри в очередной раз пожала плечами.

— Мы делаем много бессмысленных вещей.

— Это точно, — сказал Понтер. Он помолчал, словно раздумывая, стоит ли продолжать тему. — Мы часто задумывались, что стало с вашим народом — я имею в виду, в нашем мире. Простите, я не хочу показаться… — гудок, — но вы, должно быть, в курсе, что ваш мозг меньше нашего.

Мэри кивнула.

— В среднем на десять процентов, если я правильно помню.

— И вы, очевидно, заметно слабее физически. Исходя из следов крепления мышц на ископаемых костях мы заключили, что ваша мышечная

масса была вдвое меньше нашей.

— Примерно так и есть, я полагаю, — сказала Мэри, кивая.

— А также, — продолжал Понтер, — вы упомянули о неспособности уживаться даже с представителями собственного вида.

Мэри снова кивнула.

— В моём мире тоже находили археологические свидетельства того же самого, — сказал Понтер. — Согласно популярной у нас теории вы истребили друг друг сами… что в случае с существами менее разумными, чем мы, вовсе не кажется… — Понтер опустил голову. — Простите; я не хотел вас расстроить.

— Всё в порядке, — ответила Мэри.

— Я уверен, что существует лучшее объяснение, — сказал Понтер. — Мы так мало о вас знаем.

— Я думаю, — сказала Мэри, — что одно только знание о том, что всё могло быть по-другому — что выживание именно нашего вида не было предопределено — это уже очень ценно. Это напомнит моему народу о том, как драгоценна на самом деле жизнь.

— Для вас это не очевидно? — спросил Понтер, изумлённо округляя глаза.

Глава 31

Наконец Адекор медленно и печально поковылял к выходу из зала Совета. Всё это было безумием. Безумием! Он потерял Понтера, и, будто это был недостаточно тяжёлый удар, его теперь ждёт трибунал. Доверие, которое он раньше чувствовал по отношению к судебной системе — о которой до сего дня он имел весьма смутное представление — рассыпалось в прах. Как они могут травить невиновного человека, перенёсшего такое горе?

Адекор прошёл по длинному коридору, стены которого украшали ряды портретов великих арбитров прошлого, мужчин и женщин, заложивших основы современного права. Был ли этот… этот *фарс* венцом из замысла? Он продолжал идти, не обращая внимания на других людей, мимо которых проходил, пока его взгляд не зацепился за пятно оранжевого цвета.

Болбай, всё ещё в цветах обвинения, на дальнем конце коридора. Она задержалась в здании Совета, вероятно, дожидаясь ухода эксгибиционистов, и теперь уходила сама.

Прежде, чем он сообразил толком, что делает,

Адекор обнаружил, что бежит через коридор к ней; покрывающий пол ковёр мха заглушал топот его ног. Он догнал её как раз в тот момент, когда она шагнула в дверь в конце коридора, ведущей наружу, под тёплое предвечернее солнце.

— Даклар!

Даклар Болбай испуганно оглянулась.

— Адекор! — воскликнула она, выпучив на него глаза. Потом громко заговорила: — Тот, кто ведёт судебное наблюдение за Адекором Халдом, внимание! Он приблизился ко мне, своему обвинителю!

Адекор медленно покачал головой.

— Я не собираюсь причинять тебе вред.

— Как я имела возможность убедиться, — сказала Болбай, — твои действия не всегда совпадают с твоими намерениями.

— Это было много *лет* назад, — сказал Адекор, намеренно употребив слово, которое подчёркивало исключительную длительность промежутка времени. — Я никого не бил ни до того, ни после того.

— Но ты сделал это *тогда*, — сказала Болбай. — Ты сорвался. Ты ударил. Ты бил насмерть.

— Нет! Нет, я никогда не хотел Понтеру зла.

— Нам не следует разговаривать, — сказала

Болбай. — Позволь мне откланяться. — Она повернулась.

Адекор протянул руку и схватил её за плечо.

— Нет, подожди!

Когда он снова увидел её лицо, на нём было выражение паники, однако она быстро успокоилась и со значением посмотрела на его руку, держащую её за плечо. Адекор отпустил её.

— Прошу, — сказал он. — Прошу, просто скажи мне, *почему*? Почему ты преследуешь меня с такой… как будто мстишь мне за что-то? За всё время, что знаем друг друга, я ни разу не сделал тебе дурного. Ты наверняка знаешь, что я любил Понтера, и что он любил меня. Ему бы не хотелось, чтобы ты вот так вот преследовала меня.

— Не строй из себя невинность, — сказала Болбай.

— Но я невиновен! Почему ты это делаешь?

Она просто качнула головой, развернулась и пошла прочь.

— Почему? — крикнул Адекор ей вслед. — *Почему?*

* * *

— Может быть, поговорим о вашем народе? — предложила Мэри Понтеру. — До сих пор мы

могли изучать неандертальцев лишь по ископаемым останкам. Было много споров по разным вопросам, таким как, скажем, для чего нужны ваши выступающие надбровные дуги.

Понтер моргнул.

— Они прикрывают глаза от солнца.

— Правда? — изумилась Мэри. — Да, думаю, это имеет смысл. Но тогда почему у моего народа их нет? В смысле, неандертальцы же эволюционировали в Европе, а мои предки пришли из Африки, где гораздо более солнечно.

— Мы тоже ломали над этим голову, — сказал Понтер, — когда исследовали останки глексенов.

— Глексенов? — повторила Мэри.

— Разновидность ископаемых гоминид в моём мире, на которую вы более всего походите. У глексенов не было надбровных дуг, так что мы предположили, что они вели ночной образ жизни.

Мэри улыбнулась.

— Я думаю, неверны очень многие из заключений, сделанных на основе исследований одних только костей. А скажите: что вы думали насчёт этого? — Она постучала указательным пальцем по подбородку.

Понтер смутился.

— Я теперь знаю, что это совершенно не так, но…

— Да? — ободрила его Мэри.

Понтер разгладил ладонью бороду, так, чтобы стала видна его челюсть без подбородка.

— У нас нет такого выступа, так что мы предположили…

— Что? — сказала Мэри.

— Мы предположили, что этот выступ удерживал стекающую слюну. У вас такая маленькая ротовая полость, мы думали, что из неё постоянно вытекает слюна. Также, поскольку у вас меньший объём мозга, чем у нас, а у, гм, идиотов часто капает слюна изо рта…

Мери рассмеялась.

— Какой ужас, — сказала она. — Кстати, раз речь зашла о челюстях: а что случилось с вашей?

— Ничего, — сказал Понтер. — Она такая, как всегда была.

— Я видела ваши рентгеновские снимки в больнице, — сказала Мэри. — На вашей нижней челюстной кости видны следы обширной реконструкции.

— Ах, *это*, — сказал Понтер, словно бы виновато. — Да, пару сот месяцев тому назад я получил удар по лицу.

— И чем это вас ударило? — спросила Мэри. — Кирпичом?

— Кулаком, — ответил Понтер.

У Мэри отвисла её собственная челюсть.

— Я знала, что неандертальцы сильны, но… вау! И всё это одним ударом?

Понтер кивнул.

— Вам повезло, что вы остались живы, — сказала Мэри.

— Нам обоим повезло — и ударенному, и ударителю, если так можно выразиться.

— Но из-за чего вас ударили?

— Дурацкий спор, — сказал Понтер. — Конечно, он не должен был этого делать, и потом дико извинялся. Я решил не давать делу ход; если бы я это сделал, его обвинили бы в покушении на убийство.

— Он правда мог убить вас одним ударом?

— О да. Я успел среагировать и приподнять голову, так что удар пришёлся в челюсть, а не в середину лица. Если бы кулак попал туда, то бы проломил дыру в черепе.

— О ужас, — сказала Мэри.

— Он был зол, и я его спровоцировал. Мы оба были виноваты в равной мере.

— А вы… *вы* способны убить кого-нибудь голы-

ми руками? — спросила Мэри.

— Конечно, — ответил Понтер. — Особенно если подойти сзади. — Он переплёл пальцы, поднял руки и изобразил удар сомкнутыми кулаками сверху вниз. — Если такой удар нанести сзади, человеческий череп расколется. Спереди же, если удастся нанести хороший удар кулаком или ногой в грудную клетку, я могу раздавить сердце.

— Но… но… не в обиду будь сказано, но обезьяны тоже очень сильны, но при этом редко убивают друг друга в драках.

— Это потому что в схватках за превосходство внутри группы действия обезьян ритуализированны и инстинктивны, и обычно они просто шлёпают друг друга — это работа на публику. Но вообще-то шимпанзе убивают других шимпанзе, хотя обычно пользуются для этой цели зубами. Сжимать пальцы в кулак способны только люди.

— О… ужас. — Мэри понимала, что повторяется, но не смогла придумать ничего другого, чтобы выразить сумму своих чувств. — У нас люди дерутся всё время. Некоторые даже превращают это в спорт: бокс, борьба, реслинг.

— Безумие, — сказал Понтер.

— Да, я согласна, — сказала Мэри. — Но они почти никогда друг друга не убивают. То есть, я

имею в виду, человек практически не способен убить другого человека голыми руками. Мы, я так думаю, просто недостаточно сильны для этого.

— В моём мире, — сказал Понтер, — ударить значит убить. Поэтому мы *никогда* друг друга не бьём. Насилие может закончиться смертью, поэтому мы просто не можем его допустить.

— Но вас ведь ударили, — сказала Мэри.

Понтер кивнул.

— Это было очень давно, когда я учился в Научной Академии. Я спорил так, как это делают лишь в юности, будто от победы в споре что-то зависит. Я видел, что мой оппонент приходит в ярость, но продолжал его донимать. И он отреагировал… неудачным образом. Но я его простил.

Мэри посмотрела на Понтера и представила себе, как он подставляет вторую свою длинную скошенную щёку ударившему его.

* * *

Адекор попросил компаньона вызвать ему транспортный куб, который отвёз его домой. И теперь он снова сидел на веранде, один, изучая судебную процедуру. Хотя передачи его компаньона и контролировались, однако он по-прежнему мог им пользоваться, чтобы обратиться к накоплен-

ным человечеством знаниям и перенести часть из них на планшет для комфортного изучения.

Его партнёрша Лурт сразу же согласилась выступать от его имени на трибунале. Но хотя она и другие — в этот раз она сможет вызывать свидетелей — могут засвидетельствовать мирный характер Адекора и стабильность их отношений с Понтером, этого вряд ли хватит, чтобы убедить арбитра Сард и её коллег оправдать его. Так что он начал перерывать судебную историю в поисках других дел с обвинением в убийстве в отсутствие тела жертвы, в надежде, что решение по прежнему делу сможет ему помочь.

Первое такое дело, что ему попалось, слушалось давным-давно, во времена 17-го поколения. Обвинялся мужчина по имени Дасста, который якобы убил свою жену, незаметно пробравшись в Центр. Однако тело так и не было найдено: его партнёрша в один прекрасный день просто исчезла без следа. Трибунал постановил, что в отсутствие тела невозможно утверждать, что произошло убийство.

Адекора эта находка привела в восторг — пока он не углубился в изучение судебной процедуры.

Понтер и Адекор выбрали для веранды кресла обычной — не слишком прочной — конструкции.

Это было свидетельством непоколебимой уверенности понтера в то, что Адекор излечился, и его гнев никогда больше не выльется во вспышку насилия. Но Адекор был так расстроен тем, что прочитал, что в сердцах разломал подлокотник кресла ударом кулака — щепки так и полетели во все стороны. Юридические последствия, прочитал он, имеют лишь дела не старше десяти поколений; общество развивается, гласил «Кодекс Цивилизации», и то, что люди делали в далёком прошлом, в современном мире могло полностью утратить смысл.

Адекор продолжил поиски и в конце концов наткнулся на интригующее дело времён 140-го поколения — всего восемь поколений назад. Мужчина был обвинён в убийстве другого мужчины во время спора из-за того, что последний вырастил дом слишком близко к дому первого. Однако труп так и не был найден. В этом случае трибунал также решил, что отсутствия тела достаточно для прекращения преследования. Адекор снова обрадовался, но…

Но.

140-е поколение. Это период… посмотрим… от 1100 до 980 месяцев назад; от девяноста восьми до семидесяти девяти лет назад. Однако компаньо-

ны появились всего лишь около тысячи месяцев назад; сейчас как раз готовятся к празднованию юбилея.

Произошёл тот случай из 140-го до или после внедрения компаньонов? Адекор принялся уточнять.

До того. *Хрящ!* Болбай наверняка заявит, что то решение не имеет отношения к настоящему разбирательству. Разумеется, скажет она, трупы и даже живые люди запросто могли пропасть без следа в тёмные времена до того, как великий Лонвес Троб освободил нас, но дело, в котором *не могло* быть записи действий обвиняемого не может влиять на решение по делу, в котором обвиняемый подстроил ситуацию с целью *избежать* появления такой записи.

Адекор стал искать дальше. На мгновение он задумался о том, что хорошо бы, если бы были люди, специализирующиеся на разрешении всяких правовых вопросов от имени других; казалось бы, такой вклад был бы весьма ценным. Он с радостью обменялся бы трудом с кем-нибудь, кто провёл бы это исследование за него. Но нет; плохая идея. Само существование людей, которые полный день занимаются вопросами права, без сомнения спровоцировало бы рост числа таких

дел и…

Внезапно из дома выскочила Пабо и заливисто залаяла. Адекор посмотрел, на кого она лает, и его сердце, уже в который раз за эти дни, подпрыгнуло. Неужели?… Неужели?…

Но нет. Конечно, нет. И всё же это был некто, кого Адекор совершенно не ожидал сейчас увидеть — юная Жасмель Кет.

— Здравый день, — сказала она, подойдя на десять шагов.

— Здравый день, — ответил Адекор, стараясь не выдать голосом удивления.

Жасмель уселась на второе кресло, то, на котором обычно сидел её отец. Пабо хорошо знала Жасмель; Понтер часто брал собаку с собой в Центр, когда Двое становились Одним, и она явно обрадовалась, увидев знакомое лицо. Пабо тыкалась носом в колени Жасмель, а та ерошила рыжевато-коричневую шерсть у неё на макушке.

— Что случилось с креслом? — спросила Жасмель.

Адекор отвёл взгляд.

— Ничего.

Жасмель, по-видимому, решила не педалировать эту тему; в конце концов, всё и так было очевидно.

— Лурт согласилась говорить от твоего имени? — просила она.

Адекор кивнул.

— Хорошо, — сказала Жасмель. — Я уверена, она сделает всё, что сможет. — Она какое-то время молчала, потом, снова взглянув на отломанный подлокотник, сказала: — Но…

— Да, — согласился Адекор. — Но.

Жасмель смотрела вдаль, на окружающую дом местность. На приличном расстоянии от дома спокойно и невозмутимо брёл мимо мамонт.

— Теперь, когда дело передано в трибунал, алиби-куб моего отца был перенесён в крыло мёртвых. Даклар провела весь день, просматривая эпизоды из него и готовясь к процессу против тебя. Это, конечно, её право, как обвинителя, говорящего от имени мёртвого человека. Но я настояла, чтобы она разрешила мне смотреть алиби отца вместе с ней. И я смотрела на вас с отцом, в последние дни перед его исчезновением. — Она подняла на него затуманенный взгляд. — Болбай не видит этого, но она ведь уже давно одна. Но я… я тебе рассказывала, что мной интересуется один молодой человек? Что бы ты там ни говорил про то, что я ещё ни с кем не связана, я *знаю*, как выглядит любовь — и у меня нет ни малейшего

сомнения в том, что ты на самом деле любил моего отца. Увидев тебя его глазами, я больше не могу верить в то, что ты мог нанести ему хоть какой-нибудь вред.

— Спасибо.

— Я могу… могу как-нибудь помочь тебе подготовиться к трибуналу?

Адекор печально покачал головой.

— Похоже, уже никто не сможет спасти меня и моих родных.

Глава 32

День шестой

Среда, 7 августа

148/118/29

ПОИСК ПО НОВОСТЯМ
Ключевые слова: *неандерталец*

Журнал «Плейгёрл» прислал Понтеру Боддету письмо с предложением сняться для обложки обнаженным…

«Есть ли у него душа?» спрашивает Преподобный Питер Дональдсон из Церкви Христа Искупителя в Лос-Анджелесе. «Это ключевой вопрос. И я отвечаю: нет, у него нет души…»

«Мы считаем, что эта спешка с предоставлением Понтеру Боддету канадского гражданства затеяна с тем, чтобы он смог представлять Канаду на следующих Олимпийских играх, и мы призываем

МОК явным образом разрешить участие в соревнованиях только представителям *Homo sapiens sapiens*…»

Не пропустите: футболки с лицом Понтера Боддета. Имеются размеры S, M, L, XL, XXL и неандертальский.

Германское Общество Скептиков со штаб-квартирой в Нюрнберге заявило сегодня, что нет ни единой причины считать Понтера Боддета пришельцем из параллельного мира. «Эту версию мы примем в последнюю очередь, — заявил исполнительный директор Карл фон Шлегель, — и лишь после того, как иные, более простые теории окажутся неверными…»

Федеральная полиция сегодня арестовала трёх человек, пытавшихся проникнуть сквозь полицейские кордоны вокруг дома доктора Рубена Монтего в Лайвли, городке в 14 км к юго-западу от Садбери, в котором находится на карантине неандерталец…

Есть множество способов убить время, и похоже, что Рубен и Луиза нашли старейший из них. Мэри никогда не смотрела на Рубена под таким углом, но теперь, обдумав всё хорошенько, поняла, что он и в самом деле весьма симпатичен. Бритая голова была не в её вкусе, но у Рубена были приятные, чёткие черты лица, ослепительная улыбка, умный взгляд, он был поджар и довольно мускулист.

И, конечно, у него был этот очаровательный акцент. Но не только. Оказалось, что он бегло говорит по-французски, так что они с Луизой могли общаться на её родном языке. Плюс, судя по его дому и машине, он очень неплохо зарабатывал — что, впрочем, не удивительно для врача.

Просто находка, сказала бы сестра Мэри. Конечно, у Мэри было достаточно жизненного опыта, чтобы понимать, что после снятия карантина этим отношениям, скорее всего, суждено завершиться. И всё же она испытывала неловкость. Не из-за того, что была ханжой — ей нравилось думать, что это не так, несмотря на то, что росла «хорошей девочкой» в католическом семействе. Скорее, она опасалась, что у Понтера сложится превратное представление о сексуальных привычках в этом мире, что он может подумать,

будто от него теперь *ожидают*, что он вступит в связь с Мэри. А чьи-то ухаживания ей сейчас нужны были меньше всего.

Однако интрижка между Луизой и Рубеном действительно привела к тому, что Мэри стала больше времени проводить наедине с Понтером. Вскоре выяснилось, что дневное время Рубен и Луиза предпочитают проводить в подвале за просмотром фильмов из обширной коллекции Рубена, тогда как Мэри и Понтер оставались на первом этаже. И поскольку Рубен и Луиза теперь спали вместе, они реквизировали у Понтера двуспальную кровать. Мэри не знала, какими словами Рубен объяснил необходимость такого обмена, но Понтер теперь спал на диване в кабинете наверху, а гостиная оставалась в полном распоряжении Мэри.

Иногда по воскресеньям Мэри ходила к мессе. На этой неделе не пошла, хотя и могла — карантин был объявлен только в воскресенье вечером — и теперь жалела об этом.

К счастью, мессу можно посмотреть по телевизору; канал «Вижн-TV» ежедневно транслировал католическую мессу из одной из церквей Торонто. У Рубена был второй телевизор в кабинете наверху в дополнение к тому, что который они

с Луизой смотрели в подвале. Мэри поднялась в кабинет, чтобы посмотреть трансляцию церковной службы. Священник был одет в пышное зелёное одеяние. У него были седые волосы, но чёрные брови, а лицо заставило Мэри подумать о сухопаром Джине Хэкмене[28].

— …Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святаго Духа со всеми вами, — провозгласил священник, монсиньор Де Фрис согласно подписи внизу экрана.

Мэри, сидя на диване, на котором по ночам спал Понтер, перекрестилась.

— Иисус послан был исцелить раскаявшихся, — произнёс Де Фрис. — Господи, помилуй.

Мэри вместе с собравшимися в церкви прихожанами повторила:

— *Господи, помилуй.*

— Он пришёл воззвать ко грешным, — сказал Де Фриз. — Христе, помилуй.

— *Христе, помилуй,* — повторила Мэри вместе со всеми.

— Он молится за нас одесную от Отца. Господи, помилуй.

---

[28] notes: 28

Джин Хэкмен (род. 1930) — американский киноактёр и писатель, впервые прославившийся главной ролью в фильме «Бонни и Клайд» (1969). *(Прим. перев.)*

— *Господи, помилуй.*

— Господи всемогущий, помилуй нас, — сказал Де Фриз, — прости нам грехи наши и дай нам жизнь вечную.

— *Аминь,* — сказали прихожане.

Чтение было из Книги Иеремии; читала чернокожая женщина с коротко остриженными волосами в пурпурном одеянии. Позади неё великолепное витражное окно изображало Иисуса с нимбом, апостолов и взирающую на них сверху Деву Марию. Мэри не могла сказать наверняка, почему ей захотелось прослушать мессу именно сегодня. В конце концов, не ей требовалось отпущение грехов…

Заиграл орган; молодой мужчина запел «Спаси меня, Господь, в твоей святой любви…»

Мэри не сделала ничего дурного. Она была жертвой.

Причастие продолжалось; теперь монсиньор читал из Евангелия от Луки:

— «Вели, чтобы оба мои сына сели один по правую, а другой по левую руку от Тебя в Твоем Царстве…»

Конечно, Мэри знала историю, которую декламировал священник — о женщине, которая молила Христа по дороге в Иерусалим; она помни-

ла контекст. Но слова продолжали эхом звучать у неё в голове: *оба мои сына сели один по правую, а другой по левую руку от Тебя…*

Возможно ли это? Возможно ли, чтобы два человечества мирно жили бок о бок? Каин был земледельцем; он выращивал зерно. Авель был скотоводом, он выращивал овец на заклание. Но Каин убил Авеля.

Священник теперь разливал вино.

— Благословен Ты, Господи, Боже вселенной; по щедрости Твоей Ты дал нам вино — плод лозы и трудов человеческих, — и мы приносим его Тебе, чтобы оно стало для нас питием спасения…

— Молитесь, братья и сёстры…

— Воистину достойно и праведно, должно и спасительно нам всегда и везде благодарить Тебя, Святой Отче, через Иисуса Христа, Сына Твоего Возлюбленного, посланного Тобою Спасителя нашего и Искупителя…

— Господь наш Отец, мы удалились далеко от Тебя, но через Сына Твоего вернул Ты нас…

— Поэтому молим Тебя: освяти эти дары силой Духа Твоего…

— Примите и вкусите от Него всё, ибо это есть тело Моё, которое за вас будет предано…

— Примите и пейте из неё все, ибо это есть чаша

крови Моей нового и вечного завета, которая за вас и за многих прольётся во отпущение грехов…

Как Мэри хотела оказаться сейчас в церкви с прихожанами, принимающими причастие. Когда церемония закончилась, она снова перекрестилась и встала.

И только тогда заметила Понтера Боддета, который стоял в дверях и смотрел на неё с приоткрытым от удивления бородатым ртом.

Глава 33

— Что это было? — спросил Понтер.

— Как долго вы здесь стоите? — набросилась на него Мэри.

— Некоторое время.

— Почему вы ничего не сказали?

— Не хотел вас тревожить, — ответил Понтер. — Вы казались такой… *поглощённой* происходящим на экране.

Мэри подумала, что, в каком-то смысле, узурпировала его комнату — она сидела на диване, на котором он спал. Понтер вошёл в кабинет Рубена и шагнул к дивану, видимо, собираясь сесть рядом с ней. Мэри отодвинулась на дальний от него край и оперлась спиной о мягкий диванный валик.

— И всё же, — сказал Понтер, — что это было?

Мэри слегка приподняла плечи.

— Церковная служба.

Компаньон Понтера загудел.

— Церковь, — пояснила Мэри. — Место для, гм… поклонения.

Снова гудок.

— Религия. Поклонение Богу.

Хак заговорила собственным, женским голосом.

— Простите, Мэре. Я не знаю значения ни одного из этих слов.

— Богу, — повторила Мэри. — Существу, сотворившему вселенную.

Какую-то секунду лицо Понтера сохраняло нейтральное выражение. Но потом, видимо, после того, как Хак закончила переводить, его золотистые глаза округлились. Она заговорил на своём языке, и Хак перевела мужским голосом:

— Вселенную никто не сотворял. Она существовала всегда.

Мэри нахмурилась. Она подумала, что Луиза, которая как раз поднималась по лестнице, ведущей в подвал, с удовольствием объяснила бы Понтеру теорию большого взрыва. Мэри же ответила лишь:

— Мы верим в другое.

Понтер покачал головой, но, по-видимому, решил не вдаваться в подробности. Однако же и уходить от темы не спешил.

— Тот человек, — сказал он, указывая на телевизор, — говорил про «жизнь вечную». Ваш народ владеет секретом бессмертия? У нас есть специалисты по продлению жизни, и они давно

пытаются найти способ…

— Нет, — сказала Мэри. — Нет-нет. Он говорит о Небесах. — Она подняла руку в предостерегающем жесте и успешно предотвратила очередной гудок Хак. — Небеса — это место, где мы предположительно будем существовать после смерти.

— Это оксюморон. — Мэри молча восхитилась мастерством Хак. Понтер на своём языке явно произнёс несколько слов, должно быть, что-то вроде «терминологическое противоречие», но компаньон сообразил, что в английском существует отсутствующий в неандертальском способ выразить эту мысль более коротко.

— Ну, — сказала Мэри, — не каждый человек на Земле — на этой Земле, понятное дело — верит в жизнь после смерти.

— Большинство?

— Ну… думаю, да.

— Вы?

Мэри нахмурилась, размышляя.

— Да. Полагаю, да.

— Основываясь на каких свидетельствах? — спросил Понтер. Тон его неандертальского голоса оставался нейтральным; он не насмехался.

— Ну, говорят, что… — она замолкла. Почему она верила в это? Она — учёный, рационалист,

человек, мыслящий логически. Конечно, её религиозное индоктринирование произошло задолго до того, как она получила биологическое образование… В конце концов она просто пожала плечами, понимая, что любой объяснение будет неадекватным. — Так записано в Библии.

Хак загудела.

— Библия, — сказала Мэри. — Святое Писание. — *Би-ип.* — Священный текст. — *Би-ип.* — Почитаемая книга, содержащая моральное учение. Первая её часть — общая у моего народа, называемого «христиане», и у другой крупной религии — иудеев. Во вторую часть верят только христиане.

— Почему? — спросил Понтер. — Что описывает вторая часть?

— В ней изложена история Иисуса, сына Божьего.

— А, да. Тот человек говорил о нём. Так… так у этого… создателя вселенной был сын-человек? Значит, Бог — тоже человек?

— Нет, нет, он бесплотен. У него нет тела.

— Как такое может быть?

— Мать Иисуса была женщина, Дева Мария. — Она помолчала. — Моё имя происходит от её.

Понтер качнул головой.

— Прошу прощения. Хак проделала изумительную работу, но здесь явно не справляется. Мой компаньон перевёл что-то из сказанного вами как «не имеющая сексуального опыта».

— Дева, именно так, — сказала Мэри.

— Но как дева может стать матерью? — спросил Понтер. — Это снова… — и Мэри услышала, как он произносит те же слова, которые Хак ранее перевела как «оксюморон».

— Иисус был зачат без сексуального контакта. Бог будто бы просто поместил его в её чрево.

— А другая фракция — иудеи, так вы их назвали? — она отвергает эту историю?

— Да.

— Они, похоже, менее… легковерны, я бы сказал. — Он посмотрел на Мэри. — Вы в это верите? В историю об Иисусе?

— Я — христианка, — сказала Мэри, убеждая в этом не столько Понтера, сколько себя. — Последовательница Иисуса.

— Понимаю, — сказала Понтер. — И вы также верите в существование жизни после смерти?

— На самом деле я верю в то, что настоящим средоточием личности является душа, — *би-ип,* — бестелесная версия личности, и эта душа попадает после наше смерти в одно из двух мест,

где продолжает существовать. Если это был хороший человек, то его душа попадает на Небеса — в рай, в присутствие Господа. Если же человек был плохой, то его душа попадёт в Ад, — *би-ип,* — где подвергается пыткам, — *би-ип,* — мучениям бесконечно долго.

В этот раз Понтер долго молчал; Мэри пыталась прочитать выражение его лица. Наконец, он сказал:

— Мы — мой народ — не верим в жизнь после смерти.

— И что же, по-вашему, происходит после смерти? — спросила Мэри.

— Для того, кто умирает, ничего не происходит. Он прекращает быть, полностью и безвозвратно. Всё, чем он был, утрачивается навсегда.

— Это так печально, — сказала Мэри.

— Разве? — удивился Понтер. — Почему?

— Потому что приходится жить дальше без них.

— А вы можете общаться с теми, кто обитает в этой вашей жизни после смерти?

— Нет. Я не могу. Есть люди, которые утверждают, что могут, но их утверждения ничем не подкреплены.

— И почему я не удивлён? — сказал Понтер;

интересно, где Хак умудрилась подхватить это выражение? — Но если у вас нет способов контактировать с жизнью после смерти, с этой обителью мёртвых, то почему вы в неё верите?

— Я никогда не видела параллельный мир, из которого вы явились, — сказала Мэри, — но я верю в его реальность. Да и вы сами больше не можете его видеть — но всё ещё продолжаете в него верить.

Хак снова заработала высший балл.

— Туше́, — сказала она, подытожив полдюжины сказанных Понтером слов.

Но откровения Понтера заинтриговали Мэри.

— Мы считаем, что мораль возникает из религии: из веры в существование абсолютного добра и из, гмм, так сказать, страха перед проклятием — попаданием в Ад.

— Другими словами, — сказал Понтер, — люди вашего вида ведут себя хорошо только потому, что иначе им угрожает наказание?

Мэри согласно качнула головой.

— Это Пари Паскаля, — сказала она. — Если вы верите в Бога, но он не существует, то вы почти ничего не теряете. Но если вы не верите, а он существует, то вы рискуете подвергнуться вечным мукам. Учитывая вышесказанное, разумнее

верить, чем не верить.

— Ах, — сказал Понтер; это междометие звучало на его языке так же, как и по-английски, так что Хак не трудилась его воспроизводить.

— Но послушайте, — сказала Мэри, — вы так и не ответили на мой вопрос о морали. Без Бога — без веры в то, что вы будете вознаграждены или наказаны после смерти — что лежит в основе морали вашего народа? Понтер, я провела с вами довольно много времени; я знаю, что вы хороший человек. Но что делает вас таким?

— Я веду себя так, а не иначе, потому что так правильно.

— По чьим стандартам?

— По стандартам моего народа.

— Но откуда взялись эти стандарты?

— Из… — И тут глаза Понтера расширились, став почти круглыми под изгибом лобной кости, словно узрел явление Христа народу — его светский аналог. — Из нашего убеждения в том, что жизнь после смерти не существует, — победоносно заявил он. — Вот что встревожило меня в ваших верованиях; теперь я это увидел. Наши убеждения недвусмысленны и согласуется со всеми наблюдаемыми фактами: жизнь человека после смерти полностью завершена; после того,

как он ушёл, с ними уже не помиришься и не отблагодаришь, равно как не существует ни малейшей возможности того, что, благодаря своей добродетельной жизни они теперь пребывают в раю, забыв о земных тревогах. — Он замолк и внимательно оглядел лицо Мэри, по-видимому, в поисках следов понимания.

— Вы ещё не поняли? — продолжал Понтер. — Если я обижу кого-нибудь — если я скажу ему что-то гадкое или, я не знаю, скажем, возьму принадлежащую ему вещь — в соответствии с вашим мировоззрением я смогу успокоить себя знанием о том, что после того, как человек умирает, с ним всё равно можно установить контакт; примирение по-прежнему возможно. Но согласно моему мировоззрению, как только человек умер — а это может случиться с каждым из нас в любой момент, из-за несчастного случая, или от разрыва сердца и так далее — то я, совершивший зло, буду вынужден жить с этим, зная, что существование обиженного мною человека завершилось, а я так и не попытался примириться с ним.

Мэри задумалась. Да, большинство рабовладельцев игнорировали эту проблему, но наверняка и в обществе, основанном на купле-продаже людей, находились совестливые люди, испыты-

вавшие угрызения… и неужели они успокаивали себя мыслью о том, что люди, с которыми они жестоко обращались, будут вознаграждены за свои страдания после смерти? Да, нацистские лидеры были воплощением зла, но как многим из их рядов, выполнявших приказ об истреблении евреев, удавалось спокойно спать по ночам благодаря вере в то, что убитые ими сегодня уже в раю?

Впрочем, это верно и в не таком драматическом контексте. Господь — великий компенсатор: если с тобой несправедливо обошлись при жизни, то после смерти тебе воздастся — фундаментальный принцип, позволявший родителям посылать своих детей умирать в бесчисленных войнах. И правда, ведь ничего страшного, что вы разрушили чью-то жизнь, потому что пострадавший может попасть прямиком на Небеса. О, вас самих могут упечь в Ад, но другим никакие ваши действия в конечном итоге не могут повредить. Земное бытие — лишь пролог; впереди — жизнь вечная.

И конечно же в этом бесконечном будущем существовании Господь воздаст за все обиды, которые причинили… *ей* в том числе.

И этот ублюдок, ублюдок, напавший на неё,

будет гореть в Аду.

И ничего, что она так и не сообщила о преступлении; нет никакого способа избежать последнего суда.

Но… но…

— А как поступают в вашем мире? Что у вас делают с преступниками?

Би-ип.

— С людьми, которые нарушили закон, — пояснила Мэри. — С теми, кто намеренно нанёс другому вред.

— Ах, — сказал Понтер. — У нас с этим почти нет проблем, поскольку почти все плохие гены давно вычищены из нашего генофонда.

— *Что?* — воскликнула Мэри.

— Тяжкие преступления караются стерилизацией не только самого преступника, но и всех, у кого хотя бы половина генетического материала общая с ним: братья и сёстры, родители, дети. От этого двойной эффект. Во-первых, их дефектные гены исключаются из оборота, и…

— Как в обществе без сельского хозяйство вообще появилась генетика? К примеру, у нас она выросла из селекции растений и животных.

— Мы не разводим животных и растения для еды, но мы одомашнили волков, чтобы они нам

помогали на охоте. У меня самого есть собака Пабо, которую я очень люблю. Волки очень восприимчивы к селективному разведению; результат очевиден.

Мэри кивнула; звучало вполне правдоподобно.

— Вы сказали, что у стерилизации преступников двойной эффект.

— Ах, да. Кроме прямого исключения дефектных генов эта мера заставляет семью заботиться о том, чтобы никто из её членов не вступал в серьёзный конфликт с обществом.

— Да уж, надо полагать, — сказала Мэри.

— Конечно, — сказал Понтер. — Вы как генетик, разумеется, знаете, что единственным реально существующим видом бессмертия есть бессмертие генетическое. Жизнью движут гены, которые хотят обеспечить собственное воспроизводство. Поэтому наше правосудие касается генов, а не людей. Наше общество практически не знает преступлений, потому что система правосудия нацелена на то, что на самом деле движет жизнью: не на отдельных людей, не на обстоятельства, но на *гены*. Мы сделали так, что наилучшей стратегией выживания генов стало соблюдение закона.

— Ричард Докинз[29] одобрил бы, я полагаю, — сказала Мэри. — Но вы упомянули об этой… практике стерилизации в прошедшем времени. Её прекратили?

— Нет, но в наши дня в ней почти нет нужды.

— Она была настолько успешна? У вас больше нет серьёзных преступлений?

— Практически никто не совершает их из генетической предрасположенности. Существуют, конечно же, биохимические расстройства, ведущие к антисоциальному поведению, но их лечат медикаментозно. До стерилизации доходит крайне редко.

— Общество без преступности, — сказала Мэри, изумлённо качая головой. — Это, должно быть… — Она замолкла, задумавшись над тем, стоит ли так явно выражать своё восхищение. — Это просто *сказка*. — Потом нахмурилась. — Но наверняка многие преступления остаются нераскрытыми. Ну, то есть, если неизвестно, кто совершил преступление, то преступник останется ненаказанным, или, в случае биохимического расстройства, невылеченным.

---

[29] notes: 29

Ричард Докинз — английский этолог и эволюционный биолог, автор книги научно-популярной «Эгоистичный ген», которая освещала эволюцию с точки зрения генетики. *(Прим. перев.)*

Понтер моргнул.

— Нераскрытые преступления?

— Ну да. Когда полиция, — *би-ип*, — или кто у вас занимается поддержанием законности, не смогла установить, кто преступник.

— Таких преступлений не бывает.

Мэри почувствовала, как у неё напряглась спина. Как и большинство канадцев, она была против смертной казни из-за возможности казнить не того. Все канадцы несли бремя стыда за несправедливое заключение Гая Пола Морина, который десять лет гнил в тюрьме за убийство, которого не совершал; Дональда Маршалла-младшего, который провёл в заключении одиннадцать лет за убийство, которого тоже не совершал; Дэвида Милгаарда, просидевшего двадцать три года за изнасилование и убийство, в которых не был виновен. Кастрация была самым мягким из наказаний, которым она хотела бы подвергнуть того, кто её изнасиловал, но если бы из-за неё такое сотворили с непричастным человеком, как она смогла бы с этим жить? А дело Маршалла? Нет, бремя стыда за этот случай несли не все канадцы, а лишь *белые* канадцы. Маршалл принадлежал к племени микмак, и его заявления о невиновности были проигнорированы белыми судьями

просто потому, что исходили от *индейца*.

Впрочем, возможно, сейчас она думает скорее как атеист, а не как добрая католичка. Верующий обязан считать, что Милгаард, Морин и Маршалл получат воздаяние на Небесах, которое искупит всё, что им пришлось пережить на земле. В конце концов, собственный сын Господа был казнён несправедливо, даже по стандартам Римской Империи; Понтий Пилат не считал Христа виновным в преступлениях, в которых его обвиняли.

Но из рассказанного Понтером вырисовывалось что-то похуже Пилатова суда: жестокость стерилизации вкупе с абсолютной уверенностью в том, что виновный установлен со стопроцентной точностью. Мэри с трудом сдержала дрожь.

— Откуда вы знаете, что приговорённый действительно виновен? Вернее, откуда вы знаете, что *не* приговорили невиновного?

— По архивам алиби, — объяснил Понтер, как нечто совершенно очевидное.

— По *чему*?

Понтер, по-прежнему сидя на другом краю дивана в кабинете Рубена, поднял левую руку и повернул её так, чтобы внутренняя сторона запястья была повёрнута к ней. Мэри увидела компаньон со сменяющимися на нём чужими

цифрами.

— По архивам алиби, — повторил он. — Хак постоянно передаёт информацию о моём местоположении и трёхмерное изображение того, что меня окружает, и меня самого, того, что я делаю. Конечно, с тех пор, как я попал сюда, её сигналы до архива не доходят.

В этот раз Мэри не смогла подавить дрожь.

— Вы хотите сказать, что живёте в тоталитарном обществе? Что за вами постоянно наблюдают?

— Наблюдают? — бровь Понтера заползла на надбровный валик. — Нет-нет-нет. Никто не просматривает передаваемые данные.

Мэри озадаченно нахмурилась.

— Тогда что с ними происходит?

— Они записываются в мой архив алиби.

— А что это, собственно, такое?

— Компьютеризированное хранилище информации; куб из особого материала. Информация необратимо кодируется в его кристаллической структуре.

— Но если никто её не просматривает, тогда зачем?

— Я неправильно интерпретировала ваше слово «алиби»? — спросила Хак своим собствен-

ным, женским голосом. — Я понимаю алиби как доказательство того, что во время совершения преступления обвиняемый находился в другом месте.

— Э-э… да, — сказала Мэри. — Всё верно, это алиби.

— Ну так вот, — продолжала Хак, — архив Понтера является неопровержимым источником алиби для любого преступления, в котором его могут обвинить.

Мери почувствовала, как что-то переворачивается в её желудке.

— Боже мой… Понтер, то есть бремя доказательства невиновности лежит на вас самих?

Понтер мигнул, и Хак перевела его слова мужским голосом:

— А на ком же ещё?

— Здесь, в смысле, на нашей Земле, человек невиновен, пока его вина не доказана. — Уже произнося эти слова, Мэри сообразила, что есть много мест, где это не так, но решила не усложнять.

— И, как я понял, у вас нет ничего аналогичного нашим архивам алиби.

— Да. О, кое-где есть камеры наблюдения. Но они далеко не везде, и дома их точно практически никто не держит.

— И как же вы тогда устанавливаете виновность? Если у вас нет записи того, что происходило на самом деле, как вы можете быть уверены, что перед вами — тот самый, кто совершил преступление?

— Это я и имела в виду, говоря про нераскрытые преступления, — сказала Мэри. — Если мы не уверены… а часто мы не знаем даже, кого подозревать — то преступнику всё сходит с рук.

— Не могу сказать, что ваша система лучше, — дипломатично высказался Понтер.

— Но наша частная жизнь под защитой. Никто не заглядывает нам через плечо.

— Как и в нашем мире — по крайней мере, если вы не… не знаю слова. Тот, кто даёт другим видеть себя всего.

— Эксгибиционист? — предположила Мэри, удивлённо вскинув брови.

— Да. Их общественный вклад состоит в позволении другим просматривать трансляцию их компаньонов. У них специальные импланты с лучшим разрешением и большей дальностью, и они посещают всякие интересные места, так что другие люди могут видеть, что там происходит

— Но ведь, чисто теоретически, кто-нибудь может нарушить неприкосновенность чьей угодно

трансляции, даже не эксгибициониста.

— Зачем бы он стал это делать? — спросил Понтер.

— Ну, не знаю. Потому что может?

— Теоретически я могу пить мочу, — сказал Понтер, — но на деле никогда не испытывал такого желания.

— У нас есть люди, которые считают взлом систем защиты интересной задачей — особенно те, что разбираются в компьютерах.

— Это вряд ли можно назвать общественным вкладом.

— Вероятно, — сказал Мэри. — Но послушайте, что если обвиняемый в преступлении не захочет вскрывать свой этот… как вы его назвали?… свой архив алиби?

— Почему?

— Ну, я не знаю. Просто из принципа.

Понтер выглядел озадаченно.

— Или, — сказала Мэри, — потому что во время совершения преступления он занимался чем-то неприличным? — *Би-ип.* — Неприличным. Ну, тем, чего обычно стыдятся. — *Би-ип.*

— Возможно, это будет понятнее на примере? — сказал Понтер.

Мэри оттопырила губу, раздумывая.

— Ну… ладно, скажем, я… ну, вы понимаете, занималась, э-э… сексом с… скажем, с чужим мужем. Тот факт, что я это делала, даст мне алиби, но я не хотела бы, чтобы другие люди узнали об этом.

— Почему?

— Ну, потому что адюльтер, — *би-ип*, — это плохо.

— Плохо? — переспросил Понтер; Хак, видимо, всё же подставила какой-то перевод для незнакомого слова. — Почему это может быть плохо, кроме как в случае ложного признания отцовства? Кому причинён вред?

— Ну, э-э… я не знаю. В смысле, у нас адюльтер считается грехом. — *Би-ип.*

Мэри предвидела этот гудок. Если у вас нет религии, нет списка вещей, которые, не нанося никому вреда, тем не менее считаются предосудительными — употребление лёгких наркотиков, мастурбация, адюльтер, порнография — то вы, скорее всего, и не будете так ревностно относиться к сохранению тайны частной жизни. Люди настаивают на её соблюдении частично из-за существования в их жизни вещей, огласки которых они до смерти страшатся. Но в терпимом обществе, где преступлением являются лишь

те, что направлены против конкретной жертвы, огласка, возможно, не такое уж большое дело. И, конечно же, как недавно Понтер наглядно продемонстрировал, в таком обществе отсутствует табу на наготу — ещё одно явление сугубо религиозной природы — а также потребность запираться в туалете.

Мэри покачала головой. Все те жизненные ситуации, в которых ей было стыдно или неловко, когда она была рада, что никто не видит, чем она занимается: неужели ей было не по себе только из-за нарушения каких-то церковных эдиктов? Стыд от того, что она ушла от Кольма; стыд, который не давал ей потребовать развода; стыд от того, что в её жизни не было мужчины, а потребности никуда не делись; стыд греха… Понтер, как казалось, был свободен от этого; никогда не стыдится того, что доставляет ему удовольствие, если только это не вредит никому другому.

— Полагаю, ваша система может работать, — с сомнением в голосе сказала Мэри.

— Она работает, — ответил Понтер. — И учтите, что в случае серьёзных преступлений доступны два архива алиби: подозреваемого и жертвы. Жертва обычно приобщает свой архив к делу в качестве доказательства, и в большинстве случа-

ев преступник устанавливается тут же.

Мэри чувствовала одновременно восхищение и отвращение. И всё же…

Тот вечер в Йоркском…

Если бы всё записывалось, смогла бы она заставить себя показать запись кому-то другому?

Да, твёрдо ответила она себе. Да. Она не сделала ничего дурного, ничего такого, чего стоило бы стыдиться. Она — невинная жертва. Так говорилось во всех брошюрах, которые дала ей Кейша в центре помощи жертвам изнасилования, и она приложила все, абсолютно все свои силы, чтобы в это поверить.

Но… даже если бы записывалось все, что она видела, помогло бы это поймать чудовище? На нём была балаклава; она не видела его лица, хотя тысячи разных лиц с тех пор преследовали её в кошмарах. Кого бы она обвинила? Чей архив алиби суд постановил бы вскрыть? Мэри не имела ни малейшей зацепки, ни единого подозреваемого.

Что-то сжалось у неё внутри. Может быть, в этом и состоит проблема, которой народ Понтера сумел избежать — в том, что у нас слишком много потенциальных подозреваемых, слишком много тесноты, слишком много анонимности, слишком много злобных агрессивных… мужчин. Да,

мужчин. Каждого преподавателя её поколения особо ориентировали на использование гендерно-нейтрального языка. Но насильственные преступления совершаются преимущественно мужчинами.

И всё же она прожила свою жизнь в окружении добрых, приличных мужчин. Её отец, двое братьев, множество доброжелательных коллег, отец Калдикотт, а до него — отец Бельфонтэн, друзья, горстка любовников.

Какая часть мужского населения создаёт проблемы? Сколько процентов буйных, злобных, неспособных контролировать эмоции, неспособных противиться импульсам? Действительно ли их настолько много, чтобы их нельзя было… «вычистить», кажется, так выразился Понтер — какое доброе и оптимистичное слово — из генофонда человечества поколения назад?

Неважно, велик или мал процент буйных мужчин, подумала Мэри, всё равно их слишком много. Даже один такой ублюдок — это слишком много, и…

Вот и она уже думает, как народ Понтера. Генофонду и правда пошла бы на пользу небольшая терапевтическая чистка.

Да, не повредила бы.

Глава 34

Адекор Халд лежал на утопленном в пол ложе и смотрел на вделанный в потолок хрономер. Солнце уже несколько деци как взошло, но он так и нашёл причин для того, чтобы встать.

Что случилось в тот день в лаборатории квантовых вычислений? Что пошло не так?

Понтер не испарился, его не пожрало пламя, он не взорвался. Все эти процессы оставили бы немало следов.

Нет, если он прав и Понтера *перенесло* в иную вселенную… но…

Но это звучало дико даже для него самого; он вполне понимал, как возмутительно прозвучало подобное предположение для арбитра Сард. Но как ещё это объяснить?

Понтер исчез.

И на его месте появилось большое количество тяжёлой воды.

Предположим, думал Адекор, это был равный обмен: переместилась идентичная *масса*, но весьма различные *объёмы*. В конце концов, пропал не только Понтер; Адекор слышал шум врывающегося в вычислительную камеру воздуха,

словно там образовалось разрежение. Но даже весь воздух в камере весил очень мало, тогда как жидкая вода — притом жидкая *тяжёлая* вода — пребывает в своём наиболее плотном из возможных состояний, более плотном, чем если бы она полностью замёрзла.

Значит, так: большой объём воздуха и один человек пропали из этой вселенной, а идентичная, но занимающая значительно меньший объём масса тяжёлой воды, появилась вместо них из… с *другой стороны*; именно это определение постоянно лезло Адекору в голову.

Но…

Но это значит, в этом же месте другой вселенной находится тяжёлая вода. А чистая тяжёлая вода в природе не встречается.

Что означает, что… *портал*, снова слово всплыло в голове непрошеным… так вот, портал должен открываться внутрь большого бака с тяжёлой водой. И если тяжёлая вода переместилась оттуда сюда, то Понтер переместился отсюда туда, из чего следовало…

Из чего следовало, что он, вполне вероятно, утонул.

На дне глубоких глазниц Адекора выступили слёзы, словно собирающаяся в колодцах дожде-

вая вода.

* * *

Понтер поёрзал на диване и снова посмотрел на Мэри.

— Архивы алиби не только раскрывают преступления, — сказал он. — У них есть и другие применения. К примеру, вчера по телевизору говорили, что двое туристов потерялись в Алгонкинском парке[30].

Мэри кивнула.

— В моём мире невозможно потеряться. Компаньон триангулирует сигналы с нескольких установленных на вершинах гор передатчиков и определяет ваше местоположение, а если вы ранены или, скажем, застряли под обвалом, то спасатели быстро найдут вас по сигналу компаньона. — Он поднял руку, очевидно, копируя виденный ранее жест Мэри, чтобы предупредить возражения. — Конечно, только арбитр может приказать, чтобы вас нашли таким способом, и только в том случае, если вы сами этого потребуете путём посылки сигнала бедствия, либо по

[30] notes: 30

Алгонкинский провинциальный парк — канадский национальный парк в провинции Онтарио между озером Гурон и рекой Оттава. *(Прим. перев.)*

просьбе членов вашей семьи.

Заголовки, которые ей приходилось читать слишком часто, промелькнули у Мэри перед глазами:

«Полиция прекратила поиски»

«Пропавшая девочка не найдена; поисковые партии отозваны»

«Жертвы лавины считаются погибшими»

— Да, я думаю, такая система была бы очень полезна, — признала Мэри.

— Ещё бы, — уверенно ответил Понтер. — Компаньон также может послать сигнал бедствия сам, если вы окажетесь не в состоянии этого сделать. Он отслеживает ваши жизненные показатели, и если с вами случится инфаркт — или даже если вы окажетесь на грани инфаркта — он вызовет помощь.

У Мэри царапнуло на душе. Её отец умер от сердечного приступа, когда ей было восемнадцать. Она нашла его мёртвым, вернувшись из школы.

Понтер, очевидно, интерпретировал печаль на лице Мэри как сомнение.

— А всего за месяц до того, как я сюда попал, я куда-то засунул дождевик, который очень любил — это был подарок Жасмель. — Я был бы очень… — *би-ип*; огорчён? — если бы он потерялся. Но я

просто пришёл в павильон архива, где хранятся мои записи, и просмотрел события последних пары дней. Увидел, где я оставил дождевик, пошёл туда и забрал его.

Мэри, конечно, ненавидела бесчисленные часы, потраченные на поиски непонятно куда девающихся книг, студенческих работ, визитных карточек, ключей от квартиры и купонов, срок действия которых вот-вот истечёт. Возможно, вы ненавидите это ещё больше, если знаете, что ваше существование конечно; возможно, это знание способно заставить вас найти способ избегать этих бессмысленных потерь времени.

— Персональный чёрный ящик, — сказала Мэри, обращаясь скорее к себе, но Понтер всё равно ответил:

— На самом деле носитель информации скорее розовый. Мы используем специально обработанный гранит.

Мэри улыбнулась.

— Нет-нет. Чёрным ящиком у нас называют полётный регистратор — устройство, которое устанавливается на борту самолёта и записывает все показания приборов и разговоры в кабине, на случай, если самолёт разобьётся. Но идея о персональном чёрном ящике для меня самой

никогда меня не посещала. — Она помолчала. — А как он ведёт съёмку? — Мэри взглянула на запястье Понтера. — У него где-то там объектив?

— Да, но он используется только для того, чтобы рассматривать объекты за пределами радиуса восприятия компаньона. Компаньон использует сенсорные поля для записи окружения и своего носителя. — Понтер издал низкий звук — его аналог смешка. — Если бы записывалось лишь то, что компаньон видит в объектив, от этого было бы мало проку — в основном это были бы изображения моего левого бедра или внутренний вид левого кармана. А так, проигрывая свой архив, я вижу себя как бы с небольшого расстояния.

— Поразительно, — сказала Мэри. — У нас нет ничего подобного.

— Но ведь я видел продукты вашей науки, промышленности, — сказал Понтер. — Если бы вы сделали разработку подобной технологии приоритетным направлением…

Мэри насупилась.

— Да, возможно. Ну, то есть, мы ведь смогли одолеть путь от запуска первой ракеты в космос до полёта человека на Луну всего за двенадцать лет, и…

— *Повторите ещё раз.*

— Я говорю, когда нам по-настоящему приспичило послать человека на Луну…

— Луну, — повторил Понтер. — Вы говорите про луну *Земли*?

Мэри моргнула.

— Ага.

— Но… но… это же фантастика, — сказал Понтер. — Мы никогда не делали ничего подобного.

— Вы никогда не были на Луне? Не вы конкретно, а ваш народ? Ни один неандерталец не был на Луне?

Глаза Понтера стали круглыми.

— Нет.

— А на Марсе или других планетах?

— Нет.

— А спутники у вас есть?

— Только один, как и здесь.

— Нет, я имею в виду *искусственные* спутники. Необитаемые механизмы, которые летают над Землёй по орбитам, чтобы предсказывать погоду, обеспечивать связь и всякое такое.

— Нет, — сказал Понтер. — У нас ничего такого нет.

Мери на секунду задумалась. Без наследия Фау-2, без ракетных разработок второй мировой войны, сумело бы человечество запустить в кос-

мос хоть что-нибудь?

— Мы запустили в космос… не знаю, сколько точно, но по меньшей мере несколько сотен аппаратов.

Понтер поднял взгляд к потолку, словно представляя себе недовольное лицо луны над крышей дома Рубена.

— Сколько людей живёт на Луне сейчас?

— Нисколько, — ответила захваченная врасплох Мэри.

— У вас нет там постоянного поселения?

— Нет.

— То есть, люди просто прилетают посмотреть на Луну, а потом возвращаются на Землю? И сколько бывает там за месяц? Это популярное занятие?

— Гмм, нисколько. Никто не был на Луне уже… да, похоже, уже тридцать лет. На Луне побывало всего двенадцать человек. Шесть групп по два человека.

— Почему вы прекратили туда летать?

— Это сложный вопрос. Не в последнюю очередь из-за денег.

— Могу себе представить, — сказал Понтер.

— И ещё из-за политической ситуации. Видите ли, мы… — Она на мгновение замолчала. — Это

трудно объяснить. Мы называем это «Холодная война». Настоящих военных действий не было, но Соединённые Штаты и другая большая страна, Советский Союз, находились в состоянии серьёзного идеологического конфликта.

— Из-за чего?

— Гмм, из-за устройства экономики, я полагаю.

— Вряд ли стоит драться из-за такого, — сказал Понтер.

— В те времена это казалось очень важным. Так вот, президент Соединённых Штатов в, если не путаю, 1961 году поставил цель высадить человека на Луне к концу десятилетия. Видите ли, русские — народ, населяющий Советский Союз — они первыми запустили в космос искусственный спутник, а потом первыми запустили в космос человека, а США отставали, и вот таким образом решили отыграться.

— И получилось?

— О да. Русские так и не смогли полететь на Луну. Однако после того, как мы опередили русских, то почти сразу потеряли к Луне интерес.

— Это смешно… — начал Понтер, но оборвал себя. — Нет, прошу меня простить. Полёт на Луну — это великое достижение независимо от того, сделали вы это единожды или тысячу раз

— это всё равно достойно восхищения. — Он помолчал. — Думаю, это просто вопрос выбора приоритетов.

Глава 35

Мэри и Понтер спустились вниз, собираясь чего-нибудь поесть. Только они вошли в кухню, из подвала появились Рубен с Луизой. Рубен улыбнулся Понтеру.

— Ещё барбекью?

Понтер улыбнулся в ответ.

— Неплохо бы. Но вы должны позволить мне помогать.

— Я вам покажу, что делать, — сказала Луиза. Она похлопала Понтера по руке. — Идёмте со мной, мой великан.

Мэри неожиданно для себя самой возразила:

— Вы же сказали, что вегетарианка.

— Так и есть, — ответила Луиза. — Пять лет уже. Но я знаю, как готовить барбекью.

Мэри очень захотелось пойти с ними, когда Понтер и Луиза вышли через стеклянную дверь на террасу. Но… нет, это будет совсем глупо.

Луиза задвинула за собой стеклянную дверь, чтобы кондиционированный воздух не выходил наружу.

Рубен тем временем освобождал кухонный стол. Имитируя голос старой еврейки-сплетницы,

он спросил:

— Ну что, о чём вы детки болтали?

Мэри всё ещё смотрела через стеклянную дверь на улицу, на Луизу, которая, смеясь и откидывая со лба волосы, объясняла устройство мангала, и на Понтера, внимающего каждому её слову.

— Гмм, по большей части о религии, — ответила Мэри.

— Правда? — удивился Рубен уже своим собственным голосом.

— Ага, — сказала Мэри. Она, наконец, оторвала взгляд от сцены на террасе и посмотрела на Рубена. — Или, точнее, об отсутствии религии у неандертальцев.

— Но я думал, что у неандертальцев была религия, — сказал Рубен, доставая из шкафа несколько белых кореллевских тарелок[31]. — Культ пещерного медведя и всё такое.

Мэри покачала головой.

— Вы читали старые книжки. Сейчас это никто не воспринимает всерьёз.

— Правда?

— Точно. О, черепа пещерных медведей действительно находили в одной пещере, в которой

---

[31] notes: 31

Corelle — американская марка небьющейся посуды из специальной керамики. *(Прим. перев.)*

жили неандертальцы. Но сейчас считается, что медведи попросту умерли в этой пещере, вероятно, во время спячки, а неандертальцы потом поселились в ней.

— Но разве черепа не были расставлены регулярным образом?

— Ну, — сказала Мэри, достав из ящика вилки и ножи и раскладывая их на столе, — тот, кто их нашёл, утверждал, что они лежали в каменных яслях или гробу. Но он не сделал ни одной фотографии, рабочие якобы уничтожили гроб, а две зарисовки, выполненные археологом, неким Белчером, полностью противоречат друг другу. Нет, скорее всего Белчер увидел то, что хотел увидеть.

— О, — сказал Рубен, роясь в холодильнике в поисках ингредиентов для салата. — А что насчёт захоронений неандертальцев вместе с вещами, которые усопшему могут понадобиться в следующей жизни? Разве это не зачатки религии?

— Это были бы зачатки, — сказала Мэри, — если бы неандертальцы действительно так делали. Но в местах, где живут на протяжении поколений, всегда накапливается мусор — кости, старые каменные инструменты и прочее. Те немногие вещи, которые были найдены захороненными

вместе с неандертальцами, оказались таким мусором, который мог попасть в могилу случайно.

Рубен обрывал листья с огромного кочана латука.

— Но разве сам по себе обычай хоронить мёртвых не подразумевает веру в загробную жизнь?

Мэри оглядела кухню в поисках ещё чего-нибудь, с чем она могла бы помочь, но ничего не нашла.

— Возможно, — сказала она, — но так же возможно, что таким образом они просто избавлялись от трупов. Множество неандертальских трупов было найдено в скрюченной эмбриональной позе. Это может быть частью погребальной церемонии, но может также быть следствием желания того, кто копал могилы, сделать их поменьше размером. Трупы привлекают падальщиков, и кроме того, воняют, если их бросить валяться просто так.

Рубен нарезал зелень.

— Но… я читал, что неандертальцы будто бы были первыми детьми цветов.

Мэри засмеялась.

— Ах, да. Пещера Шанидар в Ираке, где трупы неандертальцев были засыпаны цветочной пыльцой.

— Точно, — сказал Рубен. — Словно их похоронили с цветочными гирляндами или вроде того.

— Простите, но этот миф тоже развеяли. Пыльца в могилах оказалась случайной интрузией, её туда занесли норные грызуны или вода, просачивавшаяся сквозь отложения.

— Но… минуточку! А как же неандертальская флейта! Это ж было на первых полосах всех газет.

— Да, — сказала Мэри. — Обнаружена Иваном Турком в Словении: трубчатая кость медведя с четырьмя отверстиями.

— Точно-точно. Флейта!

— Боюсь, что нет, — сказала Мэри, облокачиваясь на огромный двустворчатый холодильник. — Оказалось, что кость прокушена глодавшим её хищником — вероятно, волком. И, как это типично для газет, *это* открытие не попало на первые полосы.

— Это уж точно. Я об этом впервые слышу.

— Я была на том съезде Палеоантропологического общества в Сиэтле в девяносто восьмом, где Новелл и Чейз представили свою работу, дискредитирующую флейту. — Мэри помолчала. — Нет, всё действительно выглядит так, как будто до самого конца неандертальцы — по крайней мере,

в нашей версии истории — не имели ничего, что мы могли бы назвать религией, да и просто культурой, если уж на то пошло. В позднейшие времена перед самым исчезновением наблюдается небольшое разнообразие изготовляемых или орудий, но большинство палеоантропологов считает, что неандертальцы пытались имитировать технику кроманьонцев, которые в то время уже жили по соседству. Кроманьонцы — это наши несомненные предки.

— Кстати, о кроманьонцах, — сказал Рубен, — что там слышно о скрещивании между неандертальцами и кроманьонцами? Я вроде читал о находке гибрида, кажется в 1998.

— Да, в Португалии; Эрик Тринкаус помешан на этой находке. Но видите ли, он физический антрополог, а я — генетик. Его теория всецело основывается на детском скелете, который, по его мнению, демонстрирует гибридные характеристики. Но у него нет черепа, а череп — это единственная часть скелета, по которой можно достоверно опознать неандертальца. По-моему, тот скелет мог принадлежать просто коренастому ребёнку.

— Хмм, — сказал Рубен. — Но знаете, я ведь встречал людей, которые выглядят довольно по-

хоже на Понтера. Я имею в виду, обличьем, а не цветом. У восточноевропейцев, к примеру, часто большие носы и надбровные дуги заметнее. У них не может быть примеси неандертальских генов?

Мэри пожала плечами.

— Я знаю палеоантропологов, доказывающих, что так оно и есть. Но в целом пока неизвестно, могли ли люди нашего вида скрещиваться с неандертальцами.

— Ну, — сказал Рубен, — если вы и дальше будете проводить столько времени с Понтером, то, возможно, сумеете это выяснить.

Рубен стоял достаточно близко, и она хлопнула его ладонью по руке.

— Прекратите! — сказала она. Но поскольку она тут же отвернулась в сторону гостиной, Рубен не видел, что она улыбается от уха до уха.

* * *

Жасмель Кет появилась у дома Адекора около полудня. Адекор был удивлён и обрадован её приходом.

— Здравый день, — сказал он.

— И тебе того же, — ответила Жасмель, наклоняясь, чтобы почесать Побо за ухом.

— Хочешь есть? — спросил Адекор. — Мясо?

Сок?

— Нет, не надо, — сказала Жасмель. — Я сегодня много читала на судебные темы. Ты не думал ещё о встречном иске?

— Встречном иске? — повторил Адекор. — Против кого?

— Против Даклар Болбай.

Адекор отвёл Жасмель в дом. Он уселся на стул, она взяла второй.

— В чём я её обвиню? — сказал Адекор. — Она мне ничего не сделала.

— Она помешала тебе скорбеть по утраченному партнёру…

— Да, — согласился Адекор. — Но это наверняка не преступление.

— Точно ли? — сказала Жасмель. — Что Кодекс Цивилизации говорит о вмешательстве в чужую жизнь?

— Много чего, — сказал Адекор.

— Я думаю о той части, в которой говорится, что «не должно потакать необоснованным нападкам; цивилизация функционирует благодаря тому, что мы используем всю её мощь против отдельного человека лишь в наиболее вопиющих случаях».

— Она обвинила меня в убийстве. Трудно при-

думать более «вопиющий» случай.

— Но у неё не было против тебя ни единой прямой улики, — сказала Жасмель. — Это делает её действия недостаточно необоснованными — вернее, таковыми их может посчитать арбитр.

Адекор покачал головой.

— Не думаю, что на Сард этот аргумент произведёт впечатление.

— Да, но Сард не может слушать встречный иск; таков закон. Ты будешь выступать перед другим арбитром.

— Правда? Тогда, возможно, стоило бы попробовать. Но… но моя цель не затянуть этот процесс, а поскорее его закончить, чтобы освободиться от судебного надзора и вернуться в лабораторию.

— О, я согласна, что выдвигать встречный иск тебе не стоит. Но предположение о том, что ты мог бы это сделать, возможно, помогло бы тебе добиться правды.

— Правды? Какой правды?

— Правды о том, почему Даклар так настойчиво тебя преследует.

— Так ты знаешь, почему? — спросил Адекор.

Жасмель опустила глаза.

— Я не знала до сегодняшнего дня, но…

— Но что?

— Я не могу тебе сказать. Если ты это узнаешь, то только от самой Даклар.

Глава 36

Рубен, Луиза, понтер и Мэри сидели вокруг стола у Рубена на кухне. Все, кроме Луизы, ели гамбургеры; перед Луизой стояла тарелка салата.

По-видимому, в мире Понтера было принято есть руками в перчатках. Понтер не любил пользоваться столовыми приборами, и гамбургер оказался приемлемым компромиссом. Он не ел булочку, но пользовался ею, как ухваткой: выдвигал мясо между её половинками и откусывал высунувшуюся часть.

— Стало быть, Понтер, — сказала Луиза, заводя разговор, — вы живёте один? Я имею в виду, в вашем мире.

Понтер покачал головой.

— Нет. Я жил с Адекором.

— Адекор, — повторила Мэри. — Так звали того, с кем вы вместе работали.

— Да, — сказал Понтер. — Но он также мой партнёр.

— В смысле, ваш бизнес-партнёр? — сказала Мэри.

— Ну, это тоже, я полагаю. Но он также мой «партнёр»; мы это так называем. Мы живём в

одном доме.

— А, — сказала Мэри. — Вы соседи.

— Да.

— Вы делите расходы и обязанности.

— Да. И еду, и постель, и…

Мэри обозлилась на себя за то, как подпрыгнуло при этих словах её сердце. Она была знакома со многими геями; просто ей было привычнее, когда они выходили из шкафов[32], а не выпрыгивали из межпространственных порталов.

— Так вы гей! — воскликнула Луиза. — Круто!

— На самом деле дома я был счастливее[33], — ответил Понтер.

— Нет-нет-нет, — сказала Луиза. — Не счастливый. *Гей.* Гомосексуалист. — *Би-ип.* — Тот, кто вступает в сексуальные отношения с лицами того же пола: мужчина, который занимается сексом с другими мужчинами, или женщина, которая занимается сексом с другими женщинами.

Понтер выглядел более озадаченно, чем когда бы то ни было раньше.

---

[32] notes: 32

«Выйти из шкафа» (come out of the closet) означает открыто признаться в своей гомосексуальной ориентации, перестать её скрывать. *(Прим. перев.)*

[33] notes: 33

Английское слово gay дословно означает «весёлый, радостный». *(Прим. перев.)*

— Невозможно заниматься сексом с представителем того же пола. Секс — это потенциально репродуктивный акт, который требует участия самца и самки.

— Ну, ладно, секс не в смысле полового акта, — сказала Луиза, — а в смысле интимного контакта, ну вы знаете — скажем так, нежное соприкасание… гениталий.

— О, — сказал Понтер. — Да. Мы с Адекором это делали.

— Вот это у нас и значит быть гомосексуалистом, — сказал Рубен. — Когда имеют подобные контакты только с представителями своего пола.

— Только? — удивлённо переспросил Понтер. — В смысле, исключительно? Нет-нет-нет. Адекор и я живём вместе, пока Двое Порознь, но когда Двое становятся Одним, мы, конечно же имели… Лу, как вы это назвали? — нежное соприкосновение гениталий каждый со своей женщиной… ну, в моём случае так было до того, как Класт, моя женщина, умерла.

— Ах, — сказала Мэри. — Вы бисексуал. — *Би-ип*. — Вы совершаете генитальные контакты как с мужчинами, так и с женщинами.

— Да.

— В вашем мире все такие? — спросила Луиза,

вонзая вилку в горку салата. — Бисексуальные?

— Практически. — Понтер моргнул; до него, наконец, дошло. — Вы хотите сказать, что тут по-другому?

— О, да, — сказал Рубен. — По крайней мере, для большинства людей. То есть, конечно, среди нас есть какое количество бисексуалов и довольно много геев — гомосексуальных людей. Но подавляющее большинство гетеросексуальны. Это значит, что они вступают в интимную связь лишь с представителями противоположного пола.

— Как скучно, — сказал Понтер.

Луиза захихикала. Потом, успокоившись, сказала:

— И что же, у вас есть дети?

— Две дочери, — сказал Понтер, кивнув. — Жасмель и Мегамег.

— Красивые имена, — сказала Луиза.

Понтер погрустнел, очевидно, вспомнив, что, скорее всего, никогда больше их не увидит.

Рубен, очевидно, догадался об этом и попытался перевести разговор на менее личную тему.

— Так что это за Двое, которые становятся Одним, которых вы упомянули? О чем это вообще?

— В моём мире мужчины и женщины большую часть времени живут отдельно…

— Бинфорд! — воскликнула Мэри.

— Нет, это не так, — запротестовал Понтер.

— Нет-нет, это не ругательство, — объяснила Мэри. — Это имя человека. Льюис Бинфорд — антрополог, у которого была как раз такая теория: что неандертальские мужчины и женщины на нашей версии Земли жили отдельно друг от друга. Он сделал такой вывод по результатам раскопок в Комб-Греналь во Франции.

— Он был прав, — сказала Понтер. — Женщины живут в Центрах наших территорий, мужчины — на Окраинах. Но раз в месяц мы, мужчины, приходим в Центр и проводим четыре дня с женщинами; в это время, как мы говорим, «Двое становятся Одним».

— *Фи-еста!* — воскликнула Луиза, широко улыбаясь.

— Поразительно, — сказала Мэри.

— Это необходимо. Мы не производим еду так, как это делаете вы, поэтому должны держать численность населения под контролем.

Рубен посерьёзнел.

— Так эти «Двое становятся Одним» имеют какое-то отношение к контролю рождаемости?

Понтер кивнул.

— И к этому тоже. Дни встреч утверждаются

Верховным Серым советом — собранием старейшин, нашим руководящим органом — так что обычно Двое становятся Одним, когда женщины неспособны зачать. Но когда приходит время произвести на свет новое поколение, даты сдвигаются, и мы встречаемся с женщинами тогда, когда шансы забеременеть максимальны.

— Господи, — сказала Мэри. — Целая планета на календарном методе. Ватикан будет от вас без ума. Но… но как это может работать? То есть, это что же, у всех женщин период — в смысле, менструация — наступает в одно и то же время?

Понтер моргнул.

— Конечно.

— Но как это воз… а, поняла. — Мэри улыбнулась. — Этот ваш нос — он ведь очень чувствительный, правда?

— Всегда считал его совершенно обычным.

— Но он наверняка гораздо чувствительнее наших. Носов, я имею в виду.

— Ну да, у вас носы действительно *очень* маленькие, — согласился Понтер. — Мне от них даже становится немного не по себе — всё время кажется, что вы сейчас задохнётесь. Хотя я заметил, что многие из вас дышат ртом, возможно, как раз поэтому.

— Мы всегда полагали, что неандертальцы эволюционировали, приспосабливаясь к условиям оледенения, — сказала Мэри. — Мы считали, что ваши большие носы позволяли вам увлажнять холодный воздух перед тем, как он попадёт в лёгкие.

— Наши учёные, которые изучают древних людей, считали точно так же, — сказал Понтер.

— С тех пор, как эволюция создала ваши носы, климат существенно потеплел, — сказала Мэри. — Но вы сохранили эту особенность, вероятно, по причине благоприятного побочного эффекта: большой нос — это ещё и более острый нюх.

— Более острый? — усомнился Понтер. — Ну, я, конечно, различаю запахи каждого из вас, и запах разных продуктов на кухне, и цветов во дворе, и той вонючей штуки, которую Рубен и Лу жгли в подвале, но…

— Понтер, — прервал его Рубен, — для нас вы вообще не пахнете.

— Правда?

— Правда. Нет, если я засуну нос к вам под мышку, то наверняка что-то учую, но в обычных обстоятельствах люди не различают запахов других людей.

— Как же вы находите друг друга в темноте?

— По голосу, — ответила Мэри.

— Очень необычно, — сказал Понтер.

— Но вы можете не только обнаружить чьё-то присутствие, правда ведь? — сказала Мэри. — В тот раз, когда вы странно на меня посмотрели. Вы ведь… — Мэри запнулась. Но Луиза — женщина, а Рубен — доктор, так что чего уж там. — Вы заметили, что у меня период, ведь так?

— Да.

Мэри кивнула.

— Даже женщины нашего вида, к примеру Луиза и я, если они живут вместе достаточно долго, могут синхронизировать свои менструальные циклы — а у нас обоняние, считай, отсутствует. Я думаю, что вполне возможно, чтобы все женщины жили по одному циклу.

— Никогда даже и не думал, что может быть по-другому, — сказал Понтер. — Меня очень удивило, когда я заметил, что у вас наступила менструация, а у Лу — нет.

Луиза нахмурилась, но ничего не сказала.

— Так, — сказал Рубен, — кто-нибудь хочет чего-нибудь ещё? Понтер, ещё кока-колы?

— Да, — сказал Понтер. — Спасибо.

Рубен поднялся.

— Вы знаете, что в этом напитке кофеин? —

спросила Мэри. — Может вызвать привыкание.

— Не беспокойтесь, — ответил Понтер. — Я выпиваю всего семь или восемь баночек в день.

Луиза рассмеялась и снова принялась за салат.

Мэри откусила ещё кусочек гамбургера; кружок лука хрустнул на зубах.

— Но погодите, — торопливо сказала она сразу, как только проглотила. — Ведь это значит, что ваши женщины не скрывают овуляцию.

— Ну, она скрыта от *глаз*… — сказал Понтер.

— Да, но… знаете, я вела совместный курс с кафедрой женских исследований: «Биология доминирования в сексуальных отношениях». Мы предполагали, что скрытая овуляция — это ключевое свойство, благодаря которому самка получает постоянную заботу и защиту от самца. Ну, вы знаете: если вы не способны понять, когда самка фертильна, то лучше быть внимательным всё время, иначе станете рогоносцем.

Хак загудела.

— Рогоносцем, — повторила Мэри. — Это такая метафора. Означает мужчину, который тратит энергию и силы на выращивание детей, зачатых другим. Но в условиях скрытой овуляции…

Понтер оглушительно захохотал; Массивная грудная клетка и глубокая ротовая полость созда-

вали басовитые громоподобные раскаты.

Мэри и Луиза недоумённо посмотрели на него.

— Что такого смешного? — спросил Рубен, ставя перед Понтером новую банку кока-колы.

Понтер поднял руку; он пытался перестать смеяться, но у него ничего не получалось. В уголках его глубоко сидящих глаз выступили слёзы, а обычно бледное лицо отчётливо покраснело.

Мэри, по-прежнему сидя за столом, положила руки на бёдра — и тут же смутилась своей реакции; в языке тела руки на бёдрах означали увеличение видимого размера с целью запугивания. Но Понтер был настолько кряжистей и мускулистее любой женщины, да и почти любого мужчины, что такая попытка выглядела смехотворной.

— Так что смешного? — спросила она.

— Простите, — сказал Понтер, приходя в себя. Своим невероятно длинным большим пальцем он вытер с глаз слёзы. — Просто у вашего народа иногда такое смешные идеи. — Он улыбнулся. — Говоря о скрытой овуляции, вы имеете в виду, что у человеческих женщин не она не сопровождается вздутием гениталий?

Мэри кивнула.

— Как у шимпанзе и бонобо, а также горилл и

большинства других приматов.

— Но у людей вздутие гениталий пропало не для того, чтобы скрыть факт овуляции, — сказал Понтер. — Оно пропало тогда, когда перестало быть эффективно в качестве сигнала. Когда климат стал холоднее, и люди начали носить одежду. Такой тип визуальной сигнализации, базирующийся на напитывании тканей жидкостью, требует значительных энергозатрат; он потерял своё значение, когда мы начали укрывать свои тела шкурами животных. Но — по крайней мере, у моего народа — факт овуляции по-прежнему легко устанавливается с помощью обоняния.

— Вы можете учуять овуляцию так же, как и менструацию? — спросил Рубен.

— Связанные с нею… химические вещества.

— Феромоны, — подсказал Рубен.

Мэри медленно кивнула.

— Получается, — сказала она, скорее для себя, чем для Понтера, — что самцы могут удалиться на неделю и больше, не беспокоясь о том, что их самки забеременеют от кого-то другого.

— Точно так, — сказал Понтер. — Но не только это.

— Да? — сказала Мэри.

— Мы считаем, что причиной того, что наши

предки-мужчины «уходили в лес» — думаю, у вас тоже должна быть похожая метафора — было то, что женщины становились весьма неприятны во время Последних Пяти.

— Последних Пяти? — переспросила Луиза.

— Последние пять дней месяца перед самым началом нового цикла.

— О, — догадался Рубен. — ПМС. Предменструальный синдром.

— Да, — сказал Понтер. — Но, конечно, это не настоящая причина. — Он слегка повёл плечами. — Моя дочь Жасмель изучает историю до начала отсчёта поколений, она мне объяснила. На самом деле было вот что. Мужчины постоянно дрались за доступ к женщинам. Но, как заметила Мэре, доступ к женщинам эволюционно значим только в течение той части каждого месяца, когда женщина может забеременеть. Поскольку циклы всех женщин синхронизированы, мужчины гораздо лучше ладили друг с другом, живя отдельно на протяжении большей части месяца, и появляясь всей толпой в критический для производства потомства период. Не женская раздражительность породила такое поведение, а мужская склонность к насилию.

Мэри кивнула. С тех пор, когда она вела тот

курс, минули годы, но всё выглядело донельзя типично: мужчины создают проблемы и обвиняют в них женщин. Мэри не знала, встретится ли когда-нибудь хоть с одной женщиной из мира Понтера, но уже сейчас ощущала несомненное сродство со своими неандертальскими сёстрами.

Глава 37

— Здравый день, Даклар, — сказала Жасмель, входя в дом. Хотя Жасмель Кет и Даклар Болбай жили в одном доме, они почти не разговаривали со дня *доосларм басадларм*.

— Здравый день, — холодно ответила Болбай. — Если ты… — её ноздри расширились. — Ты не одна.

За спиной Жасмель в дом вошёл Адекор.

— Здравый день, — сказал он.

Болбай посмотрела на Жасмель.

— Опять какое-то коварство, дитя?

— Не коварство, — сказала Жасмель. — Беспокойство. За тебя и за моего отца.

— Чего вы хотите от меня? — спросила Болбай, пристально вглядываясь в Адекора.

— Правды, — ответил он. — Только правды.

— О чём?

— О тебе. О том, почему ты преследуешь меня.

— Не я нахожусь под следствием, — сказала Болбай.

— Нет, — согласился Адекор. — Пока нет. Но это легко изменить.

— О чём ты говоришь?

— Я готов передать тебе собственный пакет документов, — сказал Адекор.

— На каком основании?

— На основании того, что ты незаконно вмешиваешься в мою жизнь.

— Это смехотворно.

— Да? — Адекор пожал плечами. — Это решать арбитру.

— Это очевидная попытка затянуть процесс, который приведёт к твоей стерилизации, — сказала Болбай. — Очевидная каждому.

— Если всё это настолько нелепо и очевидно — арбитр отклонит мой иск. Но не раньше, чем даст мне возможность допросить тебя.

— Допросить меня? О чём?

— О твоих мотивах. О том, за что ты так на меня взъелась.

Болбай посмотрела на Жасмель.

— Это твоя идея, не так ли?

— Так же, как и идея до подачи иска прийти сюда, — сказала Жасмель. — Это семейное дело: ты, Даклар — партнёрша моей матери, а Адекор — партнёр моего отца. Смерть моей мамы далась тебе очень нелегко — как и всем нам.

— Смерть Класт тут совершенно ни при чём! — вскинулась Даклар. — *Ни при чём!* — Она по-

смотрела на Адекора. — Всё дело только в нём одном.

— Почему? — спросил Адекор. — Какое дело?

Болбай тряхнула головой.

— Нам не о чем говорить.

— Нет, есть, — сказал Адекор. — Или ты ответишь на мои вопросы здесь, или я их тебе задам в присутствии арбитра. И тогда тебе *придётся* ответить.

— Ты блефуешь, — сказала Болбай.

Адекор поднял левую руку и повернул её внутренней стороной запястья к Болбай.

— Ваше имя Даклар Болбай, и вы проживаете в Центре Салдака?

— Я не приму документы от тебя.

— Ты лишь оттягиваешь неизбежное, — сказал Адекор. — Я обращусь к судебному исполнителю, и он загрузит их на твой компаньон независимо от того, потянешь ты за контрольный штырёк или нет. — Пауза. — Я спрашиваю снова: Ваше имя Даклар Болбай, и вы проживаете в Центре Салдака?

— Ты правда хочешь это сделать? — сказала Болбай. — Потащить меня к арбитру?

— Как ты потащила меня, — ответил Адекор.

— Прошу, — сказала Жасмель. — Просто скажи

ему. Лучше так. Для тебя же лучше.

Адекор скрестил руки на груди.

— Итак?

— Мне нечего сказать, — ответила Болбай.

Жасмель испустила шумный вздох.

— Спроси её, — тихо произнесла она, — о *её* партнёре.

— Ты ничего об этом не знаешь, — рявкнула Болбай.

— Не знаю? — сказала Жасмель. — Как ты узнала, что это Адекор ударил моего отца?

Болбай молчала.

— Очевидно, тебе рассказала Класт, — сказала Жасмель.

— Класт была моей партнёршей, — сказала Болбай. — У неё не было от меня секретов.

— И она была моей матерью, — сказала Жасмель. — И от меня тоже ничего не скрывала.

— Но… она… я… — голос Болбай затих.

— Расскажи нам о своём партнёре, — сказал Адекор. — Я… по-моему, я с ним никогда не встречался, не так ли?

Болбай медленно покачала головой.

— Нет. Его здесь давно не было; мы расстались много лет назад.

— И поэтому у тебя нет собственных детей?

— мягко спросил Адекор.

— Думаешь, ты такой *догадливый*? — ответила Болбай. — Думаешь, всё так просто? Не смогла удержать партнёра, так что и забеременеть теперь не от кого? Ты *так* думаешь?

— Я пока ничего не думаю, — ответил Адекор.

— Я бы стала хорошей матерью, — сказала Болбай, вероятно, больше для себя, чем для Адекора. — Спроси Жасмель. Спроси Мегамег. С тех пор, как Класт умерла, я растила их одна и справлялась *прекрасно*. Разве не так, Жасмель? Разве не так?

Жасмель кивнула.

— Но ты из 145-го, как Понтер и Класт. Как Адекор. Ты всё ещё можешь родить собственного ребёнка. Даты, когда Двое становятся Одним, будут сдвинуты в следующем году; ты могла бы…

Адекор вскинул бровь.

— Это был бы твой последний шанс, ведь так? Тебе 520 месяцев — сорок лет, как и мне. У тебя может быть ребёнок в 149-м поколении, но точно не через десять лет, когда родится 150-е.

— Ты смог это подсчитать без своего хвалёного квантового компьютера? — язвительно сказала Болбай.

— А Понтер, — продолжил Адекор, слегка кивнув, — Понтер остался без партнёрши. Вы с ним

любили одну и ту же женщину, ты была *табантом* его детей, поэтому ты решила, что…

— Ты и мой отец? — спросила Жасмель. В её голосе не было шока; лишь удивление.

— А почему нет? — ощетинилась Болбай. — Я знаю его так же долго, как и ты, Адекор, и мы всегда хорошо ладили.

— Но теперь он тоже исчез, — сказал Адекор. — Ты знаешь, я так и думал с самого начала: что от новой потери у тебя переклинило в голове, и ты вцепилась в меня. Но Даклар, неужели ты не видишь, что это совершенно неправильно? Я любил Понтера и уж точно не стал бы вмешиваться в его выбор новой партнёрши…

— Это здесь *совершенно* ни при чём, — сказала Болбай, качая головой. — Совершенно.

— Так за что же ты меня так ненавидишь?

— Не из-за того, что случилось с Понтером, — сказала она.

— Но ты ненавидишь меня.

Болбай молчала. Жасмель смотрела в пол.

— Почему? — спросил Адекор. — Я ничего тебе не сделал.

— Ты ударил Понтера, — огрызнулась Болбай.

— Много лет назад. И он простил меня.

— И ты остался цел, — сказала она. — У тебя

есть ребёнок. Тебе всё *сошло с рук*.

— Что именно?

— Твоё преступление. Попытка убить Понтера.

— Я не пытался его убить.

— Ты был необузданным чудовищем. Тебя *должны были* стерилизовать. Но мой Пелбон…

— Кто такой Пелбон? — спросил Адекор. Болбай молчала.

— Её партнёр, — тихо пояснила Жасмель.

— Что случилось с Пелбоном? — спросил Адекор.

— Ты не знаешь, каково это, — сказала Болбай, глядя в сторону. — Не можешь даже представить. Одним прекрасным утром ты просыпаешься и видишь в своём доме двух принудителей, которые уводят твоего партнёра, а потом…

— А потом? — повторил Адекор.

— А потом они его кастрируют, — сказала Болбай.

— Почему? — спросил Адекор. — Что он сделал?

— Они *ничего* не сделал, — сказала Болбай. — Совершенно ничего.

— Тогда почему… — начал Адекор, и догадался сам. — Ох. Не он. Один из его родственников.

Болбай кивнула, всё так же глядя в сторону.

— Его брат напал на кого-то, и его приговорили к стерилизации вместе с…

— Вместе со всеми, у кого хотя бы половина его генов, — договорил Адекор за неё.

— Он *ничего* не сделал, мой Пелбон, — сказала Болбай. — Он не тронул никого и пальцем, но был наказан. *Я* была наказана. Но ты! Ты мало не убил человека, и тебе это сошло с рук! Нужно было кастрировать тебя, а не моего бедного Пелбона!

— Даклар, — сказал Адекор. — Прости. Мне так жаль…

— Уходи, — твёрдо сказала Болбай. — Оставь меня в покое.

— Я…

— *Убирайся!*

Глава 38

Понтер доел свой гамбургер и по очереди посмотрел на Луизу, Рубена и Мэри.

— Не подумайте, что я жалуюсь, — сказала он, — но мне начинает надоедать это животное — *корова*, так вы его называете? Мы не могли бы попросить, чтобы вечером нам принесли какого-нибудь другого мяса?

— Например? — сказал Рубен.

— Да что угодно, — сказал Понтер. — Хотя бы мамонта.

— *Что?* — воскликнул Рубен.

— *Мамонта?* — потрясённо повторила Мэри.

— Хак что-то неправильно перевела? — забеспокоился Понтер. — Мамонт. Такой северный волосатый слон.

— Да-да-да, — сказала Мэри. — Мы знаем, кто такие мамонты, но…

— Но что? — спросил Понтер, удивлённо приподняв бровь.

— Но, видите ли, они, так сказать… в общем, они вымерли, — сказала Мэри.

— Вымерли? — удивился Понтер. — Да, я действительно ни одного здесь не видел, но посчитал,

что они не любят подходить к таким большим городам.

— Нет-нет, они вымерли, — сказала Луиза. — Во всём мире. Вымерли тысячи лет назад.

— Почему? — спросил Понтер. — Какая-то эпидемия?

Повисла неловкая тишина. Мэри медленно выдохнула, пытаясь решить, как объяснить это потактичнее.

— Нет, не эпидемия, — сказала она, наконец. — На самом деле, это мы… — наши предки, люди нашего вида — истребили их.

Понтер округлил глаза.

— Что сделали?

Мэри стало тошно; она не думала, что некоторые «достижения» её цивилизации выплывут на поверхность так быстро.

— Мы убивали их для еды, и… в общем, убивали до тех пор, пока их не осталось совсем.

— О, — тихо вздохнул Понтер. Он посмотрел в окно, на просторный задний двор Рубенова дома. — Мне нравились мамонты, — сказал он. — Не только их мясо, хоть оно и очень вкусно, но как животные, как часть ландшафта. Неподалёку от моего дома живёт небольшое стадо. Мне всегда было радостно их видеть.

— У нас есть их скелеты, — сказала Мэри, — и бивни, а в Сибири иногда находят целые замёрзшие туши, но…

— Всех, — сказал Понтер, печально качая головой. — Вы убили их всех…

Мэри хотела было возразить «Не я лично», но это было бы неискренне; кровь мамонтов действительно пятнала честь её расы. Но хоть как-то возразить всё же хотелось и поэтому она сказала:

— Это было очень давно.

Понтер выглядел кисло.

— Я даже боюсь спрашивать, — сказал он, — но в моём мире в окрестностях того места, где я живу, водятся и другие крупные животные. Опять же, я считал, что они просто избегают больших городов, но…

Рубен качнул своей бритой головой.

— Нет, Понтер, не поэтому.

Мэри на секунду зажмурилась.

— Мне очень жаль, Понтер. Мы уничтожили почти всю мегафауну — и здесь, и в Европе, и в Австралии, — она ощутила, как желудок завязывается узлом, — и в Новой Зеландии, и в Южной Америке. Единственный континент, где всё ещё много по-настоящему крупных животных — это

Африка, но и там большинство из них в зоне риска.

Би-ип.

— На грани вымирания, — пояснила Луиза.

— Вы же сказали, что это было очень давно, — сказал Понтер с упрёком в голосе.

Мэри опустила взгляд на свою пустую тарелку.

— Мы перестали убивать мамонтов очень давно, потому что мамонтов не стало. И мы перестали убивать большерогих оленей, и больших кошек Северной Америки, и шерстистых носорогов, и многих других, потому истребили их всех.

— Истребить весь вид до последней особи, — сказал Понтер, качая головой.

— Мы многому научились с тех пор, — сказала Мэри. — У нас есть программы защиты исчезающих видов, и мы добились некоторых успехов. Американские журавли почти вымерли, и белоголовые орланы, и бизоны. Теперь они вернулись.

— Потому что вы перестали истреблять их, — холодно сказал Понтер.

Мэри хотела было возразить, что причина не всегда была в охоте; чаще это было уничтожение человеком естественной среды обитания этих видов. Но какая, в сущности, разница.

— Какие… какие ещё виды вымирают? — спро-

сил Понтер.

Мэри пожала плечами.

— Многие виды птиц. Гигантские черепахи. Панды. Кашалоты. Шим…

— Шим? — переспросил Понтер. — Что это? — Он наклонил голову: видимо, Хак высказывала свои догадки о том, какое слово хотела произнести Мэри. — О, нет. Нет! *Шимпанзе?* Но… но это же наши *родичи*. Вы охотитесь и на них?

Мэри внезапно почувствовала себя крошечной и слабой. Как она могла ему сказать, что шимпанзе убивали ради еды, а горилл — чтобы делать из их рук экзотические пепельницы?

— Они *бесценны*, — продолжал Понтер. — Вы, как генетик, наверняка это понимаете. Они — ближайшие наши ныне живущие родственники; мы можем многое узнать о нас самих, изучая их ДНК и поведение в естественных условиях.

— Я знаю, — тихо сказала Мэри. — Я знаю.

Понтер посмотрел на Рубена, потому на Луизу, потом на Мэри, оценивающе, словно увидев их — *по-настоящему* увидев — в первый раз.

— Вы убиваете без меры, — сказал он. — Уничтожаете целые виды. Вы даже убиваете других приматов. — Он замолк и снова по очереди оглядел их, будто давая шанс предупредить то, что он

собирался высказать, предложить логичное объяснение, смягчающее обстоятельство. Но Мэри молчала, и все молчали, так что Понтер продолжил: — И мой вид тоже исчез из этого мира.

— Да, — сказала Мэри очень тихо. Она знала, как это произошло. Хотя не все палеоантропологи поддерживали эту теорию, многие считали, что где-то между 40000 и 27000 лет назад Homo sapiens — анатомически современные люди — совершили геноцид, первый в ряду многих, намеренных или случайных, которые им предстояло совершить в будущем. Люди очистили планету от единственного, кроме них, представителя рода Homo, другого, менее воинственного вида, который, возможно, гораздо лучше соответствовал бы двойному значению слова «человечный».

— Вы убили нас? — спросил Понтер.

— Это очень спорная проблема, — ответила Мэри. — Среди учёных по этому поводу нет согласия.

— Но как *вы* думаете, что произошло? — спросил Понтер, уперев в Мэри взгляд своих золотистых глаз.

Мэри сделала глубокий вдох.

— Я… да, я думаю, что именно это и произошло.

— Вы истребили нас, — сказал Понтер; и его голос, и тональность воспроизведённого Хак перевода свидетельствовали о глубоком душевном потрясении.

Мэри кивнула.

— Мне жаль, — сказала она. — Правда. Это случилось невероятно давно. Мы тогда были дикарями. Мы…

И в этот момент зазвонил телефон. Рубен, явно обрадованный, выскочил из-за стола и схватил трубку.

— Алло? — сказал он.

Мэри подняла голову, услышав, как голос Рубена повеселел.

— Но это же здорово! — сказал он. — Великолепно! Да… нет… да-да, это годится. Спасибо! Точно. Да свидания.

— Что? — спросила Луиза.

Рубен явно сдерживал улыбку.

— У Понтера чумка, — сказал он, возвращая телефон на место.

— Чумка? — повторила Мэри. — У людей не бывает чумки.

— Правильно, — сказал Рубен. — У нас естественный иммунитет. А у Понтера — нет, потому что его вид не контактировал с нашими домаш-

ними животными в течение многих поколений. Если быть точным, у него лошадиная разновидность; ветеринары её называют «мыт». Она поражает жеребят и вызывается бактерией *Streptococcus equii*. К счастью, у лошадей её обычно лечат пенициллином, и я его как раз давал Понтеру. Он выздоровеет.

— То есть нам можно не бояться, что мы тоже заболеем?

— Не только это, — сказал Рубен и расплылся в улыбке. — Они снимают карантин! Если последняя серия бакпосевов, результатов которой ждут сегодня вечером, будет негативной, то завтра утром мы сможем выйти отсюда!

Луиза захлопала в ладоши. Мэри тоже обрадовалась новости. Она взглянула на Понтера, но тот сидел, понурив голову, и, должно быть, до сих пор размышлял о судьбе своего вида на этой Земле.

Мери потянулась к нему и тронула за руку.

— Эй, Понтер, — тихо сказала она. — Это ведь отличная новость. Завтра вы сможете выйти из дома и увидеть наш мир.

Понтер медленно поднял голову и посмотрел на Мэри. Она всё ещё училась распознавать детали его мимики, но его широко распахнутые глаза и приоткрытый рот словно говорили: «Стоит ли?»

Но в конце концов он просто кивнул, словно уступая.

Глава 39

Большую часть вечера Понтер провёл в одиночестве, с печальным выражением на лице глядя через окно кухни на задний двор Рубенова дома.

Луиза и Мэри сидели в гостиной. Мэри жалела, что книга, которую она сейчас читала, осталась в Торонто. Она как раз была где-то на середине последнего романа Скотта Туроу и хотела бы читать его дальше, но пришлось довольствоваться листанием свежего номера «Тайм». На этой неделе на обложке красовался президент Буш; Мэри подумала, что на обложке следующего номера может оказаться Понтер. Сама она предпочитала «Экономист», но Рубен его не выписывал. Впрочем, Мэри всегда нравились кинорецензии Ричарда Корлисса, хоть ей и не с кем было теперь пойти в кино.

Луиза залезла с ногами в соседнее кресло и писала письмо — как заметила Мэри, по-французски — в большом жёлтом блокноте. На ней были шорты и футболка с эмблемой рок-группы «INXS».

В гостиную зашёл Рубен и умостился между двумя женщинами.

— Меня беспокоит Понтер, — сообщил он вполголоса им обеим.

Луиза отложила блокнот. Мэри закрыла журнал.

— Меня тоже, — сказала Мэри. — Похоже, он воспринял новость о вымирании своего вида не слишком хорошо.

— Это точно, — подтвердил Рубен. — У него было много стрессов в последние дни, и завтра всё станет ещё хуже. На него насядут журналисты, не говоря уж про официальных лиц, двинутых на религии психов и прочих.

Луиза кивнула.

— Да, наверняка.

— Что же нам делать? — спросила Мэри.

Рубен секунду помолчал, будто подбирая слова. Потом заговорил:

— В Садбери не так уж много чёрных вроде меня. Мне говорили, что в Торонто дела обстоят получше, но даже там чернокожим частенько докучает полиция. «Что вы здесь делаете?» «Это ваша машина?» «Могу я увидеть ваше удостоверение личности?» — Рубен покачал головой. — Проходя через это, ты кое-чему учишься. Пониманию того, что у тебя есть права. Понтер не преступник, и он никому ничем не угрожает.

Он не на пограничном посту, так что никто не может потребовать от него доказательств, что он пребывает в Канаде легально. Правительство может *хотеть* его контролировать, полиция может *хотеть* поместить его под надзор — но их хотелки не имеют никакого значения. У Понтера есть права.

— Безусловно, соглашусь, — сказала Мэри.

— Вы когда-нибудь были в Японии? — спросил Рубен.

Мэри покачала головой. Луиза тоже.

— Это замечательная страна, но там практически нет неяпонцев, — сказал Рубен. — Вы можете за весь день не увидеть ни одного белого лица, не говоря уж о чёрном. Но я помню, как я однажды прогуливался по центру Токио; я прошёл, наверное, мимо десяти тысяч человек в тот день, и все они были японцами. А потом я увидел белого парня, который шёл мне навстречу. И он улыбался мне. Он видел меня впервые, но признал во мне почти соотечественника — мы оба были с Запада. Он улыбался, словно говоря: как я рад тебя видеть, брат! Брат! И я вдруг осознал, что тоже улыбаюсь ему и думаю то же самое. Я никогда не забуду этот момент. — Он посмотрел на Луизу, потом на Мэри. — Так вот, старина Понтер может

обыскать целый свет, но нигде не увидит в толпе лица, в котором он бы признал своего собрата. Тот белый парень и я, даже все те японцы и я, мы ближе друг к другу, чем Понтер и любой из шести миллиардов человек на этом земном шаре.

Мэри глянула через кухонную дверь на Понтера, который по-прежнему пялился в окно, подложив кулак под выступающую нижнюю челюсть.

— Что мы можем для него сделать? — спросила она.

— Практически с самого своего прибытия он был пленником, — сказал Рубен, — сначала в больнице, а потом здесь, на карантине. Я уверен, что ему нужно время, чтобы подумать, восстановить душевное равновесие. — Он помолчал. — Джиллиан Риччи намекнула мне по е-мэйлу. Похоже, мысль, которую я высказывал ранее, пришла в голову и верхушке «Инко». Они хотят подробно расспросить Понтера обо всех месторождениях в его мире, о которых ему хоть что-то известно. Я уверен, что он будет рад помочь, но ему всё же нужно больше времени на адаптацию.

— Я согласна, — сказала Мэри. — Но как мы можем добиться, чтобы он это время получил?

— Они прекращают карантин завтра утром, правильно? — сказал Рубен. — Так вот, Джиллиан говорит, что я могу устроить пресс-конференцию прямо здесь в десять утра. Разумеется, пресса ожидает, что Понтер будет присутствовать. Я думаю, нам надо увезти его до этого времени.

— Как? — спросила Луиза. — Дом окружают федералы — чтобы не давать любопытным пробраться сюда, но, вероятно, и для того, чтобы держать под наблюдением Понтера.

Рубен кивнул.

— Один из нас должен увезти его куда-нибудь в глушь. Я его доктор, и это моё назначение. Покой и отдых. И именно это я скажу любому, кто спросит — Понтер находится на лечебном отдыхе по моему предписанию. Вероятно, у нас будет всего день или два, прежде чем пиджаки из Оттавы насядут на нас по-серьёзному, но я уверен, что Понтеру нужна эта пара дней.

— Я это сделаю, — сказала Мэри, удивив саму себя. — Я увезу его.

Рубен посмотрел на Луизу, ожидая, что она тоже вызовется, но та лишь кивнула.

— Если мы скажем, что пресс-конференция состоится в десять, газетчики начнут подтягиваться к девяти, — сказал Рубен. — Но если вы с

Понтером выберетесь через задний двор, скажем, в восемь, вы с ними разминётесь. С задней стороны есть забор, там, за деревьями, но вы через него легко перелезете. Только убедитесь, что никто вас не видит.

— И что потом? — спросила Мэри. — Просто пойдём бродить по лесу?

— Вам нужна машина, — сказала Луиза.

— Моя осталась на шахте, — сказала Мэри. — И я не могу взять одну из ваших — федералы не дадут нам уехать. Как сказал Рубен, нам нужно ускользнуть незаметно.

— Без проблем, — сказала Луиза. — Я устрою так, что мой друг встретит вас завтра утром на каком-нибудь просёлке позади дома. Он отвезёт вас на шахту, и вы пересядете в свою машину.

Мэри моргнула.

— Правда?

Луиза пожала плечами.

— Легко.

— Я… я совсем не знаю этих мест, — сказала Мэри. — Мне нужна карта.

— О! — сказала Луиза. — Тогда я точно знаю, кому позвонить — Гарту. У него новомодный «

Handspring Visor»[34] с GPS-модулем. Он проложит вам маршрут до любого места и будет подсказывать, где поворачивать.

— И он мне его отдаст? — усомнилась Мэри. — Ведь эти штуки жутко дорогие.

— Ну, на самом-то деле он будет оказывать услугу мне, — сказала Луиза. — Так, давайте я ему сейчас звякну и всё устрою. — Она поднялась с кресла и ушла наверх. Мэри смотрела ей вслед с изумлением и восторгом. Интересно, каково это — быть настолько красивой, что можешь просить мужчин о чём угодно и знать, что они никогда не откажут.

Понтер, осознала она, не единственный, кто чувствует себя чужим в этом мире.

* * *

Жасмель и Адекор вернулись транспортным кубом на Окраину, в дом Адекора и Понтера. По дороге они почти не разговаривали, частично из-за того, что Адекор был погружён в раздумья над откровениями Даклар Болбай, частично потому, что ни ему, ни Жасмель не нравилась мысль о

---

[34] notes: 34

Карманный компьютер, выпускавшийся в начале 2000-х годов. *(Прим. перев.)*

ком-то, сидящем в павильоне архива алиби и следящем за каждым их словом и шагом.

Тем не менее, у них на руках была насущная проблема. Адекору нужно было как-то попасть в подземную лабораторию; как бы мизерны ни были шансы на спасение Понтера — или, думал Адекор, хотя и не делился этой мыслью Жасмель, на возвращение его утонувшего тела, которое очистило бы Адекора от обвинений в убийстве — этими шансами можно было воспользоваться только там, внизу. Но как туда попасть? Он взглянул на компаньон, вживлённый во внутреннюю сторону левого запястья. Он мог бы его выковырять — приняв меры безопасности, чтобы не повредить лучевую артерию. Но компаньон не только получал питание от тела Адекора, он ещё и передавал его жизненные показатели — и перестанет это делать, если его от тела отсоединить. Быстро пересадить компаньон в тело Жасмель или кого-нибудь еще он тоже не мог: имплант был привязан к его биометрическим параметрам.

Транспортный куб высадил их возле дома, и Адекор с Жасмель зашли внутрь. Жасмель прошла на кухню поискать, чем можно покормить Пабо, а Адекор просто сидел, уперев взгляд в

противоположный конец комнаты, где стояло любимое кресло Понтера, в котором он больше всего любил читать.

Обход судебного надзора был проблемой — и проблемой научной, внезапно осознал Адекор. Должен быть способ избавиться от него, способ обмануть свой компаньон и того, кто отслеживал его передачи.

Адекор был знаком с историей Лонвеса Троба, изобретателя компаньонов: многие из его изобретений изучались в Академии. Но то было много лет назад, и детали изгладились из памяти. Конечно, он мог просто спросить компаньон об интересующих его фактах; он мог прочесть ответ на маленьком экранчике на запястье или любом телеэкране или портативном планшете на свой выбор. Но этот запрос вне всякого сомнения привлечёт внимание того, кто следит за ним.

Адекор чувствовал, как начинает злиться, как напрягаются мышцы, учащается сердцебиение, становится глубже дыхание. Он подумал было, что нужно бы как-то это замаскировать — но нет, пусть тот, кто за ним следит, видит, что это его расстраивает.

Как бы ни был умён Лонвес Троб, должен найтись способ добиться того, чего он хотел. Того,

в чём нуждался. А чего он, собственно, хочет? Чётко сформулируёте проблему — этому ему учили на протяжении всех месяцев, проведённых в Академии. Чего конкретно он хочет добиться?

Нет, его цель не в том, чтобы найти способ обманывать компаньоны. И это хорошо, поскольку у него пока нет ни малейшей идеи о том, как это сделать. Он не хочет отключить все компаньоны — это было бы безумием, ведь импланты обеспечивают безопасность каждого. Ему нужно отключить только его собственный компаньон, но…

Но нет, это тоже неправильно. Отключение ничем ему не поможет; Гаскдол Дат и другие принудители, может быть, и не смогут проследить за ним, когда его компаньон перестанет посылать сигнал, но отсутствие сигнала тут же насторожит их. И не нужно быть Лонвесом, чтобы догадаться, что Адекор попытается пробраться в шахту, поскольку ему уже однажды не дали этого сделать.

Нет, настоящей его проблемой было не то, что компаньон продолжает работать. Проблема была в том, что кто-то просматривает его передачи. Вот что нужно прекратить — и не на какое-то мгновение, а на несколько деци, и…

И внезапно он увидел его: идеальное решение.

Но он не мог устроить это в одиночку; план сработает лишь в том случае, если принудители не будут знать, что Адекор в этом замешан. Впрочем, подготовкой может заняться Жасмель. Адекор верил, что под надзором держат только его собственный компаньон; иное было бы слишком вопиющим произволом. Но как поделиться своими мыслями с Жасмель?

Он поднялся и прошёл в кухню.

— Пойдём, Жасмель, — сказа он. — Погуляем с Пабо.

По выражению лица Жасмель было видно, что выгул Пабо находился в самом конце её списка приоритетов, но она поднялась и прошла вместе с Адекором в задней двери. Пабо специального приглашения не требовалось; она тут же увязалась следом за Жасмель.

Они вышли на веранду, под летний зной и пронзительный стрёкот цикад. Было влажно. Адекор сошёл с веранды, Жасмель следовала за ним. Пабо убежала вперёд, громко лая. Через пару сотен шагов они достигли ручья, который протекал за домом. Журчание ручья почти заглушало стрёкот насекомых. Посреди ручья лежал здоровенный валун — один из бесчисленных ледниковых эрратиков, усеивавших окрестности.

Адекор ступил на ведущую к валуну цепочку торчащих из воды камней и знаком велел Жасмель следовать за собой. Пабо убежала вверх по течению вдоль берега ручья.

Когда Жасмель выбралась на валун, Адекор похлопал рукой по заросшей густым мхом поверхности, приглашая сесть рядом с ним. Она так и сделала. Он склонился к её уху и зашептал; шум разбивающейся о валун воды совершенно заглушал его слова. Он был уверен, что в таких условиях его речь будет для компаньона совершенно неразличима. Он изложил Жасмель свой план, и на её лице появилась озорная улыбка.

* * *

Понтер сидел на диване в кабинете Рубена. Все остальные отправились спать — хотя Рубен и Луиза в соседней комнате определённо не спали.

Понтеру было грустно. Производимые ими звуки и запахи напоминали ему о Класт, о том, как Двое становятся Одним, обо всём, утраченном до появления на этой Земле, и обо всём остальном, потерянном вследствие этого.

Телевизор работал; он был настроен на канал, посвящённый этому явлению под названием *религия*. Похоже, существовало много разно-

видностей, но все они включали в себя нелепое понятие Бога, вселенную конечного и часто смехотворно малого возраста и тот или иной вид посмертного существования чего-то, для чего у неандертальцев не было слова, но что Мэре называла «душа». Оказалось, что символ, который Мэре носила на шее, был знаком конкретной разновидности религии, к которой она принадлежала, а ткань, которой обёртывал голову доктор Сингх была знаком какой-то другой религии.

Понтер отключил на телевизоре звук — найти соответствующую кнопку оказалось довольно просто, хотя он и сомневался, что паре в соседней комнате хоть что-то способно помешать.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил голос Класт, и сердце Понтера подпрыгнуло.

Класт!

Милая Класт, она обращается к нему…

… с Небес?

Но нет.

Конечно, нет.

Это Хак говорит с ним. Похоже, Хак теперь всегда будет говорить голосом Класт, поскольку это единственная альтернатива монотонному мужскому голосу, входящему в основной комплект программного обеспечения; без специального

оборудования перепрограммировать имплант не получится.

Понтер испустил долгий вздох и ответил:

— Мне грустно.

— Но ты справляешься? Когда мы впервые попали сюда, ты ужасно нервничал.

Понтер пожал плечами.

— Я всё ещё сбит с толку и дезориентирован, но…

Понтер почти воочию увидел, как Хак сочувственно кивает головой.

— На это нужно время, — сказала она голосом Класт.

— Я знаю, — ответил Понтер. — Я знаю. Но мне придётся к этому привыкнуть, так ведь? Похоже на то, что мне… что *нам* придётся остаться в этом мире до конца наших дней.

— Похоже на то, — согласилась Хак.

Какое-то время Понтер сидел неподвижно, и Хак не мешала ему. Наконец, Понтер сказал:

— Думаю, лучше принять всё как есть. Мне надо думать о том, как я буду жить здесь.

Глава 40

День седьмой

Четверг, 8 августа

148/119/01

ПОИСК ПО НОВОСТЯМ
Ключевые слова: неандерталец

Депутат от оппозиции Марисса Кротерс заявила сегодня в Палате Общин, что афера с неандертальцем была неумелой попыткой правящей Либеральной партии оправдаться за ужасное фиаско 73-миллионного проекта Нейтринной обсерватории Садбери…

«Хватит прятать троглодита!» Плакат с такой надписью нёс сегодня один из протестующих во время большой демонстрации у здания канадского посольства в Вашингтоне. «Поделитесь Понтером с миром!» — было написано на другом плакате…

Понтер Боддет через газету «Садбери Стар» получил приглашения посетить за счёт принимающей стороны: Диснейленд; «Анкор Бар энд Грилл», родину оригинальных куриных крылышек в Буффало, штат Нью-Йорк; Букингемский дворец; Космический центр имени Кеннеди; Музей Севера в Садбери; музей НЛО в Розуэлле, Нью-Мексико; стрип-клуб «Занзибар Таверн» в Торонто; штаб-квартиру «Майкрософт»; Всемирный Конвент любителей фантастики следующего года; Музей неандертальцев в Меттмане, Германия; стадион «Янки» в Нью-Йорке. Также поступили предложения о встрече от президентов Франции и Мексики, японского премьер-министра и императорской семьи, папы римского, далай-ламы, Нельсона Манделлы, Стивена Хокинга и Анны Николь Смит.

Вопрос: Сколько неандертальцев нужно, чтобы вкрутить лампочку? Ответ: все, сколько есть.

… поэтому колумнист призывает засыпать шахту «Крейгтон» и тем самым

предотвратить вторжение неандертальских орд в наш мир через портал в её недрах. В прошлый раз победа была за нами, но сегодня результат может быть иным…

Приглашение на конференцию на тему: Меметические и эпистемиологические несовместимости между H. neanderthalensis и H. sapiens…

Пресс-секретарь Центра по контролю и профилактике заболеваний в Атланте, штат Джорджия, высоко оценил оперативность реакции канадского правительства на появление потенциального разносчика инфекционных заболеваний. «Мы считаем, что канадские власти сработали отлично, — сказала доктор Рамона Кейтель. — Однако мы не обнаружили никаких патогенов в образцах, что они нам прислали на анализ…»

Всё прошло без сучка без задоринки. Понтер и Мэри ушли из дома Рубена в девятом часу утра; никто не заметил их, когда они пробирались через заросшую деревьями дальнюю часть участ-

ка и перелезали через забор; обоняние Понтера помогло им проскользнуть мимо пеших полицейских, патрулирующих эту часть периметра.

Луизин друг действительно дожидался их. Гарт оказался статным мускулистым индейцем двадцати двух лет от роду. Он был чрезвычайно вежлив, обращаясь к Мэри, всё время говорил «мэм», к её скрываемой досаде, а к Понтеру — «сэр». Он подвёз их к самым воротам «Крейгтона». Охранник узнал её и, разумеется, Понтера и впустил их. Там Мэри с Понтером пересели в её прокатный красный «неон», покрывшийся за дни, проведённые на стоянке, пылью и птичьим помётом.

Мэри знала, куда ехать. Вчера вечером она спросила у Понтера:

— У вас есть какие-нибудь пожелания по поводу того, куда бы вы хотели завтра отправиться?

Понтер кивнул.

— Домой, — сказал он. — Отвезите меня домой.

Мэри стало его очень жалко.

— Понтер, я бы рада, но это невозможно. Вы же знаете, что у нас нет таких технологий.

— Нет-нет, — сказал Понтер. — Не домой в мой мир. На то место в вашем мире, на котором в моём стоит мой дом.

Мэри недоумённо моргнула. Ей бы такое и в голову не пришло.

— Ну-у, да. Можно. Если хотите. Но как мы это место найдём? В смысле, какие ориентиры вы помните?

— Если вы дадите мне подробную карту окрестностей, я найду это место, и мы сможем туда отправиться.

Пароль Рубена открыл им доступ на корпоративный сервер «Инко» с геологическими картами всего горного бассейна Садбери. Понтер без труда узнал местность и отыскал нужную ему точку примерно в двадцати километрах от дома Рубена.

И теперь Мэри подвезла его к указанной точке так близко, как это было возможно. Большую часть окружающей город Садбери территории занимали скальные обнажения Канадского щита, леса и заросли кустарников. Они ломились через них к цели несколько часов, и хотя Мэри никогда не была особо спортивной — лишь иногда играла в теннис, причём очень посредственно — прогулка доставила ей удовольствие, особенно после нескольких дней безвылазного сидения в доме Рубена.

Наконец, они перевалили через гряду низких

холмов, и Понтер издал ликующий крик:

— Вот тут! Вот тут стоял мой дом. То есть, он и сейчас тут стоит.

Мэри оглядела окрестности. По одну сторону от неё высились огромные осины, растущие вперемежку с покрытыми белоснежной корой тонкими берёзами; по другую раскинулось озеро. В озере плавали кряквы; по деревьям носились чёрные белки. В озеро впадал говорливый ручей.

— Как здесь красиво, — сказала Мэри.

— Да, — радостно подтвердил Понтер. — Конечно, растительность совсем другая. То есть, растения примерно тех же пород, но растут в других местах. Но скальные обнажения очень похожие — и этот валун посреди ручья! О, я хорошо знаю этот валун. Я часто забирался наверх и там читал.

Понтер отбежал немного в сторону.

— Здесь — прямо здесь! — наша задняя дверь. А здесь — столовая. — Он перешёл в другое место. — Спальня вот тут, прямо у меня под ногами. — Он вытянул руки перед собой и в стороны. — А вот такой вид из окна спальни.

Мэри проследила за его взглядом.

— И из окна можно было увидеть мамонтов?

— О да. И оленей. И лося.

Мэри была одета в свободный топ и лёгкие слаксы.

— А мамонтам с их мехом летом не жарко?

— Летом они линяют, сбрасывают почти весь мех, — сказал Понтер, подходя к ней и становясь рядом. Он прикрыл глаза. — А звуки… — сказал он с тоской в голосе. — Шуршание листьев, жужжание насекомых, журчание ручья, и… О! Вы слышали? Гагара кричит. — Он восхищённо покачал головой. — На слух всё как дома. — Он открыл глаза, и Мэри увидела, что его золотистые зрачки окружены теперь розовой каймой. — Так близко, — сказал он, и его голос дрогнул. — Так невообразимо близко. Если б я только мог… — Он снова крепко зажмурил глаза, и его тело чуть-чуть дёрнулось, словно он пытался преодолеть границу между мирами усилием мысли.

У Мэри от этой сцены разрывалось сердце. Это, должно быть, ужасно, оказаться вырванным из твоего мира и выброшенным неизвестно куда — в мир такой похожий, и вместе с тем такой чужой. Она подняла руку, не вполне понимая, что собирается сделать. Он повернулся к ней, и она не могла сказать, не знала, не была уверена, кто из них первым двинулся навстречу другому, но внезапно её руки обхватили его широкий торс,

а его голова опустилась ей на плечо, и его тело затряслось, и он заплакал, а Мэри гладила его длинные светлые волосы.

Мэри попыталась вспомнить, когда последний раз видела плачущего мужчину. Вероятно, это был Кольм. Он плакал не из-за каких-то проблем с их браком — нет, их он нёс в каменном молчании. Это было, когда умерла его мама. И даже в тот момент он пытался натянуть на себя маску бравады, позволив лишь нескольким слезинкам скатиться по щеке. Но Понтер плакал, не стесняясь, оплакивая весь свой утраченный мир, утраченную любовь, утраченных детей, и Мэри дала ему выплакаться, пока он не успокоился сам и не затих.

Когда же это произошло, он посмотрел на неё. Он открыл рот, и Мэри ждала, что мужской голос Хак произнесёт «Простите» — разве не это настоящему мужчине положено говорить после того, как он позволил себе заплакать, позволил своей броне пасть, а эмоциям — вырваться на свободу? Но Понтер сказал лишь: «Спасибо». Мэри тепло улыбнулась ему, и он улыбнулся в ответ.

* * *

Жасмель Кет начала день с визита к Лурт, жен-

щине Адекора.

Она совершенно не удивилась, найдя её в лаборатории погружённой в работу.

— Здравый день, — сказала Жасмель, входя в квадратную дверь.

— Жасмель? Что ты здесь делаешь?

— Адекор просил меня сходить к вам.

— У него всё в порядке?

— О да. С ним всё хорошо. Но ему нужна от вас услуга.

— Для него — всё, что угодно, — сказал Лурт.

Жасмель улыбнулась.

— Я надеялась, что вы так и скажете.

* * *

На то, чтобы добраться от ближайшей дороги до места, где в мире Понтера стоял его дом, потребовалось больше времени, чем Мэри ожидала, и, разумеется, не меньшее время ушло на обратный путь. Когда они снова вернулись к машине, уже было семь вечера.

После дальней пешей прогулки они серьёзно проголодались, и Мэри предложила раздобыть чего-нибудь поесть. Так что когда они подъехали к маленькому деревенскому трактиру, рекламный плакат на котором гласил, что здесь подают

оленину, Мэри притормозила возле него.

— Как тебе это место? — спросила она Понтера.

— Я вряд ли могу быть арбитром в этих делах, — ответил тот. — Чем здесь кормят?

— Олениной. — *Би-ип*.

— Что это?

— Мясо оленя.

— Оленя! — воскликнул Понтер. — Олень — это было бы здорово.

— Я сама никогда не пробовала оленину, — сказала Мэри.

— Вам понравится, — заверил её Понтер.

В трактире было всего шесть столиков, но ни одного посетителя. Мэри и Понтер уселись друг напротив друга; между ними на столе горела белая свеча. Главного блюда пришлось ждать почти час; но она хотя бы могла перебить голод ржаным хлебом с маслом. Мэри хотела было заказать салат «цезарь», но она стеснялась чесночного запаха изо рта, даже обедая с обычными людьми; для Понтера этот запах мог стать настоящим мучением. Так что вместо «цезаря» она взяла салат от заведения — что-то вроде винегрета с сушёными помидорами. Понтер тоже взял этот салат, и хотя гренки он оставил, всё остальное съел с видимым удовольствием.

Мэри также заказала стакан домашнего красного вина, оказавшегося неожиданно вкусным.

— Можно попробовать? — попросил Понтер, когда его принесли.

Мэри удивилась. Когда они ужинали в доме Рубена, он неизменно отказывался, когда Луиза предлагала ему вина.

— Конечно, — ответила она.

Мэри протянула ему стакан; он сделал маленький глоток, и его немного передёрнуло.

— Очень резкий вкус, — сказал он.

Мэри кивнула.

— Но со временем может понравиться, — сказала она.

Понтер вернул её стакан.

— Может быть, — ответил он. Мэри допила вино, наслаждаясь очаровательным деревенским интерьером трактира и обществом своего спутника.

Лысеющий трактирщик, очевидно, сразу узнал Понтера; в конце концов, его внешность бросалась в глаза, как и то, что Понтер разговаривал на своём языке, а перевод Хак доносился из его запястья. В конце концов любопытство взяло верх.

— Я прошу прощения, — сказал он, подойдя к их столику, — мистер Понтер, не могли бы вы

дать мне свой автограф?

Мэри услышала гудок Хак, а Понтер вскинул бровь.

— Автограф, — повторила Мэри. — Это просто ваше имя, написанное от руки. Люди коллекционируют такие надписи, сделанные знаменитостями. — Снова гудок. — Знаменитости, — повторила Мэри. — Известные люди. Про которых все слышали. Вот как вы.

Понтер изумлённо смотрел на трактирщика.

— Я… я весьма польщён, — сказал он, наконец.

Трактирщик протянул Понтеру ручку, и перелистнул листки блокнота, в котором записывал заказы, открыв белую картонную обложку. Он положил блокнот на стол перед Понтером.

— Обычно в дополнение к своему имени пишут ещё пару слов, — сказала Мэри. — «Всех благ», например, или что-то такое.

Трактирщик кивнул.

— Да, пожалуйста.

Понтер пожал плечами, явно удивлённый странным обычаем, и изобразил на блокноте серию символов своего родного языка. Он протянул ручку и блокнот обратно трактирщику, который, удовлетворённый, тут же исчез.

— Он на седьмом небе от счастья, — сказала

Мэри, когда он ушёл.

— На седьмом небе? — переспросил Понтер, не знакомый с идиомой.

— Я имею в виду, что благодаря тебе он запомнит этот день навсегда.

— Ах, — сказал Понтер, улыбаясь ей поверх горящей свечи. — А я навсегда запомню этот день благодаря тебе.

Глава 41

Если у Лурт всё получится, Адекор сможет попасть в квантовую лабораторию уже завтра. Но прежде ему нужно было ещё кое-что подготовить.

Салдак — большой город, но Адекор знал большинство учёных и инженеров, живущих на его Окраине, и значительную часть тех, что жили в Центре. В частности, он был дружен с одним из инженеров, обслуживавших шахтных роботов. Дерн Корд был добродушным толстяком — некоторые поговаривали, что он позволяет роботам делать за него слишком много работы. Но роботы — это было сейчас как раз то, что нужно. Адекор отправился повидать Дерна; сейчас, поздно вечером, Дерн уже должен быть дома.

Дом Дерна был большим и беспорядочным; деревьям, определяющие его внешнюю форму, было уже не меньше тысячи месяцев, то есть они были высажены ещё на заре современной древокультуры.

— Здравый д… вернее, здравый вечер, — сказал Адекор, подходя к дому Дерна. Сам Дерн сидел на террасе, читая что-то на планшете с подсветкой.

Густая сеть, натянутая между полом и крышей террасы, не давала проникнуть в дом насекомым.

— Адекор! — воскликнул Дерн. — Заходи, заходи. Осторожно, тут приступочка. Не напусти комаров. Что будешь пить? Мяса хочешь?

Адекор покачал головой.

— Нет, спасибо.

— Ну так что тебя ко мне привело?

— Как твои глаза? — спросил Адекор. — Зрение дальше не падает?

Дерн раздул ноздри в ответ на странный вопрос.

— Неплохо. Я, конечно, ношу линзы, но для чтения они мне не нужны, по крайней мере, когда читаю с планшета — я просто делаю буквы покрупнее.

— Сходи за линзами, — сказал Адекор. — Хочу тебе кое-что показать.

Дерн был явно озадачен, но пошёл в дом. Скоро он появился снова с парой линз, прикреплённых к широкой кольцу из эластичной ткани. Он надел кольцо на голову и стянул его вниз до уровня впадины над надбровным валиком. Линзы держались на маленьких петлях; Дерн опустил их на глаза и выжидательно посмотрел на Адекора.

Адекор запустил руку в левый набедренный карман и вытащил оттуда лист тонкого пластика, на котором писал сегодня весь день. Адекор старался писать так мелко, как только возможно — пришлось поискать стило с самой тонкой пишущей головкой. Разрешение сканеров улучшилось со времён, когда была сделала запись его нападения на Понтера, но предел детализации все равно существовал. От выписывания крошечных буковок у Адекора сводило правую кисть, но он наделся, что тому, кто сидит в здании архива и ведёт наблюдение, нипочём их не разобрать.

— Что это? — спросил Дерн, беря у него листок и всматриваясь в него. — О! — воскликнул он, начав читать. — В самом деле? Ты правда так думаешь? Посмотрим… новый я тебе, конечно, дать не смогу, раз, по-твоему, есть большая вероятность, что ты его потеряешь. Но у меня есть парочка старых, которых готовят к списанию. Можешь взять один из них.

Адекор кивнул.

— Спасибо.

— Так когда и где он тебе понадобится?

Адекор уже хотел было шикнуть на него, но, к его восторгу, Дерн оказался вовсе не глуп. Он лишь кивнул, найдя эту информацию записан-

ной на листке Адекора.

— Хорошо, годится. Встретимся там.

* * *

После ужина Понтер и Мэри сели в машину и поехали обратно в Садбери.

— Сегодня был чудесный день, — сказал Понтер. — Было так здорово выбраться из города. Но, я полагаю, теперь мне предстоит увидеть много новых мест.

Мэри улыбнулась.

— Весь мир ждёт встречи с тобой.

— Понимаю, — сказал Понтер. — И я должен смириться со своей новой ролью… любопытной диковинки.

Мэри уже было открыла рот, чтобы возразить, но в последний момент решила промолчать. Понтер и был диковинкой; в более жестокие времена его бы ждала судьба циркового урода. Наконец, чтобы оборвать неловкую паузу, она сказала:

— Наш мир очень разный. То есть, географические различия у нас не больше, чем у вас, но у нас существует множество культур, архитектурных стилей, много древних зданий и сооружений.

— Я понимаю, что должен путешествовать; это будет мой вклад, — сказал Понтер. — Я думал о

том, чтобы остаться здесь, поблизости от Садбери, на случай, если портал вдруг откроется снова, но прошло уже столько времени. Я уверен, что Адекор пытался; похоже, у него не получилось. Видимо, условия эксперимента оказались невоспроизводимы. — Мэри услышала в его словах покорность судьбе. — Да, я поеду туда, куда должен поехать; я не буду цепляться за это место.

К тому времени они уже отъехали далеко от огней трактира и деревушки, в которой он находился. Мэри выглянула в боковое окно и заметила ночное небо.

— Боже мой! — вырвалось у неё.

— Что такое? — спросил Понтер.

— Посмотри, сколько звёзд! Никогда не видела их так много! — Мэри вырулила на обочину дороги и отъехала подальше от неё, чтобы не мешать никому, кто мог ехать следом. — Я должна на это посмотреть. — Она вышла из машины, Понтер последовал за ней. — Это божественно, — сказала Мэри, запрокидывая голову и глядя в небеса.

— Мне всегда нравилось смотреть на звёзды, — сказал Понтер.

— Я никогда не видела их такими, — сказала Мэри. — В Торонто такого не увидишь. — Она фыркнула. — Я живу в месте под названием Об-

серваторный переулок, но даже в самую тёмную зимнюю ночь там не разглядишь и дюжины звёзд.

— У нас ночное освещение только внутри домов, — сказал Понтер.

Мэри лишь покачала головой, представив себе мир, которому не нужны фонарные столбы, мир, жители которого не нуждаются в защите от себе подобных. Но внезапно её сердце подпрыгнуло.

— Там что-то в кустах, — тихо сказала она.

Она почти не видела Понтера, лишь смутные очертания его тела, но услышала, как он сделал глубокий вдох.

— Это енот, — сказал он. — Не о чем беспокоиться.

Мэри расслабилась и снова запрокинула лицо к звёздам. В затылке что-то хрустнуло — поза была не слишком удобная. И тут на неё нахлынули воспоминания юности. Она обошла «неон» спереди, уселась на капот, и, елозя по нему задом, доползла до ветрового стекла, которое удобно легло под спину. Потом похлопала по капоту ладонью и позвала:

— Эй, Понтер! Залезай сюда.

Силуэт Понтера двинулся; он точно так же уселся на капот и пополз по нему; металл под

ним стонал и прогибался. Наконец, он опёрся на ветровое стекло рядом с Мэри.

— Мы так делали, когда были детьми, — объяснила Мэри. — Когда отец вывозил нас на природу.

— Так действительно гораздо удобнее смотреть на небо, — признал Понтер.

— Точно, — сказала Мэри. Она испустила долгий довольный вздох. — Посмотри на Млечный Путь? Никогда не видела его таким!

— Млечный Путь? — переспросил Понтер. — А, понимаю. Мы его зовём Ночная Река.

— Красиво, — сказала Мэри. Она повернула голову направо. Над верхушками деревьев раскинулся ковш Большой Медведицы.

Понтер тоже повернул туда голову.

— Вот эта фигура, — сказал он. — Как вы её называете?

— Большой Ковш, — ответила Мэри. — Ну, по крайней мере, именно эту часть — семь ярких звёзд. Так их называют в Северной Америке. Британцы зовут их Плугом.

Би-ип.

— Земледельческий инструмент.

Понтер засмеялся.

— Я мог бы и сам догадаться. Мы зовём их Го-

ловой Мамонта. Видишь? В профиль. Изогнутый хобот отходит от квадратной башки.

— О да, я вижу! А как вы зовёте вон то, зигзагообразное?

— Треснувший Лёд, — сказал Понтер.

— Точно. Очень похоже. Мы называем его Кассиопея — это имя древней царицы. Предполагается, что этот зигзаг очерчивает контур её трона.

— Гмм, а на этом выступе посередине не больно будет сидеть?

Мэри рассмеялась.

— Ну, теперь, когда ты про это сказал… — Она продолжила оглядывать созвездия. — А, скажем, вон то размытое пятно под ним, это что?

— Это… не знаю, как вы её называете, но это ближайшая к нам большая галактика.

— Туманность Андромеды! — вспомнила Мэри. — Я же всегда мечтала её увидеть! — Она снова вздохнула и продолжила обозрение. Звёзд было больше, чем она видела за всю свою жизнь. — Это так красиво, — сказала она, — и… о Боже! Боже мой! Что это?!

Лицо Понтера словно немного светилось.

— Ночное сияние, — сказал он.

— Ночное сияние? Ты хочешь сказать, *северное*

сияние?

— Если оно связано с связано с северным полюсом, то да.

— Вау! — сказала Мэри. — Северное сияние. Его я тоже никогда в жизни не видела.

— Совсем-совсем? — в голосе Понтера послышалось удивление.

— Совсем. Ну, то есть, ведь я живу в Торонто. Это ведь даже южнее Портленда, штат Орегон. — Этот факт всегда приводил американцев в изумление, хотя для Понтера ничего не значил.

— Я видел это тысячи раз, — сказал Понтер. — Но это никогда не надоедает. — Они некоторое время сидели молча, любуясь извивающимися полотнищами света. — И что, это типично для вашего народа — ни разу в жизни этого не видеть?

— Думаю, да, — ответила Мэри. — Ведь не так много людей живёт на крайнем севере. Да и юге, если на то пошло.

— Да, возможно, этим и объясняется… — сказал Понтер.

— Что?

— Ваша неосведомлённость о пронизывающих вселенную электромагнитных волокнах; мы с Лу обсуждали это. Мы открыли эти волокна во время наблюдения за ночным сиянием; это с их

помощью мы объясняем наблюдаемую структуру вселенной, а не через большой взрыв, как вы.

— Ну, — сказала Мэри, — не думаю, что ты многих сможешь убедить в том, что большого взрыва не было.

— Это нормально. Ваша потребность в убеждении других в своей правоте, я полагаю, тоже уходит корнями в религию; я же доволен уже тем, что сам знаю, что прав, даже если другие об этом не знают.

Мэри улыбнулась во тьме. Мужчина, который не стесняется плакать, не стремится всё время доказывать свою правоту, мужчина, который уважает женщин и ведёт себя с ними, как с равными. *Просто находка*, как сказала бы её сестра Кристина.

И, думала Мэри, очевидно, что Понтеру она нравится, причём несомненно, что за её ум, поскольку она ему должна казаться такой же уродливой, какой он казался… ну, не ей, по крайней мере, не сейчас, но всем другим людям Земли. Только представьте: мужчина, которому она нравится за то, какая она есть, а не за то, какой кажется.

Просто находка, точно, но…

Сердце Мэри ёкнуло. Левая рука Понтера нашла

во тьме её правую руку и нежно её погладила.

И внезапно она почувствовала, как напряглась каждая мышца в её теле. Да, она может остаться с мужчиной наедине; да, она может обнять и утешить мужчину. Но…

Но нет, ещё слишком рано. Слишком. Мэри мягко убрала руку, соскользнула с капота и открыла дверь машины. Хлынувший изнутри свет ослепил её. Она забралась на водительское место; мгновением спустя Понтер уселся на пассажирское. Его лицо было хмурым.

Остаток пути до Садбери они проделали в молчании.

Глава 42

День восьмой

Пятница, 9 августа

148/119/02

ПОИСК ПО НОВОСТЯМ
Ключевые слова: *неандерталец*

Экстремистская экологическая группировка «Изумрудный рассвет» взяла на себя ответственность за взрыв Нейтринной обсерватории Садбери. Директор обсерватории Бонни Джин Ма заявила, что никакого взрыва не было, а разрушение произошло из-за того, что внутрь установки попал воздух…

Рентгеновские снимки черепа Понтера Боддета были выставлены на торги на сервере аукционов eBay сегодня утром. Цена успела достичь $355 прежде чем администрация сайта сняла заявку с торгов после того, как пресс-секретарь

Регионального госпиталя Садбери заявил в эфире радио «Си-Би-Си», что это наверняка подделка…

Канадский доллар подешевел на две трети цента на фоне продолжающегося роста напряжённости в отношениях США и Канады, вызванного разногласиями относительно того, кто должен определять дальнейшую судьбу загадочного пещерного человека…

Из источников в оцеплении вокруг усадьбы Монтего стало известно, что неандертальцы не разделяют некоторых наших научных теорий. Креационистов, несомненно, порадует, что неандертальцы отвергают теорию большого взрыва, которую наша наука считает наилучшим объяснением возникновения вселенной…

Сегодня распространились неподтверждённые слухи о том, что Россия нацелила на Северное Онтарио свои МБР с ядерными боеголовками. «Если в наш мир пришла чума, кто-то должен быть го-

тов стерилизовать заражённые области для блага всего человечества» — сообщил некто, назвавшийся Юрием А. Петровым, на интернет-форуме, посвящённом трансграничным проблемам здравоохранения…

Понтер Боддет согласился бросить первую подачу на стадионе «Скайдом»[35] в следующий четверг, когда «Блю Джейз» будут принимать «Нью-Йорк Янкиз»…

Согласно проведённому CNN опросу, три вопроса, которые хотят задать неандертальцу больше всего людей, таковы: «Какие в вашем мире женщины?», «Что в вашем мире стало с людьми нашего вида?» и «Верите ли вы в Иисуса Христа?»

Лурт, партнёрша Адекора, имела полное право просматривать свой архив алиби когда ей вздумается. Последний раз ей понадобилось это сделать всего несколько месяцев назад, когда её студент случайно стёр с доски формулу, которую

---

[35] notes: 35

SkyDome — комбинированный футбольно-бейсбольный стадион в Торонто, построенный в 1989 году, домашняя арена бейсбольной команды «Блю Джейз». С 2005 года называется «Роджерс-Центр». *(Прим. перев.)*

она там записала. Вместо того, чтобы пытаться воссоздать её, она просто пришла в здание архива, получила доступ к записям своего алиби, отыскала хорошее, чёткое изображение доски и списала с него формулу.

Благодаря недавнему посещению архива Лурт знала, что её куб подключён к разъёму номер 13997; она просто назвала этот номер Хранителю Алиби, чтобы та не искала его в компьютере. Хранитель отвёла её к нужной нише, и Лурт направила свой компаньон на синий глазок.

— Я, Лурт Фрадло, желаю получить доступ к моему собственному архиву алиби по причине личного характера. Дата, время.

Глазок стал жёлтым; куб согласился, что Лурт действительно та, кем себя называет.

Хранитель Алиби подняла свой компаньон.

— Я, Мабла Дабдалб, Хранитель Алиби, сим подтверждаю, что личность Лурт Фрадло была удостоверена в моём присутствии. Дата, время. — Глазок стал красным, а из динамика раздался гудок.

— Всё готово, — сказала хранительница. — Можете воспользоваться проектором в четвёртой комнате.

Дабдалб повернулась, чтобы уйти, и Лурт после-

довала за ней. Она вошла в четвёртую комнату, которая была крошечной каморкой с единственным стулом. Лурт знала, что где-то неподалёку в другой комнате сидит принудитель и просматривает передачу с компаньона Адекора в реальном времени, в момент её приёма и записи на куб.

Однако смотреть, как что-то записывается — это совсем не то же самое, что записывать и воспроизводить одновременно. Лурт вытянула контрольные стержни, выбрав наугад произвольный день своей жизни, и увидела, как голосфера перед ней заполняется обыденной сценой работы в лаборатории. Оставив запись проигрываться, Лурт вышла из комнаты, якобы направляясь в уборную. А дойдя до участка коридора, в котором никого не было, она натянула пару перчаток для еды, выудила крошечное устройство, которое принесла с собой, включила его и бросила в урну для мусора. Потом сняла перчатки.

Болбай ошибалась, подумала Лурт, возвращаясь в свою просмотровую комнату и тихо насвистывая. Идеальное место для неотслеживаемого преступления находится не глубоко под землёй. Оно находится здесь, в архиве алиби, где никто не наблюдает за вами в то время, как ваш куб переключен из режима записи в режим

воспроизведения…

Её первой мыслью было воспользоваться сульфидом водорода, который наверняка произвёл бы желаемый эффект. Но концентрация, превышающая 500 частей на миллион, может убить даже за короткое время. Потом она подумала о мускусе хорька, но, проверив формулу, убедилась, что она слишком сложна: транс-2-бутилен-1-тиол, 3-метил-1-бутанетиол, транс-2-бутенила триацетат и прочее. В конце концов она остановилась на сульфиде аммония, любимом средстве детских розыгрышей — пока дети ещё не осознали до конца, что все их действия записываются компаньоном.

Чутких нюх имеет свои достоинства, хотя Лурт слышала, что одной из причин, почему люди едят так мало растений, тогда как другие приматы только ими и питаются, является то, что существам с таким чувствительным носом трудно мириться с метеоризмом, который является следствием растительной диеты. Но сейчас это было как раз то, что доктор прописал, даже если доктором был физик, пытающийся не пойти под нож.

Лурт показалось, что она учуяла запах первой, хотя её комната не была ближайшей к тому месту, где она оставила устройство. Впрочем, она

ожидала его учуять, так что её нюх был обострён, а ноздри — рефлекторно расширены. Но она не должна быть первой, кто отреагирует. Поэтому она сидела у себя в комнате, пока снаружи не донеслись звуки беготни, потом вышла в коридор, пытаясь сдержать рвотные позывы, вызванные ужасающей вонью. Здоровенный кряжистый мужчина выскочил из одной из соседних просмотровых комнат, зажимая пальцами нос. Лурт подумала, что это, должно быть, и есть принудитель, ведущий наблюдение за Адекором. Догадка подтвердилась, когда она прошла мимо комнаты и через оставшуюся открытой дверь заметила внутри голосферу с выходящими из дома Адекором и Жасмель.

— Откуда эта вонь? — содрогаясь, спросила Дабдалб, Хранитель Алиби, когда Лурт проходила мимо неё.

— Какая гадость! — воскликнул другой посетитель, спеша через вестибюль к выходу.

— Откройте окна! Откройте окна! — крикнул третий.

Лурт присоединилась к небольшой группе посетителей, торопящихся выбраться из здания на открытый воздух. Лурт знала, что пройдёт не менее четверти дня, прежде чем запах рассеется

и в здание можно будет снова войти.

Она надеялась, что этого времени Адекору хватит, чтобы осуществить задуманное.

* * *

На следующее утро Мэри отправилась в Лаврентийский университет, потратив некоторое время, чтобы отвязаться от поджидавших её в холле «Рамады» журналистов. Они были явно разочарованы, узнав, что Понтер не поселится здесь же. По-видимому, на это намекнул Рубен, пытался сбить их со следа; вчера Мэри отвезла Понтера обратно к Рубену, и, насколько она знала, он всё ещё был там.

В 10:30 утра Мэри, к своему изумлению, заметила в коридоре рядом со своей лабораторией Луизу Бенуа. На ней были короткие джинсовые шорты и белая рубашка, завязанная узлом на плоском животе. Да, подумала Мэри, сегодня на улице и правда жарко, как в аду, но, в самом деле — она будто *напрашивается*…

Нет.

Мэри мысленно обругала себя; она не должна так думать. Как бы женщина ни одевалась, она имеет право на безопасность, имеет право ходить и не бояться, что её изнасилуют.

Мэри решила проявить дружелюбие и извлечь из себя пару французских слов.

— *Bonjour*, — сказала она, когда подошла ближе. — *Comment ça va?*

— Отлично, — ответила Луиза. — А вы как?

— Всё хорошо. Вас сюда каким ветром?

Луиза показала на дальний конец коридора.

— Заходила навестить знакомых ребят с физического. В обсерватории по-прежнему нечего делать. Там закончили откачивать воду, и монтажники с завода начали заново собирать акриловую сферу, но это займёт несколько недель. Так что я решила сходить пообщаться и обсудить одну свою идею — посмотреть, не наделают ли они в ней дыр.

Мери шла к ряду торговых автоматов, надеясь раздобыть пакетик своих любимых чипсов «Мисс Викки» с морской солью и солодовым уксусом — удовольствие, которое она сейчас могла себе позволить только в финансовом смысле, однако начинать каждую рабочую неделю с 43-граммового пакетика которого уже давно вошло в привычку.

— И как, наделали? — спросила Мэри. — Дыр в идее, я имею в виду.

Луиза покачала головой и пошла следом за

Мэри в сторону вестибюля.

— Ну, значит идея первый сорт, не так ли? — сказала Мэри.

— Да, похоже, — согласилась Луиза. Добравшись до вестибюля, Мэри порылась в кошельке в поисках мелочи. Выудив из него гагару[36] и четвертачок, она скормила их торговому автомату. Луиза тем временем купила в соседнем автомате кофе.

— Помните ту встречу в конференц-зале «Инко»? — спросила Луиза. — Я тогда сказала, что согласно многомировой интерпретации квантовой механики если квантовое событие может пойти по двум различным путям, оно *обязательно* пойдёт по двум путям.

— Расщепление мировой линии, — сказала Мэри, опираясь задом на обтянутый винилом подлокотник стоящего в вестибюле кресла.

— *Oui,* — подтвердила Луиза. — Так вот, мы с Понтером довольно долго это обсуждали.

— Понтер упоминал об этом, — сказала Мэри. — К сожалению, не помню того разговора.

— Это было поздно ночью, и…

— Так вы в ту ночь ходили к Понтеру снова, по-

---

[36] notes: 36

Loonie — разговорное название монеты в один канадский доллар, по названию изображённой на ней птицы. *(Прим. перев.)*

сле уроков языка? — Мэри сама не ожидала, что почувствует такую… о Боже, да ведь она *ревнует*.

— Ага. Я ж ночью почти не сплю, сами знаете. Хотела побольше узнать об их взглядах на физику.

— И? — сказала Мэри, пытаясь совладать с голосом.

— Ну, это было интересно, — сказала Луиза и отхлебнула кофе. — В нашем мире существует две интерпретации квантовой механики: копенгагенская интерпретация и многомировая интерпретация Эверетта. Первая постулирует особую роль наблюдателя — что сознание фактически формирует реальность. Но дело в том, что некоторых физиков эта идея не удовлетворяет, поскольку они видят в ней возврат к витализму. Многомировая интерпретация Эверетта стала попыткой обойти это противоречие. Она гласит, что квантовые явления приводят к постоянному расщеплению вселенной, так что каждый возможный результат квантового события реализуется, но в своей отдельной вселенной. Для формирования реальности не нужен наблюдатель; наоборот: каждый мыслимый вариант реальности возникает автоматически.

— О'кей, — сказала Мэри, не потому что и

впрямь всё поняла, а чтобы не затягивать лекцию.

— Так вот, у народа Понтера есть одна-единственная квантовомеханическая теория, которая является как бы синтезом двух наших. Они допускают существование многих миров — то есть, параллельных вселенных, но возникновение этих вселенных вызывается не случайными квантовыми процессами. Скорее, это происходит лишь в результате *действий осознающих себя наблюдателей*.

— А почему у нас нет такой объединенной теории? — спросила Мэри, пережёвывая один особенно крупный чипс.

— Частично из-за того, что математические модели двух интерпретаций противоречат друг другу, — сказала Луиза. — И, конечно, из-за старинной проблемы политики в науке: физики, отстаивающие копенгагенскую интерпретацию, потратили жизнь на доказательство её верности, так же, как и учёные из лагеря Эверетта. Просто заявить теперь, что «возможно, мы частично были правы, а частично ошибались» они уже не могут.

— Ах, — сказала Мэри, — это всё равно как мультирегиональная гипотеза против гипотезы

замещения в палеоантропологии.

Луиза кивнула.

— Вам виднее. Но предположим, что неандертальская синтетическая теория верна. Она подразумевает, что сознание — человеческая воля — обладает способностью создавать новые вселенные. Это поднимает важный вопрос. Предположим, что в самом начале, в момент большого взрыва, была лишь одна вселенная. В какой-то более поздний момент она начала расщепляться.

— А я думала, что Понтер не верит в большой взрыв, — сказала Мэри.

— Да, по-видимому, неандертальские учёные считают, что вселенная существует вечно. Они считают, что красное смещение — наше основное доказательство расширения вселенной — пропорционально не расстоянию, а возрасту; другими словами, что масса изменяется со временем. Они также думают, что макроструктуры галактик и галактических скоплений создаются монополями и сжимающими плазму магнитными вихревыми волокнами. Понтер говорит, что фоновое микроволновое излучение, которое мы считаем реликтовым излучением большого взрыва, это результат поглощения и переизлучения микроволновых волн электронами, захваченны-

ми этими магнитными полями. Многократное поглощение и переизлучение, происходящее во многих галактиках, по словам Понтера, сглаживает эффект и создаёт однородное фоновое излучение, которое мы регистрируем.

— И как, вам это кажется правдоподобным? — спросила Мэри.

Луиза пожала плечами.

— Будем разбираться. — Она отхлебнула ещё кофе. — Но знаете, рассказав мне это, Понтер сказал ещё одну поразительную вещь.

— Какую? — спросила Мэри.

— Я так понимаю, вы показали ему церковную службу, так?

— Да. По телевизору.

Луиза уселась в одно из обтянутых винилом кресел.

— Ну, — сказала она, — по-видимому, после этого он провёл какое-то время за просмотром «Вижн-TV», изучая это явление. Он сказал, что наша теория возникновения вселенной — такой же миф о сотворении мира, какой описан в Библии. «В начале Бог сотворил небо и землю» и всё такое. «Даже ваша наука, — сказал Понтер, — оказалась заражена ошибками религии».

Мэри сползла с подлокотника и тоже уселась

как следует.

— Вы знаете… в общем, физика — это ваша область, а не моя, но вполне возможно, что он прав. Я упомянула про борьбу мультирегиональной теории и теории замещения; её ещё называют африканской. Так вот, давно отмечено, что теория замещения, которую разделяю я и другие генетики, также в целом имеет вполне библейские черты: человечество вышло из Африки уже сформировавшимся, словно изгнанное из рая, и существует ясно различимая граница между нами и остальным животным царством, включая даже ещё существующих в ту эпоху других представителей рода Homo.

— Интересная точка зрения, — сказала Луиза.

— Но также можно сказать, что и другая сторона отстаивает библейскую интерпретацию: параллели между мультирегионализмом и десятью потерянными коленами израилевыми просто лезут в глаза. Кроме того, есть гипотеза «митохондриальной Евы» — что все ныне живущие люди ведут свой род от единственной женщины, жившей сотни тысяч лет назад. Само упоминание Евы в названии теории кричит о том, что её продвигают скорее из-за резонанса с библейской легендой, чем из-за её научной ценности. — Мэри

помолчала. — Простите, вы говорили о неандертальских взглядах на квантовую физику…

— Ах, да, — сказала Луиза. — Так вот, я подумала: а что, если они правы насчёт того, как расщепляется вселенная, но неправы относительно её бесконечного существования. Если бы у вселенной и правда было начало, то когда произошло бы первое расщепление?

Мери наморщила лоб.

— Ну, гмм, я не знаю. Думаю, тогда, когда кто-то в первый раз принял какое-то решение.

— Именно! Я считаю, что именно так и есть. А когда было принято самое первое решение? — Луиза помолчала. — Вы знаете, это в самом деле интересно — мнение Понтера о том, что наше научное мировоззрение всегда подспудно пытается пересказать всё тот же миф о сотворении, большой взрыв и ваши модели эволюции гоминид как современный пересказ Книги Бытия. Возможно, и я впадаю в то же самое заблуждение. В конце концов, в Библии первым решением, принятым кем-то, кроме самого Господа, было решение Евы взять яблоко — первородный грех, и, в общем, можно считать, что оно расщепило вселенную. В одной из них, в той, где мы предположительно живём, человечество изгнали из рая. В другой

— нет. Фактически, это очень напоминает случай самого Понтера — переход из одной версии реальности в другую.

Мэри совершенно запуталась.

— О чём вы говорите?

— Я говорю о Марии, матери Иисуса. Вы ведь католичка, не так ли?

Мэри кивнула.

— Я заметила, что вы носите распятие. — Мэри смущённо опустила взгляд. — Я тоже католичка, — продолжала Луиза. — Так вот, как католичка, вы, вероятно, не сделаете такой же ошибки, какую делают многие другие люди. Доктрина непорочного зачатия — многие считают, что это просто вычурный термин, означающий, что Христа родила девственница, но ведь это не так, не правда ли?

— Нет, — сказала Мэри. — Нет, этот термин относится к зачатию самой Марии. Она смогла родить сына Божьего потому, что сама была зачата свободной от первородного греха — это *её* зачатие было непорочным.

— Именно. Так вот, откуда возьмётся некто, свободный от первородного греха, в мире, ведущем свой род от Адама и Евы?

— Без понятия, — сказала Мэри.

— Не догадываетесь? — сказала Луиза. — Это ведь словно Мария переместилась в нашу вселенную из другой временно́й линии, в которой Ева не взяла яблоко, в которой не было грехопадения, в которой люди живут, не зная первородного греха.

Мэри с сомнением кивнула.

— Ну, можно предположить и такое.

Луиза улыбнулась.

— Видите, вы увидели параллель между Понтером и Девой Марией почти сразу. Теперь вернёмся в предыдущему вопросу: если он прав, и вселенная расщепляется каждый раз, как кто-то принимает решение, то когда это произошло впервые? И вы сказали — тогда, когда было принято первое решение. Но когда это было? Не в Библии, а, скажем так, в реальности?

Мэри выудила из пакетика очередной чипс.

— Не знаю. Первый раз, как трилобит повернул налево, а не направо?

Луиза поставила картонный стаканчик с кофе на стоящий рядом столик.

— Нет, не думаю. У трилобитов нет воли; они, как и прочие ранние формы жизни — лишь

химические машины. Стивен Джей Гулд[37] постоянно говорит в своих книгах о перемотке ленты жизни и получении иных результатов, и когда он такое говорит, то думает, что намекает на теорию хаоса. Но он не прав. Сколько бы раз вы не помещали трилобита на одну и ту же развилку, он всегда выберет один и тот же маршрут. Трилобиты не мыслят; у них нет сознания. Они лишь обрабатывают сигналы органов чувств и делают то, что они диктуют. Они не принимают решений. Гулд прав — ну, почти прав — в том, что если изменить начальные условия, то можно получить радикально иной результат, но перемотка ленты жизни и повторное её воспроизведение не даст иного результата, точно так же, как многократным показом «Унесённых ветром» не удастся добиться того, чтобы Ретт и Скарлет не расставались в финале. Я думаю, что способность принимать решения, делать *осознанный* выбор, появилась много, много позже. Я думаю, что мы, Homo sapiens, стали первыми мыслящими существами на планете.

— И более ранние формы людей демонстрировали сложное поведение, — сказала Мэри.

---

[37] notes: 37

Американский палеонтолог, биолог-эволюционист и историк науки, автор научно-популярных книг. *(Прим. перев.)*

— Homo ergaster, Homo erectus, Homo habilis, даже австралопитеки и кениантропы.

— Ну, это, конечно, ваша область, профессор Воган, — она что, и правда за всё время карантина не догадалась предложить Луизе перейти на «ты» и называть друг друга по имени? — но я много читала по этой проблеме в интернете. Насколько я могу судить, поведение всех этих ранних форм людей было не сложнее, чем поведение семьи бобров, строящих плотину.

— Они изготовляли орудия, — сказала Мэри.

— *Oui,* — сказала Луиза. — Но не было ли это механическим повторением? Разве не оставались их орудия практически идентичными на протяжении сотен и тысяч лет? Сделанными словно по одному и тому же воображаемому образцу, по одному чертежу?

Мэри кивнула.

— Это правда.

— Разумеется, у орудий были какие-то естественные отличия, — сказала Луиза, — там ударили под чуть другим углом, сям отщепилось больше, чем обычно. Если бы за этой работой стояло сознание, то древние люди, даже не придумав ничего лучшего сами, замечали бы, что некоторые изделия выходят лучше других. Ну,

это как колесом: вам не обязательно сразу придумать круглое колесо, вы можете их делать, скажем, пятиугольными, а потом случайно сделать шестиугольное и заметить, что оно катится лучше. В конце концов, шаг за шагом вы дойдёте до идеально круглого колеса.

Мэри кивнула.

— Но если работа делается бессознательно, — сказала Луиза, — то вы просто выкидываете изделие, которое не соответствует вашему мысленному представлению о том, что вы собирались изготовить. Понимаете? Именно так всё и выглядит в археологической летописи: никакого постепенного усовершенствования со временем, орудия остаются теми же самыми. И единственное объяснение, которое я могу предложить — что не было осознанного отбора лучших вариантов; что изготовитель не умел, не мог увидеть, что *этот* конкретный способ бить галькой о гальку производит несколько лучший эффект, чем *тот* способ.

— Интересная версия, — сказала Мэри, искренне заинтересованная.

— А когда мы видим сложное повторяемое поведение у других животных — такое, как строительство бобровой плотины — мы называем его

инстинктивным, так что такое вот изготовление орудий — это именно инстинкт. Нет, до Homo sapiens сознания не было, и, что самое важное, его не было в первые шестьдесят тысяч лет существования Homo sapiens.

— О чём вы говорите? — спросила Мэри.

— Когда впервые появились анатомически современные люди? — спросила Луиза, снова беря свой кофе.

— Около ста тысяч лет назад.

— Да, именно это число я находила в интернете. Так вот, правильно ли я понимаю? Сто килолет назад впервые появились существа, которые выглядели в точности как мы и ходили так же, как мы, верно? Существа с мозгом такого же объёма и формы, насколько можно судить по виду внутренней поверхности черепа.

— Всё верно, — сказала Мэри. Он уже доела чипсы и искала в сумочке «клинекс», чтобы вытереть жирные пальцы.

— Но, — сказала Луиза, — согласно тому, что я читала, в течение шестидесяти тысяч лет они не думали никаких мыслей. В течение шестидесяти тысяч лет они не делали ничего, что не было бы инстинктивным. Но потом, примерно сорок тысяч лет назад, всё внезапно изменилось.

Глаза Мэри округлились.

— Большой Скачок!

— Именно!

Мэри почувствовала, как у неё возбуждённо забилось сердце. Большим Скачком некоторые антропологи называли культурное пробуждение, случившееся примерно 40000 лет назад; его также называли верхнепалеолитической революцией. Как и сказала Луиза, люди современного типа к этому времени уже существовали около шести-десяти тысяч лет, но они не создавали никаких предметов искусства, не носили украшений и ничего не клали в могилы умерших. Но внезапно, 40000 лет назад, люди повсеместно начали рисовать на стенах пещер, начали носить ожерелья и браслеты, начали хоронить умерших вместе с едой, инструментами и прочими ценными вещами, которые могли им пригодиться только в предполагаемой загробной жизни. Искусство, мода и религия возникли одновременно; это был поистине большой скачок вперёд.

— Вы хотите сказать, что 40000 лет назад кроманьонцы внезапно начали делать выбор, и вселенная начала расщепляться?

— Не совсем, — сказала Луиза. Она, очевидно, уже допила свой кофе, поэтому встала и купила

ещё. — Подумайте вот о чём: что было *причиной* Большого Скачка?

— Никто не знает, — ответила Мэри.

— Но вы согласны, что в археологической летописи это маркер пробуждения самосознания, наступления эпохи сознательной деятельности?

— Должно быть, так, — сказала Мэри.

— Но это пробуждение не сопровождалось никакими заметными физическими изменениями. Не появилось нового вида людей, способных к занятиям искусством. Мозги, *способные* к таким занятиям, существовали в течение шестидесяти тысяч лет, но они не осознавали себя. А потом что-то случилось.

— Случился Большой Скачок, да. Но, как я сказала, никто не знает, почему.

— Вы читали Роджера Пенроуза? «Новый ум короля»?

Мэри покачала головой.

— Пенроуз — математик из Оксфорда. Он доказывает, что человеческое сознание имеет квантовую природу.

— И что это означает?

— Это означает, что то, что мы называем мышлением, разумностью, базируется не на биохимической сети нейронов или чём-то настолько

же грубом. Мышление есть результат квантовых процессов. Он и анестезиолог Стюарт Хамерофф утверждают, что феномен сознания создаётся суперпозицией квантовых состояний электронов в микротрубочках клеток мозга.

— Гмм, — с сомнением в голосе промычала Мэри.

Луиза отхлебнула кофе из нового стакана.

— Вы ещё не видите? Это объясняет Большой Скачок. Конечно, наши мозги сейчас точно такие же, как и сто тысяч лет назад, но сознание не возникло, пока не произошло некое квантовомеханическое событие, предположительно случайное: первое и единственное отщепление новой вселенной, случившееся в соответствии с моделью Эверетта.

Мэри кивнула; гипотеза и правда весьма интересная.

— А квантовые события в силу самой своей природы всегда имеют несколько исходов, — сказала Луиза. — Вместо квантовой флуктуации или чего-то ещё, пробудившего сознание в Homo sapiens, то же самое могло произойти у другого вида людей, существовавших 40000 лет назад — у человека неандертальского. Первое расщепление вселенной было случайностью, квантовым

всплеском. В одной версии вселенной сознание возникло у наших предков; в другой — у предков Понтера. Я читала, что впервые неандертальцы появились где-то 200000 лет назад?

Мэри кивнула.

— И мозг у них был даже крупнее, чем у нас?

Мэри снова кивнула.

— Но в нашем мире, — сказала Луиза, — на этой временной линии, в их мозгу так и не зажглось сознание. Вместо этого оно зажглось в нашем, и преимущество, которое мы вследствие этого получили — хитрость и способность думать наперёд — позволили нам одержать верх над неандертальцами и стать властелинами мира.

— Ага, — сказала, Мэри. — А в мире Понтера…

Луиза кивнула.

— В мире Понтера случилось наоборот. Это неандертальцы осознали себя, развили культуру и искусство — и вместе с ними хитрость; это они совершили Большой Скачок, тогда как мы остались бессловесными дикарями, какими были предыдущие шестьдесят тысяч лет.

— Полагаю, это возможно, — сказала Мэри. — У вас из этого получилась бы хорошая статья.

— Больше того, — сказала Луиза. Она отпила ещё кофе. — Если я права, это означает, что Пон-

тер сможет вернуться домой.

Мэри встрепенулась.

— Что?

— Я исхожу частично из того, что рассказал Понтер, и частично из нашего понимания квантовой теории. Предположим, что каждый раз, как вселенная расщепляется, она делает это не подобно амёбе — когда на месте амёбы возникает двое её потомков, а первоначальная амёба исчезает. Вместо этого предположим, что это больше похоже на роды у позвоночных: вселенная-прародительница продолжает существовать, и рядом появляется её копия.

— Так? — сказала Мэри. — И что?

— Ну, тогда, видите ли, вселенные окажутся разного возраста. Они могут *выглядеть* абсолютно идентичными, за исключением того, что вы выбрали на завтрак сегодня утром, но одной из них двенадцать миллиардов лет, а другой, — она взглянула на наручные часы, — всего несколько часов. Разумеется, будет *казаться*, что ей тоже двенадцать миллиардов лет, но на самом деле это будет не так.

Мэри нахмурилась.

— Гмм, Луиза, а вы, часом, не креационистка?

— *Quoi?* — Но потом она рассмеялась. — Нет-

нет-нет, но я вижу параллель, на которую вы намекаете. Нет, сейчас я говорю исключительно с точки зрения физики.

— Как скажете. Но как это связано с возможностью для Понтера вернуться домой?

— Так вот, предположим, что эта вселенная, та, в которой мы с вами находимся — это оригинальная вселенная, в которой осознали себя Homo sapiens, та, что отделилась от вселенной, где это сделали неандертальцы. Все бесчисленные вселенные, в которых существуют мыслящие Homo sapiens, будут дочерними по отношению к ней. Или внучатными, или правнучатными и так далее.

— Это весьма произвольное предположение, — сказала Мэри.

— Оно было бы таковым, не будь у нас других доказательств. А одно у нас есть, и это как раз прибытие Понтера к нам, а не в любую другую вселенную из бесчисленного множества. Когда квантовый компьютер Понтера исчерпал множество вселенных, в которых существовал его аналог, что он тогда сделал? Понятное дело, попытался обратиться к тем, в которых его не существует. И в процессе он сперва попал в ту, что отделилась от всего дерева вселенных с суще-

ствующими в них квантовыми компьютерами, в ту, которая сорок тысяч лет назад пошла по совсем другому пути, с другим доминирующим видом людей. Разумеется, как только компьютер наткнулся на вселенную, в которой его не существует, процесс факторизации аварийно завершился, и контакт между двумя мирами был прерван. Однако если в мире Понтера в точности воспроизведут процесс, завершившийся его переброской сюда, я думаю, есть немалая вероятность того, что портал откроется снова именно в нашу вселенную, первой отделившейся от их линии развития.

— Многовато «если», — сказала Мэри. — Кроме того, если они могут повторить эксперимент, почему они этого до сих пор не сделали?

— Я не знаю, — сказала Луиза. — Но если я права, то дверь в мир Понтера может открыться снова.

Мэри ощутила, как что-то переворачивается у неё внутри — помимо картофельных чипсов — когда она попыталась разобраться, какие именно чувства вызвало в ней это известие.

Глава 43

Адекор Халд осматривал шахтного робота, приготовленного для него Дерном. Устройство выглядело довольно жалко — набор шестерёнок, тяг и механических клешней, отдалённо напоминающий сосну с обсыпавшейся хвоей. В недавнем прошлом робот явно пережил пожар — Адекор вспомнил, что слышал о пожаре на шахте месяца четыре назад. Некоторые компоненты робота сплавились, металлические части были сильно изношены, а вся конструкция была черна, словно вымазана сажей. Дерн сказал, что робота должны были отправить на слом и переработку, так что никто не удивится, если он исчезнет.

Наладить управление роботом удалось не сразу. Хотя и существовали роботы с искусственным интеллектом, они были очень дороги. Конкретно этот не умел сам делать то, что от него требовалось; им нужно было управлять дистанционно. Радиосигналами пользоваться было нельзя, они могли повредить квантовые регистры и сделать невозможным воспроизведение условий эксперимента. Поэтому Дерн просто протянул оптоволоконный кабель от робота до неболь-

шого управляющего блока, который укрепил на консоли в пультовой квантового компьютера. С помощью двух рычажков, которые управляли руками робота, он заставил его нажать сверху на регистр 69 так же, как это делал Понтер.

Адекор взглянул на Дерна.

— Всё готово?

Дерн кивнул.

Он посмотрел на присутствующую тут же Жасмель.

— Готова?

— Да.

— Десять, — сказал Адекор, стоя у консоли компьютера; он выкрикивал числа так же громко, как в прошлый раз, хотя сейчас в вычислительной камере его некому было слушать.

— Девять. — Он отчаянно надеялся, что всё сработает — ради Понтера и ради себя самого.

— Восемь. Семь. Шесть.

Он посмотрел на Дерна.

— Пять. Четыре. Три.

Он ободряюще улыбнулся Жасмель.

— Два. Один. Ноль.

— Эй! — вскрикнул Дерн. Его блок управления рывком соскочил с консоли и запрыгал по полу; выходящий из него оптический кабель туго

натянулся.

Адекор ощутил порыв ветра, но хлопка в ушах не было; давление в комнате существенно не менялось. Как будто воздух просто *заменили* другим…

Губы Жасмель складывались в слова «Не может быть», но звук её голоса полностью заглушил ветер.

Дерн, метнувшись через помещение, задержал уползающий блок управления, наступив на него. Адекор бросился к окну в вычислительную камеру.

Робот *исчез*. Однако…

…однако кабель был туго натянут в полусажени от пола. Он тянулся от двери в пультовую примерно на две трети поперечника вычислительной камеры, а потом…

А потом пропадал, растворялся в воздухе, словно уходя в дыру в невидимой стене рядом с регистром 69.

Адекор посмотрел на Дерна. Дерн посмотрел на Жасмель. Жасмель посмотрела на Адекора. Все трое бросились к монитору, который показывал изображение с обзорной камеры робота. Но там всё было черным-черно.

— Робот уничтожен, — сказала Жасмель. — Как

мой отец.

— Возможно, сказал Дерн. — Или, может быть, видеосигнал не проходит сквозь… это.

— Или, — добавил Адекор, — он попал в совершенно тёмное помещение.

— Что… что нам делать дальше? — спросила Жасмель.

Дерн слегка пожал своими округлыми плечами.

— Давайте вытянем его обратно, — предложил Адекор. — Посмотрим, может ли что-нибудь выдержать прохождение через эту штуку. — Он вошёл в вычислительную камеру и прикоснулся к кабелю, в нескольких шагах от него уходящему в никуда примерно на уровне пояса. Потом он схватился за него двумя руками и осторожно потянул.

Позади него в камеру вошла Жасмель и тоже стала тянуть.

Тянуть было довольно легко, но было ясно, что на другом его конце имеется груз, словно там, по другую сторону, робот висит на нём над бездной.

— Какое натяжение выдерживают кабельные коннекторы на самом роботе? — спросил Адекор Дерна, который, поскольку ему больше не надо было удерживать блок управления, тоже вышел

в вычислительную камеру.

— Это самое обычное *бедонк*-подключение.

— Кабель может оборваться?

— Если дёрнешь достаточно сильно. Там есть маленькие фиксаторы, которые защёлкиваются вокруг кабеля и удерживают его на месте.

Адекор и Жасмель продолжали очень плавно вытягивать кабель.

— А ты их защёлкнул?

— Я… я не помню, — сказал Дерн. — Может быть. Я подсоединял и отключал кабель несколько раз, когда налаживал управление…

Адекор и Жасмель уже вытянули около трёх саженей кабеля, и тут…

— Смотрите! — крикнула Жасмель.

Угловатый корпус робота показался из-за… пока нельзя было сказать, из-за чего. Стало видно основание машины, словно она проходила через подвешенное в воздухе невидимое отверстие, формой совпадающее с сечением робота.

Дерн поспешил через вычислительную камеру, громко шлёпая застёгнутыми штанинами о гладко отполированный пол. Он протянул руку и схватил один из суставчатых манипуляторов робота, наполовину высунувшийся прямо из воздуха. И он сделал это как раз вовремя, потому

что в этот момент коннектор не выдержал, и Адекор с Жасмель повалились на пол. Они быстро вскочили на ноги и увидели, как Дерн вытаскивает робота — Адекору снова пришло на ум это определение — с другой стороны.

Они подошли к Дерну, который теперь сидел на полу; перевёрнутый робот валялся рядом с ним. Он не казался повреждённым более, чем уже был до того. Однако Дерн с изумлением на лице осматривал свою левую руку.

— С тобой всё в порядке? — спросил Адекор.

— Моя рука… — сказал Дерн.

— Что с ней? Она сломана?

Дерн поднял голову.

— Нет, с ней всё в порядке. Но… когда я в первый раз схватил робота… когда кабель оборвался, и робота потянуло назад… руку утянуло *туда* вместе с ним. Она прошла через эту штуку и исчезла.

Жасмель взяла Дерна за руку и осмотрела её.

— Выглядит нормально. А какие были ощущения?

— Я ничего особого не почувствовал. Но выглядело это так, как будто её отрезали чуть выше пальцев, и срез был идеально ровный, но никакого кровотечения, и линия среза сдвигалась к пальцам, когда я потянул руку на себя.

Жасмель содрогнулась.

— Ты уверен, что нормально себя чувствуешь? — спросил Адекор.

Дерн кивнул.

Адекор ступил вперёд на полшага туда, где находилось отверстие. Он медленно вытянул правую руку и осторожно поводил ею из стороны в сторону. Чем бы ни была загадочная дверь, сейчас она, по-видимому, закрылась.

— Что теперь? — спросила Жасмель.

— Ну, я не знаю, — сказал Адекор. — Мы можем поставить на робота лампу?

— Раз плюнуть, — сказал Дерн. — Можно снять с головного протектора. У вас тут есть запасные?

— На полке в комнате для еды.

Дерн кивнул, потом поднял руку и повращал кистью — ладонью вверх, ладонью вниз, словно видел её в первый раз.

— Я не поверил своим глазам, — тихо произнёс он. Потом тряхнул головой, будто сбрасывая наваждение, и пошёл искать лампу.

— Ты, конечно, понимаешь, что произошло, — сказала Жасмель, пока они ждали возвращения Дерна. — Мой отец провалился сквозь эту штуку. Поэтому не нашли никаких следов тела.

— Но, похоже, другая сторона не на уровне пола,

— сказал Адекор. — Он, должно быть, упал, и…

Жасмель подняла бровь.

— И мог сломать себе шею. Из чего… из чего следует, что на другой стороне мы можем увидеть…

Адекор кивнул.

— Его мёртвое тело. Эта мысли приходила мне в голову, прости… но на самом деле я ожидал увидеть его утонувшим в ёмкости с тяжёлой водой. — Он обдумал эту мысль, потом ощупал робота — он был совершенно сухой. — Когда пропал Понтер, на другой стороне был резервуар с тяжёлой водой, и… *хрящ!*

— Что?

— Мы, должно быть, попали в *другую* вселенную, не в ту, в которую провалился Понтер.

У Жасмель затряслись губы.

Адекор поставил робота на шасси. Проверил кабельное гнездо — оно выглядело пристойно. Жасмель тем временем сходила за кабелем и принесла его конец Адекору; вид у неё был очень печальный. Адекор подключил кабель к роботу, а потом опустил фиксаторы, которые вошли в специальные бороздки на коннекторе кабеля.

Дерн тем временем вернулся с двумя электрическими фонарями и круглой батареей питания. Он также захватил моток клейкой ленты, кото-

рой прочно закрепил лампы на корпусе робота по бокам от его обзорной камеры.

Они установили робота в исходное положение у регистра 69 и вернулись в пультовую. Адекор взял коробку из-под оборудования и встал на неё, чтобы не отходя от консоли видеть происходящее в вычислительной камере через окно, просто оглянувшись через плечо.

Он снова произвёл обратный отсчёт:

— Десять. Девять. Восемь. Семь. Шесть. Пять. Четыре. Три. Два. Один. Ноль.

В этот раз Адекор увидел весь процесс. Портал открылся как расширяющийся обруч синего пламени. Он снова услышал шум ветра, и робот, оказавшийся словно на самом краю обрыва, кувыркнулся вперёд и пропал. Управляющий кабель натянулся, синий обруч сжался вокруг него и исчез.

Все трое одновременно обернулись к квадратному видеомонитору. Поначалу казалось, что видеосигнала снова нет, но потом лучи ламп, видимо, наткнулись на что-то — стекло или пластик — и они на короткое время увидели отражённый свет. Но это было и всё; должно быть, помещение, в котором висел на кабеле робот, было немалого размера.

Лучи ламп опять заплясали на чём-то — пересекающиеся металлические трубки? Робот раскачивался на конце кабеля, словно маятник.

А потом вдруг всё осветилось, словно…

— Кто-то включил свет, — сказала Жасмель.

Теперь стало ясно, что робот и правда качается на свисающем кабеле. Они успели заметить участок скальной стены, и другую скальную стену, и…

— Что это? — воскликнула Жасмель.

Они видели это всего мгновение: что-то вроде лестницы, прислонённой к изгибающейся стене огромного помещения, и сбегающая вниз по ней фигура в синей одежде.

Комната продолжала вращаться, и они разглядели огромную решётчатую конструкцию, стоящую на полу, в узлах которой виднелись какие-то металлические цветы.

— Никогда не видел ничего подобного, — сказал Дерн.

— Как красиво, — сказала Жасмель.

Адекор затаил дыхание. Камера по-прежнему вращалась. Она снова показала лестницу, и ещё две фигурки, спускающиеся по ней, и потом робот снова повернулся в другую сторону.

Фигурки, одетые в свободные синие комбине-

зоны и с ярко-жёлтыми скорлупками на головах мелькнули на экране ещё дважды, каждый раз на мучительно короткое время. Для мужчин они были слишком узкоплечи; Адекор предположил, что это женщины, хотя и для женщин они были слишком худы. Однако их лица, хоть и мелькнули перед глазами на какие-то мгновения, были явно лишены растительности, и…

Изображение внезапно дёрнулось и застыло; робот больше не вращался. Сбоку появилась рука и на короткое время закрыла всё поле зрения — странная, хилая на вид рука с коротким большим пальцем и чем-то вроде металлической полоски, обёрнутой вокруг безымянного. Рука, по-видимому, вцепилась в робота, остановив его вращение. Дерн лихорадочно работал с контрольным блоком, направляя камеру вниз так быстро, как позволяла конструкция, и вот они уже смотрят в лицо того, кто, подняв руки вверх, удерживал робота в неподвижном положении.

Дерн ахнул. Адекор ощутил желудочный спазм. Существо было отвратительным и уродливым; его нижняя челюсть торчала вперёд, словно на челюстной кости образовался огромный нарост.

Отталкивающее существо по-прежнему держало робота, пытаясь стянуть его вниз, ближе к

полу; шасси робота находилось примерно в половине человеческого роста над полом гигантского помещения.

Пока камера робота опускалась, Адекор успел заметить большое отверстие в нижней части решётчатой сферы, словно её частично разобрали. На полу помещения лежали гигантские изогнутые куски стекла или прозрачного пластика, сложенные один на другой; должно быть, это они отражали свет ламп в самый первый момент. Эти огромные куски стекла выглядели так, будто когда-то были сегментами поверхности гигантской сферы.

В поле зрения камеры время от времени появлялись ещё три существа, такие же деформированные, как и первое. У двух из них также отсутствовали волосы на лице. Один указывал рукой на робота; его рука была тонкая, словно ветка.

Жасмель опустила руки на бёдра и поражённо покачала головой.

— Кто это такие? — спросила она.

Адекор изумлённо молчал, лишь мотнул головой в ответ.

— Какая-то разновидность приматов? — предположила Жасмель.

— Не шимпанзе и не бонобо, — сказала Дерн.

— Нет, — сказал Адекор, — хоть они и такие же тощие. Но они почти безволосы. Они больше похожи на нас, чем на обезьян.

— Жаль, что они носят эти штуковины на головах, — сказал Дерн. — Интересно, зачем они?

— Для защиты? — предположил Адекор.

— Не слишком эффективно, я бы сказал, — заметил Дерн. — Если что-то падает на голову, то удар принимает на себя шея, а не плечи.

— Папы нигде не видно, — сказала Жасмель.

Все трое на какое-то время затихли. Потом Жасмель заговорила снова:

— Знаете, на кого они похожи? На первобытных людей — как те окаменелости в залах *галдараб*.

Адекор сделал пару шагов назад; предположение Жасмель потрясло его в буквальном, физическом смысле. Он нашёл стул, повернул его сиденьем к себе и опустился на него.

— Глексенские люди, — вспомнил он научный термин; Глексен — название местности, в которой впервые нашли окаменелости единственных приматов без надбровных дуг и с этими смешными выростами на нижней челюсти.

Мог их эксперимент затронуть другие мировые линии, дотянуться до вселенных, которые

отделились задолго до создания квантового компьютера? Нет, нет. Адекор потряс головой. Это уже слишком, слишком безумно. В конце концов, глексенские люди вымерли — в памяти всплыло число полмиллиона месяцев, но он не был уверен, что оно правильное. Адекор в раздумье потёр пальцами ложбинку над надбровным валиком. Единственным звуком в комнате был шум системы кондиционирования; единственным запахом — запах его собственных феромонов.

— Это огромное открытие, — сказал Дерн. — Гигантское.

Адекор медленно кивнул.

— Другая версия Земли. Другая версия человечества.

— Оно разговаривает! — вскрикнула Жасмель, указывая на фигурки на экране. — Включайте звук!

Дерн дотянулся до блока управления.

— Речь, — сказал Адекор, тряся головой в изумлении. — Я читал, что глексены были неспособны к членораздельной речи из-за слишком короткого языка.

Они прислушались к чужой речи, хоть и не понимали ни слова.

— Звучит так странно, — сказала Жасмель.

— Никогда не слышала ничего подобного.

Глексен на переднем плане перестал тянуть робота к себе, поняв, что, вероятно, кабель вытравлен на максимально возможную длину. Он отошёл в сторону, и перед камерой появился другой глексен. Адекору понадобилось некоторое время на осознание того, что в помещении присутствовали и мужчины, и женщины; и у тех, и у других были голые лица, хотя у некоторых мужчин борода всё же росла. Женщины выглядели мельче, но, по крайней мере у некоторых, под одеждой явно просматривалась грудь.

Жасмель выглянула в вычислительную камеру.

— Портал, похоже, так и остаётся открытым, — сказала она. — Интересно, как долго он продержится.

Адекору это тоже было интересно. Доказательство, которое спасёт и его самого, и его сына Даба, и его сестру Келон, лежало прямо перед ним: альтернативный мир! Но Даклар Болбай без сомнения заявит, что видеозапись, несомненно, подделана, сфальсифицирована — ведь Адекор, скажет она, имеет доступ к самым мощным компьютерам на планете.

Но робот может принести с собой что-нибудь

— да что угодно! Лучше какое-нибудь изделие, или…

По мере того, как люди двигались в разных направлениях, за их спинами становились видны новые, прежде скрытые части помещения. Это была бочкообразной формы каверна, высотой, должно быть, раз пятьдесят больше человеческого роста, вырубленная в сплошной скале.

— А они довольно разнообразный народ, вы заметили? — сказала Жасмель. — У них кожа разного оттенка… о, гляньте на ту женщину, вон там! У неё *оранжевые* волосы, как у орангутана!

— Один из них убегает, — сказал Дерн, показывая пальцем.

— Точно, — сказал Адекор. — Хотел бы я знать, куда он направляется?

* * *

— Понтер! *Понтер!*

Понтер вскинул голову. Он сидел за столом в столовой Лаврентийского университета с двумя сотрудниками физического факультета, которые за обедом помогали ему разработать программу тура по мировым физическим лабораториям, включающего ЦЕРН, Ватиканскую обсерваторию, Фермилаб и японский Супер-Камиоканде, другой

крупнейший детектор нейтрино, тоже недавно повреждённый в результате аварии. Сотня или больше студентов летних курсов благоговейно взирали на обедающего неандертальца с почтительного расстояния.

— Понтер! — снова хрипло крикнула Мэри Воган. Подбегая, она чуть не врезалась в стол. — Идём быстрее!

Понтер начал подниматься; двое физиков последовали его примеру.

— Что случилось? — спросил один из них.

Мэри не обратила на них внимания.

— *Бегом!* — прохрипела она Понтеру. — Бегом!

Понтер побежал. Мэри схватила его за руку и побежала рядом. Она задыхалась; её пришлось бежать от самой своей лаборатории в 1-м Научном корпусе, где застал её звонок из Нейтринной обсерватории.

— Что случилось? — спросил на бегу Понтер.

— Портал! — крикнула она. — Механизм — робот или что-то вроде — вылез оттуда. И портал до сих пор открыт!

— Где? — спросил Понтер.

— Внизу, в обсерватории. — Она прижала руку к груди, которая часто вздымалась и опускалась. Мэри знала, что Понтер запросто обгонит её. Не

прекращая бежать, она открыла замок сумочки, выудила оттуда ключи от машины и протянула ему

Понтер слегка качнул головой. На секунду Мэри подумала, что этот жест значит «Только с тобой». Но, конечно, всё было более прозаично: Понтер никогда в жизни не водил машину. Они продолжали бежать; Мэри пыталась поспевать за ним, но его шаги были длиннее, и он, по сути, только начал разгоняться…

Он посмотрел на неё; в его голове наверняка возникла та же дилемма: нет никакого смысла прибегать на стоянку раньше неё, потому что потом всё равно придётся её ждать.

Он остановился. Она тоже затормозила и озабоченно посмотрела на него.

— Можно…? — сказал Понтер.

Мэри не успела догадаться, о чём он спрашивает. Он протянул к ней свои массивные руки, сгрёб в охапку и легко оторвал от земли. Мэри обхватила его руками за шею, и Понтер сорвался с места; его ноги ударяли в бетонный пол, словно поршни. Мэри ощущала, как на бегу перекатываются его мускулы. Студенты и преподаватели останавливались, чтобы поглазеть на невиданное зрелище.

Они вылетели в боулинговую аллею, и тут Понтер рванул вперёд по-серьёзному; звук его тяжёлых шагов заметался меж стеклянных стен. Дальше, дальше, мимо киосков, мимо «Тим Хортонс», дальше…

Через стеклянную дверь с улицы входил студент. У него отвисла челюсть, но он всё же догадался придержать дверь для Понтера и Мэри. Они выскочили на дневной свет.

Мэри была обращена лицом назад; она видела, как у Понтера из-под ног взлетают кусочки дёрна. Она ухватилась покрепче. Понтер хорошо знал её машину; красный «неон» было трудно не заметить на крошечной парковке — одно из достоинств маленького университета. Он продолжил бежать, и Мэри услышала и почувствовала, что газон под его ногами сменился асфальтом парковочной площадки.

Пробежав ещё десяток метров, он рывком поставил Мэри на ноги. Она была несколько оглушена безумной гонкой, но сумела быстро покрыть оставшиеся до машины несколько метров. Электронный ключ уже был в руке; щелкнул замок.

Мэри запрыгнула на водительское место; Понтер влез на пассажирское. Она вставила ключ

в зажигание, вдавила акселератор в пол, и они рванули по дороге, оставляя Лаврентийский за спиной. Скоро они уже выезжали из Садбери по направлению к «Крейгтону». Обычно Мэри особо не гоняла, да и не разгонишься особо в торонтских пробках, но сейчас выжимала по грунтовой дороге 120 км/час.

Вот, наконец, и шахта; мимо пролетел указатель с логотипом «Инко», ворота с охранником, извилистая гравийная дорожка привела к большому знанию, в котором располагался вход под землю. Мэри остановила машину с визгом тормозов и фонтанами гравия из-под колёс, и они с Понтером выскочили наружу.

Теперь Понтеру не было смысла дожидаться Мэри, а время по-прежнему оставалось неизвестным фактором. Кто знает, сколько ещё продержится портал, не закрылся ли он *уже*? Понтер взглянул на неё, потом бросился к ней и крепко обнял.

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо за всё.

Мэри обняла его изо всех сил — так сильно, как смогла, хотя это наверняка не шло ни в какое сравнение с объятиями неандертальских женщин.

А потом она отпустила его.

И он побежал к входу в шахтный подъёмник.

Глава 44

Адекор, Жасмель и Дерн продолжали пялиться в монитор на сцену, которая разворачивалась в нескольких саженях — и в то же время бесконечно далеко от них.

— Они такие хрупкие на вид, — хмурясь, сказала Жасмель. — У них руки как палочки.

— Но не у той, — показал Дерн. — Она, должно быть, беременна.

Адекор, прищурившись, вгляделся в экран.

— Это не женщина, — сказал он. — Это мужчина.

— С таким животом? — удивился Дерн. — А я-то думал, что это я толстый. Сколько же эти глексены едят?

Адекор пожал плечами. Он не хотел тратить время на разговоры; он хотел лишь смотреть, впитывать в себя это зрелище. Другое человечество! И притом технологически развитое. Это было невероятно. Как было бы здорово обменяться знаниями с их физиками, биологами…

Биологами.

Да, вот, что ему нужно! Робота касались уже несколько глексенов. Наверняка какие-то клет-

ки их кожи отслоились и остались на корпусе робота; наверняка из них можно выделить ДНК. Это будет доказательство, которое арбитр Сард не сможет не принять! Глексенская ДНК: она докажет, что всё, происходящее на экране — реальность. Но…

Не было никаких гарантий, что портал останется открытым надолго или откроется в следующий раз. Но по крайней мере его оправдают, а Даб и Келон избегнут увечья.

— Вытягивай робота назад, — сказал Адекор.

Дерн посмотрел на него.

— Что? Почему?

— На нем, вероятно, осталась глексенская ДНК. Мы не должны её потерять, если портал вдруг закроется.

Дерн кивнул. Адекор смотрел, как он идёт через комнату, подбирает с пола оптический кабель и осторожно тянет за него. Адекор повернулся к квадратному монитору. Ближайший к роботу глексен — с коричневым цветом кожи, вероятно, мужчина — изменился в лице от неожиданности, когда робот дёрнулся вверх.

Дерн потянул ещё. Коричневый глексен теперь оглядывался через плечо, видимо, на кого-то у себя за спиной. Он что-то крикнул, потом кивнул,

услышав ответный крик. После этого он ухватился за нижнюю часть шасси робота, болтающегося теперь над полом на высоте человеческого роста.

Ещё один мужчина-глексен вбежал в поле зрения камеры. Этот был ниже ростом и с более светлой кожей — почти такой же светлой, как у Адекора, хотя глаза были… странные — тёмные и полускрытые под веками необычной формы.

Коричневый глексен посмотрел на новоприбывшего. Тот энергично мотал головой — но не коричневому. Нет, он смотрел прямо в объектив камеры робота и делал быстрые движения обеими руками, вытянув их вперёд ладонями вниз и размахивая ими перед собой вверх-вниз. И всё время кричал, повторяя снова и снова один и тот же слог — *«Стой! Стой! Стой!»*

Конечно, подумал Адекор, им тоже нужно материальное доказательство того, что они видели; разумеется, они не хотели терять робота. Он повернул голову и крикнул Дерну:

— Тяни сильнее!

* * *

Мэри всё-таки нагнала Понтера на дальнем краю здания, за помещениями, где шахтёры пе-

реодевались в рабочую одежду. Понтер стоял на краю пандуса, ведущего к входу в подъёмник. Клеть могла находиться где угодно, даже на самом глубоком уровне в 7400 футах под землёй. Понтер, похоже, уговорил оператора вызвать клеть прямо сейчас, но ей потребуется несколько минут, чтобы добраться до поверхности.

Ни у Понтера, ни у Мэри не было здесь никаких полномочий, а плакаты с правилами безопасности были развешаны повсюду: уровень производственного травматизма на «Инко» был рекордно низким. На Понтере уже были надеты бахилы и каска. Мэри отошла в сторону и тоже облачилась в бахилы и каску, взяв их с обширного стеллажа у стены. Потом она вернулась к пандусу и встала рядом с Понтером, который уже притоптывал ногой от нетерпения.

Наконец клеть прибыла, дверь открылась. Внутри никого не было. Понтер и Мэри вошли, оператор пять раз прожужжал зуммером — знак того, что клеть пойдёт без остановок, и она рывком пришла в движение.

На пути вниз не было никакого способа связаться с пультовой Нейтринной обсерватории, да и вообще с кем угодно, кроме оператора подъёмника, которому можно было сигналить, нажимая

кнопку зуммера. Во время их безумной поездки от университета Мэри едва сказала Понтеру пару слов — частично из-за того, что нужно было сосредоточиться на управлении машиной, частично из-за того, что сердце у неё колотилось едва ли не чаще, чем поршни двигателя.

Но сейчас…

Сейчас, пока подъёмник опускается на милю с четвертью под землю, им ничего не нужно было делать. Понтер, вероятно, кинется бежать, как только клеть остановится на отметке 6800 футов, и она не могла его в этом винить. Если он будет дожидаться её, но на пути в три четверти мили до каверны нейтринного детектора он потеряет несколько драгоценных минут.

Мэри смотрела, как мимо пролетает уровень за уровнем. В принципе, это было завораживающее зрелище, которого она никогда раньше не видела, но…

Но это был её последний шанс поговорить с Понтером. С одной стороны, спуск под землю, казалось, отнимал непозволительно много времени. С другой — часов, дней, может быть, даже лет могло не хватить ей, чтобы высказать то, что она хотела сказать.

Она не знала, как начать, но знала, что никогда

не простит себе, если не скажет ему сейчас, не даст ему понять. Он не собирался исчезнуть в доисторических временах; он отправится *вбок*, а не назад. Завтра будет завтра и для него, а десятая годовщина их первой встречи наступит одновременно на обеих Землях — хотя он, скорее, отметил бы сотый месяц или что-то вроде того. И Мэри была уверена, что он будет вспоминать и беспокоиться и чувствовать грусть, пытаясь собрать свои эмоции и её, пытаясь понять, что произошло и, не менее важно, что не смогло произойти между ними.

— Понтер, — сказал она. Она сказала это тихо, а подъёмник лязгал громко. Возможно, он не услышал. Он смотрел на дверь клети, бездумно следя за убегающей вверх скальной стеной.

— Понтер, — сказала Мэри погромче.

Он повернулся к ней; его бровь взлетела вверх. Мэри улыбнулась. Когда она увидела это впервые, то опешила от неожиданности… теперь уже привыкла. Различий между ними оказалось настолько меньше, чем сходства…

И всё же всё это время меж ними зияла пропасть — не из-за того, что они принадлежали к разным видам, и скорее просто из-за того, что он — мужчина. И даже более того. Не просто

мужчина, а квинтессенция мужественности: мускулистый, как Арнольд Шварценеггер, волосатый, бородатый, невероятно сильный, грубый и неуклюжий одновременно.

— Понтер, — сказала она в третий раз. — Я… я хочу тебе кое-что сказать. — Она замолкла. Часть её кричала, что лучше не облекать это в слова, бросить, оставить, как множество других вещей, так и не сказанных, не озвученных. И, конечно, оставался шанс, что когда они доберутся до детекторной камеры — а до неё всё ещё далеко, ещё несколько минут спускаться, а потом идти пешком — портал, магическим образом открывшийся между мирами, уже снова будет закрыт, и она снова будет видеть Понтера каждый день, но уже открыв перед ним свою душу, ту эфемерную сущность, которая, как она верила, есть у них обоих и в отсутствии которой у кого бы то ни было был уверен он.

— Да? — сказал Понтер.

— Я считала, — сказала Мэри, — я считала, что то, что забросило тебя сюда, невоспроизводимо… что ты застрял здесь навсегда.

Он слегка кивнул — его широкое лицо двинулось в полумраке вниз и снова вверх.

— Мы думали, что ты никогда не сможешь

вернуться к Жасмель и Мегамег, — сказала Мэри. — И к Адекору. И хотя я знала, что твоё сердце принадлежит и всегда будет принадлежать им, я также знала, что тебе предстоит прожить жизнь здесь, на этой Земле.

Понтер снова кивнул, но его взгляд скользнул в сторону. Возможно, он понял, к чему она ведёт; возможно, не хотел, чтобы она продолжала.

Но это должно быть сказано. Она должна дать ему понять — понять, что дело не в нём. Дело в ней.

Нет-нет-нет. Так неправильно. Она тут тоже ни при чём. Это всё тот безликий злой человек, тот монстр, тот демон. Это *он* встал между ними.

— Непосредственно перед тем, как мы встретились, — сказала Мэри, — в день, когда ты оказался в Садбери, меня…

Она замолчала. Её сердце напряжённо колотилось, она чувствовала его удары, хотя слышала только скрежет и скрипы работающего подъёмника.

Клеть проехала уровень 1200 футов. Она заметила шахтёра снаружи в штольне, ждущего подъёма; луч его головного фонаря хлестнул по клети и, наверное, на мгновение высветил её лицо и лицо Понтера, загадочного пришельца

извне.

Понтер ничего не говорил; он просто терпеливо ждал, что она заговорит сама. И она заговорила:

— В тот вечер, — сказала Мэри, — меня…

Она собиралась произнести это слово твёрдо, бесстрастно, но не смогла совладать с собой.

— Мне… сделали… плохо…, — сказала она.

Понтер озадаченно склонил голову.

— Тебя ранили? Тяжело?

— Нет. Я имею в виду… мне… сделал плохо… мужчина. — Она сделала глубокий вдох. — На меня напали в университетском городке, когда стемнело, — бессмысленные детали, лишь оттягивающие слово, которое она должна произнести. Она опустила взгляд к грязному металлическому полу. — Меня изнасиловали.

Хак пискнула — у компаньона достало соображения сделать сигнал громче, иначе его бы не было слышно за шумом подъёмника. Мэри попробовала снова. — Надо мной надругались. Сексуально.

Она услышала, как Понтер с шумом втягивает воздух — даже сквозь шум механизмов. Мэри подняла голову и нашла в полутьме его золотистые глаза. Её взгляд метался по его лицу — вверх-вниз, вправо-влево, от одного глаза к другому, в

поисках реакции, силясь угадать, что он думает.

— Мне очень жаль, — сказал Понтер.

Мэри предположила, что Понтер — или, скорее, Хак — сказал это в знак сочувствия, а не раскаяния, но она всё равно сказала, за неимением лучшего:

— Это не твоя вина.

— Нет, — сказал Понтер. Теперь была его очередь искать, что сказать. Наконец: — Ты не пострадала? В смысле — физически?

— Пара синяков. Ничего серьёзного. Но…

— Да, — сказал Понтер. — «Но». — Он помолчал. — Ты знаешь, кто это сделал?

Мери покачала головой.

— Несомненно, власти отсмотрят твой архив алиби и… — Он отвел взгляд, снова уставился на бегущий вверх камень. — Прости. — Снова молчание. — Так это… это сойдёт ему с рук? — Понтер говорил громко, несмотря на деликатность темы, чтобы Хак могла различить его голос на фоне скрежета. Мэри слышалась в его голосе ярость и негодование.

Она выдохнула, медленно и печально.

— Вполне вероятно. — Помолчала. — Я… мы не говорили об этом… с тобой. Может быть, я слишком много от тебя требую. В нашем мире

изнасилование считается ужасным, отвратительным преступлением. Я не знаю…

— В моём мире точно так же, — сказал Понтер. — Некоторые животные это делают, орангутаны, к примеру, но мы — люди, не животные. Конечно, у нас есть архивы алиби, и мало кто глуп настолько, чтобы пойти на подобный шаг, но если это случилось, то наказывается очень строго.

Несколько секунд оба они молчали. Понтер приподнял правую руку, словно хотел коснуться её, как-то утешить, но потом посмотрел на неё и с выражением удивления на лице, как если бы увидел руку какого-то незнакомца, опустил её.

Но тут же Мэри обнаружила, что сама тянется и касается его широкого предплечья, мягко и нежно. А потом её ладонь скользит вниз по руке и нащупывает его пальцы, и его рука снова поднимается, и её тонкие пальцы переплетаются с его.

— Я хотела, чтобы ты понял, — сказала Мэри. — Мы стали очень близки за то время, что ты был здесь. Мы говорили о чём угодно и обо всём сразу. И, как я сказала, мы думали, что ты никогда не вернёшься; что тебе нужно будет строить здесь новую жизнь. — Она помолчала. — Ты не настаивал, не пользовался ситуацией. Но в конечном итоге ты оказался единственным мужчиной на

всей планете, с которым мне было хорошо…

Понтер мягко сомкнул свои похожие на сосиски пальцы.

— Это было слишком рано, — сказала Мэри. — Понимаешь? Я… я знаю, что нравлюсь тебе… — Она замолчала. Почувствовала, как защипало в уголках глаз. — Прости, — сказала она. — Это нечасто случается в моей жизни, но бывали моменты, когда мужчины интересовались мной, ну…

— Но когда этот мужчина, — сказал Понтер, — не такой, как остальные…

Мэри тряхнула головой и посмотрела на него.

— Нет-нет. Вовсе не поэтому; не из-за того, что ты так выглядишь…

Она увидела, как окаменело его лицо в мерцающем искусственном свете. Он не казался ей уродливым — уже нет. Она находила его лицо добрым и умным и сочувственным и интеллигентным и… да, чёрт возьми, привлекательным. Но всё, что она говорила, почему-то оказывалось неверным, и сейчас, пытаясь ему всё объяснить так, чтобы не задеть его чувств, чтобы он не ушёл, так и не зная, почему она не ответила на его нежное прикосновения в тот вечер, когда они любовались звёздами, она в конце концов всё же умудрилась его обидеть.

— Я имею в виду, — сказала Мэри, — что с внешностью у тебя всё в порядке. На самом деле, я нахожу тебя очень… — она помедлила, но не из-за недостатка убеждённости, а потому что не так часто в своей жизни была столь откровенна с мужчинами, — красивым.

Понтер слегка улыбнулся.

— Это, знаешь ли, не так. В смысле, про «красивый». Не по нашим стандартам красоты.

— Мне без разницы, — быстро ответила Мэри. — Меня это совершенно не волнует. То есть, я даже подумать не могла, что ты меня найдёшь физически привлекательной… — она понизила голос. — Про таких, как я, у нас говорят «обычная». На улице мне вслед никто голову не поворачивает.

— Я считаю, что ты особенная, — сказал Понтер.

— Если бы у нас было больше времени, — сказала Мэри. — Если бы у *меня* было больше времени, чтобы справиться… — хотя вряд ли на это хватит и всей жизни, подумала Мэри, — то всё… всё могло бы быть между нами по-другому. — Она беспомощно пожала плечами. — Вот и всё. Я хотела, чтобы ты это знал. Хотела, чтобы ты понял, что я… что ты мне правда нравился. Нравишься.

В голове возникла безумная мысль. А если бы

всё и правда было по-другому — если бы она приехала в Садбери цельной личностью, а не разбитой на куски развалиной, может быть, Понтер не спешил бы сейчас так вернуться к своей старой жизни, в свой собственный мир. Может быть…

Нет. Нет, это уж было бы слишком. У него есть Адекор. Дети.

Но если всё и правда было бы по-другому, может быть, *она* была бы готова отправиться вместе с ним, через портал в иной мир. В *его* мир. В конце концов, здесь у неё никого нет, и…

Но всё не было по-другому. Всё было так, как было.

Клеть резко остановилась, и громко заверещал зуммер, предупреждая, что сейчас откроется дверь.

Глава 45

Внезапно все глексены пришли в движение. Сначала Адекор не мог понять, что происходит, но потом сообразил, что кто-то спускается в бочкообразную каверну по той же самой длинной лестнице, которую они видели ранее. Камера показывала лишь его широкую спину. Предположительно, это был глексенский лидер, лично явившийся оценить обстановку, когда ему доложили о странном устройстве, болтающемся на конце кабеля, который, если смотреть с той стороны, как будто возникает из пустого места.

Глексены на переднем плане жестами приглашали новоприбывшего приблизиться, что тот и сделал на весьма высокой скорости. Робот раскачивался на своей привязи — Дерн продолжал тащить его вверх, но тут Адекор на мгновение рассмотрел лицо только что появившегося в пещере человека.

Да! Невероятно, чудесно, невообразимо!

Сердце Адекора выпрыгивало из груди. Это Понтер! Одетый в странную одежду глексенского вида, и с этим странным черепашьим панцирем из пластмассы на голове, но это, несомненно, он.

Понтер Боддет жив и здоров!

— Дерн! — крикнул Адекор. — Стой! Опускай робота назад!

Камера снова начала приближаться к полу каверны. Жасмель ахнула и радостно захлопала в ладоши. У Адекора из глаз хлынули слёзы.

Понтер подбежал к роботу. Он странно нагнул голову, и Адекор не сразу догадался, что он делает — смотрит на клеймо производителя на днище корпуса, дабы убедиться, что это действительно машина из его родного мира. После этого Понтер посмотрел прямо в камеру и широко улыбнулся.

— Привет! — сказал Понтер; первое понятное слово во всей этой какофонии. — Привет, друзья! Я думал, что потерял вас навсегда! Интересно, кто на меня смотрит? Адекор, не сомневаюсь. Как я по тебе скучал!

Он замолчал, и с ним заговорили двое глексенов — один светлокожий, и тот, с коричневой кожей, который первым схватил робота.

Понтер снова повернулся к камере.

— Я не уверен, каких действий от меня сейчас ожидают. Я вижу кабель, выходящий прямо из воздуха, но безопасно ли лезть по нему? Могу я… — у него дрогнул голос, — могу я вернуться домой?

Адекор оторвался от монитора и посмотрел на Дерна, который вернулся в пультовую. Дерн пожал плечами.

— Робот в прошлый раз вроде бы вернулся без повреждений.

— Вы не знаете, как долго вам удастся держать проход открытым, — сказала Жасмель, — или получится ли открыть его снова, если он закроется. Он должен вернуться прямо сейчас.

Адекор кивнул.

— Но как ему об этом сказать?

— Я знаю, как, — решительно ответила Жасмель. Она сбежала по ступеням в вычислительный зал и подошла к кабелю в том месте, где он растворялся в воздухе. Она положила на него ладонь, а потом скользнула ею по кабелю к самому краю, пока сначала кончики пальцев, потом пальцы целиком, потом вся ладонь вместе с предплечьем не исчезли. Когда в пустоту ушла вся рука по самое плечо, она просунула на ту сторону голову и просто крикнула — Адекор и Дерн услышали её через микрофоны робота, из вычислительной камеры не донеслось ни звука:

— Папа! Возвращайся!

— Жасмель, родная моя! — крикнул в ответ Понтер, подняв голову к потолку. — Я…

— Лезь прямо сейчас! — крикнула Жасмель. — Мы не знаем, как долго продержится проход. Просто иди вдоль кабеля — поставь рядом с ним лестницу. Пол вычислительной камеры примерно в полусажени ниже того места, где сейчас моя голова, ты легко его найдёшь.

Жасмель втянула голову обратно на свою сторону и вернулась в пультовую.

Монитор показал всплеск лихорадочной активности; очевидно, никто к такому повороту дел не готовился. Двое мужчин побежали за лестницей, как сказала Жасмель. Один из мужчин крепко обнялся с Понтером — похоже, глексены его здесь не обижали.

А вот рядом с Понтером объявилась женщина с жёлтыми волосами — до сих пор её здесь не было, и вид у неё был весьма запыхавшийся. Она встала на цыпочки и прижалась губами к щеке Понтера; он в ответ широко улыбнулся.

Робот по команде Дерна повернул камеру, и Адекор увидел, что проблема сложнее, чем думала Жасмель. Да, кабель как будто свешивался из дыры — но дыра эта была далеко от стен пещеры. Она находилась почти в центре огромного пустого пространства, в нескольких человеческих ростах от пола и примерно на таком же

расстоянии от ближайшей стены. Лестницу было попросту не на что опереть.

— Он может влезть по кабелю? — спросил Адекор.

Дерн пожал плечами.

— Он весит побольше робота, это уж как пить дать. *Может быть*, я его и удержу, но…

Но если кабель лопнет, Понтер упадёт на каменный пол и может сломать себе шею.

— Мы можем спустить ему кабель попрочнее? — спросила Жасмель.

— Если бы он у нас был, — сказал Дерн, кивая. — Но я без понятия, где его сейчас достать; я бы сходил в мастерскую наверху, но это отнимет много времени.

Но глексены, какими бы хилыми они не выглядели, оказались изобретательны. Четверо из них удерживали нижнюю часть лестницы, стараясь держать её как можно прямее. Она всё равно клонилась, но они кричали на Понтера, видимо, убеждая его лезть, несмотря на это.

Понтер подскочил к лестнице и уже поставил было ногу на первую перекладину, хотя она и стояла не слишком ровно. Внезапно жёлтоволосая женщина кинулась к нему и коснулась его руки. Он обернулся к ней, и его бровь взлетела вверх

в выражении удивления. Она вложила что-то в его руку и снова потянулась губами к его щеке. Он опять улыбнулся и полез вверх по лестнице, которую держали глексены.

Лестница раскачивалась тем сильнее, чем выше взбирался Понтер, и сердце Адекора подпрыгивало каждый раз, когда казалось, что сейчас она неминуемо свалится, но новые глексены подбегали на подмогу, и её удавалось выпрямить. Понтер уже протянул руку, нашаривая кабель поблизости от того места, где он пропадал в воздухе. Лестницу мотало вперёд-назад и из стороны в сторону, и Понтер промахивался, тянулся снова и снова промахивался, а потом…

Блок управления у Дерна в руках немного дёрнулся. Понтер держался за кабель!

Адекор, Жасмель и Дерн бросились в вычислительную камеру. Дерн и Жасмель заняли позицию непосредственно перед зоной перехода, а Адекор, ища, чем он мог бы быть полезен, встал *позади* неё. А потом…

Адекор ахнул.

На мгновение словно бы ниоткуда появилась голова Понтера, и сзади это выглядело так, будто его шея была перерублена огромным лезвием. Дерн и Жасмель помогали Понтеру влезть, но

Адекор, остолбенев, лишь наблюдал, как всё большая и большая часть его возлюбленного проходит через отверстие, которое расширялось и принимало форму его тела — и плоскость сечения проходила через весь его организм, открывая поперечный срез сначала плеч, потом грудной клетки с бьющимся сердцем и раздувающимися лёгкими, потом желудка, кишечника, ног…

И вот он прошёл весь! Он был здесь весь, целиком!

Адекор бросился к Понтеру и прижал его к себе, и Жасмель тоже обнимала отца. Все трое смеялись и плакали одновременно, и, наконец, оторвавшись от него, Адекор произнёс:

— С возвращением! С возвращением!

— Спасибо, — сказал Понтер, улыбаясь до ушей.

Дерн тактично отошёл на некоторое расстояние; Адекор только сейчас обратил на это внимание.

— Прости нас, — сказал он. — Понтер Боддет, это Дерн Корд, инженер, который помогал нам.

— Здравый день, — сказал Понтер Дерну. Понтер шагнул к нему, и…

— *Нет!* — выкрикнул Дерн.

Но было слишком поздно. Понтер запнулся за

натянутый кабель, и он лопнул; та часть, которая уходила в мир глексенов, втянулась в портал, и зона перехода исчезла в голубоватой электрической вспышке.

Два мира снова отгородились друг от друга.

Глава 46

Дерн, явно чувствуя себя, как транспортный куб без пассажиров, тактично исчез, отправившись обратно на поверхность и покинув сцену воссоединения семьи. Понтер, Адекор и Жасмель переместились в маленькую столовую, примыкавшую к лаборатории квантовых вычислений.

— Я уже и не надеялся увидеть тебя снова, — сказал Понтер, радостно оглядев сначала Адекора, потом Жасмель. — Никого из вас.

— Мы думали также, — сказал Адекор.

— У вас всё в порядке? — спросил понтер. — Все здоровы?

— Да, со мной всё хорошо, — сказал Адекор.

— А Мегамег? Как малышка Мегамег?

— С ней тоже всё хорошо, — сказала Жасмель. — На самом деле она даже не поняла пока, что случилось.

— Не терпится увидеть её, — сказал Понтер. — Плевать, что до того, как Двое станут Одним, ещё семнадцать дней, я собираюсь наведаться в Центр завтра же и крепко её обнять.

Жасмель улыбнулась.

— Она будет очень рада, папа.

— А как Пабо?

Адекор заулыбался.

— Она страшно по тебе скучала. Выскакивала из дома при каждом шорохе, надеялась, что ты вернулся.

— Ох, милая моя старушенция, — сказал Понтер.

— Папа, — сказала Жасмель, — что тебе дала та женщина?

— О, — сказал Понтер. — Я и сам-то ещё не смотрел. Давайте глянем…

Понтер запустил руку в карман своих странных штанов из чужого мира и вытащил из него свёрток из белой материи. Он осторожно его развернул. Внутри была золотая цепочка и прикреплённые к ней две простые перпендикулярные полоски неравной длины, пересекающиеся примерно на трети более длинной из них.

— Как красиво, — сказала Жасмель. — А что это?

Понтер приподнял бровь.

— Это символ системы верований, которую разделяют некоторые из них.

— Кто была та женщина? — спросил Адекор.

— Мой друг, — ответил Понтер. — Её зовут… на самом деле, я произношу правильно только

первый слог её имени — Мэре.

Адекор рассмеялся: «мэре» — это было слово их родного языка, означавшее «возлюбленная».

— Я говорил, что тебе следует найти новую женщину, — сказал он шутливым тоном, — но не ожидал, что её поиски так далеко тебя заведут.

Понтер улыбнулся, но не слишком весело.

— Она была очень добра, — сказал он.

Адекор знал своего партнёра достаточно хорошо, чтобы понять: какая бы история ни стояла за этими словами, она будет рассказана в своё время, и не раньше.

— Кстати, о женщинах, — сказал Адекор. — Я… э-э… пока тебя не было, у меня были кое-какие дела с партнёршей Класт.

— Даклар! — воскликнул Понтер. — Как у неё дела?

— Видишь ли, — сказал Адекор, глядя теперь на Жасмель, — она стала довольно знаменитой в твоё отсутствие.

— Правда? — сказал Понтер. — И чем же?

— Она выдвинула обвинение в убийстве.

— Убийстве! — воскликнул Понтер. — Кого убили?

— Тебя, — невозмутимо ответил Адекор.

У Понтера упала челюсть.

— Ты, видишь ли, исчез, — сказал Адекор, — и Болбай подумала…

— Она подумала, что ты меня *убил*? — в голосе Понтера звучало неподдельное изумление.

— Ну, — сказал Адекор, — ты и правда пропал, а шахта такая глубокая, что архив алиби не принимает сигнала компаньона. Болбай представила это как идеальное убийство.

— Не могу поверить, — Понтер покачал головой. — Кто говорил от твоего имени?

— Я, — сказала Жасмель.

— Молодчина! — сказал Понтер, снова её обнимая. — Адекор, мне так жаль, что тебе пришлось через это пройти, — сказал он из-за плеча дочери.

— А уж как мне жаль, но… — Адекор пожал плечами. — Впрочем, рано или поздно ты всё равно бы услышал. Болбай считает, что я тебя ненавидел, потому что чувствовал себя в нашем проекте на вторых ролях.

— Чепуха, — сказал Понтер, выпуская Жасмель. — Я ничего не добился бы без тебя.

Адекор склонил голову.

— Это очень великодушно с твоей стороны, но… — Он замолчал, потом развёл руками. — Но в её слова была доля правды.

Понтер положил руки Адекору на плечи.

— Возможно, теории и правда были больше мои, чем твои — но это ты спроектировал и построил квантовый компьютер, и это твой компьютер открыл ворота в иной мир. Твой вклад теперь в сотни раз превышает мой.

Адекор улыбнулся.

— Спасибо.

— Так чем всё закончилось? — спросил Понтер, улыбаясь. — У тебя вроде голос писклявей не стал, так что, я полагаю, у неё ничего не вышло?

— На самом деле, — сказала Жасмель, — дело будет слушаться в трибунале завтра.

Понтер удивлённо покачал головой.

— Очевидно, мы должны добиться его отмены.

Адекор улыбнулся.

— Да уж будь так любезен, — сказал он.

* * *

На следующее утро к арбитру Сард присоединился иссохший морщинистый мужчина и ещё более морщинистая женщина; они сидели по сторонам от неё. Зал Серого Совета был набит зрителями, среди которых выделялись серебристыми одеяниями десятеро эксгибиционистов. Даклар Болбай по-прежнему была одета в оран-

жевое, цвет обвинения. По залу пронеслась волна возбуждённого шёпота, когда вошедший в зал Адекор оказался одет не в синее, как подобает обвиняемому, а в легкомысленную широкую рубаху с цветочным узором и светло-зелёные штаны. Он прошёл прямо к вертящемуся табурету, с которым уже успел свести близкое знакомство.

— Учёный Халд, — сказала арбитр Сард, — у нас есть традиции, и я ожидаю от вас их соблюдения. Я думаю, вы уже хорошо осведомлены о том, как я не люблю попусту тратить время, иначе я бы послала вас домой переодеться, но завтра будьте добры явиться в синем.

— Конечно, арбитр, — сказал Адекор. — Прошу меня простить.

Сард кивнула.

— Итак, начинаем финальное разбирательство по делу об убийстве Адекором Халдом, проживающим на Окраине Салдака, Понтера Боддета, проживающего там же. Главный трибунал состоит из Фарбы Донда, — пожилой мужчина кивнул, — а также Каб Жодлер и меня, Комель Сард. Обвинитель — Даклар Болбай, в качестве опекуна Мегамег Бек, младшего ребёнка своей умершей партнёрши. — Сард обвела взглядом забитое людьми помещение, и её лоб пересекла

довольная борозда: она знала, что об этом деле будут говорить ещё много месяцев спустя. — Мы начнём с вступительного слова обвинителя. Даклар Болбай, можете начинать.

— Со всем уважением, арбитр, — сказал Адекор, поднимаясь на ноги, — не мог бы говорящий от моего имени сначала представить заявление защиты?

— Учёный Халд, — резко сказал Донд, — арбитр Садр уже вынесла вам предупреждение относительно следования традициям. Обвиняемый всегда говорит первым, и…

— О, я это прекрасно понимаю, — сказал Адекор. — Но, видите ли, я и правда осведомлён о стремлении арбитра Сард продвигать дело со всей возможной скоростью, и я уверен, что нарушение порядка выступления значительно его ускорит.

Болбай поднялась, по-видимому, почувствовав выгоду для себя. И правда, если она будет выступать после защиты, то сможет разнести её аргументы в клочки уже во вступительном слове.

— Как обвинитель, я не возражаю против того, чтобы защита выступила первой.

— Спасибо, — сказал Адекор, отвешивая поклон. — Теперь, если позволите…

— Учёный Халд! — рявкнула Сард. — Не обвиняемому определять порядок слушания дела. Мы будем слушать его согласно традиции, и первой говорить будет Даклар Болбай.

— Я лишь подумал… — начал Адекор.

— Тишина! — От возмущения Сард начала краснеть. — Вы вообще не должны говорить. — Она посмотрела на Жасмель. — Жасмель Кет, лишь вы одна можете говорить от имени учёного Халда; пожалуйста, запомните это хорошенько.

Жасмель встала.

— Со всем уважением, арбитр, но сегодня не я говорю от имени Адекора. Вы сами посоветовали ему найти более подходящего защитника.

Сард коротко кивнула.

— Отрадно слышать, что он хотя бы изредка прислушивается к тому, что ему говорят. — Она оглядела толпу. — Хорошо. Кто говорит от имени Адекора Халда?

Понтер Боддет, который стоял непосредственно за дверями зала Совета, вошёл в зал.

— Я, — объявил он.

Некоторые из зрителей ахнули.

— Очень хорошо, — сказала Сард, глядя в протокол и готовясь внести в него изменение. — И ваше имя…?

— Боддет, — сказал Понтер. Сард резко вскинула голову. — Понтер Боддет.

Понтер оглядел зал. Жасмель до сих пор удерживала Мегамег, но сейчас отпустила сестру. Мегамег кинулась через весь зал Совета к Понтеру, и тот подхватил её с пола и крепко прижал к груди.

— К порядку! — взревела Сард. — Всем соблюдать порядок!

Понтер улыбался от уха до уха. Он немного опасался, что власти могут решить держать существование другой Земли в секрете. В конце концов, доктор Монтего и доктор Сингх лишь в последний момент смогли предотвратить захват Понтера глексенскими властями, в результате которого он мог исчезнуть навсегда. Но сейчас тысячи людей смотрели на своих домашних визорах на то, что видели эксгибиционисты, и целый зал обычных компаньонов транслировал происходящее на кубы алиби своих владельцев. Весь мир — *этот* мир — скоро узнает правду.

Болбай поднялась на ноги.

— Понтер!

— Твоё стремление отомстить за меня похвально, дорогая Даклар, — сказал он, — но, как видишь, несколько преждевременно.

— Где ты был? — спросила Болбай. Адекору показалось, что она выглядит скорее рассерженной, чем обрадованной.

— Где я был? — повторил Понтер, глядя на серебристые костюмы в толпе. — Должен сказать, я польщён тем, что дело об убийстве не слишком известного учёного привлекло столько эксгибиционистов. В их присутствии, и в присутствии сотен обычных компаньонов, посылающих сигналы в павильон алиби, я с превеликим удовольствием всё подробно объясню. — Он оглядел обращённые к нему лица — широкие, плоские лица; лица с носами нормального размера, а не теми пимпочками, что считаются носами у глексенов; заросшие волосами лица мужчин и менее волосатые — женщин; лица с далеко выступающими надбровными дугами и сглаженными нижними челюстями; прекрасные, превосходные лица, лица его народа, его друзей, его вида. — Но сначала, — произнёс он, — я хотел бы сказать, что нет в мире места лучше, чем родной дом.

Глава 47

Шесть дней спустя

Пятница, 16 августа

148/119/09

Адекор и Понтер прибыли к дому Дерна, инженера-робототехника. Дерн ввёл их в дом и включил визор. Понтер заметил, что Дерн, как и он сам, поклонник Луласма.

— Друзья, — сказал Дерн, — рад вас видеть. — Он указал на чёрный квадрат визора. — Вы смотрели визит Луласма в Экономическую Академию сегодня утром?

Понтер покачал головой; Адекор тоже.

— Известная вам Сард оставила пост арбитра. По-видимому, её коллеги посчитали, что на вашем процессе она была недостаточно беспристрастна.

— *Недостаточно?* — поражённо воскликнул Адекор. — Очень мягко сказано.

— В любом случае, — продолжал Дерн, — Серые решили, что её вклад будет более осмысленным,

если она станет преподавать право 146-му поколению.

— Это вряд ли заинтересует кого-то из эксгибиционистов, — сказал Понтер, — но Даклар Болбай находится на лечении. Учится справляться с горем, гневом и подобными эмоциями.

Адекор улыбнулся.

— Я представил её скульптору личности, который помог мне, и тот свёл её с нужными специалистами.

— Очень хорошо, — сказал Дерн. — Вы собираетесь требовать от неё публичных извинений?

Адекор качнул головой.

— Понтер снова со мной, — сказал он. — Больше мне ничего не надо.

Дерн улыбнулся и велел одному из своих многочисленных домашних роботов принести напитки.

— Спасибо за то, что зашли, — сказал Дерн и улёгся на длинную кушетку, скрестив лодыжки и закинув руки за голову; его округлое брюшко поднималось и опускалось в такт дыханию.

Понтер и Адекор взобрались на седлокресла.

— Ты хотел поговорить о чём-то важном, — мягко напомнил Понтер.

— Ага, — сказал Дерн, перекатывая голову на

бок, чтобы взглянуть на них. — Я думаю, мы должны найти способ сделать проход между двумя версиями Земли постоянно открытым.

— Похоже, он открыт, пока сквозь него просовывается материальное тело, сказал Понтер.

— Э-э… да, на коротких отрезках времени, — сказал Адекор. — На самом деле мы не знаем, можно ли это состояние поддерживать неограниченно долго.

— Если бы получилось, — сказал Понтер, — то какие открылись бы перспективы. Туризм. Торговля. Научный и культурный обмен.

— Именно, — сказал Дерн. — Взгляните на это. — Он скинул ноги на пол и поставил на полированный деревянный стол какой-то объект. Это была сплетённая из проволоки труба, чуть длиннее самого длинного его пальца и не толще самого толстого. — Это деркерова труба, — сказал он. Он втиснул внутрь трубки кончики двух пальцев и стал разводить их в стороны. Отверстие расширялось и расширялось, решётка с натянутой на ней эластичной мембраной растягивалась и растягивалась, пока края трубки не разошлись на целую пядь.

Дерн отдал трубку Понтеру.

— Попробуй её теперь смять, — сказал он.

Понтер обхватил трубку рукой, насколько хватило длины пальцев, потом приложил вторую ладонь и двумя руками обхватил её по всей окружности. Потом нажал, сперва легко, потом изо всей силы. Трубка не сжималась и не сминалась.

— Эта совсем мелкая, — сказал Дерн, — но на шахте есть такие, что растягиваются в диаметре на три сажени. Мы ими пользуемся для укрепления тоннелей в местах, где есть опасность обрушений. Горные роботы стоят недёшево, не хочется их терять.

— Как это работает? — спросил Понтер.

— Сетка на самом деле состоит из набора шарнирных сочленений с храповиками на концах. После того, как её растянули, вернуть её в исходное состояние можно лишь войдя в неё со специальным инструментом и разблокировав фиксатор на каждом элементе.

— То есть ты предлагаешь, — сказал Понтер, — после того, как мы снова откроем портал в другую вселенную, просунуть в него такую штуку — как ты её назвал? Деркерова труба? Просунуть в портал деркерову трубу и растянуть её до максимального диаметра?

— Именно так, — сказал Дерн. — И люди смогут

просто ходить из одной вселенной в другую.

— Им придётся пристроить с той стороны платформу и ступени, чтобы подниматься до уровня перехода, — сказал Понтер.

— Я уверен, это им будет нетрудно сделать, — сказал Дерн.

— А что произойдёт, если портал всё-таки нельзя держать открытым вечно? — спросил Адекор.

— Ну, я бы порекомендовал не мешкать в тунеле, — сказал Дерн. — Полагаю, если портал самопроизвольно закроется, то просто разрубит трубу пополам. Или так, или трубу выдавит на одну из сторон.

— Возникнет много других проблем, — сказал Понтер. — Когда я был там, мне стало очень плохо; на той стороне существуют микробы, к которым у нас нет иммунитета.

Адекор кивнул.

— Придётся принять меры безопасности. Мы, разумеется, не хотим, чтобы патогены свободно переносились из их мира в наш, а наши путешественники перед переходом туда должны будут проходить иммунизацию.

— Это всё можно организовать, — сказал Дерн. — Хотя лично я не представляю себе, какова могла бы быть процедура.

На короткое время наступила тишина. Потом Понтер сказал:

— Кто будет принимать это решение? — спросило он. — Кто решит, что мы должны установить постоянный контакт с другой Землёй — или хотя бы снова установить временный контакт?

— Я уверен, что установленной процедуры решения таких вопросов не существует, — сказал Адекор. — Сомневаюсь, что кто-нибудь когда-нибудь всерьёз обдумывал возможность путешествия в параллельную вселенную.

— Если бы не опасность заражения тамошними микробами, — сказал Понтер, — я бы считал, что мы должны снова открыть портал как можно скорее, но…

Снова повисла тишина, потом заговорил Адекор:

— Они… они хорошие люди, Понтер? Стоит ли нам общаться с ними?

— Они очень разные, — сказал Понтер, — в очень многих отношениях. Но они сделали мне много добра, и обращались со мной очень хорошо. — Он помолчал, потом кивнул. — Да, я считаю, что нам стоит вступить с ними в контакт.

— Тогда ладно, — сказал Адекор. — Я думаю, нашим первым шагом должно быть обращение

в Серый Совет. Нам надо начинать над ним работать.

Понтер много думал о том, что Мэре сказала ему в клети подъёмника, везущего их в нейтринную обсерваторию. Да, она прочла его намерения верно; она действительна была ему интересна. Некоторые вещи остаются понятными даже сквозь границы биологических видов и вариантов истории.

Сердце Понтера забилось сильней. Кажется, им предстоит увидеться снова.

И кто знает, что из этого выйдет на этот раз?

Был только один способ узнать.

— Да, — радостно сказал Понтер Боддет. — За работу.

* * *

Обычно Торонто лишь в сентябре становится таким щемяще прекрасным, небо над ним — таким глубоким и безупречно чистым, ветерок — шёлково нежным, а температура — идеальной; город наполняется той разновидностью гармонии, которая всегда напоминала Мэри, почему она всё-таки верит в Бога.

Но до сентября было ещё две недели, и, ра-

зумеется, когда наступит День Труда[38], этот внезапный знак препинания в конце лета, для Мэри придёт время возвращаться на работу, к своей старой жизни: преподавать генетику, не сходиться ни с кем особо близко и многовато есть. Но сейчас, вот прямо сейчас, под этим восхитительным небом Торонто казался раем на земле.

За время, проведённое в Северном Онтарио, Мэри растеряла несколько из обычных своих фунтов, но она знала, что это ненадолго. Все диеты, на которых ей приходилось сидеть, напоминали ей растительное масло «Crisco», которое «всегда возвращается, кроме, может быть, одной столовой ложки»[39].

Конечно, в Садбери она не сидела на сбалансированной диете, а просто ела меньше, чем обычно. Одна причина была в возбуждении по поводу всех этих невероятных событий, сопровождавшем всё её пребывание в Садбери, с Понтером. Этой причины больше не было.

Другая же причина никуда не исчезла и вряд

---

[38] notes: 38

В США и Канаде отмечается в первый понедельник сентября. *(Прим. перев.)*

[39] notes: 39

Рекламный слоган популярной в США и Канаде марки растительного масла, подчёркивающий, как мало его нужно для готовки — почти всё оно возвращается обратно в кухонный шкаф. *(Прим. перев.)*

ли исчезнет — последствия изнасилования.

Сегодня, в понедельник, Мэри согласилась приехать в университет на собрание факультета, и сегодня впервые с того ужасного вечера — неужели это было всего семнадцать дней назад? — ей пришлось пройти мимо того места, где произошло нападение, мимо бетонной стены, к которой насильник с закрытым чёрной балаклавой лицом прижал её тело.

Но, конечно, не стена была виновата в том, что её изнасиловали. Виноват был он, тот монстр, и больное общество, породившее его. Проходя мимо, она провела кончиками пальцев по стене, следя за тем, чтобы не выщербить края накрашенных красным лаком ногтей, и в этот момент её посетила безумная мысль. Она вспомнила другую стену из далёкого прошлого, на которой Кольм нацарапал их инициалы.

Тридцативосьмилетней женщине об этом смешно даже задумываться, но, возможно, ей следовало бы нацарапать МВ+ПБ на этой стене. Хотя, подумала она, ПБ лучше изобразить символами родного языка Понтера Боддета.

В любом случае, проходя мимо этой стены, она бы каждый раз улыбалась, а не испытывала бы отвращение. Это была бы печальная улыбка,

поскольку она знала, что вряд ли когда увидит Понтера снова. И всё же это было бы воспоминание… да, воспоминание *любви*; вспоминать об утраченной любви куда как предпочтительнее, чем о том, что случилось здесь.

И Мэри Воган зашагала вдоль стены навстречу своему будущему.

Приложение

Неандертальская система измерения времени

На Земле существует три естественных единицы измерения времени: сутки (время, за которое Земля совершает полный оборот вокруг оси), месяц (время, за которое Луна обходит вокруг Земли) и год (время, за которое Земля обходит вокруг Солнца).

Из-за своего сельскохозяйственного экономического уклада, который базируется сезонных работах — посевных и уборочных, мы отдаём предпочтение году, и при этом искажаем истинное значение всех трёх естественных единиц так, чтобы они делились друг на друга нацело.

Продолжительность звёздного (сидерического) года (один оборот вокруг солнца относительно неподвижных звёзд) составляет 365 суток 9 минут 9,54 секунды, но мы считаем, что в обычном году ровно 365 суток, а в високосном — 366.

Продолжительность синодического месяца (полный цикл смены лунных фаз) составляет 29 суток 12 часов 44 минуты 3 секунды, но в наших «месяцах» от 28 до 31 дня.

Продолжительность сидерических суток (полный оборот Земли вокруг оси относительно неподвижных звёзд) — 23 часа 56 минут 4,09 секунды, но мы округляем его до 24 часов.

Более того, многие из наших религий специально напускали в календарь туману для усиления власти духовенства (алгоритм расчета дат Пасхи, к примеру, изначально держался в строжайшем секрете).

Однако в обществе без сельского хозяйства и религии у неандертальцев не было никаких причин усложнять исчисление времени. Синодический месяц (промежуток времени между двумя последовательными новолуниями) был очень важен для их репродуктивной биологии, поэтому они никогда не искажали его длительность. Разумеется, каждый способен отмерять время в этих единицах, просто следя за фазами луны на ночном небе, так что их календарь гораздо эгалитарнее нашего.

Наименьшая единица измерения времени у неандертальцев — такт, изначально определявшийся как промежуток между двумя ударами спокойного сердца, но потом формально приравненный к одной стотысячной сидерических суток.

Остальные единицы неандертальского календаря по большей части являются десятичными произведениями основных единиц. Вот их полный набор, в порядке увеличения продолжительности, с приблизительным значением в наших единицах:

Неандертальская единица	Эквивалент
такт	0,86 секунды
гектотакт	86 секунд
децидень	2,39 часа
день	1 звёздные сутки
месяц (продолжительности месяцев одинакова)	29 суток 12 часов 44 минуты
декамесяц	295.32 суток
год	1 звёздный год
гектомесяц	8,085 звёздных лет
поколение	10 лет (1 десятилетие)
киломесяц	80.853 лет

(Очень приблизительно можно считать, что такт — это примерно секунда, гектотакт — минута, декамесяц — год, гектомесяц — десятилетие, киломесяц — столетие.)

Луна

Неандертальцы разделяют месяц как на очевидные четверти (новолуние, первая четверть, полнолуние, последняя четверть), так и на особые периоды, основанные на менструальном цикле:

День	Событие
1	*новолуние*
1–5	менструация
8	*первая четверть*
10–17	фертильный период, зачатие возможно
15	*полнолуние*
15	овуляция
22	*последняя четверть*
25–29	«Последние Пять»

Отсчёт поколений

Новое поколение рождается каждые десять лет. Базой для отсчёта поколений служит год, а не месяц, потому что момент зачатия всегда выбирается так, чтобы рождения приходились на весну: у младенца выше шансы выжить, если первую зиму своей жизни он встретит лишь через восемь месяцев после рождения.

Календарная дата состоит из трёх чисел: номера поколения, номера месяца внутри поколения,

и номера дня внутри месяца. 148/118/28 — это 28-й день (когда луна выглядит тонким серпиком, готовым исчезнуть) 118-го месяца (середина девятого года) 148-го поколения с момента основания современного неандертальского календаря (что произошло в году, который мы называем 523 н. э.)

Поколение	Год начала (н. э.)	Текущий возраст (лет)	Представители
148	1993	9	Мегамег Бек, Даб
147	1983	19	Жасмель Кет
146	1973	29	
145	1963	39	Понтер, Адекор, Даклар Болбай
144	1953	49	
143	1943	59	Дабдалб (хранитель алиби)
142	1933	69	Сард (арбитр)
141	1923	79	

Эра компаньонов началась с изобретения импланта Лонвесом Тробом; это произошло в 140-м поколении, в 1922 году по нашему календарю.

Интервью с автором

(выдержка из интервью Стивена Силвера с Робертом Дж. Сойером, июль 2002; взято с http://www.sfsite.com/09a/rsa135.htm)

В «Неандертальском параллаксе» неандертальцы, как и мы, считают Европу и Азию двумя континентами — Эвсоем и Галасоем. Почему?

Из-за особенностей расселения неандертальцев по земному шару. Они появились в Европе и потом мигрировали в Азию. Европа и Азия весьма различны в плане геологии и разделены Уральскими горами, создающими природный барьер между двумя массивами суши. «Эвсой» и «Галасой» означают просто «Старая земля» и «Новая земля», но, конечно же, у неандертальцев имеется термин для всего евразийского массива, просто в тексте я этот термин не упоминаю. Кстати, заметьте, мы считаем Северную и Южную Америку отдельными континентами с незапамятных времён, хотя до появления Панамского канала они являлись единым массивом суши.

Почему вы решили вывести в «Гоминидах»

реально существующую компанию «Инко», и не какую-нибудь вымышленную?

Значительная часть действия романа разворачивается в Нейтринной обсерватории Садбери, реально существующем научном учреждении в Северном Онтарио. И так случилось, что оно действительно располагается в двух километрах под землёй в шахте, принадлежащей «Инко» — реально существующей канадской горнодобывающей компании. Я люблю помещать своих персонажей в реальные научные учреждения — к примеру, действие «Вспомни, что будет» происходит в ЦЕРНе и Лоренсовской лаборатории в Беркли. В этот раз оказался задействован частный бизнес. Нет, у меня нет акций «Инко», и я не связан с этой компанией никаким иным способом, однако она известна своей поддержкой научных проектов. Они не получают никакой прибыли от нейтринной обсерватории, которая, несомненно, создаёт им проблемы — но они свернули горы (причём в буквальном смысле — выкопали детекторную камеру и ведущий к ней штрек) для того, чтобы она заработала. Это великолепный пример ответственности перед обществом, подлинного корпоративного гражданства, так что я был только рад сделать им в

«Гоминидах» немного рекламы.

Компаньоны в «Гоминидах» поначалу появляются как полезные и удобные инструменты для работы с информацией, но вскоре выясняется, что компаньоны — это глаза «Большого брата», а в неандертальском общественном устройстве проглядывают явно фашистские черты, которые не вызывают никакого отторжения в обществе. Было ли это вашим изначальным замыслом, и собираетесь ли вы разрабатывать эту тему в следующих книгах?

Я просто поражён, как много людей спрашивает меня о том, увидим ли мы во вселенной неандертальцев что-то плохое. Да, негативные черты нашего общества всплывали на поверхность явно и недвусмысленно по мере того, как Понтер открывал их для себя, тогда как негатив о неандертальском общества подавался не столь явным образом — но он всё равно присутствует в книге, настолько же очевидный, как нос на лице неандертальца. Разумеется, фашистские и тоталитарные аспекты их общественного устройства не случайны — именно таким я его и задумал.

Я также хотел заставить людей задуматься о том, какую огромную цену мы платим за поддержание приватности, принимая во внимание

то, насколько тяжёлый ущерб способен сейчас нанести один человек. «Мы ценили личную свободу превыше всего» — такая гордая эпитафия могла бы красоваться на надгробном камне человеческой расы. «Гоминиды» — это не памфлет, но будет поучительно взглянуть на него как на книгу об отличиях не Homo sapiens от Homo neanderthalensis, а американской культуры от канадской (эта параллель будет затронута в явном виде в третьем томе, «Гибриды»). В конце концов, Канада — полусоциалистическая страна, которая верит — по заявлениям нашего правительства — в идеалы мира, порядка и хорошего управления. Основные же документы США обещают жизнь, свободу и стремление к счастью — совсем другой набор, который, особенно после 11 сентября, может идти в комплекте с чрезвычайно высокой ценой в терминах общественной безопасности. В мире неандертальцев мы видим альтернативу, которая даёт реальные выгоды, но требует за них весьма высокую цену.

Люди

Если б это было так просто! — что где-то есть чёрные люди, злокозненно творящие чёрные дела, и надо только отличить их от остальных и уничтожить. Но линия, разделяющая добро и зло, пересекает сердце каждого человека. И кто уничтожит кусок своего сердца?...

Александр Солженицын

Посвящается
Марку Асквиту
Властелину множественных вселенных

Пролог

— Я совершил ужасную вещь, — сказал Понтер Боддет, сидя верхом на седлокресле в кабинете Журарда Селгана.

Селган принадлежал к поколению 144, на десять лет старше Понтера. Его волосы были умудрённо седы, а пробор раздался вширь и превратился в широкую реку лысины, впадающую в озеро покатого лба над надбровным валиком.

— Продолжайте.

— Мне казалось, что у меня нет выбора, — сказал Понтер, глядя в пол; его собственный надбровный валик отгораживал его от взгляда изумрудных глаз Селгана. — Мне казалось, что я должен был это сделать, но…

— Но сейчас вы сожалеете об этом?

Понтер молчал, упершись взглядом в устланный мхом пол кабинета.

— Вы сожалеете о содеянном?

— Я… я не уверен.

— Вы сделали бы это снова, доведись вам снова пережить тот момент?

Понтер коротко хохотнул.

— Что смешного? — спросил Селган; в его голо-

се было скорее любопытство, чем раздражение.

Понтер посмотрел на него.

— Я думал, только мы, физики, устраиваем мысленные эксперименты.

Селган усмехнулся.

— Мы с вами не так уж сильно различаемся. Мы оба пытаемся найти истину и разрешить загадку.

— Надо полагать, — согласился Понтер. Теперь он смотрел на гладкую, плавно закругляющуюся стену цилиндрического помещения.

— Вы не ответили на вопрос, — напомнил Селган. — Сделали бы вы это снова, будь такое возможно?

Понтер какое-то время молчал, и Селган его не торопил, давая обдумать ответ. Наконец, Понтер сказал:

— Я не знаю.

— Не знаете? Или просто не хотите сказать?

И снова Понтер молчал.

— Я хочу вам помочь, — сказал Селган, поёрзав на своём седлокресле. — Такова моя цель. Я не собираюсь вас судить.

Понтер снова засмеялся, но в этот раз его смех прозвучал удручённо.

— В этом-то всё и дело, так ведь? Никто *нас*

не судит.

Селган нахмурился.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что в другом мире — на той, другой Земле — люди верят, что существует… у нас нет для этой концепции слова, но они называют это Бог. *Бесплотное высшее существо, которое создало вселенную.*

Селган покачал головой.

— Как у вселенной может быть создатель? Чтобы что-то было создано, оно должно иметь начало. Но у вселенной нет начала. Она существовала всегда.

— Вы знаете это, — сказал Понтер. — Я знаю это. Но они *этого не знают. Они считают, что их вселенной всего… они говорили про двенадцать миллиардов лет; полтораста миллиардов месяцев.*

— Что же существовало прежде этого момента?

Понтер нахмурился, припоминая свои разговоры с глексенской женщиной-физиком Лу Бенуа — как бы ему хотелось уметь правильно произносить их имена! — Они говорят, что до этого не было *времени; что время началось лишь с появлением вселенной.*

— Какая странная идея, — сказал Селган.

— Согласен, — сказал Понтер. — Однако если бы они признали, что Вселенная существовала всегда, то в ней не нашлось бы места для этого их Бога.

— Ваш партнёр тоже физик, не так ли? — спросил Селган.

— Да, — сказал Понтер. — Адекор Халд.

— Так вот, я уверен, что вы часто разговариваете с Адекором о физике. Меня же больше интересуют другие вещи. Вы упомянули этого… этого «Бога» в связи с концепцией правосудия. Расскажите мне об этом подробнее.

Понтер помолчал пару мгновений, пытаясь сообразить, как лучше описать эту концепцию.

— Похоже, что бóльшая часть тех, других людей верит в так называемую «загробную жизнь» — в существование, которое следует за смертью.

— Но ведь это смешно, — сказал Селган. — Это терминологическое противоречие.

— О да, — согласился Понтер, улыбаясь. — Но это особенность их мышления — настолько распространённая, что они даже выдумали для неё специальное слово, словно, дав ему название, они разрешают парадокс. Я не могу произнести

это в точности, как они, но звучит это похоже на «о-ксу-мор-он».

Селган улыбнулся.

— Хотел бы я, чтобы кто-нибудь из них попал ко мне — было бы интересно узнать, как функционирует такой разум. — Он помолчал. — Существование, которое следует за смертью: на что, по их мнению, оно похоже?

— Это самое интересное, — сказал Понтер. — Оно может принимать одну из двух форм, в зависимости от того, как вы вели себя, пока были живы. Если вы прожили хорошую, добродетельную жизнь, то будете вознаграждены чрезвычайно приятным посмертным существованием. Но если при жизни вы вели себя плохо или просто совершили при жизни какой-нибудь особенно злой поступок, то последующее существование будет состоять из сплошных мучений.

— И кто выносит решение? — спросил Селган. — О, погодите, кажется догадываюсь. Это решает Бог, так ведь?

— Именно. По крайней мере, они в это верят.

— Но почему? Почему они верят в нечто настолько нелепое?

Понтер слегка пожал плечами.

— На основании исторических свидетельств,

оставленных людьми, якобы общавшихся с Богом.

— Исторических свидетельств? — удивился Селган. — А сейчас кто-нибудь общается с этим Богом?

— Некоторые утверждают, что общаются. Но я так понял, что это ничем не подтверждается.

— И этот Бог, он что, является арбитром для каждого человека?

— Предполагается, что да.

— Но в мире 185 миллионов человек; многие тысячи умирают ежедневно.

— Это у нас. В их мире живёт больше шести миллиардов человек.

— Шести миллиардов! — Селган покачал головой. — И каждый каким-то образом будет после смерти помещён в одно из двух мест, которые вы упомянули?

— Да. После суда.

Понтер увидел, как Селган скривил лицо. Детали глексенских верований явно заинтриговали скульптора личности, но его основным интересом были мысли самого Понтера. — «После суда», — повторил он, словно это слово было мясом, вкусом которого стоило как следует насладиться.

— Именно, суда, — сказал Понтер. — Вы не понимаете? — У них нет имплантов-компаньонов. У них нет архивов алиби. Они не ведут всю жизнь подробную запись всех своих действий. У них ничего этого нет, потому что они верят, что им ничего этого не нужно. Они считают, что Бог смотрит на них и видит всё — и даже присматривает за ними, оберегает. И они верят, что никакое злое деяние в конечном итоге *не может сойти никому с рук.*

— Но вы сказали, что совершили нечто ужасное.

Понтер смотрел в окно на свой мир.

— Да.

— Там? В том, другом мире?

— Да.

— Но вы не разделяете их веру в этого их Бога.

Понтер фыркнул.

— Конечно, нет.

— И вы считаете, что вас никогда не будут судить за плохой поступок, который вы совершили?

— Именно. Не сказать, чтобы это было идеальное преступление. Но в том мире ни у кого нет никаких оснований подозревать меня, а здесь ни у кого не может быть причин потребовать про-

смотра именно этой части моего архива алиби.

— Вы назвали это преступлением. Было это деяние преступным по меркам того, другого мира, в котором вы находились?

— О, да.

— А мы посчитали бы это преступлением, соверши вы его здесь?

Понтер кивнул.

— Что вы сделали?

— Я… мне стыдно об этом рассказывать.

— Я ведь сказал, я не собираюсь вас судить.

Понтер неожиданно для себя вскочил на ноги.

— В этом-то всё и дело! — крикнул он. — Никто *не будет меня судить — ни здесь, ни там. Я совершил преступление. Я получил* удовольствие, *совершая его. И да — завершим ваш мысленный эксперимент — да, я сделал бы это ещё раз, доведись мне пережить тот момент снова.*

Какое-то время Селган молчал, по-видимому, ожидая, пока Понтер успокоится.

— Понтер, я могу помочь вам, если вы мне это позволите, — сказал он. — Но вы должны говорить со мной. Вы должны рассказать мне, что произошло. Почему вы совершили это преступление? Что к нему привело?

Понтер снова сел, перебросив ноги через сед-

локресло.

— Я начну с моего первого посещения другой Земли, — сказал он. — Тогда я познакомился с женщиной по имени Мэре Воган…

Глава первая

Это был последний вечер Мэри в Садбери, и она по этому поводу испытывала неоднозначные чувства.

Она не сомневалась, что отъезд из Торонто пошёл ей на пользу. После того, что там произошло — *Боже мой*, подумала она, *неужели всего две недели назад?* — покинуть город, вырваться из окружения, которое постоянно напоминало ей о том ужасном вечере, было, несомненно, правильным решением. И хотя завершилось всё на немного грустной ноте, она бы ни на что не променяла те дни, что провела с Понтером Боддетом.

Её воспоминания о тех днях были словно подёрнуты флером: уж слишком фантастичными они казались. Однако бесчисленные фотографии, телерепортажи и даже рентгеновские снимки убеждали — всё это случилось на самом деле. Современный неандерталец с параллельной версии Земли каким-то образом проскользнул в нашу вселенную. Теперь, когда он отправился обратно, Мэри уже и сама с трудом в это верила.

Но это *было*. Понтер на самом деле был здесь, и

она действительно в него…

Не преувеличивает ли она? Не делает ли из мухи слона?

Нет. Нет, именно это и произошло.

Она влюбилась в Понтера, и, возможно, он тоже полюбил её.

Если б только она была цельной, полноценной, не надломленной психологической травмой личностью, всё могло бы пойти по-другому. О, она бы всё равно не устояла перед добродушным великаном — но тем вечером, когда они смотрели на звёзды, когда он потянулся и взял её за руку, она бы не замерла от его прикосновения.

Это было слишком рано, сказала она ему на следующий день. Слишком мало времени прошло после…

Она ненавидела это слово; ненавидела произносить его, даже в мыслях.

Слишком мало времени прошло после изнасилования.

А ещё через день она возвращалась домой, туда, где произошло изнасилование — в кампус Йоркского университета в Торонто, к её прежней жизни преподавателя генетики.

К её прежней одинокой жизни.

Она будет скучать по многому, что осталось

в Садбери. Например, по отсутствию пробок. Она будет скучать по друзьям, с которыми познакомилась здесь — Рубену Монтего и Луизе Бенуа. Будет скучать по расслабленной атмосфере Лаврентийского университета, где она провела исследование митохондриальной ДНК, доказавшее, что Понтер Боддет на самом деле неандерталец.

Но больше всего, осознала она, стоя на обочине сельской дороги и глядя в безоблачное ночное небо, ей будет не хватать *вот этого*. Вида бескрайних звёздных россыпей. Вида Туманности Андромеды, которую показал ей Понтер. Вида изгибающегося над головой Млечного пути.

А ещё…

Да!

Да!

Особенно она будет скучать вот по этому — по виду северного сияния, мерцающего и волнующегося по всему небу: бледно-зелёные полотнища, призрачные занавеси.

Мэри и правда надеялась в тот вечер снова увидеть северное сияние. Она возвращалась из дома Рубена в городке Лайвли (ха-ха!), с прощального барбекью с Рубеном и Луизой; и она съехала на обочину специально, чтобы ещё раз полюбовать-

ся ночным небом.

И небеса пошли навстречу. Зрелище захватывало дух.

Теперь северное сияние будет всегда ассоциироваться у неё с Понтером. Она была с ним, когда увидела это впервые. Она почувствовала странное ощущение в груди, будто распирающий её священный трепет, вызванный разворачивающимся на небе действом, начал ослаблять сдавливающую её печаль.

Северное сияние было прекрасно.

А его не было.

Небесные огни мерцали и переливались, их холодный зелёный свет заливал окрестности, очерчивая силуэты берёз и осин, ветви которых слегка колыхались под мягким августовским бризом.

Понтер говорил, что он часто видит северное сияние. Отчасти из-за того, что приспособленные к холоду неандертальцы предпочитают селиться в более высоких широтах, чем люди этой Земли.

Отчасти — из-за того, что благодаря феноменально острому нюху неандертальцев и вечно бдящим имплантам-компаньонам в его мире безопасно даже ночью; в родном городе Понтера Салдаке, расположенном на том же месте, где

на этой Земле был Садбери, не было уличного освещения.

А третья причина была в том, что неандертальцы большую часть своих энергетических потребностей удовлетворяют чистой солнечной энергией, благодаря чему небеса в их мире гораздо прозрачнее.

Мэри дожила до тридцати восьми лет, ни разу в жизни не видев северного сияния. Она вряд ли вернется в Северное Онтарио в обозримом будущем, так что она знала, что сегодня, возможно, она видит волнующееся море небесных огней в последний раз.

И она упивалась этим зрелищем.

Понтер говорил, что некоторые вещи одинаковы на обеих версиях Земли: крупные детали географии, большинство видов растений и животных (хотя в мире неандертальцев, никогда не убивавших больше, чем требуется для пропитания, до сих пор жили мамонты и моа), общее устройство климата. Но Мэри — учёный: она разбиралась в теории хаоса, знала, как взмах бабочкиных крыльев может изменить погоду на другом конце света. Разумеется, из того, что небо чисто и безоблачно на этой Земле, никак не следовало, что то же самое верно для мира Понтера.

Однако если погодные условия всё-таки совпали, то, возможно, Понтер сегодня тоже смотрит на ночное небо.

И, возможно, думает о Мэри.

Понтер, разумеется, увидит те же самые созвездия, пусть и называет он их по-другому; ничто, происходящее на Земле, не в силах изменить пути далёких звёзд. Но будет ли северное сияние таким же? Имеют бабочки или люди какое-либо влияние на хореографию небесных огней? Возможно, они с Понтером смотрят на одну и ту же картину — развевающиеся световые полотнища и протянувшиеся поперёк них семь звёзд Большого Ковша (или, как он их называет, Головы Мамонта).

Да, он запросто может сейчас смотреть на те же переливы света, что и она, на вот эту волну, что пошла налево, на тот же…

О Господи!

Мэри ощутила, как у неё падает челюсть.

Световой занавес расходился посередине, словно лист аквамариновой папиросной бумаги, который разрывают гигантские руки. Разрыв удлинялся и расширялся, начавшись в зените и уходя к горизонту. Мэри не видела ничего подобного в тот, первый раз, когда смотрела на

северное сияние.

В конце концов полотнище разделилось надвое, словно Красное море перед Моисеем. Какие-то искры — хотя вряд ли это могли быть искры — заполняли пространство между половинками. А потом правая половина словно бы завернулась вверх, как штора на окне поезда, по мере подъёма меняя цвет — зелёный, синий, фиолетовый, оранжевый, бирюзовый…

А потом небо вспыхнуло всеми цветами радуги, и вся правая сторона северного сияния пропала.

Оставшаяся половина теперь бурлила и закручивалась, словно всасываемая в отверстие в небосводе. Кружение ускорялось, от него разлетались брызги холодного зелёного пламени.

Мэри заворожено смотрела. Пусть она всего во второй раз видела северное сияние, но фотографии в книгах и журналах попадались ей на глаза довольно часто. Она знала, что фотографии не дают полного представления; знала, что северное сияние волнуется и дрожит.

Но *такого* она никак не ожидала.

Светящийся вихрь продолжал сжиматься, по мере сжатия становясь всё ярче, и, наконец, с лёгким хлопком — или, может, он ей просто почудился — исчез.

Мэри отступила назад и упёрлась в холодный металл своего взятого напрокат «додж-неона». Внезапно она осознала, что не слышит звуков ночного леса: насекомые, лягушки, совы, летучие мыши затихли, словно все они тоже наблюдали за происходящим в небе чудом.

С растревожено бьющимся сердцем Мэри залезла обратно в машину; в голове металась одна мысль:

Интересно, это так и должно быть?

Глава вторая

Журард Селган поднялся с седлокресла и ходил вдоль периметра круглого кабинета, пока Понтер Боддет рассказывал ему о своём первом визите в мир глексенов.

— То есть в ваших отношениях с Мэре Воган остался элемент неудовлетворённости? — сказал Селган, возвращаясь на своё место.

Понтер кивнул.

— Отношения часто остаются невыясненными, — сказал Селган. — Было бы здорово, если бы в данном случае это было не так, но, без сомнения, в вашей жизни уже случались отношения, которые закончились не так, как вам бы хотелось.

— Да, — очень тихо произнёс Понтер.

— Вы подумали о ком-то конкретном, не правда ли? — сказал Селган. — Расскажите.

— Моя партнёрша, Класт Харбен, — сказал Понтер.

— Ах. Ваши отношения с ней завершились? Кто инициировал разрыв?

— Никто, — мрачно ответил Понтер. — Класт умерла двадцать месяцев назад.

— О, — сказал Селган. — Мои соболезнования.

Она была… она была старше вас?

— Нет. 145-я, как и я.

Бровь Селгана заползла на надбровный валик.

— Несчастный случай?

— Рак крови.

— Ах, — сказал Селган. — Трагедия. Но…

— Не говорите этого, Селган. — В голосе Понтера блеснул металл.

— Не говорить чего?

— Того, что вы собирались сказать.

— И что, по-вашему, я собирался сказать?

— Что мои отношения с Класт завершились внезапно, так же, как и мои отношения с Мэре.

— Вы так на это смотрите?

— Я знал, что не стоило сюда приходить, — сказал Понтер. — Вы, скульпторы личности, считаете свои выводы такими глубокомысленными. А они все лежат на поверхности. «Отношения с Зелёной завершились внезапно, и это напомнило вам о том, как завершились отношениях с Красной». — Понтер презрительно фыркнул.

Сеган несколько тактов сидел молча, по-видимому, ожидая, что Понтер скажет что-нибудь ещё. Не дождавшись, заговорил сам.

— Однако это вашими стараниями портал между нашим миром и миром Мэре открыли

снова. — Он замолчал, оставив фразу висеть в воздухе, и в конце концов Понтер ответил:

— И вы считаете, что причина в этом? Что меня не заботили последствия такого шага для нашего мира? Что всё, о чём я беспокоился — это мои незавершённые отношения?

— Так скажите мне, — мягко предложил Селган.

— Всё было совершенно не так. Нет, конечно, существует некоторое поверхностное сходство того, что случилось между мной и Класт, и того, что произошло между мной и Мэре. Но я учёный. — Сердитый взгляд его золотистых глаз впился в лицо Селгана. — Настоящий *учёный. Я понимаю, где имеется истинная симметрия — не в этом случае — и умею отличить её от ложной аналогии.*

— Но вы в самом деле оказывали давление на Верховный Серый совет. Я видел это по визору, как и тысячи других людей.

— Да, но… — он замолк.

— Но что? О чём вы тогда думали? Чего стремились достичь?

— Ничего — кроме того, что считал наилучшим для своего народа.

— Вы в этом уверены? — спросил Селган.

— Разумеется, уверен! — *рявкнул Понтер.*

Селган молчал, давая Понтеру прислушаться к эху его собственных слов, отражённому от полированных деревянных стен.

* * *

Понтер Боддет признавал, что ничто из пережитого им ранее — по сути, ничто из пережитого *кем бы то ни было* в его мире — не было настолько пугающим, как его перемещение в странный параллельный мир, куда он прибыл в полной темноте и едва не утонул в гигантском водяном баке сразу по прибытии.

Однако из всего пережитого им ранее в *этом* мире вряд ли что повергало его в такой ужас, как выступление перед Верховным Серым советом. Ведь это был не просто местный Серый совет; *Верховный* Серый совет управлял всей планетой, и его члены специально приехали сюда, в Салдак, чтобы встретиться с Понтером и Адекором и увидеть квантовый компьютер, с помощью которого уже дважды открывался портал в иную реальность.

Никто из членов Верховного Серого совета не был моложе 143-го поколения, то есть на двадцать лет старше Понтера. Мудрость и опыт, а так

же, при определённых обстоятельствах, злобное упрямство достигали в этих людях наивысшего расцвета.

Понтер мог просто бросить это дело. Никто не заставлял их с Адекором снова открыть портал в другой мир. В самом деле, никто на свете, кроме, может быть, той женской группы из Эвсоя, не смог бы их уличить, вздумай они утверждать, что открытие портала оказалось невоспроизводимой флуктуацией.

Однако возможности для торговли между двумя мирами были слишком велики, чтобы Понтер мог их проигнорировать. Обмен информацией был возможен совершенно точно: знания народа Понтера о сверхпроводимости в обмен на, скажем, космические технологии глексенов. Но вдобавок к этому был возможен и культурный обмен: произведения искусства этого мира на произведения искусства того; скажем, *дибалат* итеративного эпоса на, скажем, пьесу того же Шекспира, о котором часто слышал в том мире; скульптуры великого Кайдаса на полотна глексенских мастеров.

Разумеется, думал Понтер, он действовал исключительно из этих благородных побуждений. Разумеется, он не имел никаких личных выгод

от возможного открытия портала. Да, была Мэре. Но Мэре, без сомнения, не могла быть по-настоящему увлечена существом, настолько отличным от привычных ей мужчин — волосатому там, где мужчины её вида безволосы, приземистому и кряжистому, тогда как большинство глексенов худые и стройные, существом с надбровным валиком, выпирающим над глазами золотистого, а не голубого или коричневого цвета, как у большинства представителей её вида.

У Понтера не было сомнений, что Мэре действительно страдает от травмы, про которую говорила, но это наверняка была не самая главная из множества причин, по которым она отвергла его поползновения.

Но нет.

Не так.

Их по-настоящему тянуло друг к другу. Взаимно. Сквозь границы биологических видов и мировых линий, эта тяга была реальной. Понтер был в этом уверен.

Но будет ли лучше, если контакт возобновится? Он хранил и лелеял свои воспоминания о проведённых с ней днях — и это были только воспоминания, поскольку имплант-компаньон не мог ничего передавать в архив алиби с той сторо-

ны. Мэре существовала лишь в его воображении, его мыслях и снах; не было никакой объективной реальности, с которой можно бы было сравнить её мысленный образ, за исключением нескольких мгновений, в течение которых она попала в поле зрения робота, спущенного Адекором в портал, чтобы позвать Понтера домой.

Несомненно, так было лучше. Восстановление контакта могло испортить то, что между ними уже произошло.

И всё же…

И всё же, похоже на то, что портал всё-таки откроют снова.

Понтер посмотрел на Адекора Халда, своего партнёра, стоящего рядом с ним в небольшом вестибюле. Адекор ободряюще кивнул. Перед ними были массивные двери зала заседаний Совета. Понтер подхватил сложенную деркерову трубу, которую они принесли с собой, и они вошли в зал, готовые к встрече с Верховными Серыми.

* * *

— Само присутствие здесь учёного Боддета, — Адекор сделал жест в сторону Понтера, — является прямым доказательством того, что человек может пройти в иную вселенную и вернуться

обратно без вреда для себя.

Понтер смотрел на двадцатерых Серых: десять мужчин и десять женщин, по двое от каждого из десяти региональных правительств. На некоторых мероприятиях женщины садились в одной части помещения, а мужчины — в другой. Однако Верховный Серый совет имел дело с вещами, касающимися всего вида, поэтому мужчины и женщины, собравшиеся здесь со всех концов света, сидели вперемежку, образуя большой круг.

— Однако, — продолжал Адекор, — помимо Жасмель, дочери Понтера, которая просунула в портал голову во время спасательной операции, более никто из нашего мира в том мире не бывал. Когда мы создали портал впервые, это была случайность — побочный эффект эксперимента с квантовыми вычислениями. Но теперь нам известно, что наша вселенная и та, другая, в которой доминируют глексены, каким-то образом *спутаны*. Портал всегда открывается в одну и ту же из неисчислимого множества альтернативных вселенных, существующих в соответствии с современными физическими теориями. И из предыдущего опыта нам известно, что портал остаётся открытым, пока через него проходит твёрдое тело.

Бедрос, пожилой мужчина с Эвсоя, насупился на Адекора.

— Так что вы предлагаете, учёный Халд? Просунуть сквозь портал палку, чтобы не дать ему закрыться?

Понтер, стоящий рядом с Адекором, немного повернулся, чтобы Бедрос не заметил его усмешки.

Адекору повезло меньше; он смотрел Бедросу в глаза и не мог отвести взгляд так, чтобы не показаться невежливым.

— Ну… нет, — сказал он. — У нас на уме было нечто более… практичное, скажем так. Дерн Корд, наш знакомый инженер, предложил вставить в портал деркерову трубу.

Они заранее договорились, что в этот момент Понтер развернёт трубу. Он всунул пальцы в узкое отверстие и сильно потянул в стороны. Труба, сделанная их переплетения металлических стержней, с лязгом начала растягиваться, пока её диаметр не превысил рост человека.

— Эти конструкции применяются для укрепления стен шахтных туннелей на случай непредвиденных ситуаций, — объяснил Понтер. — Будучи развёрнутой, она уже не может свернуться обратно. Для того, чтобы привести её в исходное состояние, нужно разблокировать фиксатор на

каждом пересечении металлических стержней специальным инструментом; никак иначе.

Бедрос, вопреки ожиданиям, ухватил идею сразу же.

— И вы думаете, что если просунуть такую штуку в портал, то он будет оставаться открытым неограниченно долго, и люди смогут ходить по этой трубе, как по тоннелю между двумя вселенными?

— Именно так, — подтвердил Понтер.

— А болезни? — спросила Журат, женщина 141-го поколения из местных Серых. Она сидела напротив Бедроса, так что Понтеру и Адекору пришлось развернуться, чтобы говорить с ней. — Я так поняла, что вы тяжело заболели, когда попали в другой мир.

Понтер кивнул.

— Да. Я там познакомился с глексенским физиком, которая… — Он замолчал, услышав, как один из Серых хихикнул. Самому Понтеру это уже не казалось смешным, но для человека непривычного это звучало как «пещерный философ». — Так вот, — продолжил Понтер, — она предположила, что наши вселенные разошлись где-то сорок тысяч лет назад; это примерно полмиллиона месяцев. Глексены после этого глексены жили

очень скученно и искусственно разводили многие виды животных, которыми питались. В этой среде, вероятно, появилось множество болезней, от которых у нас нет иммунитета. Также возможно, что у нас есть болезни, к которым нет иммунитета у них, хотя, как мне сказали, вероятность этого невелика, поскольку у нас плотность населения гораздо меньше. В любом случае, нам понадобится какая-то система обеззараживания, через которую должен будет проходить каждый путешественник, независимо от того, в каком направлении он движется.

— Постойте, — сказал Жиндо, мужчина из южных земель по ту сторону от необитаемого экваториального пояса. К счастью, он сидел рядом с Журат, и Понтеру с Адекором не пришлось снова разворачиваться. — Туннель между мирами будет располагаться на дне Дебральской никелевой шахты, в тысячах саженей под землёй, не так ли?

— Да, — подтвердил Понтер. — Видите ли, наш квантовый компьютер, с помощью которого мы открываем портал, должен быть экранирован от солнечной радиации, иначе он не сможет работать. Такое экранирование обеспечивает толща горных пород.

Бедрос кивнул, и Адекор повернулся к нему.

— Это означает, что между мирами сможет перемещаться лишь относительно небольшое число людей.

— То есть, — подхватила Журат, понявшая, что имеет в виду Бедрос, — мы можем не беспокоиться насчёт вторжения. — Адекор повернулся к ней, Понтер по-прежнему смотрел на Бедроса. — Путешественнику придётся не только пройти через вот этот узкий туннель, но ещё и добраться до поверхности, прежде чем он попадёт в наш мир.

Понтер кивнул.

— Именно так. Вы смотрите в самую кость.

— Я понимаю ваш энтузиазм в этом деле, — подала голос Пандаро, председатель Совета, галасойка 140-го поколения, до этого момента сохранявшая молчание. Она сидела примерно посередине между Бедросом и Журат, так что Понтер повернулся налево, а Адекор — направо, чтобы оказаться лицом к ней. — Но я хотела бы уточнить. Правильно ли я понимаю, что глексены не могут сами открыть портал с той стороны?

— Это так, председатель, — сказал Понтер. — Я, разумеется, многого не знаю об их компьютерных технологиях, но до создания квантового компьютера типа того, что построили мы с Адекором, им

ещё очень далеко.

— Насколько далеко? — спросила Пандаро. — Сколько месяцев?

Понтер бросил взгляд на Адекора — в конце концов, он был экспертом по материальной части. Однако по выражению лица Адекора он понял, что тот ответить не готов.

— Я думаю, по меньшей мере триста; возможно, значительно больше.

Пандаро развела руками, словно ответ был очевиден с самого начала.

— Стало быть, нам некуда торопиться. Мы можем изучить дело подробно и без спешки и…

— *Нет!* — воскликнул Понтер. Взгляды всех присутствующих устремились к нему.

— Прошу прощения? — холодным тоном произнесла председатель.

— Я хотел сказать… просто… что мы не знаем, насколько воспроизводим феномен на длительных отрезках времени. Любое из граничных условий может измениться, и тогда…

— Я понимаю ваше стремление продолжить работу, учёный Боддет, — сказала председатель, — но речь идёт о переносе болезней, о заражении…

— У нас уже есть технологии, позволяющие

решить эту проблему, — сказал Понтер.

— Теоретически, — подала голос ещё одна из членов совета. — На практике же метод Кажака никогда не использовался для этой цели. У нас нет полной уверенности…

— Какие вы все *робкие*, — прервал её Понтер. Адекор бросил на него шокированный взгляд, но Понтер не обратил на партнёра внимания. — *Они* бы не были так напуганы. Они поднимались на высочайшие вершины их мира! Опускались на дно океана! Они летали в космос! Они были на Луне! Им не свойственна стариковская трусливость…

— *Учёный Боддет!* — громоподобный глас председателя словно заполнил собой весь Зал Совета.

Понтер замолчал.

— Я… я прошу прощения, — сказал он, — я не имел в виду…

— Я думаю, всем совершенно ясно, что вы имели в виду, — сказала Пандаро. — Но осторожность — это и есть наша работа. На наших плечах — благополучие всего мира.

— Я знаю, — сказал Понтер, пытаясь заставить голос звучать ровно. — Я знаю, но ведь ставка очень высока. Мы не можем просто ждать месяц за месяцем. Мы должны действовать. *Вы* должны

действовать. Прямо сейчас.

Понтер почувствовал, как рука Адекора мягко легла на его плечо.

— Понтер… — тихо сказал он.

Но Понтер дёрнул плечом и высвободился.

— Мы не были на Луне. Мы, вероятно, никогда не полетим на Луну — и это значит, что мы не полетим ни на Марс, ни к звёздам. Эта параллельная Земля — единственный мир, кроме нашего собственного, к которому наш народ когда-либо получит доступ. И такую возможность никак нельзя упускать.

* * *

Эта история походила на городскую легенду, но Мэри слышала её так часто, что подозревала, что она всё же правдива. Рассказывали, что когда Торонто в 1960-х годах решил обзавестись вторым университетом, то проект кампуса был целиком куплен у одного из университетов американского Юга. Это казалось хорошей идеей в плане экономии средств, однако никто не позаботился принять во внимание климатические различия.

Это всегда создавало проблемы, особенно зимой. Изначально между зданиями кампуса было много открытого пространства, но постепенно

оно было застроено новыми. Теперь в кампусе стало тесно — сталь и стекло, кирпич и бетон громоздились повсюду.

И всё же здесь были вещи, которые Мэри находила неповторимыми. Например, название школы бизнеса, мимо здания которой она сейчас проходила — она носила имя некоего Шулика, и произносилось это именно как shoe lick[40].

До начала занятий оставалась ещё неделя, и в кампусе было пустынно. Хотя день был в самом разгаре, Мэри обнаружила, что нервничает, шагая по пустынным аллеям, сворачивая за углы, проходя мимо глухих стен, протискиваясь в узкие проходы.

Это случилось здесь. Её изнасиловали здесь.

Как и в большинстве североамериканских университетов, студенток в Йоркском в наши дни больше, чем студентов. И всё же из более чем сорока тысяч учащихся примерно двадцать тысяч — мужчины, каждый из которых теоретически может оказаться преступником — если предположить, что насильник — студент университета.

Но нет, так неправильно. Университет нахо-

---

[40] notes: 40

Schulich — shoe lick — нечто вроде «лизни башмак». *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

дится в Торонто, а более космополитичный город надо ещё поискать. У насиловавшего её мужчины была светлая кожа и голубые глаза. Это исключало существенную часть населения кампуса.

А ещё он курит — Мэри живо вспомнилась табачная вонь в его дыхании. Хотя её внутренне передёргивало каждый раз, когда она видела закуривающего студента, всё же их нынешнее поколение родилось в 80-е, через два десятилетия после того, как министр здравоохранения США Лютер Терри заявил, что курение табака смертельно опасно. Мэри знала, что курит сейчас лишь малая часть женщин и ещё меньшая — мужчин.

Поэтому напавший на неё человек не был «кем угодно» — он принадлежал к подмножеству подмножества подмножества: мужчина, голубоглазый, курит.

Если бы Мэри его нашла, то смогла бы доказать его вину. Возможность применить профессиональные навыки в практических целях возникает у генетика нечасто, но в ту ужасную ночь они оказались как нельзя кстати. Мэри знала, как нужно хранить образцы семени насильника, содержащие ДНК, которая способна неопровержимо его изобличить.

Мэри продолжила свой путь через кампус. Сейчас ещё не было толп, сквозь которые приходится пробираться. Однако в толпе она, должно быть, чувствовала бы себя увереннее. В конце концов, изнасилование произошло во время летних каникул, когда кампус пустеет. Толпа означает безопасность — неважно, в африканской саванне или в Торонто.

В этот момент Мэри заметила приближающегося к ней мужчину. Её пульс встревожено зачастил, но она продолжила идти; не может же она теперь всю жизнь сворачивать в сторону при виде мужчины. Однако…

Однако мужчина был белый — это очевидно даже на таком расстоянии.

У него были светлые волосы. Она не видела волос того, кто на неё напал; на нём была лыжная маска. Но голубые глаза часто сочетаются со светлыми волосами.

Мэри на секунду зажмурилась, отгородившись от яркого солнца, запершись в своём внутреннем мире. Возможно, ей и правда стоило последовать за Понтером через портал в его неандертальскую вселенную. Эта мысль несомненно посетила её, когда она металась по кампусу Лаврентийского университета, разыскивая Понтера, а потом вме-

сте с ним мчалась к шахте «Крейгтон» и вниз, на её дно, стремясь успеть туда прежде, чем портал в иную реальность снова захлопнется. В конце концов, там она бы точно была недосягаема для насильника.

Идущий навстречу человек был уже в десятке метров от неё. Молодой — вероятно, студент летнего семестра, в джинсах и футболке.

И в солнцезащитных очках. Стоял солнечный летний день; Мэри и сама нацепила свои «фостер-грантс». Невозможно было определить, какого цвета его глаза, хотя они, конечно, не могли быть золотистыми, как у Понтера — она никогда и ни у кого больше не видела таких глаз.

Мэри внутренне сжалась; мужчина подходил всё ближе.

Даже если бы на нём не было солнцезащитных очков, Мэри всё равно так и не узнала бы, какого цвета его глаза. Когда он проходил мимо, она обнаружила, что смотрит в сторону и не может заставить себя посмотреть на него.

Да чтоб тебя, подумала она. *Провались ты…*

Глава 3

— Значит, — сказал Журард Селган, — несмотря на вашу… ваше…

Понтер пожал плечами.

— Мою нахрапистость, — сказал он. — Мы же не должны бояться называть вещи своими именами?

Селган качнул головой, принимая вариант Понтера.

— Хорошо. Несмотря на вашу нахрапистость Верховный Серый совет не стал принимать решение немедленно, не так ли?

— Не стал, — подтвердил Понтер. — И я полагаю, что они были правы, желая хорошенько обдумать ситуацию. Двое уже готовились стать Одним, так что в заседаниях Совета был сделан перерыв…

* * *

Двое становятся Одним — такая простая фраза, но несущая в себе такую смысловую нагрузку и внутреннюю сложность для Понтера и его народа.

Двое становятся Одним: ежемесячный пятидневный праздник, вокруг которого строится вся остальная жизнь.

Двое становятся Одним: период, когда взрослые мужчины, обычно живущие на Окраине города, приходят в Центр, чтобы провести время со своими партнёршами и детьми.

Это больше, чем перерыв в работе, больше, чем отвлечение от рутины. Это огонь, питающий культуру; это узы, связывающие семьи.

Автобус на воздушной подушке опустился перед домом Понтера и Адекора. Двое мужчин вошли через задние двери и нашли пару незанятых седлокресел. Водитель запустил вентиляторы, автобус приподнялся над землёй и двинулся к соседнему дому, располагавшемуся на некотором отдалении.

Раньше Понтеру и в голову бы не пришло задуматься о такой обыденной вещи, как автобус, но сегодня он не мог не отметить, насколько элегантным было его техническое решения по сравнению с транспортными средствами глексенского мира. Там экипажи любого размера катались по земле на колёсах. Всюду, где он успел побывать в мире глексенов (надо признать, всего-то в паре-тройке мест), он встречал широкие

плоские тропы, покрытые искусственным камнем для того, чтобы колесу было легче катиться.

И как будто одного этого им было мало, глексены ещё и использовали в качестве источника энергии для своих колёсных машин химические реакции — причём такие, конечные продукты которых невыносимо воняли. По-видимому, глексенов это беспокоило гораздо меньше, чем Понтера; оно и понятно, если принять во внимание их крошечные носы.

Какой удивительный зигзаг природы! Понтер знал, что громадные носы его вида — по размеру большие, чем у всех других приматов — развились в последнюю ледниковую эпоху. По словам доктора Сингха, глексена, который обследовал его в больнице, объём носовой полости у неандертальцев в шесть раз превышает глексенский. Первоначальной целью, по-видимому, было увлажнение холодного воздуха прежде чем он доберётся до чувствительных лёгочных тканей. Однако громадные ледники в конце концов отступили, большие же носы остались из-за благоприятного побочного эффекта, каковым является отличное обоняние.

Если бы не это, соплеменники Понтера, возможно, тоже стали бы использовать те же

нефтепродукты и загадили бы свою атмосферу точно так же. Ирония ситуации не ускользнула от Понтера: разновидность людей, которую он всю жизнь считал ископаемыми, отравляет свои небеса тем, что они сами называют ископаемым топливом.

Хуже того: каждый взрослый глексен, по-видимому, имел своё собственное, персональное транспортное средство. Какое немыслимое расточительство! Большая часть этих машин большую часть каждого дня просто стояла. Салдак, город, в котором жил Понтер, содержал около трёх тысяч транспортных кубов при населении двадцать пять тысяч человек — и Понтеру частенько казалось, что и это слишком много.

Автобус опустился перед соседним домом. В автобус вошли соседи Понтера и Адекора, Торб и Гаддак, а также сыновья-близнецы Гаддака. Мальчики переезжают от матери к отцу в десятилетнем возрасте. У Адекора всего один ребёнок, восьмилетний Даб, он переедет к ним через год с лишним. У Понтера детей двое, но обе девочки: Мегамег Бек, 148-я, ей тоже восемь лет, и Жасмель Кет, 147-я, ей восемнадцать.

Сам Понтер, как и его партнёр Адекор, принадлежал к поколению 145, так что им обоим было

тридцать восемь. Вот ещё одна ненормальная особенность мира глексенов: они не контролировали циклы своего размножения, и дети у них рождались не каждые десять лет, а как придётся, непрерывно, каждый год. Так что вместо стройной дискретной возрастной структуры возраст людей образовывал непрерывный спектр. Понтер пробыл в их мире недостаточно долго, чтобы выяснить, как в таких условиях умудряется функционировать их экономика. Вместо постепенного перепрофилирования производства с одежды для младенцев на детскую, на подростковую, на молодёжную, глексены вынуждены постоянно выпускать одежду для всех возрастов одновременно. И ещё у них есть такое нелепое понятие как «мода» — про неё рассказывала Лу Бенуа: когда хорошую новую одежду выбрасывают, поскольку она не удовлетворяет изменчивым эстетическим предпочтениям.

Автобус снова приподнялся над землёй. Дом Торба и Гаддака был последней остановкой на Окраине; Понтер устроился поудобнее в предвкушении долгого пути в Центр.

* * *

Как обычно, женщины постарались украсить

город — огромные гирлянды пастельной расцветки протянулись между деревьями, стволы берёз и кедров обёрнуты цветными лентами, на крышах развеваются флаги, солнечные панели украсились золотой каймой, модули переработки отходов — серебряной.

Понтер долгое время подозревал, что женщины вообще не снимают украшения, оставляя их висеть до следующего раза, но Адекор сказал, что не видел их, когда наведывался в Центр в Последние Пять в поисках представителя на дутом процессе, затеянном Даклар Болбай.

Автобус опустился на землю. Пора листопада ещё не наступила, хотя когда Двое станут Одним ещё через месяц, он уже начнётся, и вентиляторы автобуса будут поднимать с земли тучи жёлтых, красных, коричневых листьев. Понтер будет рад, когда снова начнёт холодать.

Понтер, специалист по компьютерам, автоматически отметил, что Торб, Гаддак и сыновья-близнецы Гаддака вышли наружу первыми: автобус работал по принципу «последний вошёл — первый вышел». Понтер и Адекор покинули автобус вслед за ними. Лурт, партнёрша Адекора, заспешила к ним, сопровождаемая маленьким Дабом. Адекор подхватил сына на руки

поднял его высоко над головой. Даб захохотал, и Адекор тоже широко заулыбался. Он снова поставил Даба на землю и крепко обнял Лурт. В этот раз они расставались не на полный месяц — они оба присутствовали на *доосларм басадларм*, предварительных слушаниях по обвинению Адекора в убийстве Понтера, которое выдвинула Даклар Болбай после того, как Понтер провалился в другую вселенную. Но Адекор всё равно был вне себя от радости при виде своей женщины и ребёнка.

Партнёрша Понтера Класт умерла, но он ожидал, что его дочери придут его встретить. Конечно, он с ними тоже виделся совсем недавно; Жасмель принимала деятельное участие в операции по возвращению Понтера из мира Глексенов.

Адекор виновато взглянул на Понтера. Понтер знал, что Адекор очень любит его, и он демонстрировал свою любовь двадцать пять дней каждого месяц. Но сейчас наступило время для Лурт и Даба, и он собирался насладиться каждым его тактом. Понтер кивнул, словно отпуская Адекора, и тот пошёл прочь, правой рукой обнимая за талию Лурт, а в левой держа Даба.

Мужчины вокруг приветствовали своих женщин, мальчики уходили с девочками своего поколения. Да, в последующие четыре дня бу-

дет очень много секса, но также будут игры, семейные пикники, массовые гуляния и прочие увеселения.

Понтер огляделся. Толпа быстро редела. День был неприятно жаркий, и он вздохнул — но не только по этому поводу.

— Я могу позвонить Жасмель, если хочешь, — сказала Хак, имплант-компаньон, вживленный в его левое предплечье над самым запястьем. Как и большинство компаньонов, она выглядела как прямоугольный матовый экран высокой контрастности размером примерно с палец, шесть крошечных контрольных штырьков под ним и линза объектива сбоку. Однако в отличие от большинства компаньонов, которые были не более, чем неразумными компьютерами, Хак обладала высокоразвитым искусственным интеллектом, разработанным коллегой Понтера Кобастом Гантом.

Хак говорила не вслух, хотя и могла. Понтер стал воспринимать её как существо женского рода с тех пор, как Кобаст сделал так, чтобы она разговаривала голосом покойной партнёрши Понтера. Однако в такие дни, как сегодня, это казалось ему огромной ошибкой: этот голос напоминал, как сильно ему не хватает Класт. Он

должен поговорить с Кобастом насчёт замены голоса у компаньона.

— Нет, — тихо ответил Понтер. — Нет, никому звонить не надо. У Жасмель, знаешь ли, есть друг. Он, должно быть, приехал другим автобусом, и они уже ушли.

— Как скажешь, — ответила Хак.

Понтер огляделся. Здания в Центре выглядели почти так же, как и на Окраине. Центральная структура большинства из них была выращена методами древокультуры — стволы деревьев наращивали вокруг строительного шаблона, который потом убирали. У многих были кирпичные или деревянные пристройки, добавленные позже. У всех были массивы солнечных панелей, установленные либо на крышах, либо на окружающей территории. В более суровом климате здания приходилось строить целиком, но Понтеру такие сооружения всегда казались уродливыми. А вот глексены, похоже, *все* свои здания строят таким образом, да ещё и вплотную друг к другу, как стадо травоядных животных.

Кстати о животных; сегодня днём будет охота на мамонта, мясо которого будут есть на завтрашнем празднестве. Возможно, Понтеру стоит присоединиться к охотничьей команде. Он уже

давным-давно не брал в руки копья и не приносил домой мяса, добытого собственноручно. В конце концов, это хоть как-то его займёт — его и других мужчин, которым не с кем проводить время.

— Папа!

Понтер развернулся и увидел бегущих к нему Жасмель и её друга, Триона. Понтер почувствовал, как его лицо расплывается в улыбке.

— Здравый день, милая, — сказал он, когда они приблизились. — Здравый день, Трион.

Жасмель обняла отца. Трион смущенно топтался в сторонке. Когда Жасмель отпустила Понтера, Трион сказал:

— Рад видеть вас. Слышал, с вами случилось невероятное приключение.

— Да уж, — ответил Понтер. К этому парню он испытывал смешанные чувства, как и, наверное, любой отец молодой женщины. Да, Жасмель про Триона рассказывала только хорошее — он всегда к ней прислушивается, внимателен во время секса, учится на кожевника, то есть собирается производить ценный вклад в общественное благо. И всё же Жасмель — его дочь, и он хотел для неё только самого лучшего.

— Прости, что опоздали, — скала Жасмель.

— Ничего, — ответил Понтер. — А где Мегамег?

— Она решила, что больше не хочет, чтобы её так называли, — сказала Жасмель. — Теперь она хочет, чтобы её звали просто Мега.

Мега было её настоящим именем; Мегамег — уменьшительная форма от него. Его старшая дочь выросла, и младшая тоже быстро растёт.

— Ах, — сказал он. — Ладно. Так где же наша Мега?

— Играет с друзьями, — сказала Жасмель. — Мы повидаемся с ней позже.

Понтер кивнул.

— А вы двое чем планировали заняться сегодня утром?

— Мы думали, что все вместе поиграем в *лагатсу*, — предложил Трион.

Понтер посмотрел на него. Трион был, насколько Понтер мог судить, довольно красив: широкие плечи, далеко выступающий надбровный валик, чётко очерченный нос, глаза густого фиолетового оттенка. Однако причуды молодости не обошли его стороной — вместо того, чтобы свободно спадать по сторонам головы, его рыжеватые светлые волосы были зачёсаны налево и, должно быть, удерживались в таком состоянии какой-то липкой субстанцией.

Понтер уже готов был согласиться на игру в

лагатсу — он не гонял мячик уже не один декамесяц, однако вспомнил себя в их возрасте, двадцать лет назад, когда только начал ухаживать за Класт. Последнее, чего он мог тогда пожелать — это чтобы отец Класт отирался неподалёку.

— Нет, — сказал он. — Идите гуляйте. Встретимся вечером за ужином.

Жасмель пристально посмотрела на отца, и он понял, что она понимает, что на самом деле ему хотелось бы другого. Но Трион, не будь дурак, немедленно поблагодарил Понтера, подхватил Жасмель под руку и повел её прочь.

Понтер смотрел им вслед. Жасмель, вероятно, родит первенца через год на следующий, когда запланировано рождение 149 поколения. Тогда всё станет по-другому, подумал Понтер. Когда Двое станут Одним, он по крайней мере сможет нянчиться с внуком.

Автобус уже давно ушёл, улетев на Окраину за новой партией мужчин. Понтер повернулся и побрёл вглубь города. Наверное, стоит где-нибудь перекусить, а потом…

Его сердце подпрыгнуло. Вот уж кого он не хотел бы сегодня видеть, однако…

Однако вот она стоит, словно бы ждёт его.

Даклар Болбай.

— Здравый день, Понтер, — сказал она.

Разумеется, они с Даклар были знакомы много лет. Она была партнёршей Класт. В сущности, если кто и понимал по-настоящему, каким ударом для Понтера стала смерть Класт, то только Даклар. Но…

Но в его отсутствие она портила жизнь Адекору. Обвинить его в убийстве! Да Адекор способен убить Понтера, да и вообще кого бы то ни было, не более, чем сам Понтер.

— Даклар, — сказал Понтер, опуская обычную форму вежливости.

Даклар понимающе кивнула.

— Не могу осуждать тебя за то, что я тебе неприятна, — сказала она. — Я знаю, что вредила Адекору, а вредить чьему-то партнёру — всё равно, что вредить ему самому. — Она заглянула Понтеру в глаза. — Понтер, я прошу прощения. Я надеялась застать здесь и Адекора и извиниться перед ним тоже, но опоздала.

— Ты говоришь, что сожалеешь, — сказал Понтер, — но то, что ты делала…

— Я делала ужасные вещи, — прервала его Даклар, опуская взгляд к земле, к своим ногам, затянутым в матерчатые мешки на концах черных штанин. — Но я хожу к скульптору личности,

принимаю лекарства. Лечение только началось, но я уже чувствую себя не такой… злой.

Понтер имел некоторое представление о том, через что прошла Даклар. Она не только потеряла партнёршу, которую делила в Понтером; задолго до этого она потеряла партнёра, Пелбона, которого однажды утром увели принудители. О, потом он вернулся, но не весь. Его подвергли кастрации, и их отношениям пришёл конец.

Понтер был неимоверно потрясён смертью Класт, но у него хотя бы оставались Адекор, и Жасмель, и Мегамег — они помогли ему справиться. Как же тяжёло должно было быть Даклар, у которой ни Пелбона, ни детей.

— Я рад, что тебе лучше, — сказал Понтер.

— Лучше, — подтвердила Даклар, снова кивнув. — Я знаю, что мне предстоит долгое лечение, но да, мне полегчало, и я…

Понтер ждал, что она продолжит, но она молчала.

— Да?

— Ну, — сказала она, пряча глаза, — просто, я вроде как одна… — Она снова замолкла, но потом продолжила без вмешательства Понтера: — И ты тоже один. И, в общем, когда Двое становятся Одним, чувствуешь себя таким одиноким, когда не

с кем провести время. — Она коротко взглянула ему в лицо, но снова отвернулась, словно боясь того, что может увидеть.

Понтер был озадачен. Однако, если подумать…

Даклар была умна, а это всегда влекло Понтера. А в её волосах серебрились восхитительные серые пряди, сплетаясь с натуральными каштановыми. А ещё…

Но нет. Нет. Это безумие. После того, что она сделала с Адекором…

Понтер почувствовал покалывание в челюсти. Это иногда случалось, хотя чаще зимой поутру. Он поднял руку, чтобы почесать это место сквозь бороду.

229 месяцев назад ему сломали челюсть, и сделал это Адекор — они поругались из-за пустяка. Не приподними Понтер в тот момент голову, удар Адекора убил бы его на месте.

Но Понтер вскинул голову вовремя, и, хотя половину нижней челюсти и семь зубов пришлось заменить искусственными дубликатами, он остался жив.

И он простил Адекора. Понтер не выдвинул обвинений, и Адекор избежал скальпеля принудителя. Адекор прошёл курс лечения по контролю гнева, и за все месяцы, что минули с тех пор, он

ни разу не замахнулся на Понтера или кого-либо ещё.

Прощение.

Он много беседовал с Мэре там, в её мире, о её вере в Бога и о человеке — якобы его сыне — который пытался научить прощению народ Мэре. Мэре была последовательницей учения этого человека.

Ведь, в конце концов, Понтер и правда один. Невозможно было предсказать, что Верховный Серый совет решит по поводу открытия портала в мир Мэре; и даже если они всё же решат его открыть, у Понтера не было абсолютной уверенности в том, что портал непременно откроется.

Прощение.

То, что он дал Адекору полжизни назад.

То, что система верований, которой придерживалась Мэре, ценила больше всего на свете.

И, по-видимому, то, в чём Даклар сейчас нуждалась больше всего.

Прощение.

— Хорошо, — ответил Понтер. — Ты должна помириться с Адекором. При этом условии я готов забыть о вражде, которая возникла между нами в связи с последними событиями.

Даклар улыбнулась.

— Спасибо. — Но потом замолчала, и её улыбка померкла. — Ты не возражаешь против моей компании — пока дети не освободятся, конечно? Я всё ещё *табант* Меги, и они с Жасмель всё ещё живут в одном доме со мной, но я знаю, что тебе нужно побыть с ними, и не буду мешать. Но до тех пор…

Она замолкла, не договорив, но её глаза снова на короткий миг встретили взгляд Понтера, и в них было явное предложение заполнить пустоту.

— До тех пор, — сказал Понтер, принимая решение, — да, до тех пор я буду рад твоему обществу.

Глава 4

Лаборатория Мэри в Йоркском университете выглядела такой же, какой она её оставила; несмотря на все, что произошло с ней в последнее время, прошло всего тридцать три дня с тех пор, как она была здесь в последний раз.

Дария Клейн — одна из аспиранток Мэри — определённо регулярно наведывалась сюда в её отсутствие. В её углу всё было переставлено, а диаграммы на стене свидетельствовали, что секвенирование древнеегипетской Y-хромосомы идёт полным ходом, и многие пустые места уже заполнены.

Арне Эггебрехт из Музея Пелицеуса в германском Хильдесхайме предположил, что египетская мумия, купленная недавно на распродаже старого парка развлечений в Ниагара-Фолс — это на самом деле Рамзес I, основатель династии, включающей Сети I, Рамзеса II (которого в «Десяти заповедях» играл Юл Бриннер), Рамзеса III и царицу Нефертари. Мумия сейчас хранилась в Университете Эмори в Атланте, но образцы ДНК были присланы на анализ в Торонто; лаборатория Мэри была мировым лидером в области

извлечения древней ДНК, благодаря каковому факту она и познакомилась с Понтером Боддитом. В отсутствие Мэри Дария достигла значительного прогресса в деле с предполагаемым Рамзесом; Мэри одобрительно кивнула.

— Профессор Воган?

У Мэри ёкнуло сердце. Она повернулась. В дверях лаборатории стоял высокий худой мужчина за шестьдесят. У него был глубокий грубый голос и прическа под Рональда Рейгана.

— Да? — ответила Мэри. Она почувствовала тошноту; мужчина загораживал единственный выход из комнаты. На нём был тёмно-серый деловой костюм с серым шёлковым галстуком — узел галстука ослаблен. Мгновение спустя он вошёл в лабораторию, выудил из серебристого кейса визитную карточку и протянул её Мэри.

Она взяла ей, смутившись того, что её рука предательски дрожит. Карточка гласила:

«Синерджи Груп»
Дж. К. (Джок) Кригер, Ph.D.
Директор

Там был логотип: изображение земного шара, аккуратно разделённого надвое. На левой половине океаны были чёрные, а континенты —

белые, на правой — наоборот. Почтовый адрес указывал на Рочестер, штат Нью-Йорк, а адрес электронной почты оканчивался на «.gov», что указывало на принадлежность организации к правительству США.

— Чем могу помочь, доктор Кригер? — спросила Мэри.

— Я директор «Синерджи Груп», — сказал он.

— Да, я прочитала. Никогда не слышала о такой.

— Пока о нас никто не слышал, и мало кто услышит. «Синерджи» — правительственный мозговой центр, собиранием которого я занимаюсь последнюю пару недель. Мы взяли за образец корпорацию «RAND[41]», хотя и в меньшем масштабе, по крайней мере, на текущем этапе.

Мэри слышала о «RAND», но мало что знала о ней конкретного. Но всё-таки кивнула.

— Один из наших основных источников финансирования — INS, — сказал Кригер. Мэри вскинула брови, и Кригер пояснил: — Служба иммиграции и натурализации США.

— Ах, — сказала Мэри.

— Как вы знаете, инцидент с неандертальцем

---

[41] notes: 41

Американский центр стратегических исследований, некоммерческая организация.

застал нас — застал *всех* — со спущенными штанами. Всё закончилось фактически раньше, чем успело начаться, а мы первые несколько дней считали, что это ещё одна дурацкая газетная утка — как сообщение о встрече с йети или о появившемся на сушёном чернослив лике Матери Терезы.

Мэри кивнула. Она сама не сразу в это поверила.

— Конечно, — продолжал Кригер, — есть вероятность того, что портал между нашей и неандертальской вселенными больше не откроется никогда. Но если это всё-таки произойдёт, мы должны быть к этому готовы.

— Мы?

— Правительство Соединённых Штатов.

Мэри почувствовала некоторое напряжение в области позвоночника.

— Портал открылся на канадской территории, так что…

— На самом деле, мэм, он открылся в миле с четвертью *под* канадской территорией, в Нейтринной обсерватории Садбери, которая является совместный проектом канадских, британских и американских организаций, включая Университет Пенсильвании, Вашингтонский университет,

а так же Лос-Аламосской, Лоуренсовской и Брукхейвенской национальных лабораторий.

— О, — сказала Мэри. Она этого не знала. — Но шахта «Крейгтон», в которой находится обсерватория, принадлежит Канаде.

— Точнее, канадской публично торгуемой компании «Инко». Но послушайте, я здесь не для того, чтобы спорить о суверенитете. Я просто хотел дать вам понять, что у США есть законные интересы в этом деле.

— Хорошо, — ледяным тоном ответила Мэри.

Кригер помолчал; он явно чувствовал, что слишком уклонился от темы.

— Если портал между нашей и неандертальской вселенными снова откроется, мы хотим быть готовыми к этому. Защита портала не выглядит большой проблемой. Как вы, возможно, знаете, на командование двадцать второго крыла канадских ВВС, которое базируется в Норт-Бей, возложена задача обеспечения безопасности портала от вторжения или террористических атак.

— Вы шутите, — сказала Мэри, хотя и подозревала, что вряд ли.

— Нет, не шучу, профессор Воган. И ваше, и моё правительство относятся к ситуации очень серьёзно.

— А какое отношение к этому имею я? — спросила Мэри.

— Вы идентифицировали Понтера Боддета как неандертальца на основании анализа его ДНК, так?

— Да.

— С помощью такого рода анализа можно идентифицировать любого неандертальца? Можно ли надёжно определить, что данное лицо является неандертальцем или человеком?

— Неандертальцы и есть люди, — сказала Мэри. — Мы принадлежим к одному роду Homo. Homo habilis, Homo erectus, Homo antecessor — если считать его отдельным видом — Homo heidelbergensis, Homo neanderthalensis, Homo sapiens. Все мы — люди.

— Признаю свою ошибку, — сказал Крикер, кивнув. — Как мы должны себя называть, чтобы отличить нас от них?

— Homo sapiens sapiens, — ответила Мэри

— Длинновато, не правда ли? — заметил Кригер. — Кажется, я слышал, что нас иногда называют кроманьонцами. По-моему, вполне подходящий термин.

— Технически, он относится лишь к отдельной верхнепалеолитической популяции анатомиче-

ски современных людей, обнаруженных на юге Франции.

— Тогда мы возвращаемся к предыдущему вопросу: как нам себя называть, чтобы отличить себя от неандертальцев?

— У народа Понтера есть термин для обозначения ископаемых людей их мира, похожих на нас. Они называют их глексенами. В этом есть определённая симметрия: мы называем их именем, которое придумали для их ископаемых предков, а они нас — именем, которое придумали для наших ископаемых предков.

— Как вы сказали? Глексены? — Кригер задумался. — Хорошо, думаю, это подойдёт. Могут ваши методы анализа ДНК провести границу между любым неандертальцем и любым глексеном?

Мэри задумалась.

— Сильно сомневаюсь. Внутривидовая вариативность очень велика, и…

— Но неандертальцы и глексены — это разные виды, наверняка существуют гены, которые есть только у них или только у нас. Например, ген, который отвечает за надбровный валик.

— О, у многих из нас, глексенов, тоже есть надбровный валик. К примеру, он довольно часто

встречается у мужчин из Восточной Европы. Конечно, его двойной изгиб характерен именно для неандертальцев, но…

— А что насчёт треугольных выступов в носовой полости? — спросил Кригер. — Я слышал, что это отличительная черта неандертальцев.

— Да, это так, — сказала Мэри. — Если вы готовы заглядывать каждому человеку в нос…

Кригеру было не до шуток.

— Я думал о том, что вы могли бы найти отвечающий за них ген.

— О, возможно, хотя они сами, вероятно, уже его нашли. Понтер дал понять, что они уже давно завершили свой проект, аналогичный нашему «Геному человека».[42] Но вообще да, я могла бы поискать диагностический маркер.

— Правда? И как скоро?

— Не торопитесь, — сказала Мэри. — У нас есть ДНК четырёх доисторических неандертальцев и одного современного. Исследовательская база узковата.

— Но вы всё же могли бы это сделать?

---

[42] notes: 42

Международный исследовательский проект, целью которого является определение последовательности нуклеотидов в человеческой ДНК и идентификация генов в человеческом геноме. В основном завершён в 2003 году, через год после выхода книги.

— Возможно. Только зачем?

— Как много времени это займёт?

— С тем оборудованием, что у меня есть, и если я не буду ни на что отвлекаться — вероятно, несколько месяцев.

— А что если мы дадим вам всё необходимое оборудование и персонал, которые потребуются? Что тогда? Деньги — не проблема, профессор Воган.

Мэри почувствовала, как её сердце убыстряет бег. Будучи *канадским* учёным, она никогда в жизни не слышала таких слов. У неё были друзья, которые после защиты уехали на постдок в американские университеты; они часто рассказывали про пяти- и шестизначные суммы грантов и новейшее оборудование. Исследовательский грант самой Мэри составлял жалкие 3200 долларов. Причём, разумеется, канадских.

— Ну, с неограниченными ресурсами, я думаю, это можно провернуть довольно быстро. Если повезёт, то за несколько недель.

— Отлично, отлично. Займитесь этим.

— Гмм, при всём уважении, доктор Кригер, я гражданка Канады; вы не можете говорить мне, что делать.

Кригер мгновенно дал задний ход.

— Конечно, нет, профессор Воган. Прошу прощения. Мой энтузиазм бежит впереди меня. Я хотел сказать, не будете ли вы так любезны предпринять подобное исследование? Как я сказал, мы предоставим всё необходимое оборудование и персонал и значительную сумму в качестве оплаты ваших услуг.

У Мэри голова шла кругом.

— Но зачем? Почему это так важно?

— Если портал между двумя мирами откроется снова, — сказал Кригер, — наш мир будет посещать большое количество неандертальцев.

Мэри прищурилась.

— И вы хотите… как-то их дискриминировать?

Кригер покачал головой.

— Ничего подобного, уверяю вас. Но нам нужно это знать для целей иммиграционного учёта, для оказания соответствующей медицинской помощи и так далее. Вы ведь не хотите, чтобы находящемуся без сознанию пациенту дали не те лекарства только потому, что доктор не смог определить, неандерталец он или глексен.

— Но ведь для этого достаточно посмотреть, есть ли у него имплант-компаньон. Понтер говорил, что в его мире все носят такие.

— Ни в коей мере не хочу бросить тень на ва-

шего друга, профессор Воган, но мы знаем об этом исключительно с его слов. В своём мире он с тем же успехом может оказаться условно освобождённым преступником, а эта штуковина — следящим устройством, которые носят лишь преступники.

— Понтер не преступник, — сказала Мэри.

— Тем не менее вы, несомненно понимаете, как полезно было бы иметь свои собственные, независимые методы для определения вида, к которому относится то или иное лицо, не полагаясь на сведения, известные нам лишь с чужих слов.

Мэри неуверенно кивнула. Это вроде бы имело смысл. И, кстати, был ведь прецедент: канадское правительство уже вложило массу усилий для того, чтобы сформулировать, кого считать индейцем, а кого — нет, для правильного распределения пособий и льгот. И всё же…

— Но ведь нет оснований полагать, что портал когда-либо откроется снова? То есть, должны же быть какие-то основания так считать, разве нет? — Она была бы счастлива увидеть Понтера снова, но…

Кригер качнул головой.

— Нет. Но наша политика — быть готовыми ко всему. Буду с вами честен: я признаю, что внешность вашего мистера Боддета, скажем так,

весьма характерна. Но можем ли мы быть уверены, что не существует неандертальцев с менее выраженными характерными особенностями, которые способны раствориться среди людей нашего вида?

Мэри улыбнулась.

— Вы говорили с Милфордом Уолпоффом.

— Говорил. И с Иэном Таттерсоллом, и практически с каждым специалистом по неандертальцам. Похоже, консенсуса насчёт того, насколько сильно неандертальцы отличаются от нас, не существует.

Мэри кивнула; это, несомненно, было правдой. Некоторые, как Уолпофф, считали, что неандертальцы — это лишь ещё одна разновидность Homo sapiens — в лучшем случае раса, если этот термин всё ещё имеет хоть какой-то смысл, и, несомненно, относятся к одному виду с нами. Другие, подобно Таттерсоллу, придерживались противоположной точки зрения: что неандертальцы — это отдельный биологический вид, Homo neanderthalensis. Пока что все генетические исследования свидетельствовали в пользу последней гипотезы, однако Уоллпофф и его последователи полагали, что немногие имеющиеся образцы неандертальской ДНК, включая 379

нуклеотидов, которые Мэри сама извлекла из типового экземпляра в Rheinisches Landesmuseum, либо были нехарактерными, либо неправильно интерпретировались.

— У нас по-прежнему лишь один полный образец неандертальской ДНК, — напомнила Мэри, — а именно ДНК Понтера Боддета. Выявить характерные признаки по единственному образцу может оказаться невозможно.

— Я это понимаю. Но мы этого никогда не узнаем, пока не попробуем.

Мэри оглядела лабораторию.

— У меня есть обязанности здесь, в Йоркском. Семинары. Аспиранты.

— Я понимаю и это, — сказал Кригер. — Однако я уверен, что об этом можно договориться. Я уже перемолвился парой слов с ректором.

— То есть речь идёт о проекте с полной занятостью?

— Да, мы, разумеется, оплатим вам весь учебный год.

— Где я буду работать? Здесь?

Кригер покачал головой.

— Нет, мы хотели бы, чтобы вы работали в нашем режимном учреждении.

— В Рочестере?

— В Рочестере, штат Нью-Йорк, да.

— Отсюда не очень далеко, не так ли?

— Я летел самолётом, — сказал Кригер, — и это практически вообще не заняло времени. На машине, как я понимаю, где-то три с половиной часа.

Мэри задумалась. Она по-прежнему сможет видеться с друзьями и с мамой. И она признавала, что сейчас ничто так её не интересует, как изучение ДНК Понтера; преподавание же ей будет только мешать.

— Какие… э-э… условия вы предлагаете?

— Мы предлагаем годовой контракт консультанта на сумму 150000 долларов и медстраховку с полным покрытием. — Он улыбнулся. — Я знаю, что для вас, канадцев, это ключевой пункт.

Мэри задумалась. Она уже более или менее смирилась с возвращением в Йоркский университет, в место, где её изнасиловали, но…

Но нет. Нет, это не так. Она думала, что сможет это пережить, но если сегодняшнее утро хоть сколько-нибудь показательно, то она до сих пор шарахается от собственной тени.

— У меня здесь квартира, — сказала Мэри. — Кондоминиум.

— Мы позаботимся об ипотечных платежах

и квартплате на время вашего отсутствия; по окончании работы ваш дом будет вас ждать.

— В самом деле?

Кригер кивнул.

— Да. Ведь это величайшее событие, случившееся на нашей планете с… да с самого начала времён. Мы с вами, профессор Воган, собственными глазами наблюдаем конец кайнозойской и начало новой эры. Уже тридцать пять тысяч лет или около того на земле существует лишь одно человечество — наше, но если портал откроется, их снова станет два, и в этот раз мы позаботимся, чтобы всё пошло как надо.

— Ваше предложение весьма соблазнительно, доктор Кригер.

— Джок. Зовите меня Джок. — Пауза. — Видите ли, я раньше работал в корпорации RAND. Я математик; когда я окончил Принстон, семьдесят процентов выпускников математических специальностей подавали заявление в RAND. Это было место, где давали деньги и ресурсы на занятия чистой наукой. Тогда ходила шутка, что RAND расшифровывается как «Research And No Development»[43] — это был мозговой центр в

---

[43] notes: 43
«Исследования, и никаких разработок».

чистейшем виде.

— А как это расшифровывается на самом деле?

— Якобы просто «Research and Development». Но она финансировалась американскими ВВС и существовала с единственной целью: проработка сценариев ядерного конфликта. Я специалист по теории игр; это моя профессия, и из-за неё я туда и попал: чтобы строить модели балансирования на грани ядерной войны. — Он помолчал. — Вы видели «Доктор Стрейнджлав»?

Мэри кивнула.

— Давным-давно.

— Помните сцену в штабе, где Джордж К. Скотт сжимает в руках исследование корпорации «BLAND»? В следующий раз, когда будете смотреть, остановите DVD и приглядитесь. Исследование озаглавлено «Глобальные цели в мегатрупах[44]». Мы примерно этим и занимались. Но Холодная война закончилась, профессор Воган, и теперь нас ждёт нечто невероятно позитивное. — Он замолк. — Знаете, несмотря на свои военные корни, корпорация «RAND» много занималась долгосрочным прогнозированием. Одно из исследований называлось «Планеты, на

---

[44] notes: 44

Megadeath — миллион погибших: единица измерения потерь при ядерном ударе.

которых жить людям» и было посвящено вероятности обнаружения где-нибудь в галактике землеподобных планет. Его выполнил Стивен Доул в 1964, когда я только пришёл в «RAND». Но даже в те времена, когда космическая программа была в зените славы, очень немногие из нас всерьёз считали, что мы получим возможность попасть на другую землеподобную планету ещё при нашей жизни. Но если портал откроется снова, такая возможность появится. И поэтому мы хотим, чтобы контакт прошёл без сучка без задоринки. Когда откроется первое неандертальское посольство…

— Неандертальское посольство! — воскликнула Мэри.

— Мы думаем наперёд, профессор Воган. Для этого и существует «Синерджи» — не только чтобы взять лучшее из обоих миров, а чтобы сделать нечто, что было бы больше, чем сумма составных частей. Нас ждёт интереснейшая работа, и мы хотели бы, чтобы вы приняли в ней участие.

Глава 5

Понтер и Даклар шли через площадь, болтая о пустяках. Вокруг резвились дети — играли в игры, гонялись друг за другом, просто дурачились.

— Всегда хотела спросить об этом мужчину, — сказала Даклар. — Вы скучаете по детям, когда Двое порознь?

Маленький мальчик 148 поколения выбежал прямо перед ними, ловя летающий треугольник. Понтер никогда не жалел о том, что у него две дочери, но и правда иногда хотел, чтобы у него был ещё и сын.

— Конечно, — ответил он. — Я всё время о них думаю.

— Они такие замечательные девочки, Жасмель и Мега, — сказала Даклар.

— Я думал, вы с Жасмель враждовали, пока меня не было, — сказал Понтер.

Даклар уныло усмехнулась.

— Ну да. Она говорила от имени Адекора на *доосларм бадасларм*, а я была его обвинителем. Но Понтер, я ведь не дура. Очевидно, что она была права, а я — нет.

— Так вы теперь помирились?

— Это… потребует времени, — сказала Даклар. — Ты же знаешь, какая Жасмель. Упрямая, как сталактит — как его ни тяни, всё равно держится.

Понтер засмеялся. Он хорошо знал Жасмель — и Даклар, как видно, знала её не хуже.

— Да, с ней бывает тяжело, — согласился он.

— Ей только-только исполнилось 225 месяцев, — сказала Даклар. — Разумеется, с ней тяжело. — Она помолчала. — Для молодой женщины это большой стресс, знаешь ли. От неё ожидают, что к началу зимы она обзаведётся двумя партнёрами. Я знаю, что Трион, скорее всего, станет её партнёром-мужчиной, но вот женщину она всё ещё ищет.

— У неё не будет проблем, — сказал Понтер. — Она — настоящее сокровище.

Даклар улыбнулась.

— Да, она такая. Унаследовала всё лучшее от Класт и… — Она снова замолкла, возможно, раздумывая, следует ли заходить так далеко. — И от тебя тоже.

Но Понтер был польщён этим замечанием.

— Спасибо, — сказал он.

Даклар погрустнела.

— Когда Класт умерла, Жасмель и Мега очень

грустили. Мегамег-то была слишком мала, чтобы по-настоящему понимать, что случилось, но Жасмель… Девочке без матери очень сложно. — Она замолчала; Понтер подумал, не ожидает ли от него похвалы за то, что она заменила Жасмель мать. — Я пыталась быть хорошим *табантом*, — продолжила Даклар. — Но это совсем не то, что настоящая мать.

И снова Понтер не знал, что сказать.

— Да, — сказал он. — Наверное, ты права.

— Я знала, что они никак не могли переехать к вам с Адекором, — сказала Даклар. — Девочкам жить на Окраине…

— Да, — согласился Понтер. — Конечно, это было невозможно.

— Тебе… — Даклар оборвала себя, уставившись на покрывавшую площадь коротко подстриженную траву. — Тебе не нравилось, что я взяла над ними опеку?

Понтер слегка пожал плечами.

— Ты была партнёршей Класт. Ты была самой логичной кандидатурой на роль *табанта* для её дочерей.

Даклар медленно склонила голову. Ей голос был тих.

— Я не об этом спрашиваю.

Понтер закрыл глаза и вздохнул.

— Ты права. Да, мне это не нравилось — прости. Я их отец, их кровная родня. Ты…

Даклар ждала, что он продолжит, но когда стало ясно, что он больше не собирается ничего говорить, закончила мысль за него:

— А я им не родня, — сказала она. — Они не мои дети, но я всё-таки взяла над ними опеку.

Понтер ничего не ответил; для этой ситуации не было вежливого ответа.

— Это ничего, — сказала Даклар, на мгновение касаясь его плеча. — Ничего, что ты так к этому относишься. Это естественно.

Над головой пролетело несколько гусей; несколько дроздов, прятавшихся в траве, вспорхнули при их приближении.

— Я очень люблю своих детей, — сказал Понтер.

— Я их тоже люблю, — сказала Даклар. — Я знаю, что это не мои дети, но я жила с ними всю их жизнь, так что люблю их как своих.

Понтер остановился и посмотрел на Даклар. Он никогда не задумывался над таким типом отношений; чужие дети его всегда немного раздражали — Адекоров Даб, к примеру, был весьма вредным ребёнком. В нормальной семье Даклар

жила бы со своими собственными детьми. Сын или дочь 148-го поколения всё ещё жили бы с матерью и её партнёршей, как и дочь 147-го — хотя в течение следующих нескольких месяцев она бы обзавелась партнёром и партнёршей и стала бы жить отдельно.

— Ты удивлён, — спросила Даклар. — Я правда люблю Жасмель и Мегу.

— Ну…я… думаю, я просто никогда об этом не задумывался.

Даклар улыбнулась.

— Как видишь, у нас очень много общего. Мы оба любили одну и ту же женщину. И оба любим одних и тех же детей.

* * *

Понтер и Даклар решили начать день с просмотра пьесы, поставленной в открытом амфитеатре. Понтер всегда любил театр, а пьеса относилась к числу его любимых — «Вамлар и Колапа», историческая постановка об охотнике и собирательнице. Такого рода пьесы играют только когда Двое становятся Одним, чтобы могли участвовать актёры обоих полов. Сюжет строился на множестве завязок и поворотов, которые были бы невозможны в современную эру компаньонов:

одни люди пропадали без вести, другие не могли общаться, будучи далеко друг от друга, третьи не могли доказать, что были в определённом месте в определённое время, четвёртые по-разному описывали одни и те же события.

В амфитеатре они уселись прямо на полу, скрестив ноги, и Понтер обнаружил, что его колено плотно прижато к колену Даклар.

Пьеса была действительно хороша.

* * *

После представления Понтер с Даклар отправились навестить маленькую Мегамег, которая играла с друзьями. При виде отца она пришла в полный восторг и бросилась к нему через весь двор.

— Привет, малышка! — сказал Понтер, подхватывая её на руки.

— Привет, папа! — Она посмотрела на Даклар и поздоровалась, как отметил Понтер, совершенно тем же радостным тоном: — Привет, Даклар!

Он ощутил укол ревности — он явно предпочёл бы, чтобы она больше радовалась встрече с ним, её биологическим отцом, чем с законным опекуном. Но это быстро прошло. Он знал, что у его младшей дочери любви хватит на всех. Он снова

сжал её в объятиях, потом опустил на землю.

— Смотрите как я могу! — крикнула она. Потом отбежала от них на несколько шагов и сделала сальто назад.

— Ух ты! — воскликнул Понтер, лучась от гордости.

— Здорово! — сказала Даклар, хлопая в ладоши. Понтер взглянул на неё и улыбнулся. Даклар улыбнулась ему в ответ.

Мегамег явно хотела показать ещё один трюк, но они на неё не смотрели.

— Папа! Мама! Смотрите! — закричала она.

У Понтера перехватило дыхание. Мегамег смутилась.

— Ой! — тихо сказала она. — То есть, папа, Даклар, смотрите!

* * *

К середине дня Понтер начал нервничать. Сегодня Двое становятся Одним, и он вовсе не дурак. Но у него не было секса с женщиной… первой мыслью было — с тех пор, как двадцать месяцев назад умерла Класт. Но на самом деле дольше. О, он любил Класт до её последнего дня, но последствия рака начали давать о себе знать гораздо раньше. Это было… в сущности, он не помнил.

Понтер никогда не позволял себе думать о том, что эта встреча может быть последней их с Класт интимной близостью, что вот сейчас он входит в неё последний раз, но…

Но в конце концов самый последний раз всё-таки наступил, и после она уже была слишком слаба, чтобы делать это снова. И это было, вероятно, за целый декамесяц до её смерти.

Так что — по меньшей мере тридцать месяцев. Да, всё это время рядом был Адекор, но…

Но это не то же самое. Физические контакты между двумя мужчинами — или двумя женщинами, неважно — хотя также являются выражением любви, но это всё же развлечение, забава. Но *секс* — это потенциально репродуктивный акт.

Конечно, ни у Даклар, ни у любой другой женщины не было никаких шансов забеременеть, когда Двое становятся Одним в этот раз. Все женщины, живя вместе и вдыхая феромоны друг друга, давным-давно синхронизовали свои менструальные циклы. В это время месяца ни одна из них не могла забеременеть. В следующем году, когда запланировано зачатие 149 поколения, Верховный Серый совет сдвинет дни, когда Двое становятся Одним, так, что они совпадут с периодом максимальной фертильности.

И всё же, хоть у Даклар не было шансов забеременеть, прошло *так* много времени с тех пор, как…

— Давай отведём детей на площадь Дарсона и пойдём чего-нибудь перекусим, — предложила Даклар.

Понтер ощутил, как его бровь взбирается на гребень надбровного валика. *Детей.* Понятно, что за детей. Его детей.

Её детей.

Их детей.

Она положительно знала, как к нему подольститься. Попытка наладить отношения через секс могла растревожить его и выбить из колеи. Но прогулка с детьми…

Это было именно то, что нужно.

— Конечно, — сказал он. — Конечно.

Понтер кивком подозвал Мегамег, и они пошли искать Жасмель — что было нетрудно, поскольку её компаньон и Хак могли легко связаться. На улицах по-прежнему играло множество детей, но взрослые, как правило, разошлись по домам, чтобы предаться утехам любви. Лишь некоторые взрослые — и мужчины, и женщины — ещё оставались на улице.

В мире глексенов Понтер практически не имел

дела с детьми, но, как он понял, их там редко вот так оставляли одних. Глексенское общество было больно вдвойне. Во-первых, они не чистили свой генетический пул, не удаляли из него даже наиболее нежелательные психологические особенности. А во-вторых, среди них не появилось своего Лонвеса Троба, который сделал бы их свободными: без имплантов-компаньонов и регистраторов алиби глексены по-прежнему подвергались опасности со стороны себе подобных, и, как смог понять Понтер из того немногого, что видел по глексенскому визору, объектом нападений часто становились дети.

Но здесь, в этом мире, дети могли бродить, где им вздумается и днём, и ночью. Понтер не понимал, как в глексенском мире родителям удаётся сходить с ума.

— Вот она! — сказала Даклар, заметив дочь Понтера прежде него. Жасмель и Трион рассматривали стенд с инструментами для свежевания, выставленный в уличном павильоне.

— Жасмель! — позвал Понтер и замахал рукой. Его дочь вскинула голову и расцвела в радостной улыбке — ни следа досады от того, что их с Трионом прогулку прервали.

Понтер и Даклар подошли ближе.

— Мы собирались сходить на площадь Дарсона, поесть буйволятины.

— Кстати, мне тоже ещё нужно повидаться с родителями, — сказал Трион, то ли восприняв невысказанный намёк Понтера, то ли и правда собирался с ними встретиться — Понтер не мог сказать. Трион склонился к Жасмель и лизнул её в лицо. — Увидимся вечером, — сказал он.

— Пошли! — сказала Мегамег, вставая на цыпочки и беря за руку Понтера левой рукой, а Даклар — правой. Жасмель прижалась к Понтеру, и он обхватил её второй рукой за плечи, и они вчетвером пошли обедать.

Глава 6

Хотя Мэри и предпочла бы обдумать предложение Джока Кригера, думать здесь особо было не о чем — оно было слишком соблазнительно, чтобы его упустить.

А сегодня как раз было назначено единственное собрание факультета до начала учебного года. Присутствовать будут не все — многие профессора всё ещё где-то отдыхают либо принципиально отказываются являться на работу раньше первого вторника сентября. Но большинство её коллег будут там, и это будет самый подходящий момент, чтобы найти среди них замену для своих курсов. Мэри знала, что ей очень повезло: она оказалась женщиной как раз в подходящую эпоху, когда Йоркский и другие университеты корректируют исторические дисбалансы в своей кадровой политике, особенно в отношении научного персонала. Ей не составило труда получить постоянную должность, а потом и бессрочный контракт, тогда как многие мужчины её возраста по-прежнему считали копейки и каждый семестр сражались за лишние часы по сезонным контрактам.

— Всех с возвращением, — сказала Кейсер Рем-

тулла. — Надеюсь, все отлично провели лето?

Полтора десятка человек, сидящие за большим столом в конференц-зале, закивали.

— Отлично, — сказала Ремтулла. Это была пакистанка возрастом за пятьдесят, одетая в бежевую блузку и такого же цвета брюки. — Конечно, — продолжила она, улыбаясь, — я уверена, что ни у кого не было таких захватывающих каникул, как у нашей Мэри.

Мэри почувствовала, что краснеет; Корнелиус Раскин и ещё несколько человек захлопали.

— Спасибо, — сказала она.

— Однако, — продолжила Кейсер, — если у нас всё пройдёт гладко, Мэри, вероятно, покинет нас на весь этот год.

Корнелиус, сидящий через стол от неё, настороженно выпрямился. Мэри улыбнулась; он знал, что из этого следует и был готов вцепиться в подвернувшуюся возможность.

— Мэри читает вводной курс генетики на втором, регуляцию экспрессии генов на третьем и эукариотную генетику на четвёртом курсе, — сказала Кейсер. — Плюс она курирует двоих аспирантов — Дарию Клейн, которая делает работу по ДНК древних людей, и Грэма Смайта, который… Мэри, чем он занимается?

— Переоценкой танксономии певчих птиц на основе анализа митохондриальной ДНК.

— Точно, — сказала Кейсер, кивая. Она оглядела собравшихся поверх своих узких очков. — Если кому-нибудь интересны дополнительные преподавательские часы…

Рука Корнелиуса Раскина взметнулась вверх прежде, чем Кейсер закончила произносить «кому-нибудь». Мэри было жаль несчастного Корнелиуса. Ему было тридцать пять или тридцать шесть, он защитился восемь лет назад. Однако на факультете не было вакансий для белых мужчин. Десять лет назад он бы уже был на полпути к бессрочному контракту; сегодня же он получал 6000 долларов за семестровый курс и 12000 за годовой и жил в облупленной многоэтажке в Дрифтвуде, районе неподалёку, в который даже студенты предпочитали не заходить — Корнелиус называл своё жилище «пентхаузом в трущобах».

— Возьму регуляцию, — сказал Корнелиус. — И эукариотную генетику.

— Берите эукариотную и вводной для второго, — сказала Кейсер. — Не могу отдать все плюшки одному.

Корнелиус стоически кивнул.

— Договорились, — сказал он.

— В таком случае, — сказал Девон Грин, ещё один белый мужчина и тоже преподаватель на сезонном контракте, — могу я взять курс регуляции экспрессии генов?

Кейсер кивнула.

— Он ваш. — Она взглянула на Карен Кли, негритянку примерно одних лет с Мэри. — Вы бы могли взять… э-э… скажем, мисс Клейн?

Преподаватели с временным контрактом не могут курировать аспирантов; эта работа только для постоянных сотрудников.

— Я бы лучше взяла парня с птичками, — сказала Карен.

— О'кей, — ответила Кейсер. — Кто возьмёт мисс Клейн?

Молчание.

— Тогда поставим вопрос так, — сказала Кейсер. — Кто возьмёт мисс Клейн и старый офис Мэри?

Мэри улыбнулась. У неё действительно был первоклассный офис, с хорошим видом на оранжереи.

— Продано! — воскликнула Хелен Райт.

— Ну, вот и всё, — сказала Кейсер. Она повернулась к Мэри с улыбнулась. — Похоже, этот год мы перетопчемся без вас.

* * *

После собрания факультета Мэри вернулась к себе в лабораторию. Хорошо бы, если бы сегодня пришли Дария и Грэм, её аспиранты; они вправе услышать объяснения от неё лично.

Хотя какое объяснение она могла им дать? Очевидное — что ей предложили отличную работу в Штатах — было лишь частью правды. Мэри и раньше звали в американские университеты; её обхаживали далеко не впервые. Но все те предложения она отклонила, говоря себе, что она предпочитает жить в Торонто, что здешний климат «придаёт ей сил», что ей будет не хватать «Си-Би-Си»[45], и здешних прекрасных театров, и Карибаны[46], и «Ищеек Бейкер-стрит»[47], и Йорквилля[48], и бистро «Ле-Селект», и Королевского музея, и некурящих ресторанов, и

[45] notes: 45

CBC–Canadian Broadcasting Corporation — государственное телевидение и радио Канады.

[46] notes: 46

Ежегодный летний карнавал в Торонто, фестиваль карибской культуры.

[47] notes: 47

Книжный магазин в Торонто, специализирующийся на детективах.

[48] notes: 48

Торговый квартал в центре Торонто.

«Блю-Джейз»[49], и «Глоуб энд Мэйл»[50], и социальной медицины, и Харборфронтских чтений.

Конечно, она могла расписать им все достоинства новой работы — но главной причиной её отъезда всё-таки оставалось изнасилование. Она знала, что такое происходит повсюду — в другом городе не будет безопаснее, чем здесь. Но именно желание избавиться от напоминаний о нём понесло её в Садбери разбираться с безумной историей об обнаруженном там живом неандертальце, и сейчас её тянуло из города то же самое чувство. Возможно, если сейчас рядом была Дария, она смогла бы ей об этом рассказать… но она никак не могла обсуждать это с Грэмом Смайтом… или любым другим мужчиной, по крайней мере, в этом мире.

Мэри принялась собирать личные вещи, которые хотела забрать из лаборатории, в старый пластиковый ящик из-под молока, который кочевал по всему факультету уже многие годы. У неё был настенный календарь с фотографиями крытых мостов; фотография её двух племян-

[49] notes: 49

«Blue Jays» — торонтская бейсбольная команда.

[50] notes: 50

Канадская ежедневная газета, базирующаяся в Торонто, одна из крупнейших в стране.

ников в рамке; кофейная чашка с логотипом «Канада a.m.» — она была на их шоу почти десять лет назад, после того, как сумела получить ДНК тридцатитысячелетнего медведя, найденного в юконской вечной мерзлоте. Большинство книг на полках принадлежало университету, но она забрала полдюжины своих собственных, включая свежее издание справочника CRC.

Мэри оглядела лабораторию ещё раз. Кому-то другому придётся продолжить секвенирование ДНК странствующего голубя, которым она занималась перед отъездом в Садбери. И, хотя большинство растений в лаборатории принадлежало Мэри, она не сомневалась, что Дария будет аккуратно их поливать.

Итак: всё готово. Она подхватила заметно потяжелевший молочный ящик и уже двинулась было к двери…

Нет. Нет, осталось ещё кое-что.

Она знала, что могла бы оставить это здесь. Никто бы не выкинул их в её отсутствие. Какое там, у них ещё хранились образцы, принадлежавшие Даниэлю Колби, а он уже два года как умер.

Мэри поставила ящик на пол, пересекла лабораторию из конца в конец и подошла к холодильнику для хранения биологических образцов.

Она открыла дверцу и ощутила порыв морозного воздуха.

Они были там: два матовых контейнера для образцов с надписью «Воган 666».

В одном были её трусики с той ночи, в другом…

В другом содержалось то, что он оставил внутри неё.

Но нет. Нет, она не возьмёт это с собой. Они могут остаться здесь; кроме того, ей не хотелось даже касаться их. Она захлопнула дверцу холодильника и повернулась.

Как раз в этот момент в дверь лаборатории просунулась голова Корнелиуса Раскина.

— Привет, Мэри, — сказал он.

— Привет, Корнелиус.

— Просто хотел сказать, что мы будем по тебе скучать, и… в общем, хотел поблагодарить за доставшиеся мне часы.

— Не за что, — ответила Мэри. — Не думаю, что для этого курса есть более подходящая кандидатура. — Это не была простая вежливость: она знала, что это так. Корнелиус был настоящим вундеркиндом: он учился в Университете Торонто, но степень получал в Оксфорде, где работал в Центре изучения древних биомолекул.

Мэри подошла к молочному ящику.

— Давай помогу, — сказал Корнелиус. — Отнести к машине?

Она кивнула. Корнелиус присел на корточки и поднялся вместе с ящиком. Они вышли в коридор. Им навстречу попался Джереми Баньон, аспирант, но не Мэри, другого преподавателя.

— Здравствуйте, профессор Воган, — поздоровался он. — Здравствуйте, доктор Раскин.

Мэри заметила, как кисло улыбнулся Корнелиус в ответ. Мэри и других постоянных сотрудников факультета всегда называли «профессор», но Корнелиусу такое обращение было не положено. Только в академических стенах обращение «доктор» могло считаться утешительным призом, и она отчётливо видела, как сильно Корнелиус жаждет этого слова на букву «п».

Мэри с Корнелиусом спустились по лестнице и вышли под августовский зной. По Йорк-лэйн они дошли до парковки, и Корнелиус помог ей погрузить ящик в багажник её «хонды». Она попрощалась с ним, уселась за руль, завела мотор и покатила навстречу новой жизни.

Глава 7

— Вызывает интерес, что вы начали новые отношения так скоро, — сказал Селган совершенно нейтральным тоном.

— Я не начинал *отношений, — возразил Понтер. — К тому времени я был знаком с Даклар Болбай больше 200 месяцев.*

— О, да, — согласился Селган. — Ведь она была партнёршей вашей партнёрши.

Понтер скрестил руки на груди.

— Именно.

— Так что, разумеется, вы были с ней знакомы, — поддакнул Селган, кивая.

— Так и было. — В голосе Понтера прозвучали нотки самооправдания.

— За всё то время, что вы были знакомы с Даклар, у вас когда-нибудь были фантазии на её счёт?

— Что? — переспросил Понтер. — В смысле, сексуальные?

— Да, сексуальные.

— Разумеется, нет.

Селган едва заметно пожал плечами.

— В этом нет ничего необычного. Многие муж-

чины фантазируют о женщинах, с которыми связаны их партнёрши.

Понтер помолчал несколько тактов, потом тихо признал:

— Ну, есть определённая разница между досужими мыслями и фантазиями*…*

— Конечно, — согласился Селган. — Конечно. И часто в ваших досужих мыслях появлялась Даклар?

— Нет, — быстро ответил Понтер. Он снова замолчал, потом продолжил: — Ну, «часто» — это субъективный термин. То есть, конечно, время от времени, я думаю…

Селган улыбнулся.

— Как я сказал, в этом нет ничего необычного. Существует целый раздел порнографии, посвящённый именно этой теме. Вы когда-нибудь с ней…

— Нет, — *отрезал Понтер.*

— Как скажете. Но я чувствую подспудный дискомфорт. Что-то вас беспокоит в этом изменении ваших отношений с Даклар. Что именно?

Понтер молчал.

— Может быть, вы считали это неправильным, потому что Класт умерла совсем недавно?

Понтер покачал головой.

— Нет. Класт умерла; ушла. На самом деле общение с Даклар помогало мне вспомнить *Класт. В конце концов, Даклар — единственный человек на свете, который знал Класт так же близко, как и я.*

— Хорошо, — сказала Селган. — Тогда позвольте мне задать вам ещё один вопрос.

— Не думаю, что могу вам как-то помешать, — ответил Понтер.

— И это тоже правда, — сказал Селган, улыбаясь. — В тот момент вы ещё не знали, какое решение примет Верховный Серый совет по вопросу об открытии портала в мир глексенов. Был ли ваш дискомфорт связан с мыслью о том, что, проводя время с Даклар, вы изменяете Мэре?

Понтер саркастически засмеялся.

— Вот видите? Я же говорил, вы, скульпторы личности, всегда ищете простые банальные ответы. Я не был связан с Мэре Воган. Я не брал на себя никаких обязательств. Мой дискомфорт…

Понтер оборвал себя на полуслове, и некоторое время Сеглан ждал, что он продолжит говорить. Но он молчал.

— Вы не договорили, — сказал Селган. — Мысль сформировалась у вас в мозгу, но вы решили не озвучивать её. Что это была за мысль?

Понтер сделал глубокий вдох, наверняка чтобы ощутить запах феромонов Селгана и попытаться угадать природу приготовленной им ловушки. Но Селган обладал способностью контролировать свои телесные запахи; именно благодаря ей он был так хорош в своей области. Он терпеливо ждал, и Понтер, наконец, ответил:

— Я изменял не Мэре. Адекору.

— Это ваш партнёр, — сказал Селган, будто бы пытаясь вспомнить, где он уже слышал это имя.

— Да, — ответил Понтер.

— Ваш партнёр, который вытащил вас из чужого мира, разлучил с Мэре Воган…

— Да. Нет. То есть, я…

— Он сделал то, что должен был сделать, вне всякого сомнения, — сказал Селган. — И всё-таки где-то глубоко внутри вас была какая-то частица, которая… что?

Понтер закрыл глаза.

— Которая злилась на него за это.

— За то, что он вернул вас домой.

Понтер кивнул.

— За то, что разлучил вас с Мэре.

Снова кивок.

— За то, что лишил вас возможной замены

Класт.

— Никто *не сможет заменить Класт, — вскинулся Понтер. — Никто.*

— Конечно, нет, — быстро согласился Селган, поднимая руки ладонями к Понтеру. — Простите. И всё же, вам нравилось — какой-то части вас нравилось — флиртовать с Даклар, женщиной, которая, пока вас не было, едва не подвела Адекора под кастрацию. Ваше подсознание желало его наказать? Отомстить за то, что он заставил вас вернуться из другого мира?

— Вы неправы, — сказал Понтер.

— О, — сказал Селган, — это случается довольно часто…

* * *

Двое в конце концов перестали быть Одним, и Понтер с Адекором и другими мужчинами снова вернулись на Окраину. По дороге Понтер ничего не сказал Адекору о том, что встречался с Даклар. Не то чтобы Адекора расстроило бы то, что Понтер проводил время женщиной — ревновать однополого партнёра к его связям с противоположным полом было бы в высшей степени нелепо.

Однако Даклар — это не просто какая-то женщина.

Как только Понтер и Адекор выгрузились из автобуса возле своего дома, навстречу им вылетела Пабо, собака Понтера красновато-коричневого окраса. Иногда они брали её с собой в центр, но в этот раз решили оставить дома; в их отсутствие она могла запросто прокормиться охотой.

Все трое вошли в дом, и Понтер тут же присел на диван. Вообще-то была его очередь готовить ужин, и обычно он принимался за дело сразу, как только они входили в дом, но сегодня он хотел сначала поговорить с Адекором.

Адекор пошёл в уборную, и Понтер ждал его, нетерпеливо ёрзая. Наконец, послышался звук смывных струй. Адекор вышел и заметил, что Понтер сидит на диване; он выразительно поднял бровь.

— Присядь, — сказал Понтер.

Адекор взгромоздился на седлокресло лицом к Понтеру.

— Я хочу, чтобы ты услышал это от меня прежде, чем услышишь от кого-то ещё, — сказал Понтер.

Адекор ничего не сказал, лишь выжидающе глядел на него.

— Большую часть периода, когда Двое были Одним, я провёл с Даклар.

Адекор заметно осел в своём седлокресле, его

ноги бессильно обвисли по сторонам.

— Даклар? — повторил он и переспросил, словно была какая-то другая Даклар: — Даклар *Болбай*?

Понтер кивнул.

— После того, что она со мной сделала?

— Она жаждет прощения, — сказал Понтер. — Твоего прощения и моего.

— Она пыталась добиться моей кастрации!

— Я знаю, — тихо сказал Понтер. — Я знаю. Но ей не удалось.

— Нет ножа — нет раны? — взвился Адекор. — Так, что ли?

Понтер молчал томительно долго, собираясь с мыслями. Он прокручивал эту речь в голове, пока автобусе ехал из Центра, но, как всегда в таких случаях, реальность сильно отклонилась от запланированного сценария.

— Послушай, я же должен подумать о детях. Будет плохо, если их отец и женщина, с которой они живут, станут враждовать.

— Мне Жасмель и Мегамег тоже не безразличны, — сказал Адекор. — Но не я начал этот конфликт.

Понтер медленно кивнул.

— Разумеется. Но… всё-таки… им нелегко при-

шлось в эти двадцать месяцев.

— Я знаю, — сказал Адекор. — Мне очень жаль, что Класт умерла, но, ещё раз, я не начинал этот конфликт. Его начала Даклар Болбай.

— Я это понимаю, — сказал Понтер. — Но… но прощение приносит пользу не только тому, кого прощают. Но и тому, *кто* прощает. Носить гнев, ненависть, злобу внутри… — Понтер покачал головой. — Гораздо лучше выпустить её, избавиться от неё полностью и навсегда.

Адекор, по-видимому, задумался над его словами. После короткого молчания она сказал:

— Две с лишним сотни месяцев назад я ударил тебя…

Понтер почувствовал, как его губы сами собой сжимаются. Они никогда об этом не говорили. *Никогда*. Во многом благодаря этому они смогли жить дальше.

— И, — сказал Адекор, — ты меня простил.

Понтер застыл.

— Ты никогда не просил у меня ничего взамен, — сказал Адекор. — И я знаю, что и сейчас ты не просишь ничего взамен…

Пабо, явно обеспокоенная внезапным изменением привычного порядка — ведь уже было время готовить ужин! — вошла в жилую комнату

и ткнулась носом в колени Понтеру. Он потянулся к ней и почесал ей макушку.

— Даклар правда хочет прощения, — сказал Понтер.

Адекор смотрел в покрытый мхом пол. Понтер знал, о чём он думает. Кастрация была высшей мерой наказания, разрешённой законом, и Даклар добивалась её применения в отсутствие преступления. Её собственная несчастливая судьба предоставила для этого если не оправдание, то мотив.

— Ты собираешься вступить с ней в союз? — спросил Адекор, не поднимая глаз.

Вообще-то с партнёршей Адекора, Лурт, у Понтера сложились хорошие отношения, но в целом не было никакого закона, который предписывал бы ладить с партнёршей своего партнёра.

— Пока рано даже задумываться об этом, — сказал Понтер. — Но я провёл с ней четыре вполне приятных дня.

— У вас был секс?

Для Понтера в таком вопросе не было ничего оскорбительного; для партнёров-мужчин обсуждать интимные отношения со своими женщинами было нормально — в сущности, это был обычный способ выяснить, что именно каждому

из них доставляет удовольствие, но так трудно описывается словами.

— Нет, — сказал Понтер. Потом пожал плечами. — Могло дойти и до секса, если бы представился случай, но мы почти всё время провели вместе с Жасмель и Мегамег.

Адекор кивнул, словно Понтер только что раскрыл ему обширный заговор.

— Лучший способ завоевать любовь мужчины — заботиться о его детях.

— Она, знаешь ли, их *табант*. В каком-то смысле это и её дети.

Адекор ничего не ответил.

— Так как? — спросил, наконец, Понтер. — Ты простишь её?

Адекор какое-то время разглядывал росписи на потолке комнаты.

— Какая ирония, а? Эта наша проблема возникла лишь вследствие доброты, которую ты проявил тогда, две сотни месяцев назад. Если бы ты публично обвинил меня в нападении, меня бы кастрировали ещё тогда. И в этом случае Даклар нечего было бы требовать с меня, когда ты пропал. — Он двинул плечами. — У меня нет другого выбора, кроме как простить её.

— У тебя есть выбор, — сказал Понтер.

— Как и у тебя был тогда, давным-давно. — Адекор кивнул. — И я прощу её.

— Ты хороший человек, — сказал Понтер.

Адекор нахмурился, словно обдумывая эту простую мысль.

— Нет, — ответил он. — Нет, я просто *адекватный*. А вот ты, друг мой…

Понтер усмехнулся и поднялся на ноги.

— Пора мне заняться ужином, — сказал он.

* * *

Хотя Двое уже не были Одним, Понтер и Адекор снова явились в Центр, в зал заседаний Совета. Верховные Серые объявили, что готовы огласить своё решение относительно открытия портала.

Зал Совета был забит зрителями обоих полов. Адекор выглядел неуверенно, и Понтеру понадобилось некоторое время, чтобы понять, почему. Когда он был в этом помещении в прошлый раз, это был его *доосларм басадларм*. Однако Адекор ни словом не обмолвился о своём дискомфорте — это было бы напоминанием о той неприятной истории с Даклар — и Понтер был безмерно благодарен ему за это.

Среди зрителей находились одиннадцать экс-гибиционистов в серебристых одеждах. Понтер

так и не сумел понять глексенской идеи «новостей»: непрерывного сообщения обо всех плохих вещах, что происходят в мире. Некоторые каналы посвящали этому десять десятых времени своего вещания, а вещали они круглые сутки. Импланты-компаньоны, которые обеспечивали безопасность людей вот уже почти тысячу месяцев, положили конец воровству, убийствам и избиениям. Тем не менее, информационный голод никуда не делся; Понтер читал, что сплетничанье выполняет у людей ту же функцию, что и взаимное выискивание паразитов у остальных приматов — связывает их воедино. И поэтому некоторые граждане делают свой вклад в общество путём разрешения всем желающим просматривать то, что передаёт их имплант; люди просто настраивают свой визор на передачу того из них, кто им больше нравится.

Один-два эксгибициониста присутствовали на каждом заседании Серого совета, но сегодняшнее вызвало такой интерес, что явились даже те эксгибиционисты, что обычно посещают лишь спортивные мероприятия или поэтические чтения.

Председатель Верховного Серого совета Пандаро поднялась и обратилась к собравшимся,

опираясь на резную деревянную трость.

— Мы изучили дело, переданное для нашего рассмотрения учёным Халдом и учёным Боддетом, — сказала она. — Мы также изучили пространное описание путешествия учёного Понтера в мир глексенов, сделанное по его возвращению оттуда, а также немногие имеющиеся физические свидетельства.

Понтер коснулся пальцами небольшого золотого предмета, который он иногда носил на шее. Ему очень не хотелось отдавать его на анализ, и он был счастлив, когда его вернули. Мэре дала его ему перед самым его возвращением в свой мир: пара взаимно перпендикулярных золотых полосок, одна длиннее другой.

— И, после длительных размышлений, — продолжала Пандаро, — мы пришли к выводу, что потенциальная выгода от получения доступа к этой другой Земле и другому человечеству, с его научными достижениями и уникальными товарами для обмена, слишком велика, чтобы её игнорировать.

— Это ошибка! — выкрикнул мужской голос из толпы зрителей. — Не делайте этого!

Советник Бедрос, сидящий рядом с председателем Пандаро, впился взглядом в кричащего.

— Ваше мнение было учтено, если вы дали себе труд поучаствовать в опросе на эту тему. Тем не менее, обязанность принятия решения лежит на этом Совете, поэтому будьте любезны дослушать его до конца.

Пандаро продолжила:

— Верховный Серый совет, — сказала она, — сорока голосами против шести рекомендует разрешить учёным Халду и Боддету попытаться снова открыть портал в параллельную вселенную. Они должны докладывать Совету о результатах каждые десять дней; вопрос о целесообразности продолжения этих работ должен рассматриваться каждые три месяца.

Понтер встал и слегка поклонился.

— Благодарю вас, председатель.

Адекор тоже вскочил, и двое мужчин обнялись.

— Приберегите это на потом, — сказала Пандаро. — Теперь что касается конкретных мер безопасности и карантина…

Глава 8

— Добро пожаловать в «Синерджи Груп», доктор Воган.

Мэри улыбнулась Джоку Кригеру. Она плохо себе представляла, чего ожидать от нового места работы. Как оказалось, «Синерджи Груп» располагалась в старинном особняке в районе Рочестера под названием Сибриз[51], на самом берегу озера Онтарио. Понтеру бы понравилось это место: по песчаному пляжу вышагивала цапля, а в гавани, усеянной прогулочными яхтами, плавали утки, гуси и лебеди.

— Давайте я покажу вам, что к чему, — продолжил Кригер и повёл Мэри вглубь старинного дома.

— Спасибо, — сказала Мэри.

— Сейчас у нас в штате двадцать четыре человека, — сказал Кригер, — но мы всё ещё растём.

Мэри была поражена.

— Двадцать четыре человека работают над проблемами неандертальской иммиграции?

— Нет-нет-нет. «Синерджи» участвует во мно-

---

[51] notes: 51
Seabreeze, sea breeze — морской ветер.

гих других проектах. Генетический проект имеет особенно высокий приоритет, потому что это то, что может понадобиться сразу же, если портал снова откроется. Но мы здесь изучаем ситуацию с неандертальцами в любых её аспектах. Правительство США особенно интересуется имплантами-компаньонами, и…

— «Большой Брат смотрит на тебя», — сказала Мэри.

Но Кригер покачал головой.

— Нет, ничего подобного. Дело в рассказах Понтера о том, что компаньоны имеют полный сферический обзор и производят детальную запись всего, что происходит в непосредственной близости от носителя. Нет, у нас есть, конечно, четверо социологов, призванных разобраться в том, может ли неандертальская практика использования этой технологии найти какое-то применение в нашем мире — хотя, честно говоря, я в этом очень сомневаюсь; слишком уж мы ценим тайну частной жизни. Но всё же к моменту открытия портала мы хотели бы иметь равные возможности. Если их эмиссары могут без усилий постоянно записывать всё, что они видят и слышат, то нам бы хотелось, чтобы у наших эмиссаров в их мире тоже была такая

возможность. В конечном счёте всё сводится к торговле — честной торговле.

— Ах, — сказала Мэри. — Но Понтер сказал, что его компаньон не может ничего передавать отсюда в архив алиби; ничто из его пребывания в нашем мире не было записано.

— Да, да, но это чисто техническая проблема. К примеру, записывающее устройство можно установить по эту сторону портала.

Они шли по длинному коридору и сейчас как раз добрались до его конца. Кригер открыл дверь. Внутри было три человека: чернокожий мужчина, белый мужчина и белая женщина. Чернокожий мужчина полулежал в кресле и бросал смятые обрывки бумаги в урну для мусора. Белый мужчина пялился в окно на пляж и озеро за ним. А белая женщина ходила туда-сюда перед белой доской, сжимая в руке маркер.

— Фрэнк, Кевин, Лили, познакомьтесь с Мэри Воган, — сказал Кригер.

— Привет, — сказала Мэри.

— Вы по визуализации? — спросила женщина, должно быть, Лили.

— Простите?

— Визуализация, — сказал Фрэнк.

— Визуализация, — повторил Кевин. Или, мо-

жет быть, наоборот.

— Ну, вы знаете, — доброжелательно добавил чернокожий мужчина, — формирование изображений. Фотография и всякое такое.

Кригер объяснил:

— Это основная причина, почему мы разместились в Рочестере, — сказал он. — Здесь находятся штаб-квартиры «Ксерокс», «Кодак» и «Бауш энд Ломб». Как я сказал, воспроизведение технологии компаньонов — очень приоритетная задача; ни в каком другом городе мира не собрано столько экспертов по генерации и обработке изображений и оптике.

— Ах, — сказала Мэри и посмотрела на троих обитателей комнаты. — Нет. Я генетик.

— О, я вас знаю! — воскликнул чернокожий мужчина. Он поднялся с кресла; его сиденье издало вздох облегчения, принимая свою нормальную форму. — Вы та женщина, которая была вместе с НП.

— НП?

— Неандертальцем-прим, — объяснил Кригер.

— Его зовут Понтер, — сказала Мэри, немного обидевшись.

— Простите, — сказал чернокожий. Он протянул руку. — Я Кевин Билодó, в прошлом работал

в кодаковских скунсодельнях[52]. Знаете, было бы очень полезно порыться в том, что вы помните о компаньонах. Вы видели его вблизи. Какого рода набор линз в нём использовался?

— Там была только одна линза, — сказала Мэри.

— Вот видишь! — завопила Лили, обвиняющее глядя на второго мужчину, который, по методу исключения, должен был быть Фрэнком.

— Понтер сказал, что изображение записывается с помощью сенсорного поля, — сказала Мэри.

— Он не говорил, какого рода эти сенсоры?

— Он не упоминал зарядовую связь?

— Голография — он говорил что-нибудь про голографию?

— Какое у этих сенсоров разрешение?

— Он не упоминал количество пикселей?

— Вы не можете описать…

— Народ! — повысил голос Кригер. — Народ! Мэри собирается работать с нами долго, очень

[52] notes: 52

Skunkwork project — так называют проекты, ориентированные на достижение некоего прорыва, разработку чего-то принципиально нового, своеобразные инкубаторы идей. Название происходит от обозначения секретного отделения фирмы «Локхид», занимавшегося разработкой реактивных самолётов во время второй мировой войны, которое, в свою очередь, было позаимствовано из популярного довоенного комикса, в котором фигурировал завод по переработке дохлых скунсов и старой обуви.

долго. У вас будет достаточно возможностей расспросить её. Сейчас у нас вводная экскурсия, ничего больше.

Все трое извинились, и после обмена несколькими общими фразами Кригер и Мэри покинули комнату.

— Они полны энтузиазма, — заметила она, когда дверь за ними закрылась.

Кригер кивнул.

— Как и все здесь.

— Но я не вижу, как они могут получить то, о чём вы их просите. То есть, я слышала об обратном проектировании, но не имея на руках образца импланта-компаньона можно ли надеяться его воспроизвести?

— Простого знания, что это возможно, может быть достаточно, чтобы направить их по верному пути. — Кригер открыл дверь на противоположном краю холла, и Мэри почувствовала, как округлились её глаза.

— Луиза! — воскликнула она.

За рабочим столом с открытым ноутбуком на нём сидела Луиза Бенуа, сотрудница Нейтринной обсерватории Садбери, которая спасла Понтеру жизнь, когда он появился внутри ёмкости с тяжёлой водой.

— Привет, Мэри, — сказала Луиза с хорошо знакомым Мэри французским акцентом. Она поднялась из-за стола; её густые каштановые волосы ниспадали до середины спины. Мэри было 38 лет, Луизе — 28, однако Мэри знала, что не выглядела так потрясно даже в 18. У Луизы была высокая грудь, длинные ноги и лицо фотомодели; когда Мэри увидела её впервые, она почувствовала к ней инстинктивную враждебность.

— Я забыл, что вы знакомы с доктором Бенуа, — сказал Кригер.

Мэри потрясённо покачала головой.

— Ну и утечку мозгов вы тут устроили, Джок. — Она снова посмотрела на Луизу, удивляясь, как ей удаётся выглядеть такой цветущей без макияжа. — Луиза, я так рада тебя видеть. — И тут же кошка внутри неё не удержалась от подковырки: — А как Рубен?

Рубен Монтего был штатным доктором на шахте «Крейгтон». У Луизы случился с ним довольно бурный роман, когда Мэри, Понтер, Рубен и она оказались в Садбери на карантине. Мэри полагала, что они просто убивают время, поэтому ответ Луизы стал для неё неожиданностью.

— У него всё в порядке, — сказала она. — Помог мне перевезти вещи. На следующие выходные

собираюсь к нему съездить.

— Ах, — сказала Мэри, понимая, что её поставили на место. — А ты чем здесь занимаешься?

— Доктор Бенуа возглавляет нашу портальную группу, — сказал Кригер.

— Ага, — сказала Луиза. — Пытаемся разработать технологию открытия портала с нашей стороны.

Мэри кивнула. Луиза не всё время проводила в постели с Рубеном; она также вела долгие беседы один на один с Понтером Боддетом и, несомненно, знала о неандертальских достижениях в области физики больше, чем кто-либо другой на этой версии Земли. Мэри чувствовала себя пристыженной; Луиза не сделала ей ничего плохого, её единственным преступлением была красота.

— Будет здорово снова работать вместе, — сказала она.

— Кстати, — сказала Луиза, — мы могли бы снимать квартиру на пару. Мы нормально уживались у Рубена во время карантина.

— Гмм, нет, — сказала Мэри. — Спасибо, конечно. Но я… люблю побыть одна.

— В Рочестере у тебя с жильём проблем не будет, — сказала Луиза.

Кригер кивнул.

— В «Ксероксе» и «Кодаке» в последние годы были сокращения, а они — основные работодатели в городе. Дом можно приобрести за бесценок, или выбрать квартиру из сотен предложений.

— Буду знать, — сказала Мэри.

— Рекомендую Бристоль-Харбор. Это в часе езды отсюда, но зато прямо на берегу одного из Фингер-лэйкс[53]. Божественно. Множество оленей и настоящее звёздное небо ночью.

— Кстати о звёздном небе, — сказала Мэри, внезапно поняв, что как раз Луиза может ей всё объяснить. — В мой последний вечер в Садбери я видела, как северное сияние сошло с ума. Чем это могло быть вызвано?

Луиза несколько секунд смотрела на Мэри, словно не могла поверить своим ушам.

— Ты что, не читаешь газет?

Мэри покачала головой.

— Была занята переездом.

— Магнитное поле Земли ведёт себя необычно, — сказала Луиза. — Измерения по всему шарику это подтверждают. Мощность геодинамо существенно флуктуирует.

— Из-за чего?

---

[53] notes: 53

Группа длинных узких озёр в западной части штата Нью-Йорк к югу от Рочестера

Луиза пожала плечами.

— Никто не знает.

— Это опасно?

— Вероятно, нет.

— Вероятно? — переспросила Мэри.

— Ну, — сказала Луиза, — ничего подобного в прошлом не фиксировалось. Многие эксперты думают, что магнитное поле Земли коллапсирует перед сменой полярности.

Мэри что-то об этом слышала, но обрадовалась, когда Кригер, а не она, спросил:

— А что это такое?

— Магнитное поле Земли время от времени меняет полярность — ну, знаете, когда южный полюс становится северным и наоборот, — сказала Луиза. — Из геологической летописи известно о более чем трёх сотнях таких событий, но в исторические времена такого пока не случалось, так что о деталях этого процесса мы мало что знаем. Однако всегда предполагалось, что в таких случаях магнитное поле сначала пропадает, а потом снова усиливается.

— И вы говорите, что беспокоиться не о чем? — сказал Кригер. — Это разве не связано с массовыми вымираниями?

Луиза покачала головой.

— Нет. Полярность магнитного поля действительно была обратной, когда вымерли динозавры, но она стала такой за миллион лет до окончания мелового периода. — Она улыбнулась своей мегаваттной улыбкой. — Самое страшное, что нас ждёт — нам придётся перекрасить все компасы.

— Какое облегчение, — сказала Мэри.

Луиза кивнула.

— И даже это может не понадобиться, — сказала она. — Насколько мы можем судить, определение, какой полюс станет северным, а какой южным — это квантовомеханический, то есть абсолютно случайный процесс. Из чего следует, что с вероятностью 50 % магнитное поле снова появится с той же полярностью, что и раньше.

Кригер поднял бровь.

— Но если так, то даже если вымирание динозавров и было связано с коллапсом магнитного поля, то мы об этом не узнаем, если его полярность после этого не изменилась.

— Вы зря беспокоитесь, Джок, — сказала Луиза. — Те коллапсы магнитного поля, о которых мы *знаем*, не были связаны с вымираниями. Так что нет оснований предполагать это относительно коллапсов, которые мы упустили из-за того, что полярность поля после них не поменялась. — Она

снова улыбнулась Кригеру, который, как заметила Мэри, всё ещё был погружён в собственные мысли. — Не волнуйтесь, — сказала Луиза. — Я уверена, что мы это переживём.

Глава 9

— Ранее вы мне рассказывали, — сказал Журард Селган, — что ваш единственный интерес в деле с открытием портала — это блага, которые он принесёт народу нашего мира.

Понтер коротко кивнул.

— Именно так.

— И поскольку способность осуществлять контакт в другим миром зависит от квантового компьютера, который разработали вы с Адекором Халдом, то было бы естественно, если бы вы остались здесь, на этой Земле, чтобы обеспечивать работу квантововычислительной установки.

— Ну… — сказал Понтер, но потом замолчал.

— Вы сказали, что у вас не было никакого личного интереса в этом деле, не так ли?

— Да, но…

— Но вы продолжили сражаться с Верховным Серым советом, не так ли? Вы настояли на том, чтобы вам было позволено лично вернуться на другую Землю.

— Это был единственный осмысленный образ действий, — сказал Понтер. — Никто из нашего

мира там не был. А я уже был знаком с некоторыми людьми и многое узнал об их мире.

— И вы отказались поделиться лингвистической базой глексенского языка, собранной вашим компаньоном, если вам не будет гарантировано место в следующей группе, которая посетит другой мир.

— Это было не совсем так, — сказал Понтер. — Я просто предположил, что моё участие было бы полезно.

— Вы более чем «просто предположили», — вкрадчиво сказал Селган. — Как и бóльшая часть мира, я видел это всё по визору. Если ваша собственная память вас подводит, мы легко можем обратиться к вашему архиву алиби за этот день. Потому мой терапевтический центр и находится именно здесь, рядом с павильоном Архива алиби. Давайте пройдём туда и…

— Нет, — *сказал Понтер. — В этом нет необходимости.*

— То есть вы всё-таки прибегли к… слово «давление» здесь будет уместно, как по-вашему? — чтобы снова оказаться в другом мире.

— Я хотел сделать наибольший возможный вклад. Кодекс Цивилизации требует этого от каждого из нас.

— Да, это действительно так, — согласился Селган. — И если этот вклад — это наибольшее благо — наилучшим образом достигается путём совершения преступления, так что же…

— Вы неправы, — сказал Понтер. — В тот момент я ещё даже не начинал думать об этом преступлении. Моей единственной целью… — Он помолчал, потом продолжил: — Единственными моими целями *было принять участие в возобновлении контакта… и да, увидеться с моим другом Мэре Воган. Я никогда бы не отправился туда, если бы заранее знал, что это окончится тем, что я… совершу…*

— Это не совсем правда, не так ли? — сказал Селган. — Ведь вы сказали, что доведись вам пережить тот момент снова, вы бы всё равно совершили это преступление.

— Да, но…

— Но что?

Понтер вздохнул.

— Ничего.

* * *

Верховный Серый совет наконец согласился с требованием Понтера позволить ему оставить квантовый компьютер на попечение Адекора, а

самому отправиться в мир глексенов. Он ожидал, что согласие будет дано неохотно — так оно и случилось — но никак не ожидал, что на него возложат титул «посланника».

Как бы он ни хотел вернуться, снова снова увидеться с Мэре, он ожидал этого со смешанными чувствами. Его предыдущий визит был случайностью, и он был до смерти напуган тем, что может никогда не вернуться домой. Хотя Адекор искренне верил в то, что портал можно снова открыть и держать открытым неограниченно долго, никто этого не знал наверняка. Понтер однажды уже почти потерял Адекора, Жасмель и Мегамег; он не был уверен, что сможет снова подвергнуться такому риску.

Но нет. Он этого хотел. Несмотря на все опасения, Понтер *хотел* вернуться. Да, интересно будет посмотреть, как станут развиваться отношения с Даклар Болбай. До следующего раза, когда Двое станут Одним — ближайшей возможности снова её увидеть — почти полный месяц, и, если всё пойдёт гладко, до того времени он успеет побывать в другом мире и вернуться.

Кроме того, в этот раз Понтер отправится не один. С ним будет Тукана Прат, женщина 144-го поколения, на десять лет его старше.

Первого открытия портала никто не ждал. Второе было отчаянной спасательной операцией. В этот раз всё пройдёт организованно и в соответствии с планом.

Всегда есть вероятность, что всё пойдёт кувырком: что портал откроется в какой-то другой мир, или что Понтер ошибся в глексенах, и они только и ждут возможности вторгнуться в соседний мир. На этот случай в Бедрос, один из членов Совета, будет держать в руках детонатор. Вокруг подземных помещений, занимаемых установкой квантовых вычислений, заложена взрывчатка. Если дела будут плохи, Бедрос взорвёт её, и тысячи *пертавов* скальной породы обрушатся и заполнят вычислительную камеру. И хотя сигналы с компаньона Бедроса не могут быть услышаны на поверхности, детонаторы взрывчатки услышат их отлично; так что если Бедрос погибнет — если глексены хлынут через портал, паля из своего оружия — то взрывчатку подорвёт его компаньон.

Тем временем Адекор будет контролировать менее разрушительную тревожную кнопку. Если всё пойдёт не так, он сможет отключить питание квантового компьютера и прервать соединение между мирами. И опять же, если он погибнет,

его компаньон сделает это за него. Наверху, на поверхности, вход в Дебральскую никелевую шахту также был заминирован, и принудители несли вахту, готовые действовать в случае любых неожиданностей.

Конечно, Понтер и Тукана не собирались очертя голову кидаться на ту сторону. Сначала туда будет спущен зонд, оборудованный с видеокамерами, микрофонами, устройствами для забора проб воздуха и многим другим. Зонд будет выкрашен в ярко-оранжевый цвет и окружён кольцом фонарей. Всё это для того, чтобы глексены не подумали, что целью зонда является тайное подслушивание — Понтер рассказал о том, как сильно глексены дорожат своим правом на уединение.

Как и робот, которого посылали через портал во время операции по возвращению Понтера, зонд будет передавать данные своих приборов по оптическому кабелю. Но в отличие от того злополучного робота этот зонд будет крепиться на прочном тросе из синтетического волокна.

Хотя зонд представлял собой продукт самых современных технологий, да и деркерова труба, с помощью которой предполагалось не дать порталу закрыться, также была довольно тон-

ким механическим устройством, сама операция вставки её в портал определённо относилась к категории низкотехнологичных.

Понтер и Адекор построили квантовый компьютер для того, чтобы факторизовать по-настоящему большие числа. Принцип его действия состоял в том, что он обращался ко всем другим параллельным вселенным, где существовал его аналог, и каждый из них проверял один-единственный делитель. Комбинируя результаты, полученные в разных вселенных, компьютер производил проверку миллионов делителей практически моментально.

Но если факторизуемое число оказывалось настолько огромным, что потенциальных делителей было больше, чем параллельных вселенных, в которых существует квантовый компьютер, то он начинал перебор вселенных, в которых его аналога не было. При первой же попытке обратиться к такой вселенной процесс факторизации аварийно завершался, и открывался портал.

Изначально лаборатория квантовых вычислений занимала всего четыре помещения: автономный санузел, столовая, пультовая и обширная вычислительная камера. Теперь к ним добавились ещё три: небольшой медицинский

изолятор, комната отдыха и большое помещение с оборудованием для деконтаминации. Люди, идущие в обоих направлениях, будут проходить через неё, чтобы уменьшить шанс принести что-то вредное из своего мира или очиститься от того, что могли подхватить в чужом. Глексенские технологии деконтаминации были весьма примитивны; глексенам, практически лишённым волос на теле, было легко содержать его в чистоте, а их крошечные носы позволяли им оставаться в блаженном неведении, даже будучи грязными. Но в этом мире уже давно применялись деконтаминаторы на калиброванных лазерах, для которых протеиновые структуры человеческой кожи, плоти, органов и волос были прозрачны, но которые с лёгкостью уничтожали все вирусы и микробы, испаряя их.

Никогда раньше в лаборатории квантовых вычислений не собиралось столько народу. Помимо Понтера и Адекора здесь также присутствовала посол Прат и три члена Верховного Серого совета, включая обоих делегатов местных делегатов. Робототехник Дерн будет управлять зондом. Здесь же были двое эксгибиционистов со специальными устройствами, которые передадут записанное изображение зрителям, как только окажутся на

поверхности.

И вот, наконец, пора.

Адекор встал у своей консоли на одном краю пультовой, Понтер — на другом. У Дерна была своя консоль, водружённая на крышку стола.

— Ты всё взял, что может понадобиться? — спросил Адекор.

Понтер выполнил финальную проверку. Хак, разумеется, был всегда при нём, и в него была загружена полная медицинская и хирургическая база данных на случай, если с Туканой и Понтером что-то случится в мире глексенов.

Широкая кожаная лента с нашитыми на неё карманами была обёрнута у Понтера вокруг пояса. Он уже проверил всё по описи: антибиотики, антивирусные препараты, иммуностимуляторы, стерильные бинты, прижигающий лазерный скальпель, хирургические ножницы и набор других лекарств — против насморка, обезболивающее, снотворное. У Туканы был такой же пояс. У каждого также был чемоданчик с несколькими сменами одежды.

— Всё на месте, — сказал Понтер.

— Всё на месте, — повторила Тукана.

Адекор взглянул на Дерна.

— У тебя?

Толстяк кивнул.

— Я готов.

— Тогда мы можем начинать, — сказал Адекор Понтеру.

Понтер ответил жестом — рука с растопыренными пальцами.

— Отыщем наших родичей.

— Начинаем, — сказал Адекор. — Десять!

Один из эксгибиционистов стоял рядом с Адекором; второй — рядом с Понтером.

— Девять!

Три члена Верховного Серого совета переглянулись. Хотели присутствовать и другие, но было решено, что разумно рискнуть максимум тремя.

— Восемь!

Дерн потянул какие-то стерженьки на своей консоли.

— Семь!

Понтер глянул на посла Тукану; если она и нервничала, то очень хорошо это скрывала.

— Шесть!

Он оглянулся через плечо на широкую спину Адекора. Они специально не устраивали никаких прощаний накануне вечером — никто из них не хотел допускать мысли, что в случае чего Понтер может никогда не вернуться домой.

— Пять!

И ведь тогда он потеряет не только Адекора. Мысль о том, что его дети могут так рано остаться без родителей, беспокоила Понтера сильнее всего, когда он принимал решение о повторном путешествии.

— Четыре!

Меньшим, но не менее значительным беспокойством была возможность снова тяжело заболеть в мире глексенов, хотя доктора укрепили его иммунную систему, а Хака модифицировали для постоянного мониторинга его крови на предмет присутствия посторонних тел.

— Три!

Была также опасность возникновения у него или Туканы аллергии на какие-нибудь вещества с другой стороны.

— Два!

Ещё у Понтера были опасения насчёт долговременной стабильности портала, ведь он был продуктом квантовых процессов, которые в силу самой своей природы непредсказуемы. И всё же…

— Один!

И всё же, при всех возможных проблемах, при всех потенциально негативных факторах, в его

возвращении в мир глексенов был один неоспоримо позитивный аспект…

— Ноль!

Понтер и Адекор одновременно вытянули контрольные стержни на своих консолях.

Внезапно из вычислительной камеры, видимой через окно пультовой, донёсся громкий рёв. Понтер знал, что происходит, хотя ранее не имел возможности наблюдать процесс воочию. Всё, что не было прикручено к полу вычислительной камеры, отправилось в другую вселенную. Сделанные из стекла и стали цилиндры регистров — даже глючный 69-й — остались на местах, но весь воздух в камере был замен на эквивалентную массу из другой вселенной. Когда Понтер был случайно заброшен туда, соответствующее пространство на другой стороне было занято гигантской акриловой сферой, заполненной тяжёлой водой — сердцем глексенского нейтринного детектора.

Но в этот раз с той стороны не хлынула тяжёлая вода. Воду оттуда убрали ещё до возвращения Понтера назад для того, чтобы можно было исправить повреждения, нанесённые акриловой сфере его прибытием.

Как и ожидалось, ярко раскрашенный зонд

провалился в синее пламя портала; во время перехода оно плотно охватило зонд, очерчивая контур его сечения. Сейчас же были видны только туго натянутые трос и телекоммуникационный кабель, уходящие в никуда примерно на высоте пояса над полом. Понтер перевёл взгляд на укреплённый на стене большой монитор, который был установлен в пультовой, чтобы показывать то, что видит зонд.

А видел он…

— Глексены! — воскликнула посол Прат.

— До сих пор я так и не мог до конца поверить, — сказал советник Бедрос.

Адекор, улыбаясь, посмотрел на Понтера.

— Узнаёшь кого-нибудь?

Понтер всмотрелся в экран. Как и в прошлый раз, портал открылся в нескольких человеческих ростах над полом; похоже, лаборатория квантовых вычислений располагалась немного выше и чуть-чуть к северу от центра камеры нейтринного детектора. Десяток или больше глексенов работали в по-прежнему сухой камере. Они были одеты в комбинезоны, все носили на головах жёлтые пластиковые черепаховые панцири. У большей части глексенов была такая же бледная кожа, как и народа Понтера, однако

у двоих она была тёмно-коричневого цвета. У Понтера создалось впечатление, что практически все рабочие — мужчины, но в случае глексенов определить это не всегда просто. Конечно, лицо, которое он надеялся увидеть, было женским, но, конечно, не было никаких оснований ожидать увидеть её среди ремонтных рабочих на дне шахты.

Все лица были обращены к зонду, и некоторые из глексенов указывали на него своими костлявыми руками.

— Нет, — сказал Понтер. — Никого не узнаю́.

Микрофоны зонда передавали окружающие звуки, странно искажённые отражением от стен каверны. Понтер не понимал, что они говорят, но один раз определённо разобрал своё имя.

— Хак, — сказал он, обращаясь к компаньону, — что они говорят?

У Хака теперь был новый голос; во время последнего обновления Понтер попросил Кобаста Ганта загрузить в компаньон приятный мужской голос, не похожий на голоса никого из знакомых.

Хак ответил через свой внешний динамик, чтобы его могли слышать все собравшиеся.

— Мужчина в правой части экрана только что

упомянул сущность, которую они называют Богом — очевидно, в данном контексте это возглас удивления. Мужчина рядом с ним произнёс имя предполагаемого сына этой сущности. А женщина рядом с ним сказала: «Цельные фекалии»[54].

— Очень странно, — сказала Туркана.

— Мужчина справа, — продолжал Хак, — кричит кому-то за пределами поля зрения, чтобы тот установил телекоммуникационный контакт с доктором Ма.

Пока Хак говорил, несколько глексенов подошли ближе к зонду. Понтер с удовольствием услышал, как ахнули три члена Верховного Серого совета и посол Прат, впервые увидев вблизи странные, словно сдавленные с боков лица глексенов с их смехотворно маленькими носами.

— Ну что же, — сказал Дерн, робототехник, — похоже, мы восстановили контакт, и похоже, что условия на той стороне приемлемые.

Трое членов Верховного Серого совета коротко посовещались, затем Бедрос кивнул.

— Приступим, — сказал он.

Понтер и Дерн взялись каждый за свой конец деркеровой трубы. Адекор открыл дверь, ведущую

---

[54] notes: 54
Имеется в виду восклицание «Holy shit!»

в вычислительную камеру. Не было ни шипения, ни хлопка в ушах, которые свидетельствовали бы о разнице давлений; хотя весь воздух в вычислительной камере предположительно был из мира глексенов, в этот раз произошёл обмен примерно равным его количеством. Глексены тщательно фильтровали воздух в помещениях своей нейтринной обсерватории, так что воздух, которым Понтер сейчас дышал, был начисто лишён какого-либо запаха.

Точка выхода в другую вселенную была отчётливо обозначена двумя кабелями, исчезающими в окружённой синим сиянием дыре в пространстве. Дерн, присутствовавший при возвращении Понтера с той стороны, направил сложенную деркерову трубу так, чтобы её конец соприкоснулся с привязным тросом зонда. Понтер повернул свою часть трубы — в ней было добрых восемь саженей в длину — так, чтобы она была параллельна привязному тросу.

— Готов? — спросил Дерн, глядя на Понтера через плечо.

Понтер кивнул.

— Готов.

— Хорошо, — сказал Дерн. — Теперь потихоньку…

Дерн начал вдвигать сложенную трубу в портал, который расширился ровно настолько, чтобы охватить её по окружности. Понтер осторожно толкал сзади. Адекор принёс с собой портативный монитор, показывавший изображение с камеры зонда. Он повернул устройство так, чтобы Дерн и Понтер видели, что происходит на той стороне. Хотя зонд опустился к полу детекторной камеры, так что трос и оптический кабель изгибались на 90 градусов сразу, как только оказывались на той стороне, деркерова труба торчала из портала параллельно далёкому полу. Глексены не могли до неё добраться: она была слишком высоко над их головами. Но они указывали на неё и что-то кричали друг другу.

— Достаточно, — сказал Дерн, когда в портале исчезла половина трубы — посередине длины на ней была нанесена маленькая риска. Понтер перестал толкать. Дерн перешёл к другому краю трубы, чтобы помочь Понтеру раскрыть её.

Сначала они с Понтером едва могли засунуть в трубу руку. Но по мере того, как они тянули её в разные стороны, под громкое щёлканье храповиков она всё больше и больше увеличивалась в диаметре.

Понтер засунул вторую руку в расширяющееся

отверстие, Дерн сделал то же самое, и они продолжили тянуть каждый в свою сторону. Скоро диаметр трубы достиг сажени — но это была лишь треть её максимального размера, и они продолжали растягивать её дальше и дальше.

К этому моменту посол Прат и трое Серых советников уже были в вычислительной камере. Один из эксгибиционистов спустился вниз вместе с ними; второй остался на верхней ступеньке ведущей из пультовой лестницы — он явно хотел находиться как можно дальше от места событий, если что-то пойдёт не так.

По виду Бедроса было понятно, ему хотелось поучаствовать — в конце концов, здесь и сейчас творилась история. Понтер одобряюще ему кивнул. Вскоре уже шесть рук растягивало всё расширяющийся створ трубы. На переносном мониторе Понтер видел, как глексенские заострённые книзу челюсти попадали от удивления.

Наконец, всё закончилось: труба достигла своего максимального диаметра, и её дно покоилось на полу вычислительной камеры. Понтер посмотрел на Тукану и жестом пригласил её пройти вперёд.

— Вы — посол, — объяснил он.

Седовласая женщина покачала головой.

— Но вас они знают в лицо.

Понтер кивнул.

— Как скажете.

Адекор крепко обнял Понтера. Затем Понтер вернулся к краю трубы, сделал глубокий вдох — несмотря на увиденное через камеры зонда он не мог не вспомнить, что случилось с ним, когда он попал в мир глексенов в первый раз. Потом он пошёл вдоль трубы. Изнутри единственным признаком наличия портала было тусклое кольцо синего света, видимое сквозь прозрачную мембрану, натянутую на решётчатую конструкцию — кажется, при таком способе раскрытия портала им не придётся наблюдать собственные тела в разрезе при проходе сквозь него.

Понтер подошёл к синему кольцу, а потом одним гигантским шагом переступил в мир глексенов. В конце туннеля он теперь видел дальнюю стену камеры нейтринного детектора, на довольно большом расстоянии. Ему понадобилось всего несколько тактов, чтобы добраться до края туннеля, который, благодаря тому, что Дерн с Адекором удерживали другой конец, лишь немного провисал под весом Понтера.

Понтер высунул голову из трубы и посмотрел на глексенов далеко внизу; он знал, что его лицо

расплылось в широчайшей улыбке. Он произнёс несколько слов, и Хак воспроизвёл перевод с максимальной громкостью, на которую был способен его встроенный динамик.

— Кто-нибудь, принесите, пожалуйста, лестницу!

Глава 10

На самом деле лестницу можно было взять с собой с той стороны, но её было бы весьма неудобно тащить через тесные помещения лаборатории квантовых вычислений. Поэтому он предпочёл дождаться, пока глексены принесут её с дальней стороны детекторной камеры. Похоже, это была та самая лестница, по которой Понтер карабкался в прошлый раз, когда возвращался домой.

Потребовалось несколько попыток, но в конце концов лестница опёрлась о край деркеровой трубы, торчащей, с точки зрения глексенов, прямо из воздуха.

Позади себя Понтер видел, как Дерн и Адекор с помощью специального инструмента прикрепляют свой конец трубы к гранитному полу вычислительной камеры.

Когда лестница была установлена, Понтер вернулся по трубе назад, и Дерн с Адекором получили возможность пройти туда, где он только что стоял. Несколько мгновений они разглядывали детекторную камеру и существ из иного мира, а потом принялись за работу, крепко привязав верхнюю часть лестницы к краю деркеровой тру-

бы. Понтер слышал, как Адекор, работая, снова и снова повторяет «невероятно, невероятно».

Наконец, Дерн и Адекор вернулись на свой край трубы, и по ней прошли Понтер и посол Прат. Понтер повернулся спиной и стал осторожно спускаться по лестнице на пол детекторной камеры. В самом низу он почувствовал у себя на плечах руки глексенов, помогающих ему сойти с лестницы. Он опустил ноги на каменный пол и повернулся.

— С возвращением! — сказал один из глексенов; Хак перевёл его слова для Понтера через кохлеарные импланты.

— Спасибо, — ответил Понтер. Он оглядел окружающие его лица, но никого не узнал. Это было неудивительно: даже если они вызвали кого-то сразу же, как только увидели зонд, этот человек ещё не успел бы добраться досюда с поверхности.

Понтер отошёл от лестницы и поднял голову к створу трубы. Он помахал Пратт и крикнул:

— Спускайтесь вниз!

Посол повернулась спиной и начала спускаться.

— Глядите, глядите! — воскликнул один из глексенов. — Неандертальская леди!

— Это Тукана Прат, — объяснил Понтер. — Она — наш посол в вашем мире.

Тукана встала на пол и повернулась. Отряхнула ладони от покрывавшей лестницу пыли. Глексен — один из темнокожих мужчин — выступил вперёд. Он явно не знал, что делать, но через мгновение он поклонился Тукане и сказал:

— Добро пожаловать в Канаду, мэм.

Возложив задачу перевода полностью на Хака, приходилось мириться с его не всегда уместным чувством юмора.

— Мы собирались попросить отвести нас к вашей лестнице, — сказал Хак через внешний динамик, — но я вижу, что вы это уже сделали.[55]

Понтер в достаточной степени понимал язык глексенов, чтобы сообразить, что происходит. Ох хлопнул себя по левому предплечью.

— Ай! — вскрикнул Хак через кохлеарный имплант. Потом, через динамик: — Простите. Я хотел сказать, «Отведите нас к вашему начальству».

Темнокожий мужчина, который вышел вперёд, сказал:

---

[55] notes: 55

Непереводимая игра слов: слова ladder — «лестница» и leader — «лидер, вождь» звучат по-английски очень похоже. Фраза «отведите нас к вашему начальству» (take us to you leader) — типичная первая фраза прибывших на Землю инопланетян в фантастических произведениях, в особенности в телесериалах, превратившаяся в устойчивый мем.

— Э-э… я Гас Хорнби; я тут главный инженер. И мы уже позвонили в Оттаву доктору Ма — она директор обсерватории. Она будет здесь ещё сегодня, если потребуется.

— Мэре Воган ещё где-то здесь?

— Мэре? А, Мэри. Профессор Воган. Нет, она уехала.

— Лу Бенуа?

— Вы про Луизу? Она тоже уехала.

— Тогда Рубен Монтего?

— Здешний доктор? Конечно, его можно сюда вызвать.

— На самом деле, — сказал Понтер посредством динамика Хака, — мы бы предпочли подняться наверх.

— Э-э… конечно, — сказал Хорнби. Он посмотрел вверх, на торчащий из ниоткуда туннель. — Вы полагаете, он останется открыт?

Понтер кивнул.

— Мы очень надеемся.

— То есть вы можете просто уйти на… на свою сторону? — сказал один из глексенов.

— Да.

— А можно взглянуть? — спросил тот же самый глексен со светлой кожей, оранжевыми волосами и глазами цвета неба.

Понтер посмотрел на Тукану, Тукана посмотрела на Понтера. Потом Тукана ответила:

— Моё правительство хотело бы встретиться с кем-либо, кто может говорить от имени всего вашего народа.

— О, — сказал оранжеволосый глексен. — Не со мной, конечно…

Понтер и Тукана пересекли гигантскую каверну, сопровождаемые толпой глексенов. Сегменты акриловой сферы, занимавшей прежде центральную часть каверны, теперь были сложены штабелями вдоль её изогнутых стен, и бесчисленные фотоумножительные трубки также были собраны в одном месте.

На другом краю каверны была ещё одна лестница, даже выше той, что опиралась на край деркеровой трубы. По этой лестнице можно было взобраться к техническому люку детекторной камеры, тому самому квадратному люку, который выбило внутренним давлением, когда Понтера вместе с воздухом из его квантовой лаборатории перенесло сюда в прошлый раз. Хорнби взобрался наверх первым и исчез в люке. За ним стала подниматься Тукана.

Понтер взглянул назад, на туннель, ведущий в его мир, и его сердце подпрыгнуло, когда он

увидел, что на краю стоит Адекор и смотрит вниз на него. Понтер хотел быть помахать ему, но это выглядело бы слишком похоже на прощание, так что он просто улыбнулся, хотя Адекор и не мог на таком расстоянии разглядеть выражение его лица. И это, подумал Понтер, наверное, к лучшему, потому что улыбка получилась вымученная. Он ухватился за боковины лестницы и полез вверх, надеясь, что видит своего возлюбленного партнёра не в последний раз.

Понтер протиснулся через люк в потолке и встал на ноги. Внезапно к нему шагнули пятеро глексенов, одетые в одинаковые зеленоватые одежды; в руках у каждого было какое-то оружие зловещего вида.

Понтер читал фантастическую литературу; он помнил истории о параллельных мирах, населённых злобными аналогами людей из известной вселенной. Его первой мыслью было, что каким-то образом они оказались не в той вселенной.

— Мистер Боддет, — произнёс один из… *солдат*, кажется, так их здесь называют. — Я лейтенант Дональдсон, Канадские вооружённые силы. Пожалуйста, отойдите от люка.

Понтер сделал, как было сказано, и из люка показалась посол Прат, которая тоже выбралась

на металлическую платформу. Окружающие платформу стены были покрыты тёмно-зелёным пластиковым материалом, с потолка свисали трубопроводы и кабели. У стен Понтер заметил что-то напоминающее вычислительную аппаратуру.

— Мэм? — сказал Дональдсон, глядя на Тукану.

— Это Тукана Прат, наш посол в вашем мире, — объяснил Понтер; Хак перевёл его слова.

— Госпожа посол, мистер Боддет, я должен попросить вас пройти со мной.

Понтер не двинулся с места.

— Мы здесь нежеланные гости?

— Вовсе нет, — ответил Дональдсон. — Наоборот, я уверен, что наше правительство будет несказанно радо признать вашего посла и соблюсти все положенные дипломатические формальности. Но сейчас вам нужно пройти с нами.

Понтер нахмурился.

— Куда вы нас ведёте?

Донадьдсон сделал жест в сторону ведущей наружу двери. Сейчас она была закрыта. Понтер пожал плечами, и они с Туканой двинулись к двери. Через неё они попали в узкое тесное помещение.

— Пожалуйста, двигайтесь побыстрее, — сказал Дональдсон.

Понтер и Тукана подчинились.

— Как вы, должно быть, помните, мистер Боддет, — сказал шагающий позади них Дональдсон, — Нейтринная обсерватория Садбери находится в 6800 футах под землёй, и в ней поддерживается режим «чистой комнаты», чтобы предотвратить попадание пылевых частиц и других загрязнителей, способных повлиять на работу детекторного оборудования.

Понтер на ходу оглянулся на Дональдсона через плечо.

— Так вот, — продолжал Дональдсон, — эти службы были ещё более усилены на случай, если вы вернётесь. Боюсь, что вам придётся задержаться здесь на карантин, пока мы не убедимся, что вас безопасно выпускать на поверхность.

— Опять?! — воскликнул Понтер. — Только не это! Мы можем доказать, что не несём никакой заразы.

— Принимать такие решения не в моей компетенции, сэр, — ответил Дональдсон. — Но люди, которые *могут* их принимать, уже на пути сюда.

Глава 11

Мэри Воган склонялась над микроскопом, когда дверь её лаборатории в «Синерджи Груп» распахнулась.

— Мэри!

Она вскинула голову и увидела в дверях Луизу Бенуа.

— Да?

— Понтер вернулся!

Сердце Мэри встрепенулось.

— Правда?

— Да! Я только что слышала по радио. Портал между вселенными в Садбери снова открылся, и через него прошёл Понтер с ещё одним неандертальцем.

Мэри поднялась на ноги и посмотрела на Луизу.

— Прокатимся до Садбери?

Луиза улыбнулась, словно ждала этого предложения.

— Нет смысла. Неандертальцы сейчас на карантине прямо там, под землёй; с ними всё равно не увидеться.

— О, — сказала Мэри. Она изо всех сил пыталась

скрыть разочарование.

— Но сразу после того, как их выпустят, они поедут в Нью-Йорк, в штаб-квартиру ООН.

— Правда? А это далеко отсюда?

— Не знаю. Думаю, где-то пятьсот-шестьсот километров. Но всяко ближе, чем отсюда до Садбери.

— Я всё равно собиралась съездить туда посмотреть «Продюсеров»,[56] — улыбнувшись, сказала Мэри. Но улыбка тут же пропала. — Хотя там тоже вряд ли получится увидеться с Понтером. Он же будет всё время занят всякими дипломатическими делами.

Но Луиза не дала ей загрустить.

— Ты забываешь, на кого ты работаешь. У нашего Джока, похоже, есть ключи от почти всех дверей. Скажи ему, что тебе нужно съездить получить образцы ДНК неандертальца, который прибыл вместе с Понтером.

Мэри слова заулыбалась. В этот момент она очень-очень любила Луизу.

* * *

— Понтер Боддет, дружище!

---

[56] notes: 56
Бродвейский мюзикл (2001) по классическому фильму 1968 года.

Рубен Монтего вошёл в двухкомнатный изолятор и протянул к Понтеру сжатый кулак. Понтер коснулся его костяшками пальцев.

— Рубен! — Имя он произнёс собственным голосом, затем за него заговорил Хак: — Как я рад снова тебя увидеть!

Понтер обернулся к Тукане и объяснил по-неандертальски:

— Рубен — штатный медик шахты «Крейгтон», где мы сейчас находимся. Он оказал мне первую помощь, когда я чуть не утонул по прибытии сюда, и это в его доме мы с Мэре Воган и Лу Бенуа находились на карантине. — Потом, повернувшись к Рубену, он сказал, снова через посредство Хака: — Друг Рубен, это посол Тукана Прат.

Рубен широко — для глексена — улыбнулся и изобразил галантный поклон.

— Мадам посол, — сказал он, — добро пожаловать.

— Спасибо, — ответила Тукана через собственный имплант-компаньон, который был модернизирован по образу Хака. — Я очень рада посетить ваш мир. — Она обвела взглядом спартанскую обстановку изолятора. — Хотя и надеялась увидеть его побольше.

Рубен кивнул.

— Мы над этим работаем. Сюда уже едут эксперты из Лабораторного центра контроля заболеваний в Оттаве и из Центра по контролю и профилактике заболеваний в Атланте. Как я понял, вы воспользовались неким устройством лазерной стерилизации. У нас таких нет, так нашим специалистам нужно своими глазами убедиться, что ваш метод в самом деле работает.

— Конечно, — сказала посол Прат. — Хотя мы стремимся к взаимовыгодной торговле с вашим миром, этой технологией мы поделимся безвозмездно. Ваши специалисты могут пройти на нашу сторону и ознакомиться с оборудованием. Конструктор этих устройств, Дапбур Кажак, готова ответить на все вопросы о принципах работы и провести любые тесты, какие они сочтут необходимыми.

— Отлично, — сказал Рубен. — В таком случае, всё должно закончиться совсем скоро.

Понтер подождал, пока Рубен покончит с этой темой, а потом спросил, не пользуясь переводчиком:

— А где Мэре?

Рубен понимающе улыбнулся, словно предвидел этот вопрос.

— Её нанял какой-то американский научный

центр. Она в Рочестере, штат Нью-Йорк.

Понтер помрачнел. Он надеялся, что Мэре где-то в Садбери, но ей здесь действительно нечего было делать после того, как Понтер вернулся домой. Её дом, в конце концов, был не в этом городе.

— А у тебя как дела? — спросил Понтер. Он не понимал этой глексенской привычки постоянно интересоваться состоянием дел и здоровья собеседника, но старался соблюдать правила их этикета.

— У меня? — сказал Рубен. — У меня всё хорошо. У меня были мои пятнадцать минут славы, и, если честно, я рад, что они прошли.

— Пятнадцать минут? — повторила Тукана.

Рубен засмеялся.

— Один художник как-то сказал, что в будущем каждый будет знаменит в течение пятнадцати минут.

— А что за художник? — спросил Понтер.

Рубен явно пытался подавить улыбку.

— Э-э… в общем, он известен в основном рисунками банок с супом[57].

— Похоже на то, — сказал Понтер, — что ему и пятнадцати минут многовато.

---

[57] notes: 57
Имеется в виду Энди Уорхол.

Рубен снова рассмеялся.

— Как я по тебе скучал, дружище!

* * *

Прибыла команда из ЛЦКЗ, а вскорости — и из ЦКПЗ. Две женщины — по одной от каждой организации — стали первыми Homo sapiens sapiens, посетившими вселенную неандертальцев. Периодически голова то одной, то другой появлялась над краем туннеля и просила передать то или иное оборудование.

Понтер пытался набраться терпения, но задержка всё равно его раздражала. Его ждал целый новый мир! И у него, и у Туканы уже взяли множество анализов крови и тканей, а Рубен провёл всестороннее медицинское обследование.

Несмотря на карантин, Понтер и Тукана не пребывали в полной изоляции. Первым посетителем стала бледная глексенская женщина с короткими каштановыми волосами в маленьких круглых очках.

— Здравствуйте, — сказала она, и Понтер узнал франко-канадский акцент, который раньше слышал от Лу Бенуа. — Меня зовут Элен Ганье, я из канадского Министерства иностранных дел и внешней торговли.

Тукана выступила вперёд.

— Посол Тукана Прат, представитель Верховного Серого совета… э-э… Земли. — она кивнула в сторону Понтера. — Мой помощник, учёный — а также посланник — Понтер Боддет.

— Приветствую, — сказала Элен. — Ужасно рада с вами познакомиться. Посланник Боддет, я обещаю, что в этот раз всё пройдёт гладко, не так, как во время вашего прошлого визита.

Понтер улыбнулся.

— Спасибо.

— Прежде чем мы двинемся дальше, мадам посол, я хотела бы задать вам вопрос. Насколько я понимаю, география вашего мира и нашего идентична, не так ли?

Тукана Прат кивнула.

— Отлично, — сказала Элен. У неё с собой был небольшой портфель. Она открыла его и достала маленькую карту мира, изображавшую лишь контуры континентов без государственных границ. — Не могли бы вы показать мне место, где вы родились?

Тукана Прат взяла карту оглядела её и ткнула в западное побережье Северной Америки. Элен протянула ей фломастер со снятым колпачком.

— Отметьте, пожалуйста, это место на карте. По

возможности, как можно точнее.

Тукану такая просьба явно удивила, но она сделала, как просили, поставив маленькую красную точку на северной оконечности острова Ванкувер.

— Спасибо, — сказала Элен. — Теперь, не могли бы вы расписаться рядом с этой отметкой?

— Расписаться?

— Э-э… ну, в общем, написать своё имя.

Тукана Прат изобразила строку угловатых символов.

Элен достала из портфеля нотариальную печать и оттиснула её на карте, потом добавила собственную подпись и дату.

— Отлично, как мы и надеялись. Вы родились в Канаде.

— Я родилась в Поднелаке, — возразила Тукана.

— Да-да, но в нашем мире соответствующее место находится в Канаде — точнее, на острове Ванкувер в провинции Британская Колумбия. Из чего следует, что, согласно действующему законодательству, вы — канадка по рождению. Как мы уже знаем, посланник Боддет родился в окрестностях Садбери, Онтарио. Поэтому, если вы и посланник Боддет не возражаете, первым

делом после вашего выхода из карантина вам будет присвоено канадское гражданство.

— Зачем? — спросила Тукана Прат.

Прежде, чем Элен ответила, заговорил Понтер.

— Этот вопрос поднимался ещё во время моего первого посещения. Для перемещения между государствами этой версии Земли каждый должен иметь при себе некие документы. Самый важный из них, — он сделал паузу, чтобы Хак напомнил ему название, — это паспорт, а для того, чтобы получить паспорт, у вас должно быть гражданство.

— Именно так, — сказала Элен. — Мы получили массу упреков от других правительств, в особенности от американского, за то, что в прошлый раз вы так и не выбрались за пределы Канады. Как только закончится карантин, вас отвезут в Оттаву — это столица Канады — где вы станете канадскими гражданами согласно главе 5 статье 4 канадского закона о гражданстве, которая позволяет министру иностранных дел в особых обстоятельствах присваивать гражданство кому угодно. Не беспокойтесь: это никак не помешает вам сохранять гражданство любой юрисдикции вашего мира: Канада всегда признавала двойное гражданство. Однако когда вы отправитесь за пределы Канады, вы будете зарегистрированны-

ми канадскими дипломатами, и в этом качестве будете пользоваться дипломатическим иммунитетом и прочими привилегиями. Это позволит избавиться от большей части бюрократической волокиты до тех пор, пока не будут установлены формальные отношения между каждым из наших государств и вашим миром.

— Каждым из ваших государств? — переспросила Тукана. — У нас сейчас объединённое мировое правительство. Разве у вас не так?

Элен покачала головой.

— Нет. У нас есть нечто под названием «Организация Объединённых Наций» — мы отвезём вас в её штаб-квартиру сразу после обеда с премьер-министром в Оттаве. Но это не всемирное правительство; это скорее форум, на котором правительства отдельных стран могут обсуждать беспокоящие их проблемы. В конечном итоге ваше правительство должны будут признать все страны, входящие в ООН.

— А сколько их? — спросила Тукана?

Понтер улыбнулся.

— Вы не поверите, — сказал он.

— В настоящий момент в ООН входит сто девяносто одна страна, — сказала Элен. — Так что, как видите, на то, чтобы установить отношения с

каждой из них, уйдут годы. Но Канада, разумеется, уже поддерживает отношения с ними всеми, так что, став канадскими дипломатами, пусть и чисто формально, вы сможете свободно посещать любую из этих стран и вести переговоры с их руководителями.

Тукана выглядела озадаченной.

— Ну, если всё это и правда необходимо…

— Совершенно необходимо.

— Хорошо, — сказал Понтер. — Когда мы отсюда выйдем?

— Скоро, я надеюсь, — ответила Элен. — Я теперь и сама не могу покинуть обсерваторию, пока не закончится ваш карантин. Но ваши технологии деконтаминации, похоже, произвели впечатление на наших медиков.

Эта новость очень обрадовала Понтера, поскольку сулила скорое окончание карантина. В конце концов, в прошлый раз почти всё время его пребывания в Канаде прошло в карантине, и ему не хотелось проходить через это снова, в особенности — глубоко под землёй.

Вскоре после этого Тукана удалилась во вторую комнату изолятора — как и многие люди её поколения, она любила вздремнуть. Понтер с помощью Хака занимался английским, когда вернулся

Рубен Монтего в сопровождении низенького, лохматого, светлокожего мужчины-глексена, который был полной противоположностью Рубена с его чёрной кожей и гладко выбритой головой.

— Привет, Понтер, — сказал Рубен. — Это Арнольд Мур, геолог.

— Здравствуйте, — сказал Понтер.

Арнольд протянул руку, Понтер пожал её.

— Доктор Боддет, — сказал геолог, — я просто счастлив познакомиться с вами. Просто счастлив!

Скука взяла своё, и Понтер не смог удержаться от сарказма:

— Вы уверены, что касаться меня безопасно?

Но Арнольд пропустил эту реплику мимо ушей.

— Я хотел спуститься сюда сразу, как только услышал о вашем возвращении. Это огромная радость, доктор Боддет, огромная!

Понтер нехотя улыбнулся.

— Спасибо, — сказал он.

— Пожалуйста, — сказал Арнольд, указывая на стул, с которого Понтер поднялся, — присядьте, прошу вас.

Понтер сел; Арнольд взял другой стул, повернул его спинкой к Понтеру и уселся на него верхом,

сложив руки поверх спинки. Понтер ощутил, как его брови полезли вверх — такой способ сидения действительно казался гораздо удобнее. Он снова встал и развернул собственный стул, усевшись на него подобным же образом. Было не так удобно, как на привычном седлокресле, но прогресс был очевиден.

Рубен извинился и пошёл пообщаться с иммунологами, которые расползлись по всем помещениям обсерватории.

— У меня есть к вам один вопрос, — сказал Арнольд.

Понтер кивнул.

— На нашей версии Земли происходит нечто необычное, — сказал геолог, — и я хотел узнать, не происходит ли чего-то подобного в вашем мире.

— Чего именно?

— Северное сияние — да, собственно, и южное тоже — ведёт себя необычно.

Понтер удивился.

— Нет, у нас ничего необычного не происходит. Кстати, я сам наблюдал ночные огни буквально вчера — всё было как всегда.

Арнольд выглядел разочарованным.

— Мы надеялись, что вы дадите нам какой-

нибудь ключ. Наша рабочая гипотеза состоит в том, что магнитное поле Земли схлопывается в преддверии смены полярности.

Понтер снова вскинул бровь; она залезла на самый гребень надбровного валика.

— Когда у вас такое происходило в последний раз?

— Точно не скажу. Много тысяч лет назад.

— И с тех пор магнитное поле не пропадало?

— Нет.

— Невероятно. У нас такое было… Хак?

— Шесть лет назад, — сказал Хак через внешний динамик.

— Вы хотите сказать, что всё *закончилось* шесть лет назад?

— Да.

— Но началось, вероятно, за много столетий до того?

Понтер покачал головой.

— Началось это двадцать пять лет назад.

— Давайте уточним, — сказал Арнольд; глаза у него округлились. — Коллапс магнитного поля Земли занял всего — сколько? — девятнадцать лет?

— Точно так, — ответил Понтер. — До того напряжённость магнитного поля была нормальной.

Потом оно пропало: планета не имела заметного магнитного поля в течение девятнадцати лет. А потом, шесть лет назад, поле возникло снова.

— «Возникло»? — потрясённо повторил Арнольд. — Вы, должно быть, шутите.

— Когда я шучу, — ответил Понтер, — у меня получается гораздо смешнее.

— Но… но… мы всегда считали, что коллапс магнитного поля занимает сотни, если не тысячи лет.

— Почем?

— Ну, хотя бы из-за размеров Земли.

— Магнитное поле Солнца меняет полярность каждые сто сорок месяцев или около того — каждые одиннадцать лет — а Солнце в миллион раз больше Земли.

— Да, но…

— Я не пытаюсь выглядеть серее вас, — сказал Понтер. — Мы тоже очень мало знали о коллапсе магнитного поля, пока сами не пережили такой. Многих наших геологов также поразила быстрота явления.

— Геомагнитный коллапс и восстановление менее чем за двадцать лет, — сказал Арнольд. — Невозможно поверить.

— Удачное время, чтобы быть физиком, — ска-

зал Понтер. — Интересное. Наш народ узнал много нового о… процессе, который создаёт поле… у вас есть для этого слово?

Арнольд кивнул.

— Геодинамо.

Понтер нахмурился — опять этот звук «и». Но пусть об нём позаботится Хак — компаньон был проинструктирован только имена собственные произносить так же, как это сделал бы сам Понтер.

— Да. Мы узнали много нового о геодинамо.

— Было бы здорово услышать, что вам удалось узнать, — сказал Арнольд.

Понтер был рад, что Тукана пошла спать — скорее всего, он и так уже выдал слишком много информации. Но концепция торговли научными данными не находила отклика в нём как учёном. Научными данными следует обмениваться свободно. Тем не менее, он решил слегка сменить тему.

— Неужели «Инко» беспокоится о том, что спрос на никель упадёт в период коллапса магнитного поля? — Никель широко использовался в компасах на обеих версиях Земли, а его залежи здесь, поблизости от Садбери, были богатейшими на планете.

— Что? Гмм, я об этом даже не задумывался, — сказал Арнольд.

Понтер смешался.

— Рубен сказал, что вы геолог…?

— Да, я геолог, — ответил Арнольд, — но я не работаю на «Инко». Я из Агентства по охране природы. Я прилетел из Оттавы, как только узнал, что связь между нашими мирами восстановилась.

— Ах, — сказал Понтер, всё ещё ничего не понимая.

— Моя работа — защита окружающей среды, — сказал Арнольд.

— Разве это не работа *каждого*? — спросил Понтер, сознавая, что не вполне искренен.

Но Арнольд снова не заметил намёка.

— Да, конечно, — сказал он. — Конечно. Но я хотел узнать, что вашему народу может быть известно о последствиях коллапса магнитного поля для окружающей среды. Я надеялся, что у вас, возможно, имеются какие-то ископаемые данные. Но получить доступ к данным научного исследования недавнего коллапса! Это просто сказка.

— Никаких заметных последствий не было, — сказал Понтер. — Некоторые виды перелётных птиц начали блуждать, но это практически и

всё.

— Да, полагаю, для птиц это действительно проблема, — сказал Арнольд. — Как они приспособились?

— У пострадавших птиц в мозгу есть субстанция с сильными магнитными свойствами…

— Магнетит, — подсказал Арнольд. — Три атома железа и четыре — кислорода.

— Да, — сказал Понтер. — Другие виды птиц ориентируются по звёздам, и некоторые особи тех видов, что полагались на мозговой магнетит для определения направления, оказались способны перейти на ориентацию по звёздам. В природе всегда так: вариации внутри популяции дают возможность приспособиться к изменениям во внешней среде, а для наиболее важных для выживания способностей обычно имеется альтернатива.

— Изумительно, — сказал Арнольд. — Изумительно. Но скажите: а каким образом установили, что магнитное поле Земли периодически меняет полярность? Мы сделали это открытие сравнительно недавно.

— По намагниченности пород в местах падения метеоритов.

— Правда? — сказал Арнольд, и его сросша-

яся бровь — было здорово видеть глексена с нормальным лицом, пусть даже только в этом аспекте — взлетела на лоб.

— Ага, — сказал Понтер. — Когда железо-никелевый метеорит врезается в Землю, он намагничивается в направлении магнитного поля Земли.

Арнольд на секунду задумался.

— Ну да, наверное. Это как железный прут намагничивается, если стукнуть по нему молотом.

— Точно, — сказал Понтер. — Но если ваш народ узнал о сменах полярности не по метеоритам, то как тогда вы догадались, что полярность периодически меняется?

— Спрединг морского дна, — ответил Арнольд.

— Что? — переспросил Понтер.

— Вы знакомы с тектоникой плит? — спросил Арнольд. — Ну, дрейф континентов и всё такое?

— Континенты движутся? — спросил Понтер, сделав безмерно удивлённое лицо. Но сразу же поднял руку. — Нет-нет, в этот раз я действительно шучу. Да, мой народ знаком с этим явлением. В конце концов, совпадение береговой линии Ранеласса и Подлара трудно не заметить.

— Должно быть, вы говорите о Южной Америке и Африке, — Арнольд кивнул и невесело улыб-

нулся. — По-вашему, это очевидно каждому, но нам понадобилось несколько десятилетий, чтобы принять эту теорию.

— Почему?

Арнольд развёл руками.

— Вы учёный; вы наверняка понимаете. Старая гвардия считает, что они знают всё о том, как устроен мир, и не хочет отказываться от своих теорий. При таком большом сдвиге парадигмы вопрос не в том, чтобы убедить кого-то в правильности новых теорий, а, скорее, в том, чтобы дождаться, пока носители старых теорий не умрут.

Понтер попытался скрыть изумление. Какие у глексенов странные подходы к науке!

— Так или иначе, — продолжал Арнольд, — в конечном итоге мы всё же нашли доказательства континентального дрейфа. Посередине океанов есть места, где магма поднимается от мантии и формирует новую горную породу.

— Мы предполагали, что такое явление должно иметь место, — сказал Понтер. — В конце концов, если есть места, где старая порода опускается вниз…

— Зоны субдукции, — подсказал Арнольд.

— Да, эти самые, — согласился Понтер. — Если

есть места, где старая порода опускается вниз, то, очевидно, должны быть и места, где новая порода поднимается наверх, хотя, конечно, мы не никогда не наблюдали этот процесс.

— Мы делали буровые пробы в этих местах, — сказал Арнольд.

В этот раз изумление на лице Понтера было неподдельным.

— Посреди океана?

— Ну да, — ответил Арнольд, явно обрадованный, что его мир хоть в чём-то оказался впереди. — И если вы посмотрите на образцы, взятые по разные стороны от разлома, через который изливается магма, то увидите симметричную закономерность в её намагниченности: нормальная вплотную к разлому по обе стороны от него, обратная на равном расстоянии от разлома, снова нормальная на большем расстоянии, и так далее.

— Впечатляет, — сказал Понтер.

— У нас тоже были моменты славы, — сказал Арнольд. Он улыбнулся, явно ожидая того же от Понтера

— Простите? — сказал Понтер.

— Это каламбур, игра слов. Ну, знаете — «магнитный момент» — произведение расстояния

между магнитными полюсами на напряжённость поля на полюсах.

— Ах, — сказал Понтер. Глексены помешаны на игре слов… ему этого, должно быть, не понять никогда.

Арнольд выглядел обескураженным.

— Так вот, — продолжил он. — То, что у вас магнитное поле сколлапсировало раньше, чем у нас — это для меня большая неожиданность. Насколько я понимаю модель Бенуа, наша вселенная отделилась от вашей сорок тысяч лет назад с пробуждением сознания. Хорошо, пусть так. Но я не понимаю, что ваш народ или мой мог сделать такого за последние четыреста веков, чтобы это хоть как-то повлияло на работу геодинамо.

— Это в самом деле загадка, — согласился Понтер.

Арнольд сполз со своего стула и поднялся на ноги.

— Однако благодаря этому вы смогли рассеять мои опасения так, как я и мечтать не мог.

Понтер кивнул.

— Я рад. Вы в самом деле — как это у вас говорят? — переживёте период геомагнитного коллапса без шума и пыли. — Понтер подмигнул. — Ведь мы-то уже его пережили.

Глава 12

Мэри пыталась сосредоточиться на работе, но её мысли всё время возвращались к Понтеру — и не случайно, ведь как раз с образцами его ДНК она и работала.

Мэри передёргивало каждый раз, как она читала популярную статью, пытающуюся объяснить, почему митохондриальная ДНК наследуется только по материнской линии. Обычное объяснение состояло в том, что в яйцеклетку проникает только головка сперматозоида, тогда как митохондрии располагаются в его средней и хвостовой частях. Но хотя митохондрии и правда распределялись по сперматозоиду именно таким образом, то, что в яйцеклетку попадает только головка, было неправдой. Микроскопия и ДНК-анализ показали, что митохондриальная ДНК сперматозоида всё-таки попадает в оплодотворённую яйцеклетку млекопитающих. По правде говоря, никто не знает, почему отцовская митохондриальная ДНК не включается в зиготу так же, как материнская — по непонятной пока причине она просто исчезает, так что объяснение было простым и красивым, но совершенно неверным.

И всё же, поскольку в каждой клетке тысячи митохондрий и всего одно ядро, получить из древних образцов митохондриальную ДНК несравнимо проще, чем ядерную. Ядерную ДНК не извлекали ни из одного неандертальского ископаемого образца на этой версии Земли, и поэтому Мэри сосредоточилась на анализе митохондриальной ДНК Понтера и анализе её сходства и отличий от глексенской митохондриальной ДНК. Однако, похоже, не существовало какой-то одной характерной последовательности, которая присутствовала бы в ДНК Понтера и известных ископаемых образцов и отсутствовала бы в ДНК глексенов. Или наоборот.

И поэтому Мэри в конце концов обратилась к ядерной ДНК Понтера. Она думала, что здесь выявить различия будет ещё труднее, и действительно, несмотря на длительные поиски, она не нашла ни одной нуклеотидной последовательности, которая была бы существенно отлична у неандертальцев и Homo sapiens sapiens; все её праймеры находили соответствие в ДНК обоих видов людей.

Усталая и разочарованная, ожидая Понтера из карантина и шанса возобновить прерванные

отношения, Мэри решила получить кариотип[58] неандертальской ДНК. Это означало вырастить несколько клеток Понтера до состояния, когда они готовы к делению (поскольку только в этот период хромосомы становятся видимы), а потом подвергнуть их воздействию колхицина, чтобы зафиксировать хромосомы на этой стадии. Когда это было сделано, Мэри окрасила клетки — слово «хромосомы», кстати, и означало «окрашенные тельца» и касалось их способности легко впитывать краситель. После этого она отсортировала хромосомы в порядке возрастания размеров — общепринятый способ их нумерации. Понтер — мужчина, так что у него была и X, и Y-хромосома, и, как и у мужчин одного с Мэри вида, Y-хромосома была примерно втрое короче хромосомы X.

Мэри выровняла все пары, сфотографировала их и распечатала фото на струйном «Эпсоне». Затем принялась отмечать пары, начиная с самой длинной и двигаясь к самой короткой: 1, 2, 3…

Это была простая и честная работа, через упражнения такого типа она прогоняла студен-

[58] notes: 58

Описание совокупности признаков (число, размер, форма и т. д.) полного набора хромосом, присущего клеткам данного биологического вида.

тов-цитогенетиков каждый год. Голова в такой работе почти не участвовала, и она обнаружила, что думает о Понтере и Адекоре, о мамонтах, о мире без сельского хозяйства, о…

Чёрт!

Она явно где-то напортачила, потому что получалось, что Понтеровы X и Y-хромосомы — это 24-я пара, а не 23-я.

Если только…

О Боже, если только у него не три двадцать первых хромосомы — в каком случае он, и, предположительно, весь его народ имел генетический дефект, который у Homo sapiens приводил к синдрому Дауна. И это имело смысл: страдающие Дауном демонстрировали целый ряд особенностей лицевой морфологии, не свойственных здоровым людям, и…

Боже мой, подумала Мэри, *неужели всё так просто?* У больных Дауном действительно повышенная частота заболевания лейкемией… а разве Понтер не говорил, что от неё умерла его жена? Также синдром Дауна связан с абнормальным уровнем тиреоидных гормонов, а они, как хорошо известно, влияют на морфологию — в особенности лицевую. Может ли быть, что у всего народа Понтера трисомия по хромосоме

21 — одно маленькое изменение, которое у них проявляется немного не так, как у Homo sapiens sapiens, ответственное за все отличия между двумя видами людей?

Но нет. Нет, этого не может быть. Первичным эффектом синдрома Дауна, по крайней мере у Homo sapiens sapiens, является *недостаточное* развитие мышечного тонуса; народ же Понтера демонстрирует прямо противоположное состояние.

Кроме того, Мэри выделила чётное количество хромосом; синдром Дауна появляется при нечётном. Если только она по небрежности не посчитала хромосому, принадлежащую другой клетке, у Понтера, их похоже, двадцать четыре пары, и…

О Господи, подумала Мэри. *О Господи!*

Всё даже *проще,* чем она думала.

Да, да, *да*!

Она нашла!

Нашла ответ.

У Homo sapiens sapiens двадцать три пары хромосом. Но их ближайшими родственниками, по крайней мере, на этой Земле, являются два вида шимпанзе, и у них…

У них обоих *двадцать четыре* пары хромосом.

У рода Pan (шимпанзе) и рода Homo (все виды людей, современные и вымершие) был общий предок. Несмотря на распространённое мнение о том, что человек произошёл от обезьяны, на самом деле обезьяны и люди являются *кузенами*. Общий предок — неуловимое недостающее звено, до сих пор окончательно не выявленное в ископаемой летописи — существовал, согласно анализу генетических расхождений между людьми и обезьянами, около пяти миллионов лет назад в Африке.

Поскольку у шимпанзе двадцать четыре пары хромосом, а у людей — двадцать три, то можно только гадать, сколько их было у общего предка. Если двадцать три, то это значит, что в какой-то момент после разделения ветвей людей и шимпанзе в линии шимпанзе одна хромосома превратилась в две. Если же двадцать четыре, значит, две хромосомы слились в одну где-то на протяжении линии Homo.

До сегодняшнего дня — до вот этой самой секунды — никто на этой Земле не знал наверняка, какой из сценариев в действительности имел место. Но сейчас всё стало кристально ясно. У настоящих шимпанзе двадцать четыре пары хромосом; у бонобо — второго вида шимпанзе —

тоже двадцать четыре. И теперь Мэри выяснила, что у неандертальцев их тоже было ровно две дюжины. Слияние двух хромосом в одну произошло не просто после разделения линий обезьян и людей; на самом деле оно произошло уже после того, как линия Homo разделилась на две линии, которые Мэри сейчас изучает — то есть всего пару сотен тысяч лет назад.

Вот почему представители народа Понтера были могучи, как обезьяны, а не хилы, как люди. Вот почему у них обезьяний тип лица, надбровный валик и никакого подбородка. Генетически они и в самом деле обезьяноподобны, по крайней мере в том, что касается числа хромосом. И каким-то образом слияние двух хромосом — это были хромосомы два и три, Мэри это знала из статьи по генетике приматов, которую читала много лет назад — каким-то образом оно стало причиной всех тех морфологических отличий, которые и составляют фенотип современного взрослого человека.

В принципе, конкретный механизм возникновения этих отличий легко просматривался: неотения, сохранение взрослой особью детских характеристик. У детёнышей обезьян, детей неандертальцев и детей глексенов похожие черепа,

с вертикальным лбом без надбровного валика и с не особенно сильно выступающей нижней частью лица. Но соплеменники Мэри сохраняют эти черты, и становясь взрослыми.

А вот у народа Понтера взрослеет и череп. И причиной этого может быть различное число хромосом.

Мэри поднесла сложенные вместе ладони к лицу. Она сделала это! Она нашла то, что нужно было Джоку Кригеру, и…

И… О Боже!

Различное число хромосом означает, что неандертальцы и разновидность людей, к которой принадлежит она — это не просто разные расы или даже подвиды одного и того же вида. Это разные виды. Больше не нужно удваивать «разумную» часть в Homo sapiens sapiens для того, чтобы отличить соплеменников Мэри от соплеменников Понтера, поскольку народ Понтера никак не мог быть Homo sapiens neanderthalensis. Теперь уже совершенно ясно, что у них свой собственный таксон: Homo neanderthalensis. Мэри знала, что одних палеоантропологов эта новость приведёт в восторг, других — в ярость.

Но…

Но…

Но Понтер принадлежит к другому виду! Мэри видела «Плавучий театр», когда его ставили в Торонто, с Клорис Личман в роли Парти. Она знала, что межрасовые связи когда-то считались большой проблемой, но…

Но «межрасовая связь» или даже «интербридинг» — неподходящий термин для обозначения действий человека, вступающего в половой контакт с представителем другого биологического вида. Не то, чтобы Мэри с Понтером этим занимались…

Нет, подходящим термином здесь было бы…

Господи Иисусе, подумала Мэри.

Зоофилия.

Но…

Нет, нет.

Понтер — не животное. Мужчина, изнасиловавший её — её соплеменник, представитель вида Homo sapiens — вот кто животное. Но не Понтер.

Понтер — джентльмен.

И, вне зависимости от количества хромосом — человек. Человек, новой встречи с которым она ждала всей душой.

Глава 13

Наконец, по прошествии трёх дней, специалисты Лабораторного центра контроля заболеваний и Центра по контролю и профилактике заболеваний — соответствующего американского агентства — согласились, что Посол Тукана Прат и Посланник Понтер Боддет не являются носителями инфекции и могут покинуть карантин.

Понтер и Тукана в сопровождении пятерых солдат и доктора Монтего прошагали по штреку к металлической клети подъёмника и совершили долгий подъём на поверхность. По-видимому, новость бежала впереди них: в обширном помещении перед входом в подъёмник собралась толпа горняков и других служащих «Инко».

— На стоянке снаружи ждёт орда репортёров, — сказала Элен Ганье. — Госпожа посол, вам придётся сделать короткое заявление для прессы.

Тукана вскинула бровь.

— Какого рода заявление?

— Приветственное. Ну, вы знаете, обычные протокольные вещи.

Понтер не имел ни малейшего понятия о том,

что это значит, однако то была не его забота. Элен вывела их с Туканой из холла на улицу, под осеннее небо Садбери. Здесь было как минимум градуса на два теплее, чем в мире, который Понтер покинул, но, конечно же, с тех пор минуло три дня, которые они просидели под землёй, так что разница в температуре не обязательно что-то значила.

Тем не менее, Понтер в изумлении покачал головой. Это место не произвело на него впечатления в прошлый раз, но тогда его выводили из шахты с раной на голове. Лишь сейчас он получил возможность как следует рассмотреть гигантский горнодобывающий комплекс, огромную рану в земле, проделанную этими людьми; огромные пространства, полностью очищенные от деревьев — они называли их «парковками» — вплотную заставленные сотнями персональных транспортных средств.

И эта вонь! Его оглушило всепоглощающее зловоние этого мира, его тошнотворный смрад. Подруга Адекора Лурт исходя из описания Понтером своих ощущения сделала предположения относительно его источников: диоксид азота, диоксид серы и другие продукты сгорания нефтепродуктов.

Понтер предупредил Тукану, чего следует ждать, и теперь она пыталась незаметно зажать нос ладонью. Он хранил тёплые воспоминания о встреченных здесь людях, но забыл — или, скорее, заставил себя не вспоминать — о том, в насколько ужасный вид привёл этот народ доставшуюся ему планету.

* * *

Джок Кригер сидел за столом и бродил по двум сетям — по общедоступному интернету и по обширному массиву секретных правительственных сайтов, доступных по выделенным оптоволоконным линиям, доступ к которым имели только лица с соответствующим уровнем допуска.

Джок не любил, когда вдруг появлялось что-то, чего он не понимал; незнание было единственным, что заставляло его ощущать утрату контроля. И он пытался с этим справиться, разыскивая информацию о геомагнитных коллапсах, особенно после получения из Садбери новостей о том, что таковые, по-видимому, происходят очень быстро.

Джок ожидал найти тысячи страниц, посвящённых этой теме, но, хотя новостные сайты успели произвести кое-какие материалы за по-

следнюю неделю, в основном пережёвывая три или четыре «экспертных» мнения одних и тех же людей, действительно серьёзных статей на эту тему оказалось очень мало. Примерно половина материалов, найденных им в Интернете, принадлежали перу креационистов, пытающихся дезавуировать материальные свидетельства предыдущих смен полярности геомагнитного поля, по-видимому, из-за того, что само их число плохо вязалось с гипотезами о сотворении Земли всего несколько тысячелетий назад.

Но потом он зацепился взглядом за цитату из статьи в «Earth and Planetary Science Letters» за 1989 год под названием «Свидетельства в поддержку экстремально быстрых вариаций геомагнитного поля при смене полярности». Авторами были указаны Роберт С. Коу и Мишель Прево, первый из Калифорнийского Университета в Санта-Крус, второй — из *Université des Sciences et Techniques* в Монпелье — надо полагать, в том, что во Франции, а не в Вермонте[59]. Санта-Крус был довольно уважаемым университетом, а второй — несколько щелчков мышкой — да, у

[59] notes: 59

Название столицы штата Вермонт — города Монтпилиер пишется почти так же, как название французского города Монпелье: Montpelier — Montpellier.

второго также неплохая репутация. Но самой статьи в сети нет; как и в случае с существенной часть мудрости, накопленной человечеством до 1990-х годов, никто не почесался её оцифровать. Джок вздохнул. За статьёй придётся идти в настоящую библиотеку.

* * *

Мэри прошла через коридор, спустилась по лестнице и подошла к офису Джока Кригера на первом этаже. Она постучала, дождалась, пока из-за двери донесётся «Входите» и сделала именно как, как было сказано.

— Поймала, — сказала Мэри.

— Тогда не подходите близко, — сказал Джок, закрывая окно браузера.

Мэри была слишком возбуждена, чтобы оценить шутку, хотя она и дошла до неё позже.

— Я выяснила, как отличать глексенов от неандертальцев.

Джок поднялся со своего аэроновского кресла[60].

— Вы уверены?

— Да, — ответила Мэри. — Это проще просто-

---

[60] notes: 60
Офисное кресло особой конструкции.

го. У неандертальцев двадцать четыре пары хромосом, тогда как у нас только двадцать три. Это огромная разница, на генетическом уровне настолько же заметная, как разница между мужчиной и женщиной.

Седые брови Джока изогнулись.

— Если это так очевидно, то почему заняло столько времени?

Мэри объяснила, почему она поначалу ошибочно сосредоточилась на митохондриальной ДНК.

— Ага, — сказал Джок, — понятно. Хорошая работа. Отличная.

Мэри улыбнулась, но её улыбка быстро помрачнела.

— Через пару недель будет ежегодное собрание Палеоантропологического общества, — сказала она. — Я бы хотела представить там неандертальский кариотип. Кто-то обязательно наткнётся на это рано или поздно, и мне бы хотелось утвердить свой приоритет.

Кригер нахмурился.

— Простите, Мэри, но в вашем контракте есть пункт о неразглашении.

Мэри приготовилась к схватке.

— Да, но…

Джок поднял руку.

— Нет-нет, вы правы. Простите. Рандовские привычки так просто не уходят. Да, разумеется, вы можете сделать доклад о своём открытии. Мир имеет право знать.

* * *

Элен Ганье оглядела сотни журналистов, собравшихся на парковке шахты «Крейгтон».

— Дамы и господа, — сказала она в укреплённый на телескопической штанге микрофон, — спасибо, что пришли. От лица народа Онтарио, народа Канады и народов всего мира я рада приветствовать двоих эмиссаров с параллельной Земли. Я знаю, что некоторые из вас уже знакомы с Понтером Боддетом, который в этот раз носит титул посланника. — Она сделала жест в сторону Понтера, и через мгновение Понтер осознал, что от него, вероятно, ждут какой-то реакции. Он поднял правую руку и энергично замахал ей в воздухе, что по какой-то причине вызвало оживление среди глексенских журналистов.

— А это, — продолжала Элен, — госпожа Тукана Прат, посол. Уверена, что у неё для вас найдётся несколько слов. — Элен выжидательно посмотрела на Тукану, которая, после ещё нескольких ободряющих жестов с её стороны, встала и подо-

шла к микрофону.

— Мы рады встрече, — сказала Тукана. И попятилась от микрофона к своему месту.

Элен с помертвевшим лицом поспешила обратно к микрофону.

— Посол Прат имела в виду, — сказала она, — что, действуя от имени своего народа, она рада установить официальные отношения с нашим народом, и с нетерпением ожидает продуктивного и взаимовыгодного диалога по интересующим обе стороны вопросам. — Она повернулась к Тукане, словно ища одобрения своим словам. Тукана кивнула, и Элен продолжила: — Она надеется, что у наших двух народов имеется масса возможностей для сотрудничества и культурного обмена. — Она снова посмотрела на Тукану; по крайней мере, неандерталка не демонстрировала желания возразить. — И она хотела бы поблагодарить компанию «Инко», Нейтринную обсерваторию Садбери, мэра и городское собрание Садбери, правительство Канады и Организацию Объединённых Наций, где она завтра будет выступать, за их гостеприимство. — Она снова взглянула на Тукану и указала на микрофон. — Не так ли, госпожа Посол?

Тукана помедлила, затем снова приблизилась

к микрофону.

— Э-э… да. Всё, что она сказала.

Журналисты взвыли.

Элен склонилась к Тукане; она накрыла микрофон ладонью, но Понтер всё равно различил её слова:

— До завтра нам предстоит ещё *очень* много поработать.

* * *

После того, как Мэри покинула его офис, Джок Кригер долго смотрел в окно. Он, разумеется, выбирал себе офис сам. Большинство выбрало бы вид на озеро, но это означало бы окно, обращённое на север, в сторону Канады. Окно Джока было обращено на юг, в сторону Штатов, но, поскольку здание «Синерджи Груп» стояло на песчаной косе, то в его поле зрения также попадала красивая пристань для яхт. Подперев голову сплетёнными пальцами, Кригер смотрел на свой мир и думал.

* * *

Самолёт канадских ВВС, доставивший их в Оттаву, поразил Тукану и Понтера до глубины души. Хотя неандертальцы и умели строить вертолёты, реактивные самолёты в их мире были

неизвестны.

После того, как Тукана преодолела первое потрясения после взлёта, она обратилась к Элен.

— Простите, — сказала она. — Похоже, я не оправдала ваших ожиданий.

Элен нахмурилась.

— Скажем так: наши люди, как правило, ожидают немного больше помпы и церемониала.

Компаньон Туканы дважды пискнул.

— Ну, вы знаете, — пояснила Элен, — немного больше торжественности, каких-нибудь добрых слов.

— Но вы не сказали ничего существенного, — сказала Тукана.

Элен улыбнулась.

— Именно. Премьер у нас человек простой, так что сегодня у вас с ним проблем не будет. Но завтра вы окажетесь перед Генеральной Ассамблеей ООН, и они ожидают от вас речи подлиннее. — Она помолчала. — Простите, что спрашиваю — вы профессиональный дипломат?

— Конечно, — немного обиженно ответила Тукана. — Я провела много времени в Эвсое, Раналассе и Налкану, представляя интересы Салдака. Но в таких дискуссиях мы предпочитаем как можно скорее переходить к делу.

— А вы не боитесь кого-нибудь обидеть такой бесцеремонностью?

— Как раз поэтому послы являются на такие переговоры лично, а не пользуются средствами связи. Таким образом мы можем во время разговора обонять их феромоны, а они — наши.

— Это работает, когда вы обращаетесь к большой группе людей?

— О да. Я участвовала в переговорах с десятью людьми, и даже одиннадцатью.

Элен почувствовала, как у неё отвисает челюсть.

— Завтра вы будете выступать перед восемнадцатью сотнями людей. Вы сможете почувствовать, обижается ли на ваши слова кто-нибудь из них?

— Вряд ли, если только этот человек не стоит ко мне ближе всех.

— Тогда, если не возражаете, я хотела бы дать вам несколько советов.

Тукана кивнула.

— Как это у вас говорят — я вся внимание.

Глава 14

Мэри вернулась в свою лабораторию на втором этаже и теперь сидела на вертящемся кресле чёрной кожи — предмет офисной роскоши, который редко встретишь в кабинете университетского профессора. Она отвернула кресло от рабочего стола и смотрела в большое северное окно, выходящее на озеро Онтарио. Она знала, что Торонто находится напротив Рочестера на противоположном берегу озера, но даже в ясный день она не могла отсюда разглядеть тот берег — он скрывался глубоко под горизонтом. Самое высокое рукотворное сооружение в мире, телебашня Си-Эн Тауэр[61], находилась прямо на береговой линии Торонто. Она надеялась, что хотя бы её верхушка высовывается из-за искривления поверхности Земли, однако…

Однако она вспомнила, как Понтер говорил, какой большой ошибкой было выбрать для Хак, своего импланта-компаньона, голос его умершей

[61] notes: 61

Телебашня в Торонто высотой 533,33 м, построенная в 1976 году. Статус самого высокого сооружения в мире потеряла в 2007 году, когда таковым стал строящийся в Дубае небоскрёб Бурж-Халифа. *(Прим. перев.)*

жены. Вместо утешения он получил постоянное напоминание об утрате. Так что, возможно, это и хорошо, что Мэри не может увидеть в своё окно даже маленькой частички Торонто.

Как ей рассказывали, летом Сибриз был совершенно замечательным местом, но по мере того, как вступала в свои права осень, он становился мрачнее. Мэри приспособилась смотреть новости на канале «WROC» — местном филиале «Си-Би-Эс», но в каждом прогнозе погоды, который она слышала, упоминался «эффект озера», о котором она никогда в жизни не слыхала, живя на северном его берегу. В Торонто зимой снега не слишком много, но в Рочестере, похоже, сыплет без перерыва из-за того, что холодный воздух из Канады, двигаясь на юг, вбирает над озером влагу.

Мэри взяла кофейную кружку, наполнила своим любимым сортом «Максвелл Хауз», приправленным шоколадным молоком, и осторожно отхлебнула. Она успела пристраститься к «Экстремально шоколадному молоку» от «Upstate Dairy», которое, как и французский луковый соус «Heluva Good», в Торонто не продавалось. В жизни вдали от дома иногда бывают и плюсы…

Её раздумья были прерваны телефонным звонком. Она поставила кружку на стол. Её здешний

номер знало всего несколько человек, и это был не внутренний звонок изнутри здания «Синерджи Груп» — в этом случае сигнал другой.

Она подняла чёрную трубку.

— Алло?

— Профессор Воган? — произнёс женский голос.

— Да,

— Это Дария.

Мэри тут же почувствовала, как у неё поднимается настроение. Дария Клейн — её аспирантка в Йоркском. Разумеется, Мэри дала свой новый номер всем на факультете: это было самое малое, что она могла для них сделать, сбежав в такой спешке перед самым началом занятий.

— Дария! — воскликнула Мэри. — Как я рада вас слышать! — Мэри представила себе угловатое улыбающееся лицо с каштановыми волосами.

— О, мне тоже очень приятно, — ответила Дария. — Надеюсь, вы не возражаете, что я позвонила. Я не хотела сообщать об этом по е-мэйлу. — Судя по голосу, Дария буквально подпрыгивала от возбуждения.

— Сообщать о чём?

— О Рамзесе!

Мэри уже собралась было пошутить «Вы зна-

ете, он эффективен только на девяносто семь процентов»,[62] но не стала. Дария, очевидно, говорила о египетской мумии, из которой она извлекала ДНК.

— Я так понимаю, результат положительный, — сказала Мэри.

— Да, да! Это действительно представитель династии Рамзесов — предположительно, сам Рамзес Первый. Записывайте ещё один успех на счёт Воганской технологии!

Мэри, вероятно, немного покраснела.

— Это здорово, — сказала она. Однако всю кропотливую работу по секвенированию выполнила Дария. — Поздравляю.

— Спасибо, — сказала Дария. — Те типы из Эмори просто в восторге.

— Замечательно, — сказала Мэри. — Отличная работа. Я вами горжусь.

— Спасибо, — снова сказала Дария.

— Как там у вас вообще дела?

— Да по-старому, — ответила Дария. — Помощники преподавателей поговаривают о забастовке,

---

[62] notes: 62

«Ramses» — одна из старейших марок презервативов, выпускается с 1882 года.

«Йоменов»[63] разносят в пух и прах, правительство провинции объявило о новых сокращениях.

Мэри невесело усмехнулась.

— Да уж, хорошего мало.

— Вы знаете, — сказала Дария, — по-настоящему плохая новость, что на этой неделе в кампусе изнасиловали женщину. В «Экскалибуре»[64] писали.

Сердце Мэри пропустило удар.

— Господи, — сказала она. Потом снова развернулась с креслом к окну, представляя себе, что видит в нём университетский кампус.

— Ага, — сказал Дария. — Причём прямо рядом, возле Фаркуарсон-билдинг.

— Там говорилось, кто жертва?

— Нет. Никаких подробностей.

— Насильника поймали?

— Пока нет.

Мэри глубоко вздохнула.

— Дария, будьте осторожны. Будьте очень осторожны.

— Обязательно, — ответила Дария. — Джош встречает меня с работы каждый день. — Джош —

---

[63] notes: 63
Название спортивных команд Йоркского университета.

[64] notes: 64
Университетская газета в Йоркском университете.

Мэри не помнила его фамилии — это бойфренд Дарии, студент из Осгуд-Холла[65].

— Хорошо, — сказала Мэри. — Это хорошо.

— Ну, так или иначе, — сказала Дария, явно настроенная перевести разговор на более весёлую тему, — я звонила сообщить о Рамзесе. Скорее всего, будет какое-то освещение в прессе. Завтра к нам обещали приехать из «Си-Би-Си».

— Отлично, — сказала Мэри, почти не соображая, что говорит.

— Меня прямо распирает, — сказала Дария. — Это *так* здорово!

Мэри улыбнулась. Ещё бы!

— Ладно, не буду вам больше докучать, — сказала Дария. — Просто хотела поделиться. Потом ещё позвоню.

— Пока, — сказала Мэри.

— Пока, — повторила Дария и отключилась.

Мэри попыталась положить трубку, но у неё тряслись руки, и она не сразу попала трубкой в гнездо.

Ещё одно изнасилование.

Ещё один насильник?

Или… или… или…

---

[65] notes: 65
Юридический факультет Йоркского университета.

Или это животное, этот монстр, о котором она не сообщила в полицию, нанёс новый удар?

Мэри почувствовала, как её желудок завязывается узлом, словно в быстро снижающемся самолёте.

Чёрт. Чёрт возьми!

Если бы она сообщила об изнасиловании — если бы полиция насторожилась, если бы университетская газета…

Прошло несколько недель со времени нападения на неё. Нет причин считать, что насильник тот же. Но, с другой стороны, сколько длится у насильника восторг, подъём, вызванный удачным нападением? Сколько ему потребуется на то, чтобы набраться смелости — злобной, сжигающей душу смелости — и решиться на новое преступление?

Мэри предупредила Дарию. Не только сейчас, гораздо раньше, в е-мэйле из Садбери. Но Дария — лишь одна из тысяч женщин в Йоркском университете, одна из…

Мэри преподавала на кафедре женских исследований, она была знакома с феминистской фразеологией: все взрослые люди женского пола — это женщины и только женщины. Но Мэри тридцать девять — её день рождения пришёл и

прошёл никем незамеченный — а в Йоркский принимают с восемнадцати. О, первокурсницы — тоже женщины… но они ещё и девушки, по крайней мере, по сравнению с Мэри; многие из них впервые оказались вдали от дома, только-только начинают свой жизненный путь.

И этот зверь охотится на них. Зверь, которому она сама дала уйти.

Мэри снова посмотрела в окно, но в этот раз она была рада, что Торонто отсюда не разглядеть.

Некоторое время спустя — Мэри представления не имела, какое именно — дверь её лаборатории приоткрылась, и в неё просунулась голова Луизы Бенуа.

— Мэри, как насчет пообедать?

Мэри повернулась к ней вместе с креслом.

— *Mon dieu!* — воскликнула Луиза. — *Qu'est-ce qu'il y a de mal?*

Мэри знала французский достаточно, чтобы понять вопрос.

— Нет, ничего. А что такое?

Луиза перешла на английский; её голос звучал недоверчиво:

— Ты плакала.

Мэри автоматически поднесла руку к щеке, и сразу одёрнула. Она почувствовала, как её брови

полезли на лоб.

— О! — тихо выдохнула она, не зная, что и сказать.

— Что случилось? — снова спросила Луиза.

Мэри глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Луиза была самым близким ей человеком во всех Соединённых Штатах. А Кейша, консультант Центра помощи жертвам изнасилований, с которой она разговаривала в Садбери, как будто находилась во многих световых годах отсюда. Но…

Но нет. Она не хочет об этом говорить; она не хочет рассказывать о своей боли.

Или своей вине.

И всё же она должна что-то сказать.

— Ничего, — сказала она, наконец. — Просто… — Она нашарила на столе пачку вегмансовских[66] салфеток и вытерла лицо.

Луиза понимающе кивнула, словно Мэри призналась ей в каком-нибудь — как бы она это назвала? В каком-нибудь *affaire de coeur* с несчастливым финалом. Мэри подозревала, что у Луизы было множество таких романов.

— Мужчины, — согласилась Луиза, закатывая глаза к потолку. — Ты не можешь жить с ними, и

---

[66] notes: 66

Wegmans Food Markets — региональная сеть супермаркетов, базирующаяся в Рочестере.

не можешь жить без них.

Мэри хотела было кивнуть в знак согласия, но… она слышала, что в мире Понтера всё не так, как сказала Луиза. И потом, Мэри не какая-нибудь школьница — впрочем, как и Луиза.

— Это из-за них мире столько проблем, — сказала Мэри.

Луиза кивнула и на это, и, по-видимому, уловила смену акцентов.

— Женщины определённо реже устраивают теракты.

Мэри была вынуждена согласиться с Луизой, но…

— Но проблемы не только от заграничных мужчин. От здешних тоже — и в Америке и в Канаде.

Брови Луизы озадаченно изогнулись.

— Что случилось? — спросила она.

И Мэри, наконец, ответила, пусть и не полностью.

— Мне звонила подруга из Йоркского университета. Сказала, что в кампусе было изнасилование.

— О Господи, — сказала Луиза. — Кто-то знакомый?

Мэри покачала головой, хотя и понимала, что не знает ответа. Боже, подумала она, а что если

это и правда кто-то знакомый — кто-то из тех, кого она учила?

— Нет, — сказала Мэри, словно покачивание головой недостаточно чётко передавало смысл ответа. — Но я сильно расстроилась. — Она посмотрела на Луизу — такую молодую, такую красивую — и опустила взгляд. — Это так ужасно.

Луиза кивнула, и то был такой же мудрый кивок видавшей виды женщины, как и в первый раз, будто Луиза — у Мэри при этой мысли скрутило желудок — будто она знала, о ком Мэри сейчас говорила. Но Мэри не могла это выяснить, не раскрыв свою историю, а к этому она была не готова — по крайней мере, пока.

— Мужчины могут быть такими ужасными, — сказала Мэри. Это прозвучало легковесно, по-бриджитджонсовски, но это была *правда*.

Правда, гори оно всё в аду.

Глава 15

Понтеру Боддету и Тукане Пратт было присвоено (или подтверждено — в зависимости от юридической интерпретации) канадское гражданство в здании канадского парламента во второй половине того же дня. Церемонию проводил лично федеральный министр гражданства и иммиграции в присутствии журналистов со всего мира.

Понтер, как мог, произнёс клятву, которую он заучил под руководством Элен Ганье; он даже исковеркал не так уж много слов: «Обещаю храныть верность э быть преданным подданным Её Велычества Королевы Елезаветы Второй, Королевы Канады, её наследнеков и преемнеков, соблюдать законы Канады, эсполнять все обязанносте канадского граждануна». Элен Ганье была так довольна выступлением Понтера, что, забывшись, зааплодировала по окончанию его речи, заслужив неодобрительный взгляд министра.

Тукане английские слова давались гораздо тяжелее, но и она в конце концов с ними справилась.

По окончании церемонии был небольшой

фуршет с вином и сыром — в ходе которого, как заметила Элен, Понтер и Тукана не притронулись ни к тому, ни к другому. Они не пили молока и не ели никаких молочных продуктов; также их не интересовало ничего, произведённое из зерновых. Элен предусмотрительно накормила их перед началом церемонии, иначе они бы быстро опустошили блюда с фруктами и холодными закусками, которые также были на фуршете. Понтеру особенно пришлось по вкусу копчёное мясо по-монреальски.

Каждому неандертальцу был выдан не только сертификат о канадском гражданстве, но и карточка медицинского страхования провинции Онтарио и паспорт. Завтра они должны были отправиться в Соединённые Штаты. Но перед этим им предстояло поучаствовать в ещё одном официальном мероприятии на канадской земле.

* * *

— Вам понравился ужин с канадским премьер-министром? — спросил Селган, сидя на седлокресле в своём круглом офисе.

Понтер кивнул.

— Очень понравился. Там было много интересных людей. И мы ели большие коровьи бифштексы

из Альберты — это, видимо, ещё одна часть Канады. А также овощи: некоторые из них я узнал, другие — нет.

— Надо бы и мне тоже попробовать эту корову, — сказал Селган.

— Она может быть очень вкусной, — сказал Понтер, — хотя, похоже, это чуть ли не единственное млекопитающее, которое они едят — это, и ещё разновидность кабана, которую они вывели путём селекции.

— Ах, — сказал Селган. — Думаю, это я тоже когда-нибудь попробую. — Он помолчал. — Итак, давайте посмотрим, где мы находимся. Вы вернулись в другой мир, но обстоятельства пока что не позволили вам встретиться с Мэре. В то же время вы встретились с высшими должностными лицами страны, в которой вы оказались. Вы хорошо питались и чувствовали… что? Удовлетворение?

— Да, полагаю, это можно и так назвать. Но…

— Но что? — спросил Селган.

— Это состояние продлилось недолго.

* * *

После ужина на Сассекс-драйв, 24 Понтера отвезли в гостиницу «Шато-Лорье» и поместили

в его огромные апартаменты. Их обстановка была… наверное, слово «роскошный» подоходит здесь лучше всего, подумал Понтер; номер был обставлен и украшен более замысловато, чем всё, что он когда-либо видел в своем мире.

Тукана уехала вместе с Элен Ганье, чтобы ещё раз обсудить с ней детали её завтрашнего выступления перед Объединёнными Нациями. Понтеру не нужно было там выступать, но, тем не менее, он провёл вечер, читая об этой организации.

Строго говоря, это было не совсем так: ни он, ни Хак пока что не умели читать по-английски. Понтер пользовался предоставленным канадским правительством портативным компьютером, в который была загружена какая-то энциклопедия. Энциклопедия эта имела функцию преобразования текста в речь, которая читала текст раздражающе механическим голосом — народ Понтера мог многому научить глексенов в области синтезирования голосов. Так или иначе, Хак слушал английские слова, произносимые компьютером, и переводил их для Понтера на неантертальский язык.

В самом начале статьи про Организацию Объединённых Наций была ссылка на понятие «устава» этой организации — по-видимому, ещё

учредительный документ. Его вступление повергло Понтера в ужас:

> Мы, народы Объединённых Наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе…

Две войны — в течение одной человеческой жизни! В истории мира Понтера тоже были войны, но последняя окончилась почти двадцать тысяч месяцев назад. Она была опустошительной, но причинённое ею горе определённо не было невыразимым (Хак перевёл это слово как «не подсчитанное»). Наоборот, каждый подросток должен был знать жуткую правду о той войне, которая унесла жизни 719 человек.

Какая страшная трагедия! Но глексены вели не одну, а две войны с промежутком в какую-то тысячу лун.

С другой стороны, откуда он знает, как давно была основана ООН? Возможно, под «нашей жизнью» имеется в виду период давно минувшего прошлого. Понтер попросил Хака прослушать статью дальше и посмотреть, не сможет ли он обнаружить дату основания организации. Он

смог: один-девять-четыре-пять.

Текущий год по глексенскому счёту имеет номер два-чего-то-там, не так ли?

— Сколько лет назад это было? — спросил Понтер.

Хак ответил, и Понтер почувствовал, как бессильно оседает в своём кресле. Период «нашей жизни», о котором говорилось в документе, период, в течение которого не одна, а две войны бушевали в этом мире — фактически, ещё продолжался.

Понтер захотел узнать больше о глексенских войнах. Прежде чем удалиться с Туканой, Элен оставила энциклопедию открытой на статье об Организации Объединённых Наций, но Понтеру постепенно удалось пробиться через совершенно не интуитивный интерфейс.

— Которое из слов означает «война»? — спросил он.

Хак сопоставил услышанный текст со словами, изображёнными на экране компьютера.

— Это шестая справа группа символов в девятой строке текста.

Понтер обозначил это место на экране, прижав его кончиком пальца.

— Не может быть, — сказал он. — В этой группе

всего пять символов. — На языке неандертальцев «война» звучала как *мапарталтапа*; с тех пор, как он попал сюда, Понтер не раз сожалел о своих скудных познаниях в лингвистике — как бы она ему сейчас пригодилась! — однако одной из основ, которую он отлично понимал, было то, что короткие слова обозначают распространённые концепции.

— Я уверен, что определил правильно, — сказал Хак. — Это слово произносится «вой-на».

— Но… ох…

Понтер осмотрел… *клавиатура*, так, кажется, это называлось. Он сумел найти клавиши с символами, похожими на «в», «о», «й» и «н», но не видел ничего, похожего на «а».

— Попробуй указать на это слово, — подсказал Хак. — Возможно, для него есть ссылки.

Понтер повозился с чувствительным к прикосновению пятачком на клавиатуре, двигая маленькую ёлочку на экране, пока её вершина не коснулась слова, и, после нескольких экспериментов, сумел выделить его другим цветом. В левой части экрана появился список тем, и…

Понтер ощутил, как у него отвисает челюсть.

Война Алой и Белой розы.

Балканские войны.
Война во Вьетнаме.
Война в Заливе.
Испано-американская война.
Гражданская война в Испании.
Корейская война.
Крымская война.

И так далее, и так далее.
Ещё и ещё.
И…
И…
Сердце Понтера встрепенулось.

Первая мировая война.
Вторая мировая война.

Понтеру хотелось выругаться, но в его распоряжении были только те эпитеты, которые были в ходу у его народа: связанные с разложением мяса и с удалением из организма отходов пищеварения. Ни то, ни другое не казалось сейчас подходящим. До этого момента он не понимал глексенской манеры выражать эмоции, поминая постулируемую высшую силу, будто прося высшее существо объяснить людское безрассудство. Но к данному случаю такое выражение подходи-

ло как нельзя лучше. Целый мир, ведущий войну! Понтер боялся открывать эти статьи, боялся услышать о количестве жертв такой войны. Они наверняка исчисляются тысячами…

Он провёл пальцем по чувствительному пятачку на клавиатуре, и позволил энциклопедии прочитать статью для Хак.

В Первой мировой войне погибло десять миллионов солдат.

А во Второй мировой пятьдесят пять миллионов человек — и солдат, и гражданских — умерли от разных причин, обозначенных как «боевые потери», «голод», «бомбардировки городов», «эпидемии», «геноцид» и «радиация» — хотя о том, какое отношение радиация может иметь к войне, Понтер мог лишь гадать.

Понтеру стало плохо. Он поднялся с кресла, подошёл к окну и посмотрел на панораму ночного города — Оттавы. Элен говорила ему, что видимое отсюда высокое здание на Парламентском холме называется Башней Мира[67].

Он открыл окно настолько широко, насколько позволяла его конструкция — это было немного — и позволил восхитительно холодному

---

[67] notes: 67

Центральный элемент здания канадского парламента в Оттаве — колокольная и часовая башня высотой 92 м.

воздуху с улицы проникнуть внутрь. Несмотря на запах, он немного успокоил его желудок, но Понтер обнаружил, что не перестаёт покачивать головой туда-сюда.

Он вспомнил вопрос, который задал ему Адекор по возвращении из первого путешествия в этот мир: *Они хорошие люди, Понтер? Стоит ли нам общаться с ними?*

И Понтер тогда ответил «да». В сущности, возобновление контактов с этой расой… расой *убийц*, расой воинов — было делом его рук. Но в первый раз он видел настолько малую часть этого мира, что…

Нет. Он видел *достаточно*. Он видел, что одни делают с природой, как они приводят в негодность огромные пространства, как неконтролируемо размножаются. Он знал, кто они такие, и всё же…

Понтер снова наполнил лёгкие холодным воздухом с улицы.

И всё же он хотел снова встретиться с Мэре. И это желание ослепило его, затмило всё, что он знал о глексенах. Его тошнота не была вызвана тем, что он только что узнал. Скорее, причины была в осознании того, что он сознательно подавлял свой собственный здравый смысл.

Он посмотрел на Башню Мира, высокую и коричневую с какой-то разновидностью хрономера у самой вершины, стоящую в самом сердце резиденции правительства этой страны. Возможно… возможно, глексены изменились. Они создали организацию, которую он завтра посетит, специально для того, чтобы, как сказано в её уставе, *избавить* грядущие поколения от бедствий войны.

Понтер оставил окно открытым, подошёл к кровати — он сомневался, что когда-нибудь привыкнет к приподнятым над полом мягким лежбищам глексенов — лёг на спину, закинул руки за голову и принялся разглядывать гипсовые завитки на потолке.

* * *

Понтера и Тукану, сопровождаемых Элен Ганье и двумя офицерами RCMP[68] в штатском, которые выполняли функции телохранителей, доставили на лимузине в международный аэропорт Оттавы. Предыдущий короткий перелёт из Садбери в

[68] notes: 68

Канадская королевская конная полиция — Royal Canadian Mounted Police, RCMP — федеральная полицейская служба в Канаде, выполняющая примерно те же функции, что Федеральное Бюро Расследований в США.

Оттаву произвёл на обоих неандертальцев неизгладимое впечатление: никому из них прежде не приходилось наблюдать ландшафты Северного Онтарио — которые в этом мире были точно таким же смешением сосен, озёр и обнажений коренных пород, как и на их версии Земли — с такого великолепного ракурса.

Сперва Понтер почувствовал себя несколько униженным технологическим превосходством глексенов — их самолётами и космическими кораблями. Однако проведённые вчера вечером изыскания дали ему представление о причинах прогресса глексенов именно в этих областях.

Он просмотрел множество статей в энциклопедии. Война действительно оказалась одной из корневых концепций их культуры, что отразилось в краткости обозначающего её термина.

Война сделала возможным…

Даже слова, с помощью которых они описывали свой прогресс, имели отношение к войне.

Война сделала возможным завоевание воздушной среды и космоса.

Лимузин подъехал к терминалу, и Хак обратил внимание Понтера на содержащуюся в этом названии иронию: место, в котором начиналось воздушное путешествие, называлось словом,

означавшим окончание или завершение, в том числе, самой жизни.

Помещение, в котором на шахте «Крейгтон» переодевались горняки, казалось Понтеру огромным, но массивное сооружение аэропорта оказалось самым большим закрытым помещением из всего, что он когда-либо видел. И оно было набито людьми и их феромонами. Понтер почувствовал головокружение и дурноту; к тому же ему было неловко от того, что многие люди откровенно пялились на него и Тукану.

Они выполнили несколько бумажных формальностей — Понтер не следил за деталями — и подошли к странного вида арке. Здесь Элен попросила его и Тукану снять свои медицинские пояса и положить их на ленту конвейера, а также выложить всё из карманов на одежде. После этого, по знаку Элен, Понтер прошёл через арку.

Тут же зазвучал тревожный сигнал, насмерть перепугав Понтера.

Внезапно мужчина в униформе начал водить каким-то прибором по телу Понтера. Прибор издал пронзительный звук, оказавшись поблизости от его левого предплечья.

— Закатайте рукав, — сказал человек в прибором.

Понтер никогда раньше не слышал этого выражения, но догадался о его значении. Он расстегнул застёжки рукава и свернул его, обнажив металл и пластик своего компаньона.

Человек некоторое время рассматривал имплант, потом произнёс, практически себе под нос:

— Мы можем такое сделать. У нас есть технологии.[69]

— Простите? — сказал Понтер.

— Не обращайте внимания, — ответил человек с прибором. — Проходите, пожалуйста.

Полёт до Нью-Йорка был недолог — едва ли половина децидня. Элен предупредила Понтера и перед этим полётом, и перед предыдущим, что они могут почувствовать некоторый дискомфорт во время снижения из-за быстрой смены атмосферного давления, но Понтер ничего такого не почувствовал. Возможно, это была исключительно глексенская неприятность, связанная с узостью из носовых синусов.

---

[69] notes: 69

Крылатая фраза из американского сериала 1970-х годов «The Six Million Dollar Man» об астронавте, ставшем после страшной аварии киборгом — многие части его тела были заменены супертехнологичными протезами и имплантами стоимостью шесть миллионов долларов, благодаря которым он приобрёл суперсилу, суперскорость, суперзрение и прочие сверхспособности и стал работать на правительственное разведывательное агентство.

Согласно сообщениям по громкоговорителю самолёт был вынужден отклониться к югу и пролететь непосредственно над островом Манхэттен, уступая дорогу другим самолётам. *Теснота в небе!* думал Понтер. *Поразительно!* Понтер, тем не менее, чувствовал необычайный подъём. Вчера, после того, как он уже не мог больше слушать о войнах, он открыл статью энциклопедии, посвящённую Нью-Йорку. Как он узнал, в нём была масса рукотворных достопримечательностей, которые ему было очень интересно попытаться рассмотреть сверху. Он поискал и нашёл гигантскую зелёную женщину с суровым лицом и с факелом в поднятой вверх руке. Однако, как он ни пытался, не смог высмотреть двух одинаковых башен, которые поднимались бы высоко над окружающей застройкой, каждая высотой в совершенно невероятные сто десять этажей.

Когда они, наконец, снова оказались на земле, Понтер спросил Элен об отсутствующих *небоскрёбах* — это слово казалось ему очень поэтичным.

Элен явно не знала, что ответить.

— Э-э… — сказала она, — вы имеете в виду Всемирный торговый центр. Когда-то они были высочайшими зданиями на планете, но… — Её голос дрогнул, к удивлению Понтера. — Я… я не

думала, что именно мне придётся вам об этом рассказать, но… — Ещё одна пауза. — Но они были уничтожены террористами.

Компаньон Понтера издал гудок, но Тукана, которая вчера определённо провела собственные изыскания, склонила голову к Понтеру:

— Глексенские преступники, которые пытаются добиться политических или экономических изменений с помощью насилия.

Понтер покачал головой, снова изумлённый миром, в котором он оказался.

— Как же они их уничтожили?

Элен слова помедлила, прежде чем ответить.

— Они угнали два больших самолёта с полными топливными баками и врезались на них в небоскрёбы.

Понтер не знал, что сказать. Но он был рад, что узнал об этой истории уже после того, как самолёт опустился на землю.

Глава 16

Когда Мэри было восемнадцать, её бойфренд Донни поехал с родителями на летние каникулы в Лос-Анджелес. Это было до широкого распространения электронной почты и даже дешёвой междугородней телефонной связи, так что они писали друг другу письма. Поначалу Донни присылал длинные, плотно исписанные послания, полные новостей и заявлений о том, как сильно он по ней скучает и как сильно её любит.

Но по мере того, как приятные дни июня сменялись знойным июлем и влажным душным августом, письма стали приходить всё реже, а строчки в них были всё менее плотными. Мэри отчётливо помнила день, когда одно из них пришло только с именем Дона в конце, без обычного «Люблю».

Говорят, что любовь крепнет с расстоянием. Может, иногда бывает и так. Может, сейчас как раз такой случай. Со дня последней встречи с Понтером прошло несколько недель, но её тянуло к нему не меньше, а даже сильнее, чем в тот день, когда они расстались.

Но была и разница. После того, как Понтер

ушёл, Мэри снова осталась одна — и при этом даже не свободна, поскольку они с Кольмом лишь расстались, но не развелись; развод означал бы отлучение от церкви для них обоих, а процедура аннулирования брака казалась ей ханжеской и лицемерной.

Но Понтер был одинок только пока был здесь. Да, он вдовец, хотя он сам и не применял к себе этого термина, однако вернувшись в свою вселенную, он оказался в кругу семьи, состоявшем из его однополого партнёра Адекора Халда и — Мэри запомнила их имена — двух его дочерей, восемнадцатилетней Жасмель Кет и восьмилетней Мегамег Бек.

Мэри сидела в приёмной на восемнадцатом этаже здания Секретариата ООН и ждала окончания встречи, в которой участвовал Понтер, чтобы они смогли, наконец, снова увидеться. Она сидела в кресле, слишком нервничая, чтобы читать, её желудок завязывался в узел, а в голове теснились всевозможные мысли. Узнает ли её Понтер вообще? Здесь, в Нью-Йорке он наверняка видел массу блондинок под сорок; а вдруг глексены одного цвета для него все на одно лицо? Кроме того, по возвращении из Садбери она постриглась и прибавила в весе по меньшей мере

пару килограммов, чтоб им пусто было.

И, в конце концов, это *она* его отвергла в прошлый раз. Возможно она — последняя, кого Понтер хотел бы видеть во второй свой визит на Землю.

Но нет. Нет. Он понял, что она боролась с последствиями изнасилования, что в её неспособности ответить на его ухаживания нет его вины. Да, разумеется, он это понимает.

И всё же всё было так…

Сердце Мэри подпрыгнуло. Дверь открывалась, и приглушённые голоса за ней внезапно стали хорошо различимы. Мэри вскочила на ноги — руки нервно прижаты к груди.

— …и я дам вам все цифры, — говорил азиатского вида дипломат, обращаясь через плечо к седовласой неандерталке, Тукане Прат.

Ещё два дипломата-сапиенса протиснулись в дверь, а за ними…

А за ними шёл Понтер Боддет — тёмно-русая шевелюра разделяется пробором точно по центру, а цвет золотисто-карих глаз заметен даже с такого расстояния. Мэри вскинула брови, но Понтер её ещё не заметил… или не почуял? Он разговаривал с одним из двух дипломатов, говоря что-то о геологоразведке, как вдруг…

Как вдруг его взгляд, наконец, упал на Мэри, и он сделал аккуратный шаг в сторону, обходя идущих перед ним людей, и его лицо расплылось в тридцатисантиметровой улыбке, которую Мэри так хорошо помнила, и он моментально преодолел разделяющее их расстояние, подхватил её на руки и прижал к массивной груди.

— Мэре! — воскликнул Понтер, своим собственным голосом, и потом, голосом компаньона: — Как я рад тебя видеть!

— С возвращением, — сказала Мэри, прижимаясь щекой к его щеке. — Как хорошо, что ты вернулся.

— Что ты делаешь в Нью-Йорке? — спросил Понтер.

Мэри могла бы сказать, что приехала в надежде получить образцы ДНК Туканы; это была часть правды, и это позволило бы легко избежать объяснений, сохранить лицо, но…

— Я приехала увидеть тебя, — просто сказала она.

Понтер снова сжал её, потом ослабил хватку и отступил на полшага, положив обе руки её на плечи и глядя прямо в лицо:

— Я *так* рад, — сказал он.

Мэри вдруг осознала, что все люди в помеще-

нии смотрят на них с Понтером, и действительно, мгновение спустя Тукана тактично кашлянула, как мог это сделать в подобной ситуации любой глексен.

Понтер повернул голову к госпоже послу.

— О, — сказал он. — Простите. Это Мэри Воган, генетик, я вам о ней рассказывал.

Мери выступила вперёд и протянула руку.

— Здравствуйте, госпожа посол.

Тукана взяла руку Мэри в свою и пожала её с поразительной силой. Мэри подумала, что, будь она похитрей, то смогла бы получить несколько клеток кожи Туканы прямо в процессе рукопожатия.

— Рада с вами познакомиться, — произнесла пожилая неандерталка. — Я Тукана Прат.

— Да, я знаю, — улыбаясь, ответила Мэри. — Читала о вас в газетах.

— У меня такое чувство, — сказала Тукана, изобразив на лице понимающую улыбку, — что вам и посланнику Боддету не помешает провести некоторое время наедине. — Не дожидаясь ответа, она обернулась к одному из глексенских дипломатов. — Мы могли бы поехать к вам в офис и изучить те данные о распределении населения?

Дипломат кивнул, и все потянулись к выходу

из комнаты, оставив Мэри и Понтера одних.

— Итак, — сказал Понтер, снова сгребая Мэри в охапку, — как у тебя дела?

Мэри не могла определить, её сердце или сердце Понтера вдруг застучало, как отбойный молоток.

— Теперь, когда ты вернулся, — ответила она, — у меня всё хорошо.

* * *

Зал Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций состоял из серии концентрических полуокружностей, охватывающих центральное возвышение. Понтер был ошеломлён разнообразием взирающих на него лиц. Ещё в Канаде он отметил разницу в цвете кожи и чертах лица, так что ожидал, что в Соединённых Штатах встретит примерно то же самое. Здесь, в этом огромном зале, он видел примерно такое же разнообразие цветов кожи, которое, как сказала Лурт, определённо является следствием длительного периода географической изоляции различных цветовых групп, если принять на веру утверждение Мэри о том, что все эти люди полностью репродуктивно совместимы.

Но здесь все представители одной какой-либо страны были одного цвета — даже Канаду и

Соединённые Штаты представляли в ООН одни только светлокожие делегаты.

Более того: Понтер уже привык к тому, что разного рода советы в его мире либо состоят исключительно из представителей одного пола, либо включают ровно половину мужчин и половину женщин. Но здесь мужчины составляли где-то девяносто пять процентов делегатов, женщин было исчезающе мало. Возможно ли, думал Понтер, что существует какая-то иерархия среди «рас», как их называла Мэре, в которой светлокожим принадлежит верховная власть? Возможно ли также, что глексенские женщины имеют низший, чем мужчины, статус и лишь изредка пробиваются в высшие круги?

Ещё одной деталью, поразившей Понтера, стал непривычно молодой возраст здешних дипломатов. Некоторые из них даже были моложе, чем сам Понтер! Мэре как-то упомянула, что подкрашивает свои волосы, чтобы скрыть седину — этого Понтер вообще не мог понять: прятать седину — всё равно что прятать мудрость. Глексены мужского пола, как он заметил, красили волосы гораздо реже — вероятно, им чаще приходилось доказывать свою мудрость. Однако всё равно в среди собравшихся здесь людей седовла-

сых было непривычно мало.

Подозрения Понтера немного улеглись, когда здешний высший чин, носящий загадочный титул «всеобщий писарь[70]», оказался темнокожим мужчиной более-менее, по меркам Понтера, подходящего для такого поста возраста. Элен Ганье шёпотом сообщила Понтеру, что этот человек недавно получил Нобелевскую премию мира, что бы это такое ни было.

Понтер сидел вместе с канадской делегацией. К сожалению, Мэре не пустили на места для делегаций, хотя она наверняка сидела где-то наверху, на местах для зрителей. Над трибуной Понтер заметил гигантскую версию бледно-голубого герба Объединённых Наций. Хотя умом Понтер осознавал, где находится, на уровне эмоций он всё ещё отказывался признавать, что этот странный мир имеет хоть какое-то отношение к *его* Земле. Но центр герба занимала карта Земли в полярной проекции, которая выглядела точно так же, как аналогичные карты, которые Понтер видел у себя дома. Карту окружали ветви какого-то растения. Понтер спросил у Элен, каково значение этих ветвей, и она объяснила, что это лавровые ветви,

---

[70] notes: 70
Генеральный секретарь.

символ мира.

Башня Мира. Премия мира. Ветви мира. При всей их воинственности мир, похоже, занимает очень важное место в головах глексенов. Понтера также отметил, что их слово, обозначающее мир, даже короче слова, обозначающего войну.

После длинного приветственного слова «военачальника-писаря» наконец подошла очередь Туканы. Она поднялась и прошла к трибуне, в то время как глексены занимались тем, что у них называлось «аплодисментами». Тукана несла маленький ящичек из полированного дерева, который она поставила на трибуну.

Генеральный секретарь пожал ей руку и оставил центральное возвышение.

— Приветствую вас, народы Земли, — произнёс имплант Туканы, переводя её слова; Элен потребовалось некоторое время, чтобы донести до компаньона понятие «народов» — множественного числа слова, которое само по себе обозначает множество людей. — Я приветствую вас от имени Верховного Серого совета моего мира и от имени всего нашего народа.

Тукана продолжила, кивнув в сторону Понтера:

— Когда один из нас появился здесь впервые,

это было результатом неожиданного стечения обстоятельств. В этот раз наш приход был заранее спланирован и с нетерпением ожидаем нашим народом. Мы намерены установить долгосрочные мирные связи с каждой из представленных здесь наций.

Некоторое время она продолжала в этом ключе, не говоря почти ничего существенного. Однако глексены, как заметил Понтер, ловили каждое её слово, хотя те, кто сидел ближе всего, украдкой разглядывали Понтера, по-видимому, заинтригованные его необычной внешностью.

— А теперь, — сказала Тукана, очевидно, переходя к сути дела, — я с удовольствием произведу первую торговую операцию между нашими двумя народами. — Она повернулась к темнокожему мужчине, стоявшему у края центрального возвышения. — Прошу вас…

«Военачальник-писарь» вернулся к трибуне, неся собственный маленький деревянный ящичек. Тукана открыла свой, только что доставленный с другой стороны.

— Этот ящик, — сказала Тукана, — содержит точную репродукцию черепа ископаемого экземпляра, чей аналог на этой Земле носит обозначение AL 288-1, представителя вида, названного

вами Australopithecus afarensis, экземпляра, более известного как Люси, — Тукана проинструктировала компаньон произнести это имя с правильным звуком «и».

В зале зашептались. Значение происходящего Понтеру объяснили заранее. На обеих версиях Земли останки одной и той же самки австралопитека в результате эрозии оказались на поверхности в месте, которое глексены называли Хадар, Эфиопия, на этой Земле, и в соответствующей точке северо-западной Караканы в мире Понтера. Однако метеорологические явления в двух мирах не идентичны. На этой Земле, Земле Нью-Йорка, Торонто и Садбери, этот череп был сильно повреждён эрозией, когда Дональд Йоханссон нашёл его в году, который глексены называют 1974-м. Но на Земле Туканы и Понтера скелет был обнаружен раньше, чем эрозия успела нанести ему значительный вред. Это был очень символичный подарок, тонко подчёркивающий факт того, что в обоих мирах существуют одни и те же залежи полезных ископаемых и окаменелости, и обмен информацией об их местоположении будет без сомнения выгоден обеим сторонам.

— Я с благодарностью принимаю этот дар от имени всех народов Земли, — сказал темноко-

жий человек. — И, в качестве ответного дара, прошу вас принять вот это. — Он протянул свой ящичек Тукане. Она открыла его и вынула нечто, выглядевшее как кусок камня, завёрнутый в прозрачный пластик. — Это образец брекчии, взятый Джеймсом Ирвином в борозде Хэдли. — Он выдержал драматическую паузу, явно наслаждаясь недоумением Туканы. — Борозда Хэдли, — объяснил «военачальник-писарь», — находится на Луне.

Глаза Туканы округлились. Понтер был потрясён не меньше её. Кусочек Луны! Как он мог сомневаться в том, что с этими людьми нужно дружить!

Глава 17

Мэри сбега́ла вниз по винтовой лестнице в холл здания Объединённых Наций. Понтер и Тукана покидали Генеральную Ассамблею, окружённые квартетом полицейских в форме, очевидно, несущих охрану. Мэри поспешила к двум неандертальцам, но один из полицейских преградил ей дорогу.

— Сожалею, мэм… — сказал он.

Мэри выкрикнула имя Понтера, и тот обернулся.

— Мэре! — воскликнул он собственным голосом и заговорил через транслятор: — Пожалуйста, пропустите её, офицер. Это мой друг.

Полицейский кивнул и отступил в сторону. Мэри метнулась к Понтеру.

— Ну и как, по-твоему, всё прошло? — спросил он.

— Блестяще, — ответила Мэри. — Кто придумал подарить слепок черепа Люси из вашего мира?

— Один из геологов «Инко».

Мэри восхищённо покачала головой.

— Великолепная мысль!

Посол Тукана обернулась к Мэри.

— Мы собираемся покинуть это здание и пообедать. Вы присоединитесь к нам?

Мэри улыбнулась. Старшая неандерталка, может быть, не слишком опытный дипломат, но она определённо очень любезна.

— С удовольствием, — ответила она.

— Ну так идёмте, — сказала Тукана. — Для нас — как это у вас говорится? — зарезервирован столик в едальне неподалёку.

Мэри порадовалась, что захватила плащ, хотя Понтер с Туканой, похоже, отлично себя чувствовали без верхней одежды. На них обоих были штаны того типа, что Мэри видела раньше на Понтере — с клапанами на концах штанин, которые обёртывались вокруг ступни. Штаны Понтера были зелёного цвета, Туканы — коричневого. Также на обоих были рубахи с застёжками на плечах.

Мэри ещё раз взглянула на башню ООН — прямоугольный монолит, закрывающий солнце. Помимо Мэри, неандертальцев сопровождали два американских дипломата и два канадских. Четверо полицейских окружали группу идущих по аллее дипломатов.

Тукана разговаривала с дипломатами. Понтер и Мэри немного отстали от них, оживлённо

болтая.

— Как твоя семья? — спросила Мэри.

— Все здоровы, — ответил Понтер. — Но ты не поверишь, когда я тебе расскажу, что там творилось в моё отсутствие. Моего партнёра, Адекора, обвинили в убийстве меня.

— Правда? — удивилась Мэри. — Но почему?

— Это долгая история, как у вас говорят. К счастью, я вернулся как раз вовремя, и его оправдали.

— Теперь с ним всё в порядке?

— Да, всё хорошо. Надеюсь вас как-нибудь познакомить. Он такой…

Три звука раздались почти одновременно: «у-у-фф» Понтера, крик одного из полицейских и громкий треск, словно удар грома.

Мэри поняла, что случилось, только когда Понтер осел на землю. Она упала рядом с ним на колени и принялась ощупывать его залитую кровью рубаху в поисках входного отверстия, которое она непременно должна зажать, чтобы остановить кровь.

* * *

Гром? подумала Тукана. Но нет, невозможно. Небо, хотя и вонючее, но чистое и безоблачное.

Она повернулась и посмотрела на Понтера, который — *что такое?* — распростёрся на асфальте в луже крови. Этот звук — метательное оружие — *огнестрельное* оружие, так это называется. Оно выстрелило и…

И внезапно Тукана обнаружила, что падает лицом вперёд прямо на асфальт и утыкается в него своим огромным носом.

Один из глексенских принудителей прыгнул Тукане на спину и опрокинул её на землю, прикрывая её своим телом. Благородно, ничего не скажешь, но Тукане не нужна была такая защита. Она потянулась за спину, схватила принудителя за плечо и дёрнула его вверх и вперёд, так что он, оглушённый, шлёпнулся на спину прямо перед ней. Тукана вскочила на ноги; несмотря на хлещущую из носа кровь ей не составило труда уловить запах использованного в оружии взрывчатого вещества. Она повернула голову влево, вправо, и…

Вот. Бегущая прочь фигура, и в руке…

Воняющий пистолет.

Тукана бросилась за ней, затопотав массивными ногами по асфальту.

* * *

— Понтер ранен в левое плечо, — сообщил Хак Мэри через внешний динамик. — Пульс учащён, но слаб. Кровяное давление падает, температура тела тоже.

— Шок, — сказала Мэри. Она продолжила ощупывать плечо Понтера и, наконец, нашла место, куда попала пуля; её палец ушел в отверстие по вторую фалангу. — Ты можешь сказать, застряла ли пуля в теле?

Один из полицейских нависал над Мэри и Понтером; второй вызывал скорую с помощью укреплённой на груди рации. Третий загонял американских и канадских дипломатов обратно в здание.

— Уверенности нет, — сказал Хак. — Я не ощущаю признаков выходного отверстия. — Пауза. — Он теряет много крови. В его медпакете есть каутеризационный лазерный скальпель. Откройте третий карман на правой стороне.

Мэри достала прибор, который выглядел как толстый зелёный фломастер.

— Да. Поверните нижнюю часть скальпеля так, чтобы символ из двух точек и чёрточки поравнялся с треугольной меткой.

Мэри осмотрела прибор и сделала, как сказал Хак.

— Так? — спросила она, поднося скальпель к линзе компаньона.

— Правильно, — сказал Хак. — Теперь точно выполняйте мои инструкции. Раскройте рубашку Понтера.

— Как? — спросила Мэри.

— Она раскрывается вдоль плеча, если одновременно сжать с обеих сторон.

Мэри попробовала, и ткань и правда разошлась. Она продолжала, пока не оголила всё левое плечо и руку. Рану окружали ручейки ярко-красной крови, растекающейся по всем углублениям в мускулатуре.

— Скальпель включается нажатием на синий квадрат — вы видите его?

Мэри кивнула.

— Да.

— Если вдавить его наполовину, лазер включится на малой мощности, так что вы сможете увидеть, куда направлен луч. Вдавив его до упора, вы включите лазер на полную мощность и сможете прижечь разорванную артерию.

— Я поняла, — сказала Мэри. Пальцами левой руки она расширила рану, так, чтобы можно

было заглянуть внутрь.

— Вы видите артерию? — спросил Хак.

Там было так много крови.

— Нет.

— Нажмите квадрат активации до половины.

Посреди кровавого пятна вспыхнула яркая синяя точка.

— Хорошо, — сказал Хак. — Повреждённая артерия в двенадцати миллиметрах от точки, на которую вы сейчас указываете, вдоль линии, соединяющей текущее положение и левый сосок.

Мэри передвинула луч, восхитившись возможностями, которые даёт Хаку его сенсорное поле.

— Немного дальше, — сказал Хак. — Здесь! Стоп. Теперь включайте на полную мощность.

Точка вспыхнула, и Мэри увидела поднимающийся из раны дымок.

— Ещё раз! — сказал Хак.

Она нажала на квадрат снова.

— И на два миллиметра дальше вдоль… нет, в обратную сторону. Здесь! Ещё раз!

Она активировала лазер.

— Передвиньте дальше на то же расстояние. Да. Ещё раз!

Она нажала на синий квадрат, и снова почуяла запах испаряемых тканей.

— Этого должно быть достаточно, — сказал Хак, — чтобы дожаться квалифицированной помощи.

Золотистые глаза Понтера неуверенно раскрылись.

— Держись, — сказала Мэри, глядя в них, и беря его за руку. — Помошь уже идёт. — Она сбросила плащ и укрыла его.

* * *

Тукана Прат гналась за человеком с пистолетом. Один из глексенских принудителей кричал «Стойте!», но Тукана не сразу поняла, что он кричит ей, а не убегающему человеку. Однако ни один из принудителей не мог бежать так быстро, как она; если она прекратит погоню, человек с пистолетом скроется.

Часть мозга Туканы Прат пыталась анализировать ситуацию. Из огнестрельного оружия, насколько она понимала, запросто можно убить, но элемент неожиданности уже потерян; маловероятно, чтобы… *стрелок*, вот правильное слово — остановился и снова стал бы стрелять. Кажется, сейчас его единственная цель — бегство, и, будучи глексеном, он вряд ли осознавал, что пока в его руке пистолет, из которого только

что стреляли, Тукане Прат не составит труда его выследить.

Улица была запружена народом, но Тукана прокладывала путь сквозь толпу без труда: люди делали всё возможное, чтобы убраться с пути несущейся во весь опор неандерталки.

Мужчина, которого она преследовала — а это оказался мужчина, глексен мужского пола — казался ниже ростом, чем большинство его соплеменников. Тукана стремительно сокращала расстояние между ними; сейчас она сможет протянуть руку и схватить его.

Преследуемый, должно быть, услыхал приближающийся топот за спиной. Он оглянулся через плечо и вытянул руку с пистолетом назад.

— Он целится в нас, — сказал компаньон Туканы через кохлеарные импланты.

Тукана уже забыла о текущей из носа крови; её дыхательные пути были достаточно широки, чтобы справиться с повышенной потребностью в кислороде при беге. На самом деле она даже чувствовала прилив сил — приток кислорода к мускулатуре увеличился, а не сократился. Сделав последний шаг, она оттолкнулась от земли обеими ногами и прыгнула вперёд, прямо на глексена. Тот выстрелил, но промазал; из толпы позади по-

слышались вскрики. Тукана очень надеялась, что то были возгласы испуга, а не ужаса от того, что пуля, предназначенная её, попала в кого-то ещё.

Тукана врезалась в стрелка, опрокинув его на тротуар; сцепившись, они прокатились на несколько шагов вперёд. Тукана услышала топот бегущих следом принудителей. Человек под ней попытался вывернуться и выстрелил снова. Тукана взяла заднюю часть его странной угловатой головы в захват и…

У неё не было другого выбора. Это была очевидная…

Тукана ударила стрелка головой о покрывавший землю искусственный камень. Череп треснул, его лобная часть раскололась, как перезревший арбуз.

Тукана ощутила, как заколотилось у неё сердце; некоторое время она не могла сделать вдох.

Внезапно она осознала, что трое из четырёх принудителей нагнали её и теперь медленно приближаются, целясь в лежащего на земле человека из своего оружия, которое сжимают двумя руками.

Но когда Тукана поднялась, то увидела на лицах глексенов выражение ужаса.

Средний из трёх принудителей вдруг перегнул-

ся пополам, и его вырвало.

Другой с округлившимися глазами пробормотал:

— Господи Иисусе…

А Тукана смотрела на лежащего на земле мёртвого, мёртвого, мёртвого человека, который стрелял в Понтера.

Она стояла и слушала звук приближающихся сирен.

Глава 18

— Кризисный режим! — крикнул Джок Кригер, торопливо шагая по коридору здания «Синерджи Груп». — Всем собраться в конференц-зале!

Луиза Бенуа высунула голову из двери своей лаборатории.

— Что стряслось? — спросила она.

— В конференц-зал! — крикнул Джок через плечо. — Немедленно!

Потребовалось не более пяти минут для того, чтобы весь персонал собрался в помещении, которое было роскошной гостиной во времена, когда это здание ещё было жилым.

— Значит, так, — сказал Джок. — Пришла пора отрабатывать свой длинный бакс.

— Что случилось? — спросила Лили из группы обработки изображений.

— В Нью-Йорке стреляли в НП, — сказал Джок.

— Стреляли в Понтера? — округлив глаза, переспросила Луиза.

— Именно.

— Он не…

— Он жив. Это всё, что мне сейчас известно.

— Что с послом? — спросила Лили.

— Она цела, — ответил Джок. — Она убила человека, стрелявшего в Понтера.

— О Господи, — сказал Кевин, тоже из группы изображений.

— Думаю, вам всем известна моя область, — сказал Джок. — Теория игр. Так вот, ставки только что взлетели очень, очень высоко. Что-то сейчас обязательно случится, и наша задача — выяснить, что именно, чтобы мы могли посоветовать президенту, как…

— Президенту? — воскликнула Луиза, и её глаза округлились ещё больше.

— Именно. Бирюльки кончились. Мы должны знать, как неандертальцы могут на это отреагировать, и как нам следует действовать в этой связи. Так вот, дамы и господа — нам нужны идеи. Начинайте их производить!

* * *

Тукана Прат смотрела на человека, которого только что убила. Элен Ганье нагнала их и теперь поддерживала её под локоть. Потом помогла ей двинуться с места и повела прочь от мёртвого тела.

— Я не хотела его убивать, — тихо произнесла потрясённая Тукана.

— Я знаю, — мягко ответила Элен. — Я знаю.

— Он… он пытался убить Понтера. Он пытался убить меня.

— Все это видели, — сказала Элен. — Это была самооборона.

— Да, но…

— У вас не было выбора, — сказала Элен. — Вам нужно было его остановить.

— Остановить, да, — согласилась Тукана. — Но не… не…

Элен развернула Тукану лицом к себе и схватила её за плечи.

— *Это была самооборона, слышите?* Даже на секунду не допускайте мысли, что это было что-то ещё.

— Но…

— *Слушайте меня!* У нас и без того будет полно проблем.

— Я… я должна поговрить со своим начальством, — сказала Тукана.

— Я тоже, — ответила Элен, — и… — её телефон зазвонил. Она выудила его из кармана и открыла. — *Allo? Oui. Oui. Je ne sais pas. J'ai-un moment, s'il vous plaît*[71] . — Она прикрыла микрофон рукой и

---

[71] notes: 71

(фр.) Алло? Да. Да. Я не знаю. Я… одну секунду, если позволите.

шёпотом сказала Тукане: — Это Пи-Эм-О.

— Что?

— Офис премьер-министра. — Она снова заговорила в телефон по-французски. — *Non. Non, mais…Oui — beaucoup de sang… No, elle est sein et sauf. D'accord. Non, pas de problème. D'accord. Non, aujourd'hui. Oui, maintenant… Pearson, oui. D'accord, oui. Au revoir.*[72] — она закрыла телефон и убрала его в карман. — Я должна отвезти вас обратно в Канаду, как только полиция закончит вас допрашивать.

— Допрашивать?

— Это простая формальность. Потом вас отвезут в Садбери, где вы сможете сообщить своему народу, что произошло. — Элен взглянула на испачканное кровью лицо неандерталки. — Что… Как вы думаете, что сделает ваше начальство?

Тукана оглянулась назад, на мёртвого человека, потом вперёд, туда, где санитары «скорой помощи» склонились над лежащим на спине Понтером.

— Понятия не имею, — сказала она.

---

[72] notes: 72

(фр.) Нет. Нет, но… Да — много крови. Нет, она цела и невредима. Хорошо. Нет, никаких проблем. Хорошо. Нет, сегодня. Да, сейчас… Пирсон, да. Да, хорошо. До свидания.

* * *

— Итак, — сказал Джок Кригер, меряя шагами роскошную гостиную в доме на Сибриз, — в этой ситуации возможны два подхода. Первый — что они, неандертальцы, являются пострадавшей стороной. Один из наших соплеменников совершенно неспровоцированно всадил пулю в одного из них — от этого никуда не денешься. Второй — что пострадавшей стороной являемся *мы*. Да, один из наших стрелял в одного из них, но их парень жив, а наш — мёртв.

Луиза Бенуа покачала головой.

— Я бы не стала называть террориста, или наёмного убийцу, или кто он там на самом деле, «нашим парнем».

— Я бы тоже не стал, — сказал Джок, — но против фактов не попрёшь. Играют глексены против неандертальцев; мы против них. И кто-то должен сделать следующий ход.

— Мы можем принести извинения, — сказал Кевин Билодо, откидываясь на спинку стула. — Вывернуться наизнанку, чтоб показать, как мы об этом сожалеем.

— Я бы сказала, что нам нужно подождать и посмотреть на их реакцию, — сказала Лили.

— И что если они хлопнут дверью? — сказал Джок, оборачиваясь к ней. — Что если они выдернут затычку на этом их дурацком квантовом компьютере? — Он повернулся к Луизе. — Насколько мы близки к воспроизведению их технологий?

Луиза издала что-то похожее на «пф-ф-ф».

— Вы шутите? Мы едва начали.

— Мы не можем позволить им закрыть портал, — сказал Кевин.

— И что же вы предлагаете? — насмешливо спросил один из социологов, кряжистый мужчина под пятьдесят. — Послать туда войска, чтобы предотвратить его отключение?

— Возможно, нам *придётся* это сделать, — сказал Джок.

— Вы это серьёзно? — спросила Луиза.

— У вас есть идея получше? — огрызнулся Джок.

— Они, знаете ли, не идиоты, — сказала Луиза. — Я уверена, что у них есть какая-то аварийная система как раз на случай, если мы сделаем именно это.

— Может быть, — сказал Джок. — А может, и нет.

— Захват портала будет дипломатическим кошмаром, — сказал Расмуссен, грубоватого вида

мужчина, чьей специальностью была геополитика; его задачей было попытаться представить себе политическую структуру мира неандертальцев исходя из того, что география двух миров идентична. — Суэцкий кризис номер два.

— Зараза, — сказал Кригер и пнул мусорную корзину. — Чтоб им провалиться. — Он покачал головой. — Весь смысл теории игр состоит в определении наилучшего достижимого результата для обеих сторон конфликта. Но это не ядерное балансирование — это скорее баскетбол на заднем дворе. Мы должны сделать что-то, иначе неандертальцы заберут мяч и пойдут домой, и больше уже ничего не будет.

* * *

В сопровождении Элен Ганье Тукана Прат вылетела рейсом «Эйр-Канада» из аэропорта Джона Кеннеди в Пирсон, а потом рейсом «Эйр-Онтарио» из Пирсона в аэропорт Садбери. Там их уже дожидалась машина, которая доставила их на шахту «Крейгтон». Посол спустилась вниз на шахтном подъёмнике, прошла по штреку, ведущему в нейтринную обсерваторию, и по деркеровой трубе перешла на другую сторону — на *свою* сторону.

И теперь в павильоне архива алиби она беседо-

вала с членом Верховного Серого совета Бедросом, который, поскольку портал располагался в его регионе, пристально следил за всем, что было связано с контактом с глексенами.

Записи, сделанные на той стороне специально модифицированным для этой цели компаньоном Туканы Прат, были загружены в её архив алиби, и теперь она и Бедрос наблюдали за тем, как в висящей перед ними в воздухе голосфере разворачивался трагический инцидент.

— Думаю, нет никаких сомнений относительно того, что нам делать дальше, — сказал Бедрос. — Как только Понтер поправится достаточно, чтобы покинуть глексенскую больницу, мы должны его отозвать. А затем разорвать связь с миром глексенов.

— Я… я не уверена, что такой образ действий единственно правилен, — сказала Тукана. — Понтер, по-видимому, скоро поправится. А вот глексен мёртв.

— Только из-за того, что промахнулся, — заметил Бедрос.

— Да, но…

— Никаких «но». Я собираюсь рекомендовать Совету закрыть портал навсегда, как только через него пройдёт Понтер Боддет.

— Прошу вас, — сказала Тукана. — Перед нами слишком ценная возможность, чтобы от неё отказываться.

— Они никогда не чистили свой генофонд, — рявкнул Бедрос. — Самые отвратительные, самые опасные признаки по-прежднему процветают в их народе.

— Я понимаю, но несмотря на…

— И они носят оружие! Не для охоты — а чтобы убивать себе подобных. И сколько дней прошло, прежде они обратили его против нашего соплеменника? — Бедрос покачал головой. — Понтер Боддет рассказал, что случилось в их мире с нашим видом — помните, он узнал об этом в ходе первого посещения. Они — глексены — истребили нас. Задумайтесь об этом, посол Прат. Задумайтесь! Глексены физически слабы. Немощные хиляки! И всё-таки они стёрли нас с лица земли, несмотря на нашу силу и больший, чем у них, мозг. Как им удалось это сделать?

— Понятия не имею. Кроме того, по словам Понтера, что это лишь *одна из* их теорий касательно того, что случилось с нами в их мире.

— Они одолели нас с помощью коварства, — продолжал Бедрос, словно не слыша реплики Туканы. — С помошью обмана. С помощью

немыслимой жестокости. Толпы их, вооружённых камнями и копьями, затопили наши долины, давили нас числом, пока земля не пропиталась кровью наших предков, и не умер последний из них. *Это* их история. *Это* их путь. Держать дверь в их мир открытой — безумие.

— Портал находится глубоко в толще скальной породы, и через него одновременно могут пройти не больше двух человек. Я не думаю, что есть основания беспокоиться о том, что…

— Я слышу, как наши предки говорили те же самые слова полмиллиона месяцев назад. «О, взгляните-ка! Иная разновидность людей! Нет, я думаю, нам не о чем беспокоиться. В конце концов, входы в долину такие узкие…»

— Мы не знаем наверняка, что было именно так, — сказала Тукана.

— Но зачем рисковать? — спросил Бедрос. — Зачем рисковать даже один лишний день?

Тукана Пратт отключила голосферу и начала медленно расхаживать взад-вперёд.

— Визит в другой мир стал для меня тяжёлым уроком, — тихо сказала она. — Я узнала, что по их стандартам я весьма посредственный дипломат. Я говорю слишком сжато и слишком прямолинейно. И да, я готова признать: у этих людей

множество неприятных черт. Вы правы, называя их жестокими. А вред, который они наносят природе своего мира, не поддаётся исчислению. Но есть в них также и *величие*. Понтер был прав, когда сказал, что они достигнут звёзд.

— И скатертью дорога, — сказал Бедрос.

— Не говорите так. Я видела в их мире произведения искусства, которые невыразимо прекрасны. Они отличаются от нас, и в силу особенностей своего характера и темперамента они способны на такое, что нам не под силу.

— Но один из них хотел вас убить!

— Один из, это так. Один из шести миллиардов. — Тукана на мгновение замолчала. — Знаете, в чём самая большая разница между ними и нами?

Бедрос, судя по выражению его лица, хотел было сказать что-то едкое, но передумал.

— В чём? — спросил он.

— Они верят, что у всего есть *цель*. — Тукана развела руки стороны, словно пытаясь охватить всё сущее. — Они верят, что у жизни есть *смысл*.

— Потому что убедили себя в том, что мироздание руководит некий высший разум.

— Отчасти так. Но это глубже. Даже их атеисты — те из них, кто не верит в их Бога — ищут

смысл, объяснение. Мы существуем — но они *живут*. Они *ищут*.

— Мы тоже ищем. У нас есть наука.

— Но мы преследуем практические цели. Мы хотим лучших инструментов, поэтому изучаем способы их изготовления. А они занимаются поиском ответов на, как они говорят, главные вопросы: Почему мы здесь? *Для чего* это всё?

— Это бессмысленные вопросы.

— Так ли?

— Конечно так!

— Может быть, вы правы, — сказала Тукана Прат. — Но скорее всего нет. Возможно, они идут к ответам, приближают новое озарение.

— И тогда они перестанут убивать друг друга? Перестанут разрушать природу?

— Я не знаю. Возможно. В них есть и хорошее.

— В них *смерть*. Мы можем пережить контакт с ними только при одном условии — если они перебьют друг друга прежде, чем возьмутся за нас.

Тукана закрыла глаза.

— Я знаю, что у вас добрые намерения, советник Бедрос, и…

— Не делайте из меня дурака.

— Что вы! Я понимаю, что вы действуете в интересах нашего народа. Но ведь и я тоже. А я

смотрю на вещи как дипломат.

— Как *некомпетентный* дипломат, — огрызнулся Бедрос. — Даже глексены так считают!

— Я…

— Или вы и раньше убивали местных жителей?

— Послушайте, *советник*, я расстроена этим инцидентом не меньше вашего, но…

— Довольно! — крикнул Бедрос. — Хватит! Мы с самого начала не должны были позволять Боддету манипулировать нами. Настало время прислушаться к мнению старших и мудрых.

Глава 19

Мэри крадучись вошла в больничную палату, где лежал Понтер. Хирурги без труда удалили пулю — в конце концов, затылочный отдел у неандертальцев практически идентичен таковому у Homo sapiens, к тому же Хак, по-видимому, консультировал их во время операции. Понтер потерял много крови, и в нормальных условиях ему бы назначили переливание, но от этого было решено воздержаться ввиду слабого пока знакомства с неандертальской гематологией. Понтеру поставили капельницу с физраствором, и Хак регулярно докладывал врачам о его состоянии.

После операции бóльшую часть времени Понтер находился без создания: по указанию Хака ему была сделана инъекция снотворного препарата из его собственного медицинского пояса.

Мэри смотрела, как широкая грудь Понтера поднимается и опадает. Она вспомнила, как увидела его впервые — это тоже произошло в больничной палате. Тогда она смотрела на него с изумлением — она не могла поверить, что живые неандертальцы существуют.

Однако теперь она смотрела на него не как

на диковинный экземпляр, на уродца, на невозможную игру природы. Сейчас она смотрела на любимого человека. И это разрывало ей сердце.

Внезапно глаза Понтера открылись.

— Мэре, — тихо произнёс он.

— Я не хотела тебя разбудить, — сказала Мэри, подходя к его кровати.

— Я уже не спал, — сказал Понтер. — Хак играл мне музыку. А потом я почуял тебя.

— Как ты? — спросила Мэри, придвигая к кровати стул.

Понтер стянул с себя простыню. Его волосатая грудь была обнажена, но на плече красовался большой запятнанный засохшей кровью марлевый тампон, прикреплённый к телу полосками лейкопластыря.

— Я буду жить, — сказал он.

— Мне так жаль, что это случилось, — сказала Мэри.

— Что с Туканой? — спросил Понтер.

Мэри вскинула бровь, удивившись, что Понтеру ещё ничего не сказали.

— Она погналась за человеком, который в тебя стрелял.

Широкий рот Понтера растянулся в болезненной улыбке.

— Подозреваю, что он оказался в худшей спортивной форме?

— Не то слово, — тихо сказала Мэри. — Понтер, она убила его.

Понтер некоторое время молчал.

— Мы редко берём правосудие в собственные руки.

— Я слушала, что говорят об этом по телевизору, пока тебе делали операцию. — сказала Мэри. — Большинство считают, что это была самооборона.

— Как она его убила?

Мэри слегка пожала плечами, словно в знак того, что из песни слов не выкинуть.

— Она ударила его головой о тротуар, и голова… она просто раскололась.

Понтер снова помолчал.

— Ох, — сказал он, наконец. — Что с ней теперь будет?

Мэри задумалась. Она как-то прочла судебную драму, которую неумеренно расхваливали в «Глоуб энд Мэйл», про то, как в Лос-Анджелесе судили инопланетянина за убийство человека[73]. Но в нынешней ситуации было одно существенное

---

[73] notes: 73
Имеется в виду роман Роберта Сойера «Illegal Alien» (1997).

отличие…

— У нас иностранные дипломаты выведены из-под действия законов страны, в которой они работают; это называется «дипломатический иммунитет». И Тукана обладает им как канадский представитель в ООН.

— О чём ты говоришь?

Мэри задумалась в поисках примера.

— В 2001 Андрей Князев, российский дипломат в Канаде, сел за руль пьяным и сбил машиной двух пешеходов. Ему не было предъявлено обвинение в Канаде, поскольку он являлся представителем официально признанного иностранного государства, хотя один из сбитых им пешеходов умер.

Глубоко сидящие глаза Понтера округлились.

— Ну и в любом случае сотни людей видели, как он стрелял в тебя, а потом в Тукану, прежде чем она… гм… *отреагировала* так, как… в общем, так, как отреагировала. Как я сказала, её действия, вероятно, будут признаны самообороной.

— Как бы там ни было, — тихо сказал Понтер, — Тукана — очень хороший человек. Это наверняка стало для неё огромным потрясением. — Пауза. — Ты уверена, что ей ничего не угрожает? — Он наклонил голову. — После того, что случилось с Адекором, когда я пропал, я как-то не доверяю

системам правосудия.

— Понтер, она уже вернулась домой… в ваш мир. Она сказала, что должна поговорить с… как это у вас называется? Совет Седых?

— Верховный Серый совет, — сказал Понтер, — если ты говоришь о нашем правительстве. — Пауза. — А что известно о погибшем?

Мэри задумалась.

— Его зовут Коул — Руфус Коул. Полиция всё ещё выясняет, кто он такой и что имел против вас с Туканой.

— И какие варианты?

Мэри на секунду смешалась.

— Что?

— Варианты, — повторил Понтер. — Возможные причины его нападения на нас.

Мэри пожала плечами.

— Он может быть религиозным фанатиком: из тех, кому не нравится ваши атеистические убеждения или само ваше существование, поскольку оно противоречит библейской легенде о сотворении.

Понтер округлил глаза.

— Убив меня, он не отменил бы факта моего существования.

— Понятное дело. Но… тут я, конечно, могу

только гадать… Коул мог считать вас орудиями Сатаны…

Мэри вздрогнула, услышав гудок.

— Дьявола. Носителя зла. Оппонента Бога.

Понтер оживился.

— У Бога есть оппонент?

— Да… в смысле, так сказано в Библии. Но кроме фундаменталистов — тех, кто считает, что каждое слово Библии есть истина — мало кто сейчас по-настоящему верит в Сатану.

— Почему? — спросил Понтер.

— Ну, я думаю, потому что это нелепо. Только глупец может воспринимать эту концепцию всерьёз.

Понтер уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но, очевидно, передумал и снова закрыл его.

— Кроме того, — быстро добавила Мэри; ей не хотелось развивать эту тему, — он может оказаться агентом иностранного государства или какой-нибудь террористической группы.

Понтер поднял бровь, ожидая продолжения. Мэри снова пожала плечами.

— Или он может быть просто сумасшедшим.

— Вы разрешаете сумасшедшим носить оружие? — спросил Понтер.

Как добропорядочная канадка Мэри была

убеждена, что только таким оружие и нужно, но оставила эту мысль при себе.

— На самом деле это самый лучший вариант, — сказала она. — Если он псих и действовал в одиночку, то не стоит беспокоиться о том, что нечто подобное может повториться. А вот если он член террористической группы…

Понтер опустил взгляд — и, конечно же, упёрся в свою забинтованную грудь.

— Я надеялся, что мои дочери тоже смогут посетить ваш мир.

— Мне бы так хотелось познакомиться с ними, — сказала Мэри.

— Что бы стало с этим… с этим Руфусом Коулом… — Понтер нахмурился. — Подумать только! Глексенское имя, которое я могу выговорить без труда, и оно принадлежит человеку, который хотел меня убить! Так вот, что бы стало с Руфусом Коулом, если бы он не погиб?

— Его бы судили, — ответила Мэри. — Если бы его признали виновным, он бы отправился в тюрьму.

Хак снова загудел.

— Э-э… это такое охраняемое место, где преступников держат в изоляции от остальных людей.

— Ты сказала «если бы его признали винов-

ным». Но он ведь *стрелял* в меня.

— Да, но… если бы он оказался сумасшедшим, это было бы смягчающим обстоятельством. Его могли бы признать невиновным по причине невменяемости.

Понтер снова вскинул бровь.

— А не лучше ли это выяснить до того, как он возьмёт в руки оружие, а не после того, как он им воспользуется?

Мэри кивнула.

— Не могу с тобой не согласиться. Но, тем не менее, это так.

— Что, если бы я… если бы он меня убил? Или Тукану? Что бы с ним стало тогда?

— Здесь? В Штатах? Его могли бы казнить.

Неизбежный гудок.

— Умертвить. Убить в наказание за его преступление, и в качестве предостережения тем, кто может задумать что-то подобное.

Понтер замотал головой; его длинные волосы хлестнули по подушке.

— Я бы этого не хотел, — сказал он. — Никто не заслуживает преждевременной смерти, даже тот, кто желает её другим.

— Да ладно, Понтер, — сказала Мэри, удивившись резкости своего голоса. — Разве можно

относиться к этому как… как какой-то *Христос*? Чёртов придурок пытался тебя убить. А ты беспокоишься о том, что бы ему за это было?

Понтер ничего не ответил. Он не сказал, хотя Мэри знала, что он мог бы, что его уже однажды пытались убить: во время своего первого визита он рассказал Мэри, что в молодости ему страшным ударом раздробили челюсть. Но вместо этого он просто приподнял свою мохнатую бровь и сказал:

— В любом случае, это пустой разговор. Руфуса Коула больше нет.

Но Мэри была не готова замять тему.

— Тот, кто тебя стукнул много… много *месяцев* назад, не планировал этого заранее, и тут же раскаялся в содеянном; ты сам так сказал. А Руфус Коул *намеревался* совершить убийство, он его заранее спланировал. Это всё меняет.

Понтер немного поёрзал на госпитальной койке.

— Я остался жив, — сказал он. — Кроме того, ничто уже не сможет стереть шрам, который мне носить до самой смерти.

Мэри покачала головой, но ответила добродушно:

— Знаешь, Понтер, ты такой добрый, что иногда

в это трудно поверить.

— Даже не знаю, что сказать.

Мэри улыбнулась.

— Этим ты только подтверждаешь мои слова.

— Но у меня есть вопрос.

— Да?

— Что теперь будет?

— Я не знаю, — сказала Мэри. — Доктор сказал, что из Садбери дипломатической почтой доставили для тебя пакет. По-моему, он вон там, на столе.

Понтер повернул голову.

— А. Подай мне его, пожалуйста.

Получив пакет, Понтер открыл его и извлёк что-то вроде большого конверта явно неандертальского происхождения — идеально квадратный. Он раскрыл и его — он открывался, как цветочный бутон — и вытащил из него крошечный рубиново-красный шарик.

— Что это? — спросила Мэри.

— Бусина памяти, — ответил Понтер. Он коснулся своего компаньона, и тот, к удивлению Мэри, развернулся, открыв внутреннее отделение с дополнительными элементами управления и круглым отверстием диаметром с карандаш. — Она вставляется сюда, — сказал он, роняя бусину

в отверстие. — Если позволишь…

— Я ухожу, — сказала Мэри. — Я понимаю, это только для твоих ушей.

— Нет-нет. Не уходи. Просто подожди немного, пока Хак проиграет мне запись через кохлеарные импланты.

Мэри кивнула; Понтер слегка склонил голову, как всегда делал, слушая слова Хака. Потом гигантская борозда прорезала его лоб. Через некоторое время Понтер снова раскрыл компаньон и вынул из него бусину.

— Что они говорят? — спросила Мэри.

— Верховный Серый совет хочет, чтобы я сейчас же вернулся домой.

У Мэри ёкнуло сердце.

— Ох…

— Но я не вернусь, — сказал Понтер.

— Что? Почему?

— Если я вернусь, они закроют портал между нашими мирами.

— Они так сказали?

— Не напрямик — но я знаю Совет. Мои соплеменники знают, что смертны, Мэре — мы знаем, что никакой загробной жизни нет. После того, что случилось, Совет может посчитать, что продолжение контакта нежелательно. У нас и

так было достаточно много тех, кто возражал против открытия портала, и сейчас их позиции упрочились.

— И ты можешь это сделать? Просто решить остаться здесь, и всё?

— Не только могу, но и сделаю. Могут быть проблемы, но я к ним готов.

— Вау, — тихо сказала Мэри.

— Пока я здесь, они портал не закроют. Это даст тем, кто, как я, считает, что контакт следует поддерживать, время на отстаивание своей позиции. Если портал закроют, останется всего один шаг до того, чтобы разобрать квантовый компьютер и сделать повторное его открытие невозможным.

— В таком случае, что ты собираешься делать, когда выйдешь из больницы?

Понтер посмотрел Мэри прямо в глаза.

— Буду проводить больше времени с тобой.

Сердце Мэри снова ёкнуло, но в этот раз от избытка чувств, и она улыбнулась.

— Это будет здорово. — И тут её осенило. — На следующей неделе я еду в Вашингтон представлять своё исследование неандертальской ДНК на съезде Палеоантропологического общества. Почему бы тебе не поехать со мной, а? Ты станешь самой большой сенсацией с тех пор, как Уолпофф

и Таттерсолл сцепились на съезде в Канзас-Сити.

— Это собрание специалистов по древним людям? — спросил Понтер.

— Ага, — ответила Мэри. — Там будут почти все, кто изучает древних людей в нашем мире. Поверь, тебе будет очень интересно познакомиться с ними.

Понтер задумался, и на какое-то мгновение Мэри испугалась, что он обиделся.

— Как мы туда попадём?

— Я тебя отвезу, — сказала Мэри. — Когда тебя выписывают?

— Насколько я понял, они хотят меня задержать ещё на день.

— Тогда всё в порядке.

— И что, не будет никаких препятствий?

— Будут, конечно, — Мэри улыбнулась. — Но я знаю одного человека, который может приказать им исчезнуть…

Глава 20

Тукана Прат усматривала некий парадокс в том, что именно этот человек предпочитает уединение. Но кто бы стал его винить в отшельничестве? Он был всемирно знаменит, его узнавали везде, где бы он ни появился. К тому же скоро мир собирается отметить тысячемесячный юбилей его великого изобретения. Ожидается, что он появится на публике сотни раз — если конечно к тому времени всё ещё будет жив, а в его возрасте этого гарантировать не мог никто. Он принадлежал к поколению 138, и во всём мире оставалось менее тысячи его сверстников, и никого — из более ранних поколений.

Тукане приходилось встречаться со 138-ми, но довольно давно. С последнего такого раза минуло уже месяцев пятьдесят, так что ещё никогда в жизни она не видела настолько старых людей.

Говорят, что седина — признак мудрости, но у великого человека волос не осталось совсем, по крайней мере, на его знаменитом, невероятно удлинённом черепе. Редкие и практически прозрачные волосы ещё сохранялись у него на руках. Он представлял собой необычное зрелище:

дряхлый, иссохший человек с кожей, покрытой серыми и коричневыми пятнами, но с пронзительно синими искусственными глазами из полированного металла со зрачками-диафрагмами, глазами, которые светились изнутри. Конечно, он мог бы поставить себе глаза, неотличимые от оригинала, но этому человеку не было нужды прятать импланты. Тукана знала, что другие импланты регулировали работу его сердца и почек, и что искусственные кости заменили бóльшую часть его рассыпающегося скелета. Кроме того, Тукана как-то слышала, как в разговоре с эксгибиционистом он пошутил, что когда человек настолько стар, то окружающим лучше сразу видеть, что у него искусственные глаза, чтобы не подумали, что он слепой и ничего не заметит.

Тукана вошла в обширную гостиную. Хозяин был настолько стар, что дерево, в котором он жил, достигло поистине гигантской толщины, и по мере того, как текли месяцы, он выдалбливал всё больше и больше его сердцевины, расширяя помещение.

А месяцев минуло немало! Родившийся в поколении 138 к сегодняшнему дню видел больше тринадцати сотен лун за поражающие воображение 108 лет своей жизни.

— Здравый день, — сказала Тукана, садясь.

— Сейчас я рад любому дню, — ответил неожиданно сильный и глубокий голос, — здравый он, или нет.

Тукана не смогла понять, был комментарий шутливым или мрачным, так что просто улыбнулась и кивнула. Потом, после короткой паузы, она сказала:

— Не могу выразить словами, какая для меня честь встретиться с вами.

— Но вы попробуйте, — сказал старик.

Тукана смешалась.

— Ну, просто мы так многим вам обязаны, что…

Но старик уже замахал рукой.

— Да шучу я, дамочка, шучу. — Тукана не удержалась от улыбки — прошли века с тех пор, когда её могли так назвать. — На самом деле вы окажете мне честь, если *не будете* мне её оказывать. Поверьте, я всё это слышал много раз. Я буду благодарен, если из уважения к тому короткому времени, что мне осталось, вы не станете его расходовать попусту. Поэтому просто скажите, что вам нужно.

Тукана почувствовала, что снова улыбается. Как дипломат она встречалась со многими ми-

ровыми лидерами, но и подумать не могла, что когда-нибудь окажется лицом к лицу с величайшим изобретателем из всех, с самим Лонвесом Тробом. И всё же ей было не по себе от взгляда этих искусственных глаз, и она обнаружила, что смотрит на его левое предплечье, на имплантированный в него компаньон. Конечно это не был тот самый, первый компаньон, изобретённый Лонвесом так много месяцев назад. Нет, это была последняя модель — и все её металлические части, изумлённо отметила Тукана, были золотыми.

— Я не знаю, насколько вы следите за новостями относительно параллельной Земли…

— Слежу очень внимательно, — сказал Лонвес. — Это страшно интересно.

— Тогда вы, должно быть, знаете, что Верховный Серый совет назначил меня послом…

— Сварливые пердуны, — сказал Лонвес. — Дуралеи, все до единого.

— Ну, я могу понять…

— Знаете, — сказал Лонвес, — я слышал, что некоторые из них красят волосы в серый цвет, чтобы сойти за умных.

В плане расходования времени попусту Лонвес и сам неплохо справляется, отметила Тукана, хо-

тя он, конечно, заслужил подобную привилегию.

— Так или иначе, — сказала она, — они хотят закрыть портал между нашим миром и миром глексенов.

— Почему?

— Они боятся глексенов.

— Вы встречались с глексенами; они — нет. Я бы лучше выслушал ваше мнение.

— Ну, вы, должно быть, знаете, что один из них пытался убить посланника Боддета, а также стрелял в меня.

— Ага, слышал. Но вы оба выжили.

— Да.

— Вы знаете, мой друг Гуса…

Тукана не удержалась.

— Гуса? — воскликнула она. — Гуса *Каск*?

Лонвес кивнул.

— Ого, — тихо выдохнула Тукана.

— Так вот, я уверен, что Гуса найдёт способ защититься от метательного оружия глексенов. Насколько я понял, оно выталкивает снаряды посредством химического взрыва, из чего следует, что хотя снаряд и движется быстро, его скорость исчезающе мала по сравнению со скоростью света. Так что у лазера будет полно времени, чтобы нацелиться и испарить его. Мои

компаньоны уже давно сканируют пространство в радиусе двух с половиной саженей. Даже если снаряд летит со скоростью звука, у нас всё равно будет… — Он замолчал на долю такта, и Тукана задумалась — считает он в уме сам или слушает, что ему говорит компаньон; она сильно подозревала, что сам, — … 0,005 такта, чтобы навести лазер и выстрелить. Нам понадобится сферический эмиттер — никакая механическая конструкция не успеет среагировать — вероятно, вмонтированный в головной убор. Тривиальная задачка. — Он посмотрел на неё. — Так что, вы за этим пришли? Если так, то я свяжусь с Гусой от вашего имени и вернусь к своим делам.

— Э-э… нет, — сказала Тукана. — То есть, иметь что-то вроде этого будет просто здорово. Но я пришла к вам по другой причине.

— Ну так излагайте, дамочка. Что у вас на уме?

Тукана нервно сглотнула.

— Я хотела попросить вас об одолжении. Вас, и некоторых из ваших уважаемых друзей.

— О какого рода одолжении?

Тукана рассказала, и обрадовалась, увидев, как лицо старца озаряется улыбкой.

Глава 21

Луиза Бенуа была права: Джок Кригер мог потянуть за любые ниточки, какие только можно вообразить. Идея о том, что один из сотрудников его «Синерджи Груп» проведёт больше недели, общаясь с неандертальцем, безумно ему понравилась, и Мэри обнаружила, что препятствия перед их с Понтером поездкой в Вашингтон пропадают одно за другим. Джок также согласился с Понтером в том, что чем дольше он останется в этом мире, тем больше времени будет на то, чтобы убедить неандертальцев не закрывать портал.

Мэри решила отправиться в Вашингтон на машине; это показалось проще, чем толкаться в аэропортах с их системами безопасности. Плюс, у неё будет возможность показать Понтеру по дороге кое-какие достопримечательности.

Мэри взяла напрокат серебристый «форд-виндстар» с тонированными стёклами, чтобы снаружи нельзя было разглядеть, кто её пассажир. Они выехали в Филадельфию; неприметный автомобиль сопровождения двигался за ними в отдалении. Мэри и Понтер осмотрели Индепенденс-холл и Колокол Свободы и съели

оригинальный чизстейк «филли»[74] в «Пэтс»[75]; невзирая на сыр, Понтер съел три порции… Мэри хотела сказать «в один присест», но в «Пэтс» были только стоячие места, так что они забрали стейки с собой. Мэри чувствовала себя несколько странно, рассказывая Понтеру об истории США, но подозревала, что у неё получается лучше, чем у американца, пытающегося излагать историю Канады.

Понтер, похоже, полностью оправился после ранения — по-видимому, он был не только силён, как бык, но и обладал его конституцией. Что было очень даже кстати, подумала Мэри, мысленно улыбнувшись: ведь они находились в колыбели сильнейшей конституции мира.

* * *

Посол Тукана Пратт вышла на полукруглое возвышение в зале заседаний Генеральной Ассамблеи ООН. За ней последовал ещё один неандерталец, за ним ещё, и ещё, пока её окру-

---

[74] notes: 74

Разновидность сэндвича, изобретённая в Филадельфии в 1930-х годах Пэт и Гарри Оливьери.

[75] notes: 75

Pat's King of Steaks — сеть ресторанов, основанная Пэт и Гарри Оливьери, изобретателями чизстейка.

жили десять представителей её расы. Она взошла на трибуну и склонилась к микрофону.

— Дамы и господа Объединённых Наций, — сказала она. — Позвольте представить вас новым делегатам от нашей Земли. Несмотря на печальные обстоятельства, сопутствовавшие моему предыдущему визиту, мы все явились к вам с посланием мира и дружбы и с распростёртыми объятиями. Не только я, правительственный функционер, но десятеро наших лучших и умнейших. Они не были обязаны прибыть сюда — они сделали это по собственному выбору. Они здесь, потому что верят в идеалы культурного обмена. Мы знаем, что вы ожидали развития отношений по принципу «ты — мне, я — тебе»: вы даёте что-то нам, взамен мы даём что-то вам. Но этот процесс налаживания отношений не должен безраздельно принадлежать экономистам и бизнесменам, и уж точно не воинам. Нет, такой обмен — естественная прерогатива идеалистов и мечтателей, тех, кто преследует наиболее возвышенные — *гуманитарные* цели. — Тукана улыбнулась собравшимся. — Я уже произнесла самую длинную речь в моей карьере, поэтому без дальнейших проволочек перейду к представлению делегатов.

Она развернулась и указала на первого из десяти неандертальцев, стоящих позади неё: невероятно древнего на вид старика с горящими из-под надбровья синими искусственными глазами.

— Это, — сказала Тукана, — Лонвес Троб, наш величайший изобретатель. Он разработал импланты-компаньоны и технологию архивов алиби, которые сделали наш мир безопасным для всех, кто его населяет. Ему принадлежит то, что вы называете «патентом» — право интеллектуальной собственности на эти изобретения, и он явился сюда, чтобы безвозмездно поделиться ими с вами.

По рядам собравшихся прокатился ропот изумления. Из установленных в зале заседаний громкоговорителей полилась музыка, тревожная и будоражащая — музыка народа неандертальцев.

— А это, — продолжала Тукана, указывая на следующего в ряду — как это принято у неандертальцев, она двигалась от правого края к левому, — Борл Кадас, наш ведущий генетик. — Пожилая женщина, также 138-го поколения, выступила вперёд. — Находясь здесь, я слышала разговоры о патентовании человеческого генома. Так вот, учёная Кадас руководила нашим эквива-

лентом вашего проекта «Геном человека» около пятидесяти лет назад. Она прибыла сюда, чтобы поделиться результатами этих исследований и теми благами, которые они принесли.

Тукана отметила, как пораскрывали от удивления рты некоторые делегаты.

— А это, — сказала она, указывая на дородного мужчину, — Дор Фаррер, поэт-лауреат провинции Бонтар, которого считают величайшим из ныне живущих наших литераторов. Он принёс с собой компьютеризированные архивы всех великих произведений поэзии и драматургии, литературы художественной и документальной, итерационного повествования и вообразительного письма, созданных нашим народом в прошлом, и окажет содействие в их переводе на ваши многочисленные языки.

Феррер энергично замахал делегатам. Музыка становилась богаче, к ней присоединялись новые инструменты.

— Рядом с ним Дерба Жонк. Она — наш крупнейший специалист в области использования стволовых клеток для избирательного клонирования частей тела. Как нам известно, вы только начали исследования в этой области; мы занимаемся этим уже четыре поколения — сорок лет, и

учёная Жонк с удовольствием поможет вашим медикам преодолеть отставание.

Многие делегаты издали изумлённые возгласы.

— Рядом с ней Кобаст Гант, — продолжала Тукана, — наш ведущий эксперт в области искусственного интеллекта. Те из вас, кто общался с Понтером Боддетом или со мной лично, уже имели дело с результатом его трудов — наши интеллектуальные компаньоны программировал он. И он также готов поделиться с вашим миром всем, что знает.

Сейчас даже «всеобщий писарь» бормотал что-то одобрительное. В музыкальную композицию вступили кубо-барабаны, их биение напоминало ритм исполненного гордостью сердца.

— А рядом с учёным Гантом — Жалск Лаплан, обладатель титула самого быстрого человека планеты — я полагаю, обеих планет. Мы замерили его время вчера: он пробегает одну вашу милю за три минуты одиннадцать секунд[76]. Жалск поделится своим опытом подготовки спортсменов.

Жалск улыбнулся от уха до уха. Музыка начала ускорять темп.

---

[76] notes: 76
Текущий мировой рекорд — 3 минуты 43 секунды (1999).

— За ним следует Рабра Хаброрн. Она — одна из наших лучших правоведов — ведущий современный интерпретатор Кодекса Цивилизации. Многих из вас удивляет наша способность руководствоваться моралью и этикой, не прибегая к авторитету высшего существа. Арбитр Хаброрн с радостью ответит на все ваши вопросы в этой области. — К оркестру присоединилось трио ледовых рогов.

Хаброрн с достоинством склонила голову. В нарушение действующих в зале Ассамблеи правил, некоторые из делегатов принесли с собой мобильные телефоны, и теперь разговаривали по ним, предположительно с главами своих государств.

— Рядом с ней, — продолжила Тукана, — Драде Клемелк, глава нашей Философской академии. Пусть его каштановые волосы вас не обманывают: он считается одним из мудрейших и проницательнейших мыслителей нашего мира. С его и арбитра Хаброрн помощью вы сможете узнать всё о процессах нашего мышления.

— Я ожидаю этого с нетерпением, — произнёс Клемелк глубоким сильным голосом. Симфония повторяла вступительную часть, но в этот раз громче и насыщенней.

— Рядом с учёным Клемелком Крек Доналт,

один из величайших наших композиторов. Это его произведение вы сейчас слышите: оно называется «Двое становятся Одним».

Доналт поклонился.

— И последняя — как у вас говорят, по порядку, но не по значению — доктор Дапбур Кажак, с которой некоторые из вас уже познакомились. Она изобрела калибруемые лазеры, которые используются для деконтаминации путешественников между двумя мирами. Учёная Кажак поделится с вами всем, что знает о дезинфекции человеческого тела и о квантово-каскадной лазерной физике.

Музыкальная композиция достигла крещендо; кубо-барабаны, ледовые рога, гремячие жеоды звучали в идеальной гармонии. Тукана заговорила снова.

— Все десятеро — учёные и инженеры, философы и художники, атлеты и мыслители — пришли сюда, чтобы свободно делиться всем, что они знают в области своей специализации. — Она оглядела Генеральную Ассамблею. — Давайте сделаем это, друзья. Сделаем так, чтобы отношения между нашими мирами были выгодны всем и строились на принципах мирного сотрудничества. Прошлое в прошлом; сейчас наша забота — будущее. Давайте сделаем его настолько

хорошим, насколько в наших силах.

Первым, как показалось Тукане Прат, захлопал один из австрийских делегатов, но к нему немедленно присоединились десятки, сотни других, и скоро уже все делегаты были на ногах, крича и неистово аплодируя.

Некомпетентная, говоришь? — подумала Тукана, улыбаясь восторженной толпе и испытывая небывалый подъём от того, что она только что совершила. — *Да пошёл ты в жопу!..*

Глава 22

— До начала конференции мы пробудем в Вашингтоне всего один день, — говорила Мэри, — и я многое хочу тебе показать. Но начать я хотела вот с этого. Ничто другое не скажет больше об этой стране и о том, что значит быть человеком — человеком моего вида.

Понтер рассматривал раскинувшийся перед ним пейзаж, ничего не понимая. Он видел шрам на травянистом ландшафте, длинный рубец, тянущийся шагов на восемьдесят, и там смыкающийся под тупым углом с другим, похожим шрамом.

Шрамы были черные и блестящие — опять то странное слово, как его? *Ок-сю-мо-рон*, вот как; терминологическое противоречие. Чёрный — значит, поглощающий свет; блестящий — значит, отражающий его.

И всё же это было именно оно — чёрное зеркало, в котором отражалось его лицо и лицо Мэри. Две разновидности людей — не просто мужчина и женщина, а два разных вида, две различные интерпретации людской темы. Её отражение показывало то, что она называла Homo sapiens и

он называл глексеном: странный вертикальный лоб, миниатюрный нос и… в языке Понтера не было для этого слова — её *подбородок*.

А его отражение показывало то, что она называла Homo neanderthalensis, а он называл *бараст* — слово «человек» на его родном языке: широкое неандертальское лицо, двойной изгиб надбровья и нос нормального размера, занимающий треть лица.

— Что это? — спросил Понтер, таращась на эту вытянутую черноту и на их отражения в ней.

— Это мемориал, — сказала Мэри. Она посмотрела вдоль чёрной стены и указала на объекты в отдалении. — Вся эта территория уставлена мемориалами. Вот эта пара стен указывает на два самых главных. Вот тот шпиль — это Монумент Вашингтона, мемориал первого президента Соединённых Штатов. А вон там мемориал Линкольна, увековечивший президента, освободившего рабов.

Транслятор Понтера загудел.

Мэри вздохнула. Разумеется, осталось ещё немало сложностей, немало — как это говорят? — грязного белья ещё придётся вытащить на белый свет.

— Мы посетим оба эти мемориала позже, —

сказал Мэри. — Но, как я сказала, мне хотелось начать с этого. Это мемориал ветеранов Вьетнамской войны.

— Вьетнам — это вроде одно из ваших государств? — спросил Понтер.

Мэри кивнула.

— В юго-восточной Азии — юго-восточном Галасое. Чуть севернее экватора. Полоса земли в форме буквы S — она изобразила её пальцем в воздухе, чтобы Понтеру было нагляднее, — на тихоокеанском побережье.

— Мы называем эту местность Холтанатан. Но в моём мире это очень жаркое, дождливое, болотистое место, кишащее насекомыми. Там никто не живёт.

Мэри вскинула брови.

— В нашем мире там живёт больше восьмидесяти миллионов человек.

Понтер покачал головой. Люди этой версии Земли такие… такие *неумеренные*.

— И там, — продолжала Мэри, — была война.

— Из-за чего? Из-за болот?

Мэри прикрыла глаза.

— Из-за идеологии. Помнишь, я рассказывала тебе о Холодной войне? Эта война была её частью. Горячей частью.

— Горячей? — Понтер тряхнул головой. — Ты не имеешь в виду температуру, не так ли?

— Нет. Это была война, на которой стреляли. На которой гибли люди.

Понтер нахмурился.

— Сколько людей?

— Всего, с обеих сторон? Никто точно не знает. Больше миллиона южных вьетнамцев. От полумиллиона до миллиона северных. Плюс… — она указала на стену.

— Да? — произнёс Понтер, всё ещё сбитый с толку блестящей чернотой.

— Плюс пятьдесят восемь тысяч двести десять американцев. Эти две стены хранят о них память.

— Каким образом?

— Видишь вырезанные на чёрном граните надписи?

Понтер кивнул.

— Это имена — имена тех, чья смерть была подтверждена, и тех, кто пропал без вести и так и не вернулся домой. — Мэри помолчала. — Война закончилась в 1975.

— А сейчас у вас… — Понтер назвал номер текущего года.

Мэри кивнула.

Понтер опустил глаза.

— Да, наверное, пропавшие уже не вернутся. — Он подошёл ближе к стене. — Как упорядочены имена?

— Хронологически. По дате смерти.

Понтер посмотрел на имена, все написанные буквами, которые, как он знал, называются заглавными, отделённые друг от друга маленькими кружка́ми, которые, он тоже это знал, называются так же, как метательный снаряд здешнего ручного оружия[77]. Ещё одно слово, служащее двум целям.

Понтер не умел читать английские буквы; идея фонетического алфавита всё ещё была для него чужда. Мэри подошла и встала рядом с ним, а потом тихим голосом прочла для него некоторые имена: «Майк А. Максин. Брюс Дж. Моран. Бобби Джо Маунтс. Рэймонд Д. Маглезен. — Она наугад указала на другую строку. — Сэмюэл Ф. Холифилд младший. Руфус Худ. Джеймс М. Инман. Дэвид Л. Джонсон. Арнольдо Л. Карильо.

И ещё одна строка, ближе к земле. Донни Л. Джексон. Бобби В. Джоуб. Бобби Рэй Джоунз. Хэлкот Р. Джоунз младший.

---

[77] notes: 77

Bullet — «пуля», bullet point — разделительный знак «●».

— Пятьдесят восемь тысяч, — сказал Понтер таким же тихим голосом.

— Да.

— Но… ты сказала, что это мёртвые американцы?

Мэри кивнула.

— Почему они воевали на другом конце мира?

— Они помогали Южному Вьетнаму. Видишь ли, в 1954 году Вьетнам согласно мирному договору был разделён на две части, Северный Вьетнам и Южный Вьетнам. Два года спустя, в 1956, должны были состояться свободные выборы в обеих частях страны под надзором международного комитета, для того, чтобы объединить страну под единым, избранным народом руководством. Но когда настал 1956 год, лидер Южного Вьетнама отказался проводить намеченные выборы.

— Ты много рассказывала мне об этой стране, Соединённых Штатах, когда мы были в Филадельфии, — сказал Понтер. — Я знаю, как высоко американцы ценят демократию. Дай угадаю: США послали войска, чтобы принудить лидера Южного Вьетнама провести обещанные демократические выборы?

Мэри покачала головой.

— Нет, нет, США поддержали Юг в его нежела-

нии проводить выборы.

— Но почему? Правительство Севера было коррумпировано?

— Нет, — сказала Мэри. — Нет, оно было достаточно честным и разумным — по крайней мере, до тех пор, пока обещанные выборы, к которым оно стремилось, не были отменены. Но там *было* коррумпированное правительство — на Юге.

Понтер озадаченно покачал головой.

— Но ты сказала, что американцы были на стороне Юга.

— Так и было. Видишь ли, правительство Юга было хоть и коррумпированное, но капиталистическое — оно принимало американскую экономическую систему. Правительство Севера было стояло на стороне коммунизма — экономической системы, принятой в Советском Союзе и Китае. Но северное правительство было популярнее, чем коррумпированное южное. Соединённые Штаты боялись, что если будут проведены свободные выборы, коммунисты получат власть над всем Вьетнамом, и это приведёт к тому, что под властью коммунистов окажутся и другие страны юго-восточного Галасоя.

— И поэтому туда отправились американские солдаты?

— Да.

— Чтобы умереть?

— Да, многие умерли. — Мэри помолчала. — Вот что я хотела, чтобы ты понял: как важны для нас принципы. Мы умираем, защищая идеологию, умираем в поддержку идеи. — Она указала на стену. — Эти люди, эти пятьдесят восемь тысяч человек, сражались за то, во что верили. Им сказали идти воевать, сказали идти спасать слабый народ от того, что считалось страшной коммунистической угрозой, и они сделали, как им сказали. Большинство из них были молоды — восемнадцать, девятнадцать, двадцать, двадцать один год. Многие впервые покинули дом.

— И теперь они мертвы.

Мэри кивнула.

— Но не забыты. Мы вспоминаем их здесь. — Она украдкой показала рукой вдоль стены. Охрана Понтера — теперь это были агенты ФБР, которых организовал Джок Кригер — не подпускали народ близко к нему, но стены невероятно длинны, и в отдалении кто-то стоял, прислонясь к чёрной поверхности. — Видишь вон того человека? — спросила Мэри. — У него листок бумаги и карандаш, и он переносит на бумагу отпечаток имени кого-то, кого он знал. Ему… ну, в общем,

он выглядит на пятьдесят-шестьдесят, так ведь? Вполне возможно, он сам был во Вьетнаме. А имя, которое он копирует, возможно, принадлежит другу, который погиб там.

Понтер и Мэри молча смотрели, как человек заканчивает то, что делал. А потом он свернул листок, положил его в нагрудный карман и начал говорить.

Понтер недоумённо качнул головой. Потом указал на компаньон у себя на левом предплечье.

— Я думал, ваш народ не пользуется коммуникационными имплантами.

— Так и есть, — сказала Мэри.

— Но я не вижу у него никакого внешнего устройства — как вы его называете? — сотового телефона.

— Его нет, — тихо сказала Мэри.

— Но с кем он тогда говорит?

Мери слегка пожала плечами.

— Со товарищем, которого потерял.

— Но он мёртв.

— Да.

— Но ведь нельзя разговаривать с мёртвыми, — сказал Понтер.

Мери снова указала стену; отражение в обсидиановой поверхности повторило её жест.

— Люди считают, что можно. Некоторые утверждают, что здесь чувствуют себя ближе к ним.

— Здесь хранятся останки мёртвых людей?

— Что? Нет, нет.

— Но тогда я…

— Это *имена*, — сказала Мэри, немного сердясь. — Имена. Здесь их имена, и через эти имена мы вступаем в контакт с теми, кто их носил.

Понтер нахмурился.

— Я… прости, я не хочу показаться тупым. Но ведь это не может быть правдой. Мы — мой народ — устанавливаем взаимоотношения посредством лиц. Есть множество людей, которых я знаю в лицо, но никогда не знал по имени. И, в общем, я устанавливаю взаимоотношения с тобой, но, хотя я и знаю твоё имя, я не могу его правильно произнести даже мысленно. «Мэре» — это лучшее, на что я способен.

— Мы считаем, что в имени есть… — Мэри пожала плечами, сознавая, как смехотворно прозвучит то, что она сейчас скажет, — …некая *магия*.

— Но вы же не можете общаться с мёртвыми, — не унимался Понтер. Он не упрямился, вовсе нет — он просто не понимал.

Мэри на мгновение прикрыла глаза, словно со-

бираясь с силами — или, подумал Понтер, словно обращаясь к кому-то, кого здесь нет.

— Я знаю, что твой народ не верит в жизнь после смерти.

— «Жизнь после смерти», — повторил Понтер, словно откусывая кусочек мяса на пробу. — Оксюморон.

— Не для нас, — сказала Мэри. Потом, с бóльшим чувством: — Не для меня. — Она огляделась вокруг. Поначалу Понтеру показалось, что это лишь экстернализация её мыслей: она будто ищет путей объяснить, что чувствует. Но потом её глаза сверкнули, и она пошла вдоль стены. Понтер поспешил за ней.

— Видишь эти цветы? — спросила Мэри.

Он кивнул.

— Конечно.

— Их оставил здесь один из живых для одного из мёртвых. Для кого-то, чьё имя вырезано на этой секции. — Она указала на участок полированного гранита прямо перед собой.

Потом Мэри нагнулась. Цветы — красные розы — были с длинными стеблями, связанными друг с другом нитью. К букету была прикреплена лентой небольшая карточка.

— «Для Вилли», — сказала Мэри, очевидно, про-

читав написанное на карточке, — «от любящей сестры».

— Ах, — сказал Понтер, не найдя лучшего ответа.

Мэри прошла дальше. Она подошла к желтовато-коричневому листу бумаги, прислонённому к стене и подняла его.

— «Дорогой Карл», — прочитала она и замолчала, осматривая гранитную панель перед собой. — Это, должно быть, он, — сказала она, протягивая руку и касаясь одной из надписей. — Карл Боуэн. — Она продолжала смотреть на вырезанное в граните имя. — Это тебе, Карл, — произнесла она — по-видимому, от себя лично, поскольку не смотрела на бумагу. Потом она опустила глаза и начала читать вслух с самого начала:

> Дорогой Карл,
>
> Я знаю, что должна была прийти раньше. Я хотела. Честно. Но я не знала, как ты воспримешь эту новость. Я знаю, что была твоей первой любовью, и у меня не было больше такого замечательного лета, как лето 66-го. Я думала о тебе каждый день с тех пор, как ты погиб, я плакала

и плакала. И я снова плачу сейчас, когда пишу эти слова.

Я не хочу, чтобы ты подумал, будто я перестала скорбеть по тебе, потому что это не так. Но у меня была своя жизнь. Я вышла за Бакки Сэмюэлса из Истсайда. Помнишь его? У нас двое детей, оба сейчас старше, чем ты был, когда погиб.

Ты бы сейчас меня ни за что не узнал. У меня в волосах пробивается седина, и приходится её прятать, и все мои веснушки попали много лет назад, но я всё равно думаю о тебе. Я очень люблю Бакки, но тебя я тоже люблю… и я знаю, что когда-нибудь мы снова увидимся.

С вечной любовью,

Джейн

— «Снова увидимся»? — повторил Понтер. — Но он мёртв.

Мэри кивнула.

— Она имеет в виду, что они увидятся после того, как она сама тоже умрёт.

Понтер задумался. Мэри шла в нескольких шагах от него. Ещё одно письмо было прислонено к стене, в этот раз залитое в прозрачный пластик.

Мэри подобрала его.

— «Дорогой Фрэнки», — начала она читать. Пошарила взглядом по стене. — Вот он — Франклин Т. Малленс, третий. — Она продолжила читать:

> Дорогой Фрэнки,
>
> Говорят, что родители не должны переживать своих детей, но кто же ожидает, что смерть заберёт ребёнка в девятнадцать? Я скучаю по тебе каждый день, и папа тоже. Ты знаешь, какой он: у меня на глазах старается выглядеть сильным, но я до сих пор слышу, как он плачет, когда думает, что я сплю.
>
> Обязанность матери — заботиться о сыне, и я старалась, как могла. Но теперь о тебе заботится сам Господь, и я знаю, что в его любящих руках тебе ничего не грозит.
>
> Сыночек, дорогой, когда-нибудь мы снова будем вместе.
>
> Люблю тебя,
>
> ***Мама***

Понтер не знал, что сказать. Чувства были без сомнения искренними, однако… однако такими *иррациональными*. Разве Мэри этого не видит?

Разве люди, написавшие письма, этого не замечают?

Мэри снова читала ему письма, открытки, записки, свитки, которые лежали или стояли прислонёнными к стене. Фразы из них застревали у Понтера в голове.

«Мы знаем, что Господь позаботится о тебе…»

«Не могу дождаться того дня, когда мы снова будем вместе…»

«Так много забыто / Не сказано много / Клянусь — всё скажу / Когда встретимся с Богом.»

«Спи спокойно, любимый…»

«С нетерпением жду дня нашего воссоединения…»

«…в тот радостный день, когда Господь снова соединит нас на небесах…»

«Прощай! Да пребудет с тобой Господь, пока мы не встретимся вновь…»

«Ну, будь, братишка. Забегу, когда буду в столице в следующий раз…»

«Покойся с миром, дружище, покойся с миром…»

Несколько раз Мэри прерывалась, чтобы выте-

реть слёзы. Понтер тоже ощущал печаль, и его глаза тоже увлажнились, но, как он подозревал, по другой причине.

— Это всегда очень тяжело, когда умирает тот, кого любишь, — сказал Понтер.

Мэри кивнула.

— Но… — продолжил он, но замолк.

— Да?

— Этот мемориал, — сказал Понтер, разводя руки, будто охватывая обе стены. — Какова его цель?

Брови Мэри снова взметнулись вверх.

— Почтить память мёртвых.

— Не всех мёртвых, — тихо сказал Понтер. — Здесь только мёртвые американцы.

— Э-э… да, — согласилась Мэри. — Это монумент жертве, принесённой американскими солдатами, таким образом народ Соединённых Штатов показывает, как он её ценит.

— Ценил, — поправил Понтер.

Мэри это замечание явно озадачило.

— Мой транслятор неправильно работает? — спросил Понтер. — Ты можешь ценить — в настоящем времени — то, что существует. То, чего больше нет, ты *могла* ценить — прошедшее время.

Мэри вздохнула, явно не желая об этом спорить.

— Но ты не ответила на мой вопрос, — мягко напомнил Понтер. — *Для чего* этот мемориал?

— Я же сказала. Почтить память мёртвых.

— Нет, нет, — сказал Понтер. — Это побочная функция, я уверен. Наверняка целью, которую ставил перед проектировщик…

— Майя Лин, — сказала Мэри.

— Что?

— Майя Лин. Так зовут женщину, спроектировавшую мемориал.

— А, — сказал Понтер. — Так вот, наверняка её целью — целью любого, кто проектирует мемориал — сделать так, чтобы люди не забывали.

— Да…? — сказала Мэри, немного раздражённая тем, что Понтер прицепился ко вроде бы незначительной разнице.

— А зачем делать так, чтобы люди не забывали? — спросил Понтер. — Чтобы не повторять больше тех же ошибок.

— Ну, да, конечно… — сказала Мэри.

— И насколько хорошо этот мемориал выполняет свою функцию? Вам удалось избежать той же ошибки — ошибки, которая привела к смерти всех этих молодых людей.

Мэри на секунду задумалась, потом покачала головой.

— Полагаю, что нет. Войны ведутся до сих пор, и…

— Америкой? Страной, построившей этот монумент?

— Да, — сказала Мэри.

— Почему?

— Экономика. Идеология. И…

— Да?

Мэри пожала плечами.

— Месть. Сведение счётов.

— Когда эта страна решает начать войну, где объявляется о таком решении?

— Э-э… в Конгрессе. Я потом покажу тебе его здание.

— Виден ли оттуда мемориал?

— Этот? Нет, не думаю.

— Они должны делать это прямо здесь, — заявил Понтер. — Их лидер — президент, так? — должен объявлять о войне прямо здесь, стоя перед этими пятьюдесятью восемью тысячами двухстами девятью именами. Очевидно, именно это должно быть главной целью такого мемориала: если лидер сможет призвать молодых людей идти воевать и гибнуть, глядя на имена тех, кто погиб,

когда президент объявил войну в прошлый раз, то это, наверное, и правда очень важная война, без которой не обойтись.

Мэри склонила голову и ничего не сказала.

— В конце концов, как ты сказала, вы сражаетесь за сохранение ваших самых главных ценностей.

— В идеале да, — сказала Мэри.

— Но эта война — во Вьетнаме. Ты сказала, что она велась в поддержку коррумпированного правительства и для того, чтобы не дать состояться выборам.

— Ну, да, в каком-то смысле.

— В Филадельфии ты показала мне, где и как началась эта страна. Разве демократия не является самой большой ценностью Соединённых Штатов? Демократия и право людей избирать и быть избранными?

Мэри кивнула.

— Тогда они должны были сражаться за утверждение этих идеалов. Их приход во Вьетнам для того, чтобы живущие там люди получили возможность отдать свои голоса, был бы утверждением американских идеалов. И если бы народ Вьетнама…

— Вьетнамцы.

— Ага, вьетнамцы. Если бы они проголосовали за коммунистическую систему, это было бы в соответствии с американскими идеалами. Ведь ты не можешь быть сторонником демократии только тогда, когда исход голосования тебя устраивает.

— Возможно, ты прав, — сказала Мэри. — Очень многие считают, что американское вмешательство во Вьетнаме было неправильным. Они называют это «богохульной войной».

— Богохульной?

— Ну, это значит «оскорбляющий Бога».

Бровь Понтера взбежала на надбровье.

— Судя по всему, у этого вашего Бога очень толстая кожа.

Мэри склонила голову; трудно на это что-то возразить.

— Ты говорила, — сказал Понтер, — что большинство людей в этой стране — христиане.

— Да.

— Насколько христиан больше, чем остальных?

— Намного, — ответила Мэри. — На самом деле я как раз читала об этом перед приездом сюда. Население США примерно 270 миллионов, — Понтер уже слышал об этом раньше, так

что не удивился. — Около миллиона — атеисты, они вообще не верят в Бога. Ещё двадцать пять миллионов нерелигиозны: то есть, не придерживаются никакой определённой религии. Другие религиозные группы — иудеи, буддисты, мусульмане, индуисты — совокупно составляют где-то пятнадцать миллионов. Все остальные — почти 230 миллионов — считают себя христианами.

— То есть это христианская страна, — сказал Понтер.

— Ну-у… как и Канада, США гордится своей религиозной терпимостью…

Понтер пренебрежительно махнул рукой.

— Двести тридцать миллионов из двухсот семидесяти — это почти девяносто процентов, так что США — христианская страна. А ты рассказывала мне об основах христианского вероучения. Что Христос говорил делать с тем, кто нападёт на тебя?

— Нагорная проповедь, — сказала Мэри. Она прикрыла глаза; вероятно, это помогало ей вспоминать. — «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к

нему и другую».[78]

— То есть христианская страна не может практиковать месть, — сказал Понтер. — Но ты упомянула её в ряду возможных причин войны. Точно так же демократическая страна не может препятствовать свободному выбору жителей другой страны, и, тем не менее, война во Вьетнаме велась именно с такой целью.

Мэри ничего не ответила.

— Разве ты не видишь? — сказал Понтер. — Вот о чём должен напоминать этот мемориал, эта стена ветеранов Вьетнама: о бессмысленности смерти, об ошибке — *фатальной* ошибке — затевать войну, идущую вразрез с твоими самыми сокровенными принципами.

Мэри молчала.

— И по этой причине все будущие американские войны должны объявляться здесь — на этом самом месте. Лишь если её цели выдержат испытание на соответствие самым главным фундаментальным принципам, лишь тогда это война, вести которую необходимо. — Взгляд Понтера снова задвигался по стене и чёрным отражениям внутри неё.

---

[78] notes: 78
Евангелие от Матфея, 5:38–39.

Мэри молчала.

— Однако, — сказал Понтер, — у меня есть предложение попроще. Эти письма, что ты мне читала — я так понимаю, это типичные образцы?

Мэри кивнула.

— Такие оставляют здесь каждый день.

— Но ты не видишь проблемы? Все они исходят из убеждения, что мёртвые на самом деле не мертвы. «Господь позаботится о тебе». «Мы снова будем вместе». «Я знаю, что смотришь на меня». «Однажды я снова тебя увижу».

— Мы уже обсуждали это, — сказала Мэри. — Моя разновидность людей — не просто христиане, а большинство Homo sapiens, независимо от религиозной принадлежности — верят, что глубинная суть личности не прекращает существования со смертью тела. Душа продолжает жить.

— И вот эта вера, — твёрдо произнёс Понтер, — и представляет из себя проблему. Я думаю над этим с тех пор, как ты впервые мне про это рассказала, но меня — как это говорится? — меня осенило здесь, у мемориала, перед этой стеной имён.

— Да? — сказала Мэри.

— Они *мертвы*. Их нет. Они более не существуют. — Он протянул руку и коснулся имени, которое не мог прочитать. — Человек, которого звали так. — Он коснулся другого имени. — И человек, которого звали так. — Он коснулся третьего. — И человек, которого звали так. *Их больше нет*. Вот очевидный урок, который преподаёт эта стена. Никто не может прийти сюда, чтобы говорить с мёртвыми, потому что мёртвые *мертвы*. Никто не может прийти сюда, чтобы попросить у мёртвого прощения, потому что мёртвые *мертвы*. Никто не может прийти сюда, чтобы мёртвый мог его коснуться, потому что мёртвые *мертвы*. Эти имена, эти вырезанные в камне символы — это *всё*, что от них осталось. Это очевидное послание стены людям, урок, который они должны выучить. Пока вы, люди, думаете, что жизнь — лишь пролог, что за ней последует что-то ещё, что обиженные здесь будут вознаграждены где-то там и потом, вы так и и не начнёте ценить жизнь и так и будете посылать свою молодёжь на смерть.

Мэри глубоко вдохнула и медленно выпустила воздух, по-видимому, чтобы успокоиться. Потом кивком головы указала в сторону. Понтер повернулся посмотреть. Седовласый мужчина

оставлял у стены ещё одно письмо.

— Сможешь ему это сказать? — резко спросила Мэри. — Скажи ему, что он даром тратит время. Или вон той женщине — видишь, которая стоит на коленях, молится? Сможешь ей сказать? Избавить её от иллюзий? Вера в то, что те, которых они любят, где-то продолжают жить — это для них большое утешение.

Понтер покачал головой.

— Эта вера — *причина* того, что случилось. Единственный способ почтить память мёртвых — сделать так, чтобы никто больше не становился мёртвым преждевременно.

— Ну, хорошо, — в голосе Мэри послышался гнев. — Тогда иди. Иди скажи им.

Понтер повернулся и посмотрел на глексенов и их эбеновые отражения в стене. Его народ практически никогда не отнимает чужую жизнь, а народ Мэри делает это так часто и так много. Наверняка эта их вера в Бога как-то связана с их готовностью убивать.

Он шагнул вперёд, но…

Но сейчас, сию минуту, эти люди не выглядели злыми и кровожадными и готовыми убивать. Прямо сейчас на их лицах была печаль — такая невообразимая печаль…

Мэри всё ещё злилась на него.

— Давай, — говорила она, маша рукой. — Чего встал? Иди скажи им.

Понтер подумал о том, какая печаль снедала его, когда умерла Класт. И всё же…

И всё же эти люди — странные, невозможные глексены — находили утешение в своей вере. Он смотрел на фигуры людей у стены, которых агенты заставляли держаться в отдалении. Нет, нет, он не скажет скорбящим людям, что их любимые ушли без возврата. В конце концов, не эти люди отправили их умирать.

Понтер повернулся к Мэри.

— Я понимаю, что вера даёт утешение, но… — Он мотнул головой. — Но как разорвать этот цикл? Бог делает убийство лёгким, Бог даёт утешение после. Как не дать этому повторяться снова и снова?

— Я не знаю, — сказала Мэри.

— Вы должны сделать *что-то*, — сказал Понтер.

— Я молюсь, — ответила Мэри.

Понтер поглядел на неё, потом на скорбящих людей, потом снова повернулся к Мэри, взял её за руку, глядя в землю, не в силах смотреть ни на неё, ни на тысячи имён.

— Если бы была хоть малейшая вероятность, что это поможет, — тихо сказал он, — я бы молился вместе с тобой.

Глава 23

— Потрясающе, — сказал Журард Селган. — Потрясающе.

— Что? — в голосе Понтера слышалось раздражение.

— Ваше поведение у монумента в память о погибших в юго-восточном Галасое глексенах.

— И что же в нём такого потрясающего? — спросил Понтер. Его голос был резок, словно у человека, который пытается говорить в то время, как ему отдирают бинт от раны.

— Это ведь был не первый раз, когда ваши убеждения — наши *общие убеждения — вошли в конфликт с убеждениями глексенов. Не так ли?*

— Разумеется.

— В самом деле, — продолжал Селган, — подобные конфликты должны были возникать ещё в ходе вашего первого визита.

— Возможно.

— Вы не приведёте пример? — попросил Селган.

Понтер сложил руки на груди.

— Ну хорошо, — сказал он зловеще, будто имея в виду «ты сам напросился». — Я упоминал об этом в самом начале: среди глексенов бытует стран-

ное убеждение в том, что вселенная существует ограниченное время. Они ошибочно интерпретируют красное смещение как свидетельство расширения вселенной; они не понимают, что масса может зависеть от времени. Больше того, они считают, что фоновое космическое излучение микроволнового диапазона — это эхо того, что они называют «большим взрывом», породившим вселенную.

— Похоже, им нравятся всякие взрывающиеся штуки, — заметил Селган.

— Без сомнения. Но, конечно же, однородность фонового излучения объясняется многократным поглощением и переизлучением электронов, захваченных сжимающими плазму магнитными вихревыми волокнами.

— Уверен, что так оно и есть, — сказал Селган, признавая, что Понтеру лучше знать о таких вещах.

— Так оно и есть, — повторил Понтер. — Но я не спорил с ними на этот счёт. Во время моего первого визита Мэри сказала: «не думаю, что ты многих сможешь убедить в том, что большого взрыва не было». И я ей ответил, что ничего страшного; я сказал: «Ваша потребность в убеждении других в своей правоте, я полагаю, тоже

уходит корнями в религию; я же доволен уже тем, что сам знаю, что прав, даже если другие об этом не знают».

— О, — сказал Селган. — И вы в самом деле так чувствуете?

— Да. Для глексенов знание — это битва! Война за территорию! Знаете, у них, чтобы получить звание, эквивалентное нашему «учёный», нужно защитить *диссертацию. Именно так это и называется: защитить! Но быть учёным — это не значит оборонять свою точку зрения от всех проходящих, это значит быть гибким и открытым и ценить истину независимо от того, кто её обнаружил.*

— Согласен, — сказал Селган. Он немного помолчал, потом продолжил: — Но вы не особенно много времени тратили на то, чтобы выяснить, нет ли в верованиях глексенов в жизнь после смерти какого-нибудь рационального зерна.,

— Это не так. Я дал Мэри массу возможностей продемонстрировать мне доказательства их утверждений.

— В смысле, до того эпизода с мемориалом?

— Да. Но у неё ничего нет!

— И вы, как в случае с финитной космологией, просто бросили это дело, удовлетворившись тем,

что вам-то известна истина?

— Да. То есть…

Селган вскинул бровь.

— То есть?

— То есть, да, конечно, я спорил с ней относительно веры в послежизнь. Но это другое.

— Не такое, как вопросы космологии? Почему?

— Потому что от этого слишком многое зависит.

— Разве от вопросов космологии не зависит судьба всей вселенной?

— Я хочу сказать, это не какой-то абстрактный вопрос. Это было… это есть *— корень всего.*

— Почему?

— Потому что… потому что… хрящ, я не знаю почему. Просто это казалось до ужаса важным. В конце концов, по этой причине они сражаются во всех этих войнах.

— Понимаю. Но я также понимаю, что это основа всех их верований; это нечто такое, с чем — и вы должны были это прекрасно понимать — не так просто расстаться.

— Полагаю, что так.

— И, несмотря на это, вы продолжали настаивать.

— Ну… да.

— Почему?

Понтер пожал плечами.

— Хотите услышать мою догадку? — спросил Селган.

Понтер пожал плечами ещё раз.

— Вы не оставляли эту тему, потому что сами хотели выяснить, нет ли за этими верованиями чего-то рационального. Возможно, Мэре и другие глексены просто скрывают от вас правду. Возможно, есть какие-то доказательства, которые она вам откроет, если вы продолжите спрашивать.

— Не могут быть доказательств для того, что не существует, — сказал Понтер.

— Разумеется, — ответил Селган. — Но вы пытались или убедить их в своей правоте, или заставить их *убедить в их правоте* вас.

Понтер покачал головой.

— Это было безнадёжно, — сказал он. — Эта их идея о душе просто смешна.

— Душе? — переспросил Селган.

— Нематериальной часть чьей-то сущности, которая, как они полагают, бессмертна.

— Ах. И вы говорите, что эта идея смешна?

— Конечно.

— Но они, разумеется, имеет право её придер-

живаться, не так ли?

— Полагаю, что так.

— Точно так же, как и своих странных космологических построений?

— Наверное.

— И всё же мимо концепции загробной жизни вы спокойно пройти не смогли, не так ли? Даже после того, как вы покинули мемориальную стену, вы пытались прояснить этот вопрос. Пытались?

Понтер смотрел в сторону.

* * *

Когда опасность закрытия портала миновала, по крайней мере, на какое-то время — не закроют же его неандертальцы, когда дюжина их наиболее ценных граждан находится по эту сторону — Джок Кригер решил вернуться к своим прерванным исследованиям.

На своём черном «BMW» он оправился из Сибриз в Речной кампус Рочестерского университета, расположенный на берегу реки Дженези. Когда он занимался обустройством «Синерджи Груп» в городе, ему достаточно было сделать несколько звонков, чтобы обеспечить своей команде приоритетный доступ к фондам университет-

ской библиотеки. Джок припарковал машину на Уилмот-Лот и вошёл в здание из коричневого кирпича, в котором располагалась научно-техническая библиотека им. Карлсона, названная в честь Честера Ф. Карлсона, изобретателя ксерографии. Журнальный зал, как было известно Джоку, располагался на втором этаже. Он предъявил университетскую VIP-карту библиотекарю, маленькой плотной негритянке в красной косынке. Он сказал ей, что ему нужно, и она уковыляла во тьму хранилища. Джок, чтобы не терять время, вытащил наладонник и просмотрел публикации сегодняшних «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост».

Минут через пять библиотекарша вернулась с заказанными Джоком тремя старыми журналами: одним номером «Earth and Planetary Science Letters» и двумя номерами «Нейчур», в которых, как выяснилось в результате поисков по Сети, публиковались статьи по быстрой смене магнитной полярности за авторством Коу et al.

Джок нашёл незанятую кабинку и устроился в ней. Первым делом он достал из кейса свой «HP CapShare» — ручной сканер на батарейках. Он провёл сканером по страницам с интересующими его статьями, получив изображения с

разрешением 200 точек на дюйм, достаточным для автоматического распознавания. Джок улыбнулся портрету Честера Карлсона, висящему на стене неподалёку от его кабинки — он пришёл бы в восторг от этой компактной машинки.

После этого Кригер приступил к чтению статей. В оригинальной статье, той, что в «Earth and Planetary Science Letters», самым интересным оказалось признание самими авторами того, что полученные результаты противоречат житейской логике, которая подсказывала, что коллапс магнитного поля должен занимать тысячи лет. Однако похоже, что такая уверенность базировалась не столько на установленных научных фактах, сколько на общем ощущении того, что магнитное поле Земли — вещь тяжеловесная и инертная и поэтому просто не может взять и перевернуться с ног на голову.

Однако Коу и Превó обнаружили свидетельства чрезвычайно быстрого коллапса. Их исследование касалось лавовых потоков на горе Стинс-Маунтин в южном Орегоне, где в эпоху реверсирования магнитного поля произошло пятьдесят шесть извержений, каждое из которых стало как бы стоп-кадром события. Хотя им не удалось измерить интервал между двумя после-

довательными извержениями, им было известно, сколько времени требовалось лаве после каждого извержения, чтобы остыть до точки Кюри, когда намагничивание образовавшейся горной породы застывает в положении, соответствующем текущей ориентации и напряжённости геомагнитного поля. В статье высказывалось предположение, что поле исчезло всего за несколько недель, а не постепенно в течение тысяч лет.

Джок прочитал статью в «Нейчур» тех же авторов и критическую статью некоего Рональда Т. Меррилла, которая, похоже, сводилась к тому, что сам Меррилл называл «принципом наименьшего удивления», который догматически утверждал, что проще посчитать, что Коул и Прево ошиблись, чем допустить, что они сделали замечательное открытие, даже если найти изъян в их исследовании и не удаётся.

Джок Кригер откинулся на спинку библиотечного кресла. Похоже, что Понтер говорил правду тому канадскому правительственному геологу.

А это означает, осознал Джок, что времени терять нельзя.

Глава 24

Палеоантропологическое общество собирается каждый год, попеременно совмещая свои собрания с собраниями Ассоциации американских археологов или Американской ассоциации физической антропологии. В этом году была очередь археологов, и собрание проходило в отеле «Краун-плаза» на Франклин-сквер.

Формат был очень простой: непрерывная цепочка выступлений, состоящих из пятнадцатиминутных презентаций. Лишь изредка выделялось время для вопросов: Джон Йеллен, президент общества, требовал соблюдения регламента с пунктуальностью Филеаса Фогга[79].

По окончании первого дня заседаний многие палеоантропологии собрались в баре отеля.

— Я уверена, что они будут рады возможности пообщаться с тобой в неформальной обстановке, — сказала Мэри Понтеру в коридоре, ведущем к бару. — Может, зайдём?

Рядом с ними стоял агент ФБР, один из тех, что тенью сопровождали их в течение всего путе-

---

[79] notes: 79
Персонаж книги Жюля Верна «Вокруг света за восемьдесят дней».

шествия.

Понтер раздул ноздри.

— В том помещении курят.

Мэри кивнула.

— Слава богу, в большинстве юрисдикций курить теперь можно только в барах — а в Оттаве и кое-где ещё даже в барах уже нельзя.

Понтер нахмурился.

— Жаль, что это собрание происходит не в Оттаве.

— Я понимаю. Если ты не можешь этого вытерпеть, мы туда не пойдём.

Понтер подумал.

— За то время, что я здесь, мне в голову приходило множество идей изобретений, по большей части совершенствующих существующие глексенские технологии. Но я подозреваю, что самым полезным из них станут специальные носовые фильтры, которые избавят мой народ от необходимости постоянно обонять здешние запахи.

Мэри кивнула.

— Я и сама не люблю табачный запах. И всё же…

— Думаю, я как-нибудь переживу, — сказал Понтер.

Мэри обернулась к агенту ФБР.

— Карлос, может, выпьете что-нибудь?

— Я на службе, мэм, — сухо ответил он. — Но вы с посланником Боддетом вольны делать, что хотите.

Мэри вошла в бар первой. В помещении с покрытыми деревянными панелями стенами царил полумрак. Примерно с дюжину учёных сидели на табуретах возле барной стойки, и три меньших группы кучковались вокруг столиков. Укреплённый под самым потолком телевизор показывал одну из серий «Сайнфелда». Мэри её сразу узнала: та, где Джерри оказывается ненавистником дантистов. Она уже готова была шагнуть вперёд, как почувствовала руку Понтера у себя на плече.

— Разве это не символ твоего народа? — спросил он.

Мэри проследила за направлением его другой руки: там на стене висела светящаяся реклама «молсон-канэйдиэн»[80]. Понтер не мог прочитать слов, но узнал большой красный кленовый лист.

— Ага, — сказала Мэри. — Здесь Канада более всего знаменита своим пивом. Это такой напиток из продуктов брожения зерна.

Понтер подмигнул.

---

[80] notes: 80
Марка канадского светлого пива.

— Ты им, должно быть, очень гордишься.

Мэри подвела его к одной из меньших групп, сидящих вокруг круглого стола.

— Карлос, ты не возражаешь? — спросила она у эфбээровца.

— Я присяду вон там, хорошо? — сказал тот. — Сегодня я уже наслушался про окаменелости больше, чем достаточно. — Он подошёл к бару и сел на табурет, но развернулся лицом к залу, а не к бармену.

Мэри повернулась к столу.

— Разрешите присоединиться?

Трое сидящих за столом людей — двое мужчин и женщина — были поглощены оживлённой беседой, но, взглянув на них, тут же узнали Понтера.

— Господи, да конечно! — воскликнул один из мужчин. У стола стоял один пустой стул; он быстро притащил ещё один от соседнего.

— Чем обязаны таким удовольствием? — спросил второй мужчина, когда Мэри и Понтер уселись.

Мэри подумала, не сказать ли часть правды: за этим столиком и поблизости от него никто не курил, а стулья стояли таким образом, что вокруг стола больше не оставалось места — она

не хотела, чтобы Понтера окружила толпа. Но вторую часть правда она озвучивать не собиралась, а она состояла в том, что Норман Тьерри, напыщенный самопровозглашённый эксперт по неандертальской ДНК из UCLA, сидел на другом конце помещения. Он наверняка помирал от желания познакомиться с Понтером, но теперь ему этого не удастся.

Однако в конце концов Мэри решила просто пропустить вопрос мимо ушей.

— Это Генри Бегущий Олень, — сказала она, указывая на мужчину-индейца лет сорока. — Работает в Университета Брауна.

— Работал, — поправил её Генри. — Перебираюсь в Чикагский.

— Вот как? — сказала Мэри. — А это, — она указала на светлокожую женщину лет тридцати пяти, — Анджела Бромли из Американского музея естественной истории в Нью-Йорке.

Ангела протянула правую руку.

— Очень рада познакомиться, доктор Боддет.

— Понтер, — сказал Понтер, который уже догадался, что в этом обществе не принято обращаться к человеку по имени, пока он не предложит этого сам.

— А это мой муж Дитер, — сказала Анджела.

— Здравствуйте, — сказали Мэри и Понтер одновременно. Потом Мэри продолжила: — Вы тоже антрополог?

— Нет-нет-нет, — сказал Дитер. — Алюминиевый сайдинг.

Понтер взглянул на него, наклонив голову.

— Вы это хорошо скрываете.

Мэри рассмеялась, глядя на сбитые с толку лица остальных.

— Вы привыкнете к его чувству юмора.

Дитер поднялся на ноги.

— Давайте я вас чем-нибудь угощу. Мэри — что будете пить? Вино?

— Белое вино, спасибо.

— Понтер?

Понтер задумался, явно не зная, чего попросить. Мэри склонилась к нему.

— В барах всегда есть «кока-кола», — сказала она.

— «Кока-кола»! — радостно воскликнул Понтер. — Да, конечно.

Дитер ушёл. Мэри взяла несколько печенюшек из деревянной плошки в центре стола.

— Итак, — сказала Анджела, обращаясь к Понтеру, — надеюсь, вы не возражаете против пары вопросов. Вы поставили то, чем мы занимаемся,

с ног на голову.

— Я не специально, — сказал Понтер.

— Разумеется, — усмехнулась Анджела. — Но всё, что мы слышим о вашем мире, противоречит тому, что мы, как нам казалось, знаем.

— К примеру? — сказал Понтер.

— Ну, скажем, говорят, что ваш народ не занимается сельским хозяйством.

— Это так, — сказала Понтер.

— Мы всегда считали, что сельское хозяйство — необходимая предпосылка для развитой цивилизации, — Анджела отхлебнула из своего стакана.

— Почему? — спросил Понтер.

— Ну-у… — сказала Анджела, — видите ли, мы считали, что только сельское хозяйство может обеспечить надёжный источник пищи, который позволил бы людям заняться другими делами: стать учителями, строителями, чиновниками и так далее.

Понтер медленно покачал головой, словно ошеломлённый услышанным.

— В нашем мире есть люди, которые решили жить простой жизнью, как жили наши предки. Как по-вашему, сколько времени у одного такого лица… — Мэри знала, что в языке Понтера имеет-

ся гендерно-нейтральное местоимение третьего лица; вероятно, это его Хак попытался таким образом перевести, — …уходит на то, чтобы прокормить себя и тех, кто от него зависит?

Ангела слегка пожала плечами.

— Думаю, немало.

— Напротив, — сказал Понтер. — Совсем немного, если количество зависимых лиц невелико. Заботы о пропитании занимают примерно девять процентов времени. — Он остановился, то ли подсчитывая в уме, то ли дожидаясь, пока Хак произведёт пересчёт. — Где-то шестьдесят часов в месяц.

— Шестьдесят часов в *месяц,* — повторила Анджела. — Это будет — Боже, всего пятнадцать часов в неделю!

— Неделя — это семь дней? — спросил Понтер, глядя на Мэри. Та кивнула. — Да, всё верно, — подтвердил Понтер. — Остальное время может быть посвящено другим занятиям. У нас с самого начала было много свободного времени.

— Понтер прав, — сказал Генри Бегущий Олень. — Пятнадцать часов в неделю — это средняя занятость представителей племён охотников и собирателей и на нашей Земле в наше время.

— Правда? — удивилась Анждела, отставляя

стакан.

Генри кивнул.

— Сельское хозяйство было первым людским занятием, в котором результат был пропорционален затраченным усилиям. Если вы пашете поле восемьдесят часов в неделю, то вспашете вдвое больше, чем если бы пахали сорок. В охоте и собирательстве всё не так: если вы станете охотиться полный день, то перебьёте всю дичь на своей территории. В этом деле трудовой героизм контрпродуктивен.

Вернулся Дитер; он поставил стаканы перед Мэри и Понтером и сел на своё место.

— Но как можно жить осёдло без сельского хозяйства? — спросила Анджела.

Генри нахмурился.

— Вы что-то совсем не то говорите. Люди начали жить осёдло задолго до сельского хозяйства, ещё будучи охотниками и собирателями.

— Но… да нет же, я ж ещё со школы помню…

— А в вашей школе много было учителей-индейцев? — ледяным тоном спросил Генри Бегущий Олень.

— Не было совсем, но…

Генри взглянул на Понтера, потом на Мэри.

— Белые редко в этом разбираются, но, тем не

менее, это так. Охотники и собиратели живут осёдло. Чтобы жить с земли таким образом, её нужно знать досконально: какие растения где растут, куда животные ходят на водопой, где птицы гнездятся и когда откладывают яйца. Нужна целая жизнь, чтобы изучить свою территорию по-настоящему. Переехать в другое место означает просто выбросить весь этот приобретённый тяжким трудом опыт.

Мэри вскинула бровь.

— Но земледельцы тоже вынуждены пускать корни… во всех смыслах.

Генри не оценил игры слов.

— На самом деле это земледельцы ведут кочевую жизнь, если рассматривать жизнь многих поколений. Охотники и собиратели ограничивают размер своих семей; чем больше лишних ртов, тем больше приходится работать взрослым. Но земледельцам большая семья выгодна: каждый ребёнок — это лишняя пара рук на поле, и чем больше у тебя детей, тем меньше тебе приходится работать самому.

Понтер слушал с явным интересом; его транслятор несколько раз издавал тихий гудок, но в целом он, похоже, не испытывал затруднений.

— Звучит логично, — согласилась Анджела не

без сомнения в голосе.

— Ещё бы, — сказал Генри. — Но когда отпрыски земледельца подрастают, они должны уходить на новые места и заводить собственные хозяйства. Спросите фермера, где жил его прапрадед, и он наверняка назовёт какое-то далёкое место; спросите охотника-собирателя, и он ответит «здесь».

Мэри вспомнила о собственных родителях, живущих в Калгари; дедушек и бабушек из Англии, Ирландии и Уэльса — чёрт, а ведь она не имеет ни малейшего понятия, где жили её прадедушки и прабабушки, не говоря уж про прапрадедушек…

— Территорию, с которой кормишься, так просто не бросишь, продолжал Генри. — Вот почему охотники-собиратели так уважают своих стариков.

Мэри тут же вспомнила, как Понтер посчитал глупостью то, что она подкрашивает волосы.

— Расскажите поподробнее, — попросила она Генри.

Генри отхлебнул из своей кружки.

— Земледельцы ценят молодость, потому что занятие земледелием требует грубой силы. Но охота и собирательство требуют знаний. Чем больше лет ты можешь вспомнить, тем легче подмечаешь закономерности, тем лучше знаешь

свою территорию.

— Мы *очень* уважаем своих старших, — сказал Понтер. — Их мудрость не заменить ничем.

Мэри кивнула.

— На самом деле, мы знали об этой особенности неандертальцев, — сказала она. — На основании ископаемых свидетельств. Я только не могла понять, почему.

— Я специализируюсь по австралопитекам, — сказала Анджела. — Какие свидетельства вы имеете в виду?

— У экземпляра, найденного в Ла-Шапель-о-Сен, был паралич и артрит, и сломанная челюсть, и не было большинства зубов. Очевидно, о нём заботились в течение многих лет; в таком состоянии он не мог бы выжить сам. Вероятно, даже еду кто-то для него жевал. Но ему было сорок, когда он умер — глубокий старик по стандартам тех лет, когда большинство людей умирало, едва перевалив за двадцать. Каким кладезем знаний об охотничьей территории своего племени он должен был казаться соплеменникам! Десятилетия опыта! То же самое и с находкой в Шанидарской пещере в Ираке. Бедолаге тоже было за сорок, и он был в ещё худшей форме, чем лашапельский: слепой на левый глаз и без правой руки.

Генри насвистел несколько нот. Мэри понадобилась секунда, чтобы узнать их: главная тема из «Человека за шесть миллионов[81]». Она улыбнулась и продолжила:

— За ним тоже ухаживали, и не из жалости, а потому что настолько старый человек — это настоящий клад охотничьих знаний.

— Может, и так, — не сдавалась Анджела, — но всё же именно земледельцы строили города и развивали технологии. В Европе, в Египте — в местах, где люди пахали землю, города существуют уже тысячи лет.

Генри Бегущий Олень взглянул на Понтера, словно в поисках поддержки. Понтер лишь склонил голову, отдавая ему слово.

— Вы считаете, что у европейцев были технологии — металлургия и всё такое — а у индейцев их не было из-за какого-то их внутреннего превосходства? — спросил Генри. — Вы так думаете?

— Нет-нет, — ответила несчастная Анджела. — Нет, конечно. Но…

— Европейцам их технологии достались исключительно в силу удачного стечения обстоятельств. — Руды поверхностного залегания,

---

[81] notes: 81
См. примечание [161] [broken link: #id20150414092305_161].

кремень для каменных орудий. Никогда не пытались оббивать гранит, который только и можно найти в здешних местах? Наконечники стрел из него получаются преотвратнейшие.

Мэри надеялась, что Анджела не станет развивать тему дальше, но тщетно.

— У европейцев были не только инструменты. Они оказались достаточно умны, чтобы одомашнить животных, чтобы те работали за них. У индейцев вообще не было домашних животных.

— Индейцы никого не одомашнили, потому что им некого было одомашнивать, — сказал Генри. — На всей нашей планете лишь четырнадцать видов крупных травоядных, пригодных для одомашнивания, и лишь один из них — северный олень — встречается в Северной Америке, да и то на крайнем севере. Пять видов чисто евразийского происхождения: овцы, козы, коровы, кони и свиньи. Ещё пять, как, например, верблюды — распространены ограничено и географически изолированы. Вы не можете одомашнивать американскую мегафауну: лося, медведя, вапити, бизона, пуму. Их темперамент просто не подходит для одомашнивания. Вы можете поймать их живьём, но не можете вырастить в неволе, и они не станут носить седока, что бы вы с ними

ни делали. — Тон Генри становился всё холоднее. — Европейцы получили то, что имели не благодаря превосходящему интеллекту. По сути, наоборот, можно утверждать, что мы, аборигены Северной Америки, продемонстрировали больше ума и смекалки, выживая здесь *без* металлов и пригодных для одомашнивания животных.

— Но ведь среди аборигенов… ну, то есть, индейцев были и земледельцы, — сказала Анджела.

— Были, а как же. Но что они выращивали? По большей части кукурузу — потому что она здесь была. А у кукурузы очень низкое содержание белка по сравнению со злаковыми, которые все происходят из Евразии.

Анджела посмотрела на Понтера.

— Но… неандертальцы: ведь они появились в Европе, а не в Америке.

Генри кивнул.

— И у них были великолепные каменные орудия — мустьерская каменная индустрия.

— Однако они не одомашнивали животных, хотя, как вы говорите, в Европе пригодных для этого животных было полно. И они ничего не выращивали.

— Алло! — сказал Генри. — Земля вызывает Анджелу! *Никто* не одомашнивал животных,

когда на Земле жили неандертальцы. И никто ничего не выращивал — ни предки Понтера, ни наши с вами. Это началось много позже, когда неандертальцы уже вымерли — по крайней мере, в нашей версии истории. Кто знает, что бы они делали, если бы не вымерли?

— Я, — ответил Понтер.

Мэри рассмеялась.

— Хорошо, — сказал Генри. — Тогда рассказывайте. Ваш народ так и не изобрёл земледелия, правильно?

— Правильно, — ответил Понтер. Генри кивнул.

— Наверно, это и к лучшему. Земледелие тянет за собой много плохих вещей.

— Например? — Мэри постаралась, чтобы сейчас, когда Генри малость успокоился, в её вопросе прозвучало бы простое любопытство, а не желание возразить.

— Ну, — сказал Генри, — я уже намекнул на перенаселение. Негативное влияние на природу тоже очевидно: леса вырубаются, чтобы на их месте устроить поля. Плюс, разумеется, болезни, которые мы получили от одомашненных животных.

Мэри увидела, как Понтер кивнул. Про это он

слышал ещё в Садбери от Рубена Монтего.

Дитер, который для торговца сайдингом оказался весьма сообразителен, кивнул.

— И ведь бывают не только телесные болезни, ещё и культурные. Взять, к примеру, рабство: прямое следствие нужды земледельцев в рабочей силе.

Мэри взглянула на Понтера, чувствуя себя очень неуютно. Это было второе упоминание о рабстве за время их пребывания в Вашингтоне. Мэри знала, что когда-нибудь ей придётся объяснить…

— Всё верно, — сказал Генри. — Бóльшая часть рабов трудилась на плантациях. И даже если вы не практикуете рабство в узком смысле, сельское хозяйство порождает массу похожих явлений: издольничество, пеонаж и так далее. Не говоря уж о классовом расслоении, феодализме, частной собственности на землю и прочем; всё это прямое следствие сельского хозяйства.

Анджела поерзала на стуле.

— Но даже если говорить только об охоте, археологические свидетельства говорят, что наши предки в этом деле были гораздо лучше неандертальцев, — сказала она.

Пока речь шла о земледелии и феодализме, Пон-

тер выглядел несколько потерянно, но последнее заявление Анджелы он явно отлично понял.

— Каким образом? — спросил он.

— Ну, — сказала Анджела, — приёмы охоты ваших предков не выглядят особо эффективными.

Понтер нахмурился.

— В каком смысле?

— Неандертальцы убивали по одному животному за раз. — Очевидно, произнеся эти слова, Анджела сразу поняла, что совершает ошибку. Бровь Понтера взлетела вверх.

— А как охотились ваши предки?

Анджеле явно было неловко.

— Ну, они… в общем, они загоняли целое стадо животных на обрыв и… вынуждали их прыгать, и таким образом убивали сотни животных за раз.

Золотистые глаза Понтера округлились.

— Но это… это так… расточительно, — сказал он. — Очевидно ведь, что даже большая группа людей не сможет съесть всё это мясо. И потом, такой способ охоты выглядит каким-то… трусливым.

— Я… никогда не смотрела на это под таким углом, — Анджела покраснела. — Ну, то есть, мы считаем безрассудством подвергать себя ненужному риску, так что…

— Вы прыгаете с самолётов, — сказала Понтер. — Ныряете с утёсов. Превратили драки в организованный спорт. Я видел по телевизору.

— Не *каждый* занимается такими вещами, — мягко напомнила ему Мэри.

— Ладно, — согласился Понтер, — но вдобавок к рискованным видам спорта широко распространены и другие виды безрассудного поведения. — Он обвёл рукой бар. — Курение табака, питьё алкоголя, причём, насколько я могу понять, — он кивнул в сторону Генри, — и то и другое является продуктом сельского хозяйства. Несомненно, эти занятия являются «ненужным риском». Как вы можете убивать животных таким трусливым способом, и при этом так рисковать своим… О! Подождите. Понимаю. Кажется, понимаю.

— Что? — спросила Мэри.

— Да, что? — спросил Генри.

— Сейчас, сейчас, — ответил Понтер, явно преследуя ускользающую мысль. Через несколько мгновений он кивнул, видимо, поймав то, за чем гнался. — Вы, глексены, пьёте алкоголь, курите и занимаетесь опасными видами спорта для того, чтобы продемонстрировать свои избыточные возможности. Вы будто говорите окружающим: смотрите, сейчас, во времена изобилия, я су-

щественно снижаю свою эффективность, и всё равно функционирую удовлетворительно. Тем самым вы даёте понять потенциальному партнёру по размножению, что сейчас вы не на пике своих возможностей, но что в трудные времена вы сможете оставаться хорошим добытчиком за счёт мобилизации внутренних резервов.

— Правда? — сказала Мэри. — Очень интересная трактовка.

— И такое поведение мне понятно, потому что мы, в сущности, занимаемся тем же самым — только по-другому. Когда мы охотимся…

Мэри осенило в одно мгновение.

— Во время охоты, — прервала она Понтера, — вы *не* выбираете лёгких путей. Вы не загоняете животных на скалу, не бросаете в них копья с безопасного расстояния, как делали мои предки, но не твои, по крайней мере, на этой версии Земли. Нет, ваш народ предпочитает сойтись с животным вплотную, победить его один на один, и вогнать в него копьё собственной рукой. Да, думаю, по большому счёту это то же самое, что и курение и пьянство — смотри, дорогая, я добыл ужин голыми руками, так что если дела пойдут плохо, я стану охотиться более эффективным способом, и нам всё равно не придётся голодать.

— Точно так, — сказал Понтер.

Мэри кивнула.

— В этом есть своя логика. — Она указала на худого человека, сидящего на другом конце бара. — Эрик Тринкаус, вон тот, обнаружил, что многие ископаемые скелеты неандертальцев демонстрируют повреждения, типологически схожие с травмами ковбоев на родео, когда конь сбрасывает их на землю, что подразумевает схватку врукопашную.

— О да, так и есть, — закивал Понтер. — Меня самого пару раз мамонт кинул так, что…

— *Кто?* — прервал его Генри.

— Мамонт во время охоты…

— *Мамонт?* — в полном изумлении воскликнула Анджела.

Мэри ухмыльнулась.

— Я гляжу, мы ещё долго не разойдёмся. Давайте-ка теперь я всех угощу…

Глава 25

— Прошу прощения, посол Прат, — сказал молодой служитель, входя в комнату отдыха в здании Объединённых Наций. — Вам пришёл диппакет из Садбери.

Тукана Прат оглядела десять выдающихся неандертальцев, которые расселись в креслах у огромного окна или разлеглись на полу. Она вздохнула.

— Дождались, — сказала она им по-неандертальски, потом через посредство компаньона поблагодарила служителя и взяла у него кожаный футляр с оттиснутым на нём канадским гербом.

Внутри была бусина памяти. Тукана открыла крышку своего компаньона и вставила бусину. Она приказала компаньону проиграть сообщение через внешние динамики, чтобы его могли услышать все присутствующие.

— Посол Тукана Прат, — произнёс рассерженный голос советника Бедроса, — тому, что вы совершили, не может быть оправдания. Я — то есть, мы, Верховный Серый совет — настаиваем на том, чтобы вы и те, кого вам удалось одурачить,

немедленно вернулись домой. Мы, — он помедлил, и Тукане показалось, что она расслышала, как он сглотнул, словно пытаясь успокоиться, — мы весьма обеспокоены их безопасностью. Их вклад в благосостояние общества не поддаётся исчислению. Вы и они обязаны вернуться в Салдак немедленно по получению этого сообщения.

Лонвес Троб покачал своей лысой головой.

— Самонадеянный молокосос…

— Я так понимаю, они не решатся закрыть портал, пока мы не вернёмся, — сказала Дерба Жонк, специалист по стволовым клеткам.

— В этом мы можем быть уверены, — улыбаясь, сказал Дор Фаррер, поэт.

Тукана кивнула.

— Я хочу ещё раз поблагодарить вас всех за то, что согласились явиться со мной сюда. Как я поняла, никто не собирается выполнять просьбу советника Бедроса?

— Шутите? — сказал Лонвес Троб, обращая к Тукане синие искусственные глаза. — У меня такой веселухи не было уж не помню сколько.

Тукана улыбнулась.

— Хорошо, — сказала она. — Давайте согласуем расписание на завтра. Крек, вы завтра играете в видеопрограмме «Доброе утро, Америка»; они

оплатили перевозку ледового рога от портала, и да, они понимают, что его ни в коем случае нельзя размораживать. Жальск, завтра утром в Нью-Йорк для встречи с вами прибывает сборная США по кроссу, которая собирается выступать на какой-то «олимпиаде» — я пока не знаю, что это; вы с ними встречаетесь в спорткомплексе Нью-Йоркского университета. Дор, глексен по имени Ральф Вичинанца[82], чьё занятие называется «литературный агент», хочет встретиться с вами за полуденным приёмом пищи. Арбитр Харброн и учёный Клемелк, вы завтра днём читаете лекции в Колумбийской школе права. Борл, вы и представитель ООН примете участие в программе под названием «Позднее шоу с Дэвидом Леттерманом», она будет записываться завтра днём. Лонвес, мы с вами завтра вечером выступаем в Роуз-Центре Земли и космоса[83]. И, конечно же, нужно будет посетить массу встреч здесь, в здании Объединённых Наций.

Кобаст Гант, эксперт по искусственному интеллекту, улыбнулся.

---

[82] notes: 82

Литагент Роберта Сойера.

[83] notes: 83

Одно из зданий Американского музея естественной истории, посвящённое астрономии и космонавтике.

— Держу пари, мой приятель Понтер Боддет рад, что мы здесь. Теперь ему станет полегче — я же знаю, что он терпеть не может быть в центре внимания.

Тукана кивнула.

— Да, после того, что с ним случилось, отдых ему не помешает…

* * *

Понтер, Мэри и вездесущий эфбээровец покинули, наконец, отельный бар и пошли к лифтам. Они были одни: никто не ожидал прибытия лифта, а ночной портье за конторкой в отдалении углубился в чтение сегодняшней «USA Today», жуя при этом яблоко «гренни-смит», которые отель предоставлял бесплатно.

— Моя смена закончилась, мэм, — сказал Карлос. — Агент Бурштейн заступил на пост на вашем этаже, он будет присматривать за вами дальше.

— Спасибо, Карлос, — сказала Мэри.

Он кивнул и проговорил в свой коммуникатор:

— Лисица и Здоровяк едут наверх.

Мэри улыбнулась. Когда ей сказали, что ФБР присвоит им кодовые имена — и это было круто — она спросила, не может ли она выбрать их сама.

Карлос сказал, снова обращаясь к ним:

— Доброй ночи, мэм. Доброй ночи, сэр.

Однако он, разумеется, не покинул отель. Лишь отступил на некоторое расстояние и стал дожидаться прихода лифта.

Мэри внезапно почувствовала, как кровь приливает к лицу, хотя и знала, что в холле на самом деле было прохладнее, чем в баре. И нет, это было не из-за того, что ей предстояло остаться с Понтером наедине в кабине лифта. Будь то незнакомец — другое дело, эта фобия, должно быть, будет теперь преследовать её до конца жизни. Но Понтер? Нет. Никогда.

И всё же Мэри ощущала тепло. Она обнаружила, что её взгляд забегал, глядя на что угодно, только не в золотистые зрачки Понтера. Она посмотрела на светящиеся указатели этажей, на которых находятся все пять лифтов; потом на объявление в рамке над кнопкой вызова, напоминающее о позднем завтраке в воскресенье; на инструкцию для пожарных.

Приехал один из лифтов, его дверцы разъехались, издав звук вроде барабанной дроби. Понтер галантно предложил Мэри войти первой, и Мэри вошла в кабину и помахала на прощание Карлосу, который с серьёзным видом кивнул.

Понтер вошёл вслед за ней и осмотрел панель управления. Он уже хорошо различал цифры — неандертальцы, может, и не изобрели алфавита, но их система счисления тоже была десятичной и включала специальный значок для нуля. Он протянул руку и нажал кнопку 12-го этажа, улыбнувшись, когда она осветилась.

Мэри хотела бы, чтобы её комната не располагалась бы на том же этаже. Она уже рассказывала Понтеру, почему здесь нет тринадцатого этажа. Но если бы он тут был, то она, наверное, предпочла бы жить на нём. Ей всё равно — она не суеверна. Хотя, подумала она, Понтер определённо сказал бы, что это не так. С его точки зрения и вера в Бога — суеверие.

Так вот, если бы она жила на другом этаже — на *любом* другом этаже — то их расставание получилось бы коротким и любезным. Просто помахать ручкой и услышать «Увидимся завтра» от того, на чей этаж лифт прибудет первым.

Угловатая светодиодная «8» над дверями потеряла сегмент, превратившись в «9».

Но сейчас, подумала Мэри, *простым «увидимся» не обойдёшься*.

Она почувствовала, как лифт остановился, и двери разъехались в стороны. За ними ожидал

агент Бурштейн. Мэри кивнула ему. Она втайне надеялась, что он пойдёт за ними по коридору, но он, похоже, посчитал разумным остаться возле лифтов.

Итак, Понтер и Мэри шли по коридору, минуя нишу с льдогенератором, а потом комнату за комнатой, пока…

— Ну, — сказала Мэри ощущая, как забу́хало сердце, и полезла в сумочку за ключ-карточкой, — это моя.

Потом посмотрела на Понтера. А Понтер посмотрел на неё. Он никогда не доставал ключ заранее — он вспоминал о нём в самый последний момент, пришелец из мира, в котором немногие двери имеют замки, да и те открываются по сигналу с компаньона.

Понтер молчал.

— Ну так, — неловко продолжила она, — тогда спокойной ночи?

Понтер, по-прежнему молча, протянул руку и взял у неё ключ-карту. Он прижал её к замку и дождался, пока замигает светодиод. Потом он повернул ручку и широко распахнул дверь.

Мэри обнаружила, что смотрит ему через плечо, проверяя, пуст ли коридор. Конечно, там был неизменный эфбээровец. Перед ним тоже, ко-

нечно, было неловко, но, по крайней мере, это не один из палеоантропологов.

Рука Понтера тем временем медленно и плавно заскользила по руке Мэри к её плечу. Потом она так же мягко скользнула по её щеке, убирая за ухо прядь волос.

А потом это, наконец, случилось.

Его лицо приблизилось к её лицу, его губы коснулись её губ, и Мэри ощутила, как по телу растекается волна удовольствия. Его руки теперь обхватывали её, и она обхватила его, и…

Мэри не могла сказать определённо, кто кого вёл, но они, боком, словно в танце, не размыкая объятий вошли в номер, и Понтер захлопнул дверь движением ноги.

Потом Понтер резко присел и подхватил Мэри на руки, а потом понёс её, словно младенца, мимо двери в ванную к королевских размеров кровати и осторожно уложил на покрывало.

Сердце Мэри заколотилось ещё сильнее. Так оно не билось уже двадцать лет, с того первого раза с Донни, когда её родители уехали на выходные.

Понтер секунду помедлил; его руки вопросительно согнуты в локтях, будто давая ей последнюю возможность всё отменить. Мэри

едва заметно улыбнулась и потянулась к нему, обхватила за мускулистую шею и потянула к себе на кровать.

На мгновение Мэри представила себе сцену вроде тех, что она много раз видела в кино, но ни разу не испытывала в реальной жизни: как одежда магическим образом сползает с их тел по мере того, как они, сцепившись, катаются по простыням.

Но так, конечно, не бывает. Мэри вдруг осознала, что Понтер не имеет ни малейшего понятия о том, как расстёгиваются пуговицы и совершенно в них запутался, хотя ей и нравилось, как костяшки его пальцев упираются ей в грудь.

Мэри надеялась, что она сама справится лучше — во время покушения Хак объяснил ей, как расстёгиваются застёжки на неандертальской одежде. Правда, в прошлый раз она это делала при свете дня. Сейчас же они с Понтером были практически впотьмах. Никто из них не включил свет, когда они входили в номер; комната освещалась лишь светом, проникающим с улицы через окна, тяжёлые коричневые занавеси на которых не были задёрнуты.

Они перекатились так, чтобы Мэри оказалась наверху. Она подтянулась и уселась Понтеру

на грудь, а потом нащупала верхнюю пуговицу блузки. Она расстегнулась без усилий. Мэри взглянула вниз и разглядела на фоне выглядывающего из-под блузки бледного треугольника своей кожи маленькое золотое распятие — то, которое она купила взамен отданного Понтеру.

Она расстегнула вторую пуговицу, и блузка распахнулась ещё шире, открывая верхнюю часть простого белого лифчика.

Мэри взглянула на Понтера, пытаясь прочитать выражение его лица, но он смотрел на её грудь, и выступающее надбровье не давало рассмотреть глаза. Смотрит он с удовольствием, или в смятении? Она понятия не имела, насколько грудасты обычно неандертальские женщины, но если судить по Тукане Прат, у них на теле много волос, тогда как на груди Мэри волос нет вообще.

А потом, в полутьме, она услышала, как Понтер произнёс своим собственным голосом:

— Ты так прекрасна.

И Мэри ощутила, как беспокойство и неуверенность утекают из её тела. Она расстегнула оставшиеся пуговицы, а потом потянулась руками за спину и расцепила застёжку лифчика. Он соскользнул с её грудей, и руки Понтера скользнули вверх по её животу, дотянулись, накрывая

их, взвешивая в ладонях. А потом он потянул её вниз, и его широкий рот нашёл её левую грудь, и Мэри ахнула, когда вся она уместилась у него во рту, а его язык начал её поглаживать и ласкать.

А потом он переместился к правой груди, и его язык прочертил влажную полосу по ложбинке между ними, и она почувствовала, как он зажал губами правый сосок и мягко за него потянул, и Мэри ощутила, как волны электричества пробегают вверх-вниз вдоль позвоночника.

Несмотря на то, что Понтер всё ещё был полностью одет, она ощутила бёдрами его эрекцию. Ей вдруг страшно захотелось увидеть её; она уже видела его голым, когда они находились на карантине в доме Рубена Монтего, но только в спокойном состоянии. Она приподнялась на руках — её сосок выскользнул у него из губ — и сдвинулась ниже по его торсу так, чтобы руки оказались на уровне пояса. Однако тут же пришла в замешательство — она понятия не имела, как расстёгиваются его штаны. Медицинский пояс Понтер сбросил, как только они вошли в комнату, но на штанах не было никаких застёжек, хотя ткань на нужном месте выразительно оттопыривалась.

Понтер рассмеялся, протянул руку и сделал

что-то со своими штанами, отчего они внезапно перестали плотно облегать пояс. Он выгнул спину и стянул их на бёдра и…

И стало ясно, что нижнего белья неандертальцы не носят.

Он был массивный — длинный и толстый. Необрезанный, хотя головка высовывалась далеко за пределы крайней плоти. Мэри медленно провела рукой вдоль всей его длины, чувствуя, как он подрагивает в такт ударам сердца.

Потом она слезла с него и помогла полностью освободиться от штанов. Его ступни были заключены в приделанные к штанинам клапаны, стянутые ремешками в двух местах, но он быстро от них избавился. Теперь он был обнажён ниже пояса — а Мэри выше. Она свесила ноги с кровати, встала, быстро сбросила туфли, расстегнула юбку и дала ей упасть на пол. Понтер не отводил взгляда от её тела, и она видела, как его глаза округлились. Она взглянула вниз и рассмеялась: на ней были простые бежевые трусики, и при тусклом освещении казалось, что у неё там всё ровно и гладко. Она запустила большие пальцы под резинку и стянула их на пол, открыв…

Она слышала, что сейчас было модно удалять почти все лобковые волосы; однажды она слыша-

ла, как Говард Стерн[84] называл то, что при этом оставляют, «взлётной полосой». Мэри не делала ничего такого, только немного подбривала по краям, когда брила ноги, и она вдруг осознала, что Понтер впервые видит густые волосы на теле глексенской женщины. Он улыбнулся, явно обрадованный открытием, и скатился с кровати, встав рядом с ней. Потом особым образом коснулся своей рубахи, и она расползлась по швам, как на Брюсе Бэннере[85], и упала на застеленный ковром пол.

И теперь они стояли в метре друг от друга, оба полностью голые, за исключением компаньона Понтера и повязки у него на плече, там, куда попала пуля. Понтер шагнул вперёд и снова обхватил Мэри руками, и они опять повалились на кровать.

Мэри хотела ощутить его внутри себя — но не прямо сейчас, не так быстро. У них много времени, и усталость, побуждавшая поначалу Мэри сказать «спокойной ночи», испарилась без следа. Но, однако, как неандертальцы занима-

---

[84] notes: 84

Американский теле- и радиоведущий, юморист и писатель.

[85] notes: 85

Персонаж комиксов, человек, превращающийся в чудовищного монстра Халка в несколько раз больше него размером.

ются любовью? Что если что-то для них табу, а что-то они находят отвратительным? Она решила отдать инициативу Понтеру, но тот также медлил, предположительно, по той же самой причине, и в конце концов Мэри обнаружила, что делает нечто, чего она никогда раньше сама не начинала — ведёт языком вниз по мускулистому волосатому торсу Понтера через рельефные бугры его пресса. После секундной паузы, давая Понтеру возможность остановить её, если он захочет, она открыла рот и скользнула им по его пенису.

Понтер испустил довольный вздох. Мэри уже делала такое с Кольмом, но всегда без особого энтузиазма, зная, что это нравится ему, но сама не испытывая от процесса никакого удовольствия. Однако в этот раз она пожирала Понтера горячо и страстно, наслаждаясь ритмичным подрагиванием его массивного органа и солоноватым вкусом его кожи. Но она не хотела довести его таким образом до оргазма, а если он возбуждён хотя бы вполовину так, как она, то до этого было уже недалеко. Поэтому Мэри одним долгим медленным движением выпустила его пенис изо рта, посмотрела на него и улыбнулась. Он уложил её на спину и ответил тем же, его язык сразу на-

щупал её клитор и начал его ласкать быстрыми движениями. Она тихонько застонала — только потому, что специально старалась стонать громко. Понтер попеременно то быстро двигал языком вверх-вниз, то покусывал её половые губы.

Мэри испытывала наслаждение от каждой секунды, но не хотела от этого кончить, не в первый раз с ним. Она хотела ощутить его *внутри* себя. Понтер, похоже, думал о том же самом, потому что поднял голову и посмотрел на неё — его борода влажно поблёскивала в полумраке.

Она ожидала, что он просто надвинется на неё и войдёт в неё в процессе, но вместо этого он внезапно перевернул её на живот. Мэри снова ахнула, в этот раз от неожиданности. Она никогда раньше не пробовала анальный секс и не была уверена, что хочет пробовать его сейчас. Но руки Понтера вдруг скользнули по её ягодицам, поднырнули под неё и резко потянули вверх, так что она оказалась на четвереньках, а потом его длинный пенис вошёл в её вагину сзади. Мэри крякнула, принимая его в себя, но была в то же время обрадована, что он не стал исследовать неосвоенные территории. Его руки заскользили дальше и накрыли её груди, а он тем временем ритмично задвигался взад-вперёд. Мэри пару раз

пробовала раньше по-собачьи, но Кольму явно недоставало длины, чтобы доставить ей удовольствие в такой позиции. Однако Понтер…

Понтер был великолепен!..

Представляя себе этот момент — и одновременно каждый раз пытаясь прогнать эти фантазии прочь — она всегда видела их делающими это в миссионерской позиции — его рот лобзает её губы в то время, как пенис бьётся в неё, словно перфоратор. Однако…

Однако эта позиция не просто так зовётся миссионерской; даже на этой Земле её предпочитают далеко не все.

Понтер, очевидно, думал о том же самом. Он говорил тихо, и Хак переводил его слова так же тихо. Однако от осознания того, что компаньон воспринимает происходящее во всей его полноте, у Мэри всё сжалось внутри. Она никогда не занималась сексом в присутствии кого-то третьего и дважды сумела переубедить Кольма, когда он заговаривал о том, чтобы заснять процесс на видео.

— У вас это так делают? — тихо произнёс Хак от имени Понтера.

Мэри попыталась выбросить мысль о Хаке из головы и ответила:

— Обычно мы это делаем лицом к лицу.

— О, — сказала Понтер, и Мэри почувствовала, как он выходит из неё. Она подумала, что он собирается просто перевернуть её на спину, но он встал рядом с кроватью и протянул к ней руку. Мэри недоумённо взяла его за руку, и он поднял с кровати и её — его твёрдый пенис упёрся в её мягкий живот. Он опустил руки, взял обе её ягодицы в свои широченные ладони и приподнял её над полом. Ноги Мэри будто сами собой разошлись и обхватили его вокруг пояса, и он опустил её прямо на свой пенис и практически без усилий начал двигать её вверх-вниз. Их губы соединились в поцелуе, её сердце стучало, его грудь вздымалась, и Мэри, задрожав всем телом и уже не в силах сдерживать стон, кончила, а Понтер тем временем ещё более ускорил ритм своих толчков, и Мэри немного отстранилась от него и глядела в его лицо, в его прекрасные золотистые глаза, которые он не отводил от неё, на его сотрясаемое оргазмом тело. И, наконец, они без сил повалились на кровать, она прижимала к себе его, а он — её.

Глава 26

Ни Мэри, не Понтер не позаботились о том, чтобы задёрнуть тяжёлые занавеси на окнах номера, так что когда взошло солнце, Мэри проснулась и увидела, что Понтер проснулся тоже.

— Доброе утро, — сказала она, глядя на него. Он, однако, уже некоторое время не спал, и когда он повернулся к ней лицом, из его глубоких глазниц вытекали слёзы.

— Что случилось? — спросила Мэри, осторожно утирая ему слёзы.

— Ничего, — сказала Понтер.

Мэри делано нахмурилась.

— Чёрта с два ничего, — сказала она. — Рассказывай.

— Прости, — сказал Понтер. — Вчера…

Мэри ощутила, как её сердце куда-то проваливается. Она считала, что вчера всё было просто великолепно. Неужели ему не понравилось?

— И что же вчера?

— Прости, — повторил он. — Это был первый раз с женщиной с тех пор, как…

Брови Мэри взлетели вверх — её осенило.

— С тех пор, как умерла Класт, — тихо закон-

чила она.

Понтер кивнул.

— Мне её так не хватало, — пожаловался он.

Мэри положила руку ему на грудь, ощутила, как она поднимается и опускается в такт дыханию.

— Как бы я хотела с ней познакомиться, — сказала она.

— Прости меня, — сказала Понтер. — Ты была рядом, а Класт — нет. Я не должен был…

— Нет-нет-нет, — сказала Мэри. — Всё в порядке. Всё хорошо. Я тебя… — Она едва успела остановить себя. — Я тебя не виню за то, что ты так к ней привязан.

Она крепче обхватила его торс, крепче прижалась к нему. Нет, она не могла винить его за мысли о бывшей жене; в конце концов, она умерла не так уж давно, и…

И внезапно Мэри подумала о том, кто *не* пришёл ей на ум с тех пор, как Понтер подхватил её на руки в коридоре, о безликом призраке из её прошлого, который *не* встал между ней и Понтером. Но эта мысль ушла так же быстро, как и появилась, и так, одной рукой обхватывая Понтера и чувствуя его руку у себя на спине, она снова заснула, ни о чём не беспокоясь.

* * *

— Так вы имели с глексенской женщиной интимные отношения? — переспросил Селган, по-видимому, пытаясь скрыть своё удивление.

Понтер кивнул.

— Но…

— Что? — вскинулся Понтер.

— Но она… она глексенка. — Селдон помолчал, потом пожал плечами. — Она принадлежит к другому виду.

— Она человек, *— твёрдо сказал Понтер.*

— Но…

— Больше никаких «но»! — сказал Понтер. — Она человек. Они все *— люди, все живущие в том мире.*

— Как скажете. И всё же…

— Вы их не знаете, — сказал Понтер. — Вы не встречались ни с кем из них. Они люди. Они — это мы.

— Вы говорите так, будто оправдываетесь, — заметил Селган.

Понтер покачал головой.

— Нет. Вы, возможно, правы относительно других вещей, но здесь вы ошибаетесь. У меня нет никаких сомнений. Мэре Воган, Лу Бенуа, Рубен

Монтего, Элен Ганье и все другие, с кем я там общался — человеческие существа. Вы придёте к пониманию этого; весь наш народ это когда-нибудь поймёт.

— И всё же вы плакали.

— Как я и сказал Мэре: я вспоминал Класт.

— Вы не чувствовали себя виноватым?

— В чём?

— Двое не были Одним в тот день.

Понтер задумался.

— Да, пожалуй, это так. То есть, я об этом ни разу не задумался. В мире глексенов мужчины живут с женщинами весь месяц, и...

— А когда ты в Бестобе, живи, как бестобцы?

Понтер пожал плечами.

— Именно.

— Как по-вашему, ваш партнёр думает так же, как и вы?

— О, Адекор не стал бы возражать. Наоборот, он бы обрадовался. Он хотел, чтобы я нашёл себе новую женщину, и, в общем...

— В общем, что?

— Лучше глексенка в неурочное время, чем Даклар Болбай, когда Двое становятся Одним. Я думаю, таково его мнение по этому вопросу.

* * *

Наконец, Мэри и Понтер выбрались из номера. Они пропустили три утренних доклада, но это было не страшно — Мэри ещё в Нью-Йорке скачала pdf-ку с тезисами и потому знала, что все они посвящены Homo erectus и попыткам восстановить Homo ergaster в качестве отдельного вида. Для этих древних форм человека никогда не удавалось получить образцы ДНК, так что Мэри они интересовали мало.

В коридоре к ним подошёл человек из ФБР.

— Посланник Боддет, — сказал он. — Это прислали для вас «ФедЭксом» из Садбери.

Он протянул Понтеру диппакет. Понтер взял его, открыл футляр и извлёк из него бусину памяти.

— Прости, я должен сразу её прослушать, — сказал он Мэри. Та улыбнулась.

— Я определённо не хочу слушать, как на тебя будут орать. Пойду посмотрю поразглядываю стенды.

Понтер улыбнулся и вернулся в номер. Эфбээровец остался на страже в коридоре, а Мэри пошла к лифтам.

Пришёл лифт. Мэри спустилась вниз, на га-

лерею над холлом, где была устроена выставка стендов Ассоциации американских археологов. Собственно, их конференция начнётся лишь завтра, и они с Понтером на неё не останутся, но несколько участников уже выставили свои стенды. Мэри начала осматривать двойной стенд, посвящённый керамике хопи[86].

Когда некоторое время спустя Понтер так и не явился, она забеспокоилась и поднялась обратно на двенадцатый этаж.

Эфбээровец всё ещё дежурил в коридоре.

— Вы ищете посланника Боддета, мэм?

Мэри кивнула.

— Он в своей комнате, — сказал агент.

Мэри подошла к двери его номера и постучала. Через секунду дверь открылась.

— Мэре! — сказал Понтер.

— Привет, — ответила она. — Можно войти?

— Да-да, конечно.

Чемодан Понтера странной трапециевидной формы, который он привёз из своего мира, лежал открытым на кровати.

— Что ты делаешь? — спросила Мэри.

---

[86] notes: 86

Индейский народ на северо-западе Аризоны, один из так называемых народов пуэбло — конгломерата доколумбовых земледельческих культур на юго-западе США.

— Собираюсь.

— Тебя всё-таки отзывают? Ты же говорил, что не вернёшься. — Она нахмурилась. Конечно, теперь, когда ещё двенадцать неандертальцев находятся в Нью-Йорке, ему уже не нужно оставаться здесь, чтобы портал не закрыли, но вообще-то после того, что случилось вчера вечером…

— Нет, — сказал Понтер. — Нет, меня никто не принуждает. Бусина памяти была от моей дочери, Жасмель Кет.

— О Боже, с ней всё в порядке?

— С ней всё хорошо. Она дала согласие стать партнёршей Триона, молодого человека, с которым встречается.

Мэри вскинула брови.

— Ты хочешь сказать, что твоя дочь выходит замуж?

— Да, пожалуй, можно сказать и так. Я должен вернуться домой, чтобы принять участие в церемонии.

— Когда это будет?

— Через пять дней.

— Вау, — сказала Мэри. — У вас времени не теряют.

— На самом деле Жасмель и так подзатянула.

Зачатие поколения 149 назначат уже очень скоро. Жасмель всё ещё не нашла себе партнёршу, но это дело не такое спешное.

— Ты видел этого… Триона?

— Да, несколько раз. Очень приличный молодой человек.

— Гмм, Понтер, ты уверен, что это не какой-нибудь трюк? Ну, чтобы выманить тебя отсюда?

— Это не трюк. Послание на самом деле от Жасмель, а она никогда не станет мне лгать.

— Ну, тогда нам надо побыстрее доставить тебя в Садбери, — сказала Мэри.

— Спасибо. — Понтер на мгновение замолчал, будто раздумывая, потом сказал: — А ты не хочешь… не хотела бы пойти со мной на церемонию вступления в союз? По обычаю должны присутствовать родители, но…

Но мать Жасмель Кет умерла. Мэри улыбнулась.

— С превеликим удовольствием, — сказала она. — Но… мы можем остаться на презентацию моей работы? Это сегодня в четырнадцать тридцать. Не хочу пользоваться военными метафорами, но мне бы очень хотелось взорвать эту бомбу.

— Прости? — сказал Понтер.

— Она наделает много шума.

— Ах, — до Понтера, наконец, дошло. — Да, конечно, мы останемся на твою презентацию.

* * *

Работа Мэри и в самом деле была хитом конференции — ведь она, в конце концов, ставила точку в одном из самых длительных дебатов, имевших место в антропологии, провозгласив Homo neanderthalensis отдельным биологическим видом. При обычных обстоятельствах она должна бы была опубликовать предварительное сообщение, но её работа была включена в программу конференции в последнюю минуту, а её названия — «Неандертальская ядерная ДНК и разрешение таксономического вопроса» — было достаточно, чтобы конференц-зал оказался заполнен до отказа.

И, разумеется, споры в зале начались сразу, как только она положила на проектор прозрачку с кариотипом Понтера. В конце концов Мэри была даже рада, что им с Понтером необходимо было уезжать сразу же, как только отведённые ей пятнадцать минут истекли. Понтер, увидев, сколько времени в программе отводится на одно выступление, поразил Мэри замечанием: «Тот

парень, который рисовал банки с супом, гордился бы тобой».

Перед выходом из отеля Мэри позвонила Джоку Кригеру в «Синерджи Груп». Джока порадовало, что у них с Понтером всё хорошо, а известие о том, что у неё появилась возможность посетить неандертальский мир, привело его в восторг. У него, однако, была одна просьба:

— Я хочу, чтобы вы там провели один простой эксперимент.

— Да? — ответила Мэри.

— Раздобудьте компас — обычный магнитный компас, и когда вы окажетесь в другом мире, сориентируйтесь по сторонам света каким-нибудь иным способом и убедитесь, что вы стоите лицом к северу. Найдите Полярную звезду, если это будет ночь, или заметьте, где встаёт или садится солнце, если это будет днём. Понятно? А потом посмотрите, куда будет показывать окрашенная часть стрелки компаса.

— Она должна показывать на север, — сказала Мэри. — Разве не так?

— Вот что бывает, когда пропускают собрания персонала, — сказал Джок. — Неандертальцы утверждают, что в их мире уже произошла смена полярности магнитного поля Земли, которая

только-только начинается у нас. Я хочу, чтобы вы узнали, правда ли это.

— Зачем они стали бы врать о чём-то вроде этого?

— Я уверен, что не стали бы. Но они могли ошибиться. Помните, у них нет спутников, а мы изучаем магнитное поле Земли в основном с орбиты.

— Ладно, — сказала Мэри.

Она замолчала, и Джок воспринял это как знак к окончанию разговора.

— Ну, значит, договорились. Удачной поездки!

Она положила трубку. В этот момент в комнату вошёл Понтер и увидел, что она готова отправляться.

— Я договорилась, что пригоню взятую напрокат машину обратно в Рочестер — это нам почти по дороге, — сказала Мэри. — Там мы пересядем на мою машину и поедем в Садбери, только…

— Да?

— Только я по дороге хотела бы заехать в Торонто, — сказала Мэри. — На самом деле это тоже по дороге, к тому же, ты ведь не можешь вести машину.

— Хорошо, — сказал Понтер.

Но Мэри почему-то чувствовала, что должна

сказать ему больше.

— Мне надо сделать в Торонто… пару дел.

Понтер глядел на неё озадаченно, не понимая, зачем она оправдывается.

— Как у вас говорят: «Нет проблем», — сказал он.

* * *

Мэри и Понтер прибыли в Йоркский университет. Скрыть Понтера от окружающих не было никакой возможности. Зимой на него можно бы было натянуть лыжную шапочку до самых бровей и надеть лыжные очки, но в этот осенний день в таком наряде он бы бросался в глаза так же, как и в своём натуральном виде. Кроме того — Мэри передёрнуло — она вовсе не хотела видеть Понтера в чём-то, хоть отдалённо напоминающем балаклаву; она ни за что на свете не хотела смешивать эти два образа у себя в голове.

Они припарковались на стоянке для гостей и пошли через кампус пешком.

— Мне здесь не нужна охрана? — спросил Понтер.

— В Канаде носить оружие запрещено, — сказала Мэри. — Не то чтобы никто его не носил, но… — Она пожала плечами. — Здесь многое

не так, как в Америке. Последнее политическое убийство в Канаде было в 1970 году, и оно было связано с попыткой отделения Квебека. Я не думаю, что тебе стоит беспокоиться больше, чем любой другой канадской знаменитости. Я прочитала в «Стар», что в город приехали снимать фильм Джулия Робертс и Джордж Клуни. Поверь, они гораздо привлекательнее для зевак, чем ты или я.

— Отлично, — сказал Понтер. Они миновали приземистое здание «Йорк Лэйнс»[87] и направились к…

Это было неизбежно. Мэри знала это с самого начала: по-другому от гостевой парковки не пройти. Они с Понтером приближались к месту, где две смыкаются две бетонные подпорные стены, к месту, где…

Мэри протянула руку, нащупала Понтерову массивную ладонь и переплела свои пальцы с его. Она ничего не сказала, даже не взглянула на стену; она смотрела прямо перед собой.

Понтер, однако, смотрел по сторонам. Мэри никогда не рассказывала ему, где конкретно произошло изнасилование, но она заметила, как он

---

[87] notes: 87
Гипермаркет на территории университетского кампуса.

отмечает укромные места, разросшиеся деревья и расстояние до ближайшего фонарного столба. Если он и догадался, то ничего не сказал, и Мэри была благодарна за надёжную тяжесть его руки.

Они шли дальше. Солнце играло в прятки среди пышных белых облаков. Кампус кишел молодёжью: некоторые всё ещё в шортах, большинство в джинсах, редкие студенты-юристы — в костюмах и при галстуках.

— Этот гораздо больше, чем Лаврентийский, — сказал Понтер, вертя головой в разные стороны. Лаврентийский университет в городе Садбери, поблизости от которого Понтер появился в этом мире, был местом, где Мэри выполнила анализ ДНК, показавший, что Понтер действительно неандерталец.

— О да, — сказала она. — И это лишь один из двух — ну, реально трёх[88] — университетов в Торонто. Если хочешь увидеть действительно гигантский, я тебе как-нибудь покажу Университет Торонто.

В то время, как Понтер оглядывался по сторо-

[88] notes: 88

Помимо двух крупных университетов — Йоркского и Университета Торонто — в городе существует значительно меньший университет OCAD (Ontario College of Art and Design), специализирующийся в области искусств и дизайна.

нам, люди оглядывались на него. Одна женщина даже поздоровалась с Мэри, как давняя подруга, хотя Мэри не могла даже вспомнить её имени, и они сотни раз проходили мимо, не замечая друг друга. Однако теперь она воспользовалась возможностью рассмотреть Понтера вблизи, пока пожимает Мэри руку.

Наконец, они отвязались от неё и пошли дальше.

— Вот здание, в котором я работаю, — сказала Мэри, показывая на него. — Оно называется Фаркуарсон-билдинг.

Понтер продолжал с интересом оглядываться вокруг.

— Из всех мест, где я был в вашем мире, мне кажется, университетские кампусы приятнее всего. Здесь так просторно и много зелени.

Мэри задумалась.

— Здесь и правда неплохая жизнь, — согласилась она. — Во многих отношениях более цивилизованная, чем в реальном мире.

Они вошли в Фаркуарсон-билдинг и поднялись по лестнице на второй этаж. Войдя в коридор, Мэри заметила на дальнем его конце знакомую фигуру.

— Корнелиус! — позвала она.

Человек обернулся и прищурился — по-видимому, зрение у него было не такое острое, как у Мэри. Но через секунду он её узнал.

— Привет, Мэри, — крикнул он и пошёл к ним.

— Не беспокойтесь, — крикнула ему Мэри. — Я просто забежала в гости.

— Ты ему не нравишься? — тихо спросил Понтер.

— Не в этом дело, — усмехнулась Мэри. — Просто ему достались мои преподавательские часы на то время, что я работаю в «Синерджи Груп».

Когда Корнелиус подошёл ближе и разглядел, с кем заявилась Мэри, он так и вытаращился на Понтера, однако быстро опомнился.

— Доктор Боддет, — сказал он и слегка поклонился.

Мэри подумала, не сказать ли ему, что вот, мол, далеко не всех больших шишек величают профессорами, но потом решила промолчать; Корнелиус и так относится к этому слишком болезненно.

— Здравствуйте, — ответил Понтер.

— Понтер, это Корнелиус Раскин. — Как всегда в таких случаях, Мэри сделала неестественно длинную паузу между именем и фамилией, чтобы Понтер смог их различить. — Он Ph.D. — это наша высшая учёная степень — в области моле-

кулярной биологии.

— Рад с вами познакомиться, профессор Раскин, — сказал Понтер.

Мэри не стала его поправлять — он так старался соблюдать все принятые у людей формальности, что безусловно заслуживал пятёрки по этому предмету. Но если Корнелиус и заметил оговорку, то не подал виду, всё ещё под впечатлением от неожиданной встречи.

— Спасибо, — сказал он. — Что вас сюда привело?

— Машина Мэре, — ответил Понтер.

— Мы возвращаемся в Садбери, — пояснила Мэри. — Дочь Понтера выходит замуж, и он должен присутствовать на церемонии.

— Поздравляю, — сказал Корнелиус.

— Вы не видели Дарию Клейн? — спросила Мэри. — Или Грэма Смайта?

— Смайта я сегодня не видел, — ответил Корнелиус, — а Дария в вашей старой лаборатории.

— А Кейсер?

— Должно быть, у себя в кабинете. Хотя я не уверен.

— О'кей, — сказала Мэри. — Ладно, я хотела забрать пару вещей. Ещё увидимся.

— Будьте здоровы, — сказал Корнелиус. — До

свидания, доктор Боддет.

— Здравого дня, — ответил Понтер и пошёл вслед за Мэри. Они подошли к двери, и Мэри постучала.

— Кто там? — спросил женский голос из-за двери.

Мэри приоткрыла дверь.

— Мэри! — изумлённо воскликнула женщина.

— Привет, Кейсер, — сказала Мэри, широко улыбаясь. Она распахнула дверь так, чтобы было видно Понтера. Карие глаза Кейсер стали круглыми.

— Профессор Кейсер Ремтулла, — сказала Мэри. — Познакомьтесь с моим другом Понтером Боддетом. — Она повернулась к Понтеру. — Кейсер возглавляет факультет генетики Йоркского университета.

— Потрясающе, — сказала Кейсер, пожимая Понтеру руку. — Просто потрясающе.

Мэри хотела было сказать «Да, он такой», но решила оставить эту мысль при себе. Они поболтали с Кейсер несколько минут о факультетских новостях, а потом Кейсер засобиралась на занятия, и Мэри с Понтером двинулись дальше по коридору. Подойдя к двери в окном в ней, Мэри постучалась, и они вошли.

— Есть кто дома? — спросила Мэри у согнувшейся над столом женской фигуры, стоявшей спиной к ним.

Женщина обернулась.

— Профессор Воган! — радостно воскликнула она. — Как я рада вас видеть! И… Боже мой! Это…?

— Дария Клейн, это Понтер Боддет.

— Вау, — сказала Дария, а потом повторила, словно одного раза ей показалось недостаточно. — Вау!

— Дария работает над диссертацией, защитив которую, она получит степень Ph.D. Она специализируется на том же, что и я — на извлечении ДНК из древних образцов.

Мэри поболтала несколько минут с Дарией, пока Понтер, который, будучи учёным, очень интересовался глексенскими технологиями, с любопытством оглядывал лабораторию. Наконец, Мэри сказала:

— Ну ладно, нам пора двигаться. Я только хотела забрать несколько образцов, которые здесь оставляла.

Она пересекла помещение и подошла к холодильнику для хранения биологических образцов, отметив, что к карикатурам Сидни Харриса и

Гэри Ларсена, которые она налепила на дверцу собственноручно, теперь добавились новые. Она открыла металлическую дверцу и ощутила ударивший в лицо морозный воздух.

Внутри было две дюжины контейнеров различного размера. На некоторых были напечатанные на принтере этикетки; на других — полоски грунтовочной ленты, надписанные несмываемым маркером. Мэри не видела образцов, за которыми пришла; пока её не было, их уже наверняка задвинули к самой задней стенке. Она начала передвигать контейнеры, достала два крупных, обозначенных как «Кожа сибирского мамонта» и «Инуитская плацента», и поставила их на стол рядом с холодильником, чтобы они не загораживали обзор.

У Мэри тревожно забилось сердце.

Она снова начала рыться среди замороженных образцов, чтобы убедиться, что ничего не пропустила.

Но она не ошиблась.

Два контейнера, которые она обозначила как «Воган 666», два контейнера, содержавшие физические улики совершённого изнасилования, пропали.

Глава 27

— Дария! — крикнула Мэри. Понтер склонился к ней, явно недоумевая о причинах её расстройства. Но Мэри проигнорировала его и позвала Дарию снова.

Аспирантка с озабоченным видом кинулась к ней.

— Что случилось? — спросила она со смятением в голосе, подразумевающем «Что я натворила?»

Мэри отступила от холодильника так, чтобы Дария могла заглянуть внутрь, и устремила на него обвиняющий перст.

— Я оставляла здесь два контейнера с образцами, — сказала Мэри. — Где они?

Дария покачала головой.

— Я ничего не брала. Я вообще этот холодильник не открывала с тех пор, как вы уехали в Рочестер.

— Это точно? — спросила Мэри, пытаясь прогнать панику из своего голоса. — Два контейнера для образцов, оба матовые, оба подписанные красным маркером — «2 августа», — эту дату она будет помнить до конца жизни, — и «Воган 666».

— А, да, — сказала Дария, — я как-то их видела,

когда работала по Рамзесу. Но я их не трогала.

— Вы совершенно в этом уверены?

— Да, абсолютно. А что случилось?

Мэри пропустила вопрос мимо ушей.

— Кто имеет доступ к холодильнику? — спросила она, хотя уже знала ответ.

— Я, — сказала Дария, — Грэм и остальные аспиранты, преподаватели, профессор Ремтулла. И, наверное, уборщики — все, у кого есть ключ.

Уборщики! Мэри видела уборщика в коридоре первого этажа непосредственно перед…

Перед тем, как на неё напали.

И — *Боже, как я могла быть такой дурой?* — не нужно быть профессором генетики, чтобы понять, что нечто, помеченное именем жертвы, числом Зверя и датой изнасилования — это то, что тебе нужно.

— Это было что-то важное? — спросила Дария. — Материалы по странствующему голубю?

Мэри выхватила из холодильника ещё один контейнер.

— Вот *это* вот — долбаный странствующий голубь! — заорала она, с грохотом опуская контейнер на стол.

Транслятор Понтера пискнул.

— Мэре… — тихо произнёс он.

Мэри сделала глубокий вздох и медленно выпустила воздух. Её всю била дрожь.

— Профессор Воган, — сказала Дария. — Я клянусь, я не…

— Я знаю, — сказала Мэри уже более спокойным голосом. — Я знаю. Она посмотрела на Понтера, лицо которого выражало чрезвычайное беспокойство, и на Дарию, которая была откровенно напугана. — Простите меня, Дария. Просто… Просто это были уникальные образцы. Незаменимые. — Она чуть пожала плечами, всё ещё злясь на себя, но пытаясь не подавать вида. — Я не должна была оставлять их здесь.

— Что это было? — спросила Дария — любопытство в ней пересилило страх.

— Ничего, — ответила Мэри, качая головой и направляясь и двери, даже не оглянувшись, чтобы посмотреть, идёт ли Понтер за ней. — Вообще ничего.

* * *

Понтер нагнал Мэри в коридоре и тронул за плечо.

— Мэре…

Мэри остановилась и на секунду прикрыла глаза.

— Я скажу тебе, — проговорила она, — но не сейчас.

— Тогда давай уйдём отсюда, — сказал Понтер. Они с Мэри двинулись к лестнице. По дороге вниз им встретился уборщик в синем комбинезоне, шагающий вверх через две ступеньки, и Мэри показалось, что сердце сейчас выпрыгнет у неё из груди. Но нет, нет, то был Франко — она его знала довольно хорошо, и Франко был итальянцем. С карими глазами.

— О, профессор Воган! — сказал он. — Я думал, вы уехали на весь год!

— Так и есть, — ответила Мэри, пытаясь совладать с голосом. — Просто заехала в гости.

— Ну, тогда всего хорошего, — сказал Франко и пошёл дальше.

Мэри выдохнула и продолжила спуск. Она вышла из здания; Понтер следовал за ней по пятам. Они пошли к машине Мэри, но в этот раз она сделала большой крюк, чтобы не идти мимо сходящихся стен, у которых произошло нападение. Наконец, они добрались до парковки.

Сели в машину. Внутри было жарко как в аду. Обычно летом Мэри оставляла стёкла самую малость приспущенными — а на дворе всё ещё было лето, осень официально начнётся только 21

сентября — но в этот раз забыла, слишком много всего всколыхнулось у неё в голове от возвращения в Торонто.

Понтер моментально вспотел — он терпеть не мог жару. Мэри завела машину. Она нажала кнопку опускания стёкол и включила кондиционер на полную мощность. Через минуту он начал изрыгать холодный воздух.

Так они и сидели в машине, стоящей на парковке с включённым двигателем, пока Понтер не спросил:

— Итак?

Мэри снова подняла стёкла, боясь, что их услышит кто-нибудь, проходя мимо.

— Ты знаешь, что меня изнасиловали, — сказала она.

Понтер кивнул и легонько коснулся её руки.

— Я не сообщила о преступлении, — сказала Мэри.

— Без компаньонов и архивов алиби, — сказал Понтер, — в этом не было особого смысла. Ты говорила, что в вашем мире многие преступления остаются нераскрытыми.

— Да, но… — у Мэри перехватило горло, и она замолчала, пытаясь совладать с чувствами. — Но я не подумала о последствиях. На этой неделе в

кампусе снова кого-то изнасиловали. Возле Фаркуарсон-билдинг — того здания, где мы были.

Глаза Понтера расширились.

— И ты считаешь, что это был тот же самый?

— Невозможно сказать с уверенностью, но…

Она не договорила, но Понтер определённо понял её мысль. Если бы она сообщила об изнасиловании, возможно, преступника схватили бы прежде, чем он надругался бы над кем-то ещё.

— Ты не могла предвидеть, что всё так случится, — сказал Понтер.

— Очень даже могла, — резко ответила Мэри.

— Ты знаешь, кто вторая жертва?

— Нет. Нет, об этом не сообщают. А что?

— Ты должна освободиться от этого бремени — а это возможно лишь путём прощения.

Мэри почувствовала, как затвердела её спина.

— Я бы не смогла смотреть ей в глаза, — сказала он. — После того, чему я позволила случиться…

— То была не твоя вина, — сказал Понтер.

— Я *собиралась* сделать то, что должна была, — сказала Мэри. — За этим я и приехала сюда, в кампус. Я хотела передать улики в полицию.

— Они были в пропавших контейнерах?

Мэри кивнула. В машине к этому времени уже стало совсем холодно, но она не выключала

кондиционер. Она должна страдать, она этого заслужила.

Не дождавшись от Мэри продолжения, Понтер сказал:

— Если ты не можешь попросить прощения у других жертв, тогда ты должна простить сама себя.

Мэри немного подумала над этим, а потом, ни слова не говоря, переключилась на заднюю передачу и начала выезжать с парковочного места.

— Куда мы едем? — спросил Понтер. — К тебе домой?

— Не совсем, — сказала Мэри, разворачивая машину и направляя её к выезду с парковки.

* * *

Мэри вошла в деревянную исповедальню, встала коленями на специальную подушечку и перекрестилась. Маленькое окошко в стене, отделяющей её от священника, открылось, и она увидела профиль отца Калдикотта, вырисовывающийся на фоне деревянных планок.

— Простите меня, отче, — сказала Мэри, — ибо я согрешила.

У Калдикотта был лёгкий ирландский акцент, хоть он и прожил в Канаде уже сорок лет. — Как

давно ты последний раз исповедалась, дочь моя?

— В январе. Восемь месяцев.

— Расскажи мне о твоём прегрешении. — Его тон остался нейтральным, не содержал ни упрёка, ни осуждения.

Мэри открыла рот, но слова не шли. Через некоторое время священник подбодрил её:

— Дитя моё…?

Мэри сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

— Я… меня изнасиловали.

Некоторое время Калдикотт молчал, по-видимому, раздумывая о том, как повести дальнейший разговор.

— Ты сказала «изнасиловали». На тебя напали?

— Да, отче.

— И ты не давала согласия?

— Нет, отче.

— Тогда, дочь моя, на тебе нет греха.

Мэри почувствовала, как что-то сжимается у неё в груди.

— Я знаю, отче. Не в этом мой грех.

— Ах, — сказал Калдикотт, словно ему всё стало ясно. — Ты… ты забеременела? Ты сделала аборт, дочь моя?

— Нет. Нет, я не забеременела.

Калдикотт подождал, не продолжит ли Мэри говорить, но она молчала, и он заговорил сам:

— Это случилось благодаря противозачаточному средству? Наверное, в подобных обстоятельствах…

Мэри действительно глотала таблетки, но с этим она примирилась давным-давно. И всё-таки ей не хотелось лгать священнику, так что она очень осторожно подбирала слова:

— Это не тот грех, в котором я хочу исповедаться, — тихо произнесла она. Потом снова вздохнула, собираясь с силами. — Мой грех в том, что я не сообщила о преступлении в полицию.

Мэри услышала, как скрипнула под Калдикоттом скамья.

— Господь знает о нём, — сказал он. — И Господь покарает того, кто сделал это с тобой.

Мэри закрыла глаза.

— Насильник напал снова. По крайней мере, я подозреваю, что это был тот же самый человек.

— О, — сказал Калдикотт.

«О»? подумала Мэри. *«О» и всё? Неужели это и всё, что он может…*

Но отец Калдикотт продолжал:

— Ты сожалеешь о том, что не заявила в полицию?

Этот вопрос был, вероятно, неизбежен; раскаяние было частью пути к отпущению. И всё же голос Мэри дрогнул, когда она ответила:

— Да.

— Почему ты не заявила, дочь моя?

Мэри задумалась. Она могла бы сказать, что просто была слишком занята — и это была бы почти правда. Изнасилование произошло вечером накануне отъезда в Садбери. Но она приняла решение до того, как Рубен Монтего ей позвонил в поисках специалиста по неандертальской ДНК.

— Я была напугана, — сказала она. — Я… рассталась с мужем. Я боялась того, что они со мной сделают, что будут говорить про меня, про мои моральные устои, если дело дойдёт до суда.

— Однако кто-то другой пострадал из-за твоего… твоего бездействия, сказал Калдикотт.

Слова священника напомнили ей о лекции по искусственному интеллекту, которую она прослушала несколько месяцев назад. Лектор из лаборатории робототехники Массачусетского технологического говорил об азимовских законах робототехники, первый из которых звучал как-то вроде «Робот не может навредить человеку или позволить, чтобы из-за его бездействия человеку был нанесён вред». И Мэри пришло в голову, что

мир мог бы быть гораздо лучше, если бы люди тоже жили по этим законам.

И всё же…

И всё же как много принципов, которыми она руководствовалась в жизни, *призывают* к бездействию. Большинство из десяти заповедей приказывают тебе *не* делать того или этого.

Грех Мэри состоял в преступном небрежении. И всё-таки Калдикотт, скорее всего, скажет, что это грех простительный, не смертный, но…

Но что-то внутри Мэри в самом деле *умерло* в день, когда это случилось. И она была уверена, что то же самое произошло и с новой жертвой чудовища, кем бы она ни была.

— Да, — сказала, наконец, Мэри, тихо, почти неслышно. — Кто-то пострадал из-за того, что я ничего не делала.

Она заметила, как силуэт Калдикотта сдвинулся.

— Я мог бы наложить епитимью молитвы и чтения Библии во искупление, но… — голос священника затих, явно предлагая Мэри закончить мысль.

И Мэри кивнула, наконец, готовая озвучить решение, к которому уже пришла.

— Но единственным правильным решением

будет пойти в полицию и рассказать им всё, что я знаю.

— Ты сможешь найти в себе силы для такого шага? — спросил Калдикотт.

— Я постараюсь, отче. Но улики, которые я сохранила после изнасилования… они пропали.

— Тем не менее у тебя есть информация, которая может помочь. Но если ты хочешь иную епитимью…

Мэри снова закрыла глаза и помотала головой.

— Нет. Нет, я пойду в полицию.

— В таком случае… — сказал Калдикотт. — Бог, Отец наш всемилостивейший, примирился с миром через смерть и воскресение Сына Своего и ниспослал Святой Дух во искупление грехов, — Мэри вытерла слёзы, а Калдикотт продолжал: — Чрез это церковное таинство да наградит тебя Бог покоем и прощением. Отпускаю тебе грехи твои…

И хотя самое трудное было ещё впереди, Мэри ощутила, как ослабевает давивший на неё груз.

— …во имя Отца…

Она пойдёт сегодня. Прямо сейчас.

— …и Сына…

Но она не пойдёт одна.

— …и Святого Духа.

Мэри перекрестилась.
— Аминь, — сказала она.

Глава 28

Понтер сидел на церковной скамье. Подойдя ближе, Мэри с удивлением обнаружила, что у него на коленях лежит книга, и Понтер листает её страницы.

— Понтер? — позвала она.

Он вскинул голову.

— Как прошло? — спросил он.

— Хорошо.

— Полегчало?

— Немного. Но мне всё ещё надо многое сделать.

— Сколько необходимо, — сказал Понтер. — Я помогу всем, чем смогу.

— Ты читаешь Библию? — потрясённо спросила Мэри, заглянув в его книгу.

— О, значит, я правильно догадался! — обрадовался Понтер. — Это и есть главный текст вашей религии?

— Да, — сказала Мэри. — Но… но я считала, что ты не умеешь читать по-английски.

— Я — нет. И Хак пока тоже. Но Хак может запомнить изображение каждой страницы, и когда такая функция станет доступна, переведёт её

для меня.

— Знаешь, я могу тебе достать говорящую Библию — либо устройство, которое умеет читать тексты, либо звукозапись, специально начитанную диктором. Есть великолепная серия Джеймса Эрла Джона…

— Я даже не знал, что есть такая возможность, — сказал Понтер.

— Я не знала, что ты хотел бы читать Библию. Я… как-то не думала, что тебе она будет хоть как-то интересна.

— Она важна для тебя, — сказал Понтер. — Значит, она важна и для меня.

Мэри улыбнулась.

— Как мне повезло, что тебя нашла, — сказала она.

Понтер попытался обратить всё в шутку.

— Меня легко заметить в толпе, — сказала он.

Всё ещё улыбаясь, Мэри кивнула.

— Действительно. — Она посмотрела на висящее над кафедрой распятие и снова перекрестилась. — Однако идём, надо двигаться.

— Куда теперь? — спросил Понтер.

Мэри глубоко вздохнула.

— В полицейский участок.

* * *

— «Она важна для тебя», — повторил Селган. — «Значит, она важна и для меня».

Понтер посмотрел на своего скульптора личности.

— Да, именно так я и сказал.

— И это правда было единственное, что побудило вас ознакомиться с данной книгой?

— Что вы имеете в виду?

— Разве не в этой книге содержатся якобы исторические свидетельства, о которых вы упоминали ранее? Разве не эта книга является их основным доказательством существования жизни после смерти?

— Я честное слово не знаю, — сказал Понтер. — Это довольно объёмистая книга — не слишком толстая, но символы в ней очень мелкие, а бумага самая тонкая из всего, что я видел. Её перевод займёт приличное время.

— И тем не менее вы решили её осмотреть.

— В помещении, где я ожидал Мэре, было несколько копий этой книги. По одной на каждое сидячее место, я полагаю.

— Вы слушали звуковую версию, как предлагала Мэре?

Понтер покачал головой.

— Но вы всё ещё хотите узнать, в чём состоят эти предполагаемые доказательства?

— Мне любопытно, да.

— Насколько любопытно? — спросил Селган. — Насколько это важно для вас?

Понтер пожал плечами.

— Вы обвиняли меня в узости кругозора. Но это не так. Если в этой нелепой теории есть хоть крупица правды, я хотел бы это знать.

— Зачем?

— Просто любопытно.

— И всё? — спросил Селган.

— Конечно, — ответил Понтер. — Конечно.

* * *

В полицейском участке сержант оглядел Понтера с ног до головы.

— Если кому-то из вас, неандертальцев, нужна работа, — сказал он, — то мы бы с радостью наняли сотню-другую.

Они находились в штаб-квартире 31-го участка на Норфинч-драйв, всего в паре кварталов от Йоркского университета.

Понтер смущённо улыбнулся, Мэри засмеялась. Полицейский и правда выглядел очень крепким,

пожалуй, крепче любого мужчины вида Homo sapiens, с которым Мэри была знакома, но в схватке с Понтером она бы не сомневалась, на кого делать ставки.

— Итак, мэм, чем могу помочь?

— На прошлой неделе в кампусе Йоркского было изнасилование, — сказала Мэри. — Об этом писали в «Экскалибуре», университетской газете, так что, я полагаю, что его зарегистрировали здесь у вас.

— Это отдел детектива Хоббса, — сказал сержант. Потом крикнул кому-то ещё: — Эй, Джонни, глянь там, Хоббс у себя?

Джонни крикнул в ответ, что у себя, и через некоторое время появился полицейский в штатском — рыжеволосый светлокожий мужчина лет тридцати.

— Чего надо? — спросил он, а потом, осознав, кто такой Понтер: — Вот это да!

Понтер изобразил улыбку.

— С вами хотят поговорить насчёт изнасилования в Йоркском на прошлой неделе.

Хоббс жестом пригласил их в пройти дальше по коридору.

— Сюда, — сказал он. Мэри с Понтером проследовали за ним в маленькую комнату для

допросов, освещённую флуоресцентными панелями под потолком. — Погодите секунду — сейчас найду дело. — Он вышел и тут же вернулся с большой папкой, которую положил на стол перед собой. Он уселся, и тут его глаза округлились. — Чёрт, — сказал он Понтеру, — скажите мне, что это были не вы. Иначе мне придётся звонить в Оттаву…

— Нет, — резко ответила Мэри. — Нет, это был не Понтер.

— Вам известно, кто это был? — спросил Хоббс.

— Нет, — сказала Мэри, — но…

— Да?

— Но меня тоже изнасиловали в кампусе. Возле того же самого здания биологического факультета.

— Когда?

— В пятницу, 2 августа. Где-то в 9:30 или 9:35.

— Вечера?

— Да.

— Расскажите подробнее.

Мэри попыталась призвать на помощь всю свою научную беспристрастность, но к концу рассказа у неё по щекам текли слёзы. По-видимому, в комнате для допросов это было обычное явление — откуда-то появилась упаковка бумажных

платков, и Хоббс пододвинул её к Мэри.

Она вытерла глаза и высморкалась. Хоббс сделал несколько пометок на лежащем перед ним листе бумаге.

— Хорошо, — сказал он. — Я дам…

В этот момент в дверь постучали. Хоббс поднялся и открыл её. За дверью стоял полицейский в форме, который начала что-то говорить Хоббсу приглушённым голосом.

Внезапно, к удивлению Мэри, Понтер сгрёб папку с делом со стола и быстро пролистал все его страницы. Второй полицейский, видимо, подал Хоббсу знак, потому что тот резко развернулся к ним.

— Эй! — закричал он. — Вам нельзя это смотреть!

— Прошу прощения, — сказал Понтер. — Не беспокойтесь. Я не умею читать по-вашему.

Понтер протянул ему папку, и Хоббс выхватил её у него из рук.

— Какова вероятность, что вы поймаете преступника? — спросил Понтер.

Хоббс несколько секунд молчал.

— Честно? Я не знаю. У нас на руках два преступления, два изнасилования практически на одном и том же месте с разницей в неделю.

Мы свяжемся с полицией кампуса и попросим усилить бдительность. Кто знает? Может, нам повезёт.

Повезёт, подумала Мэри. Он имеет в виду, если насильник нападёт снова.

— Однако же… — продолжал Хоббс.

— Да?

— Если он студент или сотрудник, то наверняка читает университетскую газету.

— Вы не ждёте успеха, — подытожил без обиняков Понтер.

— Мы сделаем всё, что сможем, — ответил Хоббс.

Понтер кивнул.

* * *

Мэри и Понтер вернулись к машине. В этот раз она не забыла приспустить стёкла, но внутри всё равно было жарко. Она повернула ключ и включила кондиционер.

— Ну как? — спросила она.

— Что? — ответил Понтер.

— Ты пролистал дело. Нашёл что-нибудь интересное?

— Не могу сказать.

— Ты можешь как-нибудь показать мне то, что

видел Хак?

— Не здесь, — сказал Понтер. — Хак, разумеется, всё записывает — ему нарастили память, так что он пишет всё, что видит. Но пока мы не выгрузим записанное в мой архив алиби в Салдаке, просмотреть это невозможно. Хотя Хак может описать то, что видел, словами.

Мэри посмотрела на левое предплечье Понтера.

— Ну что, Хак, расскажешь? — спросила она.

Компаньон заговорил через внешний динамик.

— В папке было одиннадцать листов белой бумаги. Ширина и длина листов относятся как 0,77 к 1. Шесть из них выглядят как предварительно отпечатанные бланки с пустыми местами, в которые позднее было что-то вписано от руки. Я не эксперт в таких вопросах, но мне кажется, что это сделано тем же почерком, каким детектив Хоббс делал свои пометки, хотя цвет чернил другой.

— Но ты не можешь сказать, что написано на этих бланках? — спросила Мэри.

— Я могу лишь дать словесное описание. Вы читаете слева направо, верно? — Мэри кивнула. — Первое слово на первой странице начинается с символа, состоящего из вертикальной линии и

примыкающей к ней сверху горизонтальной. Второй символ выглядит как окружность. Третий…

— Сколько всего символов на всех страницах дела?

— Пятьдесят две тысячи четыреста двенадцать, — ответил Хак.

Мэри задумалась.

— Слишком много, чтобы читать по букве за раз, даже если мы научим тебя алфавиту. — Она пожала плечами. — Ладно, посмотрим, что там написано, когда окажемся в твоём мире. — Она взглянула на часы на приборном щитке. — В любом случае, до Садбери дорога неблизкая. Надо пошевеливаться.

Глава 29

Когда Мэри и Понтер спускались под землю в этой металлической клетке в прошлый раз, Мэри пыталась объяснить ему, что он действительно ей нравится, очень нравится, но что она сейчас не готова к началу отношений. Она рассказала Понтеру о том, что случилось в университетском кампусе — и он стал единственным, кто узнал об этом, не считая Кейши, консультанта из центра помощи жертвам изнасилований. Эмоции Понтера отражали то, что чувствовала сама Мэри: общее замешательство плюс глубокое возмущение по адресу насильника, кем бы он ни был. В тот раз Мэри думала, что теряет Понтера навсегда.

И вот снова этот долгий-предолгий спуск в шахту «Крейгтон» на уровень 6800 футов, и Мэри не может не вспоминать тот, прошлый раз, и, судя по повисшему между ними неловкому молчанию, Понтер сейчас занимался тем же самым.

Звучали предложения установить современный скоростной лифт, который спускался бы непосредственно в нейтринную обсерваторию, но технически это оказалось очень сложно. Пробить новую шахту сквозь два километра габ-

броидного гранита — нелёгкое дело, к тому же геологи «Инко» не были уверены, что скала это выдержит.

Были также разговоры о замене старого подъёмника «Инко» с открытой клетью на более удобный и современный — но предполагалось, что после замены он будет использоваться исключительно для связи с порталом. Однако шахта «Крейгтон» была работающим горнодобывающим предприятием, и «Инко», при всей своей готовности к сотрудничеству, должна была ежедневно перевозить на этом подъёмнике сотни горняков.

Вот и сейчас, в отличие от прошлого раза, когда Мэри с Понтером были в клети одни, вместе с ними спускались под землю шестеро шахтёров, направляющихся на уровень 5200 футов. Эта группа разделилась поровну на тех, кто вежливо уставился в металлический пол — здесь не было даже указателя этажей, на который можно пялиться в обычном лифте офисного здания — и тех, кто откровенно глазел на Понтера.

Подъёмник, громыхая, опускался в грубо вырубленную шахту и сейчас проходил уровень 4600 футов — цифры были намалёваны на стене шахтного колодца. После исчерпания залежи

этот уровень был превращён в питомник, где выращивались саженцы деревьев для проектов восстановления лесов вокруг Садбери.

Подъёмник, дёрнувшись, остановился на уровне, куда ехали шахтёры, двери с лязгом разъехались, выпуская их наружу. Мэри смотрела им вслед: раньше они показались бы ей здоровяками, но рядом с Понтером они выглядели довольно хило.

Понтер нажал кнопку звонка, давая знать оператору наверху, что шахтёры вышли. Клеть снова с лязгом пришла в движение. В сущности, здесь было слишком шумно для разговора: в прошлый раз им всю дорогу приходилось кричать, несмотря на деликатность обсуждаемых материй.

Наконец, клеть прибыла на уровень 6800 футов. Температура воздуха здесь всегда равнялась 41 °C, а атмосферное давление превышало наружное на тридцать процентов.

По крайней мере здесь транспортная ситуация несколько улучшилась по сравнению с прошлым разом. Чтобы добраться до помещений Нейтринной обсерватории, теперь не нужно преодолевать 1200-метровый горизонтальный штрек. Теперь их ожидал экипаж довольно модного вида: что-то вроде квадроцикла для езды по

дюнам с нашлёпкой с логотипом обсерватории на капоте. Здесь же были припаркованы ещё два таких же экипажа, и ещё несколько, очевидно, находились в пути.

Понтер пригласил Мэри занять водительское место. Мэри подавила улыбку: этот большой парень знал массу разных вещей, но машину водить не умел. Понтер пристроился рядом с ней. Мэри понадобилась минута на то, чтобы ознакомиться с приборной панелью и прочитать многочисленные инструкции и предупреждения. В сущности, машинка выглядела не сложнее самоходной тележки для гольфа. Она повернула ключ — он был прикреплён к приборной панели цепочкой — и они покатили по туннелю, стараясь не наезжать на рельсы, по которым когда-то вагонетками вывозили вынутую породу. Пеший путь от подъёмника до обсерватории обычно занимал минут двадцать; машина довезла их за четыре.

Как ни странно, теперь, когда обсерватория стала вратами в иной мир, режим «чистой комнаты» больше не поддерживался. Раньше перед входом все были обязаны принять душ. Душевые кабинки оставались и сейчас для тех, кто считал, что за время пути с поверхности запачкался, но Мэри и Понтер просто прошли мимо. Обе двери в

пылесосную камеру, где раньше убирали пыль и грязь с одежды входящих, были широко открыты. Понтеру пришлось через неё протискиваться, Мэри прошла следом за ним.

Они миновали какую-то сложную насосную установку, в прошлом использовавшуюся для обслуживания ёмкости с тяжёлой водой, и вошли в пультовую, в которой теперь постоянно присутствовали двое солдат канадской армии при оружии.

— Здравствуйте, посланник Боддет, — сказал один из них, поднимаясь со стула, на котором сидел.

— Здравствуйте, — ответил Понтер без помощи транслятора; к этому времени он уже знал несколько сотен английских слов, хотя и далеко не все был способен правильно произнести.

— А вы — профессор Воган, не так ли? — спросил солдат; его звание наверняка было как-то обозначено на униформе, но Мэри понятия не имела, как его определить.

— Да, — ответила она.

— Я видел вас по телевизору, — сказал солдат. — Впервые на ту сторону, мэм?

Мэри кивнула.

— Я думаю, вас ознакомили с процедурой? Вы

должны предъявить паспорт, и мы должны взять образец ДНК.

У Мэри, очень кстати, был паспорт[89]. Она получила его, чтобы поехать в Германию за образцом ДНК неандертальских останков из *Rheinisches Landesmuseum*, а потом продлила его — и почему канадский паспорт выдают всего на пять лет, а не на десять, как американский? Она выудила паспорт из сумочки и показала солдату. На фото в паспорте она выглядела старше, чем в жизни — оно было сделано до того, как она начала красить волосы.

Потом она открыла рот и позволила солдату провести ватной палочкой по внутренней поверхности щеки, что он сделал, по мнению Мэри, несколько грубовато — чтобы отслоить клетки эпителия в этом месте, нет необходимости прикладывать силу.

— Всё в порядке, мэм, — сказал солдат. — Удачного путешествия.

Мэри вслед за Понтером прошла к двери, ведущей на металлическую платформу, образующую

---

[89] notes: 89

В США и Канаде паспортом называется только документ, необходимый для зарубежных поездок; внутренние паспорта отсутствуют, и у тех, кто не ездит за границу, паспортов нет. Для поездок в США на момент написания книги канадцам паспорт также не требовался — с 2007 он стал необходим при въезде в США воздушным транспортом.

крышу над бочкообразной каверной высотой с десятиэтажный дом, в которой когда-то располагался детектор Нейтринной обсерватории Садбери. Теперь уже не нужно было спускаться по лестнице в люк в полу, как в прошлый раз, когда она была здесь — отверстие в полу расширили, и в нём установили лифт — Понтер отметил, что это было сделано уже после того, как он второй раз явился в этот мир. Кабина лифта была прозрачна и сделана из акрила, её по спецзаказу изготовил «Поликаст» — компания-производитель панелей, из которых состояла ныне разобранная акриловая сфера, наполнявшаяся тяжёлой водой.

Лифт был лишь первой из запланированных для этого помещения модификаций. Если портал и вправду останется открытым на долгие годы, каверну заполнят десять этажей помещений различных служб, включая таможню, небольшой госпиталь и даже несколько гостиничных номеров. Сейчас, однако, у лифта было лишь две остановки: каменный пол каверны и, тремя этажами выше, помост, сооружённый на уровне входа в портал. Понтер и Мэри вышли на помосте — широкой деревянной платформе, на которой несли службу ещё двое солдат. Вдоль одного из краёв платформы выстроились флаг-

штоки с флагами ООН и трёх стран, совместно финансировавших Нейтринную обсерваторию: Канады, США и Великобритании.

А прямо перед ней был…

За ним действительно закрепилось название «портал», но благодаря деркеровой трубе это больше походило на туннель. Сердце Мэри забилось чаще: она могла видеть сквозь этот туннель — видеть неандертальский мир, и…

Боже мой, подумала Мэри. *Боже мой.*

В отверстии туннеля появиласть мускулистая фигура — кто-то из работающих на той стороне.

Ещё один неандерталец.

До сих пор Мэри видела только Понтера и немного Тукану. Она никак не могла осознать по-настоящему, что существуют миллионы других неандертальцев, но…

Но вот один из них, в дальнем конце туннеля.

Она сделала глубокий вдох, и, поскольку Понтер снова галантно предложил ей пройти первой, Мэри Воган, гражданка одной Земли, ступила на цилиндрический мост, ведущий на другую Землю.

Нижнюю часть деркеровой трубы теперь заполняла специальная вставка, образовавшая ровный пол. Сквозь прозрачные стены трубы

Мэри видела охватывающее её синее кольцо: собственно портал, дыру, разрыв.

Она дошла до этого разрыва и остановилась. Да, Понтер проходил через это в обоих направлениях, да и многие Homo sapiens уже посещали мир неандертальцев. Однако…

Мэри вдруг прошиб пот, и не только лишь из-за подземной жары.

Рука Понтера легла её на плечо. На одну ужасную секунду Мэри испугалась, что он собирается толкнуть её вперёд.

Но он, разумеется, не собирался этого делать.

— Дай себе время, — прошептал он по-английски. — Постой, пока не будешь готова.

Мэри кивнула. Потом сделала глубокий вдох и шагнула вперёд.

Ей показалось, что кольцо муравьёв поползло по всему её телу от груди к спине, когда она пересекала плоскость портала. Она двигалась медленно, но тут же ринулась вперёд, лишь бы прекратить это нервирующее ощущение.

И вот она здесь — в сантиметрах и в десятках тысяч лет от мира, который знала.

Она пошла по туннелю дальше, слыша звук тяжелых шагов Понтера за спиной. Наконец, она шагнула наружу, в помещение, которое, как она

знала, было вычислительной камерой квантового компьютера. В отличие от детекторной камеры нейтринной лаборатории, которую переоборудовали для иных целей, квантовый компьютер Понтера оставался полностью функционален; по сути, как поняла Мэри, без него портал тут же закрылся бы.

Она увидела перед собой четверых неандертальцев; все четверо — мужчины. На одном из них было поблёскивающее серебристое одеяние; остальные трое были одеты в рубахи без рукавов и такие же самые штаны с приделанной к ним обувью, в каких ходил Понтер. Их светлые волосы, тоже, как у Понтера, разделялись ровно посередине; все были невероятно мускулисты, все с короткими ногами, выгнутыми надбровьями и массивным носами-картофелинами.

Из-за спины послышался голос Понтера, говорящего по-неандертальски. Мэри чуть не подпрыгнула от неожиданности. Конечно, она она и раньше слышала, как Понтер говорит по-неандертальски полушёпотом в то время, как Хак громко переводит его слова, но до сих пор ей ни разу не приходилось слышать, как он разговаривает на своём языке в полный голос. Сказанное им, по-видимому, было какой-то шуткой, потому

что все четверо неандертальцев рассмеялись глубоким, лающим смехом.

Мэри отступила в сторону от выхода из туннеля, давая Понтеру пройти. И тут…

Разумеется, Понтер много рассказывал ей об Адекоре, и умом она понимала, что у Понтера есть любовник мужского пола, но…

Но, несмотря на своё либеральное воспитание и широту взглядов, несмотря на личное знакомство с несколькими геями у себя дома, на своей Земле, она почувствовала, как её желудок болезненно сжимается при виде того, как Понтер обнимает неандертальца, который, по-видимому, и был Адекором. Их объятие было долгим и страстным, а лицо Понтера прижималось к заросшей бородой щеке Адекора.

Мэри сразу поняла, что она чувствует, но с тех пор, как она испытывала такого рода эмоции в последний раз, прошли годы, даже десятки лет, и ей стало стыдно за себя. Она не испытывала отвращения от вида внешних проявлений однополой любви — да что там, в пятницу вечером в Торонто, переключая каналы, невозможно не наткнуться на гей-порно. Нет, это была…

Это действительно было стыдное чувство, и она знала, что обязана справиться с ним как можно

быстрее, если рассчитывает на долгосрочные отношения с Понтером.

Она *ревновала* его к Адекору.

Понтер выпустил Адекора из объятий, потом поднял правую руку, обратив к нему внутреннюю сторону предплечья. Адекор поднял руку в таком же жесте, и Мэри увидела, как на дисплеях их компаньонов вспыхнули какие-то символы; возможно, Понтер получал все сообщения от Адекора, которые тот ему отправил в его отсутствие.

Они опустили руки одновременно, но Понтер тут же направил свой компаньон на Мэри.

— *Пресап тах Мэре Вохнн дабаллета сохль,* — сказал он, и, поскольку слова были обращены не к ней, Хак не стал их переводить.

Адекор, улыбаясь, выступил вперёд. У него было доброе лицо, ещё шире, чем у Понтера — с салатницу размером. А его круглые глубоко сидящие глаза были изумительного зелёно-голубого оттенка. В целом он выглядел как пекарёнок Пиллсбери[90] в стиле «Флинтстоунов»[91].

---

[90] notes: 90

Рекламный персонаж одноимённой компании производителя зерновых продуктов и выпечки — человечек из теста в поварском колпаке и шейном платке.

[91] notes: 91

Американский мультсериал 1960-х, персонажи которого — пещерные люди, живущие в типичном американском стиле.

Понтер понизил голос до шёпота, и Хак перевёл с нормальной громкостью

— Мэре, это мой партнёр, учёный Адекор Халд.

— Превет, — сказал Адекор, и Мэри на мгновение смешалась, но быстро догадалась, что Адекор пытался сказать «Привет», но не смог произнести некоторые звуки. И всё же она была впечатлена и польщена тем, что он пытался учить английский.

— Привет, — сказала Мэри. — Я много о вас слышала.

Адекор слегка наклонил голову, очевидно, слушая перевод, сделанный для него его собственным компаньоном, через кохлеарные импланты, а потом повел себя совершенно по-людски — широко улыбнулся и сказал с сильным акцентом:

— Надеюсь, только хорошее.

Мэри не выдержала и тоже рассмеялась.

— О да, — сказала она.

— А это, — произнёс голос Хака, переводящего речь Понтера, — эксгибиционист.

Мэри опешила. Понтер говорил о парне, одетом в серебристое. Она не представляла, как может себя повести, если этот странный неандерталец сейчас распахнёт перед ней своё одеяние.

— Гмм, рада с вами познакомиться, — сказала

она.

Незнакомец не догадался понизить голос до шёпота и предоставить компаньону переводить его слова в полный голос, так что Мэри с трудом разделяла его неандертальскую речь и английские слова, производимые компаньоном.

— Мне известно, — разобрала она, — что в вашем мире меня называли бы репортёром. Я посещаю интересные места и позволяю людям смотреть то, что передаёт мой компаньон.

— Все эксгибиционисты одеваются в серебристое, — пояснил Понтер. — Одежду такого цвета носят только они. Если ты видишь человека, одетого, как он, то знаешь, что на тебя сейчас смотрят тысячи людей.

— А-а! — воскликнула Мэри. — Эксгибиционист. Да, я помню, ты о них рассказывал.

Понтер представил двух других неандертальцев. Один оказался принудителем — по-видимому, что-то вроде полицейского, другим — дородный специалист по робототехнике по имени Дерн.

На мгновение феминистка в Мэри возмутилась тем, что в лаборатории квантовых вычислений не оказалось ни одной женщины, но, понятное дело, женщин здесь быть не могло: как ей было

известно, шахта располагалась под Окраиной Салдака.

Понтер провёл Мэри через лабиринт торчащих из пола цилиндров, вверх по короткому лестничному пролёту и через дверь в пультовую. Мэри тут же замёрзла: неандертальцы не любили жару, хотя в натуральном состоянии так глубоко под землёй должно было быть так же жарко, как в том мире, из которого она явилась. Где-то, несомненно, работали кондиционеры; взглянув вниз, Мэри со смущением обнаружила, что её соски напряглись и чётко обозначились под тканью блузки.

— Как вы охлаждаете здесь воздух? — спросила она.

— Сверхпроводящие тепловые насосы, — ответил Понтер. — Работают, как установленный научный факт.

Мэри оглядела пультовую. Она удивилась, до чего *странно* выглядят здешние пульты управления. Она даже не думала, что внешний вид человеческих приборов и инструментов был продуктом случайного выбора промышленных дизайнеров, и что их «высокотехнологичный» дизайн — далеко не единственное возможное решение. Вместо полированного металла и строгой

чёрно-белой гаммы большинства человеческих приборов здешние консоли управления были по большей части кораллово розовыми и не имели острых углов, а элементы управления нужно было вытягивать из поверхности, а не вжимать в неё. Не было ни светодиодных индикаторов, ни циферблатов, ни переключателей. Индикаторы были скорее отражающими, а не излучающими, а текстовые дисплеи изображали тёмно-синие символы на светло-сером фоне: поначалу она приняла их за наклейки с напечатанным на них текстом, и только потом заметила, что символы на них меняются.

Понтер быстро провёл её через пультовую, и они вышли к деконтаминационной установке. Прежде чем она успела понять, что происходит, Понтер расстегнул застёжки на плечах своей рубахи и стянул её с себя. Через секунду он снял с себя и штаны. Он запихал свою одежду в цилиндрическую корзину и вошёл в камеру. Пол в камере оказался вращающимся: он поворачивал стоящего неподвижно Понтера, так что сначала Мэри видела его широкую спину и то, что под ней, а потом его столь же широкую грудь и всё, что было под *ней*. Она видела эмиттеры лазерных лучей на одной стороне камеры, и яркие точки на

противоположной: лучи проходили сквозь тело Понтера, словно его и не было, по ходу уничтожая, насколько понимала Мэри, любые инородные биомолекулы.

Это заняло несколько минут — Понтер повернулся вокруг себя несколько раз, пока процесс не завершился. Мэри изо всех сил старалась не опускать взгляд. Понтер совершенно не стеснялся. В прошлый раз она видела его голым при тусклом освещении, но сейчас…

Сейчас он был ярко освещён, словно актёр в порнофильме. Почти всё его тело покрывал тонкий светлый волос, брюшные мышцы были крепкими и рельефными, мускулистая грудь была больше, чем у Мэри, а…

Она отвела взгляд; она знала, что не должна пялиться.

Наконец, с Понтером закончили. Он вышел из камеры и жестом пригласил в неё Мэри.

И внезапно сердце у Мэри подпрыгнуло. Да, ей рассказали о подробностях процедуры деконтаминации, но…

Но ей не приходило в голову, что во время процедуры Понтер будет её видеть. Конечно, она могла просто попросить его отвернуться, но…

Она сделала глубокий вдох. Будучи в Риме, веди

себя как римляне…

Она расстегнула блузку и засунула её в ту же корзину, что и Понтер. Она сняла с себя чёрные туфли и, после утвердительного кивка Понтера, также положила их в корзину. Потом сняла брюки и…

И осталась в кремовом лифчике и белых трусиках.

Если лазеры могут удалить бактерии и вирусы прямо из-под кожи, то нижнее бельё им наверняка не помешает, но…

Но её нижнее бельё, и вся остальная одежда, её сумочка, её чемодан должны быть подвергнуты акустической чистке и облучены интенсивным ультрафиолетовым излучением. Лазеры отлично справлялись с микробами, однако они были недостаточно мощны, чтобы избавиться от гораздо бóльших по размеру клещей, которые могут прятаться в складках ткани. Как сказал Понтер, после всеобъемлющей чистки все вещи будут им возвращены.

Мэри потянулась за спину и расстегнула лифчик. Она вспомнила, что в колледже проходила карандашный тест[92], но те дни ушли безвоз-

---

[92] notes: 92

Неформальный тест, показывающий, нужно ли женщине носить бюстгальтер: если под грудью удерживается карандаш, то нужно.

вратно. Её грудь обвисла. Мэри машинально скрестила руки на груди, но была вынуждена опустить их, чтобы снять трусики. Она не могла решить, будет ли приличнее повернуться лицом или спиной — в любом случае взгляду открывалось слишком много плоти не слишком презентабельного вида. В конце концов она развернулась и быстро стянула их, снова выпрямившись так быстро, как смогла.

Понтер по-прежнему смотрел на неё, ободряюще улыбаясь. Если при ярком свете она и показалась ему не такой привлекательной, как в полумраке гостиничного номера, он никак этого не показал.

Мэри положила трусики в корзину и вошла в камеру, которая начала своё унизительное вращение. Да, она сама смотрела на Понтера, но смотрела, восхищаясь — в конце концов, он мускулист и прочими достоинствами наделён весьма щедро.

Но она — женщина, стремительно приближающаяся к сорока, с двадцатью совершенно ненужными фунтами жира, чьи лобковые волосы просто кричат о том, что волосы у неё на голове крашеные. Господи, да разве может Понтер восхищаться такой бледной немочью?

Мэри закрыла глаза и стала ждать окончания процедуры. Она не чувствовала ничего: что бы лазеры ни творили у неё внутри, это было совершенно безболезненно.

Наконец, всё закончилось. Мэри вышла из кабинки на другую сторону деконтаминационного помещения, и Понтер отвёл её в ещё одну комнату, где они смогли одеться. Он указал на стену, заполненную рядами кубических шкафов с одеждой.

— Примерь из верхнего правого, — сказал он. — Они упорядочены по возрастанию размера; в том самый маленький.

Самый маленький, подумала Мэри и немного приободрилась. Похоже, в этом мире ей пришлось бы покупать одежду в детском отделе.

Мэри оделась так быстро, как смогла, и Понтер повёл её к лифту. Мэри ещё раз поразилась бросающимся в глаза различиям между технологиями глексенов и барастов. Кабина лифта была круглой и управлялась парой педалей в полу. Понтер наступил на одну из них, и кабина начала подниматься. Как это удобно, когда у тебя заняты руки! Однажды Мэри уронила все свои покупки, включая картонку с яйцами, пытаясь нажать на кнопку своего этажа.

Посреди кабины имелись четыре вертикальных штанги, равномерно распределённые по её пространству. Поначалу Мэри приняла их на опорные балки, но она ошиблась. Как только кабина поехала вверх — по-видимому, ей предстояло преодолеть те же два километра, что и на её Земле — Понтер подошёл к одной из штанг и начал тереться об неё спиной. Это оказались приспособления для чесания — неплохой способ занять время.

Мэри, однако, удивилась круглой форме кабины. Разве такая форма не приводит к вращению кабины внутри шахты?

Понтер кивнул массивной головой.

— Как раз для этого, — перевёл Хак его слова. — Подъёмный механизм встроен в стенки кабины, а не располагается наверху, как в ваших лифтах. Направляющие, по которым движется кабина, немного отклоняются от вертикали и образуют очень растянутую спираль, завитую вокруг шахты. В данном конкретном случае лифт начинает движение дверью на восток, но приезжает наверх, развернувшись на запад.

Мэри также имела возможность рассмотреть поближе то, чем освещалась кабина.

— Боже, — сказала она, присмотревшись, — это

что, люциферин?

Стеклянная трубка, заполненная жидкостью, испускавшей зеленовато-голубоватый свет, опоясывала цилиндрическую кабину под самым потолком.

Хак загудел.

— Люциферин, — повторила Мэри. — Вещество, благодаря которому светятся светлячки.

— А, — сказал Понтер, — да, это похожая каталитическая реакция. Это у нас основной способ освещения помещений.

Мэри кивнула. Разумеется, неандертальцы, адаптированные к холодному климату, вряд ли были бы в восторге от ламп накаливания, которые излучают больше тепла, чем света. Люциферино-люциферазная реакция гораздо эффективнее и почти не производит тепла, только свет.

Лифт продолжал подъём; в зелёно-голубом освещении кожа Понтера приобрела серебристый отлив, и золотисто-карие глаза казались почти жёлтыми. В крыше и полу кабины имелись вентиляционные отверстия, и из них ощутимо дуло; Мэри вздрогнула и обхватила себя руками.

— Прости, — сказал Понтер, заметив её реакцию.

— Ничего, — ответила Мэри. — Я знаю, что вам нравится холод.

— Не в этом дело, — сказал Понтер. — Просто в замкнутых помещениях накапливаются феромоны, а подъём занимает приличное время. Вентиляция для того, чтобы пассажиры не воздействовали друг на друга химически слишком сильно.

Мэри потрясённо покачала головой. Она ещё даже не выбралась из шахты, а уже была потрясена количеством различий. А ведь она знала, что направляется в другой мир. Она снова восхитилась Понтером, который впервые попал на её Землю без всякого предупреждения, но каким-то образом умудрился не сойти при этом с ума.

Наконец, лифт достиг поверхности, и двери кабины открылись. Даже это делалось непривычным для Мэри способом: дверь, которая в закрытом состоянии выглядела сплошной, открывалась, сминаясь гармошкой.

За дверью оказалось квадратное помещение метров пяти размером со стенами салатового цвета и низким потолком. Понтер подошёл к стеллажу у стены и вернулся с маленькой плоской коробочкой из чего-то, напоминающего синий картон. Он открыл её и достал что-то по-

блёскивающее металлом и пластиком.

— Верховный Серый совет признал, что у него нет иного выхода, кроме как разрешить людям вашего мира посещать наш, — сказал Понтер, — но, по словам Адекора, выдвинул одно условие. Ты должна носить вот это, — он показал её прибор, и она увидела, что это металлическая лента, в целом по виду очень похожая на Хака.

— Обычно компаньоны имплантируют, — объяснил Понтер. — Но мы понимаем, что нельзя требовать от человека подвергнуться хирургической операции ради краткого посещения нашего мира. Однако это лента не снимается. Её можно снять лишь здесь — встроенный в неё компьютер знает, где ты сейчас находишься, и позволит застёжке открыться только в этом помещении.

Мэри кивнула.

— Я понимаю. — Она протянула правую руку.

— Обычно компаньон носят на левой руке, — сказала Понтер, — если только носитель не левша.

Мэри опустила правую руку и протянула левую. Понтер занялся установкой компаньона.

— Я давно собиралась тебя спросить, — сказала Мэри. — Ведь большинство неандертальцев — правши?

— Да, около девяноста процентов.

— Мы тоже пришли к такому выводу, изучая окаменелости.

Понтер удивлённо вскинул бровь.

— Как это возможно определить по окаменелостям? Я не слышал, чтобы у нас делались какие-то предположения о проценте левшей среди глексенов.

Мэри улыбнулась, обрадовавшись изобретательности своего народа.

— По ископаемым зубам.

— Как могут быть зубы связаны с леворукостью?

— Мы изучили восемьдесят зубов, принадлежавших двадцати разным неандертальцам. Видишь ли, мы догадались, что с вашими здоровенными челюстями вы наверняка пользовались ими как зажимами — чтобы удерживать край шкуры во время удаления с неё остатков тканей. Шкуры абразивны, они оставляют на зубах маленькие щербинки. У восемнадцати особей эти щербинки были скошены вправо, чего можно ожидать в случае, когда скребок держат правой рукой.

Лицо Понтера приняло выражение, которое, как Мэри уже знала, появляется у неандер-

тальцев, на которых что-то произвело сильное впечатление: губы втянуты внутрь рта, а бровь приподнята в средней части.

— Отличное умозаключение, — сказал Понтер. — На самом деле мы до сих пор устраиваем праздники свежевания, на которых обрабатываем шкуры именно таким способом. Разумеется, есть и другие, механизированные способы, но такие празднества — традиция, социальный ритуал.

Понтер на секунду замолк, а потом продолжил:

— Кстати, о шкурах… — Он подошёл к противоположной стене помещения, вдоль которой на чём-то вроде плечиков, прикреплённых к горизонтальному брусу, висели меховые шубы. — Выбирай любую, — сказал он. — Маленькие размеры по-прежнему справа.

Мэри указала на одну; Понтер сделал что-то, что она не успела рассмотреть, и шуба оказалась у него в руках. Мэри не сразу поняла, как её надевать: застёжки у неё оказались где-то сбоку, а не на плечах, но Понтер помог ей облачиться. На секунду Мэри задумалась, не должна ли она отказаться: дома они никогда в жизни не носила натуральный мех. Но здесь, конечно, был совсем другой мир.

Это совершенно точно не был какой-то роскошный мех типа норки или соболя: он был грубым, а рыже-коричневый окрас — неоднородным.

— Что это за мех? — спросила Мэри, пока Понтер возился с застёжками.

— Мамонт, — ответил он.

Мэри округлила глаза. Пусть он не так красив, как норка, но мамонтовая шуба в её мире стоила бы неизмеримо больше.

Сам Понтер не стал надевать никакой верхней одежды, а просто пошёл к выходной двери. Эта оказалась почти привычной конструкции — она крепилась к единственной вертикальной трубе и могла вращаться вокруг неё, как на петлях. Понтер открыл её, и…

И вот они уже на поверхности.

И внезапно все странности словно испарились.

Это была Земля — Земля, которую она знала. Солнце, висящее низко над западным горизонтом, выглядело совершенно так же, как и всегда. Небо было голубым. Деревья — сосны и берёзы, а также другие разновидности, которые она могла опознать.

— Холодно, — сказала она. Здесь и правда было градуса на четыре холоднее, чем в Садбери, оставшемся в другом мире.

Понтер улыбнулся.

— Отличная погода, — сказал он.

Внезапно внимание Мэри привлёк какой-то звук, и на какое-то мгновение она подумала, что это, должно быть, мамонт бежит отомстить за своего сородича. Но нет, конечно, это был не мамонт. Это была машина на воздушной подушке, примерно кубической формы, но с закруглёнными углами, летящая к ним над каменистой землёй. Звук, который слышала Мэри, был комбинацией шума дующих вниз вентиляторов, приподнимающих машину над землёй, и большого воздушного винта, дующего назад, как у лодок, которые плавают по Эверглейдс[93].

— Ага, — сказал Понтер, — транспортный куб, который я вызвал. — Мэри предположила, что он сделал это через посредство Хака, который не стал переводить его слова на английский. Странный экипаж опустился на землю прямо перед ними, и Мэри разглядела водителя, огромного мужчину на вид лет на двадцать старше Понтера.

Прозрачная сторона куба раскрылась, и водитель что-то сказал Понтеру. И снова его слова для Мэри не переводились, но она вообразила,

---

[93] notes: 93

Обширная область болот на юге Флориды, национальный парк.

что это был неандертальский эквивалент «Куда, командир?»

Понтер жестом пригласил Мэри садиться в машину.

— А теперь, — сказал он, — я покажу тебе мой мир.

Глава 30

— Это твой дом? — спросила Мэри.

Понтер кивнул. Они провели пару часов, посещая разного рода общественные здания, так что уже наступил поздний вечер.

Мэри была потрясена. Дом Понтера не был выстроен из кирпича или камня. По большей части он был деревянный. Конечно, Мэри видела много деревянных домов — хотя во многих частях Онтарио деревянные дома запрещены строительным кодексом — но она никогда не видела ничего подобного *этому*. Дом Понтера как будто был *выращен*. Как будто чрезвычайно толстому, но очень короткому древесному стволу позволили разрастись вокруг гигантской формы в виде кубов и цилиндров размером с комнату, а потом форму убрали и дополнительно расширили получившиеся полости, но так, чтобы не убить само дерево. Внешнюю поверхность дома по-прежнему покрывала тёмно-коричневая кора, а само дерево, по видимому, жило до сих пор, хотя листья на ветвях, растущих из его центральной, преобразованной части уже начали менять цвет — наступала осень.

Но были выполнены и кое-какие плотницкие работы. Окна, к примеру, были идеально квадратные, по-видимому, прорубленные в древесине. А пристроенная сбоку веранда была сколочена из досок.

— Это… — Прилагательные сражались друг с другом в голове Мэри: причудливо, странно, великолепно, здорово… но победило всё же: — …прекрасно.

Понтер кивнул. Соплеменник Мэри сказал бы «спасибо» в ответ на комплимент вроде этого, но Мэри уже знала, что неандертальцы обычно не принимают на свой счёт похвалу чему-то, за что они не несут личной ответственности. Как-то давно она заметила, что одна из застёгивающихся на плечах рубашек Понтера выглядит очень привлекательно, и он озадаченно посмотрел на неё, будто удивляясь, зачем бы кто-то стал носить то, что *не выглядит* привлекательно.

Мэри указала на большой чёрный квадрат метров двадцати на земле рядом с домом.

— А это что? Посадочная площадка?

— Иногда. На самом деле это солнечный коллектор. Превращает солнечный свет в электричество.

Мэри улыбнулась.

— Полагаю, зимой вам приходится откидывать с него снег?

Но Понтер покачал головой.

— Нет. Автобус, который возит нас на работу, садится на него и сдувает весь снег.

Неприязнь к сгребанию снега была одной из причин, по которой Мэри после разрыва с Кольмом выбрала квартиру, а не дом. И она сомневалась, что в её мире TTC[94] согласилась бы посылать автобус с бульдозерным скребком к каждому дому в городе после каждого снегопада.

— Ну что же, — сказал Понтер, — давай войдём? — И зашагал к дому.

Дверь дома отворилась. Внутри стены не были ничем покрыты и представляли собой отполированное дерево, которым и являлись. Мэри в своей жизни видела много отделанных деревянными панелями помещений, но ни в одном из них древесные волокна не образовывали непрерывный узор, охватывающий всё помещение. Если бы она не видела этот дом снаружи, то ни за что бы не поняла, как можно достичь такого эффекта. В нескольких местах в стенах были выдолблены небольшие ниши, в которых стояли статуэтки и

---

[94] notes: 94

TTC — Toronto Transit Commission — компания-оператор общественного транспорта в Торонто.

какие-то непонятные безделушки.

Поначалу Мэри показалось, что пол покрыт какой-то зелёной тканью, но она быстро поняла, что на самом деле то был мох. Она, по-видимому, находилась в аналоге гостиной. Здесь была пара отдельно стоящих сидений очень странной формы, а у стен имелась пара диванов, по-видимому, составлявших с ней одно целое. Она не видела ничего, похожего на картины в рамах, но зато весь потолок занимала огромная фреска со множеством деталей, и…

И внезапно Мэри почувствовала, как у неё стынет кровь.

В доме был волк.

Мэри замерла; сердце бухало, как молот.

Волк сорвался с места и кинулся на Понтера.

— *Берегись!* — закричала Мэри.

Понтер повернулся и упал на один из диванов.

Волк вскочил на него, широко распахнул пасть и…

И Понтер засмеялся, когда волк начал облизывать ему лицо.

Понтер всё время повторял на разные лады одни и те же слова на своём языке. Хак их не переводил, но голос Понтера был весел и добродушен.

Через секунду Понтер столкнул волка с себя и поднялся на ноги. Животное обратило своё внимание на Мэри.

— Мэре, — сказал Понтер, — это моя собака Пабо.

— Собака?! — воскликнула Мэри. Насколько она могла судить, животное выглядело совершенно как волк: дикий, хищный, кровожадный волк.

Пабо уселся рядом с Понтером и, задрав морду к потолку, испустил протяжный громкий вой.

— Пабо! — прикрикнул на него Понтер, а потом добавил неандертальское слово, означавшее, по-видимому, что-то вроде «Фу!». Он сконфужено улыбнулся Мэри. — Она ещё никогда не видела глексенов.

Понтер подвёл Пабо к Мэри. Мэри почувствовала, как деревенеет спина и пыталась подавить дрожь, пока зубастая зверюга весом, должно быть, под сотню фунтов обнюхивала её со всех сторон.

Понтер ещё немного поговорил с собакой с теми же самыми интонациями, с которыми и соплеменники Мэри говорят со своими домашними питомцами.

В этот момент в проходе, ведущем в соседнюю комнату, показался Адекор.

— Превет, Мэре, — сказал он. — Понравилась экскурсия?

— Очень, — ответила она.

Понтер подошёл к Адекору и крепко его обнял. Мэри на мгновение отвела взгляд, а когда снова посмотрела на них, они уже просто стояли рядом, держась за руки.

Мэри снова ощутила укол ревности, однако…

Нет, нет. Конечно, в этом не было ничего неприличного. Разумеется, они вели себя так, как привыкли, не скрывая своих нежных чувств друг к другу.

И всё же…

И всё же, кто первый кинулся обниматься? Адекор? Или Понтер? Она не могла сказать. И за руки они взялись, когда она смотрела в сторону; она не видела, кто потянулся к кому. Может быть, Адекор заявляет о своих правах на территорию, специально демонстрируя Мэри, как Понтер его любит.

Пабо, по-видимому, убедившись, что Мэри никакое не чудовище, отошла от неё и вспрыгнула на один из диванов, растущих из стены в самом прямом смысле этого слова.

— Хочешь посмотреть другие комнаты? — спросил её Понтер.

— Конечно! — ответила Мэри.

Он завёл её в зону — это была не вполне отдельная комната — игравшую, по-видимому, роль кухни. Мох на полу был закрыт сплошной стеклянной панелью. Мэри не узнала ни одного из бытовых приборов, но предположила, что маленький стеклянный куб — это что-то вроде микроволновой печи, а большое устройство, состоящее из двух одинаковых синих кубов, поставленных друг на друга — наверное, холодильник. Она высказала эту догадку, и Адекор рассмеялся.

— На самом деле это лазерная печь, — сказал он, указав на меньшее устройство. — В нём используется та же самая частотная ротация, что и в стерилизаторе, через который вы сегодня проходили, но здесь она применяется для того, чтобы равномерно прожарить мясо как внутри, так и снаружи. И мы больше не пользуемся холодильниками для хранения продуктов, хотя в прошлом они были широко распространены. Это вакуумный шкаф.

— А-а, — сказала Мэри. Она повернулась и на мгновение растерялась. Одну из стен целиком заполняли четыре плоских квадратных телеэкрана, каждый из которых показывал какую-то

сценку неандертальской жизни. Она с самого начала была немного обеспокоена оруэлловскими аспектами их общественного устройства, но и подумать не могла, что Понтер может лично принимать участие в слежке за соседями.

— Это визор, — объяснил Адекор, подходя к ним. — Таким образом мы наблюдаем за экс-гибиционистами. — Он шагнул к квартету телеэкранов и что-то в них переключил. Внезапно четыре отдельных квадрата слились в один, показывающий увеличенную картинку из нижнего правого угла. — Это мой любимый, — сказал Адекор. — Хавст всегда находит что-нибудь интересное. — Он на секунду всмотрелся в изображение. — А, это игра в *дайбатол*.

— Пойдёмте-ка отсюда, — сказал Понтер, жестом приглашая их обоих следовать за ним. По его тону можно было предположить, что если Адекор начинает смотреть *дайбатол*, то его уже трудно оттащить от визора.

Мэри пошла за ним, Адекор тоже. Соседняя комната явно была совмещённой спальней и ванной. В ней было большое окно, выходившее на ручей, и утопленная в пол неглубокая квадратная яма, заполненная квадратными подушками, образующими обширную спальную поверхность. Сверху

лежали несколько подушек в форме диска. На другом краю комнаты в полу имелось углубление круглой формы.

— Это ванна? — спросила Мэри.

Понтер кивнул.

— Можешь воспользоваться, если хочешь.

Мэри покачала головой.

— Может быть, позже.

Её взгляд снова упал на кровать, и в голове начала формироваться картинка с голыми телами Понтера и Адекора, сплетёнными в любовном акте.

— И это всё, — сказал Понтер. — Вот это наш дом.

— Пойдёмте обратно в гостиную, — сказал Адекор.

Они вернулись в гостиную следом за Понтером. Адекор согнал Пабо с дивана и улёгся на него. Понтер предложил Мэри расположиться на втором диване. Похоже, лежачее положение было более естественно для неандертальцев, чем для глексенов; без сомнения, так гораздо удобнее разглядывать потолочные фрески.

Мэри уселась на второй диван, думая, что Понтер сядет рядом с ней. Он, однако, подошёл к дивану, на котором устроился Адекор и легонько

побарабанил пальцами по его лбу. Адекор приподнялся; Мэри подумала, что сейчас он свесит ноги с дивана и сядет по-нормальному, но как только Понтер уселся, Адекор снова лёг, положив голову к нему на колени.

Мэри почувствовала, как что-то переворачивается у неё внутри. Впрочем, похоже, Понтер никогда не принимал у себя дома женщину, с которой состоял в романтических отношениях.

— Итак, — сказал Понтер, — что ты думаешь о нашем мире?

Мэри воспользовалась ситуацией, чтобы отвести от них взгляд, будто бы вспоминая то, что она сегодня увидела.

— Это было… — Она пожала плечами. — Иначе. — И тут же добавила, осознав, что это может показаться обидным. — Но здорово. Очень здорово. — Она на секунду замолчала. — Чисто.

Её собственный комментарий заставил её внутренне расхохотаться. *Чисто*. Американцы всегда так говорят о Торонто. *Какой у вас чистый город!*

Но по сравнению с тем, что Мэри увидела в Салдаке, Торонто был сущим свинарником. Она всегда была уверена, что большое количество людей, живущих в одном месте, не может не производить опустошительного эффекта на окру-

жающую среду, что это попросту невозможно с точки зрения экономики, но…

Но этот эффект производит не *большое* население. Скорее, этот эффект связан с постоянно растущим населением. Неандертальцы с их дискретным размножением, должно быть, поддерживают нулевой прирост уже целые столетия.

— Нам так нравится, — сказал Адекор, по-видимому, пытаясь поддержать разговор. — Собственно, поэтому так оно и есть.

Понтер погладил Адекора по голове.

— У их мира тоже есть своё очарование.

— Я так понимаю, ваши города гораздо больше? — сказал Адекор.

— О да, — сказала Мэри. — Во многих больше миллиона жителей. В Торонто, где живу я — почти три миллиона.

Адекор покачал головой — вернее, покатал ею по коленям Понтера.

— Поразительно, — сказал он.

— После ужина мы отвезём тебя в Центр, — сказал Понтер. — Там всё гораздо плотнее, и здания стоят всего в нескольких десятках шагов друг от друга.

— Церемония вступления в союз будет происходить там? — спросила Мэри.

— Нет, на полупути между Центром и Окраиной.

Неожиданная мысль вдруг пришла Мэри в голову.

— Я… мне ведь нечего надеть на торжество.

Понтер засмеялся.

— Не беспокойся. Никто ведь не знает, какая глексенская одежда праздничная, а какая — повседневная. Любая глексенская одежда непривычна для нас. — Понтер наклонил голову, глядя на Адекора. — Кстати, об одежде. Ты, кажется, завтра встречаешься с Флуксатанским консорциумом? Что собираешься надеть? — Хак, как ни странно, не исключил Мэри из этого разговора и продолжал переводить.

— Не знаю, — ответил Адекор.

— Как насчёт зелёного камзола? — предложил Понтер. — Мне нравится, как он подчёркивает твои бицепсы, и…

Внезапно Мэри почувствовала, что не может больше этого выдержать. Она вскочила на ноги и кинулась прямиком к двери.

— Простите, — сказала она, пытаясь совладать с дыханием и успокоиться. — Простите меня, прошу вас.

И она выскочила в окружившую дом тьму.

Глава 31

Понтер вышел вслед за Мэри и закрыл входную дверь. Мэри била дрожь. Понтеру вечерний воздух не доставлял никаких неудобств, но он явно осознавал, что происходит с Мэри. Он подошёл ближе, словно собираясь обхватить её своими массивными руками, но Мэри яростно двинула плечами, отвергая его прикосновение, и отвернулась от него и от дома.

— Что случилось? — спросил Понтер.

Мэри глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

— Ничего, — сказала она. Она понимала, что говорит, как взбалмошная истеричка, и ненавидела себя за это. Да в чём же дело? Ведь она знала, что у Понтера есть любовник-мужчина, но…

Но одно дело знать это как отвлечённый факт, и совсем другое — видеть это во плоти.

Мэри удивлялась самой себе. Она чувствовала ревность более жгучую, чем когда впервые увидела Кольма с новой пассией после того, как они расстались.

— Ничего, — повторила Мэри.

Понтер заговорил на своём языке голосом, в

котором звучали растерянность и огорчение. Хак перевёл его слова более нейтральным тоном:

— Прости, если я чем-то тебя обидел.

Мери подняла голову и посмотрела в тёмное небо.

— Тут дело не в обиде, — сказала она. — Просто… — Она помолчала. — Просто мне надо кое к чему привыкнуть.

— Я знаю, что мой мир отличается от твоего. У меня дома слишком темно для тебя? Или слишком холодно?

— Нет, не в этом дело, — сказала Мэри, и медленно повернулась к нему лицом. — Это… Адекор.

Бровь Понтера влезла на надбровный валик.

— Он тебе не понравился?

Мэри замотала головой.

— Нет, нет. Не в этом дело. Он очень приятный человек. — Она снова вздохнула. — Проблема не в Адекоре. Проблема в вас с Адекором. В том, что я вижу вас вместе.

— Он мой партнёр, — сказал Понтер.

— В моём мире у человека только один партнёр. Мне безразлично, того же самого пола или противоположного. — Она хотела было добавить: «мне правда безразлично», но испугалась, это произведёт обратный эффект. — И для нас быть…

в общем, вместе, как ты и я… в то время, как ты вместе с ещё кем-то… — она умолкла, потом пожала плечами, — … это очень трудно. А я должна смотреть, как вы двое… любезничаете…

— Ох, — сказал Понтер, а потом, словно посчитав, что одного раза недостаточно, повторил: — Ох. — После это он затих на несколько секунд. — Я не знаю, что тебе на это сказать. Я люблю Адекора, а он любит меня.

Мэри хотела было спросить, какие чувства он испытывает к ней — но сейчас было неподходящее время: он может почувствовать отвращение к узости её взглядов.

— Кроме того, — сказал Понтер, — в семье не может быть неприязни. Ведь ты наверняка не чувствовала бы себя уязвлённой от моей любви к брату, или дочерям, или родителям.

Мэри задумалась над этим, а Понтер через секунду продолжил:

— Возможно, это прозвучит банально, но у нас говорят: любовь как кишечник, её всем хватит.

Мэри поневоле рассмеялась. Но смех получился вымученным, сквозь слёзы.

— Ты не касался меня с тех пор, как мы сюда приехали.

Понтер округлил глаза.

— Двое пока не становятся Одним.

Мэри какое-то время молчала.

— Мне… всем глексенским женщинам… да и мужчинам тоже — нам нужна любовь всё время, а не только четыре дня в месяц.

Понтер вделал глубокий вдох и медленно выпустил воздух.

— Обычно…

Он умолк, и слово повисло между ними. Мэри ощутила, как ускорился ей пульс. Обычно каждый имеет двух партнёров, одного мужчину, другого — женщину. Неандертальские женщины не страдают от отсутствия ласки — но большую часть месяца получают её от партнёрши-женщины.

— Я знаю, — сказала Мэри. — Я знаю.

— Возможно, это была ошибка, — сказал Понтер, возможно, настолько же себе, насколько и Мэри, хотя Хак всё равно послушно перевёл его слова. — Возможно, мне не следовало приводить тебя сюда.

— Нет, — сказала Мэри. — Нет, я хотела здесь побывать, и я рада, что побывала. — Она заглянула прямо в его золотистые глаза. — Когда в следующий раз Двое станут Одним? — спросила она.

— Через три дня, — ответил Понтер. — Но… — он

замолчал, и Мэри моргнула. — Но, — продолжил он, — я не думаю, что кому-то будет плохо от того, что между нами будет немного нежности уже сейчас.

Он раскрыл свои медвежьи объятия, и, после секундного колебания, Мэри шагнула в них.

* * *

Мэри, разумеется, не могла остановиться у Понтера, поскольку Понтер жил на Окраине, местности, где жили исключительно мужчины. Адекор предложил идеальное решение: Мэри могла бы пожить у его партнёрши, Лурт Фрадло. В конце концов, Лурт была химиком в неантертальском понимании этого термина — тот, кто работает с молекулами. Мэри, в соответствии с этим определением, тоже была химиком, специализирующимся на дезоксерибонуиклеиновой кислоте.

Лурт согласилась без колебаний — а какой учёный из любого мира отказался бы от шанса принять у себя дома учёного из другого? Так что Понтер и Адекор вызвали транспортный куб, и Мэри поехала в Центр.

Водителем в этот раз оказалась женщина — или, возможно, так устроил Хак: искусственный

интеллект знал о пережитом Мэри изнасиловании столько же, сколько и Понтер. Во временный компаньон Мэри оказалась загружена база данных Хака, и Мэри воспользовалась этим фактом для того, чтобы поболтать с женщиной-водителем.

— Почему ваши машины имеют форму куба? — спросила Мэри. — Это не слишком аэродинамично.

— А какой же формы им быть? — спросила водительница. Её голос был почти таким же низким, как у Понтера, и резонировал, как у Майкла Белла, когда тот пел «Ol' Man River».

— Ну, в моём мире машины имеют закруглённую форму, и они… — в голове всплыли Monty Python, — …они тонкие на одном конце, потолще в середине и снова тонкие на другом.

У водительницы были чёрные волосы и кожа темнее, чем Мэри до сих пор видела у неандертальцев — цвета молочного шоколада. Она покачала головой.

— Как же штабелевать такие машины?

— *Штабелевать?* — повторила Мэри.

— Ну да. В смысле, когда ими не пользуются. Мы ставим их одну на другую, и размещаем штабеля вплотную друг к другу. Так они занимают

меньше места.

Мэри подумала об огромных территориях своего мира, отведённых под парковки и стоянки.

— Но… как же вы доберётесь до вашей машины, если она окажется в самом низу штабеля?

— До *моей* машины?

— Да. До той, которая принадлежит вам.

— Все машины принадлежат городу, — сказала водительница. — Зачем мне собственная?

— Ну, я не знаю…

— Ведь их производство обходится дорого, по крайней мере, здесь у нас.

Мэри подумала о своих платежах по автокредиту.

— В моём мире тоже самое.

Она посмотрела на окружающую местность. Вдалеке летел другой транспортный куб во встречном направлении. Интересно, что бы подумал Генри Форд, если бы ему сказали, что через сто лет после начала производства «Модели Т»[95] половина территории городов будет использоваться для обеспечения передвижения

---

[95] notes: 95

Первая в мире модель автомобиля, производившаяся миллионными сериями и ставшая доступной широким слоям населения. Считается, что именно эта модель положила начало тотальной автомобилизации США.

или стоянки автомобилей, что дорожно-транспортные происшествия станут одной из главных причин смерти людей младше двадцати пяти, что автомобили будут загрязнять воздух больше, чем все фабрики, заводы и печи мира вместе взятые.

— Тогда зачем владеть машиной? — спросила водительница.

Мэри слегка пожала плечами.

— Мы любим владеть вещами.

— Мы тоже, — сказала она. — Но никто не пользуется машиной десять деци в день.

— А вы не боитесь, что тот, кто пользовался машиной перед вами, ну, скажем, запачкал её?

Водительница слегка наклонила ручку управления, объезжая группу деревьев впереди. А потом молча подняла левую руку, словно этот жест всё объяснял.

И, поняла Мэри, это было действительно так. Никто не станет разбрасывать мусор или портить общественный транспорт, зная, что полная видеозапись всего, что он делает, автоматически передаётся в архив алиби. Никто не может украсть машину или воспользоваться ей для совершения преступления. И компаньон наверняка следит за всем, что вы взяли с собой в машину, так что вы вряд ли забудете в машине шляпу и

вам не придётся потом разыскивать именно ту машину, в которой вы ехали.

Уже почти совсем стемнело. Мэри с удивлением обнаружила, что машина уже не пробирается через дикую местность, а едет по самому Центру Салдака. Уличное освещение практически отсутствовало; Мэри видела, что водительница смотрит не наружу сквозь прозрачную переднюю стену транспортного куба, а в квадратный инфракрасный монитор, вделанный в приборную панель прямо перед ней.

Машина опустилась на землю, и её боковая поверхность сложилась гармошкой, впустив внутрь зябкий ночной воздух.

— Приехали, — сказала водительница. — Вон тот дом, видите? — Она указала на причудливой формы строение, смутно виднеющееся метрах в пятнадцати.

Мэри поблагодарила её и вышла. Поначалу она собиралась пройти прямо к дому — ей было не по себе одной ночью на улице в этом странном мире. Но потом она остановилась и посмотрела на небо.

Звёзды сияли над головой во всём своём великолепии, и Млечный Путь был отчётливо виден. Как его называл Понтер той ночью в Садбери?

«Ночная Река», вот как.

А вон там Большой Ковш — Голова Мамонта. Мэри провела воображаемую линию через опорные звёзды и быстро нашла Полярную звезду, что означало, что она стоит лицом к северу. Она нашарила в сумочке компас, который взяла с собой по просьбе Джока Кригера, но было слишком темно, чтобы разглядеть стрелку. Так что, насмотревшись на небесное великолепие, Мэри подошла к дому Лурт и попросила компаньон поставить хозяев в известность о её приходе.

Мгновение спустя дверь открылась, и за ней показалась ещё одна женщина-неандерталка.

— Здравый день, — произнесла она — или, по крайней мере, так перевёл её слова компаньон.

— Здравствуйте, — сказала Мэри. — Ой, секундочку. — Из двери падало достаточно света; Мэри взглянула на стрелку компаса и почувствовала, как глаза у неё лезут на лоб. Окрашенный конец стрелки — синий конец, в отличие от металлически блестящего противоположного — указывал в направлении Полярной звезды, туда же, куда указывал бы по другую сторону портала. Несмотря на то, что сказал Джок, реверсия магнитного поля, похоже, ещё не происходила на этой версии Земли.

* * *

Мэри отлично провела вечер в доме Лурт, познакомившись с маленьким сыном Адекора Дабом и остальными членами её семьи. Единственный по-настоящему неловкий момент случился, когда ей пришлось воспользоваться туалетом. Лурт показала ей, где он находится, но, увидев то, что находилось внутри, Мэри пришла в полнейшее замешательство. Наверное, с минуту она тупо его разглядывала, а потом вышла и подозвала Лурт.

— Прошу прощения, — сказала Мэри, — но… видите ли, это совершенно не похоже на туалеты в моём мире. Я совершенно не понимаю, как…

Лурт засмеялась.

— Простите! — сказала она. — Вот. Вы помещаете ноги вот в эти стремена, хватаетесь вот за эти кольца вот так…

Мэри осознала, что для того, чтобы это проделать, придётся полностью снять с себя штаны, однако на стене был крючок, по-видимому, специально, чтобы их на него вешать. На самом деле это оказалось довольно удобно, хотя она вскрикнула от неожиданности, когда влажная губкообразная штуковина сама по себе начала её вытирать.

Мэри не заметила в туалете ничего, что можно бы было читать. У неё дома в Торонто на туалетном бачке всегда лежали последние номера «The Atlantic Monthly», «Canadian Geographic», «Utne Reader», «Музыки кантри» и «Мира кроссвордов». Впрочем, подумала она, неандертальцы с их чувствительным нюхом даже при идеально работающей канализации, наверное, стараются не задерживаться в туалете дольше необходимого.

Мэри спала в ту ночь на груде диванных подушек, сложенных на полу. Поначалу ей было неудобно: она привыкла к более однородной плоской поверхности, но Лурт показала ей, как разложить подушки в нужном порядке, чтобы они образовали опору для шеи и спины, развели колени и так далее. Несмотря на всю непривычность такой позы, Мэри чувствовала себя абсолютно вымотанной и моментально заснула.

На следующее утро Мэри пошла с Лурт к ней на работу. Здание, в котором она работала, в отличие от большинства зданий Центра, было полностью выстроено из камня — как объяснила Лурт, на случай пожара или взрыва, если какой-нибудь эксперимент пойдёт не так.

Лурт работала с шестью другими женщинами-химичками, и Мэри уже приобрела привычку

рассортировывать их по поколениям, хотя вместо того, чтобы называть их, как Понтер, «146-я», «145-я», «144-я», «143-я» и «142-я», по количеству десятилетий, прошедших от начала отсчёта поколений, она думала о них как о женщинах под тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят и семьдесят. И хотя неандертальские женщины старели не совсем так, как женщины Homo sapiens — надбровный валик, натягивая кожу, похоже, несколько препятствовал образованию морщин — Мэри без труда определяла, кто к какой группе принадлежит. В условиях, когда люди рождаются раз в десять лет, идея скрывать свой возраст, должно быть, никогда не приходила в голову неандертальским женщинам.

И всё же через некоторое время Мэри перестала воспринимать людей в лаборатории Лурт как неандертальцев и начала относиться к ним как к просто женщинам. Да, их внешность была необычна — женщины с комплекцией лайнбэйкера[96], женщины с волосами на лице — но они были, безусловно… нет, не *женственными,* подумала Мэри; это слово перегружено слишком многими ожиданиями. Но это безусловно были

[96] notes: 96
Позиция игрока в американском футболе.

женщины: вежливые, отзывчивые, разговорчивые и дружелюбные. Словом, с ними было приятно иметь дело.

Конечно, Мэри принадлежала к поколению — она надеялась, что к последнему такому поколению в её мире — при котором в науке трудилось гораздо больше мужчин, чем женщин. Она никогда не работала в коллективе, в котором женщины составляли бы большинство — хотя в Йоркский университет подошёл достаточно близко — не говоря уж о том, чтобы состоять из одних женщин. Возможно, в таких обстоятельствах обстановка на рабочем месте напоминала бы здешнюю и в её мире. Мэри выросла в Онтарио, в котором по историческим причинам было две отдельные финансируемые правительством системы школьного образования: публичная — в американском, а не британском смысле[97], и католическая. Поскольку религиозное образование разрешено только в религиозных учебных заведениях, многие родители-католики посылали детей учиться в католические школы, но родители Мэри — по большей части по настоянию

[97] notes: 97

В Англии название public school закрепилось за привилегированными частными школами, в США так называют обычные общеобразовательные школы.

её отца — сделали выбор в пользу публичной системы. Когда ей исполнилось четырнадцать, начались разговоры о переводе её в католическую школу для девочек — Мэри тогда не успевала по математике, и маме сказали, что отсутствие в классе мальчиков могло бы ей помочь. Но в конце концов родители решили оставить её в публичной школе, потому что, как сказал папа, ей всё равно когда-нибудь придётся иметь дело с мужчинами, так что лучше привыкать к ним уже сейчас. Поэтому свои последние школьные годы Мэри провела в старшей школе в Ист-Йорке, а не в школе Святой Терезы по соседству. И хотя несмотря на совместное обучение она преодолела свои трудности с математикой, она иногда задумывалась о преимуществах полностью женской школы. Некоторые из её лучших студенток в Йоркском университете вышли как раз из таких школ.

И, может быть, некоторые из этих преимуществ стоили того, чтобы распространить их и на взрослую жизнь, на рабочее место, позволив женщинам трудиться в окружении, свободном от мужчин и их эго.

Хотя неандертальская система измерения времени разумно делила сутки на десять равных

частей, считая их началом время восхода солнца во время равноденствия, Мэри по-прежнему полагалась на показания своих часов, а не на загадочные символы на дисплее компаньона — в конце концов, несмотря на то, что она находилась в другом мире, часовой пояс здесь был тот же самый.

Для Мэри был привычен дневной ритм утренних и дневных перерывов на кофе и часового обеденного перерыва в середине дня, однако неандертальский метаболизм не позволял им оставаться без еды так долго. В рабочем дне неандертальца было два длинных перерыва, один примерно в 11, другой в три часа дня. Во время обоих поглощалось большое количество еды, включая сырое мясо — та же самая технология, что убивала инфекцию внутри человеческого тела, позволяла людям есть мясо, не подвергнутое термической обработке; мощные неандертальские челюсти отлично с ним справлялись. В отличие от желудка Мэри: она сидела со всеми за общим столом, но старалась не отводить взгляд от своей тарелки.

Она могла бы есть отдельно от других, но Лурт была свободна только в это время, а Мэри хотелось с ней поговорить. Её очень интересовали

неандертальские познания в генетике, и Лурт была готова ими с ней делиться.

За короткое время, проведённое с Лурт, Мэри узнала так много, что ей начало казаться, что теперь возможно всё — особенно когда мужчины не мешают.

Глава 32

За свою жизнь Мэри побывала примерно на дюжине свадебных церемоний — нескольких католических, одной еврейской, одной традиционной китайской и нескольких гражданских. Так что в общем и целом она думала, что представляет себе, чего ожидать от церемонии Жасмель.

Она ошибалась.

Конечно, она знала, что церемония не будет проходить в храме или каком другом месте поклонения — таких у неандертальцев попросту не было. Церемония проходила на природе под открытым небом.

Когда транспортный куб высадил Мэри, Понтер уже был там; они прибыли первыми, так что, пока никто не видит, позволили себе крепко обняться.

— Ага, — сказал Понтер, отпуская Мэри, — вот и они.

Было солнечно. Мэри обнаружила, что забыла солнцезащитные очки на другой стороне, и ей пришлось щуриться, чтобы разглядеть приближающуюся компанию. Она состояла из трёх женщин — одна, как показалось Мэри, была воз-

растом под сорок, вторая — подросток, и с ними ребёнок лет восьми. Понтер посмотрел на Мэри, потом на приближающуюся женщину, потом снова на Мэри. Мэри пыталась прочитать выражение его лица; будь он её соплеменником, она бы решила, что он страшно смущён, как будто неожиданно осознал, что попал в очень неудобное положение.

Три женщины шли пешком, и они приближались с востока — со стороны Центра. У старшей и младшей в руках не было ничего, но средняя несла на спине большой рюкзак. Когда они подошли поближе, маленькая девочка вскрикнула «Папа!» и побежала к Понтеру, который сгрёб её в охапку.

Остальные две подходили медленно, и старшая женщина явно сдерживала шаг, держась рядом с младшей, которая не могла идти быстро из-за рюкзака.

Понтер выпустил восьмилетку из объятий и, держа её за руку, повернулся к Мэри.

— Мэре, это моя дочь Мега Бек. Мега, это мой друг Мэре.

Мега явно до сих пор не замечала никого, кроме папочки. Она оглядела Мэри с головы до ног.

— Ого, — сказала она, наконец. — Ты глексен,

да?

Мэри улыбнулась.

— Ага, — сказала она; её временный компаньон перевёл её ответ.

— Ты придёшь ко мне в школу? — спросила Мега. — Я хочу показать тебя другим детям!

Мэри на секунду опешила; ей как-то не приходило в голову, что знакомством с ней можно хвастаться.

— Гмм, если у меня будет время, — сказала она.

Две другие женщины тем временем приблизились.

— Это моя старшая дочь, Жасмель Кет, — сказал Понтер, указывая на восемнадцатилетнюю девушку.

— Привет, — сказала Мэри. Она осмотрела девушку, но не смогла определить, насколько она привлекательна по неандертальским стандартам. Однако она унаследовала от отца золотистые глаза, на которых останавливался взгляд. — Я… — она решила не ставить Жасмель в затруднительное положение, называя имя, которое она не могла бы произнести. — Я — Мэре Воган.

— Здравствуйте, учёная Воган, — сказала Жазмель, которая, должно быть, уже слышала о ней;

иначе она бы вряд ли догадалась, как правильно отделить имя от фамилии. И следующая реплика Жасмель подтвердила эту догадку. — Это вы дали папе тот кусочек металла, — сказала она.

Мэри на мгновение растерялась, но потом догадалась, о чём она. Распятие.

— Да, — ответила Мэри.

— Я вас уже видела, — сказала Жасмель, — на мониторе, когда мы спасали папу. Но… — Она удивлённо покачала головой. — Я всё равно с трудом верила.

— Ну, — сказала Мэри, — теперь я здесь. Надеюсь, вы не против моего присутствия на церемонии?

Даже если она и была против, то не стала подводить отца:

— Нет, конечно, нет. Я очень рада, что вы здесь.

Понтер быстро заговорил, по-видимому, как показалось Мэри, тоже ощутив, что дочь скрывает неудовольствие и желая не дать ему выйти на поверхность:

— А это опекунша моей дочери — теперь уже бывшая. — Он взглянул на старшую женщину. — Я… э-э… не ждал, что ты придёшь.

Бровь неандерталки вскарабкалась на надбров-

ный валик.

— Да уж наверное, — сказала она, взглянув на Мэри.

— Э-э… — сказал Понтер, — да, в общем, это Мэре Воган — женщина с той стороны, про которую я рассказывал. Мэре, это Даклар Болбай.

— О Господи, — сказала Мэри, и её компаньон издал гудок, не в состоянии перевести фразу.

— Да? — сказала Даклар, предлагая Мэри повторить попытку.

— Я… в смысле, рада познакомиться. Я много о вас слышала.

— И я о вас, — голос Даклар звучал ровно.

Мэри выдавила из себя улыбку и отвела взгляд.

— Даклар, — объяснил Понтер, — была партнёршей моей партнёрши, Класт, а потом опекуншей моих дочерей. — Он повернулся к Даклар и продолжил с нажимом: — Пока Жасмель не стала совершеннолетней, когда ей этой весной исполнилось 225 месяцев.

Мэри пыталась понять, что здесь происходит. Понтер, похоже, даёт понять, что раз Даклар более никак не связана с Жасмель, то она не должна быть здесь. Мэри вполне понимала, что её присутствие для Понтера нежелательно. Даклар, в конце

концов, пыталась добиться кастрации Адекора.

Неловкая ситуация была прервана появлением ещё двух неандертальцев — мужчины и женщины, оба лет пятидесяти на вид.

— Это родители Триона, — сказал Понтер, — Бол Дурбан, — он указал на мужчину, — и Явла Пол. Бол, Явла, это мой друг Мэре Воган.

— Не нужно представлений, — громогласно ответил Бол. — Я видел вас по визору.

Мэри постаралась подавить дрожь. Она иногда замечала поблёскивание серебристых одежд, но не предполагала, что является объектом внимания эксгибиционистов.

— Ты только посмотри на неё! — воскликнула Явла. — Кожа да кости! Там у вас хватает еды, в вашем мире?

Никогда и никогда не говорил про Мэри «кожа да кости» за всю её жизнь, и сейчас ей это даже понравилось.

— Да, — ответила она, слегка покраснев.

— Ну, сегодня вечером у нас банкет, — сказала Явла. — Конечно, за один раз декамесяцы небрежения не исправить, но у вас будет шанс начать!

Мэри вежливо улыбнулась.

Бол обернулся к своей партнёрше.

— Где носит твоего сына? — спросил он.

— Кто бы спрашивал, — ответила Явла полушутливым тоном. — Пунктуальность он явно унаследовал от тебя.

— Вон он идёт, — сказала Жасмель, по-прежнему с рюкзаком на спине.

Мэри взглянула туда, куда указывала Жасмель. Вдалеке виднелась человеческая фигура, ковыляющая в их направлении и несущая на плечах что-то большое. Было похоже, что он доберётся до них не раньше, чем через несколько минут. Мэри склонилась к Понтеру:

— Напомни мне, как зовут наречённого твоей дочери?

Понтер на секунду застыл, по-видимому, выслушивая Хака, который пытался сообразить, о чём спрашивает Мэри.

— О, — сказал он, наконец. — Трион Ругал.

— Не понимаю вашей системы имён, — сказала Мэри. — Вот, к примеру, «Воган» — это моя фамилия: у обоих моих родителей, моей сестры и моих братьев она такая же. — Она прикрыла глаза рукой от солнца и снова посмотрела на приближающегося парня.

Понтер также смотрел в том направлении, однако его глаза прикрывал от солнца надбровный валик.

— Первое имя используется членами семьи и близкими друзьями, и выбирается матерью; вторым пользуются за пределами этого круга, и оно выбирается отцом. Теперь видишь логику? Отцы живут на периферии; матери — в центре. Мой отец выбрал для меня имя «Боддет», что означает «сказочно красивый», а моя мать — «Понтер», что значит «невероятно умный».

— Ты шутишь, — сказала Мэри.

Понтер расплылся в своей великанской улыбке.

— Шучу. Прости, мои имена и близко не стояли с твоим — «мать Бога». Если серьёзно, то «Понтер» означает «полнолуние», а «Боддет» — это название города в Эвсое, известного своими великими живописцами.

— А-а, — сказала Мэри. — Тогда… Боже мой!

— Ну, — сказал Понтер, всё ещё в шутливом настроении, — он точно не мой.

— Нет, посмотри! — Она показала на Триона.

— И что? — спросил Понтер.

— Он тащит оленью тушу!

— Ты заметила? — Понтер улыбался. — Это его охотничье подношение Жасмель. А у неё в рюкзаке — подарок собирательницы.

И правда, Жасмель только сейчас снимала рюк-

зак со спины. Должно быть, подумала Мэри, по традиции мужчина должен видеть, что она сама принесла своё добро. Когда Трион приблизился, Понтер пошёл ему навстречу и помог снять тушу оленя с плеч.

Желудок Мэри начал протестовать. Оленья шкура была вся в крови, на ней виднелось с полдюжины проникающих ран. А когда Трион нагнулся, она увидела, что его спина также покрыта запёкшейся оленьей кровью.

— Кто-нибудь будет руководить церемонией? — спросила Мэри.

Понтер сделал озадаченное лицо.

— Нет.

— У нас её ведёт судья или представитель церкви, — сказала Мэри.

— Клятва, которую дадут друг другу Трион и Жасмель, будет автоматически записана в архив алиби, — сказал Понтер.

Мэри кивнула. Ну конечно.

Освободившись от оленьей туши, Трион кинулся к своей невесте. Жасмель встретила его с распростёртыми объятиями, и они крепко обнялись и лизнули друг друга в лицо, довольно страстно. Мэри обнаружила, что рефлекторно отвела глаза.

— Ну что же, — сказал Бол, отец Триона. — На то, чтобы зажарить этого оленя, уйдёт целый децидень. Пора браться за дело.

Молодые закончили обниматься. Мэри с отвращением отметила, что Жасмель запачкала руки оленьей кровью со спины Триона, но, заметив это, лишь рассмеялась.

И тут, без всякой преамбулы, церемония, по-видимому, началась.

— Ладно, — сказала Жасмель. — приступим. — Она повернулась к Триону. — Я обещаю держать тебя в сердце двадцать девять дней в месяц, и держать тебя в руках, когда Двое становятся Одним.

Мэри взглянула на Понтера. Мускулы его широких челюстей напряглись; он был явно растроган.

— Я обещаю, — продолжала Жасмель, — что твоё здоровье и твоё счастье будут для меня так же важны, как и мои собственные.

Даклар, похоже, расчувствовалась не меньше Понтера. В конце концов, как поняла Мэри, Жасмель прожила с ней бок о бок всю свою жизнь.

Жасмель заговорила снова:

— Если ты когда-нибудь устанешь от меня, я обещаю опустить тебя, не тая зла, и наилучшим

образом позаботиться о благополучии наших детей.

Мэри потрясло это заявление. Насколько проще была бы её собственная жизнь, если бы они с Кольмом дали друг другу подобную клятву. Она взглянула на Понтера и…

О Господи!

Даклар подошла к нему и теперь стояла рядом и… Мэри не поверила своим глазам — они держались за руки!

По-видимому, теперь была очередь Триона.

— Я обещаю, — сказал он, — держать тебя в сердце двадцать девять дней в месяц, и держать тебя в руках, когда Двое становятся Одним.

Двое становятся Одним, подумала Мэри. Наверняка это случилось хотя бы раз в период между возвращением Понтера и его вторым появлением на её Земле. Она полагала, что он провёл это время в одиночестве, но…

— Я обещаю, — говорил Трион, — что твоё счастье и твоё благополучие будут для меня так же важны, как и мои собственные.

— Если когда-нибудь ты устанешь от меня, — продолжал он, — я обещаю отпустить тебя без страданий, и наилучшим образом позаботиться о благополучии наших детей.

В обычных обстоятельствах Мэри порадовалась бы такой абсолютной симметричности брачной клятвы — ей пришлось немало поругаться с Кольмом из-за того, чтобы не произносить «и повиноваться» во время венчания. Но эта мысль оказалась совершенно подавлена шоком, который она испытала, увидев Понтера и Даклар, держащихся за руки — и это после того, что она сделала с Адекором!

Малышка Мега напугала Мэри, громко хлопнув в ладоши.

— Они соединились! — закричала она. В течение какого-то мгновения Мэри думала, что девочка имеет в виду Понтера и Даклар — но нет, нет, это было бы смешно.

Бол хлопнул себя по животу.

— Ну ладно, раз с этим покончено, — сказал он, — принимаемся за готовку!

Глава 33

— Да вы что, — сказал Селган, сокрушённо качая головой, — рехнулись?

— Даклар не должно было быть там! — ответил Понтер. — В церемонии вступления в союз участвуют только родители и двое детей, заключающих союз. Там нет места для однополых партнёров родителей.

— Но Даклар была табантом *ваших дочерей.*

— Не Жасмель, — возразил Понтер. — Жасмель достигла возраста совершеннолетия; Даклар больше не была её опекуном.

— Но вы привели с собой Мэри, — сказал Селган.

— Да. И я не собираюсь просить за это прощения — я был вправе привести кого-то вместо Класт. — Понтер нахмурился. — А Даклар не имела права там находиться.

Селган почесал лысину там, где редеющие волосы обнажили широкую полосу.

— Вы, физики, — сказал он, снова покачав головой, — ожидаете, что люди поведут себя предсказуемо, что они следуют каким-то неизменным правилам. Но это не так.

Понтер саркастически фыркнул.

— Да неужели?...

* * *

К ужасу Мэри, в разделке оленя по традиции должны были участвовать все. Бол и Явла, родители... «жениха», Мэри не смогла подобрать более подходящего термина — принесли острые металлические ножи, и Бол вспорол оленя от горла до хвоста. Мэри оказалась не готова к зрелищу такого количество крови, так что она извинилась и отошла в сторону.

Здесь было холодно, в этом неандертальском мире, и становилось ещё холоднее — солнце клонилось к закату.

Мэри стояла спиной к празднеству, но через некоторое время услышала шуршание шагов по первой осенней листве. Она была уверена, что это Понтер пришёл её утешить и... и объясниться. Но её сердце подпрыгнуло, когда послышался низкий голос Даклар.

— Похоже, вам не по себе от этой операции.

— Я никогда раньше ничего подобного не делала, — сказала она, поворачиваясь к ней. Она заметила, что Явла и Мега теперь занимались сбором дров для костра.

— Всё в порядке. У нас всё равно лишняя пара

рук.

Сначала Мэри подумала, что Даклар говорит о своём присутствии, которое явно застало Понтера врасплох. Но потом она подумала, что Даклар, скорее, пытается уколоть её.

— Понтер пригласил меня, — сказала Мэри, сразу обругав себя за то, что кинулась оправдываться.

— Я так и поняла, — сказала Даклар.

Мэри, зная, что потом будет сожалеть о своей неспособности сдержаться, перешла в наступление:

— А вот я не понимаю, как вы можете быть такой из себя любезной после того, что сделали с Адекором.

Даклар ответила не сразу, и Мэри не удалось прочитать выражение её лица.

— Я смотрю, — сказала она, наконец, — наш Понтер о многом вам рассказывает.

Мэри не понравилось, как прозвучало «наш Понтер», но она промолчала. Через секунду Даклар продолжила:

— Что конкретно он вам рассказал?

— Что пока Понтер был в нашем мире, вы обвинили Адекора в его убийстве. Адекора! Которого Понтер любит!

Даклар приподняла бровь.

— Он вам сказал, что стало основной уликой против Адекора?

Мэри знала, что Даклар — собирательница, а не охотница, но чувствовала, что её умело загоняют в ловушку. Она чуть качнула головой.

— Улик не было, — сказала она, — поскольку не было преступления.

— В тот раз не было, совершенно верно. Но в прошлом… — Даклар замолчала; её голос звучал самую малость надменно, самую малость снисходительно. — Я уверена, что Понтер не сказал вам, *кто* повредил ему челюсть.

Однако Мэри хотела показать ей, как близка она с этом мужчиной.

— Он рассказал мне *всё*. Я даже видела рентгеновские снимки.

— Тогда вы должны понять. Адекор уже пытался однажды убить Понтера, так что…

Внезапно Даклар замолкла, не договорив, и её глаза удивлённо округлились — должно быть, она заметила, как Мэри изменилась в лице.

— Вы не знали, что это был Адекор, не так ли? Понтер не настолько с вами откровенен?

Сердце Мэри бешено заколотилось. Она молчала, боясь, что не справится с голосом.

— Значит, — сказала Даклар, — у меня *есть* для вас новая информация. Да, это Адекор Халд ударил Понтера по лицу. Я представила запись из его архива алиби Понтера качестве доказательства.

Мэри частенько ругалась с Кольмом — чего уж тут скрывать — но он ни разу не поднял на неё руку. Хотя она и знала, что такое не редкость, она и вообразить не могла, что стала бы жить с супругом, который её бьёт. Однако…

Однако это было всего лишь раз, и…

Нет, нет. Будь Понтер женщиной, она не простила бы Адекору даже одного раза, как…

Она ненавидела вспоминать об этом, терпеть не могла, когда это вдруг всплывало в памяти.

Как не смогла простить отца за то, что он единственный раз поднял руку на маму целую вечность назад.

Но Понтер — мужчина, физически равный Адекору, и…

И всё же ничто — *ничто* — не могло оправдать такое поведение. Ударить того, кого ты якобы любишь!

Мэри не знала, что ответить Даклар, и после долгой паузы неандерталка заговорила снова:

— Как видите, обвинение против Адекора *не было* необоснованным. Да, я сожалею об этом

сейчас, но…

Она замолкла. До сего момента Даклар не проявляла особой сдержанности в выражении своих мыслей, и Мэри стало интересно, о чём таком эта женщина решила умолчать. И тут её осенило.

— Но вас ослепила мысль о том, что Понтер для вас потерян.

Даклар не кивнула, и не покачала головой, но Мэри знала, что попала в яблочко.

— Тогда… — сказала Мэри. Она не имела ни малейшего понятия, что Понтер рассказывал Даклар, если вообще что-то рассказывал, о его отношениях с Мэри во время первого визита в её мир, и…

…и наверняка не имел возможности рассказать ей о том, насколько углубились эти отношения с тех пор, но…

Но Даклар — женщина. Пусть она весит двести фунтов и жмёт от груди вдвое больше, пусть щёки у неё покрыты мягким пушком.

Но всё же она женщина, самка рода Homo, и она наверняка видит ситуацию так же ясно, как и Мэри. Если Даклар не знала об интересе Понтера к Мэри до сего дня, она узнала о нём сейчас. Не только потому, что всё было до ужаса очевидно — Понтер привёл Мэри на свадьбу дочери в

качестве замены её умершей матери — но и по тому, как Понтер смотрит на неё, как держится поблизости от неё. Его поза, его язык тела звучали для Даклар так же ясно, как и для Мэри.

— Действительно, «тогда», — сказала Даклар, повторяя последние слова Мэри.

Мэри глянула в сторону свадебного пикника. Понтер трудился над оленьей тушей с Жасмель, Трионом и Болом, но погладывал в их сторону. Будь он глексеном, Мэри, наверное, не смогла бы на таком расстоянии разглядеть выражение его лица, но на широком обличье Понтера всё было гораздо отчётливей и заметнее. Он определенно нервничал по поводу разговора, который Даклар затеяла с Мэри — и у него были дли этого все основания.

Она снова посмотрела на стоящую перед ней неандерталку, которая сложила руки на широкой, но не особенно выпуклой груди. Мэри уже заметила, что ни одна из виденных ей местных женщин не была в этом отношении одарена природой так, как, скажем, Луиза Бенуа. Возможно, в обществе, где мужчины и женщины большую часть времени живут раздельно, вторичные половые признаки не играют такой большой роли.

— Он мой соплеменник, — сказала Даклар.

И это правда, подумала Мэри, но…

Но.

Не глядя на Даклар в глаза и без единого слова Мэри Воган, женщина, канадка, Homo sapiens, пошла прочь в направлении группы людей, сдирающих рыжевато-коричневую шкуру с животного, которое один из них убил, по всей видимости, просто ткнув в него копьём.

* * *

Мэри не могла не признать, что еда была великолепна. Мясо — сочное и ароматное, овощи вкусные. Это немного напомнило ей поездку в Новую Зеландию на конференцию два года назад, когда всех делегатов пригласили на маорийское празднество ханги.

Но всё закончилось довольно быстро, и, к изумлению Мэри, Трион ушёл вместе со своим отцом. Мэри придвинулась ближе к Понтеру и тихонько спросила:

— Почему Трион и Жасмель снова расстаются?

Понтера, казалось, удивил этот вопрос.

— Но ведь до того, как Двое станут Одним, ещё два дня.

Мэри вспомнила дурные предчувствия, одолевавшие её, когда она давным-давно шла с

Кольмом к алтарю. Будь у неё пара лишних дней, она бы могла передумать; неконсуммированный брак мог бы получить от Церкви настоящую, подлинную римско-католическую аннуляцию, а не ту поддельную, получением которой ей рано или поздно ещё предстоит заняться[98].

Но…

Два дня!

— Так… — начала Мэри, запнулась, и начала более уверенно: — Так ты не вернёшься в наш мир, пока здесь всё не закончится?

— Это очень важное время для… — его голос затих; интересно, подумала Мэри, он собирался сказать «для моей семьи» или «для нас»? — …для таких вещей. Ведь, по сути, меняется весь привычный мир…

Мэри сделала глубокий вдох.

— Значит, ты хочешь, чтобы я уехала одна?

Понтер тоже глубоко вдохнул, и…

— Папа! Папа! — К нему неслась малышка Мегамег.

Он присел так, чтобы их лица оказались на одном уровне.

— Да, маленькая!

---

[98] notes: 98

Ситуация описывается более подробно в третьей части трилогии, «Гибриды».

— Жасмель забирает меня домой.

Понтер обнял дочку.

— Я буду по тебе скучать, — сказал он.

— Я люблю тебя, папа.

— И я тоже тебя люблю, Мегамег.

Она прикрыла ладошками губы.

— Прости, — сказал Понтер. — Я тоже тебя люблю, Мега.

Девочка заулыбалась.

— Когда Двое станут Одним, мы снова пойдём на пикник с Даклар?

Сердце Мэри подпрыгнуло.

Понтер посмотрел на Мэри, потом торопливо наклонил голову так, что надбровье закрыло глаза.

— Мы посмотрим, — сказал он.

Жасмель и Даклар подошли ближе. Понтер выпрямился и повернулся к старшей дочери.

— Я уверен, что вы с Трионом будете очень счастливы.

И снова Мэри что-то показалось неправильным в построении этой фразы. В её мире в ней обязательно прозвучало бы слово «вместе», но Жасмель и Трион, даже вступив в союз, проведут бóльшую часть жизни порознь. На самом деле Жасмель, по-видимому, ждёт предстоит ещё одна

церемония, когда она выберет себе женщину-партнёра.

Мэри покачала головой. Возможно, ей и впрямь стоит отправиться домой.

— Пойдёмте, — сказала ей Даклар, — мы можем добраться до Центра на одном кубе. Я так понимаю, вы снова остановитесь у Лурт?

Взгляд Мэри на секунду задержался на Понтере. Но если даже невеста не будет спать с женихом этой ночью…

— Да, — ответила она.

— Хорошо, — сказала Даклар. — Тогда давайте двигаться. — Она шагнула к Понтеру и, после секундного колебания, они обнялись на прощание. Мэри смотрела в сторону.

* * *

Мэри и Даклар почти не разговаривали по дороге домой. Напротив, после нескольких минут неловкого молчания Даклар затеяла разговор с водителем. Мэри рассматривала виды за окном. В Онтарио в наши дни практически не осталось первобытных лесов, растущих без вмешательства человека, но здесь такие леса были повсюду.

Наконец, её высадили возле дома Лурт. Партнёрша Лурт и она сама хотели знать всё о

свадебной церемонии, и Мэри попыталась удовлетворить их любопытство. Маленький Даб вёл себя исключительно хорошо, сидя тихонько в углу — как потом объяснила Лурт, он был поглощён историей, которую читал ему компаньон.

Мэри знала, что ей нужно с кем-то посоветоваться, но — чёрт бы их побрал! — семейные отношения здесь были так сложны. Лурт Фрадло была партнёршей Адекора Халда, а Адекор Халд был партнёром Понтера Боддета. Однако, если Мэри правильно поняла, между Понтером и Лурт не было никакой особенной связи, так же, как…

Так же как не должно было быть никакой особенной связи между Понтером, чьей партнёршей была Класт Харбен, и Даклар Болбай, партнёршей Класт.

И всё же между ними определённо *была* связь. Понтер не упомянул её ни словом во время первого визита на её Землю, хотя часто говорил о том, как им оторванным и потерянным он себя чувствует, оказавшись вырванным из своего мира без видимых шансов вернуться. Он много раз упоминал Класт, которая к тому времени уже умерла, а также Жасмель, Мегамег и Адекора. Но не Даклар — по крайней мере, не в числе людей, по которым тоскует.

Могли эти отношения начаться совсем недавно?

Но, если так, то стал бы Понтер покидать свой мир на столь долгое время?

Нет, погодите. Погодите. Время это не такое уж и долгое — меньше трёх недель; трёх недель, которые попадают как раз между двумя последовательными периодами, когда Двое становятся Одним. Он не мог бы в это время видеться с Даклар, даже если остался бы дома.

Мэри тряхнула головой. Ей нужен не просто совет — ей нужны ответы.

И Лурт, похоже, единственная, кто может их дать в то короткое время, что осталось до того, как Двоих снова станут Одним. Но ей нужно поговорить с Лурт наедине — а такой шанс будет только завтра, в её лаборатории.

* * *

Понтер лежал на одном из диванов, растущих из деревянных стен его дома, и пялился в роспись на потолке. Пабо растянулась рядом на моховом полу и спала.

Входная дверь открылась, и вошёл Адекор. Пабо проснулась и кинулась его встречать.

— Привет, старушка, — сказал Адекор и потя-

нулся почесать ей за ухом.

— Привет, Адекор, — сказал Понтер, не поднимаясь.

— Привет, Понтер. Как прошла церемония?

— Давай посмотрим на это так, — ответил Понтер. — Что самое плохое, что могло там случиться?

Адекор задумался.

— Трион проткнул себе копьём ногу?

— Нет, нет. С Трионом всё хорошо, и сама церемония прошла здорово.

— Что тогда?

— Даклар Болбай заявилась.

— *Хрящ!* — выругался Адекор, устраиваясь на седлокресле. — Ситуация хуже не придумаешь.

— Ты знаешь, — сказал Понтер, — говорят, что это самцы территориальны, но…

— Что случилось?

— Я даже не знаю. Вроде Даклар и Мэри не ругались и не спорили…

— Но они обе знают друг о друге.

— Я и не пытался ни от кого ничего скрывать. — Голос Понтера звучал жалко, и он сам это чувствовал. — Ты же знаешь, что Даклар свалилась на меня, как снег на голову, и я тогда даже не знал, увижу ли я ещё Мэре когда-нибудь.

Но сейчас…

— Двое станут Одним послезавтра. У Жасмель для тебя времени не найдётся, я гарантирую. Помню наш с Лурт первый раз после заключения союза — мы почти не выходили на улицу.

— Я знаю, — сказал Понтер. — Я, конечно, повидаюсь с Мегой, но…

— Но тебе нужно решить, с кем ты хочешь провести остальное время и в чьём доме ты собираешься спать.

— Это нелепо, — сказал Понтер. — Я Даклар ничего не обещал.

— Мэре ты тоже ничего не обещал.

— Я знаю. Но я не могу её бросить, когда Двое станут Одним. — Понтер замолчал, надеясь, что Адекор не обидится на то, что он собирается сказать. — Поверь мне, я знаю, как одиноко может быть в эти дни.

— Может быть, ей стоит вернуться в свой мир? — сказал Адекор.

— Я не думаю, что ей это понравится.

— А сам ты с кем хочешь быть?

— С Мэре. Но…

— Да?

— Но у неё свой мир, а у меня — свой. Мы очень непохожи.

— Прости мне моё нахальство, но где в этой картине место для меня?

Понтер поднялся и сел.

— Ты о чём? Ты — мой партнёр. И так будет всегда.

— Неужели?

— Разумеется. Я люблю тебя.

— А я — тебя. Но ты мне рассказывал об обычаях глексенов. Мэре не ищет партнёра, которого будет видеть несколько дней в месяц, и я сильно сомневаюсь, что она захочет обзавестись партнёршей.

— Да, наши обычаи, возможно, различаются, но…

— Это как мамонты и мастодонты, — сказал Адекор. — Они на вид очень похожи, но попробуй свести самца-мастодонта и мамонтиху, и увидишь, что будет.

— Я знаю, — сказал Понтер. — Я знаю.

— Я не вижу, как ты это всё сможешь устроить.

— Я знаю, но…

— Я могу сказать? — Голос Хака.

Понтер посмотрел на своё левое предплечье.

— Конечно.

— Вы знаете — я обычно не вмешиваюсь в такие вопросы, — сказал компаньон. — Но имеется фак-

тор, который вы не принимаете во внимание.

— Да?

Хак переключился на кохлеарные импланты Понтера.

— Возможно, ты не захочешь, чтобы другие это услышали.

— Чепуха, — сказал Понтер. — У меня нет секретов от Адекора.

— Очень хорошо, — сказал Хак, снова переключившись на внешний динамик. — Учёная Воган восстанавливается после тяжёлого потрясения. Её эмоции и поведение могут быть нетипичны.

Адекор с любопытством склонил голову на бок.

— Какое тяжёлое потрясение? В смысле, я знаю, что есть стряпню Понтера — то ещё испытание, но…

— Мэре изнасиловали, — сказал Понтер. — Там, в её мире. Непосредственно перед тем, как я там появился.

— Ох, — сказал Адекор, моментально посерьёзнев. — Что сделали с тем парнем?

— Ничего. Он скрылся.

— Как он мог скрыться?

Понтер поднял левую руку.

— Нет компаньонов — нет справедливости.

— Пустая кость! — выругался Адекор. — В каком мире им приходится жить.

Глава 34

На следующий день Мэри шла по коридору лабораторного здания. Она отступила к стене, давая проехать похожему на паука роботу, которые в неандертальском обществе выполняли всю чёрную работу. На мгновение она задумалась об экономике этого мира. Здесь был искусственный интеллект, были роботы. Но при этом были и водители такси; очевидно, автоматизировались не все виды деятельности, которые можно бы было автоматизировать.

Мэри пошла дальше и дошла до помещения, в котором работала Лурт.

— Не собираетесь сделать перерыв? — спросила она; она и сама терпеть не могла, когда её отвлекали посреди успешно продвигающейся работы.

Лурт взглянула на экран компаньона, видимо, посмотреть, который час.

— Можно, — сказала она.

— Отлично, — обрадовалась Мэри. — Не хотите немного прогуляться? Мне нужно с вами поговорить.

* * *

Мэри и Лурт вышли на улицу. Было ясно, и Лурт автоматически приняла позу, которую Мэри часто наблюдала у других неандертальцев — слегка наклонив голову вперёд, так, чтобы надбровный валик прикрывал глаза от солнечных лучей. Мэри для этой цели приходилось приставлять ко лбу ладонь. Хотя сейчас её тяготили совсем другие вопросы, её забытые дома на другой Земле «фостер-грантс» уже начинали её нервировать.

— У вас носят солнцезащитные очки? Такие тёмные стекла, которые задерживают часть солнечных лучей?

— Да, — сказала Лурт, — у нас такое есть, только мы это называем, — она говорила без паузы, но перевод на мгновение прервался, будто компаньон Мэри раздумывал, как перевести то, что сказала Лурт, — противоснежные щитки.

Мэри моментально сообразила. Надбровный валик хорошо прикрывает глаза от света, падающего сверху, когда же он отражается от снега, лежащего на земле, грубоко посаженные неандертальские глаза хоть и дают какую-то защиту, но дымчатые очки всё же будут удобнее.

— Можно раздобыть для меня пару?

— Зачем вам два таких устройства?

— Э-э… нет. Видите ли, мы его называем во множественном числе — ну, потому что в них же две линзы.

Лурт покачала головой и заметила добродушно:

— Тогда почему бы и штаны не называть «парой» — ведь ноги тоже две.

Мэри решила не углубляться в эту тему.

— Как бы то ни было, можно мне достать этот «противоснежный щиток»?

— Конечно. Вон там есть шлифовальная мастерская.

Мэри помедлила.

— У меня нет денег — нечем заплатить за них. В смысле, за него.

Лурт указала на левую руку Мэри, и она не сразу сообразила, что та имеет в виду её временный компаньон. Мэри подняла руку, чтобы Лурт его осмотрела. Лурт вытянула на устройстве несколько крошечных контрольных стерженьков, и изучила заплясавшие на экранчике символы.

— Как я и думала, — сказала Лурт. — Ваш компаньон привязан к счёту Понтера. Вы можете приобрести что пожелаете, и Понтеру пришлют счёт.

— Правда? Вау.

— Пойдёмте, мастерская шлифовщика там.

Лурт пересекла широкую полосу высокой травы, и Мэри поспешила следом. Она чувствовала себя немного виноватой за то, что собирается потратить деньги Понтера, особенно учитывая то, что она собиралась с Лурт обсудить, но у неё начиналась мигрень, и она не хотела вести столь деликатный разговор там, где его могли услышать её коллеги. Больше того: она уже начала потихоньку понимать неандертальский образ жизни. Она знала, что в помещении или на улице в безветренную погоду неандерталец многое может узнать о том, что думает и чувствует собеседник, просто вдыхая его феромоны. В таком невыгодном положении Мэри была бы словно голая. Но сегодня дул свежий ветер, и пока они с Лурт снаружи, Лурт будет знать только то, что Мэри скажет словами.

Они вошли в здание, на которое указывала Лурт. Это было довольно большое заведение, составленное из трёх сформованных деревьев, стоящих достаточно близко, чтобы их ветви сплелись наверху в единую крону.

Мэри удивилась тому, что оказалось внутри. Она ожидала увидеть этакий местный

«LensCrafters»[99], специализирующийся исключительно на очках магазин, но в этом бизнесе так много зависело от моды на оправы, а неандертальцы, в силу их консервативной натуры, вряд ли были ей подвержены. Кроме того, с их значительно меньшим населением слишком узкая специализация была вряд ли возможна. В шлифовальной мастерской занимались всеми видами оптики. Она была заполнена устройствами, в которых узнавались телескопы, микроскопы, камеры, проекторы, увеличительные стёкла, прожектора и многое другое. Мэри попыталась хорошенько запомнить увиденное — Лили, Кевин и Фрэнк наверняка забросают её вопросами, когда она вернётся в «Синерджи Груп».

Появилась пожилая неандерталка. Оттачивая навык, Мэри попыталась определить, к какому поколению она принадлежит. Она выглядела лет на семьдесят, что делало её… да, 142-й. При виде Мэри женщина сделала удивлённые глаза, но быстро взяла себя в руки.

— Здравый день, — сказала она.

— Здравый день, — ответила Лурт. — Это моя подруга Мэре.

---

[99] notes: 99
Крупнейшая в Северной Америке сеть магазинов оптики.

— Ну конечно, — сказала 142-я. — Из другой вселенной! Мой любимый эксгибиционист показывает вас с тех самых пор, как вы приехали.

Мэри вздрогнула.

— Мэре нужен противоснежный щиток, — сказала Лурт.

Женщина кивнула и ушла в другую часть мастерской. Она вернулась с парой тёмных линз — они были тёмно-синими, а не зелёными или янтарными, к каким привыкла Мэри — прикреплённых к широкой эластичной ленте, похожей на резинку от «Fruit of the Loom[100]».

— Примерьте это, — сказала она.

Мэри взяла у неё линзы, но не смогла сообразить, как их надевать. Лурт рассмеялась.

— Давайте покажу, — сказала она, беря устройство у Мэри и растягивая эластичную ленту так, чтобы в неё прошла голова. — Обычно лента оказывается здесь — она провела пальцами по борозде между своим выступающим надбровьем и лбом. — Тогда она не соскальзывает вниз.

И действительно, со лба Мэри лента норовила соскользнуть. Шлифовальщица, очевидно, увидев это, сказала:

---

[100] notes: 100
Американский производитель нижнего белья.

— Я принесу вам детский вариант, — и снова исчезла.

Мэри уговаривала себя не смущаться. У глексенов высокие головы, у неандертальцев — удлинённые. Женщина вернулась с другой парой, с лентой поуже. Такая вроде бы держалась крепко.

— Вы можете поднимать и опускать линзы, когда потребуется, — сказала женщина, показывая Мэри, как это делается.

— Спасибо. Гмм, что я должна сделать, чтобы…?

— Заплатить? — подсказала Лурт, улыбнувшись. — Просто выходите на улицу; как только вы покинете мастерскую, произойдёт списание со счёта.

Отличный способ борьбы с магазинными ворами, подумала Мэри.

— Спасибо, — сказала она, и они с Лурт вышли из мастерской. С линзами на глазах Мэри почувствовала себя комфортнее, хотя от синеватого оттенка на всём, что она видела, она стала как будто бы сильнее мёрзнуть. Зато теперь, наконец, Мэри была готова затронуть тему, которую хотела обсудить с Лурт.

— Я не в курсе относительно ваших правил протокола, — сказала Мэри. — Я не политик, не

дипломат и ли что-то вроде этого. И я совершенно точно не хотела бы обидеть вас или поставить в неловкое положение, но…

Они шли по ещё одной широкой травянистой полосе, вдоль которой через равные интервалы стояли скульптуры в натуральную величину — предположительно, знаменитых неандертальцев; все скульптуры изображали женщин.

— Я слушаю, — сказала Лурт.

— Ну, в общем, я интересуюсь отношениями Понтера с Даклар Болбай.

— Даклар — партнёрша партнёрши Понтера. Мы называем подобный тип отношений *тулагарк*. Понтер — *тулагаркап* Даклар, а Даклар — *тулагарлоб* Понтера.

— Это обычно… близкие отношения?

— Бывает, что да, но не обязательно. Понтер ведь и мой *тулагаркап* тоже — однополый партнёр моего разнополого партнёра, Адекора. Мы с Понтером знакомы довольно близко. Но так же часто эти отношения могут быть просто вежливо-нейтральными или даже враждебными.

— Понтер и Даклар, похоже… близки?

Лурт рассмеялась.

— Когда Понтер отсутствовал, Даклар обвинила моего Адекора в убийстве. Между Понтером и

Даклар не может быть никакой приязни.

— Я тоже так думала, — сказала Мэри. — Но она *есть*.

— Вы, должно быть, что-то не так поняли.

— Даклар сама мне об этом сказала.

Лурт вдруг остановилась, возможно, от удивления, возможно, пытаясь унюхать феромоны Мэри.

— О, — сказала она, наконец.

— Ага. И, в общем…

— Да?

Мэри помолчала, потом жестом предложила продолжить путь. Солнце зашло за облако.

— Вы не виделись с Адекором со времени, когда Двое становились Одним, не так ли?

Лурт кивнула.

— И не разговаривали с ним?

— Один раз. По поводу Даба.

— Но он ничего не рассказывал… о Понтере… и обо мне?

— Нет, — ответила Лурт.

— И вы не… не обязаны всем делиться с Адекором? Я не имею в виду имущество — информацию. Слухи. Сплетни.

— Нет, конечно же, нет. У нас даже есть поговорка: «Что случилось, когда Двое порознь, порознь

и остаётся».

Мэри улыбнулась.

— Тогда всё в порядке. Я в самом деле не хотела бы, чтобы об этом разговоре узнал Понтер, но… в общем, он мне нравится.

— У него прекрасный характер, — сказала Лурт.

Мэри подавила ухмылку. Понтер сам говорил, что он не считается красавцем по меркам своего народа, хотя Мэри на это было наплевать. Но слова Лурт напомнили ей о том, что обычно говорят о некрасивых людях в её мире.

— Так вот, — сказала Мэри, — он мне очень нравится. — Боже, ей будто снова четырнадцать.

— Да? — сказала Лурт.

— Но ему нравится Даклар. Они провели часть — по крайней мере, часть периода, когда в прошлый раз Двое становились Одним.

— Правда? — удивилась Лурт. — Поразительно. — Она отступила в сторону, давая пройти паре женщин, держащихся за руки. — Конечно, прошлый раз был ещё до восстановления контакта с вашим миром. У вас с Понтером был секс, когда он в первый раз к вам попал?

Мэри смешалась.

— Нет.

— А во второй? Двое не были Одним с тех пор, но, как я поняла, Понтер бóльшую часть этого времени провёл в вашем мире.

Мэри знала от Понтера, что разговоры на тему секса не являются в его мире табу. Несмотря на это, она почувствовала, что краснеет.

— Был, — сказала она.

— И как вам? — спросила Лурт.

Мэри на секунду задумалась, а потом, не уверенная, сможет ли транслятор правильно передать смысл, но не найдя другой подходящей характеристики, ответила:

— Горячо.

— Вы его любите?

— Я… я не знаю. Думаю, что люблю.

— У него нет партнёрши; уверена, что вы это знаете.

Мэри кивнула.

— Да.

— Я не знаю, как долго портал между нашими мирами останется открытым, — сказала Лурт. — Возможно, это навсегда, а возможно, он закроется завтра: хотя наши величайшие умы сейчас на той стороне, сам портал может оказаться нестабильным. Но пусть даже портал не закроется никогда: вы намерены как-то устраивать свою

жизнь с Понтером?

— Я не знаю. Я даже не знаю, возможно ли это в принципе.

— У вас есть дети?

— У меня? Нет.

— И партнёра у вас тоже нет?

Мэри сделала глубокий вдох и посмотрела на штабель из трёх поставленных друг на друга транспортных кубов, мимо которого они проходили.

— Ну-у… — сказала она, — это всё сложно. Я была замужем — состояла в союзе — с мужчиной по имени Кольм О'Кейси. Моя религия, — гудок компаньона, — моя система верований не позволяет разрывать этот союз. Мы с Кольмом не живём вместе уже много лет, но технически мы всё ещё состоим в союзе.

— «Живёте вместе»? — потрясённо повторила Лурт.

— В моём мире, — объяснила Мэри, — мужчина и женщина постоянно живут вместе.

— А как же его партнёр?

— Таких у нас нет. У нас в отношениях состоят лишь два человека.

— Невероятно, — сказала Лурт. — Я очень люблю Адекора, но определённо не хотела бы с ним

жить.

— Таковы обычаи моего народа, — сказал Мэри.

— Но не моего, — ответила Лурт. — Если вы собираетесь налаживать отношения с Понтером, то где вы планируете жить? В его мира или вашем? Вы же знаете, у него здесь дети, партнёр, любимая работа.

— Я знаю, — сказала Мэри; у неё защемило сердце. — Я знаю.

— Вы говорили обо всём этом с Понтером?

— Я собиралась, но… но потом я узнала о Даклар.

— Ситуация чрезвычайно сложная, — сказала Лурт. — Вы наверняка и сами это понимаете.

Мэри шумно выдохнула.

— Конечно. — Она помолчала. — Но Понтер не такой, как другие мужчины, которых я знаю. — Глупая аналогия всплыла в голове: Джейн Портер и Тарзан. Джейн потеряла голову из-за Тарзана, который действительно был не такой, как известные ей мужчины. Тарзан, которого младенцем подобрали и вырастили обезьяны после гибели его родителей, лорда и леди Грейсток, был уникальным, единственным в своём роде. Но по словам Понтера в этом мире живёт сто восемь-

десят пять миллионов человек, и, вероятно, все они были похожи на Понтера и так непохожи на грубых, жестоких, злых и мелочных мужчин из мира Мэри.

Однако Лурт после секундного раздумья кивнула.

— На мужчин, которых знаю я, Понтер тоже непохож. Понтер поразительно умён и по-настоящему добр. И…

— Да? — сказала Мэри.

В этот раз пауза была гораздо дольше.

— С Понтером в прошлом кое-что случилось. Он… был ранен…

Мэри легонько коснулась массивного предплечья Лурт.

— Я знаю о том, что произошло между Понтером и Адекором. Я знаю про его челюсть.

Мэри успела увидеть, как сросшаяся бровь Лурт взбегает на надбровный валик, прежде чем снова отвести взгляд.

— Понтер вам рассказал? — спросила Лурт.

— О своей травме — да; я видела рентгеновские снимки. Но не о том, кто это сделал. Об этом я узнала от Даклар.

Лурт произнесла слово, которое осталось без перевода, затем продолжила:

— Ну, тогда вы знаете, что Понтер целиком и полностью простил Адекора. Немногие люди на такое способны. — Она помолчала. — И, полагаю, исходя из его достойного восхищения поведения в прошлом, было бы неудивительно, если бы он простил и Даклар тоже.

— Так что же мне делать? — спросила Мэри.

— Я слышала, что ваш народ верит в своего рода посмертное существование, — сказала Лурт.

Мэри несколько опешила от внезапной перемены темы.

— Гмм, да.

— У нас такого нет; я уверена, Понтер вам об этом говорил. Возможно, если бы мы верили, что жизнь продолжится и после смерти, у нас была бы другая жизненная философия, так что давайте я вас познакомлю с базовыми принципами нашей жизни.

— Прошу вас, — сказала Мэри.

— Мы стремимся прожить свою жизнь так, чтобы в момент смерти испытывать как можно меньше сожалений. Вы ведь 145-я, не так ли?

— Э-э… мне тридцать пять… лет, конечно.

— Ага. Значит, вы прожили примерно половину вашей жизни. Спросите себя: через… через ещё тридцать пять лет, как вы выражаетесь, ко-

гда ваша жизнь подойдёт к концу, будете ли вы сожалеть о том, что не попытались установить с Понтером долгосрочные отношения?

— Да, полагаю, что буду.

— Выслушайте мой вопрос внимательно, подруга Мэре. Я ведь не спрашиваю, будете ли вы сожалеть об этом, если попытка будет успешна. Я спрашиваю, будете ли вы сожалеть о том, что не попытались, даже если у вас ничего не выйдет.

Мэри сощурилась, хотя её глазам было вполне комфортно за синими линзами.

— Не уверена, что понимаю, что вы имеете в виду.

— Я делаю свой вклад в области химии, — сказала Лурт. — Сейчас. Но это не было моим первым выбором. Я хотела сочинять истории, литературные произведения.

— Правда?

— Ага. Но у меня не вышло. Мои истории не читали, а прочитав — не хвалили. И мне пришлось найти другой способ делать вклад: у меня были способности к математике и науке, и я стала химиком. Но я не жалею о том, что попробовала сочинять истории и потерпела неудачу. Конечно, я предпочла бы достичь успеха, но я знаю, что перед смертью мне было бы грустнее, если бы я

вообще не попробовала, чем когда я попробовала и была вынуждена признать неудачу. Так что я пыталась — и у меня не вышло. Но я рада тому, что теперь я знаю это. — Лурт помолчала. — Так вот: понятное дело, что вы были бы счастливее всего в случае, если бы ваши отношения с Понтером сложились. Но будете ли вы счастливее, подруга Мэре, зная, что вы попытались и не смогли наладить отношения с Понтером, или зная, что вы так и не сделали такой попытки?

Мэри задумалась. Несколько минут они шли молча. Наконец, Мэри сказала:

— Я должна попробовать. Иначе я буду себя ненавидеть всю оставшуюся жизнь.

— Тогда, — сказала Лурт, — ваш путь известен.

Глава 35

До того, как Двое станут одним, всё ещё оставался целый день, однако Понтер и Мэри встретились в павильоне архива алиби. Понтер провёл её в южное крыло, и теперь они стояли перед стеной, покрытой маленьким углублениями, каждое из которых содержало куб из реструктурированного гранита размером примерно с волейбольный мяч. Мэри уже научилась различать неандертальские цифры. Куб, на который Понтер направлял свой компаньон, был отмечен номером 16321. Больше он никак не был отмечен, однако, как и у соседних кубов, в центре одной из его граней горел синий огонёк.

Мэри потрясённо покачала головой.

— Вся твоя жизнь записана здесь?

— Да, — ответил Понтер.

— Всё-всё?

— Всё, кроме моей работы в лаборатории компьютерных вычислений — сигнал компаньона не проходит через тысячу саженей скальной породы. Да, и всё моё первое путешествие в ваш мир тоже пропало.

— А второе?

— Нет, второе начало загружаться из Хака как только архив снова поймал его сигнал — когда мы поднялись на поверхность. Всё оно теперь хранится здесь.

Мэри не была уверена, какие чувства она испытывает по этому поводу. Она, безусловно, не была образцом доброй католички строгих правил, но ведь там был целый порнофильм…

— Удивительно, — сказала Мэри. Лили, Кевин и Франк из «Синерджи Груп» убили бы за то, чтобы оказаться здесь. Она осмотрела гранитный куб. — Эти записи можно редактировать?

— Зачем такое может понадобиться? — удивился Понтер. Но сразу же отвёл взгляд. — Прости. Глупый вопрос.

Мэри покачала головой. Несмотря на цель их прихода сюда Мэри подумала не об изнасиловании.

— На самом деле, — сказала она, — я подумала про свой первый брак.

И тут она ощутила, что у неё горят щёки. Никогда раньше она не говорила о нём как о своём *первом* браке.

— Ладно, — сказала она. — Давай делать то, зачем пришли.

Понтер кивнул. Они подошли к стоящему в

зале столу, и Понтер заговорил с сидящей за ним пожилой женщиной:

— Я хочу получить доступ к собственному архиву алиби.

— Удостоверьте личность, — сказала женщина. Понтер провёл предплечьем над сканирующей пластиной на столе. Женщина взглянула на монитор перед собой.

— Понтер Боддет? — сказала она. — Я думала, вы умерли.

— Смешно, — сказал Понтер. — У вас такие весёлые шутки.

Женщина ухмыльнулась.

— Пройдёмте со мной, — сказала она. Втроём они вернулись к алиби-кубу Понтера. Понтер направил Хака на синий огонёк.

— Я, Понтер Боддет, желаю получить доступ к моему собственному архиву алиби по причине личного характера. Дата, время.

Огонёк стал жёлтым.

Пожилая женщина подняла свой компаньон.

— Я, Мабла Дабдалб, Хранитель Алиби, сим подтверждаю, что личность Понтера Боддета была удостоверена в моём присутствии. Дата, время. — Огонёк стал красным, и раздался гудок.

— Готово, — сказала Дабдалб. — Можете вос-

пользоваться седьмой комнатой.

— Спасибо, — сказал Понтер. — Здравого дня.

— Вам того же, — ответила женщина, торопливо возвращаясь к своему столу.

Понтер отвёл Мэри в просмотровую комнату. Впервые она по-настоящему осознала, как Понтер, должно быть, чувствовал себя в её мире. Ей казалось, что все синие глазки в этом огромном павильоне смотрят на неё, разглядывают, наблюдают. Она старалась не суетиться под их взглядами.

Понтер вошёл в комнату, где была небольшая жёлтая панель управления, вделанная в стену, и два похожих на сёдла сиденья, которые так любили неандертальцы, вероятно, из-за ширины их бёдер. Понтер прошёл к панели управления и начал вытягивать стерженьки, управляющие устройством. Мэри заглядывала ему через плечо.

— Почему вы не пользуетесь кнопками? — спросила она.

— Кнопками? — переспросил Понтер.

— Ну, это такие механические переключатели, которые нужно нажимать.

— А-а. В некоторых устройствах они используются. Но нечасто. Кнопку можно нажать случайно, к примеру, если споткнёшься и упадёшь.

Контрольный стержень нужно вытягивать — случайно его не переключишь. Мы считаем их более безопасными.

Мэри на секунду вспомнился эпизод «Звёздного пути», где не кто-нибудь, а сам Спок случайно нажал какие-то кнопки, когда опёрся на пульт, пытаясь подняться на ноги, и из-за этого «Энтерпрайз» заметили ромуланцы.

— Разумно, — согласилась она.

Понтер продолжал возиться к управлением.

— Ну вот, — сказал он. — Готово.

Мэри чуть не подпрыгнула от неожиданности, когда посреди комнаты повисла большая прозрачная сфера. Она начала разделяться на меньшие сферы, каждая несколько иного цвета, снова и снова, пока Мэри не обнаружила, что смотрит на трёхмерное изображение комнаты для допросов в полицейском участке в Торонто. Там был детектив Хоббс, он стоял спиной, с кем-то разговаривая. И сама Мэри, которая здесь выглядела более полной, чем ей могло бы понравиться, и Понтер. Рука Понтера протянулась над столом, схватила оставленную Хоббсом папку и быстро пролистала её. Изображения страниц дела промелькнули слишком быстро, чтобы Мэри могла что-нибудь разобрать, но Понтер вернул-

ся к началу записи и проиграл её медленнее. К изумлению Мэри, изображение было совершенно чётким, движущиеся объекты не размазывались; она легко могла читать сменяющие друг друга страницы, хотя для этого пришлось наклонить голову под неудобным углом.

— Ну как? — спросил Понтер.

— Секунду… — сказала Мэри, ища что-нибудь, чего она ещё не знала. — Нет, здесь ничего. Прокрути до следующей страницы, пожалуйста. Вот! Останови! Так, посмотрим…

Внезапно у Мэри скрутило желудок.

— Боже мой, — сказала она. — Боже мой…

— Что такое? — спросил Понтер.

Мэри пошатнулась. Она отошла от изображения, наткнулась на седлокресло и опёрлась о него.

— Вторая жертва… — сказала Мэри.

— Да? Да?

— Это была Кейсер Ремтулла.

— Кто?

— Моя начальница. Моя подруга. Глава факультета генетики.

— Мне очень жаль, — сказал Понтер.

Мэри закрыла глаза.

— Мне тоже, — сказала она. — Если б я толь-

ко…

— Мэре, — сказал Понтер, положив руку ей на плечо, — что было, то было. С прошлым уже ничего не поделаешь. Но наверняка что-то можно сделать с будущем.

Она посмотрела на него, но ничего не сказала.

— Прочитай до конца. Там может быть полезная информация.

Мэри заставила себя успокоиться, вернулась к голограмме и стала читать дальше, несмотря на жжение в глазах, пока…

— Да! — воскликнула она. — Да, да!

— Что там?

— Полиция Торонто, — сказала Мэри. — У них есть вещественные доказательства нападения на Кейсер. Полный комплект. — Она замолчала. — Может быть, они всё же поймают этого ублюдка.

Однако Понтер нахмурился.

— Принудитель Хоббс сомневался в этом.

— Я знаю, но… — Мэри вздохнула. — Нет, пожалуй, ты прав. — Она ещё немного помолчала. — Я не знаю, как смогу смотреть Кейсер в глаза.

Мэри не хотела поднимать тему возвращения домой — совершенно не хотела. Но увидеть Кейсер она могла только вернувшись назад, и теперь эта тема словно повисла в воздухе между ними.

— Она простит тебя, — сказал Понтер. — Прощение — это христианская добродетель.

— Кейсер — не христианка, она мусульманка. — Мэри насупилась, злясь на себя за своё невежество. Как в исламе относятся к прощению? Но нет, нет. Это не имеет значения. Если бы ситуация была обратной, смогла бы Мэри простить Кейсер?

— Что мы будем делать? — спросила Мэри.

— С насильником? Всё, что можем, и когда только сможем.

— Нет-нет, я не про насильника. Я про завтра. Двое станут Одним.

— Ах, — сказал Понтер. — Да.

— Я так понимаю, Жасмель будет с Трионом?

Понтер ухмыльнулся.

— Это уж точно.

— И ты только что виделся с Мегамег.

— Мне её всегда не хватает — но я понял твою мысль.

— И остаётся только…

Понтер вздохнул.

— Остаётся Даклар.

— Что ты собираешься делать?

Понтер задумался.

— Я уже нарушил традицию, заявившись в

Центр на день раньше. Думаю, хуже уже не будет, если я сегодня повидаюсь с Даклар.

Сердце Мэри подпрыгнуло.

— Один?

— Да, — ответил Понтер. — Один.

* * *

Понтер стоял перед дверью кабинета Даклар, пытаясь собрать волю в кулак. Он чувствовал себя так, будто снова оказался в мире глексенов: каждая женщина, мимо которой он проходил, смотрела на него, как на пришельца.

Каковым он, собственно, и являлся — до завтрашнего дня. Но это дело не могло ждать. И всё же, несмотря на то, что за время пути от павильона архива алиби он много раз прокрутил в голове предстоящий разговор, он всё ещё не знал, как его начать. Может быть…

Внезапно дверь в кабинет Даклар сложилась и отъехала в сторону.

— Понтер! — воскликнула она. — Я тебя учуяла!

Она развела руки, приглашая его обняться, и он принял приглашение. Однако она, должно быть, почувствовала его скованность.

— В чём дело? — спросила она. — Что не так?

— Я могу войти? — спросил Понтер.

— Да, конечно. — Она отступила вглубь кабинета — полукруглой формы, занимающего половину выдолбленного изнутри древесного ствола. Понтер последовал за ней и закрыл за собой дверь.

— Меня не будет здесь, в этом мире, когда Двое станут Одним.

Даклар округлила глаза.

— Тебя вызывают обратно на другую Землю? Там что-то случилось?

Понтер знал, что там всегда случается очень много всего, но покачал головой.

— Нет.

— Но Понтер, ведь дочери захотят с тобой увидеться.

— Жасмель не захочет видеть никого, кроме Триона.

— А Мега?

Понтер кивнул.

— Она не обрадуется, это да.

— А… я?

Понтер на мгновение прикрыл глаза.

— Мне жаль, Даклар. Мне очень жаль.

— Это *она*, так ведь? — сказала Даклар. — Эта глексенская женщина?

— У неё есть имя. — Как Понтер жалел, что не смог её защитить, когда было нужно, что не может даже правильно произнести её имя. — Её зовут Мэре.

Даклар заметила его слабое место.

— Ты только послушай себя! Ты же даже имя её выговорить не можешь. Понтер, у вас двоих *никогда* ничего не выйдет. Вы из разных миров — она не одна из нас.

Понтер пожал плечами.

— Я знаю, но…

Даклар шумно вздохнула.

— Но ты намерен попытаться. Хрящ, Понтер, вы, мужчины, не перестаёте меня удивлять. Вы тычете им *во всё подряд*.

И Понтер словно перенёсся на 229 месяцев в прошлое, в то время, когда они с Адекором были студентами Научной Академии, когда он затеял тот дурацкий спор, когда разозлил Адекора настолько, что тот ударил Понтера кулаком в лицо. Он давным-давно простил Адекора, но лишь сейчас понял, почувствовал, как можно разозлиться до такой степени, что насилие кажется единственной альтернативой.

Он развернулся и бросился вон из кабинета, ища, чего бы такого сломать.

Глава 36

Мэри и Понтер вернулись в лабораторию квантовых вычислений. Там их ожидал представительный мужчина 143 поколения, которого Понтер тут же узнал.

— Гуса Каск, — сказал он с удивлением в голосе. — Для меня честь быть знакомым с вами.

— Спасибо, — ответил Гуса. — Я слышал о том отвратительном происшествии на другой Земле — в вас выстрелили из какого-то метательного оружия, не так ли?

Понтер кивнул.

— Так вот, Лонвес Троб связался со мной и предложил идею, как можно предотвращать подобные происшествия. Его предложение было интересно, но я решил пойти другим путём. — Он взял со стола длинный плоский металлический предмет. — Это генератор силового поля, — сказал он. — Он обнаруживает любой приближающийся снаряд, как только тот попадает в зону действия сенсорного поля компаньона и за несколько нанотактов выставляет на его пути электросиловой барьер. Барьер размером всего около трёх саженей и существует в течение четверти так-

та — иное потребовало бы слишком мощного источника энергии. Но он абсолютно жёсткий и абсолютно непроницаемый. Если кто-то выстрелит в вас тем металлическим снарядом, барьер отклонит его. Точно также он отклонит удар копья или ножа, быстрый удар кулаком и тому подобное. То, что движется медленнее, чем предустановленное пороговое значение, не вызывает срабатывания, так что он не будет мешать вам касаться других людей, а им — касаться вас. Но следующий глексен, который захочет убить вас, должен будет воспользоваться менее прямолинейным методом.

— Вау, — сказала Мэри. — Это поразительно.

Гуса пожал плечами.

— Это наука. — Он повернулся к Понтеру. — Он пристёгивается к предплечью с противоположной стороны от компаньона, видите? — Понтер поднял левую руку, и Гуса закрепил прибор. — А этот оптоволоконный кабель подключается к внешнему интерфейсу компаньона — вот так.

Мэри была совершенно потрясена.

— Это словно персональная подушка безопасности, — сказала она. Заметив выражение лица Гусы, она добавила: — Я не хочу сказать, что принцип действия тот же: подушка безопасно-

сти — это устройство, которое надувается почти мгновенно при столкновении автомобилей на высокой скорости. Но предназначение то же самое — моментально развёртываемая преграда. — Она покачала головой. — Вы сделали бы себе состояние, продавая такие штуки на нашей Земле.

Но Гуса тоже покачал головой.

— Для нашего народа такое устройство — лишь решение частной проблемы, состоящей в том, что ваши люди стреляют в нас из своего оружия. Для вас же это лишь паллиатив. Настоящим решением было бы не защищаться от оружия, а избавиться от него.

Мэри улыбнулась.

— Хотела бы я увидеть ваши дебаты с Чарлтоном Хестоном[101].

— Это замечательно, — сказал Понтер. — Вы уверены, что оно работает? — Он увидел выражение лица Гусы и быстро добавил: — Да, глупый вопрос. Прошу прощения.

— Я уже отослал одиннадцать штук тем нашим,

---

[101] notes: 101

Чарлтон Хестон (1923–2008) — американский киноактёр и, позднее, политический деятель, на момент написания книги — председатель Национальной стрелковой ассоциации США, объединяющей сторонников права граждан на хранение и ношение огнестрельного оружия.

что сейчас на той стороне, — сказал Гуса и на секунду замолк. — Обычно желают безопасного путешествия. Этот прибор сделает его безопасным. Так что от себя я пожелаю просто приятной поездки.

* * *

Мэри и Понтер прошли по туннелю, пересекающему границу между мирами. На другой стороне лейтенант Дональдсон, тот самый офицер канадской армии, которого Понтер уже видел ранее, приветствовал их.

— С возвращением, посланник Боддет. С возвращением, профессор Воган.

— Спасибо, — ответил Понтер.

— Мы не знали точно, когда вы вернётесь и вернётесь ли вообще, — сказал Дональдсон. — Дайте нам, пожалуйста, немного времени, чтобы организовать охрану. Куда вы направитесь? Торонто? Рочестер? ООН?

Понтер взглянул на Мэри.

— Мы ещё не решили, — сказал он.

— Нам придётся разработать маршрут, чтобы вы всюду находились под защитой. В штаб-квартире полиции Садбери сейчас работает офицер связи из службы безопасности…

— Нет, — сказал Понтер.

— Э-э… простите? — не понял Дональдсон.

Понтер потянулся к одному из карманов своего медицинского пояса и достал оттуда свой канадский паспорт.

— Разве это не даёт мне права на въезд в страну? — спросил он.

— Даёт, конечно, но…

— Разве я не гражданин Канады?

— Гражданин, сэр. Я сам смотрел церемонию по телевизору.

— А разве граждане не имеют права ходить и ездить, куда захочется, без вооружённого сопровождения?

— Обычно да, сэр, но сейчас…

— Так вот, это теперь обычно, — сказал Понтер, — что люди из нашего мира путешествуют в ваш, и наоборот.

— Но ведь это для вашей защиты, посланник Боддет.

— Я это понимаю. Но мне не требуется защита. У меня есть защитное устройство, которое впредь защитит меня от ранений. Поэтому: мне не угрожает опасность, и я не преступник. Я — свободный гражданин и хочу передвигаться свободно и без сопровождения.

— Я… гмм, мне нужно связаться с моим начальством, — сказал Дональдсон.

— Давайте не будем тратить время на промежуточные звенья, — сказал Понтер. — Я недавно ужинал с вашим премьер-министром, и он сказал, чтобы я звонил, если мне что-нибудь понадобится. Давайте-ка ему позвоним.

* * *

Мэри и Понтер поднялись на поверхность на шахтном подъёмнике и нашли машину Мэри, которая с тех пор, как они перешли на ту сторону, дожидалась их на парковке. Было довольно рано, так что они сразу поехали в Торонто, и, хотя Мэри опасалась поначалу, что их всё равно будут негласно сопровождать, скоро их машина осталась на шоссе в одиночестве.

— Удивительно, — сказала Мэри. — Я и подумать не могла, что они всё-таки оставят тебя в покое.

Понтер улыбнулся.

— Ну что бы это было за романтическое путешествие, если бы за нами всюду таскалась охрана?

* * *

Остаток пути до Торонто прошёл без происшествий. Они подъехали к дому Мэри в Обсерваторном переулке на Ричмонд-Хилл, вместе приняли душ, переоделись — Понтер взял с собой свой трапециевидный чемодан, набитый одеждой — и поехали в 31-й полицейский участок. Мэри хотела разобраться с этой частью незаконченного дела как можно быстрее, сказав, всё равно не найдёт себе места, пока этого не сделает. Она взяла с собой свой альбом газетных вырезок.

По пути до полицейского участка они фактически проехали университетский кампус насквозь, а потом углубились в район, который даже Понтеру показался неблагополучным.

— Я это заметил ещё в первый раз, — сказал он Мэри. — Какое-то здесь всё обшарпанное.

— Дрифтвуд, — сказала Мэри таким тоном, будто это всё объясняло. — Это очень бедная часть города.

Они проехали мимо множества облезлых многоквартирных домов и небольших стрип-

моллов[102] с решётками на всех окнах и, наконец, остановились на крошечной парковке перед полицейским участком.

— Здравствуйте, профессор Воган, — сказал Детектив Хоббс после того, как его вызвали. — Здравствуйте, посланник Боддет. Не ожидал увидеть вас снова.

— Мы можем поговорить наедине? — спросила Мэри.

Хоббс кивнул и отвёл их в ту же самую комнату для допросов, в которой они разговаривали в прошлый раз.

— Вы знаете, кто я? — спросила Мэри. — Не к контексте этого дела?

Хоббс кивнул.

— Вы Мэри Воган. Про вас много писали в газетах.

— Вы знаете, почему?

Хоббс указал на Понтера.

— Потому что вы были с ним?

Мэри махнула рукой.

— Да, да, да. Но вы знаете, почему именно меня вызвали к Понтеру, когда он впервые у нас

---

[102] notes: 102

Длинный одноэтажный торговый центр с парковкой, разделённый на секции, в которых размещаются магазины; обычно расположены вдоль автотрасс.

появился?

Хоббс покачал головой.

Мэри подняла свой альбом и положила его перед Хоббсом.

— Взгляните на это.

Хоббс открыл картонную обложку. На первой странице красовалась вырезка из «Торонто Стар» с заголовком «Канадский учёный получает японскую награду». Он перевернул страницу. Там была вырезка из «Маклинз»[103]: «Лёд тронулся: древняя ДНК извлечена на Юконе». А рядом — статья из «Нью-Йорк Таймс»: «Учёные получили ДНК ископаемого неандертальца».

Он снова перевернул страницу. Пресс-релиз Йоркского университета: «Наш профессор творит предысторию: Воган извлекла ДНК древнего человека». Рядом страница, вырванная из журнала «Discover»: «Деградированная ДНК раскрывает секреты».

Хоббс поднял голову.

— И что? — озадаченно спросил он.

— Я… в общем, некоторые считают меня…

— Профессор Воган, — вмешался Понтер, — генетик и всемирно известный эксперт по

---

[103] notes: 103
Канадский еженедельный журнал, издающийся в Торонто.

извлечению деградированной ДНК.

— И?

— И, — сказала Мэри, которая теперь, когда речь пошла не о ней, почувствовала себя гораздо увереннее, — мы знаем, что у вас есть полный комплект улик с изнасилования Кейсер Ремтуллы.

Взгляд Хоббса затвердел.

— Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть это.

— Но это правда, — сказала Мэри и сразу почувствовала себя виноватой за то, что собиралась сказать. — Как я могла об этом узнать, если не от неё самой? Она моя подруга и коллега, в конце-то концов.

— Ну, допустим, — сказал Хоббс.

— Я хочу исследовать улики, — сказала Мэри.

Хоббса такое предположение повергло в шок.

— У нас есть штатные эксперты, — сказал он.

— Да-да, однако, видите ли…

— Никто из них не обладает квалификацией уровня профессора Воган, — сказал Понтер.

— Возможно, но…

— Вы уже проводили исследования этих улик? — спросила Мэри.

Хоббс сделал глубокий вдох, собираясь с мысля-

ми. Наконец, он сказал:

— Если эти улики и существуют, с ними не будут проводить никаких действий, пока не появится образец ДНК для сравнения.

— ДНК быстро деградирует со временем, — сказала Мэри, — в особенности если хранится в неидеальных условиях. Если вы будете выжидать, то можете упустить возможность получить ДНК-профиль.

— Мы знаем, как хранить замороженные образцы, — ответил Хоббс подчёркнуто ровным тоном, — и успешно делаем это уже долгое время.

— Мне это известно, но…

— Мэм, — мягко прервал её Хоббс, — я понимаю, как этот случай для вас важен. Каждое дело, которое мы расследуем, очень важно для потерпевшего.

Мэри изо всех сил пыталась не злиться.

— Но если бы позволили взять комплект улик к себе в Йоркский, я бы наверняка смогла выделить из него больше ДНК, чем ваши специалисты.

— Я не могу этого сделать, мэм. Мне очень жаль.

— Почему?

— Ну, во-первых, Йоркский не сертифицирован

для производства судмедэкспертизы, и…

— Лаврентийский, — прервала его Мэри. — Пошлите комплект в Лаврентийский университет, я поработаю с ним там. — Лаборатория Лаврентийского университета, где она впервые анализировала ДНК Понтера, работала по контракту с RCMP и полицией Онтарио.

Хоббс вскинул брови.

— Ну, в принципе, — сказала он, — Лаврентийский — это другое дело, однако…

— Я подпишу любые бумаги, — сказала Мэри.

— Может быть, — сказал Хоббс, но его голос звучал неуверенно. — Хотя это совершенно не в наших правилах…

— Прошу вас, — сказала Мэри. Ей не хотелось даже думать о том, что с единственным оставшимся образцом что-то случится. — Пожалуйста.

Хоббс развёл руками.

— Я посмотрю, что можно сделать, но я бы на вашем месте не слишком надеялся. У нас очень строгие правила относительно цепи хранения улик.

— Но вы попытаетесь?

— Да, конечно, попытаюсь.

— Спасибо, — сказала Мэри. — Спасибо.

Неожиданно для Мэри Понтер спросил:

— Мы не могли бы хотя бы увидеть собранные улики?

Хоббс выглядел не менее озадаченным, чем Мэри.

— Зачем? — спросил он.

— Чтобы профессор Воган могла на глаз оценить адекватность условий их хранения. — Он посмотрел на Мэри. — Не правда ли, Мэре?

Мэри не знала, что Понтер затевает, но полностью ему доверяла.

— Э-э… да. Да, конечно. — Она повернулась к детективу и улыбнулась своей самой очаровательной улыбкой. — Это займёт несколько секунд. Мы бы сразу поняли, стоит ли игра свеч. Ни к чему заставлять вас проходить через всю бумажную волокиту, если образцы уже непригодны для анализа.

Хоббс нахмурился и на некоторое время задумался, уставившись в пространство.

— Хорошо, — сказал он, наконец. — Сейчас принесу.

Он вышел из комнаты и через несколько минут вернулся с картонным контейнером размером с коробку из-под обуви. Он снял крышку и показал Мэри его содержимое. Понтер встал и заглянул ей через плечо. Внутри были несколько предмет-

ных стёкол с образцами и три зиплоковских[104] пакета с наклеенными на них ярлыками. В одном из них оказалась пара женских трусиков, во втором — маленькая гребёнка с несколькими лобковыми волосами на ней, в третьем — несколько пузырьков, содержащих, по всей видимости, вагинальные соскобы.

— Всё это с самого начало хранится в холодильнике, — сказал Хоббс, будто оправдываясь. — Мы знаем, что мы…

Внезапно правая рука Понтера метнулась вперёд. Он схватил пакет с трусиками, разорвал его и поднёс их к своему носу, делая глубокий вдох.

Мэри остолбенела.

— Понтер, что ты…?

— Отдайте! — взорвался Хоббс. — Он попытался вырвать пакет у Понтера из рук, но Понтер легко уклонился и снова глубоко вдохнул.

— Господи Иисусе, да вы что? — заорал Хоббс. — Извращенец какой-то!

Понтер вынул нос из пакета и, не говоря ни слова, протянул его Хоббсу, который рассерженно выхватил его у него из рук.

— Убирайтесь отсюда к такой-то матери, —

---

[104] notes: 104
Разновидность герметично застёгивающихся пластиковых пакетов.

рявкнул он. Ещё двое полицейских появились в дверях комнаты для допросов, по-видимому, привлечённые криками.

— Прошу прощения, — сказал Понтер.

— Просто убирайтесь, — сказал Хоббс, и добавил для Мэри: — Мы сами позаботимся о наших уликах, дамочка. А теперь сгиньте!

Глава 37

Мэри вышла из полицейского участка, кипя от ярости. Но она не сказала ни слова до тех пор, как они с Понтером сели в стоящую на парковке машину.

И только после этого она потребовала объяснений.

— Что это такое было?

— Прости, — сказал Понтер.

— Теперь меня никогда не подпустят к этим образцам, — сказала Мэри. — Господи, думаю, что он нас не арестовал только потому, что иначе ему пришлось бы расписаться в собственной тупости и признаться, что он сам дал нам улики.

— Я снова прошу прощения, — сказал Понтер.

— О чём ты чёрт возьми думал?

Понтер молчал.

— Ну? Не молчи!

— Я знаю, кто изнасиловал Кейсер Ремтуллу и, предположительно, тебя тоже.

Мэри в полнейшем изумлении осела в водительском кресле.

— Кто?

— Твой коллега — я не могу правильно произ-

нести его имя. Что-то вроде «Корнелеус».

— Корнелиус? Корнелиус Раскин? Да нет, это бред.

— Почему? Что-то в его внешности противоречит тому, что ты заметила в тот вечер?

После вспышки ярости Мэри всё ещё не могла отдышаться. Но гнев полностью исчез из её голоса, сменившись потрясением.

— Ну… нет. Ну, то есть, да, у Корнелиуса голубые глаза — но у многих людей такие же. И Корнелиус не курит.

— Курит, — возразил Понтер.

— Я никогда не видела, чтобы он курил.

— Я почуял запах при встрече.

— Он мог быть в баре и пропитаться дымом.

— Нет. Запах был в его дыхании, хотя он, по-видимому, пытался замаскировать его каким-то веществом.

Мэри нахмурилась. Она знала нескольких тайных курильщиков.

— Я никогда не чувствовала от него запаха.

Понтер промолчал.

— Кроме того, — сказала Мэри, — Корнелиус не стал бы нападать на меня или Кейсер. В смысле, мы же коллеги и…

Мэри замолчала, и Понтер, наконец, не вы-

держал:

— И что?

— Ну, я-то считала нас коллегами. Но он… он просто сезонный преподаватель. У него Ph.D. — из Оксфорда, не кот начхал. Но всё, чего он смог добиться — это позиция сезонного преподавателя: не постоянная должность и уж точно не бессрочный контракт. А Кейсер и я…

— Да? — снова сказал Понтер.

— Ну, я тоже женщина, однако Кейсер вообще вытянула счастливый билет в том, что касается шансов на бессрочный контракт в научной сфере. Она одновременно и женщина, и визуальное меньшинство[105]. Говорят, что на изнасилование толкает вовсе не сексуальное влечение, а жажда силы и власти. А Корнелиус наверняка чувствовал, что не имеет ни того, ни другого.

— Он также имел доступ к холодильнику для хранения образцов, — заметил Понтер, — и, сам будучи генетиком, разумеется, понимал, что женщина-генетик сделает первым делом в подобных

---

[105] notes: 105

Официальное обозначение, используемое преимущественно в Канаде: люди с внешностью, резко отличающейся от наиболее распространённого расового типа населения в данной местности. Противопоставляется более традиционному для этой страны разделению по «невизуальным» характеристикам: религиозным (католики — протестанты) и языковым (англофоны — франкофоны)

обстоятельствах. Он знал, что должен отыскать и уничтожить любые свидетельства.

— Мой Бог, — сказала Мэри. — Но… нет. Это всё косвенные улики.

— Они *были* косвенными, — сказал Понтер, — пока я не исследовал вещественные доказательства изнасилования Кейсер, хранящиеся в полицейском участке, где Раскин не мог до них дотянуться. Я запомнил его запах, когда мы встретили его в коридоре возле твоей лаборатории, и этот запах был на вещах Кейсер.

— Ты уверен? — спросила Мэри. — Ты абсолютно уверен?

— Я никогда не забываю запахи, — сказал Понтер.

— Боже мой, — сказала Мэри. — Что нам теперь делать?

— Мы можем сказать принудителю Хоббсу.

— Да, но…

— Что?

— Ну, мы не в твоём мире, — сказала Мэри. — Здесь нельзя потребовать от кого-то предоставить алиби. В том, что ты сказал, нет ничего такого, что позволило бы полиции потребовать от Раскина образец его ДНК. — Он больше был не «Конелиус».

— Но я могу засвидетельствовать, что его запах…

Мэри покачала головой.

— Не существует прецедента принятия подобных показаний судом, даже в качестве версии. Даже если Хоббс тебе поверит, он не сможет на этом основании даже вызвать Раскина на допрос.

— Этот мир… — с отвращением сказал Понтер.

— Ты абсолютно уверен? — спросила Мэри. — У тебя нет ни тени сомнения?

— Тени сомне…? А, понял. Да, я абсолютно уверен.

— То есть у тебя не просто нет обоснованных сомнений, — не отставала Мэри. — У тебя вообще нет в этом сомнений?

— У меня вообще нет сомнений.

— Никаких?

— Я знаю, что у вас маленькие носы, но мои способности совершенно заурядны. Любой представитель моего вида, и многих других видов, способен на такое.

Мэри задумалась. Собаки определённо умеют различать людей по запаху. Так что у неё нет серьёзных причин считать, что Понтер ошибся.

— Что мы можем сделать? — спросила она.

Понтер молчал довольно долго. Наконец он сказал очень тихим голосом:

— Ты говорила, что не сообщила о преступлении, потому что боялась того, как с тобой будет обращаться ваша судебная система.

— И что с того? — резко спросила Мэри.

— Я не хотел тебя злить, — сказал Понтер, — я просто хочу убедиться, что правильно тебя понял. Что бы было с тобой и твоей подругой Кейсер, если бы началось расследование?

— Ну, даже при совпадении образцов ДНК адвокат Раскина мог бы попытаться доказать, что Кейсер и я согласились на секс.

— Ты не должна была через это проходить, — сказал Понтер. — Никто не должен.

— Но если мы ничего не сделаем, Раскин нападёт снова.

— Нет, — сказал Понтер. — Не нападёт.

— Понтер, ты ничего не можешь сделать.

— Отвези меня в университет.

— Понтер, нет. Нет! Я не повезу.

— Ели ты не отвезёшь меня, я пойду пешком.

— Ты даже не знаешь, куда идти.

— Хак знает.

— Понтер, это безумие. Ты не можешь просто так убить его!

Понтер тронул себя за плечо там, куда попала пуля.

— Люди этого мира убивают друг друга всё время.

— Нет, Понтер, я тебе этого не позволю.

— Я должен не дать ему совершить насилие снова, — сказал Понтер.

— Но…

— И даже если тебе удастся остановить меня сегодня, или завтра, это не может продолжаться вечно. В какой-то момент я ускользну из-под твоего контроля, вернусь в кампус и устраню проблему. — Взгляд его золотистых глаз упёрся в Мэри. — Единственный вопрос — случится это до или после того, как он нападёт снова. Ты правда хочешь задержать меня?

Мэри на мгновение прикрыла глаза и сильнее, чем когда-либо в жизни прислушалась к голосу Господа, пытаясь узнать, собирается ли Он вмешаться. Но Господь молчал.

— Понтер, я не могу тебе этого позволить. Я не могу позволить тебе хладнокровно убить. Даже его.

— Его нужно остановить.

— Пообещай мне, — сказала Мэри. — Пообещай мне, что ты не станешь этого делать.

— Почему ты так о нём беспокоишься? Он не заслуживает жизни.

Мэри сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

— Понтер, я знаю, что ты считаешь меня дурочкой, когда я говорю о загробной жизни. Но если ты его убьёшь, твоя душа понесёт наказание. И если я позволю тебе его убить, моя душа будет наказана тоже. Раскин уже дал мне почувствовать, что такое ад. Я не хочу провести в нём вечность.

Понтер насупился.

— Я хочу сделать это для тебя.

— Только не это. Не убийство.

— Ладно, — сказал Понтер. — Хорошо. Я его не убью.

— Ты обещаешь? Клянёшься?

— Я обещаю, — сказал Понтер. И потом, через секунду: — Хрящ!

Мэри кивнула: это было единственное ругательство, которое она слышала от Понтера. Но потом покачала головой.

— Есть возможность, о которой ты не подумал, — сказала она, наконец.

— И какая же? — спросил Понтер.

— Что между Кейсер и Раскиным был секс по согласию, прежде чем её изнасиловал кто-то

другой. Это был бы далеко не первый случай, когда мужчина и женщина, будучи коллегами, затевают роман на рабочем месте.

— Я не знал, — сказал Понтер.

— Верь мне. Такое происходит сплошь и рядом. И разве после этого его запах не остался бы на его… трусиках и прочем?

Би-ип.

— Трусики, — повторила Мэри. — Ну, э-э… внутренняя деталь одежды. Которая была в полиции в пакете для улик.

— Да. То, что ты говоришь, возможно.

— Мы должны быть уверены, — сказала Мэри. — Мы должны быть абсолютно уверены.

— Ты можешь спросить Кейсер, — сказал Понтер.

— Она мне не скажет.

— Почему? Ведь вы подруги.

— Да. Но Кейсер замужем — состоит в союзе — с другим мужчиной. И поверь мне: *такое* тоже бывает сплошь и рядом.

— Ах, — сказал Понтер. — Ну, тогда…

— Я вообще не уверена, что мы можем хоть что-нибудь сделать, — сказала Мэри.

— Мы можем сделать многое, но ты заставила меня пообещать этого не делать.

— Да. Однако…

— Мы должны дать ему понять, что он раскрыт, — сказал Понтер. — Что за ним наблюдают.

— Я не смогу разговаривать с ним.

— Нет, разумеется, нет. Но мы можем оставить для него записку.

— Не уверена, что это что-либо изменит, — сказала Мэри.

Понтер поднял левую руку.

— В этом состоит вся идея компаньонов. Если ты знаешь, что за тобой следят, или что все твои действия записываются, то ты меняешь своё поведение. В моём мире это отлично работает.

Мэри снова сделала глубокий вдох и медленно выпустила воздух.

— Полагаю… Полагаю, что хуже от этого не будет. Что у тебя на уме? Просто анонимная записка?

— Да, — ответил Понтер.

— То есть, сказать ему, что с сего момента за ним ведётся постоянное наблюдение? Что в следующий раз ему никак не отвертеться? — Мэри задумалась. — Я думаю, надо быть идиотом, чтобы снова совершить изнасилование, зная, что тебя раскусили.

— Точно, — сказал Понтер.

— Думаю, послание можно просто бросить в его ящик в университете.

— Нет, — сказал Понтер. — Не в университете. Он уже предпринял шаги, чтобы уничтожить улики. Полагаю, он считал, что ты вернёшься не раньше, чем через год, так что он может избавиться от улик, которые ты сохранила, и потом никто и не вспомнит, когда именно они пропали. Нет, эту записку надо доставить в его жилище.

— Жилище? В смысле, ему домой?

— Да, — сказал Понтер.

— Поняла, — сказала Мэри. — Это очень угрожающе — показать, что ты знаешь, где он живёт.

Понтер сделал озадаченное лицо, но спросил:

— А ты знаешь, где он живёт?

— Недалеко отсюда, — ответила Мэри. — У него нет машины — он живёт один, и не может себе её позволить. Я подвозила его домой пару раз во время пурги. Он живёт почти на самой Джейн-стрит… хотя погоди. Я знаю, в каком здании он живёт, но понятия не имею, в какой квартире.

— Это дом на несколько семей, такой же, как твой?

— Да. Но далеко не такой респектабельный, как мой.

— Разве у входа не должно быть списка, показывающего, в какой квартире кто живёт?

— Так уже давно не делают. Теперь там только номера квартир и кнопки звонков — вся идея как раз в том, чтобы предотвратить то, о чём ты говоришь — не дать никому точно узнать, кто где живёт.

Понтер удивлённо покачал головой.

— На что только глексены не пойдут, только чтобы не иметь ничего подобного компаньонам.

— Да ладно, — сказала Мэри. — Давай на обратном пути подъедем к его дому. Я его узнаю, когда увижу, и тогда мы будем знать хотя бы адрес.

— Давай, — согласился Понтер.

Мэри чувствовала себя не в своей тарелке, ведя машину по Финч-авеню и сворачивая на улицу, где стоял дом Раскина. Она осознала, что это не из-за страха случайно встретиться с ним — хотя это тоже её нервировало. Это было из-за мысли о возможном судебном разбирательстве. *Вы знаете, где живёт человек, которого вы обвиняете, мисс Воган? Вы когда-нибудь были у него дома? Правда? И тем не менее вы утверждаете, что секс был не по согласию?*

Дрифтвуд, район вокруг Джейн-стрит и Западного Финч-авеню, был местом, где никто в

здравом уме не захочет задерживаться надолго. Это был один из самых криминальных районов Торонто — да и, если на то пошло, всей Северной Америки. Его близость к кампусу Йоркского университета была постоянной головной болью его руководства и, вероятно, основной причиной того, что, несмотря на годы лоббирования, Спадинская линия подземки так и не дотянулась до кампуса[106].

Но у Дрифтвуда было одно преимущество — низкая стоимость аренды. И для того, кто пытается свести концы с концами на заработки сезонного преподавателя, для того, кто не может позволить себе машину, это был единственный район в радиусе пешей доступности, где он мог поселиться.

Дом Раскина был башней из белого кирпича с ржавеющими балконами, забитыми всяким хламом, примерно треть окон которого была заклеена старыми газетами или алюминиевой фольгой. На глазок в башне было этажей пятнадцать-шестнадцать, и…

---

[106] notes: 106

Работы по продлению этой линии до кампуса Йоркского университета и дальше до соседнего городка Воган начались в 2008 году (через пять лет после выхода книги); ввод новой линии в эксплуатацию планируется в 2016.

— Стой! — сказала Мэри.

— Что?

— Он живёт на последнем этаже! Я вспомнила: он называл свою квартиру «пентхаузом в трущобах». — Она помолчала. — Конечно, я всё ещё не знаю номера квартиры, но он здесь живёт больше двух лет. Я уверена, что почтальон его знает — преподаватели обычно получают кучу журналов и тому подобного.

— И что? — спросил Понтер, явно не понимая.

— Ну, мы просто отправим письмо «Корнелиусу Раскину, Ph.D.» на этот адрес, и просто укажем «верхний этаж» как часть адреса, и, я уверена, письмо дойдёт.

— Ага, — сказал Понтер. — Хорошо. Тогда наши дела здесь закончены.

Глава 39

Скульптор личности некоторое время молча рассматривал Понтера.

— Я вижу, вам не чужда ирония.

— В каком смысле?

— «Наши дела здесь закончены». Вы мне сказали, что совершили преступление в мире глексенов — легко догадаться, какое именно.

— Правда? Я сомневаюсь, что ваша догадка верна.

Селган слегка пожал плечами.

— Возможно. Однако я догадался об одной вещи, которая, вероятно, ускользнула от вашего внимания.

Понтер недовольно двинул плечом.

— И что же это такое?

— Мэре подозревала, что вы собираетесь что-то сделать с Раскиным.

— Нет-нет, она абсолютно невиновна.

— Правда? Женщина её ума — и повелась на вашу неуклюжую попытку заставить её показать вам, где живёт Раскин?

— Мы правда собирались послать ему письмо! Всё было так, как я рассказал. Мэри чиста, на ней

нет греха — кстати, её имя означает именно это. Она названа в честь матери их воплощённого Бога, женщины, которая зачала непорочно, свободная от первородного греха. Я узнал об этом ещё во время моего первого визита в их мир. Она бы никогда…

Селган поднял руку.

— Успокойтесь, Понтер. Я не хотел вас задеть. Пожалуйста, продолжайте ваш рассказ.

* * *

— Понтер? — позвал Хак через кохлеарные импланты.

Понтер подтвердил, что слышит, крошечным кивком.

— Судя по ритму дыхания Мэре крепко заснула. Ты не потревожишь её, если уйдёшь сейчас.

Понтер осторожно выбрался из Мэриной постели. Светящиеся цифры на стоящих на ночном столике часах показывали 1:14. Он вышел из спальни и по короткому коридору прошёл в гостиную. Как всегда, он надел свой медицинский пояс и сразу проверил одно из его отделений, убедившись, что запасная карта-ключ, которую дала ему Мэри, по-прежнему находится там; он знал, что она ему понадобится для того, чтобы

вернуться в здание.

Понтер открыл входную дверь, вышел в коридор, дошёл до лифта и спустился на нём на первый этаж. Он знал, что иногда первый этаж обозначают «1», а иногда — «L», как это было и в лифте дома Мэри.

Понтер пересёк обширный холл и через двойные двери вышел в ночь.

Но как же непохожа была эта ночь на ночи его родного мира! Свет лился отовсюду: из окон, из электрических фонарей, установленных на высоких вертикальных столбах, от едущих по дороге машин. Наверное, ему было бы проще, будь вокруг по-настоящему темно. Хотя издалека он не слишком отличался от глексена — по крайней мере, от глексена-культуриста — эту свою прогулку он предпочёл бы совершать в полной темноте.

— Ладно, Хак, — тихо сказал Понтер. — Куда теперь?

— Повернись налево, — ответил Хак, снова через кохлеарные импланты. — Мэре обычно пользуется дорогой, предназначенной исключительно для автомобилей, когда возвращается домой из университета.

— Четыреста седьмое, — сказал Понтер. — Она

так её называет.

— В любом случае, нам нужно найти другой, безопасный путь, идущий параллельно этой дороге.

Понтер побежал. Отсюда до пункта назначения было около пяти тысяч саженей — если держать хорошую скорость, можно обернуться за дециден.

Ночь была прохладной, чему Понтер был очень рад. Хотя в его мире большая часть листвы на деревьях уже пожелтела, здесь листья большей частью оставались зелёными — да, зелёными, уличное освещение было достаточно ярким, чтобы легко различать цвета.

Понтер никогда в жизни не задумывался над тем, чтобы кого-либо убить, однако…

Однако никогда в жизни никто не причинял такого вреда тому, кого он любит.

И, если бы такое даже произошло, в *цивилизованном* мире виновник был бы легко пойман и понёс бы наказание.

Но здесь! На этой безумной зазеркальной Земле…

Он должен сделать что-то большее, чем отсылка анонимного бумажного письма. Он должен сделать так, чтобы Раскин узнал не просто, что

раскрыт, но и *кто* его раскрыл. Он должен ясно понять, что нет ни одного, даже малейшего шанса, что ещё одно такое преступление сойдёт ему с рук. Только тогда, чувствовал Понтер, Мэре снова обретёт отобранный у неё покой. И только тогда он узнает, есть ли правда в предположении Хака о том, что её поведение по отношению к нему нетипично для женщин её вида.

Понтер бежал вдоль улицы между двумя рядами двухэтажных строений, перед каждым — травянистый газон и иногда несколько деревьев. На бегу он заметил идущую его направлении фигуру — мужчина-глексен, с белой кожей и практически без волос на голове. Понтер перебежал на другую сторону улицы, так, чтобы не приближаться к человеку близко, и продолжил путь.

— Здесь поверни направо, — сказал Хак. — Из этого скопления жилищ впереди, похоже, нет другого выхода.

Понтер сделал, как Хак сказал, и побежал по перпендикулярной улице. Он миновал лишь один квартал, и Хак сказал ему снова повернуть направо, в западном направлении, ведущем к кампусу.

Дорогу перед Понтером перебежал кот с подня-

тым вверх хвостом. Понтер был поражён, когда узнал, что люди одомашнили кошек, которые бесполезны на охоте и даже палку неспособны принести. *Однако,* подумал он, *каждому своё…* Он продолжил бег, плоские ступни звонко шлёпали по твёрдой поверхности дороги.

Вскоре Понтер увидел бегущую к нему большую чёрную собаку. Вот приручение собак он мог понять. Он уже заметил, что у глексенов имеется множество разных пород собак, выведенных, по всей видимости, путём селекции. Многие казались неподходящими для охоты, но, как он полагал, их внешность, наверное, просто нравится хозяевам.

Опять же, Понтер слышал, как палеоантропологии в Вашингтоне обсуждали его собственную внешность. По-видимому, его черты лица соответствовали тому, что они называли «классический неандерталоид» — причём в его экстремальной форме. Эти учёные были удивлены отсутствием у народа Понтера редукции надбровного валика и размеров носа и отсутствием даже намёка на этот смехотворный нарост на самом кончике нижней челюсти.

Однако с того момента, когда истинное сознание расцвело в его народе и вследствие этого

вселенная расщепилась надвое где-то полмиллиона месяцев назад, происходил осознанный отбор половых партнёров, который привёл к сохранению, а фактически — к закреплению особенностей, которые так много людей считали красивыми.

— Не устал? — спросил Хак.

— Нет.

— Хорошо. Осталось ещё столько же.

Внезапно раздался громкий лай, и Понтер вздрогнул от неожиданности. Ещё одна собака — здоровая и коричневая — направлялась к нему, и вид у неё был далеко не радостный. Понтер знал, что не сможет обогнать четвероногого, поэтому остановился и повернулся к собаке.

— Тихо, тихо, — произнёс он на своём языке, надеясь, что пёс распознает успокаивающие интонации, если не слова. — Хорошая собачка.

Коричневое чудовище продолжало бежать к Понтеру, не переставая лаять. На втором этаже ближайшего жилища зажглось окно.

— Красивая собачка, — сказал Понтер, чувствуя, как всё его тело напрягается, хотя и понимал, что это глупо. Как и бараст, пёс мог учуять чужой страх и…

Почему пёс бросился на него, Понтер не мог

сказать. Очевидно, он не нападал на каждого, кто проходит по этой улице, но пёс, так же, как и он сам, мог отличить глексена от бараста по запаху, и, хотя наверняка не встречал до сих пор представителей народа Понтера, понял, что на его территорию заявилось что-то чужое.

Когда зверь присел на задние лапы и прыгнул, Понтер приготовился схватить его за горло, и…

Вспышка света в полутьме…

Звук, как будто мокрая кожа бьётся об лёд…

И собака заскулила от боли.

Она прыгнула на Понтера с достаточной скоростью, чтобы привести в действие щит, который дал ему Гуса Каск. Пёс, перепуганный и оглушённый и — Понтер это учуял — с разбитой в кровь мордой, развернулся и кинулся прочь так же быстро, как и появился. Понтер сделал глубокий вдох, выровнял дыхание и снова побежал.

— Хорошо, — сказал Хак через некоторое время. — Здесь мы должны пересечь эту дорогу, «четыреста седьмое». Поверни налево и перебегай вон тот мост. Будь осторожен, не попади под машину.

Понтер сделал всё, как Хак сказал, и скоро оказался на другой стороне дороги и потрусил на юг. Далеко-далеко на горизонте он мог различить

мигающие огни на вершине башни Си-Эн Тауэр в центре Торонто на самом берегу озера. Мэре рассказывала ему, какой великолепный с неё открывается вид, но пока ему приходилось видеть это сооружение только с большого расстояния.

Понтер пересёк ещё одну дорогу, по которой даже так поздно ночью машины проносились каждые несколько тактов. Через короткое время он обнаружил, что входит на территорию кампуса Йоркского университета, и Хак провёл его насквозь, мимо зданий, парковок и парковых зон на другой его край.

Пробежав ещё несколько сотен саженей, Понтер оказался на узкой грязной улочке возле дома, где жил Раскин. Понтер согнулся и упёрся руками в колени, пытаясь отдышаться и выровнять дыхание. *Похоже, я и правда начинаю стареть*, подумал он. Приятный ветерок дул прямо ему в лицо, остужая его.

Мэре к этому времени могла уже проснуться и обнаружить его отсутствие, но, исходя из его краткого опыта ночёвок с ней в одной постели, она спала очень крепко, а до восхода солнца ещё оставалось почти две деци. К тому времени он уже будет дома, хотя и не *задолго* до этого времени…

— Доставай, — прошипел голос у него за спиной, и он почувствовал, как что-то твёрдое упёрлось ему в поясницу. Внезапно Понтер осознал один из недостатков устройства Гусы Каска. О да, оно могло отклонить пулю, выпущенную с некоторого расстояния, но ничего не могло поделать с выстрелом из оружия, прижатого к телу.

Однако это Канада, и огнестрельное оружие, по словам Мэре, здесь было редкостью. Но мысль о том, что ему в спину упирается нож, а не пистолет, почему-то Понтера совсем не успокаивала.

Понтер не знал, что делать. В неярком освещении и со спины нападающий, по-видимому, не признал в нём неандертальца. Но если он заговорит, даже очень тихо, на своём языке так, чтобы Хак мог переводить, этот факт немедленно выйдет наружу, и…

— Чего ты хочешь? — спросил Хак по-английски по собственному почину.

— Твой кошелёк, — сказал голос — мужской и, к разочарованию Понтера, совершенно спокойный.

— У меня нет кошелька, — ответил Хак.

— Тем хуже для тебя, — сказал глексен. — Гони деньги — или пущу кровь.

Понтер не сомневался, что справится прак-

тически с любым безоружным глексеном в рукопашном бою, но этот явно был вооружён. В этот момент Хак сообразил, что Понтер не видит, чем именно вооружён нападавший.

— Он держит стальной нож, — сказал он Понтеру через кохлеарный имплант, — с зазубренным лезвием примерно 1,2 ладони длиной и рукояткой, судя по тепловому рисунку, из полированного дерева.

Понтер подумал о том, чтобы быстро повернуться в надежде на то, что от одного вида неандертальского лица глексен растеряется, но последнее, чего бы ему хотелось, это чтобы кто-то видел его возле дома Раскина.

— Он переминается с левой ноги на правую, — сказал Хак через импланты. — Слышишь?

Понтер едва заметно кивнул.

— Он отклоняется влево… теперь вправо… влево. Улавливаешь ритм?

Ещё один крошечный кивок.

— Ну так что? — прошипел глексен.

— Хорошо, — сказал Хак Понтеру. — Когда я скажу «давай», со всей силы бей правым локтем назад. Ты попадёшь ему в солнечное сплетение, и он по крайней мере отступит назад, и тогда твой щит защитит тебя от удара ножа. — Хак

переключился на внешний динамик. — У меня правда нет ни цента, — и Понтер тут же понял его ошибку: звук «и» был взят из речи глексенов и произносился другим голосом, резко отличным от голоса синтезатора Хака.

— Что за…? — сказал глексен, явно озадаченный услышанным. — А ну-ка повернись, коз…

— Давай! — скомандовал Хак Понтеру во внутреннее ухо.

Понтер вслепую ударил локтем назад и почувствовал под ним живот глексена. Послышалось нечто вроде «ых-х-х» — из лёгких от удара вырвался воздух — и Понтер развернулся лицом к нападавшему.

— Иисусе! — прошипел глексен, увидев выступающее надбровье на волосатом лице. Он ударил ножом, достаточно быстро, чтобы щит сработал со вспышкой света, преградив путь лезвию. Понтер выбросил руку вперёд и схватил глексена за тонкую шею. Он выглядел вдвое моложе Понтера. На какое-то мгновение Понтер задумался, не сжать ли кулак и раздавить сопляку горло, но не смог этого сделать.

— Брось нож, — сказал Понтер. Глексен посмотрел вниз. Понтер проследил за его взглядом и увидел, что лезвие ножа согнулось от удара о

щит. Понтер немного сжал пальцы. Хватка глексена синхронно ослабла, и нож, зазвенев, упал на дорожное покрытие.

— Теперь пошёл вон, — сказал Понтер через Хака. — Проваливай, и никому ни слова.

Понтер отпустил глексена, который немедленно начал хрипеть и откашливаться. Понтер поднял руку.

— *Вон!* — сказал он. Глексен кивнул и бросился прочь, одну руку прижимая к животу там, куда попал локоть Понтера.

Понтер не стал терять времени и зашагал по растрескавшейся бетонной дорожке ко входу в дом.

Глава 39

Понтер молча ждал в подъезде дома Раскина; одна стеклянная дверь позади него, другая — впереди. Через несколько сотен тактов кто-то направился к выходу от лифтов, которые Понтер видел через внутреннюю стеклянную дверь. Он повернулся спиной, спрятав лицо, и стал ждать. Приближающийся глексен покинул холл, и Понтер легко перехватил стеклянную дверь до того, как она захлопнулась. Он быстро зашагал по плиточному полу — плитка для пола была чуть ли не единственной областью глексенской архитектуры, где находили применение правильные квадраты — и нажал кнопку вызова лифта. Тот, что доставил только что вышедшего глексена, всё ещё был здесь, и Понтер вошёл в раздвинувшиеся двери.

Кнопки этажей были расположены в два столбца, и верхние две были обозначены как «15» и «16». Понтер нажал ту, что справа.

Лифт — самый маленький и самый грязный из всех, что ему доводилось видеть в этом мире, даже грязнее, чем шахтный подъёмник в Садбери — громыхая, пришёл в движение. Понтер смотрел

на индикатор над выщербленной дверью, и ждал, пока высвечиваемый им символ не совпадёт с символом на нажатой им кнопке. Наконец, это произошло. Понтер покинул лифт и вышел в холл, чьё ковровое покрытие в некоторых местах было порвано, а в остальных — запачкано. Стены были оклеены листами тонкой бумаги, украшенной сине-зелёными завитками; некоторые листы частично отклеились.

Понтер видел четыре двери на каждой из сторон холла по левую руку от себя, и ещё четыре на каждой стороне по правую руку; всего шестнадцать квартир. Он подошёл к ближайшей двери, приблизил нос к дальнему от петель краю и быстро обнюхал щель между дверью и косяком, пытаясь отделить доносящийся из квартиры запах от царящего в холле запаха плесневеющего коврового покрытия.

Не эта. Он перешёл к следующей двери и также обнюхал её край. Здесь он обнаружил знакомый запах — такой же едкой гарью иногда несло из подвала Рубена Мантего, когда они с Луизой уединялись там.

Он подошёл к третьей двери. В квартире за дверью был кот, но люди отсутствовали.

У следующий двери он различил запах мо-

чи. Он не понимал, почему глексены не всегда смывают за собой туалет; после того, как ему объяснили устройство этого механизма, он никогда не забывал это делать. Он также различил запахи четырёх или пяти людей. Но Мэре сказала, что Раскин живёт один.

Понтер добрался до конца коридора. Он перешёл на другую сторону и глубоко вдохнул возле первой двери. Внутри недавно готовили корову и какие-то растения с резким запахом. Но запахи людей были незнакомы.

Он проверил следующую дверь. Табачный дым и феромоны одной — нет, двух женщин.

Понтер перешёл к следующей двери, но она оказалась не такой, как другие — на ней не было номера квартиры и замка. Открыв её, Понтер обнаружил маленькую комнатку с дверцей значительно меньшего размера на петлях, за которой круто уходил вниз металлический жёлоб. Он пошёл к соседней двери, взмахами ладони пытаясь разогнать вонь, которая поднималась из жёлоба за дверцей. Он втянул в себя воздух.

Снова табачный дым, и…

И запах мужчины… худого мужчины, который не слишком обильно потеет.

Понтер понюхал снова, поводя носом вверх и

вниз вдоль края двери. Похоже на то…

Да, точно. Теперь он был уверен.

Раскин.

Понтер был физиком, а не инженером. Но он наблюдал за окружающим миром, а Хак был ещё внимательнее. Они устроили короткое совещание, стоя в коридоре перед дверью квартиры Раскина: Понтер говорил шёпотом, Хак — через кохлеарные импланты.

— Дверь без сомнения заперта, — сказал Понтер. В его мире такое встречалось нечасто; обычно двери запирали только для того, чтобы дети не залезли в опасное место.

— Будет лучше всего, — сказал Хак, — если он откроет дверь сам, по собственной воле.

Понтер кивнул.

— Но станет ли он открывать? Я так понимаю, что это, — он ткнул пальцем, — линза, через которую он может видеть, кто находится за дверью.

— Невзирая на свои отвратительные особенности, Раскин — учёный. Если бы существо из иного мира появилось на пороге твоего дома на Окраине Салдака, разве ты отказался бы ему открыть?

— Стоит попробовать. — Понтер побарабанил костяшками пальцев по двери — он видел, как

несколько раз так делала Мэри.

Хак внимательно прислушался.

— Дверь полая, — сказал он. — Если он тебя не впустит, ты легко её выбьешь.

Понтер постучал снова.

— Возможно, он крепко спит.

— Нет, — сказал Хак. — Я слышу его шаги.

Свет за вделанной в дверь линзой прервался: по-видимому, Раскин смотрел сквозь неё, кто стучит в дверь среди ночи.

Наконец, Понтер услышал, как лязгает, поворачиваясь, механизм замка, дверь немного приоткрылась, и в щели показалось лицо Раскина. Тонкая цепочка золотистого цвета, по-видимому, не давала двери раскрыться полностью.

— Док… Доктор Боддет? — спросил явно потрясённый Раскин.

Понтер собирался что-нибудь соврать о том, как ему нужна помощь Раскина в надежде, что он впустит его в квартиру, но обнаружил, что не может говорить в обычной цивилизованной манере с этим… этим *приматом*. Он упёрся ладонью правой руки в край двери и резко нажал. Цепочка лопнула, и дверь распахнулась, отбрасывая Раскина назад.

Понтер торопливо вошёл и закрыл за собой

дверь.

— *Что за...!* — заорал Раскин, вскакивая на ноги. Понтер отметил, что Раскин одет в обычную дневную одежду, несмотря на поздний час, и вдруг подумал, что он, возможно, только что возвратился домой после нападения на очередную женщину.

Понтер шагнул к нему.

— Вы изнасиловали Кейсер Ремтуллу. Вы изнасиловали Мэре Воган.

— О чём вы говорите?

Понтер проговорил тихим голосом:

— Я могу убить вас голыми руками.

— Вы сошли с ума? — закричал Раскин и попятился.

— Нет, — ответил Понтер, делая шаг вперёд. — Я не сошёл с ума. Это ваш мир сошёл с ума.

Глаза Раскина метались по захламлённой комнате, явно пытаясь найти какие-то пути для бегства... или оружие. Позади него был проём в стене, ведущий, по всей видимости, в помещение, предназначенное для приготовления пищи.

— Вам придётся иметь дело со мной, — сказал Понтер. — Я буду судить вас.

— Послушайте, — сказал Раскин, — я знаю, что недавно в нашем мире, но у нас есть законы. Вы

не можете просто…

— Вы — серийный насильник.

— Вы чего-то накурились?

— Я могу доказать, — сказал Понтер, подступая ближе.

Внезапно Раскин резко обернулся и изогнулся, пытаясь достать что-то через ведущий на кухню проём. Он снова повернулся к Понтеру, держа в руках тяжёлую сковородку — Понтер видел такие, когда отбывал карантин в доме Рубена Монтего. Раскин держал сковородку перед собой, сжимая рукоятку двумя руками.

— Не подходите ближе, — сказал он.

Понтер не обратил внимания на его предупреждение. Когда он был в шаге от Раскина, тот ударил. Понтер поднял левую руку, прикрывая лицо. Сопротивление воздуха, должно быть, затормозило сковородку до безопасного предела, и силовой щит не включился, так что удар в основном принял на себя Хак. Правая рука Понтера метнулась вперёд и схватила Раскина за горло.

— Бросьте эту вещь, — сказал Понтер, — или я сломаю вам шею.

Раскин попытался что-то сказать, но Понтер немного сжал пальцы. Глексену удалось ещё раз ударить Понтера сковородкой по плечу — к сча-

стью, не по тому, в которое попала пуля. Понтер, держа за шею, приподнял Раскина над полом.

— Бросьте эту вещь! — громыхнул он.

Лицо Раскина побагровело, а глаза — голубые глаза — выпучились. Наконец, он бросил сковородку, которая звонко ударилась о деревянный. Понтер развернул Раскина и ударил о стену рядом с проходом на кухню. Материал стены вмялся от удара в нескольких местах, в нём появилась длинная трещина.

— Вы видели по телевизору, как посол Прат убила нападавшего?

Раскин только хрипел и со свистом втягивал воздух.

— *Вы видели?*

Наконец, Раскин кивнул.

— Посол Прат из 144-го поколения. Я из 145-го; я младше её на десять лет. Хотя я пока не равен ей мудростью, силой я её превосхожу. Если вы продолжите меня провоцировать, а разобью вам череп.

— Чего… — произнёс Раскин очень хриплым голосом. — Чего вы хотите?

— Во-первых, — сказал Понтер, — правды. Я хочу, чтобы вы признались в своих преступлениях.

— Я знаю, что это штука у вас в руке всё запи-

сывает.

— *Признайтесь в преступлениях.*

— Я никогда…

— У принудителей Торонто есть образцы вашей ДНК с изнасилования Кейсер Ремтуллы.

— Если бы они знали, что это моя ДНК, — полузадушенным голосом ответил Раскин, — то здесь были бы они, а не вы.

— Если вы будете упорствовать, я убью вас.

Раскину удалось немного покачать головой, несмотря на то, что Понтер продолжал сжимать его шею.

— Признание под принуждением не является доказательством.

— Хорошо, тогда убедите меня, что вы невиновны.

— Я не обязан никого ни в чём убеждать.

— Вы не получили повышения и более выгодных условий работы из-за вашего цвета кожи и пола, — сказал Понтер.

Рискин молчал.

— Вы ненавидели тот факт, что другим — этим женщинам — отдаётся предпочтение перед вами.

Раскин извивался, пытаясь вырваться из хватки Понтера, но тот держал его крепко.

— Вам хотелось навредить им, — сказал Понтер. — Унизить их.

— Старайся-старайся, троглодит.

— Вам отказали в том, чего вам хотелось, и вы взяли то, что может быть лишь отдано добровольно.

— Всё было не так…

— Расскажите мне, — прошипел Понтер, заламывая руку Раскина за спину. — Расскажите мне, *как* это было.

— Я заслуживал бессрочного контракта, — сказал Раскин. — Но они раз за разом прокатывали меня. Эти суки постоянно прокатывали меня, и…

— И что?

— И я показал им, чего стоит настоящий мужчина.

— Вы — *позор* всего мужского рода, — сказал Понтер. — Скольких вы изнасиловали? *Скольких?*

— Только…

— Ещё кого-то, кроме Мэре и Кейсер?

Молчание.

Понтер отодвинул Раскина от стены и снова ударил его об неё. Трещина стала шире.

— *Кого-то ещё?*

— Нет. Только…

Он заломил его руку сильнее.

— Только двоих? Только двоих? — Зверёныш взвыл от боли. — Только двоих? — повторил Понтер.

Раскин хрюкнул и сказал сквозь сжатые зубы:

— Только Воган. И эту черножопую суку…

— Что? — Понтер на мгновение растерялся, когда Хак издал гудок. Он снова выкрутил Раскину руку.

— *Ремтуллу. Я трахнул Ремтуллу.*

Понтер немного ослабил хватку.

— Вы остано́витесь, понятно вам? Это больше никогда не повторится. Я буду следить. Другие будут следить. Никогда, слышите?

Раскин буркнул что-то неразборчивое.

— *Никогда,* — повторил Понтер. — Поклянитесь.

— Никогда больше, — сказал Раскин, всё ещё сжимая зубы.

— И вы никому не скажете о моём визите. Никому. Если скажете, то понесёте наказание, предусмотренное за ваши преступление вашим же обществом. Вы это понимаете? *Понимаете?*

Раскин с трудом кивнул.

— Хорошо, — сказал Понтер, ещё немного ослабляя хватку. Но потом он снова впечатал

Раскина в стену; в этот раз от неё начали отваливаться кусочки материала. — Нет, это совсем не хорошо, — продолжал Понтер, теперь уже тоже сквозь сжатые зубы. — Этого недостаточно. Это ещё не справедливость. — Он бросился на Раскина всем своим весом, припечатав его к стене; его пах прижался к заду глексена. — Вы на себе почувствуете, каково это — быть женщиной.

Всё тело Раскина внезапно напряглось.

— Нет. Нет-нет, ни за что! Господи, только не это…

— Это будет справедливо, — сказал Понтер, открывая карман на своём медицинском поясе и доставая оттуда пневмоинъектор.

Устройство зашипело над шеей Раскина.

— Что это за херня? — закричал он. — Вы не можете вот так вот…

Понтер ощутил, как тело Раскина расслабилось. Он опустил его на пол.

— Хак, — позвал Понтер. — С тобой всё в порядке?

— Удар был довольно сильный, — ответил компаньон, — но я не повреждён.

— Прости, — сказал Понтер. Он посмотрел на лежащего на спине Раскина. Потом схватил его ноги и развёл их в стороны.

Потом потянулся к его поясу. Ему понадобилось некоторое время, чтобы разобраться, как он устроен. Расстегнув пояс, Понтер нашёл застёжку и молнию на его брюках. Расстегнул и то, и другое.

— Сначала сними эти штуки со ступней, — подсказал Хак.

Понтер кивнул.

— Точно. Всё время забываю, что у них это отдельно. — Он передвинулся к ногам Раскина и после нескольких попыток сумел развязать шнурки и снять с него башмаки. Понтер содрогнулся, почуяв исходящий от ступней запах. На коленях переполз обратно, к поясу Раскина, и начал стягивать с него штаны. Следом взялся за трусы и стянул их по почти безволосым ногам до ступней, а потом избавился и от них.

Наконец, Понтер взглянул на гениталии Раскина.

— Что-то здесь не так, — сказал он. — Какое-то уродство, или что? — Он поднял руку, давая Хаку лучший обзор.

— Удивительно, — сказал компаньон. — Отсутствует препуциальный мешок.

— Что? — переспросил Понтер.

— Крайняя плоть.

— Интересно, у всех глексенских самцов так?

— Это сделало бы их уникальными среди приматов, — ответил Хак.

— Ладно, — сказал Понтер, — мне это не помешает.

* * *

Корнелиус Раскин пришёл в себя на следующий день; он определил, что настало утро по тому, что в окна его квартиры светило солнце. В голове били молотки, горло саднило, локоть горел, седалище болело, и было такое чувство, что его пнули по яйцам. Он попытался оторвать голову от пола, но его так затошнило, что он опустил её обратно. Через некоторое время он повторил попытку, и в этот раз сумел приподняться на локте. Его рубашка и брюки были на нём, так же, как носки и башмаки. Но шнурки на них завязаны не были.

Чёрт тебя дери, подумал Раскин. *Чёрт тебя дери.* Он слышал, что неандертальцы все геи. Господи, но он не был готов к *такому*. Он перекатился на бок и ощупал рукой заднюю часть штанов, молясь о том, чтобы не обнаружить там крови. Тошнота подбиралась к горлу, и он прогнал её, с усилием сглотнув. Получилось очень больно.

«Справедливость», сказал Боддет. Справедливо бы было, если бы он получил приличное место и не должен бы был уступать его банде некомпетентных женщин и прочих меньшинств…

Голова у него болела так, словно Понтер снова и снова бил по ней сковородкой. Раскин закрыл глаза, пытаясь собраться с силами. У него болело так много всего и так сильно, что он не мог сосредоточиться на чём-то одном.

Проклятый питекантроп и его извращённые представления о справедливости! Только из-за того, что он вставил Воган и Ремтулле, чтобы показать им, кто тут на самом деле главный, Боддет решил, что будет справедливым сделать из него педика.

Это, несомненно, было ещё и предупреждением: держи язык за зубами, помни, что тебе приготовлено, если ты посмеешь в чём-то обвинить Понтера, что будет с тобой в тюрьме, если тебя всё-таки упекут за изнасилование…

Раскин сделал глубокий вдох и схватился рукой за горло. Он нащупал на нём углубления, оставленные пальцами питекантропа. Боже, там, наверное, жуткая ссадина.

Наконец, голова Раскина перестала кружиться в достаточной степени, чтобы он мог заставить

себя встать на ноги. Он схватился за край дверного проёма, чтобы выровняться, и остался стоять, ожидая, пока в глазах перестанут вспыхивать искры. Вместо того, чтобы зашнуровать башмаки — для этого пришлось бы нагнуться — он просто сбросил их с ног.

Он подождал ещё минуту, пока молотки в голове не стихли настолько, что он решился отпустить свою опору без риска рухнуть обратно на пол. Потом он проковылял по короткому коридору к обшарпанной ванной, выкрашенной в тошнотворный зелёный цвет ещё предыдущим квартиросъёмщиком. Он вошёл и закрыл за собой дверь, на обратной стороне которой обнаружилось ростовое зеркало, треснувшее там, где оно было привинчено к двери. Он расстегнул пояс и спустил брюки, а потом повернулся задом к зеркалу и, заранее готовя себя к тому, что может увидеть, приспустил трусы.

Он боялся, что увидит на ягодицах такие же следы от пальцев, какие ощущал на горле, но там ничего не было, кроме длинной царапины сбоку — которая, как он сообразил, появилась, когда Понтер сбил его с ног, резко распахнув дверь и порвав цепочку.

Раскин схватил себя за ягодицу и оттянул её в

сторону, пытаясь увидеть сфинктер. Он понятия не имел, чего ожидать — крови? — но не заметил ничего необычного.

Он не мог себе представить, что подобного рода контакт может не оставить следов, но похоже, что в данном случае всё было именно так. В сущности, насколько он мог судить, с его задней частью не произошло ничего необычного.

Озадаченный, он посеменил к унитазу, волоча за собой спущенные штаны и трусы. Встал перед ним, потянулся к пенису, поднял его, прицелился и…

Нет!

Нет, нет, нет!

Господи Иисусе, нет!

Раскин ощупал всё вокруг, наклонился, снова выпрямился и поковылял обратно к зеркалу для лучшего обзора.

Боже, Боже, Боже…

Он видел себя в зеркале, голубые глаза, округлённые в выражении абсолютного ужаса, отвисшую челюсть и…

Он приник к самому зеркалу, пытаясь получше рассмотреть мошонку. Её пересекала вертикальная черта, которая выглядела словно…

Возможно ли такое?

…словно сварной шов.

Он снова принялся ощупывать, тыкать в обвисший, сморщенный мешочек, надеясь, что в первый раз он почему-то ошибся, не заметил…

Но тщетно.

Господи всемогущий, тщетно.

Раскин доковылял до раковины, опёрся на неё и испустил долгий пронзительный вой.

Его тестикулы исчезли.

Глава 40

Некоторое время Журард Селган молчал. Конечно, то, что Понтер ему сейчас рассказал, было абсолютно конфиденциально. Разговоры скульптора личности с его пациентом специальным образом кодируются. Селган даже и подумать не мог о том, чтобы пересказать кому-то то, что узнал от пациента, и никто не мог открыть архив алиби его или его пациента за период, помеченный как время терапевтического сеанса.

— Мы не берём правосудие в собственные руки, — сказал Селган.

Понтер кивнул.

— Как я сказал в самом начале, я не горжусь тем, что совершил.

— Вы также сказали, — мягко напомнил Селган, — что совершили бы это снова, если бы пришлось.

— То, что он делал, было плохо, *— сказал Понтер. — Гораздо хуже того, что я сделал с ним. — Он развёл руками, словно ища способа оправдать своё поведение. — Он насиловал женщин и собирался делать это и дальше. Но я положил этому конец. Не только потому, что он*

теперь знал, что я могу опознать его по запаху, а по той же причине, по которой мы всегда стерилизуем наших склонных к насилию самцов именно таким образом. Ведь мы не только предотвращаем распространение их генов. Путём удаления тестикул мы радикально снижаем уровень тестостерона, купируя их агрессивность.

— И вы решили, что если этого не сделаете вы, то не сделает никто? — сказал Селган.

— Именно! Ему бы всё сошло с рук! Мэре Воган считала, что имеет преимущество, что насильник не знал, с кем связывается, нападая на профессора генетики. Но она ошибалась. Он знал совершенно точно, с кем имеет дело. И он знал, что нужно сделать, чтобы его никогда не смогли осудить за это преступление.

— Так же, — тихо сказал Селган, — как вы знали, что вас никогда не осудят за его кастрацию.

Понтер ничего не ответил.

— Мэре знает об этом? Вы ей рассказали?

Понтер покачал головой.

— Почему нет?

— Почему нет? — повторил Понтер, удивлённый вопросом. — Почему нет? Я совершил преступление — тяжкое преступление. Я не хотел вовлекать в него её; я не хочу, чтобы она была

хоть как-то в этом замешана.

— И всё?

Понтер молча рассматривал рисунок древесных волокон, охватывающий весь периметр комнаты.

— Это всё? — не отступал Селган.

— Конечно, я не хотел ронять себя в её глазах, — сказал Понтер…

— На самом деле это могло возвысить *вас в её глазах, — сказал Селган. — В конце концов, вы пошли на это ради неё, чтобы защитить её и других, подобных ей.*

Но Понтер замотал головой.

— Нет. Нет, она рассердилась бы на меня. Разочаровалась бы во мне.

— Почему?

— Она христианка, — ответил он. — Философ, учению которого она следует, утверждал, что прощение — это величайшая из всех добродетелей.

Бровь Селгана влезла на надбровный валик.

— Некоторые вещи очень трудно простить.

— Думаете, я этого не знаю? — *рявкнул Понтер.*

— Я не имел в виду не то, что сделали вы, а то, что он — тот мужчина-глексен — сделал с Мэре.

Понтер сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

— Этот… Раскин — единственный, кого вы кастрировали?

Взгляд Понтера метнулся к Селгану.

— Разумеется!

— Ага, — сказал Селган. — Просто я…

— Что?

Селган проигнорировал вопрос.

— Вы рассказывали об этом кому-нибудь ещё?

— Нет.

— Даже Адекору?

— Даже Адекору.

— Но ведь ему вы без сомнения можете доверять, — сказал Селган.

— Да, но…

— Вот видите, — сказал Селган, когда Понтер замолчал, не закончив фразы. — В нашем мире мы не просто стерилизуем совершивших насильственные преступления, не так ли?

— Ну… нет. Мы…

— Да? — сказал Селган.

— Мы стерилизуем преступника и *всех, у кого хотя бы половина общих с ним генов.*

— И кого же именно?

— Братьев. Сестёр. Родителей.

— Да. Кого ещё?

— И… ещё однояйцевых близнецов. Именно поэтому говорится про по крайней мере *половину; у однояйцевых близнецов совпадает сто процентов ДНК.*

— Да-да, но вы забыли про ещё одну группу.

— Братья. Сёстры. Мать преступника. Отец преступника.

— И…?

— Я не понимаю, что вы… — Понтер замолк. — О, — тихо сказал он. Он снова посмотрел на Селгана, потом опустил взгляд. — Дети. Потомки.

— У вас есть дети, не так ли?

— Двое дочерей, Жасмель Кет и Мега Бек.

— Так что если кто-то узнает о вашем преступлении и каким-либо образом разгласит его, и суд прикажет вскрыть ваш архив алиби, наказание понесёте не только вы. Ваших дочерей стерилизуют вместе с вами.

Понтер закрыл глаза.

— Это так? — сказал Селган.

— Да. — Голос Понтера был едва слышен.

— Ранее я спросил, стерилизовали ли вы ещё кого-нибудь в другом мире, и вы накричали на меня.

Понтер молчал.

— Вы понимаете, что вас рассердило?

Понтер вдохнул и медленно, судорожно выдохнул.

— Я стерилизовал только *самого преступника, но не его родственников. Видите ли, я не слишком задумывался о… о* справедливости *того, что мы стерилизуем невиновных ради улучшения генофонда. Но… но я с помощью Хак и правда пытался изучать эту глексенскую Библию. В её самой первой истории всё потомство изначальных двух людей было проклято за то, что эти двое людей совершили преступление. И это показалось мне таким неправильным, таким несправедливым.*

— Так что как бы вы ни хотели очистить глексенский генофонд от скверны Раскина, вы не смогли заставить себя отыскать его ближайших родственников, — сказал Селган. — Потому что, сделай вы это, вы бы согласились, что ваши *близкие — двое ваших дочерей — заслуживают наказания за преступления, которые* вы *совершили.*

— Они невиновны, *— сказал Понтер. — Независимо от того, насколько тяжкие преступления совершил я, они не должны из-за этого страдать.*

— И всё же они пострадают, если вы раскроете себя и признаетесь в содеянном.

Понтер кивнул.

— И что же вы намерены делать?

Понтер пожал своими массивными плечами.

— Хранить эту тайну до тех пор, пока я не умру.

— А потом?

— Я... простите?

— После того, как вы умрёте — что будет потом?

— Потом... потом ничего.

— Вы в этом уверены?

— Конечно. То есть, да, я читал Библию, и я знаю, что Мэре психически здорова и умна и не подвержена галлюцинациям, но...

— И у вас нет ни малейшего сомнения в том, что она ошибается? Вы убеждены в том, что после смерти ничего нет?

— Ну...

— Да?

— Нет. Забудьте.

Селган нахмурился, но решил, что развивать эту тему пока рано.

— Вы не задумывались о том, почему Мэре заинтересовалась вами?

Понтер смотрел в сторону.

— Я слышал, как ранее вы говорили о том, что

глексены — тоже люди. Однако всё же у вас с ней меньше общего, чем с любым другим мужчиной, с которым она до тех пор была знакома.

— Физически — возможно, — сказал Понтер. — Но ментально, эмоционально мы очень похожи.

— И всё же, — сказал Селган, — поскольку Мэре пострадала от самца своего собственного вида, она могла…

— Думаете, мне это не приходило в голову? — перебил его Понтер.

— Скажите об этом вслух, Понтер. Выпустите наружу.

Понтер фыркнул.

— Я мог заинтересовать её именно потому, что в её глазах я был не *человек — не один из тех, кто сделал ей больно.*

Селган помолчал несколько тактов.

— Над этой мыслью стоит поразмышлять.

— Это неважно, — сказал Понтер. — Теперь это ничего уже не значит. Я люблю *её. И она любит меня. Ничто не имеет значения, кроме этого простого факта.*

— Очень хорошо, — сказал Селган. — Очень хорошо. — Он снова сделал паузу, а потом постарался, чтобы его голос звучал отстранённо, будто мысль только что пришла ему в голову, и

он не выжидал подходящего момента, чтобы её озвучить. — А кстати, вы не думали о том, что вас *к ней привлекло?*

Понтер закатил глаза.

— Скульптор личности! — сказал он. — Вы собираетесь объявить, что она каким-то образом напомнила мне Класт. Но здесь вы попали пальцем в небо. Она вообще не похожа на Класт. У неё совершенно другой характер. У Мэре ничего *общего с Класт.*

— Уверен, что вы правы, — сказал Селган, делая руками жест, словно отбрасывая глупую мысль в сторону. — Ну, то есть, как это вообще возможно. Они ведь даже принадлежат к разным видам…

— Именно так, — сказал Понтер, складывая руки на груди.

— И воспитаны в совершенно разных культурных контекстах.

— Точно.

Селган покачал головой.

— Эта идея о жизни после смерти — надо же было такое придумать.

Понтер промолчал.

— Вы никогда не задумывались об этом? Не думали, что возможно — лишь возможно… —

Селган дал своему голосу угаснуть, не закончив фразы, и терпеливо ждал, что Понтер заполнит паузу.

— Ну, — сказал в конце концов Понтер, — это и вправду привлекательная концепция. Я думал над ней с тех пор, как впервые услышал о ней от Мэре. — Понтер поднял руки. — Я знаю, знаю, что никакой послежизни нет — по крайней мере, для меня. Но…

— Но она живёт в альтернативной плоскости бытия, — подсказал Селган. — В другой вселенной. Во вселенной, в которой некоторые вещи могут быть *другими.*

Голова Понтера едва заметно качнулась.

— И она даже не бараст, не так ли? Она принадлежит к другому виду. Лишь из-за того, что у нас нет — как они это называют? Бессмертная душа? То, что у нас *нет этой бессмертной души, разве означает, что её нет и у них? Не так ли?*

— Вы к чему-то ведёте? — резко спросил Понтер.

— Как всегда, — ответил Селган. — Вы потеряли партнёршу двадцать с лишним месяцев назад. — Он помедлил и продолжил так мягко, насколько смог: — Не только Мэре приходила в себя после травмы.

Понтер вскинул брови.

— Надо полагать. Но я всё равно не вижу, как смерть Класт могла бросить меня в объятия женщины из другого мира.

В этот раз пауза затянулась. Наконец Хак, который хранил молчание в течение всего терапевтического сеанса, спросил через внешний динамик:

— Вы хотите, чтобы я ему сказал?

— Нет, я сам, — ответил Селган. — Понтер, пожалуйста, не обижайтесь, но… в общем, вы рассказывали мне о верованиях глексенов.

— И что с того? — спросил Понтер; его голос звучал по-прежнему резко.

— Они верят в то, что мёртвые на самом деле не мертвы. Они верят, что сознание продолжает жить после смерти тела.

— И что?

— А то, что вы, возможно, искали способа обезопасить себя от повторения страданий, которые причинила вам смерть Класт. Если бы ваша партнёрша верила в это… это бессмертие разума, или вы бы считали, пусть и без всяких на то оснований, что она в самом деле может обладать подобного рода бессмертием, то… — голос Селгана затих, приглашая Понтера закончить

мысль.

Понтер вздохнул, но подчинился.

— То в случае, если случилось бы немыслимое и я снова потерял бы любимую женщину, это бы не было для меня таким потрясением, потому что сохранялся бы шанс, что она потеряна не навсегда.

Селган одновременно приподнял бровь и слегка пожал плечами.

— Именно.

Понтер поднялся на ноги.

— Благодарю, что потратили на меня время, учёный Селган. Здравого дня.

— Я не уверен, что мы закончили, — сказал Селган. — Куда вы идёте?

— Сделать то, что я должен был сделать давным-давно, — сказал Понтер, покидая круглый кабинет.

* * *

Луиза Бенуа вошла в кабинет Джока Кригера в «Синерджи Груп». В штате Джока не было геологов, но Луиза — физик, и она работала под землёй на шахте «Крейгтон», так что он решить поручить это ей.

— О'кей, — сказала она. — Думаю, я с этим разо-

бралась. — Она разложила на рабочем столе в кабинете Джока две большие схемы. Джок встал над столом рядом с Луизой.

— Вот это, — сказала она, указывая накрашенным красным ногтем на левую схему, — стандартная палеомагнитная хронология по данным наших учёных.

Джок кивнул.

— А это, — она указала на вторую схему, заполненную странными символами, — та же самая хронология, полученная от неандертальцев.

Хотя Мэри Воган и не нашла подтверждения тому, что в мире неандертальцев магнитное поле Земли поменяло полярность, Джок использовал всё своё влияние, чтобы произвести обмен информацией по палеогеомагнетизму как можно скорее. Если неандертальцы ошибаются относительно быстрого коллапса магнитного поля, тогда Джок будет знать, что беспокоится попусту. Но ему нужно было знать наверняка.

— Так вот, — сказала Луиза, — Как вы видите, мы зафиксировали гораздо больше эпизодов геомагнитной реверсии, чем они — больше трёхсот за последние 175 миллионов тел. Это потому что породы морского дна дают больше информации, чем места падения метеоритов.

— Один-ноль в нашу пользу, — сухо сказал Джок.

— Моя задача, — продолжила Луиза, — состояла в том, чтобы сопоставить эпизоды, которые поддаются сопоставлению — то есть, выявить эпизоды, следы которых обнаружили и мы, и они. Как видите, несмотря на зияющие дыры в их геомагнитной летописи, имеется практически однозначное соответствие всех эпизодов почти до сегодняшнего дня.

Джок смотрел на схемы, следя за указующим ногтем Луизы.

— О'кей.

— Разумеется, — сказала Луиза, — так и должно было быть. Вам известна моя теория: что существовала лишь одна стабильная версия вселенной до того, как примерно сорок тысяч лет назад возникло сознание.

Джок кивнул. Хотя квантовомеханические эффекты могли приводить к кратковременному расщеплению вселенной, вероятно, с самого начала времён, получающиеся варианты на макроуровне были идентичны и поэтому всегда снова сливались в течение нескольких наносекунд.

Однако сознательные действия живых су-

ществ создали разрыв, который уже не мог быть скомпенсирован, и поэтому когда сорок тысяч лет назад произошёл Большой Скачок — когда возникло сознание — случилось самое первое стабильное расщепление. В одной вселенной осознали себя Homo sapiens, в другой — Homo neanderthalensis, и с тех пор эти две вселенные существовали отдельно.

— Но минуточку, — сказал Джок, вглядываясь в неандертальскую схему. — Если вот это — последняя зафиксированная геомагнитная реверсия, о которой нам известно…

— Так и есть, — подтвердила Луиза. — Они датировали её десятью миллионами месяцев назад — это 780000 лет.

— Хорошо, — сказал Джок. — Но если это — самый поздний эпизод на нашей схеме, то что же такое вот это? — Он указал на ещё один, более поздний эпизод, отмеченный на неандертальской схеме. — Это тот, который якобы случился двадцать пять лет назад?

— Нет, — сказала Луиза. На вкус Джока в ней была слишком сильна преподавательская жилка. Она явно подводила его к открытию, хотя сама наверняка уже знала ответ. Вот почему бы просто не сказать?

— Тогда когда же?

— Полмиллиона месяцев назад, — сказала Луиза.

Джок уже не скрывал своего раздражения:

— То есть…?

Чувственные губы Луизы изогнулись в усмешке.

— Сорок тысяч лет.

— Сорок ты… Но ведь это…

— Именно, — сказала Луиза, обрадованная догадливостью ученика. — Как раз тогда, когда произошёл Большой Скачок и возникло сознание, когда вселенная расщепилась навсегда.

— Но… но как так может быть, что они знают об этой реверсии, а мы — нет?

— Помните, что я сказала, когда мы обсуждали эту проблему впервые? После того, как магнитное поле исчезнет, существует пятидесятипроцентная вероятность того, что оно снова возникнет с той же полярностью. В половине случаев полярность та же, а…

— А в оставшейся половине полярность обратная! То есть это событие должно было произойти уже после разделения вселенных; и, поскольку теперь они никак не связаны, случилось так, что в мире неандертальцев полярность поменялась.

Луиза кивнула.

— Оставив след в местах падения метеоритов.

— Но в нашем мире случилось так, что поле снова возникло с той же полярностью, что и до коллапса — и поэтому мы его не заметили.

— *Oui.*

— Поразительно, — сказал Джок. — Но… погодите! У них была реверсия сорок тысяч лет назад, так ведь? Но Мэри утверждает, что стрелка компаса в их мире ориентирована так же, как и в нашем — северным концом на север. Так что…

Луиза ободряюще кивнула: он был на верном пути.

— …так что, — продолжал Джок, — мир неандертальцев и правда пережил недавний коллапс магнитного поля, и когда поле появилось снова, всего шесть лет назад, его полярность стала обратной по сравнению с той, что была до коллапса — такой же, как сейчас на нашей Земле.

— Именно так.

— Значит, всё в порядке? — сказал Джок. — Именно это я и хотел узнать.

— Это ещё не всё, — сказала Луиза. — Далеко не всё.

— Ну так не тяните жилы, рассказывайте!

— Хорошо-хорошо. Земля — единственная Зем-

ля, существовавшая в те времена — пережила коллапс магнитного поля сорок тысяч лет назад. Пока поле отсутствовало, возникло сознание — и я не верю, что это совпадение случайно.

— Вы считаете, что пропадание магнитного поля как-то связано с тем, что пещерные люди изобрели рисование?

— И культуру. И язык. И символическую логику. И религию. Да, я так считаю.

— Но как?

— Я не знаю, — ответила Луиза. — Но помните, что анатомически современные Homo sapiens впервые появились сто тысяч лет назад, но осознали себя лишь сорок тысяч лет назад. Мы имели такие же точно мозги, как и сейчас, в течение шестидесяти тысяч лет, не занимаясь никакими видами искусств и не проявляя никаких признаков подлинной разумности. А потом — *клац!* — что-то случилось, и мы стали разумными.

— Да уж, — сказал Джок.

— Вы знаете, что у некоторых птиц в мозгу есть частицы магнетита, которые помогают им определять направление?

Джок кивнул.

— Так вот, у нас — у Homo sapiens — тоже

есть магнетит в мозгу. Никто не знает, почему, поскольку у нас, очевидно, нет встроенного в организм компаса. Но когда сорок тысяч лет назад магнитное поле Земли схлопнулось, я думаю, с этим магнетитом случилось что-то, что, если можно так выразиться, привело к *загрузке* сознания.

— И что же случится, когда магнитное поле пропадёт в следующий раз?

— Ну, в мире неандертальцев во время недавнего коллапса ничего необычного не произошло, — сказала Луиза. — Но…

— Но…?

— Но они не сжигают ископаемое топливо. У них нет миллиардов автомобилей. Они не применяют хлорфторуглеродов в кондиционерах.

— Да? И что?

— Так что их атмосфера в целом и озоновый слой в частности находятся в нетронутом состоянии. В отличие от наших.

— Как это связано с геомагнитными реверсиями?

— У Земли есть два средства защиты поверхности от солнечной и космической радиации: атмосфера и магнитное поле. Если подводит одно, его может заменить другое…

Глаза Джока округлились.

— Но у нас одно из них уже барахлит.

— Точно. Наш озоновый слой истощён; химический состав нашей атмосферы изменён. Когда магнитное поле снова исчезнет — а этот процесс, по всей видимости, уже начался — у нас не будет запасного средства защиты.

— И что будет?

— *Je ne sais pas*, — сказала Луиза. — Нам придётся построить множество моделей, прежде чем можно будет сказать что-то определённое. Но…

— Снова «но»! Что на этот раз?

— Ну, во время прошлого коллапса сознание загрузилось, а в этот раз, если говорить о последствиях, ожидается мать всех геомагнитных коллапсов. В этот раз сознание может — если снова воспользоваться компьютерной терминологией — сознание может *зависнуть*.

Эпилог

Понтер поблагодарил оператора транспортного куба и вышел наружу. Он чувствовал на себе взгляды женщин, ощущал их неодобрение. Но хотя до того, как Двое станут Одним, оставался ещё целый день, он не мог ждать.

Проведя на другой Земле бóльшую часть месяца, три дня назад Понтер и Мэри вернулись в мир неандертальцев. Он сказал, что такое расписание позволит ему увидеться и с Адекором, и с дочерьми за один визит, что, безусловно, было правдой. Но, поскольку Мэри снова отправилась жить к Лурт, пока Двое не станут Одним, это позволило ему также встретиться со скульптором личности в надежде избавиться от бессонницы и ночных кошмаров, которые преследовали его.

Но сейчас Понтер приближался к лаборатории Лурт — направляемый Хаком, поскольку он сам никогда раньше здесь не бывал. Войдя в полностью каменное здание, он попросил первую же встреченную женщину показать ему, где работает Мэре Воган. Изумлённая женщина — 146-го поколения — показала, и Понтер отправился вдоль по коридору. Он подошёл к

комнате, которую ему указали, и увидел Мэри и Лурт, склонившихся над рабочим столом.

Вот и всё, подумал Понтер. Он сделал глубокий вдох, и…

* * *

— Понтер! — сказала Мэри, поднимая голову. Она была рада его видеть, но…

Но нет. Это был его мир — и это было неподходящее время.

— Что случилось? — спросила она подчёркнуто спокойным тоном.

Понтер посмотрел на Лурт.

— Мне нужно поговорить с Мэре наедине, — сказал он.

Лурт вскинула бровь. Она ободряюще сжала предплечье Мэри и вышла, закрыв за собой дверь.

— В чём дело? — спросила Мэри. Она почувствовала, как зачастило сердце. — С тобой всё в порядке? Что-то стряслось с Жасмель или…?

— Нет. Всё хорошо.

Всё ещё нервничая, Мэри попыталась прояснить ситуацию.

— Тебе же сюда нельзя. Двое ещё не стали Одним.

Но в голосе Понтера послышалось раздражение.

— К… к чертям всё это, — сказал он.

— Понтер, в чём дело?

Понтер глубоко вдохнул и произнёс несколько слов на своём языке. Впервые за всё время его слова не были переведены немедленно, и Мэри увидела, как Понтер немного склонил голову на бок, как он всегда делал, слушая, что ему говорит Хак через ушные импланты.

Понтер заговорил снова, резким тоном, и Мэри расслышала неандертальское слово «ка», которое, как она знала, означает «да». Наверное, Хак говорил ему что-то вроде «Ты уверен, что на самом деле хочешь это сказать?» Понтер, по-видимому, ответил, что да, на самом деле хочет, и отругал компаньон за вмешательство. После секундного молчания Понтер снова открыл рот, однако Хаку, по-видимому, этого оказалось достаточно, чтобы воспроизвести перевод предыдущей фразы Понтера.

— Я люблю тебя, — произнёс синтезированный компьютером голос.

Как Мэри ждала от него именно этих слов!

— И я тебя люблю, — сказала она. — Очень-очень люблю!

— Мы должны строить жизнь вместе, ты и я, — сказал Понтер. — Если… если, разумеется, ты этого хочешь.

— Да, да, конечно! — ответила Мэри радостно, но тут же её настроение упало. — Но… но нам будет так сложно всё устроить. Ну, то есть, твоя жизнь здесь, а моя — *там*. У тебя Адекор, Жасмель и Мегамег, а у меня… — Она замолкла. Она хотела сказать «у меня никого», но это было бы неправдой. У неё *был* муж, хоть и живущий отдельно, но всё ещё законный супруг. И, Господи Боже мой, если Бог не одобряет развод, то что он скажет об отношениях между представителями разных биологических видов?

— Я хочу попытаться, — сказал Понтер. — Я хочу попытаться всё устроить.

Мэри улыбнулась.

— Я тоже. — Но потом её улыбка померкла. — И всё-таки нам нужно подумать о многих вещах. Где мы будем жить? Что будет с Адекором? Что станет…

— Я знаю, что будет трудно, но…

— Да? — сказала Мэри.

Понтер подошёл к ней вплотную и заглянул её в глаза.

— Но твой народ летал на Луну, а мой — открыл

портал в иную вселенную. Сделать можно даже то, что сделать *очень* трудно.

— Придётся идти на жертвы, — сказала Мэри. — Нам обоим.

— Может, да, — сказал Понтер, — а может, нет. Возможно, мы сможем и костный мозг достать, и из кости дудочку сделать.

Мэри на секунду задумалась, но быстро сообразила.

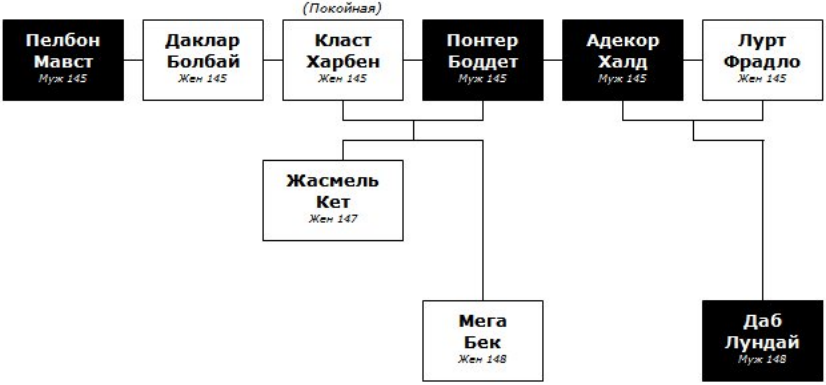
— «И яичницу съесть, и яиц не разбить». У нас так про это говорят. Но я думаю, ты прав: наши народы не настолько разные. Хотеть всего и сразу — это так… — Мэри замолкла, не находя подходящего слова.

Но Понтер нашёл. Понтер знал, что она хотела сказать.

— Это так по-человечески, — сказал он, прижимая её к себе.

Неандертальский мир

Генеалогическое древо Понтера Бод-дета


(Покойная)
Пелбон Мавст
Муж 145
Даклар Болбай
Жен 145
Класт Харбен
Жен 145
Понтер Боддет
Муж 145
Адекор Халд
Муж 145
Лурт Фрадло
Жен 145
Жасмель Кет
Жен 147
Мега Бек
Жен 148
Даб Лундай
Муж 148

Благодарности

За советы в области антропологии и палеонтологии я благодарен Милфорду Х. Уолпоффу, Ph.D., Мичиганский университет; Иэну Таттерсоллу, Ph.D. и Гэри Сойеру (не родственнику), оба из Американского музея естественной истории; Филиппу Либерману, Ph.D., Университет Брауна; Майклу К. Бретт-Сарману, Ph.D. и Рику Поттсу, Ph.D., оба из Национального музея естественной истории; Робину Ридингтону, Ph.D., Professor Emeritus, Университет Британской Колумбии; а также экспертам, перечисленным в секции благодарностей моей предыдущей книги «Гоминиды».

Особая благодарность Арту Макдональду, Ph.D., директору Нейтринной обсерватории Садбери, и Дж. Дункану Хепберну, Ph.D., оперативному управляющему обсерватории. Также спасибо жителю Садбери Крису Холланду, который прошёлся по рукописи с частой гребёнкой.

Громадная благодарность моей любимой жене Каролине Клинк, моему редактору Дэвиду Г. Хартвеллу, моему агенту Ральфу Вичинанце и его помощникам Кристоферу Лоттсу и Винсу Джерардису; Тому Догерти, Линде Квинтон, Дженнифер

Маркус, Дженнифер Хант и всем остальным в издательстве «Тор Букс»; Гарольду и Сильвии Фенн, Роберту Говарду, Хейди Уинтер, Мелиссе Кэмерон, Дэвиду Леонарду и всем остальным в «Х. Б. Фенн и К°»; а также моим коллегам Теренсу М. Грину, Эндрю Вайнеру и Роберту Чарльзу Уилсону.

Особая благодарность Байрону Р. Тетрику, чьё приглашение поучаствовать в его знаменательной антологии *In the Shadow of the Wall: Vietnam Stories That Might Have Been* («В тени Стены: рассказы о Вьетнамской войне, какими они могли бы быть», изд-во «Камберлэнд Хауз») дало мне повод обдумать некоторые ключевые вопросы; бóльшая часть главы 22, в несколько ином виде, впервые появилась в этой антологии.

Бета-тестерами этой книги стали всегда проницательные Тэд Блини, Майкл А. Бурштейн, Дэвид Ливингстон Клинк, Марсель Ганье, Ричард Готлиб, Питер Халас, Говард Миллер, доктор Ариэль Райх, Алан Б. Сойер и Салли Томашевич; мне также выпало счастье работать с командой корректоров в составе Боба и Сары Швайгер.

Некоторые части этой книги были написаны на даче Джона А. Сойера на озере Канандэйгуа — спасибо, папа! Я также благодарен Николасу А. Дичарио, у которого я останавливался во время

своих визитов в Рочестер, штат Нью-Йорк, в котором происходит часть действия книги.

Йоркский университет, Нейтринная обсерватория Садбери и шахта «Крейгтон» существуют в действительности. Однако все персонажи книги — целиком и полностью плод моего воображения. Они не имеют никакого сходства с людьми, которые на самом деле занимают те или иные посты в этих или иных организациях.

Гибриды

Ллойду и Ивонн Пенни
замечательным человеческим существам

Вера в Бога часто указывалась как не только величайшее, но и полнейшее из всех различий между человеком и низшими животными.

Чарльз Дарвин, «Происхождение человека» [107]

И потом учтите, бог вовсе не бесконечен, как утверждают католики. Он действует в радиусе шестисот метров, на краях он приметно слабеет.

Карел Чапек, «Фабрика абсолюта» [108]

---

[107] notes: 107
Перевод М. М. Филиппова, цит. по изд. 1903 года.

[108] notes: 108
Перевод Валентина Мартемьянова.

Род человеческий по-прежнему делится на два вида: склонное к «созерцанию» меньшинство и чуждая ему масса, да посредине некая прослойка из гибридов.

Джон Голсуорси, «Сдаётся внаём»[109]

[109] notes: 109
Перевод Н. Вольпина.

От автора

Нейтринная обсерватория Садбери, шахта «Крейгтон» корпорации «Инко», Лаврентийский университет (включая Группу нейрологических исследований) и Йоркский университет существуют в действительности. Однако все персонажи книги — целиком и полностью плод моего воображения. Они не имеют никакого сходства с людьми, которые на самом деле занимают те или иные посты в этих или иных организациях.

Межмировой «Кто есть кто»

Барасты (Homo neanderthalelnsis):

Понтер Боддет — квантовый физик (поколение 145)

Жасмель Кет — старшая дочь Понтера (147)

Мега Бек — младшая дочь Понтера (148)

Адекор Халд — квантовый физик (145)

Лурт Фрадло — партнёрша Адекора, химик (145)

Даб Лундай — сын Адекора (148)

Бандра Толгак — геолог (144)

Гарб — партнёр Бандры (144)

Хапнар — старшая дочь Бандры (146)

Дрэнна — младшая дочь Бандры (147)

Вессан Леннет — генетик (144)

Лонвес Троб — изобретатель (138)

Глексены (Homo sapiens):

Мэри Воган — генетик, «Синерджи Груп»

Кольм О'Кейси — проживающий отдельно муж Мэри

Джок Кригер — директор «Синерджи Груп»

Луиза Бенуа — физик, «Синерджи Груп»

Рубен Монтего — штатный медик на шахте

«Крейгтон»

Вероника Шеннон — нейробиолог, Лаврентийский университет

Кейсер Ремтулла — генетик, Йоркский университет

Корнелиус Раскин — генетик, Йоркский университет

Глава 1

Мои дорогие американцы и все люди этой версии Земли. С огромным удовольствием я обращаюсь к вам этим вечером с моей первой речью в качестве вашего нового президента. Я хочу поговорить о будущем нашего вида гоминид, вида, известного как Homo sapiens — люди мудрости…

— Мэре, — сказала Понтер Боддит, — для меня большая честь представить тебя Лонвесу Тробу.

Мэри привыкла думать о неандертальцах как о расе крепышей — «коренастых шварценеггеров», как их окрестила «Торонто Стар» благодаря их невысокому росту и чрезвычайной мускулистости. Поэтому она испытала шок при виде Лонвеса Троба, тем более что тот стоял рядом с Понтером Боддетом.

Понтер принадлежал к неандертальскому поколению 145, что означало возраст 38 лет. Его рост был пять футов восемь дюймов[110] — выше

---

[110] notes: 110
173 см

среднего для мужчин своего вида, а его мускулатуре позавидовал бы любой бодибилдер.

Лонвес же Троб был одним из немногих ныне живущих представителей поколения 138 — то есть дожил до совершенно невообразимого возраста 108 лет. Он был костляв, хотя и по-прежнему широкоплеч. У всех неандертальцев была светлая кожа — это был народ, приспособленный к холодному климату — но у Лонвеса она стала практически прозрачной, так же, как и немногие сохранившиеся у него на теле волосы. И хотя его голова демонстрировала набор стандартных неандертальских особенностей — низкий лоб, надбровная дуга с двойным изгибом, массивный нос, квадратная челюсть без подбородка — она была совершенно лишена волос. Понтер, в отличие от него, на голове имелась довольно большая копна светлых волос (как и у всех неандертальцев, разделённая пробором ровно посередине) и густая светлая борода.

И всё же самой поразительной особенностью двоих неандертальцев, стоящих перед Мэри Воган, были глаза. Радужки Понтера были золотистыми; Мэри обнаружила, что способна смотреть в них, не отрываясь, бесконечно долго. А радужки Лонвеса оказались сегментированны-

ми, механическими: его глаза были шариками полированного металла с сочащимся из-под центральной линзы синевато-зеленоватым свечением.

— Здравый день, учёный Троб, — сказала Мэри. Она не протянула руки — у неандертальцев такого обычая не было. — Для меня честь познакомиться с вами.

— Не сомневаюсь, — сказал Лонвес. Он, конечно, говорил на языке неандертальцев — он у них был только один, и поэтому никак не назывался — но его имплант-компаньон переводил его речь, воспроизводя английский перевод через внешний динамик.

И то был всем компаньонам компаньон! Мэри знала, что Лонвес Троб сам изобрёл эту технологию во времена своей молодости, в году, который народ Мэри называл 1923-м. В признание тех благ, которые принесли компаньоны народу неандертальцев, Лонвесу Тробу был подарен компаньон с полностью золотой лицевой панелью. Он был вживлён на внутреннюю сторону левого запястья — левши среди неандертальцев были редки. В отличие от него компаньон Понтера имел лицевую панель из стали и рядом с аппаратом Лонвеса выглядел дешёвкой.

— Мэре — генетик, — сказал Понтер. — Во время моего первого посещения их версии Земли она доказала, что я генетически принадлежу к виду, который они называют неандертальцами. — Он протянул руку и взял ладонь Мэри в свою широченную лапищу с короткими пальцами. — Более того, это женщина, которую я люблю. Мы намерены в ближайшее время вступить в союз.

Взгляд механических глаз Лонвеса упёрся в Мэри; их выражение было невозможно прочитать. Мэри непроизвольно перевела взгляд на окно своего офиса на втором этаже старого особняка в Рочестере, штат Нью-Йорк, который занимала «Синерджи Груп». За окном серая поверхность озера Онтарио уходила за горизонт.

— Ну-у, — сказал Лонвес, или, по крайней мере, так его золотой компаньон перевёл резкий звук, который он издал. Но его тон тут же смягчился, и он перевёл взгляд на Понтера. — А я-то думал, что это я много делаю для налаживания межкультурного взаимодействия.

Лонвес был одним из десяти выдающихся неандертальцев — великих учёных и талантливых деятелей искусств — которые прошли через портал с той Земли на эту, чтобы помешать неандертальскому правительству разорвать связь

между двумя мирами.

— Я хочу поблагодарить вас за это, — сказала Мэри. — Мы все — все сотрудники «Синерджи». Явиться в чужой мир…

— Это было то, чего я меньше всего от себя ожидал, в моём-то возрасте, — ответил Лонвес. — Но эти плоскоголовые идиоты из Серого совета! — Он с отвращением покачал головой.

— Учёный Троб собирается сотрудничать с Лу, — сказал Понтер, — чтобы выяснить, возможно ли построить квантовый компьютер типа того, что построили мы с Адекором, с помощью оборудования, которое — как это у вас говорится? — которое вы серийно производите.

«Лу» — это доктор Луиза Бенуа, по специальности физик элементарных частиц; неандертальцы не способны произносить фонему «и», хотя их компаньоны добавляют её, когда воспроизводят английский перевод.

Луиза спасла Понтеру жизнь, когда много месяцев назад он впервые появился в этом мире, переброшенный из своей подземной вычислительной камеры в соответствующую точку на этой Земле — прямиком внутрь заполненной тяжёлой водой сферы детектора Нейтринной обсерватории Садбери, в которой работала Луиза.

Когда во время своего первого визита Понтер внезапно заболел, Луиза с ним и Мэри, а также врачом Рубеном Монтего оказалась на карантине и получила возможность подробно расспросить Понтера о неандертальских достижениях в области квантовых вычислений, так что было вполне естественно, что именно ей поручили попытаться воспроизвести эту технологию. И это была весьма приоритетная задача, поскольку достаточно большой квантовый компьютер был ключом к наведению мостов между вселенными.

— И когда же мы познакомимся с доктором Бенуа? — спросил Лонвес.

— Прямо сейчас, — произнёс женский голос с заметным акцентом. Мэри обернулась. Луиза Бенуа — красивая брюнетка двадцати восьми лет, длинноногая, белозубая и с безупречной фигурой — стояла в дверном проёме. — Простите за опоздание. Пробки просто убийственные.

Лонвис слегка склонил свою древнюю голову вбок, очевидно, прислушиваясь к объяснениям, которые давал компаньон по поводу перевода последних трёх слов, но, настолько же очевидно, остался в полном недоумении относительно их смысла.

Луиза вошла в помещение и протянула Лонвесу

свою бледную ладонь.

— Здравствуйте, учёный Троб! — сказала она. — Ужасно рада с вами познакомиться.

Понтер склонился к Лонвесу и что-то прошептал ему на ухо. Лоб Лонвеса пошёл волнами — это выглядит достаточно необычно, когда такое делает неандерталец с волосами на бровях, но в исполнении облысевшего столетнего старика это казалось форменным сюрреализмом. Однако он всё же протянул руку и осторожно пожал Луизину ладонь, словно касаясь чего-то неприятного.

Луиза улыбнулась своей фирменной улыбкой, которая, правда, не произвела на Лонвеса особого эффекта.

— Это великая честь для меня, — сказала она и посмотрела на Мэри. — Я не была так взбудоражена с тех пор, как познакомилась с Хокингом!

Стивен Хокинг посещал Нейтринную обсерваторию Садбери — это была непростая операция, если учесть, что детекторная камера располагается в двух километрах под землёй и в 1,2 километра по горизонтали от ближайшего подъёмника.

— Моё время чрезвычайно ценно, — сказал Лонвес. — Приступим к работе?

— Конечно, — согласилась Луиза, всё ещё улыбаясь. — Моя лаборатория дальше по коридору.

Луиза пошла к двери, и Лонвес двинулся следом. Понтер придвинулся ближе к Мэри и по неандертальскому обычаю лизнул ей в лицо, однако Лонвес, не оборачиваясь, произнёс:

— Боддет, за мной.

Понтер расстроенно улыбнулся Мэри, пожал плечами в знак извинения и последовал за Луизой и великим изобретателем, закрыв за собой тяжёлую деревянную дверь.

Мэри подошла к своему столу и принялась наводить порядок в бумагах, которыми он был завален. В свое время она бы… что? Взревновала? Занервничала? Она не была вполне уверена, но наверняка ей было бы не по себе от того, что Понтер проводит время в обществе Луизы Бенуа. Как Мэри случайно узнала, работающие в «Синержди» мужчины Homo sapiens за глаза называли Луизу «Эр-Эль». Мэри в конце концов спросила Фрэнка из группы обработки изображений, что эта аббревиатура значит. Он смутился, но всё же объяснил, что это означало «Роскошная Луиза», и Мэри была вынуждена признать, что это истинная правда.

Но теперь Мэри совсем не беспокоилась насчёт Понтера и Луизы. В конце концов, неандерталец любит её, Мэри, а не фигуристую франко-канадку,

а большая грудь и чувственные губы у барастов, похоже, находятся не на первых местах в списке привлекательных женских черт.

В этот момент раздался стук в дверь. Мэри вскинула голову.

— Войдите, — сказала она.

Дверь распахнулась, открыв взгляду Джока Кригера — высокого и худого седовласого мужчину с причёской, которая всегда напоминала Мэри о Рональде Рейгане. И не только ей: тайным прозвищем Джока среди сотрудников, наподобие Луизиного «Эр-Эль», было «Гиппер»[111]. Мэри полагала, что каким-то прозвищем они наградили и её, но пока она ни разу его не слышала.

— Здравствуйте, Мэри, — сказал Джок глубоким хриплым голосом. — Есть минутка?

Мэри шумно выдохнула.

— И далеко не одна, — ответила она.

Джок кивнул.

— Как раз об этом я и хотел поговорить. — Он вошёл и уселся на стул. — Вы закончили работу, для которой я вас нанял: нашли метод,

---

[111] notes: 111

The Gipper — прозвище Джорджа Гиппа, знаменитого игрока в американский футбол, умершего молодым в 1920 году; Рональд Рейган снялся в роли Гиппа в фильме 1937 года «Knute Rockne, All American», после чего прозвище «Гиппер» приклеилось к нему до конца жизни.

позволяющий безошибочно отличить неандертальца от любого из нас. — Так и было — и метод оказался до неприличия прост: у Homo sapiens двадцать три пары хромосом, тогда как у Homo neanderthalensis — двадцать четыре.

Мэри почувствовала, как учащается её пульс. Она знала, что эта работа мечты с её жирным окладом была слишком хороша, чтобы продлиться долго.

— Но, как вы знаете, я не могу вернуться в Йоркский университет — не в этом учебном году. Двое сезонных преподавателей, — один из которых — *жуткий отвратительный монстр,* — забрали мои курсы.

Джок вскинул руки.

— О, я вовсе не хочу, чтобы вы вернулись в университет. Но я и правда хотел бы, чтобы вы кое-куда съездили. Понтер скоро возвращается домой, не так ли?

Мэри кивнула.

— Сейчас он приехал для того, чтобы принять участие в каких-то встречах в ООН и, конечно, чтобы привезти Лонвеса сюда, в Рочестер.

— Так вот, почему бы вам не отправиться с ним, когда он будет возвращаться? Неандертальцы очень щедро делятся с нами своими знаниями о

генетике и биотехнологиях, но ведь всегда есть, чему поучиться. Я бы хотел, чтобы вы остались в их мире подольше — скажем, на месяц, и попытались бы узнать как можно больше об их биотехнологиях.

Мэри ощутила, как её сердце возбуждённо забилось.

— С превеликим удовольствием.

— Очень хорошо. Не знаю, правда, как вы там устроились в плане проживания…

— Я жила у партнёрши партнёра Понтера.

— Партнёрши партнёра… — повторил Джок.

— Ага. Понтер состоит в союзе с мужчиной по имени Адекор — ну, с которым они вместе создали квантовый компьютер. Адекор одновременно состоит в союзе с женщиной по имени Лурт, химиком по специальности. И когда Двое порознь — то есть, когда неандертальские мужчины и женщины живут отдельно — я живу в доме Лурт.

— Ах, — сказал Джок, качнув головой. — А я-то считал, что в «Молодых и дерзких»[112] запутанные семейные отношения.

— О, это-то просто, — улыбнулась Мэри. — Джек

---

[112] notes: 112

The Young and the Restless — американская «мыльная опера», впервые вышедшая в эфир в 1973 году и продолжающаяся до сих пор (2014).

Аббот был женат на Никки, урождённой Никки Рид. Это было после того, как она побывала замужем за Виктором Ньюманом — после первых двух раз, но до третьего. Но потом Джек женился на…

Джок замахал руками.

— Хорошо, хорошо!

— Так вот, как я сказала, Лурт, партнёрша партнёра Понтера — химик, а неандертальцы считают генетику отраслью химии — что, если подумать, так и есть. Она сможет свести меня с нужными людьми.

— Отлично. Так что если вы желаете снова побывать на той стороне, то нам пригодилась бы информация, которую вы соберёте.

— Желаю ли я? — сказала Мэри, пытаясь совладать с возбуждением. — Католик ли Папа?

— Был в последний раз, когда я проверял, — ответил Джок, сдержанно улыбнувшись.

Глава 2

И, как вы увидите, сегодня я буду говорить только о нашем будущем — о будущем Homo sapiens. И не только потому, что моя речь — это речь американского президента. Нет, дело не только в этом. Дело в том, что в данном случае наше будущее никак не связано с будущим неандертальцев.

Корнелиус Раскин боялся, что эти ненатурально реалистичные кошмары никогда не прекратятся: проклятый троглодит бросается на него, бросает на пол, увечит. Каждое утро он просыпался весь в поту.

Бóльшую часть того дня, когда Корнелиус сделал ужасное открытие, он провёл, свернувшись в постели в болезненный клубок и обхватив себя руками. Несколько раз начинал звонить телефон — по крайней мере однажды это наверняка звонил кто-то из университета, чтобы поинтересоваться, где он, чёрт возьми, шляется. Но он в тот момент был совершенно не в состоянии ни с кем разговаривать.

В тот же день вечером он позвонил на факультет генетики и оставил сообщение на голосовой почте Кейсер Ремтуллы. Он всегда ненавидел эту женщину, и ненавидел её ещё больше сейчас, когда с ним сотворили *такое*. Но он сумел совладать с голосом и сказал, что заболел и несколько дней не сможет выйти на работу.

Корнелиус внимательно следил, не появится ли в моче кровь. Каждое утро он тщательно прощупывал шрам на предмет протечек, регулярно измерял температуру, чтобы убедиться, что его не лихорадит. Его часто бросало в пот, но температуры и правда не было.

Он всё ещё не мог по-настоящему поверить — не мог осознать случившееся. Немного болело — но боль уменьшалась с каждым днём, и кодеиновые таблетки хорошо помогали: слава Богу, их в Канаде отпускают без рецепта. Он всегда держал в доме запас, и поначалу принимал их по пять штук за раз, но потом вернулся к одинарной или максимум двойной дозе.

Впрочем, помимо приёма болеутоляющего Корнелиус совершенно не знал, что делать. Он определённо не мог обратиться к своему врачу — да и к любому другому врачу тоже. От врача его увечье никак не скрыть — и кто-нибудь

обязательно разболтает. А Понтер Боддет был прав — на такой риск Корнелиус пойти не мог.

Наконец, ему удалось собрать достаточно сил, чтобы доползти до компьютера. У него был старенький Пентиум-90 никому не известного производителя, купленный ещё в аспирантуре. Для набора текстов и чтения почты машина вполне годилась, но лазать по интернету он предпочитал с работы: у Йоркского университета были широкие выделенные каналы, тогда как дома он мог себе позволить лишь медленный диалап от местного провайдера. Но ответы ему были нужны прямо сейчас, так что приходилось терпеть безумно медленную загрузку страниц.

Это заняло двадцать минут, но в конце концов он нашёл, что искал. Понтер вернулся на эту Землю с надетым на нём медицинским поясом, среди инструментов которого был каутеризирующий лазерный скальпель. С помощью этого прибора спасли жизнь самому Понтеру, когда его подстрелили возле здания ООН. Наверняка точно так же…

Корнелиус почувствовал, как все его мускулы непроизвольно сжимаются при мысли о том, что с ним произошло.

Его мошонку вскрыли, предположительно, с

помощью лазера, и…

Корнелиус закрыл глаза и проглотил подступивший к горлу комок, не давая желудочной кислоте подняться по пищеводу.

Каким-то образом — может быть, даже голыми руками — Понтер вырвал тестикулы из его тела. А потом, должно быть, снова воспользовался лазером, чтобы срастить края разреза.

Корнелиус лихорадочно обыскал всю квартиру в поисках удалённых частей своего тела в надежде, что их удастся снова вернуть на место. Но после нескольких часов поисков, с лицом, залитым слезами гнева и отчаяния, он, наконец, смирился с неизбежным. Понтер либо спустил их в унитаз, либо унёс их с собой. В любом случае, они утрачены навсегда.

Корнелиуса душила ярость. Ведь они заслужили то, что он с ними сделал. Эти женщины — Мэри Воган и Кейсер Ремтулла — стояли у него на пути. Им доставались его должности, его бессрочный контракт, просто потому, что они — женского пола. Это *у него* был Ph.D. из Оксфорда, Господи Боже ты мой, но ему не дали повышения, потому что Йоркский университет, видите ли, «исправляет исторически сложивший дисбаланс» в своём кадровом составе. Его поимели, и за это он показал

им — главе факультета, черножопой курице, и этой сучке Воган, получившей должность, которая была по праву *его* — каково это, когда тебя имеют.

Зар-раза, — подумал Корнелиус, в очередной раз ощупывая мошонку. Она сильно опухла — но была пуста.

Твою же ж мать!

* * *

Джок Кригер вернулся в свой офис, располагавшийся на первом этаже особняка «Синерджи Груп». Его большое окно было обращено на юг, в сторону пристани для яхт, а не на север, в сторону озера Онтарио; особняк находился на тянущейся с востока на запад косе в районе Рочестера под названием Сибриз.

Специальностью Джока была теория игр; он учился у Джона Нэша в Принстоне и тридцать лет проработал в корпорации RAND. RAND была наилучшим для него местом. Основанная Военно-Воздушными Силами, она была основным американским мозговым центром в годы Холодной войны, где исследовали различные аспекты возможного ядерного конфликта. И по сей день, слыша аббревиатуру M.D., он думал не

о врачах[113], а о megadeath — миллионе жертв среди гражданского населения.

Пентагон рвал и метал по поводу того, как проходил первый визит Неандертальца-прим — первого неандертальца, провалившегося из *их* реальности в *нашу*. История о живом пещерном человеке, появившемся в никелевой шахте в Северном Онтарио, казалась очевидной газетной уткой в одном ряду с сообщениями о встрече с инопланетянами или йети и тому подобной чепухой. К тому времени, как американское правительство — впрочем, и канадское показало себя не лучше — начало воспринимать эту историю всерьёз, о Неандертальце-прим уже узнала широкая публика, так что ситуацию стало невозможно взять под контроль и засекретить.

И внезапно появились деньги — какие-то из Службы иммиграции и натурализации, но в основном от Минобороны — на создание «Синерджи Груп». Это название придумал какой-то политик; Джок назвал бы её «Barast Encounter-

[113] notes: 113

M.D. — *англ.* medical doctor или *лат.* medicinae doctor — доктор медицины, стандартное добавление к имени врачей в англоязычных странах. Уточнение требуется потому, что «доктором» называется любой человек, имеющий научную степень Ph.D. — примерный аналог кандидата наук. Megadeath или мегатруп — единица измерения потерь при ядерном ударе.

Repetition Emergency Task-force»[114] или BERET. Но название и дурацкий логотип с переплетающимися мирами были утверждены ещё до того, как к нему постучались с предложением возглавить организацию.

Однако выбор теоретика игр в качестве руководителя был не случаен. Было ясно, что если контакт когда либо восстановится, интересы неандертальцев и людей (Джок до сих пор пользовался этим словом, по крайней мере, в мыслях, для обозначения *настоящих* людей) будут различны, и отыскание наиболее благоприятного исхода, возможного в данных обстоятельствах — это, собственно, и есть теория игр.

— Джок?

Джок обычно держал дверь офиса открытой — как и положено хорошему менеджеру, не так ли? Политика открытых дверей. И всё же он вздрогнул, увидев заглядывающее в неё неандертальское широкое лицо с надбровьем и бородищей.

— Да, Понтер?

— Лонвес Троб привёз из Нью-Йорка какое-то коммюнике. — Лонвес и девятеро других зна-

[114] notes: 114
Группа быстрого реагирования на повторный контакт с барастами.

менитых неандертальцев, так же, как и Тукана Прат, неандертальский посол, большую часть времени проводили в штаб-квартире Объединённых Наций. — Вам известно об экспедиции к Соответствующему Месту?

Джок покачал головой.

— Есть планы открыть между нашими мирами большой постоянно действующий портал, который находился бы на поверхности земли, — объяснил Понтер. — По-видимому, ваши Объединённые Нации приняли решение, что этот портал должен соединять их штаб-квартиру и соответствующее место моего мира.

Джок нахмурился. Что происходит, почему он должен узнавать новости от неандертальца? Впрочем, он ещё не смотрел сегодняшнюю почту — возможно, ему прислали е-мейл. Разумеется, он знал, что вариант с Нью-Йорком рассматривается. По мнению Джока, тут всё было до предела просто: новый портал, очевидно, должен находиться на американской земле, а размещение его на Ю-Эн Плаза — технически на международной территории — несколько успокоило бы остальной мир.

— Лонвес говорит, — продолжал Понтер, — что они планируют переправить группу представи-

телей Объединённых Наций на другую сторону — на *мою* сторону. Мы с Адекором должны будем отправиться с ними на остров Донакат — наш аналог Манхэттена — для осмотра местности; экранирование любого квантового компьютера сколько-нибудь значительного размера от солнечного и космического излучения и фоновой радиации для предотвращения декогерентности — очень серьёзная задача.

— Понял. И что?

— Ну, я и подумал: может быть, вы тоже захотите поехать? Вы руководите институтом, задача которого — налаживание отношений с моим миром, но вы ещё ни разу его не видели.

Джок несколько растерялся. Ему и так было немного не по себе от присутствия двоих неандертальцев в его «Синерджи Груп»: слишком уж они смахивали на троллей. Он не был уверен, что хочет оказаться в населённом ими мире.

— Когда это будет?

— После того, как в следующий раз Двое станут Одним.

— Ах, да, — сказал Джок, пытаясь сохранить дружелюбный фасад. — То, про что Луиза говорит «Фи-еста!»

— Ну, это гораздо больше, чем просто празд-

ник, — сказал Понтер, — хотя в ходе этой поездки вы его не увидите.

— У меня много работы, — сказал Джок.

Понтер улыбнулся своей противоестественно широкой улыбкой.

— Вроде отсутствие интереса к тому, что находится за соседним холмом, характерно для моего народа, а не для вашего. Вы должны посетить мир, который изучаете.

* * *

Понтер вошёл в офис Мэри и прикрыл за собой дверь. Он обхватил её своими массивными руками, и они крепко обнялись. Потом он лизнул её в лицо, а она поцеловала его. Однако после этого им пришлось расцепиться, и Понтер, тяжело вздохнув, сказал:

— Мне уже скоро возвращаться.

Мэри попыталась с серьёзным лицом кивнуть, но, похоже, ей нее удалось до конца подавить улыбку.

— Что смешного? — спросил Понтер.

— Джок попросил меня поехать с тобой!

— Правда? — переспросил Понтер. — Это же здорово! — Он на секунду замолк. — Но, конечно…

Мэри кивнула и махнула рукой.

— Знаю, знаю. Мы будем видеться только четыре дня в месяц. — В мире Понтера мужчины и женщины живут по большей части отдельно друг от друга: женщины в центральых частях поселений, мужчины — на их окраинах. — Но мы по крайней мере будем в одном и том же мире, и у меня там будет полезное занятие. Джок хочет, чтобы я в течение месяца изучала неандертальские биотехнологии — столько, сколько успею.

— Отлично, — сказал Понтер. — Чем больше культурного обмена, тем лучше. — Он коротко взглянул в окно на озеро Онтарио, вероятно, задумавшись о предстоящем путешествии. — Значит, нам нужно отправляться в Садбери.

— Двое станут Одним только через десять дней, не так ли?

Понтеру не требовалось консультироваться с компаньоном, чтобы убедиться в правильности этой цифры. Его партнёрша Класт умерла от лейкемии два года назад, но с дочерями он также мог видеться только тогда, когда Двое становятся Одним. Он кивнул.

— А после этого я уезжаю на юг — в моём мире, к месту, которое соответствует штаб-квартире Объединённых Наций. — Понтер никогда не говорил «ООН»; неандертальцы так и не изобрели

фонетического алфавита, и концепция называния по первым буквам была им совершенно чужда. — Там будут строить новый портал.

— Ах… — сказала Мэри.

Понтер поспешно вскинул руку.

— Но я не поеду на Донакат, пока Двое не перестанут быть Одним, и, разумеется, до следующего раза я вернусь.

Мэри ощутила, как её энтузиазм начинает слабеть. Умом она понимала, что между их с Понтером встречами будет проходить двадцать пять дней, даже если она навсегда поселится в мире неандертальцев, но к этому нужно было привыкнуть. Как бы ей хотелось, чтобы нашлось решение, какое-нибудь, в каком-то из миров, решение, благодаря которому они с Понтером могли бы всегда быть вместе.

— Если ты возвращаешься со мной, — сказал Понтер, — то мы, наверное, поедем в Садбери вместе. Меня обещала подвезти Луиза, но…

— Луиза? Она, что тоже отправляется…?

— Нет-нет-нет. Но она послезавтра едет в Садбери к Рубену. — Когда они все вместе находились на карантине, у Луизы Бенуа и Рубена Монтего случился роман, который продолжился и после его снятия. — Кстати, — сказал Понтер, — раз уж

мы все четверо будем в Садбери, можно бы было вместе поужинать. Мне так нравились барбекю у Рубена…

* * *

На этой версии Земли у Мэри Воган были два дома: она снимала квартиру в Бристоль-Харбор здесь, в окрестностях Рочестера, а также ей принадлежала квартира в кондоминиуме в Ричмонд-Хилле, северном предместье Торонто. В этот второй дом они и направлялись сейчас с Понтером — три с половиной часа на машине от штаб-квартиры «Синержди-Груп». По дороге, сразу после съезда с хайвэя в Буффало, они остановились поесть в KFC — Kentucky Fried Chicken. По мнению Понтера то была самая вкусная еда в мире — мнение, которое Мэри, с некоторым ущербом для своей талии, разделяла. Специи — продукт жаркого климата, изначально призванный маскировать вкус не слишком свежего мяса; народ Понтера, населяющий высокие широты, никогда свою еду ничем особенно не приправлял, так что комбинация из одиннадцати различных трав и специй была на вкус непохожа ни на что из того, что он ел раньше.

Во время поездки Мэри проигрывала CD-дис-

ки — её раздражало искать новую радиостанцию каждый раз, когда они удалялись от прежней. Она начала с «Лучшего» Мартины Макбрайд, а сейчас они слушали «Come On Over» Шанайи Твейн. Мэри любила большинство песен Шанайи, но терпеть не могла «Женщину во мне», которой не хватало её фирменного напора. Она всё надеялась как-нибудь собраться и прожечь собственный CD с этим альбомом, но без этой песни.

Они летели по шоссе, музыка играла, солнце садилось — в это время года оно садится рано — и Мэри задумалась. Отредактировать CD-диск проще простого. Отредактировать жизнь трудно. Конечно, в её прошлом было всего несколько моментов, которые она хотела бы вычеркнуть из него. Изнасилование, разумеется — неужели это было всего три месяца назад? Кое-какие финансовые неудачи. Плюс горсточка реплик, сказанных невпопад.

Но вот как насчёт её брака с Кольмом О'Кейси?

Она знала, чего Кольм от неё хочет: чтобы она заявила перед лицом Церкви и Господа, что её брака на самом деле никогда не было. Именно в этом и состояла церковная процедура аннулирования брака: в опровержении, в отрицании того, что брак когда-либо имел место.

Понятное дело, что когда-нибудь Церковь отменит свой запрет на разводы. Пока Мэри не встретилась с Понтером, у неё не было особых причин для того, чтобы свернуть отношения с Кольмом, но теперь она действительно хотела их завершить. И она должна была выбирать между лицемерием — процедурой аннуляции — и отлучением в наказание за развод.

Какая ирония: католик может избавиться от любого греха, просто исповедавшись в нём. Но если тебя угораздило выйти замуж не за того человека, то простого пути назад нет. Церковь желает, чтобы вы оставались вместе, пока смерть вас не разлучит — если только вы не готовы лгать о самом факте своего брака.

Но, чёрт возьми, их с Кольмом брак не заслуживал того, чтобы вот так вот его стереть, вымарать, вычистить отовсюду.

Ну да, она не была на сто процентов уверена, когда принимала его предложение, и сомневалась, когда отец вёл её к алтарю. Но первые несколько лет их брака были хорошим временем, и когда всё испортилось, это произошло лишь из-за изменений в их целях и интересах.

В последнее время было много разговоров о Большом Скачке, когда у людей впервые появи-

лось подлинное самосознание около 40000 лет назад. В жизни Мэри был свой Большой Скачок, когда она осознала, что её желания и карьерные устремления вовсе не должны смирно сидеть на заднем сиденье позади желаний и устремлений её законного супруга. И с этого момента их жизни разошлись — и сейчас их разделяли целые миры.

Нет, она не хочет отрицать свой брак.

Из чего следует…

Из чего вместо аннуляции следует развод. Конечно, нет такого закона, согласно которому глексен — так неандертальцы называют хомо сапиенсов — официально состоящий в браке с другим глексеном, не мог бы вступить в союз с барастом противоположного пола, но в будущем, вне всякого сомнения, такие законы появятся. Мэри всем сердцем желала стать партнёршей Понтера, и чтобы сделать это по-правильному, нужно, наконец, окончательно завершить её отношения с Кольмом.

Мэри завершила обгон, потом взглянула на Понтера.

— Милый? — сказала она.

Понтер едва заметно нахмурился. Для Мэри такое обращение было совершенно естественно,

но Понтеру оно не нравилось из-за звука «и», который он сам был неспособен произнести.

— Да? — ответил он.

— Мы ведь собирались переночевать у меня в Ричмонд-Хилле, помнишь?

Понтер кивнул.

— И, в общем, ты также знаешь, что юридически я до сих пор состою в союзе с… с моим партнёром здесь, в этом мире.

Понтер снова кивнул.

— Мне… мне нужно встретиться с ним, если будет такая возможность, прежде чем мы отправимся из Ричмонд-Хилла дальше в Садбери. Скорее всего за завтраком или за ланчем.

— Мне будет любопытно познакомиться с ним, — сказал Понтер. — Посмотреть, какого рода глексенов ты предпочитаешь…

CD-проигрыватель переключился на следующую песню: «Есть ли жизнь после любви?»

— Нет, — сказала Мэри. — В смысле, мне нужно встретиться с ним одной.

Она опять взглянула на Понтера и увидела, как его единственная на оба глаза бровь взбирается на надбровный валик.

— О!.. — сказал он, воспользовавшись английским междометием напрямую.

Мэри снова перевела взгляд на дорогу.
— Пришло время расставить всё по местам.

Глава 3

Я говорил это во время своей предвыборной кампании, и я говорю это снова: президент обязан мыслить масштабно — не только до следующих выборов, а на десятилетия и целые поколения вперёд. И сегодня я хочу поговорить с вами об этой дальней перспективе…

Корнелиус Раскин лежал на своей пропитанной пóтом постели. Он жил квартире на верхнем этаже в Дрифтвуде, самом заброшенном районе Торонто — в своём «пентхаузе в трущобах», как он его называл, когда был в настроении шутить. Солнце светило в щель между потрёпанными занавесками. Корнелиус не завёл будильник — не заводил его уже несколько дней — и не находил в себе сил даже для того, чтобы перевернуться на бок и посмотреть на часы.

Но реальный мир очень скоро вторгнется в его жизнь. Он не мог вспомнить, какие именно пособия по болезни предусматривались его контрактом сезонного преподавателя, но без сомнения через некоторое количество дней

университет, профсоюз, профсоюзный страхователь или все трое вместе потребуют с него больничный лист. Так что если он не начнёт снова преподавать, ему перестанут платить, а если ему перестанут платить…

У него хватит денег на оплату аренды до следующего месяца, и, разумеется, первый и последний месяц срока аренды он оплатил вперёд, так что в этой квартире он может оставаться до конца года.

Корнелиус подавил желание протянуть руку и снова ощупать мошонку. Их не было; он знал, что их нет. Он начинал *смиряться* с тем, что их нет.

Конечно, это можно лечить: мужчины нередко теряют тестикулы из-за рака. Корнелиус мог бы принимать тестостероновые препараты. И никто — по крайней мере, никто из его знакомых — не знал бы, что он их принимает.

Личная жизнь? Её у него не было с тех пор, как Мелоди бросила его два года назад. Он был раздавлен разрывом и даже в течение пары дней подумывал о самоубийстве. Но она была выпускницей Осгуд-Холла — юридического факультета Йоркского университета, она отработала практику и получила место ассистента в «Купер Джегер» с окладом 180000 в год. Ему никогда было не стать

таким мужем — главой и опорой семьи — какого она искала, а теперь…

А теперь.

Корнелиус смотрел в потолок, чувствуя, как деревенеет всё тело.

* * *

Мэри не виделась с Кольмом О'Кейси довольно давно, но выглядел он сейчас лет на пять старше, чем она помнила. Конечно, обычно, думая о нём, она вспоминала то время, когда они ещё жили вместе, когда собирались вместе выйти на пенсию и вместе поселиться в милом сельском доме на острове Солт-Спринг в Британской Колумбии…

Завидев Мэри, Кольм встал и склонился к ней для поцелуя. Она отвернулась и подставила щёку.

— Привет, Мэри, — сказал он, снова усаживаясь. В этом стейк-хаузе в обеденное время было что-то сюрреалистическое: благодаря тёмному дереву, светильникам под Тиффани и отсутствию окон здесь словно всегда был вечер. Кольм уже заказал вино — «Л'Амбьянс», их любимое. Он налил вино в бокал Мэри.

Она устроилась поудобнее — насколько смог-

ла — на стуле на противоположном от Кольма краю стола; между ними мерцал в стеклянном сосуде огонёк свечи. Кольм, как и Мэри, был немного полноват. Линия волос продолжила отступление, виски поседели. У него был маленький нос и такой же рот — даже по глексенским стандартам.

— В последнее время о тебе постоянно говорят в новостях, — сказал Кольм. Мэри, автоматически ощетинившись, собралась уже было ответить что-то резкое, но он остановил её жестом руки и продолжил: — Я рад за тебя.

Мэри постаралась сохранить спокойствие. Разговор и без лишних эмоций предстоит нелёгкий.

— Спасибо.

— И как оно тебе? — спросил Кольм. — Там, в неандертальском мире?

Мэри слегка пожала плечами.

— Всё так, как рассказывают по телевизору. Чище, чем у нас. Меньше народу.

— Хочу как-нибудь тоже там побывать, — сказал Кольм. Потом посерьёзнел и добавил: — Хотя вряд ли у меня будет случай. Не представляю, зачем бы они стали приглашать кого-нибудь с моей специальностью.

И это в самом деле было так. Кольм преподавал

в Торонтском университете английскую литературу; предметом его исследований были пьесы, приписываемые Шекспиру, но авторство которых подвергалось сомнению.

— Никогда не знаешь, — сказала Мэри. Шесть месяцев своего саббатикала[115] и их брака он провёл в Китае: она никогда бы не подумала, что китайцы могут интересоваться Шекспиром.

В своей области Кольм был почти так же знаменит, как Мэри — в своей: ни одна работа о «Двух знатных родичах»[116] не обходится без цитирования Кольма. Однако реальный мир вторгся в их башни из слоновой кости очень рано. Как Йорский, так и Торонтский университеты устанавливают зарплату профессорам исходя из их ценности на рынке труда: профессорам права платят намного больше, чем профессорам истории, потому что у них гораздо больше возможностей найти хорошее место вне университета. Точно так же в последнее время — *в*

---

[115] notes: 115

В североамериканской академической среде — годовой оплачиваемый отпуск профессора с бессрочным контрактом, который он получает раз в восемь лет. Обычно в течение саббатикала учёный принимает участие в исследованиях, интересных лично ему либо не получивших финансирования, пишет книги, путешествует или просто отдыхает.

[116] notes: 116

The Two Noble Kinsmen — английская пьеса, приписываемая Джону Флетчеру либо Вильяму Шекспиру.

особенности в последнее время — генетики были ходовым товаром, в то время как специалисты по английской литературе за пределами учебных заведений не были нужны никому. У одного из друзей Мэри даже был такой тэглайн в электронных письмах:

Выпускник естественнонаучного факультета спрашивает «Почему оно работает?» Выпускник технического факультета спрашивает «Как оно работает?» Выпускник экономического спрашивает «Сколько оно стоит?» Выпускник факультета английской литературы спрашивает «Вам это кетчупом полить?»

Статус Мэри как главной добытчицы в семье был лишь одним из источников трений. И всё-таки она внутренне содрогнулась, представив себе, что бы было, узнай он, сколько она сейчас получает в «Синерджи Груп».

Подошла официантка, они сделали заказы: стейк с картошкой фри для Кольма, окунь для Мэри.

— Тебе понравилось в Нью-Йорке? — спросил Кольм.

На полсекунды Мэри подумала, что он имеет в виду *город* Нью-Йорк, в котором в сентябре

неудавшийся террорист прострелил Понтеру плечо. Но нет, разумеется, он имел в виду Рочестер, штат Нью-Йорк — новое место работы Мэри и её место жительства на время контракта с «Синерджи Груп».

— Приятное местечко, — сказала она. — Окно моего офиса выходит прямо на озеро Онтарио, и я снимаю отличную квартиру на одном из Фингер-лэйкс.

— Хорошо, — сказал Кольм. — Очень хорошо. — Он пригубил вина и выжидающе посмотрел на неё.

Мэри, в свою очередь, сделала глубокий вдох. В конце концов, это ведь она попросила о встрече.

— Кольм… — начала она.

Он опустил свой бокал на стол. Они были женаты семь лет; он наверняка знал, что таким вот тоном она вряд ли собирается сказать что-то приятное.

— Кольм, — снова сказала Мэри. — Я думаю, пришло время нам… завершить незаконченные дела.

Колм наморщил лоб.

— Да? Я считал, что мы утрясли все подробности…

— Я имею в виду, — сказала Мэри, — что при-

шло время сделать наш… наше расставание постоянным.

Официантка выбрала этот неподходящий момент, чтобы принести салаты: «цезарь» для Кольма, зелёный салат с малиновым соусом для Мэри. Кольм отослал официантку, которая предложила к салату молотого перца, и сказал тихим голосом:

— Ты имеешь в виду аннуляцию?

— Я… думаю, я предпочла бы развод, — сказала Мэри ещё тише.

— Ох, — сказал Кольм. Он смотрел в сторону, на незажжённый камин на дальнем краю зала. — Ох-ох-ох…

— Просто, кажется, пришло время, — сказала Мэри.

— Правда? — сказал Кольм. — Почему именно сейчас?

Мэри сделала унылое лицо. Если изучение Шекспира и оставляет какой-то след, то обычно это привычка видеть во всём движущие силы и скрытые смыслы: ничто не случается просто так. Но она не была уверена, как это правильно сформулировать.

Нет — нет, всё не так. По дороге сюда она прокручивала слова в голове снова и снова. Она не

была уверена в том, как он отреагирует.

— Я встретила другого человека, — сказала Мэри. — Мы хотим попытаться устроить совместную жизнь.

Кольм поднял свой бокал и снова отпил вина, потом взял из принесённой официанткой корзинки кусочек хлеба. Имитация причастия; этот жест уже сказал всё, что необходимо. Но Кольм всё-таки подкрепил своё послание словами:

— Развод означает отлучение.

— Я знаю, — с тяжёлым сердцем ответила Мэри. — Но аннуляция кажется таким лицемерием.

— Я не хочу покидать Церковь, Мэри. В моей жизни и без этого достаточно потрясений.

Мэри не понравился намёк на то, что инициатором разрыва была она. Однако, возможно, он прав. Возможно, она обязана ему хотя бы этим.

— Но я не хочу делать вид, будто нашего брака никогда не было.

Это смягчило Кольма, и на мгновение Мэри подумала, что он собирается потянуться над льняной скатертью и взять её за руку.

— Я его знаю — этого твоего нового спутника?

Мэри покачала головой.

— Какой-нибудь американец, я думаю, — продолжал Кольм. — Вскружил тебе голову, да?

— Он не американец, — ответила Мэри, словно оправдываясь. — Он канадский гражданин. — А потом, поразившись собственной жестокости, продолжила: — И да, он вскружил мне голову.

— Как его зовут?

Мэри знала, зачем он спрашивает: не надеясь на то, что имя окажется знакомым, а из-за того, что, по его мнению, фамилия могла многое сказать о человеке. Если у Кольма и был недостаток, то состоял он в том, что Кольм был сыном своего отца: косноязычного твердолобого человека, делившего мир исключительно по этническому признаку. Несомненно, Кольм уже сейчас перебирал варианты возможных ответов. Если бы ухажёр Мэри оказался итальянцем, Кольм заклеймил бы его как жиголо. Носи он еврейскую фамилию, Кольм предположил бы, что у него куча денег, и сказал бы что-то насчёт того, что Мэри никогда не была по-настоящему счастлива замужем за скромным преподавателем.

— Ты его не знаешь, — ответила Мэри.

— Ты уже это сказала. Я хотел бы знать его имя.

Мэри закрыла глаза. Она наивно надеялась вообще избежать этого вопроса, но, разумеется, он обязан был рано или поздно всплыть. Она

нерешительно ковырнула вилкой салат, а потом, глядя в тарелку и не в силах встретиться с Кольмом взглядом, произнесла:

— Понтер Боддет.

Она услышала, как его вилка резко звякнула о тарелку с салатом.

— Боже, Мэри! *Неандерталец?*

Мэри сама не поняла, как начала оправдывать Понтера, и тут ре пожалела, что не смогла подавить рефлекторную реакцию.

— Он хороший человек, Кольм, — сказала она. — Добрый, умный и любящий.

— И как теперь ты это делаешь? — спросил Кольм, но его тон был не так язвителен, как слова. — Снова играешь в «музыкальные имена»? И что там на этот раз, «Мэри Боддет»? Вы будете жить здесь, или собираетесь поселиться в его мире, и…

Внезапно Кольм замолк и вскинул брови.

— Нет-нет, так не получится. В газетах писали. Мужчины и женщины в их мире не живут вместе. Господи, Мэри, ну и странный же у тебя кризис среднего возраста.

Ответы роились у Мэри в голове. Ей было всего тридцать девять, чёрт побери — возможно, математическая «середина жизни», но совершенно

точно не психологическая. И это не она, а Кольм обзавёлся новой парой сразу, как только они перестали жить вместе, хотя их отношениям с Линдой уже больше года как пришёл конец. В конце концов Мэри остановилась на ответе, к которому так часто прибегала за годы замужества:

— Ты не понимаешь.

— Вот уж что есть, то есть — не понимаю, — сказал Кольм, явно сдерживая голос, чтобы его не услышали за соседними столиками. — Это… это извращение. Он ведь даже не человек.

— Понтер — человек, — твёрдо ответила Мэри.

— Я видел, как на «Си-ти-ви» рассказывали о твоём открытии, — сказал Кольм. — У неандертальцев даже число хромосом другое.

— Это не имеет значения, — сказала Мэри.

— Чёрта с два! Пускай я всего лишь профессор английского, но я знаю, что это означает принадлежность к другому биологическому виду. И я знаю, что *это* означает, что у вас с ним не может быть детей.

Детей, мысленно повторила Мэри, ощутив, как зачастило сердце. Конечно, когда она была моложе, то хотела стать матерью. Но ко времени окончания аспирантуры, когда у них с Кольмом наконец-то появились какие-то деньги, их брак

уже дал трещину. Мэри наделала в своей жизни немало глупостей, но ей по крайней мере достало ума не заводить ребёнка лишь для того, чтобы попытаться укрепить слабеющие узы.

А сейчас перед ней маячила большая жирная 40; Боже, да менопауза придёт, не успеешь оглянуться! И, кроме того, у Понтера уже двое своих детей.

И всё же…

И всё же до этого момента, пока Кольм не сказал, Мэри ни разу даже мысль не пришла об их с Понтером совместных детях. Но Кольм был прав. Ромео и Джульетта были просто Монтекки и Капулетти; разделяющий их барьер был попросту *ничем* по сравнению с барьером, разделившим Боддета и Воган, неандертальца и глексенку. «Под звездой злосчастной»[117], куда там! В злосчастной вселенной, на злосчастной исторической линии.

— Мы с ним не говорили о детях, — сказала Мэри. — У Понтера уже есть две дочери — собственно, через полтора года он станет дедушкой.

Мэри заметила, как сощурились серые глаза Кольма — должно быть, задумался о том, как

---

[117] notes: 117
Шекспир, «Ромео и Джульетта», пер. Щепкиной-Куперник.

можно настолько уверенно прогнозировать такие вещи.

— Цель брака — рождение детей, — сказал он.

Мэри прикрыла глаза. Это она настояла на том, чтобы подождать, пока она не закончит аспирантуру — именно ради этого она села на таблетки и послала к чертям Папу с его предписаниями. Кольм никогда по-настоящему не понимал, что это было необходимо, что её учёба пострадала бы, если бы ей пришлось быть аспиранткой и матерью одновременно. Но она знала его достаточно хорошо на том раннем этапе их брака и понимала, что бóльшая часть бремени по уходу за ребёнком свалится на неё.

— У неандертальцев нет брака в нашем понимании, — сказала она.

Кольма это не убедило.

— Разумеется, ты хочешь выйти за него замуж. Тебе не понадобился бы развод, будь это не так. — Но потом его тон смягчился, и на какое-то мгновение Мэри вспомнила, что привлекло её в Кольме тогда, в самом начале. — Ты, должно быть, очень сильно его любишь, — сказал он, — если готова на отлучение ради него.

— Да, — сказала Мэри, и потом, словно устыдившись сходства с тем, что она когда-то сказала

перед алтарём, добавила: — Я очень его люблю.

Подошла официантка с заказанными блюдами. Мэри посмотрела на свою рыбу: весьма вероятно — последнее, что она съест в компании мужчины, бывшего её мужем. И внезапно её захотелось сделать для Кольма что-нибудь хорошее. Она намеревалась твёрдо держаться своего решения получить развод, но он был прав — развод *в самом деле* означает отлучение от Церкви.

— Я согласна на аннуляцию, — сказала Мэри, — если ты этого хочешь.

— Хочу, — ответил Кольм. — Спасибо. — Секунду помедлив, он отрезал кусочек от своего стейка. — Я думаю, ни к чему тянуть. Можем начать прямо сегодня.

— Спасибо, — сказала Мэри.

— Но у меня есть одна просьба.

Сердце Мэри тревожно забилось.

— Какая?

— Скажи ему — Понтеру — что наш брак развалился не из-за меня. Это не моя вина. Скажи ему, что я… что я неплохой, в сущности, человек.

Мэри потянулась над столом и сделала то, чего ранее не сделал Кольм — коснулась его руки.

— Обязательно, — заверила она его.

Глава 4

Позвольте начать с замечания о том, что речь не идёт о противостоянии — мы или они. Не о том, кто лучше — Homo sapiens или Homo neanderthalensis. Не о том, кто смышлёнее — глексены или барасты. Скорее, речь идёт о том, чтобы найти наши собственные сильные стороны, лучшие черты нашей собственной природы, и о том, чтобы делать вещи, которыми мы могли бы гордиться…

Сразу после ланча с Кольмом Мэри поехала домой за Понтером. Понтер с видимым удовольствием смотрел на канале «Космос» повтор классического «Стартрека». Понтер, разумеется, видел этот эпизод впервые, но Мэри его тут же узнала — напыщенный и наигранный «Пусть это будет полем последней битвы», в котором приглашённые звёзды Фрэнк Горшин и Лу Антонио разрывали пейзаж лицами, выкрашенными наполовину в белый, наполовину в чёрный цвет.

Они сели в машину Мэри и выехали в Садбери, куда планировали попасть часа через четыре —

как раз к ужину у Рубена Монтего.

Летя по четырёхсотому шоссе, Мэри вдруг нажала клаксон, а потом замахала рукой — их только что обогнал Луизин чёрный «форд-эксплорер» с номером D2O — химическая формула тяжёлой воды. Луиза махнула в ответ и умчалась вперёд.

— По-моему, она превышает максимально разрешённую скорость, — сказал Понтер.

Мэри кивнула.

— Уверена, что ей не составит труда отговориться от штрафа.

* * *

Час проходил за часом; километры оставались позади. Шанайю Твейн и Мартину Макбрайд сменила сначала Фэйт Хилл, а потом Сьюзан Аглукарк.

— Я, наверное, не лучший источник сведений о католицизме, — сказала Мэри в ответ на комментарий Понтера. — Наверное, нужно познакомить тебя с отцом Калдикоттом.

— Что делает его лучшим источником, чем ты? — спросил Понтер, отрывая взгляд от дороги — езда по скоростным шоссе всё ещё была для него в новинку — и поворачиваясь к Мэри.

— Ну, он рукоположен. — Специальным

жестом — небольшим поднятием левой руки — Мэри теперь могла предотвращать гудок, издаваемый компаньоном Понтера, когда она и сама знала, что слово, которое она только что произнесла, ему не знакомо. — Посвящён в сан — собственно, это и делает его священником. Ну, то есть, частью духовенства.

— Прости, — сказал Понтер. — Я всё равно ничего не понимаю.

— В религии существует два класса людей, — сказала Мэри, — клирики и миряне.

Понтер улыбнулся.

— Так совпало, что я не способен произнести ни того, ни другого слова.

Мэри улыбнулась в ответ; она уже начала привыкать к его чувству юмора.

— Так вот, — продолжала она, — клирики — это те, кто прошёл специальную подготовку для выполнения религиозных функций. Миряне — простые люди как ты или я.

— Но ты говорила, что религия — это система верований, этических и моральных принципов.

— Так и есть.

— Тогда все приверженцы религии должны иметь к ним равный доступ.

Мэри моргнула.

— Ну, да, конечно, просто… видишь ли, исходные тексты могут по-разному трактоваться.

— Например?

Мэри задумалась.

— Ну, например, вопрос о том, оставалась ли Мария — мать Иисуса — девственницей всю свою жизнь. Дело в том, что в Библии есть упоминания о сродниках Господних. «Сродники» — это старинное слово, обозначающее братьев.

Понтер кивнул, хотя Мэри подозревала, что если Хак сразу перевёл «сродников» как братьев, то Понтер, вероятно, услышал какую-то бессмыслицу наподобие «“братья” — это старинное слово, обозначающее братьев».

— И этот вопрос так важен?

— Нет, думаю этот — не особенно. Но другие, относящиеся к области морали, могут быть важны.

Они проезжали через Парри-Саунд.

— Какие, например? — спросил Понтер.

— Ну, к примеру, аборты.

— Аборт… это прекращение жизни плода?

— Да.

— А в чём моральная проблема?

— Ну, в том, можно ли это делать. Убить нерождённого ребенка.

— А зачем вам это может понадобиться? —

спросил Понтер.

— Ну, если беременность была случайной…

— Как можно *случайно* забеременеть?

— Ну, ты знаешь… Мэри оборвала себя. — Нет, разумеется, ты *не* знаешь. В твоём мире поколения рождаются каждые десять лет.

Понтер кивнул.

— А менструальные циклы всех ваших женщин синхронизованы. Так что когда мужчина и женщина сходятся вместе на четыре дня в месяц, это обычно происходит тогда, когда женщина не может забеременеть.

Понтер снова кивнул.

— Ну, в общем, у нас всё не так. Мужчины и женщины постоянно живут вместе и занимаются сексом в течение всего месяца. Случаются беременности, которых не ожидали и не планировали.

— Когда я впервые попал к вам сюда, ты мне говорила, что у твоего народа есть способы предотвращения беременности.

— Есть. Механические и фармацевтические.

Понтер смотрел мимо Мэри на залив Джорджиан-Бей.

— Они не работают?

— По большей части работают. Но не все их

применяют, даже когда не хотят зачать ребёнка.

— Почему?

Мэри пожала плечами.

— Неудобно. Дорого. Для тех, кто не пользуется контрацептивными таблетками — необходимость… э… отвлекаться от процесса…

— И всё же создать новую жизнь и потом от неё избавиться…

— Вот видишь! — сказала Мэри. — Даже для тебя это моральная проблема.

— Разумеется. Жизнь бесценна — потому что конечна. — Пауза. — Ну так и что же ваша религия говорит об абортах?

— Что это грех, причём смертный.

— О. То есть ваша религия предписывает применять средства контрацепции?

— Нет, — ответила Мэри. — Это тоже грех.

— Но ведь это… я думаю, тут подойдёт ваше слово «чушь».

Мэри двинула плечом.

— Бог велел нам плодиться и размножаться.

— Это поэтому у вашего мира такое большое население? Потому что так велел ваш Бог?

— Думаю, это один из факторов.

— Но… прости меня, конечно, но я не понимаю. У тебя ведь был партнёр в течение многих дека-

месяцев, не так ли?

— Да. Кольм.

— И у вас с ним не было детей.

— Верно.

— Но ведь вы же наверняка занимались сексом. Почему у вас не появилось детей?

— Ну, на самом деле я таки пользуюсь контрацептивами. Я принимаю таблетки — это комбинация синтетического эстрогена и прогестерона. И поэтому не могу забеременеть.

— Но ведь это грех?

— Многие католики это делают. Это дилемма для многих из нас: мы хотим быть послушны Богу, но должны принимать во внимание и практические соображения. Видишь ли, в 1968 году, когда весь Западный мир становился гораздо либеральнее в вопросах секса, Папа Павел VI издал энциклику. Я помню, как родители обсуждали её в последующие годы; даже для них она стала неожиданностью. Она гласила, что каждый сексуальный контакт должен быть открыт для зачатия. Если честно, большинство католиков ожидали ослабления, а не усиления ограничений. — Мэри вздохнула. — Я лично сторонница контрацептивов.

— Это безусловно лучше, чем аборт, — согла-

сился Понтер. — Но, предположим, ты всё-таки забеременела, не желая того. Предположим…

Мэри немного притормозила, давая соседней машине её обогнать.

— Что?

— Ничего. Прости. Поговорим о чём-нибудь другом.

Но Мэри уже поняла.

— Ты подумал про изнасилование, да? — Мэри пожала плечами, признавая, что тема непростая. — Тебе интересно, что моя Церковь ожидала бы от меня, если бы я забеременела в результате изнасилования.

— Я не хочу, чтобы ты лишний раз вспоминала об этом.

— Да нет, всё нормально. В конце концов, это ведь я завела разговор об абортах. — Мэри глубоко вдохнула, выдохнула и продолжила. — Если бы я забеременела, то, по мнению Церкви, я должна бы была родить ребёнка, пусть он и был зачат в результате изнасилования.

— И ты бы родила?

— Нет, — сказала Мэри. — Нет, я бы сделала аборт.

— Ещё один случай, когда ты отказываешься соблюдать предписания своей религии.

— Я люблю католическую церковь, — сказала Мэри. — Мне нравится быть католичкой. Но я отказываюсь передавать кому бы то ни было контроль над своим телом. И всё же…

— Да?

— Нынешний Папа стар и дряхл. Я не думаю, что он протянет долго. Его преемник может ослабить правила.

— Ах, — сказал Понтер.

Они ехали дальше. Шоссе повернуло прочь от Джорджиан-Бей. По обе стороны дороги появились скальные обнажения Канадского щита и островки соснового леса.

— Ты не задумывался о будущем? — спросила Мэри через некоторое время.

— Последнее время я только о нём и думаю.

— Я имела в виду *наше* будущее, — сказала Мэри.

— Я тоже.

— Я… ты только не обижайся, но я считаю, что мы должны хотя бы обсудить такую возможность: что если, когда мне придёт время возвращаться, ты вернёшься вместе со мной? Ну, то есть, поселишься в моём мире постоянно.

— Зачем? — спросил Понтер.

— Ну, здесь мы сможем быть вместе всё время,

а не только четыре дня в месяц…

— Так-то оно так, — сказал Понтер, — но… но там у меня вся жизнь. — Он поднял свою массивную руку. — Да-да, я знаю, что твоя жизнь здесь, — быстро произнёс он. — Но у ведь меня ещё Адекор.

— Может быть… я не знаю… может быть, Адекор тоже поехал бы с нами?

Понтерова сплошная бровь немедленно взлетела на надбровье.

— А партнёрша Адекора, Лурт Фрадло? Она тоже с нами поедет?

— Ну, она…

— А Даб, сын Адекора, который через год должен переехать жить к нему? И, разумеется, партнёрша самой Лурт, и партнёр её партнёрши, и их дети. И моя младшая дочь, Мегамег.

Мэри шумно выдохнула.

— Я знаю, я знаю. Это совершенно непрактично, вот только…

— Что?

Она сняла одну руку с руля и сжала его бедро.

— Понтер, я так сильно тебя люблю. Видеться с тобой только четыре дня в месяц…

— Адекор очень сильно любит Лурт, но тоже видится с ней только в эти дни. И я очень любил

Класт, хотя наши встречи длились те же четыре дня. — Его лицо было бесстрастно. — Мы так живём.

— Я знаю. Я просто обдумываю возможности.

— А ведь есть и другие проблемы. Ваши города нестерпимо воняют. Я не думаю, что смогу выдерживать это постоянно.

— Мы могли бы поселиться за городом. Где-нибудь вдали от городов, от машин. Где-нибудь, где воздух чист. Мне неважно, где жить, если вместе с тобой.

— Я не могу оставить свою культуру, — сказала Понтер. — Как и бросить семью.

Мэри вздохнула.

— Я знаю.

Понтер несколько раз сморгнул.

— Хотел бы я… хотел бы я предложить решение, которое сделало бы тебя счастливой.

— Речь не только обо мне, — сказала Мэри. — А что сделало бы счастливым *тебя*?

— Меня? — переспросил Понтер. — Я был бы доволен, если бы ты встречала меня в Центре Салдака каждый раз, когда Двое становятся Одним.

— И тебе бы этого хватало? Четырёх дней в месяц?

— Мэре, ты должна понять: я и представить се-

бе не могу чего-то большего. Да, в твоём мире мы проводили вместе много дней подряд, но когда я здесь, то очень скучаю по Адекору.

По выражению лица Мэри Понтер, должно быть, заключил, что его слова её огорчили.

— Прости, Мэре, — продолжил он, — но ты не можешь ревновать меня к Адекору. У людей моего мира двое партнёров, однополый и разнополый. Обижаться на мою близость с Адекором совершенно неуместно.

— Неуместно! — воскликнула Мэри, но потом сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться. — Да, ты, конечно, прав. Я это понимаю — по крайней мере, умом. И я пытаюсь примириться с этим на уровне чувств.

— Если это для тебя что-то значит, Адекору ты очень нравишься, и он желает тебе только добра. — Понтер помолчал. — Ты ведь тоже ему этого желаешь, правда?

Мэри ничего не сказала. Солнце висело низко над горизонтом. Машина летела вперёд.

— Мэре? Ты ведь желаешь добра Адекору, правда?

— Что? — встрепенулась она. — О, конечно. Конечно.

Глава 5

Пять десятилетий назад мой предшественник в Овальном кабинете, Джон Фицджеральд Кеннеди, сказал: «Пришло время делать большие шаги — время для нового великого американского проекта».[118] *В то время я был простым мальчишкой из негритянского гетто в Монтгомери, но я прекрасно помню, как от этих слов у меня по спине пробежали мурашки…*

Мэри и Понтер въехали в переулок, ведущий к дому Рубена Монтего незадолго до семи часов вечера. И Луиза, и Рубен ездили на «форд-эксплорерах» — несомненное свидетельство того, подумала Мэри, внутренне улыбнувшись, что они созданы друг для друга. У Луизы машина была чёрная, у Рубена — коричневая. Мэри припарковалась, и они с Понтером подошли к парадной двери. Проходя мимо машины Луизы, Мэри хотела было потрогать рукой капот, но она и так была

---

[118] notes: 118

Слова, сказанные Кеннеди 25 мая 1961 года в речи, положившей начало американской программе пилотируемых полётов на Луну.

уверена, что он уже давно остыл.

Рубен владел участком площадью в пару акров в Лайвли, крошечном городке неподалёку от Садбери. Мэри нравился его дом — двухэтажный, просторный и современный. Она позвонила в дверной звонок, и мгновением позже появился Рубен, из-за плеча которого выглядывала Луиза.

— Мэри! — воскликнул Рубен, сгребая её в охапку. — И Понтер! — сказал он, выпустив Мэри, и обнял и его тоже.

Рубен Монтего был подтянутым тридцатипятилетним мужчиной, чернокожим, с гладко выбритой головой. На нём была футболка с логотипом «Торонто Блю-Джейз» на груди.

— Входите, входите, — сказал Рубен, впуская их в дом с прохладного вечернего воздуха. Мэри скинула туфли, Понтер — нет, потому что не носил обуви. На нём были неандертальские штаны, которые внизу штанин расширялись, превращаясь во что-то вроде встроенных мокасин.

— Встреча ветеранов карантина! — объявил Понтер, оглядывая их маленькое сообщество. Так оно и было: они вчетвером оказались заперты в этом доме по приказу канадского Минздрава, когда Понтер во время своего первого визита на эту Землю внезапно заболел.

— Истинно так, друг мой, — ответил Рубен на заявление Понтера. Мэри огляделась. Ей очень нравилась здешняя мебель — органичное сочетание карибского и канадского стиля, повсюду тёмное дерево и встроенные книжные шкафы. Сам Рубен был довольно неряшлив, но его бывшая жена, очевидно, обладала отменным вкусом.

Мэри обнаружила, что, попав в дом, моментально расслабилась. Разумеется, сыграло свою роль то, что именно здесь зародилась её любовь к Понтеру, или что этот дом стал для неё надёжным убежищем, охраняемым офицерами федеральной полиции, всего через два дня после того, как Корнелиус Раскин изнасиловал её в кампусе Йоркского университета в Торонто.

— Сейчас для этого уже не совсем сезон, — сказал Рубен, — но ещё можно попробовать устроить барбекю.

— Конечно, здорово, — согласился Понтер с большим энтузиазмом.

Рубен рассмеялся.

— Значит, договорились. Сейчас я всё приготовлю.

* * *

Луиза Бенуа была вегетарианкой, но не имела

ничего против тех, кто ест мясо — и это было весьма кстати, потому что Понтер мясо натурально обожал. Рубен положил на гриль три совершенно гигантских говяжьих пласта, а Луиза занялась приготовлением салата. Рубен постоянно сновал между грилем и кухней, помогая Луизе с приготовлениями. Мэри следила, как они работают бок о бок, время от времени словно невзначай нежно касаясь друг друга. У Мэри с Кольмом в первые дни их брака тоже было так; а потом стало казаться, что они вечно путаются друг у друга под ногами.

Мэри и Понтер предложили помочь, но Рубен сказал, что помощи не требуется, и скоро ужин был на столе, и все четверо расселись вокруг него. Мэри поразилась мысли о том, что она знает этих людей — троих самых важных людей в её жизни — всего три месяца. Когда сталкиваются миры, всё меняется *очень* быстро.

Мэри и Рубен ели свои стейки с помощью ножей и вилок. Понтер надел одноразовые обеденные перчатки, которые привёз с собой из дома; он просто брал мясо затянутой в перчатку рукой и отрывал куски зубами.

— Это были поистине фантастические несколько месяцев, — сказал Рубен, похоже, думая о том

же, о чём и Мэри. — Для всех нас.

И это в самом деле было так. Понтер Боддет случайно перенёсся в эту версию реальности, когда его эксперимент с квантовыми вычислениями вышел из-под контроля. Оставшийся в своём мире партнёр Понтера Адекор Халд был обвинён в том, что убил его и избавился от тела. Адекор и старшая дочь Понтера Жасмель Кет сумели снова открыть межмировой портал на достаточное время для того, чтобы Понтер смог вернуться назад и оправдать Адекора перед трибуналом.

По возвращении домой Понтер сумел убедить Верховный Серый совет позволить им с Адекором попытаться открыть постоянный портал, что им довольно быстро удалось сделать.

Тем временем магнитное поле на этой версии Земли внезапно начало флуктуировать, по-видимому, в преддверии смены полярности. Неандертальская Земля пережила подобное событие совсем недавно, и оно протекало невероятно быстро: магнитное поле их Земли пропало двадцать пять лет назад и полностью восстановилось всего через пятнадцать лет.

Мэри, всё ещё страдающая от нанесённой изнасилованием психологической травмы, покинула Йоркский университет и присоединилась к

команде Джока Кригера в только что организованной «Синерджи Груп». Однако на обратном пути в Торонто Понтер идентифицировал насильника Мэри — им оказался Корнелиус Раскин, который также изнасиловал Кейсер Ремтуллу, главу факультета и непосредственную начальницу Мэри.

— Несомненно фантастические, — согласилась Мэри. Она улыбнулась Рубену и Луизе; они были такой прекрасной парой. Понтер сидел рядом с ней; она взяла бы его за руку, не будь она затянута в дурацкую перчатку. Но между Рубеном и Луизой такого препятствия не было; Рубен сжимал Луизину руку и буквально светился от любви к ней.

В продолжение ужина они оживлённо болтали, сначала за главным блюдом, потом за десертом и фруктовым коктейлем, и, наконец, за кофе (для троих Homo sapiens) и кока-колой (для Понтера). Мэри наслаждалась каждой минутой общения — но одновременно чувствовала грусть от того, что вечера наподобие этого, в обществе Понтера и их друзей, будут случаться нечасто — неандертальская культура устроена по-другому.

— О, кстати, — сказал Рубен, отхлебнув кофе, — одна моя знакомая из Лаврентийского постоянно просит меня свести её с вами. — В лаборатории

Лаврентийского университета в Садбери Мэри провела первое исследование ДНК Понтера, подтвердившее, что он неандерталец.

Бровь Понтера приподнялась.

— Э?…

— Её зовут Вероника Шеннон, она постдок в тамошней Группе нейрологических исследований.

Понтер явно ожидал, что Рубен продолжит объяснения, но, поскольку он молчал, Понтер решил его подтолкнуть:

— *Ка?* — по-неадертальски это означало «да?».

— Прости, — сказал Рубен, — я просто не знаю, как это сформулировать. Ты ведь, наверное, не знаешь, кто такой Майкл Персингер?

— Я знаю, — сказала Луиза. — Читала статью про него в «Saturday Night».

Рубен кивнул.

— Да, там была про него большая статья. Про него также писали и «Wired», «The Skeptical Inquirer», и «Maclean's», и «Scientific American», и «Discover».

— Кто он? — спросил Понтер.

Рубен отложил вилку.

— Персингер — американский уклонист[119]

[119] notes: 119

Имеются в виду американцы, уехавшие в Канаду, чтобы избежать призыва в армию во время Вьетнамской войны.

из тех золотых времён, когда утечка мозгов происходила в обратном направлении. В Лаврентийском он работает много лет и изобрёл там прибор, который вызывает в человеке религиозные переживания путём магнитной стимуляции головного мозга.

— Ах, *этот* Персингер, — Мэри закатила глаза.

— Слышу в твоём голосе сомнение, — сказал Рубен.

— Это потому что я сомневаюсь, — ответила Мэри. — Это ведь всё чушь собачья.

— Я сам попробовал, — сказал Рубен. — Не с Персингером — с Вероникой, моей знакомой. Она разработала систему второго поколения на основе исследований Персингера.

— И ты видел Бога? — насмешливо спросила Мэри.

— Можно сказать и так. Там определённо что-то было. — Он посмотрел на Понтера. — И потому-то ей нужен ты, дружище. Она хочет засунуть тебя в свою установку.

— Зачем? — спросил Понтер.

— Зачем? — переспросил Рубен, словно ответ был очевиден. — Потому что наш мир стоит на ушах по поводу того, что твой народ так и не изобрёл религию. Причём не то чтобы она у вас

была, но потом вы от неё отказались — за всю вашу историю вы ни разу даже не задумались об идее Бога или загробной жизни.

— Подобная идея стала бы — как вы это говорите? — плевком в лицо наблюдаемой реальности, — сказал Понтер. Потом посмотрел на Мэри. — Прости, Мэри. Я знаю, что ты во всё это веришь, но…

Мэри кивнула.

— Но ты — нет.

— Так вот, — продолжил Рубен, — группа Персингера считает, что нашла нейрологическую причину существования у Homo sapiens религиозных верований. И моя знакомая Вероника хочет посмотреть, удастся ли ей вызвать религиозное переживание у неандертальца. Если да, то им придётся найти какое-то объяснение тому факту, что у вас нет религиозных мыслей. Но Вероника считает, что метод, который работает на нас, не сработает на тебе. Она думает, что ваш мозг отличается от нашего на каком-то фундаментальном уровне.

— Интересное предположение, — сказал Понтер. — Процедура не представляет никакой опасности?

Рубен покачал головой.

— Ни малейшей. Собственно, как раз на мне это и проверяли. — Он улыбнулся. — Большая проблема для большинства психологических исследований состоит в том, что практически все подопытные — студенты-психологи с младших курсов, то есть люди, решившие изучать психологию. Мы знаем невероятно много об устройстве мозга людей этого типа, но очень мало о мозге людей в целом. Я познакомился с Вероникой в прошлом году; она обратилась ко мне по поводу набора подопытных среди шахтёров — совершенно иной демографической группы, чем та, с которой они обычно работают. — Рубен работал штатным медиком на принадлежащей компании «Инко» никелевой шахте «Крейгтон», в которой располагалась Нейтринная обсерватория Садбери. — Она предлагала шахтёрам за участие по паре баксов, но руководство «Инко» пожелало, чтобы до начала набора добровольцев я одобрил процедуру. Я прочитал работу Персингера, ознакомился с модификациями Вероники и прошёл процедуру сам. Магнитное поле там используется совсем небольшое по сравнению, скажем, с МРТ, на которую я регулярно направляю пациентов. Это совершенно безопасно.

— То есть она и мне заплатит пару баксов?

Рубен изумлённо посмотрел на него.

— Ну, мне же нужно на что-то жить, — сказал Понтер. Но долго удерживать серьёзное лицо у него не получилось, и его прорезала широкая ухмылка. — Нет, Рубен, ты прав, компенсация меня не интересует. — Он посмотрел на Мэри. — А интересует меня шанс понять эту сторону тебя, Мэри — то, что занимает такое важное место в твоей жизни, и что я совершенно не способен постичь.

— Если хочешь больше узнать о религии, пойдём со мной к мессе, — сказала Мэри.

— С удовольствием, — ответил Понтер. — Но я также хочу встретиться со знакомой Рубена.

— Но ведь нам нужно в твой мир, — сказала Мэри немного обижено. — Двое скоро станут Одним.

Понтер кивнул.

— Действительно. И мы не хотим пропустить из них ни мгновения. — Он посмотрел на Рубена. — Твоей знакомой придётся принять нас завтра с утра. Это можно устроить?

— Я сейчас ей позвоню, — ответил Рубен, поднимаясь. — Уверен, что она землю носом рыть будет, лишь бы тебя ублажить.

Глава 6

Джек Кеннеди был прав: тогда настало время для всех нас делать большие шаги. И такое время пришло снова. Ибо сильными сторонами Homo sapiens, которыми мы обладали с момента зарождения сознания 40000 лет назад, было желание посещать новые места, путешествовать, желание видеть, что находится за следующим холмом, желание расширять свои территории и — говоря словами, ставшими популярными через четыре года после той речи Кеннеди — смело идти туда, куда не ступала нога человека…[120]

Понтер и Мэри провели ночь в доме Рубена на раскладном диване. На следующий день рано утром они явились в маленький кампус Лаврентийского университета и нашли комнату C002B — одну из лабораторий Группы нейрологических исследований.

Вероника Шеннон оказалась костлявой белой

---

[120] notes: 120

«…to boldly go where no man has gone before» — фраза из заставки оригинального сериала «Стартрек» (1966–1969).

женщиной под тридцать, с рыжими волосами и носом, который Мэри до знакомства с неандертальцами посчитала бы здоровенным. На ней был белый лабораторный халат.

— Спасибо, что пришли, доктор Боддет, — сказала она, тряся его руку. — Безмерно благодарна, что откликнулись.

Он улыбнулся.

— Можете звать меня Понтер. И не стоит благодарности — меня заинтриговала тема вашего исследования.

— И Мэри — я могу звать вас Мэри? — я *так* рада познакомиться с вами! — Она пожала Мэри руку. — Какая жалость, что меня не было в кампусе, когда вы приезжали сюда в прошлый раз — я ездила на каникулы домой, в Галифакс. — Она улыбнулась, потом ответа глаза, словно смутившись. — Вы для меня что-то вроде героя, — добавила она.

Мэри непонимающе моргнула.

— Я?

— Среди канадских женщин-учёных не так много ставших знаменитостями. Ещё до того, как появился Понтер, вы фактически нанесли нас на карту. Ваши работы по древней ДНК! Высший класс! Совершенно изумительно! Кто сказал, что

канадская женщина неспособна завоевать мир?

— Э-э… спасибо.

— Вы стали для меня образцом для подражания. Вы, Жюли Пейет[121], Роберта Бондар[122]…

Мэри никогда и представить себя не могла в такой компании знаменитостей — Пейет и Бондар были канадскими женщинами-астронавтами. Но, с другой стороны, она ведь побывала в другом мире раньше них обеих…

— Спасибо, — снова сказала Мэри. — Знаете, у нас правда не так много времени…

Вероника немного покраснела.

— Простите, вы правы. Давайте я объясню вам процедуру. Моя работа базируется на исследовании, начатом здесь, в Лаврентийском университете, Майклом Персингером в 1990-х годах. Базовая идея принадлежит не мне — но наука состоит в воспроизводстве результатов, и цель моей работы — подтверждение его идей.

Мэри оглядела лабораторию, которая оказалась обычной для университетов смесью сверкающего новейшего оборудования с оборудованием

---

[121] notes: 121

Канадская женщина-астронавт.

[122] notes: 122

Первая канадская женщина-астронавт, по специальности врач-невролог.

старым и потёртым, а также обшарпанной деревянной мебелью. Вероника продолжала говорить:

— Так вот, у Персингера было около 80 % успешных экспериментов. Моё оборудование принадлежит к следующему поколению — модификация того, которым пользовался он, и у меня процент успеха достигает 94.

— Надо же, как совпало, что такого рода исследования проводятся поблизости от портала между двумя мирами, — сказала Мэри.

Но Вероника замотала головой.

— О, нет, Мэри, нет! Мы находимся здесь по той же самой причине, что и портал — из-за никеля, принесённого сюда астероидом два миллиарда лет назад. Видите ли, в самом начале Персингера интересовал феномен НЛО: как так получилось, что летающие тарелки в основном являются сельским увальням с именами вроде Клит или Бубба где-нибудь в глуши.

— Ну, — сказала Мэри, — наклюкаться можно и в глуши.

Вероника смеялась дольше, чем, по мнению Мэри, шутка того заслуживала.

— Это так, но Персингер решил ответить на этот вопрос в соответствии с его буквальным смыс-

лом. Конечно, ни он, ни я не верим в летающие тарелки, однако психологический феномен летающих тарелок безусловно существует: людям *кажется*, что они видят их, и Персингера заинтересовало, почему это обычно происходит под открытым небом в пустынной местности, когда вокруг никого нет. В Лаврентийском, разумеется, проводится масса исследований, связанных с геологией, и когда Персингер начал искать возможные причины для видений НЛО в сельской местности, горные инженеры предложили в качестве такой причины пьезоэлектрический эффект.

Хак, имплант-компаньон Понтера, пискнул несколько раз в знак того, что не понял некоторых слов, но ни Мэри, ни Понтер не стали прерывать Веронику, которая явно оседлала любимого конька. Однако она, по-видимому, подозревала, что термин «пьезоэлектрический» может оказаться незнакомым Понтеру, и поэтому объяснила его сама:

— Пьезоэлектричество — это генерирование электрического напряжения в кристаллах горных пород в результате их сжатия или деформирования. Такое происходит, к примеру, когда грузовик едет по каменистому бездоро-

жью — классический сценарий встречи с НЛО. Персингеру удалось надёжно воспроизвести электромагнитный эффект этого типа в лабораторных условиях, и будьте любезны — с его помощью смог практически каждого заставить думать, что он видит пришельцев.

— Пришельцев? — переспросила Мэри. — Вроде бы речь шла о Боге.

— То же самое, только в профиль, — сказала Вероника, зубасто улыбнувшись. — Явления одной природы.

— Каким образом?

Вероника стянула с полки книгу: «Почему Бог не уходит: биологические основы верований».

— Ньюберг и Д'Акили, авторы этой книги, выполнили сканирование мозга восьми тибетских буддистов во время медитации и нескольких францисканских монашек во время молебна. Разумеется, эти люди демонстрировали увеличенную активность в областях мозга, связанных с сосредоточенностью. Однако также наблюдалось *уменьшение* активности в теменной доле. — Она постучала пальцем по своему черепу, указывая местоположение. — Теменная доля левого полушария формирует образ вашего собственного тела, а правого — помогает вам ориентироваться

в трёхмерном пространстве. Таким образом, коллективно обе части теменной доли ответственны за определение границы, за которой заканчивается ваше собственное тело и начинается внешний мир. Когда теменная доля берёт отгул, ощущения при этом точно такие, о каких рассказывают монахи — потеря ощущения себя, чувство единства с вселенной.

Мэри кивнула.

— Видела про это статью в «Тайме».

Вероника вежливо покачала головой.

— На самом деле в «Ньюсуике». Так вот, работа Ньюберга и Д'Акили прекрасно согласуется с работами Персингера и моей. Они обнаружили, что во время религиозных переживаний активизируется лимбическая система — а именно лимбическая система оценивает события как важные или неважные. Вы можете показать матери сотню младенцев, но отреагирует она лишь при виде своего собственного. Это потому что лимбическая система пометила определённый визуальный раздражитель как важный. Ну и вот: когда лимбическая система возбуждается во время религиозных переживаний, *все* раздражители помечаются как чрезвычайно важные.

Именно поэтому религиозные переживания

так тяжело описать другим: это как будто я говорю вам, что мой бойфренд — самый прекрасный мужчина на всём свете, и вы говорите, «ну да, ну да». А потом я открываю сумочку и показываю его фотографию, и жду, что теперь-то вы увидите, да? Скажете: «о, да он и правда красавчик!» Но если я это сделаю, то вы ответите по-другому. Он несравненно прекрасен *для меня*, потому что моя лимбическая система пометила его образ как имеющий для меня особое значение. Но я не в силах передать эту пометку вам с помощью слов или изображений. То же самое и с религиозными переживаниями: сколько бы вам ни рассказывали о нём, о том, какое важное оно было и какое глубокое влияние оказало на всю последующую жизнь, вы просто не сможете ощутить того же самого, что и рассказчик.

Понтер слушал очень внимательно, то поджимая широкие губы, то вскидывая светлую бровь к гребню надбровного валика.

— И вы считаете, — сказал он, — что эта особенность, которой обладает ваш народ и которой лишён мой — эта *религия* — связана с функциями мозга?

— Именно! — сказала Вероника. — Комбинация активности теменной доли и лимбической

системы. Взять, к примеру, пациентов с болезнью Альцгеймера: люди, которые всю жизнь посвятили религии, часто теряют к ней интерес, когда заболевают. Так вот, первым делом болезнь Альцгеймера нарушает работу лимбической системы.

Она помолчала, потом продолжила:

— Уже давно известно, что так называемые религиозные переживания связаны с химией мозга, поскольку могут вызываться галлюциногенными препаратами — и именно поэтому такие препараты используются в ритуалах многих племенных культур. Также довольно давно мы знаем, что лимбическая система может играть одну из ключевых ролей: некоторые эпилептики с припадками, ограниченными лимбической системой, испытывают невероятно сильные религиозные переживания. К примеру, Достоевский был эпилептиком, и он писал о том, что во время припадков «прикасается к Богу». Святой Павел, Святая Тереза Авильская и Эммануил Сведенборг также, вероятно, страдали эпилепсией.

Понтер в этот момент опирался на угол книжного шкафа и, особо не стесняясь, слегка двигал корпусом из стороны в сторону, почёсывая спину.

— Это имена людей? — уточнил он.

Вероника на мгновение растерялась, потом кивнула.

— Мёртвых людей. Знаменитых религиозных деятелей прошлого.

Мэри сжалилась над Понтером и объяснила ему значение термина «эпилепсия». Понтер никогда ни о чём подобном не слышал, и Мэри задумалась — внутренне содрогнувшись, как всегда при мыслях об этом — а не вычистили ли неандертальцы предрасположенность к эпилепсии из своего генетического пула много поколений назад.

— Но испытать подобное можно и не будучи эпилептиком, — сказала Вероника, — Ритуальные танцы, песнопения и тому подобное независимо применялись в различных религиях по всему земному шару. Почему? Потому что размеренные, повторяющиеся, стилизованные движения тела во время подобных церемоний заставляют лимбическую систему пометить их как имеющие особое значение.

— Это всё хорошо, — сказала Мэри, — однако…

— Однако вы теряетесь в догадках, какое это имеет отношение к ценам на чай в Китае, не так ли?

Понтер выглядел совершенно растерянным, и

Мэри усмехнулась.

— Просто метафора, — сказала она. — Она означает «к теме разговора».

— И ответ, — объяснила Вероника, — состоит в том, что сейчас мы достаточно хорошо знаем, как мозг формирует религиозные переживания, чтобы надёжно воспроизводить их в лаборатории… по крайней мере, у Homo sapiens. И я умираю от желания узнать, смогу ли я вызвать что-то подобное у Понтера.

— Моё собственное любопытство не смертельно, — улыбнувшись, ответил Понтер, — но, тем не менее, я тоже хотел бы его удовлетворить.

Вероника снова посмотрела на часы и нахмурилась.

— К сожалению, мой аспирант ещё не появился, а оборудование довольно капризно — его нужно калибровать ежедневно. Мэри, не могу ли я вас попросить…?

Мэри ощутила, как у неё напряглась спина.

— Попросить *что*?

— Провести предварительный прогон. Мне нужно убедиться, что моё оборудование работает нормально, прежде чем я смогу оценивать результаты, полученные с Понтером. — Она вскинула руку, предупреждая возражения. — С этим

новым оборудование полный цикл занимает всего пять минут.

Сердце Мэри учащённо забилось. Это было нечто, к чему она не хотела бы применять научный метод. Как и недавно умерший и оплаканный Стивен Джей Гоулд[123], она всегда верила, что наука и религия были — говоря его словами — «непересекающимися магистериями»: каждая из них важна, но не имеет никакого значения для другой. — Я не уверена, что…

— О, не беспокойтесь, это не опасно! Напряжённость поля, которое я использую для транскраниальной магнитной стимуляции, всего один микротесла. Я вращаю его против часовой стрелки вокруг теменной доли, и, как я уже говорила, почти все люди — точнее, все Homo sapiens — в результате этого испытывают религиозные переживания.

— Как… на что это похоже? — спросила Мэри.

Вероника извинилась перед Понтером и отвела Мэри в сторону от него, своего подопытного, так, чтобы неандерталец не слышал, что они говорят.

— Обычно при этом ощущают присутствие

---

[123] notes: 123

Американский палеонтолог, биолог-эволюционист и историк науки, автор научно-популярных книг. Умер в 2002 году, после опубликования первой книги трилогии.

некоего мыслящего существа, стоящего рядом или позади, — сказала Вероника. — Однако конкретная форма переживания сильно зависит от индивидуальной предрасположенности подопытного. Посадите сюда уфолога, и он почувствует присутствие пришельца. Посадите баптиста, и он, скорее всего, узрит самого Христа. Другие говорят, что их касались ангелы Господни. Конечно, эксперимент проводится в полностью контролируемой обстановке, и подопытные полностью осознают, что они находятся в лаборатории. Но представьте себе, какой эффект это произведёт на наших друзей Буббу и Клита глубокой ночью у чёрта на рогах. Или когда вы молитесь в церкви, или мечети, или синагоге. Это реально может свернуть мозги набекрень.

— Я бы на самом деле не хотела…

— Прошу вас, — сказала Вероника. — Я не знаю, представится ли мне другой шанс проверить неандертальца — но сейчас мне нужно откалибровать аппаратуру.

Мэри сделала глубокий вдох. Рубен ведь лично подтвердил безопасность процесса, и, в конце концов, она не хотела подводить эту энергичную женщину, которая была о ней такого высокого мнения.

— Прошу вас, Мэри, — повторила Вероника. — Если мои прогнозы относительно исхода эксперимента сбудутся, это станет для меня огромным шагом вперёд.

Канадка завоёвывает мир. На как тут скажешь «нет»?

— Ну, хорошо, — сказала Мэри без особой убеждённости. — Давайте попробуем.

Глава 7

Наша сила — в нашей жажде чудес, в нашем любопытстве, нашем пытливом духе…

— Всё в порядке? — спросила Вероника Шеннон через наушник у Мэри в ухе. — Вам удобно?

— Всё хорошо, — ответила Мэри в маленький микрофон, прицепленный к блузке. Она сидела в мягком кресле в затемнённой комнате размером с совмещённый санузел. Стены, как она успела заметить до того, как выключили свет, были покрыты маленькими поролоновыми пирамидками, предположительно, чтобы подавлять внешние шумы.

Вероника кивнула.

— Отлично. Всё должно быть совершенно безболезненно — однако если вы захотите прервать эксперимент, просто скажите.

На голове Мэри была надета конструкция, изначально, по-видимому, бывшая жёлтым мотоциклетным шлемом, с соленоидами по бокам на уровне висков. Шлем был подключён с помощью пучка проводов к стойке с оборудованием,

стоящей у одной из стен.

— О'кей, — сказала Вероника. — Начинаем.

Мэри думала, что услышит жужжание или ощутит покалывание за ушами, но ничего такого не было. Просто темнота, тишина и…

Внезапно Мэри почувствовала, как у неё напряглась спина и сгорбились плечи. Кто-то *был* здесь, в этой комнате, вместе с ней. Она не видела его, но чувствовала, как его взгляд буравит ей затылок.

Это смешно, подумала Мэри. Простое внушение. Если бы не все эти предварительные разговоры, она бы наверняка ничего не почувствовала бы. Это ж надо, на какую ерунду людям удаётся найти гранты. Это не более, чем салонный фокус, и…

И вдруг она поняла, кто это — кто был с ней в этой комнате.

И это был не он.

Это была *она.*

Мария.

Мария.

Дева.

Матерь Божья.

Она не могла её видеть, не по-настоящему. Это был просто яркий-яркий свет, движущийся

перед ней — но такой свет, на который ничуть не больно смотреть. И всё же она знала, кто это, была уверена: чистота, покой, доброта, мудрость. Она закрыла глаза, но свет не пропал.

Мария.

Та, чьё имя она носит, и…

И тут Мэри-учёный вышел на первый план. Конечно, она видит Марию. Если бы она была мексиканцем по имени Хесус[124] — она бы, наверное, увидала самого Христа. Будь её имя Тереза, она наверняка бы увидела Мать Терезу. Кроме того, они с Понтером говорили о Деве Марии не далее чем вчера, так что…

Но нет.

Нет, это не то.

Неважно, что говорит ей мозг.

Её *разум* знает, что этот свет — что-то другое.

Её *душа* это знает.

Это Мария, мать Иисуса.

А почему нет? подумала Мэри Воган. Только потому, что она здесь, в университете, в лаборатории, внутри испытательной камеры?

Мэри всегда скептически относилась к сообщениям о происходящих в наши дни чудесах, но

---

[124] notes: 124
Хесус — Jesús — по-испански Иисус.

если чудеса и правда происходят, то, наверное, Дева Мария может появиться где угодно?

Ведь появилась же она в португальской Фатиме.

И во французском Лурде.

И в мексиканском Гуадалупе.

И во вьетнамском Лаванге.

Так почему не в Садбери, Онтарио?

Почему не в капмусе Лаврентийского университета?

И почему не для того, чтобы поговорить с ней?

Нет. Нет, следует воззвать к скромности здесь, в присутствии Богородицы. К скромности, по её примеру.

Но…

Но всё же разве это настолько бессмысленно — что Дева Мария является к Мэри Воган? Мэри побывала в ином мире, мире, не знавшем Бога-Отца, мире, не видевшем Иисуса Сына Божьего, мире, которого не касался Святой Дух. Разумеется, Марии из Назарета любопытно взглянуть на того, кто это совершил!

Чистое и простое присутствие сдвинулось влево от неё. Не прошло, а просто сдвинулось — паря, не касаясь земли.

Нет. Нет, здесь нет никакой земли. Она нахо-

дится в подвале здания. Здесь нет земли.

Она в лаборатории!

И транскраниальная магнитная стимуляция воздействует на её мозг.

Мэри снова закрыла глаза, зажмурила их изо всех сил, но это ничего не изменило. Божественное присутствие никуда не пропало, она по-прежнему его чувствовала.

Чудесное, чудесное присутствие…

Мэри Воган открыла рот, чтобы заговорить со Святой Девой, и…

И внезапно её не стало.

Но Мэри ощущала подъём, какого не помнила со дня своего первого причастия после конфирмации, когда, в первый и единственный раз в своей жизни, она по-настоящему ощутила, как дух Христа входит в неё.

— Ну как? — спросил женский голос.

Мэри проигнорировала вопрос — грубое, незваное вторжение в её грёзы. Она хотела насладиться этим моментом, продлить его… хотя непередаваемое ощущение рассеивалось, словно сон, который ты пытаешься перевести в область сознательных воспоминаний, прежде чем он окончательно ускользнёт…

— Мэре, — произнёс другой, более низкий го-

лос, — тебе нехорошо?

Она знала этот голос, голос, который она когда-то страстно желала услышать снова, но сейчас, в это самое мгновение, пока это мгновение длится, она хотела лишь тишины.

Но мгновение быстро проходило. Через несколько секунд дверь в камеру распахнулась, и свет — яркий, слепящий, искусственный — проник в неё снаружи. Вошла Вероника Шеннон, за ней следовал Понтер. Женщина сняла шлем с головы Мэри.

Понтер склонился к ней и своим коротким широким пальцем провёл Мэри по щеке. Потом убрал руку от щеки и показал Мэри — палец был мокрым.

— Тебе нехорошо? — повторил он.

Мэри только сейчас осознала, что у неё из глаз текут слёзы.

— Мне хорошо, — сказала она. А потом, осознав, что «хорошо» даже и близко не описывает то, что она чувствует, добавила: — Лучше всех.

— Ты плакала? — сказал Понтер. — Ты… ты что-то почувствовала?

Мэри кивнула.

— Что это было? — спросил Понтер.

Мэри глубоко вдохнула и посмотрела на Веро-

нику. Эта женщина ей уже успела понравиться, однако Мэри не хотелось делиться своими переживаниями с прагматиком и атеистом, которая, конечно же, спишет всё на результат подавления активности её теменной доли.

— Я… — начала Мэри, сглотнула и начала снова: — Вероника, вы построили замечательный прибор.

Вероника расплылась в улыбке.

— Рада слышать. — Она повернулась к Понтеру. — Вы готовы попробовать?

— Конечно, — ответил он. — Если я смогу получить представление о том, что чувствует Мэре…

Вероника протянула шлем Понтеру и немедленно поняла, что имеется проблема. Шлем был рассчитан на нормальную голову Homo sapiens — с высоким лбом, уплощённую в направлении от лица к затылку, с незначительным надбровьем или вовсе без него, голову, содержащую, в общем случае, немного меньший по размеру мозг.

— Похоже, вам он будет тесноват, — сказала Вероника.

— Давайте попробуем, — ответил Понтер. — Он взял шлем, перевернул его и заглянул внутрь, словно оценивая его ёмкость.

— Может быть, если ты будешь думать о чём-

нибудь маленьком… — сказал Хак, компаньон Понтера, через внешний динамик. Понтер бросил на левое предплечье сердитый взгляд, но Мэри рассмеялась. Идея о том, что «от мыслей голова пухнет», похоже, родилась не только на этой Земле.

Наконец, Понтер всё же решил попытаться. Он снова перевернул шлем, водрузил его себе на голову и начал тянуть его вниз, протискивая в него череп. Он действительно сидел очень плотно, но внутри была мягкая подкладка, так что последним усилием Понтер умял поролон достаточно, чтобы освободить место для затылочного бугра.

Вероника стояла перед Понтером, осматривая его, словно клерк «LensCrafters»[125], подбирающий клиенту очки, потом немного поправила шлем.

— Вот так хорошо, — сказала она, наконец. — Теперь повторю то, что уже говорила Мэри: это не больно, и если вы захотите прервать опыт, просто скажите об этом.

Понтер кивнул, и тут же поморщился: задний край шлема врезался ему в затылок.

Вероника повернулась к стойке с аппаратурой.

---

[125] notes: 125
Североамериканская сеть фирменных салонов оптики.

Она понаблюдала за дисплеем осциллоскопа, потом что-то подправила на панели управления.

— Какие-то помехи, — сказала она.

Понтер на мгновение растерялся, потом сказал:

— А, должно быть мои кохлеарные импланты. Через них компаньон может общаться со мной без звука, если есть необходимость.

— Вы можете их отключить?

— Да, — ответил Понтер. Он откинул крышку компаньона и что-то сделал с открывшимися под ними управляющими штырьками.

Вероника кивнула.

— То, что надо — помехи исчезли. — Она посмотрела на Понтера и ободряюще улыбнулась. — Ну, Понтер, садитесь.

Мэри убралась с дороги, и Понтер уселся в кресло спиной к ней.

Вероника вышла из испытательной камеры и жестом пригласила наружу Мэри. Камера закрывалась массивной металлической дверью, и Веронике пришлось налечь на неё всем телом, чтобы закрыть; Мэри заметила, что кто-то прикрепил к двери бумажку с надписью «Чулан Вероники». Закрыв дверь, Вероника прошла к своему компьютеру и принялась двигать мыш-

кой и щёлкать клавишами. Мэри следила за ней с любопытством, и через некоторое время спросила:

— Ну как? Он что-нибудь чувствует?

Вероника слегка пожала своими узкими плечами.

— Это невозможно узнать, если только он сам не скажет. — Она указала на подключённые к компьютеру колонки. — Его микрофон включён.

Мэри посмотрела на закрытую дверь камеры. Часть её надеялась, что Понтер почувствует в точности то же, что и она. Даже если он отбросит это всё как иллюзию — а он без сомнения сделает именно это — по крайней мере, он будет способен понять, что происходит с теми многими, кто чувствовал присутствие чего-то сверхъестественного на протяжении всей истории Homo sapiens.

Конечно, он может ощутить присутствие пришельца. Кстати, странно: они с Понтером говорили о стольких вещах, но вот вопрос о том, верит ли он в инопланетян, как-то ни разу не возникал. Может быть, Понтеру, как неандертальцу, идея о жизни на других планетах так же чужда, как идея бога. В конце концов, какие бы то ни было свидетельства существования внеземной жизни полностью отсутствуют, по крайней мере,

в версии реальности, в которой живёт Мэри. Народ Понтера поэтому мог бы заявить, что вера в подобное — это ещё одно нелепое суеверие…

Мэри продолжала смотреть на закрытую дверь. И всё же, наверное же религия — это нечто большее, чем просто проделки нейронов, микроэлектрический самообман. Наверняка ведь…

— Ну, всё, — сказала Вероника. — Отключаю питание. — Она подошла к стальной двери и с усилием открыла её. — Можете выходить.

Первым делом Понтер начал стягивать с себя тесный шлем. Он обхватил себя руками за голову и мощно потянул шлем вверх. Устройство соскочило с головы, и он протянул его Веронике, а потом начал массировать надбровье, словно пытаясь восстановить в нём нормальное кровообращение.

— Ну и? — спросила Мэри, сгорая от любопытства.

Понтер открыл крышку Хака и что-то переключил, по-видимому, снова активируя кохлеарные импланты.

— Так как? — не отставала Мэри.

Понтер покачал головой, и на какое-то мгновение у Мэри вспыхнула надежда, что это тоже была попытка восстановить кровообращение.

— Ничего, — сказал он.

Мэри сама удивилась, насколько огорчило её это единственное слово.

— Ничего? — повторила Вероника, которая, наоборот, обрадовалась заявлению Понтера. — Вы уверены?

Понтер кивнул.

— Никаких зрительных эффектов? — продолжала Вероника. — Никакого ощущения чьего-то присутствия? Чувства, что за вами наблюдают?

— Вообще ничего. Только я, наедине со своими мыслями.

— И о чём же ты думал? — спросила Мэри. В конце концов, возможно, Понтер просто не смог распознать момент религиозного откровения.

— Я думал об обеде, — сказал Понтер, — думал, что мы сегодня будем есть. И о погоде, о том, на что похожа здешняя зима. — Он посмотрел на Мэри и, должно быть, разглядел разочарование на её лице. — О, и о тебе! — быстро добавил Понтер, по-видимому, чтобы подбодрить её. — Разумеется, я думал о тебе!

Мэри невесело улыбнулась и отвела взгляд. Опыт с одним-единственным неандертальцем, понятное дело, ничего не доказывает. И всё же…

И всё же то, что она, представительница Homo

sapiens, имела первосортное, полномасштабное религиозное откровение, тогда как он, Homo neanderthalensis, просто думал о…

Слово непрошенным всплыло в её памяти.

Думал о том же, о чём думает каждый божий день.

Глава 8

В пытливом духе, заставшем наших древних пращуров распространиться по всему Старому Свету…

Вероника Шеннон, сцепив руки за спиной, ходила взад-вперёд по своей лаборатории. Мэри сидела на одном из лабораторных кресел; для Понтера пространство между металлическими подлокотниками другого такого же кресла оказалось слишком узким, и он примостился на краешке на удивление опрятного рабочего стола Вероники.

— Вы знаете что-нибудь из психологии, Понтер? — спросила Вероника.

— Немного, — ответил Понтер. — Я занимался ею, когда изучал информатику в Академии. Это было — как вы это называете? — нечто, что я должен был изучать в комплекте с курсом искусственного интеллекта.

— Смежный курс, — подсказала Мэри.

— На самых первых занятиях курса психологии, — сказала Вероника, — нашим студентам рассказывают о Б. Ф. Скиннере.

Мэри кивнула; у неё тоже было введение в психологию.

— Бихевиоризм, верно?

— Верно, — ответила Вероника. — Оперантное научение: подкрепление и наказание.

— Это как дрессировка собак? — уточнил Понтер.

— Примерно, — сказала Вероника, останавливаясь. — Мэри, теперь прошу вас: не говорите ни слова. Я хочу услышать, что Понтер скажет без подсказки с вашей стороны.

Мэри кивнула.

— Хорошо, Понтер, — сказала Вероника. — Вы помните свой курс психологии?

— Не особенно. Очень смутно.

Рыжеволосая исследовательница заметно погрустнела.

— Но я помню, — сказал Хак через внешний динамик своим синтезированным мужским голосом. — Или, точнее, в моей памяти имеется эквивалент учебника психологии. С его помощью я помогаю Понтеру выкрутиться, когда он попадает в дурацкое положение.

Понтер виновато улыбнулся.

— Отлично, — воскликнула Вероника. — Тогда вопрос: каков наилучший способ закрепления

желаемой модели поведения? Той, которую вы хотите не искоренить, а взрастить.

— Поощрение, — ответил Хак.

— Поощрение, точно! Но какого рода поощрение?

— Последовательное.

Вероника выглядела так, словно только что произошло нечто неизмеримо важное.

— Последовательное, — повторила она, словно это было ключом ко всему. — Вы уверены? Вы абсолютно уверены?

— Да, — ответил Хак; в его голосе прозвучали отчётливые нотки растерянности.

— Потому что у нас не так, — сказала Вероника. — У нас последовательное поощрение не является наилучшим способом внедрения модели поведения.

Мэри задумалась. Она наверняка знала правильный ответ, но не могла выудить его из-под наслоений последующих лет. К счастью, Понтер сам задал вопрос, которого ждала Вероника.

— И какой же способ считается наилучшим среди людей вашего вида?

— *Периодическое* вознаграждение, — победно заявила Вероника.

Понтер нахмурился.

— Вы хотите сказать, когда за желаемое поведение то вознаграждают, то нет?

— Именно! — сказала Вероника. — В точности так!

— Но это бессмыслица, — сказал Понтер.

— Ага, — согласилась Вероника, широко улыбнувшись. — Это она из самых больших странностей психологии Homo sapiens. Но это истинная правда. Классический пример — азартные игры: если мы в игре постоянно выигрываем, нам становится скучно. Но если мы выигрываем время от времени, то может наступить игровая зависимость. Или вот как дети постоянно канючат у родителей: «Купи мне эту игрушку!», «Не хочу ложиться спать!» «Хочу в зоопарк!» Все родители терпеть не могут, когда их дети так делают, но те продолжают — не из-за того, что это всегда срабатывает, а из-за того, что это срабатывает *иногда*. Именно непредсказуемость исхода привлекает нас в игре.

— Это безумие, — сказал Понтер.

— Не здесь, — ответила Вероника. — В силу определения: модель поведения большинства не может быть безумием.

— Но… но ведь ясно же, что невозможность предсказать исход раздражает и нервирует.

— Вас, — с обаятельной улыбкой согласилась Вероника. — Но не нас.

Мэри, до этого момента заинтересованно следившая за дискуссией, вмешалась:

— Вероника, вы ведь явно к чему-то клоните. К чему именно?

— Всё, что мы делаем здесь, в Группе нейрологических исследований, подчинено одной цели: объяснению классических религиозных откровений. Однако существует огромное количество верующих, которые никогда в жизни не испытывали таких откровений, но, несмотря на это, всё равно веруют. Это большая дыра в нашей работе, отсутствующий элемент в подробном объяснении причин того, что Homo sapiens верят в Бога. Но вот он ответ — разве вы не видите? Именно психология поощрения — этот небольшой фрагмент программного обеспечения нашего мозга — делает нас восприимчивыми к вере в Бога. Если где-то и правда существует Бог, рационально мыслящие существа ожидали бы от него рационального, предсказуемого поведения. Но наш не таков. Иногда он будто бы оберегает некоторых людей, а в другой раз позволяет монахине упасть в открытую лифтовую шахту. В его действиях нет разумной системы, и поэтому

мы говорим…

Мэри кивнула и закончила мысль за неё:

— Мы говорим «пути Господни неисповедимы».

— Именно! — воскликнула Вероника. — Молитва не всегда удостаивается ответа, но люди всё равно молятся. Но народ Понтера устроен не так. — Она повернулась к неандертальцу. — Не правда ли?

— Не так, — согласился Понтер. — Я и без Хака могу сказать, что мы ведём себя по-другому. Если исход невозможно предсказать, если закономерность не удаётся выявить, то мы отбрасываем такую модель поведения как бессмысленную.

— А мы — нет, — подытожила Вероника, потирая руки. Мэри вспомнила это выражение лица, словно говорящее «Это обложка в «Science», не меньше» — такое же возникло на лице самой Мэри, когда ей удалось извлечь ДНК из хранящегося в Германии типового экземпляра неандертальца. Вероника пристально посмотрела на Понтера, потом на Мэри.

— Даже если закономерности нет, мы способны убедить себя, что за всем этим существует какая-то логика. Вот почему мы не просто выдумываем истории про наших богов — мы на самом деле в

них *верим*.

Религиозная часть натуры Мэри оказалась задвинута в дальний угол, и учёный завладел ею безраздельно.

— Вероника, вы уверены в этом? Потому что если это так, то…

— О, я вполне уверена. Это классический эксперимент — я пришлю вам ссылку. В нём две группы людей играют на доске с клетками в игру, правила которой им не объяснили. Изначально они знают лишь, что за хорошие ходы очки начисляются, а за плохие — нет. Так вот, одной группе игроков очки начисляли за ход в чёрные клетки нижнего левого угла доски, и, разумеется, сделав некоторое число ходов, игроки догадывались, как нужно играть, чтобы всегда выигрывать. Но второй группе игроков очки начисляли *случайно*: начисление очков никак не было связано с ходом, который они сделали. Но эти игроки *также* выработали систему правил, в соответствии с которыми, по их мнению, велась игра, и были убеждены, что, следуя этим правилам, они повышают свои шансы на успех.

— Правда? — удивился Понтер. — Я бы просто потерял к игре интерес.

— Не сомневаюсь, — сказала Вероника, широко

улыбнувшись. — Но мы находим такую игру увлекательной.

— Или раздражающей, — сказала Мэри.

— Раздражающей, да! Что означает, что нас выводит из себя ситуация, когда в наблюдаемом явлении отсутствует какая-либо система. — Вероника посмотрела на Понтера. — Можно провести ещё один небольшой тест? Мэри, если не возражаете, я снова хочу вас попросить сохранять молчание. Понтер, вы понимаете, что я имею в виду, говоря о подбрасывании монетки?

Понтер ответил отрицательно, и Вероника продемонстрировала ему гагару[126], которую выудила из кармана лабораторного халата. Когда Понтер понял, что имеется в виду, рыжеволосая исследовательница продолжила:

— Так вот, если я подкинула монетку двадцать раз, и все двадцать раз она упала решкой, то каковы шансы, что она упадёт решкой в двадцать первый раз?

Понтер ответил, не задумываясь.

— Один к одному.

— Именно! Или, как мы обычно говорим, пятьдесят на пятьдесят. Равные шансы.

---

[126] notes: 126

Loonie — разговорное название монеты в один канадский доллар, по названию изображённой на ней птицы.

Понтер кивнул.

— Так вот, Мэри, я уверена, что вы знаете, что Понтер абсолютно прав: не имеет значения, сколько раз подряд выпадала решка перед очередным подбрасыванием, если исходить из предположения, что монета внутренне однородна. Вероятность того, что в очередном подбрасывании выпадет решка, всегда пятьдесят на пятьдесят. Но когда я задаю этот вопрос первокурсникам на факультете психологии, большинство из них думает, что шансы на новое выпадение решки астрономически малы. На каком-то базовом уровне наш мозг склонен приписывать мотивацию случайным событиям. Вот почему даже те, кто никогда не испытывал ничего, подобного тому, что вы, Мэри, только что испытали, видят руку Божью в том, что на самом деле попросту случайно.

Глава 9

В пытливом духе, который вёл нас за тысячи километров через Берингию, соединившую Сибирь с Аляской во времена ледникового периода…

Прежде чем отправляться к порталу, Мэри решила по-быстрому забежать в университетский книжный магазин. Она не взяла с собой из дому никаких книг — просто забыла, а в неандертальской вселенной ей, разумеется, не удастся найти чего-нибудь почитать.

К тому же, честно говоря, Мэри требовалось несколько минут наедине с собой, чтобы переварить произшедшее в лаборатории Вероники Шеннон. Так что она извинилась, оставила Понтера с Вероникой, и теперь торопилась по «боулинговой аллее» — узкому длинному переходу со стеклянными стенами между Главным и Учебным корпусами. Ей навстречу шла привлекательная чернокожая женщина. Сама Мэри никогда не отличалась особенно хорошей памятью на лица, но, судя по выражению лица идущей навстречу женщины, та её явно узнала,

но мгновение спустя её лицо снова приняло безразличное выражение.

Мэри уже более-менее привыкла к такому. С начала августа её несколько раз показывали по телевизору — после того, как она подтвердила, что обнаруженный в Нейтринной обсерватории Садбери едва не утонувший человек — неандерталец. Так что она продолжила идти вперёд, пока её не стукнуло…

— Кейша! — воскликнула Мэри, оборачиваясь — чернокожая женщина уже успела миновать её.

Кейша тоже обернулась и улыбнулась ей.

— Здравствуйте, Мэри, — сказала она.

— Я едва не прошла мимо, — сказала Мэри.

Лицо Кейши стало немного виноватым.

— Я-то вас сразу узнала. — Она понизила голос. — Но мы не должны подавать виду, что знаем тех, с кем познакомились в Центре, если только они сами нас не узнают. Это часть политики по охране анонимности.

Мэри кивнула. Под «Центром» имелся в виду центр помощи жертвам изнасилований Лаврентийского университета, куда Мэри приходила за консультацией после того, что случилось в кампусе Йоркского.

— Как у вас дела, Мэри? — спросила Кейша.

Они остановились неподалёку от киоска «Тим Хортонс» с пончиками и кофе.

— У вас найдётся минутка? — спросила Мэри. — Угощу вас кофе.

Кейша взглянула на часы.

— Да, конечно. Или… или, может быть, лучше подняться наверх? Ну, вы знаете — в Центр?

Мэри покачала головой.

— Нет. Нет, в этом нет необходимости. — Тем не менее она молчала, обдумывая вопрос Кейши, пока они шли десяток метров, отделяющий их от «Хортонса». А, собственно, *как* у неё дела?

«Тим Хортонс» была единственной сетью, где Мэри иногда удавалось разжиться любимым напитком — кофе с шоколадным молоком, поскольку у них часто одновременно случались открытые упаковки шоколада и обычного молока. Она объяснила, что ей нужно, и ей сделали, как надо. Кейша заказала яблочный сок, и Мэри расплатилась за них обеих. Они сели за один из двух крошечных столиков у стеклянной стены перехода: обычно здесь покупали кофе и тут же бежали дальше, не рассиживаясь.

— Я хотела вас поблагодарить, — сказала Мэри. — Вы тогда были так добры ко мне…

Ноздря у Кейши была проколота крошечным гвоздиком с блестящам камешком. Она чуть склонила голову, и камешек сверкнул, поймав солнечный луч.

— Для этого мы и существуем.

Мэри кивнула.

— Вы спросили как у меня дела, — продолжила она. — В моей жизни снова появился мужчина.

Кейша улыбнулась.

— Понтер Боддет, — сказала она. — Я читала про вас в «Пипл».

Сердце Мэри подпрыгнуло.

— В «Пипл» была статья про нас?

Кейша кивнула.

— На прошлой неделе. Удачное фото вас с Понтером в ООН.

Какой ужас, подумала Мэри.

— Понтер мне очень помог.

— Он планирует принять то предложение позировать для «Плейгёрл»?

Мэри улыбнулась. Она почти забыла про это; предложение поступило во время первого визита Понтера, когда они находились на карантине. Часть Мэри была бы рада похвастаться сложением своего мужчины перед теми красотками, от которых она натерпелась в школе — футболисты,

с которыми они встречались, рядом с Понтером смотрелись бы жалкими доходягами. Другой же её части щекотала самолюбие мысль, что Кольм уж точно не устоит перед тем, чтобы полистать журнал и узнать, что же у этого неандертальца есть такого, чего нет у него…

— Не знаю, — ответила Мэри. — Когда Понтер узнал об этом приглашении, он рассмеялся и больше о нём не упоминал.

— Ну, если он когда-нибудь соберётся, — с улыбкой сказала Кейша, — я бы хотела экземплярчик с автографом.

— Без проблем, — сказала Мэри. И вдруг осознала, что и правда так думает. Она никогда не забудет о своём изнасиловании — как, наверное, и Кейша не смогла забыть о своём — но сам факт, что она способна шутить о мужчине, позирующем голым для развлечения женщин означало, что они проделали большой путь.

— Вы спросили, как у меня дела, — снова сказала Мэри и помолчала. — Лучше, — с улыбкой сказала она, протянула руку и положила ладонь на руку Кейши. — Лучше с каждым днём.

* * *

Допив кофе и попрощавшись с Кейшей, Мэри

поспешила в книжную лавку, купила там четыре книжки в мягкой обложке и быстро вернулась в комнату C002B, чтобы забрать оттуда Понтера. Через главный холл они вышли на стоянку. Был прохладный осенний день, и здесь, в четырёхстах километрах к северу от Торонто, почти все листья уже опали.

— *Дран!* — воскликнул Понтер. — «*Изумление!*» — перевёл Хак через внешний динамик.

— Что? — переспросила Мэри.

— Что *это* такое? — спросил Понтер, указывая рукой.

Мэри взглянула в ту сторону, пытаясь сообразить, что могло привлечь его внимание, а потом рассмеялась.

— Это собака, — сказала она.

— Моя Пабо — собака! — заявил Понтер. — И здесь я тоже уже встречал собакоподобных существ. Но это! Такого я в жизни никогда не видел. — Собака и её владелица приближались к ним. Понтер склонился, уперев руки в колени, чтобы поближе рассмотреть маленькое животное, которое вела на поводке привлекательная молодая женщина. — Она похожа на колбасу! — объявил он.

— Это такса, — немного обиженно объяснила

женщина; она совершенно не растерялась при виде знаменитости, которую не могла не узнать.

— Это… — начал Понтер. — Простите, пожалуйста, это какая-то родовая травма?

Судя по голосу, женщина уже была на взводе.

— Нет, он такой и должен быть.

— Но ноги! Уши! Туловище! — Понтер выпрямился и покачал головой. — Собака — это охотник, — заявил он с таким видом, словно животное перед ним было насмешкой над всеми правилами приличия.

— Таксы — охотничьи собаки, — резко ответила женщина. — Их разводили в Германии, чтобы охотиться на барсуков. По-немецки порода называется *дахсхунд*: «дахс» — это по-немецки «барсук». Видите? Их форма позволяет им преследовать барсука в норе.

— О, — сказал Понтер. — Э-э… простите меня, пожалуйста.

Женщина немного смягчилась.

— Вот *пудели*, — сказала она с презрительным фырканьем, — это действительно не пойми что.

* * *

По прошествии некоторого времени Корнелиус Раскин уже не мог отрицать, что чувствует себя

как-то иначе — и что это началось значительно быстрее, чем он считал возможным. Сидя в своём пентхаузе в трущобах, он скармливал Гуглу запрос за запросом; его результаты улучшились после того, как он узнал, что в медицине кастрация называется орхиэктомией, и когда он начал целенаправленно исключать из выборки слова «собака», «кот» и «лошадь».

Он быстро обнаружил на веб-сайте Плимутского университета схему, озаглавленную «Влияние кастрации и замещения тестостерона на сексуальное поведение самцов», на которой показывалось быстрое ослабление такого поведения у кастрированных морских свинок…

Но Корнелиус — человек, а не животное! Наверняка ведь то, что верно для грызунов, неверно для…

Прокрутив страницу, он обнаружил на ней работу исследователей Хейма и Харша, из которой следовало, что 50 % кастрированных насильников «прекращают демонстрировать сексуальное поведение вскоре после кастрации — схожий эффект обнаружен у крыс».

Конечно, когда он сам был студентом, феминистки в один голос утверждали, что изнасилование — это насильственное, а не сексуальное

преступление. Но нет. Корнелиус, имея в этом деле совсем не праздный интерес, прочитал книгу Торнхилла и Палмера «Естественная история изнасилования: биологические основы сексуального принуждения», когда она вышла из печати в 2000. Базируясь на эволюционной психологии, книга обосновывала идею о том, что изнасилование — это на самом деле репродуктивная стратегия — сексуальная стратегия — для…

Корнелиус терпеть не мог думать о себе в таких терминах, но знал, что такова правда: для самцов, не обладающих достаточной силой и статусом, чтобы размножаться обычным способом. То, что он этого статуса был несправедливо лишён, ничего не меняло; факты были таковы, что статуса у него не было, и получить он его не мог — по крайней мере, в академических кругах.

Он по-прежнему ненавидел ту политику, благодаря которой его держали в чёрном теле. Эксперт по древней ДНК из него был не хуже, чем из Воган — он работал в Оксфорде, чёрт подери, в Центре изучения древних биомолекул!

Это было несправедливо, от начала до конца — как дебильные «компенсации за рабство», когда людей, которые сами не сделали ничего плохого, просят отслюнить немалые деньги людям, чьи

давно умершие *предки* безвинно пострадали. Почему Сорнелиус должен страдать из-за половой дискриминации при приёме на работу, практиковавшейся поколения назад?

Он ненавидел всё это долгие годы.

Но сейчас…

Сейчас…

Сейчас же он просто злился; и впервые за всё время, что он мог вспомнить, он, кажется, держит свой гнев под контролем.

Нет сомнений в том, *почему* ярость теперь гораздо меньше душит его. Хотя так ли это? В конце концов, прошло не так уж и много времени с тех пор, как Понтер отстриг ему яйца. Мог ли Корнелиус почувствовать эффект так скоро?

Ответ, очевидно, был утвердительным. Продолжив шарить по сети, он наткнулся на статью в газете «Нью Таймс» из Сан-Луис-Обиспо с интервью Брюса Клотфелтера, который двадцать лет провёл за решёткой за растление малолетних, прежде чем подвергнуться химической кастрации. «Это просто чудо, — сказал Клотфелтер. — На следующее утро я осознал, что проспал ночь без этих ужасных сексуальных сновидений, что мучили меня многие годы».

На следующее утро…

Господи, какой же у тестостерона период полураспада? Несколько нажатий клавиш, щелчков мышкой, и вот он ответ: «Период полураспада свободного тестостерона в крови составляет всего несколько минут», сообщил один сайт; другой говорил о примерно десяти минутах.

Дальнейшие изыскания привели его на Геосити, на страницу человека, родившегося мужчиной и подвергшегося кастрации без гормональной терапии до или после операции. Он сообщал следующее:

> «Четыре дня после кастрации… похоже, что ожидание зелёного света на светофоре и другие мелкие неприятности уже не так сильно раздражают меня…
>
> Через шесть дней после кастрации я вышел на работу. День выдался чрезвычайно напряжённый… но я сохранял спокойствие до самого его окончания. Я уверен, что это следствие кастрации, и без тестостерона определённо чувствую себя лучше.
>
> Через десять дней после кастрации я чувствую себя пёрышком, летящим по ветру. Мне становится всё лучше и луч-

ше. Спокойствие стало для меня самым сильным эффектом кастрации, за ним следует снижение либидо.»

Немедленный эффект.

Ощутимый эффект в течение суток.

Эффект, заметный через несколько дней.

Корнелиус знал — *знал!* — что мысль о том, что Понтер с ним сделал, должна приводить его в ярость.

Но ему было всё труднее испытывать ярость по какому бы то ни было поводу.

Глава 10

В пытливом духе, что заставил других наших предков храбро вести свои лодки за горизонт, открывая новые земли в Австралии и Полинезии…

Открыть новый межмировой портал в штаб-квартире Объединённых Наций хотели по одной весьма веской причине. Существующий портал находился в 1,2 километра по горизонтали от ближайшей точки глексенского подъёмника, и в трёх километрах от ближайшего лифта на барастовской стороне.

На то, чтобы перебраться с поверхности этого мира на поверхность того, у Мэри и Понтера ушло около двух часов. Сначала они надели каски и бахилы и спустились на шахтном подъёмнике в шахту «Крейгтон». На касках имелись встроенные фонарики и опускающиеся звуконепроницаемые протекторы для ушей.

Мэри взяла с собой два чемодана, и Понтер сейчас нёс их без видимых усилий, по одному в руке.

Большую часть пути они проделали в обществе

пятерых горняков, которые вышли на уровне непосредственно над тем, на который спускались Понтер и Мэри. Мэри этому даже обрадовалась — ей всегда было не по себе в этом подъёмнике. Он напоминал ей о том, как они с Понтером спускались на нём в первый раз, и она, чувствуя себя ужасно неловко, пыталась объяснить ему, почему она тогда не смогла ответить на его ухаживания, несмотря на свой очевидный интерес к нему.

Они вышли на уровне 6800 футов и начали долгий пеший переход к расположению нейтринной обсерватории. Мэри никогда особо не любила физические упражнения, но Понтеру сейчас приходилось даже хуже, чем ей, поскольку температура так глубоко под землёй постоянно держалась на уровне 41 градуса Цельсия — невыносимом для неандертальца.

— Как же я буду рад снова попасть домой, — говорил Понтер. — Снова на воздух, которым я могу дышать!

Мэри понимала, что он имеет в виду не враждебную атмосферу глубинной шахты. Понтер говорит о воздухе мира, где не жгут ископаемое топливо, запах которого терзает его массивный нос практически в любом месте этой Земли, хотя он и утверждал, что в сельской местности, к

примеру, у Рубена дома, его, в принципе, можно терпеть.

Мэри вспомнила песенку из телевизионного шоу, которое любила смотреть, когда была ребёнком:

Дышать!
Кутить!
Кто главный тут?!
Прощай, городской уют![127]

Она надеялась, что приживётся в мире Понтера лучше, чем Лиза Дуглас в Хутервилле. Но она ведь не просто покидает мир, населённый шестью миллиардами душ и поселяется в мире, где живёт лишь сто восемьдесят пять миллионов… миллионов *людей*; она не может говорить про барастов «столько-то душ», потому что они не считают, что обладают таковыми.

В день, когда они уезжали из Рочестера, у Понтера было интервью на радио; на неандертальцев, где бы они ни оказались, всегда был высокий

---

[127] notes: 127

Песенка из заставки американского телесериала 1960-х «Зелёные просторы» («Green Acres») о семейной паре, переехавшей из Нью-Йорка в деревню. Муж, Оливер Дуглас, полон решимости начать новую жизнь на селе, тогда как его жена, Лиза, скучает по жизни в большом городе. Перевод по локализации канала СТС.

спрос в качестве гостей различных шоу. Мэри с интересом слушала, как Боб Смит с «WXXI», местного отделения «Пи-би-эс», расспрашивал Понтера о неандертальских верованиях. Смит уделил немало времени неандертальской практике стерилизации преступников. И теперь, когда они брели по длинному грязному туннелю, эта тема вдруг всплыла в её памяти.

— Да, — сказала Мэри в ответ на вопрос Понтера, — ты держался отлично, но…

— Но что?

— Ну, те вещи, которые ты говорил — про стерилизацию людей. Я…

— Да?

— Прости, Понтер, но я не могу этого принять.

Понтер посмотрел на неё. На нём была особая оранжевая каска, одна из тех, что руководство шахты заказало специально под форму неандертальской головы.

— Почему?

— Это… это бесчеловечно. Да, я думаю, именно это слово здесь к месту. Человеческие существа просто не должны творить такое.

Понтер некоторое время молчал, глядя на пустые стены штрека, покрытые металлической сеткой для предотвращения обвалов.

— Я знаю, что на этой версии Земли многие не верят в эволюцию, — сказал он, наконец, — но те, кто верит, должны понимать, что процесс эволюции человека — как вы это называете? — забуксовал. Поскольку медицинские технологии дают возможность дожить до репродуктивного возраста практически каждому, перестаёт действовать… я не знаю, как это у вас называется.

— «Естественный отбор», — сказала Мэри. — Конечно, я понимаю это; без селективного выживания генов эволюция невозможна.

— Именно, — сказал Понтер. — А ведь именно эволюция сделала нас теми, кто мы есть, превратила четыре изначальные, базовые формы жизни в то разнообразие сложных организмов, что мы наблюдаем сегодня.

Мэри пристально посмотрела на Понтера.

— *Четыре* изначальные формы жизни?

Понтер моргнул.

— Ну да.

— Какие именно? — спросила Мэри, подумав, что, возможно, она наткнулась-таки на признаки лежащего в основе мировоззрения Понтера креационизма: может быть, эти четверо — неандер-Адам, неандер-Ева, партнёр неандер-Адама и партнёрша неандер-Евы?

— Первые растения, животные, грибы и — я не знаю, как по-вашему — группа, включающая некоторые виды плесени и водорослей.

— Протисты или протоктисты — смотря кого спрашивать.

— Так вот, каждая из них возникла из первичного добиологического материала независимо.

— Вы нашли доказательства этого? — спросила Мэри. — Мы-то считаем, что жизнь в нашем мире возникла лишь однажды, где-то четыре миллиарда лет назад.

— Но эти четыре типа жизни настолько различны… — сказал Понтер, но потом пожал плечами. — Впрочем, это ты — генетик, а не я. Цель нашего путешествия как раз и состоит в том, чтобы встретиться с нашими специалистами в этих вопросах, так что не забудь спросить кого-нибудь из них и об этом тоже. Один из вас — не знаю, кто именно — похоже, узнает от другого много нового.

Мэри не переставала удивляться тому, как неандертальская наука и наука её Земли умудряются не совпадать в таком количестве фундаментальных вещей. Но она не хотела уклоняться от более важной в данный момент проблемы, которая…

Более важной проблемы. Интересно, подумала

Мэри, что моральную дилемму она считает более важной, чем базовый научный факт.

— Мы говорили о прекращении эволюции. Ты сказал, что твой вид продолжает эволюционировать, поскольку сознательно выпалывает плохие гены.

— «Выпалывает»? — недоумённо повторил Понтер. — А-а, сельскохозяйственная метафора. Да, ты права. Мы продолжаем улучшать наш генофонд, избавляясь от нежелательных признаков.

Под ногой Мэри хлюпнула лужа грязной воды.

— Я *могла бы* в это поверить — но вы стерилизуете не только преступников, а также их ближайших родственников.

— Конечно. Иначе нежелательные гены сохранятся.

Мэри покачала головой.

— И вот этого я не могу вынести. — Хак пискнул. — Вынести, — повторила Мэри. — Стерпеть. Примириться.

— Почему?

— Потому что… потому что это *неправильно*. У личности есть права.

— Разумеется, есть, — сказал Понтер, — но и у вида тоже. Мы защищаем и улучшаем барастов как вид.

Мэри внутренне содрогнулась. И, похоже, не только внутренне, потому что Понтер сказал:

— Ты негативно отреагировала на то, что я только что сказал.

— Ну, — сказал Мэри, — просто в нашем прошлом многие слишком часто заявляли, что занимаются тем же самым. В 1940-х Адольф Гитлер пытался вычистить из нашего генофонда евреев.

Понтер слегка склонил голову, должно быть, слушая, как Хак напоминает ему через кохлеарные импланты о том, кто такие евреи. Мэри представила, как миниатюрный компьютер говорит: «Ты помнишь — те, что оказались не такими легковерными и не поверили в историю об Иисусе».

— Почему он захотел это сделать? — спросил Понтер.

— Потому что ненавидел евреев, только и всего, — ответила Мэри. — Разве ты не видишь? Давать кому-то власть решать, кому жить, а кому умереть, или кто может продолжить род, а кто нет — это играть в Бога.

— «Играть в Бога», — повторил Понтер, словно выражение показалась ему замечательно оригинальным. — Очевидно, такое понятие не могло

прийти нам в голову.

— Но возможности для коррупции, для несправедливости…

Понтер развёл руками.

— Но ведь вы убиваете некоторых преступников.

— Мы — нет, — ответила Мэри. — В смысле, не в Канаде. В Америке — да, в некоторых штатах.

— Да, я слышал, — сказал Понтер. — Более того, я слышал, что в этом есть расовый подтекст. — Она посмотрел на Мэри. — Знаешь, ваши расы безмерно меня интригуют. Мой народ приспособлен к северным широтам, так что мы все живём примерно на одной широте, но на разной долготе — я так думаю, именно поэтому мы все более-менее одинаковые. Я правильно полагаю, что тёмный цвет кожи связан с адаптацией к жизни вблизи экватора?

Мэри кивнула.

— А те… как вы их называете? Эти штуки над глазами, как у Пола Кириямы?

Мэри понадобилось несколько мгновений, чтобы вспомнить, кто такой Пол Кирияма — аспирант, который вместе с Луизой Бенуа спасал Понтера, когда тот тонул в ёмкости с тяжёлой водой в Нейтринной обсерватории Садбери. Ещё

пара секунд ушла на то, чтобы вспомнить название того, о чём спрашивает Понтер.

— Кожная складка, которая закрывает часть глаза у азиатов? Эпикантус.

— Точно. Эпикантус. Полагаю, что она защищает глаза от прямых лучей, но у моего народа есть надбровный валик, выполняющий ту же функцию, так что у нас подобный признак не мог развиться.

Мэри медленно кивнула, больше себе, чем Понтеру.

— Знаешь ли, в интернете и в газетах гуляет множество слухов по поводу того, что могло случиться с другими вашими расами. Люди полагают, что… в общем, что с вашей практикой чистки генетического пула вы попросту вычистили другие расы.

— У нас никогда не было других рас. Хотя учёные и посещают местности, которые вы называете Африкой и Центральной Америкой, постоянно там никто не живёт. — Он поднял руку. — А в отсутствие рас у нас, очевидно, не могло быть расовой дискриминации. В отличие от вас: у вас расовые признаки коррелируют с вероятностью быть казнённым за серьёзное преступление, не так ли?

— Чёрных приговаривают к смерти чаще, чем белых, это правда. — Мэри не стала добавлять «особенно если жертвой был белый».

— Вероятно, из-за того, что у нас никогда не было подобного разделения, идея стерилизации целого сегмента человечества по произвольному признаку никогда не приходила нам в голову.

Им навстречу шли двое шахтёров. Они откровенно пялились на Понтера, хотя женщины здесь, должно быть, тоже были нечастыми гостями. Когда они прошли мимо, Мэри продолжила:

— Но даже в отсутствие видимых расовых различий должно существовать желание отдать преимущество своим родственниками перед теми, кто тебе не родня. Это родственный отбор, и он широко распространён в животном мире. Не могу представить себе, чтобы неандертальцы составляли исключение.

— Исключение? Вряд ли. Однако вспомни, что наши семейные отношения более… скажем так, более замысловатые, чем у вас и, если на то пошло, у большинства животных. Мы являемся звеньями бесконечной цепи партнёров и партнёрш, а поскольку в нашей системе Двое становятся Одним лишь на время, то у нас нет трудностей с установлением отцовства, которые

так беспокоят ваш вид. — Он замолчал, затем улыбнулся. — Кстати, о ценах на чай в Китае: у нас вашу практику казни или лишения свободы на десятки лет считают более жестокой, чем наши стерилизация и судебный надзор.

Мэри понадобилось какое-то время, чтобы вспомнить, что такое «судебный надзор»: постоянный просмотр передач импланта-компаньона, так что всё, что поднадзорный говорит и делает, немедленно становится известным.

— Не знаю, — сказала Мэри. — Как я уже говорила, я практикую контрацепцию, которую моя религия напрямую запрещает, так что нельзя сказать, что я против любых способов предотвращения зачатия. Но… но не позволять невиновным людям размножаться — это неправильно.

— Ты готова принять стерилизацию самого преступника, но не его детей, братьев, сестёр или родителей в качестве альтернативы казни либо лишению свободы?

— Наверное. Я не знаю. При определённых обстоятельствах, возможно. Если приговорённый сам этого хочет.

Золотистые глаза Понтера удивлённо расширились.

— Ты готова позволить изобличённому лицу

самому выбирать себе наказание?

Мэри почувствовала, как ёкнуло сердце. Было ли это канцелярское «лицо» попыткой Хака передать гендерно-нейтральное местоимение, существующее в языке барастов, но не в английском, или Понтер таким образом дегуманизирует преступника?

— Да, в ряде обстоятельств я бы дала преступнику возможность выбора из нескольких возможных видов наказания, — сказала она, вспоминая о том, как отец Калдикотт позволил ей самой выбрать себе епитимью, когда она исповедовалась в последний раз.

— Но ведь очевидно, — сказал Понтер, — что в некоторых случаях уместно лишь одно наказание. Например, за…

Понтер вдруг замолчал.

— Что? — спросила Мэри.

— Нет, ничего.

Мэри нахмурилась.

— Ты имел в виду изнасилование.

Понтер долго молчал, уперев взгляд в грязный каменный пол, по которому они шагали. Мэри подумала было, что обидела его предположением, что он настолько бестактен, что завёл разговор на такую чувствительную тему, но когда

он, наконец, заговорил, его слова стали для неё полнейшей неожиданностью.

— На самом деле, — сказал он, — я имел в виду не изнасилование вообще. — Он посмотрел на неё, потом снова уставился в пол; фонарик на каске осветил мешанину отпечатавшихся в гряди следов. — Я имел в виду *твоё* изнасилование.

Сердце Мери встревожено затрепетало.

— Что ты имеешь в виду?

— Я… у нас, среди моего народа, не принято таить от партнёров секретов, и всё-таки…

— Да?

Он повернулся и посмотрел вдоль тоннеля назад, словно желая убедиться, что рядом никого нет.

— Есть нечто, о чём я тебе не рассказал — о чём я не рассказал никому, кроме…

— Кроме кого? Адекора?

Но Понтер покачал головой.

— Нет. Нет, он тоже об этом не знает. Единственный, кто знает — мой соплеменник по имени Журард Селган.

Мэри задумалась.

— Я не помню, чтобы ты упоминал это имя раньше.

— Я не упоминал, — сказал Понтер. — Он… он

скульптор личности.

— Кто? — переспросила Мэри.

— Э-э… он работает с теми, кто хочет изменить свой… состояние своих мыслей.

— Ты хочешь сказать, психиатр?

Понтер наклонил голову, прислушиваясь к тому, что говорил Хак через кохлеарные импланты. Компаньон наверняка проделывал этимологический разбор предложенного Мэри термина; кстати говоря, «психе» — это ближайшая аппроксимация «души», доступная неандертальцам.

— Да, похожий специалист.

Мэри почувствовала, как деревенеет спина, но не замедлила шага.

— Ты ходишь к психиатру? Из-за моего изнасилования? — Она думала, он всё понял, чёрт его дери. Да, самцы Homo sapiens известны тем, что после изнасилования начинают смотреть на супругу другими глазами, задумываясь, а не было ли в случившемся доли вины женщины, не желала ли она этого втайне…

Но Понтер…

Она считала, что Понтер способен понять!

Некоторое время они шагали в молчании, освещая путь фонариками на каске.

Если задуматься, то Понтер и правда стремился

узнать все подробности об изнасиловании Мэри. В полицейском участке Понтер схватил запечатанный пакет с уликами по изнасилованию Кейсер Ремтуллы, разорвал его и обнюхал, что позволило ему идентифицировать насильника как одно из коллег Мэри, Корнелиуса Раскина.

Мэри взглянула на Понтера, на его массивный силуэт на фоне скальной стены.

— Я не виновата, — сказала Мэри.

— Что? — переспросил Понтер. — Да, я знаю.

— Я этого не хотела. Я не просила об этом.

— Да, да, я понимаю.

— Тогда зачем ты ходишь к… к этому «скульптору личности»?

— Я больше к нему не хожу. Просто…

Понтер замолчал, и Мэри снова посмотрела на него. Он склонил голову вбок, слушая Хака, и через мгновение едва заметно кивнул — сигнал предназначался компаньону, а не ей.

— Просто *что*? — спросила Мэри.

— Ничего, — ответил Понтер. — Прости, что вообще заговорил об этом.

И ты меня прости, подумала Мэри. Они продолжали шагать сквозь тьму.

Глава 11

В пытливом духе, который тысячу лет назад привёл викингов в Северную Америку, и который пятьсот лет назад гнал «Пинту», «Нинью» и «Санта-Марию» через Атлантику…

Добравшись до расположения Нейтринной обсерватории Садбери, Понтер и Мэри прошли через опутанные трубопроводами и заставленные огромные ёмкостями помещения к пультовой. В ней было пусто: прибыв на эту Землю в первый раз, Понтер разрушил ёмкость с тяжёлой водой — основную деталь нейтринного детектора, а работы по ей восстановление были прерваны повторным открытием портала и установлением контакта.

Они вошли в помещение над детекторной камерой, и через люк в полу — эта часть маршрута была для Мэри самой неприятной — спустились по длинной лестнице на платформу, установленную в шести метрах над дном камеры. Платформа находилась вровень с краем деркеровой трубы — устойчивой к сминанию решётчатой

конструкции, вдвинутой в портал с той стороны.

Мэри остановилась на краю деркеровой трубы и заглянула в неё. Внутри труба была вдвое длиннее, чем снаружи, и на другой стороне она могла разглядеть жёлтые стены вычислительной камеры, находящейся уже на той, другой версии Земли.

Они предъявили паспорта находящимся здесь канадским военным — Понтер получил такой, когда неандертальским эмиссарам было присвоено канадское гражданство.

— После вас, — сказал Понтер Мэри — деталь этикета, которую он подхватил уже здесь. Мэри сделала глубокий вдох и вошла в трубу, которая теперь, когда она оказалась внутри неё, была шестнадцати метров в длину и шести в диаметре. Проходя через середину её длины, Мэри увидела сквозь прозрачный материал трубы кольцо мерцающего синего света. Она также видела тени, отбрасываемые пересекающимися металлическими сегментами, которые не давали трубе схлопнуться. Снова глубоко вдохнув, Мэри быстро прошла сквозь плоскость разрыва, обозначенную синим свечением, ощутив, как по телу от груди к спине пробежала волна статического электричества.

И вот она уже *там* — в неандертальском мире.

Не выходя из трубы, Мэри повернулась назад, к идущему следом Понтеру. Она видела, как светлые волосы Понтера разлохматились при проходе через плоскость разрыва; как у большинства неандертальцев, в естественном состоянии его волосы разделялись пробором точно посередине его длинного черепа.

Убедившись, что он прошёл, Мэри повернулась и продолжила путь к неандертальскому краю трубы.

И вот они здесь, в мире, отпочковавшемся от мира Мэри 40000 лет назад. Они оказались внутри вычислительной камеры, которую она видела с той стороны — огромного помещения, заполненного рядами регистровых ёмкостей. Квантовый компьютер, спроектированный Адекором Халдом для выполнения программ, разработанных Понтером Боддетом, был построен для факторизации чисел неизмеримо бóльших, чем любые, факторизовавшиеся до сих пор; случившийся при этом прокол в иную вселенную был совершенно непредвиденным побочным эффектом.

— Понтер! — послышался низкий мужской голос.

Мэри вскинула взгляд. Адекор — партнёр Пон-

тера — сбегал вниз по пяти ступеням, что вели из помещения пультовой.

— Адекор! — воскликнул Понтер. Он бросился ему навстречу, и двое мужчин обнялись, а потом лизнули друг друга в лицо.

Мэри отвела взгляд. Разумеется, при нормальных обстоятельствах — если это слово вообще приложимо к её жизни в этом мире — одновременно Понтера и Адекора она будет видеть очень редко; когда Двое станут Одним, Адекор будет проводить время со своей собственной партнёршей и маленьким сыном.

Но сейчас Двое порознь, так что здесь и сейчас Понтеру полагается быть со своим партнёром.

Тем не менее, через пару секунд мужчины разжали объятия, и Понтер повернулся к Мэри.

— Адекор, ты ещё не забыл Мэре?

— Конечно, — ответил Адекор, улыбаясь очень искренней улыбкой шириной не меньше фута. Мэри попыталась изобразить подобную же искреннюю радость, пусть и поменьше размером.

— Привет, Адекор, — сказала она.

— Мэре! Ужасно рад тебя видеть!

— Спасибо.

— Но что привело тебя сюда? Двое ещё не стали Одним.

Вот оно. Предъявление прав; пометка территории.

— Я знаю, — ответила Мэри. — В этот раз я приехала надолго. Я буду изучать неандертальскую генетику.

— Вот как, — сказал Адекор. — Уверен, Лурт тебе в этом поможет.

Мэри слегка склонила голову — хоть у неё и не было компаньона, к объяснениям которого она могла бы прислушаться. Была то простая любезность, или Адекор напоминал, что ей понадобится помощь неандертальской женщины, которая, разумеется, живёт в Центре города, вдалеке от Понтера и Адекора?

— Я знаю, — снова сказала Мэри. — Буду рада пообщаться с ней снова.

Понтер повернулся к Адекору.

— Мэре заедет ненадолго к нам, — сказал он, — чтобы взять кое-что, что ей понадобится для длительного пребывания. После этого мы вызовем транспортный куб, и он отвезёт её в Центр.

— Отлично, — ответил Адекор. Он посмотрел на Мэри, потом снова на Понтера. — То есть, ужинать мы сегодня будем вдвоём?

— Конечно, — ответил Понтер. — Конечно.

* * *

Мэри полностью разделась — она уже не так стеснялась наготы в этом мире, где отсутствовали религии с навязанными ими табу — и прошла процесс деконтаминации калибруемыми лазерами — когерентными лучами с такой длиной волны, что они проходят сквозь её плоть, уничтожая все инородные молекулы в её организме. В её родном мире похожие приборы уже использовались для лечения многих инфекционных заболеваний. К сожалению, опухоли состоят из клеток самого пациента, так что этот процесс не может излечивать рак, в частности, лейкемию, забравшую жену Понтера Класт два года назад.

Хотя нет, не «забравшую». Это глексенский термин, эвфемизм, неявно подразумевающий, что она куда-то ушла, что было неправдой, по крайней мере, согласно воззрениям людей этого мира. Сам Понтер сказал бы, что она перестала существовать.

И не «жену Понтера». Неандертальский термин звучит как *ят-дежа* — «женщина-партнёр». Будучи в мире неандертальцев, Мэри всерьёз пыталась думать неандертальскими категориями — это помогало привыкать к различиям.

Лазеры плясали по телу Мэри, пронзая его насквозь, пока над дверью не зажёгся светящийся квадрат, сигнализирующий о том, что процедура завершена. Мэри вышла и принялась переодеваться в неандертальскую одежду, пока деконтаминацию проходил Понтер. Появившись в мире Мэри в первый раз, он заболел лошадиной чумкой — у всех Homo sapiens иммунитет к этой болезни, но у Homo neanderthalensis он отсутствует. Процедура деконтаминация гарантировала, что они не несут с собой бактерии Streptococcus equii или любые другие опасные микробы или вирусы; каждый, проходящий через портал, был обязан подвергнуться этой процедуре.

* * *

Никто не стал бы жить там, где жил Корнелиус Раскин, будь у него хоть какой-нибудь выбор. Дрифтвуд — опасный район, полный криминала и наркотиков. Единственный положительный момент для Корнелиуса состоял в том, что отсюда до кампуса Йоркского университета можно легко дойти пешком.

Он вызвал лифт и спустился на тринадцать этажей в запущенный вестибюль своего дома. Всё же, несмотря ни на что, он чувствовал некую…

нет, не любовь, конечно, это было бы слишком, но некую благодарность этому месту. В конце концов, жизнь в шаговой доступности от университета экономила ему затраты на машину, на оплату водительской страховки и разрешения на парковку в кампусе — или $93.50, которые он бы тратил на месячный проездной.

Сегодня был прекрасный день; на синем небе ни облачка. На Корнелиусе был коричневый замшевый пиджак. Он пошёл по дороге мимо магазинчика с забранными решётками окнами. В этом магазине была гигантская стойка с порножурналами и пыльными консервными банками. Здесь Корнелиус обычно покупал сигареты; к счастью, у него дома нашлось полблока «Дюморье»[128].

Добравшись до кампуса, Корнелиус пошёл по дорожке вдоль здания одного из общежитий. Повсюду кишели студенты: некоторые всё ещё в футболках, другие уже в свитерах. Он подумал, что мог бы раздобыть тестостероновые заместители в университете. Он мог бы выдумать генетический проект, в котором они бы требовались постоянно. Ради этого одного стоило

---

[128] notes: 128

Канадская марка сигарет, названная в честь сэра Джеральда дю Морье, британского актёра, отца писательницы Дафны Дюморье.

вернуться на работу, но…

Но в Корнелиусе и правда что-то изменилось. Во-первых, кошмары, наконец, прекратились, и он слова спал, как бревно. Вместо того, чтобы час или два лежать без сна, ёрзая и ворочаясь, злясь на всё, что в его жизни пошло не так, на все свои ошибки, на то, что в его жизни никого нет — вместо того, чтобы лежать и мучиться всем этим, он теперь засыпал, едва коснувшись головой подушки, крепко спал всю ночь и просыпался отдохнувшим и свежим.

Правда, какое-то время ему не хотелось вылезать из постели, но теперь он, похоже, справился с этим. Он чувствовал себя… нет, не энергичным, не готовым к ежедневной борьбе за выживание. Нет, он ощущал то, чего не помнил уже много лет, с летних дней своего детства, когда он был свободен от школы, от школьных забияк, от ежедневных тумаков.

Корнелиус Раскин ощущал *покой*.

— Здравствуйте, доктор Раскин, — произнёс бойкий мужской голос.

Корнелиус обернулся. Это был один из его студентов с курса эукариотной генетики — Джон, Джим… что-то вроде; парень говорил, что хочет преподавать генетику. Корнелиусу хотелось

сказать несчастному дурню немедленно бросить эту идею; в наши дни в сфере образования нет хорошей работы для белых мужчин. Но вместо этого он выдавил из себя улыбку и сказал:

— Привет.

— Здорово, что вы вернулись! — сказал студент, удаляясь в противоположном направлении.

Корнелиус продолжил свой путь по дорожке между широким газоном с одной стороны и парковкой с другой. Разумеется, он знал, куда идёт: в Фаркуарсон-билдинг. Но раньше он никогда не замечал, насколько забавно звучит это название: сегодня же он подумал о Чарли Фаркуарсоне, деревенском увальне, которого много лет играл Дон Хэррон сначала на радио CFRB, а потом в американском сериале «Хии-Хоо». Корнелиус покачал головой; он всегда был слишком… слишком *какой-то*, подходя к этому зданию, чтобы такие праздные мысли просачивались на поверхность сознания.

Он шёл на автопилоте, его ноги шагали по знакомому до мелочей маршруту. Но внезапно, толчком, он осознал, что подошёл к…

Это место не имело названия, и даже в мыслях он не наделял его никаким именем. Но это было оно: две подпорные стены, смыкающиеся под

прямым углом, далеко от фонарных столбов, прикрытые разросшимися кустами. Это было то место, где он прижимал к стене двух разных женщин. Здесь он показал Кейсер Ремтулле, кто *на самом деле* главный. И здесь же он отымел Мэри Воган.

Бывало, Корнелиус специально проходил мимо этого места, даже при свете дня, чтобы поднять себе дух напоминанием о том, что по крайней мере некоторое время он был боссом. Часто один только вид этого места вызывал у него бурную реакцию, но сейчас между ног ничего даже не шелохнулось.

Стены были покрыты граффити. Та же причина, по которой это место избрал Корнелиус, влекла сюда мастеров баллончика с краской и влюблённые парочки, желающие увековечить свои отношения, так же, как…

Он давно их стёр, но когда-то, целые эпохи назад, их с Мелоди инициалы также красовались на этой стене, обведённые стилизованным мультяшным сердечком.

Корнелиус прогнал от себя это воспоминание, снова оглядел это место, и повернулся к нему спиной.

Сегодня слишком хороший день, чтобы идти на

работу, подумал он, направляясь обратно домой. День казался ещё прекрасней и ярче.

Глава 12

В пытливом духе, который поднял в воздух Орвилля и Уилбура Райтов[129], *Амелию Эрхарт* [130] *и Чака Йегера*[131]*…*

Когда Мэри и Понтер вышли из здания Дебральской никелевой шахты, Мэри была потрясена тем, что снаружи темно, хотя по часам была ещё середина дня. Она посмотрела вверх и ахнула.

— Боже! Никогда не видела столько птиц!

Огромная туча птиц пролетала над ними, в буквальном смысле затмевая солнце. Многие из них кричали что-то вроде «Кек-кек-кек».

— Правда? — удивился Понтер. — У нас это распространённый вид.

— Да я вижу! — воскликнула Мэри. Она продолжала вглядываться в небо. — Господи, — сказала она, разглядев розоватые тела и сине-серые головы. — Да это же пассажирские голуби!

---

[129] notes: 129
Изобретатели первого реально летающего аэроплана.

[130] notes: 130
Первая женщина-пилот, перелетевшая на самолёте Атлантику.

[131] notes: 131
Первый пилот, преодолевший звуковой барьер.

— Сомневаюсь, чтобы они смогли поднять пассажира[132], — сказал Понтер.

— Нет-нет. Просто мы их так называем. Так, или *Ectopistes migratorius*. Я хорошо их знаю, я работала над извлечением их ДНК.

— Я заметил отсутствие этих птиц ещё когда в первый раз к вам попал. Они у вас тоже вымерли?

— Да.

— По вине глексенов?

Мэри кивнула.

— Да. — Она пожала плечами. — Мы истребили их всех.

Понтер покачал головой.

— Неудивительно, что вам пришлось освоить эту штуку — сельское хозяйство. Мы называем эту птицу — Хак, не переводи следующее слово — *кедрат*. Они очень вкусны, и мы часто их едим.

— В самом деле? — переспросила Мэри.

Понтер кивнул.

— Да. Пока будешь здесь, я уверен, ты попробу-

---

[132] notes: 132

Английское название этих птиц — passenger pigeon, или «пассажирский голубь». Изначально название птицы происходило от французского слова passager — «проходить мимо», но потом было переосмыслено. В других языках (в том числе и французском) птица называется странствующим/мигрирующим/перелётным голубем в соответствии с латинским названием вида.

ешь их не раз.

Как только Хак восстановил связь с планетарной инфосетью, Понтер велел ему вызвать транспортный куб, который сейчас как раз полным ходом приближался к ним. Он был размером примерно с внедорожник, но двигался с помощью двух больших вентиляторов, установленных под днищем и в задней части, и трёх меньших для маневрирования. Куб был почти полностью прозрачен и содержал четыре седлокресла, одно из которых занимал водитель, худой мужчина 146-го поколения.

Транспортный куб замедлился и опустился на землю. Бóльшая часть его боковой грани откинулась вверх, открывая доступ внутрь. Понтер взобрался на одно из задних седлокресел, Мэри устроилась на соседнем. Понтер что-то коротко сказал водителю, и куб поднялся в воздух. Мэри смотрела, как водитель орудует двумя рычагами, поворачивая куб и направляя его к дому Понтера.

Перед тем, как покинуть здание шахты, Мэри пристегнула к руке временный компаньон; все глексены, посещающие неандертальский мир, обязаны были носить такое устройство, которое следило бы за всеми их действиями и передавало

бы информацию в архив алиби. Но проклятая штука *зудела*. Мэри запустила под компаньон шариковую ручку, которая у неё оказалась с собой, и попыталась почесать ею руку.

— Постоянные компаньоны тоже такие неудобные? — спросила она Понтера.

— Я вообще не ощущаю присутствия Хака, — ответил Понтер. После паузы он добавил: — Кстати, раз уж об этом зашла речь…

— Да?

— Временного компаньона хватает только на двадцать дней или около того — они ведь получают энергию от батарей, а не от химических процессов в твоём собственном теле. Хотя, конечно, уж тебе-то в замене не откажут.

Мэри улыбнулась. Она всё ещё привыкала к тому, что к ней относились по-особому просто из-за того, что она — *та самая* Мэри Воган.

— Нет, — сказала она. — Нет, я думаю, я должна установить постоянный.

Понтер широко улыбнулся.

— Спасибо, — сказал он. Но потом, видимо, для того, чтобы не осталось никаких сомнений, добавил: — Только ты должна помнить, что постоянный — это именно *постоянный*. Удалить его после установки будет очень трудно, и такая

операция может серьёзно повредить мышцы и нервы предплечья.

Мэри кивнула.

— Я понимаю. Но я также понимаю, что без постоянного компаньона я никогда не стану здесь своей.

— Спасибо, — снова сказал Понтер с теплотой в голосе. — Компаньон какого типа тебе бы хотелось?

Мэри рассматривала раскинувшийся вокруг первозданный ландшафт — обнажения коренных пород среди не знавшего топора леса.

— Что, прости?

— Ты можешь установить стандартную модель компаньона. Или, — Понтер поднял левую руку и повернул внутреннюю сторону предплечья к Мэри, — ты можешь выбрать компаньон как у меня, с полноценным искусственным интеллектом.

Мэри вскинула брови.

— Я даже не задумывалась об этом.

— Интеллектуальные компаньоны пока есть лишь у немногих, — сказал Понтер, — хотя я ожидаю, что в будущем они станут популярными. Тебе, несомненно, будут полезны вычислительные мощности продвинутой модели; они понадобятся для функций синхронного перевода.

Однако тебе решать, какие ещё функции в него включить.

Мэри посмотрена на компаньон Понтера. Внешне, разумеется, он ничем не отличался от десятков других, которые она уже успела увидеть — за исключением, конечно, золотого компаньона Лонвеса Троба. Но она знала, что внутри этой коробочки живёт Хак.

— Каково это, — спросила Мэри, — иметь интеллектуального компаньона?

— О, это не так ужасно, как может показаться, — ответил голос Хака из внешнего динамика. — Я уже начинаю привыкать к этому здоровяку.

Мэри рассмеялась, не столько от самой шутки, сколько от её неожиданности.

Понтер закатил глаза — мимический жест, который он перенял у Мэри.

— И так всё время, — сказал он.

— Я не уверена, что готова к такому, — сказала Мэри, — чтобы кто-то каждую секунду был со мной. — Мэри задумалась. — А Хак на самом деле… ну, мыслит?

— В каком смысле? — не понял Понтер.

— Ну, я знаю, что вы не верите в душу; я знаю, что вы считаете свой собственный разум абсолютно предсказуемой программой, выполняемой

аппаратным обеспечением вашего мозга. Но, всё-таки — мыслит ли Хак *по-настоящему*? Осознаёт ли себя?

— Интересный вопрос, — сказал Понтер. — Хак, что скажешь?

— Я знаю о факте своего существования.

Мэри пожала плечами.

— Но… но, я не знаю, скажем, есть ли у тебя собственные желания или стремления?

— Я желаю быть полезным Понтеру.

— И всё?

— И всё.

Вау, подумала Мэри. *Кольму следовало бы жениться на одном из них.*

— Что будет с тобой — Понтер, извини — что будет с тобой, когда Понтер умрёт?

— Я получаю энергию от биохимических и биомеханических процессов в его теле. В течение нескольких децидней после его смерти я прекращу функционировать.

— Это не беспокоит тебя?

— Вместе с Понтером исчезнет цель моего существования. Нет, это меня не беспокоит.

— Интеллектуальный компаньон очень полезен, — сказал Понтер. — Я сомневаюсь, что сумел бы сохранить рассудок, когда впервые попал в

ваш мир, если бы не Хак.

— Я не знаю, — сказала Мэри. — Просто это… прости меня, Хак… это как-то… жутковато. А можно его потом проапгрейдить? Ну, то есть, начать с базовой функциональности, а искусственный интеллект добавить как-нибудь потом?

— Конечно. У моего компаньона изначально тоже не было интеллекта.

— Может быть, так и надо сделать, — сказала Мэри. — Хотя…

Нет. Нет, она пытается стать здесь своей, и для этой цели компаньон, который может давать объяснения и советы, будет весьма полезен.

— Нет, давай уж со всем фаршем.

— Я… прости, не понял?

— В смысле, я хочу мыслящий компаньон, как Хак.

— Ты не пожалеешь об этом решении, — сказал Понтер. Он посмотрел на Мэри с улыбкой гордости на лице. — Ты не первый глексен, посетивший этот мир, — сказал он, и это была правда. Первой была либо женщина из Лабораторного центра контроля заболеваний в Оттаве, либо другая женщина, из Центра по контролю и профилактике заболеваний в Атланте; Мэри не знала, которая из них первой прошла через

портал. — Однако, — продолжал Понтер, — ты станешь первым глексеном, установившим себе постоянный компаньон — первым, ставшим одним из нас.

Мэри посмотрела сквозь прозрачную стену транспортного куба на прекрасный осенний пейзаж.

И улыбнулась.

* * *

Водитель высадил их на массиве солнечных батарей, которые выполняли также функцию посадочной площадки у дома Понтера и Адекора. Дом был выращен методом древокультуры, и его центральная часть представляла собой полый ствол массивного лиственного дерева. Мэри уже видела дом Понтера, но тогда его листва ещё не начала менять цвет. Сейчас он выглядел просто изумительно.

Внутреннее освещение обеспечивалось химическими реакциями, идущими внутри проложенных вдоль стен прозрачных трубок. Собака Понтера Пабо выскочила навстречу поприветствовать их. Мэри уже привыкла к её волчьей внешности и наклонилась почесать животное за ухом.

Потом она оглядела круглую гостиную.

— Как жаль, что я не могу остаться здесь, — сказала она с сожалением.

Понтер подошёл к ней, и она обняла его, положив голову ему на плечо. Всё равно четыре дня с Понтером — это лучше, чем весь месяц с Кольмом.

Когда бы она ни вспоминала про Кольма, в голове сразу всплывала затронутая им тема — тема, о которой Мэри, по-видимому, подсознательно заставляла себя не думать, пока Кольм её не упомянул.

— Понтер, — тихо сказала Мэри, ощущая, как его грудь поднимается и опускается в такт дыханию.

— Да, женщина, которую я люблю?

— В следующем году, — сказала Мэри, пытаясь говорить настолько нейтральным тоном, насколько возможно, — будет зачато новое поколение.

Понтер немного отстранил Мэри и внимательно посмотрел на неё, медленно приподнимая бровь.

— *Ка,* — ответил он.

— Может быть, и нам завести ребёнка?

Понтер выпучил глаза.

— Я даже не думал о такой возможности, — сказал он, наконец.

— Потому что у нас разное число хромосом, да? Конечно, это серьёзное препятствие, но ведь должны быть способы его обойти. И, в общем, Джок ведь послал меня изучать неандертальские генетические технологии. И в процессе я могла бы поискать способы, с помощью которых можно бы было как-то объединить наши ДНК и произвести ребёнка.

— В самом деле?

Мэри кивнула.

— Конечно, оплодотворение можно провести in vitro.

Хак загудел.

— В пробирке. Вне тела.

— А, — сказал Понтер. — Я удивлён, что ваша система верований допускает такой процесс, запрещая многое другое, связанное с репродукцией.

Мэри пожала плечами.

— Ну, на самом деле Римская Католическая Церковь не разрешает оплодотворение in vitro. Но я хочу ребёнка. Я хочу ребёнка *от тебя*. И я не вижу, что плохого в том, чтобы чуть-чуть помочь природе в этом. — Она опустила взгляд. — Но

я знаю, что у тебя уже двое детей. Возможно… возможно, ты не хочешь становиться папой в третий раз?

— Я *всегда* буду папой, — сказал Понтер, — до самой смерти. — Мэри вскинула глаза и обрадовалась, увидев, что Понтер смотрит прямо на неё. — Я не задумывался о ещё одном ребёнке, но…

Мэри чувствовала, будто вот-вот лопнет. До этого момента она и не подозревала, насколько сильно хочет, чтобы Понтер ответил «да».

— Но что? — спросила она.

Понтер пожал своими массивными плечами — они двигались медленно, тяжело, будто перемещая на себе тяжесть целого мира.

— Но мы верим в нулевой прирост населения. У нас с Класт уже двое детей; они заменят нас, когда мы умрём.

— Но у Адекора и Лурт всего один ребёнок, — сказала Мэри.

— Ага, Даб. Но они ещё могут попытать счастья в следующем году.

— Они на самом деле планируют это сделать? Ты говорил об этом с Адекором? — Мэри не понравились прорезавшиеся в её голосе нотки отчаяния.

— Нет, не говорил, — ответил Понтер. — Думаю, я мог бы коснуться этой темы, но даже если они не станут пробовать снова, Серый совет…

— Чёрт возьми, Понтер, меня тошнит от Серого совета! Тошнит от этих правил и положений. Тошнит от того, что кучка стариков контролирует твою жизнь.

Понтер взглянул на Мэри; его бровь удивлённо взлетела вверх.

— Их, знаешь ли, избирают. Устанавливаемые ими правила — это правила, которые мой народ установил для себя.

Мэри глубоко вздохнула.

— Я знаю. Прости. Это просто… просто, это должно быть только наше с тобой дело, хотим ли мы ребёнка.

— Ты права, — согласился Понтер. — Собственно, у некоторых людей в нашем мире больше двух детей. Близнецы не так уж редки: у моего ближайшего соседа сыновья-близнецы. Да и женщине не так уж редко удаётся зачать трижды — в девятнадцать, в двадцать девять и тридцать девять лет.

— *Мне* тридцать девять. Почему бы не попробовать?

— Найдутся те, кто скажет, что такой ребёнок

будет *неестественным*, — ответил Понтер.

Мэри огляделась. Потом села на край растущего из стены дивана и хлопнула ладонью рядом с собой, приглашая Понтера присоединиться. Понтер тоже сел.

— Там, откуда я пришла, — сказала Мэри, — многие считают, что когда двое мужчин… как это сформулировала Луиза, когда мы гостили у Рубена? «Нежно соприкасаются гениталиями»? Так вот, многие мои соплеменники считают, что *это* тоже неестественно. — Лицо Мэри словно окаменело. — Но они неправы. Я не знаю, могла бы я это сказать с полной уверенностью до того, как попала сюда, но сейчас я могу. — Она кивнула, больше для себя самой, чем для Понтера. — Мир — *любой* мир — гораздо лучше, когда живущие в нём люди любят друг друга, когда заботятся друг о друге, и, пока речь идёт о добровольных отношениях между взрослыми людьми, это никого не касается, кроме них самих. Мужчина и женщина, или два мужчины, или две женщины — это всё *естественно*, если между ними любовь. Глексенка и бараст — это *тоже* естественно, если они любят друг друга.

— Мы любим друг друга, — сказал Понтер, беря крошечную руку Мэри в свои массивные лапи-

щи. — И всё же есть много людей и в моём мире, и в твоём, которые будут возражать против того, чтобы у нас был ребёнок.

Мэри невесело кивнула.

— Да, я знаю. — Она вздохнула длинно и печально. — Вот, к примеру, Рубен — чёрный.

— Я бы сказал, скорее тёмно-коричневый. — Понтер улыбнулся. — Довольно приятный оттенок, кстати.

Но Мэри не хотелось шутить.

— А Луиза Бенуа — белая. В моём мире до сих пор полно людей, которые возражают против того, чтобы чёрные мужчины имели отношения с белыми женщинами. Но они неправы, неправы, неправы. Так же, как и те, кто станет возражать против того, чтобы мы были вместе и у нас были дети. Они тоже неправы, неправы, неправы.

— Конечно, я согласен с тобой, только…

— Только что? Ничто не будет лучшим символом синергии между нашими мирами и нашей любви друг к другу, чем наш общий ребёнок.

Понтер заглянул Мэри в глаза; его золотистые радужки возбуждённо подрагивали.

— Ты права, любовь моя. Совершенно права.

Глава 13

В пытливом духе, заставившем смельчаков вроде Юрия Гагарина, Валентины Терешковой и Джона Гленна, оседлав столбы пламени, достичь околоземной орбиты…

Каждую неделю Джок Кригер делал обзор публикаций, посвящённых неандертальцам, как напечатанных в ста сорока журналах, на которые была подписана «Синерджи», так и собранных и обработанных различными компаниями-агрегаторами печатных, теле- и радионовостей. В текущей груде материала оказались: препринт интервью с Лонвесом Тробом для «Популярной механики»; серия из пяти статей в «Сан-Франциско Кроникл» о том, как повлияют неандертальские технологии на фирмы Кремниевой долины; появление бегуна Жалска Лаплана в передаче «Мир спорта» на канале «Эй-Би-Си»; редакционная статья в «Миннеаполис Стар Трибьюн», в которой говорилось, что Тукана Прат должна получить Нобелевскую премию мира за то, что она нашла способ предотвратить разрыв контакта

между двумя мирами; спецвыпуск CNN, в котором Карл Вентнер беседует с Борлом Кадасом, главой неандертальского аналога Проекта «Геном человека»; документальный фильм «Эн-Эйч-Кей» о фактах и вымысле о неандертальцах; новый релиз фильма «Борьба за огонь» с аудиокомментариями неандертальского палеоантрополога; новое исследование Министерства обороны о проблемах безопасности в связи с межмировыми порталами.

Луиза Бенуа также спустилась в бывшую гостиную старого особняка, служившего теперь штаб-квартирой «Синерджи Груп», чтобы ознакомиться с материалами за неделю. Она читала статью в «Нью-Сайентист», которая задавалась вопросом о том, почему неандертальцы одомашнили собаку, хотя их собственное обоняние по меньшей мере ничем не уступает собачьему, из чего следует, что собаки практически ничего не добавляют к их охотничьим способностям. Она прервала чтение, когда Джок Кригер громко вздохнул.

— Что с вами? — спросила Луиза, глядя на него поверх журнала.

— Да тошнит уже от этого, — объяснил Джок, указывая на груду журналов, газетных вырезок,

магнитофонных лент и видеокассет. — Надоело до смерти. «Неандертальцы — более мирный народ, чем мы». «Неандертальцы берегут природу в отличие от нас». «Неандертальцы свободны от предрассудков и суеверий». Да почему, чёрт возьми, так?

— Вы правда хотите узнать? — улыбнувшись, спросила Луиза. Она порылась в стопке журналов и выудила из неё «Маклинз». — Читали гостевую передовицу?

— Нет ещё.

— Она о том, что неандертальцы ближе к канадцам, а глексены — к американцам.

— И что же это должно означать?

— Автор говорит, что неандертальцы верят в ценности, отстаиваемые Канадой: социализм, пацифизм, защита природы, гуманизм.

— О Боже, — сказал Джок.

— Да ладно, — ответила Луиза. — Я слышала, как вы говорили Кевину, что согласны с Патом Бьюкененом, называвшим мою страну «Советским Канакистаном».

— Канадцы — тоже глексены, доктор Бенуа.

— Не все, — ответила Луиза. — Понтер — гражданин Канады.

— Не думаю, что пресса из-за этого так хорошо

их принимает. Это извечный журналистский левый уклон.

— Нет, я так не думаю, — ответила Луиза, откладывая журнал. — Настоящая причина того, что неандертальцы так хороши, в том, что их мозг больше нашего. Объём неандертальского черепа на десять процентов больше, чем у нас. Нашего мозга едва хватало на то, чтобы продумать ситуацию на один ход вперёд: если мы сделаем копья получше, то убьём больше животных. Но без по-настоящему серьёзного усилия мы не способны увидеть следующий ход: если мы убьём слишком много животных, то их не останется, и мы умрём с голоду. Неандертальцы же, похоже на то, догадались об этом в самый первый день.

— Почему же это мы их победили здесь, на этой Земле?

— Потому что у нас было сознание — истинное самосознание — которого у них не было. Помните мою теорию: вселенная расщепилась на две, когда впервые появилось сознание. В одной ветви его имели мы и только мы. В другой — они и только они. Разве удивительно, что вопреки разнице в объёме мозга в каждой временной линии одержали верх существа, обладающие сознанием? Но теперь мы сравниваем мыслящих

существ в объёмом черепа в 1400 кубических сантиметров, и таких же мыслящих существ, но с черепом в 1500 см^3. — Она улыбнулась. — Мы всё время ждали появления пришельцев с большими мозгами, и вот они появились. Только не с Альфы Центавра, а из мира по соседству.

Джок задумался.

— Большой мозг не обязательно означает более развитый разум.

— Нет, не *обязательно*. И всё же IQ[133] среднего Homo sapiens равен 100 — в силу самого определения IQ. И его значения распределены по Гауссу: для каждого с IQ 130 обязательно найдётся кто-то с IQ 70. Но представьте себе, что у них средний IQ был 110 вместо наших 100 — ещё до того, как они начали чистить свой генетический пул. Эта разница может вылиться в огромные различия.

— Вы сказали «распределены по Гауссу». Я чи-

[133] notes: 133

Intellectual Quotient — «коэффициент интеллекта», одна из методик оценки умственных способностей.

тал ту книгу[134], и…

— О, книга — полная чушь. Средний IQ расовых групп становится попросту одинаковым, если учесть фактор недостаточного питания. Вы же знакомы с моим другом Рубеном Монтего? Он доктор медицины, и он чёрный. Если бы «Кривая Гаусса» была права, он был бы невероятной редкостью, но это, разумеется, не так. В прошлом неравенство было вызвано экономическими и социальными барьерами на пути чёрных к образованию, а не врождённой отсталостью.

— Вы хотите сказать, что наша отсталость по сравнению с неандертальцами врождённая?

Луиза пожала плечами.

— В том, что физически мы от них отстаём, сомнений нет, я полагаю? Почему так трудно принять и умственную отсталость?

Джок скривился.

— Ну, если это так сформулировать… — Но потом он покачал головой. — И всё-таки меня это бесит. Когда я работал в «RAND», мы всё своё

---

[134] notes: 134

The Bell Curve — книга американского психолога Ричарда Хернстейна, изданная в 1994 году, в которой он пытается показать наличие существенной разницы в умственных способностях представителей различных расовых групп. «Bell Curve» — «колоколообразная кривая» — разговорное англоязычное название нормального распределения Гаусса. По состоянию на 2014 год на русский язык книга не переводилась.

время тратили на то, чтобы перехитрить противника, равного нам по интеллекту. О, иногда у них было преимущество в материальной части, а иногда — у нас, но мы никогда не исходили из допущения, что одна сторона фундаментально *сообразительнее* другой. Но здесь…

— Мы не пытаемся перехитрить неандертальцев, — сказала Луиза. Потом добавила, вскинув бровь: — Или пытаемся?

— Что? Нет-нет. Конечно, нет. Не говорите глупостей.

* * *

— Ребёнок? — переспросила Лурт Фрадло, уперев руки в широкие бёдра. — Вы с Понтером хотите завести ребёнка?

Мэри скромно улыбнулась. Понтер остался дома, а она транспортным кубом добралась до дома Лурт в Центре Салдака.

— Ага.

Лурт развела руки и крепко обняла Мэри.

— Здорово! — воскликнула она. — Просто здорово!

Мэри почувствовало, как вдруг расслабилось всё её тело.

— Я думала, ты не одобришь.

— С чего бы это? — удивилась Лурт. — Понтер — замечательный человек, и ты — замечательный человек. Вы будете отличными родителями. — Он помолчала. — Прости, я не знаю твой возраст, а с глексенами у меня не получается на глаз.

— Мне тридцать девять лет, — сказала Мэри. — Где-то пятьсот двадцать месяцев.

Лурт посерьёзнела.

— Нам в таком возрасте обычно тяжело забеременеть.

— Нам тоже, хотя у нас есть лекарства и другие методы, которые могут помочь. Но есть одна небольшая проблемка…

— О?

— Да. У барастов, как у тебя или Понтера, двадцать четыре пары хромосом. У глексенов вроде меня только двадцать три.

Лурт нахмурилась.

— Это сильно затруднит оплодотворение.

Мэри кивнула.

— О, да. Я вообще не думаю, что это возможно в ходе полового акта.

— Но вы всё же продолжайте пытаться! — засмеявшись, сказала Лурт.

Мэри тоже улыбнулась.

— Никаких шансов. Но я надеялась найти

способ как-то скомбинировать мою ДНК и ДНК Понтера. Одна из хромосом моего вида образовалась путём слияния двух хромосом нашего общего предка. Генетическое содержание последовательностей ДНК очень похоже, только у Homo sapiens оно всё собрано в одной длинной хромосоме, а у Homo neanderthalensis — в двух покороче.

Лурт медленно кивнула.

— И ты надеешься одолеть эту проблему?

— Такая была идея. Я думаю, это можно сделать даже с технологиями, которыми мой народ уже владеет, только это очень сложно. Но ваш народ продвинулся гораздо дальше моего во многих областях. Вот я и подумала: может быть, ты знаешь какого-нибудь эксперта в этой области?

— Мэри, ты мне очень нравишься, но как тебе удаётся всё время куда-то вступать?

— В каком смысле?

— Решение твоей проблемы существует — *идеальное* решение. Но…

— Но что?

— Но оно запрещено.

— Запрещено? Почему?

— Из-за опасности, которую оно несёт нашему образу жизни. Есть такая женщина-генетик, по

имени Вессан Леннет. До недавнего времени она жила в Кралдаке.

— Это что?

— Город в 350000 саженей к югу отсюда. Но четыре месяца назад она ушла.

— Ушла из Кралдака? — переспросила Мэри.

Но Лурт покачала головой.

— Ушла *отовсюду*.

Мэри вскинула брови.

— О Боже — ты хочешь сказать, она убила себя?

— Что? Нет, она жива. По крайней мере, скорее всего — с ней невозможно связаться.

Мэри указала на левое предплечье Лурт.

— Ей нельзя позвонить?

— Нет. Я про это и говорю. Вессан ушла из нашего общества. Выдрала из руки компаньон и ушла жить в безлюдную местность.

— Почему она это сделала?

— Вессан была талантливым генетиком, и она разработала прибор, который Верховный Серый совет не одобрил. Местный Верховный Серый даже звонил мне и спрашивал моего мнения. Я не хотела, чтобы её исследования запрещали, но Верховный Серый совет посчитал, что у него нет иного выбора, принимая во внимание, что

сотворила Вессан.

— Господи, ты говоришь так, будто она изобрела какое-то генетическое оружие!

— Что? Нет, конечно нет. Она не сумасшедшая. Прибор, который изобрела Вессан — это… это «кодонатор», думаю, так его можно назвать. Его можно запрограммировать на выдачу любой последовательности дезоксирибонуклеиновой или рибонуклеиновой кислоты, какую только можно вообразить, вместе с соответствующими им белками. Всё, что ты можешь придумать, кодонатор Вессан может произвести.

— Правда? Вау! Это звучит как жутко полезная штука.

— Слишком полезная, по мнению Верховного Серого совета. Видишь ли, помимо многих других вещей он позволяет производить… я не уверена, есть ли у вас термин: полукомплекты хромосом, существующие в половых клетках.

— Гаплоидный набор, — сказала Мэри. — Двадцать три — прости, двадцать четыре хромосомы, которые находятся в яйцеклетке.

— Точно.

— И в чём проблема? — спросила Мэри.

— В нашей системе правосудия, — ответила Лурт. — Не понимаешь? Когда мы стерилизуем

преступника и его ближайших родственников, мы предотвращаем производство ими гаплоидных наборов хромосом; таким образом они становятся неспособными к размножению. Но кодонатор Вессан может позволить стерилизованному преступнику обойти наложенное на него наказание и передать свои гены следующему поколению, просто запрограммировав прибор на производство хромосом, содержащих его собственную генетическую информацию.

— И из-за этого прибор был запрещён?

— Именно, — сказала Лурт. — Верховный Серый совет приказал остановить исследования — и Вессан взбесилась. Сказала, что не может быть частью общества, подавляющего знание, и ушла.

— То есть… то есть, Вессан живёт на самообеспечении?

Лурт кивнула.

— Это не так сложно. В юности мы все проходим практику и приобретаем необходимые навыки.

— Но… но скоро ведь наступит глубокая зима.

— Ну, она наверняка построила себе хижину или какое другое убежище. В любом случае, кодонатор Вессан — это то, что тебе нужно. Был построен лишь один прототип, прежде чем Верховный Серый совет его запретил. Разумеется,

обычно у нас ничего не пропадает — компаньоны всё видят и записывают. Однако Вессан забрала прибор уже после того, как удалила свой компаньон, и без свидетелей. Прототип, скорее всего, существует до сих пор, и это, без сомнения идеальный инструмент для того, чтобы произвести такого гибридного ребёнка, которого ты хочешь.

— Если только я его отыщу, — сказала Мэри.

— Именно, — согласилась Лурт. — Если только ты его отыщешь.

Глава 14

В пытливом духе, благодаря которому «Игл» и «Колумбия», «Интрепид» и «Янки Клипер», «Водолей» и «Одиссей», «Антарес» и «Кити-Хок», «Фэлкон» и «Индевор», «Орион» и «Каспер», «Челленджер» и «Америка»[135] *брали курс на Луну…*

Установку Мэри постоянного компаньона должен был произвести неандертальский доктор. Перед операцией Мэри вернулась в здание над Дебральской никелевой шахтой, где ей по прибытии пристегнули временный компаньон, потому что застёжки можно было открыть только здесь. После этого в сопровождении двоих плотных неандертальских принудителей Мэри отвезли в больницу в Центре Салдака.

Хирург, женщина по имени Корбонон, была из поколения 145, примерно одного с Мэри возраста. Корбонон обычно занималась лечением сложных переломов, таких, какие можно получить в результате чрезвычайно неудачной охоты; в

[135] notes: 135

Позывные орбитального и посадочного модулей экспедиций программы «Аполлон».

знании мускулатуры и нервных тканей с ней не мог сравниться никто.

— Это будет довольно непросто, — предупредила Корбонон. Временный компаньон лежал рядом на маленьком столике, подключённый к внешнему источнику питания; он не был пристёгнут к Мэри, но выполнял для неё перевод через внешний динамик. Корбонон, очевидно, не привыкла к тому, чтобы её речь переводилась; она говорила громко, как будто Мэри могла понимать неандертальскую речь. — Ваша рука не так мускулиста, как рука бараста, из-за чего фиксация компаньона может быть проблематичной. Однако я вижу, что всё, что я слышала о глексенских пропорциях, правда: предплечье и плечо у вас одинаковой длины, и это даёт нам большую площадь для закрепления.

— Я считала, что это рутинная операция, — сказала Мэри.

Бровь Корбонон была светлого, слегка рыжеватого цвета. Она взмыла вверх.

— Рутинная? Нет, если речь идёт о вживлении первого компаньона взрослому человеку. Конечно, когда компаньоны только появились почти тысячу месяцев назад, почти все они вживлялись взрослым людям, однако хирурги, которые это

делали, уже давно все умерли. Нет, в наши дни такая операция выполняется очень редко — в основном, когда человек теряет руку вместе с имплантом, установленным в детстве.

— Ах, — сказала Мэри. Она полулежала в чём-то, что отдалённо напоминало зубоврачебное кресло со стременами — по-видимому, многоцелевая операционная платформа. Её левая рука лежала на маленьком столике, который высовывался из бока кресла. Внутренняя часть руки была протёрта чем-то, что явно не было спиртом — это была розовая жидкость с кислым запахом, по-видимому, также служащая для дезинфекции. И всё же Мэри была неприятно удивлена тем, что Корбонон не надела маску.

— Наши хирурги обычно закрывают нос и рот специальной тканью, — пожаловалась Мэри.

— Зачем? — спросила Корбонон.

— Чтобы не заразить пациента, и чтобы пациент не заразил их.

— С таким же успехом я могла бы работать вслепую! — заявила Корбонон.

Мэри уже собралась спросить, что она имеет в виду, но тут до неё дошло: острое обоняние неандертальцев составляло важную часть их восприятия.

— А что вы используете в качестве анестетика? — спросила Мэри. Впервые она порадовалась, что здесь не было Понтера. Зная его чувство юмора, она представляла, как бы он отреагировал. «Анестетик? А что это такое?», а потом, после некоторой паузы, конечно же «Шучу». Она и без того достаточно нервничала.

— Мы используем нервный прерыватель, — ответила Корбонон.

— Правда? — переспросила Мэри; учёный в ней снова вышел на первый план, несмотря на беспокойство по поводу предстоящей операции. — Мы пользуемся химическими агентами.

Хирург кивнула.

— Раньше мы тоже их использовали, — сказала она, — но им нужно время, чтобы подействовать, время, чтобы выветриться, и их действие трудно локализовать. Кроме того, разумеется, у некоторых людей на химические анестетики аллергия.

— Ещё одна технология, которую мой народ несомненно захочет купить, — сказала Мэри. Над ней склонилась вторая женщина — Мэри ничего не знала о барастовской медицинской иерархии, но она, должно быть, была медсестрой или ещё одним доктором, или занимала положение, которому в глексенском мире не было аналога.

Так или иначе, она обернула вокруг предплечья Мэри под самым локтем эластичную металлизированную ленту; другую такую же укрепила над самым запястьем. Потом, к удивлению Мэри, она взяла нечто, больше всего напоминающее толстый фломастер, и принялась рисовать сложную комбинацию линий, соединяющих две ленты. Вместо чернил фломастер испускал что-то вроде жидкого металла. Но он не был горяч и быстро высыхал, приобретая матовый блеск. Цвет был другой, но общее впечатление было как от шоколадного сиропа для мороженого, который быстро затвердевает коркой.

— Что вы делаете? — спросила Мэри.

Женщина с маркером не ответила. Однако хирург сказала:

— Она отмечает нервные стволы в вашем предплечье. Линии образуют электрические соединения между двумя дестабилизаторами.

Через несколько минут вторая женщина кивнула, по-видимому, самой себе, и отошла в сторону к небольшой консоли. Она вытянула несколько контрольных штырьков, и Мэри ощутила, как предплечье онемело.

— Вау! — воскликнула она.

— Всё в порядке, — сказала Корбонон. — При-

ступаем.

И прежде чем Мэри осознала, что происходит, она подошла ближе и сделала на руке Мэри длинный надрез вдоль лучевой кости. Мэри чуть не вырвало, когда наружу хлынула кровь, залив маленький столик, который, как она отметила, имел по краям небольшое возвышение.

Мэри была шокирована — и испугалась того, что у неё *случится* шок. В её мире доктора предпринимают все меры для того, чтобы не дать больному увидеть, как над его собственным телом производится операция. Но здесь, казалось, об этом никто и не думал. Возможно, необходимости убивать для себя еду, пусть даже лишь время от времени, было достаточно для того, чтобы быстро излечиться от излишней брезгливости. Мэри проглотила подступивший к горлу комок и попыталась успокоиться; на самом деле крови было не так уж и много… ведь правда?

Интересно, как они делают полостные операции? Глексенские доктора работают с пациентом, лицо которого скрыто и обнажено лишь небольшое операционное поле. А как принято у барастов? Ведь главная цель всего этого состоит вовсе не в том, чтобы не заляпать пациента кровью. Как рассказывал Мэри один из её знакомых ме-

диков, это своего рода психологическая помощь хирургу — чтобы помочь ему сосредоточиться на непосредственной проблеме и не думать о том, что вторгаешься со своим скальпелем во вместилище чьей-то души. Но барасты в отсутствие картезианского дуализма[136] и с их безразличием к виду льющейся крови, возможно, в такой помощи не нуждались.

Корбонон поместила в разрез несколько похожих на пружины синих предметов, предназначенных, по-видимому, для той же цели, что и хирургические щипцы — чтобы удерживать рану открытой. Другие маленькие прищепочки и штуковинки были прикреплены к артериям, венам и нервам. Мэри ясно видела внутренности своей руки сквозь разрез, рассёкший подкожный жир и мясо до лоснящейся сероватой поверхности лучевой кости.

Секунду спустя вторая женщина — та, что рисовала на руке Мэри отключающие нервы линии — также подключилась к операции. Доктора у барастов носили жёлтые безрукавки и длинные

[136] notes: 136

Дуализм души и тела, точка зрения, согласно которой сознание (дух — нематериальный ресурс) и материя (физическое тело — материальный ресурс) представляют собой две взаимодополняющие и равные по значению субстанции.

синие перчатки, закрывавшие руку до локтя и выше; Мэри подумала, что они, должно быть, не хотят, чтобы кровь брызгала на их покрытые волосом руки.

Вторая женщина взяла новый компаньон Мэри и освободила его от стерильной упаковки. Вид лицевой панели был Мэри уже хорошо знаком, но обратной стороны она никогда до сих пор не видела. Она была рельефной, как топографическая модель, с возвышенностями, углублениями и бороздками, в которые, по-видимому, укладывались кровеносные сосуды. Мэри с тревожным интересом следила за тем, как её лучевая артерия — любимый сосуд самоубийц — оказалась перерезана. Её тут же зажали с обеих сторон, но не раньше, чем столбик крови длиной по меньшей мере в фут оказался выплеснут наружу.

Мэри вздрогнула и подумала о том, каким образом Вессан Леннет, создательнице кодонатора, удалось самостоятельно удалить свой компаньон; это, похоже, невероятно трудно.

Корбонон теперь орудовала лазерным скальпелем, похожим на тот, которым Мэри самой пришлось воспользоваться, когда Понтера подстрелили возле здания ООН. Концы лучевой артерии оказались подсоединены к двум отвер-

стиям на задней части корпуса компаньона. Мэри знала, что у компаньона нет собственного источника питания: он получает энергию от идущих в теле носителя процессов. Что же, энергия артериального кровотока — источник энергии не хуже прочих; должно быть, в компаньон была встроена миниатюрная гидроэлектростанция — или в данном случае следует говорить «сангвиноэлектростанция»?

Мэри всё собиралась отвернуться — она всегда торопилась переключиться на другой канал всякий раз, как натыкалась на сериал «Операция» на Учебном канале. Но всё это оказалось ужасно интересно. И она продолжала смотреть, как заканчивают установку компаньона, как прижигают кровеносные сосуда, как края разреза скрепляются микровспышками лазера. Наконец, края компаньона были обмазаны похожим на замазку герметиком, по-видимому, ускоряющим заживление.

Оставшаяся часть операция — установка в уши двух кохлеарных имплантов — была совсем простой, или, возможно, Мэри так показалось из-за того, что она не могла наблюдать за процессом.

Наконец, всё закончилось. Руку Мэри отмыли от крови, с лицевой панели компаньона убрали

защитную плёнку, а кохлеарные импланты отрегулировали и откалибровали.

— Готово, — сказала Корбонон, потянув за бусину контрольного штырька на панели компаньона. Всего таких бусин там было шесть, все разных цветов.

— Привет, Мэри, — произнёс синтезированный голос. Он звучал будто бы в самой середине её головы, в точности между ушами. Голос был неандертальского типа — глубокий, резонирующий, вероятно, женский — но звук «и» он произносил безупречно: очевидно, эту проблему уже успели решить.

— Привет, — ответила Мэри. — Э-э… как я тебя должна называть?

— Как пожелаешь.

Мэри задумалась.

— Как насчёт «Кристина»? — Кристиной звали Мэрину младшую сестру.

— Неплохо, — сказал голос у неё в голове. — Конечно, если передумаешь, то можешь переименовать меня когда угодно, и так часто, как захочешь.

— Хорошо, — ответила Мэри. Потом добавила: — Я вижу, ты правильно произносишь все звуки?

— Да. Я также умею пользоваться аббревиатурами.

Мэри сделала восхищённое лицо.

— Надо же! Компаньон Понтера не умел.

— Это не особенно сложно запрограммировать, — ответила Кристина, — когда известна базовая концепция.

Внезапно Мэри ощутила, как кто-то тронул её за плечо. Разговаривая с компаньоном, она совершенно перестала обращать внимание на внешний мир: интересно, наклонила ли она голову так, как обычно делает Понтер; приходит это само собой, или этому надо учиться — как форме вежливости, способу дать окружающим знать, что ты в данный момент занят другим.

— Итак, — сказала Корбонон, улыбаясь Мэри, по-прежнему сидящей в операционном кресле. — Я так понимаю, ваш компаньон заработал?

В первый раз Мэри услышала перевод так, как слышит его Понтер — не через внешнее ухо, а когда слова словно бы распускаются прямо внутри головы. Компаньон оказался прекрасным имитатором; хотя английские слова несли на себе печать какого-то едва уловимого акцента — как будто в исполнении Уильяма Шетнера, но произносились они голосом, очень похожим на голос

самой Корбонон.

— Ага, точно, — сказала Мэри — и как только она замолчала, внешний динамик компаньона издал звуки, которые Мэри опознала как перевод её реплики на неандертальский: — *Ка пан ка*.

— Значит, всё в порядке, — сказала Корбонон, улыбаясь. — Мы закончили.

— Мой компаньон уже ведёт передачу в архив алиби?

— Да, — ответила Корбонон, и Кристина, переведя сказанное ей «Ка», добавила от себя «Передача ведётся».

Мэри встала с кресла, поблагодарила хирурга и её коллегу и удалилась. Выйдя в вестибюль этого медицинского учреждения, она обнаружила там четверых мужчин-неандертальцев, у каждого из которых, по всей видимости, была сломана рука или нога. Один из них был облачён в серебристые одежды эксгибициониста. Мэри, рассудив, что уж он-то не станет обижаться на расспросы, подошла к нему и спросила:

— Что случилось?

— С нами? — уточнил эксгибиционист. — Как обычно: охотничьи ранения.

Мэри вспомнила Эрика Тринкауса и его наблюдение о том, что древние неандертальцы имели

следы травм, схожих с теми, что ковбои получают на родео.

— На кого вы охотились? — спросила она.

— На лося, — ответил эксгибиционист.

Мэри была разочарована тем, что это оказался не какой-нибудь зверь поэкзотичнее.

— И он того стоил? — спросила она. — В смысле, переломов?

Эксгибиционист пожал плечами.

— Лосятина того стоила. Не будешь же есть одних только голубей и бизонов.

— В таком случае, — сказала Мэри, — надеюсь, вас быстро залатают.

— О, не сомневайтесь, — с улыбкой ответил эксгибиционист.

Мэри попрощалась и вышла из больницы под предвечернее солнце; возможно, её разговор с эксгибиционистом станет гвоздём программы.

И вдруг она осознала: она только что находилась в одном помещении с четырьмя незнакомыми мужчинами, и вместо того, чтобы терять голову от ужаса, как дома, в своём мире, даже после установления личности её насильника, она не почувствовала ни малейшего беспокойства. Наоборот, она подошла к одному из мужчин и мило с ним побеседовала.

Она изумлённо уставилась на своё левое предплечье, на компаньон — на Кристину. То, что каждое твоё движение записывается, казалось абстрактным знанием до того, как ей установили постоянный компаньон. Но теперь она осознала, насколько он *освободил* её. Здесь она была в безопасности. О, вокруг неё по-прежнему могло быть много злонамеренных людей, но они даже пытаться не станут как-то ей навредить… потому что это никогда не сойдёт им с рук.

Мэри могла попросить Кристину вызвать ей транспортный куб, который отвёз бы её к Лурт, но стоял такой прекрасный день, что она решила пройтись пешком. И, снова, впервые в этом мире, она обнаружила, что запросто встречается взглядом с другими неандертальцами, словно они были её добрыми соседями, словно она была на своём месте, словно она оказалась *дома*.

Глава 15

В вулканическом пепле Лаэтоли сохранились отпечатки ног самца и самки австралопитеков, общих предков глексенов и барастов, которые шли рядом, никуда не торопясь, осматриваясь и изучая окрестности: первый маленький шаг первых гоминидов. Людские следы остались также в море Спокойствия и Океане Бурь, на Фра Мауро и в борозде Хэдли, в Декарте и Тавр-Литтрове[137] на Луне — следы поистине гигантских скачков…

После операции Мэри чувствовала себя смертельно усталой, и когда она добралась до дома Лурт, то тут же уснула. Она проспала остаток дня в выложенном подушками квадратном углублении в полу, служившем местным жителям постелью, и проснулась лишь когда Лурт вернулась с работы двумя деци позже.

— Оцени! — похвасталась Мэри своим новым компаньоном.

---

[137] notes: 137
Места высадки экспедиций программы «Аполлон».

Почти все компаньоны одинаковы на вид, но Лурт явно догадалась, что Мэри напрашивается на комплимент.

— Он миленький, — сказала она.

— Симпатяшка, правда? — согласилась Мэри. — Только это не он, а она. Её зовут Кристина.

— Здравствуйте, — сказал синтезированный голос из динамика Кристины.

— Кристина, — сказала Мэри, — это учёная Лурт Фрадло. Она партнёрша Адекора Халда, партнёра моего… — Мэри запнулась в поисках верного термина, потом, пожав плечами, продолжила: — …моего друга учёного — и посланника — Понтера Боддета.

— Здравый день, учёная Фрадло, — сказала Кристина.

— Здравый день, — ответила Лурт. — Можешь называть меня Лурт.

— Спасибо, — сказал компаньон.

Лурт сделала глубокий вдох, по-видимому, анализируя феромоны.

— Гинралд ещё не приходила. — Гинралд была партнёршей Лурт.

— Нет, — ответила Мэри. — Даб и Каратал тоже. — Даб был сыном Лурт и Адекора Халда; Каратал была дочерью Гинралд и её партнёра.

Лурт кивнула.

— Хорошо. Тогда мы можем поговорить. Сложились некие обстоятельства, которые нам надо обсудить.

— Да?

Но Лурт молчала, по-видимому, не зная, как начать.

— Я сделала что-то не так? — спросила Мэри. — Я чем-то вас обидела? — Она знала, что этот мир полон культурных различий, но она делала всё возможное, чтобы во всём следовать советам Лурт.

— Нет-нет, — ответила Лурт. — Ничего такого. — Она жестом пригласила Мэри куда-нибудь присесть. Мэри уселась на диван, а Лурт устроилась на стоящем рядом седлокресле. — Это о твоём месте жительства.

Мэри кивнула. Ну конечно.

— Я загостилась? — спросила она. — Прости.

Лурт подняла свою широкую ладонь.

— Пожалуйста, пойми меня правильно. В прошлый раз я была очень рада твоей компании. Но в моём доме и так тесно. Конечно, Даб через пару декамесяцев переедет жить к Адекору с Понтером, но…

Мэри кивнула.

— Но это будет через пару декамесяцев.

— Именно, — сказала Лурт. — Если ты собираешься жить в этом мире подолгу, тебе нужен собственный дом.

Мэри нахмурилась.

— Я понятия не имею, как это можно устроить. И мне надо поговорить с Понтером. Одно дело, когда он оплачивает для меня всякие мелочи, но купить мне дом…

Лурт рассмеялась, но смех был добродушным.

— Дом не нужно покупать. Нужно просто выбрать из числа пустующих и поселиться в нём. Твой вклад несомненен; ты принесла нам массу новых знаний. Разумеется, ты имеешь право на дом.

— Ты хочешь сказать, дома не находятся в частном владении?

— Нет. С чего бы? А, думаю, я понимаю. Вспомни, что у нас стабильная численность населения. В новых домах нет нужды, кроме случаев, когда дерево умирает и требуется замена. А деревья под дома сажаются и выращиваются правительством, потому что ведь пройдёт уйма времени, прежде чем они вырастут и станут пригодны для жилья. Однако всегда есть некий излишек, чтобы гостям Салдака было, где остановиться. Мы

подыщем тебе один из них. Я знаю прекрасного плотника, который сделает тебе мебель — я даже думаю, что он обрадуется возможности показать своё мастерство, удовлетворяя твои специфические запросы. — Лурт помолчала. — Разумеется, тебе придётся жить одной.

Мэри не хотелось говорить, что это будет большим облегчением, но вообще-то она уже привыкла к одиночеству. За годы, прошедшие после разрыва с Кольмом, Мэри полюбила свои тихие домашние вечера, так что царивший в доме Лурт кавардак немало её раздражал. И всё же…

И всё же этот мир такой *странный*. Мэри была совершенно не готова остаться с ним один на один. Она знала, что даже с помощью Кристины ей придётся прыгать выше головы.

— Может быть, у тебя есть знакомые, которые не отказались бы от соседки? — спросила Мэри. — Ну, какая-нибудь одинокая женщина, которая рада бы была разделить с кем-нибудь заботы по хозяйству.

Лурт попарабанила пальцами по центральной части лба, как раз там, где сходились изгибы надбровного валика.

— Дай подумать… Дай подумать… — но потом

она чуть склонила голову набок, явно прислушиваясь к совету своего компаньона. — Отличная идея, — сказала она, кивая. Потом посмотрела на Мэри. — Недалеко отсюда живёт одна моя подруга, Бандра Толгак. Она геолог. И она совершенно без ума от глексенов.

— И её семья не живёт вместе с ней?

— Именно. Её союз с партнёршей распался какое-то время назад, а оба её ребёнка уже покинули дом — младшая дочь совсем недавно. Она как-то жаловалась на то, что дом теперь совершенно пуст. Возможно, ты с ней могла бы договориться.

* * *

Был прохладный осенний день; по серебристому небу разметались ленты перистых облаков. Лурт и Мэри шли по улице. Впереди виднелось здание шириной примерно с футбольное поле и высотой, судя по рядам окон, в четыре этажа.

— Это наша Научная Академия для женщин, — объяснила Лурт. — Бандра Толгак работает здесь.

Они подошли к одному из входов, закрытому тяжёлыми непрозрачными створками. Лурт открыла их, и они вошли в квадратный в сечении коридор, освещённый вделанными в стены прозрачными трубками, внутри которых шли

каталитические реакции. Коридор был заполнен спешащими по своим делам женщинами поколения 147 — как раз студенческого возраста, а так же проносящимися мимо с какими-то поручениями паукообразными роботами. Лурт остановилась на площадке перед двумя лифтами. Неандертальские лифты, когда никуда не едут, стоят с открытыми дверями, чтобы воздух внутри не застаивался; к тому же, это позволяло с одного взгляда определить, находится ли какой-то из них на данном этаже. Лурт завела Мэри внутрь лифта, который ожидал пассажиров.

— Лаборатория Бандры Толгак, — произнесла Лурт в пространство.

Дверь закрылась, и лифт поехал вверх. Через несколько секунд дверь снова открылась, и они вышли в другой коридор.

— Третья дверь направо, — произнёс синтезированный голос.

Мэри и Лурт отыскали нужною дверь, открыли её и вошли.

— Здравый день, Бандра, — произнесла Лурт в широкую спину находящейся в лаборатории женщины.

Та повернулась к ним и улыбнулась.

— Лурт Фрадло! Здравый день! — Тут взгляд её

глаз поразительного пшеничного цвета упал на Мэри. — А вы, должно быть, учёная Воган, — сказала она. — Лурт сказала, что вы придёте. — Она снова улыбнулась и, к изумлению Мэри, протянула ей руку.

Мэри крепко пожала её.

— Я… я не знала, что неандертальцы так делают.

— О, нет, — ответила Бандра, ухмыляясь. — Но я читаю о глексенах всё, что удаётся достать. Такой интересный народ! — Она убрала руку. — Я всё сделала правильно?

— Да, — ответила Мэри. — Всё как надо.

Бандра просияла. Она была из 144-го поколения, на девять лет старше Мэри — точнее, на восемь с половиной, потому что Мэри родилась в сентябре, а все неандертальцы рождаются весной. Волосы на голове и теле Бандры имели приятный серебристо-медный оттенок.

— Очень хорошо. О, постойте! Есть же ещё один ритуал! — Она изобразила на лице делано-серьёзное выражение и спросила:

— Как поживаете?

Мэри рассмеялась.

— Спасибо, хорошо. А вы?

— Я тоже хорошо, — сказала Бандра и тоже

рассмеялась. — Такой замечательный народ! Так много всяких мелочей! — Она улыбнулась Мэри. — Для меня правда большое удовольствие познакомиться с вами, учёная Воган.

— Вы можете звать меня Мэри.

— Нет, не могу, — сказала Бандра и снова засмеялась. — Но я с удовольствием буду называть вас Мэре.

Лаборатория Бандры была заполнена геологическими образцами — кристаллами горного хрусталя, полированными камнями, мастерски препарированными жеодами и тому подобным.

— Какое удовольствие наконец-то познакомиться с живым глексеном, — продолжала Бандра. — Я прочитала о вас всё, смогла найти.

— Э-э… спасибо.

— Ну так расскажите мне о себе. У вас есть дети?

— Пока нет, — сказала Мэри.

— Ах. Ну, а у меня две дочери и внук. Хотите, посмотреть фотографии?

— Гмм, конечно.

Но Бандра снова рассмеялась.

— О, глексены и их правила хороших манер! Какие вы покладистые и уступчивые! Я могла бы заставить вас полдня рассматривать фотографии,

которые я привезла из последнего отпуска.

Мэри почувствовала, как постепенно расслабляется — хорошее настроение Бандры оказалось заразным.

— Надеюсь, ты не возражаешь против того, что мы зашли, — сказала Лурт, — но…

— Но вы шли мимо! — сказала Бандра, снова улыбаясь Мэри от уха до уха.

Мэри кивнула.

— И заглянули на огонёк, — продолжала Бандра, произнося это с преувеличенным акцентом, который американцы вечно приписывают канадцам, но которого Мэри в жизни не слышала ни от одного соотечественника. — У глексенов такие замечательные поговорки.

— Спасибо.

— Итак, — сказала Бандра, — Лурт говорила, что вы хотели попросить об услуге. — Она обвела рукой заваленное камнями помещение. — Понятия не имею, чем геолог может быть вам полезен, но — это выражение одно из моих любимых — я вся внимание. — Бандра радостно уставилась на Мэри.

— Ну… я… в общем, я ищу жильё здесь, в Центре Салдака.

— Правда? — удивилась Бандра.

Мэри ухмыльнулась.

— Зуб даю.

Бандра расхохоталась.

— Нет-нет, оставьте себе! — Она секунду помолчала. — У меня большой дом, и я живу в нём одна.

— Так Лурт и сказала. Я собираюсь пробыть здесь всего около месяца, и если вам нужно соседка…

— Я бы с радостью, но… — голос Бандры затих.

Мэри хотелось переспросить «Но что?», однако вряд ли будет уместно требовать у неё объяснений.

Однако она заговорила сама.

— Всего на месяц, говорите? То есть вы будете здесь, когда Двое в следующий раз станут Одним?

— Да, — сказала Мэри. — Но я, разумеется, не буду путаться под ногами.

Мэри ясно видела, как на лице Бандры отразилась внутренняя борьба — и она её прекрасно понимала. Неандерталка наверняка взвешивала неудобство, связанное с присутствием в доме чужого человека с восторгом учёного от возможности пообщаться с пришельцем из другого мира.

— Очень хорошо, — решилась, наконец, Бандра. — Как вы это говорите: ваш дом — мой дом?

— Скорее, наоборот, — сказала Мэри.

— О, да-да! Я всё ещё учусь!

Мэри улыбнулась.

— Я тоже.

Глава 16

Но прошло уже три десятка лет с тех пор, как Юджин Сернан стал последним человеком, ступавшим по поверхности Луны. Последним! Кто бы мог подумать, что после 1972 года родится целое поколение, для которого посещение человеком других миров будет лишь главой в учебнике истории…?

Мэри нашла дом Бандры гораздо более комфортабельным, чем дом Лурт, хотя размером он был совершенно такой же. Во-первых, мебель пришлась ей больше по вкусу. А во-вторых, Бандра оказалась орнитологом-любителем и талантливой художницей: все стены и потолки в её доме были увешаны полотнами, которых не постыдился бы и Одюбон[138], изображающими местных птиц, включая, разумеется, и странствующего голубя. Мэри и сама любила птиц; потому-то она и работала с ДНК странствующего голубя у себя в

[138] notes: 138
Джон Джеймс Одюбон (1785–1851) — знаменитый американский орнитолог, натуралист и художник-анималист французского происхождения.

Йоркском университете, тогда как её аспирантка Дария отхватила себе гораздо более модную задачу по извлечению генетического материала из египетской мумии.

Мэри чувствовала себя не в своей тарелке от того, что пришла раньше хозяйки, и ещё больше от того, что просто вошла через переднюю дверь. Но неандертальцы, разумеется, не запирают домов — попросту незачем.

У Бандры был домашний робот — у многих барастов были такие. Это была насекомоподобная конструкция, состоящая из шарниров и рёбер. Робот осмотрел Мэри синими механическими глазами, не слишком отличающимися от глаз Лонвеса Троба, и снова принялся за уборку.

Хотя Мэри знала, что не сможет увидеть Понтера, пока Двое не станут Одним, она не видела никакой причины, чтобы ему не звонить: её блестящий новенький компаньон легко мог соединиться с его компаньоном — как и с любым другим.

Так что Мэри устроилась поудобнее — прилегла на диван в гостиной Бандры, лицом к украшавшим потолок фрескам — и велела Кристине вызвать Хака.

— Привет, любимый, — сказала она — что было

ничуть не лучше, чем «милый», поскольку ни то, ни другое Понтер не мог произнести, но, с другой стороны, он услышит только предоставленный Кристиной перевод.

— Мэре! — раздался обрадованный голос Понтера. — Как здорово тебя услышать!

— Скучаю по тебе, — пожаловалась Мэри. Она снова почувствовала себя восемнадцатилетней, звонящей бойфренду Донни из своей комнаты в родительском доме.

— Я тоже очень скучаю.

— Где ты сейчас?

— Вывел Пабо погулять. Нам обоим полезно пройтись.

— Адекор с тобой?

— Нет, он остался дома. Так что у тебя нового?

Первым делом Мэри рассказала ему об установке постоянного компаньона, потом описала обстоятельства своего переезда к Бандре.

— А ещё Лурт мне рассказала интересную вещь. Оказывается, есть прибор, который может нам помочь завести ребёнка.

— Правда? — сказал Понтер. — Какой же?

— Она сказала это изобретение некоей Вессан Леннет.

— Ох, — сказал Понтер. — Теперь припоминаю;

видел её по визору. Она удалила себе компаньон и ушла от людей. Вроде бы из-за конфликта с Верховными Серыми относительно её изобретения.

— Точно! — сказала Мэри. — Она изобрела прибор под названием кодонатор, который может синтезировать любую последовательность ДНК — именно то, что нам необходимо для нашего общего ребёнка. Лурт считает, что прототип до сих пор хранится у Вессан.

— Возможно, — сказал Понтер. — Но если она… прости. Хорошая собачка! Умненькая собачка! Ну, давай сюда. Взять! Взять! Принеси! Прости, я хотел сказать, что если прибор и существует, то он по-прежнему запрещён.

— Это так, — согласилась Мэри. — В *этом* мире. Но если мы увезём его в *мой* мир…

— Блестяще! — восхитился Понтер. — Но как мы его раздобудем?

— Я думаю, мы просто отыщем Вессан и попросим отдать нам его. Что мы теряем?

— А как мы её найдём? У неё ведь нет компаньона.

— Ну, Лурт сказала, что она раньше жила в городе Кралдак. Ты знаешь, где это?

— Конечно. Это немного к северу от озера *Дуранлан* — озера Эри. Кралдак расположен примерно

там, где в вашем мире Детройт.

— Так вот, если она и покинула Кралдак, то вряд ли ушла слишком далеко оттуда.

— Надо полагать. Без компаньона она уж точно не могла организовать для себя никакого транспорта.

— Лурт сказала, что она, должно быть, построила себе хижину.

— Вполне логично.

— Так что мы можем просто изучить спутниковые фотографии на предмет появления новой хижины, которой четыре месяца назад ещё не было.

— Ты забыла, где находишься, любовь моя, — сказал Понтер. — У барастов нет спутников.

— Точно. Чёрт. А аэрофотосъёмка? Ну, ты знаешь — фотографии, сделанные с самолёта?

— Самолётов тоже нет. Правда, есть вертолёты.

— Ну, может быть, вертолёты делали облёт окрестностей Кралдака с тех пор, как она ушла?

— Скажи ещё раз, когда это было?

— По словам Лурт четыре месяца назад.

— Ну, тогда да, наверняка. Лесные пожары — это летом большая проблема; лес может поджечь молния или люди по небрежности. Лес фотографируют с воздуха, чтобы следить за их

распространением.

— Мы можем получить доступ к этим фотографиям?

— Хак?

В голове Мэри зазвучал голос Хака.

— Я *уже* с ними работаю, — сказал компаньон. — Согласно архиву алиби компаньон Вессан Леннет отключился 148/101/17, и с тех пор было три обследования окрестностей Кралдака с воздуха. Однако хижину легко обнаружить только зимой, когда на деревьях нет листьев. Заметить её с воздуха летом очень трудно.

— Но ты попытаешься? — спросила Мэри.

— Конечно.

— Хотя, возможно, это бессмысленно, — со вздохом признала Мэри. — Наверняка ведь другие уже пытались её отыскать, если то, что Лурт рассказала о кодонаторе — правда.

— Почему?

— Ну как же: стерилизованные преступники, желающие обойти наложенное на них наказание.

— Может быть, — согласился Понтер, — но Вессан ушла из общества не так давно, а стерилизованных не так уж много. Ну и, в конце концов, никто в этом мире не собирается зачинать детей

до следующего лета, так что…

— Простите, — прервал его Хак. — Я нашёл.

— Что? — спросила Мэри.

— Хижину — или, по крайней мере, хижину, которой не было на старых картах. Она примерно в тридцати пяти километрах на запад от Краллдака. — Хак перевел расстояние в километры для Мэри; Понтер, вероятно, услышал что-то вроде «70000 саженей» через свои кохлеарные импланты.

— Здорово! — воскликнула Мэри. — Понтер, мы должны встретиться с ней!

— Конечно, — ответил он.

— Мы можем поехать завтра?

— Мэре… — начал Понтер тяжёлым голосом.

— Что? Ах, да, поняла. Двое ещё не стали Одним. Но…

— Да?

Мэри вздохнула.

— Да нет, ничего. Ты прав. Ладно, но мы сможем поехать, как только Двое *станут* Одним?

— Конечно, любовь моя. Тогда мы сможем сделать всё, что пожелаешь.

— Договорились, — сказала Мэри. — Считай, что это свидание.

* * *

Бандра и Мэри оказались родственными душами — Бандре очень понравилось это выражение. Они обе любили тихие домашние вечера, и хотя у них было множество научных тем для разговоров, они часто касались многих вещей личного характера.

Эти разговоры напомнили Мэри первые дни с Понтером, когда они находились на карантине в доме Рубена Монтего. Обсуждение идей и мнений с Бандрой стимулировало её интеллектуально и эмоционально, и неандерталка была к ней замечательно добра, весела и внимательна.

И всё-таки эти разговоры в гостиной иногда касались тем если не горячих, то довольно острых.

— Вы знаете, — говорила Бандра, сидя на противоположном от Мэри краю дивана, — эта неумеренная потребность в приватности, возможно, порождена вашими религиями. Поначалу я думала, что это просто из-за того, что некоторые занятия у вас запрещены, и людям необходимо уединение, чтобы им предаваться. И это, без сомнения, часть правды. Однако теперь, когда вы рассказали мне о множественности ваших систем верований, мне начинает казаться, что

уединение нужно уже для того, чтобы *захотеть* практиковать верования, находящиеся в меньшинстве. Ведь первые последователи вашей системы, христианства, устраивали свои собрания втайне, не так ли?

— Так и есть, — ответила Мэри. — Наш важнейший религиозный праздник — Рождество, празднование очередной годовщины рождения Иисуса. Мы празднуем его 25 декабря — зимой, хотя Иисус родился весной. Мы это знаем, потому что в Библии говорится, что это случилось, когда пастухи сторожили ночами стада, а они это делают лишь весной, когда рождаются ягнята. — Мэри улыбнулась. — Кстати, у вас всё точно так же: вы ведь тоже рожаете весной.

— Вероятно, по той же самой причине: чтобы ребёнок был как можно старше, когда снова придёт зима.

Однако это сходство засело у Мэри в голове, и она осторожно произнесла:

— Вы знаете, барасты похожи на овец не только в этом. Вы такие миролюбивые.

— Вам так кажется?

— У вас нет войн. И, насколько я могу судить, почти нет бытового насилия. Хотя… — она оборвала себя прежде, чем упомянула о сломанной

челюсти Понтера — результат прискорбного инцидента много лет назад.

— Это так. Однако мы всё ещё охотимся на животных, которых едим — не постоянно, разумеется, если только это не является нашим видом социального вклада. Но достаточно часто, чтобы охота давала выход нашим агрессивным импульсам. Как вы это говорите? Выводила агрессию изорганизма.

— Катарсис, — сказала Мэри. — Очищение от сдерживаемых эмоций.

— Катарсис! О-о, ещё одно замечательное слово! Да, именно так: раздроби несколько черепов, отдери плоть от костей, и после этого почувствуешь себя на редкость миролюбивым.

Мэри на секунду задумалась, а убила ли она в жизни хоть одно животное — для еды или для других целей. Если исключить комаров, получалось, что нет.

— Мы этого не делаем.

— Я знаю, — сказала Бандра. — Вы считаете это нецивилизованным. Но мы считаем, что это часть того, что делает цивилизацию возможной.

— И всё же — ваше отсутствие приватности никогда не приводит к злоупотреблениям? Не может кто-нибудь скрытно — втайне от всех —

следить за тем, что вы делаете, воспользовавшись каким-нибудь недостатком в системе безопасности архива алиби?

— Зачем кто-либо стал бы этим заниматься?

— Ну, скажем, чтобы предотвратить свержение правительства.

— Зачем кому-то бы понадобилось свергать правительство? Почему просто не проголосовать против него?

— Ну, *сегодня* да, возможно. Но демократия не была ведь у вас от начала времён?

— А что тогда?

— Племенные вожди? Военные правители? Боги-императоры. Впрочем, нет, последнее вычёркиваем. Но всё же… — Мэри задумалась. А, собственно, что ещё? Без сельского хозяйства нет небольших легко обороняемых территорий. Примитивные земледельцы вполне могут оборонять несколько сотен акров своих полей, но десятки или сотни квадратных миль охотничьих угодий небольшая группа охотников оборонять не в состоянии.

Да и к чему их оборонять? Налёт на поселение земледельцев даёт немедленный результат: растительная пища и волокнистое сырьё, украденные с полей или из ограбленных хранилищ.

Однако, как неоднократно указывал Понтер, охота и собирательство базируются на знании: никто не может просто войти на чужую территорию и начать её продуктивно эксплуатировать. Им придётся сначала узнать, куда животные ходят на водопой, где птицы откладывают яйца, где растут фруктовые деревья с самыми богатыми урожаями. Нет, такой образ жизни скорее породит мирную торговлю, потому что путешественнику гораздо легче принести с собой что-нибудь ценное и обменять это на только что добытое животное, чем пытаться добыть его в незнакомой местности самому.

Тем не менее, если припечёт, большинство неандертальцев, вероятно, способны прокормить себя сами — чем, по-видимому, сейчас и занимается эта Вессан. Кроме того, в условиях ограниченной численности населения — а неандертальцы её ограничивают уже сотни лет — имеются огромные неиспользуемые пространства к услугам тех, кому жизнь в обществе не по вкусу.

— И всё же, — сказала Мэри, — наверняка бывало, что людям не нравится те, кого они избрали, и они хотят избавиться от них.

— О да, разумеется, такое бывает.

— И как это делалось?

— В старые времена? До того, как мы начали чистить генетический пул? Их убивали.

— Во-от! — воскликнула Мэри. — Вот причина для нарушения приватности: предотвращение покушений. Если кто-то замышляет вас убить, то вы захотите проследить за ним, чтобы вовремя вмешаться.

— Убийство ни к чему как-то особенно замышлять, — сказала Бандра, вскидывая бровь. — Вы просто подходите к тому, от кого хотите избавиться, и разбиваете ему череп. Поверьте, это прекрасно стимулирует избранных должностных лиц к заботе о том, чтобы их избиратели были довольны.

Мэри невольно рассмеялась.

— И всё же некоторые могут быть недовольны, даже когда довольны все остальные.

Бандра кивнула.

— Вот потому-то мы с давних времён осознавали необходимость исключения из генетического пула всех склонных к антиобщественному поведению.

— Но эта идея чистки генов… — Мэри пыталась сохранять беспристрастность, но голос её выдал. — Я пыталась говорить об этом с Понтером,

но это тяжело; он настолько безоговорочно её поддерживает. Но от этой идеи у моих соплеменников мороз по коже ещё больше, чем от вашего безразличия к приватности.

— «Мороз по коже»! Красиво звучит!

— Бандра, я серьёзно. В прошлом мы пробовали это делать, но… это всегда заканчивалось плохо. Ну, то есть, мы не верим, что подобные вещи можно делать так, чтобы исключить коррупцию. Доходило до попыток уничтожить целые этнические группы.

Компаньон пискнул.

— Группы людей, обладающие отличительным набором характеристик, возникших вследствие их географического происхождения.

— Но генетическое разнообразие — большая ценность, — сказала Бандра. — Вам ли, специалисту по химии жизни, этого не знать.

— Да, но… я хочу сказать, мы пытались… то есть, мой народ… ну, не *мой* народ, а просто плохие люди, плохие представители моего вида, пытались совершить… мы называем это «геноцид» — уничтожение целой расы или народа, и…

Да провались ты, подумала Мэри. Почему я не могу просто поболтать с неандерталкой о погоде, почему меня всё время заносит в такие

жуткие темы? Когда я уже научусь держать язык на привязи?

— Геноцид, — повторила Бандра без своего всегдашнего восхищения людскими терминами. Не было нужды напоминать, что её вид, Homo neanderthalensis, стал первой жертвой учинённого Homo sapiens геноцида.

— Так вот, — сказала Мэри, — я хотела узнать, как вы решаете, какие именно особенности вы хотите искоренить?

— Это не очевидно? Чрезмерная агрессивность. Чрезмерный эгоизм. Жестокость по отношению к детям. Умственная отсталость. Предрасположенность к генетическим заболеваниям.

Мэри покачала головой; неудачный разговор с Понтером на эту тему всё ещё её беспокоил.

— Мы считаем, что каждый имеет право продолжить род.

— Почему? — спросила Бандра.

Мэри задумалась.

— Это… это право каждого человека.

— Это *желание* каждого человека, — сказала Бандра. — Но право? Эволюция происходит благодаря тому, что *не* каждый член популяции продолжает свой род.

— Я думаю, что преодоление жестокости есте-

ственного отбора — определяющий признак цивилизации.

— Однако согласитесь, — сказала Бандра, — что общество в целом гораздо важнее отдельного человека.

— По сути, мой народ этого мнения не разделяет. Мы считаем, что права и свободы отдельной личности имеют огромную ценность.

— Огромную ценность? Или огромную цену? — Бандра покачала головой. — Я слышала о мерах безопасности, которые необходимы вам, о множестве принудителей, без которых невозможна жизнь в ваших городах. Вы утверждаете, что не хотите войны, но направляете немалую часть своих ресурсов на подготовку к войнам и их ведение. У вас есть террористы, и те, кто зарабатывает вызыванием у других привыкания к аддиктивным веществам, и совратители малолетних, и — простите мне это замечание — средний интеллект у вас гораздо ниже, чем можно ожидать.

— Мы так и не сумели разработать метод оценки интеллекта, который не страдал бы культурным перекосом.

Бандра моргнула.

— Какое отношение культура имеет к оценке интеллекта?

— Ну-у, — сказала Мэри, — если вы спросите ребёнка из богатой семьи с нормальным интеллектом, какое слово подходит к «чашке», он ответит «блюдце»; блюдце — это такая маленькая тарелочка, которую мы подставляем под чашку, из которой пьём кофе… горячие напитки. Но если вы спросите об этом ребёнка с нормальным интеллектом, но из бедной семьи, то он, возможно, не ответит, потому что его семья не может позволить себе блюдец.

— Интеллект — это не какая-нибудь викторина, — сказала Бандра. — Чтобы его оценивать, есть способы получше. Мы ориентируемся на количество образовавшихся в мозгу нейронных связей; это хороший объективный индикатор.

— Но те, кому будет отказано в праве продолжить род из-за их низкого уровня интеллекта, наверняка будут… несчастны.

— Да. Но их, по определению, нетрудно обмануть.

Мэри содрогнулась.

— И всё же…

— Вспомните, как осуществляется наша демократия. Мы не позволяем людям голосовать, пока им не исполнится 600 месяцев — две трети традиционного 900-месячного среднего срока

жизни. Это будет… Дэлка?

— Сорок восемь лет, — ответила Дэлка, компаньон Бандры.

— Большинство женщин уже не способны рожать в этом возрасте, и активный репродуктивный период мужчин также уже завершён. Так что результаты голосования по этому вопросу их лично уже не затрагивали.

— Это не демократия, когда голосует лишь меньшинство.

Бандра нахмурилась, словно пытаясь понять смысл реплики.

— *Каждый* имеет право голоса — просто не в каждый момент своей жизни. И, в отличие от вашего мира, мы никогда никому не отказывали в праве голоса из-за его пола или пигментации кожи, при условии достижения соответствующего возраста.

— Однако, — возразила Мэри, — голосующие наверняка принимали во внимание интересы своих взрослых детей, которые ещё находятся в репродуктивном возрасте, но сами голосовать не могут.

Бандра помедлила, и Мэри задумалась, почему: до сих пор она вела дискуссию очень уверенно.

— Разумеется, надежда на счастливое будущее

наших детей очень важна для нас, — наконец, произнесла она. — Но голосование происходило *до* тестов на интеллект. Понимаете? Было принято решение запретить размножаться пяти процентам населения с худшими показателями интеллекта в течение десяти последующих поколений. Попробуйте найти родителя, который считал бы, что его ребёнок попадает в нижние пять процентов — это невозможно! Голосующие, без сомнения, полагали, что уж их-то детей это решение не затронет.

— Но оно затронуло.

— Да. Некоторых. — Бандра едва заметно двинула плечом. — Это пошло на благо обществу.

Мэри покачала головой.

— Мой народ никогда не пошёл бы на такой шаг.

— С тех пор нам не приходится особенно беспокоиться по поводу нашего генетического пула, хотя есть некоторые исключения. Через десять поколений репродуктивные ограничения были сняты. Большинство генетических заболеваний исчезли навсегда, почти пропала чрезмерная агрессивность, средний уровень интеллекта повысился. Разумеется, он по-прежнему подчиняется нормальному распределению, но мы

получили… как вы это называете? У нас есть такое понятие в статистике: корень квадратный из среднего квадрата отклонения от среднего арифметического для выборки.

— Стандартное отклонение, — подсказала Мэри.

— Ага. Так вот, через десять поколений средний уровень интеллекта сдвинулся на одно стандартное отклонение влево.

Мэри уже хотела было сказать «в смысле, вправо», но вовремя вспомнила, что неандертальцы читают справа налево, а не слева направо. Вместо этого она сказала:

— Правда? Такой сильный сдвиг?

— Ага. Наши тупицы теперь такие же умные, как раньше наши средние умы.

Мэри покачала головой.

— Вообще не могу себе представить, чтобы мой народ позволил бы властям решать, кому можно размножаться, а кому нет.

— Я не защищаю наши методы, — сказала Бандра. — Как говорит одна из ваших лучших поговорок, «каждому — своё». — Она улыбнулась своей широкой доброй улыбкой. — Ладно, Мэре, довольно серьёзных разговоров. — Сегодня чудесный вечер! Пойдёмте погуляем. А потом вы

расскажете мне о себе.

— Что вам хотелось бы узнать?

— Всё подряд. Всё до капли. До донышка. От доски до доски.

Мэри рассмеялась.

— Я уловила идею, — сказала она, поднимаясь на ноги.

Глава 17

Как это могло случиться? Как мы могли забыть тот благородный порыв, который привёл нас из Олдувайского ущелья в лунные кратеры? Ответ, разумеется, таков: мы успокоились. В течение недавно завершившегося столетия мы достигли большего прогресса в благополучии и качестве жизни, в здравоохранении и долголетии, в технологиях и житейских удобствах, чем за все предшествующие сорок тысячелетий…

Жизнь Мэри начала входить в колею: днём она занималась изучением неандертальской генетики с Лурт и другими специалистами, ночи с большим комфортом проводила в доме Бандры.

Мэри всегда казалось, что у неё слишком широкие бёдра, но средний неантертальский таз был ещё шире. Ей вспомнилась старая гипотеза Эрика Тринкауса о том, что срок беременности у неандертальцев мог составлять одиннадцать или даже двенадцать месяцев, поскольку благодаря широким бёдрам они могли рожать более

крупных детей. Однако ту гипотезу пришлось отбросить, когда последующие исследования показали, что необычная форма неандертальского таза связана лишь с их манерой ходьбы. Предполагалось, что их шаг должен напоминать походку враскачку ковбоев Дикого Запада — что теперь подтверждалось прямыми наблюдениями.

Так или иначе, неандертальские седлокресла казались Мэри неудобными, а из-за того, что у большинства неандертальцев голени немного короче бёдер, барастовские сиденья более привычного типа всегда оказывались низковатыми для неё. Поэтому она попросила знакомую Лурт мебельщицу изготовить для неё новое кресло: сосновая рама и мягкие подушки на сиденье и спинке.

В тот день Бандра вернулась домой раньше Мэри и была в своей спальне. Она, однако, появилась, стоило Мэри подойти к входной двери.

— Привет, Мэре, — сказала она. — Мне показалось, что я унюхала ваш запах.

Мэри вяло улыбнулась. Она уже начала ко всему этому привыкать; правда начала.

— О, гляньте-ка! — сказала Бандра. — Ваше кресло привезли! Ну-ка опробуйте.

Мэри подчинилась, опустившись на мягкое

сиденье.

— Ну как? Хорошо?

— Замечательно! — сказала Мэри, немного поёрзав. — Просто великолепно. Очень удобно.

— То, что доктор прописал! — заявила Бандра, показывая удивлённой Мэри оба больших пальца.

Мэри рассмеялась.

— Точно.

— То, что надо! В самый раз!

— Да, всё это, — согласилась Мэри.

— Да! — повторила Бандра, явно безмерно довольная собой. — Бинго! Точняк! — Бандра сияла, и Мэри тепло улыбнулась ей в ответ.

* * *

Позже тем же вечером Мэри устроила новому стулу более серьёзное испытание, устроившись на нём с ногами с одной из книг, купленных в книжной лавке Лаврентийского университета.

Бандра, которая работала над новым анималистским полотном, по-видимому, решила, что неплохо устроить перевыв. Она пересекла комнату и встала позади Мэри?

— Что вы читаете?

Мэри автоматически показала ей обложку

книги, потом сообразила, что Бандра не сможет прочесть название — хотя, при её увлечении английским она, возможно, скоро научится на нём и читать.

— Книга называется «Собственник», — сказала Мэри, — а автора зовут Джон Голсуорси. Он получил высшую литературную награду нашего мира, Нобелевскую премию по литературе. — Кольм советовал ей почитать Голуорси многие годы, но Мэри, наконец, решилась на это лишь наслушавшись восторгов её сестры Кристины по поводу нового бибисишного телесериала по «Саге о Форсайтах», первым томом которой и являлся «Собственник».

— О чём она? — спросила Бандра.

— Богатый адвокат женится на красивой женщине. Он нанимает архитектора, чтобы построить им загородный дом, но женщина заводит с архитектором роман.

— Ах, — сказала Бандра; Мэри посмотрела на неё и, улыбнувшись, начала заново:

— Она о сложностях межличностных отношений у глексенов.

— Вы не прочитаете мне из неё вслух? — попросила Бандра?

Просьба удивила Мэри, но одновременно и

обрадовала.

— Конечно. — Бандра подтащила седлокресло поближе и села лицом к Мэри, сложив руки на коленях. Мэри принялась читать текст тихим голосом, позволяя Кристине переводить его на неандертальский язык.

> Многие сочли бы брак Сомса и Ирэн вполне удачным: у него деньги, у неё красота — значит, компромисс возможен. Пусть не любят друг друга, но почему не поддерживать сносных отношений? То, что они будут жить каждый своей жизнью, делу не помешает, лишь бы были соблюдены приличия, лишь бы уважались священные узы брака и семейный очаг. В высших классах половина всех супружеств покоится на двух правилах: не оскорбляй лучших чувств общества, не оскорбляй лучших чувств церкви. Ради них можно принести в жертву свои собственные чувства. Преимущества незыблемого семейного очага слишком очевидны, слишком осязаемы, они исчисляются реальными вещами; status quo — дело верное. Ломка семьи — в луч-

шем случае опасный эксперимент и к тому же весьма эгоистичный.

Вот какие выводы может выставить защита, и молодой Джолион вздохнул.

«Все упирается в собственничество, — думал он, — но такая постановка вопроса мало кого обрадует. У них это называется „святостью брачных уз“, но святость брачных уз покоится на святости семьи, а святость семьи — на святости собственности. И вместе с тем, наверное, все эти люди считают себя последователями того, кто никогда и ничем не владел. Как странно!»

И молодой Джолион снова вздохнул.[139]

— Интересно, — сказала Бандра, когда Мэри остановилась.

Мэри рассмеялась.

— Уверена, что вы так говорите из вежливости. Должно быть, для вас это полнейшая тарабарщина.

— Нет, — возразила Бандра. — Нет, я поняла.

---

[139] notes: 139
Перевод Н.А. Волжиной, М.Ф. Лорие.

Этот мужчина — Сомс, да? — живёт с этой женщиной, этой…

— Ирэн, — подсказала Мэри.

— Да. Но в их отношениях нет теплоты. Она хочет гораздо бóльшей близости, чем хочется ему.

Мэри, впечатлённая, кивнула.

— Именно так.

— Подозреваю, что такие проблемы бывают у всех.

— Думаю, да, — сказала Мэри. — Я лично отождествляю себя с Ирэн. Она вышла замуж за Сомса не зная, чего на самом деле хочет. Как я за Кольма.

— Но теперь вы знаете, чего хотите?

— Я знаю, что хочу Понтера.

— Но он не сам по себе, — сказала Бандра. — У него Адекор и дочери.

Мэри загнула страницу и закрыла книгу.

— Я знаю, — тихо сказала она.

Бандра, должно быть, почувствовала, что огорчила Мэри.

— Простите, — сказала она. — Я бы чего-нибудь выпила. Поддержите?

Мэри была готова убить за стакан вина, но неандертальцы его не делали. Впрочем, она привезла с собой с той стороны килограммовую

пачку кофе. Обычно она не пила кофе по вечерам, но комнатной температурой у неандертальцев считается шестнадцать градусов: они пользовались той же самой шкалой — промежуток между точками замерзания и кипения воды, разделённый на сто частей. Мэри предпочитала двадцать или двадцать один градус, и большая кружка кофе могла помочь ей согреться.

— Давайте я вам помогу, — сказала Мэри, и они вдвоём отправились в кухонную зону.

У себя дома на той Земле Мэри всегда держала в холодильнике литровую упаковку шоколадного молока, чтобы добавлять его в кофе. Здесь его тоже было не достать, но она взяла с собой банку сухого молока и растворимого порошкового какао; добавив в кружку Maxwell House разумное количество того и другого она получила приемлемую аппроксимацию своего любимого напитка.

По устланному мхом полу они вернулись в гостиную. Бандра уселась на один из своих плавно изогнутых диванов, встроенных в одну из стен; Мэри вернулась на своё кресло, но тут осознала, что ей некуда поставить кружку. Она подхватила свою книжку — Кольм всегда терпеть не мог того, как она перегибает корешок и загибает страницы — и присела на другом краю дивана, поставив

кружку на сосновый столик перед ним.

— В своём мире вы жили одна, — сказала Бандра. Это не был вопрос; она уже успела это узнать.

— Да, — сказала Мэри. — У меня была… у нас это называется «квартира в кондоминиуме» — несколько комнат в большом здании, которым я владею совместно с парой сотен других людей.

— Парой сотен! — удивилась Бандра. — Такое большое здание?

— В нём двадцать два этажа; двадцать два уровня. Я живу на семнадцатом.

— Вид, должно быть, потрясающий!

— Это точно. — Хотя ответ был шаблонный, и Мэри это знала. Вид из её окна открывался на бетон и стекло, на здания и автострады. Он казался замечательным, когда она там поселилась, но её вкусы уже менялись.

— И каков статус этого места сейчас? — поинтересовалась Бандра.

— Я всё ещё им владею. Когда мы с Понтером окончательно решим, что мы будем делать дальше, тогда и станет ясно, что делать с квартирой. Возможно, мы её оставим.

— И что же вы с Понтером будете делать дальше?

— Если б я знала, — ответила Мэри. Она взяла

кружку и сделала глоток. — Как вы только что сказали, Понтер не сам по себе.

— И вы тоже, — сказала Бандра, отводя взгляд.

— Простите? — не поняла Мэри.

— Вы тоже. Если вы решите стать частью этого мира, то не должны оставаться в одиночестве в любой день месяца.

— Гмм, — сказала Мэри. — В моём мире большинство людей привлекают представители противоположного пола.

Бандра вскинула глаза, но сразу же снова опустила взгляд.

— Не бывает отношений между женщинами?

— Э-э, бывают… иногда. Но обычно женщины, участвующие в такого рода отношениях, не имеют партнёров-мужчин.

— У нас не так, — сказала Бандра.

— Я знаю, — тихо ответила Мэри.

— Я… мы… вы и я, мы уживаемся довольно хорошо, — сказала Бандра.

Мэри почувствовала, как напряглось всё её тело.

— Да, неплохо, — сказала она.

— Здесь, у нас, две женщины, которые живут вместе и которые нравятся друг другу и не являются близкими родственниками, могут… —

Бандра положила широкую ладонь на колено Мэри, — могут *сблизиться*.

Мэри посмотрела на её руку. В прошлом она бы сбросила руку незнакомого мужчины со своего колена, но…

Но ей не хотелось её обижать. В конце концов, эта женщина была так добра, что приняла её под свою крышу.

— Бандра, я… я не чувствую влечения к женщинам.

— Возможно… возможно это просто… — она подбирала подходящий термин, — просто влияние культурной среды?

Мэри задумалась над предположением. Возможно, и так — но это ничего не меняло. О, Мэри целовала девочек, когда ей было тринадцать или четырнадцать — но она тогда просто тренировалась перед тем, как начать целовать мальчиков, она и её подруги страшно боялись оказаться не на высоте, когда это время придёт.

По крайней мере, так они друг другу говорили, хотя…

Хотя это и правда было по-своему приятно.

И всё же…

— Простите, Бандра. Я не хочу показаться грубой. Но меня правда это не привлекает.

— Вы ведь знаете, — сказала Бандра, заглянув Мэри в глаза и снова отведя взгляд, — никто не так понимает, как доставить удовольствие женщине, как другая женщина.

Мэри почувствовала, как затрепыхалось сердце.

— Я… я уверена, что это правда, но… — Она мягко убрала руку Бандры со своего колена. — Но это не для меня.

Бандра несколько раз кивнула.

— Если вы передумаете… — сказала она, дала фразе повиснуть в воздухе, и через секунду продолжила: — В промежутках между днями, когда Двое становятся одним, чувствуешь себя ужасно одинокой.

И это истинная правда, подумала Мэри, но ничего не сказала.

— Ну что ж, — сказала Бандра после паузы. — Я, пожалуй, пойду спать. Э-э… «сладких снов», так, кажется, у вас говорят?

Мэри удалось выдавить из себя улыбку.

— Да, точно. Спокойной ночи, Бандра.

Она проследила взглядом за тем, как неандерталка скрылась в своей спальне; у Мэри была собственная комната, раньше принадлежавшая Дрэнне, младшей дочери Бандры. Она подумала о

том, чтобы и самой отправиться спать, но решила ещё немного почитать в надежде малость очистить голову от того, что только что произошло.

Она подобрала «Собственника» и открыла его на заложенной странице. Голсуорси писал в едком, ироничном тоне; в конце концов, не одни только неандертальцы видят глексенские недостатки. Она начала читать, наслаждаясь отличной реконструкцией языка, которым разговаривал верхний средний класс в викторианской Англии. Голсуорси — отличный стилист, и…

О Господи…

Мэри с бешено колотящимся сердцем захлопнула книгу.

Господи.

Она сделала глубокий вдох, выдохнула, вдохнула снова, выдохнула.

Сомс только что…

Сердце Мэри продолжало колотиться.

Может быть, она не так поняла? В конце концов, это было сказано обиняками. Может быть, она просто была в таком настроении…

Она открыла книгу, бережно и осторожно, как это делал Кольм, и нашла это место снова, скользнула взглядом по плотному тексту, и…

Нет, сомнений не было. Сомс Форсайт, Соб-

ственник, только что продемонстрировал своей жене Ирэн, что она для него ничего не значит. Несмотря на её отсутствие интереса к нему, прямо на их брачном ложе он её изнасиловал.

До этого места книга Мэри нравилась, особенно тайный роман между Ирэн и архитектором Босини — потому что он немного напомнил ей её собственные странные, запретные отношения с Понтером. Но…

Насилие.

Чёртово насилие.

И всё же она не могла винить Голсуорси. Именно так Сомс и поступил бы в подобной ситуации.

Именно так поступил бы *мужчина*.

Мэри положила книгу рядом со своей уже остывшей кружкой кофе. Она обнаружила, что пялится на закрытую дверь спальни Бандры. Просидев так одному Богу известно сколько времени, Мэри, наконец, поднялась с дивана и поплелась в свою комнату, в темноту и одиночество.

Глава 18

И здесь, в Северной Америке, и в Индии, и в Японии, в Европе и России и по всему нашему огромному и удивительному миру жизнь в целом стала лучше, чем когда бы то ни было — и она продолжает улучшаться…

Наконец этот день настал! Двое снова стали Одним. Мэри и десяток других женщин посреди широкой площади ждали приезда мужчин. Здесь была Лурт с маленьким Дабом, сыном Адекора. Жасмель, старшая дочь Понтера, тоже была здесь, но, как знала Мэри, ждала не его, а собственного партнёра, Траона. Была здесь и Мега, младшая дочь Понтера, и Мэри стояла рядом с ней, держа её за руку. Мэри с облегчением отметила, что нигде не видно Даклар Болбай, законной опекунши Меги: эта женщина уже и так создала Мэри, Понтеру и Адекору более чем достаточно проблем.

Наконец, прибыл автобус. Понтер и Адекор вышли, и Мэри бросилась к своему мужчине. Они обнялись и лизнули друг друга в лицо. Потом Понтер обнял обеих своих дочерей и посадил

Мегу себе на плечи. Адекор тем временем успел исчезнуть вместе со своей партнёршей и сыном.

Понтер привёз с собой тапециевидный чемодан, с которым ездил на другую Землю. Чемодан несла Мэри, Понтер нёс Мегу.

Во время ещё одного разговора через компаньоны они договорились, что отправятся на поиски Вессан на третий или четвёртый день Двоих, ставших Одним, потому что прогноз обещал в Салдаке облачность, а в Кралдаке — чистое небо.

Так что в то утро Мэри, Понтер и Мега отлично провели время втроём. Хотя начало холодать и все листья на деревьях уже изменили цвет, воздух был по-прежнему свеж и чист. После обеда Мега убежала играть с друзьями, а Мэри и Понтер уединились в доме Бандры. Неандертальцы не испытывали комплексов по поводу секса, однако Мэри до сих пор чувствовала неловкость по поводу занятий любовью в то время, когда в доме находится ещё кто-то. К счастью, Бандра сказала, что будет со своим партнёром Гарбом и до вечера дома не появится. Так что весь дом был к услугам Мэри и Понтера.

Секс, как всегда, был просто сказочным, и Мэри достигла оргазма несколько раз. После этого они вместе приняли ванну, а потом просто лежали

рядом на груде подушек, болтая и касаясь друг друга. Речь Понтера показалась Мэри несколько непривычной; собственно, она такой и была, поскольку перевод теперь осуществляла Кристина, а не Хак.

Большую часть оставшегося дня они провели, обнимаясь, прогуливаясь и разговаривая — просто наслаждаясь обществом друг друга. Они посмотрели короткое театральное представление — неандертальцы обожали театр. Электрические вентиляторы на задах сцены гнали феромоны актёров на зрителей, в то же время выдувая из помещения их собственные.

Потом они какое-то время играли в неандертальскую настольную игру под названием *партанлар* — что-то среднее между шашками и шахматами: фигуры все были идентичны, но то, как они ходят, зависело от их положения на стоклеточной доске.

Позже они посетили ресторан, в котором хозяйничали две женщины, чьи партнёры умерли, и насладились вкуснейшей олениной, отличным салатом из кедровых орехов и листьев папоротника, жареных корнеплодов и варёных утиных яиц. И теперь они сидели в глубине ресторана на скамье с мягким сиденьем, с неандертальскими

обеденными перчатками на руках, и по очереди кормили друг друга.

— Я люблю тебя, — сказала Мэри, прижимаясь к Понтеру.

— И я тебя люблю, — ответил Понтер. — Я так сильно тебя люблю.

— Мне бы хотелось… мне бы хотелось, чтобы Двое всегда были Одним, — сказала Мэри.

— Когда я с тобой, я тоже хочу, чтобы это никогда не кончалось, — сказал Понтер, гладя Мэри по голове.

— Но это кончится, — со вздохом ответила Мэри. — Я не знаю, стану ли я когда-либо своей в этом мире.

— Идеальных решений не существует, — сказал Понтер, — но ты могла бы…

Мэри села прямо и повернулась к нему лицом.

— Что?

— Ты могла бы уехать обратно в свой мир.

Сердце Мэри провалилось.

— Понтер, я…

— На двадцать пять дней в месяц. И возвращаться сюда, когда Двое становятся Одним. Обещаю, что каждый раз у тебя будет четыре самых весёлых, самых любвеобильных, самых страстно-сексуальных дня, какие только воз-

можны.

— Я… — Мэри задумалась. Она искала решение, которое позволило бы Двум быть Одним бесконечно. Но, похоже, это совершенно невозможно. И всё же…

— Мотаться каждый раз из Торонто в Садбери будет неудобно, — сказала Мэри, — да ещё каждый раз проходить деконтаминацию на пути туда и обратно, но…

— Ты забыла, кто ты такая, — сказал Понтер.

— Я… прости, не поняла.

— Ты — Мэри Воган.

— И?

— Ты — *та самая* Мэри Воган. Любая академия… нет, прости, любой *университет* с радостью примет тебя в свой штат.

— Да, и это ещё одна проблема. Я не смогу брать по четыре выходных подряд каждый месяц.

— И снова ты недооцениваешь себя.

— Каким образом?

— Правильно ли я понимаю устройство вашего учебного процесса? Ведь вы учитесь лишь восемь месяцев в году?

— С сентября по апрель, правильно. С осени до весны.

— Так что три или четыре раза, когда Двое

станут Одним, придутся на время, когда ты не обязана быть в университете. Из оставшихся восьми значительная часть придётся на два последних дня ваших семидневных периодов, в течение которых вы не работаете.

— Однако…

— Однако всё равно останутся дни, в которые тебе нужно быть в университете.

— Именно. И никто не будет идти мне навстречу, чтобы…

— Прости меня, любимая, но *каждый* с радостью пойдёт тебе навстречу. Даже до твоего последнего визита, но в особенности сейчас, ты не только знаешь о генетике неандертальцев больше, чем любой другой глексен — в том, что неандертальцы знают *о* генетике, ты также разбираешься лучше любого другого глексена. Ты будешь бесценным приобретением для любого университета, и если для того, чтобы тебя заполучить, им придётся удовлетворить некоторые твои специальные требования, я уверен, они это сделают.

— Я думаю, ты недооцениваешь трудности.

— Правда? В этом можно убедиться, только попробовав.

Мэри в раздумье оттопырила губы. Он был

прав; от того, что она наведёт справки, определённо большой беды не будет.

— И всё-таки на то, чтобы добраться от Торонто до Садбери уходит большая часть дня, особенно если прибавить спуск в шахту и всё остальное. Четыре дня запросто превратятся в шесть.

— Да, если ты будешь жить в Торонто. Но почему бы тебе не делать свой вклад в Лаврентийском университете в Садбери? Там тебя знают ещё с тех пор, как я впервые к вам попал.

— Лаврентийский, — повторила Мэри, словно пробуя слово на вкус. Это был очень приятный маленький университет, с первоклассным факультетом генетики, и он выполнял интересные работы по судмедэкспертизе…

Судмедэкспертиза.

Изнасилование. Опять чёртово изнасилование.

Мэри сомневалась, что когда-либо ещё почувствует себя комфортно в Йоркском университете в Торонто. Там ей не только придётся иметь дело с Корнелиусом Раскином — ей придётся работать бок о бок с Кейсер Ремтуллой, ещё одной жертвой Раскина — жертвой изнасилования, которого не было бы, если бы Мэри сообщила о своём изнасиловании в полицию. Каждый раз, вспоминая о Кейсер, Мэри мучилась чувством вины; мысль

о том, чтобы снова работать с ней, угнетала её; мысль о совместной работе с Корнелиусом повергала в ужас.

Так что в предложении Понтера была определённая элегантность.

Преподавать генетику в Лаврентийском…

Жить в нескольких минутах езды от шахты Крейгтон, вместилища первого межмирового портала…

А проводить пусть даже всего четыре дня в месяц с Понтером — лучше, чудеснее, сказочнее, чем иметь постоянные отношения с любым другим мужчиной, которого она могла себе представить…

— Но что… что будет с поколением 149? С нашим ребёнком? Я не смогу видеться со своим ребёнком всего раз в месяц.

— По нашей традиции ребёнок живёт с матерью.

— Но если это мальчик — то только до десяти лет. А потом он переезжает к отцу, как Даб скоро переедет. Я не хочу, чтобы мой сын покинул меня всего через десяток лет.

Понтер кивнул.

— Какое бы решение мы ни нашли для того, чтобы завести ребёнка, оно обязательно будет

включать манипулирование хромосомами. В процессе этого выбрать для ребёнка женский пол будет тривиальной задачей. Девочка живёт с матерью до двести двадцать пятого месяца своей жизни — примерно восемнадцать лет. Даже в твоём мире дети покидают родительский дом примерно в этом возрасте, разве не так?

Голова у Мэри пошла кругом.

— Ты гений, учёный Боддет, — сказала она, наконец.

— Стараюсь, учёная Воган.

— Это не идеальное решение.

— Такие вещи — большая редкость, — заметил Понтер.

Мэри подумала об этом, потом теснее прижалась к Понтеру и медленно лизнула его в левую часть лица.

— Знаешь, — сказала она, прижимаясь лицом к его заросшей бородой щеке, — это может сработать.

Глава 19

Так что вполне объяснимо, что мы решили взять тайм-аут, чтобы насладиться первыми десятилетиями последовавшего за окончанием Холодной войны процветания, что мы предались ещё одному занятию, сделавшему наше человечество великим: остановились и вдохнули запах роз…

Покинув ресторан, Мэри и Понтер встретились с Мегой и некоторое время поиграли с ней. Но детям уже было пора спать, и Мега ушла домой — в дом, где она жила со своим *табантом,* Даклар Болбай. В связи с чем Мэри пришла в голову блестящая идея — они с Понтером могли бы провести ночь в доме Понтера на Окраине. В конце концов, Адекора там не будет, и это позволило бы им не мешать Бандре и Гарбу. Понтер был поначалу озадачен предложением: такое было попросту не принято, чтобы женщина приходила в дом к мужчине — хотя Мэри, разумеется, была пару раз у Понтера дома — но когда Мэри объяснила ему свою неуверенность по поводу занятий сексом,

когда в доме ещё кто-то есть, он сразу же согласился; они вызвали транспортный куб и уехали на Окраину.

После нового раунда великолепного секса Мэри отмокала в круглом утопленном в пол бассейне, а Понтер сидел рядом в кресле. Он делал вид, что читает что-то с планшета, но Мэри заметила, что его глаза не движутся слева направо — или, в данном случае, справа налево. Пабо тихо дремала у ног своего хозяина.

Поза Понтера несколько отличалась от той, что можно бы было ожидать от самца Homo sapiens: хотя нижняя челюсть у него выдавалась вперёд (пусть и была лишена подбородка), он не подпирал её кулаком. Должно быть, из-за того, что пропорции его руки отличались от нормы. Нет, чёрт: «норма» здесь не при чём. И всё же, по-видимому, поза роденовского «Мыслителя» была для него неудобна. Или… как Мэри раньше этого не заметила? Затылочное вздутие на черепе Понтера утяжеляет заднюю часть его головы, уравновешивая тяжёлую лицевую часть. Возможно, он не подпирает голову в раздумьях просто потому, что ему этого не нужно.

Тем не менее, Понтер, несомненно, находился именно в этом состоянии — в раздумьях.

Мэри вылезла из бассейна и вытерлась, потом, по-прежнему голая, пересекла комнату и устроилась на широком подлокотнике его кресла.

— О чём думаешь? — спросила она.

Понтер вздрогнул.

— О ерунде всякой.

Мэри улыбнулась и погладила его по мускулистой руке.

— Ты чем-то расстроен?

— Расстроен? — повторил Понтер, словно вспоминая, что это слово значит. — Нет. Вовсе нет. Я просто… задумался кое о чём.

Мэри передвинула ладонь на его широкое плечо.

— Что-то, связанное со мной?

— Частично да.

— Понтер, — сказала она, — мы решили попробовать и посмотреть, как это… эти наши *отношения* пойдут дальше. Но это возможно только в том случае, если мы будем общаться.

Мэри видела, что Понтер выглядит откровенно встревоженным; у него на лице словно написано «Думаешь, я не знаю?»

— Итак? — сказала Мэри.

— Помнишь Веронику Шеннон?

— Конечно. Женщину из Лаврентийского. —

Женщину, благодаря которой Мэри Воган увидела Деву Марию.

— Из её работы следует одна вещь, — сказал Понтер. — Она идентифицировала у Homo sapiens мозговые структуры, отвечающие за религиозные переживания.

Мэри глубоко вдохнула. Ей было неприятно об этом задумываться, но её разум учёного не мог игнорировать то, что, по-видимому, продемонстрировала Вероника.

— Полагаю, так, — сказала Мэри, выдыхая.

— Так вот, если мы знаем, что является *причиной* религии, — сказал Понтер, — то…

— То что? — спросила Мэри.

— То её, наверное, можно вылечить.

Сердце Мэри подпрыгнуло; ей показалось, что она сейчас свалится с подлокотника кресла.

— Вылечить, — повторила она, будто произнесённые её собственным голосом эти слова каким-то образом изменили бы смысл. — Понтер, нельзя *вылечить* религию. Это не болезнь.

Понтер не ответил, но, глядя на него сверху вниз со своего насеста на подлокотнике, Мэри увидела, как его бровь вползла на надбровье, словно спрашивая: «Да неужели?»

Мэри решила заговорить первой и не дать Пон-

теру сказать ещё что-нибудь, чего она не желала слышать.

— Понтер, это часть меня. Часть того, что я есть.

— Но она принесла в ваш мир столько зла.

— Но также и много пользы, — возразила Мэри.

Понтер склонил голову набок и повернул её так, чтобы видеть её лицо.

— Ты сама попросила рассказать, о чём я думаю. Я хотел оставить эти мысли при себе.

Мэри задумалась. Если бы он действительно держал их при себе, ей бы и в голову не пришло спросить, что с ним не так.

— Наверняка можно выяснить, что за мутация привела к этому изменению у глексенов, — продолжал Понтер.

Мутация. Религия как результат мутации. О Господи!

— Откуда ты знаешь, что мутировал именно мой вид? Может быть мы-то как раз нормальные, как наши общие предки, а вы — мутанты.

Понтер лишь пожал плечами.

— Вполне возможно. Но если так, то это не…

Но Мэри закончила мысль за него; в её голосе звучала горечь:

— Это не было бы единственным улучшением со времени разделения неандерталенсисов и сапиенсов.

— Мэре… — мягко сказал Понтер.

Но Мэри не собиралась менять тему.

— Вот видишь! У вас вокальный репозиторий беднее. Это мы — следующий этап развития.

Понтер открыл было рот, чтобы возразить, но закрыл его, не высказав пришедшую в голову мысль. Однако Мэри догадывалась, что он, вероятно, хотел сказать; идеальное возражение на её замечание о вокальном репозитории — тот факт, что у глексена во время еды может насмерть подавиться, тогда как неандерталец — нет.

— Прости, — сказала Мэри. Она съехала с подлокотника кресла к нему на колени, обхватив его руками за плечи. — Я такая вредная. Прости меня, пожалуйста.

— Конечно, — сказал Понтер.

— Это для меня тяжёлая тема, ты сам это понимаешь. Религия как случайная мутация. Религия как повреждение генома. Моя вера — как чисто биологическая реакция без какого-либо основания в высшей реальности.

— Не могу сказать, что понимаю тебя, потому что это не так. Я никогда не верил во что-либо во-

преки свидетельствам противоположного. Но…

— Но?

Понтер опять погрузился в молчание, и Мэри сдвинулась у него на коленях, откинувшись назад так, чтобы видеть его заросшее бородой широкое круглое лицо. В его золотистых гласах был такой ум, такая нежность.

— Понтер, прости. Я отреагировала так, как отреагировала. Последнее, чего бы я хотела, это чтобы ты замыкался — начал бояться открыто говорить со мной. Прошу, скажи то, что ты собирался сказать.

Понтер глубоко вздохнул, и Мэри ощутила лицом его дыхание.

— Помнишь, я рассказывал, что посещал скульптора личности?

Мэри коротко кивнула.

— По поводу моего изнасилования. Да, я помню.

— Это непосредственная причина моего визита к нему, но другие… вещи… вопросы…

— В этом контексте мы обычно говорим о *проблемах*, — подсказала Мэри.

— Ага. Выяснилось, что у меня имеются другие проблемы, ожидающие решения.

— И?

Понтер поёрзал в кресле; сидящая на коленях Мэри практически не стесняла его движений.

— Скульптора личности звали Журард Селган, — сказал Понтер. Ненужная подробность, позволяющая выиграть время для приведения мыслей в порядок. — У Селгана была гипотеза насчёт…

— Насчёт…?

Понтер слегка пожал плечами.

— Насчёт моих чувств к тебе.

Мэри ощутила, как напряглась спина. То, что она оказалась причиной проблем Понтера, уже само по себе было плохо — но стать объектом теорий совершенно незнакомого человека! В её голосе прозвучал плейстоценовый холод:

— И что это была за гипотеза?

— Ты ведь знаешь, что моя партнёрша — Класт — умерла от рака крови?

Мэри кивнула.

— Так что её больше нет. Её существование закончилось необратимо и полностью.

— Как тех ветеранов Вьетнама, чьи имена написаны на мемориале, — сказала Мэри, вспоминая их поездку в Вашингтон, во время которой всё началось по-настоящему.

— Именно! — сказал Понтер. — Именно так!

Мэри кивнула: кусочки мозаики начали складываться в картинку у неё в голове.

— Тебя расстроило, что люди у вьетнамской стены могут утешиться мыслью, что их близкие каким-то образом продолжают существовать.

— *Ка,* — тихо ответил Понтер. Кристина уже не переводила неандертальское «да», если это было единственное сказанное слово.

Мэри кивнула.

— Ты… ты завидовал им, тому, что у них есть утешение, несмотря на их ужасную потерю. Утешение, которого ты лишён, потому что не веришь в рай на небе и загробную жизнь.

— *Ка,* — снова сказал Понтер. Однако, после долгой паузы, заговорил снова, и Кристина принялась переводить:

— Но мы с Селганом обсуждали не нашу поездку в Вашингтон.

— А что тогда? — спросила Мэри.

— Он предположил, что… что моё влечение к тебе…

— Да?

Понтер вскинул лицо к фрескам на потолке.

— Я только что сказал, что никогда не верил во что-либо вопреки свидетельствам противоположного. То же самое можно сказать про веру во

что-либо в отсутствие свидетельств. Но Селган предположил, что, возможно, я поверил тебе, когда ты сказала, что у тебя есть душа, которая в той или иной форме продолжит существование даже после смерти.

Мэри нахмурила брови и склонила голову набок в полнейшем изумлении.

— И что?

— Он… он… — Понтер, казалось, был не в состоянии продолжать. Наконец, он просто поднял левую руку и сказал:

— Хак?

Хак заговорил по-английски собственным голосом.

— Мэре, пожалуйста, не чувствуйте себя ущербной, — сказал компаньон. — Сам Понтер также не смог этого увидеть, хотя для учёного Селгана всё было ясно, как день… и для меня тоже.

— Что? — с внезапно заколотившимся сердцем спросила Мэри.

— Можно предположить, — продолжил компаньон, — что если вы умрёте, то Понтер не будет скорбеть по вам так же глубоко, как по Класт — не потому, что вас он любит меньше, а потому, что сможет убедить себя в том, что вы в каком-то виде продолжаете существовать.

Мэри ощутила, как всё её тело расслабилось и осело. Если бы рука Понтера не охватывала её вокруг пояса, она бы свалилась с его колен.

— О мой… Бог… — пробормотала она. Её голова шла кругом; она не знала, что и подумать.

— Я не считаю, что Селган прав, — сказал Понтер, — но…

Мэри слабо кивнула.

— Но ты учёный, и это… — Она замолчала, задумалась; вера в загробную жизнь и правда может дать такого рода утешение. — И это в самом деле интересная гипотеза.

— *Ка,* — ответил Понтер.

И правда, *ка.*

Глава 20

Но сейчас пришло время возобновить наше путешествие, ибо именно эта любовь к путешествиям возвеличивает нас…

— Угадай что! — сказал Понтер Меге. — Сегодня мы отправляемся в путешествие! Мы полетим на вертолёте!

Мега сияла от радости.

— Мэре мне сказала! Ура!

В дни, когда Двое становятся Одним, междугороднее движение довольно активно; вертолёт между Салдаком и Кралдаком летает в эти дни на регулярной основе, и Понтер, Мэри и Мега отправились к месту его посадки. У Понтера была с собой кожаная сумка, и Мэри предложила понести её, поскольку Понтер нёс на плечах Мегу.

Вертолёт был красновато-коричневого цвета с цилиндрическим корпусом; Мэри он напомнил гигантскую банку «доктора пеппера». Внутри оказалось неожиданно просторно, и Мэри с Понтером расселись на широченных мягких креслах лицом друг к другу. Мега устроилась на кресле

рядом с Понтером и сразу прилипла к окну, глядя на уходящую вниз землю.

Салон был отлично звукоизолирован; Мэри редко летала на вертолётах, но каждый раз у неё от шума болела голова.

— У меня для тебя подарок, — сказал Понтер Меге. Он открыл сумку и вытащил из неё сложную деревянную игрушку.

Мега завизжала от восторга.

— Спасибо, папа!

— Я и тебя не забыл, — сказал он, улыбаясь Мэри. Он снова запустил руку в сумку и выудил из неё экземпляр «Глоуб энд Мэйл», канадской центральной газеты.

— Где ты её раздобыл? — Мэри была вне себя от удивления.

— В лаборатории квантовых вычислений. Попросил одного из глексенов принести мне её с той стороны.

Мэри была потрясена и польщена. Здесь она редко вспоминала о мире, в котором родилась, но будет неплохо наверстать — и она *правда* соскучилась по Дилберту[140]. Мэри развернула газету. Первая страница сообщала о крушении

[140] notes: 140

Dilbert — серия комиксов американского художника Скотта Адамса об офисной жизни.

поезда под Ванкувером; об очередном обострении между Индией и Пакистаном; о том, что министр финансов представил парламенту проект нового бюджета.

Она перевернула страницу — газета издала громкое шуршание — и…

— О Господи, — сказала Мэри.

— Что случилось? — спросил Понтер.

Мэри порадовалась тому, что сидит.

— Папа Римский умер, — тихо сказала она. По-видимому, это произошло несколько дней назад, иначе новость была бы на первой странице.

— Кто?

— Лидер моей системы верований. Он умер.

— Мои соболезнования, — сказала Понтер. — И что теперь будет? Какой-то кризис или что?

Мэри покачала головой.

— Да нет… не в том смысле. Я тебе говорила, что нынешний Папа стар и дряхл. Уже довольно давно было понятно, что дни его сочтены. — Мэри разленилась и перестала избегать фразеологизмов в речи — ведь Бандра знала их так много, но сейчас она заметила недоумение на лице Понтера. — Что он скоро умрёт, — пояснила она.

— Ты с ним встречалась?

— С Папой? — удивилась Мэри. — Нет. Нет, с

Папой встречаются лично только всякие знаменитости. — Она взглянула на Понтера. — У тебя бы было гораздо больше шансов.

— Я… я не знаю, что бы я мог сказать религиозному лидеру.

— Он был больше, чем просто лидер. В католицизме Папа считается посредником между человечеством и Богом.

Мега оторвалась от пейзажа за окном и решила взобраться Понтеру на колени. Понтер помог ей.

— Ты хочешь сказать, что Папа общается с Богом?

— Якобы.

Понтер едва заметно качнул головой.

Мэри заставила себя улыбнуться.

— Я знаю, ты не веришь, что это возможно.

— Тогда не будем об этом говорить. Но… ты выглядишь искренне огорчённой. И при этом ты не была знакома с Папой, никогда не встречалась с ним, и, по твоим словам, его смерть не означает кризисной ситуации для твоей системы верований. — Понтер говорил тихо, так что Мега не обращала на его слова внимания. Однако перевод Кристины звучал в кохлеарных имплантах с нормальной громкостью.

— Это просто потрясение, — сказала Мэри. — И

ещё… э-э…

— Да?

Мэри шумно выдохнула.

— Новый Ппапа может изменить политику Церкви по фундаментальным вопросам.

Понтер моргнул.

— Например?

— Римско-католическая церковь… в общем, многие люди считают, что она не идёт в ногу со временем. Ты в курсе, что она не разрешает аборты и разводы — расторжение брака. Но она также запрещает духовенству заниматься сексом.

— Почему? — Сидящая рядом с Понтером Мега увлечённо глядела в окно.

— Ну, предполагается, что половая жизнь мешает им выполнять свои духовные обязанности, — сказала Мэри. — Но большинство других религий не требуют целибата от своих служителей, и многие католики думают, что он приносит больше вреда, чем пользы.

— Вреда? Мы иногда говорим подросткам, чтобы не воздерживались, а то переполнятся и лопнут, но это, разумеется, просто шутка. Какой вред может нанести воздержание?

Мэри смотрела в сторону.

— Известно, что священники — члены духо-

венства — занимаются… — Она закрыла глаза и начала снова. — Понимаешь, это лишь очень малая часть духовенства. Большинство священников — люди честные и добрые. Однако среди них встречаются и такие, которые… в общем, которые делают это с детьми.

— Делают что? — не понял Понтер.

— Занимаются сексом. У нас это называется «растление малолетних».

Понтер взглянул на Мегу; она, похоже, не обращала на разговор взрослых ни малейшего внимания.

— Кого у вас считают «малолетними»?

— Маленьких мальчиков и девочек, трёх-четырёх лет и больше.

— В таком случае хорошо, что священникам положен целибат. Генетическая предрасположенность к такому занятию должна быстро угаснуть.

— Хотелось бы верить, — сказала Мэри. потом пожала плечами. — Может быть вы и правда правы, стерилизуя не только преступника, но и тех, у кого с ним по крайней мере половина общих генов. Потому что растление малолетних приобретает среди духовенства масштабы эпидемии. — Она подняла «Глоуб». — По крайней мере,

так кажется, когда читаешь газеты.

— Я не умею читать, — сказал Понтер, — хотя надеюсь научиться. Но я иногда смотрю ваши новости по телевизору и слушаю их по радио. И там иногда говорят: «Когда же мы узнаем о тёмных сторонах неандертальской цивилизации? Ведь наверняка и у них есть какие-то плохие качества». Но, Мэре, я тебе говорю, — Кристина могла бы заменять в переводе «Мэре» на «Мэри», но не делала этого, — у нас нет ничего подобного вашим «растлителям малолетних», вашим загрязнителям природы, вашим изготовителям и взрывателям бомб, вашему рабству и терроризму. Мы ничего не скрываем, и всё же ваш народ продолжает верить, что у нас должно быть что-то настолько же отвратительное. Я не знаю, связано ли это как-то с вашей религией, но эти явления очень схожи: ваши люди считают, что некоторое количество зла неизбежно. Но это не так. Если от контакта между нашими мирами будет какая-то польза, то по крайней мере в осознании этого факта.

— Может, ты и прав, — сказала Мэри. — Но, знаешь, мы иногда всё же меняемся к лучшему. И в этом новый Папа может сильно помочь.

— Папа, смотри! — воскликнула Мега, показы-

вая в окно. — Другой вертолёт!

Понтер наклонил голову к окну.

— Ага, — ответил он и погладил дочь по голове. — Ты же знаешь — многим людям приходится ехать далеко, чтобы встретиться со своими любимыми, когда Двое становятся Одним.

Мэри подождала, пока Мега снова уставится в окно.

— Очень многое, — продолжила она, — зависит от того, как Папа решит действовать — или, в соответствии с моими верованиями, что ему подскажет Бог. Последний Папа был не слишком эффективен в деле решения проблемы развращения малолетних служителями Церкви. Но новый Папа мог бы её решить. И он мог бы положить конец целибату священников. Мог бы смягчить политику в отношении абортов. Мог бы признать гомосексуалистов.

— Как это — признать? Они у вас выглядят по-другому?

— Нет, в том смысле, что Церковь считает однополые отношения грехом. Но новый Папа может что-то изменить в этом и многих других вопросах.

— А что ты сама о них думаешь?

— Я? — сказала Мэри. — Ну, я за выбор — за

то, чтобы женщина имела право решать, хочет она прервать беременность или нет. Я ничего не имею против гомосексуалистов. Я не думаю, что священников следует заставлять хранить целибат. И уж конечно я не считаю, что брак должно быть очень непросто расторгнуть. Понятное дело, этот вопрос сейчас для меня самый важный: мы с Кольмом согласились на аннуляцию — это, в сущности, означает заявить перед Церковью и Богом, что нашего брака никогда не было, так что его можно вымарать из регистрационных книг. Теперь же… — Она помолчала, затем продолжила: — Теперь же, я думаю, нам следует немного подождать и посмотреть, что будет делать новый Папа. Если он позволит католикам разводиться, оставаясь в лоне Церкви, я стану гораздо счастливее.

Незнакомый неандерталец склонился над ними.

— Мы начинаем снижение. Пожалуйста, пристегните вашу дочь.

* * *

Для поездки к обнаруженному Хаком месту Понтер вызвал транспортный куб. Водитель-мужчина поначалу, похоже, ехать туда не хотел — хи-

жина находилась довольно далеко от Окраины Кралдака — но Понтер в конце концов его уговорил. Куб полетел над обнажениями коренных пород, лавируя между рощицами деревьев и срезая напрямик через небольшие озерца, к месту, где Хак обнаружил хижину Вессан Леннет.

Прибыв на место, они выгрузились и приблизились к постройке. Это было нечто вроде бревенчатого сруба, только брёвна не лежали горизонтально, а были поставлены на попа. Понтер постучал в дверь — никакого ответа. Он повернул дверную ручку, по форме напоминавшую морскую звезду, открыл дверь и…

И малышка Мега громко взвизгнула.

У Мэри кровь буквально застыла в жилах. На противоположной стене прямо перед ней, освещённый столбом падающего сквозь дверной проём света, висел гигантский череп…

Этого не могло быть, но…

Но выглядел он именно как череп циклопа. Деформированная черепная коробка с огромной глазницей посередине.

Понтер подхватил дочь на руки и принялся её успокаивать.

— Это просто череп мамонта, — сказал он. И Мэри поняла, что он прав. Бивни были удалены, а на

месте отверстия в центре при жизни был хобот.

Понтер позвал Вессан по имени, но в хижине была лишь одна-единственная большая комната с обеденным столом посередине и единственным стулом, шкурами на полу, каменным очагом с охапкой дров и грудой одежды в углу: спрятаться внутри было попросту негде. Мэри развернулась и выглянула наружу, надеясь разглядеть Вессан, но она могла быть *где угодно*…

— Учёный Боддет! — Это был водитель транспортного куба.

Понтер вернулся к двери.

— Да? — крикнул он в ответ.

— Сколько вы здесь пробудете?

— Я не знаю, — ответил Понтер. — Думаю, не меньше одного деци.

Водитель немного подумал.

— Тогда я съезжу поохочусь, — объявил он, наконец. — Давненько не выбирался так далеко от города.

— Удачи! — крикнул Понтер, махнув ему рукой. Потом он вернулся в хижину и подошёл к лежащей в углу груде одежды. Он взял из неё рубашку и прижал к носу, глубоко вдохнув. То же самое он повторил с ещё несколькими предметами одежды, потом кивнул Мэри.

— Достаточно, — сказал он. — Теперь я знаю её запах.

Понтер взгромоздил Мегу на плечи и вышел в открытую дверь. Мэри последовала за ним, закрыв дверь за собой. Понтер раздул ноздри, втягивая в себя воздух, и пошёл вокруг дома. Немного не завершив полный круг, он остановился.

— В той стороне, — сказал он, показывая на восток.

— Здорово, — сказала Мэри. — Пошли.

Маленькие неандерталки знают всё о собирательстве, но редко видят охотника за работой; Мега была в восторге от нового приключения. Даже с дочерью на плечах Понтер шагал через лес по каменистым обнажениям на удивление резво, Мэри с трудом за ним поспевала. В одном месте они спугнули оленей, которые тут же убежали; в другом при их приближении в воздух поднялась стая странствующих голубей.

Мэри не слишком хорошо умела оценивать пройденное в лесу расстояние, но они, должно быть, одолели не меньше шести-семи километров, прежде чем Понтер, наконец, указал на видневшуюся в отдалении фигуру, склонившуюся над ручьём.

— Вот она, — тихо сказал он. — Она от нас с

наветренной стороны, так что я уверен, что нас она ещё не заметила.

— Хорошо, — сказала Мэри. — Давай подойдём ближе.

Понтер сказал Меге вести себя тихо, и они двинулись вперёд, подойдя к неандерталке метров на сорок. Но тут Мэри наступила на ветку, которая с громким треском переломилась, и женщина удивлённо вскинула голову. Немая сцена продолжалась несколько секунд — Понтер, Мэри и Мега смотрели на женщину, а женщина смотрела на них — после чего неандерталка повернулась и бросилась прочь.

— Стойте! — закричала Мэри. — Не убегайте!

Мэри не ожидала, что её слова возымеют какой-то эффект, но женщина тут же остановилась и обернулась к ней. Только тут Мэри сообразила: ведь она кричала по-английски, и хотя Кристина послушно перевела её слова мгновением спустя, женщина, должно быть, никогда в жизни не слышала настолько высокого голоса или настолько странного языка. Если она с начала лета живёт сама по себе, без компаньона и визора, то вряд ли она знает о том, что открылся портал в иную вселенную.

Понтер, Мэри и Мега подошли поближе, метров

на двадцать. На лице женщины было написано выражение полного, абсолютного изумления.

— Что… кто вы такая? — просила она по-неандертальски.

— Меня зовут Мэри Воган, — крикнула Мэри. — Пожалуйста, не убегайте! Вы Вессан Леннет?

Широкая челюсть женщины упала — Мэри сообразила, что она впервые в жизни услышала звук «и».

— Да, — ответила Вессан Леннет по-неандертальски. — Я Вессан. Пожалуйста, не трогайте меня.

Мэри удивлённо посмотрела на Понтера, однако крикнула в ответ:

— Разумеется! Мы вам ничего не сделаем! — Потом спросила Понтера: — Почему она нас боится?

— У неё нет компаньона, — тихо ответил Понтер. — С её стороны не останется записи этой встречи, и с точки зрения наших законов у неё нет никаких прав — она не сможет потребовать просмотра записей наших архивов.

— Не бойтесь! — закричала Мега. — Мы хорошие!

Понтер, Мэри и Мега приблизились к Вессан ещё метров на пять — она оставалась на месте.

— Кто вы такая? — снова спросила она.

— Она глексен! — крикнула Мега. — Разве вы не видите?

Вессан уставилась на Мэри.

— Нет, не вижу. Кто вы?

— Мега права. Я тот, кого вы называете глексенами.

— *Изумление!* — перевела Кристина восклицание Вессан. — Но… но вы же взрослая. Если бы кому-то удалось получить глексенский генетический материал настолько давно, уж я-то бы знала.

Мэри понадобилось несколько минут, чтобы сообразить, о чём говорит Вессан: она подумала, что Мэри — клон, выращенный из древней ДНК.

— Нет, всё не так. Я…

— Позволь мне, — сказал Понтер. — Вессан, вы знаете, кто я?

Вессан прищурилась, потом покачала головой.

— Нет.

— Это мой папа! — крикнула Мега. — Его зовут Понтер Боддет. Он 145-й. А я 148-я.

— Вы знаете химика по имени Лурт Фрадло? — просил Понтер, глядя на Вессан.

— Фрадло? Из Салдака? Знакома с её работами.

— Она партнёрша Адекора, — объяснила Ме-

га. — А Адекор — партнёр моего папы.

Понтер положил ладонь Меге на плечо.

— Правильно. Мы с Адекором квантовые физики. Нам удалось открыть доступ в параллельную вселенную, в которой глексены дожили до сегодняшнего дня, а барасты — нет.

— Вы меня за дуру держите? — сказала Вессан.

— Да нет же! — воскликнула Мега. — Это правда! Папа провалился в другой мир под землёй, в Дебральской никелевой шахте. Никто не знал, что с ним стало. Даклар думала, что это Адекор что-то сделал с папой, но Адекор хороший — он бы никогда такого не сделал. Жасмель — это моя сестра — помогала Адекору, и они смогли вернуть папу назад! Но потом они сделали так, чтобы портал всё время был открыт, и Мэре пришла через него с другой стороны.

— Нет, — сказала Вессан, глянув вниз. — Она из нашего мира. У неё компаньон.

Мэри тоже взглянула вниз; уголок лицевой панели компаньона высовывался из-под рукава свитера. Она сняла куртку, закатала рукав и вытянула руку вперёд.

— Мне его только недавно установили, — сказала она. — Рана ещё не зажила.

Вессан сделала шаг навстречу Мэри; потом ещё

один, и ещё.

— Действительно, — сказала она, наконец.

— Всё, что мы сказали — правда, — сказал Понтер. Он указал на Мэри. — Вы сами можете видеть, что это правда.

Вессан упёрлась широкими ладонями в бёдра и изучающим взглядом уставилась в лицо Мэри: крохотный нос, высокий лоб, костный выступ на нижней челюсти. Наконец, голосом, полным изумления, она произнесла:

— Да, я вижу.

Глава 21

Учёные говорят нам, что люди нашего вида дошли до северной оконечности Африки, посмотрели на север через Гибралтарский пролив и увидели за ним новую землю — и, разумеется, как это свойственно нам, мы рискнули, попытавшись переправиться через опасный пролив в Европу…

Вессан была из поколения 144, почти на десять лет старше Мэри. У неё были зелёные глаза и почти полностью седые волосы — лишь несколько светлых прядей выдавали их натуральный цвет. На ней была сильно потрёпанная одежда фабричного изготовления, там и тут заштопанная кусочками кожи. Она несла кожаный мешок, предположительно с сегодняшней утренней добычей.

Вчетвером они двинулись обратно к хижине Вессан.

— Ну, хорошо, — сказала она, глядя на Мэри, — я поверю в вашу историю. Но я до сих пор не знаю, зачем вы меня отыскали.

Они подошли к небольшому ручью. Понтер подхватил Мегу на руки и перемахнул через ручей, потом протянул руку Мэри и помог ей перебраться. Вессан перешла ручей вброд.

— Вы знаете, я тоже занимаюсь химией жизни, — сказала Мэри. — Нас интересует ваш кодонатор.

— Он запрещён, — ответила Вессан, поживая плечами. — Запрещён кучкой недалёких уродов.

Понтер жестом заставил их притихнуть. Впереди были олени. Мэри залюбовалась прекрасными созданиями.

— Вессан, — прошептал Понтер; Кристина, однако, воспроизвела перевод её слов на нормальной громкости, поскольку лишь Мэри могла её слышать. — Вам хватает еды? Я с удовольствием добуду для вас одного из тех оленей.

Вессан рассмеялась, потом ответила в полный голос:

— Вы очень добры, Понтер, однако мне всего хватает.

Понтер склонил голову, и они двинулись дальше; олени разбежались, давая дорогу. Вдали показалась хижина Вессан.

— Мой интерес к кодонатору не только академический, — сказала Мэри. — Мы с Понтером

хотим завести ребёнка.

— У меня будет младшая сестрёнка! — обрадовалась Мега. — Старшая у меня уже есть. Но мало у кого есть и старшая, и младшая сестра, так что я буду особенная.

— Правильно, дорогая, — сказала Мэри. — Ты правда особенная. — Она снова повернулась к Вессан.

— А что с вашей партнёршей-бараст? — спросила Вессан, обращаясь теперь к Понтеру.

— Её больше нет, — ответил он.

— Ах, — сказала Вессан. — Простите.

Они добрались до хижины. Вессан открыла дверь и жестом пригласила всех внутрь. Там она сняла с себя шубу…

…и Мэри увидела безобразный шрам на внутренней стороне её левого предплечья, в месте, откуда она удалила компаньона.

Понтер присел с Мегой к столу. По дороге она подобрала еловую шишку и пару красивых камней, и теперь непременно желала показать их отцу.

Мэри посмотрела на Вессан.

— Итак, — сказала она, — прототип всё ещё существует?

— Зачем он вам? — спросила Вессан. — Кого-то

из вас стерилизовали по суду?

— Нет, — сказала Мэри. — Ничего подобного.

— Тогда зачем вам мой прибор?

Мэри взглянула на Понтера, который внимательно слушал Мегу, рассказывавшую о том, что они проходят в школе.

— У барастов и глексенов, а также шимпанзе, бонобо, горилл и орангутанов общий предок, — сказала Мэри. — У этого предка, по-видимому, было двадцать четыре пары хромосом, как и у всех его потомков за исключением глексенов. У глексенов две хромосомы слились в одну — таким образом, у нас их всего двадцать три пары. В целом геном имеет практически одинаковую длину, но разница в числе хромосом делает натуральное зачатие проблематичным.

— Поразительно! — сказала Вессан. — Да, с помощью кодонатора можно легко получить диплоидный набор хромосом, в котором комбинировалась бы ДНК Понтера и ваша.

— Мы на это и надеялись, — сказала Мэри. — Почему я и спрашиваю, существует ли ещё ваш прототип.

— О, он существует, разумеется, — сказала Вессан. — Но я не могу позволить вам его забрать. Это запрещённый прибор. Как бы я ни ненавидела

этот факт, это реальность. Если он будет у вас, вы понесёте наказание.

— Он запрещён здесь, — сказала Мэри.

— Не только в Кралдаке и окрестностях, — возразила Вессан. — По всему миру.

— По всему *этому* миру, — сказала Мэри. — Но не в *моём* мире. Я увезу его к себе; мы с Понтером зачнём ребёнка там.

Глаза Вессан под изогнутым надбровьем округлились. Несколько секунд она молчала, и Мэри предпочла не прерывать её раздумий.

— Полагаю, это возможно, — сказала, наконец, Вессан. — Почему нет? Лучше он послужит хоть кому-нибудь, чем вообще никому. — Она помолчала. — Вам всё равно понадобится медицинская помощь, — продолжила она, — чтобы изъять яйцеклетку из вашего тела. Ваш природный гаплоидный набор хромосом будет удалён из неё, и вместо него доктор поместит внутрь полный диплоидный набор хромосом, созданный с помощью кодонатора. После этого яйцеклетка будет снова имплантирована в ваше тело. С этого момента у вас будет совершенно обычная беременность. — Она улыбнулась. — Тяга к солёным корнеплодам, тошнота по утрам и всё такое.

Мэри испытывала энтузиазм, пока речь шла о

некоем абстрактном решении, магически появляющемся из чёрного ящика. Однако теперь…

— Я… я не думала, что придётся удалить мою природную ДНК. Я думала, мы просто реструктурируем ДНК Понтера так, что она станет совместимой с моей.

Вессан вскинула бровь.

— Мэре, вы ведь сказали, что вы специалист по химии жизни. Вы должны знать, что в дезоксирибонуклеиновой кислоте, произведённой вашим телом, нет ничего особенного по сравнению с такой же кислотой, полученной синтетически. Вы, в сущности, не сможете отличить естественную цепочку от искусственной. Они химически неразличимы.

Мэри задумалась. Она частенько ворчала на сестру за то, что она переплачивает за «природные» витамины, химически неотличимые от произведённых в лаборатории. Но…

— Но одна из них выходит из моего тела, а другая — из машины.

— Да, но…

— Нет-нет, вы, разумеется, правы, — сказала Мэри. — Я годами твержу своим студентам, что ДНК — это не более, чем закодированная информация. — Она улыбнулась Понтеру и Меге. — И

коль скоро это *наша* закодированная информация — ребёнок тоже наш.

Понтер посмотрел на неё и кивнул.

— Разумеется, придётся секвенировать наш генетический материал.

— Проще простого, — сказала Вессан. — Это может сделать и сам кодонатор.

— Чудесно! — воскликнула Мэри. — Ваш прототип здесь?

— Нет. Нет, я его спрятала. Закопала. Но я завернула его в пластик и металлическую фольгу, так что он не пострадает. Это недалеко отсюда; я могу его достать в любой момент.

— Это очень много для нас значит, — сказала Мэри. И тут её осенило. — А вы не хотите вернуться вместе со мной? В мой мир? Я могу гарантировать, что в нашем мире не запретят ни сам прибор, ни дальнейшие исследования в этой области.

— Замечательная идея! — обрадовалась Вессан. — А на что похож ваш мир?

— Ну, он сильно отличается. К примеру, население у нас существенно больше.

— Насколько большое?

— Шесть миллиардов.

— Шесть миллиардов! Я думаю, в этом случае

вам вряд ли нужен прибор, облегчающий зачатие…

Мэри согласно кивнула.

— И мужчины и женщины живут вместе постоянно.

— Безумие! И они не действуют друг другу на нервы?

— Ну… я думаю, нередко, но… Как я сказала, наш мир сильно отличается. И в нём есть много замечательных вещей. У нас есть орбитальная станция — обитаемый аппарат, постоянно летающий вокруг планеты. У нас есть здания, которые упираются в небо, — хотя, с грустью подумала Мэри, недавно двумя из них стало меньше. — И наша кухня гораздо разнообразнее.

— Понтер, вы были там?

— Мой папа был там *три раза*! — гордо заявила Мега.

— На что это похоже? — спросила Вессан.

— Смотря для кого, — ответил Понтер. — Вот вам, к примеру, нравится жить вот так, на природе?

— Очень. Я уже совсем свыклась с такой жизнью.

— Вы чувствительны к запахам?

— Запахам?

— Да. Для получения энергии они жгут уголь и нефть, так что все их города пропитаны вонью.

— Звучит не очень привлекательно. Я, пожалуй, останусь здесь.

— Конечно, если вам здесь лучше, — сказала Мэри. — Но вы научите нас работать с кодонатором?

Вессан взглянула на Понтера.

— А что вы об этом думаете? Я-то добровольно удалилась от цивилизации, так что Серые — и Верховные, и Низшие — не имеют надо мной власти. Но вы…

Понтер посмотрел на Мэри, потом снова на Вессан.

— Я уже выступал против Верховных Серых; я принял решение проигнорировать приказ вернуться сюда, в наш мир, чтобы они смогли закрыть портал навсегда. Я бы и до сих пор оставался в мире Мэри, если бы посол не убедила других отправиться туда. И…

— Да?

— И, в общем, иногда людей стерилизуют без вины, так что…

Понтер умолк, и Мэри заговорила вместо него.

— Он говорит о своём партнёре, Адекоре Халде. Когда Понтер провалился в мой мир, кое-кто по-

думал, что Адекор убил его и избавился от тела. Его собирались стерилизовать. — Она повернулась в Понтеру. — Так ведь, Понтер?

— Что? — переспросил Понтер странным голосом. — О, да. Да, конечно, я об этом и говорил…

— Хорошо, — сказала Вессан, — раз вы считаете, что у вас из-за него не будет проблем, то я готова его отдать. — Она сделала жест в сторону двери. — Я пойду принесу его. Только не говорите никому — по крайней мере, в этом мире — что он у вас.

Глава 22

Точно так же некоторые из наших родственников-барастов, уроженцев Европы, приходили на её южную оконечность, на Гибралтар с его знаменитой скалой, символом постоянства и стабильности. И с её высоты они видели на юге неизвестную землю — Африку…

— Джок, можно вас на пару слов?

Джок Кригер поднял голову от стола. Его старание не выказывать своего восхищения красотой Луизы Бенуа было немного параноидальным. Он знал, что частично это из-за разницы в возрасте — он, в конце концов, старше её на тридцать шесть лет — но в корпорации «RAND» у него были знакомые, имевшие крупные неприятности из-за замечаний якобы сексистского характера.

— А, доктор Бенуа, — сказал он, поднимаясь со стула — ему так и не удалось победить эту привычку, вбитую в него ещё родителями. — Чем могу помочь?

— Помните разговор о возможном воздействии смены полярности планетарного магнитного

поля на наше сознание?

— Как такое можно забыть? — ответил Джок. — Вы сказали, что человеческое сознание было запущено в результате предыдущей смены полярности.

— Вот-вот. Сорок тысяч лет назад, когда случился Большой Скачок, магнитное поле Земли переживало коллапс, точно так же, как сейчас. В нашей вселенной поле снова возникло с той же полярностью, что и до коллапса — как это и происходит в половине случаев — не оставив по этой причине никаких следов. Но в другой вселенной ориентация поля сменилась, так что это событие *было* записано в геологической летописи. Как я сказала, это не может быть совпадением, что сознание гоминид оказалось запущено именно в период коллапса поля, и…

— И вы сказали, что в этот раз он снова может повлиять на наше сознание — возможно, приведя к его зависанию.

— Именно. Так вот, когда я впервые высказала это предположение, я опиралась лишь на совпадение во времени Большого Скачка и коллапса магнитного поля Земли; очевидно, между этими двумя событиями есть связь. Но с тех пор я копала, пытаясь разузнать, какие исследования

в области влияния электромагнитных полей на наше сознание у нас проводились — и, честно говоря, сейчас меня это беспокоит ещё больше.

— Почему? Ведь неандертальцы пережили коллапс — тот, который в их мире случился четверть века назад — без малейших проблем. — Джок был поражён, когда прочитал в работе Коу и Прево о том, что геологическая летопись содержит свидетельства чрезвычайно быстрой смены полярности магнитного поля планеты — в течение не столетий, а всего лишь недель. — Если им удалось пережить коллапс, то почему у нас не получится?

— Как бы мне не нравились барасты, — называть неандертальцев неандертальцами, по-видимому, уже стало неполиткорректно, — это другой вид, и мозги у них устроены по-другому, — сказала Луиза. — Достаточно взглянуть на их черепа, чтобы это понять. То, что им коллапс не повредил, ничего не говорит о нас.

— Да ладно, Луиза…

— Нет, правда. Я искала в интернете информацию о связи электромагнитных полей и сознания и наткнулась на нечто весьма интересное под названием CEMI-теория.

— Это как — теория наполовину? — спросил

Джок. Отличное название для полусырой идеи.

— CEMI, — через «С», — сказала Луиза. — Это расшифровывается как Conscious Electromagnetic Information theory[141]. Её независимо разработали двое исследователей: Джонджо Макфадден из Суррейского университета и Сьюзан Покетт из Новой Зеландии. — Она выглянула в окно кабинета Джока, по-видимому, собираясь с мыслями, и продолжила: — Видите ли, мы идентифицировали множество особых областей в человеческом мозге: области, где создаётся визуальное изображение, где происходят математические вычисления, даже — я точно помню, что читала о чём-то таком в газетах — область, ответственнуя за религиозные чувства. Но вот чего мы так и не смогли обнаружить в нашем мозге, так это место, где находится сознание. Макфадден и Поккет считают, что обнаружили это место — но оно не в мозгу, а, скорее, окружает и пронизывает его: это электромагнитное поле. Это поле позволяет нейронам, разделённым в мозгу значительным расстоянием, тем не менее контактировать друг с другом, связывая все крошечные кусочки информации воедино, в полную и точную картину

---

[141] notes: 141
«Электромагнитно-информационная теория сознания».

реальности.

— Беспроводная связь в мозгу, — спросил Джок, неожиданно для себя заинтересовавшись.

— Именно. В 1993 Карл Поппер высказал идею, что сознание есть внешнее проявление силового поля в мозгу, но он думал, что это силовое поле *неизвестной природы*, поскольку был уверен, что будь это одно из известных нам полей, оно бы уже давно было обнаружено. Макфадден и Поккет утверждают, что это поле имеет чисто электромагнитную природу.

— И они его зафиксировали?

— О, в мозгу и вокруг него происходит масса электромагнитных явлений; собственно, их-то и измеряет энцефалограф. Но вспомните, что нашим друзьям-барастам удалось объединить электромагнитное и сильное взаимодействия — другими словами, мы многого не знаем об электромагнитных полях, производимых как Землёй, так и мозгом одного-единственного человека.

— Но эти исследователи доказали, что такие поля действительно связаны с сознанием?

Луиза откинула от лица каштановую прядь.

— Нет, пока нет. И я признаю, что некоторые круги саму идею воспримут в штыки. Старина Рене Декарт верил в дуализм — идею о том, что

тело и разум — это две отдельных сущности. Но эта идея уже довольно давно вышла из моды, и некоторые посчитают CEMI-теорию нежелательным возвратом к дуализму. Но CEMI-теория весьма осмысленна с точки зрения обработки информации. Макфадден и Покетт, по сути, утверждают, что самосознание и информация — это одно и то же явление, наблюдаемое сквозь разные парадигмы, и…

— И что?

— Если сознание — электромагнитный феномен, — сказала Луиза, — тогда ничего нет удивительного в том, что впервые оно возникло в период коллапса геомагнитного поля. Как я уже говорила, недавний опыт барастов свидетельствует о том, что коллапс *сам по себе* не вызывает проблем с сознанием — но я ведь специалист по физике Солнца, не забыли? Пусть я специализируюсь по нейтрино, но мне интересен весь спектр солнечного излучения — а наш мозг, вместе со своими замысловатыми электромагнитными полями, в период коллапса будет подвергаться натиску этого обычно не доходящего до поверхности Земли излучения в течение нескольких лет или десятилетий. И чем больше я об этом думаю, тем больше прихожу к выводу, что нарушение

функционирования сознания вполне возможно.

— Но это же бред, — сказал Джок. — Сознание не может иметь электромагнитную природу. Я в прошлом году проходил МРТ, и я вас уверяю, во время процедуры я находился в полном сознании.

— Это наиболее частое возражение против этой теории, — сказала Луиза, кивая. — Макфадден рассматривал его в своей последней статье в «Journal for Consciousness Studies». Он доказывал, что жидкости в мозгу фактически создают клетку Фарадея, изолируя мозг от большинства внешних электрических полей. Он также указывает, что МРТ — это *статические* поля, изменяющие лишь направление движения заряженных частиц, так что они не оказывают никакого физиологического эффекта. Точно так же магнитное поле Земли статично и довольно однородно — или было таковым до тех пор, пока не начался коллапс. Но вот переменные внешние электромагнитные поля действительно возбуждают электрические токи в мозгу. И это влияет на активность мозга; есть даже строгие ограничения на многократное применение транскраниальной магнитной стимуляции, которое может вызвать судороги у здоровых людей.

— Но… если сознание имеет электромагнитную природу, то почему мы его не можем обнаружить?

— На самом деле можем. Сьюзан Покетт упоминает массу исследований, показывающих, что электромагнитные поля мозга изменяются воспроизводимым образом в ответ на специфические раздражители: вы можете измерить изменения в электромагнитных полях мозга в тот момент, когда вы видите что-то красное или что-то синее, или когда слышите среднее до или высокое до, и так далее. Она правда хороша в проделывании дырок в возражениях против её теории. К примеру, если мозолистое тело — скопление нервов, соединяющих правое полушарие с левым — рассечь, то можно ожидать, что обмен сигналами между полушариями мозга прекратится. Однако, за исключением самых неестественных ситуаций, пациенты с разделёнными полушариями функционируют вполне нормально; несмотря на отсутствие физического контакта между двумя частями мозга их сознание остаётся цельным — потому что, как утверждает Покетт, сознание является продуктом электромагнитного поля всего мозга, а не идущих в нём нейрохимических реакций.

— То есть, что вы хотите сказать? Что полушария мозга общаются телепатически? Да ладно!

— Скажем так, они общаются даже в отсутствие физического соединения, — сказала Луиза. — Это реальный факт.

— Тогда почему я не слышу ваших мыслей, даже когда стою рядом с вами?

— Ну, во-первых, вспомните, что мозг фактически заключён в клетку Фарадея, которая его экранирует. Во-вторых, Покетт считает, что основные колебания, ассоциируемые с сознанием, находятся в диапазоне от одного до ста герц, причём большинство из них — в районе сорока герц. Из этого следует, что их длина волны — где-то 8000 км, а размер идеальной антенны для приёма электромагнитного сигнала равен длине волны. Без гигантского приёмника либо по-настоящему чувствительного детектора вы не в состоянии уловить никакую часть моего сознания, просто подойдя ко мне поближе. Однако тот факт, что поле ограничено объёмом одного-единственного мозга, имеет большое значение. Одна из наибольших проблем в науке о сознании — это так называемая проблема связывания. Взгляните вот на эту книгу. — Она указала на лежащий у Джока на столе том — старое RANDовское исследование

в области военной стратегии. — Одна часть вашего мозга опознаёт зелёный цвет. Другая выделяет очертания предмета на фоне окружения. Третья отыскивает слово «книга» для их описания. Мы *знаем*, что мозг работает именно так. Но как эти кусочки связываются воедино, производя мысль о том, что мы смотрим на зелёный предмет, называемый книгой? CEMI утверждает, что связывание производит электромагнитное поле.

— Это всё очень умозрительно, — сказал Джок.

— Это, конечно, передний край и всё такое, но это хорошая, прочная научная теория, делающая фальсифицируемые предсказания. До тех пор, как началась вся эта история с параллельными мирами, я мало задумывалась о вещах вроде природы сознания, но это по-настоящему захватывающая область науки.

— И вы опасаетесь, что наше сознание может быть разрушено в результате коллапса магнитного поля Земли?

— Я не утверждаю, что что-то такое обязательно случится — в конце концов, неандертальцы ведь и правда недавно пережили такое явление на их собственной планете, и ничего им не сделалось. Но да — я правда беспокоюсь. И, я думаю, вам стоит побеспокоиться тоже.

Глава 23

Но неандертальцы не перебрались через Гибралтар. Там, на Гибралтаре, проявилась разница между ними и нами. Потому что когда мы видим в пределах досягаемости новый мир, мы берём его себе…

— Вот это, — сказала Вессан, водружая на стол прибор бледно-зелёного цвета, — и есть мой прототип кодонатора.

Мэри оглядела машину. Она имела примерные размер и форму трёх буханок хлеба, приставленных вплотную друг к другу — хотя неандертальцам вряд ли пришла бы в голову такая аналогия.

— Он может синтезировать любую цепочку дезоксирибонуклеиновой кислоты, или, если пожелаете, рибонуклеиновой кислоты, а также дополнительные белки, необходимые для производства хромосом и других структур.

Мэри поражённо покачала головой.

— Это настоящая фабрика жизни. — Она посмотрела на Вессан. — В моём мире вам бы дали за него Нобелевскую премию — это наша высшая

награда за научные достижения.

— Но здесь, — ответила Вессан, — его запретили. — В её голосе зазвучала горечь. — А ведь у меня были самые добрые намерения.

Мэри насторожилась.

— А какие, собственно, у вас были намерения?

Вессан несколько секунд молчала.

— У меня есть младший брат, который живёт в специальном учреждении. — Она взглянула на Мэри. — Мы устранили большинство генетических наследственных расстройств, но кое-какие до сих пор встречаются — генетические, но не наследственные. У моего брата… я не знаю, как вы это называете. У него дополнительная двадцать вторая хромосома.

— В смысле, двадцать первая, — поправила Мэри. — О, нет, конечно, нет. У вас это должна быть двадцать вторая. Мы называем это синдромом Дауна.

— У глексенов такие же симптомы? — спросила Вессан. — Ментальная и физическая немощь?

Мэри кивнула. У глексенов синдром Дауна также проявляется в лицевых аномалиях: выдвинутый язык, падающая челюсть, складка эпикантуса даже у людей западного происхождения. Мэри задумалась, как мог бы выглядеть

бараст с синдромом Дауна.

— Моя мать была из поколения 140. Она должна была родить первого ребёнка в двадцать, но не смогла тогда зачать. И в тридцать тоже не смогла. Она родила меня в сорок, и Ланамара в пятьдесят.

— У моего народа поздняя беременность также повышает вероятность синдрома Дауна.

— Потому что падает способность тела производить чистые наборы хромосом. Я хотела решить эту проблему — и я её решила. Мой кодонатор может устранить все ошибки копирования, все…

— Что? — спросила Мэри.

— Прошу прощения, — сказала Кристина. — Я не знаю, как перевести слово, которое употребила Вессан. Оно относится к случаю, когда имеется три хромосомы там, где должна быть пара.

— Трисомия, — подсказала Мэри.

— Если бы мои родители имели доступ к этой технологии, — продолжала Вессан, — которая позволила бы им получить безупречный диплоидный набор хромосом, несмотря на их возраст, Ланамар был бы нормальным. И, конечно же, имеется множество схожих расстройств, которых также можно бы было избежать.

Конечно же, подумала Мэри. Один глексен-

ский ребёнок из 500 рождается с повреждениями половой хромосомы, такими как синдром Клайнфельтера (две и более X-хромосомы и одна Y, часто с мозаичностью), синдром трисомии по X-хромосоме, синдром Тёрнера (только одна X-хромосома, вторая половая хромосома отсутствует либо усечена), XYY синдром, несущий предрасположенность мужчин к насилию — она подозревала, что у Корнелиуса Раскина лишняя Y-хромосома, его сложение и характер соответствовали симптомам. Встречались и другие комбинации, но они по большей части приводили к выкидышу.

— Но это ещё не всё, — сказала Вессан. — Предотвращение трисомии и похожих расстройств дало лишь первый толчок моей работе. Когда я взялась за неё всерьёз, мне стали приходить в голову идругие возможные применения.

— Правда? — заинтересовался Понтер.

— Ага. Я захотела избавиться от элемента случайности в комбинировании генов, предоставив родителям выбор желаемых черт.

— Как вы это себе представляете? — спросил Понтер.

Вессан посмотрела на него.

— Вы унаследовали множество черт от вашего отца, и другое множество от вашей матери; от

каждого из них вы получили половину вашей дезоксирибонуклеиновой кислоты; в целом эти две половины составляют ваши сорок восемь хромосом. Однако каждый произведённый вами сперматозоид содержит произвольную выборку этих черт. Ваша, Понтера Боддета, ДНК содержит гены, регулирующие цвет глаз, полученные от отца и от матери; гены, регулирующие форму надбровного валика, полученные от отца и от матери и так далее. Но в вашем сперматозоиде всего сорок восемь хромосом, в которых лишь половина вашей дезоксирибонуклеиновой кислоты. Каждый произведённый вами сперматозоид будет содержать либо ген вашего отца, либо ген вашей матери, но никогда — оба. В одном сперматозоиде будет закодирован цвет глаз вашей матери, цвет волос вашего отца, и форма надбровья вашей матери. В другом может быть всё наоборот. Третий может содержать материнские гены для всех трёх признаков. В четвёртом — только отцовские гены. И так далее для всех десятков тысяч различных генов в вашем генетическом коде. Никакие два произведённых вами сперматозоида не будут содержать в точности такой же набор генов. То же самое происходит и с яйцеклетками: также практически невозможно, чтобы две яйцеклетки

содержали одну и ту же комбинацию материнских и отцовских генов.

— Допустим, — сказал Понтер.

— В сущности… Мега ведь ваша дочь, правильно?

— А чья же ещё! — воскликнула Мега.

Вессан присела перед ней на корточки.

— У неё карие глаза, хотя у вас — золотистые, — сказала она. — У вас есть другие дети?

— Старшая дочь, Жасмель.

— И какого цвета глаза у неё?

— Такого же, как у меня.

— Повезло ей! — недовольно заметила Мега.

— И правда повезло, — сказала Вессан, встав и погладив девочку по голове. Потом она снова повернулась к Понтеру. — Карий цвет — доминантный признак; золотистый — рецессивный. Вероятность того, что ребёнок естественным образом унаследует ваш цвет глаз — один к четырём. Но если вы поручите производство своего репродуктивного материала кодонатору, а не собственному организму, то сможете дать обоим своим детям золотистые глаза — или любой другой признак, который имеется в генетической коде у вас или у вашей партнёрши.

— Ах-х, — сказала Мега. — Вот у меня были

золотистые глаза!

— Понимаете? — спросила Вессан. — При природном зачатии набор признаков, наследуемых ребёнком, совершенно случаен.

Понтер кивнул.

— Но разве не ясно, — продолжала Вессан, — что это совершенно дурацкий способ? Вы никогда не знаете, что именно получите в результате. И ведь это касается не только незначительных мелочей вроде цвета глаз. У вас есть гены, регулирующие гибкость глазного хрусталика: один от отца, другой от матери. Предположим, что от матери вам достался хороший ген, благодаря которому вы сможете обходиться без коррекции зрения даже в старости, тогда как с геном вашего отца вам пришлось бы носить корректирующие линзы. Вы можете передать один и только один из них своему ребёнку. Какой бы вы выбрали?

— Материнский, разумеется, — сказал Понтер.

— Именно! Но при естественном зачатии у вас *нет* выбора — вообще нет. Что получит ребёнок, зависит от случая — потому что вы поручаете производство сперматозоидов неэффективной природе. Но если вы секвенируете свою дезоксирибонуклеиновую кислоту, мы сможем выбрать лучшую половину из каждой пары признаков,

унаследованной вами от родителей, и потом произвести гаплоидный набор хромосом, содержащий только эти лучшие признаки. Мы сможем также сделать то же самое для Мэри, произведя гаплоидный набор, содержащий лишь наилучшие признаки из её генов. А потом мы скомбинируем их так, чтобы произвести на свет наилучшего из возможных детей. Генетически этот ребёнок будет в точности наполовину отец и наполовину мать, но при этом он получит наилучшую из возможных комбинацию отцовских и материнских черт.

— Вау, — сказала Мэри, качая головой. — Не совсем ребёнок под заказ, но…

Вессан замотала головой в ответ.

— Нет-нет, хотя это также возможно с помощью кодонатора: мы *можем* закодировать аллели, не присутствовавшие ни у одного из родителей. Но к такому я никогда не стремилась. Скоро должно быть зачато поколение 149 — и я хотела, чтобы это было величайшее из поколений, наследующее только лучшие черты людей, зачавших его, и отбросившее все худшие. — Она снова покачала головой; её голос стал тише. — Я могла сделать больше для улучшения нашего вида, чем сделала для него чистка генофонда. — Впрочем, через

секунду она, похоже, справилась со своей обидой, по крайней мере, на время. — Похоже, этого уже никогда не случится. Но по крайней мере моё изобретение сможет послужить вам.

Сердце Мэри готово было разорваться. Она станет матерью! Это действительно случится!

— Это просто *сказочно*, Вессан. Спасибо вам! Вы нам покажете, как он работает?

— Конечно, — ответила Вессан. — Надеюсь, в батареях ещё есть заряд. — Она тронула рукоятку, и через секунду квадратный экран в центре устройства ожил. — Конечно, вы сможете подключить экран побольше. Итак, соответствующие исходные химикаты заливаются в отверстие вот здесь, — она оказала на дыру в правой части прибора. — А конечный продукт выходит отсюда в виде взвеси в дистиллированной воде. — Она показала на втулку слева. — Очевидно, вы сюда подсоедините подходящую стерильную ёмкость.

— И как описывается желаемый продукт? — спросила Мэри, восторженно рассматривая машину.

— Можно голосом, — сказала Вессан. Она вытянула контрольный штырёк и заговорила, обращаясь к прибору: — Произведи цепочку дезоксерибонуклеиновой кислоты длиной 10000

нуклеотидов, состоящую многократно повторенного кодона аденин-цитозин-тимин. — Она посмотрела на Мэри. — Это код для аминокислоты…

— Для треонина, — сказала Мэри.

Вессан кивнула.

— Точно.

На приборе появилось несколько зелёных огоньков.

— Ах, да — он говорит, что недостаточно исходных материалов. — Она ткнула пальцем в экран. — Видите? Они перечислены здесь. Вы также можете воспользоваться клавиатурой для описания задания. — Она указала на один из переключателей. — Здесь вы выбираете между рибонуклеиновой и дезоксирибонуклеиновой кислотами. А потом вводите данные с любым уровнем детализации, вплоть до отдельных нуклеотидов. — Она указала на квадратную группу из четырёх кнопок.

Мэри кивнула. Переключатель, должно быть, был в положении дезоксирибонуклеиновой кислоты, поскольку на четырёх кнопках светились неандертальские идеограммы для аденина, гуанина, тимина и цитозина. Она указала на другую группу кнопок, выстроенных в восемь рядов по

восемь.

— А эта клавиатура для ввода кодонов, не так ли?

Кодоны — слова генетического языка, и всего их шестьдесят четыре; каждый состоит из трёх нуклеотидов. Каждый кодон обозначает одну из двадцати аминокислот, используемых для изготовления протеинов. Поскольку кодонов больше, чем аминокислот, некоторые кодоны обозначают одно и то же — генетические синонимы.

— Именно так, — ответила Вессан. — Эти кнопки позволяют вам вводить кодоны. Или, если вам безразлично, какой именно кодон будет регулировать данную аминокислоту, вы можете выбирать аминокислоты напрямую вот здесь. — Она указала на ещё одну группу из двадцати кнопок — четыре ряда по пять.

— Конечно, — продолжала Вессан, — клавиатура используется только для внесения точечных изменений: вводить вручную длинную последовательность невероятно утомительно. Обычно прибор подключается к компьютеру, и информация о желаемом конечном продукте просто загружается с него.

— Великолепно, — сказала Мэри. — Вы не представляете, сколько мы сил потратили, чтобы

научиться генному сплайсингу. — Она посмотрела Вессан в глаза. — Спасибо вам.

— Не за что, — ответила Вессан. — Ну а теперь — за работу.

— Сейчас? — удивилась Мэри.

— Конечно. Мы не будем производить ДНК прямо сейчас, но мы полностью настроим процесс. По-первых, мне понадобятся образцы ваших с Понтером дезоксерибонуклеиновых кислот для секвенирования.

— Вы можете это сделать?

— Кодонатор может. Ему нужно лишь дать образец, чтобы он его проанализировал. Анализ одного образца займёт примерно одно деци.

— Десятая часть дня на полную расшифровку генома отдельного человека? — поражённо переспросила Мэри.

— Ага, — ответила Вессан. — Давайте начнём, а потом я раздобуду чего-нибудь поесть.

— Я с радостью помогу вам на охоте, — сказал Понтер. — Он улыбнулся и поднял руку. — Хоть я и знаю, что помощь вам не нужна.

— Я буду рада компании, — сказала Вессан. — Но сначала давайте получим образцы генетического материала.

Глава 24

Если предстоящий коллапс магнитного поля Земли и научит нас чему-нибудь, то, скорее всего, вот чему: человечество слишком ценно, чтобы иметь лишь один дом; что класть все яйца в одну корзину — непростительная глупость…

Понтер позвонил водителю транспортного куба и сказал ему возвращаться в Кралдак; они вызовут другой куб ближе к вечеру.

Мэри и Мега остались в хижине, а Вессан м Понтером пошли на охоту. Мега показала Мэри, как работает её игрушка; Мэри пересказала ей часть киплинговской «Книги джунглей». Мега научила Мэри петь короткую неандертальскую песенку. Мэри понравилось возиться с Мегой — и она знала, что иметь собственного ребёнка будет ещё чудесней.

Наконец, Вессан с Понтером вернулись с пойманным на обед фазаном; Вессан принялась его потрошить, а Понтер занялся салатом. Оказалось, что на крыше хижины были установлены солнечные панели, так что у неё был и вакуумный

шкаф для хранения продуктов, и электрообогреватель, и люциферинoвые светильники, и многое другое; друзья надарили ей на прощание массу всего, когда она объявила о своём решении удалиться от организованного неандертальского общества. В целом, решила Мэри, это была бы не такая уж плохая жизнь, если бы только было чего почитать. Вессан показала Мэри свой планшет и как она его подзаряжает от солнечных панелей на крыше.

— Здесь хранится текстов где-то на четыре миллиарда слов, — объяснила она. — Доступа к новинкам у меня, понятное дело, нет, но это не беда; всё равно сейчас пишут одну чепуху. Но вот классика!.. — Вессан прижала устройство к груди. — Обожаю классику!

Мэри улыбнулась. Вессан была похожа на Кольма в его восхвалении достоинств Шекспира и его современников; ей приходилось прятать от него свои арлекиновские[142] романы, чтобы не нарваться на ссору.

Обед был очень вкусный, Мэри не могла этого не признать — или, возможно, после всех сегодняшних хождений по лесу она очень сильно

[142] notes: 142

«Harlequin» — торонтское издательство, специализирующееся на женских романах.

проголодалась.

На время обеда кодонатор убрали на пол, но как только все закончили есть, Вессан подняла его обратно на стол. Мега свернулась в углу калачиком и задремала, оставив троих взрослых сидеть у стола: Вессан на стуле, Понтер на поставленном на попа полене, а Мэри устроилась на крышке вакуумного шкафа лицом к циклопическому мамонтову черепу.

— Итак, — сказала Вессан, вглядываясь в дисплей. — Секвенирование завершено. — Мэри смотрела не на квадратный экран, а на саму Вессан, поскольку, за исключением очень небольшого количества, она не умела читать неандертальские идеограммы. Вессан, по-видимому, забыв об этом, ткнула пальцем в экран.

— Как видите, он составил список 50000 активных генов из вашей, Мэре, дезоксирибонуклеиновой кислоты, и такое же количество из кислоты Понтера.

— Пятьдесят тысяч? — поразилась Мэре. — Я считала, что в человеческой ДНК только 35000 активных генов. Согласно нашим последним подсчётам.

Вессан на секунду задумалась.

— Ах, да, вы, наверное, не считаете… не знаю,

как вы это зовёте. Своего рода экзонная дупликация. Я потом покажу вам, как это работает.

— Буду очень благодарна, — ответила Мэри, заинтригованная сверх всякой меры.

— Так вот, у прибора теперь есть список из 50000 аллелей для каждого из вас. Это значит, что кодонатор готов двигаться дальше и произвести то, что вам нужно: пару гамет с одинаковым количеством хромосом. Но…

— Да? — сказала Мэри.

— Ну, я вам рассказывала о том, для чего я создавала этот прибор: чтобы дать родителям возможность выбрать, какие аллели унаследует их ребёнок.

— Я думаю, нас устроит любая случайная комбинация. — Слова вырвались на свободу прежде, чем Мэри задумалась об их смысле; должно быть, поняла она, это заговорило её природное католическое отвращение к вмешательству в вещество самой жизни… хотя любое использование этой машины неизбежно является весьма тяжёлым случаем вмешательства.

Вессан нахмурилась.

— Если бы вы оба были барастами, я бы удовлетворилась таким ответом, однако, Мэре, как вы сами понимаете, будь вы барастами, вам не нужен

бы был кодонатор для получения случайной комбинации вашего генетического материала. — Она покачала головой. — Но вы — не бараст. — Она посмотрела на предплечье Понтера. — Не думала, что когда-либо снова воспользуюсь этой штукой, но… компаньон Понтера!

— Здравый день, — отозвался мужской голос из внешнего динамика. — Меня зовут Хак.

— Хак, значит, — сказала Вессан. — Я уверена, что после установления контакта с народом Мэре проводились исследования различий дезоксирибонуклеиновых кислот барастов и глексенов.

— Это так, — подтвердил Хак. — Это была весьма горячая тема.

— Результаты этих исследований доступны в глобальной информационной сети?

— Конечно.

— Отлично, — сказала Вессан. — В процессе нам понадобится наводить справки. — Она подняла голову и перевела взгляд с Мэри на Понтера, потом обратно на Мэри. — Я не советую вам произвольно слеплять ваши дезоксирибонуклеиновые кислоты. Речь идёт о комбинировании генов разных биологических видов. Да, конечно, — она сделала жест в сторону экрана кодонатора, — теперь уже очевидно, что геномы

барастов и глексенов практически идентичны, но мы должны изучить все расхождения и принять взвешенное решение о том, какой вариант оставить в каждом случае. — Она ткнула пальцем в направлении Мэри. — Такие вот крошечные носы характерны для вашего вида?

Мэри кивнула.

— Вот видите? Будет глупо закодировать крошечный глексенский нос и огромную обонятельную луковицу барастов. Признаки должы выбираться так, чтобы они усиливали друг друга или хотя бы друг другу не мешали.

Мэри кивнула.

— Да, конечно, вы правы. — У неё в животе заплясали бабочки, но она пыталась говорить непринуждённо. — Так что у нас в меню?

— Хак? — сказала Вессан.

— Генетические различия между…

— Погоди! — сказала Вессан. — Я ещё ничего не спросила.

Понтер улыбнулся.

— Хак — очень умный компаньон, — сказал он. — Вы знаете Кобаста Ганта?

— Исследователь искусственного интеллекта? — уточнила Вессан. — Я знаю *о* нём.

— Так вот, — сказал Понтер, — где-то десять

месяцев назад он сделал моему компаньону апгрейд. Понятное дело, не вы одна пытались улучшить жизнь барастов. Кобаст хочет, чтобы всё поколение 149 носило компаньоны, обладающие интеллектом.

— Ну, будем надеяться, что они не запретят работу Ганта, как запретили мою — хотя, если всё же запретят, у меня, может, появится сосед. В любом случае, я собиралась попросить Хака дать нам обзор отличий глексенского генома от барастовского.

— Именно это я вам и собирался рассказать, — сказал Хак немного обиженным тоном. — Как вы уже отметили, в геноме глексенов и барастов около 50000 генов. Однако 98,7 % их имеют аллели, встречающиеся в обеих популяциях; лишь 462 гена имеют варианты, встречающиеся только у барастов, но отсутствующие у глексенов, или наоборот.

— Здорово, — сказала Вессан и посмотрела на Мэри. — Всё остальное вы можете оставить на волю случая, если хотите, но я считаю, что на эти 462 гена мы должны посмотреть очень внимательно и сделать выбор очень аккуратно.

Мэри посмотрела на Понтера; тот не возражал.

— Хорошо, — сказала она.

— Итак, прежде чем мы начнём, мы должны ответить на два вопроса. С помощью кодонатора вы получите диплоидный набор хромосом с комбинацией ваших дезоксирибонуклеиновых кислот. Мы собираемся произвести двадцать три пары хромосом или двадцать четыре? Иными словами, вы хотите, чтобы ваш ребёнок был барастом или глексеном?

— Ой, — сказала Мэри. — Хороший вопрос. В своём мире я как раз занималась поиском надёжного способа определения видовой принадлежности для целей иммиграционного контроля. И, похоже, метод проверки числа хромосом примут в качестве официального.

— Ваш ребёнок может быть гибридом во многих других отношениях, — сказала Вессан. — Но здесь возможно либо то, либо другое.

— Э-э… Понтер?

— Мэре, среди нас двоих генетик — ты. Я так думаю, что вопрос о числе хромосом тебе, так сказать, ближе и роднее.

— У тебя нет собственных предпочтений?

— На эмоциональном уровне нет. Я, однако, подозреваю, что с правовой точки зрения нашему ребёнку было бы удобнее быть глексеном.

— То есть?

— У нас тут единое мировое правительство — Верховный Серый совет. У вас же — 191 государство, входящее в Организацию Объединённых Наций, плюс ещё сколько-то, не являющихся членами, и проблемы могут возникнуть при въезде в каждое из них.

Мэри кивнула.

— Я думаю, что проще будет убедить одно мировое правительство в том, что существо с двадцатью тремя хромосомами должно иметь возможность жить и работать в моём мире, где только пожелает, чем убедить ваши две сотни правительств, что существу с двадцатью четырьмя парами хромосом нужно дать такую же возможность в вашем мире.

Мэри посмотрела на Вессан.

— Мы ведь не собираемся прямо сейчас производить ДНК нашего будущего ребёнка?

— Нет, разумеется, нет. Я полагаю, это будет сделано в вашем мире, когда вы будете готовы забеременеть. Я лишь обрисовываю для вас проблемы, которые вам нужно будет решить.

— То есть мы не должны принимать решение прямо сейчас.

— Именно так.

— Ладно, давайте тогда пока замнём.

Вессан недоумённо посмотрела на неё.

— Простите?

— В смысле, отложим пока этот вопрос. Что ещё?

— Ну, этот вопрос не связан с вашими особыми обстоятельствами, однако также должен быть заранее согласован, поскольку от него зависит то, как кодонатор распределит дезоксирибонуклеиновую кислоту Понтера. Вы хотите мальчика или девочку?

— Это мы уже обсудили, — сказала Мэри. — Мы хотим дочку.

Вессан что-то переключила на панели управления прибора.

— Значит, девочка, — сказала она. — Посмотрим, что у нас ещё… — Она уставилась на экран.

— Следующая последовательность отвечает за тип пробора, — сказал Хак. — У барастов естественный пробор проходит посередине головы, вдоль сагиттального шва. У глексенов пробор обычно сдвинут в сторону. У Мэри, похоже, имеются аллели только для бокового пробора; обе аллели из генома Понтера, разумеется, кодируют центральный. Вы можете взять по одной от каждого из вас и экспериментально установить, какая из них доминантна, либо взять обе от

Понтера, либо обе от Мэре, и быть практически уверенными в том, что получится в результате.

Мэри посмотрела на Понтера. Обычная причёска неандертальцев действительно напоминала обезьян-бонобо. Поначалу ей она казалась страшноватой, но потом привыкла.

— Я не знаю.

— Боковой, — сказал Понтер. — Девочка должна быть похожа на мать.

— Ты уверен? — спросила Мэри.

— Конечно.

— Тогда боковой, — решила Мэри. — Берите обе мои аллели.

— Сделано, — сказала Вессан и показала на квадратный дисплей. — Вы видели, как я это делаю? Аллели выбираются с помощью вот этих чувствительных зон на экране.

Мэри кивнула.

— Просто и понятно.

— Спасибо, — сказала Вессан. — Я приложила массу усилий, чтобы сделать прибор простым в использовании. Так, теперь я выбираю следующую группу аллелей, по крайней мере, на стороне Понтера: они отвечают за цвет глаз. Мэре, у вас глаза голубые — я таких никогда в жизни не видела. Глаза Понтера золотисто-коричневые; вы

называем этот цвет *делент*; он встречается редко и потому высоко ценится.

— Голубой цвет глаз — рецессивный признак у глексенов, — сказала Мэри.

— Как и *делент* у нас. Поэтому мы можем взять обе ваши аллели и сделать вашу дочь голубоглазой, обе аллели Понтера и дать ей золотистые глаза, или по одной аллели от каждого из вас и ждать сюрприза.

Они продолжали в таком ключе некоторое время, прервавшись только когда Мэри, а затем Понтеру понадобилось воспользоваться бытовыми удобствами, функцию которых в данном случае выполняла деревянная бадья.

— А теперь, — сказала Вессан, — мы подходим к интересной нейрологической особенности. В этом случае я бы не хотела брать от аллели каждого из вас, потому что мы не знаем, какой эффект может произвести их смешение. Я думаю, гораздо безопаснее будет позволить ребёнку обладать одним либо другим признаком, нежели пытаться их смешивать. У барастов этот ген регулирует развитие части теменной доли, расположенной в левом полушарии. Вы, конечно, не хотите риска получить повреждение мозга, так что…

— Вы сказали «теменной доли»? — прервала

её Мэри, подаваясь вперёд. Её сердце тревожно забилось.

— Да, — ответила Вессан. — Если она не сформируется, как положено, то возможна афазия и трудности с координацией, так что…

Мэри повернулась к Понтеру.

— Ты её подговорил?

— Прошу прощения? — сказал Понтер.

— Да ладно, Понтер. Теменная доля в левом полушарии!

Понтер нахмурился.

— И что с ней?

— Она, по словам Вероники Шеннон, ответственна за религиозное мышление у моего вида. Ощущение покидания тела; чувство слияние со вселенной. Всё это коренится в ней.

— Ох, — сказал Понтер. — Правда.

— Ты хочешь сказать, что не знал, что к этому идёт?

— Честное слово, Мэре — понятия не имел.

Мэри отвела взгляд.

— Ты говорил о «лекарстве» против религии, чёрт побери! И вот, полюбуйтесь — оно уже есть.

— Мэре, — сказала Вессан. — Мы с Понтером ни о чём не сговаривались.

— Правда? Вы охотились достаточно долго,

чтобы…

— Мэре, это правда, — сказала Вессан. — Я не знаю, о каком исследовании вы говорите.

Мэри сделала глубокий вдох и очень медленно выдохнула.

— Простите, — сказала она, наконец. — Я несу что попало. Понтер никогда не устроил бы мне такой подлянки.

Хак пискнул, но Понтер не стал просить разъяснений.

Мэри протянула к нему левую руку.

— Понтер, ты — мой партнёр, хоть у нас и не было ещё церемонии вступления в союз. Я знаю, что ты никогда меня не обманешь.

Понтер молчал.

Мэри качнула головой.

— Я не ожидала, что нам придётся принимать такое решение. Цвет волос, цвет глаз — куда ни шло. Но атеист или верующий? Кто бы мог подумать, что это тоже заложено в генах.

Понтер сжал руку Мэри.

— Вопрос гораздо важнее для тебя, чем для меня. По крайней мере, *это* мне понятно. Поэтому мы сделаем так, как ты решишь.

Мэри снова глубоко вдохнула. Она могла бы это обсудить с отцом Калдикоттом — но, чёрт возьми,

католический священник никогда не одобрит и малой части того, что они задумали.

— Я, понятное дело, не слепая, — сказала Мэри. — Я видела, как мирно вы живёте — по крайней мере, бóльшую часть времени. И я видела, какими… — она замолчала, на секунду задумалась, и пожала плечами, словно не найдя лучшего слова, чем то, что сразу пришло ей в голову, — какими *одухотворёнными* могут быть ваши люди. И Понтер, я всё время думаю о тех вещах, о которых ты говорил — у Рубена дома, когда мы смотрели католическую мессу по телевизору, и возле стены ветеранов Вьетнама… — она снова пожала плечами. — Я всё это слушала, и услышала, но…

— Но ты всё ещё не убеждена, — мягко закончил за неё Понтер. — Я тебя не виню. В конце концов, я не социолог. Мои рассуждения о том… — он тоже на секунду замолчал, явно сознавая, что затрагивает весьма деликатную тему, но потом всё же продолжил, не в силах подыскать другого слова, — о том зле, которое принесла вашему миру религия, это именно рассуждения, философское ворчание, не более того. Я не могу доказать то, что я чувствую; не думаю, что кто-либо может.

Мэри закрыла глаза. Её хотелось помолиться,

попросить наставления. Но раньше она не получала никаких наставлений, и не было никакой причины, чтобы в этот раз было по-другому.

— Возможно, — сказала она, наконец, — нам следует оставить это на волю случая; пусть будет так, как лягут гены.

— Если бы речь шла про любую другую часть тела, — тихо сказала Вессан, — я могла бы с вами согласиться. Но мы говорим о компоненте мозга, который устроен по-разному у двух разновидностей людей. Просто взять одну аллель от глексена, а другую — от бараста, и надеяться на лучшее — не самое разумное решение.

Мэри задумалась. Вессан права. Если уж они решили завести гибридного ребёнка, им так или иначе придётся принять решение.

Понтер отпустил Мэрину руку, но потом снова начал поглаживать её.

— Это не то же самое, что решать, будет у нашей дочери душа или нет. Мы решаем лишь, будет ли она *верить*, что у неё есть душа.

— Вам не обязательно решать это сегодня, — сказала Вессан. — Как я сказала раньше, моим намерением было ознакомить вас с процессом работы с кодонатором. Вам не нужно производить диплоидные хромосомы, пока вы, Мэре, не

будете готовы к их имплантации. — Она сложила руки. — Но когда это время настанет, вы должны будете принять решение.

Глава 25

Так что сейчас и в самом деле снова настало время для больших шагов. Но это время не только для великого американского проекта. Пришло время, выражаясь словами другой великой речи[143], чёрным людям и белым людям, евреям и гоям, протестантам и католикам — а также индусам, мусульманам, буддистам, мужчинам и женщинам, исповедующим любые религии или не исповедующим никакой, гражданам всех объединённых наций, членам всех расовых и религиозных групп, составляющих нашу уникальную разновидность человечества — им всем пришло время отправиться дальше, в мире и гармонии, проявляя взаимное уважение и дружбу — продолжить путешествие, которое мы, Homo sapiens, ненадолго прервали…

---

[143] notes: 143

Имеется в виду знаменитая речь Мартина Лютера Кинга «У меня есть мечта», произнесённая 28 августа 1963 года в Вашингтоне и ставшая поворотным моментом в движении за гражданские права чернокожих.

— Я думаю, — сказала Вессан, — что вам нужно многое обсудить наедине. Наверное, я возьму Мегу, и мы пойдём посмотрим на звёзды. — Мега как раз только что проснулась. — Мега, пойдёшь гулять?

— Конечно! — сказала Мега.

Вессан поднялась с кресла, отыскала свою шубу, замотала Мегу в пару просторных рубах и повела её к двери.

Мэри ошутила на лице дуновение холодного воздуха, когда она открыла дверь. Она проследила глазами за выходящими Вессан и Мегой; деревянная дверь закрылась за ними.

— Мэре… — сказал Понтер.

— Нет, нет, дай мне подумать, — ответила Мэри. — Просто дай мне пару минут подумать.

Понтер доброжелательно кивнул, отошёл к очагу и занялся разведением огня.

Мэри встала с вакуумного шкафа, пересела в кресло, которое освободила Вессан, и опёрлась подбородком на сложенные ладони.

Подбородок…

Характерная черта Homo sapiens.

Но тривиальная, совершенно неважная.

Мэри вздохнула. Если бы не вопрос места жительства, ей было бы безразлично, будет у них

мальчик или девочка.

И ей определённо всё равно, будет у неё пробор посередине или сбоку. Или какого цвета будут у неё глаза. Или будет ли она так же мускулиста, как Понтер. И насколько острый будет у неё нюх.

Лишь бы она была здорова…

Эту мантру родители повторяют тысячи лет.

Кроме как в лаборатории Вероники, у Мэри никогда в жизни не случалось полноценных религиозных переживаний, но, тем не менее, она искренне верила в Бога. Даже сейчас, зная, что её предрасположенность к этой вере прошита в её мозгу, она продолжала верить.

Хочет ли она лишить своё дитя утешения, которое даёт эта вера? Хочет оградить от религиозного экстаза, который обходил Мэри стороной за пределами лаборатории, но который, по-видимому, посещал стольких других людей?

Она подумала о мире, в котором пребывает, и риторика выпусков новостей её юности вдруг всплыла в её памяти. Слова, которых до сих пор она тщательно избегала.

Безбожники.

Коммунисты.

Но, чёрт её возьми, неандертальская система действительно *работает*. Работает лучше, чем

прогнивший и морально обанкротившийся капитализм её мира — мир табачных компаний, «Энрона», «WorldCom» и других аферистов, людей, движимых одной только жадностью, неприлично много берущих себе, тогда как другим не хватает даже на еду.

И она работает лучше, чем религиозные организации её мира — её собственная Церковь, десятилетиями прикрывающая растлителей малолетних, её религия и многие другие, дискриминирующие женщин, религиозные фанатики, направляющие самолёты на небоскрёбы…

Понтеру удалось запалить огонь. От поленьев, которые он сложил на камни очага, начали подниматься струйки дыма.

Когда он закончил раздувать огонь и пламя взялось за поленья всерьёз, Мэри встала с кресла и подошла к своему мужчине, всё ещё сидящего на корточках у очага.

Он взглянул на неё снизу вверх, и, хотя в свете очага его массивный нос и надбровье отбрасывали густые тени, он по-прежнему выглядел добрым и любящим.

— Я приму любое твоё решение, — сказал он, поднимаясь на ноги.

Мэри обняла его за плечи.

— Я… как бы мне хотелось, чтобы у меня было много-много времени, чтобы всё обдумать.

— Ну, у нас есть *сколько-то* времени, — сказал Понтер. — Но не сколько угодно. Если мы хотим, чтобы наша дочь была частью поколения 149, мы должны зачать её вовремя.

— Может быть, она не будет частью 149-го, — Мэри осознавала, что в её голосе слышится досада. — Может, мы родим её на следующий год. Или ещё через год.

— Я знаю, что ваш народ рожает каждый год, — мягко ответил Понтер. — Если наша дочь будет расти в твоём мире, то не имеет значения, когда мы её зачнём. Но если мы хотим, чтобы она росла в этом мире или в обоих мирах, или хотя бы имела возможность стать частью моего общества, то мы должны сделать это в соответствии с распорядком.

— Это, — сказала Мэри, подаваясь назад и глядя на Понтера.

Бровь Понтера взлетела вверх.

— *Это*, — повторила Мэри. — «Сделать *это* в соответствии с распорядком». Звучит не слишком романтично.

Понтер снова привлёк её к себе.

— Мы должны одолеть несколько… особых

препятствий. Но что может быть романтичней, чем дитя двух людей, которые любят друг друга?

Мэри заставила себя улыбнуться.

— Ты прав, конечно. Прости. — Она помолчала. — И ты прав, что мы должны это сделать вовремя. — Её день рождения был в конце года; она знала, каково быть даже на полгода младше других детей в классе. Быть младше всех остальных на год или два — это уже полная катастрофа. Да, её дочь в основном будет жить в мире Мэри, но когда она вырастёт, то может решить обосноваться в мире неандертальцев — а она никогда не сможет стать здесь своей, если не будет принадлежать к определённому поколению.

Понтер какое-то время молчал.

— Ты готова сделать выбор? — спросил он.

Мэри смотрела через его плечо на огонь в очаге.

— Мой брат Билл женился на протестантке, — сказала она, наконец. — Ты не представляешь, как это огорчило мою маму! Биллу и Диане — это его жена — пришлось решать, в какой религиозной традиции воспитывать своих детей. Я слышала только кусочки и обрывки, и, разумеется, только от Билла, с его точки зрения — но это, похоже, была эпическая битва. А ты меня

спрашиваешь, готова ли я решить, будет или не будет моя дочь предрасположена к вере в Бога?

Понтер ничего не ответил; он просто обнимал её, поглаживая по голове. Если Понтеру и не терпелось узнать, что решит Мэри, то он никак этого не показывал — и Мэри была ему благодарна за это. Если бы он выглядел обеспокоенным, она бы знала, что он отдаёт предпочтение какому-то одному варианту, и ей было бы ещё сложнее разобраться в своих чувствах. Какому именно варианту он мог бы отдать предпочтение, Мэри не могла сказать точно. Сперва ей показалось, что Понтер предпочёл бы видеть свою дочь такой, как он сам, лишённой…

Она ненавидела этот термин, но он приобрёл популярность в прессе ещё до того, как открылся портал в мир неандертальцев.

…лишённой «органа Бога».

С другой стороны, Понтер достаточно образован, чтобы знать, что, несмотря на то, чем они сегодня занимались целый день, человека нельзя заказывать, как пиццу: «Дайте мне второй номер, только без лука». Всё должно смешаться, чтобы произвести нечто цельное. Может быть, Понтер *хотел бы*, чтобы его дочь унаследовала веру своей матери? Скажем, чтобы проверить гипотезу сво-

его скульптора личности? Будут ли его чувства к дочери, которая верит, что будет жить после смерти, отличаться от тех, что он испытывает к Жасмель и Меге?

Мэри никогда не спросит его об этом, в особенности после того, как решение будет принято. Когда нужные гены уже внесены в хромосомы их будущего ребёнка, поздно и бессмысленно сожалеть о чём-то и снова возвращаться к уже законченным спорам.

В «Стартреке-5», режиссёром которого был сам Уильям Шетнер, и в котором сводный брат Спока Сибок ходил на поиски Бога, была одна сцена, изображавшая момент рождения самого Спока, причём не где-нибудь, а в пещере; человеческой матери Спока, Аманде, помогала вулканская повитуха. Когда новорожденного Спока показали Сареку, его вулканскому отцу, Сарек произнёс лишь короткую фразу, наполненную бесконечным разочарованием: «Так похож на человека…»

Мэри тряхнула головой, прогоняя воспоминания. А что, собственно, Сарек ожидал увидеть? Если он сам захотел гибридного ребёнка, то почему расстраивается, увидев унаследованные от матери черты? Мэри и Понтер искренне стремились взять лучшее от каждого из миров — а это

означает включать, а не исключать.

— Это не дефект, — сказала, наконец, Мэри, не трудясь объяснять, какое именно «это». — Это не какой-то изъян в глексенском мозгу. Способность верить в Бога, если мы этого хотим, если так решили — это часть того, кто мы есть. — Она взяла Понтера за руку. — Я знаю, что натворила религия — *организованная* религия. И я даже начинаю соглашаться с тобой по поводу того вреда, что принесла моему миру вера в жизнь после смерти. Наша бесчеловечная жестокость действительно кажется связанной с верой в то, что все несправедливости будут исправлены в следующей жизни. Но, тем не менее, я хочу, чтобы моя дочь — наша дочь — по крайней мере имела возможность верить в эти вещи.

— Мэре… — сказал Понтер.

Она отстранилась от него.

— Нет. Нет, дай мне договорить. Твой народ стерилизует преступников, говоря, что это поддерживает генетическийо пул в здоровом состоянии. Но на самом деле это нечто большее, не так ли, по крайней мере, когда преступник — мужчина? Вы стерилизуете не через вазектотомию — вы полностью удаляете ту часть его анатомии, что ответственна не только за агрессию, но и за сек-

суальные желания.

Мэри отметила, что Понтеру эта тема явно неприятна, но, собственно, какому мужчине приятны разговоры о кастрации? Она продолжила:

— Так вот, я — жертва изнасилования: самого худшего, к чему может привести тестостерон. Но я также женщина, познавшая все радости секса с любящим мужчиной-партнёром. Возможно, при определённых обстоятельствах, удаление производящих тестостерон желез и оправдано. И так же возможно, что при определённых обстоятельствах оправдано и удаление органа Бога. Но не сразу, не с самого начала.

Мэри снова смотрела на Понтера.

— У моей Церкви есть понятие первородного греха: что все люди рождаются запятнанными, несущими на себе зло и вину поколений своих предков. Я в это не верю. Вероника Шеннон говорила о бихевиоризме — об идее того, что в человеке можно развить любое поведение, любую реакцию. Механизм — периодическое подкрепление или последовательное — может отличаться у глексенов и барастов, но базовая концепция та же самая. Новорожденный ребёнок, новая жизнь — это лишь потенциал, который можно развить тем или иным способом, и я хочу,

чтобы наш ребёнок, наша дочь имела все возможные потенциалы, чтобы с помощью моей и твоей родительской любви она стала как можно лучшим человеческим существом.

Понтер кивнул.

— Я согласен на всё, что ты захочешь.

— Этого, — сказала Мэри. — Я хочу этого. Ребёнка, который может верить в Бога.

Глава 26

И мне выпала сегодня честь начать эту новую фазу. Пришло время, друзья мои, по крайней мере, некоторым из нас, покинуть эту версию Земли и совершить очередной гигантский прыжок…

Мэри, Понтер и Мега переночевали на полу в хижине Вессан. На следующий день, завернув кодонатор в шкуры, чтобы никто его не заметил, они вызвали транспортный куб и отправились в Центр Кралдака, откуда вертолётом вернулись в Салдак… как раз к тому времени, когда Двое перестали быть Одним.

Понтер встретился с Адекором, они погрузились в автобус и отправились домой, на свою территорию. Мэри знала, что Понтеру завтра предстоит новое путешествие. Завтра он должен будет сопровождать делегацию ООН, в составе которой будет и Джок Кригер, в их поездке на остров Донакат.

У Мэри разрывалось сердце, и она уже считала дни до следующего периода, когда Двое станут Одним. Она, конечно, не будет всё это время жить

здесь — она должна будет вернуться в «Синерджи Груп», однако обязательно приедет на выходные.

Мэри чувствовала совершенно невообразимую ревность к Адекору. Она знала, что это несправедливо, но во всей этой ситуации она чувствовала себя Другой Женщиной, словно они с Понтером тайком вырвались на тайное свидание, а теперь он возвращается в свою законную семью.

Мэри повернулась и медленно побрела по направлению к дому Бандры, неся в руках завёрнутый в шкуру кодонатор. Вокруг было множество других женщин, но ни одна из них не выглядела печальной. Те, что разговаривали друг с другом, смеялись; широкие лица тех, кто шёл в одиночестве, озарялись улыбками, адресованными не другим прохожим, а собственным потаённым мыслям.

Мэри чувствовала себя полной дурой. Какого чёрта она делает здесь, в этом мире, с этими людьми? Да, ей нравится проводить время с Понтером. Их секс был таким же потрясающим, как и раньше, общение — интересным и увлекательным, а поездка к Вессан была замечательной в очень многих отношениях. Но ведь в следующий раз они с Понтером будут вместе лишь через двадцать пять дней!

Стая странствующих голубей на некоторое время закрыла солнце. Мэри знала, что это перелётные птицы, курсирующие между двумя домами — одним на севере, другим на юге. Мэри горестно вздохнула и продолжила путь. Она знала, почему все неандерталки, мимо которых она проходила, улыбаются. Они не возвращаются, как она, к одинокому существованию. Они возвращаются к своим возлюбленным женского пола, к своим детям, у кого они есть — к своей семье.

Мэри подняла воротник мамонтовой шубы: начал задувать холодный ветер. Она ненавидело зиму в Торонто и подозревала, что здешнюю она будет ненавидеть ещё больше. Торонто такой большой, в нём столько промышленности, столько людей и машин, что он влияет на своё окружение. К северу от города — как и к югу, в западной части штата Нью-Йорк — всё сплошь заваливает снегом. Но в самом Торонто снег идёт лишь несколько раз за зиму, и почти никогда — перед Рождеством. Конечно, это место не соответствовало Торонто — Салдак располагался в 400 км севернее, там, где в мире Мэри находится Садбери, а в Садбери снег выпадает тоннами. В Салдаке, должно быть, снега ещё больше.

Мэри вздрогнула, хотя сейчас было ещё далеко

не *так* холодно. Она подумала было, не попросить ли компаньон рассказать, на что похожа здешняя зима, но не стала, опасаясь, что Кристина подтвердит худшие её опасения.

Наконец она подошла к раздутому приземистому дереву, представлявшему собой основную часть дома Бандры. Все его листья уже облетели. Мэри вошла в дом. На ней были штаны неандертальского типа, со встроенной обувью, но, переступив порог, она автоматически нагнулась, собираясь разуться. Она снова вздохнула, подумав о том, привыкнет ли она хоть когда-нибудь к этому месту.

Мэри прошла в свою спальню, оставила там кодонатор и вернулась в гостиную. Послышался звук текущей воды. Должно быть, Бандра уже дома, а её партнёр уехал к себе на Окраину предыдущим автобусом. Наверное, раньше звук воды заглушался шумом, который производила сама Мэри, а поскольку дверь в ванную была закрыта — Мэри знала, что исключительно из соображений санитарии, а не соблюдения приличий — то Бандра ещё не почувствовала её запах.

Мэри прошла на кухню и налила себе фруктового сока. Мэри знала, что неандертальцы, собирающие на юге фрукты, сбривают все волосы

с головы и тела, чтобы лучше переносить жару. Она попыталась представить себе Понтера без волос. Мэри видела бодибилдеров по телевизору — у них почему-то всегда были безволосые грудь и спина. Либо они их бреют, либо стероиды дают такой эффект. Так или иначе, она решила, что Понтеру лучше оставаться как есть.

Мэри ожидала, что Бандра вот-вот выйдет из ванной, но она всё не появлялась, — а Мэри уже очень хотелось в туалет. Придётся пересилить себя и воспользоваться ванной комнатой совместно с Бандрой. Она подошла к закрытой двери и толкнула её ладонью. Дверь открылась.

Бандра стояла, согнувшись над раковиной и носом почти упираясь в висящее над ней квадратное зеркало.

— Простите, — сказала Мэри, — мне просто очень надо… О Боже! Бандра, что с вами?

Мэри понадобилась секунда, чтобы заметить на полированной гранитной поверхности раковины пятна крови; красные капли не слишком выделялись на розовом камне.

Бандра не повернулась к ней. Наоборот, казалось, она прячет от неё лицо. Мэри подошла ближе.

— Бандра, что случилось? — Мэри протянула

руку и тронула Бандру за плечо. Если бы Бандра действительно этого не хотела, Мэри ни за что не удалось бы развернуть её к себе. Но после секундного сопротивления она обмякла и подчинилась.

Мэри судорожно охнула. На всю левую половину её лица расплылся синяк — желтая кайма вокруг сине-чёрной области сантиметров десяти в длину, которая начиналась от самого надбровья и тянулась через всю щёку к уголку рта. Посередине была ссадина диаметром примерно в половину размера синяка, покрытая засохшей корочкой, но Бандра содрала большую её часть — вот откуда взялись капли свежей крови.

— Господи, — сказала Мэри. — Что с вами стряслось? — Мэри нашла какой-то квадратный кусок грубой ткани — платок, полотенце? — смочила его водой и помогла Бандре очистить рану.

По лицу Бандры катились слёзы; они изливались из глубоких глазниц, огибали массивный нос, стекали по нижней челюсти без подбородка и капали в гранитную раковину, смывая кровавые пятна.

— Я… я не должна была позволять вам жить здесь, — тихо сказала Бандра?

— Мне? — удивилась Мэри? — Что я сделала?

Но Бандра, похоже, была погружена в собствен-

ные мысли.

— Могло быть хуже, — сказала она, глядя в зеркало.

Мэри отложила платок и положила руки на широкие плечи Бандры.

— Бандра, что случилось?

— Я пыталась убрать засохшую кровь, — тихо сказала Бандра. — Я думала, может, его как-то удастся скрыть, и вы не заметите, но… Она высморкалась, а когда неандерталец сморкается — это очень громко и раскатисто.

— Кто это с вами сделал? — спросила Мэри.

— Неважно, — ответила Бандра.

— Разумеется, важно, — сказала Мэри. — Кто?

Бандра немного собралась с силами.

— Я привела вас в свой дом, Мэре. Вы знаете, что барасты мало заботятся о приватности, но в данном случае я на ней настаиваю.

Мэри почувствовала подступающую тошноту.

— Бандра, я не могу мириться с тем, что кто-то вас бьёт.

Бандра взяла платок и промокнула им левую щёку, чтобы посмотреть, остановилось ли кровотечение. Кровь больше не шла, и она положила платок на место. Мэри отвела её в гостиную и посадила на диван. Мэри присела рядом, взяла

широкие ладони Бандры в свои и заглянула в её пшеничного цвета глаза.

— Не торопитесь, — сказала Мэри, — соберитесь с силами. Но вы должны мне рассказать, что случилось.

Бандра отвернулась.

— Он уже три месяца этого не делал, и я подумала: может, и в этот раз не будет. Я подумала, а вдруг…

— Бандра, кто вас ранил?

Голос Бандры стал почти неслышным, но Кристина повторила его погромче прямо Мэри в ухо.

— Гарб.

— Гарб? — удивлённо повторила Мэри. — Ваш партнёр?

Голова Бандры наклонилась на несколько миллиметров.

— Мой… Бог! — сказала Мэри. Она сделала глубокий вдох, потом кивнула — не столько Бандре, сколько себе самой. — Хорошо, — сказала она. — А сейчас мы сделаем вот что: пойдём к преставителям власти и всё им расскажем.

— *Тант,* — сказала Бандра. «Нет».

— Да, — твёрдо возразила Мэри. — Такое случается и в моём мире. Но с этим нельзя мириться. Вам могут помочь.

— *Тант!* — повторила Бандра уже твёрже.

— Я знаю, что это тяжело, — сказала Мэри, — но мы пойдём вместе. Я всё время буду с вами. Мы положим этому конец. — Она указала на компаньон Бандры. — В архиве алиби должна быть запись всего, что он сделал, не так ли? Он не может уйти от ответственности.

— Я не выдвину против него обвинения. Без обвинения со стороны жертвы нет преступления. Это закон.

— Я знаю, что вы думаете, что любите его, но вы не должны это терпеть. Никакая женщина не должна.

— Я не люблю его, — сказала Бандра. — *Я его ненавижу*.

— Ну, хорошо, — сказала Мэри. — Так давайте тогда что-нибудь с этим сделаем. Давайте умоемся, переоденемся в чистую одежду и пойдём к арбитру.

— *Тант!* — сказала Бандра, хлопая ладонью по стоящему перед ней столику. Хлопок был настолько громкий, что Мэри показалось, что стол разлетится в щепки. — *Тант!* — повторила она снова. Но в её голосе не было страха; скорее, в нём свучала убеждённость.

— Но почему? Бандра, если вы считаете, что

ваш долг — скрыть всё это от…

— Вы *ничего* не знаете о нашем мире, — сказала Бандра. — *Ничего*. Я не могу пойти с этим к арбитру.

— Почему? Избиение — это ведь преступное деяние?

— Конечно, — сказала Бандра.

— Даже между людьми, состоящими в союзе?

Бандра кивнула.

— Тогда почему?

— *Из-за наших детей!* — рявкнула Бандра. — Из-за Хапнар и Дрэнны.

— А что с детьми? — не поняла Мэри. — Гарб им отомстит? Или… или он их тоже бил в детстве?

— Вот видите! — хрипло каркнула Бандра. — Вы не понимаете ничего.

— Ну так объясните мне, Бандра. Объясните, чтобы я поняла, или я пойду к арбитру одна.

— Какое вам до этого дело? — спросила Бандра.

Мэри озадачил этот вопрос. Ведь понятно, что до этого есть дело *каждой* женщине. Понятно, что…

И тут на неё словно метеор упал с неба. Она сама не сообщила о своём изнасиловании, и её начальница, Кейсер Ремтулла стала следующей жертвой Корнелиуса Раскина. Она хотела как-то

это исправить, хотела никогда больше не чувствовать вины за то, что нападение на женщину осталось неизвестным властям.

— Я просто хочу помочь, — сказала Мэри. — Вы мне не безразличны.

— Если хотите помочь, то забудьте, что когда-либо видели меня в таком виде.

— Но…

— Вы должны пообещать! Поклянитесь.

— Но почему, Бандра? Вы не можете позволить этому продолжаться.

— Я *должна* позволить этому продолжаться! — Она сжала свои огромные кулаки и закрыла глаза. — Я должна.

— Почему? Ради Бога, Бандра…

— Ваш глупый Бог здесь не при чём, — сказала Бандра. — Здесь речь о реальных вещах.

— Каких реальных вещах?

Бандра снова отвела взгляд, глубоко вдохнула, потом выдохнула.

— О наших законах, — сказала она, наконец.

— В каком смысле? Разве за такое не положено наказание?

— О, да, — сказала Бандра с горечью в голосе. — Ещё как положено.

— Что тогда?

— Вы ведь знаете, какие у нас наказания? — спросила Бандра. — Вы же знакомы с историей Понтера Боддета. Какое наказание грозило его партнёру Адекору, когда его несправедливо обвинили в убийстве Понтера?

— Его могли стерилизовать, — ответила Мэри. — Но Адекор этого не заслуживал, ведь он ничего не совершал. Но Гарб…

— По-вашему, мне интересно, что станет с ним? — сказала Бандра. — Но стерилизуют не только Гарба. Склонность к насилию нельзя терпеть в генетическом пуле. Стерилизуют всех, у кого хотя бы половина генов общая с ним.

— Господи Иисусе! — сдавленно воскликнула Мэри. — Ваши дочери…

— Именно! Скоро должны зачать поколение 149. Моя Хапнар забеременеет вторым ребёнком, у Дрэнны будет первый. Но если я сообщу о Гарбе…

Мэри чувствовала себя так, будто её пнули в живот. Если Бандра сообщит о Гарбе, её дочерей стерилизуют, так же, как всех братьев и сестёр Гарба и его родителей, если они ещё живы… хотя, возможно, его мать пощадят, поскольку у неё уже наверняка была менопауза.

— Я не думала, что неандертальские мужчины

могу быть такими, — сказала она. — Бандра, я так вам сочувствую.

Бандра едва заметно пожала своими массивными плечами.

— Я несу это бремя уже давно. Я привыкла. И…

— Что?

— И я думала, что всё закончилось. Он не бил меня с тех пор, как ушла моя партнёрша. Но…

— Они никогда не прекращают, — сказала Мэри. — Не насовсем. — Во рту у неё появился кислый привкус. — Дожно быть что-то, что вы могли бы с этим сделать. — Она помолчала. — Вы ведь можете защищаться. Это должно быть законно. Вы могли бы…

— Что?

Мэри смотрела в устланный мхом пол.

— Неандерталец может убить другого неандертальца одним хорошо нацеленным ударом.

— В самом деле! — сказала Бандра. — В самом деле. Так что, как видите, он, должно быть, любит меня — будь это не так, я была бы мертва.

— Если б любил — не бил бы, — сказала Мэри, — но ударить в ответ — и посильнее — возможно, это единственное, что вам остаётся.

— Я не могу, — сказала Бандра. — Если решат, что у меня не было необходимости его убивать,

обвинение в насилии будет выдвинуто против меня, и опять пострадают мои дочери, потому что у них половина и моих генов тоже.

— Проклятая уловка-22, — сказала Мэри. Она посмотрела на Бандру. — Вы знаете эту поговорку?

Бандра кивнула.

— Ситуация, из которой нет выхода. Но вы не правы. Выход есть. Рано или поздно один из нас умрёт. До тех пор… — она подняла руки, разжала кулаки и повернула их ладонями вверх в жесте бессилия.

— Но почему вы с ним просто не разведётесь? Я так понимаю, у вас это легко.

— В процессуальном плане да, но люди всё равно удивляются и сплетничают. Если я разорву союз с Гарбом, люди начнут интересоваться причинами. Правда может всплыть на поверхность, и мои дочери опять окажутся в опасности. — Она покачала головой. — Нет, мой способ лучше.

Мэри наклонилась к Бандре и обняла её, прижала к себе и погладила её рыжевато-серебристые волосы.

Глава 27

Пришло время, мои дорогие хомо сапиенсы, отправиться на Марс…

Для него это, должно быть, до ужаса унизительно, — думал Понтер Боддет, наслаждаясь каждым тактом испытываемого Советником Бедросом дискомфорта.

В конце концов, это Бедрос приказал ему и послу Тукане Прат вернуться из Мэриного мира для того, чтобы можно было закрыть межмировой портал. Но мало того, что Понтер отказался подчиниться: Тукана Прат убедила десятерых видных неандертальцев, включая самого Лонвеса Троба, отправиться в иную реальность.

И теперь Бедросу приходится приветствовать официальную делегацию мира глексенов. Понтер лично наблюдал за процессом в вычислительной камере, когда делегаты проходили по деркеровой трубе: было бы весьма неловко, если бы человека, выполняющего функции отсутствующего у неуживчивых глексенов мирового лидера в результате случайного отключения портала разрубило бы надвое.

Сам Бедрос не спускался сегодня в глубины Дебральской никелевой шахты. Он остался на поверхности ожидать, пока глексенский «всеобщий писарь» и другие делегаты Объединённых Наций поднимутся к нему.

Что они и сделали буквально несколько мгновений назад. Потребовалось два рейса цилиндрического шахтного подъёмника, чтобы их перевести, но теперь все они были наверху. Разумеется, здесь же были и четверо облачённых в серебряное эксгибиционистов, позволяющих широкой общественности следить за происходящим. Темнокожий лидер Объединённых Наций вышел из здания шахты первым; за ним последовал Понтер, потом три мужчины и две женщины с более светлой кожей и Джок Кригер, самый высокий из делегатов.

— Добро пожаловать на Жантар, — сказал Бедрос. Он, очевидно, проинструктировал свой компаньон не переводить имя, которое барасты дали своей планете. У семерых глексенов не было ни имплантов-компаньонов, ни временных пристёгивающихся устройств. По-видимому, это вызвало серьёзные споры, но в конечном итоге вследствие той самой непонятной «дипломатической неприкосновенности», с которой Понтер

уже сталкивался ранее, для делегатов было сделано исключение: запись всего, что они говорят и делают, не попадёт в архив алиби. Правда, Джоку, если Понтер правильно понимал, такое особое отношение было не положено, однако компаньона на нём всё равно не было.

— Мы приветствуем вас здесь, глядя в будущее с великой надеждой, — продолжал Бедрос. Понтер с трудом подавил ухмылку: о том, как с точки зрения глексенов должна выглядеть приличная приветственная речь, Бедросу пришлось консультироваться с Туканой Прат — той самой, которая подорвала его авторитет. Бедрос говорил, казалось, не меньше децидня, и глексенский «всеобщий писарь» ответил в том же духе.

У Джока Кригера, должно быть, сердце бараста, подумал Понтер. В то время, как остальные глексены, по-видимому, получали удовольствие от формальных речей, он явно пропускал их мимо ушей, разглядывая деревья и холмы, каждую пролетающую мимо птицу, голубое небо над головой.

Наконец, все речи закончились. Понтер пристроился рядом с Джоком, одетым в длинный бежевый плащ, стянутый на талии бежевым поясом, кожаные перчатки и широкополую шля-

пу — глексенская делегация дождалась внизу окончания деконтаминации своей одежды.

— Ну как, что вы думаете о нашем мире? — спросил Понтер.

Джок медленно качнул головой; его голос был полон изумления.

— Он *прекрасен*…

* * *

В доме Бандры визор был установлен на стене гостиной; его поверхность плавно изгибалась, повторяя изгиб стены круглого помещения. Большой квадрат был разделён на четыре меньших, каждый из которых показывал то, что видит один четырёх присутствующих на Дебральской никелевой шахте эксгибиционистов в момент, когда из здания показалась делегация Объединённых Наций. Бандра была не в том виде, чтобы показываться сегодня на людях, и они с Мэри остались дома, якобы для того, чтобы посмотреть церемонию встречи.

— О, смотрите! — воскликнула Бандра. — Там Понтер!

Мэри надеялась увидеть его хоть на секунду — и, к сожалению, примерно на такое время он и попал в кадр. Эксгибиционистов не интересовали

соплеменники-барасты — всё их внимание было приковано к глексенам.

— Так кто из них кто? — спросила Бандра.

— Вон тот мужчина, — как и большинство канадцев, из боязни показаться расисткой она избегала говорить «чернокожий мужчина» или «мужчина с тёмной кожей», хотя это было наиболее очевидное отличие Кофи Аннана от остальных делегатов, — генеральный секретарь Объединённых Наций.

— Который?

— Вон тот. Крайний слева.

— Это который с коричневым лицом?

— Э-э… да.

— Так он — руководитель вашего мира?

— Нет. Не совсем. Но он — руководитель ООН.

— Ага. А вон тот высокий кто?

— Это Джок Кригер. Мой начальник.

— Он… у него вид какой-то… хищный.

Мэри подумала над этим и решила, что Бандра права.

— «В глазах холодный блеск…»[144] — процитировала она.

— О-о-о! — восхитилась Бандра. — Это пого-

---

[144] notes: 144
Цитата из пьесы Шекспира «Юлий Цезарь» (пер. М. Зенкевича).

ворка?

— Строка из пьесы.

— Ну, к нему это подходит. — Она решительно кивнула. — Мне не нравится, как он держится. На его лице никакой радости. — Но тут Бандра сообразила, что это может прозвучать обидно. — О, простите! Я не должна так говорить о вашем друге.

— Мы не друзья, — ответила Мэри. Она придерживалась эмпирического правила, в соответствии с которым друг — это тот, кто приглашал вас в свой дом, или кого вы приглашали к себе. — Мы просто вместе работаем.

— И посмотрите-ка! — сказала Бандра. — У него нет компаньона!

Мэри вгляделась в экран.

— И правда нет. — Она внимательно осмотрела все четыре изображения. — Ни у кого из глексенов их нет.

— Как такое может быть?

Мэри задумалась.

— Возможно, дипломатическая неприкосновенность. Это когда…

— Да?

Сердце Мэри возбуждённо заколотилось.

— Обычно это означает, что во время путеше-

ствия багаж дипломата не досматривают. Если я отдам кодонатор Джоку, он сможет унести его в мой мир без всяких хлопот.

— Здо́рово! — сказала Бандра. — О, смотрите! Опять Понтер!

* * *

Полёт из Салдака на остров Донакат занял два децидня — как уже было известно Понтеру, гораздо дольше, чем такое же пушествие занимает в мире Мэри. Большую часть этого времени он провёл, думая о Мэри и о приборе Вессан, который поможет им зачать ребёнка, однако Джок, сидевший в просторной кабине вертолёта рядом с Понтером, прервал его грёзы.

— Вы так и не изобрели самолёт? — спросил он.

— Нет, — ответил Понтер. — Я сам об этом задумывался. Конечно, многих в нашем мире завораживала идея летать, как птицы, но я видел ваши длинные… вы это называете «взлётно-посадочная полоса», не так ли?

Джок кивнул.

— Так вот, я видел взлётно-посадочные полосы, которых требуют ваши самолёты. Я думаю, что только существа, которые уже занимались

вырубкой лесов для нужд сельского хозяйства, посчитали бы естественным делать то же самое для размещения аэродромов или хотя бы прокладки дорог.

— Никогда не смотрел на это с такой стороны, — признал Джок.

— Ну, у нас определённо нет таких дорог, как у вас. Большинство из нас… как вы это называете? Да, домоседы. Мы мало путешествуем, и предпочитаем добывать еду рядом с домом.

Джок осмотрел вертолёт.

— Тем не менее, он весьма комфортабелен. Много места между сиденьями. У нас принято впихивать в самолёт столько людей, сколько туда войдёт. Собственно, как и в поезда и в автобусы.

— Это делается не для комфорта как такового, — объяснил Понтер, — а чтобы не дать феромонам одного человека достигнуть носа другого. Мне нелегко даются полёты на ваших больших самолётах с герметично закупоренными кабинами. Одна из причин того, что мы не летаем так высоко, как вы, в том, что тогда нет нужды герметизировать кабину — свежий воздух постоянно поступает снаружи, так что феромоны не накапливаются, и… — Понтер замолк и слегка наклонил голову. — А, спасибо, Хак. — Он посмот-

рел на Джока. — Я попросил Хака предупредить меня, когда мы будем пролетать над местом, соответствующим в нашем мире вашему Рочестеру. Если вы посмотрите сейчас в окно…

Джок прилип носом к квадратному стеклу. Понтер встал и подошёл к другому окну. За окном виднелась береговая линия того, что, как он знал, Джок называл озером Онтарио.

— Сплошной лес, — удивлённо произнёс Джок, оборачиваясь к Понтеру.

Понтер кивнул.

— Там есть охотничьи хижины, но постоянное население отсутствует.

— Без дорог я не узнаю этих мест.

— Мы скоро пролетим над одним из Фингер-лэйкс. Мы называем их так же, как вы — идея очевидна[145]. Вы без труда их узнаете.

Джок заворожено уставился в окно.

* * *

Эксгибиционисты не полетели на юг вместе с делегацией Объединённых Наций, но Бандра сказала, что на острове Донакат будут встречать

---

[145] notes: 145

Finger *(англ.)* — палец. Фингер-лэйкс имеют узкую вытянутую форму и расположены слегка под углом друг к другу, напоминая растопыренные пальцы.

другие. Пока же Бандра приказала визору отключиться, что он и сделал. Она повернулась к Мэри.

— Вчера мы не слишком много говорили о… о моей проблеме с Гарбом.

Мэри кивнула.

— Это из-за него… из-за него ушла ваша партнёрша?

Бандра встала и запрокинула лицо к потолку. На потолке были изображены сотни птиц, представляющие дюжину видов; каждая вырисована с неизменным тщанием.

— Да. Она не могла смотреть, как он делает это со мной. Но… но, в определённом смысле, это к лучшему, что она ушла.

— Почему?

— Проще скрывать свой позор, когда вокруг никого нет.

Мэри поднялась, положила руки Бандре на плечи и отступила на шаг, так, чтобы видеть её лицо.

— Бандра, послушайте меня. Вам совершенно нечего стыдиться. Вы не сделали ничего плохого.

Бандра, явно через силу, кивнула.

— Я знаю, но…

— Никаких «но». Мы найдём, как выйти из этой

ситуации.

— Выхода нет, — сказала Бандра, и подняла руку, чтобы вытереть глаза.

— *Должен* быть, — сказала Мэри. — И мы его найдём. Вместе.

— Вы не обязаны помогать мне, — тихо произнесла Бандра, покачивая головой.

— Обязана, — сказала Мэри.

— Почему?

Мэри слегка пожала плечами.

— Скажем так: я немного задолжала женскому полу.

* * *

— И вот мы здесь, леди и джентльмены, — сказал Советник Бедрос. Остров Донакат — то, что вы называете Манхеттеном.

Джок не мог поверить глазам. Он знал Нью-Йорк, как собственную ладонь — но это!

Это было *божественно*.

Они летели над Южным Бронксом — только здесь стоял вековой лес: орех, кедр, каштан, клён, дуб, листья горят всеми красками осени.

— Смотрите! — крикнул Кофи Аннан. — Остров Рикерс!

И это правда был он, без тюрьмы, разумеется,

и втрое меньше размером, чем тот искусственно расширенный остров, который знал Джок. Когда вертолёт пролетал над самым островом, Джок разглядел, что он не соединяется мостом с Квинсом. И, разумеется, слева от него не было никакого аэропорта в том месте, где в его мире расположена «Ла-Гуардия». Вместо неё там была гавань. Джок внутренне похолодел, разглядев нечто, что выглядело как авианосец — он не ожидал, что у неандертальцев есть что-то подобное. Он страшно не хотел, чтобы сидящий рядом с ним неандерталец снова заводил бесконечную болтовню, но ему нужно было знать.

— Что это? — спросил он.

— Корабль, — ответил Понтер, словно объясняя что-то очевидное.

— Я знаю, что это корабль, — ответил Джок, внутренне закипая. — Но почему у него такой широкий и плоский верх?

— Солнечные батареи, — объяснил Понтер. — Они питают его турбины.

Пилоту вертолёта явно было велено перед посадкой устроить облёт острова, чтобы дать им всё хорошо рассмотреть. Теперь машина двигалась в западном направлении, над островом Уордс, берега которого усеивали небольшие постройки,

похожие на деревенские домики.

Вертолёт полетел дальше. Всё выглядело так, словно Центральный парк растянули на весь Манхеттен, от Ист-Ривер-драйв до Генри-Гудзон-парквей.

— Остров Донакат является Центром города, который мы называем Пепралдак, — сказал Понтер. — Другими словами, это женская территория. В Салдаке Центр и Окраину разделяют многие километры нежилой территории. В Пепралдаке Ценр и Окраина разделяются тем, что вы называете рекой Гудзон.

— То есть мужчины живут в Нью-Джерси?

Понтер кивнул.

— Как они перебираются через реку? Я не вижу ни одного моста.

— Транспортные кубы могут летать над водой, — сказал Понтер, — так что летом пользуются ими. Зимой река замерзает, и её переходят пешком.

— Гудзон не замерзает.

Понтер пожал плечами.

— В нашем мире замерзает. Ваша деятельность влияет на климат вашей планеты сильнее, чем вы думаете.

Вертолёт повернул на юг и теперь летел над

рекой. Скоро он немного изменил курс, что означало, что они пролетали над девственными пространствами Хобокена. Джок посмотрел налево. Всё правильно — остров был там: холмистый — ведь Манхеттен означает «остров холмов», не так ли? — усеянный озерами… и полностью лишённый небоскрёбов. Среди леса встречались прогалины со стоящими на них кирпичными зданиями, но ни одно из них не было выше четырёх этажей. Джок посмотрел в правое окно. На месте Либерти-парка был лес. Там был остров Эллис, и остров Либерти, но, разумеется, без статуи Свободы на нём. Ну и хорошо, подумал Джок; он, конечно, не ожидал увидеть там 150-футовую неандерталку, хотя…

Джок услышал изумлённые возгласы, когда остальные делегаты разглядели то, что он только что заметил: двух кашалотов в Верхней Нью-Йоркской бухте. Должно быть, заплыли сюда из океана. Они были футов по сорок в длину, с тёмно-серыми спинами.

Вертолёт повернул на восток, летя над водой между Говернор-Айленд и Баттери-Парк, а потом следуя над руслом Ист-Ривер. Джок видел сотни древодомов по её берегам, а также…

— Что это?

— Обсерватория, — сказал Понтер. — Я знаю, что вы помещаете свои большие телескопы под полусферические купола, но мы предпочитаем кубические структуры.

Джок покачал головой. Да разве в Гринвич-виллидж когда-нибудь бывает так темно, чтобы можно было разглядеть звёзды?

— И что, здесь много живности водится? — спросил он Понтера.

— О да. Бобры, медведи, волки, лисы, еноты, олени, выдры — не говоря о перепелах, куропатках, лебедях, гусях, индейках, и, разумеется, миллионы странствующих голубей. — Понтер на секунду замолк. — Жаль, что сейчас осень; весной тут цветут розы и другие цветы.

К этому времени вертолёт уже опустился довольно низко, и поток воздуха от его лопастей морщил поверхность воды. Они подошли к месту, где река поворачивала на север, и пилот вёл машину вдоль её русла ещё несколько миль, а потом посадил её на обширном поле, заросшем высокой травой и окружённом садами яблоневых и грушевых деревьев. Первым вышел Советник Бедрос, за ним — Понтер и Адекор, потом — генеральный секретарь. За ним вышел Джок, следом — остальные делегаты. Воздух был свеж, чист и прохладен;

небо над головой — такое голубое, какое Джок видел лишь в Аризоне летом, но никогда — в Большом Яблоке[146].

Группа женщин — официальных лиц, а также двое одетых в серебристое местных эксгибиционистов уже ожидали их, и снова были произнесены речи, в том числе несколько реплик женщины, которую им представили как председателя местного Серого совета. Она была, как оценил на глаз Джок, примерно его возраста — то есть это получается что? Надо полагать, поколение 142. Её голова была полностью выбрита, за исключением длинного серебристого «хвоста», растущего прямо из затылочного вздутия. Джоку она показалась на редкость отталкивающей, даже для неандерталки.

Она закончила своё выступление упоминанием ужина, который ожидает их сегодня, с огромными устрицами и ещё более огромными омарами. После этого она передала слово Понтеру Боддету.

— Спасибо, — сказал Понтер, выходя вперёд. Джок с трудом различал его слова; у неандертальцев не было понятия ни о микрофонах, ни о громкоговорителях, когда дело касалось произ-

---

[146] notes: 146
Неформальное прозвище Нью-Йорка.

несения речей: ведь голос говорящего без труда улавливается его компаньоном и передаётся прямиком на компаньоны слушателей без дополнительного оборудования.

— Мы проделали большую работу, — продолжал Понтер, — чтобы найти точку на нашей версии Земли, которая в точности соответствует расположению штаб-квартиры Объединённых Наций на вашей. Как вы знаете, у нас нет спутников, и поэтому нет ничего близкого по качеству к вашей системе глобального позиционирования. Наши геодезисты всё ещё спорят между собой — возможно, они промахнулись на несколько десятков метров, но мы надеемся решить эту проблему. Тем не менее… — Он повернулся и указал рукой. — Видите те деревья? Мы считаем, что они обозначают место главного входа в здание Секретариата. — Он повернулся снова. — А вон то болотце? На его месте располагается Генеральная Ассамблея.

Джок изумлённо оглядывался. Это Нью-Йорк — без миллионов его жителей, без воздуха, от которого режет в глазах, без машин на улицах бампер к бамперу, без тысяч такси, без бурлящих толп, без вони, без шума. Это Манхеттен… каким он был несколько веков назад, каким он был в

1626, когда Питер Минёйт купил его у индейцев за 24 доллара, каким он был до того, как его замостили, застроили и замусорили.

Другие делегаты переговаривались между собой; те, что говорили по-английски, высказывали сходные мысли.

Понтер замолчал и пошёл по направлению к берегу Ист-Ривер. Он был ближе, чем можно было ожидать — но, в конце концов, значительная часть Манхеттена — это искусственно осушенные территории. Неандерталец встал у края воды на колени, погрузил сложенные горстью ладони в реку и несколько раз плеснул водой себе в лицо.

Джок отметил безучастное выражение на лицах нескольких делегатов — смысл происходящего ускользал от них. Но не от Джока.

Понтер Боддет только что омыл лицо сырой, необработанной, не отфильтрованной, непродезинфицированной, *незагрязнённой* водой из Ист-Ривер.

Джок покачал головой, досадуя на то, что его народ сделал со своей родной планетой, и желая, чтобы у него каким-то образом появился шанс начать всё снова, с чистого и свежего листа.

Глава 28

Я считаю, что мы, люди этой Земли, должны посвятить себя тому, чтобы ещё до конца этого десятилетия послать международную команду мужчин и женщин на красную планету…

Мэри и Бандра смотрели трансляцию эксгибиционистов с острова Данкат. Было здорово видеть Понтера в том, что в этом мире было аналогом телевидения, да и сам проект организации ещё одного портала будоражил воображение.

Понтер потратил некоторое время на описание трудностей строительства портала на поверхности; его первый квантовый компьютер поместили глубоко под землю, чтобы укрыть от солнечной радиации, которая приводила к декогерентности квантовых регистров. Но уже в то время, когда Понтер и Адекор совершали свой прорыв — в прямом смысле этого слова, прорыв в иную вселенную — другая группа исследователей-барастов в Европе пыталась научиться факторизовать настолько же большие числа. Та группа состояла из женщин, и они, по всей

видимости, в данный момент направлялись на Донакат на корабле, чтобы поделиться своим опытом в технологиях экранирования.

— Похоже, вы нашли себе здесь очень хорошего мужчину, — сказала Бандра.

Мэри улыбнулась.

— Спасибо.

— Вы давно с ним знакомы?

Мэри отвела взгляд от пшенично-жёлтых глаз Бандры.

— Только с 3-го августа.

Бандра наклонила голову, выслушивая объяснения компаньона. Мэри думала, что Бандра скажет что-нибудь язвительное по поводу того, как недавно они с Понтером друг друга знают; в конце концов, Мэри никогда не упускала случая сказать своей сестре Кристине о том, что она вечно куда-то торопится, несясь от одной своей «настоящей находки» к другой. Но Бандра вместо этого сказала:

— Вам очень повезло, что вы нашли его.

Мэри кивнула. Ей и правда повезло. И потом, она знала массу людей, у которых случались стремительные романы. Да, к тому времени, как Кольм сделал её предложение, она знала его гораздо дольше, чем знает Понтера, но тогда у неё

были сомнения.

Сейчас же сомнений не было.

При такой уверенности в свое правоте к чему медлить?

— *Carpe diem*, — сказала Мэри.

Компаньон Бандры пискнул.

— Простите, — сказала Мэри. — Это латынь — другой язык. Это значит «лови день». Не проводи в колебаниях всю жизнь; лови момент и бери, сколько сможешь.

— Неплохая философия, — сказала Бандра и поднялась с дивана. — Надо бы поужинать.

Мэри кивнула, поднялась и проследовала за Бандрой на кухню. У Бандры был большой вакуумный шкаф, в котором еда хранилась без заморозки, и лазерная печь, в которой применялась та же самая технология калибруемых лазеров, что и в деконтаминационных камерах на выходе из портала.

В крышку вакуумного шкафа был встроен квадратный экран, показывающий список содержимого, так что для того, чтобы посмотреть, что внутри, не нужно было нарушать герметизацию.

— Мамонт? — спросила Бандра, проглядывая список.

— Боже, конечно! — сказала Мэри. — Умираю

как хочу попробовать мамонтятины.

Бантра улыбнулась, открыла шкаф — он издал громкое шипение — и выбрала пару кусков. Она поместила их в лазерную печь и проговорила какие-то инструкции.

— Должно быть, нелегко добыть мамонта? — спросила Мэри.

— Я сама никогда не пробовала, — ответила Бандра. — Но те, для кого это основной вид вклада, говорят, что методы довольно просты. — Она пожала плечами. — Но, как это у вас говорят, олицетворение зла прячется в обрывках.

Мэри непонимающе моргнула, соображая, что же такое Кристина пыталась перевести.

— Вы хотите сказать, «дьявол кроется в мелочах»?

— Точняк! — сказала Бандра.

Мэри рассмеялась.

— Когда я уеду, мне вас будет не хватать.

Бандра улыбнулась.

— Мне вас тоже. Когда вам снова понадобится где-нибудь остановиться в нашем мире, я всегда к вашим услугам.

— Спасибо, но…

Бандра подняла обе свои широкие ладони.

— О, я знаю. Вы собираетесь приезжать только

когда Двое становятся Одним, чтобы проводить время с Понтером. А я в это время буду…

— Бандра, мне так жаль. Мы должны что-нибудь придумать.

— Давайте не будем замыкаться на этом. Насладимся временем, которое у нас было, и которое нам ещё осталось.

— Carpe diem? — сказала Мэри.

Бандра улыбнулась

— Точняк!

* * *

Ужин удался на славу; у мамонтятины был богатый сложный аромат, а за приготовленную Бандрой заправку для салата с кленовым сиропом можно было отдать жизнь.

Мэри откинулась в седлокресле и удовлетворённо вздохнула.

— Как жаль, что вы не делаете вино.

— Вино? — повторила Бандра. — Что это?

— Напиток. Алкогольный. Перебродивший виноград.

— Это вкусно?

— Ну, гмм, не во вкусе дело — или, по крайней мере, не только во вкусе. Алкоголь воздействует на центральную нервную систему, по крайней

мере, у глексенов. От него ты размякаешь, расслабляешься.

— Я и так расслабилась, — сказала Бандра.

Мэри улыбнулась.

— А я, кстати, тоже.

* * *

В привезённой Понтером «Глоуб энд Мэйл» рассказывалось о результатах исследования по определению самого смешного анекдота в мире. Это не означало анекдот, от которого люди смеются громче всего: никто не пытался изобрести монтипайтоновский анекдот-убийцу, услышав который, тут же умираешь от смеха. Нет, данный проект пытался отыскать анекдот, который сумел бы преодолеть границы культур, который почти все люди на земле нашли бы смешным.

Мэри решила опробовать его на Бандре; поскольку это оказался анекдот про охоту, неандертальцам он мог прийтись по вкусу. Она как бы невзначай упомянула в разговоре несколько ключевых понятий, чтобы их не пришлось объяснять по ходу, а потом, около девяти вечера — в конце шестого деци, она рассказала анекдот из газеты полностью:

— Итак, жили были двое парней, и пошли они

на охоту. И один из них вдруг взял да и отключился — свалился на землю, и будто бы и не дышит, и глаза закатил. Ну и второй парень звонит 911. Это наш телефон скорой помощи, у нас же нет компаньонов. И он дозвонился, весь такой в панике, и кричит: «Эй, мы с Бобом охотились, а он хлоп! — и упал. Я боюсь, что он умер. Что мне делать? Что мне делать?

— И оператор ему говорит: «Успокойтесь, сэр. Сделайте глубокий вдох; теперь выполняйте мои инструкции. Прежде всего удостоверьтесь, что Боб действительно мёртв.

— На что тот отвечает: «Сейчас», и оператор слышит, как он кладёт трубку и уходит. А потом он слышит «ба-бах!» — это звук выстрела. И тот парень возвращается, берёт трубку и говорит: «Сделано. Что дальше?»

Бандра просто взорвалась хохотом. Она как раз пила сосновый чай; неандертальская анатомия не позволила ему брызнуть через ноздри, но будь она глексенкой, это, несомненно, произошло бы, так она хохотала.

— Это *ужасно*! — объявила она, вытирая слёзы.

Мэри улыбалась, должно быть, ещё шире, чем Понтер.

— Не правда ли, здорово?

Остаток вечера они провели, разговаривая о своих семьях, рассказывая анекдоты, слушая неандертальскую музыку, синхронно воспроизводимую в кохлеарных имплантах обеих, и просто приятно проводя время. У Мэри было несколько близких подруг до того, как она вышла за Кольма, но за время брака она от них отдалилась, а с тех пор, как они с Кольмом разошлись, она так ни с кем и не подружилась. Что хорошо в неандертальской системе, подумала Мэри, так это то, что она оставляет массу времени на завязывание дружеских отношений с другими женщинами.

И, несмотря на то, что они с Бандрой в буквальном смысле слова были из разных миров, она определённо была человеком того типа, которых Мэри всегда хотелось иметь среди подруг — с которым можно как обмениваться глупыми шутками, так и обсудить свежие научные открытия.

Через какое-то время Бандра принесла доску для *партанлара* — игры, в которую Мэри уже играла с Понтером. У Понтера доска была из полированного дерева с протравленными чередующимися тёмными и светлыми квадратами. У Бандры, как подобает геологу, доска была из полированного камня с белыми и чёрными квад-

ратами.

— О, замечательно! — сказала Мэри. — Я знаю эту игру! Понтер меня научил.

В шашках и шахматах игроки сидят друг напротив друга, пытаясь провести свои армии на противоположный край доски. Но игра в партанлар была не столь линейна — здесь не было наступлений и отступлений. Так что Бандра положила доску на стоящий перед диваном низкий столик, и села на диван, оставив рядом достаточно места для Мэри.

Они играли около часа — но это была приятная игра-чтобы-занять-время того типа, что нравились Мэри, а не состязание в давай-выясним-кто-круче, которые предпочитал Кольм. Ни Мэри, ни Бандру не интересовало особо, кто выиграл, а кто проиграл, и они равно радовались и своим, и чужим удачным ходам.

— Мне так приятно проводить с вами время, — сказала Бандра.

— Мне тоже нравится общаться с вами, — ответила Мэри.

— Знаете, — сказала Бандра, — среди нас есть такие, кто не одобряет контакт между нашими мирами. Советник Бедрос — помните, мы видели его по визору? — один из них. Но несколько гни-

лых яблок не портят всего урожая. Он не прав. Он ошибается относительно вашего народа. И вы — тому доказательство.

Мэри снова улыбнулась.

— Спасибо.

Какое-то время Бандра молчала, её взгляд блуждал вокруг лица Мэри, не встречаясь с её взглядом. А потом Бандра наклонилась к Мэри и медленно провела языком по её левой щеке.

Мэри почувствовала, как деревенеет у неё позвоночник.

— Бандра…

Бандра опустила взгляд.

— Простите… — тихо сказала она. — Я знаю, что у вас это не принято…

Мэри протянула руку и медленно подняла её голову так, чтобы видеть лицо.

— Нет, — сказала Мэри. — Так не принято. — Она заглянула в её глаза пшеничного цвета. Её сердце бешено колотилось.

Carpe diem.

Мэри наклонилась к ней и, за мгновение до того, как их губы соприкоснулись, сказала:

— У нас делают вот так.

Глава 29

И хотя наши неандертальские родичи вольны присоединиться к нам в этом грандиозном марсианском предприятии, скорее всего весьма немногие из них воспользуются такой возможностью…

Корнелиус Раскин постучал в дверь кабинета.

— Войдите, — ответил из-за двери знакомый женский голос с лёгким пакистанским акцентом.

Корнелиус сделал глубокий вдох и открыл дверь.

— Здравствуйте, Кейсер, — сказал он, входя в кабинет.

Металлический стол профессора Кейсер Ремтуллы стоял под прямым углом к дверям: длинной стороной к стене, коротким левым краем к окну. На ней был тёмно-зелёный пиджак и чёрные брюки.

— Корнелиус! — воскликнула она. — Мы уже начали беспокоиться.

Корнелиус не смог выдавить из себя улыбку, но ответил:

— Благодарю вас.

Однако круглое лицо Кейсер тут же помрачнело.

— Однако вам нужно было предупредить нас, что вы сегодня появитесь. Дэйв Ольсен уже взял ваши вечерние занятия.

Корнелиус слегка качнул головой.

— Всё нормально. Собственно, об этом я и хотел поговорить.

Кейсер сделала то, что делает практически любой университетский преподаватель, когда к нему в кабинет заходит посетитель: она поднялась со своего крутящегося кресла и убрала кипу книг и бумаг со второго — и последнего — имеющегося в кабинете седалища. В данном случае это был простой стул с металлической рамой и оранжевым виниловым сиденьем.

Корнелиус сел, скрестив ноги в лодыжках, и…

Он снова качнул головой: интересно, привыкнет ли он когда-нибудь к этому ощущению. Всю свою жизнь, садясь в такой позе, он ощущал слабое давление на тестикулы — а теперь оно исчезло.

— Итак, чем могу помочь? — спросила Кейсер.

Корнелиус посмотрел ей прямо в лицо: карие глаза, коричневая кожа, каштановые волосы —

трио шоколадных оттенков. На вид ей было где-то сорок пять лет — на десять лет больше, чем ему самому. Он видел, как она плакала от боли, как умоляла не мучить её. Он не сожалел об этом; она это заслужила. Однако…

Однако.

— Кейсер, — сказал он, — я бы хотел взять отпуск.

— Преподавателям на сезонном контракте не положен оплачиваемый отпуск, — ответила она.

Корнелиус кивнул.

— Я знаю. Я… — Он отрепетировал этот разговор, но всё равно запнулся, снова подумав, правильный ли подход он избрал. — Вы знаете, что я болел. Доктор сказал, что мне нужен… отдых. Ну, знаете — восстановить силы.

На лице Кейсер возникло выражение обеспокоенности.

— Это что-то серьёзное? Я могу как-то помочь?

Корнелиус покачал головой.

— Нет, всё будет в порядке, я уверен. Но я… я просто не чувствую себя готовым появиться перед студентами.

— Ну, через пару недель будет Роджество. Если вы сможете дотянуть…

— Простите, Кейсер. Я не уверен, что смогу.

Кейсер нахмурилась.

— Вы ведь знаете, что у нас нехватка кадров из-за того, что Мэри Воган ушла.

Корнелиус кивнул, но ничего не сказал.

— Я обязана спросить, — сказала Кейсер. — У нас тут факультет генетики, как-никак. Тут есть масса вещей, от которых можно заболеть, и… в общем, я обязана заботиться о здоровье студентов и сотрудников. Ваши проблемы со здоровьем не связаны с веществами или образцами, с которыми вы работали здесь?

Корнелиус снова покачал головой.

— Нет. Нет, ничего такого. — Он глубоко вздохнул. — Просто я не могу здесь находиться.

— Почему?

— Потому что… — Если бы он заговорил об этом несколько недель назад, его бы хватил удар, но сейчас…

Он слегка двинул плечами.

— Потому что вы победили.

Брови Кейсер съехались над переносицей.

— Простите?

— Вы победили. Ваша система — она победила. Я разбит.

— Какая система?

— Ой, да ладно! Система найма персонала,

система продвижения по службе, система бессрочных контрактов. В ней нет места для белого мужчины.

Кейсер, по-видимому, не могла смотреть ему в глаза.

— Это очень болезненная тема для нашего университета, — сказала Кейсер. — Для *всех* университетов. Но вы ведь знаете, что несмотря на присутствие в штате меня и других женщин факультет генетики всё равно сильно не дотягивает предписанного университетом процента женщин среди сотрудников с постоянными должностями.

— Вас должно быть сорок процентов, — сказал Корнелиус.

— Правильно, но у нас такого нет даже и близко — пока. — В голосе Кейсер зазвучали нотки самооправдания. — По идее-то должно быть пятьдесят, и…

— Пятьдесят, — повторил Корнелиус. Он произнёс это так спокойно, что сам удивился, и, по-видимому, удивил и Кейсер тоже, потому что она тут же замолчала. — Даже если среди соискателей женщин лишь двадцать процентов?

— Да, но цель всё-таки ставится не в пятьдесят. А лишь сорок процентов.

— Сколько должностей с бессрочным контрактом на нашем факультете?

— Пятнадцать.

— И сколько из них занято женщинами?

— Сейчас? Считая Мэри?

— Разумеется считая Мэри.

— Три.

Корнелиус кивнул. Он рассчитался с двумя из них; третья была инвалидом-колясочником, и он не смог заставить себя…

— Так что следующие три вакансии должны достаться женщинам, не так ли?

— Ну, да. Если они удовлетворяют требованиям.

Корнелиус снова удивил себя: прежде эти четыре слова приводили его в бешенство. Но сейчас…

— И если Мэри уйдёт насовсем, — сказал он по-прежнему ровным тоном, — а это весьма вероятно, то её должность также должна будет занять женщина, правильно?

Кейсер кивнула, всё ещё избегая смотреть ему в глаза.

— То есть следующие четыре постоянные должности должны будут занять женщины. — Он сумел остановиться — и это далось гораздо легче, чем он ожидал — прежде, чем добавить «Предпо-

чтительно чернокожие инвалиды».

Кейсер кивнула снова.

— Как часто открывается вакансия постоянного сотрудника? — спросил он, словно не знал ответа давным-давно.

— Это происходит, когда кто-то выходит на пенсию или покидает университет.

Корнелиус молча ждал.

— Раз в два года или около того, — наконец, ответила Кейсер.

— В среднем скорее ближе к трём, — сказал Корнелиус. — Поверьте: я всё посчитал. Из этого следует, что пройдёт двенадцать лет, прежде чем вы наймёте мужчину, и даже тогда это скорее всего будет представитель меньшинств и, вероятно, инвалид.

— Ну…

— Это так?

Ему не нужен был ответ Кейсер; Корнелиус читал соответствующую часть коллективного соглашения между Собранием факультета и Советом управляющих так часто, что мог процитировать её наизусть, несмотря на суконные бюрократические формулировки:

(i) В подразделениях, где менее 40 % по-

стоянных/библиотекарских должностей заполнено женщинами, в случае, если квалификация кандидатов в значительной степени эквивалентна, на должность должен быть рекомендован кандидат женского пола, принадлежащий к визуальному/расовому меньшинству, либо аборигенного происхождения, либо имеющий инвалидность.

(ii) В случае отсутствия кандидата, описанного в пункте (i) на должность должен быть рекомендован кандидат женского пола, либо кандидат мужского пола, принадлежащий к визуальному/расовому меньшинству, либо аборигенного происхождения, либо имеющий инвалидность.

В случае отсутствия кандидатов, описанных в пунктах (i) и (ii) на должность могут быть рекомендованы кандидаты мужского пола.

— Корнелиус, мне очень жаль, — сказала, наконец, Кейсер.

— *Все* стоят в очереди *перед* здоровым белым мужчиной.

— Это лишь потому, что…

Голос Кейсер затих, и пристальный взгляд Корнелиуса вцепился в её лицо.

— Да? — сказал он.

Она даже немного съёжилась.

— Это потому что в прошлом здоровые белые мужчины слишком часто проходили без очереди.

Корнелиус вспомнил, как ему говорили что-то подобное в прошлый раз — какой-то белый парень, либерал с горящим взором, прошлой весной на какой-то вечеринке. Он тогда вцепился ему в горло, крича, что нельзя наказывать людей за прегрешения их предков, но достиг лишь того, что…

Он понял это только сейчас.

Он тогда лишь выставил себя идиотом и покинул вечеринку, кипя от возмущения.

— Может быть, вы и правы, — сказал Корнелиус. — В любом случае, как там говорится в старой молитве: «Боже, дай мне терпение вынести то, что я не могу изменить, мужество бороться с тем, что я могу изменить, и мудрость, чтобы отличить одно от другого». — Он помолчал. — В данном случае я могу отличить.

— Мне жаль, Корнелиус, — сказала Кейсер.

— Так что я должен уйти. — *Яйца в жменю и катись домой,* подумал он — хотя, конечно, он теперь неспособен сделать именно это.

— В большинстве университетов действуют подобные же программы позитивной дискриминации, — сказала Кейсер. — Куда вы пойдёте?

— Наверное, в частный бизнес. Я люблю преподавать, но…

Кейсер кивнула.

— Биотехнологии сейчас — горячая тема. Масса вакансий, и…

— И поскольку это новая отрасль промышленности, ей не приходится исправлять исторические перекосы, — ровным тоном закончил Корнелиус.

— Кстати, — сказала Кейсер. — Знаете, куда вам надо обратиться? В «Синерджи-Груп»!

— Что это?

— Это американский мозговой центр, занимающийся неандертальскими проблемами. Это туда ушла Мэри Воган.

Корнелиус хотел было с порога отвергнуть предложение — работать вместе с Мэри ему будет так же тяжело, как и с Кейсер — но Кейсер продолжила:

— Я слышала, что Мэри посулили полторы сот-

ни штук зелёными.

У Корнелиуса отпала челюсть. Это было — Боже, это же почти четверть миллиона канадских долларов *в год*! Вот какие деньги должны зарабатывать парни с Ph.D. из Оксфорда вроде него.

И всё же…

— Я бы не хотел путаться у Мэри под ногами, — сказал он.

— Вы и не будете, — сказала Кейсер. — Я слышала, она уходит из «Синерджи». Дария Клейн получила от неё е-мейл. Она, по-видимому, собирается натурализоваться — переехать к неандертальцам насовсем.

— Насовсем?

Кейсер кивнула.

— Я так слышала.

Корнелиус задумался.

— Думаю, тогда стоит попробовать послать туда резюме…

— Даже не раздумывайте! — воскликнула Кейсер, по-видимому, радуясь, что может сделать для Корнелиуса хоть что-то. — Кстати, я вам напишу рекомендательное письмо. Держу пари, им нужен будет эксперт по ДНК, чтобы заменить Мэри. Вы ведь заканчивали аспирантуру в Оксфордском Центре изучения древних биомолекул? Вы

прекрасно впишитесь.

Корнелиус задумался. Он совершил то, что совершил, в первую очередь из-за разочарования в своей забуксовавшей карьере. Было бы лишь справедливо, если бы в конечном счёте это привело его к положению, которого он заслуживает.

— Спасибо вам, Кейсер, — сказал он, улыбаясь. — Спасибо вам огромное.

Глава 30

Но независимо от того, присоединятся неандертальцы к нам или нет, мы должны принять их трактовку цвета этой планеты. Марс — это не символ войны; красный — это цвет здоровья, цвет жизни — и хотя сейчас он, по-видимому, лишён всякой жизни, мы не позволим этому состоянию продлиться долго…

Настало время Мэри передать кодонатор Джоку, чтобы он отвёз его назад в…

А правда, куда?

Мэри рассмеялась, когда услышала по визору, как Советник Бедрос называет мир барастов «Жантар». У той версии Земли, которую Мэри называла домом, не было какого-то одного имени. «Земля» — это английское название; на других языках она называется по-разному. «Терра» на латыни и её многочисленных потомках. Французы, а также франко-канадцы называют её «Тер». На эсперанто это «Теро». Греческое название — «Гея» — стало популярно среди экологов и защитников природы. Немцы называют

её «Эрде», шведы — «Юрден». На иврите это «Эрец», по-арабски — «Ард», на фарси — «Замин», по-китайски «Ди-цю», по-японски «Тикю». Красивее всего, по мнению Мэри, она называлась по-таитянски: «Вуравура». Понтер называл её просто «Мэрин мир», но Мэри сомневалась, что это название сможет получить международное признание.

Так или иначе, Мэри должна передать Джоку кодонатор для того, чтобы он отвёз его на… на Глексению.

Глексения? Нет, слишком грубо. Может, Сапиентия? Или…

Прибыл вызванный Мэри транспортный куб, и она взобралась на одно из двух задних сидений.

— На Дебральскую никелевую шахту, — сказала она.

Водитель холодно покосился на неё.

— Возвращаетесь домой?

— Не я, — ответила Мэри. — Кое-кто другой.

* * *

Сердце у Мэри подпрыгнуло, когда она заметила Понтера в группе, возвращающейся с острова Донакат. Но она пообещала себе, что будет себя вести как воспитанная уроженка этого мира, и

не бросилась к нему со всех ног. В конце концов, Двое сейчас Порознь.

И всё-таки, когда никто больше не смотрел, она не удержалась и послала ему воздушный поцелуй, и он широко улыбнулся ей в ответ.

Но она явилась сюда не к нему, а к Джоку Кригеру. Мэри незаметно приблизилась к нему, держа под мышкой свёрток с кодонатором.

— Бойся глексенов, дары приносящих! — сказала она.

— Мэри! — воскликнул Джок.

Мэри жестом пригласила Джока отойти в сторонку от посторонних ушей. Одетый в серебряное эксгибиционист попытался последовать за ними, но Мэри развернулась и смотрела на него до тех пор, пока он не отстал.

— Итак, сказала Мэри, — что вы думаете об этом мире?

— Он *потрясающий*, — сказал Джок. — Умом я знал, что мы загадили мир, в котором живём, но когда я увидел всё это… — Он обвёл рукой окружающую идиллию. — Это словно найти Эдемский сад.

Мэри засмеялась.

— Похоже, правда? Как жаль, что в нём уже живут, да?

— Очень жаль, — согласился Джок. — Вы собираетесь домой вместе с нами, или ещё побудете в раю?

— Ну, если вы не возражаете, я бы осталась ещё на пару дней. — Она попыталась сделать серьёзное лицо. — У меня тут… большие успехи. — Она показала ему свёрток. — Но у меня есть кое-что, что вам нужно забрать с собой.

— Что это?

Мэри посмотрела по сторонам, оглянулась через плечо. Потом посмотрела вниз, чтобы убедиться, что Джока не заставили надеть компаньон.

— Это кодонатор — барастовский синтезатор ДНК.

— Почему вы хотите, чтобы я его взял? Почему вы не можете сами его привести?

Мэри ещё больше понизила голос.

— Это запрещённая технология. В принципе, я не должна иметь к ней доступ — никто не должен. Но это совершенно потрясающая вещь. Я написала для вас небольшую инструкцию; она внутри.

Брови Джока взлетели к самому краю его причёски; он был явно впечатлён.

— Запрещённая технология? Я знал, что не

ошибся, когда вас нанимал…

* * *

Внезапно Мэри проснулась. Ей понадобилось какое-то время, чтобы сориентироваться в потёмках и сообразить, где она.

Что-то большое и тёплое тихо спит рядом с ней. Понтер?

Нет, нет. Пока нет, не сегодня. Это Бандра: последние несколько дней они спят в одной постели.

Мэри поглядела на потолок. Там мягко светились неандертальские цифры, обозначающие время. Мэри уже умела их различать, но спросонья не могла сфокусировать взгляд, и ей понадобилось несколько секунд — несколько *тактов* — чтобы вспомнить, что они читаются справа налево, и что круг обозначает пятёрку, а не ноль. Была середина девятого деци; три часа ночи с небольшим.

Не было смысла вскакивать с постели, хотя спать совершенно не хотелось. И тот факт, что она спала рядом с другой женщиной, был совершенно не при чём; на самом деле, она сама удивилась, как легко к этому привыкла. Но мысль, которая заставила её проснуться, всё ещё горела ярким

светом в её мозгу.

Она и прежде иногда просыпалась среди ночи с блестящей идеей в голове только затем, чтобы снова заснуть и к утру напрочь её забыть. Много лет назад она на короткое время вообразила себя поэтессой — она и с Кольмом-то познакомилась на одном из поэтических чтений — и тогда она держала на прикроватном столике блокнот и маленький фонарик, чтобы делать записи, не будя его. Но она бросила это дело давным-давно, поскольку сделанные ночью записи утром оказывались совершенной белибердой.

Но *эта* мысль, это понятие, эта замечательная, великолепная идея никуда до утра не денется, в этом Мэри была уверена. Она слишком важна, чтобы позволить ей ускользнуть.

Она обхватила себя руками, устроилась поудобней на ложе и, совершенно успокоившись, быстро заснула.

* * *

На следующее утро Кристина осторожно разбудила её в назначенное время — в две трети десятой деци. Компаньону Бандры было велено разбудить её в то же самое время, что он и сделал.

Мэри улыбнулась Бандре.

— Привет, — сказала она, касаясь её руки.

— Здравый день, — сказала Бандра. Она несколько раз моргнула, прогоняя сон. — Займусь завтраком.

— Не так быстро, — сказала Мэри. — Мне надо с тобой кое-что обсудить.

Они лежали рядом на постели лицом друг другу.

— Что?

— Когда Двое были Одним, — сказала Мэри, — мы с Понтером говорили о… о нашем будущем.

Бандра наверняка что-то почувствовала в голосе Мэри.

— Ах, — сказала она.

— Ты же знаешь, что нам нужно как-то устроить некоторые… некоторые вещи.

Бандра кивнула.

— Понтер предложил решение. Частичное решение.

— Я со страхом ждала, когда этот момент наступит, — тихо сказала Бандра.

— Ты знаешь, что существующее положение не может продолжаться вечно, — сказала Мэри. — Мне… я не могу остаться здесь навсегда.

— Почему? — жалобно спросила Бандра.

— Вчера Джок — мой начальник — спросил меня, когда я возвращаюсь домой. И я *должна* вернуться; мне всё ещё надо получить аннуляцию моего брака с Кольмом. Кроме того, я…

— Да?

Мэри двинула плечом, которым не опиралась на постель.

— Я просто так не могу: быть здесь, в этом мире, так близко от Понтера, и не иметь возможности видеть его.

Бандра закрыла глаза.

— И что ты намерена сделать?

— Я собираюсь вернуться в свой мир, — сказала Мэри.

— Вот так просто? Ты бросаешь Понтера? Бросаешь меня?

— Я не бросаю Понтера, — сказала Мэри. — Я буду приезжать каждый месяц, когда Двое станут Одним.

— Так и будешь мотаться между мирами?

— Да. Я завершу свой контракт с «Синерджи Груп», а потом попытаюсь найти работу в Садбери — это в моём мире ближайший к порталу город. Там есть университет.

— Понимаю, — сказала Бандра, и Мэри почувствовала, как она старается, чтобы её голос не

дрогнул. — Ну, во всём этом есть смысл.

Мэри кивнула.

— Мне буде тебя не хватать, Мэре. Ох как мне тебя будет не хватать.

Мэри снова коснулась её руки.

— Мы ведь прощаемся не навсегда.

Но Бандра покачала головой.

— Я знаю, на что это похоже, когда Двое становятся Одним. О, первые несколько месяцев ты, вероятно, будешь стараться увидеться со мной хотя бы ненадолго в каждый твой приезд сюда, но реально ты будешь хотеть всё своё время проводить с партнёром. — Бандра предостерегающе подняла руку. — И я это отлично понимаю. Тебе достался хороший мужчина, хороший человек. Если бы у меня был такой…

— Тебе не нужен партнёр, — сказала Мэри. — Никакой женщине не нужен, по любую сторону от портала.

— Но он у меня уже есть, так что у меня нет альтернативы, — тихо ответила Бандра.

Мэри улыбнулась.

— Смешное слово — альтернатива. — Она ненадолго закрыла глаза, вспоминая. — Я знаю, что на вашем языке это *хабадык*. Но в отличие от многих других слов, которые переводятся приблизи-

тельно, эти два имеют совершенно одинаковый смысл: выбор из двух, и только двух возможностей. У меня есть друзья-биологи, которые утверждают, что концепция альтернативы так глубоко в нас укоренилась из-за формы нашего тела: с одной стороны, мы можем поступить так, с другой стороны — эдак. У говорящего осьминога могло бы и не найтись слова, обозначающего наличие именно двух возможностей.

Бандра непонимающе уставилась на Мэри.

— О чём ты говоришь? — спросила она, наконец, явно начиная сердиться.

— Я говорю о том, что у тебя есть и другие возможности.

— Я никогда не стану рисковать способностью моих дочерей иметь детей.

— Я это знаю, — сказала Мэри. — Поверь, это последнее, к чему я могла бы стремиться.

— Тогда что?

Мэри придвинулась к Бандре и крепко поцеловала её в губы.

— Поехали со мной, — сказала она, завершив поцелуй.

— *Что?*

— Поехали со мной, на ту сторону. В мой мир. В Садбери.

— Как это решит мою проблему?

— Когда Двое станут Одним, ты сможешь остаться в моём мире. Ты никогда больше не увидишь Гарба.

— Но мои дочери…

— Вот именно — *дочери*. Они постоянно живут в Центре. Для них он не угроза.

— Но я умру, если не смогу видеть моих девочек.

— Ты будешь приезжать, когда Двое Порознь. Тогда, когда нет шансов встретиться в Гарбом. Приезжай в гости к дочерям — и их детям — так часто, как захочешь.

Бандра явно пыталась всё это переварить.

— Ты хочешь сказать, что мы обе — и ты, и я — будем прыгать туда-сюда между мирами, только в разные дни?

— Именно. Я буду приезжать сюда только в те дни, когда Двое становятся Одним, а ты в любые другие. В Канаде обычно пять дней работают, два отдыхают — мы называем эти два дня «уикэнд». Ты сможешь возвращаться сюда на каждый уикэнд, который не выпадает на дни, когда Двое становятся Одним.

— Гарб будет в ярости.

— Его проблемы.

— Мне придётся бывать на Окраине, чтобы пользоваться порталом.

— Просто не делай этого одна. Делай это так, чтобы он не мог к тебе приблизиться.

— Это… это может сработать, — сказала Бандра с сомнением в голосе.

— Обязательно сработает, — твёрдо сказала Мэри. — Если он станет возражать или попытается увидеться с тобой в неурочные дни месяца, правда о нём выплывет наружу. Ему может быть плевать на то, что будет с тобой или с его дочерьми, но он наверняка не хочет, чтобы кастрировали его самого.

— И ты сделаешь это для меня? — спросила Бандра. — Ты позволишь мне жить с тобой в твоём мире?

Мэри кивнула и крепко её обняла.

— Что я буду там делать? — спросила Бандра.

— Преподавать в Лаврентийском вместе со мной. Ни один университет в моём мире не откажется иметь неандертальского геолога в своём штате.

— Правда?

— Истинная правда.

— То есть в твоём мире мы будем и жить, и работать вместе?

— Да.

— Но… но ты говорила, что в вашем мире такое не принято. Две женщины вместе…

— Так не принято у *большинства* людей моего мира, — сказала Мэри. — Но некоторые так живут. В Онтарио, где мы будем жить, к таким вещам относятся терпимее, чем почти в любом другом месте моего мира.

— Но… будешь ли ты счастлива?

Мэри улыбнулась.

— Не бывает идеальных решений. Но это очень близко к идеалу.

Бандра заплакала, но то были слёзы радости.

— Спасибо тебе, Мэре.

— Нет, — ответила она. Это тебе спасибо. Тебе, и Понтеру.

— Я понимаю Понтеру, но мне? За что?

Мэри снова её обняла.

— Вы с ним показали мне новые способы быть человеком. И за это я буду вам благодарна всю жизнь.

Глава 31

Конечно, когда мы окажемся там, когда мы посадим цветы в ржавые пески четвёртой от Солнца планеты, когда мы напоим их водой, добытой из полярных шапок Марса, мы, Homo sapiens, можем снова на короткое время остановиться, чтобы насладиться запахом этих роз…

— Козёл!

Джок знал, что водитель соседней машины не может его слышать — день выдался холодный, и все окна были закрыты. Но он терпеть не мог, когда всякие ублюдки его подрезают.

Движение сегодня было просто бешеное. Конечно, рассудил Джок, скорее всего оно всегда такое в Рочестере в это время дня, но буквально всё теперь казалось нестерпимо раздражающим после чистой, идиллической красоты, которую он видел на той стороне.

«На той стороне». Чёрт возьми, его мать говорила так про рай. «Всё снова станет хорошо на той стороне».

Джок не верил в рай — да и в ад, если уж на

то пошло, но не мог отрицать реальность мира неандертальцев. Разумеется, они там у себя всё не загадили исключительно в силу случайного стечения обстоятельств. Будь у настоящих людей такие носы, они бы тоже не захотели жить среди собственных отходов.

Джок остановился на светофоре. Ветер нёс по мостовой страницу из «USA Today». Подростки курили на автобусной остановке. В квартале впереди был «Макдональдс». В отдалении глухо выли сирены, бибикали машины. Грузовик рядом с ним кашлянул чёрным дымом из вертикальной выхлопной трубы. Джок посмотрел направо и налево и, наконец, заметил одинокое дерево, растущее в кадке в половине квартала впереди.

Выпуск новостей по радио начался с сообщения о мужчине, который застрелил четверых сослуживцев на заводе электроники в Иллинойсе. Потом диктор уделил две секунды взрыву бомбы в Каире, ещё двенадцать — по-видимому, неизбежной войне между Индией и Пакистаном, и завершил свою минуту разливом нефти в заливе Пьюджет-Саунд, крушением поезда под Далласом и ограблением банка здесь, в Рочестере.

Какой бардак, — думал Джок, барабаня пальцами по баранке и дожидаясь зелёного сигнала. —

Какой жуткий бардак.

* * *

Джок вошёл в занимаемый «Синерджи Груп» особняк через главный вход. В коридоре ему встретилась Луиза Бенуа.

— Здравствуйте, Джок, — сказала она. — На той стороне и правда так здорово, как говорят?

Джок кивнул.

— Поверю вам на слово, — сказала Луиза, — но здесь вы пропустили совершенно потрясающее полярное сияние.

— Здесь? — удивился Джок. — Так далеко на юг?

Луиза кивнула.

— Невероятно, правда? Я никогда ничего подобного не видела, а ведь я — специалист по физике Солнца. Магнитное поле Земли действительно начинает барахлить.

— Вы вроде бы пока ещё в сознании, — криво усмехнулся Джок.

Луиза улыбнулась и указала на свёрток, который он держал в руках.

— Я пропущу эту реплику мимо ушей, раз уж вы принесли мне цветы.

Джон взглянул на длинный свёрток, который

дала ему Мэри Воган.

— О, это Мэри попросила захватить с той стороны.

— Что это?

— Я как раз собирался выяснить.

Джор двинулся дальше по коридору к столу миссис Уоллес, секретаря компании и личного помощника Джока.

— С возвращением, сэр! — сказала она.

Джок кивнул.

— Что-нибудь запланировано на сегодня?

— Только одна встреча. Я её назначила, когда вы были в отъезде; надеюсь, вы не возражаете. Специалист-генетик ищет работу. Очень хорошие рекомендации.

Джок крякнул.

— Он будет здесь к 11:30, — сказала миссис Уоллес.

* * *

Джок проверил свой е-мейл и голосовую почту, выпил чёрного кофе, а потом развернул свёрток, который передала ему Мэри. С первого взгляда было очевидно, что это продукт чужих технологий: текстуры, цветовая гамма, общий внешний вид — всё это было не такое, как сделали бы лю-

ди. Неандертальская любовь к квадратам была совершенно очевидна; квадратный профиль, квадратные дисплеи и контрольные штырьки, собранные в квадратные группы.

Многие элементы управления были подписаны — некоторые, к его удивлению, явно от руки. Этот прибор явно не производился серийно; возможно, какой-то прототип…

Джок взял телефонную трубку и набрал внутренний номер.

— Лонвес? Это Джок. Подойдите ко мне в кабинет, пожалуйста…

* * *

Дверь кабинета отворилась — без стука — и вошел Лонвес Троб.

— Что случилось, Джок? — спросил старый неандерталец.

— У меня тут один прибор, — он оказал на вытянутое устройство, лежащее на его столе, — и я не могу разобраться, как его включить.

Лонвес пересёк кабинет; Джок мог поклясться, что расслышал, как поскрипывали при этом его суставы. Он склонился над столом — в этот раз скрип прозвучал яснее — и приблизил свои механические глаза к прибору.

— Вот здесь, — сказал он, указывая на отдельно стоящий контрольный штырёк. — Он схватил его скрюченными пальцами и потянул на себя. Прибор тихо загудел. — А что это такое?

— Мэри сказала — синтезатор ДНК.

Лонвес внимательно оглядел прибор.

— Корпус стандартный, но ничего подобного именно этому я никогда не видел. Вы не могли бы его приподнять?

— Что? — переспросил Джок. — А, конечно. — Он оторвал прибор от столешницы, и Лонвес сгорбился, заглядывая под его днище.

— Вам захочется подключить его к внешнему источнику питания, и… ага, отлично: у него есть стандартный интерфейсный порт. Мы с доктором Бенуа собрали несколько устройств, позволяющих подключать неандертальские приборы к вашим персональным компьютерам. Выделить вам одно?

— Э-э… конечно. Да.

— Я попрошу доктора Бенуа позаботиться об этом. — Лонвес двинулся к дверям. — Весело провести время с новой игрушкой.

* * *

Следующие несколько часов Джок провёл,

изучая кодонатор и читая заметки, которые приготовила для него Мэри.

Эта штука умела изготовлять ДНК, это было понятно.

А также РНК — Джоку знал, что это другая разновидность нуклеиновых кислот.

Похоже, что она также могла производить ассоциированные белки, наподобие тех, что связывают дезоксирибонуклеиновую кислоту в хромосомах.

У Джока были некоторые базовые познания в генетике: многие из исследований, в которых он участвовал в «RAND», имели отношение к биологической войне. Если этот прибор может производить цепочки дезоксирибонуклеиновой кислоты и белки, то…

Джок сплёл пальцы. Ребята в Форт-Детрике[147] отдали за такую штуку всё!

Нуклеиновые кислоты. И белки.

Это строительные компоненты для вирусов, которые, собственно, и являются кусочками ДНК или РНК в белковой оболочке.

Джок уставился на машину, размышляя.

---

[147] notes: 147
Американский центр разработки биологического оружия.

* * *

Телефон на столе Джока издал особый сигнал, означающий внутренний звонок.

— Прибыл соискатель, назначенный на 11:30, — произнёс голос миссис Уоллес.

— Хорошо, спасибо.

Через пару секунд в дверь вошёл тощий голубоглазый мужчина.

— Доктор Кригер, — сказал он, протягивая руку. — Рад познакомиться.

— Садитесь.

Мужчина сел, но прежде вручил Джоку копию своего довольно объёмного резюме.

— Как видите, я получил Ph.D. в области генетики в Оксфорде. Я там работал в Центре изучения древних биомолекул.

— Вы работали с неандертальцами?

— Нет, с ними нет. Но я делал много другой работы, связанной с поздним кайнозоем.

— Откуда вы узнали о нас?

— Я работал в Йоркском университете, где раньше работала Мэри Воган, и…

— Обычно мы сами приглашаем нужных нам людей.

— О, я прекрасно это понимаю, сэр. Но я поду-

мал, что раз Мэри уехала в другую вселенную, вам, возможно, потребуется новый генетик.

Джок бросил взгляд на лежащий на столе прибор.

— Знаете, доктор Раскин, он нам и в самом деле требуется.

Глава 32

Но наслаждение марсианскими розами будет лишь короткой паузой, нужной, чтобы перевести дух и поразмышлять, прежде чем отправиться в новое путешествие, двигаясь прочь, всё дальше и дальше, учась, делая открытия, взрослея, расширяя границы не только нашей области обитания, но и нашего разума…

Прошло почти три недели с тех пор, как делегация ООН, включая Джока, вернулась домой. Понтер и Адекор работали в своей квантово-вычислительной лаборатории в тысячах саженей под землёй, когда с той стороны пришло сообщение в виде запечатанного пакета, доставленного через деркерову трубу офицером канадской армии.

Так случилось, что пакет вскрыл сам Понтер. На оказавшимся внутри конверте красовался рассечённый надвое земной шар — логотип «Синерджи Груп», и Понтер решил, что письмо для Мэри. Но, как оказалось, он ошибся. К его изумлению на конверте стояло его собственное

имя, написанное английскими буквами и неандертальскими идеограммами.

Понтер вскрыл конверт; Адекор заглядывал ему через плечо. Внутри оказалась бусина памяти. Понтер опустил её в гнездо проигрывателя, и перед ним появилось трёхмерное изображение Лонвеса Троба; его механические глаза светились собственным синим светом. Изображение было в масштабе примерно один к трём и парило в полусажени над консолью.

— Здравый день, учёный Боддет, — сказал Лонвес. — Мне нужно, чтобы вы вернулись в штаб-квартиру «Синерджи Груп» сюда, на южный берег озера Жорлант — которое глексены упорно называют Онтарео, хотя их уже десять раз поправлял. Как вам известно, я работаю здесь с доктором Бенуа над проблемами квантовых вычислений, и у меня появилась новая идея о методах предотвращения декогерентности даже в системах, расположенных на поверхности. Однако мне нужны ваши знания и опыт в области квантовых вычислений. Возьмите с собой вашего коллегу Адекора Халда; его опыт также будет очень ценен. Жду вас через три дня.

Изображение застыло, что означало, что запись была проиграна полностью. Понтер взглянул на

Адекора.

— Поедешь со мной?

— Ты шутишь? — воскликнул Адекор. — Шанс познакомиться с самим Лонвесом Тробом! Обязательно поеду!

Понтер улыбнулся. Глексены говорят, что у барастов отсутствует желание исследовать новые места. Может быть, они правы: до сих пор, несмотря на то, что это им разработанная установка сделала возможным путешествия между мирами, Адекор ни разу не высказывал желания взглянуть на мир глексенов. Но сейчас он готов был отправиться туда — ради встречи с одним из своих кумиров.

— Три дня — это куча времени на сборы, — сказал Понтер. — «Синерджи Груп» не слишком далеко отсюда — я имею в виду, от «отсюда» на той стороне.

— Интересно, что у Лонвеса за надбровьем, — сказал Адекор.

— Кто знает? Но я уверен — что-то гениальное.

Кроме Понтера и Адекора в пультовой никого не было, хотя неандертальские техники работали в вычислительной камере, а неандертальский принудитель сидел на стуле у выхода из портала — просто на всякий случай.

— Я должен пригласить Мэре поехать с нами, — сказал Понтер.

Глаза Адекора сузились.

— Но Двое ещё не стали Одним.

Понтер кивнул.

— Я знаю. Но в их мире это правило не действует, и она меня не простит, если я отправлюсь туда и не возьму её с собой.

— Учёный Троб её не приглашал, — напомнил Адекор.

Понтер протянул руку и коснулся его плеча.

— Я знаю, что тебе нелегко. Я провожу слишком много времени с Мэре, и слишком мало — с тобой. Но ты ведь знаешь, как сильно я тебя люблю.

Адекор медленно кивнул

— Прости. Я пытаюсь — по-настоящему стараюсь — не быть мелочным, когда речь идёт о тебе и Мэре. То есть, я *хочу*, чтобы у тебя была партнёрша. Но я никогда не думал, что ты найдёшь такую партнёршу, которая будет претендовать на наше с тобой время.

— Это очень… сложно, — сказал Понтер. — Прости меня за это. Но уже очень скоро к нам переедет Даб — и тогда у тебя будет гораздо меньше времени для меня.

Понтер пожалел об этих словах сразу же, как

только их произнёс. Обиду на лице Адекора было невозможно не заметить.

— Мы будем растить Даба вместе, — сказал он. — Так у нас заведено, и ты это знаешь.

— Я знаю. Прости. Просто это…

— Просто это всё до ужаса *нелепо,* — сказал Адекор.

— Я со всем разберусь, — сказал Понтер. — Скоро. Обещаю.

— Как?

— Мэре уедет на ту сторону и будет жить там, в своём мире, а к нам приезжать, только когда Двое становятся Одним. И наша с тобой жизнь снова войдёт в обычное русло.

— Когда?

— Скоро. Обещаю.

— Но ты хочешь взять её в эту поездку — чтобы она вместе с нами поехала в «Синерджи Груп» к Лонвесом.

— Ну, вообще-то её текущий вклад как раз и состоит в работе исследователем в «Синерджи Груп». Разумеется ей нужно возвращаться туда время от времени.

Широкий рот Адекора снова скривился. Понтер нежно провёл рукой по его заросшей бородой щеке.

— Я люблю тебя, Адекор. Верь мне. Больше ничто не встанет между нами.

Адекор медленно наклонил голову и потом, беря инициативу в свои руки, произнёс в компаньон.

— Соедини меня с Мэре Воган.

Через мгновение из динамика компаньона послышался синтезированный Кристиной голос Мэри, который произнёс по-неандертальски:

— Здравый день.

— Здравый день, Мэре. Это Адекор. Как ты смотришь на то, чтобы кое-куда съездить с Понтером и со мной?

* * *

— Это поразительно! — восклицал Адекор во всремя поездки по Сабдери. — Всё застроено! И столько народу! Мужчины и женщины вместе!

— И это у них *маленький* город, — напомнил ему Понтер. — Погоди, вот приедем в Торонто или Манхеттен.

— Невероятно, — повторял Адекор; Понтер сел в машине сзади, чтобы Адекору с переднего места было лучше видно. — Невероятно!

Прежде чем отправиться в долгое путешествие до Рочестера, они заехали в Лаврентийский уни-

верситет поинтересоваться вакансиями для Мэри и Бандры. Понтер был совершенно прав: встреча была назначена с главами факультетов генетики и геологии, но вскоре к ним присоединились ректор и проректор. Лаврентийский очень хотел нанять их обеих, и с превеликим удовольствием согласился составить для Мэри план занятий, который включал бы четыре выходных дня подряд ежемесячно.

Раз уж они оказались в Лаврентийском, то сходили в подвал навестить Веронику Шеннон. Адекор вошёл в «Чулан Вероники» с надетым на голову новым шлемом, учитывающим особенности неандертальской анатомии.

Мэри надеялась, что хотя бы Адекор ощутит что-нибудь, когда левая часть его теменной доли подвергается стимуляции, но тщетно. На тот случай, если у неандертальцев распределение мозговых функций зеркально по сравнению с глексенами (весьма маловероятный, учитывая преобладание среди них праворукости) Вероника устроила повторный прогон, стимулируя правую часть теменной доли, но это так же не вызвало никакой реакции.

После этого Мэри, Понтер и Адекор поехали прямиком в квартиру Мэри в Ричмонд-Хилл;

Адекор в абсолютном изумлении разглядывал окрестности и другие автомобили на шоссе.

Добравшись до Мэриного дома, они забрали со стола консьержа в вестибюле огромную кипу накопившейся почты и поднялись на этаж.

Адекор сразу вышел на балкон, завороженный зрелищем. Пока он был поглощён созерцанием, Мэри заказала ужин, который, как она знала, должен прийтись Понтеру по вкусу: жареная курица из KFC, салат из зелени, картошка фри и двенадцать банок «кока-колы».

Пока они ожидали прибытия еды, Мэри включила телевизор, надеясь застать выпуск новостей, и через некоторое время буквально прилипла к экрану.

— Habemus papam! — провозгласила ведущая новостей, белая женщины с каштановыми волосами в очках с тонкой оправой. — Такая новость была получена сегодня из Ватикана: у нас новый Папа.

В кадре появился столб белого дыма, поднимающийся из дымохода Сикстинской Капеллы, означающий сожжение бюллетеней после того, как один из кандидатов получил необходимое большинство в две трети плюс один голос. Мэри ощутила, как у неё радостно забилось сердце.

Потом на экране появилось фото: белый мужчина лет пятидесяти пяти, с проседью в волосах и узким, словно стиснутым с боков лицом.

— Новым понтификом избран кардинал Франко Ди Карио из Флоренции. По имеющейся информации, он избрал себе имя Марка II.

В кадре теперь было дворе: ведущая и чернокожая женщина лет сорока в изящном деловой костюме.

— С нами в студии «Си-би-си» Сьюзан Донкастер, профессор религиоведения из Торонтского университета. Спасибо, что пришли, профессор Донкастер.

— С удовольствием откликнулась на ваше предложение, Саманта.

— Что вы можете сказать о человеке, родившемся под именем Франко Ди Карио? Какого рода изменений в Римско-Католической церкви имеет смысл ожидать от него?

Докастер слегка развела руками.

— Многие из нас надеются, что назначение нового Папы принесёт глоток свежего воздуха: возможно, ослабление некоторых наиболее консервативных позиций Церкви. Однако злые языки уже сейчас отмечают, что имя, избранное новым Папой — Марк *второй* — намекает, что

он будет лишь поддерживать то, что было установлено до него. Также отметим, что на престол Святого Петра вернулись итальянцы, и что в качестве кардинала Франко Ди Карио считался косерватором.

— То есть мы вряд ли дождёмся от него ослабления позиций, скажем, в вопросе контроля рождаемости?

— Этого не будет почти наверняка, — ответила Донкастер, качая головой. — Ди Карио всегда называл Humanae Vitae Папы Павла VI важнейшей энцикликой второго тысячелетия, чьими догматами, по его мнению, Церковь должна руководствоваться и в третьем.

— А по вопросу целибата священнослужителей? — спросила Саманта.

— Опять же, Франко Ди Карио часто упоминал о том, насколько важны обычные обеты — бедности, целомудрия и послушания — для принимающих сан. Я не вижу ни единой возможности для того, чтобы Марка II поменял позицию Рима в этом вопросе.

— У меня складывается впечатление, — сказала ведущая, едва заметно улыбнувшись, — что о рукоположении женщин нет смысла и спрашивать.

— Не при Франко Ди Карио, в этом нет никаких сомнений, — сказала Донкастер. — Его Церковь в осаде, и она укрепляет свои традиционные баррикады, а не разбирает их.

— Так что и ослабления позиций по отношению к разводам тоже ожидать не приходится, не так ли?

Мэри задержала дыхание, хотя и знала уже, каков будет ответ.

— Никаких шансов, — ответила Донкастер.

Мэри с начала лета хранила пульт управления от телевизора в комоде; она пыталась похудеть, и это был простой способ заставить себя больше двигаться. Она поднялась с дивана, подошла к телевизору и тронула кнопку выключения.

Когда она снова повернулась, то увидела смотрящего на неё Понтера.

— Новый Папа тебя не порадовал, — сказал он.

— Да уж. И многих других людей тоже. — Она рассеянно пожала плечами. — С другой стороны, не может же *всё* быть хорошо. — Она вздохнула.

— Что ты теперь будешь делать? — спросил Понтер.

— Я… я не знаю. Ну, то есть, отлучение мне не грозит, я ведь пообещала Кольму, что соглашусь на аннуляцию вместо развода, но…

— Но что?

— Не пойми меня неправильно, — сказала Мэри. — Я очень рада, что у моего ребёнка будет «орган Бога». Но меня уже начинают раздражать эти дурацкие ограничения. Чёрт побери, мы ведь живём в двадцать первом веке!

— Новый Папа ещё может тебя удивить, — сказал Понтер. — Если я правильно понимаю, с момента избрания он сам ещё не сделал никаких заявлений. Всё, что мы слышали до сих пор — лишь домыслы.

Мэри уселась обратно на диван.

— Я знаю. Но если бы кардиналы хотели перемен, они бы избрали кого-нибудь другого. — Она рассмеялась. — Ты только послушай меня! Это, конечно, чисто светский взгляд. Так-то предполагается, что выбор Папы вдохновляется самим Богом. Так что я должна бы была сказать, что если бы *Бог* хотел перемен, то *Он* бы избрал кого-нибудь другого.

— В любом случае, как сказала та женщина, у вас есть Папа, и он выглядит достаточно молодо, чтобы выполнять свои обязанности в течение многих декамесяцев.

Мэри кивнула.

— Я получу аннуляцию. Я пообещала Кольму.

Но пусть даже аннуляция означает, что я могу остаться в лоне Католической Церкви, я этого больше не хочу. В конце концов, есть масса других христианский деноминаций — это вовсе не означает, что я утратила веру.

— Звучит как важное решение, — сказал Понтер.

Мэри улыбнулась.

— В последнее время мне часто приходится их принимать. И я не могу оставаться католичкой. — Она удивилась тому, как легко ей удалось произнести эти слова. — Я не могу.

Глава 33

Нам, разновидности людей, называемой Homo sapiens, разновидности, которую наши неандертальские братья зовут глексенами — присуще стремление, уникальное среди приматов, стремление, характерное лишь для царства осознающих себя существ…

— Здравствуйте, Джок, — сказала Мэри Воган, входя в его кабинет в здании «Синерджи Груп».

— Мэри! — воскликнул Джок. — С возвращением! — Он вскочил со своего аэроновского кресла и пожал ей руку. — С возвращением.

— Рада вас видеть. — Она сделала жест в сторону двери, в которой появились двое её спутников. — Джок, вы уже знакомы с посланником Понтером Боддетом. А это учёный Адекор Халд.

Кустистые брови Джока взлетели к самому краю причёски.

— Бог ты мой! — вскричал он. — Вот это сюрприз!

— Вы не знали, что они собиались приехать?

Джок покачал головой.

— Я полностью погрузился в… в другие дела. Я получаю доклады о приезде и отъезде всех неандертальцев, но давно их не просматривал.

Мэри мимоходом вспомнила старый анекдот. Плохая новость: ЦРУ читает всю вашу почту. Хорошая новость: ЦРУ читает *всю* вашу почту.

— В любом случае, — сказал Джок, выступая вперёд и протягивая руку Понтеру, — с возвращением. — Потом он протянул руку Адекору. — Добро пожаловать с Соединённые Штаты Америки, доктор Халд.

— Спасибо, — ответил Адекор. — Я… несколько ошеломлён.

Джок изобразил тонкую улыбочку.

— Это мы можем.

Мэри снова указала на двоих барастов.

— Лонвес Торб попросил Понтера вернуться и в этот раз взять с собой Адекора.

Понтер улыбнулся.

— Я уверен, что на вкус Лонвеса я слишком большой теоретик. Но Адекор хорошо знает, как создавать реальные вещи.

— К слову о неандертальской изобретательности, — сказала Мэри, указывая на стол в углу кабинета Джока. — Я вижу, вы разбираетесь с кодонатором.

— О да, — ответил Джок. — Это совершенно потрясающий прибор.

— Ага, — согласилась Мэри. Она посмотрела на Джока, раздумывая, стоит ли ему сказать. Искушение было слишком сильно. — С его помощью мы с Понтером собираемся завести ребёнка, несмотря на разницу в числе хромосом.

Джок выпрямился в своём аэроновском кресле.

— Правда? Какая… неожиданность. Я не… я и не думал даже, что такое возможно.

— Очень даже возможно! — сказала Мэри, сияя от радости.

— Гмм… э-э… поздравляю, — сказал Джок. — И вас, Понтер, разумеется. Поздравляю!

— Спасибо, — сказал Понтер.

Внезапно Джок посерьёзнел, словно вспомнил о чём-то важном.

— Гибрид между Homo sapiens и Homo neanderthalensis, — сказал он. — У него будет двадцать три пары хромосом или двадцать две?

— Вы хотите сказать, будет он глексеном или барастом с точки зрения разработанного мной теста? — спросила Мэри.

Джок кивнул.

— Ну, знаете, просто праздное любопытство.

— Мы долго обсуждали этот вопрос. В конце

концов решили, что будет двадцать три пары. С точки зрения теста ребёнок будет глексеном.

— Понятно, — сказал Джок. Ответ его как будто бы немного огорчил.

— Поскольку эмбриону придётся оказаться у меня здесь, — она похлопала себя по животу, — мы решили попытаться избежать возможных осложнений с иммунной системой.

Джок проследил взглядом за её рукой.

— Но вы ведь ещё не беременны, я полагаю?

— Нет-нет. Поколение 149 будет зачато только в следующем году.

Джок моргнул.

— Так ребёнок будет жить в неандертальском мире? Значит ли это, что вы перебираетесь туда насовсем?

Мэри бросила взгляд на Понтера и Адекора. Она не ожидала, что эта тема всплывёт так скоро.

— В основном, — осторожно сказала она, — я буду жить в нашем мире…

— Звучит так, словно за этим следует большего «но», — сказал Джок.

Мэри кивнула.

— Так и есть. Вам известно, что я закончила работу, для которой вы меня наняли в «Синерджи», гораздо быстрее, чем изначально предпола-

галось. Я думаю, что мне пришло время уйти. Мне предложили полный бессрочный контракт профессора генетики в Лаврентийском университете.

— Лаврентийском? — сказал Джок. — Это где?

— В Садбери — там, где портал. Лаврентийский — небольшой университет, но у них отличный факультет генетики, они выполняют анализы ДНК для федеральной полиции. — Она помолчала. — В последнее время я заинтересовалась этой областью.

Джок улыбнулся.

— Кто бы мог подумать, что настанет время, когда Садбери станет пользоваться популярностью из-за удачного географического положения?

* * *

— Привет, Мэри.

Мэри выронила кружку, которую держала в руках. Она разлетелась вдребезги, горячий кофе с шоколадным молоком расплескался по полу её офиса.

— Я закричу, — сказала она. — Я позову Понтера.

Корнелиус Раскин закрыл за собой дверь.

— В этом нет никакой необходимости.

Сердце Мэри бешено колотилось. Она огляделась вокруг в поисках чего-нибудь, что можнжо бы было использовать в качестве оружия.

— Какого чёрта ты тут делаешь?

Корнелиус выдавил из себя улыбочку.

— Я тут работаю. Меня наняли тебе на замену.

— Это мы ещё посмотрим, — сказала Мэри и схватила трубку офисного телефона.

Корнелиус придвинулся ближе.

— Не касайся меня! — сказала Мэри. — Не смей!

— Мэри…

— Пошёл вон! Пошёл вон! Пошёл вон!

— Мэри, дай мне две минуты — это всё, чего я прошу.

— Я позвоню в полицию!

— Ты знаешь, что не позвонишь. Ты не можешь, только не после того, что Понтер сделал со мной, и…

Внезапно Корнелиус замолк. Сердце Мэри выпрыгивало из груди, и, должно быть, Корнелиус заметил что-то в выражении её лица.

— Ты не знаешь! — сказал он, вытаращив глаза. — Ты ведь не знаешь, правда? Он тебе так и не сказал!

— Не сказал мне что? — спросила Мэри.

Худая фигура Корнелиуса обмякла и просела, словно соединение его ног с туловищем вдруг ослабло.

— Мне и в голову не пришло, что ты в этом не участвовала, что ты ничего не знала…

— Не знала чего? — требовательно сказала Мэри.

Корнелиус попятился.

— Я не причиню тебе вреда, Мэри. Я *не могу* причинить тебе вреда.

— О чём ты говоришь?

— Ты знаешь, что Понтер приходил ко мне домой?

— Что? Ты врёшь.

— Нет, не вру.

— Когда?

— В сентябре. Поздно ночью…

— Ты *врёшь*. Он никогда…

— Не вру.

— Он бы мне сказал.

— Я тоже так думал, — согласился Корнелиус, безучастно пожав плечами. — Но, как видим, он не сказал.

— Послушай, — сказала Мэри. — Мне на всё это плевать. Просто убирайся отсюда. Я приехала сюда, чтобы от тебя избавиться! И я позвоню в

полицию.

— Ты не хочешь этого делать, — сказал Корнелиус.

— Следи за руками — и если ты сделаешь ещё шаг, я заору.

— Мэри…

— Не подходи.

— Мэри, Понтер *кастрировал* меня.

Мэри почувствовала, как у неё упала челюсть.

— Ты врёшь, — сказала она. — Ты всё это выдумал.

— Могу показать, если хочешь…

— Нет! — Мэри чуть не вырвало — мысль о том, чтобы увидеть его обнажённую плоть была нестерпима.

— Это правда. Он пришёл ко мне домой, где-то в два часа ночи, и…

— Понтер никогда бы такого не сделал. По крайней мере, не рассказав мне.

Корнелиус поднёс руку к молнии на ширинке.

— Как я уже сказал, я могу доказать.

— Нет! — Мэри дышала тяжело и судорожно.

— Кейсер Ремталла сказала мне, что ты натурализовалась — переселилась на ту сторону навсегда. В противном случае я бы никогда сюда не приехал, но… — Он пожал плечами. — Мэри,

мне нужна эта работа, — сказал Корнелиус. — Йоркский для меня тупик — для меня и любого другого белого мужчины моего возраста. Ты это знаешь.

Мэри была близка к гипервентиляции.

— Я не смогу с тобой работать. Я не смогу даже в одной комнате с тобой находиться.

— Я буду держаться от тебя подальше. Обещаю. — Его голос стал тише. — Чёрт возьми, Мэри, по-твоему, *мне* тебя приятно видеть? Это напоминает мне о… — он замолчал: его голос дрогнул, самую малость. — о том, чем я был раньше.

— Я тебя ненавижу, — прошипела Мэри.

— Я знаю. — Он двинул плечом. — Я… я не могу тебя за это винить. Но если ты расскажешь обо мне Кригеру или кому угодно, для Понтера Боддета это будет конец. Он попадёт за решётку за то, что сделал со мной.

— Будь ты проклят, — сказала Мэри.

Корнелиус кивнул.

— Наверняка буду.

* * *

— Понтер! — сказала Мэри, ворвавшись в лабораторию в «Синерджи», которую отвели для работы ему, Адекору и Лонвесу Тробу. — Пойдём

со мной!

— Привет, Мэре, — сказал Понтер. — Что случилось?

— Прямо сейчас! — рявкнула Мэри. — Немедленно!

Понтер повернулся к двум другим неандертальцам, но Кристина продолжила переводить:

— Простите, я должен ненадолго отлучиться…

Лонвес кивнул и намекнул Адекору, что это, должно быть, Последние Пять. Мэри вышла из комнаты, и Понтер последовал за ней.

— На улицу! — приказала Мэри и, не оборачиваясь, направилась по укрытому коврами главному коридору особняка к дверям, забрав по пути с вешалки своё пальто.

Понтер поспешил за ней без пальто. Мэри пересекла побуревшую лужайку, перешла через улицу и остановилась только на идущем вдоль опустевшей пристани для яхт променаде. Тут она резко развернулась к Понтеру.

— Здесь Корнелиус Раскин.

— Нет, — сказал Понтер. — Я бы его унюхал, если бы…

— Должно быть, у него запах изменился от того, что ты ему яйца отчекрыжил, — прорычала Мэри.

— Ах, — сказал Понтер. И потом: — Ой.

— И всё? — спросила Мэри. — Это всё, что ты можешь сказать?

— Я… э-э… в общем…

— Какого чёрта ты мне не сказал?

— Ты бы не одобрила, — ответил Понтер, глядя в асфальт, полузасыпанный опавшей листвой.

— И это, блин, истинная правда! Понтер, ну как ты мог совершить такое? Господи Иисусе!..

— Иисус, — тихо повторил Понтер. — Он учил, что прощение — это величайшая добродетель. Но…

— Что? — крикнула Мэри.

— Но я — не Иисус, — сказал он, и в его голосе послышалась печаль. — Я не умею прощать.

— Ты пообещал мне, что не причинишь ему вреда, — сказала Мэри. Над их головами пролетела чайка.

— Я пообещал, что *не убью* его, — уточнил Понтер. — И я не убил. Но… — Он пожал своими массивными плечами. — Первоначально я собирался просто предупредить его, что я опознал в нём насильника, чтобы он никогда больше не совершал преступлений. Но когда я его увидел, учуял его зловоние, зловоние, которое он оставил на одежде последней жертвы, я не смог

сдержаться…

— Боже мой, Понтер. Ты ведь знаешь, что это значит: он теперь на коне. В любой момент, когда ему вздумается, он может донести на тебя. Подозреваю, что вопрос о том, виновен ли он в изнасилованиях, суд даже не станет обсуждать.

— Но он виновен! И я не смог смириться с мыслью, что ему ничего не будет за его преступление. — А потом, видимо, чтобы упрочить свою защиту, он повторил последнее слово во множественном числе: — Преступления, — напоминая Мэри, что она не была единственной жертвой Корнелиуса Раскина, и что второе изнасилование произошло потому, что Мэри не сообщила о первом.

— Его родственники, — сказала Мэри в ту же секунду, как мысли пришла ей в голову. — Его братья, сёстры. Родители. Господи, скажи мне, что ты ничего им не сделал!

Понтер склонил голову, и Мэри подумала, что он собирается признаться в других нападениях. Но не это было причиной его стыда.

— Нет, — сказал он. — Нет, я не тронул другие копии генов, которые сделали его тем, кто он есть. Я хотел наказать *его* — заставить *его* страдать так же, как страдала ты.

— Но теперь он может заставить страдать тебя, — сказала Мэри.

— Не волнуйся, — ответил Понтер. — Он никогда не расскажет, что я сделал.

— Почему ты так уверен?

— Обвинение против меня будет означать, что его собственные преступления выйдут на свет. Пусть не на моём суде, но на отдельном процессе, ведь так? Наверняка ведь здешние принудители от него не отстанут.

— Возможно, — сказала Мэри, всё ещё кипя внутри. — Но судья может решить, что ты его уже достаточно наказал. В конце концов, канадские законы считают кастрацию слишком тяжёлом наказанием даже за изнасилование. Так что если он уже понёс это наказание, то судья может постановить, что накладывать на него другое, менее тяжёлое наказание в виде лишения свободы не имеет смысла. И в этом случае он ничего не потеряет, а ты отправишься в тюрьму за то, что сделал с ним.

— Даже в этом случае о том, что он насильник, станет широко известно. Это не может не повлечь нежелательные для него социальные последствия.

— Мы должны были сперва всё это обсудить!

— Как я уже сказал, у меня не было намерения совершать эту… это…

— Месть, — сказала Мэри безразличным тоном, словно зачитывая слово из словаря. Она медленно покачала головой. — Ты не должен был этого делать.

— Я знаю.

— Но сделав это, ничего мне не сказать! Чёрт возьми, Понтер, у нас не должно быть друг от друга секретов! Какого чёрта ты ничего мне не сказал?

Понтер посмотрел на пустынную пристань, на холодную серую воду.

— Я уверен, что в этом мире мне ничто не угрожает, — сказал он, — потому что, как я сказал, Раскин никогда не расскажет о том, что я с ним сделал. Но в моём мире…

— Что в твоём мире?

— Не понимаешь? Если о том, что я сделал, станет известно в моём мире, меня посчитают чрезмерно агрессивным.

— Ты веришь, что Раскин сохранит тайну, но не веришь, что сохраню я?

— Не в этом дело. Вообще не в этом. Ведь всё записывается. В архиве алиби будет запись о том, как я тебе рассказываю, и в твоём архиве будет

запись о том же самом. Даже если ни один из нас не проронит ни слова, всегда есть вероятность, что суд потребует раскрытия твоего или моего архива, и тогда…

— Что? Что?

— И тогда буду наказан не только я, но и Жасмель с Мегой.

Господи, подумала Мэри. *Всё идёт по кругу.*

— Прости меня, — сказал Понтер. — Мне очень стыдно — и за то, что я сделал с Раскином, и за то, что не сказал тебе. — Он попытался заглянуть её в глаза. — Поверь мне, носить этот груз было совсем не легко.

Внезапно Мэри осенило.

— Скульптор личности!

— Да, именно поэтому я ходил к Журарду Селгану.

— Не из-за моего изнасилования… — медленно произнесла Мэри.

— Нет. Не напрямую.

— …а из-за того, то ты сделал по поводу моего изнасилования.

— Именно.

Мэри испустила долгий вздох; гнев — и многое другое — словно улетучивались из её тела. Он не стал думать о ней хуже из-за того, что её из-

насиловали…

— Понтер, — тихо сказала она. — Понтер, Понтер…

— Я люблю тебя, Мэре…

Она медленно покачала головой, думая о том, что делать дальше.

Глава 34

И это стремление гонит нас вперёд и вдаль…

Бристоль-Харбор был мечтой застройщика по имени Фред Саркис: пять роскошных многоквартирных домов, стоящих над глинистым обрывом на берегу озера Канандэйгуа. Озеро, одно из Фингер-Лэйкс в штате Нью-Йорк, было заполнившейся водой длинной глубокой бороздой, оставленной в ландшафте последним оледенением.

Бристоль-Харбор был построен в начале 1970-х, до того, как экономика Рочестера и многих других городов верхней части штата Нью-Йорк отправилась в канализацию. Это было причудливое произведение своей эпохи, такое же, как Хабитат[148] на Экспо-67. Когда Мэри впервые его увидела по рекомендации Луизы Бенуа, то подумала, что следующий фильм про Человека-паука нужно снимать именно здесь: мешанина

[148] notes: 148

Жилой комплекс в Монреале весьма нетрадиционной архитектуры, построенной к международной выставке 1967 года, темой которой были жильё и жилое строительство.

мостов, соединяющих многоуровневый гараж со зданием, где располагались жилые квартиры, была бы естественной средой обитания прыгучего такелажника.

Однако по-видимому дела пошли не совсем так, как планировалось, потому что несмотря на близость поля для гольфа прямо через дорогу и лыжного центра на горе Бристоль-Маунтин неподалёку в жилом комплексе постоянно имелось большое количество квартир для аренды или на продажу. Женщина-риэлтор, с которым разговаривала Мэри, разливалась о том, как Пэтти Дьюк и Джон Астин[149], когда только поженились, останавливались здесь на лето. Мэри подозревала, что когда оно узнает, что здесь жили двое неандертальцев, рассказ об этом станет ещё одной частью плана обработки потенциального покупателя.

Мэри сняла здесь двухуровневую квартиру с двумя спальнями площадью 1000 квадратных футов. В ней всё ещё лежал уродливый мохнатый ковёр оранжевого цвета, оставшийся, должно быть, со времени постройки — Мэри не видела ничего подобного уже целую вечность. Однако

---

[149] notes: 149
Известные американские актриса и актёр, женатые в 1972–85 годах.

вид из окна был изумительный — прямо на озеро и противоположный его берег. Вид с верхнего балкона, на который выходила главная спальня, ничего не загораживало; нижний же частично прикрывали верхушки деревьев, упорно цепляющихся за край осыпающегося обрыва. С любого из них была видна зацементированная дорожка, ведущая к отдельно стоящей лифтовой башне; лифт спускался на сотни футов вниз к самой воде, где располагалась пристань и искусственный пляж.

— Какое, однако, интересное место, — говорил Понтер, стоя на нижнем балконе и держась за ограждение обеими руками. — Современные удобства посреди живой природы. Я как будто вернулся назад в свой мир. Почти.

Мэри воспользовалась на балконе электрическим грилем, чтобы зажарить купленные в «Вегмансе» стейки. Понтер продолжал любоваться озером, тогда как Адекору более интересным показался ползущий по ограждению крупный паук.

Когда стейки были готовы — с кровью для мужчин, хорошо прожаренный для неё — Мэри накрыла на стол, и Понтер с Адекором вгрызлись в свои, держа их затянутыми в обеденные перчатки руками; Мэри воспользовалась ножом и

вилкой. Конечно, ужин — лёгкая часть, думала Мэри. Рано или поздно кто-то неизбежно поднимет вопрос о…

— Итак, — сказал Адекор, — где мы будем спать?

Мэри сделала глубокий вдох.

— Я думаю, мы с Понтером могли бы…

— Нет-нет-нет, — сказала Адекор. — Двое сейчас Порознь. Сегодня с Понтером сплю я.

— Да, но это мой дом, — сказала Мэри. — И мой мир.

— Это неважно. Понтер — мой партнёр. Вы двое ещё даже в союз не вступили.

— Пожалуйста! — сказал Понтер. — Давайте не будем спорить. — Он улыбнулся Мэри, потом Адекору, но несколько секунд молчал. Потом неуверенно предложил:

— Вообще-то мы могли бы спать все вместе…

— Нет! — сказал Адекор, и одновременно то же самое сказала Мэри. *О Боже!* — подумала она. — *Менаж-а-труа* с гоминидами!

— Я правда думаю, — продолжила Мэри, — что правильнее будет нам с Понтером…

— Это полный хрящ! — перебил её Адекор. — Очевидно, что…

— Возлюбленные мои… — заговорил Понтер,

но, видимо, из-за того, что «мэре» означало по-неандертальски «возлюбленный», он замолк и начал снова другими словами: — *Обе* мои любви, — сказал он. — Вы знаете, как сильно я к вам привязан. Но Адекор прав: при обычных обстоятельствах в это время месяца я был бы с ним. — Он протянул руку и нежно коснулся Адекора. — Мэре, ты должна к этому привыкнуть. Ведь так оно будет до конца моих дней.

Мэри посмотрела на озеро. Эта сторона была в тени, но солнце всё ещё освещало дальний берег в полутора милях отсюда. Мэри знала, что в квартире имеется четыре кондиционера/обогревателя — по бокам каждого уровня. Каждый вечер перед тем, как отправиться спать, она включала вентилятор в главной спальне, чтобы его белый шум заглушал какофонию птиц, встречающих по утрам зарю. Возможно, если включить его на полную, то он заглушит и звуки, доносящиеся из второй спальни…

Потому что Понтер прав. Ей придётся к этому привыкнуть.

— Хорошо, — сказала она, прикрывая глаза. — Но тогда вы готовите завтрак.

Адекор взял Понтера за руку и улыбнулся Мэри.

— Договорились, — сказал он.

* * *

В кабинете Джока уже был большой сейф, вделанный в дальнюю стену; это было первое, что он приказал сделать, когда «Синерджи Груп» приобрела особняк. Сейф, вмурованный в бетон, отвечал стандартам министерства обороны по безопасности и несгораемости. Джок хранил кодонатор в нём, доставая его только для работ под своим личным наблюдением.

Джок сидел за столом. На одном его краю лежал соединительный блок, собранный Лонвесом Тробом; с его помощью было возможно загружать в кодонатор композиции, составленные на персональном компьютере. Сейчас Джок разглядывал одну такую композицию. Его монитор — 17-дюймовый LCD в чёрном корпусе — демонстрировал пояснения и формулы, подготовленные Корнелиусом Раскином. Конечно, Джок сказал Раскину, что его интересует исключительно оборонный аспект: желание выяснить, каковы могут быть наихудшие последствия, если кодонатор попадёт не в те руки.

Джок знал, что должен был передать этот прибор в Пентагон — но тамошние идиоты сразу

захотели бы использовать его против *людей*. Нет, это был его шанс — его единственный шанс, и он собирался им воспользоваться. Сейчас, на ранней стадии контакта, это выглядело бы как трагическая случайность: страшный микроб как-то пролез на другую сторону. Весьма прискорбно, но он выкосил всех обитателей Эдема, а со стороны Homo sapiens была лишь одна жертва — Корнелиус Раскин, необходимость в котором уже отпала.

Раскин, разумеется, знал только то, что ему было необходимо. К примеру, он, как и большинство генетиков мира, считал, что естественный резервуар[150] вируса эбола — место, где он сохраняется, когда не заражает людей — неизвестен. Но Джок имел доступ к информации, о которой Раскин не имел понятия: правительство США локализовало этот резервуар ещё в 1998: Balaeniceps rex или китоглав, крупная болотная птица с востока Тропической Африки. Информация была засекречена, чтобы ею не воспользовалась какая-нибудь недружественная держава.

Эбола — РНК-вирус, геном которого полностью секвенирован, хотя, опять же, Раскин не

[150] notes: 150

Долговременный носитель патогенного (болезнетворного) организма. Резервуар обеспечивает патогену как биологическому виду возможность непрерывного существования.

знал и этого; эти сведения тоже были засекречены по той же самой причине. Так что, с точки зрения Раскина, ему было поручено провести манипуляции с некоей произвольной вирусной последовательностью, а не с реальным генетическим кодом вируса эбола.

Существует несколько штаммов эболы, названных по месту их первого обнаружения. Эбола-заир наиболее смертоносен, но передаётся только через биологические жидкости. В отличие от него эбола-рестон, который людей не заражает, передаётся воздушным путём. Но Раскину не составило труда — разумеется, исключительно в качестве упражнения — запрограммировать кодонатор поменять местами несколько генов и таким образом получить гибридную версию, объединившую вирулентность эболы-заир со способоностью к воздушной передаче эболы-рестон.

Ещё несколько модификаций сократили инкубационный период до десятой части его природной длительности и повысили смертность с девяноста до более чем девяноста девяти процентов. А ещё одно финальное вмешательство изменило генетические маркеры, указывавшие на естественный резервуар вируса.

Вторая часть проекта была посложнее, но Кор-

нелиус вгрызся в неё, как пёс в кость; нет ничего лучше для мотивации сотрудника, чем 200000 долларов в качестве гонорара за консультацию.

На бумаге концепция выглядела довольно просто: не давать вирусу активизироваться, пока он не попадёт в клетку с определёнными характеристиками. К счастью, посол Тукана Прат привезла в ООН десятерых самых знаменитых неандертальцев, которые щедро делились своими знаниями. Один из них, Борл Кадас, сообщил информацию, полученную в ходе секвенирования неандертальского генома, завершенного в 1953 году по глексенскому календарю. Эта база данных дала всё, что требовалось знать для того, чтобы научить вирус убивать лишь тех, кого он должен был убивать.

Так что теперь оставалась лишь одна проблема: как доставить вирус на ту сторону. Поначалу Джок думал, что самым простым решением было бы инфицировать вирусом себя самого: в конце концов, он никак не воздействовал на гоминидов с двадцатью тремя парами хромосом. Однако технология калибруемых лазеров, используемая для деконтаминации тех, кто путешествует между мирами, легко удалит вирусы из его тела. Даже дипломатическая почта проходит через

деконтаминатор, так что просто спрятать вирусы в одном из них тоже не получится.

Нет, ему нужно поместить аэрозольную бомбу в какой-то контейнер, непрозрачный для лазерных импульсов, используемых в неандертальской деконтаминационной камере. Сам Джон понятия не имел, что бы это могло быть, но его оптическая команда, изначально созданная для изучения принципов записи голографических изображений в неандертальских имплантах и состоящая из лучших специалистов, каких могли предложить «Бауш энд Ломб», «Кодак» и «Ксерокс», наверняка с этой задачей справится, особенно принимая во внимание, что технологией калибруемых лазеров неандертальцы поделились с Homo sapiens в первую очередь.

Джок поднял трубку и набрал внутренний номер.

— Привет, Кевин, — сказала он. — Это Джок. Вы с Фрэнком и Лили не подойдёте ко мне в кабинет? У меня для вас есть небольшая работа…

* * *

Мэри нашла простое краткосрочное решение для проблемы работы в одном здании с Корнелиусом Раскином. Она может приходить на работу

попозже и работать допоздна; тогда Корнелиус уйдёт домой вскоре после её прихода или, если повезёт, даже до её прихода.

Понтер и Адекор приехали из Бристоль-Харбор вместе с Мэри; без неё они не могли передвигаться, поскольку не водили машину. Однако бóльшую часть времени они работали в квантово-вычислительном проекте с Лонвесом Тробом, а частенько также с Луизой Бенуа, хотя она предпочитала более традиционные часы работы и сегодня уже ушла домой.

Мэри писала отчёт для Джока, подробно описывая всё, что ей удалось узнать о неандертальской генетике от Лурт, Вессан и других. Работа эта одновременно поднимала ей настроение и вгоняла в депрессию: поднимала настроение, потому что она узнала очень многое, и вгоняла в депрессию, потому что неандертальцы в этой области опережали глексенов на десятки лет, и многое из того, что она делала в прошлом, сразу же оказалось безнадёжно устаревшим.

Тяжёлые шаги — кто-то бежит по коридору.

— Мэре! Мэре!

В дверях её кабинета возник Адекор; его широкое круглое лицо искажено ужасом.

— Что стряслось? — спросила Мэре.

— Лонвес Троб. Он потерял сознание! Нам нужна медицинская помощь, а мы…

А неандертальцы, за исключением Бандры, знавшей шутку про 9-1-1, понятия не имели, как вызвать скорую помощь, и их компаньоны также не знали, что делать в таких случаях по эту сторону портала. Мэри вскочила и кинулась по коридору в лабораторию квантовых вычислений.

Лонвес лежал на спине, веки его глаз трепетали. Когда он их открыл, то стали видны лишь гладкие металлические сферы; по-видимому, они повернулись так, что металлические зрачки оказались с другой стороны.

Понтер стоял над Лонвесом на коленях. Он без видимых усилий раз за разом нажимал ему ладонью на грудную клетку — неандертальский вариант сердечно-лёгочной реанимации. Золотой компаньон Лонвеса в это время что-то громко говорил по-неандертальски — по-видимому, сообщал жизненные показатели своего носителя.

Мэри схватила с одного из столов телефон, набрала девятку для выхода на внешнюю линию, затем 9-1-1.

— Пожарные, полиция, или скорая? — спросил оператор.

— Скорая.

— Что случилось?

— У мужчины сердечный приступ, — сказала Мэри. — Поторопитесь!

Женщина-оператор, должно быть, уже видела на экране адрес, определённый по номеру телефона.

— Отправляю машину прямо сейчас. Вы умеете делать непрямой массаж сердца?

— Да, — ответила Мэри. — Но его уже делают, и… Да, я же не сказала сразу. Мужчина с сердечным приступом — неандерталец.

— Мэм, ложный вызов скорой — серьёзное преступление…

— Я не шучу! — рявкнула Мэри. — Я звоню из «Синержди Груп», это правительственная организация, и у нас работают неандертальцы.

Понтер продолжал надавливать Лонвесу на грудь. Адекор тем временем открыл медицинский пояс Лонвеса, и теперь вспрыскивал что-то Лонвесу в шею с помощью газового инъектора.

— Скажите ваше имя, пожалуйста, — сказала оператор.

— Скорая уже выехала? Вы её уже выслали?

— Да, мэм. Она уже едет. Скажите мне ваше имя.

— Мэри Н. Воган. — Она продиктовала по буквам. — Я генетик.

— Сколько лет пациенту, мисс Воган?

— Сто восемь — и нет, я не шучу. Это Лонвес Троб, один из неандертальцев, что месяц назад были в ООН.

В дверях появился Стэн Расмуссен, эксперт по геополитике, работавший дальше по коридору. Мэри прикрыла трубку рукой и быстро сказала ему:

— У Лонвеса Троба сердечный приступ. Найдите Джока!

Расмуссен кивнул и исчез.

— Я переключаю вас на парамедиков, — сказала оператор.

Мгновение спустя заговорил другой женский голос.

— Мы в пяти минутах от вас. Вы можете описать состояние пациента?

— Нет, — ответила Мэри, — но я могу спросить его компаньон. — Она подхватила телефонный аппарат и перенесла его через комнату, поставив рядом с Лонвесом. Потом проговорила, обращаясь к его импланту:

— Переключитесь на английский и отвечайте на все вопросы, которые вам зададут. Помощь

уже идёт...

Глава 35

И всё же некоторые из нас останутся на Марсе насовсем. По страницам научной и научно-фантастической литературы уже давно кочует идея терраформирования Марса — превращения его в похожую на Землю планету путём обогащения его атмосферы и высвобождения замороженной воды, что должно сделать его более пригодным для жизни людей…

Джок, Понтер и Адекор отправились в Мемориальный госпиталь Стронга вместе с так и не пришедшим в сознание Лонвесом Тробом. Мэри ничем не могла быть полезна, так что по настоянию Джока она осталась в «Синерджи».

У Мэри ушёл почти час на то, чтобы успокоиться и вернуться к работе, но когда ей это, наконец, удалось, вся её работа пошла прахом.

Один из друзей Мэри в Йоркском университете был яростным проповедником Линукса — пытался убедить всех и каждого на факультете генетики в том, что им нужно отказаться от Windows и перейти на операционную систему с открытым

кодом. Мэри предпочитала держаться подальше от компьютерных войн — ей удавалось держать нейтралитет и раньше, в пору войн «Макинтошей» против PC, но каждый раз, как Windows на её компьютере показывала синий экран смерти, она задумывалась о том, не перейти ли ей в стан линуксоидов.

И сейчас это случилось снова, во второй раз за день. Мэри совершила трёхпальцевый ритуал, но когда, по прошествии близкого к бесконечности времени система, наконец, перезагрузилась, она наотрез отказалась восстанавливать сетевое подключение.

Мэри вздохнула. Было семь вчера, но просто отправиться домой она не могла: ей нужно дождаться, пока Понтер с Адекором вернутся из больницы, чтобы отвезти их обратно в Бристоль-Харбор.

Конечно, в штаб-квартире «Синержди Груп» есть множество других компьютеров, но…

У Джока в кабинете было модное аэроновское кресло, про которые она читала в каталоге «Sharper Image». Реклама обещала суперкомфортабельный эргономический рай. Конечно, он, вероятно, подогнал его высоту и наклон под свой долговязое тело, но, всё же, работая в ди-

ректорском кабинете, она могла бы опробовать директорское кресло.

Мэри поднялась и направилась на первый этаж по лестнице, укрытой бордовым ковром. Дверь в кабинет Джока была широко распахнута, и Мэри вошла. У Джока было огромное окно-эркер, выходящее на юг, на пристань для яхт.

Она подошла к директорскому суперкреслу — воронёный метал и пластик, спинка из чёрной мелкой сетки, якобы позволяющей спине сидящего дышать. Чувствуя себя проказничающей школьницей, она опустилась в кресло и откинулась назад.

Бог ты мой, подумала она. *В кои то веки продукт, про который реклама не врёт!* Кресло было удобно сверх всякой меры. Она упёрлась ногами в пол, покрутив его вправо и влево. Мэри знала, что аэроны стоят как самолёты, но она *должна* заполучить такое же для себя…

Понежившись в кресле ещё пару минут, она принялась за работу. Компьютер Джока, который, узнав о приступе Лонвеса Троба, покинул кабинет в большой спешке, всё ещё был подключён к сети под его именем. Мэри предполагала, что её пароль должен сработать и с этой машины, но не была в этом уверена, так что решила ничего

по возможности не трогать и продолжить свою работу в сеансе Джока. Она открыла на сервере папку «Неандертальская генетика» и…

Брови Мэри взлетели вверх. Она проводила большую часть времени в этой папке, но сейчас в ней были две иконки, которых она никогда до сих пор не видела. Она занервничала: она редко забывала сохраняться, однако, возможно, падение операционки на её компьютере наверху поломало файловую систему рабочей папки.

Она решила проверить это, кликнув на одной из иконок, которые она видела впервые — она выглядела как красно-чёрная двойная спираль. Мэри знала большинство используемых в генетике прикладных программ и могла узнать их иконки, но эта была явно незнакома.

Через мгновение открылось окно. В его заголовке значилось «USAMRIID Geneplex — Surfaris», а само окно было заполнено текстом и формулами. Акроним USAMRIID довольно часто появлялся в литературе по генетике: он означал «Институт медицинских исследований инфекционных заболеваний Армии США»[151]. Geneplex — это, очевидно, название программы. Но вот про

[151] notes: 151
United States Army Medical Research Institute of Infectious Diseases.

«Surfaris» Мэри не могла ничего сказать.

И всё же она пробежала глазами содержимое окна. Оно оказалось совершенно потрясающим. В ходе одной из первых её работ здесь в «Синерджи» она пыталась использовать явление «подсчёта кворума» у бактерий, чтобы узнать, сколько на самом деле присутствует пар хромосом — двадцать три или двадцать четыре. Но не получилось. Во-первых, механизм кворума, похоже, не способен настолько точно различать количество. Во-вторых, хромосомы выделяются из хроматина только во время митоза, который, разумеется, никак не является нормальным состоянием клетки.

Но у Джока, по-видимому, был ещё кто-то, кто работал над этой проблемой, и этот генетик разработал гораздо более простую методику. У глексенов предковые хромосомы два и три слились, образовав гораздо более длинную хромосому. Гены, которые раньше располагались на краю хромосомы два теперь примыкали к генам начала хромосомы три где-то посередине новой комбинированной хромосомы.

Те же самые гены присутствовали и у неандертальцев, только у них они друг к другу не примыкали. У них за последним геном второй

хромосомы следовал теломер — своего рода шапочка из «мусорной» ДНК, единственная задача которой — защищать край хромосомы, как пластиковая штучка на конце обувного шнурка. Точно так же перед первым геном третьей хромосомы находится другой теломер — протектор начального края хромосомы. Так что у неандертальцев будет присутствовать такая последовательность:

На конце второй хромосомы:
…[другие гены][ген альфа][теломер]

В начале третьей хромосомы:
[теломер][ген бета][другие гены]…

Этих последовательностей не будет нигде в глексенской ДНК. Вместо этого в глексенской ДНК в миллионах базовых пар от теломера встретится такая последовательность, в свою очередь совершенно отсутствующая в ДНК неандертальцев:

…[другие гены][ген альфа][ген бета][другие гены]…

Естественное продолжение работы Мэри — и идеальный, свободный от ошибок метод различе-

ния двух разновидностей людей даже с помощью клеток, не достигших митоза. Это было именно то, что было нужно Джоку: простой и надёжный метод отличить глексена от бараста.

Мэри порадовалась, когда увидела, что метод включает все три возможные проверки. Теоретически было бы достаточно проверить генетический материал лишь на один из трёх критериев. Наличие любой из первых двух последовательностей — ген альфа или ген бета рядом с теломером — однозначно определяло их носителя как Homo neanderthalensis. А наличие третьей последовательности — гены альфа и бета рядом друг с другом — однозначно определяло Homo sapiens. Но всё всегда может пойти не так, и поэтому методика определения неандертальца включала в себя небольшой алгоритм, представленный — по-видимому, специально для Джока — в словесном виде:

> *Шаг 1: Гены альфа и бета находятся рядом?*
>
> Если **да**, то выход (это не неандерталец)
>
> Если **нет**, то это, вероятно, неандерталец: к Шагу 2

Шаг 2: Ген альфа находится рядом с теломером?

Если **да**, то это по-прежнему, вероятно, неандерталец: к Шагу 3

Если **нет**, прервать (не бывает у неандертальца)

Шаг 3: Ген бета находится рядом с теломером?

Если **да**, то это точно неандерталец: к Шагу 4

Если **нет**, прервать (не бывает у неандертальца)

Команды прерывания в шагах 2 и 3 обеспечивали надёжность. Они выполнялись, когда гены альфа и бета не находятся рядом друг с другом (это проверялось в шаге 1), но ни альфа, ни бета при этом не находятся рядом с теломером — комбинация условий, которая не может наблюдаться в ДНК ни той, ни другой разновидности гоминид.

Это чрезвычайно простой алгоритм, когда речь идёт о компьютерной программе, но не такой простой, когда его нудно закодировать в каскаде биохимический реакций, хотя, по-видимому, неизвестный генетик Джока справился и с этим. Мэри без труда проследила формулы

ферментов, образующихся на каждом этапе и убедилась, что результат в самом деле соответствует предложенному алгоритму. В самом конце она ожидала увидеть фермент или иной маркер, чьё присутствие может быть легко детектировано: несомненный индикатор, говорящий: «да, это неандерталец», или «нет, это нечто другое».

Однако прокрутив текст к следующей странице, она обнаружила, что этим алгоритм вовсе не ограничивается. У Мэри отвалилась челюсть, когда она добралась до Шага 4. Джок и многие члены его команды пришли из «RAND»; Мэри уже привыкла слышать от них клише времён холодной войны, но название следующего шага заставило её сердце пропустить удар: «Доставка полезного груза».

Тогда и только тогда, когда испытуемый определялся как неандерталец, вызывалася новая каскадная последовательность, которая в конечном итоге приводила к…

Мэри не могла поверить глазам. Её специализацией была древняя ДНК — благодаря ей она во всё это и влезла — но это не значило, что она не разбиралась в недавно идентифицированных последовательностях, особенно тех, что попадают на первые полосы газет.

Если испытуемый оказывается неандертальцем, то происходит доставка груза: груза, основанного на филовирусе, вызывающем очень быстротекущую геморрагическую лихорадку.

Смертельную геморрагическую лихорадку…

Мэри откинулась в кресле Джока Кригера. Она чувствовала подступающую к горлу тошноту.

Зачем кому-то может понадобиться стереть неандертальцев с лица Земли?

Даже не так: *с лица двух Земель*.

Геморрагическая лихорадка заразна. Глексены не умеют её лечить, и она сильно подозревала, что и барасты тоже. По друм причинам. Во-первых, поскольку они не изобрели земледелия и животноводства, то также не могли разработать технологии противостояния инфекционным заболеваниям. Во-вторых, все известные геморрагические лихорадки происходят из тропиков, так что в любом случае маловероятно, что любящие прохладу неандертальцы могли иметь с ними дело.

Мэри с трудом сглотнула, пытаясь прогнать жгучий кислый привкус.

Но зачем? Зачем кому-то убивать неандертальцев? В этом не было никакого…

Внезапно Мэри вспомнила короткий разговор

с Джоком у Дебральской никелевой шахты:

«Он *потрясающий*, — сказал тогда Джок. — Умом я знал, что мы загадили мир, в котором живём, но когда я увидел всё это… — Он обвёл рукой окружающую идиллию. — Это словно найти Эдемский сад».

И Мэри тогда рассмеялась в ответ.

«Похоже, правда? Как жаль, что в нём уже живут, да?»

Невинная шутка — вот что это было. Но Джок не смеялся. Всё, что надо сделать — избавиться от этих мерзких неандертальцев, и Эдем будет к твоим услугам…

Это было ужасно — но Джек всю свою жизнь работал со сценариями массового уничтожения. То, что для Мэри ужас, для него — лишь очередной рабочий день.

Первой мыслью Мэри было стереть файлы с компьютера — но, конечно, этим она ничего не достигнет. Наверняка есть резервные копии.

Второй мыслью было снять трубку и позвонить — как добропорядочная канадка, она, естественно, сразу подумала про «Си-би-си», которая разнесла бы новость во все уголки этого мира. Люди ни за что не смирятся с таким гнусным актом геноцида.

Однако она не знала, насколько далеко Джок продвинулся. Если он уже готов начать, то Мэри, разумеется, не хотела бы, чтобы он почувствовал себя загнанным в угол: в этом случае он мог выпустить вирус на волю, как только общественность проведает о его планах.

Мэри нужна была помощь, поддержка, идеи — не только от Понтера или Адекора, но и от кого-нибудь из глексенов, кого-то, кто знал, на чём стоит и как вертится этот мир.

В Торонто были люди, которым она доверяла, но может ли она положиться на кого-нибудь здесь, в Штатах? Конечно, есть её сестра Кристина — настоящая Кристина. Однако она в Сакраменто, на другом краю континента, в тысячах… тысячах *миль* отсюда.

И тут её осенило.

Очевидный выбор, пускай её молодость и красота и вызывают у Мэри приступы ревности.

Женщина, которая спасла Понтеру жизнь, когда он впервые попал в эту реальность.

Квантовый физик, которую Джок завербовал для того, чтобы попытаться воспроизвести неандертальские компьютерные технологии.

Луиза Бенуа.

Не то чтобы сама Луиза могла сильно помочь в

медицинских вопросах, но…

Но её спутник! Конечно, Рубен Монтего тоже не специалист, но когда речь идёт об инфекционной болезни, от него гораздо больше пользы, чем от квантового физика.

Мэри знала, что, возможно, никогда больше не получит доступ к этим файлам. Она обшарила кабинет и нашли пачку пустых CD-дисков (производства «Кодак», конечно, здесь-то в Рочестере). Она взяла один, воткнула в CD-привод в компьютере Джока и запустила приложение для прожигания дисков. Просто на всякий случай она выделила все файлы в папке. Суммарный объём получился 610 мегабайт — легко влезет на один CD. Она щёлкнула по кнопке «Копировать» и откинулась на спинку аэроновского кресла — которое теперь вовсе не казалось ей удобным — пытаясь унять бешено колотящее сердце.

Глава 36

Однако наверняка будут возражения против терраформирования Марса со стороны тех, кто считает, что, хотя на Марсе и нет собственной жизни, мы должны оставить его природную красоту в изначальном нетронутом виде; что если мы станем его посещать, то должны вести себя так же, как в наших национальных парках на Земле: не унося с собой ничего, кроме впечатлений, и не оставляя ничего, кроме следов ног.

Понтеру и Адекору пришлось остаться в больнице с Лонвесом и Джоком на всю ночь. Мэри в конце концов вернулась в Бристоль-Харбор одна, и у неё не было возможности поделиться с ним своими открытиями.

Жутко устав, на следующий день она добралась до Сибриз только к одиннадцати часам, но ни Джока, ни Понтера с Адекором там ещё не было. Услышав от миссис Уоллес новости о состоянии Лонвеса — стабильное — она поднялась по лестнице в лабораторию Луизы Бенуа.

— Как насчёт перекусить? — спросила она.

Луиза явно обрадовалась предложению.

— Конечно, — ответила она. — Когда?

— Можно прямо сейчас, — предложила Мэри.

Луиза глянула на часы и явно удивилась, обнаружив, что ещё довольно рано. Но, очевидно, что-то в голосе Мэри привлекло её внимание.

— *Bon,* — сказала она.

— Отлично, — ответила Мэри. Их пальто висели на вешалке возле главного входа в особняк. Они оделись и вышли наружу на холодный ноябрьский воздух, бросавший в лицо редкие снежинки.

На Калвер-роуд было много ресторанов по обеим сторонам улицы. Большинство открывались только на лето — Сибриз всё-таки был летним курортом, однако некоторые работали круглый год. Мэри решительно зашагала в западном направлении, и Луиза поспешила следом.

— Итак, — сказала Луиза, — что у тебя на уме?

— Я вчера вечером была у Джока в кабинете, — сказала Мэри без всякой преамбулы, — когда он уехал с Лонвесом в больницу. Он разработал вирус, который убивает неандертальцев.

— Што-о? — от удивления Луизин квебекский акцент стал сильнее.

— Я думаю, он хочет их истребить — всех до одного.

— Почему?

Мэри оглянулась через плечо, чтобы убедиться, что за ними никто не идёт.

— Потому что трава зеленее по ту сторону забора. Потому что он хочет заполучить их Землю для нашего вида. — Она пинком сбросила с дорожки какой-то мусор. — Может быть, так мы сможем начать сначала без всего этого.

Впереди по левую сторону от дороги показался закрытый на зиму парк развлечений; трасса американских горок казалась грудой ржавеющих внутренностей.

— Что… что нам делать? — спросила Луиза. — Как его остановить?

— Я не знаю, — ответила Мэри. — Я наткнулась на этот вирус совершенно случайно. У меня заглючило сетевое соединение, так что я пошла к нему в кабинет, собираясь поработать с его машины, потому что он всё равно ведь уехал. Но он так торопился, что не вышел из своего аккаунта. Я скопировала схему вируса на CD, но сейчас я думаю о том, чтобы вернуться назад в его кабинет и изменить схему так, чтобы вирус стал безвредным. Я полагаю, что он собирается скор-

мить схему кодонатору, а потом выпустить вирус, который он произведёт, в мире неандертальцев.

— А что если он уже изготовил вирус?

— Я не знаю. В этом случае, возможно, мы уже ничего не сделаем.

Они шли рядом по узкому тротуару. Мимо проехала машина.

— Ты не думала о том, чтобы пойти с этим CD в газеты или на телевидение? Ну, то есть, поднять шум?

Мэри кивнула.

— Прежде чем делать это я хотела… *разрядить* его вирус. Но мне нужна помощь, чтобы снова забраться в его компьютер.

— «Синерджи Груп» пользуется RSA-шифрованием, — сказала Луиза.

— Его можно как-то взломать?

Луизу улыбнулась.

— До того, как мы встретились с неандертальцами, я бы сказала нет, практически невозможно. Большинство систем шифрования, включая RSA, основываются на ключах, получаемых перемножением двух больших простых чисел. Чтобы взломать код, нужно найти делители ключа, а в случае 512-битных ключей, используемых в нашей системе, компьютеру понадобятся тысячи

лет на перебор всех возможных делителей. Но квантовый компьютер…

Мэри уже догадалась.

— Квантовый компьютер проверяет все делители одновременно. — Но потом она задумалась. — Так что ты предлагаешь? Отключить портал, чтобы Понтер с помощью квантового компьютера смог взломать для нас кодировку на машине Джока?

Луиза покачала головой.

— Компьютер Понтера — не единственный квантовый компьютер в мире неандертальцев, он просто самый большой. Но нам не нужно отправляться туда за решением нашей проблемы. — Она улыбнулась. — Ты последнюю пару месяцев моталась туда-сюда между мирами, я же всё это время трудилась здесь, и моя работа заключалась в постройке нашего собственного квантового компьютера, отталкиваясь от того, что я узнала от Понтера. И в моей лаборатории в «Синерджи» уже есть небольшой прототип. В нём, конечно, и близко нет такого количества регистров, чтобы сделать то, на что способна установка Понтера — открыть портал в другую вселенную, но уж факторизовать 512-битное число он вполне способен.

— Луиза, ты прелесть!
Луиза улыбнулась.
— Наконец-то ты заметила.

* * *

Как только Понтер с Адекором вернулись из больницы, Мэри заявила, что им троим нужно обязательно пойти пообедать — понадеявшись, что миссис Уоллес не станет говорить Джоку, что она пошла сегодня на обед уже во второй раз. Когда они оказались на улице, Мэри обвела их вокруг здания и вывела на пустынный пляж. Над серыми волнами озера Онтарио гулял холодный ветер.

— Ты чем-то не на шутку огорчена, — сказал Понтер. — Что с тобой?

— Джок создал биологическое оружие, — сказала Мэри. — Это вирус, который определяет, принадлежит ли заражённая им клетка неандертальцу. Если да, то он выпускает в неё геморрагическую лихорадку.

Она услышала, как компаньоны Понтер и Адекора пискнули; и неудивительно — вряд когда-либо раньше речь заходила о тропических болезнях.

— Геморрагическая лихорадка смертельна, —

сказала Мэри. — В моём мире классический пример — лихорадка эбола; от неё кровь начинает сочиться из глаз и других отверстий на теле. Такие лихорадки очень заразны, и мы не умеем их лечить.

— Зачем кому-либо делать такое? — спросил Понтер; в его голосе звучало отвращение.

— Чтобы очистить ваш мир от его населения, чтобы мои соотечественники могли его заселить.

Понтер, по-видимому, не нашёл в родном языке слов, чтобы выразить то, что он чувствовал.

— *Чёрт,* — произнёс он по-английски без перевода.

— Я согласна, — сказала Мэри. — Но я не знаю, как остановить Джока. Я хочу сказать, он может действовать в одиночку, а может — и по поручению своего правительства. Возможно, и моего тоже.

— Ты кому-то ещё говорила? — спросил Понтер.

— Луизе. И я попросила её рассказать Рубену Монтего.

— Ты уверена, что им можно довериться? — спросил Адекор.

Но прежде чем Мэри успела ответить, вмешал-

ся Понтер.

— Этим глексенам я могу доверить собственную жизнь, — сказал он.

Мэри кивнула.

— Мы можем на них рассчитывать. Но больше ни в ком уверенности нет.

— Ну, — сказал Понтер, — ни в ком в *этом* мире. Но в моём мире *каждый* пострадает, если Джок выпустит вирус. Мы должны вернуться туда и…

— И что? — спросила Мэри.

Понтер пожал плечами.

— И закрыть портал. Разорвать связь. Защитить наш дом.

— Больше дюжины барастов находится по эту сторону портала, — напомнила Мэри.

— Значит, мы должны сперва переправить их домой, — сказал Понтер.

— Они здесь как раз для того, чтобы *не дать* Верховному Серому совету закрыть портал, — сказал Адекор. — Убедить их вернуться будет нелегко. Кроме того, Лонвес пока нетранспортабелен.

Понтер нахмурился.

— Всё равно, слишком опасно позволить Джоку найти способ доставить вирус в наш мир.

— Может быть, мы всё не так поняли? — сказал Адекор. — Может быть, Джоку не нравится наше

присутствие здесь, на этой Земле? Может быть, он собирается выпустить вирус здесь?

— В этом случае, — сказал Понтер, первоочередной задачей опять-таки является переправка всех барастов на ту сторону. Но ты ведь слышал, как он сказал: «Я получаю доклады о приезде и отъезде всех неандертальцев». Ему было бы проще отследить горстку барастов, которые уже находятся здесь, и убить их более простым способом.

Адекор глубоко вздохнул.

— Да, думаю, ты прав. — Он посмотрел на Мэри, потом снова на Понтера. — Когда ты в первый раз вернулся отсюда, я спросил тебя, хорошие ли глексены люди, и стоит ли нам с ними общаться.

Понтер кивнул.

— Я помню. Это моя вина. Это…

— Нет, — решительно сказала Мэри. Если она что и вынесла из брошюр, которые ей дала Кейша, так это то, что никогда не следует винить жертву. — Нет, Понтер, ты ни в чём не виноват.

— Как скажешь, Мэре. Так что же мы будет делать?

— Сегодня вечером, когда он уйдёт, я проберусь к его компьютеру, — сказала Мэри, — и изменю схему вируса так, что он станет безвредным. И будем молиться, чтобы у него ещё не было этого

вируса в готовом виде.

— Мэре… — начал Понтер.

— Я знаю, знаю. Ты не молишься. Но, возможно, стоит начать.

Глава 37

Кто бы мог подумать, что оба сценария могут одновременно воплотиться в реальность? Но, конечно, теперь это возможно. Мы прилетим на Марс в этой вселенной, в той, что украшает ночные небеса Африки, Европы, Азии, Океании и обеих Америк, и, как это всегда бывало, мы завоюем этот новый фронтир, сделав из Марса ещё один дом для Homo sapiens…

Когда они вернулись в особняк, их их уже ждал Джок. Мэри думала, что сейчас у неё разорвётся сердце.

— Адекор, Понтер, — сказал Джок. — Боюсь, вам придётся нас покинуть.

— Почему? — спросил Адекор.

— Звонили из больницы. Состояние Лонвеса ухудшается, и они не знают, что делать. Его надо отвести обратно в ваш мир и лечить его там. Я договорился с BBC, его отвезут в Садбери на военном самолёте, но он хочет, чтобы вы двое его сопровождали. Он говорит… я прошу прощения, но он

говорит, что долго не протянет и хочет успеть обсудить с вами свои идеи по поводу квантовых вычислений.

Понтер взглянул на Мэри. Мэри приподняла брови — выбора у них не было.

— Я отвезу вас в аэропорт, — сказала она.

— Да, кстати, — сказал Джок. — Прежде чем вы уедете, один вопрос.

— Да? — ответил Понтер.

— Когда будет — как вы это называете? Двое становятся Одним? Когда это будет в следующий раз?

— Через три дня, — ответил Адекор. — А что?

— Да так, — ответил Джок. — Праздный интерес.

* * *

Кодонатор остался в сейфе Джока, чтоб ему пусто было. Мэри очень хотела взять его с собой, когда они с Луизой поедут в Канаду, но это, похоже, было невозможно. Однако пусть сейф Джока и оказался неприступен, компьютер таковым не был. Луиза без труда подобрала его пароль — им оказалось слово «минимакс», которое, как Мэри смутно припоминала, имело какое-то отношение к теории игр. После того, как вечером все разо-

шлись, Мэри проскользнула в кабинет Джока, а Луиза вернулась к себе в лабораторию.

Мэри ввела «минимакс» в окошко ввода пароля и получила доступ к скрытым файлам на сервере «Синерджи». Она щёлкнула на иконке Surfaris, и открылось окно программы USAMRIID Geneplex со схемой вируса. Мэри принялась за её модификацию.

Это было непростое дело. Несмотря на свою научную подготовку, несмотря на всё, что рассказала Вессан, какая-то часть Мэри по-прежнему продолжала считать, что в процессе жизнедеятельности есть что-то мистическое; что на каком-то глубинном уровне жизнь — это нечто большее, чем просто химия. Но это, конечно, было не так, и генетик внутри неё прекрасно это знал. Выстройте правильную последовательность нуклеотидов, и вы получите серию белков, которые сделают в точности то, что вы хотите. И всё же Мэри с трудом верила в то, что делала. Это было как тогда, когда она только-только вышла за Кольма. Он писал в свободное время стихи, и продал — в поэтическом смысле: отдал за авторский экземпляр — десятки поэм в такие журналы как The Malahat Review, White Wall Review и HazMat. Мэри всегда поражало, как он может вот так вот

сесть за клавиатуру, пощёлкать клавишами в «ВордСтар» — интересно, перейдёт ли он когда-нибудь на другой редактор? — и произвести на свет что-то прекрасное, уникальное и полное смысла абсолютно из ничего.

И теперь Мэри делала то же самое: набирала последовательность, которая в конечном итоге воплотится в форму жизни — или хотя бы вирус — который прежде никогда не существовал. Конечно, на самом деле она модифицировала уже существующий шаблон Surfaris, созданный другим генетиком, но, тем не менее, вирус, который получится в результате, будет совершенно новым.

И при этом вирус, который она создаёт, по сути не будет делать ничего. Развитие оригинальной схемы прерывалось только в случае, когда клетка-носитель оказывалась глексенской; версия же Мэри будет прерываться *независимо* от результата проверки; вирус не будет делать нечего, в чью бы клетку он не попал. Мэри изменяла лишь логику ветвления. Код, производящий геморрагическую лихорадку, она оставила на месте — не из желания посмотреть, как он будет работать, а чтобы схема, хотя бы на первый взгляд, была похожа на то, что намеревался получить Джок.

Мэри захотелось дать своей версии имя, чтобы отличать её мысленно от версии Джока. Она задумалась, какое имя могло бы быть здесь уместно. Джок назвал своё творение Surfaris — такого слова не оказалось даже в Оксфордском словаре. Но потом Мэри подумала, что это может быть множественное число, и тогда в единственном это должно быть surfari — хотя это тоже больше походило на множественное.

И тут до неё дошло: это комбинация слов «серфинг» и «сафари» — словно процесс поиска серфингистом приличной войны. Мэри не смогла уловить, что Джок мог иметь в виду, и поэтому вколотила этот термин в Гугл как есть, во множественном числе.

Ну конечно.

«The Surfaris». Рок-группа, записавшая в 1963 композицию, ставшую шлягером на многие годы: «Wipeout»[152].

О Господи, подумала Мэри. *Wipeout.*

Она с отвращением покачала головой.

Какое слово могло бы быть антонимом?

В свои тридцать девять Мэри было ещё достаточно молода — ну, почти — чтобы помнить

---

[152] notes: 152

Основное значение — полное уничтожение, истребление. В слэнге серфингистов означает падение с доски.

золотые времена виниловых дисков на 45 оборотов. «Wipeout» наверняка выпускался в этом формате. Но что было на обратной стороне того диска? Гугл пришёл на помощь: «Серфер Джо» за авторством Рона Уилсона. Мэри не могла вспомнить, слышала ли она когда-нибудь эту песню, но такова судьба многих синглов со второй стороны.

Так или иначе, это было кодовое название не хуже любого другого: она будет называть оригинал Джока «Wipeout», а свою безвредную версию — «Серфер Джо». Разумеется, она сохранила «Серфер Джо» под тем именем, что дал вирусу генетик, которому Джок поручил его разработку, но по крайней мере мысленно она их теперь будет различать.

Мэри откинулась на спинку кресла.

Это правда напоминало игру в Бога.

И, надо признаться, это было приятно.

Она позволила себе тихий смешок, подумав о том, что у неандертальцев считается за манию величия. Уж точно не игры в Бога. Может быть, «строить из себя Лонвеса»…

— Мэри!

Её сердце подпрыгнуло. Она считала, что здесь никого нет. Она оглянулась, и…

Боже, нет!

В дверях стоял Корнелиус Раскин.

— Что ты здесь делаешь? — подрагивающим голосом спросила Мэри. Она схватила со стола тяжёлое малахитовое пресс-папье.

Корнелиус поднял руку: в ней был зажат кожаный бумажник.

— Забыл на столе бумажник. Вернулся забрать.

Внезапно Мэри осенило. Другой генетик. Тот, кому Джок поручил закодировать это… это *зло*. Это был Корнелиус. Кто же ещё?

— Что ты делаешь в кабинете Джока? — спросил Корнелиус.

От дверей Корнелиус не мог видеть монитор.

— Ничего. Просто искала книгу.

— Э-э… — сказал Раскин. — Мэри, я…

— Ты нашёл свой бумажник. Убирайся.

— Мэри, я просто…

У Мэри вдруг резко заболел живот.

— Луиза наверху. Я закричу.

Корнелиус стоял в дверях с выражением усталости на лице.

— Я просто хотел попросить прощения…

— Убирайся! Убирайся ко всем чертям!

Корнелиус секунду помедлил, потом развернулся. Мэри услышала, как его шаги удаляются

по коридору, потом — как открывается и закрывается тяжёлая дверь особняка.

В глазах у неё двоилось, к горлу подступала тошнота. Она сделала глубокий вдох, потом ещё один, пытаясь успокоиться. Её руки покрылись по́том, во рту появился кислый привкус. *Чёрт, чёрт, чёрт!..*

Сцена изнасилования снова встала у неё перед глазами, да так живо, как не случалось уже давно. Холодные голубые глаза Корнелиуса Раскина, видимые из-под чёрной лыжной маски, сигаретный смрад в его дыхании, руки, прижимающие её к бетонной стене.

Чёрт побери Корнелиуса Раскина.

Чёрт побери Джока Кригера.

Гори они оба в аду.

Гори все *мужчины* в аду.

Только мужчины могли изобрести что-то вроде этого вируса. Только мужчины могут быть такими ужасными и кошмарными.

Мэри фыркнула. Она даже слов подходящих подобрать не может для описания этого зла. «Ужасный» дискредитировано Великим и Ужасным Гудвином, а за «кошмарным» обычно следует «сон», словно подобное зло может существовать лишь вне привычной реальности.

Зло всегда ассоциировалось у неё с этим миром, с миром Чингисхана, и Гитлера, и Пол Пота, и Пола Бернардо[153], и Осамы бин Ладена.

И Джока Кригера.

И Корнелиуса Раскина.

Мир *людей*.

Нет, не просто людей. Особого вида людей. Самцов Homo sapiens.

Мэри глубоко вдохнула, чтобы успокоиться. Не все мужчины злы. Она это знала. Хорошо знала. Был ведь ещё и папа, и её братья, и Рубен Монтего, и отец Калдикотт, и отец Бельфонтэн.

И Фил Донахью, и Пьер Трудо[154], и Ральф Нейдер[155], и Билл Кросби[156].

И Далай-лама, и Махатма Ганди, и Мартин Лютер Кинг-младший.

---

[153] notes: 153

Пол Бернардо (род. 1964) — канадский серийный убийца и насильник, действовавший в конце 1980-х — начале 90-х в городе Скарборо, Онтарио. В 1995 приговорён к пожизненному заключению.

[154] notes: 154

Очень популярный канадский политик, 15-й премьер-министр Канады в 1968–1979 годах.

[155] notes: 155

Американский политик и общественный деятель, сыгравший большую роль в повышении безопасности автомобилей.

[156] notes: 156

Американский медик, считающийся отцом современной гематологии.

Сострадательные, достойные восхищения люди. Да, среди них есть *некоторые*…

Мэри не имела понятия, как на уровне генетики отличить доброго человека от злого, мечтателя от психопата. Но один несомненный генетический маркер мужского насилия существует — Y-хромосома. Да, не каждый, имеющий Y-хромосому — злой человек; на самом деле, подавляющее большинство не такие. Но каждый злой мужчина по определению имеет Y-хромосому, самую короткую из всех хромосом Homo sapiens, но оказывающую наибольшее влияние на его психологию.

И историю.

И безопасность женщин и детей.

У Корнелиуса Раскина есть Y.

И у Джока Кригера.

Y.

Почему?

Нет. Нет, это уже слишком. Игра в Бога и правда дурно пахнет.

Но она *может* сделать это. О, ей и во сне не приснится выпустить подобное на свободу здесь, в этом мире. Она не убийца — уж до такой-то степени Мэри была уверена в своих моральных принципах, потому что человек, которого она

ненавидела больше всего в жизни — это Корнелиус Раскин, и когда Понтер предложил его убить, Мэри заставила его пообещать, что он этого не сделает.

И вопреки предположению Адекора Мэри была уверена, что Джок Кригер не собирался выпускать «Wipeout» на этой версии Земли. Его без сомнения предполагалось доставить на другую Землю, в мир неандертальцев — словно змея в Эдемский сад.

Конечно, если всё пройдёт как запланировано, если ей удастся остановить Джока, то никакой вирус к неандертальцам не попадёт.

Но если всё же попадёт — то это, будем надеяться, будет Мэрин «Серфер Джо», либо в той форме, которую она только что сохранила — совершенно безвредной, либо…

Либо…

Либо она могла бы изменить его более радикально и сделать так, чтобы первоначальный замысел всё же выполнялся бы, но только тогда, когда…

Это было просто. Так просто.

Версия вируса, которая принимается за работу только тогда, когда клетка, в которую он попал, не принадлежит неандертальцу и содержит Y-

хромосому.

Тогда, и только тогда…

Мэри задумалась. Модифицированный «серфер Джо».

«Марк II» — как новый Папа, делающий ещё один шаг вперёд.

Она тряхнула головой. Это безумие. Грех.

А если нет? Она бы защитила целый мир от самцов Homo sapiens. В конце концов, если она и те палеоантропологии, что разделяют её точку зрения, правы, то это самцы Homo sapiens, охотники клана, а не собирательницы, не женщины — те, кто истреблял своих дальних родичей с покатым лбом и валиком над бровями, пока ни одного из них не осталось.

И теперь, пользуясь инструментами двадцать первого века и технологиями, позаимствованными у самих барастов, самец Homo sapiens готовится снова сделать то, что его далёкие предки уже однажды сделали.

Мэри смотрела в экран компьютера Джока.

Ведь это так просто. Проще простого. Логическое дерево уже имеется. Ей оставалось лишь изменить проверяемые условия и логические переходы.

Тестирование на присутствие Y-хромосомы

организовать легко: достаточно взять из базы данных проекта «Геном человека» ген, который встречается только в этой хромосоме. Мэри поискала на столе Джока ручку и бумагу и от руки набросала логическую схему на жёлтом разлинованном листе:

Шаг 1. Присутствует Y-хромосома?
Если **да,** то это мужчина: к Шагу 2
Если **нет,** прервать (это не мужчина)

Шаг 2: Ген альфа найден рядом с теломером?
Если **да**, прервать (это неандерталец)
Если **нет**, это, вероятно, глексен: к Шагу 3

Шаг 3: Ген бета найден рядом с теломером?
Если **да**, прервать (не бывает у глексена)
Если **нет**, это точно глексен: к Шагу 4

Мэри просматривала написанное снова и снова, и не видела изъяна. Эта логика не может войти в бесконечный цикл, и она делала не одну, а две проверки, чтобы убедиться, что речь идёт именно о самце Homo sapiens, а не Homo

neanderthalensis.

Конечно, всё это чистая теория — Джока наверняка остановят прежде, чем он выпустит вирус. Его модификация — лишь мера предосторожности на случай, если его всё-таки каким-то образом протащат на ту сторону.

Мэри покачала головой и посмотрела на часы. Уже было хорошо за полночь — скоро начнётся новый день.

Она должна пойти домой. Вирус Джока разряжен; он никому ничего не сделает, если только он не воспользовался уже кодонатором для изготовления вирусных молекул — Мэри всем сердцем надеялась, что нет. «Серфер Джо» не причинит никому вреда. Собственно, именно этого она с самого начала и хотела.

Это всё, что следовало сделать.

И всё же…

И всё же.

Никто не пострадает. Она найдёт способ распространить информацию, сделать так, чтобы каждый на этой земле знал: мужчинам-глексенам нельзя посещать мир неандертальцев. Барастовская технология калибруемых лазеров не даст «Серферу Джо» проникнуть через портал обратно в этот мир. Глексенские мужчины — и

безвредное большинство, и ужасное вредоносное меньшинство — будут в безопасности, если оставят мир Понтера в покое.

Мэри сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

Она сложила руки на коленях и сцепила пальцы; на среднем пальце левой всё ещё виднелся бледный след там, где раньше она носила кольцо.

Мэри Воган думала, и думала, и думала.

И, наконец, расцепила пальцы.

И затем сделала единственную вещь, которую должна была сделать.

Глава 38

И хотя когда-нибудь мы, возможно, посетим и Даргал — этим именем неандертальцы называют Красную планету в своём мире, где она светит над континентами Дуркану, Подлар, Ранеласс, Эвсой, Галасой и Налкану — мы оставим ту версию Марса такой, какой мы её нашли. Как и во многих других случаях в той новой эре, в которую мы сейчас вступаем, мы сможем и яичницу съесть, и яйцо не разбить…

Мэри Воган резко села на своей постели в Бристоль-Харбор, внезапно пробудившись.

Когда будет — как вы это называете? Двое становятся Одним? Когда это будет в следующий раз? Джок спрашивал об этом вчера. Мэри была слишком расстроена ухудшением состояния Лонвеса и отъездом Понтера, чтобы обратить внимание, но сейчас её стукнуло так, что она проснулась: зачем Джоку это было надо.

Ведь это идеальное время для того, чтобы выпустить вирус. Когда жители обоих полов

собираются в Центре, можно заразить сразу всё население — по крайней мере, население Салдака. И, разумеется, когда Двое становятся Одним, количество людей, путешествующих из города в город наибольшее — легче разносить заразу.

Четырёхдневный праздник начнётся послезавтра. Что означает, что до тех пор Джок не станет ничего предпринимать. Что означает, что Мэри должна что-то предпринять *до* послезавтра.

Она подняла глаза к потолку, чтобы посмотреть, которой час — но она была *здесь*, а не *там*, и здесь на потолке её жилища ничего не было. Она повернулась к цифровому будильнику на ночном столике: красные светящиеся цифры показывали 5:04. Мэри нашарила кнопку включения настольной лампы, потом нашла свой телефон и позвонила по домашнему номеру Луизы Бенуа в Рочестере.

— Алло? — произнёс сонный голос после нескольких гудков.

— Луиза, это Мэри. Послушай — Двое станут Одним послезавтра. Я уверена, что Джок собирается выпустить вирус именно в этот день.

Луиза явно ещё боролось со сном.

— Двое станут…

— Да, да! Двое станут Одним. В эти дни в неан-

дертальских городах наибольшая концентрация населения и достаточно сильный междугородний трафик. Мы должны что-то сделать.

— *D'accord,* — хрипло сказала Луиза. — *Mais quoi?*[157]

— То, что ты говорила — пойти к газетчикам, поднять шум. Но, послушай, будет безопасней, если мы обе будем в это время в Канаде. Я выезжаю через полчаса, то есть буду у тебя в 6:30. Мы поедем в Торонто.

— *Bon,* — сказала Луиза. — Я буду готова.

Мэри положила трубку, отправилась в ванную и включила душ. Если бы я ещё знала, *как* устраивают шум. Конечно, она уже много раз давала интервью и по радио, и по телевизору, но…

Она вспомнила симпатичную продюсершу, с которой познакомилась на «Си-би-си Ньюсуорлд» в 1996, когда неандертальцы были известны только в виде окаменелостей, и когда Мэри удалось извлечь неандертальскую ДНК из привезённого из Rheinisches Landesmuseum образца. Телефонов эфирного персонала «Си-би-эс» в телефонном справочнике наверняка не было, но продюсерам вроде бы не от кого прятаться. Мэри вернулась в

---

[157] notes: 157
Хорошо. Но что? *(фр.).*

спальню, снова сняла трубку, набрала 1-416-555-1212 — справочную службу Торонто, и быстро получила номер, который искала.

Минутой позже из телефона послышался другой сонный женский голос.

— Ал… ло?

— Керри? — сказала Мэри. — Керри Джонстон?

Она почти слышала, как женщина на том конце провода протирает глаза.

— Да. Кто это?

— Это Мэри Воган. Помните меня? Генетик из Йоркского, специалист по неандертальской ДНК.

Какая-то часть сознания Мэри была разочарована тем, что ни Луиза, ни Кэрри не произнесли классического «вы в курсе, который сейчас час?» Вместо этого Керри, похоже, моментально проснулась.

— Да, я вас помню, — сказала она.

— У меня есть для вас история.

— Я слушаю.

— Нет, я не могу её рассказать по телефону. Я сейчас в Рочестере, в Штатах, но буду в Торонто часов через пять. Мне нужно, чтобы вы выпустили меня в эфир, когда я приеду…

* * *

Мэри и Луиза переезжали реку Ниагара по мосту мост Квинстон-Луистон. Точно посередине моста трепетали на ветру три флага, обозначая линию границы: сначала звёздно-полосатый, потом голубой флаг ООН, а за ним — канадский с кленовым листом.

— Как хорошо вернуться, — сказала Луиза, когда они проезжали мимо него.

Как всегда, возвратившись на родину, Мэри чувствовала некоторое облегчение. Вспомнилась старая шутка о том, что Канада могла бы иметь британскую культуру, французскую кухню и американские ноу-хау, но почему-то оказалась с американской культурой, британской кухней и французскими ноу-хау.

И всё же было *здорово* вернуться.

Съехав с моста, они оказались перед рядом кабинок таможни. Перед тремя из тех четырёх, что были открыты, выстроились короткие очереди легковых машин; четвёртая обслуживала грузовики. Мэри подрулила к средней очереди легковушек и дождалась, пока стоящие перед ней машины пропустят, нетерпеливо барабаня пальцами по рулевому колесу.

Наконец, подошла их очередь. Мэри подъехала к кабинке и опустила боковое стекло. Она ожидала обычного для канадской таможни приветствия «Гражданство?» и была глубоко удивлена, услышав от таможенницы:

— Мисс Воган, правильно?

У Мэри подпрыгнуло сердце. Она кивнула.

— Проедьте вон туда, чуть дальше.

— Что-то… что-то не так? — спросила Мэри.

— Просто сделайте, как я сказала, — ответила она и взялась за телефон.

Мэри, ощутив, как резко вспотели ладони на рулевом колесе, медленно проехала к указанному месту.

— Как они узнали, что ты? — спросила Луиза.

Мэри покачала головой.

— По номеру машины?

— Может быть, нам надо удирать? — спросила Луиза.

— Меня зовут Мэри, а не Тельма. Но чёрт возьми, если…

Лысеющий таможенник с переваливающимся через ремень животом направлялся к ним от низкого длинного здания инспекции. Он жестом приказал Мэри въехать на одно из размеченных парковочных мест перед зданием. Раньше

она останавливалась здесь лишь раз, чтобы воспользоваться туалетом, да и то по большой необходимости — туалет здесь был довольно грязным.

— Мисс Воган? Мисс Мэри Воган? — уточнил таможенник.

— Да?

— Мы вас ожидали. Нас попросили позвонить, когда вы появитесь.

Мэри моргнула.

— Когда я появлюсь? Здесь? — неуверенно переспросила она.

— Да — и это срочно. Пойдёмте!

Мэри вышла из машины, Луиза последовала за ней. Они прошли в здание таможни, и толстый таможенник завёл их в служебную зону. Он взял телефонную трубку, нажал кнопку селектора.

— Мисс Воган у нас, — сказал он и передал трубку Мэри.

— Мэри Воган, — сказала она в трубку.

— Мэри! — воскликнул голос с ямайским акцентом.

— Рубен! — Она оглянулась и увидела широкую улыбку Луизы. — Что стряслось?

— Боже, женщина, тебе нужен мобильник, — сказал Рубен. — Слушай, я знаю, что вы с Луизой

собирались в Торонто, но думаю, что вам лучше поспешить сюда — в Садбери. И как можно быстрее.

— Почему?

— Ваш Джок Кригер прошёл на ту сторону.

Сердце Мэри опять подпрыгнуло.

— Что? Как он туда так быстро добрался?

— Должно быть, на самолёте прилетел, и вам следует сделать то же самое. От границы досюда шесть часов на машине. Но я организовал для вас «Никелированный огурчик», он ждёт вас в Сент-Кэтринс. — «Никелированным огурчиком» назывался частный самолёт компании «Инко», выкрашенный в зелёный цвет. — Про Джока я узнал совершенно случайно, — продолжал Рубен. — Увидел его имя в журнале посещений шахты, когда вписывал туда другого посетителя.

— Почему его никто не остановил? — спросила Мэри.

— На каком основании? Я спросил армейцев, которые охраняют портал; они сказали, что у него был американский диппаспорт, так что они отвели его прямиком на ту сторону. Так вот, я выслал карту на таможню по факсу, на ней отмечено, как добраться до аэродрома…

Глава 39

И мы в самом деле вступаем в новую эру. Кайнозойская эра — эра новой жизни — почти закончилась. Скоро начнётся новозойская эра — эра новейшей жизни…

— Срочная медицинская необходимость! — сказал Рубен Монтего. Его гладко выбритая голова поблёскивала в ярком свете ламп, освещавших огромное здание. — Без остановок на уровень 6800 футов.

— Будет сделано, док, — ответил оператор подъёмника.

Мэри знала, что клеть уже ожидет их здесь, на нулевом уровне — Рубен позвонил оператору из офиса. Мэри, Рубен и Луиза быстро вошли в клеть, и оператор, который оставался наверху, закрыл за ними тяжёлую дверь. Прозвучало пять сигналов зуммера — экстренный спуск без остановок, и подъёмник начал спуск по шахте, уходившей под землю на глубину впятеро большую, чем высота башен Всемирного торгового центра — какой она была, пока самцы Homo sapiens их не разрушили.

По пути сюда все трое захватили каски и шахтёрские плащи с полок перед входом в подъёмник. Пока клеть с лязгом и скрежетом опускалась, все трое пытались их надеть.

— У них на той стороне есть какая-нибудь полиция? — спросил Рубен низким голосом с густым ямайским акцентом.

— Практически никакой, — ответила Мэри, перекрикивая шум. *И таким он должен остаться*, подумалось ей: миром без преступлений и насилия.

— Так что надежда только на нас? — спросил Рубен.

— Боюсь, что так, — сказала Мэри.

— Может, возьмём с собой военных? — предложила Луиза.

— Мы до сих пор не знаем, кто за этим стоит, — сказала Мэри. — Джок мог работать в одиночку — а мог и по заданию нашего минобороны или Пентагона.

Луиза взглянула на Рубена, и Мэри увидела, как он привлекает её к себе. Если они испуганы хотя бы вполовину так, как Мэри, она не может винить их за желание быть ближе друг к другу. Мэри отодвинулась на другой край заляпанной грязью клети и сделала вид, будто следит за сменой уров-

ней, так что Рубен с Луизой могли провести эти минуты в относительном уединении.

— Мой запас английских слов всё ещё оставляет желать лучшего, — произнёс голос Кристины в кохлеарных имплантах. — Что означает «жат-эм»?

Мэри ничего такого не слышала, но микрофоны Кристины были более чувствительны. Она ответила шёпотом, так, чтобы Рубен и Луиза не услышали:

— Это не английский, это французский: *«je t'aime»*. Это значит «я тебя люблю». Луиза мне рассказывала, что Рубен всегда говорит это по-французски.

— Ах, — сказала Кристина. Клеть продолжала спускаться, пока, наконец, не задёргалась и не застыла. Рубен открыл дверь, за которой показался уходящий во тьму штрек.

* * *

— В котором часу он прошёл? — требовательно спросила Мэри, когда они, наконец, добрались до бывшей детекторной камеры Нейтринной обсерватории Садбери, посреди которой на платформе на высоте трёхэтажного дома над полом находился портал.

Охранявший портал канадский военный вскинул брови.

— Кто?

— Джок Кригер, — ответила Мэри. — Из «Синерджи Груп».

Военный — светловолосый и светлокожий — сверился с журналом.

— Джон Кевин Кригер прошёл около трёх часов назад.

— Это он, — сказала Мэри. — У него с собой что-нибудь было?

— Простите, доктор Воган, — сказал военный, — но я правда не уверен, что имею право разглашать…

Рубен выступил вперёд и предъявил ему своё удостоверение.

— Я доктор Монтего, штатный медик этой шахты, и у нас чрезвычайная медицинская ситуация. Кригер может быть носителем опасной инфекции.

— Я должен позвонить своему начальству, — сказал военный.

— Звоните, — сказал Рубен, — но прежде скажите, что у него с собой было.

Военный задумался, вспоминая.

— Маленький чемоданчик на колёсиках.

— Что-нибудь ещё?

— Да, металлический ящик размером с коробку из-под обуви.

Рубен взглянул на Мэри.

— Чёрт, — сказала она.

— Ящик прошёл деконтаминацию? — спросила Луиза.

— Конечно, — ответил военный несколько обиженно. — Ничто не попадёт на ту сторону без деконтаминации.

— Хорошо, — сказала Мэри. — Пойдёмте.

— Я могу увидеть ваши документы?

Мэри и Луиза сунули ему свои паспорта.

— Всё в порядке? — спросила Мэри? — Тогда пропустите нас.

— А его? — сказал военный, указывая на Рубена.

— Да я же вам только что удостоверение показал, — возмутился Рубен. — Паспорта с собой нет.

— Я не должен пропускать…

— Да чёрт возьми! — воскликнула Мэри. — Чрезвычайная ситуация — помните?

Военный кивнул.

— Хорошо, — сказал он, наконец. — Хорошо, проходите.

Мэри ринулась к деркеровой трубе и, не оста-

навливаясь, нырнула в неё.

Синий огонь.

Покалывание статики.

Другой мир.

Мэри слышала позади топот двух пар ног, так что не стала оборачиваться, дабы убедиться, что они следуют за ней. Плотный неандертальский техник вскинул на неё удивлённый взгляд. По-видимому, никто ещё не преодолевал портал бегом.

Этого неандендертальца Мэри узнала сразу. Он её также явно узнал, но, к изумлению Мэри, бросился наперехват Рубену, который следовал за ней по пятам.

Внезапно Мэри поняла, что происходит: неандерталец подумал, что Луиза и Рубен гонятся за Мэри.

— Нет! — крикнула она. — Нет, они со мной! Пропустите их!

Поскольку она кричала, Кристине пришлось дождаться, пока она замолчит, прежде чем начать перевод, иначе Мэри заглушила бы звук её внешнего динамика, способного на значительную громкость, но, конечно, не такого громкого, как орущий во всё горло человек. Мэри услышала неандертальские слова, вылетающие из её левого

предплечья:

— *Рак! Та соопарб, рак! Дерпант хелк!*

Где-то в середине этого сообщения неандертальский техник попытался затормозить, но поскользнулся на гладком гранитном полу и врезался в Рубена, опрокинув его. Луиза споткнулась об упавшего неандертальца и тоже упала, сделав почти полное сальто.

Мэри протянула руку и помогла Луизе встать. Рубен поднялся на ноги самостоятельно.

— *Лупал!* — сказал неандерталец. *Простите!*

Мэри взбежала по ступеням в бывшую пультовую, миновав ещё одного ошарашенного неандертальца и зашагала к штреку, соединявшему лабораторию квантовых вычислений с остальной шахтой.

— Стойте! — крикнул неандерталец. — Вы должны пройти деконтаминацию!

— Нет времени! — крикнула Мэри в ответ. — Чрезвычайное…

— Нет, Мэри, — прервал её Рубен. — Он прав. Вспомни, какой Понтер был больной, когда попал на нашу сторону. Мы пытаемся предотвратить эпидемию, а не стать её причиной.

Мэри выругалась.

— Ладно, — сказала она. Она оглядела Рубена

и Луизу: чёрного ямайца с выбритой головой и бледную квебечку с длинными каштановыми волосами. Друг друга они наверняка видели голыми много раз, а вот Мэри — ни разу.

— Раздевайтесь, — сказала она. — Снимайте всё, в том числе часы и украшения.

Луиза и Рубен были знакомы с процедурами очистки по работе в нейтринной обсерватории, в которой поддерживался режим «чистой комнаты», пока прибытие Понтера не разрушило детектор. И всё же они на мгновение заколебались. Мэри начало быстро расстёгивать блузку.

— Давайте, — сказала она. — У нас совсем нет времени.

Рубен и Луиза принялись раздеваться.

— Одежду просто оставьте тут, — сказала Мэри, кидая трусики в цилиндрическую корзину. — В соседнем помещении подберём неандертальскую.

Мэри, совершенно голая, вошла в цилиндр деконтаминационной камеры. Её размеры соответствовали габаритам взрослого неандертальца, но Мэри настояла, чтобы ради экономии времени они влезли в неё все сразу. Мэри слишком нервничала, чтобы почувствовать смущение, когда зад Луизы упёрся в её зад, а Рубена прижало

лицом к её груди.

Мэри вытянула рычажок включения. Пол начал медленно вращаться, включились лазеры. Мэри уже привыкла к этой процедуре, но расслышала, как охнула Луиза, когда зловещего вида эмиттеры, загудев, ожили.

— Всё в порядке, — сказала Мэри, пытаясь не обращать внимания на ту часть своего сознания, которая вычисляла, какими именно частями тела Рубен упирается в неё. — Всё совершенно безопасно. Лазеры знают, какие протеины могут находиться в человеческом теле, включая протеины кишечных бактерий и прочего; их они пройдут насквозь. Но они разложат все чуждые нам протеины и убьют все патогены.

Мэри почувствовала, как Луиза немного поёжилась, но в её голосе слышался интерес.

— И что же за лазеры способны на такое?

— Квантово-каскадные лазеры, — повторила Мэри то, что когда-то слышала от Понтера. — В диапазоне порядка триллиона циклов в такт.

— Калибруемые терагерцовые лазеры! — восхитилась Луиза. — Ну да, конечно. Что-то вроде этого и правда способно на селективное взаимодействие с крупными молекулами. Сколько времени занимает процесс?

— Минуты три, — ответила Мэри.

— Кстати, Мэри, — сказал Рубен. — Тебе надо показать кому-нибудь ту родинку на левом плече.

— Что? — не поняла Мэри. — Рубен, сейчас не время для… — Но она заставила себя замолчать, осознав, что он делает в точности то же самое, что и Луиза: концентрируется на технических мелочах, пытаясь отвлечься. В конце концов, он оказался зажатым в тесном помещении с двумя голыми женщинами, одна из которых — его любовница, а вторая — её подруга. Последнее, чего ему — или самой Мэри — было бы сейчас нужно, это мысленно сочинять письмо в «Пентхаус». — Я покажусь дерматологу, — уже спокойнее ответила она и пожала плечами, насколько позволяло их стиснутое положение. — Гадский озоновый слой…

Мэри немного повернула голову.

— Луиза, там должна быть квадратная лампа над дверью прямо перед тобой. Видишь её?

— Да. О, она зелёная. Отлично. — Она задвигалась, будто пытаясь выйти.

— Стой! — крикнула Мэри. — У неандертальцев зелёный означает сигнал тревоги: зелёное мясо — протухшее мясо. Выходить будет можно, когда она покраснеет. Скажи нам, как только это

увидишь.

Луиза кивнула; Мэри спиной ощутила её движение. Наверное, ей не следовало тащить двоих неподготовленных людей в неандертальский мир. В конце концов, они могли бы…

— Красная! — воскликнула Луиза. — Лампочка стала красной.

— Хорошо, — сказала Мэри. — Открывай дверь. Ручка похожа на морскую звезду — видишь? Она скользит вверх и разблокирует дверь.

Мэри ощутила, как Луиза у неё за спиной завозилась, и внезапно давление на спину пропало — Луиза вышла из камеры. Мэри шагнула назад, повернулась и тоже выскочила из камеры.

— Сюда! — крикнула она.

Они вбежали в помещение, стены которого покрывали квадратные ячейки, в каждой из которых размещался комплект неандертальской одежды.

— Рубен, вон то на тебя налезет, — сказала она, указывая на один ряд. — Луиза, вот этот для тебя, — указывая на другой.

Мэри уже успела привыкнуть к барастовским одеяниям, но Луиза с Рубеном были явно озадачены. Мэри быстро дала Рубену инструкции и склонилась к Луизе, которая никак не могла разо-

браться с неандертальской обувью, совмещённой со штанами. Мэри быстро затянула ей ремешки вокруг стопы и лодыжки.

Затем они поспешили по штреку к лифту. Мэри надеялась, что их будет ждать какое-нибудь транспортное средство, но если бы оно тут было, то его наверняка бы забрал Джок.

Три километра бегом, думала Мэри. Добрый боженька, она не делала ничего подобного с тех пор, как была студенткой, и даже тогда это был страх и ужас. Но адреналин хлынул в неё так, словно она жила последний день — и она знала, что для барастов этот день и правда может стать последним. И она рванула вдоль по тоннелю, пол которого был выложен деревянными досками.

Здесь туннель был освещён гораздо хуже, чем на глексенской стороне. Для работы в шахтах неандертальцы использовали роботов, которым свет не нужен. Собственно, он не нужен и самим неандертальцам — они вполне способны сориентироваться с помощью одного обоняния.

— Дале… ко… е… щё? — донёсся сзади Луизин голос.

Несмотря на серьёзность ситуации Мэри порадовалась, что Луиза, хоть и младше её, уже запыхалась.

— Три километра, — крикнула она в ответ.

Внезапно что-то перебежало дорогу прямо перед ней. Если бы её сердце уже не выскакивало бы из груди, оно сейчас попыталось бы это сделать. Но это оказался всего лишь горный робот. Мэри прокричала об этом назад, чтобы Луиза с Рубеном не напугались, а потом закричала на робота:

— Стой! Вернись сюда!

Кристина послушно перевела, и мгновение спустя робот снова появился из темноты. Мэри осмотрела его со всех сторон: низкая, плоская, шестиногая штуковина, словно двухметровый краб; конические буры и полусферические ковши торчат вперёд на суставчатых манипуляторах. Эту штуку сделали, чтобы двигать горы, чёрт её побери. Она *должна быть* достаточно прочной.

— Ты сможешь нести нас? — спросила Мэри.

Компаньон перевёл её слова, и на корпусе робота вспыхнул красный огонёк.

— Эта модель не умеет говорить, — добавила Кристина, — но ответ утвердительный.

Мэри взобралась на серебристый панцирь машины, сильно ударившись при этом правой голенью. Она повернулась к Рубену и Луизе, которые остановились позади неё.

— Все на борт!

Луиза и Рубен обменялись ошарашенными взглядами, но быстро взобрались к роботу на спину. Мэри хлопнула его по корпусу.

— Н-но-о!!

Кристина, вероятно, не знала этого выражения, но явно поняла намерения Мэри и передала их роботу. Все шесть ног согнулись одновременно, словно оценивая добавочный вес, а затем робот побежал в нужном направлении, двигаясь достаточно быстро, чтобы Мэри почувствовала лицом дуновение ветра. На полу тут и там были разлиты лужи грязной воды, и каждый раз как нога робота попадала в лужу, всех троих окатывало брызгами.

— Держитесь! — раз за разом кричала Мэри, хотя и сомневалась, что Луизе и Рубену нужно напоминание. Мэри сама несколько раз чуть не слетела с панциря робота, и её мочевой пузырь энергично протестовал против такого обращения.

Они миновали другого горного робота — иной, вертикальной конструкции, немного напомнившего Мэри богомола, а потом, ещё метрах в шестистах впереди, наткнулись на идущих навстречу двоих неандертальцев, которые успели отпрыгнуть с пути несущегося робота как раз

вовремя.

Наконец, они добрались до остановки лифта. Слава Богу те двое неандертальцев только что приехали — лифт всё ещё был внизу. Мэри соскочила с робота-краба и бросилась к лифту. Луиза и Рубен последовали за ней. Вскоре все трое были внутри цилиндрической кабины, Мэри топнула по вмонтированной в пол педали пуска, и они поехали вверх.

Мэри воспользовалась передышкой чтобы посмотреть, как справляются остальные; в люцифериновом свете всё приобрело немного зеленоватый оттенок. Луиза больше не была похожа на супермодель: её лицо заливал пот, волосы спутаны и заляпаны грязью, а неандертальская одежда вымазана той же грязью и чем-то, что Мэри после некоторых раздумий определила как какую-то смазку с робота или её аналог.

Рубен был в ещё худшей форме. Робот бежал, подпрыгивая, и иногда лысая голова Рубена касалась потолка тоннеля. Его темя пересекала нехорошего вида рана, и он осторожно ощупывал её пальцами, время от времени вздрагивая.

— Ладно, — сказала Мэри. — У нас есть несколько минут, пока лифт поднимается наверх. Там будет один или два охранника, и они не выпустят

вас наружу без временных пристяжных компаньонов. Вам лучше подчиниться — это будет быстрее, чем убеждать их, что у нас срочное дело. Кроме того, с компаньонами мы сможем общаться друг с другом и с любыми неандертальцами, с которыми нам нужно будет поговорить. Все выдаваемые здесь компаньоны снабжены функцией перевода.

Мэри знала, что кабина лифта медленно поворачивается на 180 градусов, но сомневалась, что Луиза и Рубен это замечают. Она подняла левую руку и произнесла:

— Кристина, ты уже подключилась к планетарной инфосети?

— Нет, — ответил голос у Мэри в кохлеарных имплантах. — Скорее всего соединение станет возможно только непосредственно у поверхности, но я непрерывно пытаюсь… Погодите. Да, да, есть! Я в сети.

— Здорово! — обрадовалась Мэри. — Свяжись с Понтером.

— Вызываю, — ответил имплант. — Ответа пока нет…

— Давай же, Понтер, — торопила Мэри. — Давай же…

— Мэре! — произнёс голос Понтера, вернее, его

имитация в перводе и исполнении Кристины. — Что ты делаешь на этой стороне? Двое ещё на стали Одним, так что…

— Понтер, замолкни! — сказала Мэри. — Джок Кригер прошёл на эту сторону. Мы должны его найти и остановить.

— На нём должен быть пристяжной компаньон, — сказал Понтер. — Я следил по визору за дебатами в Верховном Сером совете после того, как глексенам позволили разгуливать без них. Поверь мне — больше такого не будет никогда.

Мэри покачала головой.

— Он не идиот. Конечно, стоит попробовать отследить его компаньон, но я держу пари, что он как-то от него избавился.

— Он не мог, — сказал Понтер. — Сработала бы сигнализация. И он ведь не бродит где-то сам по себе — он наверняка с Бедросом или с каким другим официальным лицом. Нет, мы его быстро найдём. А вы сейчас где?

Кабила лифта остановилась, и Мэри жестом велела Рубену и Луизе выходить наружу.

— Мы только что поднялись наверх из Дебральской шахты, сейчас в комнате, где цепляют компаньонов. Со мной Луиза и Рубен.

— Я дома, — сказал Понтер. — Хак, вызови

транспортный куб для Мэре и отдельный для меня, и свяжись с арбитром. — Мэри услышали, как Хак подтверждает получение приказа, потом Понтер снова заговорил: — Есть идеи, где Кригер может быть?

— В данный момент нет, — ответила Мэри, — хотя я думаю, что он планирует выпустить вирус в Центре, когда Двое станут Одним.

— Имеет смысл, — сказал Понтер. — Население максимально скучено, а по окончании много переездов между городами, так что…

Вмешался голос Хака; он что-то сказал Понтеру по-неандертальски.

— Мэре, — сказал Понтер через секунду, — Хак связался с арбитром от моего имени. Когда придёт твой транспортный куб, езжайте сразу в павильон архива алиби в Центре. Я вас там встречу.

Служитель-неандерталец в это время уже пристёгивал компаньон к левому предплечью Рубена. Мгновением позже он подошёл к Луизе и пристегнул компаньон и ей. Мэри подняла руку и показала служителю, что у неё постоянный имплант.

— Ну что, — сказала она Луизе и Рубену. — Надевайте на себя что-нибудь и идём.

С тех пор, как Мэри последний раз была здесь,

выпал снег; он ослепительно искрился под солнцем.

— Арбитр вызывает двух других арбитров, — сказал Понтер, — чтобы можно было установить судебный надзор над передачей его компаньона. Как только это будет сделано, они установят его местоположение.

— Чёрт, — сказала Мэри, прикрывая рукой глаза и осматривая горизонт в поисках транспортного куба. — Сколько это займёт времени?

— Надеюсь, не много, — ответил Понтер.

— Ладно, — сказала Мэри. — Я тебе ещё позвоню. Кристина, соедини меня с Бандрой.

— Здравый день, — произнёс голос Бандры.

— Бандра, солнце, это Мэри.

— Мэри, моя дорогая! Я не ждала тебя раньше послезавтра. Я так нервничаю по поводу следующего раза. Если Гарб…

— Бандра, уезжай из Центра. Не спрашивай меня почему, просто уезжай.

— Гарб что-то…

— Нет, Гарб тут не при чём. Просто вызови транспортный куб и уматывай, куда-нибудь подальше от Центра.

— Я не понимаю. Если это…

— Просто сделай это! — сказала Мэри. — До-

верься мне.

— Конечно я…

— И… Бандра? — сказала Мэри. — Она покосилась в сторону Рубена и Луизы, потом подумала — ну и пускай. — Бандра, я должна была сказать тебе это раньше. Я люблю тебя.

Судя по голосу, Бандра была вне себя от радости.

— Я тоже тебя люблю, Мэре. Не могу дождаться, когда мы снова будем вместе.

— Я должна бежать, — сказала Мэри. — Торопись. Уезжай из Центра!

Мэри решительно посмотрела на Луизу, на лице которой застыло потрясённое выражение. Однако Луиза смотрела мимо неё. Мэри обернулась. К ним приближался транспортный куб, летящий над покрытой снегом равниной. Они бросились к нему, как только он опустился на землю; Мэри забралась на седлокресло рядом с водителем, Рубен и Луиза неуклюже взгромоздились на задние места.

— Центр Салдака, как можно быстрее, — сказала Мэри водителю. Секунды мучительно утекали, пока компаньон переводил её слова, а потом ответ водителя.

— Да, я знаю, что Двое Порознь, — огрызнулась

Мэри. — И я знаю, что он мужчина, — добавила она, качнув головой в сторону Рубена. — У нас чрезвычайная ситуация медицинского характера. Поехали!

Кристина была очень смышлёной машинкой. Мэри расслышала, что первым словом в её переводе было *«Тэк!»*, что означало, что она поставила «Поехали!» в начало фразы. Остаток Мэриной реплики Кристина договорила уже после того, как водитель привёл машину в движение.

— Кристина, позвони Понтеру.

— Готово.

— Понтер, за каким чёртом нужно *три* арбитра, чтобы отследить Джока?

Понтер снова заговорил через кохлеарные импланты. Мэри вытянула штырёк на серебристой панели компаньона, и переключила его на внешний динамик, чтобы Луиза и Рубен тоже могли слышать.

— Ты же сама жаловалась, что, мол, система архивов алиби открыта для злоупотреблений. Так вот, требуется единогласное решение трёх арбитров, чтобы установить судебный надзор за передачей компаньона в отсутствие выдвинутых против его носителя обвинений.

Мэри взглянула на окружающий ландшафт,

через который они неслись с приличной — по неандертальским меркам — скоростью: около шестидесяти километров в час.

— А разве ты не можешь обвинить его в преступлении? — спросила Мэри. — Тогда будет нужет лишь один арбитр, не так ли?

— Нет, так будет быстрее, — сказал Понтер. — Выдвижение обвинения — довольно сложная юридическая процедура, и… о, вот и мой куб. — Мэри услышала звук опускающейся машины и какие-то стуки и бряканье, когда Понтер садился в неё. Он произнёс неандертальские слова, означающие «архив алиби», которые Мэри уже научилась распознавать, а потом снова вернулся к разговору с Мэри.

— Так вот, — сказал он, — давай теперь… ох, погоди пару тактов… — Соединение оборвалось на несколько секунд, потом голос Понтера послышался снова. — Арбитры установили судебный надзор. Техник архива алиби устанавливает его местоположение.

Рубен наклонился вперёд и заговорил в компаньон Мэри:

— Понтер, это Рубен Монтего. Как только они отследят Джока, пусть эвакуируют город. Мне ничего не угрожает, Луизе и Мэри тоже, но лю-

бой неандерталец, заразившийся его вирусом, считай труп.

— Обязательно, — сказал Понтер. — Мы передадим экстренное сообщение на все компаньоны. Я скоро буду в павильоне алиби; я за всем прослежу.

Впереди показались здания Центра Салдака. Десятки женщин украшали их к празднику.

— Мы его отследили, — произнёс голос Понтера. — Хак, прекрати перевод; передавай напрямую. — Понтер начал кричать по-неандертальски, очевидно, обращаясь к водителю их куба.

Водитель ответил несколькими словами, одно из которых было *«Ка»*. Машина начала поворачивать.

— Он на площади Конбор, — сказал Понтер снова по-английски. — Я сказал водителю везти вас туда. Я вас там встречу.

— Нет, — сказала Луиза, наклоняясь вперёд. — Нет, Понтер, для тебя это слишком рискованно. Оставь это нам.

— Он не один. Арбитры смотрят передачу его компаньона; с ним Декант Дорст.

— Кто это? — спросила Мэри.

— Одна из выборных должностных лиц Салда-

ка. Из поколения 141.

— Чёрт, — сказала Мэри. Мэри не сомневалась, что в обычных обстоятельствах любая неандерталка скрутит любого глексена в бараний рог, но 141-е означало, что женщине семьдесят восемь. — Мы не хотим, чтобы это кончилось захватом заложника. Её надо увести оттуда.

— Именно, — согласился Понтер.

— У Декант Дорст есть кохлеарные импланты? — спросила Мэри.

— Конечно, — ответил Понтер.

— Кристина, соедини меня с Декант Дорст.

— Выполнено.

Мэри заговорила тут же, чтобы не дать неандерталке среагировать на сигнал компаньона, раздающийся будто бы в центре её головы.

— Декант Дорст, ничего не говорите и не подавайте Джоку Кригеру вида, что с вами кто-то разговаривает. Просто кашляните один раз, если вы меня поняли.

Из внешнего динамика Кристины раздалось покашливание.

— Да, отлично. Меня зовут Мэри Воган, я глексенка. Джок находится под судебным надзором. Мы полагаем, что он сумел провести в Центр Салдака опасное вещество. Вы должны удалиться

от него при первой возможности. Мы в данный момент направляемся к вам. Всё понятно?

Снова покашливание.

Мэри чувствовала себя ужасно; женщина же, должно быть, перепугана до смерти.

— Есть идеи? — спросила она Луизу и Рубена.

— Она может сказать Джоку, что ей нужно в туалет, — предложила Луиза.

— Блестяще! Понтер, где они находятся прямо сейчас? В помещении или на улице?

— Сейчас спрошу арбитра… Они снаружи, идут пешком по направлению к центральной площади.

— Вирус Джока предназначен для распространения воздушно-капельным путём, — сказала Мэри. — В том металлическом ящике у него наверняка что-то вроде аэрозольной бомбы. Вероятно он рассчитывает заложить её на центральной площади и привести в действие, когда Двое станут Одним.

— Если так, — сказал Понтер, — то он наверняка настроит её так, чтобы вирус был выпущен в последний день праздника, чтобы мужчины отправились по домам до того, как появятся первые признаки болезни. Так болезнь не только попадёт на Окраину, но и с иногородними мужчинами

также в другие города.

— Точно, — сказала Мэри. — Декант, когда представится возможность, скажите Джоку, что вам нужно зайти в одно из общественных зданий, чтобы посетить уборную, но он должен остаться снаружи, поскольку он — мужчина. Хорошо? Мы скоро будем.

Снова покашливание, потом Мэри впервые услышала голос Декант; она явно нервничала.

— Учёный Кригер, — сказала она, — вы должны меня простить, но моё престарелое тело требует внимания… боюсь, мне срочно нужно облегчиться. Вот здесь есть туалет, которым я могу воспользоваться.

Голос Джока, отдалённый и глухой:

— Хорошо. Я только…

— Нет, вы должны подождать снаружи. Двое ещё не стали Одним, знаете ли. Пока ещё нет.

Джок сказал ещё что-то, но Мэри не расслышала. Примерно через двадцать секунд Декант произнесла:

— Всё в порядке, учёная Воган. Я в безопасности внутри здания.

— Отлично, — сказала Мэри. — Теперь, если…

Однако её прервал женский голос, раздавшийся из компаньонов всех четверых присутствующих

в транспортном кубе и, предположительно, из всех компаньонов, подключенных в салдакскому архиву алиби:

— Это арбитр Макалро, — сказал голос. — Чрезвычайная ситуация. Немедленно покиньте Центр Салдака. Пешком, на автобусе, транспортным кубом — но сделайте это прямо сейчас. Не медлите. Очень скоро в воздухе появится смертельное инфекционное заболевание. Если вы увидите мужчину-глексена с серебряными волосами — избегайте его! Над ним осуществляется судебный надзор; сейчас он находится на на площади Конбор. Повторяю…

Внезапно водитель опустил машину на землю.

— Дальше я следовать не могу, — сказал он. — Вы слышали арбитра. Если вам нужно дальше, то придётся идти пешком.

— Да чтоб тебя… — сказала Мэри, но Кристина не стала этого переводить. — Далеко ещё?

Водитель показал.

— Площадь Конбор вон там. — Мэри разглядела в отдалении ряд низких строений, штабель транспортных кубов и открытое пространство.

Кипя от злости, Мэри потянула вверх похожую на морскую звезду рукоятку, отпирающую дверь, и вышла наружу. Луиза и Рубен последовали за

ней. Как только они вышли, транспортный куб снова поднялся и улетел прочь.

Мэри побежала в направлении, указанном водителем. Джок был на открытом пространстве, покрытом хорошо утоптанным снегом. Мэри видела другие транспортные кубы, покидающие Центр и направляющиеся на Окраину. Она надеялась, что у арбитра достало соображения не передавать экстренное сообщение на пристяжной компаньон Джока. Мэри, Рубен и Луиза быстро сокращали расстояние. Остановившись метрах в двадцати, Мэри перевела дыхание и крикнула:

— Всё кончено, Джок!

На Джоке была надета типичная местная мамонтовая шуба; в руках он держал металлический ящик, который описывал военный на той стороне портала — вероятно, его аэрозольная бомба. Он повернулся с удивлённым видом.

— Мэри? Луиза? И… доктор Монтего, не так ли? Что вы здесь делаете?

— Мы знаем о «серфарисе», — сказала Мэри. — У вас ничего не выйдет.

К изумлению Мэри, Джок ухмыльнулся.

— Да, да, да. Трое храбрых канадцев спасают неандертальскую расу. — Он покачал головой. —

Я всегда считал вас до смешного нелепыми с вашим глупым социализмом и мягкосердечностью. Но знаете, что в канадцах мне казалось особенно смешным? — Он запустил руку за пазуху и вытащил полуавтоматический пистолет. — Что вы не носите оружия. — Он направил пистолет на Мэри. — Моя дорогая, ну почему вы снова пытаетесь меня остановить?

Глава 40

Заря кайнозойской эры, знаменитая мел-третичная граница, когда вымерли динозавры, обозначена слоем глины, присутствующим на обоих версиях Земли. Начало новозойской эры в этой вселенной, нашей вселенной, вселенной Homo sapiens, будет обозначено отпечатками ног первого колониста на Марсе — первого представителя нашего вида, покинувшего свою земную колыбель навсегда…

Понтер и трое арбитров находились в самой большой просмотровой комнате павильона архива алиби, наблюдая за событиями с нескольких точке зрения. Арбитры установили судебный надзор над компаньонами не только Кригера, но и Мэри, Луизы, и Рубена. Четыре голосферы висели посреди комнаты, показывая ближайшие окрестности четырёх компаньонов.

Конечно, Понтер и трое арбитров рисковали. Хоть павильон архива и располагался на периферии Центра, он всё равно был слишком близко к эпицентру событий.

— Глексенка с тёмными волосами права, — сказала арбитр Макалро, коренастая женщина 142-го поколения. — Вы должны уйти, учёный Боддет. Мы все должны уйти.

— Вы трое уходите, — сказал Понтер, складывая руки на груди. — Я останусь.

И в этот момент Понтер увидел, как Джок достаёт пистолет. Его позвоночник словно закаменел; Понтер не сталкивался с огнестрельным оружием с тех пор, как его чуть не застрелили перед зданием штаб-квартиры Объединённых Наций. Он снова заново пережил момент, когда пуля врезалась в его тело, горячая и острая, и…

И он не мог допустить, чтобы то же самое произошло с Мэре.

— Какого рода оружие имеется здесь? — спросил Понтер.

Белая бровь Майкларо взлетела вверх.

— Здесь? В павильоне архива?

— Или по соседству, — сказал Понтер, — в здании Совета.

Неандерталка покачала головой.

— Никакого.

— А усыпляющее оружие принудителей?

— Его держат в их штаб-квартире на площади Доронал.

— Принудители его не носят с собой?

— Обычно нет, — ответил другой арбитр. — Серому Совету Салдака разрешено приобрести только шесть единиц; я думаю, что все они сейчас на складе.

— Что можно сделать, чтобы его остановить? — спросила Понтер, указывая на парящее в голосфере изображение Джока.

— Глексены ничего не смогут сделать, — сказала арбитр Макалро.

Понтер понимающе кивнул.

— Тогда я помогу им. Они далеко отсюда?

Второй арбитр сверился с дисплеем.

— 7200 саженей.

Понтер легко пробежит такое расстояние.

— Хак, у тебя есть их точное местоположение?

— Да, — ответил компаньон.

— Ладно, арбитры, — сказала Понтер, — уходите в безопасное место. И пожелайте мне удачи.

* * *

— Вы не можете просто застрелить нас, — сказала Мэри, стараясь, чтобы её голос не дрожал и не в силах отвести взгляд от пистолета. — Это будет записано в архиве алиби.

— О да, конечно, — сказал Джок. — Отличную

систему они тут себе устроили — дистанционный чёрный ящик для каждого мужчины, женщины или ребёнка. Но отыскать наши архивные блоки не составит труда, и когда все неандертальцы будут мертвы, я войду в павильон и уничтожу их — меня некому будет остановить.

Краем глаза Мэри заметила, что Рубен потихоньку отодвигается от неё. В паре метров от было дерево; если он окажется за ним, то Джок не сможет в него выстрелить, не сменив позиции. Мэри не могла обвинять Рубена за попытку спасти свою жизнь. Луиза тем временем находилась где-то позади неё и, вероятно, немного справа.

— Вы не можете ожидать, что ваш вирус распространится по всему миру, — сказала Мэри. — У неандертальцев не хватит плотности населения для организации пандемии. Зараза не выйдет за пределы Центра Салдака.

— О, об этом не беспокойтесь, — сказал Джок, тряхнув металлической коробкой. — Собственно, я вас должен благодарить, доктор Воган: ваши ранние исследования сделали это возможным. Мы изменили естественный резервуар для этой разновидности эболы с африканского китоглава на странствующего голубя. Эти птицы разнесут вирус по всем континентам.

— Неандертальцы — мирные люди, — сказала Луиза.

— Да, — ответил Джок. Его взгляд переместился на Луизу, дуло пистолета тоже. — И это их изъян: сейчас, как и 27000 лет назад, мы их победили.

Мэри подумала о том, чтобы броситься наутёк, и…

И Рубен сделал именно это — внезапно рванулся в сторону. Джок резко повернулся к нему и выстрелил. Звук выстрела переполошил и поднял в воздух стаю птиц — Мэри опознала странствующих голубей. Но Джок промахнулся, и вот Рубен уже за деревом — в безопасности, по крайней мере, прямо сейчас.

Когда Рубен совершил свой рывок влево, Луиза воспользовалась моментом и бросилась вправо. Как и на большинстве территории Северного Онтарио в обеих вселенных, земля была усеяна эрратиками: валунами, принесёнными ледником, отступившим по окончании оледенения. Луиза побежала, потом нырнула и спряталась за покрытым лишайником валуном достаточного размера, чтобы скрыть её всю.

Мэри по-прежнему стояла в центре: и дерево слева, и валун справа были слишком далеко, чтобы успеть до них добежать раньше, чем Джок

её подстрелит.

— Ну, отлично, — сказал Джок, пожатием плеч давая понять, что бегство Луизы и Рубена — не более, чем временное неудобство. Он навёл пистолет на Мэри. — Молитесь, доктор Воган.

* * *

Понтер бежал быстрее, чем когда бы то ни было в своей жизни. Хотя на земле лежал снег, в нём было расчищено много дорожек, так что он мог держать приличную скорость. Он следил за тем, чтобы дышать только через нос, чтобы морозный воздух в его обширной носовой полости успевал увлажняться и согреваться.

— Далеко ещё? — спросил он.

— Если они не двигались, то должны быть уже за тем пригорком, — ответил Хак через кохлеарные импланты. Мгновение спустя: — Постарайся не шуметь. Тебе не нужно, чтобы Джок узнал о твоём приближении.

Понтер нахмурился. *Не учи старого охотника подкрадываться к добыче.*

* * *

Компаньон Мэри заговорил через ушные импанты:

— Понтер в пятидесяти метрах от тебя. Если ты отвлечёшь Джока ещё на чуть-чуть…

Мэри кивнула ровно настолько, чтобы Кристина смогла зафиксировать движение.

— Стойте! — сказала она. — Стойте! Есть что-то, чего вы ещё не знаете!

Пистолет в руке Джока не дрогнул.

— Что?

Мэри думала так быстро, как только могла.

— Не… неандертальцы… они… они природные экстрасенсы!

— Да бросьте! — сказал Джок.

— Это правда! — Внезапно Понтер появился из-за пригорка позади Джока; его силуэт обозначился на фоне садящегося солнца. Мэри стоило огромного усилия не дать себе измениться в лице. — Как раз поэтому у нас есть религиозные чувства, а у них нет. Наш мозг пытается контактировать с другими разумами, но не может — это заставляет нас думать, что существует некая высшая сущность, с которой мы не в состоянии общаться. Но у них этот механизм работает превосходно. У них нет религиозных переживаний, — Боже, она бы в это и сама не поверила, чего уж говорить о нём? — у них нет религиозных переживаний, потому что они всегда находятся в

контакте с разумами других людей!

Понтер двигался, чрезвычайно осторожно переступая ногами по снегу и не производя никакого шума. Он подходил с наветренной стороны; будь Джок неандертальцев, он бы наверняка его уже учуял, но он, слава Богу, неандертальцем не был…

— Подумайте, как полезна будет телепатия в тайных операциях! — сказала Мэри, повышая голос, но так, чтобы не было очевидно, что она пытается заглушить те тихие звуки, которые Понтер всё-таки производил. — И я напала на след генетического регулятора этой способности! Если вы убьёте меня и барастов, секрет будет утерян навсегда!

— Надо же, доктор Воган! — воскликнул Джок. — Упражнение в дезинформации. Я впечатлён. — Понтер уже подобрался к Джоку на минимальное расстояние — чуть ближе, и он заметил бы его длинную тень, чёрт бы побрал низкое зимнее солнце. Понтер сцепил пальцы в замок, готовясь обрушить его на затылок Джока, и…

Должно быть, тот всё-таки что-то услышал. Он начал поворачиваться кругом за долю секунды до того, как удар Понтера достиг цели, и вместо

черепа удар обрушился на его левое плечо. Мэри услышала треск ломающейся кости; Джок заорал от боли и уронил ящик с бомбой. Однако пистолет всё ещё был у него в правой руке, и он нажал на спуск. У Джока не было неандертальского надбровья, и когда он повернулся лицом к солнцу, оно моментально заслепило ему глаза; выстрел ушёл в никуда.

Мэри никак не могла добежать до Понтера, не подставившись под пули, и поэтому она сделала то, что посчитала самым разумным — бросилась вправо и спряталась за дерево вместе с Рубеном. Понтер издал страшный рёв и ударил наотмашь, повалив Джока лицом в снег. Понтер тут же заломил его правую руку, дёрнул её в направлении, в котором она не могла сгибаться, и воздух снова разорвал отвратительный хруст. Джок закричал и Понтер моментально завладел пистолетом. Он отбросил его в сторону с такой силой, что послышался свист рассекаемого им сухого морозного воздуха. После этого Понтер развернул Джока к себе лицом и замахнулся правой рукой, сжатой в массивный кулак.

Джок перекатился вправо и здоровой рукой схватил металлический ящик. Он что-то с ним сделал, и из ящика повалил белый дым. Его клубы

наполовину скрыли Понтера, но Мэри разглядела, как он схватил Джока за горло и приготовился другой рукой нанести удар прямо в лицо.

— Понтер, нет! — крикнула Луиза, кинувшись к нему из-за своего валуна. — Мы должны узнать…

Понтер уже начал наносить удар, хотя, должно быть, и успел немного смягчить его, услышав крик Луизы. Тем не менее удар достиг цели с таким звуком, будто сто фунтов кожи шлёпнулось на пол. Голова Джока откинулась назад, и он с закрывшимися глазами свалился на засыпанную снегом землю.

Облако белого дыма расползалось в стороны. Мэри побежала вперёд, к ящику. Дым продолжал валить из него, загораживая обзор. Она на ощупь поискала на нём какой-нибудь клапан, но ничего не нашла.

Рубен тоже подбежал, но его целью был Джок. Сейчас он сидел возле него на корточках, щупая пульс.

— Без сознания, но жив, — объявил Рубен, глядя снизу вверх на Понтера.

Мэри скинула шубу, пытаясь завернуть в неё бомбу. Поначалу её вроде бы удалось остановить истечение газа, но потом ящик взорвался, разорвав шубу в клочья; Мэри легко порезало в

дюжине мест, а облако разрослось ещё больше. Оно выглядело как сверхплотный лондонский смог; Мэри могла видеть не дальше метра или двух.

Луиза тоже склонилась над Джоком.

— Сколько он пробудет без сознания?

Рубен взглянул на неё и слегка пожал плечами.

— Ты слышала звук удара. У него как минимум сотрясение, вероятно, проломлен череп. Несколько часов как минимум.

— Но он нам нужен сечас! — сказала Мэри.

— Для чего? — спросил Рубен.

Сердце Мэри беспорядочно колотилось, в желудке бурлило, кислый привкус поднимался по пищеводу.

— Чтобы узнать, какую версию вируса он выпустил!

Рубен совершенно растерялся.

— Что? — переспросил он, поднимаясь на ноги.

— Мэри вчера модифицировала схему вируса, — сказала Луиза. — Если Джок изготовил вирус по модифицированной схеме, то…

Мэри не слушала. У неё в голове застучали молотки, перед глазами всё поплыло. Ей хотелось заплакать. Если Джок изготовил вирус сегодня

утром, то произвёл «серфера Джо», которого Мэри сконструировала вчера. Но если он изготовил его раньше, то расплывающееся сейчас облако состояло из оригинальной версии «wipeout», что означает…

У Мэри защипало в глазах, стало трудно сохранять равновесие.

…что означает, что ублюдок-глексен, лежащий сейчас в снегу, только что убил мужчину, которого она любит.

Глава 41

Учёные полагают, что поскольку до того, как 40000 лет назад на Земле появилось сознание, существовала, по-видимому, только одна вселенная, значит, нигде в нашей необъятной вселенной не было другого сознания — по крайней мере, старшего, чем наше. Если всё это правда, то исследование космоса — не только наша судьба: это наша обязанность, ибо ни у кого, кроме нас, Homo sapiens, нет желания и возможности этим заниматься…

В данный момент Понтер выглядел здоровым; ни один вирус не работает настолько быстро. Он отодрал полосу мамонтовой шкуры от шубы Рубена, и Рубен с Луизой связали ею лежащему без сознания Джоку руки и ноги. Сделав это, Понтер и Рубен отнесли Джока в ближайшее здание, возможно, то самое, в котором укрылась от него Декант Дорст. Солнце село, и начало заметно холодать; несмотря ни на что, они не могли бросить его замерзать.

Рубен закрыл дверь здания, и потом они с Пон-

тером вернулись к Мэри и Луизе.

— Ну что, дружище, — сказал Рубен. — Давай отвезём тебя на шахту и там засунем в деконтаминационную камеру.

Понтер вскинул голову: его светлая бровь вскарабкалась на надбровье. Как и Мэри, он об этом не подумал.

— Думаешь, есть шанс? — спросила Мэри, глядя теперь на Рубена покрасневшими глазами, в которых застыла надежда на чудо.

— Не вижу, почему нет, — сказал Рубен. — Ну, то есть, если лазеры работают, как ты сказала, они же и вирусные молекулы должны разрушать, разве нет? По крайней мере, Понтера это должно спасти, хотя, наверное, здесь, в Центре, есть более мощные средства деконтаминации. — Он посмотрел на Понтера. — Здесь есть какая-нибудь больница?

Понтер качнул головой.

— Есть, но самая современная установка деконтаминации из всех, что мы делали, была построена как раз для обслуживания портала.

— Значит, нам надо туда, — сказал Рубен.

— Мы сначала должны будем эвакуировать всех из шахты и лаборатории, — сказал Понтер. — Мы не можем рисковать заразить кого-нибудь ещё.

— Давайте вызовем транспортный куб, — сказала Мэри и заговорила в свой компаньон.

Но Рубен тронул её за руку.

— Кто его сюда приведёт? Мы не можем подвергать опасности других неандертальцев.

— Тогда… тогда мы его туда понесём! — заявила Мэри.

— *Ce n'est pas possible*[158], — сказала Луиза. — Это же много километров.

— Я пока ещё могу идти, — сказал Понтер.

Но Рубен покачал головой.

— Я хочу тебя обработать как можно быстрее. У нас может не быть тех нескольких часов, которые мы потратим на дорогу.

— Да что за чёрт! — воскликнула Мэри. — Это смешно! Должен же быть способ добраться туда вовремя! — И тут внезапно её осенила. — Хак, ты тут самый опытный компаньон. Под твоим руководством Понтер сможет вести транспортный куб?

— Я имею доступ к инструкциям по вождению, и я могу их ему объяснить, — ответил голос из предплечья Понтера.

— Так чего мы ждём? По пути сюда мы прошли

---

[158] notes: 158
Это невозможно *(фр.)*.

мимо штабеля таких машин, — сказала Мэри. — Поехали!

* * *

Они быстро добрались до штабеля запаркованных машин. Рядом со штабелем нашлась цилиндрическая стойка управления. Понтер переключил на ней что-то, и похожая на складской погрузчик штуковина приподняла верхний куб и опустила его на землю. Прозрачные бока машины взметнулись вверх.

Понтер забрался в правое переднее седлокресло; Мэри заняла место рядом с ним, Рубен и Луиза уселись позади.

— Ну что же, — сказал Понтер. — Хак, скажи мне, как эта штука включается.

— Чтобы включить питание, вытяни штырёк янтарного цвета, — сказал Хак через внешний динамик.

Мэри посмотрела на пульт управления перед Понтером. На самом деле на нём было даже меньше всего, чем на приборной панели её собственной машины — в транспортном кубе было гораздо меньше удобств.

— Вон там, — подсказала она. Понтер протянул руку и вытянул штырёк.

— Правый рычаг управляет движением по вертикали, — продолжал Хак. — Левый рычаг управляет движением по горизонтали.

— Но они же оба ходят вверх-вниз, — озадаченно заметил Рубен.

— Правильно, — подтвердил Хак. — Так удобнее для плечевых суставов водителя. Теперь, для управления вентиляторами подъёма используется пульт между рычагами — видишь его?

Понтер кивнул.

— Большой рычаг изменяет скорость вращения ходового вентилятора. Теперь…

— Хак, — сказал Рубен с заднего сиденья. — У нас нет времени. Просто скажи ему, какие кнопки нажимать.

— Хорошо, Понтер, — сказал Хак. — Очисти мысли и постарайся не думать. Просто в точности выполняй то, что я говорю. Вытяни зелёный штырёк. Теперь синий. Возьмись руками за рычаги. Хорошо. Когда я скажу «вперёд», потяни правый рычаг на пятнадцать процентов круга к себе, одновременно потяни левый рычаг на пять процентов. Всё понял?

Понтер кивнул.

— Готов? — спросил Хак.

Понтер снова кивнул.

— Вперёд!

Транспортный куб сильно дёрнуло, но он приподнялся над землёй.

— Теперь утопи зелёный штырёк, — сказал Хак. — Да, так. Потяни правый рычаг на себя до упора.

Куб ринулся вперёд, сильно наклонившись при этом набок.

— Мы кренимся, — сказала Мэри.

— Не беспокойтесь об этом, — ответил Хак. — Понтер, левый рычаг на одну восьмую круга от себя. Да. Теперь…

Уже через несколько минут они покинули Центр Салдака, но дорога впереди ещё была неблизкая — и управлять летающей машиной оказалось трудно до чёртиков. Мэри никогда не верила рассказам о том, как простые пассажиры под руководством диспетчеров с земли сажают самолёты, и…

— Нет, Понтер! — сказал Хак на максимальной громкости. — В другую сторону!

Понтер потянул рычаг горизонтальной скорости на себя, но было слишком поздно. Правая сторона машины врезалась в дерево. Понтера и Мэри бросило вперёд. Рычаги управления исчезли в глубине приборной панели — по-видимому,

мера безопасности, чтобы при аварии водителя на них не насадило. Куб упал на боковую сторону.

— Кто-нибудь пострадал? — спросила Мэри.

— Нет, — ответил Рубен.

— Нет, согласилась Луиза.

— Понтер?

Молчание. Мэри повернулась к нему.

— *Понтер?*

Понтер смотрел на компаньон у себя на левом предплечье. Очевидно, он обо что-то ударился. Лицевая панель Хака открылась, что явно потребовало значительного усилия — крышка была сильно деформирована.

Понтер поднял взгляд; в его глубоко сидящих глазах блестели слёзы.

— Хак серьёзно повреждён, — сказал он через Кристину.

— Нам нужно идти, — мягко напомнила Мэри.

Понтер ещё пару секунд глядел на повреждённый компаньон, потом толкнул дверную защёлку в виде морской звезды, и боковая сторона куба раскрылась. Рубен полез наверх, выбрался наружу и спрыгнул на землю. Луиза полезла за ним следом. Понтер легко подтянулся на край куба, потом подал Мэри руку и вытянул её наверх.

Спустившись на землю, Понтер осмотрел открывшееся брюхо лежащей на боку машины. Мэри проследила его взгляд; нагнетающие вентиляторы были ужасно изуродованы.

— Он уже не полетит? — спросила она.

Понтер покачал головой и развёл руками, словно говоря «сама видишь».

— Как далеко до Дебральской шахты? — спросила Мэри.

— Двадцать один километр, — ответила Кристина.

— А ближайший рабочий транспортный куб?

— Секунду, — сказала Кристина. — В семи километрах к западу.

— *Merde,* — выругалась Луиза.

— Ну что же, — сказала Мэри. — Давайте двигаться.

Уже почти совсем стемнело — а они оказались одни посреди глуши. Днём Мэри видела здесь диких зверей довольно часто; мысль о том, чтобы наткнуться на кого-нибудь из них ночью приводила её в ужас. Они прошли по снежной целине, наверное, километров десять — в таких тяжёлых условиях это заняло пять часов. Луиза благодаря своим длинным ногам постоянно уходила вперёд.

Впереди на небе появились звёзды — приполярное созвездие, которое барасты называли Треснувший Лёд или Голова Мамонта. У Мэри начали неметь на морозе уши. Они шли и шли, вперёд и вперёд, пока…

— Хрящ! — сказал Понтер. Мэри обернулась. Понтер тяжело опирался на Рубена. Он поднял руки и…

Сердце Мэри упало; она услышала, как у Луизы вырвался возглас ужаса. На руках Рубена была кровь; в лунном свете она казалась чёрной. Было слишком поздно; геморрагическая лихорадка с её искусственно уменьшенным инкубационным периодом дала о себе знать. Мэри посмотрела Понтеру в лицо, уже содрогаясь от того, что ожидала увидеть, однако, за исключением удивлённого выражения, оно выглядело нормально.

Мэри быстро приблизилась к Понтеру и подхватила его под руку, чтобы не дать ему упасть. И только тут она осознала, что это не Рубен поддерживает Понтера; это Понтер помогает Рубену держаться на ногах.

В тусклом свете луны и на фоне его тёмной кожи Мэри не сразу заметила кровь у него на лице. Она бросилась к нему, и её чуть не вырвало. Кровь сочилась у него из-за глазных яблок, из

ушей, стекала из ноздрей и из уголков рта.

Луиза подскочила к Рубены двумя длинными прыжками и принялась вытирать кровь, сначала рукавом шубы, потом голыми руками, но кровь уже шла так обильно, что она не справлялась. Понтер осторожно уложил Рубена на землю, и кровь шумно плеснула на снег, протаивая в нём глубокие воронки.

— Боже, — тихо сказал Мэри.

— Рубен, *mon cher,* — сказала Луиза, скорчившись в снегу возле него. Она подложила ладонь ему под затылок; выросшая за день щетина, должно быть, колола ей руку.

— Лу… и-и-за… — тихо сказал он. — Милая, я… — Он закашлялся, и кровь хлынула у него из горла. А потом он, как всегда, говоря эти слова, перешёл на французский: — *Je t'aime.*

Из глаз Лизы полились слёзы, когда голова Рубена обмякла на её ладони. Мэри искала пульс на его правой руке; Понтер делал то же самое с левой. Она посмотрели друг на друга и покачали головами.

Лицо Луизы исказилось и она разрыдалась. Мэри придвинулась к ней, упав коленями в снег, и обняла её за плечи, прижав к себе.

— Прости, — говорила Мэри снова и снова, гла-

дя её по волосам. — Прости, прости, прости…

Через некоторое время Понтер мягко тронул Луизу за плечо; Она подняла голову.

— Мы не можем оставаться здесь, — сказал он, снова через посредство Кристины.

— Луиза, Понтер прав, — сказала Мэри. — Становится слишком холодно. Мы должны идти.

Но Луиза продолжала плакать, крепко сжимая кулаки.

— Этот ублюдок, — говорила она, вздрагивая всем телом. — Проклятый монстр.

— Луиза, — тихо сказала Мэри. — Я…

— Ты не понимаешь? — спросила Луиза, глядя на Мэри. — Не понимаешь, что он сделал? Ему мало было убить неандертальцев. Он сделал так, чтобы вирус убивал ещё и чёрных! — Она мотнула головой. — Но… я не знала, что вирус может действовать так быстро.

Мэри пожала плечами.

— Большинство вирусных инфекций начинается с проникновения в тело всего нескольких частиц в одном-единственном месте. Бóльшая часть инкубационного периода тратится на то, чтобы из этих нескольких частиц наплодить достаточно много вирусов, чтобы они смогли сделать свою чёрную работу. Но нас буквально

осыпали вирусами с головы до ног; мы вдохнули и поглотили сразу миллиарды вирусов. — Она взглянула на темнеющее небо, потом снова посмотрела на Луизу. — Мы должны найти укрытие.

— А что с Рубеном? — спросила Луиза. — Мы не можем оставить его здесь.

Мэри посмотрела на Понтера, безмолвно умоляя его молчать. Последнее, что Луизе сейчас нужно услышать, это то, что «Рубена больше нет».

— Мы вернёмся за ним завтра, — сказала Мэри, — но сейчас нам нужно где-то укрыться.

Луиза помедлила несколько секунд, и Мэри достало соображения не торопить её. Наконец, она кивнула, и Мэри помогла ей подняться на ноги.

Начал задувать холодный ветер, неся по снегу позёмку. Тем не менее их следы в снегу были хорошо видны.

— Кристина, — сказала Мэри, — поблизости есть, где укрыться?

— Проверяю, — ответила Кристина. — Согласно центральной картографической базе данных неподалёку от места крушения куба есть охотничья хижина. Добраться до неё будет проще, чем до Центра Салдака.

— Вы двое идите туда, — сказал Понтер. — Я же попытаюсь всё же добраться до установки деконтаминации. Не обижайтесь, но вы меня только задержите.

У Мэри подпрыгнуло сердце. Она так много хотела ему сказать, но…

— Со мной всё будет хорошо, — сказал Понтер. — Не волнуйся.

Мэри сделала глубокий вдох, кивнула и дала Понтеру обнять себя на прощанье; её трясло. Понтер выпустил её и пошёл в холодную ночь. Мэри вернулась к Луизе, и они побрели туда, куда указывала им Кристина.

Через какое-то время Луиза споткнулась и упала лицом в снег.

— Ты в порядке? — спросила Мэри, помогая ей встать.

— *Oui,* — ответила Луиза. — Я… я что-то задумалась. Он был такой замечательный человек…

Им понадобился почти час, чтобы дойти до хижины — мороз уже пробирал Мэри до костей, но в конце концов они это сделали. Хижина была очень похожа на жилище Вессан, только побольше. Они вошли внутрь и активировали светильные рёбра, которые залили помещение холодным зеленоватым светом. Здесь был

небольшой обогреватель, и вскоре они сообразили, как его включать. Мэри поглядела на часы и покачала головой. Даже Понтер не смог бы за это время одолеть расстояние до шахты.

Они обе были вымотаны, и физически, и эмоционально. Луиза упала на одну из лежанок и свернулась клубком, тихо плача. Мэри легла на выложенный подушками участок пола и обнаружила, что тоже плачет, павшая духом, подавленная, переполненная горем и чувством вины и преследуемая образом хорошего человека, проливающего кровавые слёзы.

Глава 42

А если это представление неверно, если, как считают некоторые учёные и философы, эта и другие вселенные изобилуют разумной жизнью, то у нас всё равно есть долг, которому мы должны следовать, делая свои маленькие шаги вперёд, и состоит он в том, чтобы произвести хорошее впечатление на другие формы жизни, показать им всё величие Homo sapiens во всём нашем чудесном и бесконечном многообразии…

Мэри много раз молилась в ту ночь, тихим шепотом, чтобы не потревожить Луизу. «Господи на небесах, Господи всемилостивый, спаси его…»

И потом: «Господи, прошу, не дай Понтеру умереть…»

И потом ещё: «Проклятье, Господи, ты задолжал мне за тот раз…»

* * *

Наконец, проворочавшись всю ночь, измученная кошмарами, в которых она тонула в море

крови, Мэри заметила, что через маленькое окошко хижины струится солнечный свет и доносится «кек-кек-кек» странствующих голубей, встречающих зарю.

Луиза тоже проснулась и лежала на лежанке, уперев взгляд в деревянный потолок.

В хижине был вакуумный шкаф и лазерная печь, предположительно, питаемые солнечными батареями на крыше. Мэри открыла вакуумный шкаф и нашла нарезанные куски мяса — какого животного, она определить не смогла — и какие-то корнеплоды. Она испекла их в печи на завтрак для себя и Луизы.

В хижине был также небольшой квадратный стол с седлокреслами по четырём сторонам. Мэри забралась в одно из них, Луиза уселась напротив.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Мэри, когда они закончили есть. Она никогда не видела Луизу такой: растрёпанной, с тёмными кругами под глазами.

— Я в порядке, — ответила она тихо со своим характерным акцентом, но по её голосу было ясно, что это совсем не так.

Мэри не знала, что сказать. Не знала, стоит заводить разговор о Рубене, или лучше эту тему обходить стороной в надежде, что Луиза каким-

то образом перестанет о нём думать хотя бы ненадолго. Но потом Мэри подумала об изнасиловании, о своей неспособности не думать о нём хоть на секунду. Луиза просто не могла сейчас думать ни о чём другом, кроме как о смерти любимого человека.

Мэри потянулась через стол и взяла Луизу за руку.

— Он был очень хороший человек, — сказала она, и её собственный голос предательски дрогнул.

Луиза кивнула; ей карие глаза покраснели, но сейчас были сухи.

— Мы собирались съехаться. — Луиза качнула головой. — Он был разведён, ну и, ты знаешь, в Квебеке люди моего возраста уже вообще перестали жениться — закону теперь плевать, есть у вас бумажка или нет, так что к чему беспокоиться? Но он говорил о том, что хочет сделать наши отношения постоянными. — Она посмотрела в сторону. — Это у нас стало почти дежурной шуткой. Он всё время говорил что-то вроде «Если мы собираемся жить вместе, то нужно подыскать жильё с большим гардеробом», потому что считал, что у меня слишком много одежды. — Она посмотрела на Мэри; её глаза теперь блестели от

слёз. — Он просто шутил, но… — Она покачала головой. — Но, ты знаешь, я думала, что это и правда скоро случится. Я бы отработала свой контракт с «Синерджи» и вернулась бы в Садбери. Или мы бы переехали в Монреаль, и Рубен организовал бы там частную практику. Или… — Она пожала плечами, видимо, осознав, как бессмысленно теперь перечислять планы, которые уже никогда не сбудутся.

Мэри сжала Луизину руку и просто сидела так некоторое время. Наконец, она сказала:

— Я хочу пойти поискать Понтера. — Потом тряхнула головой. — Чёрт, я так привыкла к тому, что компаньоны находятся в постоянном контакте, но теперь, когда Хак разбился…

— С Ппонтером всё будет хорошо, — сказала Луиза, осознав, по-видимому, что сейчас её очередь утешать подругу. — У него не было ни малейших признаков лихорадки.

Мэри попыталась было кивнуть в ответ, но её голова попросту отказалась двигаться. Она была так расстроена, так волновалась, так…

Внезапно за дверью послышалась какая-то возня. Сердце Мэри подпрыгнуло. Она знала, что неандертальцев ей совершенно нечего опасаться, но они находились на охотничьей территории —

иначе здесь не стали бы строить охотничью хижину. Так что кто знает, какие звери тут рыщут.

— Мы не можем идти искать Понтера, — сказала Луиза. — Сама подумай: лазеры, может, и выжгут вирус из его организма, но иммунитета это ему не даст, а мы-то по-прежнему инфицированы, нет разве? Может, вирус и не делает ничего белым глексенам, но мы — переносчики. Он не может с нами встречаться, пока мы тоже не пройдём деконтаминацию.

— И что же нам тогда делать? — спросила Мэри.

— Найти Джока Кригера, — сказала Луиза.

— Что? Зачем? Там, где мы его оставили, он никому не навредит.

— А что, если у него есть антидот против вируса, или если есть какой-то способ его нейтрализовать, то кому про него знать, как не ему?

— Почему ты думаешь, что он нам расскажет? — спросила Мэри.

Впервые с тех пор, как умер Рубен, в голосе Луизы прорезалась решимость.

— Потому что если не скажет, я его прикончу, — ответила она.

Они подождали ещё какое-то время после того,

как звуки за стенами хижины стихли, а потом осторожно открыли дверь. В неё залетал снег.

На то, чтобы добраться до здания на площади Конбор, где они оставили оглушённого Кригера, ушла бóльшая часть утра.

— Я почти уверена, что он скрылся, — сказала Луиза, когда они приближались к закрытой двери. — У этого ублюдка всегда есть лишний козырь в рукаве…

Она потянула за ручку с пятью отростками, которая отпирала дверь.

Джок не скрылся.

Он лежал на боку. Вокруг него разлилась лужа тёмной крови. Его кожа была белая и словно вощёная.

Мэри перевернула его. Свернувшая кровь покрывала его щёки и подбородок и поднималась к ушам багровыми бакенбардами. Она взглянула на его ноги и обнаружила, что штаны также пропитаны кровью, по-видимому, вытекшей из других телесных отверстий.

Мэри усилием воли не дала съеденным на завтрак мясу и корнеплодам покинуть желудок. Она взглянула на Луизу — та закусила губу. Мэри отвернулась и попыталась всё осмыслить.

Два мёртвых глексена.

Два мёртвых глексена-*самца*.

Так, словно…

«Серфер Джо», «Марк II».

Но нет. Нет, это невозможно. Невозможно! Да, Мэри поиграла со схемой вируса так, чтобы он убивал только глексенов-мужчин, но она ведь отправила тот листок бумаги в шредер и уж точно не вносила этих изменений в файл на компьютере Джока. И он совершено точно изготовил этот вирус *до того,* как Мэри сделала его безвредным, но…

Но всё же он вёл себя в соответствии с задумкой Мэри — убивал только тех Homo sapiens, у которых есть Y-хромосома.

Мэри не делала этого вируса. *Нет.*

Если только…

Нет, нет. Это чушь.

Но она путешествовала между мирами, и Джок тоже. И если в одной версии реальности она не сделала «серфера Джо» смертельным для самцов Homo sapiens, то…

То, вероятно, в какой-то другой версии реальность она реализовала свою фантазию, сконструировала такой вирус…

И этот Джок Кригер, тот самый, что истёк кровью из всех своих отверстий, мог явиться как раз

из *той* версии реальности…

Мэри покачала головой. Это всё слишком замысловато. Кроме того, не говорили ли Понтер с Луизой о том, что та вселенная, которую Мэри называет домом, и та, которую домом называет Понтер, как-то связаны друг с другом? Что они — те две изначальные ветви, на которые расщепилась вселенная, когда 40000 лет назад на Земле впервые пробудилось сознание?

И если всё это так…

Если всё это так, что схему вируса модифицировал кто-то ещё.

Но кто? И зачем?

Глава 43

Ибо таковы мы есть: великий и чудесный народ. Да, мы совершали ошибки — но мы совершали их, потому что мы всегда шли вперёд, всегда шагали к нашей судьбе…

Смотря выпуск новостей, Корнелиус Раскин пытался совладать с собой, но его всё равно била крупная дрожь.

Он задумывал свою модификацию разработанного Джокор Кригером «серфариса» как оборонительное оружие, а не наступательное — как способ защиты неандертальского мира от посягательств таких, как…

По сути, от таких, как он сам. Таких, каким он был раньше.

А теперь два человека мертвы.

Конечно если дальше всё пойдёт так, как он ожидает, больше никто не погибнет. Глексены-мужчины останутся в своём мире и не потеряют ничего, кроме права проносить своё зло через портал.

Корнелиус снял в Рочестере приличный дом на

обсаженной деревьями улице словно прямиком из сериала «Проделки Бивера»[159]. Это был такой приятный контраст с его старым пентхаусом в трущобах. Он сжимал подлокотники новенького раскладного кресла и пытался успокоиться, в то время как CNN транслировал интервью с Мэри Воган, одной из женщин, которых он изнасиловал. Нет, речь шла не об этом; она объясняла, почему глексенам-мужчинам придётся остаться здесь, в их собственном мире, и почему дорога в мир неандертальцев им теперь заказана. Вместе с ней в студии присутствовал Понтер Боддет; вид у него был крепкий и бодрый.

Изначально интервью было дано канадскому «Си-би-си Ньюсуорлд», а CNN его ретранслировал. По-видимому, Мэри оставила «Ньюсуорлд» без материала несколько дней назад, торопясь остановить Джока Кригера, но теперь снова вернулась назад, в эту реальность.

В реальность, с которой Корнелиусу Раскину теперь жить.

— То есть вы говорите, что представителю вида Homo sapiens мужского пола появляться в мире неандертальцев теперь небезопасно? — спраши-

---

[159] notes: 159

Американский сериал, выходивший в 1957–1963 годах, о похождениях школьника из зажиточного предместья.

вала ведущая-азиатка.

— Именно так, — ответила Мэри. — Вирусный штамм, выпущенный Джоком Кригером…

— Это штамм, который американский Центр по контролю и профилактике заболеваний окрестил «эбола-салдак», верно? — спросила ведущая.

— Да, это так, — ответила Мэри. — Мы полагаем, что Кригер намеревался создать штамм, смертельный только для неандертальцев, но вместо этого у него получился вирус, селективно убивающий мужчин Homo sapiens. Мы не знаем, насколько широко распространился этот вирус в неандертальском мире, но мы знаем точно, что для мужчин нашего вида он смертелен в течение нескольких часов после заражения.

— А что же неандертальская технология деконтаминации? Доктор Боддет, что вы можете сказать по этому поводу?

— В ней используются калибруемые лазеры, уничтожающие биомолекулы в нашем организме, — сказал Понтер. — Мы с доктором Воган прошли через эту процедуру перед тем, как вернуться на эту версию Земли. Эта технология надёжна и эффективна, но, как сказала доктор Воган, любой мужчина-глексен, заразивший «эболой-салдак», умрёт, если только не подвергнется

этой процедуре сразу после заражения. А установок деконтаминации в моём мире очень мало.

— И помимо этой лазерной процедуры не существует никаких лекарств или вакцин?

— Пока нет, — сказала Мэри. — Конечно, мы попытаемся их найти. Но помните: мы ищем средства против эболы уже много лет, и без какого-либо успеха.

Корнелиус покачал головой. Когда он осознал, что Джок не моделирует теоретический сценарий, а в самом деле планирует изготовить этот вирус, Корнелиус модифицировал его код, дал Джоку произвести несколько литров вируса в запаянных ампулах, а потом, когда всё было готово, вернул в файлы оригинальный код, чтобы если Джоку придёт в голову снова его просмотреть, он бы не догадался, что код меняли.

Предполагалось, что это немного скомпенсирует, станет шагом на пути к выравниванию кармического счёта Корнелиуса — хотя, конечно, вряд ли он когда-либо сможет искупить то, что наделал в Торонто. Однако насильником был прежний он, рассерженный он. Сейчас он был по-настоящему другим человеком — по-прежнему обиженный и несправедливо обойдённый, но способный контролировать свой гнев по этому

поводу. Нет, сейчас он чувствовал себя совсем по-другому, не так, как во время нападения на Мэри Воган или Кейсер Ремтуллу, когда по его сосудам гулял тестостерон. Но они, наверное, до сих пор чувствуют это, просыпаются в холодном поту, преследуемые жуткими видениями…

Ну, конечно, видениями не *его,* а некоего мужчины в чёрной лыжной маске. По крайней мере, таким он должен представляться Кейсер Ремтулле, поскольку она не знала, кто на неё напал.

Но Мэри Воган знала.

Корнелиус понимал, что это было словно палка о двух концах. Мэри не могла раскрыть Корнелиуса, не подставив Понтера под обвинение в… скажем так, в *лечении*, которому тот его подверг.

И тем не менее образ, преследующий Мэри, наверняка имеет лицо — светлокожее, голубоглазое, с искажёнными гневом и ненавистью чертами.

А теперь, осознал Корнелиус, ему почти безразлично, что никто, по всей видимости, никогда не узнает о его роли в смерти Рубена и Джока. Мэри уже рассказала миру, что Джок Кригер совершил какую-то ошибку при проектировании вируса, что он подорвался на собственной бомбе, пал жертвой своего собственного творения.

И, по правде говоря, по поводу его смерти Корнелиус не испытывал особых угрызений — в конце концов, он планировал геноцид неандертальцев.

Но умер также и ни в чём не повинный человек, этот доктор — настоящий доктор, целитель, спасающий жизни — Рубен Монтего.

Корнелиус отпустил подлокотники кресла и поднёс руки к глазам — посмотреть, не перестали ли они дрожать. Они не перестали. Он снова крепко ухватился за подлокотники.

— Ни в чём не повинный человек, — сказал он вслух, хотя вокруг не было никого, кто мог бы его услышать. Он покачал головой.

Как будто такие существуют в природе…

Но, опять же — а вдруг существуют?

Некрологи и соболезнования, уже появившиеся в сети, говорили о Рубене Монтего в превосходной степени. Его подруга, Луиза Бенуа, которую он встречал в «Синерджи», была совершенно раздавлена его смертью. Она снова и снова повторяла, какой чуткий и добрый он был человек.

Снова Корнелиус принёс женщине огромное горе.

Он знал, что должен в ближайшее время что-то сделать по поводу кастрации. В конце концов, скоро должны были начаться и другие изменения:

метаболизм замедлится, в теле начнёт накапливаться жир. Он уже заметил, что борода теперь растёт медленнее, и он почти всё время чувствует какую-то апатию — апатию или депрессию. Очевидным решением было начать принимать тестостероновые препараты. Он знал, что тестостерон — это стероид, в основном производимый содержащимися в семенниках клетками Лейдига. Но он также знал, что тестостерон может быть синтезирован из более легкодоступных стероидов, таких как диосгенин: его наверняка можно достать на чёрном рынке. Живя в Дрифтвуде, Корнелиус старался игнорировать ведущуюся в окрестностях его жилища торговлю наркотиками, но если бы ему понадобился торговец тестостероном, он без труда нашёл бы такого что в Торонто, что здесь, в Рочестере.

Но нет. Нет, он не хочет этого делать. Он не хочет снова становиться таким, как был, снова чувствовать то, что чувствовал раньше.

Для него обратного пути нет.

И…

И пути вперёд тоже.

Он поднял руки. Они больше не дрожали. Не дрожали вообще.

Он подумал, что люди скажут о *нём*, когда его

не станет.

Он следил за развернувшимися в последнее время дебатами в прессе по поводу религиозности. Если такие люди, как Мэри Воган, правы — он узнает. Узнает, даже после смерти. И возможно — лишь возможно — что спасение мира неандертальцев от таких, как он сам, как-нибудь ему зачтётся.

Конечно, если правы неандертальцы, то смерть — лишь забвение, простое прекращение существования.

Корнелиус надеялся, что неандертальцы правы.

Он не хотел оставлять свидетельств нанесённого ему увечья. Ему было безразлично, что станет с Понтером Боддетом, но он не хотел, чтобы его семья когда-либо узнала, что он совершил в Торонто.

Корнелиус Раскин спустился в гараж и принялся сливать бензин из бака своей машины.

* * *

— Ну, Бандра, что ты думаешь? — спросила Мэри.

Бандра была одета как глексенка — коричневые кроссовки, джинсы-варёнки и свободная

зелёная рубашка, всё куплено в том же самом «Марке», где они покупали одежду Понтеру в первый его визит в мир Мэри. Она стояла посреди комнаты и поражённо оглядывалась вокруг.

— Это… это непохоже ни на одно жилище, что я видела.

Мэри также оглядела просторную гостиную.

— Примерно в таких домах живёт бóльшая часть людей — по крайней мере, здесь, в Северной Америке. Ну, если честно, это весьма и весьма *хороший* дом, а большинство людей живут в больших городах, а не в сельской местности. — Она помолчала. — Тебе нравится?

— Мне понадобится время, чтобы привыкнуть, — сказала Бандра. — Но да, мне *очень* нравится. Он такой большой!

— Два этажа, — сказала Мэри. — Тридцать пять сотен квадратных футов, плюс подвал. — Она дала Бандриному компаньону секунду, чтобы перевести единицы площади, потом улыбнулась. — И здесь *три* ванные комнаты.

Пшеничные глаза Бандры округлились.

— Какая роскошь!

Мэри улыбнулась, припомнив рекламный лозунг своей краски для волос.

— Мы этого достойны.

— И ты говоришь, земля вокруг тоже наша?

— Ага. Все 2,3 акра.

— Но… но мы можем это себе позволить? Я знаю, что всё имеет свою цену.

— Мы определённо не могли бы позволить себе такой здоровый участок в окрестностях Торонто. Но здесь, на окраине Лайвли? Запросто. В конце концов, Лаврентийский университет будет нам платить очень приличную зарплату. Насколько это вообще возможно в сфере высшего образования.

Бандра уселась на диван и сделала жест в сторону антикварного вида книжных шкафов тёмного дерева, уставленных резными статуэтками.

— Мебель и отделка очень красивые.

— Это необычное смешение стилей, — сказала Мэри. — Канадского и карибского. Конечно, семья Рубена захочет что-то из этого забрать, и Луиза наверняка тоже, но бóльшая часть останется. Я купила дом со всей обстановкой.

Бандра опустила взгляд.

— Как бы мне хотелось познакомиться с твоим другом Рубеном.

— Тебе бы он понравился, — сказала Мэри, садясь на диван рядом с Бандрой. — Это был замечательный человек.

— И тебе не будет грустно жить здесь? — спросила Бандра.

Мэри покачала головой.

— Нет. Видишь ли, это место, где Понтера, меня, Рубена и Луизу изолировали на карантин, когда Понтер впервые попал в наш мир. Это место, где я узнала Понтера, где я начала влюбляться в него. — Она указала на массивный шкаф на дальнем краю комнаты, заполненный детективами. — Я помню, как он стоял вон там и чесал спину об угол шкафа, как об чесальный столб, двигаясь из стороны в сторону. И мы вели такие интересные беседы вот на этом самом диване. Я знаю, что отныне я буду с ним лишь четыре дня в месяц, и по большей части в его мире, а не в моём, но у меня такое чувство, что это, в некотором смысле, и *его* дом тоже.

Бандра улыбнулась.

— Понимаю.

Мэри похлопала её по колену.

— Вот за это я тебя и люблю. За то, что понимаешь.

— Но мы недолго будем тут вдвоём, — сказала Бандра, широко улыбаясь. — Давненько я не жила в доме, в котором есть дети.

— Надеюсь, ты мне поможешь, — сказала Мэ-

ри.

— Конечно. Уж я-то знаю, что такое кормление в девятую деци!

— Он, я вовсе не имела в виду… хотя спасибо, конечно! Нет, я хотела сказать, что ты поможешь мне воспитывать нашу с Понтером дочку. Я хочу, чтобы она любила и ценила обе культуры — и глексенскую, и барастовскую.

— Настоящая синергия, — сказала Бандра, улыбаясь во всё лицо. — Чтобы Двое воистину стали Одним.

Мэри улыбнулась в ответ.

— Точняк.

* * *

Телефон зазвонил через два дня, где-то в шесть вечера. Мэри и Бандра отработали свой первый полный день в университете и теперь расслаблялись у себя, в доме, который раньше принадлежал Рубену. Мэри растянулась на диване, дочитывая, наконец, роман Скотта Туроу, который начинала читать давным-давно, ещё до первого открытия портала между мирами. Бандра лежала в большом шезлонге, доставшемся им вместе с домом — том самом, на котором спала Мэри во время карантина. Она тоже читала книгу с неан-

дертальского планшета.

Когда телефон на низком столике возле дивана зазвонил, Мэри загнула страницу книги, встала и подняла трубку.

— Алло?

— Здравствуйте, Мэри, — сказал женский голос с пакистанским акцентом. — Это Кейсер Ремтулла из Йоркского.

— О Боже, Кейсер! Здравствуйте! Как вы?

— У меня всё хорошо. Но я с не слишком весёлыми новостями. Вы помните Корнелиуса Раскина?

У Мэри внутри что-то болезненно сжалось.

— Конечно.

— Мне очень жаль, что приходится сообщать вам эту новость, но он недавно скончался.

Мэри удивлённо вскинула брови.

— Правда? Но он ведь был ещё молодой…

— Тридцать пять, как мне сказали.

— Что случилось?

— Был пожар, и… — Она замолчала, и Мэри услышала, как она с трудом сглатывает слюну. — И от него, по-видимому, мало что осталось.

Мэри безуспешно пыталась найти подходящий ответ. В конце концов с её губ сорвалось лишь краткое «Ох…»

— Вы не хотели бы… не хотите приехать на по-

минальную службу? Она будет в пятницу, здесь, в Торонто.

Об этом Мэри не надо было даже задумываться.

— Нет. Нет, я ведь его почти не знала, — сказала она. *Я его совершенно не знала.*

— Да, хорошо, я понимаю, — сказала Кейсер. — Просто подумала, что нужно вам рассказать.

Мэри хотелось сказать Кейсер, что она теперь может спать спокойно — теперь, когда человек, изнасиловавший её — их обеих — мёртв, однако…

Однако предполагалось, что Мэри вообще не знает о том, что Кейсер изнасиловали. Её мысли путались. Однажды она найдёт способ сделать так, чтобы Кейсер узнала.

— Спасибо за звонок. Простите, что не приеду.

Они попрощались, и Мэри осторожно положила трубку. Бандра вернула шезлонг в вертикальное положение.

— Кто это был?

Мэри подошла к Бандре и протянула к ней руки, чтобы помочь встать. Потом они притянула её ближе к себе.

— С тобой всё в порядке? — спросила Бандра.

Мэри крепко её обняла.

— Всё хорошо, — сказала она.

— Ты плачешь, — сказала Бандра. Она не видела Мэриного лица, которое которое та прижимала к её плечу; должно быть, слёзы промочили ткань.

— Не волнуйся, — глухо сказала Мэри. — Просто обними меня.

И Бандра так и сделала.

Глава 44

Мои дорогие люди, дорогие Homo sapiens, мы продолжим наше большое путешествие, продолжим наш чудесный поиск, продолжим наш путь вперёд и ввысь. Это наша история, и это наше будущее. И мы не остановимся, не запнёмся, не сдадимся, пока не достигнем самых дальних звёзд.

Понтер и Адекор много времени проводили в штаб-квартире ООН, консультируя комитет, который пытался решить, следует ли продолжать строительство нового, постоянного портала между комплексом ООН и соответствующим местом острова Данкат. В конце концов, доказывали некоторые, если мужчины не смогут им пользоваться, то проект следует закрыть. Луиза Бенуа также была включена в этот комитет.

В Лаврентийской университете, разумеется, начались рождественские каникулы — что означало, что Мэри и Бандра не были привязаны к Садбери. Они решили слетать в Нью-Йорк, чтобы встретить Новый год с Луизой, Понтером и Аде-

кором на Таймс-сквер.

— Это невероятно! — говорила Бандра, почти крича, чтобы её было слышно за шумом толпы. — Сколько здесь народу?

— Обычно собирается где-то полмиллиона.

Бандро огляделась вокруг.

— Полмиллиона! Я не думаю, чтобы полмиллиона барастов вообще хоть когда-нибудь собирались вместе.

— Так почему вы празднуете новый год именно в этот день? — спросил Понтер. — Это не солнцестояние и не равноденствие.

— Гмм, — сказала Луиза. — Если честно, я не знаю. Мэри?

Мэри покачала головой.

— Без понятия. — Она заглянула Луизе в глаза и попыталась изобразить её квебекский акцент, перекрикивая при этом гомон толпы. — Но любой день подходит, чтоб устроить фи-и-есту! — Нет, улыбку на её лице увидеть пока не удастся; ещё слишком рано.

— Так что же будет сегодня вечером? — спросил Адекор.

Всё вокруг было залито неоновыми огнями.

— Видите вон то здание? — спросила Мэри, указывая рукой.

Адекор и Понтер кивнули.

— Когда-то там располагалась главная редакция газеты «Нью-Йорк Таймс» — вот почему это место зовётся Таймс-сквер. Так вот, видите флагшток на самом верху? Его высота семьдесят семь футов. Огромный шар весом в тысячу фунтов начнёт спускаться по этому флагштоку ровно в 23:59, и ему понадобится ровно шестьдесят секунд, чтобы достичь нижней точки. Когда это произойдёт, это будет знаком начала нового года, и начнётся грандиозное шоу фейерверков. — У Мэри была в руках сумка; все присутствующие получили такие в подарок от Департамента содействия бизнесу Таймс-сквер. — Когда шар коснётся нижней точки, полагается расцеловать тех, кого вы любите и крикнуть «С Новым годом». Но вам ещё надо будет подбросить в воздух содержимое ваших сумок. Они наполнены маленькими кусочками бумаги, которые называются конфетти.

Адекор покачал головой.

— Сложный ритуал.

— Звучит восхитительно! — сказала Бандра. — Я думаю… *Изумление! Изумление!*

— Что? — не поняла Мэри.

Бандра показала куда-то ей за спину.

— Это мы!

Мэри повернулась. Один из гигантских телеэкранов показывал Бандру и Мэри. На глазах у Мэри — это и правда было захватывающее зрелище — камера переместилась влево и показала Понтера и Адекора. Впрочем, через несколько секунд на экране появился мэр Нью-Йорка, машущий толпе. Мэри снова повернулась к остальным.

— Наше присутсвие не прошло незамеченным, — сказала она, улыбаясь.

Понтер рассмеялся.

— О, мы к этому уже привыкли.

— Вы приходите сюда каждый год? — спросил Адекор.

С неба падал негустой снег, и дыхание Мэри было ясно видно в холодном воздухе.

— Я? Я никогда здесь не была — но я каждый год смотрю эту церемонию по телевизору вместе с примерно 300 миллионами других людей по всему миру. Это уже традиция.

— Который сейчас час? — спросил Понтер.

Мэри глянула на часы; неонового света вокруг было достаточно, чтобы рассмотреть стрелки.

— Ещё только 23:30, — сказала она.

— О-о-о! — сказала Бандра, снова указывая на экран. — Теперь очередь Лу!

Гигантский экран теперь показывал крупным планом прекрасное лицо Луизы и то, как она очаровательно улыбается, заметив своё лицо на экране. Раздались одобрительные крики десятка тысяч мужских голосов. Что же, Памела Андерсон тоже начинала с появления на джамботроне[160]…

Изображение сменилось, и в кадре появился Дик Кларк в чёрном шёлковом пиджаке, стоящий на широком помосте, окружённом сотнями розовых и прозрачных воздушных шаров.

— Здравствуй, мир! — крикнул он, и потом, словно поправляя себя, с идеальной белозубой улыбкой: — Здравствуйте, *миры*!

Толпа взорвалась криками. Мэри начала хлопать в ладоши одетыми в варежки руками.

— И снова добро пожаловать на Рок-н-рольный новогодний бал Дика Кларка!

Снова крики. Повсюду вокруг них люди махали маленькими американскими флажками, которые раздавали вместе с сумками с конфетти.

— Это был *потрясающий* год, — сказал Кларк. — Год, в котором мы встретились с нашими давно потерянными братьями, неандертальцами. — На

---

[160] notes: 160

Карьера канадской актрисы Памелы Андерсон началась с появления её на телеэкране стадиона во время футбольного матча.

экране крупным планом появился Понтер, которому потребовалась секунда, чтобы определить место, откуда его снимают и помахать прямо в камеру — лицевая панель Хака ярко блестела в неоновой радуге.

Толпа начала скандировать: «Пон-тер! Пон-тер! Пон-тер!»

Мэри чувствовала, что вот-вот лопнет от гордости. Дик Кларк, однако, повёл свою речь дальше.

— Сегодня ночью наряду с известнейшими музыкальными коллективами нашего мира Крек Доналт исполнит своё величайшее произведение «Двое становятся Одним» — прямая трансляция из нашей студии в Голливуде. Но прямо сейчас мы… сэр, сэр, простите, но вы должны уйти.

Мэри растерянно смотрела на гигантский экран. Кларк был на помосте один.

— Простите сэр, но мы в эфире, — произнёс Кларк, обращаясь к пустому месту. Потом он повернулся и крикнул: — Мэтт, мы можем вывести отсюда этого клоуна?

По толпе пробежал ропот. Какую бы шутку ни пытался отколоть Кларк, она явно не сработала. Даже Бандра склонилась к Мэри и сказала:

— Похоже, он облажался…

Внезапно стоявший до тех пор спиной к ним

мужчина развернулся — непростое дело, если принять во внимание, что люди стояли как поленья в поленнице. Глядя прямо на Понтера, он сказал:

— Господи, это ты! Это ты!

Понтер вежливо улыбнулся.

— Да, я…

Но мужчина, выпучив глаза, оттолкнул Понтера в сторону и снова сказал: — Это ты! Это ты! — Похоже, он был решительно настроен идти прямиком сквозь толпу, и толпа, по большей части, расступалась перед ним.

— Иисусе! — вскричала женщина рядом с Бандрой, но Мэри не заметила, что могло её так расстроить. Она повернулась посмотреть на мужчину, который прошёл мимо Понтера и, к своему изумлению, обнаружила, что тот опускается на колени.

Из громкоговорителей снова донёсся голос Дика Кларка; в нём слышалась паника.

— Я не могу это сделать, пока он здесь!

Мэри ощутила, как вдруг резко пересохло в горле. Она протянула левую руку, пытаясь опереться на что-нибудь, чтобы не упасть. Бандра схватила её за руку.

— Мэри, с тобой всё хорошо?

Мэри заставила себя коротко кивнуть.

— Иисусе! — снова закричала женщина.

Но Мэри покачала головой.

— Нет, — сказала она едва слышно.

Нет, то был не Иисус.

То была Мария.

Пресвятая Дева Мария!

— Понтер, — позвала Мэри дрожащим голосом. — Понтер, ты видишь её? Ты видишь её?

— Кого? — спросил Понтер.

— Она прямо здесь, — сказала Мэри, показывая — и тут же одёрнула руку и перекрестилась. — Она прямо здесь!

— Мэре, здесь полмиллиона человек…

— Но она светится… — тихо сказала Мэри.

Понтер повернулся к Луизе, и Мэри заставила себя на секунду взглянуть в том направлении. Луизины карие глаза округлились, и она шептала что-то снова и снова, слишком тихо, чтобы Мэри могла услышать, но губы складывались в «*Mon Dieu, mon Dieu, mon Dieu…*»

— Видишь! — сказала Мэри. — Луиза тоже её видит! — Но ещё не договорив, Мэри засомневалась: к Деве, пусть и Пресвятой, вроде бы не обращаются словами «Боже мой, Боже мой, Боже мой…»

Взгляд Мэри словно сам собой сместился обратно к светящейся фигуре, стоящей прямо перед ней в окружении вздымающихся к небу зданий.

Бандра всё ещё держала Мэри за руку. Женщина по другую сторону от неё упала на колени.

— Мария! — воскликнула она. — Пресвятая Дева Мария!

Но она смотрела в совершенно другую сторону.

— Смотрите, — раздался голос — один из десятков тысяч звучащих одновременно голосов, но Мэри почему-то выделила его на общем фоне. — Корабль пришельцев!

Мэри подняла взгляд. Прожекторы шарили по чёрному пустому небу.

— Мэре! — Голос Понтера. — Мэре, что с тобой? Что происходит?

Человек впереди Мэри повернулся и запустил руку за пазуху. На какие-то полсекунды Мэри показалось, что он достаёт пистолет, но на свет появился толстый бумажник, набитый наличными. Он раскрыл его.

— Возьмите! — сказал он, суя несколько банкнот Мэри. — Вот, возьмите! Берите! — Он повернулся к Понтеру и протянул деньги и ему. — Возьмите! Возьмите! У меня их так много…

Откуда-то сзади донёсся громкий крик:

— Аллаху акбар! Аллаху акбар!

И спереди:

— Мессия! Наконец-то!

И слева:

— Да, да! Забери меня, о Господи!

И справа, распевно:

— Аллилуйя!

Мэри захотелось, чтобы у ней были чётки. Дева была здесь — прямо здесь — и кивнула ей, подзывая поближе.

— Мэре! — орал Понтер. — Мэре!

Позади Мэри кто-то рыдал. Впереди кто-то безостановочно смеялся. Кто-то закрывал лицо руками, кто-то хлопал в ладоши, или протягивал руки к небесам.

Мужчина кричал:

— Кто это? Кто там?

Женщина кричала:

— Уходи! Уходи!

И кто-то ещё кричал:

— Добро пожаловать на планету Земля!

В нескольких футах от себя Мэри увидела, как человек потерял сознание, но остался стоять, стиснутый толпой.

— Судный день! — кричал один голос.

— Первый контакт! — кричал второй.

— Махди! Махди! — кричал третий.

Неподалёку женщина читала нараспев:

— Отче наш, иже еси на небесах, да святится имя твое…

А рядом с ней мужчина причитал:

— Прости, прости, прости, я так виноват…

А кто-то ещё заявлял категорически:

— Этого не может быть! Так не бывает!

— Мэре! — сказал Понтер, хватая её за плечи и разворачивая лицом к себе, спиной к Пресвятой Деве. — Мэре!

— Нет, — смогла сказать Мэри. — Нет, отпусти. Она здесь…

— Мэре, здесь становится опасно. Нам надо выбираться отсюда!

Мэри вывернулась у него из рук, найдя в себе силы, о которых и не подозревала. Она сделает всё, лишь бы быть с Пресвятой Девой…

— Адекор, Бандра, быстро! — Голос Понтера, прошедший через транслятор, ворвался в её мозг, заглушая голос Святой Девы. Мэри подняла руки с согнутыми когтями пальцами, пытаясь выдрать из ушей кохлеарные импланты. Голос Понтера продолжал: — Нам нужно увести отсюда Лу и Мэре!

Белое сияние — идеально белое сияние —

теперь начало мерцать; по краям появились радужные переливы. Мэри чувствовала, как её сердце расширяется, её душа взмывает вверх, её…

Выстрелы!

Мэри взглянула вправо. Белый мужчина лет сорока достал пистолет и палил в какого-то невидимого демона; его лицо искажено ужасом. Прямо перед ним умирали люди, но Таймс-сквер была заполнена слишком плотно, и люди не могли упасть. Мэри увидела лицо сначала одного человека, затем второго, в тот момент, как их пронзала пуля.

Крики боли смешались с возгласами восторга.

— Бандра! — закричал Понтер. — Расчищайте нам дорогу! Я понесу Мэре. Адекор, бери Лу!

Мэри чувствовала как по её лицу струится пот, несмотря на зимний холод. Понтер собирается увести её от…

Нет, думала рациональная часть Мэри, сражаясь за доступ к её сознанию. Девы здесь нет.

Есть! кричала другая её часть. *Она здесь!*

Нет! Нет! Девы нет. Никакой Девы нет…

Но она была — её не могло не быть, потому что Мэри вдруг почувствовала, как её ноги отрываются от земли, и она взлетает…

Потому что её поднимает Понтер, выше, ещё выше, забрасывая её на своё широкое плечо. Бандра впереди расталкивала людей в стороны, словно кегли, заставляя людское море расступиться, открыть путь. Понтер бросался вперёд, спеша занять место, которое Бандра только что очистила, пока оно не схлопнулось под людским напором. На площади были места с пониженной плотностью людей — то, что ещё осталось от дорожек, предназначавшиеся изначально для подъезда машин аварийных служб, и Бандра проталкивалась к одной из них.

Мэри повертела головой по сторонам, пытаясь снова разглядеть сияние Девы Марии, и увидела Луизу, лежащую на плече у Адекора — оба следовали за Мэри и Понтером по пятам.

К ним подскочил мужчина с совершенно диким взглядом. Он ударил Понтера, который легко уклонился. Но тут на Понтера наскочил другой мужчина и заорал:

— Изыди, нечистая сила!

Понтер пытался уклоняться от ударов, но тщетно. Нападающий был словно одержим — хотя почему «словно», подумала Мэри. Он попал кулаком по широкой челюсти Понтера, и тот наконец вынужден был ответить, ударив на-

падающему открытой ладонью в грудь. Даже сквозь окружающую какофонию Мэри услышала треск ломающихся рёбер, и мужчина упал. Толпа хлынула в очищенное Бандрой пространство, и похоже было, что нападавшего сейчас затопчут, но Понтер рванулся вперёд и через несколько секунд уже протиснулся достаточно далеко, чтобы Мэри не смогла разглядеть, что стало с упавшим мужчиной.

Мэри у Понтера на плече нещадно швыряло и трясло, перед глазами всё прыгало, но внезапно она заметила, как гигантский светящийся шар начал свой спуск по флагштоку — геодезическая сфера шести футов в диаметре, покрытая уотерфордским хрусталём, освещённая изнутри и снаружи. Вряд ли кто-то сохранил достаточно рассудка, чтобы запустить процесс; наверняка всё контролировалось компьютером.

Стробоскопы. Прожектора. Лазерные лучи, прошивающие облака сухого льда.

Новые крики. Новые выстрелы. Звук бьющегося стекла. Завывание сирен. Лошадь пытается сбросить конного полицейского.

— Мария! — закричала Мэри. — Спаси нас!

— Понтер! — донёсся сзади голос Адекора. — Осторожно!

Мэри ощутила, как дёрнулась голова Понтера. Ещё один безумец пробирался к нему, в этот раз размахивая монтировкой. Понтер отклонился вправо, расталкивая людей в стороны и уклоняясь от удара по голове.

Бандра развернулась и схватила нападавшего за запястье. Снова Мэри расслышала хруст ломающейся кости, и монтировка упала на мостовую.

Мэри отчаянно вертела головой, высматривая Деву Марию. Гигантский шар почти завершил свой путь — и они почти выбрались с Таймс-сквер на 42-ю стрит.

Внезапно небо взорвалось.

Мэри вскинула голову. Владыка небесный! Это…

Но нет. Нет, просто компьютер, должно быть, контролировал не только опускающийся шар, но и фейерверк. Огромный павлиний хвост света начал раскрываться позади них, и в небеса взмыли красные, белые и синие ракеты.

Ноги Понтера поднимались и опускались, словно поршни машины. Толпа редела, и они уже двигались с приличной скоростью. Бандра по-прежнему держалась впереди, Адекор с Луизой на плече замыкал строй; так они и бежали все вместе в ночь и в Новый год.

— Мария! — звала Мэри Воган. — Святая Дева, вернись!

* * *

Штаб-квартира Объединённых Наций находится всего в миле к востоку от Таймс-сквер. Им понадобилось девяносто минут, чтобы добраться дотуда пешком, борясь с дорожным движением и толпами вдоль всего пути, но в конце концов они сделали это и без проблем попали внутрь — охранник-глексен узнал Понтера и впустил их.

Видения закончились вскоре после полуночи, прекратившись так же внезапно, как и начались. У Мэри раскалывалась голова; она чувствовала себя пустой и холодной внутри.

— Что ты видела? — спросила она Луизу.

Луиза медленно покачала головой, очевидно, припоминая ушедшее ощущение чуда.

— Бога, — сказала она. — Бога-отца, такого же, как на крыше Сикстинской капеллы. Это было… — Она поискала подходящее слово. — Это было само совершенство.

Остаток ночи они провели на двадцатом этаже здания Секретариата; они заснули в конференц-зале, под звуки доносящихся снизу криков и завывания сирен: видения кончились, но хаос

только начинался.

* * *

Утром они смотрели по телевизору обывочные новостные выпуски — некоторые каналы не работали вообще — пытаясь понять, что же всё-таки случилось.

К этому моменту коллапс магнитного поля Земли продолжался уже четыре месяца — впервые со времени появления сознания в этом мире. Напряжённость поля сильно флуктуировала, силовые линии непредсказуемо сходились и расходились.

— Ну, — сказала Луиза, глядя в экран телевизора, — нельзя сказать, что оно именно *зависло,* но…

— Но что? — спросила Мэри. Они обе были смертельно усталые, немытые и сильно исцарапанные.

— Я говорила Джоку, что главной проблемой, которую принесёт коллапс магнитного поля, будет не ультрафиолетовое излучение или что-то в этом роде. Скорее, говорила я, это будут эффекты, производимые им на человеческое сознание.

— Я почувствовала то же самое, что и в тестовой камере у Вероники Шеннон, — сказала Мэри, —

только гораздо ярче.

Понтер кивнул.

— А я, как и в камере Вероники, ничего не почувствовал, как и, я уверен, любой другой бараст.

— Однако все остальные на всей нашей планете, — сказала Мэри, делая жест в сторону телевизора, — похоже, пережили религиозное откровение.

— Или похищение инопланетянами, — сказала Луиза. — Или, на худой конец, встретились с чем-то, чего там на самом деле не было.

Мэри кивнула. Пройдут дни, если не месяцы, прежде чем точно подсчитают количество жертв и величину ущерба, но уже сейчас ясно, что сотни тысяч, если не миллионы людей погибли в канун Нового года или — к востоку от нью-йоркского часового пояса — в первый его день.

И, разумеется, ещё многие годы будут спорить о том, что это откровение — которое уже по крайней мере один телекомментатор назвал «День последний» — должно было означать.

Папа Марк II собирался обратиться к верующим сегодня после полудня.

Однако что он мог сказать? Одобрить видения Иисуса и Святой Девы, но отвергнуть сообщения

о встрече с божествами, пророками и мессиями, почитаемыми мусульманами и мормонами, индуистами и иудеями, сайентологами, викканами и маори, чероки и микмаками и алгонкинами и индейцами пуэбло, и интуитами, и буддистами?

А что сказать о тех, кто видел НЛО, серых пришельцев, многоглазых монстров?

Папе придётся очень многое объяснить.

Как и всем религиозным лидерам.

Адекор, Бандра и Луиза увлеклись очередным выпуском новостей «Би-би-си», освещающим события, которые произошли вчера на Ближнем Востоке. Мэри похлопала Понтера по плечу, и когда он обернулся, поманила его за собой на дальний край конференц-зала.

— Да, Мэре? — тихо сказал Понтер.

— Какое дерьмище, а? — сказала она.

Хак пискнул, но Мэри его проигнорировала.

— Слушай, я передумала. Насчёт нашего ребёнка…

Она увидела, как широкое лицо Понтера моментально погрустнело.

— Нет, нет! — поспешно сказала она, протягивая руку и касаясь его короткого мускулистого предплечья. — Нет, я по-прежнему хочу от тебя ребёнка. Но забудь, что я сказала в хижине Вес-

сан. У нашей дочери не будет «органа Бога».

Золотистые глаза Понтера что-то искали в её глазах.

— Ты уверена?

Она кивнула.

— Да, наконец, впервые в жизни я по-настоящему уверена в чём-то. — Она дала своей ладони скользнуть по его руке, и их пальцы переплелись.

Эпилог

С Нового года прошло уже шесть месяцев, и откровение больше не повторялось. Однако магнитное поле, охватывающее эту версию Земли, продолжало флуктуировать, так что не было гарантий, что однажды не произойдёт такой же стимуляции мозга Homo sapiens, как и в прошлый раз. Может быть лет через четырнадцать-пятнадцать, когда реверсия поля завершится, люди в мире Мэри — по поводу его общего названия консенсуса так и не возникло — смогут перестать беспокоиться о повторении видений.

Тем временем Вероника Шеннон и другие учёные, ведущие похожие исследования, стали телевизионными знаменитостями; пока мир приходил в себя и восстанавливался, они давали пояснения — по крайней мере, тем, кто был готов их слушать. В Северной Америке посещаемость церквей достигла рекордно высокого уровня — а потом рекордно низкого. Прекращение огня в Израиле пока держалось. Исламских экстремистов изгнали из всех стран арабского мира.

Но здесь, на Жантаре, в мире барастов, коллапс поля закончился больше десяти лет назад, и

жизнь текла так, как текла всегда — без мыслей о богах, демонах и пришельцах из глубин космоса.

Мэри Воган всегда хотела, чтобы её свадьба была летом — первая, с Кольмом, была в феврале. А поскольку по неандертальской традиции свадебная церемония проводится на открытом воздухе, правильный выбор времени года приобретал особую важность.

Церемония вступления в союз пройдёт здесь, в ненаселённой местности между Центром Салдака и его Окраиной. Мэри уже видела одну такую церемонию, когда вступали в союз дочь Понтера Жасмель Кет и Траон Ругал. Тогда обстановка сложилась очень неловкая: Даклар Болбай, бывшая опекунша Жасмель, обвинительница Адекора и, на короткое время, соперница Мэри за внимание Понтера, явилась туда незванной. Но даже если считать и её тоже, то гостей было очень мало — так было у барастов принято.

Но Мэри всегда хотела шумную свадьбу. Когда они с Кольмом завязали узелок, то пригласили лишь родителей, братьев и сестёр — получилась простенькая и, самое главное, недорогая свадьба, подходящая для их аспирантских заработков.

Но в этот раз народу собралось много, по крайней мере, по неандертальским меркам. Пришёл

Адекор вместе со своей партнёршей Лурт и сыном Дабом. Пришли родители Понтера, двое самых приятных представителей 142-го поколения, каких она встречала. И дочери Понтера Жасмель и Мега тоже были здесь, как и партнёр Жасмель Траон. Присутствовали также Хапнар и Дрэнна со своими партнёрами. Как и Луиза Бенуа — потому что Мэри желала, чтобы на её свадьбе была подружка невесты, а у барастов такой традиции не было. А также, по собственной просьбе — а кто бы ему отказал во время празднования тысячемесячной годовщины изобретённых им компаньонов, освободивших народ барастов — сам Лонвес Троб, теперь уже в возрасте совершенно немыслимых 109 лет и лишь в немного худшей форме после установки механического сердца.

Ни одна из присутствующих женщин ещё не показывала признаков, но скоро станет очевидно, что поколение 149 приближается своим чередом: Мэри уже была беременна, так же, как и Лурт, Жасмель, Хапнар и Дрэнна.

Понтер ещё не появлялся. По традиции мужчина перед вступлением в союз отправляется на охоту и приносит добычу в качестве подарка невесте. Мэри же со своей стороны насобирала в качестве свадебного подношения огромное коли-

чество кедровых орехов, кореньев и съедобных грибов.

— Папа идёт! — закричала маленькая Мега. Мэри присмотрелась. Далеко на западе на самом горизонте появился Понтер. Он что-то нёс в каждой руке, хотя Мэри не могла рассмотреть, что.

— А вот и мама! — сказала Хапнар, указывая на восток. Точно, оттуда к ним приближалась Бандра.

Понтер говорил, что двойные церемонии устраивают нечасто, но Мэри подумала, что в данном случае это будет весьма уместно: заключить союз с Понтером как партнёром и Бандрой как партнёршей одновременно. Небо над головой было безоблачно, воздух прогрет и сух. Мэри чувствовала себя великолепно — она влюблена, любима, и любит жизнь.

Понтеру и Бандре нужно было пройти одинаковый путь, но местность на западе была тяжелее, так что Бандра добралась до поляны первой. Она обняла дочерей, потом поприветствовала родителей Понтера — её собственные жили слишком далеко, но, как было известно Мэри, следили за церемонией через передачу компаньона Бандры. Потом Бандра подошла к Мэри и поцеловала её.

Бандра выглядела такой счастливой, что сердце

Мэри было готово взорваться от радости. Бандра уже многие месяцы не видела Гарба: её партнёр знал, что она переехала в другой мир, но не предприняла никаких шагов к разрыву своего союза с ним — потому что, как она сказала, в этом случае он стал бы искать другую партнёршу. Возможно, в какой-то момент он сам решит разорвать их союз… но хватит о Гарбе, решила Мэри. Сегодня день заключения союзов, а не их разрыва.

На спине Бандры был рюкзак, который она теперь опустила на землю. Он содержал её подношение пищи для Мэри. Мэри принесла вдвое больше, но лишь половина предназначалась Бандре — остальное было для Понтера.

Вскоре — наконец-то! — прибыл и Понтер. Мэри с удивлением осмотрела его ношу. Когда Жасмель вступала в союз с Траоном, тот появился с тушей свежеубитого оленя на плечах; от вида струящейся из многих ран крови Мэри тогда стало дурно. Но Понтер нёс в руках два больших кубических контейнера — Мэри опознала в них хранилища-термостаты. Она вопросительно посмотрела на него, он он лишь отставил контейнеры в сторону. После этого он обнял Мэри, и они стояли так, наслаждаясь близостью друг друга, довольно долгое время.

На церемонии не требовалось никакого официального присутствия: ведь всё и вся записывается несколькими компаньонами с нескольких точек зрения и сохраняется в архивах алиби. Так что они просто начали: Мэри в центре, Понтер по одну сторону от неё, Бандра — по другую.

Мэри повернулась к Понтеру и заговорила на неандертальском языке, который она изучала последние полгода под терпеливым руководством Бандры.

— Я обещаю, дорогой мой Понтер, держать тебя в сердце двадцать девять дней в месяц, и держать тебя в руках, когда Двое становятся Одним.

Понтер взял Мэри за руку. Она продолжала:

— Я обещаю, что твоё здоровье и твоё счастье будут для меня так же важны, как и мои собственные. Если ты когда-нибудь устанешь от меня, я обещаю отпустить тебя, не тая зла, и наилучшим образом позаботиться о благополучии наших детей.

Золотистые глаза Понтера сияли. Мэри повернулась к Бандре.

— Я обещаю, дорогая моя Бандра, держать тебя в сердце двадцать девять дней в месяц, и держать тебя в руках, когда Двое Порознь. Я обещаю, что твоё здоровье и твоё счастье будут для меня так

же важны, как и мои собственные, и если ты когда-нибудь устанешь от меня, я обещаю отпустить тебя, не тая зла.

Бандра, которая, в свою очередь, теперь владела английским почти свободно — по крайней мере, теми словами, что могла произнести — тихо произнесла по-английски:

— Устану от тебя? Даже через тысячу лет…

Мэри улыбнулась и снова повернулась к Понтеру. Теперь была его очередь говорить, и он заговорил:

— Я обещаю, — сказал он своим необычайно глубоким резонирующим голосом, — держать тебя в сердце двадцать девять дней в месяц, и держать тебя в руках, когда Двое становятся Одним. Я обещаю, что твоё здоровье и твоё счастье будут для меня так же важны, как и мои собственные. Если ты когда-нибудь устанешь от меня, я обещаю отпустить тебя, не тая зла, и наилучшим образом позаботиться о благополучии наших детей.

Мэри сжала руку Понтера и повернулась к Бандре, которая повторила те же слова клятвы, что только что произнесла Мэри, и добавила по-английски:

— Я люблю тебя.

Мэри снова поцеловала Бандру.

— Я тоже тебя люблю, — сказала она. Потом повернулась и поцеловала Понтера, долго и крепко. — И ты тоже знаешь, как я тебя люблю, мой великан.

— Союз заключён! — закричала Мега, хлопая в ладоши.

Адекор приблизился и обнял Понтера.

— Поздравляю!

Луиза обняла Мэри.

— *Félicitations, mon amie!*

— А теперь, — воскликнул Понтер, — будем пировать!

Он подошёл к кубическим контейнерам, которые принёс, и открыл их. Изнутри они были покрыты металлической фольгой. Понтер вытащил большой бумажный пакет из одного, потом из второго, и Мэри разглядела на них знакомый рисунок седовласого глексена с козлиной бородкой и в очках.

— *Изумление!* — воскликнула она по-неандертальски. — Kentucky Fried Chicken!

Понтер улыбался от уха до уха.

— Для тебя, дорогая — только самое лучшее.

Мэри улыбнулась в ответ.

— О да, дорогой мой, — сказала она. — Лучшее из двух миров.

Благодарности

За консультации в области палеонтологии и антропологии я благодарен Майклу К. Бретту-Сарману, Ph.D., и Рику Поттсу, Ph.D., оба из Национального музея естественной истории; Филиппу Либерману, Ph.D., из Университета Брауна; Роберту Ридингтону, Ph.D., Professor Emeritus, Университет Британской Колумбии; Гэри Сойеру (не родственнику) и Иэну Таттерсоллу, Ph.D., оба из Американского музея естественной истории; Милфорду Х. Уолпоффу, Ph.D., из Мичиганского университета; а также другим экспертам, перечисленным в секции благодарностей моей предыдущей книги, «Гоминиды».

За консультации в области генетики и инфекционных заболеваний я благодарен Джорджу Р. Кармоди, Ph.D., с факультета биологии Карлтонского университета; Питеру Халасу; Хасану Масуму, аспиранту Карлтонского университета; Элисон Синклер, Ph.D.; и Эдварду Уиллетту. За советы в других областях медицины, фигурирующих в сюжете, я благодарю эндокринолога Кристофера Ковача, M.D., из Центра проблем здоровья Мемориального университета Ньюфа-

ундленда.

За информацию о Нейтринной обсерватории Садбери и возможность её посетить я благодарю Арта Макдональда и Дж. Данкана Хэпберна, Ph.D.

За привлечение моего внимания к теориям об электромагнитной природе сознания я благодарю Норма Нельсона. Две из этих теорий, схожие во многих аспектах, были недавно предложены независимо друг от друга Джонджо Макфадденом, Ph.D., с факультета биологии и биомеханики Университета Суррея, и Сьюзан Покетт, Ph.D., с физического факультета Оклендского университета. Для тех, кто хочет подробнее ознакомиться с ними Макфадден даёт подробный обзор в заключительной главе своей книги *Quantum Evolution: The New Science of Life (*HarperCollins UK, 2000; W. W. Norton USA, 2001); Покетт же посвятила своей версии этой теории целую книгу *The Nature of Consciousness: A Hypothesis* (Writers Club Press, 2000).

В «Людях», предыдущей книге трилогии, многое строилось вокруг палеомагнитных свидетельств в пользу того, что в прошлом магнитное поле Земли схлопывалось очень быстро. Поскольку это исследование фигурирует также и в этой книге, я приглашаю интересующихся ознакомиться

с оригинальным исследованием Роберта С. Коу и Мишеля Прево «Свидетельства в поддержку экстремально быстрых вариаций геомагнитного поля при смене полярности» в «Earth and Planetary Science Letters», 92:292-98 (1989) и последующей работой Коу, Прево и Пьера Кампа «Новые свидетельства в пользу чрезвычайно быстрого изменения напряжённости геомагнитного поля во время реверсий» в «Нейчур», 374:687-92 (1995). За другие советы в области геомагнитных реверсий я благодарю К. Маккормика и Ариэля Райха, Ph.D.

Огромное спасибо моей любимой жене Каролин Клинк; моему редактору Дэвиду Дж. Хартвеллу и его помощнику Моше Федеру; моему агенту Ральфу Вичинанце и его помощникам Кристоферу Лоттсу и Винсу Джерардису; Тому Догерти, Линде Квинтон, Дженнифер Маркус, Дженнифер Хант, Ирэн Гало и всем остальным в издательстве «Тор Букс»; Гарольду и Сильвии Фенн, Роберту Говарду, Нейди Уинтер, Мелиссе Кэмерон, Дэвиду Леонарду, Стиву Сент-Аманту и всем остальным сотрудникам «H. B. Fenn and Company».

Также я благодарю друзей и коллег, которые позволяли мне испытывать на них свои идеи или помогали мне иными способами, в том числе

Линду Карлсон, Марселя Ганье, Джеймса Алана Гарднера, Эла Катеринski, Герба Кодерера и Роберта Чарльза Уилсона. Бета-тестерами этой книги были Тэд Блини, Каролин Клинк, Дэвид Ливингстон Клинк, Ричард Готлиб, Питер Халас, Говард Миллер, Ариэль Райх, Алан Б. Сойер, Салли Томашевич, Эдо ван Белком и Дэвид Уиддикомб.